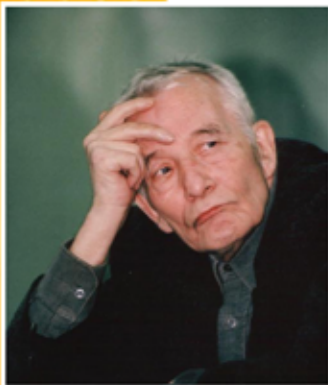

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Международная научная конференция

**Будущее
социологического знания
и вызовы
социальных
трансформаций
(к 90-летию В. А. Ядова)**

Материалы конференции

Москва
2019

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

**Будущее социологического знания
и вызовы социальных трансформаций
(к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова)**

Международная научная конференция
Москва, 28–30 ноября 2019 г.

Сборник материалов

Москва
2019

УДК 316
ББК 60.5
Б 90

Мероприятие проводится при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(Грант № 19-011-20134)
и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

Б 90 **Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). [Электронный ресурс].** Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — С. 903.

DOI: [10.19181/yadov_conf.2019](https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019)

ISBN: 978-5-89697-316-4

УДК 316
ББК 60.5

Содержание

Секция 1.

В. А. Ядов в истории современной социологии..... 13

- А. О. Бороноев.* Первый социологический симпозиум (1966) как результат детальности «шестидесятников» 14
- Ю. Р. Вишневский.* В. А. Ядов и возрождение отечественной социологии молодежи, ее поворот к субъект-субъектному и ресурсному подходу..... 17
- Б. З. Докторов.* В. А. Ядов и биографический анализ истории российской социологии 23
- Г. Е. Зборовский.* Возрождение (второе рождение) социологии в СССР в 1950–1960-е гг. 27
- Л. А. Козлова.* В. А. Ядов и психология: постановка исследовательского вопроса..... 30
- В. В. Козловский, Р. Г. Браславский.* Ленинградская и петербургская социологическая школа: единая или множественная? 36
- В. В. Костюшев.* «Ленинградская социологическая школа»: индивидуальные и коллективные исследовательские практики 40
- А. Н. Малинкин.* Полипарадигмальный подход В. А. Ядова, моя критика и контркритика..... 46
- П. Давей.* В. А. Ядов – ученый с духом гуманизма 54
- Н. Г. Скворцов.* Роль В. А. Ядова в становлении социологического образования в России 58

Секция 2.

Социальные измерения российской модернизации

в глобальном и региональном масштабе..... 62

- О. В. Аксенова.* Тенденции регресса в российских локальностях как результат модернизации 63
- Д. А. Аникин.* Динамика культурной памяти в транзитивном обществе.. 66
- М. В. Артамонова.* Университеты: разрыв в ценностных ориентирах ППС как результат трансформации российской высшей школы..... 69
- А. М. Астахов.* Вызовы развития политической системы России в среднесрочной перспективе 74
- О. А. Башева.* Трансформации российских мегаполисов на примере Москвы и Казани (в восприятии горожан)..... 77
- Ю. М. Вассерман.* Дифференциация показателя модернизации культуры в региональной социальной общности 81
- Г. Д. Гриценко.* Социальные процессы в северокавказском регионе: состояние и перспективы 86
- Г. С. Денисова.* Этническая специфика представлений об интегрирующих ценностях российской нации..... 89
- Ю. В. Дергунов.* Потенциал теории зависимости в изучении постсоциалистических социальных трансформаций..... 93
- Л. М. Дробизева.* Турбулентность деполитизации полиэтнического пространства России 99
- Ю. А. Еременко.* Культурные ценности в системе коммерциализации современных российских городов: опыт Всемирного культурного наследия Великого Новгорода и Пскова..... 103

<i>Н. В. Коровицына.</i> Чешские образцы восточноевропейского пути развития	109
<i>М. А. Красильникова.</i> Уберизация российской экономики: анализ социальных рисков	112
<i>И. М. Кузнецов.</i> Модели изменения ценностных смыслов в современной России: к постановке проблемы	117
<i>А. В. Курочкин.</i> Коммуникативная эффективность государства как фактор устойчивости социального развития в условиях рисков новой глобализации	120
<i>Н. С. Масстикова.</i> Ценностный аспект процесса модернизации: сравнение ценностей россиян и европейцев (на основе данных ESS за 2016 г.)	123
<i>Н. А. Мингишева.</i> Молодежная культура в Казахстане: глобальный, региональный и локальный уровни	128
<i>В. И. Мукомель.</i> Интеграция и трансформация идентичностей внутрироссийских мигрантов	131
<i>Л. В. Намруева.</i> Современное село Калмыкии: динамика социальных изменений	134
<i>У. Г. Николаева.</i> Архаизационные тренды в современном российском обществе: методологические вопросы и анализ социально-экономических практик	137
<i>С. А. Панкратов, Л. С. Панкратова.</i> Модернизация российского общества и государства в условиях институционализации глобальной цифровой экономики и политики	140
<i>Ю. М. Пасовец.</i> К вопросу о соотношении социальной трансформации и социального «транзита»	144
<i>Ю. А. Петровская.</i> Инновационный тип личности в условиях новой технологической революции: проблемы понимания и формирования в российских реалиях	148
<i>К. В. Подъячев.</i> Вызовы цифровизации и реакция социума: социально-философские основания и опыт российских локальных сообществ	154
<i>А. В. Решетников, Н. В. Присяжная.</i> Медицина будущего: социологический анонс	157
<i>Д. В. Руденкин.</i> Первые «цифровые аборигены»: что характерно интернет-поведению современной российской молодежи?	163
<i>С. В. Рыжова.</i> Роль массовой российской религиозности в формировании культуры доверия	170
<i>Т. И. Черняева.</i> Ресурсы медиации в муниципальных образованиях: культурные контексты и социальные технологии	173
<i>Е. Н. Ядова.</i> Социальные измерения развития современного российского общества в векторе цифровизации и новейших технологий четвертой промышленной революции	177
<i>О. А. Якимова.</i> Факторы динамики отношения к иностранным мигрантам в России	181
<i>О. Н. Яницкий.</i> Переходный период: вызовы и риски	188
<i>Mirosława Grabowska.</i> Transformations of the Polish Political Scene After 1989. From Post-communist Cleavage to Class Cleavage?	193
<i>Tamás Pál.</i> Re-Configuration of the Path/Dependency Controversy in the New Russian Discourse of Geostrategies (Does a Sort of Post-Jadovism Exist in the Russian Futuristic Thinking?)	194
<i>Tadeusz Szawiel.</i> Populism and the Populist Right Parties Voter: Who and Why Votes for Populist Right Parties in Poland and EU Countries	196

Секция 3.**Социология и идеология: снятая дилемма или новые вызовы?****Столкновение методологии с этикой? 197**

- Р. Н. Абрамов.* Рождение и эволюция индустрии влияния в России, начиная с 1990-х гг.: идеологии «пиара» вместо коммунизма 198
- А. В. Гавриков.* Роль партийной идеологии в системе партстроительства в период постсоветской трансформации..... 204
- В. И. Ильин.* Модели социальной мобильности выпускников социологических факультетов (на примере СПбГУ) 207
- А. В. Пацула, Р. В. Ленков.* Бразильская модель запрета гуманитарных наук (Bossa Nova вместо Вольтера)..... 212
- А. Я. Сарна.* Социология и идеология техники: три версии будущего 216
- И. А. Халий.* Место и роль науки в современном российском обществе 221

Сессия 4.**Методологический разговор 1. Теории и понятия 224**

- Т. З. Адамьянц.* Аналитические схемы социологического поиска как сложные смысловые конструкторы 225
- Р. Г. Браславский.* Смена моделей метатеоретизирования в социологии в контексте дисциплинарной реконфигурации социальных наук 229
- К. А. Гаврилов.* Ответственность и риск: опыт соотнесения с использованием «психометрической парадигмы» 235
- А. Б. Гофман.* Был ли Дюркгейм рационалистом?..... 243
- И. Ф. Девятко.* Природа повседневных нормативных и оценочных суждений: ресурсы теоретического описания и «трудные вопросы» социологической метатеории..... 249
- И. В. Катерный.* Новая социальность в эпоху постгуманизма: на пути к социологии 2.0 253
- Н. И. Лапин.* Вызовы социокультурной трансформации России и потребность в конституционной социологии 259
- А. Мерт.* Проблема самосознания в «Элементарных формах» Дюркгейма..... 263
- Г. Б. Орланов.* «Смерть детерминизма» в социологии: есть ли альтернатива? 265
- Н. В. Романовский.* Текущий дискурс будущего социологии 271
- О. В. Терещенко.* Анализ жизненных путей в исследованиях динамики общества..... 274
- Д. К. Тихазе, А. С. Курилова.* Личные ценности и их формирование 279
- А. В. Ходыкин.* Систематизация трактовок взаимосвязи физического и социального пространств в социологических теориях..... 285
- И. А. Чудова.* Рефлексивность практик учебного чтения как приобретенная методологическая установка: движение от Бурдьё к Гидденсу 291
- В. И. Шамшурин.* О социологии религии (или В. А. Ядов о смыслах и сущностях бытия) 298
- Ю. С. Шкурко.* Инспирированные биологическими науками социологические исследования социального неравенства..... 304

Секция 5.**Методологический разговор 2.****Методы сбора социологических данных:****современное состояние и новые направления.....309**

- М. Ю. Александрова.* Современные методы интеллектуальной работы с текстовыми данными: замена или дополнение традиционному инструментарию социолога? 310
- Л. А. Бархатова.* Опыт применения смешанной методологии для изучения взаимодействий в профессиональном социологическом онлайн-сообществе 314
- П. К. Залесский.* Комбинация онлайн и офлайн опросов в России: проблемы и поиск решений 320
- В. В. Костюшев.* Социология события: возможности событийного и ситуационного анализа, сопряженность методов в социологическом исследовании социального протеста 327
- А. В. Кученкова.* Big Data как источник информации для изучения субъективного благополучия: возможности и ограничения 332
- М. А. Подлесная.* Дневниковый метод в изучении религиозного поведения (на примере исследования православных сообществ) 337
- Ж. В. Пузанова, Т. И. Ларина.* Техника обогащенного мнения: опыт эмпирического использования 341
- З. Х. Саралиева, С. А. Судьин.* Трудности перевода: опыт компаративного исследования школьного насилия 346
- А. В. Чиркова.* Проблемы многомерного анализа данных о здоровьесберегающем поведении 350

Секция 6.1.**Новые формы социально-экономических неравенств****и их отражение в массовом сознании.....355**

- Е. М. Аврамова.* Социальная стратификация российских миллениалов 356
- В. А. Аникин.* Прекаризация среднего класса в современной России: что представляют собой гетерогенные средние слои? 360
- А. В. Каравай.* Неравные возможности в выборе стратегий адаптации как фактор углубления социальных неравенств в российском обществе... 363
- Н. Д. Коленникова.* Статусный подход к стратификации занятого населения современной России 368
- Л. В. Константинова.* Образование – сфера новых неравенств 373
- Ю. П. Лежнина.* Запрос населения к государству как основа обновления общественного договора: специфика позиции среднего класса 379
- Д. М. Логинов.* Внутренняя дифференциация молодежных групп 385
- С. В. Мареева.* Восприятие социальных неравенств населением: вызовы и возможности для социальной политики 389
- С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк.* Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики 394
- Е. В. Реутов.* Горизонт планирования личного будущего в российской провинции 400
- А. В. Струченков.* Представление жителей Донецкой Народной Республики о бедности 406
- П. Е. Сушко.* Информационные работники на российском рынке труда: новые вызовы или воспроизводство структурных проблем 411
- А. А. Тихонов.* Влияние изменений в системе неравенств на особенности финансового поведения россиян в 2003–2008 гг. 416

<i>Н. Е. Тихонова. Средний класс в современной России: особенности идентичностей и мировоззрения</i>	420
<i>Г. Л. Тульчинский. Новые идентичности и социальные неравенства</i>	426

Секция 6.2.

Динамика социально-политических перемен в стране

и их отражение в массовом сознании.....431

<i>А. М. Алмакаева. Динамика доверия и готовности к объединению</i>	432
<i>В. Н. Аргунова, С. В. Бояринцева. Диагностика нравственного состояния общества: опыт количественного измерения</i>	436
<i>С. П. Барматова. «Множественная правда» как технология влияния на общественное сознание</i>	440
<i>О. А. Башева. Новые формы волонтерства как ответ на природные и социальные вызовы.....</i>	443
<i>Т. А. Гужавина. Доверие как базовый нематериальный ресурс развития общества</i>	447
<i>В. Г. Зарубин. Эффект автономии в ситуации турбулентности: опыт социологического анализа.....</i>	452
<i>А. Н. Курюкин. Современное российское правосознание и запрос на перемены.....</i>	455
<i>Ю. В. Латов. Актеры и сила запроса на перемены в современной России (социально-политический контекст).....</i>	460
<i>Н. В. Латова. Актеры запроса на перемены в современной России (социально-психологический контекст)</i>	466
<i>М. Г. Мацкевич. Представления граждан России об историческом прошлом: отношение к историческим событиям и историческим деятелям (на материалах массового опроса)</i>	472
<i>М. В. Морев. Новый этап социальных трансформаций: угрозы и перспективы</i>	476
<i>А. В. Мытиль, О. Н. Дудченко. Солидарность в территориальном гражданском активизме: вопросы и перспективы</i>	482
<i>А. А. Овсянников. Типология самоорганизации жителей коттеджных поселков</i>	488
<i>Р. В. Петухов. Укрупнения муниципальных образований как социально-политический феномен</i>	495
<i>В. Л. Римский. Факторы справедливости и несправедливости в российском обществе и государстве</i>	501
<i>Tomáš Kostelecký. Spatial Dimension of Social Polarisation in Contemporary Czechia</i>	507

Секция 7.

Российское общество и власть — социологические проблемы

реформирования властно-управленческих отношений 508

<i>А. В. Алейников, А. И. Стребков, А. Н. Сунами. Конфликтный стиль российской версии «общества риска»</i>	509
<i>В. С. Богданов. Проблемы исследования обратной связи как фактора институционализации управления в новых условиях цифровизации общества</i>	514
<i>К. В. Быков. Развитие системы управления историко-культурным наследием в региональном разрезе</i>	519
<i>Л. А. Василенко. Применение гибких исследовательских подходов в социологии управления</i>	523
<i>Е. А. Васильева. Ценностная трансформация как аспект административной реформы (на примере Республики Саха (Якутия)).....</i>	529

<i>А. А. Вейхер.</i> Субъектно-сетевой вариант деятельностно-активистского подхода: к методологии применения	532
<i>Н. А. Вишнякова.</i> Оценка населением деятельности органов исполнительной власти региона (на примере мониторинговых исследований в Республике Мордовия)	540
<i>А. В. Гавриков.</i> Постсоветские модели партийных систем Беларуси и Украины: общее и специфическое (на примерах социетальных расколов)	543
<i>К. Э. Гусейнова.</i> Оценка уровня инновационного (научно-технологического) развития регионов в контексте проблем пространственного взаимодействия	548
<i>Ю. А. Дроздова.</i> Локальная идентичность горожан: история и трансформация (на материалах глубинных интервью)	553
<i>Г. В. Еремичева, Г. А. Меньшикова, Н. А. Пруель.</i> Социальная аналитика как современный тренд социологии государственного управления	557
<i>Е. Н. Заборова.</i> Управление агломерацией: позиции социальных акторов	560
<i>В. В. Зотов.</i> Публичное управление как конфигурирование релятивных социальных сетей	563
<i>В. М. Капицын.</i> Функционалистские подходы к властным регуляторам (в применении к системе международных отношений)	566
<i>А. Н. Курюкин.</i> Власть, управление, правосознание: проблемы соотношения	574
<i>В. Г. Ледяев, А. Е. Чирикова.</i> Субъекты власти в малом российском городе	579
<i>Р. В. Ленков, А. В. Пацула.</i> Пять тезисов об образовании для будущего: социокультурный ответ	583
<i>И. А. Морайта.</i> Административные реформы в Аргентине и России: сравнительный анализ	588
<i>Н. В. Проказина.</i> Социологическая культура государственных гражданских служащих: диспозиционный подход к исследованию	597
<i>А. Н. Расходчиков.</i> Социологическое сопровождение программы реновации жилья: методы и результаты	600
<i>Е. В. Резанова.</i> Бизнес-ассоциации во взаимодействии предпринимательского сообщества и власти	604
<i>Г. В. Рябцовский, О. В. Лактюшина.</i> Правовая социология как метод исследования Институтов публичной власти	607
<i>И. А. Савельев.</i> Полисубъектность как фактор институционализации современного управления	611
<i>В. А. Шилова.</i> Методологический подход и методы анализа социально-коммуникативных механизмов интенциональности в работе органов власти и управления	614

Секция 8.

Трансформация социальных идентичностей и субъектности.....617

<i>Д. А. Аникин.</i> Великая Отечественная война в коллективной памяти религиозных сообществ	618
<i>Е. С. Бердышева.</i> Интерпретации цен российскими потребителями в (пост)кризисной рыночной экономике: от веры в государство до экономической автономии, и обратно	621
<i>М. В. Богданова.</i> Профессор в трансформируемом университете: право на будущее	627
<i>О. Е. Бредникова.</i> «Mobilis in mobile»: к вопросу о специфике мобильного субъекта (на примере трудовых мигрантов из Средней Азии)	631

<i>И. С. Гаврилова.</i> Медико-социальные потребности пациентов как основа социальных практик.....	636
<i>С. Г. Климова, И. А. Климов.</i> Социально-экономические механизмы и организационные ресурсы советского шепства и современного корпоративного волонтерства	643
<i>С. Д. Лебедев.</i> О религиозной идентичности в современном мире в свете диспозиционной концепции личности В. А. Ядова.....	647
<i>В. С. Магун, М. Г. Руднев.</i> Динамика базовых ценностей российского населения: 2006–2018	651
<i>Л. А. Окольская.</i> Родительские ценности жителей российских регионов и их трансформация с 1990 по 2017 г.	654
<i>М. Р. Осипова.</i> Европеизация образа жизни молодых россиян в Испании.....	658
<i>Е. В. Полухина.</i> Жилищная мобильность рабочих в постсоветской России	662
<i>Е. Ю. Рождественская.</i> Образовательно-профессиональные траектории управленческой элиты.....	670
<i>Д. В. Руденкин, А. С. Зотова.</i> Ценностное несовершенство общества в восприятии российской городской молодежи: опыт эмпирического анализа	674
<i>Л. А. Сабурова.</i> Здоровье как объект общественного и индивидуального проектирования в информационном обществе: перераспределение полей символической власти	681
<i>И. Н. Трофимова.</i> Ценность образования в контексте изменения жизненных приоритетов россиян.....	686
<i>А. Е. Чурикова.</i> Муниципальная власть в России: субъекты, мотивация, лидерство	689
<i>Л. С. Шилова.</i> Трансформация профессиональных ценностей врачей вследствие реформирования здравоохранения	693
<i>Karine Clement.</i> The Russian “Vatniki” and the French “Yellow Vests”: An Attempt to Understand the We-Lower Class People.....	697
<i>Krzysztof Kosela.</i> The Polish-Russian Research on Collective Identifications: The Beginnings and the Present State.....	700
<i>Krystyna Ewa Siellawa-Kolbowska.</i> Polish Youth During Recent 25 Years: Changes in Identities.....	701

Секция 9.

«Человек и его работа» — трансформации в сфере труда и фокус новых исследований.

Как трансформируются взаимоотношения между Человеком, Трудом и Капиталом.....	702

Сессия 9.1. Методология и практика исследований

традиционных проблем труда в свете новых вызовов	703

<i>Г. Р. Баймурзина.</i> Социальные резервы труда в контексте прорывных национальных проектов России	703
<i>Г. П. Бессокирная, Г. Г. Татарова.</i> Человек и его работа: от «отношения к труду» к «субъективному благополучию в сфере труда»	708
<i>О. Б. Божков.</i> Интерес к делу как определяющий мотив труда.....	713
<i>Т. В. Гаврилюк.</i> Жизненный путь молодежи нового рабочего класса: образовательные, карьерные и семейные траектории	718
<i>И. А. Грошева.</i> Человек и труд в условиях цифровой трансформации ..	720
<i>Д. С. Попов, Н. Д. Воронина.</i> Образование взрослых и человеческий капитал на рынке труда: Россия на фоне стран ОЭСР ...	726

<i>О. А. Симонова.</i> Эмоционализация труда в социологии и обществе: практики, этика и самоидентичность	733
<i>А. П. Соловей.</i> Показатели удовлетворенности работой женщин-исследователей Национальной академии наук Беларуси.....	738
<i>А. Л. Темницкий.</i> Эволюция концептуальных моделей отношения к труду	742

Сессия 9.2. Прекарность труда: новые лики эксплуатации и самозаэксплуатации... 747

<i>Р. И. Анисимов.</i> В ловушке неформальности	747
<i>М. Б. Буланова.</i> Прекарность труда в сфере образования.....	752
<i>С. Ю. Демиденко.</i> Временное как постоянное? О мотивации к труду нестабильно занятой молодежи	757
<i>В. А. Никонов.</i> Самозанятость граждан: перспективный переход от адаптации к рынку до полноценного малого бизнеса	763
<i>Г. Б. Орланов, А. И. Орланова.</i> Нестабильная занятость в контексте концепции достойного труда: динамика двух десятилетий	769
<i>А. В. Попов, Т. С. Соловьева.</i> Трансформационные процессы в сфере труда, или еще раз о категориальной сущности понятий «прекаризация занятости» и «неустойчивая занятость»	774
<i>Ж. Т. Тощенко.</i> Превращенные формы эксплуатации труда в современной России: новые реалии	780
<i>И. О. Шевченко.</i> Прекаризация работников: опыт расчета коэффициента прекарности	782

Сессия 9.3. Рынок труда: изменения, противоречия и вызовы в условиях перехода от 5 к 6 технологическому укладу..... 790

<i>С. А. Александрова.</i> Цифровой нomaдизм как современная модель трудовой занятости сквозь призму ценностных ориентаций молодежи ..	790
<i>Ю. В. Васькина, М. А. Стрелина.</i> Совмещение учебы и работы: социальные аспекты стремления студентов к финансовой независимости.....	793
<i>В. А. Гимпельсон.</i> Динамика заработной платы: эффекты возраста и поколения.....	796
<i>А. В. Ермилова, А. А. Сударииков.</i> Специфика активизации пенсионеров на рынке труда в восприятии лиц среднего возраста.....	799
<i>Е. А. Заруцкая.</i> Нестандартные формы занятости: возможности и угрозы для работников.....	804
<i>М. Н. Муханова.</i> Занятость сельского населения в неформальном секторе на рынке труда в изменяющемся агропромышленном комплексе.....	808
<i>И. В. Соболева.</i> Объективные и субъективные индикаторы заработной платы	812
<i>С. А. Юшкова.</i> Стратегии пенсионного поведения граждан предпенсионного возраста: опыт эмпирического исследования.....	815

Сессия 9.4. Работник в организации: традиционные практики и новые требования..... 820

<i>Н. В. Авдошина.</i> Соответствие системы подготовки кадров новым требованиям к работнику в условиях четвертой промышленной революции	820
<i>Ю. В. Андреева.</i> Между «менеджером станка» и «изобретателем-рационализатором»: ценности творчества и рационализаторства у молодых рабочих и специалистов промышленных предприятий	823

<i>Н. В. Гончарова.</i> Молодые рабочие и специалисты: предпринимательские компетенции инновационной экономики.....	827
<i>Л. Н. Захарова, И. С. Леонова, Т. В. Мартынова.</i> Феномен подверженности менеджеров стереотипу возрастной предвзятости как фактор сдерживания развития эффективного управления.....	831
<i>С. Г. Климова, Е. Г. Галицкая, Е. Б. Галицкий.</i> Организационная лояльность в повседневном поведении наемных работников	837
<i>Н. Ю. Кремнева.</i> Партнерство как инновационная ценность: восприятие и реализация молодыми работниками промышленных предприятий.....	841
<i>А. А. Поплавская, Н. Э. Соболева.</i> Гендерные различия в реализации достижительных мотивов в сфере труда в разных странах мира.....	845
<i>Л. Г. Титаренко.</i> Модернизационные ценности и ожидания студентов в условиях цифровизации.....	849

Сессия 9.5. Профессиональные династии, карьеры и стратегии

в условиях новых вызовов	854
<i>Е. С. Воробьева.</i> Профессия тату-мастера: особенности институционализации и легитимизации в России	854
<i>Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова.</i> Профессиональные династии в общественном сознании россиян	860
<i>Е. М. Колесникова.</i> Инженеры как профессиональная группа: династии и перспективы профессиональной биографии молодых специалистов	866
<i>Е. Л. Лукьянова.</i> Молодые рабочие и специалисты: от технической компетентности до профессионализма	869
<i>О. А. Нор-Аревян.</i> Роль профессиональной династии в мотивации выбора профессии	872
<i>Ю. С. Панфилова.</i> Династичность как фактор выбора образовательных и профессиональных стратегий.....	876
<i>И. П. Попова.</i> Трансформации моделей профессиональных карьер в сфере науки и технологий	880
<i>Г. И. Чикарова.</i> Профессиональные династии как предмет теоретической рефлексии в контексте развития отечественной социологии труда	883

Секция 10.

ГАУГН-сессия: Преподаватели, выпускники и студенты

социологического факультета об образовании и профессии	886
<i>М. М. Дмитриева.</i> Типология студентов-социологов Московского государственного лингвистического университета.....	887
<i>Т. Л. Маркова.</i> Трансформация модели взаимодействия преподавателя и студента в условиях современного дистанционного образования.....	894
<i>Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова.</i> Проблемная образовательная общность в условиях трансформации высшей школы	897
<i>А. В. Чиркова.</i> О профессиональном самоопределении студентов-социологов	900

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

1

В. А. Ядов в истории современной социологии

Руководители секции: Докторов Б. З., Козлова Л. А.

Ученый секретарь: Шмерлина И. А.

А. О. Бороноев

Первый социологический симпозиум (1966) как результат детальности «шестидесятников»

**Бороноев
Асалхан Ользонович**

Доктор философских наук, профессор, Почетный профессор СПбГУ,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: pavlovasoc@mail.ru

Аннотация. В выступлении представлена работа Всесоюзного Симпозиума, прошедшего 16–19 февраля 1966 года в Ленинграде «Опыт проведения конкретно-социологических исследований в СССР», который обобщил десятилетний опыт социологического движения в стране. Показано значение симпозиума в утверждении социологии как самостоятельной науки, в определении путей ее полной институционализации. Особое внимание уделяется деятельности ученых, «рожденных» в период «оттепели». Показана роль В. А. Ядова и его группы в организации и проведении этого знакового мероприятия и в целом значение его деятельности и идей в развитии отечественной социологии.

Ключевые слова: первый социологический симпозиум; шестидесятники; институционализация социологии; отечественная социология.

Известно, что среди факторов институционализации любой науки большое место занимает общение, обмен идеями и результатами исследований, что, как правило, происходит двумя путями, – во-первых, с помощью публикаций, во-вторых, на встречах ученых на конференциях, форумах, семинарах, симпозиумах, где происходят обмен результатами исследований, дискуссии по фундаментальным проблемам науки и некое «планирование», определение перспектив развития.

«Конгрессная» деятельность родилась не сейчас, ее возникновение связано с периодом предметного определения наук как важного фактора их развития. Подобная форма взаимодействия ученых актуальна и сейчас, несмотря на многие проблемы, о которых спорят ученые.

Для российской социологии особенно знаменателен Всесоюзный симпозиум «Опыт проведения конкретно-социологических исследований», прошедший в Ленинграде 16–19 февраля 1966 года. В ряду коллективных мероприятий, встреч представителей возрождающейся социологии это было выдающееся событие. На этот симпозиум впервые собрались представители всех сложившихся социологических центров в стране, поколения отечественной социологии, идеологи и «инноваторы-шестидесятники», где произошла серьезная дискуссия о предмете социологии, ее содержа-

нии (структуре), месте среди социогуманитарного знания и ее функциях. Большое значение имело и представление ее участникам (600 чел.) результатов эмпирических исследований в Ленинграде (В. Ядов, А. Здравомыслов, А. Харчев), Новосибирске (Т. Пруденский, В. Шубкин), Москве (Г. Осипов), Свердловске (М. Руткевич, Л. Коган), Перми, Горьком, Казани, Красноярске и в союзных республиках. Если обобщить, то главными темами обсуждения были: место социологии в ряду наук, ее право существовать отдельно вне догматизированной философии и проблемы социологического образования для формирования компетентного социологического сообщества страны, следовательно, развития социологии.

Симпозиум стал первым собранием советских социологов, где подводились итоги социологических исследований, дискуссий, и поэтому он представляется чрезвычайно важным событием в нашей науке. В. В. Колбановский, оценивая роль симпозиума, писал, что это «...фактически первое крупное совещание социологов страны», а А. У. Гоулднер в своей книге «Наступающий кризис западной социологии» назвал выдающимся событием советской социологии, наряду с основанием в 1958 году Советской социологической ассоциации (с. 532).

На этом общесоюзном социологическом мероприятии, пожалуй, впервые преобладали новации поколения «шестидесятников», которые утверждали идеи самостоятельности социологии и своими исследованиями отвергали позиции представителей научной бюрократии, рассматривавших социологию как часть философии без самостоятельного предмета. Несмотря на позицию научно-партийной бюрократии относительно социологии как эмпирической базы социальных наук, идея самостоятельности социологического знания, его значимости в обществе и необходимости развития всех уровней науки у основной части участников симпозиума с этого времени уже не вызывала сомнений. Инновационный характер симпозиума подтверждает и его структура, где секции были посвящены основным проблемам методологии, социологии труда, научно-технического прогресса, духовной жизни, быта и досуга, руководителями которых были представители молодого тогда поколения социологов-шестидесятников – В. А. Ядов, Г. В. Осипов, Ю. А. Замошкин, А. Г. Харчев.

На симпозиуме состоялось впервые и общение нового поколения социологов, обсуждение результатов и перспектив исследований. Т. И. Заславская в интервью Б. З. Докторову говорила, что на Симпозиуме она по-настоящему «приобщилась к социологии», и с этого периода у нее начался социологический этап творчества (Б. З. Докторов. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013).

На Симпозиуме были подведены итоги важного этапа развития отечественной социологии, который связан с периодом «оттепели», появлением интересных исследований, новых лидеров среди которых были В. Ядов, В. Шубкин, Г. Осипов, Л. Коган, А. Здравомыслов, В. Файнбург, Н. Аитов и другие, которые работали в центре и на периферии. Симпозиум показал, что в Советском Союзе, несмотря на огромное идеологическое давление, существует социологическое сообщество, имеющее широкую сеть.

Сегодня возникают споры о возрождении или рождении российской социологии в 1960–1980-х гг. Некоторые утверждают, что это было новое рождение, тем самым снижая историческое наследие нашей социологии. Социологические исследования на двух уровнях существовали с начала XX века; есть опыт П. Сорокина, В. Хвостова и др. Например, эмпирические исследования 1920–1930-х годов касались многих острых проблем социальных отношений и институтов, но эти исследования, к сожалению, в 1940–1950-х годах были сильно сокращены. Известны имена таких социологов как С. Кабо, Н. Витке, З. Чернякова, М. Лебединский, С. Вольфсон, С. Струмилин. Работы историка и социолога В. И. Семевского, изданные в конце XIX и в начале XX вв., «Рабочие на золотых приисках» (СПб., 1898), «Крестьянский вопрос в России» (Т. 1, 2. М., 1910) остаются до сих пор не прочитанными нами. Понятно, что суждения об отсутствии преемственности в нашей социологии рождаются на незнании ее истории, о чем не раз говорил известный отечественный социолог Ф. Шереги. В. Ядов на вопрос о преемственности социологических исследований в России середины XX века отвечал, что слабо знает ее историю – она не была представлена в образовании – и не имеет пока своего суждения.

Симпозиум, состоявшийся в Ленинграде в феврале 1966 года – весьма значительное событие в истории отечественной социологии. Он стал возможным, благодаря тому, что в период «оттепели» появилось «социологическое движение», о чем мечтал М. Ковалевский, и одним из его лидеров был В. А. Ядов – руководитель ленинградской плеяды социологов. Традиции, заложенные В. А. Ядовым и его коллегами, активно влияют сегодня на исследования, систему социологического образования и на нашу профессиональную идентичность.

Ю. Р. Вишневский

В. А. Ядов и возрождение отечественной социологии молодежи, ее поворот к субъект-субъектному и ресурсному подходу

**Вишневский
Юрий Рудольфович**

Доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: soc_stu@e1.ru

Аннотация. «Человек и его работа» — возрождение и отечественной социологии в целом, и отраслевых социологий — социологии труда и социологии молодежи. Обращение к рабочей молодежи — наименее изученному отряду молодежи. Акцент на роль молодежи в воспроизводстве социальной структуры и в обновлении рабочего класса на основе образовательной и профессиональной подготовки. Диспозиционная теория и теория ценностных ориентаций Ядова как методологическая основа дальнейшего развития социологии молодежи. Значимость теории личности-субъекта в обосновании субъект-субъектного поворота в социологии молодежи. Теоретический и эмпирический анализ социального ресурса российской молодежи и оценка ее исторической миссии в трансформации российского социума. Ядов о роли поколений и поколенческом подходе — акцент на важное историческое событие, определившее формирование и развитие поколения, и на причастность человека к конкретному поколению (его идентификация с ним). Конкретный анализ советского, постсоветского и постпостсоветского поколений в отечественной социологии. Ядов — педагог и коллега: ориентир на «педагогику-сотрудничество», на интеллектуальное общение с молодыми.

Ключевые слова: В. А. Ядов; возрождение отечественной социологии; социология молодежи; субъект-субъектный поворот в социологии молодежи.

С учетом значимости книги В. Ядова и А. Здравомыслова «Человек и его работа» (1967) в возрождении отечественной социологии (что признается практически всеми историками социологии) и ее направленности на изучение отношения к труду *молодых рабочих* промышленных предприятий Ленинграда подчеркнем, что это возрождение фактически означало и возрождение отраслевых социологий — социологии труда и социологии молодежи. Новизна подхода исследователей, выявивших приоритетную ориентацию молодых рабочих на *содержание* труда (вопреки распространенному стереотипу о будущей значимости зарплаты и других материальных стимулов), состояла в исходном *социологическом* характере самого исследования — «чтобы детально изучить вопрос, недостаточно знания общих закономерностей общественного развития, формулируемых историческим материализмом... Социологическое исследование есть многостороннее

и целостное той или иной социальной проблемы, опирающееся на специально разработанную применительно к этой проблеме методику и технику сбора и обработки первичного материала». И еще четче – подчеркивая *гуманистический* характер подхода (*ЧЕЛОВЕК* и его работа) – «слишком общие подходы к различным явлениям общественной жизни, в том числе и к вопросам мотивации трудовой деятельности, нас не удовлетворяли. Мы ощущали, чувствовали необходимость разработки более конкретных подходов к проблемам изучения человека, личности, к его внутреннему миру». Но самое главное – в ракурсе нашего анализа роли Ядова в возрождении социологии молодежи – это выбор в качестве объекта исследования наименее изученного отряда молодежи – *рабочей* молодежи. Инновационной была и ее трактовка, как «той части рабочего класса, которая наилучшим образом выражает тенденции его развития на ближайшее будущее с точки зрения общеобразовательной и технической подготовки». Акцент переносился с классового анализа вступления молодежи в состав рабочего класса – «гегемона» на обновление самого рабочего класса, повышение его культурно-технического уровня под влиянием научно-технического прогресса за счет молодежи. Этот же аспект (остававшийся «в тени» многочисленных исследований преемственности поколений и отсутствия «конфликта поколений») был позднее исследован Ядовым и его коллегами применительно к «инженерной молодежи», молодым инженерам.

У Ядова не было специальных работ, посвященных социологии молодежи. И тем интереснее его «вводные замечания» к разделу «Социология молодежи» (В. Семенова), в подготовленной под его редакцией «Социологии в России». Подчеркивая *отраслевой характер* социологии молодежи, Ядов соотносит ее формирование и развитие «с демографическим разделением возрастных когорт» и видит ее основную задачу «в исследовании той возрастной группы, которая находится в процессе подготовки к замещению уходящих поколений и воспроизводству социальной структуры». Тем самым, обосновывалась необходимость *коренного поворота в трактовке молодежи*: от объекта «воспитания» к *субъекту* социального воспроизводства (многолетние исследования В. И. Чупрова, а затем и Ю. А. Зубок в данном ракурсе могут быть соответственно признаны основным направлением дальнейшего развития социологии молодежи). Позднее – на *основе теорий диспозиции и ценностных ориентаций* – Ядовым была обоснована и роль молодежи как *субъекта социокультурного развития*. В сочетании с самореализационной теорией культуры Л. Н. Когана эти подходы определили методологию нашего мониторинга динамики социокультурного развития студенчества Среднего Урала 1995–2016 гг. В одном из последних интервью (2014 г.) Ядов выделил как важнейшую особенность современной социологии в целом (и социологии молодежи, в частности) то, что «субъект-объектная» проблематика заменяется субъектностью «акторов».

Но эта замена не произошла сама собой. Весьма существенную роль в ее обосновании и борьбе за нее сыграла *теория личности-субъекта* Ядова. «Рассматривая личность как субъект», – подчеркивал он, – прежде всего, необходимо «уяснить, как социальные условия (общие и специфические) сказываются на интересах индивида». «Интересы выступают

основным связующим звеном между реальным общественным положением индивида и отражением этого положения в сознании. Через социальный интерес осуществляется обратная связь – от субъекта к его общественному деянию: люди действуют, преследуя определенные социально обусловленные интересы. При этом на основе динамической системы потребностей и предшествующего опыта субъект формирует определенные и относительно устойчивые готовности (диспозиции) к восприятию и способу действий в различных конкретных ситуациях, а формирование новых потребностей, интересов и диспозиций стимулирует творческое, нестереотипное поведение и формы активности, «выход» за рамки жестких ролевых предписаний, возможный лишь при условии развитого самосознания».

Соотнося социологию молодежи с возрастной дифференциацией общества, Ядов обосновал ее близость с исследованиями детства, пожилых, жизненного цикла, поколений. Отталкиваясь от этого подхода и с учетом процессуальности молодежного возраста, мы в свое время подчеркнули важность изучения «*предмолодежи*», тех, кто в ближайшие годы пополнит молодежь, станет молодежью. Это позволит преодолеть лаг (разрыв) между социологией детства и социологией молодежи или – четче развести эти отраслевые социологии (ведь *дети* – по международным критериям – до 18 лет; возрастная группа от 14 до 18 лет, близкая к тому, что в зарубежной социологии определяется как «тинэйджеры», оказывается предметом исследования обеих отраслевых социологий).

Но социология молодежи, по Ядову, должна быть именно социологией – «юность как предмет исследования не может быть сведена только к возрастным границам жизненного цикла, ибо существует еще и социальный аспект процесса взросления, рассматриваемый в понятиях теорий социализации». Одновременно подчеркну и очень важное (и до сих пор явно недооцененное) положение Ядова о недопустимости *вульгарного социологизма* – игнорирования социобиологических особенностей возрастного развития. «Порою мы, забываем природные основания человеческого бытия, – писал Ядов, – тот простой факт, что сам человек есть часть природы, что вся его деятельность направлена на использование природных ресурсов, так что стали заметны очертания границ деятельности человека, обусловленные свойствами природы». Особенно трогает и поучительна «самокритика» умудренного жизненным опытом ученого и человека: «Эту философию человеческой жизни мы, к сожалению, начинаем постигать лишь на грани третьего тысячелетия».

В рамках дискуссии по проблеме границ и критериев молодежного возраста и «взрослости» особенно значима поддержка Ядовым позиции Е. Омельченко, рассматривавшей переход к «взрослости» как «переход от безответственности к ответственности: владению всеми правами и обязанностями физически, психически и социально зрелого гражданина своего общества». В нашей с В. Т. Шапко трактовке социализации и адаптации как системных качеств молодежи реализован аналогичный подход. Общим является понимание молодежи как процесса, который невозможно втиснуть в жесткие возрастные границы (от 14 до 30 лет как это предполагается в Стратегии молодежной политики РФ до 2025 г. и в региональных законах о молодежи и молодежной политики, в том числе – в законе

Свердловской области). Для Ядова в данном случае особенно ценен *личный подход к молодому человеку*, ускользающий в абстракции «молодежь – социально-демографическая группа».

Именно поэтому его не могли устроить общие рассуждения о молодежи, новом поколении как «моторе» исторических изменений. Ядов-социолог и тут ставит вопрос конкретно (как это сходно с его исследованием отношения к труду ленинградской молодежи 1960-х гг., исследованием, ставшим для меня и многих моих коллег-социологов, «третьего», по Б. З. Докторову, поколения поворотным в смене профессии; ведь главное было выяснить, каковы мотивы молодых рабочих, насколько те или иные мотивационные установки сформированы и какие факторы способствуют или препятствуют этому процессу). Соответственно его интересует: степень приложимости утверждения о решающей роли молодых поколений в общественных преобразованиях к любым современным обществам? И особенно – какие группы или субкогорты российской молодежи обладают достаточным социальным ресурсом, чтобы оказать заметное влияние на предстоящие социально-экономические процессы в России?

Опираясь на результаты исследований (свои и своих коллег, в частности, на исследование С. Кирдиной институциональных матриц; и в этом внимательном отношении к коллегам – важнейшая особенность Ядова, одного из самых ярких неформальных лидеров отечественной социологии рубежа веков), социолог приходит к выводу: «Принимая во внимание социально-культурные особенности России, возможности молодых поколений заметно трансформировать общество в согласии с их ценностями и жизненными практиками не столь очевидны». Примечательно, что многочисленные исследования современной российской молодежи (в том числе и наш мониторинг 1995–2016 гг. студенчества Среднего Урала) во многом подтвердили и конкретизировали этот вывод.

Подтвердилась и достаточно «грубая» (по самооценке Ядова) типология субгрупп российской молодежи: а) прозападники; б) русские патриоты-фанаты; в) прагматики, не имеющие собственной идейной позиции; г) небольшая, но заметная часть экстремистов; и, наконец, д) подавляющее большинство общественно-политически равнодушных, отчужденных и от власти, и от гражданской жизни простых людей. Наше исследование «Гражданская культура молодежи Свердловской области» (2016) показало и справедливость его оценки перспективы: «Так называемое переходное состояние общества дает прагматикам наилучшие возможности реализовать свою инициативу, поскольку социальные институты разбалансированы, нормы и практики социальных отношений гибридные. Стратегия прагматика – чуть ли не единственно оптимальная». И обоснованность сомнений в быстром утверждении в России (в том числе и благодаря инициативе молодых) гражданского общества («гражданское общество в России если каким-то чудом и состоится, то далеко не завтра»).

Особую роль в социологии молодежи Ядова играет проблема *поколений*. Ему был близок поколенческий подход К. Мангейма. И он придавал важное значение «*событию*», определяющему время формирования и развития того или иного поколения: «Поколение, согласись с Мангеймом, — это люди, формировавшиеся в период некоторого социально важного события».

Конкретизируя эту позицию, Ядов в интервью Б. З. Докторову и в диалоге с О. Н. Яницким рассматривает особенности нескольких поколений советских, постсоветских и постпостсоветских социологов, соотнося эти особенности с различием социокультурного климата, спецификой пути к профессии (самообразование и качественное профессиональное образование), возможностями академического общения, доступностью научно-педагогической литературы и т. д. Но он выделяет и очень важный *субъективный* момент (во многом связанный с его исследованиями проблематики социальной идентификации) – *наличие чувства сопричастности с тем или другим поколением*. И тут вновь проявляется личностный момент. В диалоге с Яницким Ядов размышляет об их поколении социологов и замечает: «С возрастной когортой все ясно, с поколением – нет. Я чувствую себя в трех поколениях разом: военном, в поколении шестидесятников и поколении перестройки. Общее, мне кажется, здесь в том, что мы принимаем близко к сердцу происходящее не только с нами, но в обществе, часто более остро, чем собственные проблемы».

Завершить хотелось бы акцентом на том, что Ядов не только методологически обосновал качественные изменения характера социологии молодежи и эмпирически показал динамику ценностных ориентаций молодежи в условиях трансформации общества. Он и в жизни оставался сторонником субъект-субъектного подхода, никогда не допуская «менторства» и назидательности в общении с более молодыми коллегами, уважая их оценки и суждения (хотя и требуя четкости и достоверности в аргументации).

Таким же он был и в преподавательской работе. Для меня навсегда останутся ориентиром его слова из предисловия к курсу лекций по теоретической социологии для студентов-магистрантов: «...пытливый студент подчас ставит преподавателя в положение школяра (не случайно в английском ученый – scholar), так что мы вместе пытаемся размышлять. Этот курс надо воспринимать как авторское видение нынешнего состояния социологической теории, не более чем одно из многих. Вдумчивый студент сам определит, что представляется здесь стоящим внимания. Я сердечно благодарю студентов за возможность интеллектуального общения». И я благодарен судьбе, что в моей жизни было (пусть и немного) возможностей такого «интеллектуального общения» с Владимиром Александровичем Ядовым – Человеком и Социологом.

Литература

Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова: В. А. Ядов о себе и его друзья о нем / Б. З. Докторов. М.: Радуга, 2016. — 116 с.

Здравомыслов А., Ядов В. Человек и его работа в СССР и после. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва 2003. Предисловие. URL: <http://docplayer.ru/49105754-A-zdravomyslov-v-yadov.html>.

Мастер-класс Владимира Ядова: полипарадигмальность, турбулентность и социологический Стагир // Троицкий вариант-Наука. 2014, 6 мая. № 153.

Осипов Г. В., Тощенко Ж. Т. В. А. Ядов в истории возрождения социологии в России // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 10–14.

Приватные разговоры двух ветеранов для публичного обсуждения в среде коллег социологов (Ядов – Яницкий)/ URL: https://www.isras.ru/blog_Yadov_Yanizkij_full.html?&printmode.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. Второе, расширенное издание. М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.

Социология Ядова: методологический разговор. [Избранные труды В. А. Ядова] / ФНИСЦ РАН; Ред.-сост., авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018. — 944 с.

Человек и его работа (социологическое исследование) / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М.,: Мысль, 1967. — 392 с.

Ядов В. А. Все зависит от нас самих (интервью с Б. З. Докторовым) // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 141–158.

Ядов В. А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 253–260.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009. — 138 с.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. URL: http://social-orthodox.info/materials/5_3_Jadov_v_a_sociologicheskoe_issledovanie_metodologija_programma_metody.pdf.

Ядов В. А. Социология в России. Социология молодежи (В. Семенова). Вводные замечания. URL: http://society.polbu.ru/yadov_sociology/ch30_all.html.

Б. З. Докторов

В. А. Ядов и биографический анализ истории русской социологии

**Докторов
Борис Зусманович**

Доктор философских наук, профессор, независимый аналитик, Фостер Сити, США.

E-mail: bdoktorov@inbox.ru

Аннотация. Пятнадцатилетний опыт изучения истории современной русской социологии показывает, что двери в наше прошлое все стремительнее и плотнее закрываются. Многие – навсегда. Причин много, пока укажу лишь в общем виде: объективные и субъективные, институциональные и личные. И очевидная – уходят те, кто стоял у истоков нашего дела. В. А. Ядова можно смело назвать одним из инициаторов исследований истории нашей науки и нашего профессионального сообщества. Изучение биографии и творческого наследия В. А. Ядова – один из эффективных путей исследования становления и развития советского периода отечественной социологии и ее трансформации в перестроечные и постперестроечные годы.

Ключевые слова: В. А. Ядов; биографический анализ; история русской социологии.

Второе рождение русской социологии относится к концу 1950-х, таким образом, сейчас наше профессиональное сообщество имеет возможность наблюдать свое 60-летнее существование. Для истории социологии как науки это – немного; с другой стороны, наше прошлое включает немало, и все настоятельнее заявляет о себе проблематика описания, анализа и оценки всего произошедшего. Однако обнаруживается и другая тенденция: двери в прошлое все стремительнее и плотнее закрываются, и многие – навсегда. Причин много, пока укажу их лишь в общем виде: объективные и субъективные, институциональные и личные. И очевидная – уходят из жизни или отходят от активной работы те, кто стоял у истоков нашего дела.

Первые 40 лет советская, а затем – русская социология определяла себя, свои границы, свое строение и долго (не по своей вине) конституировалась, и вопрос об ее истории не был актуальным. По большому счету, «сама история» была рядом, ходила по коридорам институтов, читала лекции и принимала экзамены, проводила исследования и публиковала новые статьи и книги. Первые 20–30 лет, вообще говоря, все знали друг друга, и никто не рассматривал своих коллег и друзей как акторов истории. Но к концу XX века Г. С. Батыгиным [1] и В. А. Ядовым [2] было положено начало освоению истории отечественной социологии советского периода.

В 2007 году мною была введена «лестница поколений» – система 12-летних временных интервалов, задающих русские поколения социологов. Социологи, родившиеся в 1923–1934 гг., образуют первое и второе

поколения, этот особый случай, названный – «один возраст – два поколения», обусловлен длительным перерывом в развитии советской социологии. 1935–1946 гг. и 1947–1958 гг. – периоды рождения представителей третьей и четвертой когорт социологов. В 2004 году, с учетом этой профессионально-возрастной стратификации, я приступил к проведению биографических интервью с российскими социологами, в первые несколько лет – именно с представителями первых четырех поколений. В 2013 году начались беседы с социологами пятого поколения (1959–1970 гг. рождения), а затем – и с более молодыми: шестого (1971–1982 гг.) и седьмого (1983–1994 гг.) Легко понять, что, если следовать описанной типологической структуре, то наступает время для изучения процесса формирования восьмой страты нашего сообщества (1995–2006 гг.); старшим из них уже 24 года, они получили социологическое образование и накопили минимальный опыт проведения исследований.

За полтора десятилетия проведено 190 интервью с действующими социологами или с коллегами, друзьями, родными тех, кого уже нет [3]. К сожалению, за прошедшие годы не стало значительного количества моих собеседников, прежде всего – из первых двух поколений.

И это самым наглядным образом демонстрирует серьезные изменения в возрастном строении нашего социологического сообщества, старшими стали и становятся социологи третьего и четвертого поколений. Таким образом, на них теперь возложена временем ответственность за сохранение памяти о своих учителях и наставниках, о том, как в период застоя и в начале перестройки развивалась социология, что и как отживало и уходило в прошлое, каким образом входило новое. Всего было в избытке, и этого нельзя забыть, нельзя не расположить в нашей истории.

Уже сегодня только немногие московские и петербургские социологи пятого-седьмого поколений, способны на основании собственного опыта общения рассказать о Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслов, Б. А. Грушине, И. С. Коне, В. Н. Шубкине, В. А. Ядове и других первопроходцах. А уж о В. Э. Шляпентохе и говорить не приходится. И совсем немногие молодые могут привести собственные впечатления о встречах с социологами, развивавшими нашу науку в регионах: Н. А. Аитовым (Уфа), К. Г. Барбаковой (Тюмень), Л. Н. Коганом (Екатеринбург), З. И. Файнбург (Пермь).

В. А. Ядова можно смело назвать одним из инициаторов исследований истории нашей науки и нашего профессионального сообщества, и это отражено не только в создании под его руководством фундаментальной книги по социологии России, но и в других аспектах его деятельности. Нередко в своих комментариях по прослушанным докладам он отмечал, что обсуждаемая тема уже разрабатывалась теми или иными учеными, причем, иногда, следуя своему учителю, – ленинградскому психологу Б. Г. Ананьеву, он говорил не об истории предмета, а о миграции идей и методов.

Не могу не сказать о том, том, что именно В. А. Ядов подтолкнул меня к исследованиям истории советской / российской социологии, до того я несколько лет анализировал историю возникновения научной (выборочной) технологии опросов общественного мнения в США. Ядов сразу поддержал мою концепцию «второго рождения» советской социологии и поверил в, по

его словам, «мистическую» лестницу поколений. В 2007 году Ядов провел со мной интервью, целью которого было обсуждение моего двунаправленного историко-биографического подхода, названного «биографии в истории» и «история в биографиях». Он увидел в моей методологии стремление к совмещению макро- и микроанализа и вспомнил метафору Пера Монсона - «проплыть на лодке по аллеям парка» [4].

На протяжении многих лет Ядов щедро консультировал меня, вспоминая и рассказывая то, что никогда и нигде не прочтешь. По его мнению, биографический метод, в опоре на который я начал изучать прошлое российской социологии, весьма эффективен, а в отдельных случаях – незаменим. Он считал, что информация, добываемая в процессе биографических интервью, со временем приобретает все большую ценность. Замечу, что это неопределенное «со временем» уже наступило. Проведенные мною интервью с несколькими социологами, умершими в последние годы, – единственные достаточно обстоятельные рассказы об их жизни и исследовательской активности.

Изучение биографии и творческого наследия В. А. Ядова – один из эффективных путей исследования становления и развития советского периода отечественной социологии и ее трансформации в перестроечные и постперестроечные годы. Он всегда за всем заинтересованно наблюдал и во всем активно участвовал.

Среди известных нам социологов есть те, кто опубликовал мемуары: Я. И. Гилинский, В. Н. Дмитриевский, Т. И. Заславская, И. С. Кон, Э. В. Соколов, О. Н. Яницкий, есть – оставившие нам немалые архивы различного рода документов: А. Н. Алексеев, Б. А. Грушин, Л. Н. Столович, З. И. Файнбург.

В. А. Ядов не относится ни к первой, ни ко второй группам. Мемуаров он не оставил, а на вопрос о том, есть ли у него архив, ответил мне 4 мая 2015 года: «...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное – запись ситуаций с разработкой диспозиционной концепции, найти не смог, хотя и не очень старался» [5, с. 9]. Так что прямого, легкого и быстрого пути в мир Ядова нет.

Встречи и неформальные беседы с В. А. Ядовым уже после моего отъезда в Америку, наша многолетняя переписка и два интервью с ним [6; 7]; работа над книгой о Ядове [5] убеждают меня в том, что его творчество весьма биографично. Другими словами, его книги – это известное продолжение, осмысление прожитого им. Представляется, что это – чрезвычайно важная характеристика и его личности, и стиля его научной работы.

Литература

Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г. С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Социология России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е изд. [электронный ресурс]. М.: ЦСПиМ, 2014–2019. URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207.

Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В. А. Ядову) // Докторов Б. З. Современная российская социология: историко-биографические поиски в 9-ти томах [электронный ресурс]. Том 3. М.: 2016. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_3_2_1.pdf.

Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нем. М.: Радуга, 2016. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4315>.

Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_V.pdf.

Ядов В. А. «Все зависит от нас самих». URL: <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/yadov2.pdf>.

Г. Е. Зборовский

Возрождение (второе рождение) социологии в СССР в 1950–1960-е гг.

**Зборовский
Гарольд Ефимович**

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Аннотация. Рассматривается особый этап в истории отечественной социологии в 1950–1960-е гг. Обосновывается название этого этапа как второго рождения социологии, ведущего к ее возрождению. Данный этап характеризовался жестким партийно-идеологическим контролем за состоянием дел в социологической науке и одновременно борьбой за выделение социологии как самостоятельной нефилософской науки. Показан быстрый рост интереса к теоретическому и эмпирическому изучению конкретных социальных проблем – увеличение количества преподавателей, интересующихся социологией, создание первых социологических служб на крупных промышленных предприятиях, появление серьезной социологической литературы.

Ключевые слова: отечественная социология; возрождение (второе рождение) социологии в СССР; институционализация социологии.

Период переоткрытия социологии в СССР в 1950–1960-е гг. получил в отечественной науке двойное название и, соответственно, двойную интерпретацию – возрождения (ренессанса) и второго рождения. Первую трактовку активно развивал Г. С. Батыгин, вторую – Б. З. Докторов. Однако факты, явления и события, характеризовавшие процессы в социологии в эти годы, были одними и теми же.

Автор данных тезисов, первоначально отстаивавший позицию возрождения социологии, перешел несколько лет назад на иную позицию – второго рождения социологии. Он оказался далеко не единственным в перечне тех, кто стал придерживаться этой точки зрения. Среди них были Т. И. Заславская, В. А. Ядов, Ж. Т. Тощенко, Н. И. Лапин, Л. Г. Ионин, Ф. Э. Шереги и др. По нашему мнению, уместной может считаться и иная трактовка, соединяющая обе эти позиции, например, второе рождение социологии, ведущее к ее возрождению.

Важный аргумент в пользу позиции о втором рождении социологии состоит в том, что далеко не все в этой науке в принципе могло возрождаться. Особенно это касается ряда ее отраслей, которых в 1920–1930-е гг. просто не было, поэтому и нечему было возрождаться. Многие отрасли социологии возникли впервые только в 1960–1970-е гг.

Период второго рождения (возрождения) социологии не стоит идеализировать. По-прежнему осуществлялся жесткий партийно-идеологический контроль за состоянием дел в социологической науке (более того, в ряде случаев он ужесточался); по-прежнему ей отказывалось в праве быть самостоятельной наукой; по-прежнему в стране не создавалось никаких предпосылок для появления социологического образования и подготовки профессиональных социологов; по-прежнему не получила «права гражданства» профессия социолога.

В самом же СССР второе рождение социологии, начавшись с конца 1950-х гг., шло параллельно с двух сторон – теоретической и эмпирической. В теоретическом плане шли дебаты о месте социологии в марксизме, о ее соотношении с диалектическим и историческим материализмом, о том, как соотносится теоретическая социология с эмпирическими (прикладными) исследованиями и является ли она вообще социологией. По существу, это была борьба за выделение социологии как самостоятельной нефилософской науки.

Тем временем проводились одно за другим конкретные социологические исследования, масштабы и значение которых возрастали год от года, что заставляло обращать на них самое пристальное внимание и ставить вопрос о широком общественном признании социологии. В 1961 г. вышла книга «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР» (под редакцией М. Т. Иовчука), написанная на материалах крупного социологического исследования, проведенного уральскими социологами на промышленных предприятиях Свердловской области. Она была замечена «верхами», получила положительную оценку и одобрение. Тем самым был задан импульс к исследованию круга проблем, в которых отразился интерес к рабочему классу и его культуре, на многие последующие годы. Вместе с тем, справедливости ради следует отметить, что эта работа в значительной степени преследовала идеологические цели, а культурно-технический уровень рабочего класса был сильно приукрашен.

Началось исследование отношения к труду молодых ленинградских рабочих (под руководством В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова). Оно проходило в рамках созданной при ЛГУ лаборатории социологических исследований. Ее успешная работа явилась своеобразным толчком для появления аналогичных лабораторий в ряде других университетов страны (Московского, Киевского, Белорусского, Уральского, Казанского и др.), быстро превратившихся в центры подготовки и проведения многих социологических исследований. Здесь следует также сказать о том, что первая кафедра конкретных социологических исследований была создана в МГУ в 1964 г.

К этому времени в стране уже существовало первое академическое подразделение социологического профиля – созданный в 1960 г. сектор исследований новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР, ставший в 1966 г. отделом конкретных социальных исследований (руководитель Г. В. Осипов). Для институционализации социологии имело большое значение создание в АН СССР Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований. Завершением периода второго рождения социологии можно считать создание ИКСИ АН СССР в 1968 г.

В стране быстро рос интерес к эмпирическому изучению конкретных социальных проблем с помощью социологических методов. В вузах стремительно увеличивалось количество преподавателей, интересующихся этой работой. Появлялись первые социологические службы на крупных промышленных предприятиях, особенно тех, которыми руководили масштабно мыслявшие директора. По официальным данным, к середине 1960-х гг. в стране занимались социологическими исследованиями около 2 тыс. человек. Росту такого интереса, безусловно, способствовало появление серьезной социологической литературы (работы Б. А. Грушина, И. С. Кона, Ю. А. Левады, А. Г. Харчева, В. А. Ядова и др.).

В публикациях этих и иных авторов, с одной стороны, был обобщен опыт и подведены итоги ряда важных исследований рабочего класса и крестьянства, социальных процессов в городе и на селе, проблем рабочего и внерабочего (в том числе свободного) времени и др. С другой стороны, появилась возможность ставить серьезные теоретические проблемы развития социологии в обществе, ее возрастающей роли и перспектив влияния на социум. Среди наиболее важных направлений теоретических исследований оказались разработки социальной структуры общества, личности, брака и семьи, молодежи, труда, культуры, образования и др. Заметный интерес был проявлен к вопросам методологии, методики, техники и процедуры социологического исследования. В совокупности все это дало возможность впервые поставить вопрос о самостоятельности социологии как науки и необходимости ее институционализации в данном качестве.

Однако такая ситуация никак не вписывалась в «прокрустово ложе» трех составных частей марксизма. Сложившееся положение дел вызвало бешеное сопротивление противников социологии как особой самостоятельной науки и, в конце концов, привело к тому, что власть предрешающие идеологи объявили ее прикладной дисциплиной.

Л. А. Козлова

В. А. Ядов и психология: постановка исследовательского вопроса

**Козлова
Лариса Алексеевна**

Кандидат философских наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: LarissaKozlova@yandex.ru

«Я напололам психолог: и социальная психология, и социология считают меня своим». (Как возникла социология в СССР. Беседа с Владимиром Ядовым. 2009 // Полит.ру. URL: https://polit.ru/article/2009/06/17/videon_yadov_lb/)

Аннотация. В докладе рассматривается профессиональная деятельность В. А. Ядова с точки зрения ее связи с психологией личности и социальной психологией. Обращается внимание на то, что со времени своей учебы на философском факультете ЛГУ и далее, работая в социологии, Ядов имел выраженный интерес к психологическому знанию, фактически не ослабляя внимания к идеям, теориям и методам из области психологии, применяя их к задачам социологического исследования. Таким образом, социология В. А. Ядова — это синтез социологического и психологического знания. В нем можно усмотреть истоки приверженности Ядова активистской парадигме в социологии.

Выделены следующие группы факторов, которые могут дать обоснования для сделанного вывода: 1) субъективные факты, то есть самооценки Ядовым своей когнитивной связи с психологией, а также оценки его ближайших коллег; 2) объективные факторы — внешние влияния со стороны учителей Ядова, его коллег; обстоятельств, связанных с местом работы; 3) результаты научно-преподавательской деятельности — проекты, опубликованные труды, лекции и мастер-классы. В докладе рассматриваются две первые группы. Указывается на специфику социологического знания, полученного Ядовым или при его участии.

Ставится вопрос о том, что психологическая сторона работы В. А. Ядова заслуживает детального исследования в рамках истории социологии и науковедения. Это могло бы открыть новую страницу в историографии личного творчества видного ученого, а значит, и в историографии отечественной социологии, что дало бы дополнительную почву для осмысления истории нашей науки.

Ключевые слова: Владимир Александрович Ядов; социология; психология; профессиональные интересы; профессиональная биография.

В. А. Ядов по праву считается одним из основоположников российской социологии постхрущевского периода, и сейчас его имя фактически отождествляется с нашей дисциплиной. Его имя как социолога известно не только отечественному, но и мировому социологическому сообществу. Однако на протяжении всего творческого пути прослеживается его тесная связь с психологией. Она воспринимается как бы «по умолчанию» и остается за рамками внимания коллег и тем более не входит в круг их исследовательского интереса. Тема «Ядов и психология» пока специально не

поставлена в науковедческих и социологических исследованиях. Возможно, это дело будущего, так как анализ творческого наследия В. А. Ядова только начинается.

Почему тема психологических интересов Ядова может быть важной в плане изучения его наследия? Чтобы ответить на этот вопрос, постараюсь показать, какое место психология личности и социальная психология занимали в его профессиональной деятельности. Начиная с периода обучения на философском факультете Ленинградского университета и в течение всей своей научной деятельности, продолжавшейся более полувека, В. А. Ядов не оставлял интереса к идеям, теориям и методам из области психологии, применяя их к задачам социологического исследования. Два типа знания — социологическое и психологическое — в его исследованиях как бы сплетены воедино. Это создало особый ракурс исследований Ядова и полученных им результатов, а значит, наложило соответствующий отпечаток и на его личное творчество, и на деятельность возглавлявшихся им коллективов. А это, в свою очередь, определило специфику социологического знания, полученного Ядовым или при его участии. В исследовательском внимании Владимира Александровича к психологии можно усмотреть истоки того, что главным познавательным инструментом в социологии для него стала активистская парадигм.

О психологической составляющей научной деятельности Владимира Александровича есть немало свидетельств и в его профессиональной биографии, и в его работах. Среди них выделим следующие группы факторов, которые могут дать необходимые обоснования и почву для дальнейших исследований: 1) *субъективные факты*, то есть самооценки Ядовым своей когнитивной связи с психологией, а также оценки его ближайших коллег; 2) *объективные факторы* — внешние влияния со стороны учителей Ядова, его коллег; обстоятельств, связанных с местом работы; 3) *результаты научно-преподавательской деятельности* — проекты, опубликованные труды, лекции и мастер-классы. Здесь я остановлюсь только на малой части перечисленного, а последний пункт, связанный с анализом результатов научной деятельности Ядова, оставлю в стороне как требующий специального погружения в его работы.

1. Вначале остановимся на *субъективных фактах, то есть самооценках Ядова и оценках его коллег*. Нужно заметить, что В. А. Ядов, как правило, не выделял психологическую сторону своих исследований, так как она входила в них органично, в едином комплексе подходов и методик; он не акцентировал на ней внимания при постановке задач, которые, как правило, относились к области социологии. Исключение могут составлять разработки, специально посвященные психологическим аспектам личности или коллектива, — например, *теория диспозиционной саморегуляции поведения личности*. Но и в них постановка основных задач — социологическая. Тем не менее Владимир Александрович в своих текстах и интервью неоднократно и недвусмысленно указывал на то, какое место в его работе занимает психология. Так, в интервью В. В. Козловскому в 1999 году на вопрос о его приоритетах в социологии и в социальных науках в целом Ядов ответил:

«Мои приоритеты в социальных науках — *социолого-психологическая проблематика, главным образом — мотивация поведения личности*» (курсив наш. — Л. К.) [4, с. 12].

А. Г. Здравомыслов свидетельствовал о формировании интересов Владимира Александровича еще в начале их социологической карьеры: «В лаборатории [созданной в 1960 г. в ЛГУ] в конце 60-х произошли некоторые внутренние процессы, — вспоминает он в одном из интервью. — По-моему, именно в это время Ядов говорил мне, что *он сомневается в перспективах чисто социологического направления работы, и склоняется в сторону социальной психологии, будет заниматься установками и аттитюдами*» (курсив наш. — Л. К.) [2, с. 9].

В Ленинградском отделении ИКСИ, куда Ядов перешел в конце 1960-х гг., как пишет И. С. Кон, он «с самого начала был душой и мозгом» работы по программе «Личность и ценностные ориентации», а потому заменил его (Кона) на посту руководителя этого направления. [5, с. 42–43]

И действительно, психологические аспекты хорошо проявлены в знаменитой книге «Человек и его работа» 1967 года, а в начале 1970-х Ядов уже вплотную занялся собственно психологическими изысканиями, т. е. разработкой своей теории диспозиционной саморегуляции поведения личности. Итогом стала известная книга 1979 года «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» [11]. Над этой темой Владимир Александрович думал и гораздо позже. Вторым расширенным изданием книга вышла всего за два года до его кончины, т. е. в 2013 году [6]. Во вторую часть этого переиздания, специально написанную Ядовым, вошли его более поздние исследования, в которых использовалась диспозиционная теория. Именно эту теорию, по свидетельству В. А. Ядова, его коллеги и «сверстники» — Г. М. Андреева, И. С. Кон, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, О. И. Шкаратан — оценивали как наибольший вклад автора в науку [1, с. 61].

2. *Несколько слов об учителях В. А. Ядова.* В интервью В. В. Козловскому (1999 г.) своими учителями Ядов называет известного психолога Б. Г. Ананьева, своего научного руководителя по ЛГУ В. П. Тугаринова — философа, занимавшегося проблемами личности, а также социального психолога Хильду Химмельвайт из Лондонской школы экономики, где Ядов стажировался в начале 1960-х годов. Он поясняет: «...Б. Г. Ананьев занимает первое место, может быть, разделяя его с В. П. Тугариновым... К числу своих учителей я отношу Хильду Химмельвайт — известного британского социопсихолога, у которой я имел возможность работать в семинаре. Семинар был построен на проблематике аттитюд - поведение, и мы рассматривали множество теоретических подходов к этой “загадке”, выявленной Ла Пьером. Спустя пятнадцать лет мне пришло в голову одно из возможных решений этой загадки (теория диспозиционной саморегуляции поведения личности)» [4]. Позже в письме к Борису Докторову (27 марта 2007 г.) к числу своих учителей В. А. Ядов относит почти тех же лиц: психолога Б. Г. Ананьева; Ш. А. Надирашвили, принадлежавшего к школе психологии установки Д. Н. Узнадзе, а также

В. П. Тугаринова. Кроме того, как своего учителя он снова отмечает социального психолога Хильду Химмельвайт [1, с. 27]. В своих интервью Ядов также вспоминал как своего учителя психолога В. Н. Мясищева — основателя ленинградской школы психотерапии, ученика В. М. Бехтерева и А. Ф. Лазурского. Таким образом, учителя Ядова, по его свидетельству, были психологами.

Наконец, в статье 2009 года В. А. Ядов констатировал признание себя как психолога психологическим сообществом: «Благодаря Хильде Химмельвайт я сделался вполне профессиональным социопсихологом и горжусь признанием таковым в сообществе психологов (при создании Европейской ассоциации экспериментальной психологии в 1965 г. из советских на учредительное действо были приглашены А. Леонтьев, Г. Андреева, И. Кон и Ядов. В разные годы мы были в составе руководства ЕАЭСП)» [9, с. 147].

3. Приведу короткие иллюстрации, к тому, что по совокупности назвала *обстоятельствами мест работы В. А. Ядова (это институции, программы, в которых он работал, профессиональная обстановка и окружение)*.

К числу влиятельных институций с точки зрения связи с психологией можно отнести *НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ (НИИКСИ)*. Здесь Ядов работал в 1965–1967 гг. Сюда была перемещена первая социологическая лаборатория, которую он возглавлял. НИИКСИ знаменателен в интересующем нас плане тем, что он был создан по инициативе Б. Г. Ананьева для комплексного, то есть разностороннего, с точки зрения разных наук, исследования человека и общества. Обстановка была междисциплинарной, сотрудничали специалисты из разных наук, в том числе и психологи. Здесь начался крупный проект В. А. Ядова по изучению внутренней мотивации молодых рабочих в сфере труда. Итогом его стала знаменитая книга «Человек и его работа» (1967). В предисловии к ней о задачах исследования авторы пишут, что собираются изучать «тенденции превращения труда в первую жизненную потребность человека» и что ключом к исследованию становится рассмотрение не только «функционального содержания труда», но и «особенностей личности рабочего, занятого в промышленности» [цит. по: 3].

Институт конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ), Ленинградское отделение (годы работы — 1967–1975), где развивалось направление «Личность и ценностные ориентации», которое с начала 1970-х гг. В. А. Ядов возглавлял. Здесь над этой проблематикой он плодотворно работал вместе с И. С. Коном, оказавшим на него большое влияние в плане освоения как социологии, так и психологии. В ИКСИ вышла уже упомянутая книга «Человек и его работа» (1967). Здесь же началась разработка диспозиционной теории.

Далее была работа в *Институте социально-экономических проблем (ИСЭП АН СССР, 1975–1984)*. Этот институт, по всей видимости, нельзя назвать самой благоприятной средой, особенно с приходом на должность директора Ивглафа Ивановича Сигова. Однако здесь плодотворно рабо-

тала группа Ядова и была закончена работа над диспозиционной теорией, а в 1979 г. — издана основная книга по этой теме [11]. Также были опубликованы результаты другого значимого для моего контекста исследования под руководством Ядова — книга «Социально-психологический портрет инженера: По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций» (1977) [7].

Личный коллектив Ядова, создаваемый им самим, был благоприятным профессиональным окружением. Борис Докторов, работавший в коллективах Ядова в Ленинградском отделении ИКСИ и ИСЭПе, уточнил детали картины в адресованном мне письме: «В. А. уже на моей памяти называл себя социальным психологом, дружил с Е. С. Кузьминым [Евгений Сергеевич Кузьмин (1923–1993) — основоположник социальной психологии в России советского периода, создатель кафедры социальной психологии в СПбГУ, этой специализации, а также промышленной социальной психологии. — Л. К.], отсюда и его интерес к факторному анализу, его приглашение на работу психологов: Аркадия Сопикова, Лены Смирновой, Володи Лосенкова, Володи Магуна, Леша Семенова (давно живет в Эстонии); у него в секторе был психолог Куаныш Муздыбаев; если поискать, у кого он был оппонентом в давние годы, — у массы психологов...». (Можно добавить в скобках, что и дома Ядова окружали психологи: жена Людмила Николаевна была социальным психологом и педагогом, сын Николай — психолог по образованию и кандидатской диссертации.)

Дальнейшее место работы Ядова — *Институт истории естествознания и техники, Ленинградское отделение* (1984–1988). Здесь Ядов с увлечением работал над проектом по психологии личности ученого.

В период своей работы в *Институте социологии РАН* (1988–2015) Ядов руководил целым рядом проектов, в которых исследуются такие психологические феномены, как социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности; социальная идентификация человека в кризисном обществе; структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания, в том числе по материалам сравнительных исследований с социологами Польши и Китая, и т. д.

Подчеркну, что при разработке подавляющего большинства тем — идеология, бюджеты времени, трудовые отношения, солидарности, социальные идентичности, социальные трансформации и т. д. — Ядова прежде всего интересует человек, социальная личность, чье поведение и действия определяются внутренними побуждениями, потребностями, мотивациями, установками. Ядова интересовало, как внутреннее «Я» человека влияет на социальные процессы и явления, включая, опосредованно, и их макро-масштабы. Напрашивается вывод о том, что соединение социологического и психологического знания создало особую исследовательскую оптику В. А. Ядова и дало ему основные инструменты для познания социальных феноменов разного масштаба.

В последний период жизни психологическая тематика занимала в комплексе интересов В. А. Ядова более скромное место, т. к. в числе прочих он писал работы по актуальным проблемам перестройки и ее последствий, о постсоветских трансформациях, о настоящем и будущем россий-

ской социологии, о развитии ее теоретического уровня. Но, несомненно, его исследовательская оптика, соединяющая социологию и психологию, сформированная за десятилетия научной деятельности, сохранилась навсегда. Можно констатировать, что социология Ядова — это синтез социологического и психологического знания.

На мой взгляд, эта сторона работы В. А. Ядова заслуживает детального исследования в рамках истории социологии и науковедения. Очевидно, изучение причастности работы Ядова к психологии личности, социальной психологии могло бы открыть новую страницу в историографии его личного творчества, а, значит, и в историографии отечественной социологии, что дало бы дополнительную почву для осмысления истории нашей науки.

Литература

Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нем. М.: ВЦИОМ. — 116 с.

Здравомыслов А. Г. Вехи научной биографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 3. С. 3–20.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. — 485 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=282>.

Интервью с профессором В. А. Ядовым / Подготовил В. В. Козловский // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 1. С. 6–18.

Кон И. С. Социологическая психология. Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. — 560 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / [Инициатор и рук. проекта В. А. Ядов.] 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.

Социально-психологический портрет инженера: По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В. А. Ядова. М.: Мысль, 1977. — 231 с.

Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М.: Мысль, 1967. — 392 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=282>.

Ядов В. А. К вопросу о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 145–154.

Ядов В. А. Мастер-класс профессора В. А. Ядова. Методологический практикум для студентов-социологов. М.: Аспект Пресс, 2004. URL: <http://www.ino-center.ru/press-center/publication/yadov.html>.

Ядов В. А., Магун В. С., Борзикова П. В., Водзинская В. В., Каюрова В. Н., Саганенко Г. И., Узунова В. Н., Семенов А. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979. — 264 с.

В. В. Козловский, Р. Г. Браславский

Ленинградская и петербургская социологическая школа: единая или множественная?

**Козловский
Владимир Вячеславович**

Доктор философских наук, профессор, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: v.kozlovskiy@socinst.ru

**Браславский
Руслан Геннадьевич**

Кандидат социологических наук, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: r.braslavsky@socinst.ru

Аннотация. Становление социологии в советском обществе в середине XX столетия происходило в различных географических центрах страны от Ленинграда до Новосибирска. Одним из интеллектуальных плацдармов возникновения и развития советской социологии стало сообщество ленинградских ученых, за которым закрепилось имя «ленинградской» социологической школы. Однако картина формирования и расцвета социологии в Ленинграде весьма противоречива. Фактическая история ленинградской социологии свидетельствует о наличии не единой школы, а о существовании целого ряда социологических школ. Среди них мы выделяем такие известные исследовательские группы, которые вправе претендовать на статус научной школы: ленинградская школа эмпирических исследований труда и производства; ленинградская школа социологии науки; ленинградская школа истории социологии; ленинградская школа социологии молодежи; ленинградская группа изучения СМИ; ленинградская школа социологии семьи и сексуальности; ленинградская школа социальных исследований города; ленинградская школа социального развития и планирования предприятий и регионов.

Ключевые слова: история ленинградской социологии; советская социология; постсоветская социология; ленинградская и петербургская социологическая школа.

Становление социологии в советском обществе в середине XX столетия происходило в различных географических центрах страны от Ленинграда до Новосибирска и было обусловлено целым рядом внешних и внутренних факторов. Внешними по отношению к общественным наукам, или обществознанию, выступали экономические, социальные и политические императивы поздне- и послесталинского периода. Внутренними факторами стали уровень образования населения, идеология, рост профессиональной квалификации, достижения науки, массовая культура, средства массовой информации. Имеющаяся литература дает совершенно разные толкования советской

социологии. Исследовательская ситуация в изучении дореволюционного и позднесоветского (1950–1980-е гг.) периодов истории социологии в России существенно различаются в силу разности самой исторической дистанции, отделяющей современного исследователя от объекта его изучения [1; 2]. После тридцатилетнего перерыва с начала 1920-х гг. воссоздание общественных наук трактуется как возрождение, иногда даже как второе рождение социологии.

В историко-социологической аналитике советского периода общественных наук преобладает выделение региональных или территориальных центров возникновения социологии, в частности: Москва, Ленинград, Урал (Свердловск), Казань, Киев, Новосибирск, Пермь, Ростов-на-Дону, Уфа, Тарту и др. Региональный подход с точки зрения выделения географически определяемых социологических школ (центров) наряду с персональным и предметно-отраслевым получил широкое распространение в анализе истории советской социологии послевоенного периода. Различные регионы различались между собой условиями для развития социологических исследований. Социология в виде эмпирических исследований в регионах представляла собой движение научных работников и представителей производства при поддержке регионального и местного партийного руководства [3].

Одним из интеллектуальных плацдармов возникновения и развития советской социологии стало сообщество ленинградских ученых, за которым закрепилось имя «ленинградской» социологической школы. Однако картина формирования и расцвета социологии в Ленинграде весьма противоречива. Фактическая история ленинградской социологии свидетельствует о наличии не единой школы, а о существовании целого ряда социологических школ.

С нашей точки зрения, утверждение о существовании Ленинградской социологической школы слабо обосновано и отражает групповой характер оценки исторического прошлого в советской социологии. Мы предлагаем иное измерение роли развития социологии в Ленинграде и места ленинградских социологов в советской социологии 1956–1989 гг. Фактически единой ленинградской социологической школы не было. Возникли и существовали отдельные группы и направления, занимавшиеся в той или иной мере социальными исследованиями. Даже перечень ученых, внесших вклад в становление социологии в Ленинграде, показывает, что фактически палитра имен социологов крайне многообразна.

Среди них мы выделяем такие известные исследовательские группы, которые вправе претендовать на статус научной школы: ленинградская школа эмпирических исследований труда и производства (А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан В. А. Ядов); ленинградская школа социологии науки (С. А. Кугель, И. А. Майзель, М. Г. Лазар, И. И. Лейман); ленинградская школа истории социологии (Б. А. Чагин, И. А. Голосенко, А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров); ленинградская школа социологии молодежи (В. А. Лисовский, С. Н. Иконникова); ленинградская группа изучения СМИ (Б. М. Фирсов); ленинградская школа социологии семьи и сексуальности (И. С. Кон, С. И. Голод); ленинградская школа социальных исследований города (М. Н. Межевич, И. И. Сигов); ленинградская школа социального развития и планирования предприятий и регионов (В. Я. Ельмеев, Б. Р. Рященко, Е. П. Юдин).

Наличие социологических групп и центров как школ в северной столице, то есть множества ленинградских социологических школ, свидетельствует об отсутствии некоей единой ленинградской социологической школы, представленной, по мнению коллег, в эталонном тексте ленинградской социологии — монографии «Человек и его работа» (1967) [1, с. 9]. Полагаем, что данное утверждение является преувеличением. Иными словами, та или иная ленинградская школа — это прежде всего группа или несколько соперничавших групп исследователей избранного научного направления. Симптоматично размышление В. А. Ядова о типичной для нашей социологии последних 40 лет ленинградско-петербургской истории. Он отмечает важность истоков социологии: «Это характерно для всей, не только ленинградской социологии... Социологи сами по себе из разных наук произрастали — из философии, экономики, математики, психологии», выделяя два направления: *первое — просветительское* «... было менее плодотворным, хотя вклад его нельзя не оценить, как очень весомый»; *второе — исследовательское*, «которое формировалось в Ленинграде, исходило из принципа связи теории с эмпирическим знанием», поскольку достичь этого подлинного, серьезного знания об обществе можно с помощью надежных методов современной науки [1, с. 11, 13].

В действительности социологических направлений было гораздо больше. Поэтому следует говорить именно о множественности социологического академического поля в Ленинграде. Исследовательские группы, лаборатории и центры занимались самой разной социологической проблематикой: социальная структура, труд, работа, производство, молодежь, семья, образование, город, социальное планирование. Все они, безусловно, играют особую роль и занимают весомое место в развитии целого букета направлений ленинградской социологии.

Постсоветская социология в Санкт-Петербурге характеризуется сохранением многовекторности развития социологических исследований в государственных, негосударственных и коммерческих организациях. Произошла радикальная смена институциональных арен петербургской социологии. Произошел настоящий взрыв социологического образования. В ряде университетов города, преимущественно в Санкт-Петербургском госуниверситете, с 1989 г. было подготовлено несколько тысяч дипломированных специалистов, а с начала 2000-х — большой отряд бакалавров, магистров, кандидатов и докторов социологии. Иными словами, в кадровом отношении количественно петербургская социология многократно выросла. В сравнении с ленинградским периодом можно утверждать, что в петербургский период социология институционализировалась как самостоятельный академический сектор социальных наук, включая исследования, образование, профессиональную деятельность. Социология сформировалась дисциплинарно как самостоятельный сегмент социогуманитарного знания. Вместе с тем, наряду с академической профессиональной зрелостью социологическое сообщество в Санкт-Петербурге институционально разделено. Исследовательская тематика разнообразна, однако специализированных периодических изданий для обнародования результатов социологических исследований явно недостаточно, международных социологических теоретических, эмпирических

и прикладных проектов крайне мало. Оценка уровня достижений петербургских социологов в изучении широкой палитры проблем современного российского общества требует особого тщательного анализа и взвешенности.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00950).

Литература

Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы). Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г. / Отв. ред. В. В. Костюшев. М.; СПб.: Российское общество социологов, Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Инст-т социологии РАН, 1998. — 175 с.

Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века. Сер. «Российская социология». Выпуск 4 / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — 364 с.

Тощенко Ж. Т. Региональные социологические центры 1960–1970-х годов // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 328–335.

В. В. Костюшев

«Ленинградская социологическая школа»: индивидуальные и коллективные исследовательские практики

Костюшев

Владимир Владимирович

Кандидат философских наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vvkost@yandex.ru

Аннотация. Ленинградская социологическая школа рассматривается как (1) коллективные и индивидуальные исследовательские практики социологов «круга Ядова», основанные на диспозиционной концепции личности и тщательной методологической работе; (2) сообщество социологов, солидарных в методологических основаниях и понимании научного и гражданского этоса социологии; (3) воспроизводство исследовательских практик школы в СССР и за рубежом. Школа формировалась в конкретном политическом, идеологическом и научно-организационном контексте, является продуктом данного контекста, ее институциональная история завершилась вместе с радикальным политическим изменением структуры возможностей академических исследований, интеллектуальная история сохраняется в современных индивидуальных исследовательских практиках.

Ключевые слова: история советской социологии; Ленинградская социологическая школа; диспозиционная концепция; коллективные и индивидуальные исследовательские практики; этос науки.

В истории советской социологии многими авторами описывался и анализировался уникальный для советского политического, идеологического и научно-организационного контекста «незримый колледж», особая научная «институция», получившая в устной традиции и в историко-научных исследованиях название «Ленинградской социологической школы». Термин ассоциируется с именем научного лидера и организатора школы Владимира Александровича Ядова, и школа именуется также «школой Ядова». История научной школы — с первых исследований начала 1960-х, представленных в «Человеке и его работе» (1967), в последующих «Социально-психологическом портрете инженера» (1977) и «Саморегуляции и прогнозировании социального поведения личности» (1979), а также в поздних теоретических, методологических и полевых исследованиях Ядова и коллег — остается предметом дискуссий и требует профессионального историко-научного изучения в рамках истории советской/российской социологии и социологии науки.

В докладе обращается внимание на один из тезисов диспозиционной концепции Ядова, имеющий фундаментальную ценность для современной социологии — тезис о рассогласовании ценностных установок и социального поведения личности, описываются также коллективные и индивидуальные исследовательские практики «школы Ядова».

Термин «Ленинградская социологическая школа» обозначает — в рамках социологии науки: (1) исследовательские практики представителей «школы», отличающие ее от внешнего научно-организационного контекста и основанные на базовой теоретической модели — диспозиционной концепции, ставшей основанием других теоретических и методологических разработок, (2) воспроизводство и распространение исследовательских практик «школы» в научной работе исследовательских и образовательных центров в СССР и за рубежом, а также (3) сообщество социологов, реализующих данные исследовательские практики и солидарных в понимании научного и гражданского этоса, значимого для политического и научно-организационного контекста исследований.

Историко-политический контекст формирования научной школы, сводимый к структуре возможностей, политических, научно-организационных и исследовательских, задававших жесткие рамки гражданского и исследовательского действия в советской системе — важное условие формирования школы. «Школа Ядова» формировалась в конкретном политическом, идеологическом и научно-организационном контексте и является продуктом жесткого и некомплементарного для исследований контекста, и ее институциональная история завершилась вместе с радикальным изменением контекста в сторону комплементарных для академических социологических исследований условий. Тем ценнее научные результаты «школы Ядова», значимые для современной социологии.

Дискуссии о «школе Ядова» сопровождали исследовательскую работу ее авторов с первых исследований, обсуждения продолжались в последующие годы, они представлены и в современных историко-научных исследованиях. Крупная международная конференция «Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы)» — с докладами И. С. Кона, О. И. Шкаратана, В. Н. Шубкина, В. Л. Шейниса, В. Е. Хмелько, Б. М. Фирсова, М. Лауристин, В. А. Ядова и других коллег — была проведена в Петербурге в 1994 году.

В литературе представлены разные понимания «Ленинградской социологической школы»: формальное понимание, связанное с воспроизводством стандартов методической работы, распространением методического арсенала школы в исследовательских и образовательных центрах; содержательное понимание, связанное с воспроизводством и развитием парадигмального основания школы — диспозиционной концепции В. А. Ядова и ее эмпирических верификаций. Формальная версия адекватна для понимания советского контекста 1970-х и связана, в частности, с развитием полевых исследований в университетских и академических центрах СССР, а также служб заводской социологии; содержательная версия — собственно «научной школы» — справедлива для понимания российской социологии до настоящего времени, для современных исследований ценностных ориентаций, развивающих и верифицирующих диспозиционную концепцию и результаты полевых исследований — как российских, так и международных.

Состояние научной школы — концептуальных оснований, методического арсенала, практик полевой работы — не было статичным и менялось в связи с обогащением теоретического и методического опыта авторов,

а также вследствие изменения научно-организационного и политического контекста. В динамической модели школы можно выделить три стадии, различающихся «содержанием труда» и результатами: 1) первые полевые исследования мотивации труда рабочих, проводимые в социологической лаборатории Ядова и представленные прежде всего в монографии «Человек и его работа» (1964): особенность этого периода сводится к тщательно разработанному методическому арсеналу полевых исследований; 2) теоретическая разработка Ядовым диспозиционной концепции, представленной в научных статьях и в известных коллективных монографиях «Социально-психологический портрет инженера» (1977), «Саморегуляция и социальное поведение личности» (1979), верифицированной в серии полевых исследований; 3) развитие концепции и методического арсенала исследований ценностных ориентаций в других авторских проектах, представленных, в частности, в расширенном и дополненном издании монографии «Человек и его работа» (совместно с А. Г. Здравомысловым) и других проектах, в частности, в сравнительных исследованиях ценностей В. С. Магуна.

Парадигмальным основанием теоретических и полевых исследований школы является диспозиционная концепция — теоретическая конструкция, разработанная Ядовым в серии методических и полевых работ в коллективных исследовательских проектах. Концепция формировалась постепенно, можно выделить стадии теоретической работы — от первых описательных исследований ценностных ориентаций (тема ценностных ориентаций обсуждалась авторами с начала 1960-х) до завершенной теоретической конструкции.

Одним из центральных эвристичных положений концепции является теоретическое предположение о фундаментальном рассогласовании ценностных ориентаций и социального поведения личности. Вместе с пониманием трехуровневной иерархии ценностей и других положений концепции, «тезис рассогласования» имеет фундаментальное значение для теоретической работы научной школы, реализуемый в последующем в разных исследовательских проектах. Важную теоретическую эвристичность тезис о рассогласовании ценностных ориентаций и социального поведения имеет для российской социологии в настоящее время, для исследователей социальной реальности многих культур с характеристиками структурной неопределенности.

Школа Ядова реализовалась в серии коллективных исследовательских проектов: «Человек и его работа», «Социально-психологический портрет инженера», «Саморегуляция и социальное поведение личности», в рамках которых сложился устойчивый авторский коллектив — с функциональным разделением ролей в научном коллективе: внутренними теоретическими и методологическими критиками, разработчиками методик, руководителями и работниками исследовательского поля, интервьюерами, специалистами в области статистической обработки и анализа социологической информации и, конечно, научным лидером исследовательских проектов, определяющим содержание и направления всей исследовательской работы. Важно отметить богатый и уникальный для советского научного контекста методический арсенал полевых работ авторов «школы».

Представляется, что именно творческое взаимодействие всех коллег в научном коллективе – на всех стадиях формирования и реализации исследовательских проектов – разработки и коллективного обсуждения теоретических оснований исследований, диспозиционной концепции, различных версий методического арсенала – до тщательного обсуждения каждого методологического блока и вариантов исследовательских методик — явилось важнейшим и основным условием формирования и развития школы.

В рамках коллективных исследовательских проектов развивались индивидуальные авторские исследовательские практики: теоретическая работа по обсуждению и внутренней критике диспозиционной концепции (А. Н. Алексеев, В. Б. Голофаст, В. С. Магун, А. А. Семенов и др.); тщательная методологическая работа при подготовке методических документов исследовательских проектов (А. Н. Алексеев, О. Б. Божков, В. Н. Водзинская, В. Б. Голофаст, Л. Д. Докторова, В. Н. Каюрова, Л. Е. Кесельман, Б. И. Максимов, А. А. Семенов и др.) и др. В последующем ценный опыт участия коллег в коллективных проектах реализовался в ярких авторских исследовательских проектах в области социологической теории (А. Н. Алексеев, В. С. Магун), методологии (О. Б. Божков, В. Б. Голофаст), статистической обработке и анализе социологической информации (В. С. Магун, Г. И. Саганенко), практике организации и проведения полевых исследований (Л. Е. Кесельман, Т. З. Протасенко). Основные работы представлены в списке литературы.

Теоретические и методологические основания коллективных исследовательских проектов школы Ядова реализовались в последующем в ярких авторских проектах участников коллективных проектов Ядова. А. Н. Алексеев разработал авторскую уникальную методологию наблюдающего участия; О. Б. Божков тщательно описал ключевые проблемы в понимании выборочных совокупностей в социологических исследованиях; В. Б. Голофаст разработал фундаментальное авторское понимание методологического анализа как самостоятельного направления в теоретической социологии, в рамках которого выделил принципиальное различие функционалистских и целеполагающих теорий (Ф-теорий и Ц-теорий) в социологии и социальных/гуманитарных науках в целом; Л. Е. Кесельман — авторскую методологию уличных опросов, на основе которой провел уникальные для отечественной социологии полевые электоральные исследования; В. С. Магун разработал авторскую концепцию потребностей в рамках общетеоретического понимания «блага», критически пересмотрел данные и результаты полевых исследований проекта «Человек и его работа» и предложил понимание ценностных ориентаций, реализованное в международных сравнительных исследованиях; Г. И. Саганенко представила авторские разработки в понимании надежности социологических данных.

Историкам науки еще предстоит историко-социологическая работа по разработке интеллектуальных творческих портретов коллег В. А. Ядова — А. Н. Алексеева, О. Б. Божкова, В. Б. Голофаста, А. Г. Здравомыслова, Л. Е. Кесельмана, В. С. Магуна, Б. И. Максимова, Г. И. Саганенко, А. А. Семенова, Д. Н. Шалина и других советских/российских социологов.

Богатые материалы и опыт биографики — творческих портретов социологов — представлен в уникальном историко-биографическом исследовании Б. З. Доктора.

Особую ценность имеют малоизученные первые теоретические и полевые исследования, проведенные социологической лабораторией Ядова в Ленинградском университете: авторское участие в первых коллективных проектах А. Г. Здравомыслова, соавтора замысла теоретической разработки и полевых исследований потребностей и ценностных ориентаций, а также участников проектов Д. Н. Шалина, Г. И. Саганенко, А. А. Семенова и других коллег. Особое значение имеет исследование профессионального партнерства Ядова с социологами из других республик и городов СССР, особенно эстонскими социологами. В Тарту Ядов опубликовал первый в СССР учебник социологии.

В рамках коллективных и индивидуальных исследовательских проектов «школы Ядова», проводимых в некомплиментарной научно-организационной среде с доминированием постулатов исторического материализма и научного коммунизма, цензуры и идеологического контроля, складывались институциональные и исследовательские практики коллективного и индивидуального действия социологов. Практики защиты научного этоса социологии — академизма и исследовательской независимости, культивируемые в школе Ядова, — вступали в противоречие с рамками исследовательского действия в советском политическом контексте и с трудом авторами преодолевались — с победами и поражениями — и, как мы констатируем сегодня, сохранены с достоинством.

Литература

Алексеев А. Н. Средства массовой информации (проблемы теории и методологии исследования) / Науч. ред. В. А. Ядов. Рукопись. 1973. — 242 с. // Архив ЕУСПб.

Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1–4. СПб.: СИ РАН, Норма, 2003–2005.

Божков О. Б. Социология: ориентир — классика. Предварительные итоги. СПб.: Эйдос, 2014. — 504 с.

Вооглайд Ю., отв. ред. Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кялярику-1966. Тарту, 1967. — 213 с.

Голофаст В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1981. — 159 с.

Докторов Б. З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. — 560 с.

Кесельман Л. Е. Уличный опрос в социологическом исследовании. Самара: Фонд социальных исследований, 2001. — 80 с.

Костюшев В. В. Начало «драматической социологии»: история неопубликованной монографии А. Н. Алексеева «Средства массовой информации» (1973) // Телескоп, 2019, № 4 (136). С. 23–31.

Костюшев В. В., отв. ред. Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы). Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994. М.-СПб.: Российское общество социологов, Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Институт социологии РАН, 1998. — 175 с.

Магун В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности / Под ред. В. А. Ядова. М.: Наука, 1983. — 176 с.

Саганенко Г. И. Социологическая информация: Стат. оценка надежности исход. данных социол. исслед. / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. — 142 с.

Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова Т., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: НЛО, 2015. — 832 с.

Человек и его работа (социологическое исследование) / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М.: Мысль, 1967. — 392 с.

Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968. — 281 с.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М.: Академкнига, Добросвет, 2003. — 596 с.

Ядов В. А., отв. ред. Социально-психологический портрет инженера: По материалам обследования инженеров ленингр. проект.-констр. организаций. М.: Мысль, 1977. — 231 с.

Ядов В. А., отв. ред. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979. — 264 с.

Ядов В. А., Здравомыслов А. Г. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2003. — 485 с.

А. Н. Малинкин

Полипарадигмальный подход В. А. Ядова, моя критика и контркритика¹

**Малинкин
Александр Николаевич**

Кандидат философских наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: lo_zio@bk.ru

Аннотация. Автор исходит из того, что идея социологической мультипарадигмальности возникла вследствие падения марксистско-ленинской идеологии и вместо нее, поскольку заполнила образовавшуюся на месте идейно-ценностную и методологическую пустоту. Показывается, что взгляды В. А. Ядова на теоретическо-социологическую мультипарадигмальность, представленные в его поздних работах, далеко не однозначны по своему смыслу и допускают множество интерпретаций. Выявляя их, автор усматривает и демонстрирует сущностное родство этой идеи с доктриной эпистемологического анархизма П. Фейерабенда. С позиций социологии знания автор критикует полипарадигмальный подход как методологию социального познания, признавая его целесообразность с точки зрения психологии социального познания. Такая интерпретация послужила, в свое время, отправной точкой для полемики автора с В. А. Ядовом, которую, однако, трудно признать вполне состоявшейся.

Ключевые слова: полипарадигмальный подход; социология знания; деидеологизация; критика идеи полипарадигмальности с позиций социологии знания; психология научного познания; методология научного познания; эпистемологический анархизм.

1. Специфика подхода с точки зрения социологии знания

Социология знания может интересоваться не только самим знанием, но и его отсутствием там и тогда, где и когда оно могло бы предполагаться имеющимся в наличии, в частности, утратой социально-значимым знанием своей общественной значимости [7]. Причины падения в начале 1990-х годов в нашей стране марксизма-ленинизма – казалось бы, несокрушимой идейной глыбы – заслуживают пристального внимания и осмысления с точки зрения социологии знания. В данном случае нас интересует не причины, но последствия этого события в области истории идей, а именно тот самый момент, когда оно только что произошло и стало очевидным фактом.

¹ Более развернуто идеи этих тезисов изложены в статье: Малинкин А. Н. О природе пустоты, возникшей на месте марксизма-ленинизма с начала 1990-х годов. Исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 3. С. 26–45. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6674

2. Общий исторический контекст

Взамен марксизма-ленинизма в России не было создано ничего. Монолитный комплекс знаний перестал функционировать в обществе, т. е. утратил актуальную социальную значимость. В этом (и только в этом) смысле там, где он был, образовалась *пустота*. Но отказ от государственной идеологии в стране, где 70 лет царила идеократия, – это *идеологизация* государства, общества, культуры, образования и науки, обыденной жизни в радикально-либеральном и анархистском духе, а именно – в духе общества, открытого настежь для всех и всяческих смыслов, идей, ценностей, стилей поведения и стандартов жизни. Пустота начала заполняться западными социологическими теориями, концепциями, понятиями, которые теперь могли заимствоваться без оглядки на идеологическую цензуру и без критики их т. н. «буржуазности».

3. «Нулевой цикл» новой российской социологии

К началу 2000-х годов, когда в России в целом уже сложилась новая интеллектуальная ситуация, возникла необходимость ее осмыслить. Поскольку она представляла собой нечто весьма хаотичное – как в доктринальном отношении, так и методологическом, – требовалось ее как-то упорядочить. Этим озаботился В. А. Ядов, возглавлявший тогда головной социологический институт РАН. Кому, как не ему, заслуженно занимавшему лидерскую позицию в российской социологии, было тогда взяться за это ответственное дело, хотя и, прямо скажем, неблагоприятное. На мой взгляд, В. А. Ядов, наблюдая, как взамен пустоты на месте марксизма-ленинизма стихийно «расцветают все цветы», принял адекватное историческому моменту либеральное решение. Он объявил: *ita fiat*¹. И выступил за «полипарадигмальный подход» в социологии. Тем самым нужда была выдана за добродетель, причем в бессрочном порядке.

Вот, например, как эту «добродетель» оценивает Б. М. Фирсов: «Еще одна беда – эклектическое восприятие западных теорий в попытках приложить их к успешности нашего транзита, подтверждения эффективности власти или к столь же искреннему обличению ее (власти) неудач» [4 с. 77].

4. Моя критика «полипарадигмального подхода»

Критическое отношение к позиции В. А. Ядова я выразил в двух статьях. Изначально это был один большой связный текст, пришлось разбить его на две части. Первая философская часть была опубликована в журнале «Логос», вторая часть, философско-социологическая и политологическая, – в журнале «Социологические исследования» [2; 3]. В ответе на мою критику В. А. Ядов почему-то отреагировал только на вторую статью,

¹ Да будет так!

проигнорировав первую [8]. Поскольку он не ознакомился с содержанием первой важнейшей части, то мог судить о нем только по пяти предложениям преамбулы второй. Не удивительно, что лишенная головной философской части публикация показалась моему оппоненту «несколько странной». А ведь первая статья была как раз целиком посвящена критическому анализу теоретико-методологической позиции В. А. Ядова, вторая же – анализу интеллектуальной ситуации в стране, в частности, критике позиции Б. Грушина. Взгляды В. А. Ядова затрагивались в ней только в сравнении со взглядами Б. Грушина.

Я вынужден отклонить контркритику, при том, что она была изложена в мягкой деликатной форме, прежде всего, ввиду очевидной невнимательности, с какой В. А. Ядов подошел к оценке выдвинутых против его позиции аргументов¹. У меня сложилось впечатление, что мы подразумевали разные реалии, стоящие за одинаковыми по написанию, но многозначными по содержанию понятиями. Налицо недоразумение, тем более досадное, что я с большим уважением отношусь к В. А. Ядову как человеку и выдающемуся ученому (о чем так и написал в *первой* статье). Несмотря на это, я и сегодня считаю: тексты В. А. Ядова позволяют утверждать, что в них смешиваются два принципиально различных смысла «полипарадигмального подхода», – *психологический* и *логический*. Соответственно, этот подход понимается попеременно то как исследовательская стратегия, то как социологическая методология [2, с. 97–99].

Знание социологом множества познавательных парадигм само по себе, безусловно, полезно (в психологическом плане). Наличие этого знания в актуальном сознании или памяти расширяет познавательный горизонт. Однако применение субъективного потенциала знания в исследовательской практике всегда сталкивается с объективными ограничениями со стороны предмета. Выбор познавательной парадигмы обусловлен объективно-предметно, он никогда не бывает и не может быть субъективно-произвольным, независимо от того, осознает социолог предметную обусловленность выбора парадигмы или нет. Точно так же, объективно-предметно, обусловлено и решение вопроса о принципиальной возможности *совмещения* различных парадигм в исследовательской практике одного и того же предмета. Решение вопроса, допустимо ли совмещать различные парадигмы в познании одного и того же предмета в одно и то же время в одном и том же отношении (логический план), зависит не только от воли познающего субъекта, но и от познаваемого предмета – его онтологического ста-

¹ Реакция на первую статью, увы, так и не появилась. Во втором издании «Современной теоретической социологии...» В. А. Ядов лишь повторяет мои слова из преамбулы ко второй статье, хотя ссылается на первую, указывая, что она «в производстве» – и это в 2009 г. о статье 2005 г. Отсюда – искажающая смысл интерпретация: после утверждения, что «...современная теоретическая социология полипарадигмальна» В. А. Ядов пишет: «Правда, в отечественной литературе высказываются мнения о том, что данное утверждение «узаконивает беспринципную эклектику» и что концепция полипарадигмального подхода опирается на определенные идеологические и философские принципы, а именно – либералистские и прагматистские» [9, с. 23]. Во-первых, это утверждение не было объектом моей критики; у нее была другая направленность, поэтому и смысл ее совершенно другой (см. далее). Во-вторых, в последней части моих слов В. А. Ядов усмотрел почему-то «обвинения идеологического свойства», хотя никаких обвинений в них нет.

туса, способа его феноменальной данности, качественных и количественных характеристик, свойств, особенностей и т. д. Выбор познавательной парадигмы и решение об ее совместимости с другими парадигмами необходимо связаны и неотделимы друг от друга: это по сути двуединый акт.

Таким образом, *психология социального познания* (творчества) предполагает знание социологом многих познавательных парадигм и многознание вообще, тогда как *методология и логика социального познания* требуют правильного выбора либо одной единственной парадигмы, адекватной изучаемому предмету, – либо двух и более парадигм, адекватных ему в различной мере. Между тем, выбор познавательной парадигмы не имеет ничего общего с выбором товара в супермаркете из наличной «товарной линейки» или с подбором гаечного ключа по размеру гайки.

Исследователь не может менять парадигмы, как перчатки по своей прихоти. Чем легче он «перескакивает» из одной парадигмы в другую, из другой в третью, и т. д., тем вероятней, что это не серьезный ученый, а ухарь или имитатор. Конечно, один и тот же социолог может изучать одновременно *несколько предметов*, для чего ему понадобится знание многих познавательных парадигм. Но в таком случае речь идет уже не о «совмещении» последних, но об их поочередном использовании. Под «использованием» другой парадигмы после работы в одной (первой) имеется в виду переход от одного способа видения, понимания и мышления предмета, к совершенно другому способу. Каждый, кто делал это, знает насколько психологически трудно переключаться с привычного (для него) мировидения, с которым сжился за долгие годы, если не сказать: органически сросся, на другое. Этот происходит на социально-антропологическом уровне и в определенном смысле означает смену *менталитета*.

5. Что означала «полипарадигмальность» для В. А. Ядова?

После ознакомления с ответной критикой В. А. Ядова и книгой Б. З. Докторова «Мир Владимира Ядова», я убедился в том, что полипарадигмальность имеет для В. А. Ядова еще и два других смысла, которые также постоянно смешиваются между собой и с другими: 1) метатеоретически-аналитический смысл как характеристика «современной социологической теории»; 2) потенциальный онтический смысл как характеристика социальной реальности, которая еще только должна быть сконструирована активно действующими социальными агентами.

«Я определенно был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о *полипарадигмальности современной социологической теории*, причем Маркс занимает далеко не последнее место, он рядом с Вебером» [1, с. 74]. «По моему убеждению, прорыв наметился в *деятельностно-активистских теориях* (Дж. Александер, М. Арчер, П. Бурдье, А. Гидденс, П. Штомпка и многие другие), которые следуют марксовой идее относительно того, что, *рождаясь, при одних условиях, люди своей практической деятельностью их изменяют и изменяются сами*» [8, с. 128]. «Мы

призваны анализировать социальные *реалии современности, которые столь же подвержены влиянию не зависящих от социальных субъектов обстоятельств, сколь социальным изменениям, инициируемых ими*. Активистская парадигма **реалистична**, в смысле концепции Норманна Элиас» [8, с. 129]. (Курсив мой, жирный шрифт автора. – А. М.)

6. Что означала «полипарадигмальность» В. А. Ядова для Б. З. Докторова?

Автор книги «Мир Владимира Ядова» Б. З. Докторов, в свою очередь, вкладывает в понятие полипарадигмальности свой особый, политико-научный и научно-организаторский, смысл (имея на это, разумеется, полное право), – смысл, отличный как от того, который имел в виду сам В. А. Ядов, так тем более от того, о котором писал я.

«...Перед Ядовым, как директором головного Института, стояла задача определения, уточнения перспектив многих исследовательских подходов, направлений в российской социологической науке. Отчасти все это нашло отражение в его концепции полипарадигмальности современной российской теоретической социологии» [1, с. 74]. «Во-многом под влиянием Ядова произошел «мирный переход» от советской социологии к постсоветской, имеется в виду его полипарадигмальный подход» [1, с. 5]. «...Сделанное им в плане акцентирования полипарадигмальности современной теоретической социологии во многом обеспечило «бескровный» переход от советского к постсоветскому периоду отечественной социологии. Возможно, тем самым ему удалось решить уникальную задачу науковедения и организации науки» [1, с. 107]. «Хотя в моей переписке с Ларисой Козловой и Александром Малинкиным моя интерпретация Ядовского полипарадигмального подхода как «Юрьева дня» для российской социологии подверглась сомнению, я все же остаюсь при своем мнении. «Юрьев день» в Институте социологии ... помог сохранить кадры и, главное, активизировал исследовательскую деятельность» [1, с. 90]. «Конечно, мне было приятно прочесть в ответе Малинкина слова: «Наверно, Вы правы, когда пишете, что „построение В. А. – скорее политико-научное (он пришел к нам, чтобы дать нам свободу), чем теоретико-методологическое“. Речь, похоже, идет отчасти о политике в области науки, отчасти – о политическом взгляде на научное познание, или, может быть, лучше сказать, о политически-идеологическом взгляде. Дескать, „пусть расцветают все цветы“» [1, с. 89].

Нелепо продолжать полемику, когда оппонент не может возразить, поэтому я считаю закрытой дискуссию, которую, правда, трудно назвать состоявшейся. Отмечу только, что не все четыре смысла, в которых сам В. А. Ядов понимал «полипарадигмальность», исключают друг друга, а мое согласие с Б. З. Докторовым в отношении того, что означала для В. А. Ядова «полипарадигмальность», не исключает того, что моя критика позиции В. А. Ядова была правомерной.

7. О мотивах моей критики «полипарадигмального подхода» В. А. Ядова

В статье, опубликованной в журнале «Логос», я отметил сходство концепции «полипарадигмальности» В. А. Ядова с модным в то время эпистемологическим анархизмом П. Фейерабенда [2, с. 101]. Это *существенное* сходство. Эпистемологический анархизм представляет собой прагматистскую философию науки и научного познания, которая основывается на мировоззренческом плюрализме. П. Фейерабенд доказывает: сколько бы ни существовало эпистемологических концепций (познавательных парадигм) в истории или в качестве актуального знания о них в современном обществе, одна единственная истинная теория познания невозможна. Он констатирует факт относительности результатов познания, какая бы парадигма в нем ни использовалась. С его точки зрения, этот факт свидетельствует об отсутствии закономерности в познавательном процессе и принципиальной неспособности человеческого разума контролировать его. Неравномерность познавательного процесса, сбои и скачки в нем, обусловленные реально-историческими или идейно-историческими спадами и взлетами, означают, что наука развивается хаотично, незакономерно, случайным образом.

Из этого П. Фейерабенд делает релятивистский вывод, что претензия любой теоретико-познавательной концепции (парадигмы) и соответствующей ей методологии на получение истинных результатов сомнительна и что, следовательно, никакого подлинного прироста (аккумуляции) знания в познании не может быть. Как один из самых радикальных антиаккумулятивистов он отрицает, что в научном познании сохраняется устойчивое ядро объективных истин. По мнению австрийского философа науки, прирост знания в познании невозможен, поскольку различные парадигмы в принципе несоизмеримы, поэтому несовместимы, подобно тому, как несовместимы зеленое, теплое и шероховатое. Правда, это не мешает исследователю в практике совмещать любые из них в любом ассортименте – лишь бы «работали». Не признает он и тот принцип, согласно которому новые, более широкие и глубокие теории включают в себя как частный или предельный случай старые более узкие, односторонние теории.

П. Фейерабенд выдвинул концепцию, согласно которой в научном познании одновременно действуют два принципа: *принцип неограниченной пролиферации*, т. е. умножения конкурирующих различных или альтернативных гипотез, и принцип *теоретического упорства*, или *прочности*, означающий воздержание от введения каких-либо гипотетических альтернатив ради сохранения уже имеющихся теорий. Согласно первому принципу, «*годится все*» (по выражению П. Фейерабенда, «*anything goes*»). Второй принцип ради спасения старых теорий тоже допускает все, поэтому формулируется в форме тезиса «*делай, что хочешь*». Оба принципа, взаимодействуя, фактически сливаются в единый конвенционалистский методологический постулат, который выражает следующая сентенция: «...Все то, что может сказать рационалист о науке (и любой другой интересной деятельности), выражается двумя словами: “Все дозволено”» [5, с. 498].

Если такой постулат, как считает П. Фейерабенд, вполне применим к естественным наукам, то что уж говорить о науках социальных и гуманитарных! Возникает, на мой взгляд, чисто риторический вопрос: существует ли более честное и адекватное обоснование полипарадигмального подхода в социологии, чем то, которое дано в концепции П. Фейерабенда?

Эпистемологический анархизм – это рафинированная плюралистическая философия свободы индивидуально-личностного научного творчества, которая предполагает знание фундаментальных основ философии, науки и культуры вообще. Что за ней стоит? Утверждение безначалия тем, кто сам блестяще вышколен. Проповедь хаоса человеком, который прекрасно понимает и ценит космос. Фигурально выражаясь, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда – это лекарство от засилья догматизированного идейного монизма, научного рационализма и излишнего педантизма, средство омоложения позитивной науки, погрязшей в старчески заскорузлой рассудочности. Но педагогично ли обращение его анархической проповеди к студентам, молодым людям, в массе своей мало чего знающим и не работавшим еще твердых принципов?

Если сравнить эпистемологический анархизм с музыковедческой теорией импровизации, созданной тем, кто имеет классическое консерваторское образование, то преподавать эпистемологический анархизм студентам – все равно, что учить джазовой импровизации или музыкальному авангарду тех, кто еще не овладел нотной грамотой и инструментом. Но так не должно быть. Нельзя допускать падения методологического канона, хотя бы и перед лицом распада государства и провала марксизма-ленинизма. Таким был главный мотив моей критики «полипарадигмального подхода» В. А. Ядова, поскольку он в сущности близок эпистемологическому анархизму и прокламировался в курсе лекций для студентов.

Чему же учил П. Фейерабенд?

«В конце концов, именно Разум включает в себя такие абстрактные чудовища, как Обязанность, Долг, Мораль, Истина и их более конкретных предшественников, богов, которые использовались для запугивания человека и ограничения его свободного и счастливого развития. Так будь же он проклят!...» [6, с. 322]¹.

Литература

Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова: В. А. Ядов о себе и его друзья о нем. М.: Радуга, 2016.

Малинкин А. Н. Полипарадигмальный подход в социологии: мнимый выход из мнимой дилеммы // Логос. 2005. № 2. С. 97–112.

¹ Можно понять негодование И. Лакатоса-преподавателя, о котором написал сам П. Фейерабенд: «Книга “Против методологического принуждения” сложилась из лекций, прочитанных мною в Лондонской школе экономики и Университетском колледже Лондона. Имре Лакатос прослушал большую их часть. Окно его служебной комнаты в Лондонской школе экономики было расположено как раз напротив окна лекционного зала. Он слышал то, что я говорил, и нередко врывался в аудиторию с возражениями» [5, с. 473] (курсив мой. – А. М.).

Малинкин А. Н. Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 114–123.

Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации / Отв. ред. Л. А. Козлова; ред.-сост. Н. Я. Мазлумянова, И. А. Шмерлина; Учреждение Рос. акад. наук Институт социологии РАН. М.: Научный мир, 2010.

Фейерабенд П. (1) Наука в свободном обществе / Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

Фейерабенд П. (2) Против методологического принуждения / Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.

Ядов В. А. По поводу статьи А. Н. Малинкина // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 127–129.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009.

П. Давей

В. А. Ядов – ученый с духом гуманизма

**Пан
Давей**

Профессор, Центр исследований России и Центральной Азии
Шанхайской академии общественных наук, Шанхай, Китай.

E-mail: pandw29@hotmail.com

Аннотация. Гуманизм утверждает личность и человечность, осмысляет человечность как фундаментальную ценность. В своей научной карьере и в жизни В. А. Ядов проявлял себя именно как ученый, проникнутый духом гуманизма.

Жизнь В. А. Ядова практически полностью связана с развитием социологии в Советском Союзе и позже в России. В течение всей своей профессиональной деятельности В. А. Ядов посвящал свои интеллектуальные усилия любимому делу — социологии, стремясь к отысканию правды о российском обществе на разных этапах его развития. Он стремился на научной основе постичь истинную сущность личности и мотивации ее поведения с целью вернуть социологии научность в полном смысле этого слова. Обладая научной совестью и ответственностью, В. А. Ядов за годы своей карьеры вместе со своими соратниками и коллегами вывел «бесчеловечную социологию» из тоталитарной системы, освободил ее от функции «служанки власти», придал отечественной социологии научность и дух гуманизма.

В. А. Ядов является социологом с духом гуманизма потому, что он человек с гуманистическим складом. Его обаятельность была выражена и в научной деятельности, и в поведении. В. А. Ядов оставил нам богатое наследие — и духовное, и научное, которое мы ценим и которым руководствуемся. Дух гуманизма, присущий В. А. Ядову, всегда будет вызывать уважение и симпатии у его друзей и сотрудников, которые в свое время имели честь работать, общаться и жить с ним одной жизнью.

Ключевые слова: Ядов Владимир Александрович; российская социология; дух гуманизма.

Гуманизм утверждает личность и человечность, осмысляет человечность как фундаментальную ценность. В своей научной практике приверженец гуманизма придерживается приоритета интереса к человеку и к изучению гуманитарных дисциплин, в своем поведении — уважительного отношения к человеку как таковому. В. А. Ядов проявлял себя именно как ученый, проникнутый духом гуманизма.

Гуманизм исходит из национального самосознания и национального освобождения от духовных оков. В связи с этим, расшифровывая суть интереса к человеку, заключенного в духе гуманизма, следует признать, что этот интерес подразумевает заботу не только о жизни и положении человека, но

и шире, о судьбе групп людей, народа и своей Родины. Жизнь В. А. Ядова практически полностью связана с развитием социологии в Советском Союзе и позже в России. Он является одним из основоположников российской социологии. В течение всей своей профессиональной деятельности В. А. Ядов посвящал свои интеллектуальные усилия любимому делу — социологии, стремясь к отысканию правды о российском обществе на разных этапах его развития. Как отмечал он сам, социология показалась ему интересной, потому что можно было, опираясь на реальные свидетельства, факты, понять, что происходит в обществе [4]. Ему хотелось с помощью надежных социологических методов достичь подлинного, серьезного знания об обществе, в котором живет его народ, чтобы понять, каким должно быть справедливое социальное устройство [5].

За годы своей научной деятельности В. А. Ядов собственной практикой реализовал эти идеи. Его научное творчество началось с изучения бюджетов времени рабочих одного завода, с темы, тесно связанной с жизнью рабочих на производстве и в повседневном быту. После опыта с бюджетами времени В. А. Ядов взялся за проект «Человек и его работа», который принес ему славу и популярность в российском и мировом сообществе социологов. Как вспоминал сам В. А. Ядов, он провел данные исследования, чтобы «проверить справедливость идей Маркса насчет превращения труда в первую жизненную потребность» [2, с. 42].

В фокусе внимания В. А. Ядова всегда находятся личность и мотивация ее поведения. Как отмечал он сам: «Мои приоритеты в социальных науках — социолого-психологическая проблематика, главным образом — мотивация поведения личности» [3]. На основе проекта «Человек и его работа» В. А. Ядов выдвинул диспозиционную концепцию саморегуляции и социального поведения личности. Ценность его исследования состоит не только в том, что он дал нам представление об иерархической структуре личности, иерархической структуре условий деятельности и взаимодействии между ними, но и в том, что В. А. Ядов стремился на научной основе постичь истинную сущность личности и мотивации ее поведения с целью вернуть социологии научность в полном смысле этого слова.

В свое время он резко критиковал бесчеловечную социологию, которая подчиняет индивида социуму. По его мнению, научность социологии состоит в том, что социологическое знание должно придать ключевое значение активной деятельности человека, социального субъекта, социальных общностей. Именно они (т. е. эти общности и активные субъекты) формируют социальные структуры на базе своих интересов [1, с. 33–36]. Если Ф. М. Достоевский сказал, что «красота спасет мир», то В. А. Ядов настаивает на том, что подлинно научная социология спасет мир.

На фоне радикального преобразования общества Советского Союза в 1990-х гг. вышла книга «Социология перестройки» под редакцией В. А. Ядова. В предисловии В. А. Ядов отметил, что отечественная социология, как только что возрожденная из небытия или полубытия в условиях Советского Союза, несет ответственность за решение поставленных перед обществом актуальных вопросов, которые «остаются должным образом не решенными». По мнению В. А. Ядова «в каждый данный период исторического

процесса реальность содержит альтернативы, реализация которых — действия **СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА**» [6, с. 3]. В книге два последних слова выделены прописными буквами. В. А. Ядов как социолог, обладающий большой ответственностью, приложил усилия к выяснению, чем оправдывает социология свое обязательство перед обществом, направление развития которого вызвало большую озабоченность населения. Фокусируя свое внимание на социальном субъекте, В. А. Ядов отметил, что «социология сегодня — это наука о социальных общностях, механизм их становления, функционирования и развития». Он принимает ключевое понятие социальной общности за основу определения предмета социологии, поскольку в этом случае на первый план выдвигаются общественные интересы этого социального субъекта, которые побуждают его к активности [6, с. 188–189]. Эта позиция сохранена и в его поздних работах, например, в книге «Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности», выпущенной в свет в 2003 году. С этой позиции В. А. Ядов на ряду с марксистской идеей естественно-исторических закономерностей социального развития выдвинул идею социально-исторических закономерностей социального развития. Он рассматривает социальных субъектов, в том числе и личность, в качестве активных акторов социального действия и социальных изменений. Социальные институты, социальные структуры и другие социальные образования формируются именно социальными общностями на основе их интересов.

По сути, социология является наукой с духом гуманизма, хотя существует много разновидностей социологии. Основоположники социологии приложили свои усилия к поиску пути и способов, с помощью которых формируются рациональные среды и пространство по интересам людей, которые в них живут. Обладая научной нравственностью и ответственностью, В. А. Ядов за годы своей научной карьеры вместе со своими соратниками и коллегами вывел «бесчеловечную социологию» из тоталитарной системы, освободил ее от функции «служанки власти», придал отечественной социологии научность и дух гуманизма.

Своей творческой деятельностью В. А. Ядов внес вклад не только в дело возрождения и развития отечественной социологии как науки, но и в становление и совершенствование социологического образования. Для преодоления расхождения между исследовательскими разработками и социологическим образованием он написал ряд учебных пособий, составил программы профессионального образования, создал педагогические организации с целью повышения профессионализма специалистов-социологов и подготовки молодого поколения в этой области.

В Китае говорят, чтобы быть человеком науки, прежде всего надо уметь вести себя с людьми. В. А. Ядов является социологом с духом гуманизма потому, что он человек гуманистического склада. Его обаяние было выражено и в научной деятельности, и в поведении. В. А. Ядов оставил нам богатое наследие, и духовное, и научное, которое мы ценим и которым руководствуемся. Его мысли и знания являются фундаментом российской социологии, влияние которых не только продолжается, но и усиливается с течением времени. Дух гуманизма, присущий

В. А. Ядову, всегда будет вызывать уважение и симпатии у его друзей и сотрудников, которые в свое время имели честь работать, общаться и жить с ним одной жизнью.

Литература

Гуманитарное направление в социологии работает на спасение мира (интервью с В. А. Ядовым) // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 33–36.

Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова. М.: ОАО «ВЦИОМ», 2016. — 116с.

Интервью с профессором В. А. Ядовым / Подготовил В. В. Козловский // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том 2. № 1. С. 6–18.

Как возникала социология в СССР. Беседа с Владимиром Ядовым. 2009 // Полит.ру. URL: https://polit.ru/article/2009/06/17/videon_yadov_lb/.

Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы). Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г. / Отв. ред. В. В. Костюшев. М.; СПб.: Российское общество социологов, Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Ин-т социологии РАН, 1998. — 175 с.

Социология перестройки / Ред-сост. Н. Г. Чичерина; Отв. ред. и авт. предисл. В. А. Ядов. М.: Наука, 1990. — 191 с.

Н. Г. Скворцов

Роль В. А. Ядова в становлении социологического образования в России

**Скворцов
Николай Генрихович**

Доктор социологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Аннотация. Вклад В. А. Ядова в становление и развитие социологического образования в нашей стране трудно переоценить. Уже в 60-е гг. прошлого века он ставил вопрос о необходимости подготовки дипломированных социологов. Его идеи и работы во многом способствовали формированию и становлению системы социологического образования в России. Первостепенное значение Ядов уделял вопросам качества преподавания социологии в университетах, в том числе и на социологическом факультете ГАУГН, который он возглавлял. Сегодня, когда профессиональное социологическое образование в стране не только существует, но и стало массовым, возникли новые вызовы (рынок труда для выпускников соцфаков и т. п.), требующие поиска адекватных моделей подготовки социологов в вузах.

Ключевые слова: Владимир Александрович Ядов; социологическое образование в России; роль В. А. Ядова в становлении и развитии социологического образования; новые вызовы системе социологического образования.

1. *«У нас есть все возможности, чтобы осуществить, наконец, переход от выяснения вопроса о месте социологических исследований в системе общественных наук к практической широкой подготовке кадров в этой области» (Ядов, 1968 г.)*

Вклад Владимира Александровича Ядова в становление и развитие социологического образования в нашей стране трудно переоценить. Уже с конца 60-х гг. прошлого века он ставил вопрос о необходимости подготовки дипломированных социологов, об открытии специализации «социология» в системе высшего образования тогдашнего СССР. Но только через 20 лет (1989 г.) в Московском и Ленинградском госуниверситетах были открыты первые социологические факультеты (отделения прикладной социологии появились на философском и экономическом факультетах этих вузов несколько раньше). Несмотря на различия в идеологии и подходах к организации подготовки социологов на указанных факультетах, а также при наличии концептуальных расхождений во взглядах на социологическую науку тогдашней профессуры двух университетов и самого Ядова, идеи последнего сыграли значительную роль в формировании образовательного процесса подготовки студентов-социологов. Не только курсы по стратегии, методам

и процедурам социологического исследования преподавались, как правило, по известным учебникам и учебным пособиям Ядова. Его работы в области теоретической социологии, методологии, социологии труда, изучении социальных трансформаций и модернизации, идентичности и т. д. становились основой преподавания соответствующих дисциплин, входили в число рекомендуемой студентам и аспирантам научной литературы, стимулировали горячие дискуссии и обсуждения. Позднее, возглавив социологический факультет Государственного академического университета гуманитарных наук (1995–2015 гг.), Владимир Александрович смог реализовать свои идеи в области подготовки профессиональных социологов – в том числе идею «совмещения теории и эмпирии», считавшейся им одной из наиболее существенных для ленинградской социологической школы, свою принадлежность к которой он неоднократно подчеркивал. Его учебное пособие по теоретической социологии в виде курса лекций для студентов магистратуры (2009 г.) представляет собой блестящий образец того, каким должен быть современный учебник по социологии.

2. *«Чем такая социология, так лучше вообще никакой»*
(Ядов, 1999г.)

Будучи бесспорным авторитетом в области социально-гуманитарных наук, В. А. Ядов в качестве эксперта привлекался министерством образования и науки к работе по формированию образовательной политики в области социологии. В частности, он принимал активное участие в создании и экспертизе государственных образовательных стандартов (ГОС, затем – ФГОС) по социологии. Эта работа проходила в режиме обсуждений теоретических и методических проблем, касавшихся в том числе вопросов преподавания социологии, месте этой дисциплины в системе подготовки специалистов с высшим образованием. Следует отметить, что в этих обсуждениях Ядов занимал особую позицию. В государственных образовательных стандартах 1-го и 2-го поколений (1993 и 2000-й гг. соответственно) с точностью указывался набор дисциплин так называемого обязательного минимума: это были предметы, которые должны были преподаваться студентам-бакалаврам всех направлений – гуманитарных, социально-экономических, естественно-научных, технических. В перечень, состоявший из 10 предметов, наряду с философией, иностранным языком, историей, экономикой, психологией и др., входила и социология. Казалось бы, социология не только появилась в учебных планах, но и укрепляет свои позиции в образовательном процессе, усиливает свое влияние. Вроде радоваться надо. Однако на одном из заседаний, проводимых министерством, Владимир Александрович выступил против того, чтобы социология входила в число обязательных предметов вузовского образования, заявив следующее: *«Чем такая социология, так лучше вообще никакой!»* Разумеется, Ядов был не против преподавания социологии и распространения социологических знаний. Он был против того уровня преподавания, который демонстрировали в вузовских аудиториях срочно ставшие «социологами» бывшие преподаватели марксистско-ленинской философии (исторического материализма) и научного коммунизма. Качество преподавания социологии и обеспечение студентов социологическим знанием современного уровня – вот что прежде всего волновало Ядова.

3. *«Я думаю, что социальный запрос, требования обновления общества будут и дальше стимулировать прикладной, проблемно-ориентированный характер развития социологических исследований в нашей стране» (Ядов, 1990 г.)*

Сегодня российское социологическое образование стало массовым. Хотя в последнее время наблюдается его «ужимание», выражающееся в сокращении числа обучающихся по направлению «социология», сегодня в вузах в настоящее время около 15 тысяч студентов, готовящихся стать социологами (для сравнения: в 2006 г. контингент обучающихся по социологии составлял 20–21 тыс., в начале 2015/16 уч. Года – 16 тыс.). Около 120 университетов ведут подготовку социологов на бюджетной и внебюджетной основах. Конечно, при таком количестве обучающихся неминуемо встает проблема трудоустройства по специальности. Исторически, в отличие от своих ближайших соседей – экономики и права – общество не создавало рабочих мест для социологов, поскольку социология не рассматривалась как профессия. И сегодня, несмотря на наличие специализированного образования, социология находится в зоне значительной профессиональной неопределенности.

Профессиональное социологическое образование является предметом многочисленных публикаций и дискуссий. Обсуждаются самые разные аспекты подготовки социологов – от организации и качества учебного процесса, содержания учебных планов и дисциплин до возможностей и перспектив трудоустройства выпускников. Авторы публикаций справедливо отмечают комплекс проблем, присущих отечественному социологическому образованию, относя к таковым преследующую студентов-социологов неопределенность «на входе и на выходе», разорванность учебного и исследовательского процессов, неумение выпускников применять полученные в вузе теоретические знания на практике, крайне противоречивые взаимодействие социологического образования с рынком труда, ориентация на так называемое «полезное знание» в ущерб фундаментальной теоретической подготовке, слабая информатизация учебного процесса с точки зрения современных требований, низкий уровень интернационализации социологического образования и т. д.

Продолжается вечный спор «теоретиков» и «практиков» в отношении социологического образования. Первые настаивают на приоритете теоретической и методологической подготовки и вторичности так называемого «полезного знания», тогда как вторые считают, что социологическое образование должно быть прежде всего прикладным, прагматичным, «рыночным». Конечно, все согласны, что в идеале необходимо стремиться к балансу: глубокое знание социологических теорий должно сопровождаться твердыми навыками и умениями в прикладных областях, а дипломированный социолог должен быть готов трудиться там, где социология служит решению практических задач. Однако достичь такого баланса в образовательной практике достаточно сложно.

Существует несколько сегментов трудоустройства дипломированных социологов. Традиционно более всего соответствующей полученному в классическом университете образованию выглядит академическая карьера соци-

олога – преподаватель университета, научный сотрудник, исследователь. Однако на академическую социологию, связанную с «теоретизированным знанием» по имеющимся оценкам экспертов, ориентированы в среднем не более 7–8 процентов студентов-социологов. Сегодня гораздо более широким, доступным и, соответственно, более реальным рынком труда для социологов выступают сферы, в названиях которых слова «социология», «социологический» отсутствуют. Это, прежде всего, коммерческие структуры, занимающиеся изучением общественного мнения, маркетинговыми исследованиями, консалтингом, рекламой, связями с общественностью. Кроме того, социологи находят работу в органах государственного и муниципального управления различного уровня, предприятиях реального сектора экономики, некоммерческих организациях, их приглашают в средства массовой информации, есть рабочие места для выпускников в кадровых агентствах и т. д. При этом работодатель рассчитывает на то, что претендент на должность имеет необходимые для работы знания, постольку во вкладышах к диплому социолога присутствует соответствующий набор прослушанных во время обучения дисциплин (от маркетинга и госуправления до пиара).

Мы согласны с утверждением, что «есть все основания считать, что основной тенденцией, характеризующей перспективы развития социологии в России, является развитие прикладных социологических исследований». Очевидно, в условиях *массовой* подготовки дипломированных социологов профессиональное социологическое образование должно выстраиваться преимущественно в этом направлении. С этой точки зрения очевидна чрезвычайно важная роль профессионального стандарта социолога, разрабатываемого специалистами из ведущих социологических агентств и университетов. Введение профстандарта, кроме всего прочего, будет способствовать решению проблемы «профессиональной идентичности»: работа выпускника социологического факультета в маркетинговом агентстве, в управленческой или консалтинговой структуре, HR-компании и т. п., безусловно, является «работой по специальности», если в процессе обучения он приобрел необходимые компетенции, позволяющие с должным качеством выполнять трудовые функции *социолога-исследователя*, определенные стандартом. Тем самым, профессиональный стандарт задаст идеальную модель социолога как специалиста, соединяющего в своей деятельности роли исследователя, аналитика, эксперта, консультанта. Думается, на эту модель и следует ориентировать образовательные программы по социологии и, исходя из нее, строить практики преподавания и обучения.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

2

**Социальные измерения
российской модернизации
в глобальном
и региональном масштабе**

Руководители секции: Козловский В. В., Покровский Н. Е.

Ученый секретарь: Яковлева А. А.

О. В. Аксенова

Тенденции регресса в российских локальностях как результат модернизации

Аксенова

Ольга Владимировна

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: illaio@yandex.ru

Аннотация. Регрессивные тенденции стали заметны в российских локальностях в последние пять лет. Они выражаются в экономической деградации местных сообществ, которая может сочетаться с ростом личного благосостояния, обеспеченным вахтовой работой, и с развитием действующих на местах бизнес-структур. Началось разрушение социально-культурной сферы, которая препятствовала регрессу все постсоветские годы. Снижается уровень школьного образования до последнего времени оставшийся высоким. Политика оптимизации здравоохранения ведет его к частичной ликвидации. Все вместе снижает привлекательность жизни в локальностях, усиливает отток молодежи, в первую очередь способной учиться. Федеральная политика развития малых городов сводится к выполнению целевых программ, которые позволяют решить некоторые частные задачи, она не системна, в ней практически полностью отсутствует стратегия.

Российская провинция противостояла регрессу, сохраняя медицину, образование, культуру, несмотря на острый дефицит материальных ресурсов. Это противостояние основывалось на консерватизме, на исторически сложившейся традиции, которая при этом не была архаичной, но скорее традицией российского (советского) модерна включающая в себя в качестве ценностей всестороннее развитие личности и научно-технический прогресс. Она играла роль своего рода фильтра модернизации современной, которая имеет внешний по отношению к локальностям источник. К внедрению инноваций локальности относились избирательно. При этом сопротивление инновациям неприемлемым никогда не принимало форму открытого протеста, но было достаточно результативным. Учителя продолжали учить и воспитывать, когда воспитание было исключено из функций школы. Они также давали традиционно широкое образование, избегая натаскивания на сдачу ЕГЭ. В этой традиции, вопреки распространенным представлениям, центральное место занимает личность, актер, способный к самостоятельному действию.

Как показали наши последние исследования (2019 г.), ситуация существенно изменилась за последние пять лет. Экономические условия в самих локальностях в большинстве случаев остались прежними, несмотря на очевидное развитие сельского хозяйства в особенности в южных, черноземных регионах. Прогресс в данной сфере обеспечивают агрохолдинги, которые, за

редким исключением, практически ничем не связаны с местными сообществами. Технологии позволяют использовать малое число рабочих и они чаще всего не местные. Предприятий в городах и районах мало. Налоги от них в большинстве случаев в местный бюджет не поступают.

В государственной политике сохранения малых городов практически отсутствует стратегия, она состоит из множества целевых программ, участие в которых позволяет по сути латать дыры, решать отдельные и не ключевые для сообщества проблемы. При этом федеральные отраслевые реформы осуществляются весьма жестко, не оставляя пространства свободы для актора, который весь постсоветский период удерживал локальности от деградации.

Реформа образования перешла на новый уровень. Возможности учителей теперь существенно ограничены, давление на них со стороны контролирующих органов и родителей усиливается. Кроме того, уходит старшее поколение, для которого комфорт был не ценностью, а опасной, разрушительной инновацией. Остаются те, кому проще и комфортнее не сопротивляться, действовать в соответствии нарастающему числу формальных правил.

Практически все респонденты, в особенности преподаватели школ искусств, которые долгое время играли одну из ключевых ролей в сохранении культурной среды локальностей, жалуются на низкое качество образования молодежи и неспособность напряженно работать, когда этого требует процесс обучения. В итоге музыкальную школу оканчивают единицы. Кроме того, в настоящее время невозможно детей вывезти из сел и малых городов спортивные соревнования, на творческие конкурсы, фестивали, на выставки. В целях безопасности их перевозки к шоферам и автобусам предъявляются требования, которые не могут быть выполнены по причине дефицита средств в местных бюджетах. Возможности их развития таким образом существенно ограничиваются, одновременно снижается и привлекательность местной жизни.

Оптимизация здравоохранения привела к угасанию районных больниц, в которых сокращаются жизненно важные для сообщества отделения, например, родильное и инфекционное. В большинстве случаев к этому приводит отсутствие современного оборудования. Проблема решается посредством ликвидации структуры, а не предоставления необходимых ресурсов. В качестве альтернативы используется маршрутизация, то есть перевозка больных в крупные центры.

Все перечисленное усиливает поток миграции в крупные города, препятствует выполнению федеральных программ, призванных поощрять молодых специалистов. Они в большинстве случаев уезжают, отработав положенный срок. Отток молодежи имел место всегда, но сейчас он приобретает катастрофический для локальностей характер.

Для наших респондентов было характерно депрессивное восприятие современного состояния локальностей, некоторые не видят перспектив для себя и своей семьи. Можно достичь относительно материального благополучия, но работа уборщицы, охранника или курьера в большинстве случаев будет не соответствовать квалификации и уж точно не будет способствовать развитию личности.

Данная ситуация сложилась в результате модернизации последних лет, которая, обеспечив прогресс в некоторых экономических сферах, не решает проблем локальностей, игнорирует их. Она жестко регулирует сферы образования, культуры, здравоохранения, одновременно сужая их. В некоторых районах тенденции угасания очевидны. Отметим, что педагогические училища в разрушенных войной районах начали восстанавливать в 1945 году при практически полном отсутствии ресурсов. В настоящее время училища, наоборот, сокращаются, в них поступают троечники, те, кто не смог уехать в региональный центр или в столицу.

Таким образом, регресс в российских локальностях есть парадоксальным образом результат модернизации, имеющей множество источников, в числе которых федеральная политика, крупный капитал, глобальные трансформации в здравоохранении, образовании и культуре, происходящие несмотря на приостановку глобализации в политической и экономической сфере.

Д. А. Аникин

Динамика культурной памяти в транзитивном обществе

**Аникин
Даниил Александрович**

Кандидат философских наук,
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия;
Липецкий филиал Финансового университета при правительстве Москвы, Липецк, Россия.
E-mail: dandee@list.ru

Аннотация. В докладе рассматривается проблема транзитивного общества в аспекте трансформации культурной памяти, выделяются основные этапы изменения содержания культурной памяти в контексте социально-политических и социокультурных процессов, протекающих в транзитивном обществе. Происходящие процессы рассматриваются как символическая конкуренция между различными способами исторической легитимации.

Понятие транзитивного общества не является синонимом фазы социального или политического изменения, репрезентируя вполне конкретный в историческом смысле переход от не-демократического к демократическому обществу.

С. Хантингтон, поставивший вопрос о специфике социальных и политических изменений в условиях демократического транзита, выявляет три волны подобных изменений:

1. Первая волна охватывает с 1820 по 1926 годы, знаменуя собой утверждение демократии в большинстве европейских стран и, по сути, становление в мировом масштабе образца политического и социального развития.

2. Вторая волна (1943–1962 годы) совпадает по времени с последствиями Второй мировой войны, когда поражение националистической идеологии стало мощным фактором утверждения демократии в качестве оптимальной формы политического устройства. На этом этапе начинается распространение демократии в африканских государствах, что означает распад последней колониальной империи – Британской.

3. Третья волна (1974–1991 годы) становится эпохой тотального утверждения демократии во всем мире, апофеозом чего становится распад Советского Союза (Хантингтон С., 2003: 73).

Наиболее интересной для анализа является как раз последняя волна демократизации, поскольку она знаменует собой утверждение демократии в качестве основополагающего политического порядка, по отношению к которому остальные типы политического режима приобретают альтернативный характер. Вопрос даже не в тотальном доминировании демократии

на экономическом или политическом поле, а в формировании новой символической конфигурации, которая отводит демократии центральное место, определяющее не только широкие возможности влияния, но и служащее предметом конкуренции со стороны альтернативных режимов.

Достаточно распространенная ошибка в исследовании транзитивного общества заключается не только в расширительном понимании самого состояния транзитивности, но и в редукции всего многообразия протекающих в данном обществе процессов к единому набору алгоритмов. На самом деле транзитивное общество, с точки зрения С. Хантингтона, предполагает прохождение определенной последовательности стадий, каждая из которых знаменует собой изменение конфигурации как политических сил, так и транслируемых ими символических ресурсов.

Важным элементом демократического транзита является обращение к ресурсу социальной памяти, поскольку формирование новых контуров политического порядка предполагает процедуры исторической легитимации, соотнесение формата настоящего и траекторий будущего с предшествующими состояниями социальной системы. Т. Шерлок вводит понятие базисного мифа для объяснения роли социальной памяти в легитимации/делегитимации политического порядка, указывая, что любая система нуждается в презумпции объяснения своего существования (Шерлок Т., 2014: 12–13).

Базисный миф – это совокупность отдельных историй (как правило, имеющих определенную интригу в самой структуре своего повествования), которые транслируются и воспроизводятся политическими акторами с целью подтверждения правомерности занятия властной позиции.

Такой базисный миф предполагает достаточно подвижную структуру, которая включает в себя твердое ядро (совокупность исторических персонажей и событий, которые являются обязательными для формирования коллективной идентичности), а также защитные пояса, которые формируются из второстепенных событий, которые могут либо полностью исключаться из базисного мифа, либо символически перекодироваться. Например, развенчание культа личности в середине 50-х годов сопровождалось символическим перекодированием репрессий 30-х годов в связи с устранением из исторического пантеона фигуры И. В. Сталина. Символическое ядро базисного мифа (фигура В. И. Ленина и факт Октябрьской революции) остались в неприкосновенности, но последующие события стали рассматриваться как искажение изначально верного пути.

С помощью смены защитных поясов политическая элита обеспечивает непрерывность и преемственность власти, устанавливая соответствие между «точкой отсчета» политического порядка и его современным состоянием. Но сама ситуация символического перекодирования, с точки зрения содержания исторической памяти, означает расширение или изменение существующего набора исторических событий, а также их интерпретаций, что создает ситуацию потенциальной нестабильности. Те события, которые до этого момента оставались уделом локальной (не только в географическом, но и в социальном смысле) памяти, приобретают потенциал вхождения в состав канонизированных коллективных воспоминаний, что, автоматически, означает поли-

тическую и культурную реабилитацию носителей данных воспоминаний. Их стигматизация в качестве социальных «изгоев», в условиях изменившихся символических координат, делает возможным практически мгновенный переход в разряд героев. Возвращаясь к примеру по поводу символического перекодирования пост-сталинского общества, можно отметить двойственность сложившейся ситуации. С одной стороны, реабилитация участников революционных событий, пострадавших во время массовых репрессий, привела к повторной героизации тех событий, к которым они имели непосредственное отношение. С другой стороны, персональная героизация оказалась затруднена в силу логически следующей необходимости публичного расследования конкретных причин арестов и гибели данных персонажей, что могло привести к деперсонализации ответственности, когда в качестве виновника произошедших событий стал бы рассматриваться не только Сталин, но и остальные представители политической элиты.

Но в условиях ослабления идеологических конструкций, сопровождающихся усложнением экономических условий, подобное символическое перекодирование означает и дополнительные риски, поскольку затруднительным становится «купирование» процессов проникновения контр-памяти в сферу канонизированных коллективных воспоминаний. В структурном смысле эта ситуация означает частичное разрушение не только защитных поясов, но и самого ядра базисного мифа, при котором под сомнение ставятся даже события, основополагающие для легитимности властвующей элиты.

Литература

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: Росспэн, 2014.

М. В. Артамонова

Университеты: разрыв в ценностных ориентирах ППС как результат трансформации российской высшей школы

**Артамонова
Марина Васильевна**

Кандидат социологических наук,

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия.

E-mail: martamonova@hse.ru

Аннотация. В докладе представлена социологическая объяснительная модель конфликта поколений в вузовском сообществе как следствие результата институциональных изменений высшей школы. Рассматривается изменение ценности образования в российском обществе 2003–2018 гг., в частности, ценность образования для социальных групп, включенных в систему высшей школы РФ: управленцев, преподавателей и студентов. Разрыв в ценностных ориентирах в образовательной сфере как основная причина конфликтов, связанных с разрушением идентичности образовательного сообщества, поляризацией статусно-ролевой структуры университетов, профессиональной самоидентификацией профессуры и разделению членов сообщества по принципу «свой-чужой».

Один из аспектов представления этой темы видится как проблема поколений в целом в современном образовательном поле, и в частности, в ракурсе взаимодействия и конфликта поколений в университетском вузовском сообществе.

Университеты – стейкхолдеры социальных изменений и с этой точки зрения представляют интересный объект для исследований. Наиболее доступный для нас сектор университетов – это российские университеты. Изменения (последствия), связанные с присоединением России к странам Болонской декларации, в 2003 г., очевидны, то есть, наблюдаемы и измеряемы за прошедшие 15 лет. Изменение структуры образовательных программ, массовизация высшей школы, коммерсализация, в настоящее время внедрение компетентностного подхода к оценке образовательных результатов.

Многочисленные мониторинговые исследования высшего образования, публикации – реальное тому подтверждение. И как следствие структурных социальных сдвигов института образования, можно зафиксировать изменение норм и ценностей. Нас интересует узкий аспект социального измерения это, прежде всего, изменение ценности образования в российском обществе в целом и, в частности, ценность образования для социальных групп, включенных в систему высшей школы РФ: управленцев, преподавателей и студентов. Разрыв в ценностных ориентирах в образовательной сфере и есть основная причина конфликтных ситуаций в вузовском сообществе.

Рассматривая конфликты между отдельными социальными группами внутри образовательного сообщества, часто упускается центральное противоречие, которое формулируется как смена образовательной парадигмы. За четверть века высшее образование мимикрировало от смыслов «образование – это общественное благо» к образованию как «сервисной образовательной услуге». И это основное противоречие, вокруг которого формируются группы конфликтов связанных с поляризацией статусно-ролевой структуры университетов, профессиональной самоидентификацией профессуры и разделению членов сообщества по принципу «свой-чужой». Выявляются два лагеря, границы между ними зачастую размыты, неявны и «политически» замаскированы: это представители вузовского сообщества, исповедующие принципы традиционной парадигмы образования: принципы служения обществу, государству: миссионеры и, другая группа, приверженцы новой менеджериальной, потребительской, клиентоориентированной парадигмы. Хочется отметить, что ни один из эпитетов не является негативным, оценочным суждением. Участники, отношения между которыми составляют сущностные характеристики институциональных взаимодействий, находятся на разных стадиях освоения новой парадигмы образования, интериоризации относительно новых для российского образовательного сообщества ценностей менеджериализма. Конфликт поколений традиционалистов и новаторов разделяет академическое сообщество на «своих и чужих» порождает недоверие, разрушает профессиональную и общественную солидарность.

В рамках названного центрального противоречия можно указать группы причин, порождающих конфликты социальных групп внутри университетов и вузов. Группы конфликтов акторов:

1. Администраторы-студенты.
2. Администраторы-преподаватели.
3. Преподаватели-студенты.

Конфликтные ситуации «администраторы-студенты» находятся в стадии созревания, когда студенчество только осознает свою субъектность, как участника образовательных отношений: В 2006 г проведенное исследование «Болонский процесс глазами студентов» убедительно показало, что в то время студенты-студенчество 1) было исключительно объектом воздействия системы образования, 2) студенты не воспринимали себя как самостоятельный субъект организации, способный оказать воздействие ни на содержание образования. (Болонья глазами студентов, 2007). Сегодня ситуация меняется, студенты крупных вузов создают студенческие организации и проявляют себя в защите интересов и прав как организованные социальные группы. Но нельзя не отметить, что протесты – проба пера, попытка выяснить границы своих возможностей непослушания. Такая же неопределенность наблюдается со стороны администраторов вузов, вынужденных учитывать претензии платных клиентов. Студентоцентрированный подход, «клиентоориентированность» утвердился в сфере дополнительного профессионального образования, где «взрослый» контингент учится самостоятельно и осознанно.

Распространение рыночных механизмов на сферы общественного производства: измерения результатов деятельности и регулирования основных производственных процессов активно внедряются в университеты, усиливая власть и влияние группы администраторов и порождая противоречия в области взаимодействия «администраторы – преподаватели». Меняется роль администрации вузов в связи с новыми правилами контроля измерения «эффективности» работы преподавателей. Внедрение механизмов и инструментов совмещения в одной «штатной единице» деятельности по должности научного сотрудника-исследователя и должности преподавателя вуза. Рейтинги, публикационная активность, контрактная система, «распределение» благ и ресурсов в зависимости от личной лояльности и другие инструменты вытачивания нового работника меняют роль преподавателя в университете, его представление о целостности и значимости профессии как проводника знаний. Вместе с тем и цифровые технологии меняют, значимость и роль личности преподавателя в процессах воспроизводства знания, массового процесса образования.

Подтверждение утверждения о смене парадигмы в основе, которой лежит смена ценностей и норм поведения находим в публикациях профильных социологических журналов. В частности, например, Е. А. Другова пишет о смене доминирующего типа культуры: «основания происходящих конфликтов, представлены: а) изменение академической идентичности, ее дробление и размывание; б) сокращение академических свобод как результат усиления прав и полномочий субкультуры администраторов; в) особенности организационной культуры, когда трансформация организационных взаимоотношений результирует сменой доминирующего типа культуры или соотношения нескольких субкультур, следовательно, ценностей и норм поведения».

Изменение ролей администрации и преподавателей в современном вузе подробно рассматривается в работе А. В. Колычевой. Традиционное восприятие администратора как «лучшего среди равных», заслуженного согласно академическому «табелю о рангах» (весомость научных достижений, звание, признание, степень) изменилось, сегодня администратор-менеджер, выполняет управленческие и, что важно, распределительные функции, что приводит к очевидному противопоставлению администраторов вузов и групп преподавателей (и студентов). Тенденции формирования культуры недоверия выявляются по результатам исследований, представленных в статье «Доверие как институциональная проблема высшего образования», а сам процесс модернизации рассматривается с позиций изменений ценностей доверия и солидарности в академических сообществах. А именно «Структура отношений между людьми определяет, кто является теми лидерами, выборы которых имеют значение, а также то, как данные выборы реализуются при помощи решений, управляющих данной структурой».

Рассматривая проблему институциональных изменений в сфере высшего образования РФ, многие исследователи демонстрируют результаты, подтверждающие вывод о дисфункциональном характере инноваций в образовательной сфере.

В сегменте «преподаватели-студенты» наиболее очевиден конфликт поколений, ценностный конфликт парадигм «миссионеров и рыночников». Институциональные трансформации образовательной системы вступили в новую фазу. Попробуем продемонстрировать и подтвердить этот вывод исследованиями, которые проводились в период с 2012 по 2018 год в рамках оценки и саморефлексии одного из направлений деятельности Центра развития социологического образования ВШЭ – ведение онлайн группы ЦРСО в сети ФБ.

Цель конкретного представленного исследования состояла в том, чтобы определить и оценить насколько за период 2012–2018 изменилось отношение вузовского сообщества к внедрению компетентностного подхода.

Компетентностный подход в данном случае рассматривается как концептуальная основа политики (социальная проекция) в сфере образования, как практическая операционализация, направленная на формирование мотивированной личности с некоторым набором функциональных навыков – компетенций и компетентностей (а не локальная педагогическая теория). Компетентностный подход как деятельность – это операционализация (практическая реализация) содержательной модернизации высшей школы РФ на основе разработки нормативных и методических документов (ФГОС, ОС, концепции образовательной программы, матрицы ОП и программ учебных дисциплин, перечне компетенций).

Таким образом, можно оценить не просто поддержку или отрицание реформы высшей школы, но конкретизировать причинно-следственные связи.

Наиболее широким доступным полем исследования мнений преподавателей является контент социальных сетей. Объектом исследования стали преподаватели и администраторы вузов, сегмент, вовлеченных в обсуждение темы высшего образования в онлайн группах сети facebook. Собственно исследовались (эмпирический объект) реакции (комментарии, лайки, перепосты) участников ФБ групп на новостные сообщения (посты) в хронике группы. Не будем подробно останавливаться на характеристиках он-лайн групп, заметим только, что общим для исследуемых групп является наличие в составе участников преподавателей вузов, и проблематика в обсуждении методической работы в профессиональной деятельности преподавателей.

Собственно контентом анализа стали материалы открытых онлайн-групп, в состав которых входят преподаватели и администраторы вузов. Перечислим объекты:

- ЦСРО: <https://www.facebook.com/groups/173095339499742/>.
- Проблемы образования и науки: <https://www.facebook.com/groups/Nauchobrazovanie/>.
- Журнал «Университетское образование: практика и анализ»: <https://www.facebook.com/groups/umjpa/>.
- Сообщество профессиональных социологов: <https://www.facebook.com/groups/sopso/>.

- ФГОСы и Учебные Планы СПО и ВПО: <https://www.facebook.com/groups/rup3g/>.
- Вузовское сообщество Москвы: <https://www.facebook.com/groups/1395930660649838/>.
- УМО Социология и социальная работа: <https://www.facebook.com/groups/1530304003950552/>.

Предметом исследования выступает отношение (к реформам ВО), к компетентностному подходу, проявленное в онлайн обсуждениях, зафиксированное в мнениях представителей вузовского сообщества, его динамика за 5 лет.

А. М. Астахов

Вызовы развития политической системы России в среднесрочной перспективе

Астахов

Александр Михайлович

Кандидат социологических наук,

ООО «Агентство информационно-социологических технологий», Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: mu87-11@mail.ru

Аннотация. Работа акцентирует внимание на специфике развития политической системы России в среднесрочной перспективе, в условиях прогнозируемого ухода одного из основных элементов, обеспечивающих ее стабильность. Выделяются основные вызовы для стабильного развития России, прогнозируются основные проблемы.

На современном этапе развития России политическая система общества находится в относительно стабильном состоянии (Протестные настроения...). Доминирование одной политической силы, тесное взаимодействие исполнительной и законодательной власти, выстроенная вертикаль, преимущественно консолидированное отношение элит к происходящим процессам, сформировали условия для стабильного существования системы. Не будет преувеличением сказать, что основным элементом данной системы, базовым компонентом, обеспечившим стабильность, являлась и является фигура В. В. Путина (Деятельность государственных институтов...).

Вместе с тем, все острее проявляются проблемы, связанные с возможным уходом данной фигуры, и как следствие серьезные изменения, которые этот уход повлечет за собой. Возникновение этого вопроса связано с несколькими факторами, в частности с окончанием шестилетнего президентского цикла и фактором возраста, который оказывает воздействие на трудовую деятельность. Если в первом случае можно ожидать, что будут предприняты определенные шаги, которые позволят, сохранить влияние, то во втором случае перспектив улучшения ситуации нет. Последний фактор позволяет обоснованно предполагать и прогнозировать как минимум снижение роли В. Путина в среднесрочной перспективе, уменьшение влияния. Что, учитывая значимость фигуры, вызывает ряд проблем, часть из которых рассматривается в данной работе.

При этом следует отметить наличие специфических особенностей политической системы способных оказать влияние на происходящие процессы. Такие как: отсутствие значительного опыта демократической смены политических лидеров, отсутствие опыта смены доминирующих сил, обновления элит, отсутствие структуры «формирования» лидеров.

Исходя из логики развития политической системы, в ситуации уменьшения значимости определяющего фактора стабильности, особенно если сущностью фактора является фигура и личность отдельного человека, можно прогнозировать появление ряда вызовов, возникающих перед Россией.

Первый вызов – реформативирования поля политических партий. Наиболее неустойчиво при этом выглядит позиция партии «Единая Россия». Основной опасностью для нее является снижение электоральной поддержки вследствие потери основного ресурса (Индикаторы отношения...), сложностей с имиджем, нерешенными кадровыми проблемами. Проблема несоответствия реальных действий и декларируемых целей, что приводит к ситуации, ставящей под сомнение программу партии.

Снижение поддержки может привести к циклическому процессу уменьшения количества получаемых ресурсов (политических, статусных, экономических и т. д.), дефицита и, как следствие, ухода части представителей данной партии, что в свою очередь приводит к распаду и исчезновению партии в привычном виде. Второй опасностью, которую можно прогнозировать, является борьба за лидерство между внутренними силами. Отсутствие альтернативного, «сильного» лидера актуализирует проблему поиска последнего, и борьбы за эту позицию. Границы данной борьбы скорее относятся к вопросам политической мудрости и зрелости, но потенциально данная ситуация несет в себе значительный кризисный потенциал.

Другие парламентские партии так же имеют сложности, которые способны привести к уменьшению их роли и значимости. В частности, можно выделить проблему смены поколений, что особо актуально как для «ЛДПР», так и для «КПРФ», соответствия декларируемых целей, заявленных партийных программ и их реализации, проблему появления близких идеологических платформ.

В целом, можно ожидать усиление неопределенности в поле деятельности политических партий, прогнозировать, учитывая значимость социальных и экономических проблем, появление партий популистской направленности, включая партий крайне правой и крайне левой идеологии, предлагающих простые и радикальные решения.

Вторым вызовом является вероятность ослабления и разрушения вертикали власти. В условиях не созданной системы сдержек и противовесов, в отсутствии факторов, существенно ограничивающих деятельность элитарных групп, представителей министерств, служб и ведомств, можно ожидать усиление конфликтности в борьбе за полномочия и ресурсы, нарушение функционала деятельности органов государственной власти.

Третий вызов связан с борьбой региональных элит и центра. Исторический спор о распределении ресурсов, имеет шанс возвратиться в новом виде. Противоречие в центральной власти, борьба министерств и ведомств открывает новые возможности для переосмысления роли регионов в государственной структуре России.

Существенные кризисные явления, прогнозируемые в политической жизни страны, не могут не оказать влияние на другие сферы общества.

Экономическая сфера. Проблема доминирования государственных компаний в экономике, что в условиях снижения контроля приводит к значительным негативным последствиям как для развития экономики в целом

так и для бюджетных поступлений в частности. Проблема тесно связана с необходимостью поиска новой системы экономического развития, поскольку существующая система, основанная на концентрации ресурсов государства в бюджетных и внебюджетных фондах, не показывают необходимой эффективности.

В культурной и социальной сфере происходит: актуализация вопросов межнационального и межконфессионального согласия, криза национального самоопределения, поиска национальной идеи; возвращение комплекса проблем, характерных для стран со снижающимся уровнем контроля центральной власти, в условиях недостаточного развития институтов управления.

Нужно отметить, что и политические партии, и государство в целом, осознают данные проблемы. К примеру, «Единая Россия» активно занимается кадровым составом и идеологией.

С точки зрения автора, для снижения остроты кризиса необходимо предпринять ряд мер прежде всего в отношении деятельности парламентских партий. Активизировать работу по смене поколений, провести переоценку кадрового состава, его качества, сформировать систему, способствующую поиску и становлению «лидеров» (в широком понимании этого слова).

Для «партии власти» значимым является усиление собственной электоральной базы, основным инструментом для достижения данной цели может стать формирование идеологических основ и как следствие формирование политической программы соответствующих реальным действиям партии или приведение реальных действий к декларируемым целям.

В общегосударственном развитии необходимо решение традиционных проблем. Таких как, чрезмерное присутствие государственных компаний в экономике, формирование взаимодействий с региональными элитами, перераспределение ресурсов между регионом и центром.

Следует отметить, что выделенные вызовы, и сформированный сценарий развития являются прогнозом, и станет ли он реальным, обернется кризисом или окном возможностей зависит от множества факторов. Однако, стоит признать, что ключевым элементом благополучного разрешения ситуации является готовность к ней, и учитывая масштаб изменений, начинать предпринимать меры необходимо уже сейчас.

Литература

Деятельность государственных институтов. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/ (дата обращения: 01.05.2019).

Индикаторы отношения к партии «Единая Россия» URL: <https://fom.ru/Politika/10949> (дата обращения: 01.05.2019).

Протестные настроения. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11090> (дата обращения: 01.05.2019).

О. А. Башева

Трансформации российских мегаполисов на примере Москвы и Казани (в восприятии горожан)¹

**Башева
Ольга Александровна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН;
виртуальная научно-исследовательская лаборатория «РНФ-17-45-ВП»
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского федерального университета, Москва, Россия.

E-mail: OlgaAUsacheva@yandex.ru

Аннотация. Трансформация российских мегаполисов (Москвы и Казани) проходит в русле глобальных трендов развития крупных городов, а именно: продолжающейся урбанизации и расширении связей мегаполисов с пригородами, в связи с этим увеличением мобильности горожан, переходе к концепции «умного города», цифровизации городской жизни на всех уровнях, масштабных концепций благоустройства и перехода на новые экологические стандарты, новыми экологическими вызовами и борьбы с ними (как низовой, так и со стороны государства), новыми формами участия граждан в социальной и экологической политике и проч. В докладе будет раскрыто, как эти изменения отражаются в ежедневных практиках горожан.

Трансформация российских мегаполисов (Москвы и Казани) проходит в русле глобальных трендов развития крупных городов, а именно: продолжающейся урбанизации и расширении связей мегаполисов с пригородами, в связи с этим увеличением мобильности горожан, переходе к концепции «умного города», цифровизации городской жизни на всех уровнях, масштабных концепций благоустройства и перехода на новые экологические стандарты, новыми экологическими вызовами и борьбы с ними (как низовой, так и со стороны государства), новыми формами участия граждан в социальной и экологической политике и проч.

Комбинация нескольких социологических методов исследования (дискурс-анализ официальных документов и СМИ, а также массовый опрос населения и экспертные интервью) позволили нашей исследовательской группе определить основные болевые точки развития мегаполисов и позитивные результаты усилий властей в Казани и Москве, а также естественные тренды в жизнедеятельности городов в восприятии горожан с упором на экологические показатели.

¹ Тезисы доклада написаны при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант №17-78-20106.

Дискурс-анализ официальных документов свидетельствует о том, что решение экологических вопросов возведено в обязательную норму, хотя образ окружающей среды строится скорее вокруг ее ресурсной, нежели самостоятельной ценности. В официальных документах, излагающих принципы и приоритеты социально-экономического развития города Москвы, образ окружающей среды выстраивается на основе ее ресурсной пользы – функциональности в качестве элемента городского пространства. В Проекте стратегии социально-экономического развития города Москвы на период до 2025 г. отмечена центральная проблема городского развития – практически полное отсутствие конвертации пространственного, экономического и интеллектуального потенциалов Москвы в качество городской среды, которые вправе ожидать жители города. Тем не менее, приоритетная модель развития города предполагала на первом же этапе своей реализации проведение мероприятий, направленных на повышение качества городской среды, в том числе ее природной составляющей, и уже на втором – мероприятия по изменению структуры экономики города и усилению его бренда как Международного финансового центра и места развития инноваций.

Как и Москва, Казань стремится стать мировым (глобальным) городом, главными целями которого, в соответствии со Стратегией социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 г., являются устойчивый экономический рост, здоровье горожан, удобство для жизни активных и ответственных горожан, открытая власть и безопасность городской среды. Вместе с тем в Стратегии признается актуальность для Казани экологических и инфраструктурных проблем, как-то: устаревание систем канализации и водоснабжения, загрязнение водоемов, недостаточное озеленение города и отсутствие единого по всей Казанской агломерации «зеленого» каркаса, перепроизводства отходов и отсутствия отлаженной системы управления качеством атмосферного воздуха.

Результаты дискурс-анализа официальных документов дополнены данными дискурс-анализа электронных СМИ по основным выделенным нами компонентам «зеленого» города, которые не всегда совпадают с декларируемыми планами стратегий городского развития. Так, например, основной пласт дискурса о состоянии водных объектов составляют сообщения о локальных проблемах качества воды и водоснабжения. Острота этого вопроса в СМИ уравнивается сообщениями о предпринимаемых федеральной и местными властями мерах охраны водных объектов. Эта тема вскрывает противоречия экологической политики. Загрязнение воздуха также вызывает в городах значительный резонанс, особенно в связи с заметными в Москве и Подмосковье выбросами сероводорода на мусорном полигоне «Ядрово» под Волоколамском в марте 2018 г., пожаром на Московском нефтеперерабатывающем заводе в Капотне, планами строительства мусоросжигающих заводов под Казанью и Москвой. Вместе с тем, регулярного обсуждения комплексных факторов загрязнения воздуха и преодоления роста загрязнения воздуха в СМИ не наблюдается. Проблематика «зеленых зон» в Москве и Казани освещается в формате описания задач, стоящих перед системой городского управления. В Москве – это в основном решение в рамках Программы благоустройства, в Казани – обсуждение проекта

муниципальной программы «Формирование комфортной городской среды с 2018 по 2022 гг.», нового генплана города и т. п. Заметки в СМИ чаще носят чисто информационный характер перечисления сделанного и планируемого; конфликтная сторона вопроса практически не затрагивается. Дискурс обоих городов преимущественно консенсусный.

Гражданская активность населения и экологическая политика освещается в СМИ в рамках конфликтного дискурса: пик упоминаний о гражданской активности пришелся на весну 2018 г. в обоих городах. В Москве и Подмосковье именно в этот период прошло множество гражданских акций протеста, связанных с проблемами хранения и переработки отходов, а также против строительства МСЗ в Подмосковье и под Казанью.

Массовый опрос населения Казани и Москвы (N-1500, по 750 в каждом городе) по стратифицированной квотной выборке в период с сентября по декабрь 2018 г. позволил нам проследить, как происходящие трансформации городской жизни отражены в установках и практиках населения: в степени включенности населения в разные экопрактики, в решении экологических проблем своего города, экологическом активизме.

Результаты опроса показали, что большинство москвичей и казанцев находят свой город комфортным для проживания (87,4%). Самые высокие оценки получили системы интернет-платежей и интернет-магазинов (4,2 балла), доступность и удобство общественного транспорта (3,93 балла) и развитость цифровых государственных услуг (3,89 балла). Тем не менее, недовольство у горожан вызывают ограниченность возможностей населения влиять на процесс принятия управленческих решений по экологическим вопросам (2,92 балла), низкие уровни доходов населения (2,97 балла) и его экологической культуры (3,04 балла).

Большинство москвичей и казанцев находят позитивными изменения, произошедшие в своих городах за последние 5 лет (68,8% и 73,1% соответственно). Города стали более комфортными для проживания (70,9%). Главным образом потому, что была налажена работа систем интернет-платежей и интернет-магазинов, государственных цифровых услуг (68,1% и 64,2% соответственно), в публичных пространствах был обеспечен доступ к бесплатному интернету (59,7%), стало больше пешеходных и велосипедных дорожек (57,7%), увеличилось количество зеленых зон (57,1%), повысились доступность и удобство общественного транспорта (56,8%), а также качество благоустройства дворовых территорий (54,9%), города стали более привлекательными для миграции высококвалифицированных специалистов (42%). Скорее в худшую сторону за 5 лет изменился уровень доходов населения (39,8%).

Более 70% жителей мегаполисов когда-либо принимали участие в акциях в защиту окружающей среды. При этом структура проэкологической активности практически никак не отличается в Москве и Казани. Основные акции, направленные на защиту окружающей среды, в которых участвуют горожане – это посадка деревьев и цветов, участие в субботниках (уборка территорий от мусора), подписание писем в соответствующие инстанции. Казанцы немного чаще москвичей когда-либо сажали деревья

и цветы (49,5 против 44,3%) и участвовали в уборке территорий от мусора (46,8 против 39,3%), а москвичи чуть чаще казанцев подписывались под письмами в соответствующие инстанции (20,5 против 15,5%).

Наиболее популярными повседневными экологическими практиками для горожан стали: экономия электроэнергии (76,6%), воды (68,5%), покупка или выращивание экологически чистых продуктов (37,1%). Экономические вложения, которые требуют больших затрат, но будут постоянно снижать энергопотребление, крайне мало распространены у жителей, вместе с автоматическими системами управления. Более ресурсозатратные практики, такие как участие в мероприятиях, направленных на защиту окружающей среды (15,1%) и участие в деятельности экологической общественной организации (12,3%) привлекают горожан в меньшей степени.

Большинство москвичей и казанцев считают (60% и 56,1% соответственно), что в целом местные органы власти неактивно привлекают население к решению вопросов, связанных с экологией. Структура экологических конфликтов, тревожащих горожан, в Москве и Казани различается. В Казани самые острые конфликты связаны со строительством мусоросжигательного завода (51,9%), в Москве – с точечной застройкой (55,6%). При этом в тройку самых тревожащих конфликтов в обоих мегаполисах вошли нелегальные свалки (в Казани для 48% ответивших, в Москве для 43,5%) и вырубка деревьев (в Казани для 41,7%, в Москве – для 46,5%). Кроме того, в топ-5 казанских конфликтов вошла проблема засыпки водоемов, тогда как в Москве эта проблема не столь актуальна. Здесь в отличие от Казани, в пятерку самых острых конфликтов входит еще и строительство торговых центров в жилых районах.

Опрос горожан показал, что важнейшим из факторов повышения комфортности городов является решение дорожного вопроса (обеспечение городов качественным дорожным покрытием, минимизация пробок и развитие эффективной системы общественного транспорта). Вторая по значимости задача – озеленение городов, создание парков и скверов в жилых районах и обеспечение постоянного ухода за ними. Третья задача связана с повышением уровня жизни населения – с повышением размера заработных плат, пенсий, различных социальных выплат, с ликвидацией социального неравенства. Москвичи, кроме этого, актуализируют миграционный вопрос, а казанцы отмечают острую необходимость стабилизации социального статуса горожан посредством ликвидации социального неравенства, повышения размеров заработных плат и иных выплат.

Ю. М. Вассерман

Дифференциация показателя модернизации культуры в региональной социальной общности

**Вассерман
Юрий Михайлович**

Кандидат экономических наук,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия.

E-mail: yuriyvasserman@gmail.com

Аннотация. В докладе приводятся результаты эмпирического исследования дифференциации показателя уровня модернизации культуры населения Пермского края, проведенного при финансовой поддержки РФФИ (проект №18-011-00548 А). В качестве показателя уровня модернизации культуры использовалось измерение установки к социальным феноменам, восходящим к традиционному или современному обществу. Показатель измерялся с помощью шкалы суммарных оценок. Объем выборки порядка 3000 респондентов, проживающих в различных муниципальных образованиях Пермского края.

Целью данной работы является изучение социальных связей, указывающих на то, что некоторые аспекты социокультурной дифференциации современного российского общества есть результат его модернизации. Эти аспекты отражают общественные противоречия, как результат столкновения социокультурных феноменов которые связаны с различными этапами процесса модернизации общества.

Как отмечает Д. Белл, в современном обществе сосуществуют элементы прошлых «стадий» социальной эволюции. Причиной этого сосуществования является инерция культуры, а само это сосуществование является причиной множества социальных коллизий. Многочисленные социальные проблемы, возникающие в современном российском обществе, как реакция на его модернизацию отражают реальные противоречия этого общества, сочетающего в одно время и в одном месте культуры различных исторических стадий.

Социальная модернизация понимается как переход от традиционной стадии развития общества к современной. Технологические изменения лежат в основе этого перехода. Изменение культуры в процессе модернизации традиционно изучается как зарубежной социологией (см. например, работы А. Инкелеса и Д. Смита, Р. Ингелхарта, С. Франаган, О. Кнутсен, Л. Харрисон и др.), так и российской (см. например, работы И. Дубова, Н. Лапина, Ю. Левады, А. Рябова, Н. Тихоновой и др.).

Проделанная работа базируется на понимании культуры следующей линии проводимой в работах Лесли Уайта, Пола Боханана, Эшли Монтегю, и в узком смысле понимается как система не биологически наследуемых регуляторов человеческого поведения (ценностей, норм, установок и т. п.).

Общество, вступившее на путь модернизации, переживает процесс социокультурной дифференциации на группы обладающими различными наборами регуляторов человеческого поведения. Эти наборы вызывают различные реакции (положительные и отрицательные) их носителей к феноменам, приносимым модернизацией. Подобная ситуация требует теоретического осмысления, разработки новых категорий.

Описанную социокультурную дифференциацию общества, вызываемую его модернизацией, можно назвать модернизационным социокультурным континуальным синдромом (МСКС). Можно выделить два полюса такого континуума. Первый связан с отрицательным отношением к постоянному потоку новшеств, приносимых процессом модернизации, его можно назвать контрмодернизационный синдром (КМС). Второй связан с положительным отношением к постоянному потоку новшеств приносимых процессом модернизации, его можно назвать промодернизационным синдромом (ПМС).

России всего несколько поколений назад большинство населения было сельским и жило в условиях натурального хозяйства, и его культура соответствовало данному уровню развития технологического и социально-экономического окружения. Процесс модернизации изменил это окружение в течении нескольких десятилетий, но культура не способна изменяться так быстро. Множество людей оказались в конфликте с последствиями процесса модернизации такими как, например, новое разделение труда, рынок, новый статус женщин и т. п. Наблюдаются группы с различным уровнем модернизации культуры, с различными установками на модернизацию и ее продолжение. Дифференциация общества на группы по-разному относящимся к модернизации является причиной многих конфликтов в модернизирующемся обществе. Во множестве стран можно наблюдать подобную картину. Процесс глобализации делает актуальным вопрос о всемирной культурной дифференциации такого рода. Измерение подобной культурной дифференциации может дать информацию о потенциальной конфликтности общества. Модернизация традиционных обществ воспринимается как вестернизация их культур и вызывает различную реакцию у различных групп в этих обществах, тяготеющих к традиционной культуре..

Вышесказанное обосновывает необходимость разработки инструментария для эмпирического измерения дифференциации общества на группы с разным уровнем модернизированности культуры в рамках МСКС. Автором была предпринята попытка разработки социологического инструментария для этих целей.

Предполагается, что каждому типу общества («традиционному» и «современному») соответствуют определенные типы отношений индивидов (непосредственные, личные в социальной общности, ведущей натуральное хозяйство в «традиционном» обществе и опосредованные рынком в «современном» обществе), определенные типы культуры (способы деятельности людей) и типы индивидов, социализированные в этих культурах.

В эмпирическом социологическом исследовании каждый индивид описывается набором свойств. Важнейшей совокупностью этого набора предмет нашего исследования делает свойства, которые отражают усвоенные индивидом ценности, нормы, установки и другие социальные регуляторы

поведения, анализируя которые можно сделать суждения об отнесении обладателя набора конкретных значений свойств к тому или иному социокультурному типу.

Оппозиция «традиционный» социокультурный тип – «современный» социокультурный тип является методологическим приемом, позволяющим дихотомизировать значения всех изучаемых социокультурных свойств, получая своего рода «чистые типы» – «традиционный» и «современный». Эти типы образуют полюса, в континууме которых должны располагаться реальные индивиды. Развертка этой оппозиции проведена через все важнейшие сферы деятельности людей.

«Традиционный» социокультурный тип (тип не связанный с рыночными отношениями) – это такой социокультурный тип личности, который в процессе социализации усвоил ценности, нормы, установки и тому подобные регуляторы человеческого поведения, которые генетически восходят к культуре традиционного общества. Они адаптируют поведение человека к социальным условиям, в которых отсутствуют регулярные и интенсивные рыночные отношения между людьми.

«Современный» социокультурный тип (тип связанный с рыночными отношениями) – это такой социокультурный тип личности, который в процессе социализации усвоил ценности, нормы, установки и тому подобные регуляторы человеческого поведения, которые генетически восходят к культуре современного индустриального общества. Они адаптируют поведение человека к социальным условиям, в которых отсутствует натуральное хозяйство, и все люди регулярно являются участниками рыночных отношений.

Оба социокультурных типа – это теоретически сконструированные идеальные типы полюса континуума МСКС. То же самое следует сказать о «традиционном» и о «современном» обществе, о культуре «традиционного» и «современного» общества. В реальной истории были различные общества, находящиеся на традиционной стадии развития и в разных фазах разложения этой стадии (т. е. на разных стадиях модернизации общества), но нас они интересуют только как историческая и логическая противоположность современному «модернизированному» обществу.

Точно так же в реальной истории мы встречаем различные «современные» общества, каждое из них своеобразно, но практически во всех сохранились те или иные черты «традиционной» ступени развития. Строя модель такого «современного» общества, мы абстрагируемся от любых способных в нем существовать черт традиционного общества, и предполагаем эти два общества полностью противоположенными друг другу. Подобные модели социокультурных типов являются инструментом изучения, масштабом для измерения реальных индивидов реального общества, образующего объект исследования.

Реальные социокультурные типы в условиях модернизирующегося общества (каковым является, например, российское общество) в процессе социализации усваивают разнородные наборы норм, ценностей, установок и т. д., что по-разному адаптирует их к модернизирующимся социальным отношениям. О реальных социокультурных типах можно сказать, что их культура в большей или меньшей степени связаны с рыночными отношениями и они находятся между полюсов континуума.

Совокупность проявлений культурно обусловленного приятия или неприятия индивидом ценностей «традиционной» или «современной» культур в тех или иных сферах жизни может быть замерена эмпирически, после чего данный индивид может быть отнесен к тому или иному социокультурному типу в той или иной сфере жизни (предполагается, что модернизация различных сфер жизни происходит не одинаково).

Для эмпирического измерения уровня культурной модернизации индивида (в рамках МСКС) используется блок определения социокультурного типа (т. е. уровня культурной модернизации индивида). Он включает набор утверждений, в которых проявляются установки на культурные феномены, генетически восходящие к различным типам общества, традиционному и индустриальному.

Измерение таких свойств социокультурных, типов как установки проводилось с помощью метода суммарных оценок, посредством предложения респонденту ряда полярных оценочных суждений с просьбой проявить степень своего согласие или не согласие с приводимыми точками зрения. Количество баллов набираемых по этой шкале индивидом, моделирует его установки на феномены модернизации, его «потенциал модернизации» в каждой сфере и суммарный. Чем больше сумма набранных баллов, тем более выражена положительная установка индивида к феноменам современного общества (т. е. менее выражена положительная установка к феноменам традиционного общества), тем более модернизированной считается усвоенная им культура (более выражен ПМС). И наоборот, чем меньше сумма набранных баллов, тем более выражена отрицательная установка индивида к феноменам современного общества (т. е. более выражена положительная установка к феноменам традиционного общества), тем менее модернизированной считается усвоенная им культура (более выражен КМС). Применение методики Ликерта дает измерение интервального уровня, что позволило выделить полярные и промежуточные социокультурные типы с точки зрения модернизированности их культуры.

Шкала Ликерта использовалась в нашем исследовании для измерения культурной модернизации. Шкала была валидизирована по 4-х пунктному индексу Р. Ингелхарта.

Социокультурные типы различаются в соответствии с условиями социализации, которые, в свою очередь меняются от поколения к поколению. Более модернизированный тип культуры приспособлен к более модернизированному типу социального окружения. Новое поколение имеет возможность существовать в более модернизированной культуре, чем старое. В нашей работе мы попытались количественно оценить культурные изменения между поколениями, и полярными социокультурными типами. Шкала Ликерта была использована для определения уровня модернизации культуры респондентов. Было использовано пять групп утверждений для определения установок к феноменам в норме связанных с современным и традиционным обществами: 1) группа утверждений о семейных отношениях, 2) группа утверждений связанных со сферой экономики, 3) группа утверждений измеряющие установки к социальному равенству, 4) группа утверждений связанных с политическими проблемами 5) группа утвержде-

ний связанных с измерением уровня открытости (терпимости к другим культурам, инновациям и т. п.). Балл культурной модернизации респондентов был нормализован следующим образом

Балл респондента/60 – 1

60 – число утверждений шкалы Ликерта.

После этого ноль означал минимальный уровень модернизации культуры (культура чистого традиционного общества) и пять означает максимальный уровень модернизации культуры (культура чистого современного общества).

Разработка выборки (3000) собранной в Пермском крае по описанной методике будет представлена в докладе.

Г. Д. Гриценко

Социальные процессы в северокавказском регионе: состояние и перспективы

**Гриценко
Галина Дмитриевна**

Доктор философских наук, профессор,
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия;
Ставропольский государственный медицинский университет, Ставрополь, Россия.
E-mail: dissovet@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается иерархия факторов, определяющих тенденции социальных процессов на Северном Кавказе в контексте их стабилизации. В результате сравнительного анализа результатов экспертного опроса 2016 г. Дельфи-метода 2017 г. были уточнены факторы-риски и определены наиболее оптимальные, с точки зрения экспертов, пути снижения напряженности в регионе. Установлено, что нестабильность региональной социальной ситуации обусловливается системой разнообразных, но взаимообусловленных факторов. Была выявлена внутренняя противоречивость программных мер по снижению деструктивных процессов и указано на необходимость системного применения предложенных рекомендаций.

За Северным Кавказом закрепился образ одной из самых проблемных территорий юга России. Ситуация была и остается сложной, однако обстановка претерпевает изменения: она характеризуется сочетанием как позитивных, так и негативных тенденций с некоторым нарастанием стабилизационных процессов.

Для выявления иерархии факторов, определяющих социальную ситуацию на Северном Кавказе, в 2017 году было проведено социологическое исследование методом Дельфи как уточнение, дополнение и корректировка результатов экспертного опроса 2016 года. Экспертами выступили ведущие специалисты в области региональной социологии. Проведенный опрос является очередным этапом многолетнего исследования, проводимого сотрудниками Южного научного исследования РАН с 2006 года.

Эксперты подтвердили, что в северокавказском регионе в настоящее время наметилась тенденция перехода региональной ситуации на умеренно-позитивный сценарий, которая, однако, в любой момент может приобрести противоположную направленность. Это требует постоянного отслеживания факторов-рисков и анализа эффективности управленческих решений, направленных на снижение рискогенности ситуации в регионе.

К самому рискогенному фактору, по единодушному выбору экспертов 2017 годов, была отнесена сохраняющаяся этноклановость в жизнедеятельности субъектов федерации, расположенных в Северо-Кавказском феде-

ральном округе. Из ответов экспертов 2017 года видно, что они осознают «живучесть» данного социального явления («с этим невозможно бороться», «<...> сейчас этноклановость дополняется клановостью внеэтнической, так сказать клановостью по интересам, ценностям и т. п.»), которая обусловлена не только региональными, но и «страновыми» условиями («<...> она будет сохраняться в условиях российской политической культуры»).

С точки зрения большинства участников Дельфи-опроса, необходимо начать «разрушение «закрытости» существующих этноклановых образований, уходить от национального деления регионов». Следует, по мнению экспертов 2017 г., более активно проводить ротацию руководителей с учетом их профессиональных, интеллектуальных и управленческих способностей, исключив национальный признак. При этом эксперты-участники Дельфи-опроса в отличие от участников экспертного опроса 2016 года отвергают всякую возможность формировать новую национальную элиту или внеэтнической клановости. Обусловлено это тем обстоятельством, что эксперты 2017 г. перестали искать положительные моменты в этноклановости и, следовательно, оправдывать ее сохранение в силу некоторых функциональных свойств. В частности, они разделяют негативную оценку этому явлению политолога Д. С. Саркаровой: «<...> безработица поддерживается существующей системой внутрительпового, внутрикланового, внутритухумного перераспределения доходов, которая позволяет части населения вообще не работать. Особенно это распространено среди молодежи». Таким образом, этноклановость «стоит» на пути модернизации региона, усиливая архаизацию российской реальности и сохраняя традиционализм северокавказского сообщества.

Второе место по негативному воздействию на социальные процессы в иерархии рисков большинство экспертов 2017 г. отдали ухудшению социально-экономического положения значительной части населения. Большинство субъектов федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа, расположились на 78-м и более низких местах в рейтинге социально-экономического положения регионов. Как полагают участники Дельфи-опроса, «негативная ситуация сохраняется и тенденции к улучшению пока не видно. < ... > Хотя в регионе реализуются различные федеральные целевые программы, инвестиционные проекты». Эксперты 2017 г. в отличие от предшественников (2016 г.) считают, что необходимо «ужесточение контроля за реализацией этих проектов в регионе и ужесточение ответственности руководителей за некачественное их исполнение», поскольку есть «случаи, когда заявленные как реализованные проекты в реальности – полумифы». Важно также реализовывать «не только крупные проекты (которые на Кавказе, как правило, из-за этноклановости оказываются аферой), но и локальные «приземленные» проекты без лишнего шума и пафоса». Кроме того, эксперты предупреждают, что «реализация крупных инвестиционных проектов может сталкиваться с сопротивлением местного населения в вопросах изъятия ресурсов под проекты», поскольку в северокавказских республиках имеет значительное развитие и влияние теневая экономика. В этой ситуации, утверждают эксперты, целесообразно сочетать реализацию крупных проектов с разви-

тием малого бизнеса, прежде всего в сельскохозяйственной сфере. Однако, предупреждают эксперты, развитие малого бизнеса усиливает этноклановость, закрепляет теневую экономику и способствует сохранению высокого уровня безработицы.

Эксперты вновь обращают внимание, что модернизация региона невозможна «без разрешения межклановых противоречий, без прекращения борьбы этноэлит за перераспределение ресурсов». В противном случае любые действия, направленные на рост благосостояния людей, «будут иметь мизерный эффект, как это имело место ранее», способствуя консервации деиндустриальных процессов.

По мнению экспертов, модернизация социальных процессов в республиках Северного Кавказа – это комплексная проблема и ее решение затрагивает все стороны социальной жизни. Каждая программная мера обладает имманентной противоречивостью, что требует от управленческих органов системных научно обоснованных решений без ухода в популизм, желания получить сиюминутный успех с последующим провалом.

Г. С. Денисова

Этническая специфика представлений об интегрирующих ценностях российской нации

**Денисова
Галина Сергеевна**

Доктор социологических наук, профессор, Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: dgsrostov2013@gmail.com

Аннотация. Статья обращена к изучению ценностного основания интеграции российской национально-гражданской идентичности. Проведенное исследование основано на концепции идентичности как социального конструкта. Одной из рабочих гипотез выступило предположение о том, что различные этнические группы, даже в регионах с преимущественно русским населением, отличается уровнем приверженности российской идентичности и структурой ценностей, которые рассматриваются в качестве интегрирующих для российской нации. Объектом наблюдений выступило полиэтничное население Ростовской области. Опрос проводился в 12 городских округов и 43 сельских муниципальных районов. Проведенное исследование подтвердило наличие различных структур интегрирующих ценностей, характерных разным этническим группам.

Актуальным направлением исследования российской идентичности является проблема конструирования и укрепления ценностной основы интеграции. В этом направлении во втором десятилетии XXI в. проводится активная политика, включающая в себя проведение масштабных спортивных и культурных мероприятий (Зимняя Олимпиада «Сочи-2014», Чемпионат мира по футболу 2018 г., различные международные фестивали искусств и др.), последовательную интерпретацию в медиопространстве значимых экономических и научных достижений страны, а также геополитических позиций России в контексте «российских интересов», «Мы-идентичности». Составной частью этой политики является укрепление патриотического воспитания молодежи и акцент на ценность патриотизма в федеральных СМИ. Бесспорно, эту политику можно определить как нациестроительство. Эмпирические социологические опросы фиксируют в качестве ее определенного результата рост национально-гражданской идентичности в целом по России. Вместе с тем, далеко не всегда понятно, что именно имеют в виду респонденты, когда при опросе указывают приоритетность для себя российской гражданственности. Не однозначным является также вопрос относительно ценностной основы, интегрирующей разнообразное этнокультурное население России.

Выяснение этого вопроса стало одной из задач масштабного эмпирического социологического исследования, которое было проведено в Ростовской области летом-осенью 2017 г. по инициативе регионального правительства.¹ Выборка опроса, репрезентирующего население старше 18 лет каждого из 55 городских округов (12) и муниципальных районов (43) Ростовской области по пространственному распределению, демографическим признакам, уровню образования, составила 12 000 респондентов. В каждом муниципальном районе в выборку были включены не менее четырех населенных пунктов. Общее количество населенных пунктов – 150. Выборка является многоступенчатой, стратифицированной, квотной. Мужчин – 5488, женщин – 6511.² Этнический состав выборки не контролировался, тем не менее в опросе приняли участие 79% русских, армян – 5%, украинцев – 4%, казаков – 2%, а также по 1% азербайджанцев, белорусов, корейцев, татар, турок, представителей народов Дагестана.

Респондентам было предложено выбрать из списка (пятнадцать) ценностей и принципов три, которые на их взгляд, в настоящее время объединяют поликультурное население России в единую нацию. Для формирования списка ценностей использовались предшествующие опросы, которые проводились по всероссийским выборкам (Двадцать лет реформ глазами россиян..., 2011). В перечень ценностей и принципов были внесены:

1. Ценности, определяющие отношение к многокультурности России, включая русский язык как средство, обеспечения единства полиэтнического общества.
2. Принципы политики государства, направленной на обеспечение целостности и независимости России.
3. Правовые ценности, опираясь на которые государство формируется по модели «общественного договора» гражданина и государства.
4. Ценности государства социального типа.
5. Ценность «патриотизма», которая в российской культурной традиции рассматривается как не дифференцируемая любовь к государству (отечеству), культуре и стране.

Собранный и систематизированный материал позволил выявить доминирующие позиции в коллективных представлениях населения Ростовской области ценностей «русский язык и русская культура» и «патриотизм». Второе место, но с большим отрывом, заняли еще три ценности: две из группы ценностей многокультурности («дружба и сотрудничество народов (этносов)»; «общность исторической судьбы всех этносов (народов) России») и одна – из группы ценностей, обеспечивающих независимость государства «военно-политическая мощь России».

¹ Состояние гражданской идентичности и оценка населением состояния межнациональных отношений во всех городских округах и муниципальных районах Ростовской области Государственный контракт Правительства Ростовской области от 18.07.2017. № 295.

² Расчет выборки, сбор и обработка эмпирического материала осуществлялась сотрудниками Филиала ВЦИОМ по Южному федеральному округу (директор – В. С. Потрапелюк).

Ценность «Русский язык и русская культура» в среднем по области была поддержана 44 % респондентов. В определенной степени на выбор ценностей оказывает влияние тип поселения: так ценность «русский язык и русская культура» менее значима для жителей миллионного областного центра (29%), но ей отдают предпочтение жители крупных городов (49%), средних городов (56%), малых городов (47%) и сельских поселений (48%).

Близкую позицию заняла ценность «Патриотизм» (42%). Патриотизм выше оценивается женщинами (45%), чем мужчинами (39%). Возраст и уровень образования не оказывают влияние на выбор этой ценности. Ценность патриотизма более значима для жителей мегаполиса (49%), крупных и средних городов.

С большим отрывом от доминирующих ценностей, респонденты солидарно выделили еще три ценности: «общность исторической судьбы народов России» (25%), «дружба и сотрудничество народов России» (24%), «военно-политическая мощь России» (23%). Следует заметить, что выбор этих ценностей не зависит от типа поселения, пола, возраста и уровня образования.

Ценность «равенство гражданских прав и свобод» может выступать интегрирующей основой для поликультурного населения России только в представлениях 23% респондентов. Выбор этой ценности тоже не зависит от типа поселения, пола, возраста и уровня образования.

Выделенная структура интегрирующих ценностей не является универсальной для представителей различных этнических групп. Она характерна для русского этнического большинства региона.¹ Доминирующие ценности – русский язык и русская культура, а также патриотизм, – являются доминирующими также для белорусов и украинцев (только патриотизм меньше выражен). Близкую структуру, но с разной поддержкой ценностей, продемонстрировали татары.

В ответах представителей других этнических групп были выявлены другие доминанты. Особый интерес представляют ценностные ориентации компактно проживающих в сельских районах групп, молодежь которых в 90-х начале 2000-х годов участвовала в локальных конфликтах. Так для турок (турок-мехетинцев) в первую группу ценностей вошли «дружба и сотрудничество народов» (44%), «равенство гражданских прав» (35%), во вторую – «русский язык и русская культура» (24%), «общность исторической судьбы народов» (23%), в третью группу – «патриотизм» (16%), военно-политическая мощь России (16%), «целостность российского государства» (15%).

Для дагестанцев в первую группу вошли: «русский язык и русская культура» (30%), «равенство гражданских прав» (30%), «дружба и сотрудничество народов» (29%) «общность исторической судьбы народов» (28%); вторую группу составили: «единое экономическое пространство» (24%), «патриотизм» (22%). Третью – «национально-территориальный федерализм» (17%), «целостность Российского государства» (15%).

Для чеченцев на первый план вышли ценности «общности исторической судьбы» (32%), равенство гражданских прав» (28%), «русский язык и русская культура» (28%). На втором месте – ценность «национально-тер-

¹ По переписи 2010 г. в этнической структуре населения Ростовской области представлены 88,7% русских, 11,3% – представители других национальностей.

риториального федерализма» (23%), «патриотизм» (23%), «дружба и сотрудничество народов» (22%). Третью группу составили «военно-политическая мощь» (20%), «Национальный суверенитет России» (19%).

Сравнение структуры интегрирующих ценностей, выбранных по этническим группам, показывает существенное различие ценностного сознания русских, этнически близким им белорусов и украинцев, и выбора таких ценностей представителями другими этническими группами. Неславянские этнические группы предпочтение отдали тем ценностям многокультурности, которые у русских оказались во «втором эшелоне». Но если русский язык вошел во вторую группу предпочтений для неславянских этносов, то ценность патриотизма откатилась на периферию их ценностного сознания. Специфическая ситуация сформировалась в связи с выбором ценности «равенства прав и свобод», «защиты человеческого достоинства». Представители славянских этнических групп не считают эту ценность интегрирующей для российского общества, отдавая предпочтение интегрирующей роли государства, а не личности. Представители неславянских групп, напротив, в большей степени выделяют эту ценность, отстаивая «равенство гражданских прав и свобод» независимо от этнической, религиозной принадлежности и территории проживания. При этом предпочтение этой ценности выше у представителей этнических групп, диффузно расселенных в регионе (азербайджанцев, корейцев, грузин и др.). Чем более разбросана диаспора, чем меньше в ней реализуется взаимопомощь на межличностном уровне, тем больше ориентация на гражданско-правовые ценности.

Литература

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. / Под ред. чл.-кор. РАН Горшкова М. К. М., 2011.

Ю. В. Дергунов

Потенциал теории зависимости в изучении постсоциалистических социальных трансформаций

Дергунов
Юрий Валериевич

Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики, Донецк.

E-mail: yuriy.dergunov@gmail.com

Аннотация. Теория зависимости, которая является одним из ведущих направлений в исследованиях социальных изменений в «третьем мире», сегодня активно распространяется и на изучение постсоциалистических стран. На сегодняшний день можно констатировать наличие целого ряда направлений, исходящих из зависимого положения капиталистических обществ Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств в системе глобального капитализма как их определяющей характеристики. Проведен сравнительный анализ и оценка указанных подходов. Обосновывается предпочтительность марксистского направления в силу диалектического сочетания факторов социально-классовых отношений и глобальных тенденций неолиберализации, при условии его обогащения достижениями институционалистского и мир-системного направлений.

Процесс перехода к капитализму в постсоциалистических странах является одним из наиболее интересных примеров современных макросоциальных трансформаций. Для мейнстрима исследований данного процесса характерен методологический национализм, т. е. тенденция к его рассмотрению в замкнутых национальных границах, что не позволяет объединить становление и развитие национальных моделей капитализма с их включенностью в глобальные процессы реструктуризации капитализма, заключающейся в переходе к его неолиберальной фазе и ее кризисе. Это обуславливает необходимость обращения к категории зависимого капитализма и связанных с ней теоретических подходов, которые давали бы возможность диалектическим образом соединить «внутренние» и «внешние» факторы трансформации и вернуть исследования «переходных» обществ в более широкое проблемное поле социологии развития. Теория зависимости, которая является одним из ведущих направлений в исследованиях социальных изменений в «третьем мире», сегодня активно распространяется и на постсоциалистический контекст.

На сегодняшний день можно констатировать наличие целого ряда направлений, исходящих из зависимого положения капиталистических обществ Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Содружества Независимых Государств (СНГ) в системе глобального капитализма как их

определяющей характеристики. Можно выделить такие направления, как институционалистское, мир-системное и марксистское, каждое из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Институционалистское направление представлено работами таких авторов, как Д. Боле, Б. Грешкович, А. Влигентхарт, Я. Драгокупил, Л. Кинг, М. Мыант, А. Нельке, и др. В целом, данный подход является переосмыслением теории «разновидностей капитализма» (*varieties of capitalism*) П. Холла и Д. Соскиса, в которой противопоставлялись либеральные и координируемые рыночные экономики на материалах ведущих капиталистических стран. Указанные авторы стремятся дополнить исходную типологию с учетом специфики трансформирующихся стран.

Так, А. Нельке и А. Влигентхарт вводят понятие «зависимой рыночной экономики» (Nцlke A., Vliegenthart A., 2009), которая основана на активном привлечении иностранного капитала в относительно высокотехнологичные сектора экономики, которые становятся основой экспортной специализации данных стран. В ЦВЕ в полной мере этому определению зависимой рыночной экономики соответствуют лишь страны Вышеградской группы (Польша, Чехия, Венгрия и Словакия). Проблемой этой концептуализации является очень узкая трактовка зависимости, которая сводит разнообразие ее форм лишь к роли, которую играют внутри страны иностранные инвестиции в промышленный капитал (т. е. отвергая торговую, долговую и другие формы, и вообще избегая рассмотрения сущности этого явления), из-за чего этому пониманию зависимости соответствует довольно незначительное количество стран в мире (с точки зрения А. Нельке большинство развивающихся стран относятся к «пронизанным государством рыночным экономикам», которым присущи симбиоз капитала и государственной власти, ограниченный допуск иностранного капитала и крайне высокая степень социального неравенства).

Более комплексную типологию зависимых капитализмов, включающую в себя и страны СНГ, предлагают М. Мыант и Я. Драгокупил. Их подход базируется на выделении конкретных форм интеграции в мировую экономику и определении институциональных факторов, которым бы способствовали такие формы. Иными словами, одни формы зависимой интеграции более требовательны, чем другие, что приводит к качественно различным социально-политическим отношениям в результате зависимости. Мыант и Драгокупил выделяют такие формы (Myant M., Drahokoupil J., 2011: 302–310):

- зависимость от прямых иностранных инвестиций в экспортно-ориентированное сложное производство (модель, наиболее требовательная к экономической стабильности, состоятельности государства и квалификации рабочей силы);
- зависимость от экспорно-ориентированного сложного производства без прямых иностранных инвестиций (единственный значимый пример – Беларусь);
- зависимость от иностранных инвестиций или субподряда транснациональных компаний в простое производство (одежда, обувь, простые компоненты; ключевым требованием является низкая цена рабочей силы, однако важны и определенные правовые гарантии);

- зависимость от сырьевого экспорта (поскольку эта продукция достаточно проста, она не имеет особых требований к социальному контексту, поэтому не способствует его развитию);
- зависимость от зарубежных переводов и помощи (не имеет важных требований к социальному развитию);
- зависимость от финансиализованного роста (не образует отдельной разновидности, дополняет другие формы зависимости).

Ведущая роль той или иной формы международной интеграции является основополагающей для формирования таких разновидностей капитализма (Myant M., Drahoukoupil J., 2011: 310–312):

- зависимые от прямых иностранных инвестиций второстепенные рыночные экономики (Вышеградская группа) с демократическими политическими системами, интегрированные в ЕС, со сложным промышленным производством, занимают второстепенную позицию в международных производственных сетях;
- периферийные рыночные экономики (страны Балтии и Юго-Восточной Европы) с демократическими политическими системами, но со значительно менее стабильной экспортной специализацией, из-за чего эти страны нередко зависят также от внешних переводов и финансиализации;
- олигархический или клиентелистский капитализм (большинство стран СНГ) с авторитарными политическими системами, тесным слиянием капитала и власти и не очень развитой системой правового и социального обеспечения в силу их низкого значения для сырьевой интеграции;
- «государства порядка» (отдельные страны СНГ), осуществивших лишь ограниченные реформы, которым свойственна ведущая государства в основных экономических решениях и высокий уровень социального обеспечения, определяющий поддержку авторитарного режима;
- зависимые от переводов и внешней помощи государства (наиболее бедные государства СНГ и Восточной Европы); возможна эволюция этих стран в сторону периферийных рыночных экономик.

Данное направление имеет как безусловные достижения, связанные с выявлением специфики форм зависимости, присущих региону, так и ограничения, так как его авторы уделяют особое внимание отличиям между различными национальными моделями капитализма, но выносят за скобки сущность самого капитализма и структурные механизмы, обуславливающие порождения зависимости на основе имманентных особенностей капитализма как социальной системы.

Мир-системный подход представлен такими авторами, как Й. Берец, И. Валлерстайн, Г. М. Дерлугьян, Б. Ю. Кагарлицкий. В исследовании пост-социалистических трансформаций этот подход сосредоточивается на процессах вхождения в мир-систему или перемещение между различными зонами мир-экономики, а рассмотрение процессов внутри отдельных стран в значительной степени подчинено их роли в воспроизводстве или изменении мир-системного положения.

В работах основоположника миросистемного анализа И. Валлерстайна и его ученика Г. Дерлугьяна особое внимание уделялось феномену советской системы как радикальной форме диктатуры национального развития, которая так и не стала социалистической в традиционном понимании этого слова и не смогла выйти за пределы логики функционирования капиталистической мир-экономики, однако смогла в течение длительного времени сопротивляться тенденциям периферизации, возвращение к которым и составляет социальное содержание трансформаций. При характеристике текущего момента они отмечают структурные препятствия к улучшению миросистемного положения России, к которым относятся исчерпанности военной и геополитической мощи как фактора претензий на центральное положение в миросистеме из-за вытеснения военного конфликта на периферию; исчерпанность крестьянства как источника ресурсов, которые можно направлять на модернизацию; и коррумпированность государственной бюрократии (Derluguian, G., 2011: 230–231). Из-за этого улучшение миросистемного положения эти авторы связывают прежде всего с борьбой с коррупцией (Дерлугьян Г., Валлерстайн И., 2012: 51–56).

Исторический анализ динамики миросистемного положения ЦВЕ, который предложили А. Комлоши и Х. Хофбауэр, содержит интересный анализ ловушек, с которыми сталкивались предыдущие попытки преодолеть периферийность, характерных также и для современной ситуации в регионе (Комлоши А., Хофбауэр Х., 2008). Авторы выделяют ловушку роста (связанную с ориентацией на догоняющее развитие, что никогда не успевает за изменением ведущих технологий в центрах миросистемы), национальную ловушку (которая заключается в отрицательной роли политического национализма относительно национальной экономической самостоятельности), долговую ловушку (которая сопровождает ловушку роста и заключается в том, что импорт технологий финансируется за счет займов из центров) и ловушку милитаризации (которая приводит к исчерпанию ресурсов развития).

Давая оценку мир-системному подходу, необходимо отметить, что, с одной стороны, мир-системщикам удалось успешно поставить последние три десятилетия в контекст долговременных исторических тенденций, демонстрируя, как на протяжении веков менялся характер взаимодействия отдельных стран или региона с центрами мир-системы. С другой стороны, необходимо отметить абстрактность оценок состояния капитализма в Центральной и Восточное Европе и СНГ, текущих форм его зависимости от центров, общественных сил и социальных конфликтов, что нередко делает его малоинформативным. В данном случае сила и слабость мир-системной перспективы являются закономерными продолжениями друг друга.

В рамках изучения марксистского подхода к анализу зависимого капитализма, можно выделить работы таких авторов, как М. Апчерч, Й. Беккер, Р. С. Дзарасов. Отличительной чертой данных работ является рассмотрение специфики зависимого положения постсоциалистических обществ в мировой капиталистической системе исходя из особенностей социально-классовых отношений, обуславливающих такое положение.

Неявным образом, авторы, тяготеющие к данному подходу, рассматривают зависимое положение в рамках мировой капиталистической системе как результат сверхэксплуатации рабочей силы, что совпадает с тем, как зависимый капитализм понимается в марксистской теории зависимости в Латинской Америке.

Ярким примером данного подхода является работа Р. С. Дзарасова (Dzarasov R.). Ключевым понятием, которое для него характеризует специфику постсоветского капитализма, является понятие инсайдерской ренты, которую он определяет как конкретную форму прибавочной стоимости. Возможность присвоения прибавочной стоимости через инсайдерскую ренту в постсоветском капитализме напрямую зависит от наличия инфраструктуры контроля, включающей в себя внешние («оффшорные облака» собственности, политические связи с государственной бюрократией и структуры внешней защиты прав собственности) и внутренние (централизованное принятие решений, контроль и аудит, внутренние службы безопасности) структуры контроля над предприятиями со стороны крупных инсайдеров. Из инсайдерской ренты как социального отношения выводится целый ряд специфических черт, присущих капитализму на территории бывшего СССР: высокий уровень непосредственного контроля над предприятиями со стороны владельцев, отсутствие отделения собственности от менеджмента; очень тесная связь бизнеса и его политического прикрытия; низкий уровень инвестиций в производство (из-за плохой защищенности собственности, ограбления предприятий инсайдерами и конфликтов между ними) периферийное положение в рамках глобального капитализма (из-за того, самыми прибыльными в этих условиях оказываются более примитивные в технологическом плане сектора).

В целом, данный подход является потенциально наиболее перспективным в рамках исследования зависимого капитализма в постсоциалистических странах в силу диалектического сочетания факторов социально-классовых отношений и глобальных тенденций неолиберализации, при условии его обогащения достижениями институционалистского и мир-системного направлений. В то же время, данный подход в его постсоциалистическом варианте отличается определенным отставанием от текущего состояния исследований в рамках марксистской теории зависимости.

Литература

Дерлугьян Г., Валлерстайн И. Россия в миросистемной перспективе // Россия-2020: Сценарии развития. / Под ред. М. Липман и Н. Петрова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 39–57.

Комлоши А., Хофбауэр Х. Особенность Восточной Европы, или История периферизации // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4. – С. 57–63.

Derlugian, G. The post-Soviet recoil to periphery // Aftermath: A New Global Economic Order? / Ed. by C. Calhoun and G. Derlugian. New York: New York University Press, 2011. P. 209–234.

Dzarusov R. The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World System. London: Pluto Press. – 294 p.

Myant M., Drahoukoupil J. Transition Economies: Political Economy in Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Hoboken: Wiley, 2011. 391 p.

Nulke A., Vliegenthart A. Enlarging the varieties of capitalism: the emergence of dependent market economies in East Central Europe // *World Politics*. 2009. Vol. 64, № 4. P. 670–702.

Л. М. Дробижева

Турбулентность деполитизации полиэтнического пространства России

**Дробижева
Леокадия Михайловна**

Доктор исторических наук, профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: drobizheva@yandex.ru

Аннотация. В выступлении рассматривается деполитизация этничности в научном дискурсе, институциональном пространстве и исследовательском поле этносоциологии, социальной антропологии, этнологии. Показана турбулентность в этом процессе и присутствие ее в массовом сознании на основе общероссийских и региональных этносоциологических исследований. На обсуждение ставится проблема: не несет ли турбулентность в научном дискурсе, институциональном пространстве и массовом сознании риска в контексте общего поворота к консерватизму? Или это особенность составного полиэтнического государства, в котором непреодолимо региональное разнообразие и поэтапное развитие политической нации при неодинаковой сохранности традиционализма и разном уровне гражданской культуры.

Постсоветский период в жизни Владимира Александровича Ядова был полон быстрыми изменениями в социальной реальности и осмыслении их в научном дискурсе. Мы учились у него реакции на эти изменения. Попробуем рассмотреть, как учитывались его уроки в понимании и осмыслении этничности.

За последние тридцать лет кардинально менялся взгляд на объект и предмет изучения. Вместо этносов, народностей наций – в этнографии и истории, этнических групп – в социологии и социальной антропологии говорят об этничности, идентичности, стратегиях идентичности, управлении идентичностями. Сами общности представляются не как нечто существующее вне субъективного понимания с устойчивыми культурными и языковыми характеристиками, а как «воображаемые сообщества», с маркерами, выбираемыми для «выстраивания различных границ» (по Ф. Барту). Методологией их изучения становился конструктивизм.

Перемены в категориальном арсенале отражали понимание сложности этнической реальности в историческом и пространственном измерении. Они вместе с тем давали возможность политикам уйти от понимания нации в этнокультурном значении, таким образом оставив право на суверенитет за политической нацией. Изменение теоретических подходов стало существенным ресурсом для деполитизации этничности, к которой стремились политики после взрыва национальных движений и насильственных конфликтов.

Произошли важные изменения в правовом, институциональном пространстве. В Конституции 1993 года в отличие от Конституции советского периода нет раздела «Национально-государственное устройство», нет разделения субъектов федерации на национально-государственные и национально-территориальные. Признается равноправие всех субъектов федерации. Понятие «национальные республики» употребляется по привычке, по Конституции они – российские республики. Право на самоопределение трактуется как право народа в составе федерации, Конституция не дает права субъектам федерации на выход из ее состава.

В постсоветский период в политике государства В. А. Тишков выделяет три подхода: алармистский, лоялистский, интернационалистский. Первый исходит из угрозы размывания культурной отличительности, использует меры для сохранения культурных особенностей, работает на подчеркивание различий между гражданами разной национальности. Лоялистский подход – это демонстрация лояльности власти и общества к культурному разнообразию. Интернационалистский подход опирается не на идею отличий, а на идею общности, в основе его – механизмы, способствующие укреплению российской идентичности и гражданской солидарности. Политика на постсоветском этапе, по мнению Тишкова, была «балансирующей, а акцент должен быть сделан на программе интеграции российского общества». (Тишков В. А., 2019: 105)

Среди социологов и этнополитологов политика по регулированию проблем этничности и межэтнических отношений все чаще именуются «Управлением культурным разнообразием» (Паин Э. А., 2017: 77). В названиях социологических и социально-психологических исследований все чаще используется термин «межкультурные отношения».

Изменения в научном дискурсе и в проблематике исследований, новые подходы в политическом пространстве привели к дисциплинарным переименованиям. Институт этнографии АН СССР именуется Институтом этнологии и антропологии РАН. Научный руководитель этого института В. А. Тишков ратует за именование науки «социальной антропологией». Но из-за тормоза не разделяющих его подходы немалой части сотрудников в самом Институте и в региональных учреждениях, оставляя за Институтом название этнологии и антропологии, он добился наименования ассоциации как «Ассоциации антропологов и этнологов». Стимулируемые председателем Ассоциации, научным руководителем ИЭА РАН этнологи «вышли за пределы этничности», теперь их полем стали и юридическая, и медицинская, и гендерная антропология. В немалой мере это соответствовало трендам мировой науки.

Но не все так просто и однонаправлено идет в изучении этничности. Джон Комарофф, анализируя современную ситуацию в западной науке, сделал вывод о том, что антропологи стали разделять свои знания с социологами, религиоведами, экономистами и другими гуманитариями. «У нас больше нет собственного предмета наших занятий», «предметная область растворилась во все и вся, и поэтому стала никто и ничто», В. А. Тишков считает, что это междисциплинарность, но она возможна при «сильной дисциплинарности» (выступление на XIII Конгрессе антропологов и этнологов).

Конструктивизм, конечно, вошел в методологию социологии и социальной антропологии, но «Этногенез и биосфера земли» Л. Н. Гумилева – востребованная книга и в учебном процессе, в том числе на факультете социологии МГУ, и стоит на книжных полках страны. Метод историзма, который мало совмещается с конструктивизмом, реализуется в популярных работах С. В. Лурье и Я. В. Чеснова, а есть работы, в которых вообще говорится о биологической преемственности и генетическом родстве в этнических процессах (Петрухин В. Я., Раевский Д. С., 2018).

Неоднозначные тренды есть не только в науке. Среди управленцев есть разделяющие примордиалистские подходы¹.

В социальной практике есть и реалистичный подход – соразмерных возможностей, ограничивающий полный переход на другой категориальный арсенал. Основной документ, регулирующий сферу культурного разнообразия, назван «Стратегия государственной национальной политики». Назван так не потому, что его создатели не принимают современных трендов социальной антропологии, социологии, этнологии, а потому что этот документ должен быть понимаемым не только управленцами, но массовым читателем, среди которых большинство с новыми теориями и подходами в науке не знакомы и понятие этничности для них не было раскрыто ни в школьных учебниках, ни в вузовских. Не звучит оно и в публичном пространстве.

Неоднозначны тренды и в развитии научных исследований. Этносоциологи в известной мере были в лучшем положении, чем этнологи и этнополитологи. Конструктивизм они восприняли не в упрощенном виде, а в трактовке Т. Лукмана (см. его интервью в «Журнале социологии и социальной антропологии» 2002, № 4. С. 5–14). Общение с В. А. Ядовым дало нам основание изучать основную тематику на основе синтезированного подхода (в начале мы его называли «полипарадигмальным»).

Акцент практически с самого начала реанимации этого научного направления в 70-х годах был сделан на сравнительном подходе к изучению социально-культурной и этнополитической реальности. Конечно, и среди изучающих эту проблематику есть те, кто не перестает вести полемику в защиту теории этноса с осуждением постмарксистских подходов (Попков Ю. В., Тюдашев Е. А., 2006).

Прямо скажем, трендом в этносоциологии была концентрация внимания на разнообразии, особенностях модернизации в глокальных пространствах, этнических различиях в социальной мобильности, производственных занятиях, культуре повседневного поведения и т. д. (Дробижева Л. М., 2018), и меньше обращали мы внимания на сходство, интеграционные процессы. Некоторые изменения теперь связаны с изучением множественной идентичности, совместимости общероссийской гражданской идентичности и этнической, изучении межличностного, межэтнического доверия, солидарностей, адаптации и интеграции внешних и внутренних мигрантов.

На обсуждение мы представим противоречивые тренды в этносоциальном пространстве, такие как: растущая по масштабам общероссийская идентичность и мало меняющаяся доля ее гражданской составляющей; высокая этническая солидарность и убывающая доля разделяющих представление о равенстве людей разной этничности и другие.

¹ Один из ответственных работников ФАДН прямо сказал: «В госуправлении нужны примордиалисты».

Не несет ли турбулентность в научном дискурсе, массовых представлениях, риска в контексте поворота к консерватизму, призывов к сохранению традиций прошлого в противовес принципам уважения культурной сложности и индивидуальной свободы (в пределах закона)? Или это особенность составного полиэтнического государства, в котором непреодолимо глокальное разнообразие и поэтапное развитие политической нации при неодинаковой сохранности традиционализма и разного уровня гражданской культуры?

Литература

Винер Б. Е., Дивисенко К. С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. 2015. № 4. Т. 6. С. 177–196.

Дробижева Л. М. Этносоциология: от пограничной области исследований к отраслевой социологии // Социс. 2018. № 6. С. 17–30.

Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 5–14.

Паин Э. А. Управление культурным разнообразием: исторические модели и современная практика в сфере регулирования этнополитических отношений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 4. С. 77–102.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. История народов России в древности и раннем средневековье. Учебное пособие. М.: Юрайт. 2018. 410 с.

Попков Ю. В., Тюдашев Е. А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. – Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006. 376 с.

Тишков В. А. Мы – российский народ. Обществознание. Учебно-методическое пособие. М.: «Вентана-Граф», 2019. 191 с.

Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / под ред. *Фредрика Барта*; пер. с англ. *Игоря Пильщикова*. – М.: Новое изд-во, 2006. 201 с.

Ю. А. Еременко

Культурные ценности в системе коммерциализации современных российских городов: опыт Всемирного культурного наследия Великого Новгорода и Пскова

**Еременко
Юлия Андреевна**

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Университет Бамберга, Бамберг, Германия.
E-mail: eremenko.iuliia@gmail.com

Аннотация. В условиях конкуренции городов на туристическом рынке образ города конструируется через свою индивидуальность и культурную ценность. Статья рассматривает место статуса Всемирного наследия в системе коммерциализации культурных ценностей в российском городском пространстве. Исследовательский вопрос состоит в том, насколько объекты с признанной культурной ценностью, такие, как объекты Всемирного наследия, включены в стратегии коммерциализации. В статье также рассматривается, какую оценку дают внутренние эксперты данному статусу и насколько он влияет на популярность Великого Новгорода и Пскова среди туристов.

Эмпирически исследование базируется на данных экспертных интервью с представителями городской администрации, сотрудниками музеев и туристических центров, представителями локального бизнеса и городскими активистами.

Исследование показало, объекты Всемирного наследия в Великом Новгороде и Пскове не участвуют в стратегии коммерциализации, связанной с туризмом. Независимо от обладания статусом Всемирного культурного наследия происходит коммерциализация культурных ценностей в России. На примере Великого Новгорода и Пскова мы видим, что объекты, не обладающие статусом Всемирного наследия, могут представлять в коммерческом смысле такую же выгоду, как и объекты без этого статуса.

Введение

Во второй половине XX в. произошел всплеск интереса к возможностям включения объектов культуры и искусства в экономическую составляющую городской жизни. В 1961 году был создан Совет штата Нью-Йорк по искусству, в 1965 году – Национальный фонд искусств. Эти организации взяли на себя контроль финансирования культурных объектов и объек-

тов искусства, еще не ставя их под угрозу коммерциализации. В 1957 году Фонд Форда организовал программу поддержки в области искусства, за ним последовали и другие коммерческие организации.

Вслед за этим авторы начинают искать грань между экономикой и искусством (Baumol W. J., Bowen W. G., 1966). Зарубежные страны, в частности США, демонстрируют интерес к проблеме коммерциализации и поиску ее решений в связи с ее негативным эффектом, начиная с 90-х гг. XX в. Из публикаций этого периода можно выделить следующие: книгу «The Economics of Art and Culture» (Heilbrun J. Gray C., 1993), посвященную как общему обзору экономических моделей, применимых к объектам культуры и искусства, так и истории Америки и Канады в этом контексте; «A Future for the Past: the Political Economy of Heritage» (Peacock A., 1994), дающую полноценное представление о политике экономики наследия; «Balancing act: twenty-one strategic dilemmas in cultural policy» (Matarasso F., Landry C., 1999), в которой авторы представляют актуальные вопросы по политической и экономической составляющей жизни объектов культуры и искусства в формате дилемм (в частности, рассмотрены дилеммы «Потребление или производство», «Наследие или современность»).

Большая роль проблеме коммерциализации и смежным с ней уделяется в исследовательских работах в области туризма и культуры. Так, в работе «Эксплуатация объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в туризме», связанной с деятельностью Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО), авторы рассматривают проблему коммерциализации на примере проведения коммерческих мероприятий на территории Красной Площади в Москве, входящей в список объектов культурного наследия (Замятина Н. А., Збарская А. В., 2018). Согласно исследованием именно с городами обладающие исторической ценностью в условиях развития туристических потоков происходят наибольшие изменения. Так, например, в 2002 году 682 здания в Лицзяне, на которые приходилось почти 70% всех зданий на главных улицах, использовались в коммерческих целях для обслуживания туристов (Bao J., Su X., 2004).

В целом можно отметить, что в конце XX века уже есть тенденция в общественных науках обращать внимание на тему коммерциализации объектов культурного наследия. Однако продолжает существовать разрыв между анализом коммерциализации объектов и исследованиями специфики культурных ценностей в современных российских городах, представленных объектами Всемирного культурного наследия.

Особенности изучения культурных ценностей

Понятие «культурная ценность» как объект общественной жизни имеет очень широкое использование в современной научной литературе (Молчанов С. Н., 2000). Это понятие в русском языке отображает двойственную природу объектов культуры, которые являются одновременно культурным наследием и объектами права собственности. Основным критерием для определения культурной ценности является ее значение «для культурного наследия каждого народа» (Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С., 2002).

Впервые концепция «культурного наследия всего человечества» была закреплена в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия в 1972 году (Конвенция ЮНЕСКО..., 1993) и впоследствии подтверждена в Конвенции ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия 2001 года (Конвенция ЮНЕСКО..., 2001), Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. (Конвенция ЮНЕСКО..., 2005) и в ряде рекомендаций ЮНЕСКО (Рекомендация ЮНЕСКО..., 1993) (Рекомендация ЮНЕСКО..., 1989).

В рамках данных нормативных актов статус «культурного наследия всего человечества» направлен на закрепление ответственности всех государств по защите и сохранению данных объектов (Carducci G., 2006), в то время как вопросы собственности, объема прав и обязанностей собственника уходят на второй план. Исходя из этого, ответственным за сохранение культурных ценностей является не собственник, а государство, на чьей территории находятся объекты его представляющие.

Методы и материалы

В данной статье мы рассмотрим примеры Великого Новгорода и Пскова: оба города пытались получить статус Всемирного культурного наследия (далее, «статус») для всего исторического центра города, но смогли это сделать. Однако Великий Новгород добился включения в Список всемирного наследия группы объектов под общим названием «Исторические памятники Новгорода и окрестностей» в 1992 году, а Псков получил статус только в июле 2019 года на группу объектов под общим названием «Храмы псковской архитектурной школы».

В течение августа и сентября 2018 года была проведена серия экспертных интервью (n=20), информантами в которых выступили представители городской администрации, сотрудники музеев и туристических центров, представители локального бизнеса и городские активисты.

Результаты эмпирического исследования

Культурные ценности на территории Великого Новгорода и Пскова в разное время получили статус Всемирного наследия, однако имели схожие черты. Мы рассмотрим взаимосвязь между коммерциализацией и статусом в хронологическом порядке. Вначале мы рассмотрим, какой была взаимосвязь в период принятия решения о подаче заявки на статус, потом перейдем к периоду после того, как Великий Новгород получил статус, а Псков готовится к новой подаче документов, и дойдем до момента получения статуса обоими городами.

На первоначальном этапе в обоих городах решение о подаче заявки на статус было связано в первую очередь с двумя факторами. Первый фактор связан с решением СССР ратифицировать Конвенцию 9 марта 1988 года Указом Верховного Совета №8595-XI. В октябре 1988 года Министр иностранных дел СССР передал ратификационную грамоту Генеральному дирек-

тору ЮНЕСКО, и спустя три месяца Конвенция вступила в силу. После этого началась активная работа по подготовке предложений о включении первых объектов на территории СССР в список Всемирного наследия. Здесь мы наблюдаем давление на городские власти со стороны Москвы. Второй фактор связан с действиями местных активистов по сохранению исторического ансамбля. В советский период центры обоих городов были сильно перестроены и местным активистам приходилось активно бороться за сохранение единого облика города, однако это им не удалось и очень многие здания и общий ансамбль города были утрачены: «...был засвидетельствован факт того, что мы уничтожили среду, в которой памятники будут органично смотреться, целостность городского ансамбля» (РабМуз1 Великий Новгород).

После получения отказа оба города продолжили готовить необходимые документы, но уже на отдельные объекты. При второй попытке подачи документов Псков все равно был ориентирован на то, чтобы включить часть исторического центра как единый объект, связанный с рядом других объектов вне границ исторического центра, однако, получил отказ.

Сегодня эксперты в обоих городах признают, что тот факт, что не удалось получить статус на весь исторический центр, привел к тому, что строительство на территории, свободной от объектов наследия ЮНЕСКО, активно ведется и сейчас: «...с другой стороны, именно отсутствие охранного статуса, оно сыграло негативную роль в дальнейшем, потому что, скажем, восточные окрестности Новгорода и южные сейчас, уже в наше время, не имея статуса объекта наследия ЮНЕСКО, активно застраиваются безликой коттеджной застройкой, безликими зданиями, и, в общем, нет и тени ансамбля, который здесь 26 лет назад...» {РабМуз1 Великий Новгород}.

Получение статуса на отдельные здание привело к тому, что территория городов коммерциализируется и используется под современную застройку, однако можем ли мы говорить о коммерциализации самих культурных ценностей получивших статус? Если обратиться к рис. 1, то мы увидим, что несмотря на то, что до нынешнего года Псков не имел на своей территории объектов со статусом Всемирного наследия, он получал от сферы туризма больше чем Великий Новгород, обладающий 37 объектами.

Таблица 1

Таблица данных к диаграмме

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Pskov	635	2190	1994	2555	2880	2659	3121	3567
Veliky Novgorod	531	1869	1925	1808	1804	2052	2627	2617

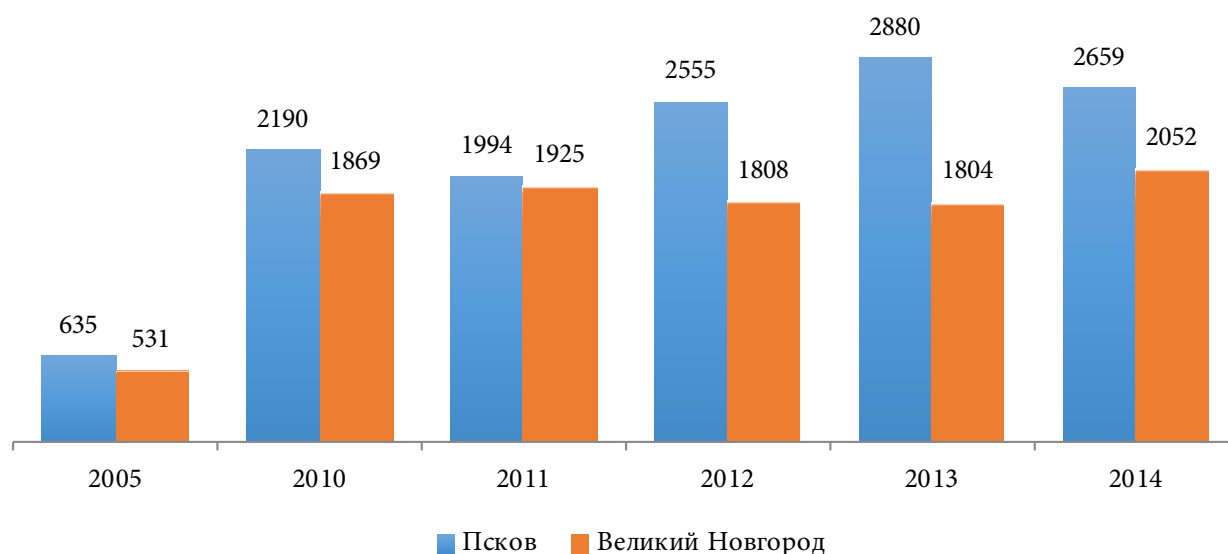

Рис. 1. Источник: Росстат. ВРП в сфере туризма (доходы от туристической отрасли: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания), млн рублей

Данный факт связан с тем, что туристическая индустрия в этих городах функционирует по-разному. Наличие объектов Всемирного наследия в Великом Новгороде не повлияло на формирование собственных туристических операторов, не связанных с Санкт-Петербургом и Москвой. В случае же Пскова на его территории действуют независимые туристические операторы, которые работают как с русскими, так и с иностранными туристами.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в случае Великого Новгорода и Пскова коммерциализация культурных ценностей путем присуждения им статуса Всемирного культурного наследия не являлась основной целью получения статуса. В обоих случаях попытка получить статус не на отдельные объекты, а на весь исторический центр города связана с потребностью в сохранении исторического центра и получении средств для проведения реставрационных работ.

Оба города сегодня обладают статусом Всемирного наследия, однако до этого года без статуса Всемирного наследия Псков лидировал по отношению к Великому Новгороду по уровню дохода от туристической индустрии. Таким образом, объекты, обладающие статусом Всемирного наследия, могут представлять в коммерческом смысле такую же выгоду, как и объекты без этого статуса. Статус не имеет определяющего значения в вопросе коммерциализации.

В итоге, мы можем сделать вывод, что коммерциализация культурных ценностей в российских городах происходит независимо от наличия статуса Всемирного культурного наследия. В дальнейшем видится необходимым рассмотреть кейсы городов не только обладающих отдельными

объектами со статусом на своей территории, но и таких, где весь исторический центр города включен в Список всемирного культурного наследия как единый объект.

Литература

Замятина Н. А., Збарская, А. В. Эксплуатация объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в туризме // Вестник университета. 2018. №1. С. 79–82.

Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. Действующее международное право (избр. документы): учеб. пособие. М.: МАМП, 2002.

Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993.

Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия 2001 г.

Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г.

Молчанов С. Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве (информационно-аналитический обзор) // Московский журнал международного права. 2000. №2. С. 20–27.

Рекомендация ЮНЕСКО об охране в национальном плане культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.). Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993.

Рекомендация ЮНЕСКО о сохранении традиционной культуры и фольклора от 15 ноября 1989 г.

Bao J., Su X. Studies on Tourism Commercialization in Historic Towns // Acta Geographica Sinica. 2004. №3.

Baumol W. J., Bowen, W. G. Performing arts-The economic dilemma: A study of problems common to theater. New York: Opera, Music and Dance, 1966.

Carducci G. The Growing Complexity of International Art Law: Conflict of Laws, Uniform Law, Mandatory Rules, UNSC Resolutions and EU Regulations. Art and Cultural Heritage: Law, Policy and practice / B. T. Hoffman (ed.). Cambridge University Press. 2006. P. 17, 69–78, 966.

Heilbrun J. Gray C. The Economics of Art and Culture: an American perspective // Cambridge University Press, 1993.

Matarasso F., Landry C. Balancing act: twenty-one strategic dilemmas in cultural policy (Vol. 4). Council of Europe. 1999.

Peacock A. A future for the past: the political economy of heritage // David Hume Institute. 1994. P. 187–243.

Н. В. Коровицына

Чешские образцы восточноевропейского пути развития

**Коровицына
Наталья Васильевна**

Доктор исторических наук, Институт Европы Российской академия наук, Москва, Россия.

E-mail: korovicyna@mail.ru

Аннотация. «Советский» период впервые в истории отношений России и Чехии связал воедино судьбы двух народов, сформировав общие ценности нескольких поколений. Ключевой вопрос современной истории наших стран – роль и значение отдельных народов в уникальной «советской цивилизации», процессах ее формирования, расцвета и крушения. Это интересно с точки зрения анализа как общей модели развития восточноевропейского региона во второй половине XX века, так и своеобразия национальных путей развития, национальной идентичности. Надо заметить, как со второй половины 1950-х годов, так и с середины 1990-х, после периодов революционных преобразований начиналось восстановление национального и религиозного своеобразия в Восточной Европе. Процессы адаптации к заимствованным образцам неизбежно сменялись процессами адаптации этих образцов к специфике национальных путей развития.

«Советский» период впервые в истории отношений России и Чехии связал воедино судьбы двух народов, сформировав общие ценности нескольких поколений. Ключевой вопрос современной истории наших стран – роль и значение отдельных народов в уникальной «советской цивилизации», процессах ее формирования, расцвета и крушения. Это интересно с точки зрения анализа как общей модели развития восточноевропейского региона во второй половине XX века, так и своеобразия национальных путей развития, национальной идентичности. Надо заметить, как со второй половины 1950-х годов, так и с середины 1990-х, после периодов революционных преобразований начиналось восстановление национального и религиозного своеобразия в Восточной Европе. Процессы адаптации к заимствованным образцам неизбежно сменялись процессами адаптации этих образцов к специфике национальных путей развития.

«В Чехословакии социализм не был принесен в конце Второй мировой войны на штыках советской армии, а родился из устремлений большинства населения, для которого справедливость и равенство, обещанные им, представлялись в этическом отношении более нравственными, чем несправедливость и неравенство капитализма». Так пишет в книге «Маленький чешский человек и великая чешская нация» (Прага, 2001) Ладислав Голы, эмигрировавший из страны после событий 1968 г. (Holý L., 2001). Массовая – четверо из десяти чехов – поддержка Компартии на выбо-

рах в Законодательное национальное собрание 1946 г. свидетельствовала о том, что социалистические принципы общественного устройства предпочитало большинство чешского населения. Что не было характерно в то время для менее экономически и демократически развитой Словакии. Позднее социолог Д. Кунштат вторит этой мысли: «Коммунистические идеи не были чешскому обществу имплантированы с варварского Востока, но являются мощной составной частью одной отечественной традиции». И далее он утверждает, что коммунистический режим нельзя с этой точки зрения считать завершенным и преодоленным эпизодом в современной чешской и чехословацкой истории, наоборот, много свидетельств того, что этот период не обрушился, а долго после своего мнимого конца сохраняет связь с нашей современностью. (Kunštát D., 2013: 300–303)

В Конституции 1960 г. Чехословакия декларировала завершение создания социалистического государства «второй в истории после Советского Союза». Важнейшим элементом идеологии всех бывших соцстран было социальное равенство, однако в Чехословакии оно реализовалось более последовательно, чем где бы то ни было. Дело даже не только в самих социально-политических склонностях чешского общества, его интеллектуальной элиты, а в их постоянстве, определенности, в способности к сохранению национальной идентичности и стабильности жизненных ориентиров – вопреки обстоятельствам, мнимой парадоксальности культуры и характера этого народа. Человеческий – гражданский и профессиональный – капитал составляет главный «ресурс» национального развития Чехии, что особенно отчетливо проявляется на «перекрестках истории» страны.

Чехословакия, Чешские земли, оставаясь западным форпостом восточного блока, никогда не рассматривались в качестве его периферии. Скорее наоборот, Чехия служила своего рода цивилизационным эталоном, шла в авангарде процессов модернизации – для восточноевропейских стран традиционно имевшей характер догоняющего Запад развития. Чешская культура по праву считалась в Восточной Европе самой западной, а чехи, как упоминалось выше, – самыми западными славянами. В полуаграрном, преимущественно сельском, крестьянском на начальном этапе строительства социализма регионе только Чехия и Восточная Германия составляли исключение, демонстрируя на фоне других своего рода девиантный, «отклоняющийся» случай высокоразвитых – городских и индустриальных – общественных систем. Этот факт никогда не вызывал сомнений у отечественных историков и социологов.

Конструкция идентичности каждого из народов, прошедших основные этапы преобразований середины и конца XX века, предопределяет несомненные особенности этого их пути, детерминированные процессами адаптации к «новой реальности» и сопротивления ей – т. е. сначала коммунистическому, а потом либерально-демократическому режимам. Опыт чехов свидетельствует: в конечном счете, именно о способности к адаптации к переменам *без потери* внутренней сущности зависит благополучие – не только материальное – отдельных народов, их прошлое и будущее. Чешский фольклор 1970-х годов повествовал о шести чудесах, точно характеризующих способ массовой адаптации, больше похожей на пассивное сопротивление:

Все принадлежат к числу занятых, но никто не работает. Никто не работает, но план выполняют на сто процентов. План выполняется на сто процентов, но в магазинах пусто. В магазинах пусто, но у людей все есть. У людей все есть, но режим ругают с утра до вечера. Режим ругают, но на выборах голосуют стопроцентно «за». По показателю жизненной удовлетворенности, рассчитанному западными специалистами, в 1967 г. чехи были довольны своим существованием (материальным уровнем жизни и ожиданиями) или счастливы, почти ровно как спустя полвека в 2014 г. при свободной рыночной экономике и многопартийной системе (Contemporary Czech Society..., 2016: 124). Минимальная удовлетворенность наблюдалась лишь сразу после падения социализма. Что касается соседней Словакии, ее уровень удовлетворенности за 1967 г. был максимальным за весь период наблюдений.

Чешский путь развития периода 1948–1989 гг. далеко неоднозначен с точки зрения «потерь» и «приобретений». Внешние, количественные показатели явно недостаточны для оценки степени «успешности» этого пути, имея в виду совершенно определенное обстоятельство, а именно – соответствие этого пути традиционным «быту и нравам» чешского народа. Действительно, на старте социалистической модернизации Чехия по набору цивилизационных параметров существенно отличалась от других стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), образовавших после Второй мировой войны социалистический блок. Пройдя раннеиндустриальный этап общественного развития в третьей четверти XIX в. Чешские земли повторили этот путь столетие спустя вместе с остальными странами ЦЮВЕ. По структуре занятости, соотношению городского и сельского населения, типу естественного воспроизводства, уровню образования чешское население превосходило тогда остальные страны региона. В условиях политики «выравнивания уровней» соседние, менее развитые (если руководствоваться так называемой исторической линейкой, или схемой) страны по темпам развития опережали чешскую нацию. Соцмодернизация обернулась для нее по формальным индикаторам во многом повторением пройденного, возвратным типом цивилизационной динамики. Это касалось процессов индустриализации, которые прошли здесь столетие назад, как и процессов смены типа демографического воспроизводства с близкого к западноевропейским параметрам в межвоенный период на восточноевропейский в первое послевоенное десятилетие.

Литература

Contemporary Czech Society. / Eds. Lyons P., Kindlerová R. Prague: The Institute of Sociology of the Czech Academy of Sciences. 2016. 552 p.

Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Prague: SLON, 2001.

Kunštát D. Za rudou oponou. Komunisté a jejich voliči po roce 1989. Prague: Slon, 2013.

М. А. Красильникова

Уберизация российской экономики: анализ социальных рисков

Красильникова
Мария Андреевна

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

E-mail: masha.krasilnikova@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие уберизации и ее последующее влияние, проблемы интеграции всех сфер жизни социума и государства, а также приведены примеры основных сфер, где происходит уберизации на примере российских компаний и России в целом.

Новые технологии, роботизация и широкое использование искусственного интеллекта, цифровизация экономической деятельности и «уберизация» экономики требуют осмысления и создают потребность в развитии новых, соответствующих современному уровню технологического уклада экономических теорий фирмы, а также в прогнозировании новых форм коммерческой и предпринимательской деятельности (Абчук В. А., Трапицын С. Ю., Тимченко В. В., 2018: 29). Под уберизацией понимается влияние на секторы экономики сервисов, обеспечивающих координацию деятельности независимых агентов рынка и оптимизирующих взаимосвязи между ними (Лоран Л.).

Понятие «уберизация» происходит от названия Uber – компании, которая разработала мобильное приложение для заказа такси и доставки продуктов питания. Головной офис компании находится в Сан-Франциско. Для любого предприятия возможность повышения эффективности бизнес-процессов определяется уровнем существующей системы управления. Скоординированное взаимодействие между всеми подразделениями, оперативная обработка и анализ полученных данных, долгосрочное планирование и прогнозирование конъюнктуры рынка являются одними из основных задач, которые позволяют реализовать автоматизированную систему управления. Эффективно построенная информационная система всегда вносит изменения в существующие технологии планирования и контроля (Niehaus R. J., Price K. F., 2013: 6–7). Основной задачей уберизации является передача части функций, которые выполняли люди, компьютерным интерфейсам. Инвестиции в человеческие ресурсы и кадровую работу стали долговременным фактором конкурентоспособности и выживания предприятия. Таким образом, уберизация стала распространяться практически во всех сферах: такси, доставка продуктов питания и различных товаров, мелкие бытовые услуги.

Движение «уберизации» запустило процесс «горизонтализации» целых секторов экономики, но все же предполагает модель посредничества на базе экономических платформ (Лоран Л.). Перенос основных задач

с центральных учреждений на сообщества для пользователей, благодаря рейтинговым системам, привел к появлению новых направлений совместной работы и трансформации поведения потребителей.

На разных уровнях иерархии предприятия требуется разная информация, и при построении восходящей системы отчетности нарушается основной принцип построения информационной системы – ориентация на первого человека, который выполняет решения. В решении данной проблемы может помочь уберизация.

Филипп Эрлен, автор книги «Блокчейн для бизнеса», в своем интервью газете «Ле Монд», в котором рассматривались возможные применения технологии блокчейна в банковской и финансовой сферах, заявил: «Блокчейн – это высшая форма уберизации. Даже уберизированные услуги в Интернете могут быть улучшены с его помощью: Uber, Airbnb... они платят инженерам, компьютерщикам» (Лоран Л.). При внедрении автоматизированных систем управления предприятием в большинстве случаев наблюдается активное сопротивление персонала, которое вполне способно сорвать или значительно задержать реализацию проекта. Это связано с несколькими причинами: обычное сопротивление инновациям, консерватизм, боязнь потерять работу, страх перед значительно увеличивающейся ответственности за свои действия. Руководители предприятий, которые согласились автоматизировать некоторые бизнес-процессы, должны проводить разъяснительную работу с персоналом. Возможные действия включают в себя: создание у персонала чувства неизбежности нововведений; реализация достаточных полномочий менеджера проекта; усиление всех организационных решений по выполнению соответствующих и письменных приказов.

Для получения полной и систематизированной исходной информации о процессах функционирования объектов и систем управления, необходимо обследовать объекты и бизнес-единицы. Важно понимать, что автоматизация управления, которая выступает одним из факторов уберизации, должна накладываться на хорошо функционирующую, оптимизированную структуру управления. Комплексный анализ совокупности конкретных бизнес-процессов предприятия, выявление и устранение недостатков существующей системы управления – решение этих проблем является одним из основных этапов создания интегрированной системы автоматизации. Управление бизнес-процессами, поддержка целенаправленной пошаговой передачи информации в интегрированной среде без многократного ввода данных, анализ и отслеживание статуса обработки информации, визуальное и на рабочем месте предоставление открытых и действенных действий – основные задачи интеграции для последующей оценки социальных рисков. Объединение отдельных функций в единые процессы позволяет оптимизировать затраты на координацию действий, а также сократить время, затрачиваемое на выполнение операций.

Производительность организации определяется как постоянная реакция на необходимость изменений, происходящих как из внутренней, так и из внешней среды. В России управление процессом изменений требует направленного и долгосрочного развития как руководителей, так и организаций.

Оценка степени достижения цели в сочетании с новой информацией о состоянии внутренней и внешней среды служит источником выявления новых проблем и принятия новых решений. Синтезируя различные составля-

ющие: экономическое, информационное, логическое, психологическое, организационное, математическое, юридическое, техническое и другие аспекты, управленческое решение – это метод постоянного воздействия управляющей подсистемы (субъекта) на управляемую (объект). Это постоянная связь между двумя подсистемами, без которой предприятие как система не может функционировать. В уберизации этот компонент – основа всей системы по внедрению инновации. Это обстоятельство подчеркивает определяющее место управленческого решения в процессе управления по внедрению новых технологий и автоматизации. С позиции общей теории принятия решений, разработанной на основе математических методов и формальной логики, принятие решений является осмысленным выбором из множества наиболее предпочтительных альтернатив (Красильникова М. А., Максимов М. И., 2018: 20).

Управленческие решения направлены на оптимизацию бизнес-процессов. Из-за неправильного взаимодействия элементов экономической системы может произойти сбой в отображении бизнес-процессов или диспропорция ресурсов. Уберизация частично помогает в решении данных проблем. В частности, это решения, целью которых является эффективное увеличение количества предоставляемых индивидуальных данных и сокращение временных ограничений для этого процесса.

Принципы управленческих решений могут быть истолкованы в соответствии с целью выбранного направления. Первый – это единство анализа и синтеза, которое предполагает разложение сложных событий и предметов для детального изучения его особенностей и дальнейшего рассмотрения через взаимосвязь и взаимозависимость. Второй принцип – выбор ведущего элемента (факторы ранжирования). В уберизации практически всегда применим следующий подход: предлагается постановка целей (по модели SMART) и пути ее достижения.

Каждая организация развивается в соответствии с определенной стратегией. Питер Друкер полагает, что компания действует на основе теории бизнеса (Друкер П. Ф., 2014: 299), то есть осуществляет выбор, который во многом определяет ее путь.

Одним из ключевых компонентов стратегического управления для уберизации является стратегия – долгосрочное, качественно определенное направление развития организации, касающееся сферы, средств и форм ее деятельности, системы взаимоотношений. Если цели организации определяют, что организация хочет получить в результате своей деятельности, то стратегия дает ответ на вопрос, каким образом, какими действиями организация сможет достичь своих целей в изменяющейся и конкурентной среде. Такое понимание стратегии исключает определенность в поведении организации, поскольку стратегия, помогая двигаться к конечному состоянию, оставляет свободу выбора в изменяющейся ситуации.

Контроль – очень важная функция для уберизации. В его задачи входит количественная и качественная оценка и учет эффективности не только всего предприятия, но и отдельных его структурных подразделений (Мадера А. Г., 2019: 26–27). Основными инструментами для осуществления этой деятельности являются надзор, проверка всех видов

деятельности, учет и анализ. В процессе управления контроль определяется как элемент обратной связи, поскольку по его данным корректируются предыдущие решения и планы.

Яндекс и Сбербанк – основоположники по внедрению уберизации в экономике России. В свою очередь, Яндекс предоставляет широкий спектр услуг для клиентов: Яндекс.Такси, Яндекс.Еда, Яндекс.Музыка, Яндекс.Маркет, Яндекс.Здоровье. По сути, все необходимые задачи, которые ранее требовали другой подход к их реализации, в данный момент собраны с помощью нескольких приложений, которые становятся практически полностью автоматизированными. Примером других приложений являются: Delivery Club (сервис по доставке продуктов питания), OZON (доставка практически любого товара: бьюти-индустрия, одежда, продукты, товары для дома, дачи и т. д.). Сбербанк, в свою очередь, нацелен на развитие интеграционных процессов на территории всей России. Это осуществляется благодаря сервисам Сбербанк Онлайн (контроль за денежными средствами, оформление кредитной карты, открытие/закрытие счета, перевод денежных средств на карту другого клиента или банка и др.), Сбербанк Бизнес (управление бизнес-картами, отправка платежей контрагентам, контроль за расчетным счетом), услуга Онлайн Инкассации от Сбербанка (зачисление инкассации через банкоматы в отделениях Сбербанка, другое название – процедура самоинкассации (Великороссов В. В., Максимов М. И., Красильникова М. А., 2019: 158)).

Выбор по внедрению уберизации в ту или иную организационную структуру зависит от ряда факторов. Наиболее значимыми по важности и степени являются следующие факторы: размер и степень разнообразия видов деятельности, присущих организации; географическое расположение организации; технология; отношение к организации со стороны руководителей и работников организации; динамизм внешней среды; стратегия, реализуемая организацией (Kreitner R., 2008: 121). Такой риск, как утечка личной информации и персональных данных, что произошло в Facebook в 2018 году, являются одним из основополагающих для уберизации. Следующим риском является сокращение рабочих мест, что снижает затраты компании на персонал благодаря автоматизации определенных бизнес-процессов. Примером такой инновации является внедрение HR-системы (Абчук В. А., Трапцын С. Ю., Тимченко В. В., 2018: 224–227), которая представлена в различных вариациях на российском рынке (1С: Зарплата и управление персоналом 8.3, E-Staff, БОСС-Кадровик компании БОСС. Кадровые системы).

В любое время организация может столкнуться с необходимостью радикальных изменений. Причин может быть огромное количество: снижение его прибыльности, освоение новых рынков или слабое конкурентное преимущество и отсутствие сопротивления другим компаниям, работающим в той же сфере. Вот почему очень важно понимать будущие последствия радикальных изменений и тщательно их реализовывать, имея четкий план и другие важные факторы.

Ситуация в мировом сообществе неопределенная и нестабильная. Это также относится к нашей общественной жизни, и особенно актуально для функционирования российской экономики. На разных уровнях социально-

экономической жизни субъекты принимают бесчисленное множество решений, что приводит к взаимодействию всевозможных различий в устремлениях, интересах, принципах и обстоятельствах. В совокупности это может привести к результатам, о которых никто сознательно не задумывался и фактически не предвидел. Чем выше уровень сложности системы и чем тяжелее прогнозировать возможные направления ее дальнейшего развития, тем выше вероятность несогласованности принимаемых решений.

Современные организации работают во все более неопределенных условиях. Неожиданные факторы возникают очень быстро, и организации должны своевременно реагировать на них. Неизбежность перемен и ускорение темпов перемен сегодня признаются всеми менеджерами. В этой статье мы рассмотрели влияние современных тенденций в стратегическом управлении, подчеркнули важность и готовность встретить их в организациях. В заключение хотелось бы отметить, что развитие организаций и повышение квалификации персонала в России будет продолжаться для того, чтобы соответствовать постоянным изменениям, которые происходят в условиях международной экономики.

Литература

Абчук В. А., Трапицын С. Ю., Тимченко В. В. Менеджмент. В 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018. 249 с.

Великороссов В. В., Максимов М. И., Красильникова М. А. Самоинкассация как новое решение для оптимизации бизнес-процессов «Газпромбанк» (Акционерное общество). // Научно-практический журнал «Экономика и управление: проблемы, решения», 2019. 169 с.

Друкер П. Ф. Эффективный руководитель. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2014. 240 с.

Красильникова М. А., Максимов М. И. Современные методы формализации принятия решений и экспертных оценок / В журнале: «Инновационная экономика и современный менеджмент» № 4, 2018. Москва, 2018. – 42 с.

Лоран Л. Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия. URL: <https://e-libra.ru/read/477030-blokcheyn-ot-a-do-ya-vse-o-tehnologii-desyatiletia.html> (дата обращения: 14.07.2019).

Мадера А. Г. Бизнес-процессы и процессное управление в условиях неопределенности: Количественное моделирование и оптимизация. М.: ЛЕНАНД, 2019. 160 р.

Kreitner R. Principles of Management. Cengage Learning, 2008. 490 p.

Niehaus R. J., Price K. F. Bottom Line Results from Strategic Human Resource Planning. Springer Science & Business Media, 2013. 318 p.

И. М. Кузнецов

Модели изменения ценностных смыслов в современной России: к постановке проблемы

Кузнецов
Игорь Михайлович

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: gvar31@yandex.ru

Аннотация. В докладе кратко излагается концепция исследования ценностных смыслов, согласно которой конкретный список ценностей в том или ином культурно-историческом сообществе признается относительно постоянным во времени, а процесс ценностной динамики сводится к изменению смысла понятий, обозначающих общественные ценности. Эти постепенные изменения смысла той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами – традиционализм и модернизм. В контексте этой концепции с привлечением данных количественных исследований последних лет обсуждаются две модели изменения и прогнозирования ценностных смыслов в современной России. Линейная модель предусматривает необратимую модернизацию ценностных смыслов по мере экономического роста. Маятниковая модель допускает колебания в интерпретации ценностных смыслов в соответствии с изменениями социально-экономической ситуации.

1. Концепция и инструментарий исследования ценностных смыслов. Рабочая концепция исследования ценностных смыслов основана на принципах изучения ценностных систем современных обществ, реализованных в исследованиях Р. Инглхарта, Г. Хофстеде и Ш. Шварца, но с некоторыми изменениями и дополнениями. В нашей концепции набор ценностей, их определенная структура в том или ином культурно-историческом сообществе признается относительно постоянной во времени, а процесс кажущейся смены ценностей сводится к изменению смыслового наполнения понятий, обозначающих общественные ценности. В рамках такого подхода динамика изменения ценностных смыслов можно представить как постепенный переход большей части сообщества от «традиционалистского» полюса истолкования той или иной ценности к ее «модернистскому (секулярно-рациональному)» полюсу, и наоборот.

Мы, вслед за Р. Инглхартом определяем традиционный смысловой полюс системы ценностей как сцентрированный на поддержании стабильности и преемственности во времени («выживаемости») сообщества, а секулярно-рациональный смысловой полюс той же системы ценностей как сцентрированный на поддержании определенности и самодостаточности («самореализации») отдельных индивидов (обеспечение чего становится главной задачей сообщества). Таким образом, традиционализм в нашем понимании отнюдь не предполагает неизбежного обращения к архаике

и отказа от инноваций. Более того, инновации вполне допустимы и востребованы в сообществе, ориентированном на традиционалистские смыслы, если эти инновации признаются способствующими «выживаемости» сообщества. И наоборот, в модернистском сообществе вполне допустимо обращение к архаическим практикам как средству самореализации личности.

Так, например, ценность «семья» признается одной из центральных в любых сообществах на всех этапах истории сообществ, независимо от их этнической и культурной специфики. Однако, актуализация этой ценности в системе социально одобряемых практик может определяться либо традиционалистским пониманием функций семьи, как основной системной единицей воспроизводства сообщества как целостности, так и его членов, как социально оформленных элементов этой целостности. На секулярно рациональном полюсе та же ценность («семья») может пониматься как одна из важных площадок самореализации личности (в детях, в сексуальных практиках и т. п.). В целом, изменения в понимании смысла семьи как ценности приводит к соответствующей модификации конкретных практик в рамках семейной жизни: распределения семейных ролей, особенностей семейной иерархии («дистанции власти» в семье), контекстов сексуальных отношений между супругами. Но при этом семья как ценность, как базовая структура межполового (межгендерного) взаимодействия остается в ряду главных общественных ценностей, хотя сам факт изменения практик семейного взаимодействия время от времени порождает в обществе алармистские дискурсы «исчезновения» семьи. (Отчасти такая эволюция семейных практик в процессе социально-экономического развития общества показана в соответствующей работе Ф. Энгельса).

Для инструментальной количественной оценки ценностных смыслов, их положения на шкале «традиционализм» – «модернизм», респондентам предлагается сделать выбор в пользу одного из пары альтернативных бытовых суждений, отражающих разнополярные интерпретации одной и той же ценности. В качестве таких альтернатив вполне возможно использование уже опробованных пар суждений, в частности, из методик Р. Инглхарта, Г. Хофстеде и С. Шварца.

2. Проблема. Проблему понимания причин и перспектив динамики изменения ценностных смыслов в современном российском обществе предлагается рассмотреть на примере данных о возрастной и поселенческой динамике интерпретации ценностей, полученных в ходе опросов, проведенных в 2014–2016 гг. в рамках реализации проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии».

Согласно данным этих опросов, по мере увеличения возраста, растет доля респондентов, ориентированных на традиционные смыслы. Наиболее отчетливы различия средних баллов по шкале «традиционализм – модернизм» в самой молодой (до 30 лет) и самой старшей (старше 61 года) возрастных когортах. Это вполне соответствует теории межгенерационного изменения ценностей Р. Инглхарта, суть которой сводится к тому, что при достаточно резких и интенсивных изменениях в социально-политических и экономических условиях жизни более молодые члены общества в большей степени склонны менять свои ценностные ориентиры, нежели люди стар-

ших возрастов. Учитывая особенности изменения социально-политической ситуации в России за последние 30 лет в обнаруженные возрастные различия можно назвать не столько межпоколенным, сколько межцивилизационным, поскольку люди моложе 30 лет в России выросли в принципиально иной социально-политической, экономической, технологической и культурной среде, нежели люди 50 лет и старше, сформировавшиеся в рамках советской системы. Но в любом случае, данные по возрастной динамике изменения ценностных смыслов на первый взгляд вполне соответствуют гипотезе изменения ценностных смыслов, сформулированной в рамках концепций Р. Инглхарта и Г. Хофстеде.

Так, переход от «традиционных» к «секулярно-рациональным» ценностям происходит, согласно Инглхарту, в процессе модернизации общества и выражается в отказе от религиозных авторитетов в пользу секулярных. Переход от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения» происходит на более зрелой стадии развития общества, которую обычно называют постмодерном, когда происходит отказ от любых авторитетов и переориентация на ценности личностной автономии. Этот второй переход обычно связывают с ростом общего уровня благосостояния и безопасности. Аргументом в пользу этой гипотезы является связь между доминирующими модернистскими ценностными смыслами в обществах с высоким уровнем ВВП на душу населения. Такая же связь обнаруживается, например, и в сравнительных исследованиях показателей «дистанции власти» и ВВП в рамках теории Г. Хофстеде: чем выше уровень ВВП тем ближе показатели «дистанции власти» к модернистскому полюсу (низкая «дистанция власти»). Более того, делается вывод о том, что переход на модернистские смыслы стимулирует рост экономики.

Однако, если мы рассмотрим временную динамику изменения ВВП в странах с доминирующими на сегодняшний день модернистскими ценностными смыслами, то обнаружим, что интенсивный рост экономик этих стран приходится как раз на время доминирования на тот момент скорее традиционалистских ценностных смыслов. А доминирование модернистских смыслов соответствует периоду замедления экономического роста. Отсюда можно сделать вывод о том, что условием широкого распространения модернистских смыслов является такое состояние сообщества, когда вопросы индивидуального выживания и безопасности выносятся за скобки общественного внимания, т. е. не являются проблемой. Но в таком случае вполне вероятно, что в ситуации серьезных социально-экономических и/или политических кризисов (как внутри, так и межгосударственных) возможен достаточно массовый переход сообщества на традиционалистские смыслы, ориентирующие на выживание этого сообщества. Таким образом, наряду с моделью линейной (необратимой) модернизации ценностных смыслов по мере экономического роста можно говорить и маятниковой модели ситуативного колебания в понимании ценностных смыслов между традиционалистским и модернистским полюсами. В этом контексте можно предположить, что, отчасти, представленная выше возрастная динамика ценностных смыслов может быть объяснима и тем, что с возрастом по мере увеличения объема ответственности личности перед своим ближним сообществом происходит частичный переход на традиционалистские смыслы в отношении базовых жизненных ценностей.

А. В. Курочкин

Коммуникативная эффективность государства как фактор устойчивости социального развития в условиях рисков новой глобализации¹

**Курочкин
Александр Вячеславович**

Доктор политических наук, кандидат социологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: alexkur@bk.ru

Аннотация. В докладе будут рассмотрены основные риски, возникающие сегодня в следствие ускоренного научно-технологического развития (четвертой промышленной революции) и новой глобализации, существенно меняющие социальную структуру общества, потребности и динамику рынка труда, степень социальной защищенности работников, девальвирующие традиционные культурные ценности, предъявляющие принципиально иные, чем 10–15 лет назад требования к системе государственного управления и пр. В качестве эффективного ответа автор предлагает рассмотреть стратегию развития, базисным основанием которой служит коммуникативная эффективность, обеспечивающая устойчивость социальных связей, в том числе по линии государство – бизнес и государство – гражданские ассоциации.

Трансформационные процессы, которым сегодня подвержено российское общество оказываются теснейшим образом связаны с теми глобальными вызовами и рисками, которые испытывают на себе практически все национальные государства мира. Их источник кроется в социокультурных и экономических эффектах четвертой промышленной революции, чрезвычайном росте политической и экономической конкуренции за постоянно истощающиеся ресурсы, существенном изменении ценностной матрицы социального мира.

Среди прочих выделим наиболее серьезные с точки зрения возможных негативных социальных последствий риски:

- кардинальная трансформация структуры занятости и рынка труда, его прекаризация, влекущая за собой, снижение спроса на труд любой квалификации кроме высшей, значительное падение уровня защиты прав трудящихся и социальных гарантий, минимизацию присутствия, а в пер-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115) «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом».

спективе фактическое отсутствие человека в процессе производства. Все это, безусловно, значительно быстрее, чем 5–10 лет назад, меняет систему занятости, характер трудовых отношений, востребованность на рынке труда тех или иных компетенций. Как следствие – необходимость разработки новых стратегий государственной образовательной и социальной политики, адекватных указанным выше вызовам;

- девальвация ценностных оснований управления и политики, доминирующими принципами которых все чаще становятся новый технократизм, эгоистический рационализм и утилитаризм. Помноженные на сетевые эффекты современных информационно-коммуникативных технологий, они ведут к распространению «шоу-политики» или «политики постправды», стирающей границы между истиной и вымыслом;

- развитие технологий в новых условиях стало значительно менее предсказуемым и управляемым как со стороны корпораций, так и государства. Особую актуальность приобретает в этой связи проблема поиска этических и моральных оснований дальнейшего технологического развития, а также опасность установления тотального контроля за человеком и, как следствие, размывание базисных социальных основ современного общества;

- цифровой разрыв, связанный с различной степенью психологической и технической подготовленности граждан к активному участию в цифровой экономике и неравномерным развитием IT инфраструктуры, исключаящий в ряде случаев целые социальные группы из числа деятельных участников экономических отношений, а также рост сложности и как следствие непрозрачности для большинства процесса принятия ключевых экономических решений.

В условиях обострения угрозы глобальных рисков, кратко обозначенных выше, особое значение приобретает способность государства к эффективной коммуникации с бизнесом и некоммерческим сектором, а также координация коммуникаций. Таким образом, одной из первоочередных задач устойчивого социального развития становится достижение высокой степени коммуникативной эффективности в политике, управлении, социальной жизни.

Коммуникативная эффективность заключается в минимизации неопределенности социальных взаимодействий, предложении ясных «правил игры» для всех контрагентов и обеспечении эффективного контроля за их исполнением (Курочкин А. В.). В масштабах страны она оказывается напрямую зависящей от координационного потенциала государства, определяемого как способность минимизировать трансакционные издержки, а также разрабатывать и внедрять в политической практике новые со-общественных способы реализации государственного управления (Курочкин А. В., Шерстобитов А. С., 2012).

Концепт коммуникативной эффективности методологически близок к феномену коммуникативного действия, предложенному и подробно проанализированному в работах Ю. Хабермаса. Хабермас усматривал принципиальное отличие коммуникативного действия от всех прочих именно в ориентации на нахождение взаимопонимания между разными социальными субъектами, а не в эгоистическом устремлении на личный успех: «Подлинное коммуникативное действие отличается от других тем,

что оно выступает механизмом сохранения или обновления консенсуса как основного фактора солидарности и стабильности общества» (Цит. по: Курочкин А. В., Шерстобитов А. С., 2012: 100–101).

Другим теоретическим источником концепции коммуникативной эффективности является теория согласований, представленная в работах новых французских институционалистов Л. Тевено, Л. Болтянски, Э. Кьяпелло, О. Фаворо и др. В ней актуализируется идея множественности «миров» или ценностных порядков, структурирующих социальную коммуникацию. Эти ценностные порядки представляют собой совокупность формальных и неформальных норм, определяющих «правила игры, по которым осуществляется взаимодействие между людьми в той или иной сфере их деятельности» (Тевено Л., 2004: 261).

Ключевой методологической задачей становится, таким образом, поиск общего основания, исходя из которого, можно было бы проинтерпретировать принимаемые решения и проектируемые стратегии поведения, сделать их понятными и легитимными в контексте различных ценностных порядков (Курочкин А. В.). Для ее решения вводится термин «интерпретативная рациональность», которая является фундаментальным условием достижения коммуникативной эффективности и обозначает способность сохранения согласованного характера действий, обеспечивающую возможность выработки устойчивых и взаимообусловленных стратегий различных акторов.

Таким образом, содержание и процесс выработки политики, являющейся адекватным и эффективным ответом на вызовы и риски новой глобализации и обеспечивающей устойчивость российского социума, должны быть ориентированы на достижение коммуникативной эффективности и снижение тем самым совокупных транзакционных издержек общества. Такая ориентация предполагает создание гибкой институциональной основы отношений государственных и негосударственных акторов, ориентированной на достижение консенсуса и сотрудничество, использование сложных сетевых форм координации, отказ от доминирования и экспансии одного ценностного порядка над другими.

Литература

Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества. Диссертация на соискание степени д. полит наук URL: <https://disser.spbu.ru/disser2/82/disser/KurochkinDissertacija.pdf> (дата обращения: 10.07.2019.)

Курочкин А. В., Шерстобитов А. С. Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд-во СПбУ, 2012.

Олейник А. Н. В поисках институциональной теории переходного общества // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 58–68.

Тевено Л. Организационная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 253–263.

Н. С. Мاستикова

Ценностный аспект процесса модернизации: сравнение ценностей россиян и европейцев (на основе данных ESS за 2016 г.)

**Мастикова
Наталья Сергеевна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.
E-mail: navor@bk.ru

Аннотация. Доклад посвящен изучению ценностного аспекта процесса модернизации, так как для трансформирующейся России, находящейся в поиске путей инновационного развития, вопрос о том, какие именно препятствия существуют в национальной культуре, особенно актуален. В последние годы в научных дискуссиях, культура рассматривается как фактор влияния на экономику, интеграции отдельных экономик в глобальную экономику. Имеется немало свидетельств относительно того, что социально-экономическое развитие стран зависит не только от наличия природных ресурсов и других экономических факторов, но и от культурных ценностей, которые разделяют люди, живущие в тех или иных странах, от уровня и качества их социальных взаимоотношений и норм, регулирующих эти взаимоотношения.

Настоящая работа посвящена изучению ценностного аспекта процесса модернизации, так как для трансформирующейся России, находящейся в поиске путей инновационного развития, вопрос о том, какие именно препятствия существуют в национальной культуре, особенно актуален. В последние годы в научных дискуссиях, культура рассматривается как фактор влияния на экономику, интеграции отдельных экономик в глобальную экономику. Имеется немало свидетельств относительно того, что социально-экономическое развитие стран зависит не только от наличия природных ресурсов и других экономических факторов, но и от культурных ценностей, которые разделяют люди, живущие в тех или иных странах, от уровня и качества их социальных взаимоотношений и норм, регулирующих эти взаимоотношения.

В нашей работе культура понимается не как заданная изначально константа, несменяемая система ценностей, норм и практик, а как развивающаяся система, способная к модернизации. Под «модернизацией» в работе понимается «формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов»

(Тихонова Н. Е, 2012: 64). В современном понимании модернизация предполагает не только технологические усовершенствования и информационные преобразования, но и ведет к утверждению человека в качестве высшей ценности, основного источника и ресурса развития, повышению качества жизни населения, безопасности государства и общества, устойчивому функционированию социальных институтов. Мы будем исходить из предположения, согласно которому разные культуры обладают разным потенциалом адаптации к экономическим реалиям современного мира (Лапин Н. И., 2011: 3), поэтому изучение ценностей как важнейших составляющих культуры, обуславливающих движение по пути модернизации, является актуальной теоретико-методологической проблемой. Л. Харрисон показал, что одни и те же ценности в сфере экономического поведения, независимо от происхождения, обеспечивают благосостояние в странах с различными географическими, климатическими, институциональными, культурными условиями (Харрисон Л.). Мы предполагаем, что ценности населения стран-лидеров в социально-экономическом развитии в наибольшей степени способствуют процессу модернизации.

Мы рассмотрим, как соотносятся между собой ценности, разделяемые россиянами, и ценности, имеющие широкое распространение в странах, достигших высокого уровня развития. Важно обсудить насколько велики ценностные различия между разными возрастными когортами россиян, в какой степени молодое и среднее поколения готовы принять ценности, ускоряющие процесс модернизации, так как существенные перемены условий жизни значительно сильнее всего влияют на те возрастные группы, которые адаптируются к ним в раннем возрасте. Так, в исследованиях В. В. Самсонова, А. А. Зиновьева установлено, что внедряемая в ходе реформ система ценностей первоначально усваивается молодежью и становится доминирующей спустя 15–18 лет после начала преобразований (Зиновьев А. А., 2000)(Самсонов В. В., 2014). Как подчеркивал Р. Инглхарт, «фундаментальная перемена ценностей осуществляется постепенно; в масштабном виде это происходит по мере того, как во взрослом населении общества на смену старшему поколению приходит молодое» (Инглхарт Р., 1997). Поэтому, сравнивая средние значения ценностных аналогов факторов прогресса (по типологии Л. Харрисона) среди жителей стран-лидеров по показателям модернизации и россиян на базе Европейского социального исследования, мы покажем разницу в показателях в двух возрастных группах – молодежи (18–23 года) и людей среднего возраста (40–45 лет). С позиции задач нашего исследования в качестве основы анализа мы определяем подход теории множественности форм модерна, предполагающей дифференциацию главных элементов культурных и ценностных систем.

Эмпирическую базу исследования составляют данные Европейского социального исследования за 2016 г. (8-я волна). Исследование включает данные по 18 странам (общая выборка – 33286 чел., в России – 2430 чел.). Выборки были случайными или случайными стратифицированными. Каждый житель исследуемой страны старше 15 лет имел равные шансы попасть в выборку.

Для определения группы европейских стран-лидеров по различным показателям – экономическим, качества жизни населения, демократичности общества – мы используем выделенные Л. Харрисоном индикаторы, которые легли в основу проведенного им анализа экономической эффективности и ранжирования 117 стран по тенденциям их развития. Индикаторы прогресса отражают уровень благосостояния, уровень доверия к институтам, уровень коррупции и характер распределения доходов (Харрисон Л.). Рейтинг стран по этим индикаторам модернизации использован в совокупности с данными других рейтингов для выделения группы стран сравнения с Россией. Мы предполагаем, что население стран-лидеров наиболее приближено в ценностном плане к идеальному типу культуры, способствующему экономическому развитию и благополучию. В этом случае сравнение и анализ различий ценностей двух возрастных групп россиян и жителей европейских стран-лидеров позволят нам обсудить вопрос, являются ли ценности, разделяемые россиянами, потенциалом проводимых в стране модернизационных преобразований. В данном исследовании для выделения ценностей, способствующих модернизации общества в ее современном смысле, мы используем типологию, предложенную в работе Харрисона «Главная истина либерализма». В ней выделена группа культурных факторов, влияющих на экономическое развитие. Эти факторы образуют типологию, состоящую из 25 пунктов, по которым предлагается анализировать степень прогрессивности культур, или приближение их к «идеальному типу», подробный анализ и характеристика которой была дана в первой главе. Мы предполагаем, используя указанную типологию и базу данные ESS, сравнить данные по России с данными четырех наиболее конкурентоспособных стран Европы, проанализировать ценности россиян и жителей выделенных стран, выявить тенденцию: сохраняются ли среди молодежи различия, выявленные среди представителей среднего поколения. Опираясь на доступные данные, выберем страны, с которыми мы будем проводить сравнение. Используя данные рейтинга по конкурентоспособности Международного экономического форума за 2016 г., мы установили лидирующие европейские страны: Швейцария, Финляндия, Швеция, Норвегия. Россия занимает в этом рейтинге 43 место по показателям при ранжировании. Это перекликается с выводами Н. И. Лапина по поводу низкой социокультурной конкурентоспособности России по сравнению с большинством стран Европы. Норвегия, Швейцария, Швеция и Финляндия входят в десятку лидеров по демократичности в рейтинге стран, составленном журналом *The Economist* (*The Economist. Democracy...*). Оценка распространения демократических институтов и ценностей производится по параметрам, включающим организацию и качество проведения выборных процессов, функционирование правительства, политическая культура общества, активность участия граждан в управлении и общие свободы. Россия, к сожалению, имеет низкий балл в этом рейтинге и, относится составителями данного ранжирования, к странам с авторитарным режимом.

Россиян обеих возрастных групп (18–23 и 40–45 лет) нельзя отнести к приверженцам ценностей, способствующих модернизации, однако молодежная группа разделяет их чуть больше, чем средняя возрастная группа.

Отметим, что модернизация как процесс эволюционных преобразований всех сфер общественной жизни рассматривается в качестве наиболее приемлемого механизма развития российского общества. Теория множественности форм модерна предполагает многовариантность уникальных современных обществ, дифференциацию культурных программ и ценностных систем. «Догоняющая» модель модернизации в современных условиях невозможна. В ходе преобразований предлагается переход к инновационной высокотехнологичной экономике, которая позволит России занять лидирующие позиции в мировом социуме. Модернизационные изменения проходят более успешно, если культура общества стимулирует у своих представителей стремление к высокому образовательному уровню и профессионализму, рефлексию по отношению к авторитетам и к самому себе, рационализм, способность к сотрудничеству и взаимодействию, нацеленность в будущее, стремление к самосовершенствованию, саморазвитию и самореализации. Если же национальный менталитет, институты, традиционные для людей модели и образцы поведения не поощряют инициативу и экономическую активность, не поддерживают стремление к самостоятельности и творчеству, возникает проблема культурных барьеров на пути осуществления модернизации. Основой поведенческих практик являются культурные ценности и представления. Концепция *multiple modernities* не исключает заимствования и освоения успешного опыта, однако предполагает такие общие черты развития, как увеличение степени личной и системной свободы, расширение областей человеческой деятельности, творчества и независимости. Модель «догоняющей» модернизации в современных условиях неприменима в отношении большинства обществ. Развитие не может рассматриваться только как достижение ряда производственных, экономических показателей. Культура, выраженная в вековых, привычных моделях поведения, в основе которых лежат неосознаваемые привычные образцы поведения, может как содействовать этим процессу развития, так и притормаживать его. Любой сценарий модернизации России не может игнорировать особенности национального стиля, такие, как низкая правовая культура, присущая российскому обществу, неуважительное отношение к закону и необязательность его исполнения у представителей власти, коррупция во властных структурах сверху донизу. Необходимо учитывать несовершенство начальных условий модернизационного проекта: последствия массового поточного производства, разрушение традиционных сообществ, и атомизацию населения, как следствие, снижение доверия, невозможность опоры на традиционные сложившиеся связи между членами сообщества. В планах развития должны быть учтены и сильные стороны культуры – способность людей идентифицировать себя с обществом, в котором они живут, заинтересованность в его усилении, ориентация на достижение. Культурные отличия Запада и России объясняются различием географических, природных условий, сложившимися в течение веков типами хозяйствования, отношением к собственности и к государству. Они заключаются в следующем. Западный культурный тип характеризуется такими чертами, как педантизм, добросовестность, дедуктивная строгость, осторожный эмпиризм, индивидуализм и экономический рационализм. В основе благосостояния и конкурентоспособности Запада

лежит рационалистическое мировоззрение, предполагающее научный метод изучения и осознания окружающего мира, обеспечивая высокий уровень инновационной активности. Представители типа экстенсивной культуры, к которой относится и российская культура, могут отличаться такими чертами, как удасть, риск, азарт, эмоциональность, открытость, обостренное чувство социальной справедливости. Русского человека отличает надежда на сильного лидера, отсутствие стремления к свободному выбору и ответственности за его осуществление, ожидание решения собственных проблем от внешних сил, вера щедрым обещаниям, приоритет общественных интересов над личными заботами, безразличие к собственности.

Положение России между западной и восточной цивилизациями привело к мобильности русской культуры в освоении и видоизменении различных инокультурных образцов. Ценности – центральные цели, а также предпочитаемые способы их достижения, которые лежат в основе поведения, рассматриваются как основа культуры. В российском современном обществе большинство населения разделяют традиционные ценности, но существует группа приверженцев новых нормативно-ценностных систем. Россияне понимают необходимость модернизации, но не считают, что она обязательно должна идти по западноевропейскому пути. Несмотря на то, что россияне обоих возрастных когорт демонстрируют маловыраженную приверженность ценностям, способствующим прогрессу, нужно отметить, что типология, используемая в исследовании, является дискуссионной и требует дополнения в современных реалиях.

Литература

Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.

Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.

Самсонов В. В. Социокультурный сдвиг в трансформирующихся обществах // Вестник НГУ. 2012. Т. 10. № 2.

Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. С. 62–81.

Харрисон Л. Культура и экономическое развитие // Свободная среда. 2009. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/324> (дата обращения 10.11.2018).

Харрисон Л. Культурный код и прогресс URL: <http://www.opec.ru/1295413.html> (дата обращения: 15.11.2018).

The Economist. Democracy index 2016. Democracy in retreat URL: <https://infographics.economist.com/2017/DemocracyIndex/> (дата обращения 10.11.2018).

Н. А. Мингишева

Молодежная культура в Казахстане: глобальный, региональный и локальный уровни

Мингишева

Назгуль Амангельдиновна

Докторант PhD, Евразийский национальный университет, Нур-Султан, Казахстан.

E-mail: nazgulm2006@gmail.com

Аннотация. Данная работа представляет собой предварительные результаты лонгитюдного исследования по культурной глобализации и молодежному потреблению в Казахстане с 2011 по 2018 годы. Исследование включает в себя изучение глобальных (западных и азиатских), региональных (российских) и локальных (казахстанских) аспектов в формировании молодежной культуры Казахстана на основе ее предпочтений социальных сетей, телевидения и популярной культуры (кинофильмов, мультфильмов, сериалов и музыки). При проведении исследования использовались количественные (опрос) и качественные (интервью и фокус-группы) методы. Основные результаты исследования: потребление популярной культуры преимущественно глобализированно и диверсифицировано, в предпочтении социальных сетей доминируют российские сети, казахстанский контент возрос на телевидении и в музыкальных предпочтениях молодого поколения Казахстана.

Молодежная культура – это определенная система ценностей, установок и поведения, объединяющая одну группу молодежи и отличающая ее от других и общества в целом. Молодежная культура характеризуется следующими общими чертами: 1) досуговость; 2) взаимодействие преимущественно среди сверстников; 3) формирование собственного стиля с использованием особого языка (сленга, жаргона), одежды, музыки, интереса к внешности и многого другого. Темы по молодежным субкультурам, молодежи и музыке, молодежной культуре в глобальном кинематографе, молодежи и спорту, а также по идентичности представлены в работах западных ученых. (Laughey D., 2006)(Hodkinson P., Deicke W., 2007)(Brake M., 2013) В данной работе под молодежной культурой понимается потребление молодыми людьми социальных сетей, телевидения и популярной культуры (кино, мультфильмов, сериалов и музыки).

Глобализация охватывает экономические, политические и социокультурные аспекты современной жизни и определяется как процесс, посредством которого товары и идеи распространяются по всему миру. В данном исследовании под глобализацией, прежде всего, понимается культурная глобализация. Для одного из ведущих теоретиков культурной глобализации Арджуна Аппадурая глобализация культуры не является процессом ее гомогенизации, но включает различные инструменты такой гомогенизации, такие как, например, техники рекламы, языковое влияние и стили одежды,

которые вливаются в локальные политические и культурные экономики. В данных процессах тому или иному национальному государству приходится балансировать и выстраивать свою политику при взаимодействии с глобальной универсальной культурой таким образом, чтобы формировать гетерогенный диалог с миром, сохраняя свою особенность и культурное наследие. (Appadurai A., 2005) Культурная глобализация характеризуется потреблением культур, распространяющихся посредством Интернета, популярной культуры, СМИ и международными перемещениями.

Для современного Казахстана изучение глобализации и молодежной культуры становится наиболее важным вследствие задач, поставленных казахстанским государством о модернизации общественного сознания. Молодежь и молодежная политика становятся приоритетными задачами казахстанского правительства на ближайшие годы. В частности, 2019 год объявлен Годом молодежи в Казахстане, разработаны ряд программ и мероприятий по реализации Концепции государственной молодежной политики до 2020 года. Молодежь представляет собой наиболее динамичную социальную группу, которая активно взаимодействует с различными мировыми трендами и находится в эпицентре глобального культурного обмена. (Kirmse S. B., 2010).

Молодежь является наиболее активной социальной группой, потребляющей популярную культуру, различные медиа, социальные сети, а также наиболее мобильной в глобальном пространстве. Исследование представляет собой изучение потребления молодежи в Казахстане в возрасте от 17 до 22 лет. В основном, это студенты 1–2 курсов университетов в Центральном Казахстане (Карагандинская область), где проводилось исследование в период с 2011 по 2018 годы. Лонгитюдное исследование представляет собой изучение глобальных (западных и азиатских), региональных (российских) и локальных (казахстанских) аспектов в формировании молодежной культуры Казахстана на основе ее предпочтений в сферах современных медиа и популярной культуры.

Изучение молодежного потребления началось с пилотного исследования в одном из вузов города Караганды в 2011 году и затем было расширено в 2015–2018 годах в другом университете этого города. В целом, исследование охватило 114 студентов с 2011 по 2018 годы, которые были опрошены посредством анкетирования, включающего блоки по их потреблению социальных сетей, телевидения и популярной культуры (кинофильмов, мультфильмов и музыки). Также были использованы качественные методы исследования, такие как полуструктурированные интервью (5 студентов) и фокус-группы по сериалам (5 групп).

Данное исследование планируется продолжаться в рамках диссертационной работы по культурной глобализации и молодежном потреблении в Казахстане. В настоящее время предварительные результаты за предыдущий период исследования может быть представлен следующим образом:

- Молодежное потребление в Казахстане за изученный период (2011–2018 гг.) изменилось и усложнилось вследствие доступности Интернета и различных гаджетов, особенно смартфонов, среди молодых людей, а также влияния социальных сетей и развитием локальных медиа;

- Потребление популярной культуры преимущественно глобализировано среди молодежи, наблюдается значительный рост популярности азиатской глобализации в последние годы, особенно так называемого К-попа (корейской популярной культуры). В то же время, азиатская глобализация феминизирована и довольно диверсифицирована. Помимо К-попа молодые люди предпочитают потреблять турецкие, индийские, японские, китайские и другие фильмы, сериалы и музыку. Для молодых женщин азиатские фильмы и сериалы эмоциональнее, искреннее и моральнее, чем западные. Поиск моральности и добра в популярной культуре также является причиной возникновения интереса к советской популярной культуре среди изучаемой молодежи, которая родилась уже после распада СССР;

- Российские социальные сети доминируют среди предпочтений студентов в Казахстане, особенно VK (В Контакте), но в то же время следует отметить рост популярности Инстаграма в последние годы;

- Относительно казахстанского контента в молодежном потреблении можно отметить следующую тенденцию: если в 2011 году данный контент был минимальным во всех аспектах исследования, то к 2018 году наблюдается его рост в музыкальных предпочтениях и на телевидении.

Литература

Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». – URL:http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 10.05.2019).

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis-London: University of Minnesota Press, 2005.

Brake M. Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain and Canada. Routledge, 2013.

Hodkinson P., Deicke W. Youth Cultures: Scenes, Subcultures and Tribes. Routledge, 2007.

Kirmse S. B. “Bridging the Gap: The Concept of ‘Youth’ and the Study of Central Asia and the Caucasus.” Central Asian Survey 29, №4. 2010. P. 381–387.

Laughey D. Music and Youth Culture. Edinburgh University Press, 2006.

В. И. Мукомель

Интеграция и трансформация идентичностей внутрироссийских мигрантов

**Мукомель
Владимир Изявич**

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: mukomel@isras.ru

Аннотация. Ограничением интеграции приезжих становится низкая интегрированность местных жителей. Приезжие перенимают стандарты социального поведения представителей локальных сообществ, подстраиваясь под эти стандарты. Структуры идентичностей мигрантов постепенно трансформируются, сближаясь со структурами идентичностей местных жителей. Однако последние неоднородны: идентичности интегрированных и неинтегрированных представителей кардинально различаются. Приезжие перенимают и те, и другие. С одной стороны, формируется когорта мигрантов, структура идентичностей которых отражает их ориентацию на включение в социальные сообщества. С другой – происходит формирование когорты приезжих, перенимающих далеко не лучшие стандарты жизнеполагания и поведения местных жителей (чаще всего, маргинальных слоев), дистанцирующихся от социума. Чем больше доля неинтегрированных местных жителей, тем больше доля и неинтегрированных приезжих.

В настоящей презентации основное внимание уделяется тому, в какой мере процессы интеграции мигрантов сопряжены с трансформацией их идентичности, на какие образцы восприятия местными жителями социальной среды и социального окружения ориентируются мигранты.

Под интеграцией, применительно к внешним мигрантам, понимается процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу. Внутрироссийские мигранты, являясь российскими гражданами, не нуждаются в формальном закреплении своих прав в различных сферах социальной, политической, экономической и культурной жизни. (Однако, с одной стороны, не снимается проблема барьеров между принимающим населением и мигрантами – как на групповом, так и на индивидуальном уровне. С другой – правоприменение и социальные практики могут серьезно отклоняться от норм, установленных законодательством, что особенно справедливо в случаях декларативных правовых норм, например, запрещающих дискриминацию по признакам расы, национальности, конфессиональной принадлежности и др.). Учитывая это, под интеграцией внутренних иноэтничных мигрантов понимается исключительно готовность мигрантов

к сотрудничеству с жителями локального социума, абстрагируясь от их этнической принадлежности и совокупность практик взаимодействия, позитивно воспринимаемых местным сообществом.

Для измерения уровня и потенциала интеграции мигрантов использовались следующие критерии интеграции: идентификация с жителями данного населенного пункта; использование русского языка в повседневном общении; позитивная оценка отношений с принимающим населением; отсутствие агрессии в отношении других этнических групп. Выделялись три группы мигрантов: интегрированные в местный социум, частично (в основном) интегрированные и неинтегрированные. Выявлено, что лучше всего приезжие интегрируются в Калининградской области и Республике Карелия, сложнее всего их интеграция идет в Московской области и в Москве. При этом степень интегрированности мигрантов тесно коррелирует с продолжительностью проживания в данном населенном пункте, уровнем образования, материальным положением. Интегрированных приезжих отличает высокий уровень доверия к окружающим и оптимистическая оценка состояния межнациональных отношений.

Учитывая предъявляемые общественным мнением претензии к внутренним иноэтничным мигрантам по поводу их низкой интегрированности в локальные российские социумы, справедлива постановка вопроса: а в какой степени «интегрированы» сами местные жители? Насколько принимающее сообщество консолидировано? Использование методики, аналогичной примененной к мигрантскому контингенту, продемонстрировало, во-первых, что интегрированность местных жителей на удивление относительно низка на фоне аналогичных показателей для мигрантов, во-вторых, в Москве и Московской области она заметно ниже, чем у мигрантов.

Ограничением интеграции приезжих становится низкая интегрированность местных жителей, которые практически также интегрированы в локальные социумы, как и мигранты. В тех регионах, где принимающее население более интегрировано, успешнее интегрируются и мигранты: благоприятная социальная среда создает стимулы для их интеграции. Зависимость интеграции мигрантов от консолидации местного сообщества, его доброжелательности налицо.

Интеграция в локальное сообщество подразумевает идентификацию с ним респондента. А, учитывая множественность идентичностей, – соответствующее приближение к структуре идентичностей, характерной для данного сообщества.

Выявлено, что структура идентичностей интегрированных приезжих действительно приближается к структуре идентичностей местных жителей, воспринимаемой приезжими за образец, стандарт социального поведения. Исключение – большая идентификация приезжих с людьми своей веры, национальности, как неким шлейфом мигрантского прошлого.

Точно также структуры идентичностей неинтегрированных приезжих и местных жителей сходны по своим контурам. На порядок более низкий уровень идентификации себя с социальными сообществами сочетается с относительно высокой долей идентифицирующих себя с людьми схо-

жих взглядов на жизнь, с людьми своей профессии и рода занятий. В этом плане неинтегрированные приезжие занимают промежуточное положение между своими интегрированными сородичами и неинтегрированными местными жителями.

Интегрированные более встроены в социум: они идентифицируют себя не только с жителями данного поселения (доминирующая идентичность), но и с гражданами России, людьми своей веры, национальности, своего социального окружения – профессионального, социально-статусного.

Неинтегрированные респонденты – как местные, так и мигранты, (а это чаще мужчины), – моложе интегрированных. Они более образованы и, по крайней мере, не беднее интегрированных. Несмотря на то, что их материальное положение не исключительное, что они работают не на худших рабочих местах, их отличает неудовлетворенность работой. Вероятно, различия в установках и социальном поведении респондентов определяются не исключительно социально-экономическими условиями, значение имеют психологические особенности индивидов, специфика их социального окружения и восприятия ими социальной среды.

Неинтегрированных отличает низкий уровень доверия, это люди социально не активные, не участвующие в общественной и политической жизни. При этом повсеместно все неинтегрированные видят себя вне местного сообщества вообще не ассоциируя себя с жителями данного населенного пункта.

Принципиально иная ситуация по сравнению с иными регионами в ХМАО. Интегрированные приезжие, более молодые, чем интегрированные местные жители, также более образованы, чаще удовлетворены своим материальным положением и своей работой, для них характерен высокий уровень доверия. Как следствие – они чаще ассоциируют себя со всеми сообществами, чем местные интегрированные жители.

Приезжие перенимают стандарты социального поведения представителей локальных сообществ, подстраиваясь под эти стандарты. Структуры идентичностей мигрантов постепенно трансформируются, сближаясь со структурами идентичностей местных жителей. Однако последние неоднородны: идентичности интегрированных и неинтегрированных представителей кардинально различаются. Приезжие перенимают и те, и другие. Как следствие, с одной стороны, формируется когорта мигрантов, структура идентичностей которых отражает их ориентацию на включение в социальные сообщества. С другой – происходит формирование когорты приезжих, перенимающих далеко не лучшие стандарты жизнеполагания и поведения местных жителей (чаще всего, маргинальных слоев), дистанцирующихся от социума. И чем больше доля неинтегрированных местных жителей, тем больше доля и неинтегрированных приезжих.

Л. В. Намруева

Современное село Калмыкии: динамика социальных изменений

**Намруева
Людмила Васильевна**

Кандидат социологических наук,
Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Элиста, Россия.

E-mail: lnamrueva@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализировано, как изменилась жизнь сельского населения Республики Калмыкия. Катастрофически уменьшилась численность селян. Половина сел республики не имеют селообразующего предприятия. Сельские жители вынуждены выезжать за пределы республики с целью улучшения материального положения семьи. Большинство молодых селян, окончивших вузы, не испытывают желание возвращаться в село, так как нет возможности трудоустроиться по специальности и строить карьеру. Калмыкия находится в аридной зоне, в таких сложных природных условиях отсутствуют гарантии получить хороший урожай, сохранить поголовье сельхозживотных. Необходимы государственные программы поддержки аграрной отрасли в таких регионах. Решить существующие наболевшие проблемы как доступность банковских кредитов для большинства сельских жителей, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, закрепление молодых специалистов.

В одном из своих интервью В. А. Ядов, говоря об экономической социологии, отметил, что она призвана понять, как «экономические процессы воздействуют на повседневную жизнь людей и структурные изменения в обществе с тем, чтобы ослабить многообразные детерминанты социальной несправедливости» (Докторов Б. З., 2015: 152). В нашей статье постараемся понять, как изменилась жизнь сельского населения Республики Калмыкия за первые два десятилетия нового столетия.

За этот период численность сельского населения сократилась более чем на сорок тыс. человек, т. е. исчезло в среднем население трех районов региона (Намруева Л. В., 2017: 9). В современных селах республики, как и в целом по России, в 1990-е гг. были ликвидированы коллективные хозяйства, половина сельских поселений не имеет селообразующего предприятия. Огромное число тружеников осталось без работы. Если во всех сельских районах республики в недалеком советском прошлом действовали несколько передвижных механизированных колонн (ПМК), заводы, производившие мясную продукцию, кирпич, асфальт, то в настоящее время таких крупных предприятий нет.

С конца 1990-х гг. началась активная трудовая миграция, как внутренняя, так и внешняя. Родители оставляют своих детей на попечении старших родственников. Треть и более жителей малых и средних сел находятся вдали от малой родины. Молодые люди после окончания вуза не воз-

вращаются в родное село, в котором остаются представители пожилого возраста. Трудовые мигранты, жители среднего и старшего возраста вынуждены работать в мегаполисах, соседних регионах не по профессии, заниматься тяжелой малоквалифицированной работой.

Имеющиеся СПК, КФХ не могут трудоустроить всех желающих, только часть из них участвует в сезонных сельскохозяйственных работах (сакман, стрижка, уборка). Селян не устраивают низкие зарплаты, на которые невозможно обеспечить семью, тем более содержать личное подсобное хозяйство, которое требует определенных финансовых затрат.

Калмыкия находится в засушливой климатической зоне, существует сильная зависимость от природных условий. Для большинства поселков одной из главных проблем является отсутствие питьевой воды. 3,6 куба стоит от 300 до 1500 рублей. Конечно, для селян, имеющих скромные доходы, это весьма обременительно. Сельские поселения не могут участвовать в конкурсе проектов на выделение государственных субсидий, т. к. они малочисленны. Огромные средства из федерального бюджета, выделенные на строительство водопровода, который смог бы обеспечить население нескольких районов и столицы республики, оказались расхищенными. Виновные на время написания статьи не наказаны, а руководитель региона после своей отставки даже награжден государственной наградой.

В аграрной отрасли региона заняты в основном работники старше 50 лет. Редко встретишь молодого человека за рулем трактора или с герлыгой (кнутом) в степи. С модернизацией села, происходит нарушение установившегося веками привычного уклада жизни степняков. В случае, если не будут приняты кардинальные меры по поддержке сельского населения, то завтра некому будет пасти скот и исчезнет исконная хозяйственная деятельность калмыков. Чтобы этого не случилось, чтобы молодежь возвращалась к своим истокам, необходимо шире развивать государственные программы поддержки молодых работников АПК, трактористов, чабанов, гуртоправов, специалистов ИТК, чтобы субсидии или иные формы поддержки были доступны для этой категории (Намуева Л. В., 2017: 19).

Наличие таких объективных (недоступность банковских кредитов для многих сельских жителей, убыточность личных подворий, низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию шерсть, мясо, молоко, зерно) и субъективных (непривлекательность сельскохозяйственного труда, отсутствие мотивации к его занятию, особенно у молодежи) факторов, усиливает процессы раскрестьянивания. Постепенно уменьшается доля и численность крестьян (растениеводов, животноводов). Эффективными хозяйствами являются крупные сельхозтоваропроизводители (СПК, КФХ). Держать одну корову с телятком, одну свинью для семейного потребления, что в прежние советские годы было распространенным явлением, сейчас невыгодно. Значительно дешевле купить молоко, мясные изделия, фрукты, овощи в магазине.

Современное село России, в том числе и Калмыкии, испытывает огромное количество проблем, в этой статье мы проанализировали лишь малую часть. Те изменения, которые претерпело село, не ослабляют социальную несправедливость, а лишь ее усиливают.

Литература

Докторов Б. З. Памяти В. А. Ядова // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3(11). С. 147–154.

Намруева Л. В. Современное село Калмыкии: социологический срез. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 180 с.

У. Г. Николаева

Архаизационные тренды в современном российском обществе: методологические вопросы и анализ социально-экономических практик

**Николаева
Ульяна Геннадьевна**

Доктор экономических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: ynikolaeva@list.ru

Аннотация. В сфере научных исследований, в лексиконе представителей социальных наук, а также в прессе все чаще и чаще используется понятия «архаика», «архаизация» применительно к ряду современных социально-экономическим, политическим и социокультурным явлениям. Действительно, в постсоветском российском обществе широко распространились внерыночные экономические отношения – блата, nepoтизма, дарообмена, услyгообмена, бартера, клановости, кумовства, клиентеллизма, неопатримониализма, власти-собственности, силового давления, коорупции, рэкета, рейдерства и многие другие. Увеличение количества мигрантов из стран бывшего Советского Союза, особенно из Средней Азии, при недостаточной правовой и административной проработанности их статуса, решении социальных и медицинских проблем, – породили явления сверхэксплуатации мигрантов, архаического по форме внеэкономического принуждения, элементов личной зависимости. В социальном поле межгруппового взаимодействия растет значение неконкурентных корпоративно-силовых моделей перераспределения ресурсов и решения административных и управленческих проблем, широко распространены доправовые и неправовые формы социального регулирования и решения социальных конфликтов, в том числе примитивно-силового давления. В повседневных практиках социального взаимодействия и межличностной коммуникации обнаруживаются разнообразные тенденции: роста социального атомизма и индивидуализма, с одной стороны, и, в противоположность этому, усиления «механической» сплоченности на основании традиционных родственных, реципроктных, а также клановых, этнических, религиозных моделей, с другой стороны. Очевиден накал «социальных эмоций», учащаются случаи проявления активного противостояния и групповой агрессии, применения неправовых и нецивилизованных способов демонстрации культурных, религиозных и идеологических разногласий, отстаивания групповых ценностей. Однако важнейшими задачами остаются концептуализация проблемы архаизации общества и раскрытие внутренней логики реверсивных социальных процессов. Особенностью предлагаемого в докладе методологического подхода станет обоснование первичности реанимации социально-экономической архаики в виде возрождения дорыночных социально-экономических укладов, при этом одной из важнейших методологических задач выступает различение современных рыночных и дорыночных («архаических») экономических отношений.

Современное российское общество представляет собой поле причудливого переплетения, взаимодействия, конфликта и взаимной поддержки самых различных трендов. Движение вперед, поступательное развитие

социальных институтов, активная модернизация общества сочетаются с явно возвратным уходом в прошлое и реанимацией отживших традиций и социальных форм, приходящих к нам из далекого прошлого. В этой многообразной полифонии российского социума все отчетливее заявляет о себе то, что наиболее точно описывается термином «архаизация».

В современном российском обществе все явственнее обнаруживается тенденция к возрождению экономической, социальной и культурной архаики. На это указывают многие российские и зарубежные исследователи – Э. С. Райнерт, М. Голдман, Ч. Фэрбэнкс, К. Бэйлз, Ф. Шнайдер, М. Г. Делягин, А. А. Ахиезер, С. Г. Кордонский, С. Ю. Барсукова, А. В. Рябов, В. Э. Шляпентох, Д. Саттер, Н. Н. Зарубина, Ю. М. Плюснин, Ю. И. Семенов, О. Бессонова, В. Г. Федотова, У. Г. Николаева, Ч. Ламараджа, В. М. Хачатурян и многие другие. Все чаще в исследованиях фигурируют оценки социально-экономической системы современной России как «феодальной» или «неофеодальной» (В. Шляпентох), «клановой» (Э. С. Райнерт, М. Голдман, Ч. Фэрбэнкс, К. Бэйлз, Ф. Шнайдер и др.), «сословной» (С. Г. Кордонский), «блатной» (А. Леденева), «несовременной» (В. Иноземцев), «периферийной» (А. Бузгалин, Колганов, Г. Явлинский и др.).

Действительно, в постсоветском российском обществе широко распространились внерыночные экономические отношения – блата, nepoтизма, дарообмена, услyгообмена, бартера, клановости, кумовства, клиентеллизма, неопатримониализма, власти-собственности, силового давления, коорупции, рэкета, рейдерства и многие другие. Увеличение количества мигрантов из стран бывшего Советского Союза, особенно из Средней Азии, при недостаточной правовой и административной проработанности их статуса, решении социальных и медицинских проблем, – породили явления сверхэксплуатации мигрантов, архаического по форме внеэкономического принуждения, элементов личной зависимости.

В социальном поле межгруппового взаимодействия растет значение неконкурентных корпоративно-силовых моделей перераспределения ресурсов и решения административных и управленческих проблем, широко распространены доправовые и неправовые формы социального регулирования и решения социальных конфликтов, в том числе примитивно-силового давления. В повседневных практиках социального взаимодействия и межличностной коммуникации обнаруживаются разнородные тенденции: роста социального атомизма и индивидуализма, с одной стороны, и, в противоположность этому, усиления «мехнической» сплоченности на основании традиционных родственных, реципроктных, а также клановых, этнических, религиозных моделей, с другой стороны. Накал «социальных эмоций» растет, учащаются случаи проявления активного противостояния и групповой агрессии, применения неправовых и нецивилизованных способов демонстрации культурных, религиозных и идеологических разногласий, отстаивания групповых.

Главный методологический вопрос, который в этой связи возникает, это вопрос о внутренней связи и взаимной обусловленности параллельно протекающих процессов возрождения архаики в экономике, социальной жизни, в повседневных практиках, семейной и бытовой сфере, в системах

коммуникации, и, наконец, в массовом сознании и культуре. Есть потребность в том, чтобы дать теоретическое объяснение и конкретное социологическое описание противоречивых, на первый взгляд, процессов сочленения, симбиотизации и гибридизации как современных рациональных парадигм, инновационных и модернизационных моделей, дополненных ультрасовременными экономическими и техническими средствами, с одной стороны, и архаических паттернов экономического и социального взаимодействия, индивидуального и группового поведения, коллективного мышления, — существующих одновременно, в одном и том же социальном поле.

Основой и катализатором реверсивных процессов в современном российском обществе, как представляется, выступает реанимация архаических докапиталистических социально-экономических отношений, непосредственно формирующих специфическую социально-институциональную среду и влияющих на возрождение и распространение корпоративизма, доправовых и неправовых социальных практик, архаических форм коллективных представлений, ремифологизации общественного сознания. Теория дорыночных социально-экономических укладов и архаизации экономических отношений (Ю. И. Семенов, У. Г. Николаева и др.) должны стать концептуальной базой для конкретного анализа реанимации архаических экономических и социокультурных практик в современном российском обществе.

Материал подготовлен в рамках проекта РФФИ №19-011-00943 «Вперед к прошлому: архаика и архаизационные тенденции в современном российском обществе (междисциплинарный анализ)».

С. А. Панкратов, Л. С. Панкратова

Модернизация российского общества и государства в условиях институционализации глобальной цифровой экономики и политики¹

**Панкратов
Сергей Анатольевич**

Доктор политических наук,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия.
E-mail: c.pankratov@mail.ru

**Панкратова
Лилия Сергеевна**

Кандидат социологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Исследование посвящено анализу модернизационных преобразований России в условиях формирования цифрового общества. В работе используется научно-теоретический потенциал В. А. Ядова, позволяющий осмыслить характер происходящих изменений, риски и противоречия модернизации общества и государства.

В. А. Ядов неоднократно акцентировал внимание в своих выступлениях и публикациях на том факте, что с его точки зрения, для исследования специфики происходящих в России изменений, целесообразно использовать концепт трансформации, а не получившей наибольшее распространение в научных и политических кругах модернизационную парадигму. «Социологи стали употреблять более адекватное, по-моему, понятие — трансформация... Трансформации могут быть в любом направлении: это может быть и копирование какого-то образца, и движение в сторону с учетом, так сказать, особенностей, и возврат к “светлому прошлому”, потерянному из-за происков внешних и внутренних супостатов, и в принципе все эти изменения будут происходить, конечно, “к лучшему”...» (Ядов В. А., 2006: 9).

Вместе с тем В. А. Ядов признавал наличие в отечественной истории и истории целого ряда зарубежных стран, в том числе современной, процессов модернизации (экономической, политической, правовой, социальной и др.) (Ядов В. А., 2010) суть которой заключается в движении «к современной модели общества, к устройству его по образцу западноевропейских стран» (Ядов В. А., 2006: 8–9). В работе «Социальные транс-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области по научному проекту № 19-411-340006 р_а.

формации в России: теории, практики, сравнительный анализ» авторский коллектив под руководством В. А. Ядова выделил и охарактеризовал эвристические возможности теорий модернизации и транзитологических концептов, являющихся, по их мнению, социально-практическим приложением девелопментализма в программах политиков обратить «отсталые» страны в «современные» общества (Соколова Н. Л., 2005).

Для нашего исследования, очень важен тезис, обоснованный В. А. Ядовым, о характере модернизационных преобразований РФ в первой четверти XXI века, во многом определяемым особым путем России «особым в смысле конкретизации национального интереса – повышения ресурсоспособности в конкурентной среде макросоциума. Взаимодействия с мировой системой регулируются международным правом, а трансформации в рамках страны осуществляются присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан» (Ядов В. А., 2010).

В этой связи необходимо отметить, что векторы модернизация отечественного государства и общества не могут не быть связаны с ресурсами формирования цифровой политики, экономики и что очень важно спецификой цифровой культуры, ее освоением не только элитой (политической, экономической, интеллектуальной и т. д.), но и проникновением в массы – институционализацией массовой цифровой культуры в строго научном понимании смысла и значения этого феномена. При этом следует признать, что в научном дискурсе существует множество подходов как к определению сущности и содержания самого процесса цифрофикации социума, так и пониманию цифровой культуры как ресурса национально-государственного и глобального развития.

Для нас важно подчеркнуть, что цифровизация выступает не целью, а лишь инструментом «осовременивания» жизнедеятельности и взаимодействия в системе личность – общество – государство. В качестве примера приведем тот факт, что уже к концу 2019 года в РФ планируют запустить в опытную эксплуатацию «инфраструктуру цифрового профиля российского гражданина. Она будет аккумулировать в себе информацию о паспортных данных, свидетельстве о рождении, ИНН, водительских правах, месте проживания, работы, собственности» (Шадрина Т., 2019).

Как справедливо отмечает Н. Л. Соколова «понятие “цифровая культура” так же, как и понятия “киберпространство”, “киберкультура”, имеет разные толкования. Для некоторых исследователей исследовать цифровую культуру — значит просто исследовать переход масс-медиа от аналоговых форматов к цифровым. Здесь цифровая культура фактически отождествляется с новыми медиа... Для других исследователей изучать цифровую культуру — значит анализировать более широкое поле артефактов и практик, появление которых стало возможным благодаря цифровым технологиям...» (Соколова Н. Л., 2012: 8).

На сколько готово нынешнее российское (да и не только наше) общество к переходу на полную автоматизацию в решении повседневных бытовых (электронное меню в ресторанах, мгновенный процесс подбора одежды, цифровые арт-объекты, супермаркеты без касс и др.), а нередко и производственных (задействование искусственного интеллекта) задач? Современное

общество потребления в самое ближайшее время ожидает «умственная лень»? (Журенков К., 2012). Согласно исследованиям Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) «развитие цифровизации способно высвободить при прочих равных 12,5 миллионов занятых к 2030 году. Прежде всего это коснется сферы торговли и ремонта... Далее следуют строительство, сельское хозяйство и транспорт: в каждой из этих сфер численность занятых сократится к 2030 году почти на 1,2 миллиона человек» (Цифровизация ставит..., 2018). Делается вывод о том, что «если власть не успеет подготовиться, то вскоре она окажется перед непростым выбором: допустить социальный кризис или остановить развитие из «социальных» соображений» (Цифровизация ставит..., 2018).

При этом уже сегодня требуется совершенно новая концепция модернизации образования и воспитания, нацеленная на освоение «человеческих» (способность к творчеству и коммуникации, готовность к постоянным изменениям, желание учиться и переучиваться) и «цифровых» (информационно-коммуникативные технологии, достаточный уровень знаний об искусственном интеллекте, не допускающий управление нами с его стороны) навыков и умений.

Вместе с тем за последние несколько лет увеличилась численность скоординированных кибератак. По официальным данным, обнародованным в печати, в 2014 и 2015 гг. зафиксировано около 1500 кибератак; в 2016 году – 12000; в 2017 году – 12500; в 2018 году – 17000 кибератак. В выступлении на коллегии ФСБ в марте 2019 года В. В. Путин заявил, что «по сути, это хорошо спланированные, масштабные операции, способные нанести серьезный урон национальным интересам нашей страны. Мы должны быть готовыми к тому, что такое кибернаступление против России будет продолжаться, а угрозы, связанные с ним, нарастать» (Егоров И., 2019).

Одним из серьезнейших противоречий, способных оказать дестабилизирующее влияние на результаты модернизации, может выступить цифровое неравенство (страновое, региональное, межпоколенное и т. д.). При том, что фактически, по мнению В. А. Ядова, запрос на социальную справедливость в условиях кардинальных изменений будет среди различных социальных групп только увеличиваться.

Таким образом, многие теоретико-методологические положения и результаты эмпирических исследований, высказанные и полученные В. А. Ядовым остаются научно и практически значимыми для осмысления реалий современных модернизационных преобразований, а также выработки стратегических ориентиров социальных изменений в российском обществе и государстве.

Литература

Егоров И. Без утечек. Чиновники будут лично отвечать за кибербезопасность // Российская газета. 2019. 29 марта.

Журенков К. Автоматическое завтра // Огонек. 2019. № 1. С. 4–5.

Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012 № 3 (8). С. 6–10.

Социальные трансформации в России: теории, практика, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. – М. : Флинта : МПСИ, 2005. – 584 с.

Цифровизация ставит РФ на грань социального кризиса // Независимая газета. 2018. 06 апреля.

Шадрин Т. Вся жизнь в цифре // Российская газета. 2019. 28 февраля.

Ядов В. А. Проблемы российских трансформаций. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. 52 с.

Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. 2010. № 3. С. 46

Ю. М. Пасовец

К вопросу о соотношении социальной трансформации и социального «транзита»¹

**Пасовец
Юлия Михайловна**

Кандидат социологических наук,
Курский государственный университет, Курск, Россия.

E-mail: yulia_pasovets@mail.ru

Аннотация. В работе обозначается необходимость продолжения социологического осмысления социальной трансформации, ее соотношения с социальным «транзитом» (социальным переходом), развития идей В. А. Ядова. Рассматриваются ключевые характеристики социальной трансформации, выделяются основные черты социального перехода.

Несмотря на стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в современном российском обществе, остаются открытыми вопросы о дальнейшем «векторе» социальных преобразований, сохраняет свою актуальность теоретическое осмысление социальной трансформации, ее соотношения с социальным «транзитом» (социальным переходом), начатое В. А. Ядовым и его единомышленниками в 90-е годы XX века применительно к постсоветским обществам.

Следует отметить, что социальные изменения, происходящие в современном российском обществе и связанные с преобразованиями его структур и институтов, обычно обозначаются как социальная трансформация.

Социальная трансформация выступает одной из форм социальных изменений, к числу которых также относят социальную модернизацию и социальный кризис, реформы и революции. Так, Г. И. Козырев рассматривает следующие формы социальных изменений:

- функциональные изменения, предполагающие определенные перемены адаптивного характера, то есть в целях приспособления социальной системы к внешним и внутренним изменениям;
- реформы, которые связаны с постепенными преобразованиями отдельных элементов социальной системы или всей системы в целом в результате целенаправленных действий органов управления;
- революции как быстрые и радикальные изменения, осуществляющиеся зачастую насильственным путем;

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-33-01001-ОГН «Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества»

- модернизация, под которой понимаются поступательные социальные изменения, направленные на улучшение функционирования социальной системы или ее элементов;
- трансформация, которая подразумевает преобразования в обществе в результате целенаправленных или хаотичных изменений;
- кризис как переходное состояние социальной системы, предполагающее радикальные изменения для решения имеющихся проблем (Козырев Г. И., 2005: 116–118).

Трактовка социальной трансформации как преобразований в обществе, ставших результатом различных социальных изменений, оказывается достаточно широкой по своему содержанию. В социологическом ракурсе социальные изменения характеризуют, с одной стороны, разнообразные социальные перемены независимо от их направленности в сторону прогресса или регресса, с другой – изменения внутри любых социальных систем (социальных групп, институтов и др.) и общества в целом. Обществу как таковому и включенным в него социальным системам свойственен динамизм, обусловленный социальными изменениями. Последние предполагают перемены как в уже сложившихся связях элементов социальных систем, так и образование новых структур, процессов, функций, мотивов, образцов поведения. Критерием произошедших социальных изменений может служить различие(-я) между состояниями социальной системы в разные периоды времени. Решая дилемму наличия – отсутствия социальных изменений, И. Валлерстайн приходит к выводу о том, что два противоположных утверждения о социальном изменении истинны применительно к определенным различным характеристикам конкретной исторической системы, а анализ через призму социального изменения сосредоточен в основном на функционировании системы (Валлерстайн И., 1997: 14–15).

Социологическое осмысление социальных изменений и трансформации развивает деятельно-активистский подход, ключевыми принципами которого в рамках понимания социальных изменений являются:

- рассмотрение социальных изменений как нелинейных, то есть отказ от идеи исключительно поступательной и невозвратной социальной динамики;
- признание зависимости направленности и содержания социальных изменений и от функционирования сложившихся социальных структур и институтов, и от деятельности многообразных социальных агентов, которые своими практиками способны трансформировать и социальные структуры, и самих себя (Оберемко О. А., Ядов В. А., 2005: 10–44).

В русле этого подхода социальная трансформация трактуется как норма бытия социума, при которой кризис и стабильность – это временные периоды. При этом кризис предстает как результат конструирования реальности социальными акторами, находящимися в трудном социальном положении и утратившими чувство стабильности, а стабильность – как время для адаптации к произошедшим изменениям перед новым шагом в социальном движении (Оберемко О. А., Ядов В. А., 2005: 15).

Тем самым социальная трансформация может быть признана перманентным состоянием общества, снимая вопрос о завершенности преобразований в обществе. Вместе с тем в этом плане возникает необходимость в определении соотношения социальной трансформации и социальной «транзиции» (социального перехода). С этой целью обозначим ключевые характеристики транзитивного общества.

Вслед за В. А. Ядовым полагаем, что одним из сущностных признаков социальной транзиции (социального перехода) и соответственно транзитивного социума выступает наличие «векторной нагрузки» (Ядов В. А., 2001: 12), определяющей целевые ориентиры общественного развития и ориентированной на преобразование качества системы – общества. Именно «векторная нагрузка» позволяет нам различать социальную транзицию как особую форму социальной трансформации.

Применительно к социальной динамике российского общества в постсоветское время 1990-е годы стали периодом социального транзита, вектором которого выступал переход к рыночной экономике и демократическому государству. Как отмечает ряд ведущих отечественных исследователей, в 1990-х гг. Россия пережила тяжелейший трансформационный кризис, в результате которого было достигнуто равновесие спроса и предложения, сформирована структура рыночной экономики. В итоге, сопоставляя дореформенное и современное состояния российского общества по уровню материального благосостояния населения и потребления, они приходят к выводу, что жизнь большинства россиян в конце 2000-х гг. стала не столько лучше или хуже жизни конца 1980-х гг., сколько она стала другой. При этом благосостояние населения России сократилось в 90-е гг. XX в. и восстановилось в начале 2000-х гг. (Ясин Е., Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Фадеев В., 2011: 77–78).

Наряду с этим к числу значимых характеристик транзитивного общества следует отнести и незавершенный характер ключевых социальных процессов, первостепенная роль которых по отношению к другим социальным изменениям обуславливается их детерминированностью «векторной нагрузкой» социальной транзиции. В таких условиях эти социальные процессы становятся источником изменений социального положения населения, компонентов его сознания (ценностных ориентаций, установок, убеждений и др.) и моделей поведения, актуализируя у населения необходимость адаптации к происходящим переменам.

Одним из проявлений социальной транзиции является ситуация, когда в обществе сосуществуют группы населения, придерживающиеся ценностей и образцов поведения, характерных для разных типов общества. В результате среди населения оказываются представленными социальные группы с ценностными ориентациями и моделями поведения, не совпадающими по содержанию с востребованными в социуме.

Также одной из важных характеристик переходного состояния общества является его нестабильность, которая обуславливает возможность неожиданных «бифуркаций», по словам О. А. Оберемко и В. А. Ядова, как состояний, требующих принимать «судьбоносные решения». В этих условиях, как подчеркивают авторы, наряду с сосуществованием разных цен-

ностных ориентаций, практик и моделей поведения людей в обществе возрастает роль прагматизма принятия решений «по ситуации». Завершением переходного периода становится стабилизация социальных институтов (в первую очередь, экономических и политических как базисных) и формирование относительно устойчивой системы легитимированных практик (Оберемко О. А., Ядов В. А., 2005: 13).

В трудах В. А. Ядова ставится вопрос о критериях завершения фазы социального «транзита», подчеркивается неприемлемость прямого переноса таких критериев с восточно- и центрально-европейских стран на российское общество. В качестве таких показателей обозначаются институциональное устройство, устойчивая социальная структура без колоссального разрыва между богатыми и бедными, качество человеческого потенциала на уровне стран с наиболее развитой экономикой. При этом предлагается учитывать субъективное восприятие людьми условий жизни как нормальных, приемлемых (Ядов В. А., 2009: 97–98; 7).

Таким образом, социальная транзición может рассматриваться как форма социальной трансформации, при которой транзитивное общество отличается наличием вектора развития («векторной нагрузки»), незавершенным характером социальных процессов, дифференциацией и поляризovanностью ценностного сознания и социальных практик населения, нестабильностью как возможностью бифуркаций.

Литература

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8–21.

Козырев Г. И. Социальные процессы и изменения // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 113–119.

Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие / под ред. В. А. Ядова. – М.: Флинта, 2005. С. 10–44.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества: пер. с пол. – М.: Логос, 2005. 664 с.

Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 9–20.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

Ядов В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. №7. С. 47–50.

Ясин Е., Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Фадеев В. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя // Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 77–96.

Ю. А. Петровская

Инновационный тип личности в условиях новой технологической революции: проблемы понимания и формирования в российских реалиях

**Петровская
Юлия Александровна**

Кандидат социологических наук,
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.
E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен анализу теоретических подходов к пониманию инновационной личности в условиях новой теоретической революции, а также проблемам формирования инновационной личности как особого социального типа в российском обществе. Основной методологической установкой для нас является положение о том, что основным резервом и ресурсом модернизации российской экономики являются люди. Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция диспозиционной регуляции поведения личности В. А. Ядова, дополненная с точки зрения цивилизационного подхода, а также достижений современных когнитивных наук; теория ускорения инноваций В. И. Пантина и В. В. Лапкина. При анализе характеристик инновационной личности использован подход В. Н. Шевченко. Важным аспектом изучения являются социальные и гуманитарные вызовы и дилеммы, связанные с инновационным развитием на различных уровнях, в частности опасная грань между инновационным развитием и технократизмом, порождающим усугубление социальных противоречий (Т. Пикетти). Эмпирическую основу составляют результаты исследования инновационного потенциала современной молодежи с точки зрения сформированности ключевых компетенций инновационной экономики, результаты исследования роли образования в системе ценностей современной молодежи, а также результаты исследования инновационной восприимчивости организаций различных форм собственности. Исследования проводились на территории Республики Карелия. В качестве эмпирических методов исследования использованы электронное анкетирование, экспертный опрос, полу-структурированное интервью, дискурс-анализ письменных материалов.

В условиях ускоряющейся смены инновационных циклов наука все более нуждается, с одной стороны, в своевременном осмыслении происходящих социальных процессов, а с другой стороны, в том, чтобы заново обратиться к вопросам социальной онтологии, вопросам о природе социальных феноменов, нуждающихся в социологической рефлексии: личность, общество, социальная структура и др. Обратимся к вопросу о природе инновационной личности. Что это понятие означает в современной действительности? Где его смысловые границы, и каковы типологические характеристики инновационной личности XXI века? Еще одна основополагающая идея

современной социологии, по Р. Дженкинсу (Дженкинс Р., 2015), – различие между социальной конструкцией и природой. Р. Дженкинс пишет о том, что необходимо критически рассмотреть идеологические фильтры и признать границы социального конструктивизма, ибо не все аспекты человеческого поведения, которые интересуют социологию, являются целиком результатом социального конструирования. Не вступая в дискуссию с этим утверждением, отметим все же, что в настоящей действительности границы между биологическим и социальным все более размываются, в современном мире мы наблюдаем высокую степень вмешательства человека в естественный ход событий, в том числе в рамках системы «Природа – Общество – Человек», вызывая в ней крайней степени противоречия.

Анализ феномена инновационной личности может и должен осуществляться с разных позиций: с точки зрения обладания определенными (инновационными) качествами, а также с точки зрения принадлежности к инновационной цивилизации, инновационному обществу и обладания инновационным складом в соответствии с требованиями времени и уровнем технологического развития. Первый подход, доминирующий в отечественной науке, ориентирует нас на то, что существует отдельная категория индивидов-инноваторов (новаторов) в силу их личностных характеристик, которые могут быть применены в особых сферах жизнедеятельности максимально эффективно. С этой точки зрения противоположностью новаторам будут выступать индивиды консервативного типа. Среди отечественных социологов сложилось представление о том, что инновации, инновационная деятельность, инновационное развитие становятся источником двух диалектических процессов. С одной стороны, инновационное развитие и внедрение инноваций способно привести к существенному прорыву в развитии организации любого типа в различных аспектах. С другой стороны, инновации нарушают привычный образ жизни индивидов, порождают риск и неопределенность и, соответственно, могут вызывать сопротивление инновациям, выражающееся в поведенческих и эмоциональных реакциях: иллюзиях индивида относительно собственной значимости, нежелании приобрести новый опыт и получить новое поощрение. Соответственно, индивид становится активным субъектом инновационной деятельности и восприимчив к инновациям, когда он хорошо понимает и оценивает состояние организационной среды, глубоко понимает положительный смысл нововведений и может спрогнозировать свое положение в результате их внедрения (Ильиных С. А., Михайлова Е. В., 2015: 4).

Второй подход формирует представление о том, что инновационную личность как особый социальный тип имеет смысл изучать только в цивилизационном контексте с точки зрения того этапа социального и технологического развития, на котором находится конкретное общество. В российском обществе XXI века инновационный тип личности советской эпохи, сформировавшийся в условиях инженерной революции 1930-х годов, давно утратил свою актуальность. Современное общество нуждается в совершенно ином типе личности, человеке инновационного склада. И здесь возникает противоречие между потребностями социума и реально формирующимся типом личности в российском обществе, которое приводит к мысли о том,

что сложившиеся в науке подходы к структуре личности не соответствуют процессам, объективно протекающим в современной социальной реальности, а инновационная личность как особый социальный тип не соответствует принятым в науке типологиям личности.

Понятия «инновации», «инновационная деятельность», «инновационная личность» в российской литературе встречаются довольно широко и с разными смысловыми значениями, что порой создает дополнительные методологические трудности. Довольно часто в научной литературе можно прочесть, что современные преобразования в различных сферах общественной жизни связаны с деятельностью, так называемых, инновационных личностей, т. е. индивидов, занятых разработкой и внедрением инноваций. Возникает ощущение, что с помощью иной терминологии современные ученые описывают то, что всесторонне исследовалось несколько десятилетий назад. В то время, как необходимо глубокое понимание сущности инновационной личности как не просто разработчика инноваций, а особого социального типа личности, присущего и требующегося обществу на конкретном этапе технологического развития. Для российского общества массовое становление инновационной личности в XXI веке и проникновение ее как типа во все сферы общественной жизни становится условием, дающим возможность стать инновационным. Эта траектория достаточно сложна и нуждается в глубоком понимании ее социально-исторических, идеологических предпосылок и сущностных характеристик, поскольку в России с большим опозданием (по оценкам ученых, на 50–60 лет) по сравнению с западными странами формируются условия для перехода на инновационный путь развития.

Основной методологической установкой для нас является положение о том, что основным резервом и ресурсом модернизации российской экономики являются люди. Исследование опирается на концепцию диспозиционной регуляции поведения личности В. А. Ядова, дополненная с точки зрения цивилизационного подхода, а также достижений современных когнитивных наук, а также теория ускорения инноваций В. И. Пантина и В. В. Лапкина. Основные характеристики инновационной личности через призму общесоциологической личности проанализированы В. Н. Шевченко (Шевченко В. Н., 2010).

Важным аспектом изучения являются социальные и гуманитарные вызовы и дилеммы, связанные с инновационным развитием на различных уровнях, в частности опасная грань между инновационным развитием и технократизмом, порождающим усугубление социальных противоречий (Т. Пикетти) (Пикетти Т., 2016).

Под диспозицией понимается предрасположенность человека к восприятию социальной ситуации и условий деятельности и, соответственно, к определенному поведению в этих условиях. С этой точки зрения, при внедрении инноваций всегда есть и будут новаторы и консерваторы как носители неосознаваемой хабиитуализации инновационной восприимчивости и / или сопротивления нововведениям (по П. Бурдые) как комплекс устойчивых приобретенных индивидами предрасположенностей, сформировавшихся структур, осуществляющих функции принципов, более или менее постоян-

ных и защищенных от изменений (Бурдые П., 1995). Исходя из диспозиционной концепции личности В. А. Ядова, диспозиционная система личности определяет и регулирует ее поведение, но в каждой конкретной ситуации в зависимости от цели «срабатывает» определенный уровень диспозиций. Сама диспозиция формируется при наличии потребности и в условиях соответствующей ей ситуации, в которой она реализуется. Соответственно, иерархии диспозиций соответствует иерархия потребностей, а также иерархия ситуаций (Саморегуляция и прогнозирование..., 2013: 31–48). Говоря об инновационной восприимчивости или сопротивлении инновациям, необходимо отметить, что эти процессы и реакции могут происходить на всех уровнях установок за исключением первого, поскольку первый, низший уровень в диспозиционной системе личности образуют элементарные фиксированные установки, формирующиеся на основе витальных потребностей и простейших, предметных ситуаций, лишённые модальности и не осознаваемые. Все элементы и уровни диспозиционной системы тесно переплетены друг с другом, а саму взаимосвязь, по мнению автора концепции, необходимо анализировать на основе механизма мотивации, который и обеспечивает саморегуляцию личности и целесообразное управление ее поведением, «при этом регуляция социального поведения должна быть истолкована в контексте всей диспозиционной системы личности» (Саморегуляция и прогнозирование..., 2013: 47).

Отечественные ученые В. И. Пантин и В. В. Лапкин разработали метод исторических циклов, который отражает понимание и оценку перспектив циклического развития инновационно-технологической цивилизации. Этот метод комплексно подвергает анализу политические, экономические, технологические, социальные и другие циклы и ритмы. В. И. Пантин и В. В. Лапкин предлагают рассматривать эволюцию мировой системы на основе трех главных циклов, продолжительность которых отличается по сравнению с циклами Кондратьева, учитывая ускорение исторических процессов в мировой экономике и инновационном развитии. Каждый из этих циклов, в котором уместна эволюция экономических, социальных, технологических и политических систем, включает четыре фазы: структурный кризис; технологический переворот; великие потрясения; революция мирового рынка (Пантин В. И., Лапкин В. В., 2016).

Эмпирическую основу составляют результаты исследования инновационного потенциала современной молодежи с точки зрения сформированности ключевых компетенций инновационной экономики, результаты исследования роли образования в системе ценностей современной молодежи, а также результаты исследования инновационной восприимчивости организаций различных форм собственности. Исследования проводились на территории Республики Карелия.

В российской практике развитие инновационного начала в человеке (в любой сфере) встречает сопротивление, не только на организационном уровне, но, в первую очередь, на индивидуально-личностном. Хотя, такой консерватизм объясняется, во многом, и неизменностью базовых социальных институтов. Совокупность проведенных исследований позволяет сделать следующие выводы. Инновационный потенциал современной молодежи разно-

роден. По результатам самооценки молодых людей, факт сформированности (наличия) у них инновационных компетенций в меньшей степени зависит от места проживания (город или село) и в большей степени зависит от уровня образования. При оценке качества формирования этих компетенций различия более существенны между городской и сельской школой, между школой и вузом. Результаты исследования роли образования в системе ценностей современной молодежи подтверждают тезис о том, что между школой и вузом зачастую образуется компетентностный разрыв, не позволяющий молодому человеку (даже успешно сдавшему ЕГЭ) максимально быстро и успешно включиться в систему высшего образования, ориентироваться в изменяющихся образовательных условиях. Само образование чаще имеет инструментальную, нежели терминальную ценность. Выбор в пользу высшего образования чаще делается под влиянием внешних обстоятельств, а не в силу осознанного выбора, личных убеждений и профессиональных ориентиров. Результаты исследования инновационной восприимчивости организаций г. Петрозаводска позволяют сделать вывод о недостаточно высокой их инновационной восприимчивости независимо от формы собственности. Государственные учреждения, НКО и представители бизнес-структур отмечают разные, специфические для своей деятельности факторы, препятствующие внедрению инноваций, однако все респонденты отмечают в качестве такого препятствия человеческий фактор, выражающийся в первую очередь в низкой мотивации к внедрению инноваций. Возникает предположение, что недостаточно высокая мотивация порождается отсутствием четкого понимания позитивных перспективных последствий внедрения инноваций, а в некоторых случаях отсутствием необходимых инновационных компетенций.

Таким образом, социологический подход к анализу инновационной личности как особого социального типа позволяет выйти на «социальное измерение» инновационного развития страны, человеческие факторы, стимулирующие или тормозящие внедрение инноваций в разных сферах. Именно такой подход акцентирует внимание на цивилизационных особенностях российского общества, его социально-историческом опыте в объяснении механизмов и барьеров инновационного развития.

Литература

Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 16–39.

Дженкинс Р. Что ждет социологию: вымирание, застой или эволюция? // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 11–21.

Ильиных С. А., Михайлова Е. В. Инновации в организациях: внедрение и сопротивление // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 86–90.

Мешков А. А. Основные направления исследования инновации в американской социологии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 117–128.

Пантин В. И., Лапкин В. В. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития // История и современность. 2016. №2. С. 219–232.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Под ред. А. Ю. Володина. М.: АдМаргинем, 2016. 592 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Шевченко В. Н. Инновационная личность как социальный тип // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. Т. 11. №2 (73). С. 37–50.

К. В. Подъячев

Вызовы цифровизации и реакция социума: социально-философские основания и опыт российских локальных сообществ

**Подъячев
Кирилл Викторович**

Кандидат политических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: kirvik@bk.ru

Аннотация. В данном докладе предполагается рассмотреть основные риски внедрения цифровых технологий в экономике и государственном управлении с точки зрения реакции социума. В исследуемой проблеме выделяются два аспекта: социально-философский и собственно социологический. На основании данных, собранных в ходе полевых исследований в 5 российских регионах, автор утверждает, что проводимые ныне мероприятия по «цифровизации» не оказывают существенного влияния на жизнь локальных сообществ и не рассматриваются там как фактор развития. Внедрение цифровых технологий наподобие госуслуг онлайн облегчает жизнь граждан, но не приводит к качественным изменениям. Основную угрозу автор видит не в распространении онлайн-сервисов, а в изменении мышления людей, «подгонке» его под компьютерный формат, что приводит к негативным изменениям модели социального действия.

О цифровизации сегодня говорится очень много. Создание цифровой экономики сегодня стало одной из центральных тем официального дискурса. Был затронут этот вопрос и в Послании Президента РФ Федеральному собранию 2019 года (Путин В. В.). Но пока не очень понятно, как «цифровизация» экономики может повлиять на социальные процессы. Потому эта проблематика нуждается в самом внимательном изучении.

В исследуемой проблеме мы выделяем два аспекта: социально-философский и собственно социологический.

Социально-философские основания

В основе нашего подхода лежит идея И. М. Дьяконова о физической ограниченности возможностей прогресса, в т. ч. социального, поскольку каждое позитивное изменение, снимая некоторые существующие в обществе противоречия, неизбежно порождает новые. (Дьяконов И. М., 2007) Исходя из этого, цифровизацию следует воспринимать не как акт прогресса, но как очередную трансформацию, смысл которой еще предстоит уяснить.

С социально-философской точки зрения цифровизацию следует трактовать как не просто внедрение неких новых технологий наподобие электронного документооборота, но изменение сознания людей под воздействием

изменившейся среды. Здесь, на наш взгляд, и кроется главная угроза. Страшно не то, что в мире появляется все больше гаджетов, а что человек начинает сам мыслить, как компьютер. К настоящему времени об этом уже немало сказано, но вопрос в том, чем же именно опасно такое изменение?

Цифровое сознание может иметь дело со сколь угодно большими, но конечными величинами. Поэтому оно стремится представить любой процесс в виде цепочки последовательных состояний («лестницы»). Но ведь подлинная жизнь не дискретна. Если бытие и можно представить в виде линии, то это будет сплошная линия, состоящая из бесконечного числа точек. А если речь идет о бесконечности, то цифровое мышление бессильно. Здесь работает другой инструмент – интуиция (духовное зрение), чем обладает только и исключительно *homo sapiens*, а не искусственный интеллект. Более того, пока не представляется возможным создание даже теоретической модели «интуитивного компьютера» по той простой причине, что природа интуитивного видения до сих пор науке не ясна. Не понимая же сути явления, воспроизвести его искусственно нельзя.

Таким образом, главная слабость цифрового сознания в том, что оно способно рассматривать жизненный процесс только переходя «от одного сочетания вещей к другому, от одновременности к одновременности» (Бергсон А., 2010: 178), как отмечал А. Бергсон. При этом если человек сам начинает мыслить «по-цифровому», т. е. играть на одном поле с машиной, он неизбежно проиграет. Компьютер в любом случае считает быстрее. Преимущество человека – в возможности использования интуитивного инструмента, в обладании холистическим видением бытия. А главная опасность происходящих ныне социоментальных трансформаций состоит в потере человеком указанных способностей.

Цифровизация и российский социум

Как показали наши исследования¹, российские локальные сообщества воспринимают весь «цифровой» дискурс как некую причуду федеральной власти. При этом нельзя сказать, что там в принципе настроены против перемен. Более того, некоторые аспекты цифровизации (например, госуслуги онлайн) принимаются на местах весьма доброжелательно, поскольку они облегчают жизнь граждан. Однако люди видят и возможные угрозы: мошенничество с цифровыми подписями и т. п. Но главное, опрошенные нами респонденты не видят во всем этом подлинного фактора развития. Да, гражданам становится проще оформлять нужные документы, чиновникам легче собирать статистические данные и вообще управлять. Но от этого не растет производство, не появляются новые рабочие места.

Цифровизация как сугубо технические изменения не приводит к изменениям качественным, и в регионах это прекрасно понимают.

¹ Исследования проводились в июне 2019 г. по проекту РФФИ 19-011-31272 опп «Молодежь в политике развития: агент или актор?». Основной метод сбора данных – глубинные интервью и фокус-группы с «локальными акторами», формирующими социокультурную атмосферу (представители местной администрации, педагоги, работники учреждений культуры и дополнительного образования, гражданские активисты).

А вот распространение «гаджетов», увлечение ими школьников, и, как следствие, ослабление у них стремления к получению знаний (зачем что-то учить, если можно погуглить?), – в этом большинство респондентов (не только педагогов) видит реальную угрозу.

К выводам

На основании проведенных исследований можно предположить, что в технологическом аспекте (перевод госуслуг в электронную форму и т. п.) цифровизация не опасна, а возможные угрозы также можно купировать с помощью новых технических средств.

Самая большая опасность – это трансформация сознания (когда человек сам начинает мыслить пошагово, как компьютер), приводящая к исчезновению акторской модели социального действия, предполагающей самостоятельное действие субъекта, основанное не на заданной извне пошаговой инструкции, а на ценностях и общих знаниях. (Аксенова О. В., 2016: 22)

В практическом аспекте сказанное означает, что «навыки жизни в цифровую эпоху» (Путин В. В.), о которых говорил Президент, ни в коем случае не должны сводиться к компьютерной грамотности, и, тем более, к подгонке человеческого мышления под компьютерное. Напротив, мы считаем необходимым сосредоточить усилия на развитии у нового поколения тех качеств, которыми искусственное сознание не обладает: широты мышления, творческой интуиции, холистического видения бытия. Традиции российского образования, пока еще сохраняющиеся в локальных сообществах благодаря усилиям энтузиастов, дают для этого хорошие возможности.

Важность этой работы сложно переоценить. Мы убеждены, что упомянутая акторская модель социального действия для России органична, т. к. только она отвечает существующим здесь природным условиям. Поэтому ее разрушение несет угрозу самому существованию России и как государства, и как этнокультурной целостности. Это означает, что вопрос сохранения ее при всех связанных с цифровизацией социокультурных трансформаций, есть вопрос национальной безопасности. Более того – национального выживания.

Литература

Аксенова О. В. Парадигма социального действия : профессионалы в российской модернизации. М. : ИС РАН, 2016. 304 с.

Бергсон А. Философская интуиция // Бергсон А. Избранное : Сознание и жизнь. М. : РОССПЭН, 2010. 399 с.

Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: URSS, 2007. 380 с.

Путин В. В. Послание Федеральному собранию 2019 г. URL: <http://kremlin.ru>.

Путин В. В. Послание Федеральному собранию 2018 г. URL: <http://kremlin.ru>.

А. В. Решетников, Н. В. Присяжная

Медицина будущего: социологический анонс

**Решетников
Андрей Вениаминович**

Доктор медицинских наук, доктор социологических наук, Институт социальных наук,
Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России, Москва, Россия.

E-mail: niisocmed@mail.ru

**Присяжная
Надежда Владимировна**

Кандидат социологических наук, Институт социальных наук,
Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России, Москва, Россия.

E-mail: nprusova@yandex.ru

Аннотация. Появление и расширение интернет-пространства, существование виртуальной реальности, развитие искусственного интеллекта, роботизированной медицины, использование нейросетей, массивов Big Data в здравоохранении – ставит целый ряд вызовов перед современным обществом и медициной будущего, давая, с одной стороны, очень большие – невиданные прежде – возможности для развития и внедрения в медицину новых технологий (а также для их научно-практического изучения), а с другой – актуализирует необходимость самоопределения в новой реальности членов социума. Одновременно с этим, внедрение новых технологических решений в практику здравоохранения определяет новые требования к уровню профессиональной подготовки медицинских специалистов и образовательным программам медицинских вузов. При этом тренды медицинского образования предопределяются процессами цифровизации отрасли и глобальными вызовами человечества. В свою очередь, ожидаемым следствием цифровизации медицинского образования и здравоохранения будет трансформация социальной роли врача в ближайшей перспективе. В контексте точно подмеченной В. А. Ядовым российской традиции «модернизации вдогонку», медицина будущего должна интегрировать уже существующие в настоящем социальные феномены цифровизации и информатизации общества и стать технологизированной и цифровой областью управления здоровьем населения.

Ключевым вектором развития современной России выступает переход к новой цифровой концепции развития во всех сферах социально-экономической деятельности (Приказ Минздрава России...) ([Программа «Цифровая экономика...» (Стратегия развития отрасли...) (Федеральный закон...)]. Приоритетное значение в этом направлении отводится развитию и цифровизации системы здравоохранения, а также внедрению инновационных медицинских технологий (Указ Президента РФ...).

Общие тенденции цифровизации и информатизации, наряду с социально-экономическим развитием, определяют новые горизонты будущего человека, общества, государства – однако возможности новых технологий

сопровожаются рядом рисков. Так, по мнению ряда исследователей, наиболее серьезное влияние новые технологические решения оказывают на личность человека – при этом именно интернет, цифровое пространство становится для молодежи основной ареной накопления социального капитала (опыта, социальных связей, знаний). (Рыков Ю., Нагорный О., 2017) В контексте изучения специфики использования интернет-ресурсов для получения информации и укрепления социальных связей отмечается наличие корреляции между уровнем образования и благосостояния человека и частотой обращения к интернет-сайтам (Johnston K., Tanner M., Lalla N., Kawalski D., 21030) (Ellison N. B., Gray R., Lampe C., Fiore A. T., 2014) (Utz S., 2016) (Utz S., Breuer J., 2016). Вместе с тем, человек цифровой эпохи теряет важную для каждого приватность социальной жизни, а иллюзия анонимности в интернет-пространстве по мере развития технологий становится все более очевидной. Как указывает Е. Н. Гнатик, «тревожным сигналом служит то, что молодые люди все чаще воспринимают виртуальность как среду, параллельно существующую реальному миру» (Гнатик Е. Н., 2017). Среди наиболее очевидных «новых» особенностей современного человека – «клиповость» сознания, уменьшение саморефлексии и переход к реагированию, а не осмыслению, атрофирование эмоционального интеллекта, формирование зависимости от гаджетов и виртуальности, снижение когнитивных навыков (Гиренок Ф. И., 2015) – что не может не вызывать тревоги. Тем не менее, очевидно, что уже существующие в настоящем социальные феномены цифровизации и информатизации общества, в будущем займут лидирующие позиции во всех сферах общественной деятельности.

При этом в настоящее время одним из драйверов социального развития выступает стремление повысить качество жизни человека, освободить его от рутинной деятельности – и в этом случае на помощь человеку приходят когнитивные информационные технологии, которые обеспечивают интеллектуальную обработку данных во многих сферах жизни. И одним из возможных следствий «взрывного» развития технологий является идея эволюции человека – киборгизации, нового понимания возраста и преодоления старения, пересмотр структуры трудовой занятости (в сторону трудового «долголетия») – и даже «цифрового бессмертия» (жизни в сети в форме электронного сознания человека) (Букатов В. М., 2018) (Гнатик Е. Н., 2013) (Гоулман Д., 2008) (Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С., 2019) (Тоффлер, Э., 2008) (Фукуяма Ф., 2015) (Bell G., Gray J., 2001) (Kassavetis, P., 2017) (Shaojing Sun Ph.D, Alan M. Rubin, Paul M. Haridakis, 2008).

Безусловно, важная роль в указанных процессах принадлежит медицине, от которой ожидается не менее революционные темпы развития. Так, в представлениях исследователей (Bouchard L., Albertini M., Batista R., de Montigny J., 2015; Daschle T. A., 2015; Ellison N. B., Gray R., Lampe C., Fiore A. T., 2014; Fiorini N., Leaman R., Lipman D. J., Lu Z., 2019; Hamet P., Tremblay, J., 2017; Horgan D., 2018; Johnston K., Tanner M., Lalla N., Kawalski D., 2013; Kassavetis P., 2017) медицина ближайшего будущего будет, в первую очередь, персонифицированной, превентивной (и даст возможность прогнозировать развитие заболеваний), технологизированной (внедрение робототехники, гаджетов, мониторирующих состояние здоровья

и облачных технологий как базы консультативной поддержки) и цифровой (программирование генов, программная среда здравоохранения, программное обеспечение биотехнологий и клеточных разработок). При этом в научной литературе чаще всего отмечается, что интеграция медицины и информационных технологий будет проходить преимущественно, в трех направлениях:

- информатизация и цифровизация здравоохранения, делегирование рутинных действий технологическим решениям и ускорение процесса принятия решений;
- изменение структуры и характера деятельности медицинского специалиста (изменение роли врача);
- пересмотр форм взаимоотношений между врачом и пациентом (технологии мобильной медицины и телемедицины, персонифицированная прогностическая и профилактическая медицина, рост самостоятельности пациентов в контроле и управлении своим здоровьем, «интернет-подкованный» пациент и др.) (Кобринский Б. А., 2017) (Belle A., Thiagarajan R., Reza Soroushmehr S. M., Navidi F., Beard D., Najarian K. , 2015; Bouchard L., Albertini M., Batista R., de Montigny J. , 2015; Daschle T. A., 2105) [Fiorini N., Leaman R., Lipman D. J., Lu Z. , 2018; Hamet P., Tremblay, J., 2017; Horgan D., 2018) (Wachter R., 2015).

Вместе с тем, существует и противоположное мнение – так, в некоторых современных исследованиях отмечается, что «по большинству научно-технологических направлений, которые формируют будущий облик медицины, потенциал в России отсутствует» (Каминский И. П., Огородова Л. М., Патрушев М. В., Чулок А. А., 2013).

Для сравнения, по результатам проведенного Институтом социальных наук Сеченовского Университета исследования¹, медицинские специалисты руководящего звена выделяют ряд тенденций в развитии медицины будущего, среди которых:

- широкое внедрение новых технологий в практику медицинской деятельности (искусственный интеллект, робототехника, геномные вмешательства, распространение био- и нейроимплантов, медицинские гаджеты и др.);
- получение новых знаний, позволяющих обеспечить излечение большинства известных заболеваний, рост продолжительности жизни (вплоть до бессмертия);
- изменение роли врача (вытеснение традиционных специальностей и нивелирование ценности знаний врача, пересмотр перечня компетенций врача, необходимых для работы);
- изменение «сознания» пациента – и, прежде всего, вовлеченность в здоровый образ жизни, принятие процессов киборгизации как нормы, распространение трансгуманизма.

¹ Исследование «Медицина будущего в представлениях медицинских специалистов руководящего звена» (анализ эссе, n = 204, 2018–2019г., Москва, Институт социальных наук Сеченовского Университета)

Заметим, медицинские специалисты отмечают, что внедрение новых технологических решений в практику здравоохранения определяет новые требования к уровню профессиональной подготовки медицинских специалистов – что, соответственно, определяет направления совершенствования образовательных программ медицинских вузов. К примеру, в 2016 году Агентство стратегических инициатив совместно с Минтруда и Минобрнауки разработало Атлас новых профессий, в который вошли 1620 профессий в 36 сферах социально-экономической деятельности страны – а в сфере медицины и здравоохранения среди актуальных в короткой перспективе выделены такие специальности как ИТ-медик, архитектор медоборудования, генетический консультант, специалист по киберпротезированию, консультант по здоровой старости, сетевой врач, эксперт персонифицированной медицины, биоэтик, оператор медицинских роботов, молекулярный диетолог и ряд других (Атлас новых профессий). Примечательно, что новые профессии требуют новых компетенций (надпрофессиональных навыков), среди которых выделены системное мышление, межатраслевая коммуникация, управление проектами, знание программирования, робототехники и ИИ, клиентоориентированность, мультиязычность и мультикультурность, работа в условиях неопределенности и даже навыки художественного творчества (Атлас новых профессий).

При этом очевидно, что одним из серьезных рисков цифровизации и информатизации отрасли будет формирование технологической безработицы, связанной с делегированием части функционала технологическим решениям, а также ростом спроса на специалистов, обладающими новыми навыками, умеющими эффективно действовать в условиях автоматизации процессов и роботизации рабочих мест. Превентивное решение этой проблемы лежит в области образования, включая высшее медицинское образование и систему повышения квалификации и переподготовки.

Таким образом, внедрение в жизнь новых цифровых и технологических решений обуславливают пересмотр традиционных представлений о человеке, его сознании, жизни и смерти. И, безусловно, в новых реалиях эти феномены требуют нового осмысления с позиции социогуманитарных наук – социологии, психологии, философии. Тем не менее, можно отметить, что в развитии общества будущего ключевая роль отводится развитию человека как биологического объекта, совершенствованию показателей его физического, психо-эмоционального, интеллектуального развития – и от медицины ожидается не только преодоления существующих сегодня глобальных вызовов человечества (связанных, преимущественно, со здоровьем), но и адаптации к новой, цифровой реальности будущего. В контексте точно подмеченной В. А. Ядовым российской традиции «модернизации вдогонку», медицина будущего должна интегрировать уже существующие в настоящем социальные феномены цифровизации и информатизации общества и стать технологизированной и цифровой областью управления здоровьем населения.

Литература

Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/catalog>.

Березной А. В., Сайгитов Р. Т. «Цифровая революция» и инновационные бизнес-модели в здравоохранении: глобальные тренды и российские реалии // Вестник РАМН. 2016. №71(3). С.200–213.

Букатов В. М. Клиповые изменения в восприятии, понимании и мышлении современных школьников – досадное новообразование «постиндустриального уклада» или долгожданная реанимация психического естества? // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. № 4 (49). С. 5–19

Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. — М.: Проспект, 2015.

Гнатик Е. Н. Идеи трансгуманизма в эпоху конвергентных технологий // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 117–127.

Гнатик Е. Н. Гуманитарные проблемы информационных технологий // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 2. С.270–279.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. — М.: АСТ, 2008.

Дедов И. И., Тюльпаков А. Н., Чехонин В. П. и соавт. Персонализированная медицина: современное состояние и перспективы // Вестник РАМН. 2012. № 67(12). С. 4–12.

Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 1. С. 108–120.

Каминский И. П., Огородова Л. М., Патрушев М. В., Чулок А. А. Медицина будущего: возможности для прорыва сквозь призму технологического прогноза // Форсайт. 2013. № 1. С. 14–27

Кобринский Б. А. Персонализированная медицина: геном, электронное здравоохранение и интеллектуальные системы. Часть 2. Молекулярная генетика и методы интеллектуального анализа // Рос вестн перинатол и педиат. 2017. № 6. С. 16–22

Приказ Минздрава России от 30.11.2017г. №965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017г. №1632-р).

Рыков Ю., Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. № 3. С. 366–394.

Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 01.11.2013г. №2036-р).

Тоффлер, Э. Шок будущего. Москва, М.: АСТ. 2008.

Указ Президента РФ от 07.05.2018г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

Федеральный закон от 29.07.2017 года №242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья»

Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. Москва, 2015. М.: АСТ, 575с.

Barney D. D. The Network Society. Cambridge: Polity; 2004.

Bell G., Gray J. Digital Immortality // Communications of the ACM. 2001. № 44. P. 28–31.

Belle A., Thiagarajan R., Reza Soroushmehr S. M., Navidi F., Beard D., Najarian K. (2015) Big Data Analytics in Healthcare // BioMed Research International. Vol. 2015. P. 1–16.

Bouchard L., Albertini M., Batista R., de Montigny J. Research on health inequalities: A bibliometric analysis (1966–2014) // Social Science and Medicine, 2015. P. 100–108.

Daschle T. A. Academic Medicine in a Transformational Time // Academic Medicine 2015. № 90(1). P. 11–13 doi:

Ellison N. B., Gray R., Lampe C., Fiore A. T. Social Capital and Resource Requests on Facebook // New Media & Society. 2014. Vol. 16. № 7. P. 1104–1121.

Fiorini N., Leaman R., Lipman D. J., Lu Z. How user intelligence is improving pubmed // Nature Biotechnology. 2018. № 36(10): P. 937–945

Hamet P., Tremblay, J. Artificial intelligence in medicine // Metabolism: Clinical and Experimental. 2017.

Horgan D. From here to 2025: Personalised medicine and healthcare for an immediate future // Journal of Cancer Policy. 2018. № 16. P. 6–21.

Johnston K., Tanner M., Lalla N., Kawalski D. Social Capital: The Benefit of Facebook “Friends” // Behaviour & Information Technology. 2013. Vol. 32. № 1. P. 24–36.

Kassavetis, P. Man Versus Machine: The Future of Medicine // Academic Medicine. 2017. №92(5). P. 578

Shaojing Sun Ph.D, Alan M. Rubin, Paul M. Haridakis The Role of Motivation and Media Involvement in Explaining Internet Dependency // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2008. № 52(3). P. 408–431.

Utz S. Is LinkedIn making you more successful? The informational benefits derived from public social media. // New Media & Society. 2016. № 18, P. 2685–2702

Utz S., Breuer J. Informational benefits from social media use for professional purposes: Results from a longitudinal study. // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2016. № 10(4), article 3.

Wachter R. The Digital Doctor: Hope, Hype, and Harm at the Dawn of Medicine’s Computer Age. 2015. New-York, NY: McGraw-Hill Education

Ziebland S., Wyke S. Health and Illness in a Connected World: How Might Sharing Experiences on the Internet Affect People’s Health? // Milbank Quarterly. 2012. Vol. 90. № 2. P. 219–249.

Д. В. Руденкин

Первые «цифровые аборигены»: что характерно интернет-поведению современной российской молодежи?

**Руденкин
Дмитрий Васильевич**

Кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Аннотация. Работа посвящена эмпирическому анализу основных особенностей Интернет-поведения современной российской молодежи. Автор отмечает, что современные представители российской молодежи стали первым поколением российской молодежи, которое взрослело в условиях повсеместного распространения Интернета в жизни общества. Тем самым они превратились в первых российских «цифровых аборигенов» – людей, которые с раннего возраста привыкли пользоваться Интернетом и воспринимать его как важный элемент жизни. Опираясь на данные собственного социологического опроса среди молодежи г. Екатеринбурга (N = 1766, 18–24 лет), автор прослеживает особенности Интернет-поведения этих «цифровых аборигенов». Ключевым выводом исследования становится тот факт, что Интернет становится для российских «цифровых аборигенов» не только инструментом коммуникации, но и фактической средой существования.

Ключевые слова: молодежь, Интернет, интернетизация российского общества, «цифровые аборигены», М. Пренски.

Категория «цифровые аборигены», предложенная американским теоретиком М. Пренски, выглядит довольно точной и образной характеристикой, описывающей современных представителей российской молодежи. Как известно, под «цифровыми аборигенами» М. Пренски понимал тех людей, которые всю свою сознательную жизнь живут в условиях повсеместного распространения Интернета и привыкают к нему как к неотъемлемому атрибуту социальной реальности (Prensky M., 2001). Хотя предложенная им логика и подвергается периодически критике за некоторую публицистичность (Чудова И. А., Пироцкая А. В., 2017: 63), она все же нередко ложится в основу исследовательских проектов и, на наш взгляд, обладает значительным эвристическим потенциалом. По крайней мере, очевидно, что людям, которые взрослеют в условиях стремительного проникновения Интернета в общественную реальность, действительно может быть свойственна определенная специфика сознания и поведения. И привлекательность категории «цифровые аборигены» в том, что она позволяет идентифицировать таких людей и анализировать специфику их сознания и поведения.

Собственно, как показывают актуальные исследования, концепт «цифровые аборигены» действительно применим к нынешним представителям российской молодежи. Основания для такого вывода дает не только то, что доля ежедневных пользователей Интернета среди россиян младше 25 лет сейчас близка к 100% (Радаев В. В., 2018: 22). Дело еще и в том, что Интернет появляется в жизни многих представителей российской молодежи очень рано, фактически еще в детском возрасте. Как показал специальный отраслевой доклад «Детский рунет 2018», подготовленный при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, нынешние российские дети и подростки начинают пользоваться Интернетом уже в 4–5 лет, а к 8–11 годам три четверти из них имеют собственное, персональное устройство для выхода в виртуальное пространство (Детский Рунет 2018...). Показательна и многогранность использования Интернета в молодежной среде: среди молодых людей в возрасте 18–24 лет 77% используют Интернет для банковских операций (Цифровизация услуг...), 65% воспринимают его как главный источник информации (5 поколений пользователей...), а 44% – как главный инструмент досуга (А на досуге...) Иными словами, номинально нынешние представители российской молодежи – действительно полноценные «цифровые аборигены»: они привыкли пользоваться Интернетом с детства и решают с его помощью многие повседневные задачи.

Ситуация усугубляется еще и тем фактом, что нынешние молодые россияне – это фактически первые «цифровые аборигены» российского общества. Наверное, можно сказать, что сейчас Интернет вписан в российскую социальную реальность довольно органично, но его массовое распространение в обществе началось лишь недавно. Еще в начале 2000-х гг. Интернетом пользовались лишь несколько процентов населения России (Исследование Mail.ru Group ...). Более или менее массовое распространение Интернета в российском обществе произошло только после 2011–2012 гг. (Волченко О. В., 2016: 174). Иначе говоря, нынешние представители российской молодежи стали первым поколением россиян, годы взросления которого пришлось на период относительно массового распространения Интернета в жизни общества. По сути, эти молодые люди – первое поколение российских «цифровых аборигенов», представители которого привыкли пользоваться Интернетом с ранних лет и воспринимают его как неотъемлемый атрибут действительности. И закономерно, что вокруг особенностей сознания и закономерностей поведения этих людей возникает множество исследовательских вопросов.

С сугубо интуитивных позиций напрашивается предположение о том, что Интернет становится для этих молодых людей более важным атрибутом повседневной жизни, чем для других поколений. Если учесть массовость распространения Интернета в обществе в период их взросления, такое предположение выглядит практически очевидным. Но такое заключение – очень поверхностное, и вокруг него возникает много сопутствующих вопросов. Как именно эти «цифровые аборигены» используют Интернет? Для чего они его посещают и насколько активно? Какие эффекты и риски это создает? Для того, чтобы дать первичный ответ на подобные вопросы, мы намерены

обратиться к данным собственного социологического исследования. В фокусе нашего исследования окажутся особенности интернет-поведения этого поколения «цифровых аборигенов».

Эмпирическая база нашего исследования – анкетный опрос, выполненный среди молодежи г. Екатеринбурга в 2018-м г. Совокупно в рамках исследования мы опросили 1766 представителей городской молодежи в возрасте от 14 до 24 лет. Фокус на людях именно этого возраста было решено сделать потому, что номинально они лучше всего соответствуют понятию «цифровых аборигенов»: в 2012-м г., когда и началось наиболее активное распространение Интернета в российском обществе, им было от 8 до 18 лет. В ходе исследования использовалась квотная выборка, которая опиралась на критерии пола, возрастной подгруппы и района проживания опрошенных. Размеры квот были рассчитаны таким образом, чтобы отразить половозрастную и районную сегментацию молодежи города в соответствии с официальными данными на конец 2017 г. Исходная цель этого исследования была связана с диагностикой актуальных модальностей использования Интернета в молодежной среде, а также факторов, которые на них влияют.

Анализ данных, которые были собраны в рамках данного исследования, позволяет сделать несколько примечательных выводов.

Первый вывод. Интернет вплетен в жизнь опрошенных молодых людей органично и неотъемлемо. Подавляющее большинство из них (97,2%) идентифицируют себя как активных пользователей Интернета и проводят на различных его ресурсах не менее 3 часов в день. Содержательно этот вывод совпадает с результатами, которые до этого получали другие авторы, поэтому воздержимся от его подробного обсуждения. Отметим лишь, что крайне высокую интенсивность использования Интернета со стороны российской молодежи следует считать объективным фактом.

Второй вывод. Большинство опрошенных сложно назвать зависимыми от Интернета в полном смысле этого слова. Но они склонны к такой зависимости. Ответы на вопрос «Что Вы будете делать, столкнувшись с невозможностью выйти в Интернет?» в этом смысле красноречивы (см. рис. 1). Потенциальное попадание в такую ситуацию большинство из них не побуждает к поиску доступа в сеть любой ценой. Но все же такая ситуация для большинства из них дискомфортна: Интернет так органично встроен в их жизнь, что его отсутствие вызывает у них растерянность. Возможно, это и не зависимость от Интернета в полном смысле слова, но его роль в жизни большинства молодых людей крайне велика.

Таблица 1

Таблица данных к диаграмме, %

	Школьники	Студенты	Работающие
Найду другой способ развлечь себя – почитаю, посмотрю телевизор и т. п.	31,9	15,1	15,4
Буду искать другой путь, чтобы все равно выйти в Интернет	15,1	36,8	45,1
Буду скучать, делать мне все равно будет больше нечего	52,0	40,9	40,2
Другое	0,9	28,5	27,8

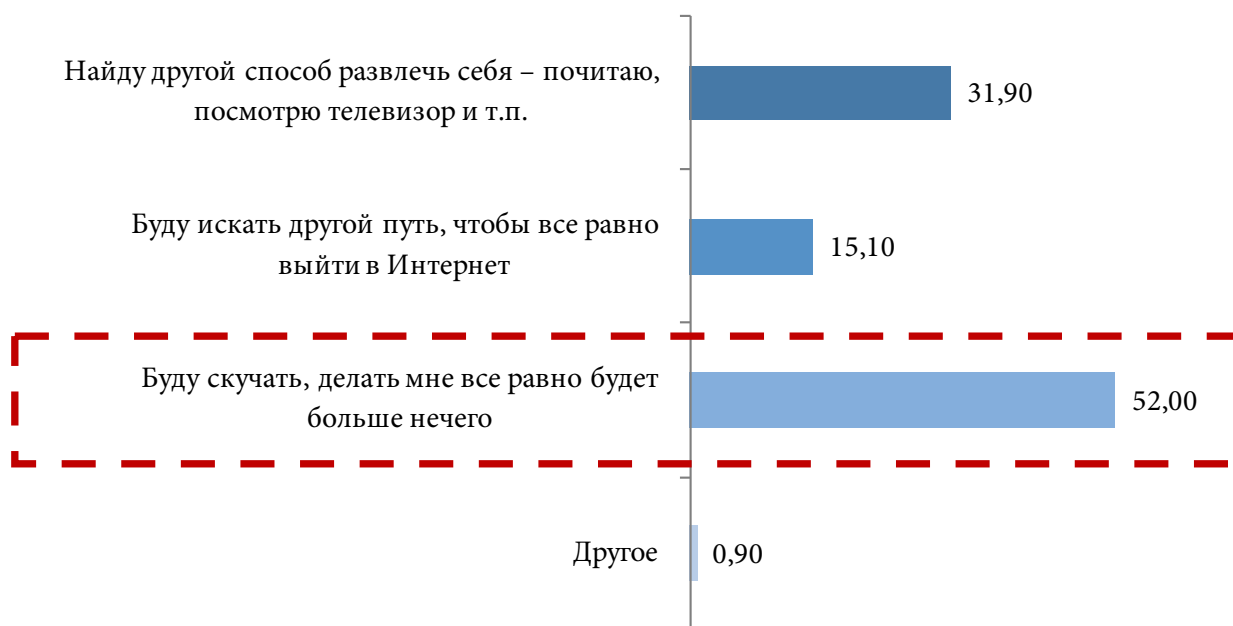

Рис. 1. «Что Вы будете делать, если внезапно столкнетесь с невозможностью выйти в Интернет в привычное время?» (Альтернативный вопрос, % от числа ответивших)

Третий вывод. Баланс целей использования Интернета у опрошенных смещен с утилитарных задач на поиск информации и коммуникацию. Ответы на вопрос «Для чего Вы обычно пользуетесь Интернетом?» в этом смысле красноречивы (см. рис. 2). Видно, что работа и учеба присутствуют в качестве целей, но их роль – вторичная. Интернет является для опрошенных в первую очередь инструментом общения или поиска информации.

Таблица 2

Таблица данных к диаграмме, %

Для чего Вы обычно пользуетесь Интернетом?	Школьники	Студенты	Работающие
Поиск информации	90,1	15,1	15,4
Поддержание контактов с друзьями	86,9	36,8	45,1
Просмотр видео / прослушивание музыки	85,0	40,9	40,2
Чтение новостей	65,3	28,5	27,8
Учеба	35,2	14,8	15,0
Общение в социальных сетях	29,2	6,5	0,4
Переписка по электронной почте	28,0	13,7	8,3
Использование игры	25,7	15,1	6,0
Покупки	11,7		
Работа	10,1		
Участие в конкурсах	7,3		
Другие цели	32,8		

Рис. 2. «Для чего Вы обычно пользуетесь Интернетом?»
(Поливариантный вопрос, % от числа ответивших)

Четвертый вывод. Большинству молодых людей, которые приняли участие в исследовании, характерна принципиальная открытость, готовность к новым знакомствам и общению во время использования Интернета. Полностью исключает для себя общение с незнакомыми людьми в Интернете только четверть из них (25,5%). Остальные готовы обсуждать условия, при которых такое общение будет возможно, но саму его вероятность вполне допускают.

Пятый вывод. Большинство опрошенных не склонны делать своих записей, но активно обсуждают то, что пишут другие. 68,5% из них отмечают, что либо вообще не делают в Интернете своих собственных публичных записей, либо делают это крайне редко. 65,6% отмечают, что или вообще не «репостят» записи других пользователей, или делают это только в исключительных случаях. Но при этом 56,5% из них склонны вступать в дискуссии и обсуждения с другими пользователями.

Шестой вывод. Постепенно Интернет становится для «цифровых аборигенов» удобным пространством организации «оффлайновых» активностей. Доля тех, кто уже сейчас использует Интернет для поиска информации о мероприятиях в «оффлайне», судя по итогам нашего исследования, не огромна, она составляет 47,1%. Но все же это говорит о том, что для довольно значительной части молодых людей Интернет уже сейчас стал удобным инструментом поиска информации о таких мероприятиях. Причем варианты «оффлайновых» мероприятий, о которых опрошенные узнают с помощью Интернета, очень разнообразны (см. рис. 3).

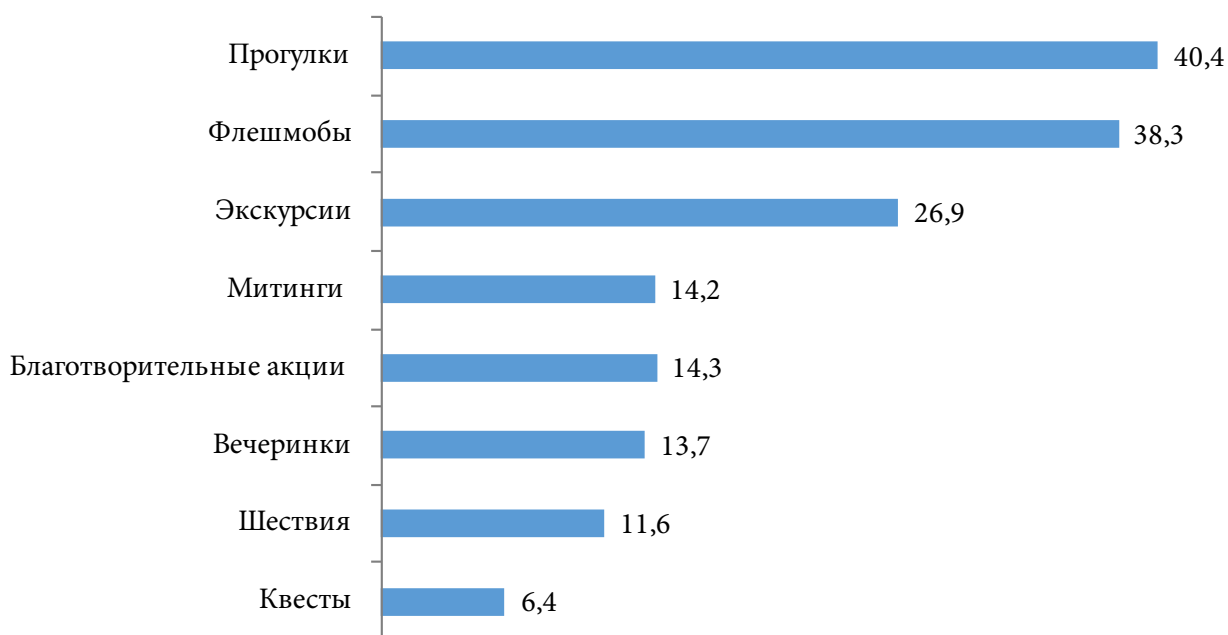

Рис. 3. «О каких интересных для себя мероприятиях Вы узнаете через Интернет?»

(Поливариантный вопрос,

% от числа ищущих в Интернете информацию о мероприятиях)

Ограниченный объем работы вынуждает нас воздержаться от рассуждений о всех примечательных чертах Интернет-поведения опрошенных и побуждает фокусироваться лишь на наиболее значимых выявленных тенденциях. Тем не менее, даже такой лаконичный аналитический обзор показывает, что определенная специфика Интернет-поведения первого российского поколения «цифровых аборигенов», похоже, действительно существует.

Взрослея в условиях повсеместного внедрения Интернета в социальную реальность, нынешние молодые россияне с детства привыкают пользоваться им очень активно и выстраивают вокруг него многие из своих повседневных практик. Являются ли они зависимыми от использования Интернета – вопрос спорный: даже если такая зависимость и существует, то большинством из них она не рефлексировается. Тем не менее, они в любом случае крайне активны в своем Интернет-поведении и проводят в виртуальном пространстве значительное время. Цели, с которыми они пользуются Интернетом, очень многогранны и выходят за пределы обычного поиска информации, работы или учебы. Интернет становится для многих из них площадкой для развлечения, общения и даже создания новых социальных связей. В каком-то смысле Интернет становится для них не только инструментом коммуникации, но и своего рода средой существования.

Подчеркнем: в данной работе мы делаем лишь первичные выводы и приглашаем коллег к новым совместным исследованиям. Мы хотели бы воздержаться в данном случае от излишне смелых выводов и претензий на всеобъемлющее описание особенностей сознания и поведения первых российских «цифровых аборигенов». Наше исследование показало, что у Интернет-поведения этих людей существуют некоторые примечательные свойства. Но насколько исчерпывающим является перечень этих

свойств? В какой мере они выделяют этих людей на фоне других поколений? И какие риски это создает? Все эти вопросы, безусловно, должны получать ответы в ходе дальнейших исследований.

Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-29-09512 «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению»).

Литература

Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. Vol. 9. №5. 2001. P. 1–6.

5 поколений пользователей: как меняется поведение россиян в сети 2017 URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/5-generations/> (дата обращения: 22.06.2019).

А на досуге мы танцем буги-вуги?: пресс-выпуск URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559> (дата обращения: 22.06.2019).

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.

Детский Рунет 2018. Отраслевой доклад. URL: <https://internetinstitute.ru/detskii-runet-2018-otraslevoi-doklad/> (дата обращения: 22.06.2019).

Исследование Mail.ru Group к 25-летию Рунета URL: <https://corp.mail.ru/ru/press/infograph/10391/> (дата обращения: 22.06.2019).

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. №. 3. С.15–33.

Цифровизация услуг в России: уже на пороге URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9667> (дата обращения: 22.06.2019)

Чудова И. А., Пироцкая А. В. Изучение социальных сетей в перспективе поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. № 14. С. 62–71.

С. В. Рыжова

Роль массовой российской религиозности в формировании культуры доверия

**Рыжова
Светлана Валентиновна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: Silica2@yandex.ru

Аннотация. Исследование взаимосвязи религиозности и доверия было осуществлено на материалах репрезентативных социологических опросов, осуществленных Центром исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН в Башкортостане, ХМАО-Югре и Московской агломерации, объединяющей Москву и Московскую область. Изучалось влияние религиозной идентичности на установки обобщенного, межличностного, институционального доверия, этническую толерантность. В интерпретации материалов опросов применялись подходы Э. Дюркгейма, Дж. Александера, Г. Зиммеля, Р. Коллинза, Э. Эриксона. Во всех регионах интенсивная религиозная идентичность (как переживание тесной связи с единоверцами) является элементом, поддерживающим культуру доверия. Среди людей с интенсивной религиозной идентичностью выше уровень обобщенного и межличностного доверия, а также выше уровень доверия региональной власти как выражение «вертикальных» консолидационных ориентаций.

Роль религиозного сознания в социальных процессах получает сегодня новое осмысление, стали появляться концепции, принимающие во внимание творческую роль традиционных религий, верований и этических ориентиров, базовой этнической культуры в осуществлении модернизационных преобразований (В. Федотова, Э. Паин). Начиная с работ Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса религия изучается как фактор позитивной общественной динамики, обеспечивающий ценностное единство, а религиозное мировоззрение рассматривается как активный элемент творческой трансформации индивидуального и группового сознания, общества в целом.

Вместе с тем, религиозные и этнические идентичности сегодня изменяют свой статус, обретают актуальность, вплетаются в ткань политических транснациональных конфликтов (Ш. Эйзенштадт). Риски религиозного терроризма и нестабильность мира провоцируют актуализацию этноконфессиональных идентичностей, жестко очерчивающих поле для защиты «своих» культурных, религиозных, территориальных границ. Глобальные явления современного мира, – конфликт и консенсус, дезинтеграция и сплоченность – в значительной степени определяются ценностной основой обществ, обусловленной, в том числе, преобладающей в них религиозной традицией и религиозной идентичностью. По мнению С. Хантингтона, ислам и христианство – это настолько масштабные “цивилизационные” идентичности, к которым рано или поздно начинают апеллировать стороны, вовлеченные в конфликт, даже не имеющий религиозных оснований и мотиваций.

Понимая всю сложность и комплексный характер влияния религии на современные общественные процессы, мы обращаемся к анализу той ее роли, которая способствует формированию и поддержанию социальной солидарности и культуры доверия в российском обществе. Вызовом для такого ракурса исследования является поликонфессиональность России, сосуществование в масштабах российской государственности наряду с православием, иных традиционных для России религиозных традиций, в частности, ислама. Не стоит забывать о важной роли религиозности в процессах изживания культурной травмы 1990-х гг., вызванной болезненными социально-экономическими трансформациями, крушением советской культуры доверия и кризисом нормативного порядка.

Исследование взаимосвязи различных аспектов религиозности, доверия и этнических установок позволило нам изучить социальный характер российской религиозности, ее потенциал в становлении культуры доверия и обеспечении социальной интеграции, в том числе, межэтнической. Проблема социальной интеграции для России актуальна не только в силу ее географических пространств, но и потому, что велика степень культурного, этнического и регионального разнообразия. Нарушенная болезненными трансформациями 1990-х годов, культура доверия в настоящее время постепенно восстанавливается. Она является хорошим основанием для дальнейшей гражданской, ценностной солидарности и формирования правовой культуры. В статье «Нерациональные основания рациональности» Р. Коллинз (Коллинз Р., 2004: 433) раскрывает связь доверия и религиозности, составляющих основу феномена «преддоговорной солидарности» в теории Э. Дюркгейма. Уверенность в исполнении договоренностей зиждется на взаимном доверии, а оно, в свою очередь, обеспечивается более глубоким источником. Применительно к обществу времен Дюркгейма (конец XIX в.) этим источником была религия и ее ритуалы. На протяжении веков религия обладала цементирующим началом, была основой социальной солидарности и, как мы сказали бы сегодня, выступала базисом культуры доверия.

Эриксон одним из первых обратил внимание на связь стабильных социальных институтов и доверия. Он показал, что базовое доверие к миру формируется, в том числе, благодаря существованию в обществе устойчивых социальных институтов и социальных ритуалов (Эриксон Э., 2006: 92), которые поддерживают в людях чувство уверенности и безопасности. В целом можно сказать, что институциональная стабильность и неизменяемость традиционных религий обеспечивают современному россиянину психологическую устойчивость.

Эмпирическое исследование взаимосвязи религиозности и доверия было осуществлено на материалах массовых репрезентативных социологических опросов, осуществленных Центром исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН в республике Башкортостан, в ХМАО-Югре (в 2017–2018 гг.), в Московской агломерации, объединяющей Москву и Московскую область (в 2014–2016 гг.); объем выборочной совокупности составил 1000–1200 респондентов в каждом регионе.

Основное внимание было уделено изучению влияния религиозной идентичности на установки обобщенного, межличностного, институционального доверия и межэтнической толерантности. В интерпретации материалов опросов применялись подходы Э. Дюркгейма, Дж. Александера, Г. Зиммеля, Р. Коллинза, Э. Эриксона.

Религиозная идентичность рассматривается нами как соединение личных религиозных мотивов, чувств и ориентаций (вера или психологическая установка в отношении некоей «высшей силы») с потребностью в социальной принадлежности. Как вид социальной идентичности религиозная идентичность подпадает под влияние процессов социального конструирования. Как значимый элемент субъективной реальности она формируется и передается благодаря присутствию в общественном и частном (приватном) пространстве религиозных категорий и классификаций («православие», «ислам», «буддизм» и др.), религиозных знаний (репрезентируемых, например, в религиозных праздниках, обрядах и элементах культуры), религиозных ценностей (представленных в дискурсе первых лиц государства и религиозных лидеров).

Как показали исследования, проведенные в Башкортостане, ХМАО–Югре и Московской агломерации, во всех регионах интенсивная религиозная идентичность (как переживание тесной связи с единоверцами) является элементом, поддерживающим культуру доверия. Среди людей с интенсивной религиозной идентичностью выше уровень обобщенного и межличностного доверия, а также выше уровень доверия региональной власти как выражение «вертикальных» консолидационных ориентаций. Интенсивная религиозная идентичность активно участвует в формировании культуры доверия и межэтнической толерантности, сокращает дистанцию в межэтнических отношениях, повышает готовность принять человека другой национальности в различных сферах жизни.

Исследования в Югре и Башкортостане, где заметно присутствие исламской религиозной культуры, показало, что людям в целом здесь доверяют меньше, чем живущим рядом носителям других религиозных традиций. Ислам и православие как традиционные религии России действительно имеют полное право так именоваться, потому что эти религии (наряду с буддизмом, иудаизмом и другими распространенными в России христианскими конфессиями), исторически сосуществуя рядом, в едином социальном пространстве, стали для людей привычными и «своими», активно вовлекаются в создание в России культуры доверия. При этом большинство россиян высказываются за сохранение светских основ государства.

Доверие и религиозность можно рассматривать в качестве традиционных культурных основ социальной солидарности. В условиях дефицита гражданских институтов и развитой политической культуры обобщенное и межличностное доверие обеспечивает продуктивность коммуникации, доверие к власти обеспечивает вертикальную консолидацию общества, а религиозность поддерживает моральный консенсус.

Литература

Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. М.: Академический проект, 2004. С. 397–603.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан, В. И. Ривош, Н. Н. Толстых; Под ред. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 2006. 352 с.

Т. И. Черняева

Ресурсы медиации в муниципальных образованиях: культурные контексты и социальные технологии

**Черняева
Татьяна Ивановна**

Доктор социологических наук, Поволжский институт управления
им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Саратов, Россия.
E-mail: tatcher@yandex.ru

Аннотация. Проводится социологический анализ медиации как особого типа культуры (в единстве ценностей, традиций и норм); как организации (миссия – цели, задачи – структура – функции – управление); как интегральной социальной технологии. Обсуждаются актуальные вопросы использования медиации в муниципальных образованиях.

Ключевые слова: Медиация, социальный институт, социальная технология. муниципальные образования.

В последние годы значительный интерес вызывает пространственное развитие нашей страны. Стратегия пространственного развития России призвана выровнять диспропорции крупных агломераций и небольших поселений, обеспечить безопасность и устойчивый экономический рост (Положение о содержании ...). Российской глубинке в Стратегии отводится особая роль. Отдаленные территории, сельские поселения обладают значительными природными, климатическими, историко-культурными ресурсами, которые повышают привлекательность территории и могут служить источниками экономического благополучия (Пространственное развитие России...). Обсуждение Стратегии ведется с 2015 года, но к настоящему времени она так и не утверждена.

Указ Президента РФ №204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» возлагает на Правительство Российской Федерации ответственность за достижение девяти национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года, в частности, обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году — до 80 лет) (Указ Президента РФ №204...). Вместе с тем по оценкам экспертов, при суммарном коэффициенте рождаемости не менее 1,7 эти целевые ориентиры возможны лишь при высоком (оптимистическом) варианте прогноза Росстата. В условиях текущих российских трендов для достижения этих

показателей среднегодовой миграционный прирост должен составить не менее 240 тыс. человек за 2019–2024 гг. (Национальные цели..., 2019: 10). Другими словами, ожидается поддержка притока мигрантов в муниципальные образования РФ.

Ожидаемое увеличение миграционной нагрузки требует большей конфликтологической компетенции местной власти: в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в вопросы местного значения входят участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения; создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов (Федеральный закон ...).

В целом по России сохраняется довольно напряженная ситуация. О нарастании конфликтного потенциала во всех сферах социальной жизни свидетельствуют расширение форм и состава протестного движения (Анализ социально-трудовой обстановки...)(Основные итоги ...), высокие статистические показатели судимости в РФ (Основные статистические показатели...), сложная межэтническая ситуация (ИНАБ №1 – 2017, 2017), усугубляемая недоверием к институтам власти (Деятельность государственных институтов...).

Управление конфликтом включает в себя разрешение, урегулирование, профилактику и прогнозирование. В широком смысле управление призвано ослабить и ограничить конфликт, использовать его ресурс для инновационного развития. Управление предполагает последовательное прохождение ряда стадий – от признания сторонами конфликтной ситуации до создания особых институции для ее урегулирования.

Все более широкое применение в урегулировании конфликтов находят практики посредничества, в том числе медиации. Различные трактовки медиации содержат прямое указание на ее управленческий характер. Можно обратиться к установленному Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года №193-ФЗ (Федеральный закон “Об альтернативной ...) пониманию медиации как способа урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения; предлагаемому Лигой медиаторов ее определению как процесса переговоров, в котором медиатор-посредник является организатором и управляет переговорами таким образом, чтобы стороны пришли к наиболее выгодному реалистичному и удовлетворяющему интересам обеих сторон соглашению (Медиация – конструктивное разрешение конфликтов...), в результате выполнения которого стороны урегулируют конфликт между собой и многим другим.

Медиация выступает как институт, как организация, как социальная технология. Рассмотрение медиации как социального института предполагает обращение к сложившимся ценностям, традициям, практикам конфликто разрешения. В традиционной культуре по отношению к конфликтам сложились установки личного вовлеченного разрешения – «Око за око, зуб за зуб», «Не выносить сор из избы». Наряду с установкой «Вот приедет барин, барин нас рассудит» сохранились и представления о допустимости самосуда. Как правило, в конфликты посвящается ближний круг (семейный, дружеский совет). Какое-то время конфликт замалчивается, но при его эскалации более важным становится внешний фокус – жалобы, обращения, судебные разбирательства.

Становление медиации как особого типа организации предполагает осмысление и формализацию ее миссии, цели, задач, структуры, функций, системы управления, коммуникаций. Работ такого рода нам не встречалось.

Понимание медиации как технологии связано с изучением форм, стадий, компетенций. Медиация осуществляется в режиме прямой коммуникации (лицом к лицу, face-to-face), и представляет собой особый тип управленческой коммуникации. Следовательно, как и всякий управленческий процесс, она должна предполагать прохождение трех стадий: аудит – диагностика – решение и изменение. На каждой из этих стадий реализуются разные приемы и требуются разные компетенции – способность устанавливать психологический контакт, готовность проводить психологическую экспресс-диагностику, готовность использовать приемы активного слушания, умение задавать вопросы для выявления ожиданий сторон в отношении процедуры медиации и другие.

Критично важными оказываются компетенции, связанные умением организовать процесс взаимодействия участников процедуры медиации; сохранять нейтральность, беспристрастность в отношении сторон и предмета спора; умение актуализировать личные ресурсы; распознавать и управлять эмоциями в процессе медиации (эмоциональный интеллект).

Важнейшим условием встраивания медиации в управленческую деятельность муниципальных образований становится подготовка кадров, обладающих необходимыми ресурсами для управления конфликтами.

Литература

Анализ социально-трудовой обстановки и развития трудовых конфликтов в Российской Федерации (основные итоги 2018 года) URL: http://industrialconflicts.ru/lib/63/analiz_sotsialnotrudowoy_obstanowki_i_razwitiya_trudo.htm.

Деятельность государственных институтов. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/.

ИНАБ №1 – 2017. Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования [Электронное издание] / [М. Ф. Черныш и др.]; Отв. редактор М. Ф. Черныш. – Электрон. текст. дан. (объем 1,7 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 133 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5538>.

Медиация – конструктивное разрешение конфликтов URL: <http://arbimed.ru/mediaciya-konstruktivnoe-razreshe>.

Национальные цели социального развития: вызовы и решения: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Абанкина, Н. В. Акиндинова, С. С. Бирюкова и др.; отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 113 с.

Основные итоги социально-трудовых конфликтов и развитие трудовых отношений в Российской Федерации в первом полугодии 2019 году URL: http://industrialconflicts.ru/lib/68/osnownye_itogi_sotsialnotrudovykh_konfliktov_i_razvit.htm.

Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы и 2008–2017 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074/>.

Положение о содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации. Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2015 г. N 870. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/resources/707c3511-7cf9-466c-baa8-7bf567786326/> (дата обращения: 17.07.2018).

Пространственное развитие России: вопросы стратегии. URL: <http://bujet.ru/article/317108.php> (дата обращения: 17.07.2018).

Указ Президента РФ №204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-204-ot-7-maja-2018-goda-07-05-2018.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) URL: https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obwih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/.

Федеральный закон “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) от 27 июля 2010 года №193-ФЗ. Ст. 2. // Российская газета, 2010.

Е. Н. Ядова

Социальные измерения развития современного российского общества в векторе цифровизации и новейших технологий четвертой промышленной революции

Ядова

Екатерина Николаевна

Кандидат социологических наук, Московская бизнес-школа, Москва, Россия.

E-mail: yadova@gmail.com

Аннотация. Методологические нюансы изучения новейших процессов и явлений, еще не в полной мере внедрившихся в жизнь членов социума – обязательная часть работы социолога. Развитие технологий, тренды на цифровизацию и общество в условиях четвертой промышленной революции обуславливают обязательное изменение в социуме. Кейс измерения российской модернизации в части современных технологий (включая редактирование генома, робо-медицины, беспилотного транспорта и пр.) представлен в виде исследования с участием 2314 респондентов. Использовано специальное сочетание вопросов. Предварительный замер отношения к технологии в целом, дополнялся ответом после получения информации о доказанном позитивном влиянии технологии. Такое информирование влияет на прогноз собственных действий в отношении новейшей технологии, но по-разному, в отношении разных объектов.

Трансформация российской реальности неизбежна. Глобальные изменения в сторону цифровизации повлекут за собой обязательные изменения в российской действительности. Даже если мировые тенденции в некоторых направлениях не могут быть поддержаны в нашей стране в полной мере, отголоски и частичные, отрывочные проникновения будут менять жизнь общества. Интенсивность трансформации, очередность этапов будут зависеть от специфики внутристрановых процессов, но общий вектор уводит от архаизации и традиционализации. Можно говорить, что технологическое развитие давит и диктует изменения в социальных процессах и явлениях.

В повседневную жизнь россиян уже достаточно активно проникают самые разнообразные современные технологии: элементы sharing economy, машинного обучения, работы нейронных сетей, «умные» дома и города, Интернет вещей, роботизация. Даже те, кто не очень интересуются трендами, замечают изменения в сферах услуг больших городов. Например, каршеринг и единичные беспилотные транспортные средства. Но в реалиях уже вся страна пользуется результатами деятельности искусственного интеллекта, в частности, внедренного в Интернет-порталы и работу крупнейших банков.

Отдельное влияние на модернизацию современного российского общества оказывают СМИ. Иногда информационное поле даже перенасыщено сообщениями о достижениях, значимости и практической ценности технологий, таких как блокчейн (Blockchain), новые спутниковые технологии (Satellite) и виртуальная реальность (Virtual Reality)¹. Но, в целом, такие сообщения помогают членам общества подготовиться к инновациям, которые рано или поздно станут частью повседневности.

Технологическое развитие очень выгодного бизнесу, поэтому будет происходить вне зависимости от отношения людей к нему. Колоссальные средства уже вложены в искусственный интеллект, умные контракты и виртуальную реальность. Готовность общества к появлению современных технологий отходит на второй план. Для многих инновации будут облегчением быта и профессиональной деятельности, но очень далеко не для всех.

Внедрение современных технологий влияет не только на тех, кто готов и произвел некое действие, подтверждающее готовность. Появление беспилотных автомобилей и геномной коррекции затронет и тех, кто еще не может спокойно и комфортно принять новое.

Социология должна поддерживать тренд, в котором уже действуют когнитивистские науки, обеспечивать глубокую научную поддержку теме восприятия членами социума технологического развития общества. Это непростая задача, потому что фактически включает изучение некоего только начинающегося процесса и с самого начала должна опираться на поддержку компьютерного сбора и анализа данных в существенно большем, чем раньше, объеме.

Социальные вызовы, формируемые развитием современной техники, детерминировали возникновение таких научных течений как STS (исследования науки и техники (Science and Technology Studies) или технология и общество (Science, Technology and Society), ТА (социальная оценка техники (Technology Assessment) и, далее, RRI («ответственных исследованиях и инновациях» (Responsible Research and Innovation).

Концептуальный базис для развития фундаментальной части представляют многие ученые-классики, включая Э. Дюркгейма, М. Вебера, М. Хайдеггера, Г. Риккерта, Г. Зиммеля, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, Л. Мемфорда.

Современная трактовка социального аспекта взаимодействия человека и технологий представлена в трудах таких ученых как Б. Латур, К. Кнорр-Цетина, Э. Пикеринг, Д. Айди, Д. Харавэй, Я. Лакинг, Г. Колинз, П. Галисон, Р. Криз, Дж. Роуз, С. Шэйпин, С. Шаффер, С. Хардинг, Т. Пинч и др.

Эмпирическая составляющая из-за методологических особенностей допускает и требует творческого подхода к построению исследований. Проведенное анкетирование готовности относится к разряду разведывательных, включает 2314 респондентов, проводилось в сети Интернет по стихийной выборке. Невозможность распространить результаты исследования на какую-либо генеральную совокупность компенсируется алгоритмом построения анкеты с повтором формулировок из всероссийских репрезентативных опросов Фонда «Общественное мнение»² и ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

¹ Мониторинг глобальных трендов цифровизации. ПАО «Ростелеком», 2018.

² Модернизация в России. Доминанты № 08. 24.02.2011. Фонд Общественное Мнение. Опрос «ФОМнибус» 12–13 февраля. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов.

С целью снизить сложность для респондентов оценивать то, что еще не является частью их жизни, было использовано сочетание специальное сочетание вопросов.

Сначала спрашивали о конкретной технологии, в общем, на базе существующих у респондента знаний, а затем давали дополнительную информацию и снова получали ответ. Рабочая гипотеза исследования заключалась в том, информирование влияет на мнение респондента.

Исследование показало, что респонденты, в целом, довольно негативно оценивают ситуацию с модернизацией и технологическим обновлением в России. Большинство оценили ситуацию как плохую (60,9%), еще треть, как среднюю (31,7%). В мире аналогичная ситуация, по мнению респондентов, значительно лучше. Больше трети (35,1%) оценили положение с модернизацией и технологическим обновлением как хорошее и еще половина (50,8%) как среднее.

Оценку «хорошая» для России выбрали только 4,5%. Это при том, что в выборку, возможно, попали наиболее оптимистичные и информированные о развитии технологий люди.

Оптимизм респондентов проявился при ответе на вопрос о динамике ситуации с модернизацией и технологическим обновлением в России. Почти половина (49,1%) сказали, что положение улучшается, еще треть (29,3%), что не меняется. Отметили ухудшение ситуации с модернизацией и технологическим обновлением 15,3%.

Данные Фонда Общественное мнение¹, репрезентативные для России, в 2011 году показывали, что хорошей ситуацией считают 5%, средней 34% и плохой – 35%. Из участников всероссийского исследования 28% отметили улучшение ситуации с модернизацией и технологическим обновлением, 7% – ухудшение. Сказали, что положение не меняется – 39%.

Логично, что в репрезентативной для всей страны выборке больше затруднившихся ответить, чем в стихийной тематической выборке. Равно как и то, что в последней несколько больше оптимистических оценок.

Робототехника в медицине и импланты. Подавляющее большинство респондентов (95,5%) положительно и скорее положительно относятся к применению робототехники в медицине и даже выражают готовность, в случае медицинских показаний пройти операцию у робота-хирурга. Правда, когда речь заходит об оценке потенциального своего поведения, проценты все же снижаются. Определенно и скорее готовы пройти операцию у робота-хирурга в сумме 78,7%. Совершенно не готовы 3,4% участников исследования.

Импланты без медицинских показаний. Вживление чипов, замену здоровых частей тела на механические положительно или скорее положительно оценили большинство респондентов (77,6%). Резко и умеренно отрицательно на такую возможность отреагировали 17,0%. Когда речь заходит об имплантации чипа себе, показатели резко снижаются: готовы 49,3%. Еще меньше готовы заменить себе часть тела (43,1%).

¹ Модернизация в России. Доминанты № 08. 24.02.2011. Фонд Общественное Мнение. Опрос «ФОМнибус» 12–13 февраля. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов.

Генная модификация. Генная модификация человека, как явление, большинством респондентов исследования воспринимается положительно или скорее положительно (67,4%). Резко отрицательно возможность менять геном человека оценил каждый десятый опрошенный (11,6%) и скорее отрицательно – каждый седьмой (14,5%).

В случае, если респонденты узнают о конкретной выгоде для себя в результате генной модификации, изменить свой геном определенно или скорее всего согласны 73,3%. Для опроса было важно измерить отношение к самой генной модификации, поэтому вопрос дополнен информацией о гипотетической доказанной безопасности изменения генома.

При этом, даже при условии безопасности, редактировать геном не себе, а своему ребенку, готовы гораздо меньше респондентов. Не готовы или скорее не готовы провести операцию две трети опрошенных (68,4%). Определенно согласны только 9,3% респондентов. Еще 15,0% выбрали вариант «скорее соглашусь».

Беспилотные автомобили. Беспилотные автомобили (автомобили без водителей) в повседневной жизни положительно или скорее положительно оценивают 89,4% респондентов. Отрицательно на внедрение отреагировали 7,2% участников опроса. Купить себе или просто пользоваться беспилотным авто готовы или скорее готовы 78,9% опрошенных. Совершенно не готовы или скорее не готовы – 17,7%.

Если бы респонденты узнали, что беспилотный автомобиль существенно реже традиционного попадает в аварии, ответы изменяются. После получения информации готовы приобрести или пользоваться – 85,7%, не готовы – 11,9%. Причем количество определенно готовых увеличивается с 44,1% до 55,9%. Такое изменение в сторону готовности может свидетельствовать о принятии позитивного влияния технологий и важности информирования о сути и пользе нововведений.

В целом, в опросе измеряется декларируемая готовность и полученные результаты не могут однозначно свидетельствовать о том, что само получение дополнительное позитивной информации помогает быстрее обратиться к технологии. Однако использование проективных вопросов с описанием гипотетической ситуации может способствовать всестороннему изучению технологий и явлений, которые еще только начинают входить в повседневную жизнь социума.

Поиски дополнительных методологических приемов для повышения качества измерения развития современного российского общества, в том числе в векторе цифровизации и новейших технологий четвертой промышленной революции – обязательная часть современной социологии и повышения профессионализма социологов.

О. А. Якимова

Факторы динамики отношения к иностранным мигрантам в России

Якимова
Ольга Александровна

Кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: yakimova.ola@gmail.com

Аннотация. В последние десятилетия ксенофобски ориентированные движения становятся влиятельными политическими силами повсеместно, включая развитые демократические страны. Разработка эффективной политики, направленной на предупреждение и преодоление ксенофобии, требует ясного понимания детерминирующих ее динамику факторов, которые в настоящее время являются предметом дискуссии среди исследователей социальных процессов. Данное исследование вносит вклад в решение этой фундаментальной задачи, поскольку преследует цель выявления и оценки роли факторов (экономических, демографических, политических), влияющих на изменение степени распространенности ксенофобии по отношению к иностранным мигрантам в России – стране, являющейся одним из мировых центров миграционного притяжения, в контексте развитых западных стран, используя методы факторного и регрессионного анализа и данные WVS и EVS с 1989 по 2018 гг.

Актуальность исследования

В течение последних десятилетий в развитых демократических странах наблюдается тенденция, заключающаяся в превращении праворадикальных, ксенофобски ориентированных движений во влиятельные политические силы (Bilodeau A., Fadol N., 2011) (Inglehart R., Norris P., 2017) (Rydgren J.). Результаты распространения ксенофобии обычно крайне негативны: она ведет к межгрупповым конфликтам, дискриминации по этническому и религиозному признаку, отрицательно влияет на международный имидж государства и в итоге, может вести к ухудшению не только социально-политической, но и экономической ситуации в обществе (Rydgren J., 2014). Разработка эффективной политики, направленной на предупреждение и преодоление ксенофобии, требует ясного понимания провоцирующих ее факторов. Несмотря на значительное количество кросс-национальных исследований, посвященных взаимодействию местного населения и мигрантов, факторы *динамики* ксенофобских настроений продолжают оставаться предметом дискуссий среди исследователей социальных процессов. Мое исследование вносит вклад в решение этой фундаментальной задачи, поскольку способствует выявлению и оценке роли факторов (экономических, демографических, политических), влияющих на рост или уменьшение степени распространенности ксенофобии по отношению к иностранным мигрантам

на примере России – страны, которая в настоящее время является одним из мировых центров миграционного притяжения, в контексте других, принимающих мигрантов западных стран.

Анализ литературы

В самом общем приближении понятие «ксенофобия» интерпретируется как чрезмерный страх и неприятие «другого»/ «чужого». В контексте моего исследования в качестве «другого» выступают иностранные мигранты, типы страхов по отношению к которым обычно подразделяются исследователями на личностные, политические, страхи культурного изменения, страхи нелояльности иностранных мигрантов и, наконец, страхи утраты местным населением своей национальной идентичности (Van der Veer K., Ommundsen R., Yakusko O., Higler L., 2011). Обусловленное этими страхами восприятие иностранцев как представителей «внешней»/ «чужой» группы оказывает значимое влияние на формирование ксенофобского отношения к ним.

Большинство исследователей согласны с тем, что отношение людей к иноэтничным мигрантам зависит от присутствия либо отсутствия иностранцев в их непосредственном окружении. В этом контексте ксенофобия рассматривается как проявление в межгрупповом взаимодействии напряжения, порождаемого мультикультурным обществом. Близость «других» может вызывать у местного населения ощущение беспокойства, вызванного тем, что «другие» несут угрозу их экономическому благополучию и/или доминирующему культурно детерминированному образу жизни и ценностям (Wimmer A., 2007).

Объяснение негативного отношения к иностранным мигрантам через восприятие их как экономической и/или культурной угрозы характерно для теории угроз, которая исходит из двух важных предпосылок: во-первых, доступ к ресурсам внутри общества ограничен («ресурсный стресс») и, во-вторых, в обществе должна присутствовать группа/или группы меньшинств, которые этнически отличны от большинства и, следовательно, визуально заметны, но в то же время, их представители обладают схожими с группой большинства качествами и, поэтому способны конкурировать с местным населением за ограниченные ресурсы. Согласно Г. Блумеру, ключевым фактором в этом контексте является размер этнически отличной группы. Однако, М. Хьерм и К. Нагаеши (Hjerm M., Nagayoshi K., 2011) доказывают, что размер группы меньшинства сам по себе не провоцирует негативного отношения к мигрантам, а действительно важным фактором является композиция группы меньшинства с точки зрения ее культурного происхождения и религиозной принадлежности.

Второй важной причиной, обуславливающей формирование ксенофобских настроений, является восприятие принимающим сообществом иммигрантов как экономической угрозы. Существует много исследований, демонстрирующих наличие отрицательной корреляции между уровнем ВВП страны и распространением в ней ксенофобии. Восприятие иммигрантов как

экономической угрозы характерно для групп, конкурирующих с мигрантами за те или иные (ограниченные) социально-экономические ресурсы. В таком случае «ресурсный стресс» и видимость «внешней» группы ведут к формированию у этой части местного населения установки на групповое соперничество, обычно воспринимаемое в терминах «игры с нулевой суммой», а также актуализируют поведенческие стратегии, направленные на устранение конкурирующей группы или, по крайней мере, ограничение ее возможностей (Esses V. M., Dovidio J. F., Jackson L. M., Armstrong T. L., 2001).

Однако не только иммигранты, но и национальное государство как таковое может вносить вклад в формирование ксенофобии по отношению к приезжим (Wimmer A., 2007). С позиции теории национализма сама идея национального государства предполагает четкое групповое деление на «мы» и «они». Наличие «общей судьбы» помещает людей в отношения солидарности, благодаря которым они обладают определенными коллективными благами, как, например, право политического участия и социальной поддержки государства. Убежденность в том, что государство с его территорией и культурой принадлежит нации, обуславливает возникновение националистического самосознания и способствует развитию националистической идеологии и ксенофобского мировоззрения.

Роль национального государства в формировании у местных жителей ксенофобии по отношению к иностранным мигрантам анализируется в исследованиях национальной идентичности и гордости. Одно из наиболее известных определений национальной идентичности принадлежит Э. Смитсу, предложившему ставшее уже традиционным для социальных исследований деление идентичности на два типа: 1) гражданская национальная идентичность и 2) этническая национальная идентичность (Hjerm M., 1998). Идеи Э. Смита были развиты М. Хьермом, предложившим два дополнительных типа национальной идентичности: 3) множественная национальная идентичность и 4) плюралистическая национальная идентичность. М. Хьерм (Hjerm M., 1998) утверждает, что конструирование этнической национальной идентичности или множественной национальной идентичности повышает риск присутствия у индивида ксенофобских ориентаций, тогда как гражданская или плюралистическая национальная идентичность уменьшает этот риск. То же самое относится и к национальной гордости, которую М. Хьерм делит на политическую (гражданское измерение) и национально-культурную (этническое измерение). Политическое измерение национальной гордости имеет отрицательную корреляцию с ксенофобией, а национально-культурное – позитивно коррелирует с ней.

Таким образом, в исследованиях национальной идентичности и гордости в рамках теории национализма и теории социальной идентичности ксенофобия трактуется как следствие национальной идентичности, имеющей этническую природу, а также ярко выраженной национальной гордости.

Наконец, еще один вариант объяснения ксенофобии, который можно выделить в современных исследованиях, – это интерпретация ее как проявления определенных ценностных ориентаций. Используя данные проекта «Евробарометр», Ч.-Х. Леонг и К. Ворд (Leong C.-H., Ward C., 2006),

сопоставили топологии культурных ценностей С. Шварца и Г. Хофстеде с отношениями людей к иммигрантам и мультикультурализму, и выделили культурные ценности, влияющие на формирование ксенофобских ориентаций. К ним относятся: избегание неопределенности, дистанция власти, контроль и маскулинность.

Для того, чтобы объяснить рост поддержки авторитарных, националистически ориентированных политических партий и распространение ксенофобских настроений, полезной оказывается динамическая теория эволюции ценностей, которая утверждает, что если процесс социализации индивидов осуществляется в условиях экзистенциальной безопасности, то в последующем они склонны придерживаться постматериалистических ценностей, делающих людей открытыми к изменениям и толерантными по отношению к «внешним» группам. Наоборот, если человек формируется в условиях экзистенциальной незащищенности, он/она скорее будет придерживаться материалистических ценностей, обуславливающих авторитарное и ксенофобское мировоззрение, сильную внутригрупповую солидарность и неприятие «других» (Inglehart, R., 1990). Развивая теорию эволюции ценностей, Р. Инглхарт и К. Вельцель (Inglehart R. & Welzel C., 2005) доказали, что высокий уровень экзистенциальной безопасности в период становления личности ведет к межпоколенческому сдвигу в сторону ценностей самовыражения и толерантности. Это означает, что в каждый момент времени более молодое поколение является более постматериалистическим (а следовательно, толерантным) по своим ценностным ориентациям, нежели предшествующее ему старшее поколение.

Мировой кризис 2008 г. и последующая большая рецессия обусловили достаточно резкий экономический спад и ощутимый рост безработицы, приведшие к распространению состояния экзистенциальной незащищенности и, соответственно, росту ксенофобии. В странах, принимающих большие потоки иностранных мигрантов, рост ощущения экзистенциальной незащищенности у граждан привел к антимигрантским выступлениям. В государствах со значительной долей мусульман среди мигрантов эффект их негативного восприятия был усилен реакцией населения на сообщения СМИ, касающиеся исламского терроризма или исламской нетолерантности к гендерному равенству и прочим ценностям, значимым для западной цивилизации.

Подводя итог, отметим, что рассмотренные теория угроз, национализма, социальной идентичности, ценностей и их эволюции, а также упомянутая в контексте роли СМИ теория формирования повестки дня, предлагают широкое объяснение причин ксенофобии по отношению к мигрантам, а также дают некоторые ответы на вопросы о механизмах формирования ксенофобских ориентаций и факторах, влияющих на их динамику. Тем не менее, как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской литературе практически отсутствуют исследования, которые на основе комплексной оценки всего спектра факторов ксенофобии выделяют те из них, которые в большей и меньшей степени влияют именно на *динамику* ксенофобских настроений.

Методология и методы

Мое исследование предполагает анализ силы влияния каждого из факторов ксенофобии на ее динамику в России, а также, сравнение динамики антимигрантских настроений в России, странах Европы и некоторых других западных странах, принимающих в последние десятилетия большое число иностранных мигрантов и имеющих при этом преимущественно европейское местное население (Великобритания, США, Канада, Австралия).

В качестве базы данных я буду использовать данные проекта всемирного и европейского исследования ценностей (WVS, EVS) с 1989 по 2018 гг. Я планирую использование двух зависимых переменных в исследовании: 1) ксенофобское отношение к иностранным мигрантам; 2) динамика ксенофобских/или толерантных отношений (в меняющемся проценте от более ранних к более поздним волнам. Независимые переменные будут подразделены на два уровня: во-первых, относящиеся к контекстуальному уровню (ВВП, экономический рост, уровень безработицы, размер миграционных потоков, процент мигрантов из мусульманских стран) и, во-вторых, к личностному уровню (переменные, измеряющие субъективное ощущение экономической и социальной безопасности, групповую идентификацию и пр.)

На первом этапе анализа предполагается описание динамики ксенофобских/толерантных отношений к иностранным мигрантам в России на протяжении последних тридцати лет, а также сравнение полученных результатов с аналогичной динамикой в европейских и англоязычных странах (Великобритания, США, Канада, Австралия). Затем планируется сконцентрировать внимание на России и сначала осуществить регрессионный анализ с использованием в качестве предикторов индикаторов индивидуального уровня, а затем многоуровневый регрессионный анализ с использованием средних значений предикторов индивидуального уровня и переменных странового уровня.

Предварительные результаты

Для начала я решила выяснить, действительно ли в нашей стране на протяжении последних десятилетий происходит рост ксенофобских настроений по отношению к иностранным мигрантам или такой тенденции не наблюдается. Для анализа динамики ксенофобских и толерантных настроений по отношению к иностранным мигрантам была сконструирована вторичная переменная на основе комбинации вариантов ответов двух переменных из опросника всемирного исследования ценностей (WVS), которые измеряют отношение респондентов к иностранным мигрантам: 1) «Я бы не хотел иметь иностранного мигранта в качестве своего соседа» и 2) «В периоды экономических трудностей, переживаемых государством, работодатели должны при приеме на работу отдавать предпочтение гражданам своей страны, а не иностранным мигрантам». Два утвердительных ответа (согласия с данными высказываниями) позволяют отнести респондента к группе ксенофобски настроенных по отношению к иностранным мигрантам граждан, а два

отрицательных (т. е. два несогласия) – к группе толерантно настроенных. При комбинации отрицательного и положительного ответов респондент идентифицируется как относящийся к «смешанному» типу.

Анализ распределения данных по вторичной переменной «ксенофобское/толерантное отношение к иностранным мигрантам» в России с 1989 по 2012 г. демонстрирует рост граждан, негативно относящихся к иностранным мигрантам с 9% в конце 80-х годов прошлого века до 25% к концу первой декады третьего тысячелетия (+16%) и, наоборот, уменьшение группы тех, кто абсолютно толерантен к приезжим из-за рубежа с 29% до 7% за двадцать лет (-22%). При этом размер «смешанной» группы остается достаточно стабильным: 62% в 1989 г. и 68% – в 2012 г.

Абсолютно такую же тенденцию можно отметить в Великобритании, где группа ксенофобски настроенных по отношению к иностранным мигрантам граждан на протяжении последних двадцати лет росла (с 9% до 14%), группа толерантно воспринимающих их сокращалась (с 40% до 23%), смешанная же группа оставалась относительно стабильной (51% в 1989 г. и 63% в 2009 г.).

Если сравнить Россию с бывшими советскими республиками, а ныне Европейскими прибалтийскими государствами, то аналогичную нашей стране тенденцию роста негативно относящегося к иностранным мигрантам населения можно наблюдать в Эстонии (+15%) и Литве (+12%), в Латвии число подобных граждан сократилось (-12%), однако одновременно сократилось и число позитивно воспринимающих приезжих (-5%).

Этот краткий описательный анализ показывает, что, во-первых, ксенофобские/толерантные настроения по отношению к иностранным мигрантам динамичны и отличаются друг от друга даже в странах, близких по географическому положению и экономическому развитию и, во-вторых, эти настроения довольно изменчивы. Ответ на вопрос, почему это происходит, требует более детального и глубокого анализа причин изменения негативных/позитивных отношений общества к мигрантам. Данный анализ предполагается осуществить до конца 2019 г.

Литература

Bilodeau, A., Fadol, N. The Roots of Contemporary Attitudes toward Immigration in Australia: Contextual and Individual-Level Influences // *Ethnic and racial studies*, 2011. № 34(6). P. 088–1109.

Esses, V. M., Dovidio, J. F., Jackson, L. M., Armstrong, T. L. The Immigration Dilemma: The Role of Perceived Group Competition, Ethnic Prejudice, and National Identity // *Journal of Social Issues*. 2001. № 57(3). С. 389–412.

Hjerm, M., Nagayoshi, K. The Composition of the Minority Population as a Threat: Can Real Economic and Cultural Threats Explain Xenophobia? // *International Sociology*. 2011. № 26(6), С. 815–843.

Hjerm, M. National Identities, National Pride and Xenophobia: A Comparison of Four Western Countries // *Acta Sociologica*. 1998. № 41(4), P. 335–347.

Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton University Press. 1990.

Inglehart, R., Norris, P. Trump and the Xenophobic Populist Parties: The Silent Revolution in Reverse // Perspectives on Politics. 2017. 15(2). P. 443–454.

Inglehart, R. & Welzel, C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. Cambridge University Press. 2005.

Leong, C.-H., Ward, C. Cultural Values and Attitudes toward Immigrants and Multiculturalism: The Case of the Eurobarometer Survey on Racism and Xenophobia // International Journal of Intercultural Relations, 2006. № 30, P. 799–810.

Rydgren, J. The Logic of Xenophobia // Rationality and Society. 2014. № 16(2), P. 123–148.

Rydgren, J. Immigration Sceptics, Xenophobes or Racists? Radical Right-Wing Voting in Six West European Countries // European Journal of Political Research. № 47, P. 737–765.

Van der Veer, K., Ommundsen, R., Yakusko, O., Higler, L. Cross-National Measure of Fear-Based Xenophobia: Development of a Cumulative Scale // Psychological Reports, 2011. № 109(1). P. 27–42.

Wimmer, A. Explaining Racism and Xenophobia. A critical review of current research approaches // Ethnic and Racial Studies. 2007. № 20(1), P. 17–41.

О. Н. Яницкий

Переходный период: вызовы и риски

**Яницкий
Олег Николаевич**

Доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Аннотация. Дается определение этого периода и необходимого теоретического аппарата. РФ предстоит тройная трансформация способа производства: преодоление его ресурсно-ориентированного типа, реновация индустриального потенциала и переход на цифру, основанные на развитии отечественных наук и социальной практики. Переходный период будет отмечен дальнейшей гибридизацией знания, политических решений и социального действия. Анализируется феномен социального метаболизма, приводящий к возникновению новых социальных субъектов и среды их обитания. Ускорение времени, трансформация институциональной и социально-профессиональной структуры общества, изменения типа личности, возрастание роли общественно-научных исследований – основные черты переходного периода. В заключении приводится перечень основных направлений социологических исследований, необходимых для быстрого и относительно безболезненного перехода РФ к информационному обществу.

Используемый понятийный аппарат: четвертая научно-техническая революция (далее НТР-4) как главная движущая сила перехода к информационному обществу; глобализация как всеохватывающий и всепроникающий процесс, основанный на информационных технологиях; наука как основной драйвер перехода к информационному обществу; технократизм как идеология и политика, отдающие предпочтение естественным и техническим наукам в ущерб социальным и гуманитарным; социальное время как основной фактор переходного периода и его успеха; опасности – это предполагаемые или реальные вызовы существующему общественному устройству, тогда как риски – это возможные (и калькулируемые) потери в результате несвоевременной реакции на опасности. Среда обитания в «двух лицах»: как таковая и как «коллективный» социальный агент. Наконец, мобильность всего и вся как качество общества, основанного на информационном производстве и новейших технологиях.

Суть переходного периода: формирование нового способа производства и образа жизни, иные «социальные трансформации» здесь одновременно первичны и вторичны. *России предстоит тройная трансформация способа производства:* преодоление ресурсно-ориентированного его типа, реновация существующего индустриального потенциала и переход к НТР-4, основанной на информационном производстве. Это означает смену архетипа общественного производства, от экзогенного, то есть основанного на внешних заимствованиях, к эндогенному, базирующемуся на развитии собственного творческого и научно-технического потенциала.

Далее, это риск институциональной неопределенности, когда существующие социальные институты уже не работают, а новые находятся лишь в процессе их проектирования или тестирования. Затем, как согласовывать глобальные тренды с местными условиями и потребностями? Одновременно, возникает обратная связь, когда среда обитания, превращаясь в одного или нескольких агентов, «предъявляет счет» человеку. В результате возникают хаос, аварии и катастрофы. Сегодня мы живем в обществе «побочных эффектов» уже произошедших событий, аварий и катастроф, а наша задача предупреждать их, минимизировать риски, для чего необходимо развивать прогностику как комплексную отрасль знания.

Гибридизация и метаболизм суть императивы любого переходного процесса. Пока эффект гибридизации оценен и разрабатывается только военными специалистами. Между тем, гибридизация в той или иной форме присуща всем природным, социальным и инженерным проектам на всей земле, так как она есть одновременно инструмент конкуренции и взаимопомощи между социальными и другими сущностями. Сегодня инженерный конструкт всегда есть результат многосторонней гибридизации. Любые военные действия и их социальные последствия носят гибридный характер. Гибридизация есть необходимая предпосылка создания любых социально-инженерных инноваций.

Гибридизация есть одновременно предпосылка и результат *метаболических процессов*, происходящих в природе, обществе и гибридных объектах. Без метаболических процессов, в основе которых лежат сложные физико-химические трансформации, невозможно существование природы и общества, в особенности гибридных сущностей, которые я называю социобиотехническими системами. Наконец, существует и *социальный метаболизм*, когда взаимодействие нескольких социальных субъектов приводит к возникновению нового социального субъекта или, напротив, к их взаимному разрушению и уничтожению, как, например, в результате глобальной ядерной войны или распространения смертельного вируса.

Помимо социогенных опасностей существуют природные катаклизмы. Сложность их купирования состоит в том, что они, как правило, носят каскадный характер, особенно когда разрушение некоторого инженерно-технического сооружения (плотины, дамбы) влечет за собой разрушение множества других природных, инженерно-технических и социальных систем. Наконец, всякое общество есть системный объект, имеющий свои законы развития, основанные на тех же принципах гибридизации и метаболизма. Поэтому, с моей точки зрения, не только в России, но и во всем мире идут процессы концентрации в больших городах, агломерациях, что дает ощутимый экономический и социальный эффект. А малые города и поселения городского типа постепенно разрушаются и умирают.

Об опасности технократической идеологии. В России, как и во всем мире, продолжает господствовать технократический подход. Начиная со времен Первой технической модернизации, предпринятой в России Петром I, эта линия развития производства и общества продолжается, несмотря на неоднократные попытки ученых развивать системную концепцию модернизации. Так было в годы Первой мировой войны, сталинской

индустриализации и коллективизации, так и продолжается сегодня, когда главным драйвером социального прогресса считается «техно-наука». За исключением сферы производства новейшей военной техники и еще некоторых других, этот технократический тренд продолжается и сегодня.

В результате возникает множественный риск. В условиях ужесточения западных санкций мы рискуем лишиться поставок необходимых нам западных капиталов и технологий. Далее, закупая технологические «дженерики» за рубежом, мы рискуем получить товар далеко не первого сорта. Затем, наиболее развитые российские специалисты все быстрее «утекают» в США и ЕС. Наконец, вся социальная инфраструктура страны и созданная ею среда обитания населения (города и поселки городского типа, дороги, сети инженерной и иной коммуникации) все более отстает от потребностей НТР-4.

Технократизм как идеология и практика имеет множественные социальные последствия: разрушение семьи и соседства, замедление научного производства; бюрократический технократизм тормозит развитие междисциплинарного подхода и науки в целом. Рамки творческого мышления постоянно сужаются, возникает коллажный тип массового сознания.

Время – важнейший фактор переходного периода. Происходящее сегодня в мире непрерывное ускорение и уплотнение (сжатие) времени развития новых инженерных и социальных технологий есть важнейшее условие выживания как человека мыслящего, так и любых человеческих общностей. Дело здесь не просто в непрерывном ускорении нашей жизни, а в необходимости постоянно его согласовывать с темпо-ритмами большой «социальной машины», именуемой общественной жизнью.

Однако как показал опыт многочисленных «перестроек» российского общества, они в лучшем случае замедляют, а в худшем просто останавливают его развитие. Поэтому сегодня наши политики и ученые оказываются между Сциллой и Харибдой: необходимо одновременное всемерное ускорение «перехода» к информационному обществу, но без утери таких его ключевых качеств, как национальное самосознание, национальная культура, способность к творчеству, а также способности ускоренной передачи все социальных потенций человека «умным машинам» и их системам. К сожалению, бездумное насаждение у нас в годы перестройки западной модели либерализма и, в особенности, модели «потребительского общества» привели часть нашего общества к тому, что целью жизни и социального успеха стало обогащение всеми доступными средствами, тогда как в условиях переходного общества необходимы, напротив, концентрация и мобилизация всех сил.

Переход к НТР-4 означает формирование новой социально-функциональной структуры общества. Россия сегодня включена в процессы глобализации, что в той или иной мере влияет на структурно-функциональную организацию нашего общества. Однако сам процесс глобализации не стоит на месте, он тоже развивается, не только в аспекте ее все более глубокого проникновения в социальную ткань любого общества, но и в плане трансформации глобализации из стихийного процесса в социально-конструируемый. Примером второго может служить трансграничный проект «Один Пояс—Один Путь».

В общем и целом современная социальная структура нашего общества в преддверии перехода к НТР-4 мне представляется следующей: большой бизнес, включая шоу-бизнес, властные структуры, технократы (идеологи и изобретатели), бюрократическая технократия, «бюджетники», а также – «лишние люди» или, по З. Бауману, «человеческие отходы». Одновременно должна происходить смена способа производства и управления: от *экзогенного*, основанного на внешних заимствованиях, на *эндогенное*, основанное на принципах само-порождения и само-изменения.

Непременным условием успешного «переходного периода» России к НТР-4 является возвращение науке ее основополагающих функций. Сегодня наука превратилась в инструмент обслуживания конкретных задач экономики и политики, поэтому ей необходимо вернуть социальный статус независимого социального института и всемерно развивать функцию комплексного анализа динамики социобиотехносферы. Наука должна развиваться как инструмент междисциплинарного анализа процессов перехода к информационному обществу, т. е. к НТР-4. Необходимо сохранять и всемерно развивать научную коммуникацию между различными научными школами и группами во всех субъектах России.

Российская наука должна развиваться как всеохватывающая сеть индивидов, групп и институций, работающих над созданием новой картины мира, связывающей прошлое, настоящее и будущее. Ее неотъемлемой частью должны быть общественно-научные исследования, то есть нужны формы сотрудничества ученых, педагогов и гражданских активистов, между которыми не должно быть непреходимой грани. Вся история человечества зиждется на догадках, прозрениях, построении гипотез и постоянном накоплении эмпирического материала. Только соединенными усилиями научного и гражданского обществ можно добиться новых, часто неожиданных результатов. Я не призываю к возврату к идеалам «меритократии». Напротив, я выступаю за максимальное вовлечение всего населения планеты в общий процесс познания ее прошлого, настоящего и будущего. Но для этого необходимы мир без войн, насилия и бедности. Если наш мир един, то и изучать его надо объединенными усилиями. Те, кто хочет переселиться на другие планеты, пусть переселяется, а нам, землянам, надо постараться сохранить нашу планету для всех оставшихся здесь, в том числе, для наших детей и внуков.

О роли индивида. НТР-4 генерирует множественные изменения в типе личности, его ценностных ориентациях и жизненном укладе. Благодаря владению доступом к Интернету социализация ребенка не только начинается гораздо раньше, но и протекает уже не только и не столько в семье и школе, но в *глобальном сетевом пространстве*. Поэтому классно-урочная система среднего образования подростку становится неинтересной. Ребенок и взрослый с самого начала сознательной жизни живет сразу в двух пространствах: материальном и виртуальном. Их последующая трудовая жизнь есть мобильный, дистанционный или вахтовый труд, порождающий риски утери их социальных и этно-конфессиональных корней. Траектория жизни молодежи зависят от «новой» социальной структуры общества: или «встраива-

ние» в нее или эмиграция. В обществе власти денег и семейных и клановых связей индивид должен выбирать или карьеру, приносящую доход, или же – борьбу за сохранение себя как «человека разумного и деятельного».

Актуальные задачи российской социологии сегодня мне видятся следующими:

1. Исследование социальных последствий перехода к НТР-4, включая выявление его опасностей и рисков.
2. Изучение институциональных и пространственных трансформаций современной глобализации, включая Россию.
3. Развития взаимодействия социологии с другими науками, новые методы мониторинга.
4. Преодоление технократической ориентации и «служебной» роли социологии, необходимость ее гуманистического поворота.
5. Развитие междисциплинарных исследований в сфере социологии и геополитики.
6. Развитие общественно-научных исследований.
7. Изучение процессов трансформации семьи и брака, а также ранней социализации детей и подростков. Перестройка системы образования.
8. Изучение социальной структуры информационного общества и ее динамики.
9. Время, пространство и социальная экология переходного периода.
10. Реанимация социального прогнозирования, развитие методов геополитического прогнозирования и проектирования.
11. Сохранение национального, конфессионального и культурного разнообразия России и планеты как императив сохранения человечества.

Mirosława Grabowska

Transformations of the Polish Political Scene After 1989. From Post-communist Cleavage to Class Cleavage?

**Mirosława
Grabowska**

Professor , General Director, Centre for Public Opinion Research of Poland, Poland.

E-mail: miroslawagrabowska@poczta.onet.pl

What forces shape the political scene and party systems in post-communist countries? My first answer was: the post-communist cleavage (understood – after Lipset and Rokkan – as a division generated by the fall of communism at the level of social structure and social attitudes, values and identities and institutions i.e. political parties representing social groups). The cleavage defines two sides: the post-communist side and the side of anti- or non-communist opposition (in Poland – the post-communist Democratic Left Alliance and «Solidarity» and post-solidarity parties, respectively). Empirical analyses have proved that this was the case in Poland (and in Hungary). However the cleavage should be long-lasting. Meanwhile it seems that in Poland the post-communist cleavage has been weakening. What happened during the 2001–05 parliamentary term and after the parliamentary election of 2005? I will try to answer this question.

Tamás Pál

Re-Configuration of the Path/Dependency Controversy in the New Russian Discourse of Geostrategies (Does a Sort of Post-Jadovism Exist in the Russian Futuristic Thinking?)

**Tamás
Pál**

Professor, Hungarian Academy of sciences, Hungary.

E-mail: Tamas.Pal@tk.mta.hu

In the early 1990s a fundamental scenario of Russian strategic thinking was the immediate change of political visions, foreign, and military policies of the nation. The major idea was a broad cultural westernization, integration of national traditions into a globalist vision, introductions of liberal values, stabilization of alternative views of the intelligentsia in the foreign policy thinking.

In a shorter period of time important elements in this frames were declared, well-established elite groups were welcoming those programs, but in the same time their realization became over-complicated. Their introduction generated problems on two levels. On the first level the problems were related to understandings of the national history. On the second level interpretations of the Cold War had pragmatic dimensions – a sort of foreign policy revanchism on the Russian side developed as important dimension in thinking of the strategic elites.

In this period the hiddenness was important element of the strategic thinking. The complication became tabooed in the elite discourse. Everybody understood that more time and other complexities were necessary to process the cognitive frames of the new interpretations. But the collapse of Westernization in the mid1990s made the path dependency as way of explanation out of fashion. In the 1990s for Yadov and his followers the path dependency was a language of hidden conservatives, but in the 2000s it became an easy and open presentation of demonstrated and open national values. If in the 1990s that line was not self-evident, however 10 years later nobody questioned it as a major ideology, without any structural debate.

Post-Soviets' now in the respect can be interpreted between convergence and divergence of the existing order.

Our approach originally closely related to the work of Latin American economists – the structuralisms'. This view has been characterized by forms of income inequality and technological change as well as by a critical view of

the concept of comparative advantage. Structuralists consider development as path-related process, which tends to delineate groups of countries according to their structural features and development trajectories. The uneven distribution of technological capabilities will be essential for understanding the emergence of the core-periphery duality in the first place.

From a methodological perspective, the actual trends here are mixtures of academic papers and texts that will be from a formal point of view similar to movie scripts.

Here we use concepts as border studies, ethnic partitioning and public goods provision, conflict processing, elite cohesion, transition options, centrality of the President's persona and pragmatic corridors of decision.

Instead of historical trajectories here, future national scenarios are becoming more central. Discontinuities, mitigation of the risks and critical indicators will be the central instruments of this study.

Tadeusz Szawiel

Populism and the Populist Right Parties Voter: Who and Why Votes for Populist Right Parties in Poland and EU Countries

**Tadeusz
Szawiel**

Professor, Institute of Sociology, University of Warsaw, Poland.

E-mail: szawiel@uw.edu.pl

The paper will follow up three problems: elucidation of the “populism” concept (H. Kitschelt – 2002; P. C. Schmitter – 2006; Bertelsmann Foundation Report – 2018), the social characteristics of voters who identify themselves as „far-right” and vote for radical right (populist) parties. Thirdly, the factors that are conducive (or are good predictors) to voting for radical right populist parties in distinction to all others. Beginning with H. Kitschelt’s (1995, 2007) and P. Norris’ (2005, 2019) seminal works we know that social bases, i.e. changes in social structure and economy are not sufficient conditions for the appearance and stability of populist right parties. The analyses in this paper will concentrate on 5 types of factors. By designing different models of logistic regression, the papers shows to what degree 1) social and demographic factors, 2) attitudes toward immigration, 3) attitudes toward EU, 4) satisfaction with institutional performance, and 5) ideological factors, contribute to casting a vote for populist right parties. The analysis will include 11 Western European democracies (Austria, Sweden Finland, Norway, Netherland, Denmark, Belgium, United Kingdom, France, Switzerland, and Italy) and 2 Central European countries (Hungary and Poland).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

3

**Социология и идеология:
снятая дилемма
или новые вызовы?
Столкновение методологии
с этикой?**

Руководители секции: Черныш М. Ф.

Ученый секретарь: Мاستикова Н. С.

Р. Н. Абрамов

Рождение и эволюция индустрии влияния в России, начиная с 1990-х гг.: идеологии «пиара» вместо коммунизма¹

**Абрамов
Роман Николаевич**

Доктор социологических наук, доцент,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: sociportal@andex.ru

Аннотация. В докладе пойдет речь об эволюции российской индустрии влияния (в первую очередь это коммерческий и политический PR), которая сыграла существенную роль в трансформациях российской социологии в целом, и прежде всего в изменениях в области прикладных и практически ориентированных исследований для целей бизнеса и политики. В докладе будет показано как менялась эта индустрия, как формировались соответствующие профессиональные идеологии и как она была связана с топилом социологии.

Ключевые слова: индустрия влияния, PR, девяностые, профессии, связи с общественностью, политическое консультирование, профессионализация.

Внутри профессионального сообщества индустрии влияния с конца 1990-х гг. было сделано несколько попыток систематизации становления рынка PR-услуг и соответствующей профессиональной группы в России. Наиболее известные периодизации осуществлены В. Моисеевой (Моисеева, 1997), М. Шишкиной (Шишкина, 2002), Л. Азаровой, Д. Шишкиным (Азарова, Шишкина, 1998) еще в первое десятилетие истории отрасли. Предложенные систематизации интересны взглядом на историю отрасли участниками событий, а также попытками увязать экономические, организационные, политические и культурные аспекты становления PR в России (Шилина, 2011). Если обобщать эти исторические систематизации, то первое десятилетие отрасли (1990–2001 гг.) разбивается на три этапа: «доинституциональный» (1989–1991 гг.) – складывались первые элементы коммерческой и профессиональной инфраструктуры; «активной институционализации» (1992–1997) – отрасль обрела ключевые составляющие профессиональной инфраструктуры и перешла от разрозненного экспериментирования к индустриализированным технологиям

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 19-01-029) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

работы; (1998–2002) – «институциональная зрелость» – в целом сложился рынок PR-услуг, а также профессиональная инфраструктура, включая образование, сообщество и систему коммуникаций. Конечно, эта периодизация нуждается в продолжении, с учетом дальнейшего развития отрасли и профессиональной инфраструктуры.

Заслуживает внимания недавняя работа О. Матвейчева (Матвейчев, 2018), посвященная периодизации становления рынка политического консультирования в России. Отталкиваясь от опыта более ранних периодизаций, О. Матвейчев выделяет семь этапов «становления отечественного политтехнологического рынка» – от времени «политического энтузиазма» (1985–1993 гг.) до периода нового «оживления рынка политтехнологий» (2012–2017 гг.) и каждый этап насыщается описанием не только становления профессиональной инфраструктуры, но и сопутствующего контекста, в том числе особенностей работы политических консультантов в регионах.

Первые признаки коммерческого и политического PR как практики, востребованной соответствующими институциональными акторами, можно обнаружить в конце 1980-х гг. вместе с либерализацией политической жизни и зарождением российского бизнеса. Формально первая политическая партия, альтернативная КПСС была зарегистрирована в декабре 1989-го г. – это была ЛДПР (лидер В. Жириновский), но зарождение публичной политической конкуренции началось ранее – вместе с первыми неформальными политическими клубами и выборами народных депутатов СССР на Съезд народных депутатов. Уже тогда появились образцы политической агитации и конкуренции за внимание общественности. Конечно, в этот период (1988–1989 гг.) не было профессионализованного политического консалтинга, но практики влияния на прессу и широкую аудиторию соответствовали практикам политического PR.

В 1991-м году появляются первые признаки развития профессионального проекта (М. Ларсон) в сфере связей с общественностью – организуется РАСО (Российская ассоциация по связям с общественностью), первым президентом которой стал профессор МГИМО Александр Борисов.

«Александр Борисов на факультете международной журналистики в МГИМО организовал отделение по связям с общественностью. Это был чистое отделение PR. Он двигался от международной деятельности. Он имел доступ к зарубежной литературе, к людям. И первый выпуск людей, которые осваивали эту специализацию, это был выпуск 1991 года. Кто был в этом выпуске? Владимир Мединский, министр культуры сейчас, Михайлов Сергей – генеральный директор ИТАР-ТАСС и Михайлов и Партнеры, Михаил Маслов – директор агентства Маслов, Сокур и Партнеры. Они реально сами поехали за рубеж и привезли с собой стопы книг, по которым учились, американские в первую очередь» (руководитель PR агентства).

В 1992-м году в Москве провел серию семинаров «Связи с общественностью в рыночной экономике» британский теоретик PR Сэм Блек, и это было только одним из событий, отражавших активный трансфер знаний и технологий PR и влияния из западных стран в Россию.

Между 1991-м и 1996-м гг. создаются и начинают активно работать частные агентства по оказанию услуг в области PR, рекламы, маркетинга и бизнес-коммуникаций – Р.И.М.(1993), Николло-М (1989), Imageland Group (1990), «Старая площадь» (1993), «Михайлов и партнеры» (1995), Фонд эффективной политики (1995), Международный пресс-клуб (1996) и др. На первых этапах своей работы у многих агентств нет выраженной специализации и только к середине 1990-х гг. происходит разделение на агентства, тяготеющие к политическому консалтингу, обслуживанию коммерческого сектора или рекламной деятельности.

В период между 1990–1996-м гг. на российский рынок приходят транснациональные компании, работающие в секторе потребительских товаров, одежды и продуктов питания. Они открывают свои подразделения в России, развивают торговлю и производство, инвестируют в рекламу и PR для повышения узнавания их брендов. Это дает импульс коммерческому сектору отрасли влияния, запуская рынок рекламы и бизнес-коммуникаций. Также зарубежные стандарты и технологии влияния осваиваются российскими специалистами, происходит институциональный изоморфизм российской профессиональной сферы PR и рекламы. Юридическая институционализация рекламной и частично PR деятельности происходит вместе с принятием первого в России «Закона о рекламе» в июне 1995-го г. В период между 1992-м и 1996-м гг. компания «Видео Интернешнл Пресс» начинает доминировать на рынке телевизионной рекламы на главных российских телеканалах.

«Когда у нас стали открываться эти представительства у иностранных компаний, «*Procter&Gamble*», чай «*Lipton*», «*Brooke Bond*», порошок «*Tide*» «Ингосстрах» у нас был на обслуживании тогда, шины «Матадор», «Тампрах», «*Head&Shoulders*» и еще что-то делали для них, даже конкурс красоты» (специалист по PR).

Активному росту политического консалтинга («политического PR») способствовала длительная и высококонкурентная избирательная компания 1995–1996 гг., когда прошли выборы в российский парламент (декабрь 1995 года) и состоялись выборы президента (июль 1996 года). Предвыборная кампания строилась на противостоянии «коммунистов», опиравшихся на значительную часть населения, разочарованного в рыночных реформах, приведших к безработице и инфляции и «либералов» («ельцинистов»), полагавших переход к рыночной экономике болезненным, но необходимым процессом, но самое главное, опасавшихся возвращения советского режима вместе с победой КПРФ. Эта избирательная кампания сопровождалась чередой медийных и коррупционных скандалов и до сих пор нуждается в дополнительном исследовании. Важным в ней является широкое использование всего арсенала инструментов влияния, которые применяются в ходе электоральной борьбы в западных странах и, прежде всего, в США. Командой Ельцина были мобилизованы основные федеральные медиа, собраны силы социологов, рекламистов и политических консультантов, которые были брошены на поддержку Бориса Ельцина. Итогом стала победа Ельцина во втором туре выборов, профессиональное

и институциональное созревание политического PR и консалтинга в России и сложные моральные дилеммы у многих журналистов, PR специалистов и рекламистов, связанные с участием в «грязной» предвыборной кампании.

«Самый интересный для меня период — кампания Ельцина в 1996-м году. Известно, как все демократические СМИ поддерживали Бориса Николаевича, работали, «голосуя сердцем», против Зюганова. А Гусинский, который финансировал «Общую газету» в том числе, сказал: пусть газета делает что хочет, ему совершенно все равно. И я оказалась в совершенно удивительной ситуации. Как демократическая журналистка, я совершенно не хотела, чтобы Зюганов приходил к власти, но занялась при этом разоблачением кампании Бориса Николаевича. А, надо сказать, что злоупотреблений, будем называть вещи своими именами, было очень много. Например, каждое утро по «Эху Москвы» шла реклама: «Звоните на телефон доверия президента Ельцина». И давался телефон. Интересно, думаю, что за «телефон доверия»? Решила позвонить, а дальше размотала цепочку абсолютно фиктивного «телефона доверия». И таких историй было очень много. Никто из коллег не трогал тему злоупотреблений, которые происходили у Бориса Николаевича» (Елена Дикун, журналист).

Наше исследование показывает, что другая сторона — КПРФ проиграла команде Ельцина, поскольку полагалась на «старые» советские технологии пропаганды, общее недовольство населения реформами и негативный рейтинг Ельцина перед началом выборной гонки. Как итог — технологичные методы влияния западного PR победили «агитпроп» советского типа. Многие из тех, кто был мобилизован на временной основе в команды политических консультантов, избирательные штабы и аналитические группы кандидатов в президенты и депутатов Госдумы, остались в отрасли влияния, либо переходя от одного избирательного проекта к другому, либо переквалифицировавшись в журналистов, начинающих политиков или специалистов по маркетингу и рекламе.

«Я сделал аналитическое предложение — как развивать избирательную кампанию Зюганова. Значит, связываемся с ней, она говорит: «Чикин одобрил. Смотрели аналитики КПРФ (аналитический отдел КПРФ). Несмотря на то, что мы находимся в конкурентных отношениях, они тоже одобрили, но там, в политбюро, какие-то старики...Они отклонили». Я в гостинице жил, там одна обслуживающая женщина, я говорю: «А Вы в первом туре за кого голосовали?». Она говорит: «За Зюганова, да, я за коммунистов». Перед вторым туром я спрашиваю: «Вы за кого будете голосовать?». Она говорит уже с сомнением: «Наверно, за Зюганова». На следующий день после выборов я проснулся, встречаю и говорю: «За кого Вы голосовали?». А она так глаза опустила: «За Ельцина». Я говорю: «А почему?». Она: «Я испугалась, вдруг, правда будет хуже, если Зюганов придет. Все же говорят, что будет хуже». Ну вот, я придерживаюсь точки зрения, что все-таки мощная рекламная кампания, промывание мозгов сработало. Один человек — это, конечно, никак не показатель, и один избирательный участок тоже, но перевернуться ситуация в рамках одного участка никак не могла». (политический консультант).

Важным фактором, серьезно повлиявшим на политическую систему и рынок политического консалтинга и PR, стала отмена выборности глав регионов в России в конце 2004-го года и переход к назначению губернаторов из центра. Владимир Путин выступил с этой инициативой после террористического акта в Бесланской школе, когда погибло много детей. Назначение глав регионов из Москвы сократило большой сегмент заказов для политических консультантов, социологов, рекламистов и специалистов по PR.

«Внутренний серьезный удар по этому рынку наносится 2004–2005-м годом – отмена губернаторских выборов, когда часть людей уходит из профессии, там чувствуя, что куда-то сферы какие-то меняются, часть людей уходит в какие-то большие компании, корпорации, не знаю, та же «Единая Россия» там по нулевым будет создавать подразделения, состоящие из технологов, вот люди уходят на зарплату со всеми плюсами и минусами жизни на зарплате» (политический консультант).

Ежегодно выборы губернаторов проходили в 10–15 регионах, обычно это были конкурентные выборы, когда за голоса избирателей конкурировали несколько претендентов. За лидирующими конкурентами часто стояли серьезные лоббистские силы из числа заинтересованного регионального бизнеса и политических элит. Поэтому на организацию и PR-поддержку избирательной кампании кандидатов-лидеров тратились значительные средства. Обычной практикой было приглашение опытных политических консультантов и PR-специалистов из Москвы. К 2004-му году сложилась подгруппа профессионалов в области политического PR, которые мигрировали от одних региональных выборов к другим, работая по найму в качестве сотрудников избирательных штабов и политических консультантов. После 2004-го года у них почти исчез рынок заказов, так решения о назначении глав регионов стали прерогативой центральной власти, и вся борьба происходила «под ковром» в формате лоббистских интриг.

Новым ударом по политическому консалтингу стал переход от смешанной (партийно-мажоритарной) к пропорциональной системе (партийной) системе выборов в Государственную думу в период избирательной кампании 2007-го года. Соответствующий закон был принят в 2005 году и отменил существовавшую с 1993 года мажоритарно-пропорциональную систему, по которой половина состава депутатов Государственной думы избиралась по одномандатным округам. Мажоритарная система предполагала открытую политическую конкуренцию и борьбу за голоса избирателей с помощью средств PR и влияния на общественное мнение. Конечно, статус депутата Государственной думы был ниже статуса главы губернатора, но многие представители бизнеса и административных элит в регионах стремились начать свою политическую карьеру в Москве именно с позиции депутата Госдумы. Они имели средства для найма московских команд PR-специалистов и политических консультантов, что развивало рынок политического консалтинга не только в период активной предвыборной гонки, но и в периоды затишья, поскольку какие-то депутаты по тем или иным причинам покидали депутатские кресла и требовались довыборы.

«Рынок политического консультирования умер в момент, когда отменили выборы губернаторов и депутатов парламента по мажоритарным округам. Его нету в такой мере, потому что губернаторы в значительной части — *это* не свободные выборы, это административный ресурс, это давление Путина, это назначения Путина. А поскольку система авторитарная, в авторитарной системе влияние иерарха, вождя, оно максимально. Плюс административный ресурс, плюс у них деньги. И, в общем, деньги расходуются менее эффективно, но поскольку их много и плюс административный ресурс, то выборы в значительной части» (политический консультант).

В целом, к 2008-му году «агентский сегмент» отрасли влияния PR в политическом и коммерческом секторе вполне сложился – крупные игроки («Имиджеленд», «Михайлов и партнеры», «Николло М», «РИМ», «Группа ИМА» и др.) стали определять профессиональное и рыночное пространство этой части индустрии влияния. Владельцы этих компаний также активно присутствовали в образовательном поле и содействовали институционализации сообщества через развитие системы профессиональных конкурсов и премий, организацию профессиональных ассоциаций и союзов, публикации в профессиональных медиа. Иными словами, преимущественно московская «тусовка» PR-агентств, сложившаяся в 1990-е гг. до настоящего времени все еще определяет пространство этого сегмента. Некоторые информанты при этом отмечали, что ситуация начинает меняться из-за технологической революции, связанной с переходом широкополосный интернет в носимых устройствах (планшеты, смартфоны) и распространением социальных сети и мессенджеры.

Литература

Азарова Л. В., Шишкин Д. П. Потенциальная потребность в специалистах по связям с общественностью / Человек в контексте культуры. СПб: СПбГУ. 1998. С. 100–110.

Матвейчев О. А. Этапы становления и развития рынка политических технологий в России и его перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 82–99.

Моисеева В. Развитие российского рынка связей с общественностью // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. 1997. № 5. С. 7.

Шилина М. Г. Генезис российских связей с общественностью: актуальные аспекты // Медиаскоп. 2011. № 2. С. 5–25.

Шишкина М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Изд-во «Паллада-медиа» и СЗРЦ «РУСИЧ». 2002.

А. В. Гавриков

Роль партийной идеологии в системе партстроительства в период постсоветской трансформации

**Гавриков
Андрей Валерьевич**

Магистр социологических наук, аспирант,
ГНУ Институт социологии НАН, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: gavrikov.1990@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль партийной идеологии в партийном строительстве. Показывается тенденция деидеологизации политических партий, а также роли идеологии в создании этого общественно-политического института. Автором рассматриваются как положительные, так и отрицательные значения в идеологии в партстроительстве в постсоветский период политических трансформаций.

Ключевые слова: Партийная идеология, партийное строительство, политическая трансформация, политическая партия, политическая идеология, политический режим, политическое лавирование, партийные идеологи.

Одним из аспектов становления гражданского общества современного типа являются социально-политические институты, среди которых важное место занимают политические партии как аккумулирующие и систематизирующие политическую активность электората. Политические партии обладают рядом признаков, которые отличают их от других политических институтов. Одним из таких признаков является – партийная идеология. В истории политического партстроительства были моменты, когда партийные лидеры пытались проводить партийное строительство без идеологических основ (начало 90-х.) уделяя больше внимание целевым программным установкам, а не идеологии как главного императива.

В процессе распада социалистической системы и назревании кризисной ситуации в постсоветских странах, с утратой ряда ценностей прежней политической культуры Беларусь вступила на путь импорта достижений развитых стран демократии. И это нашло отражение в деидеологизации правительств и появление иных не марксистско-ленинских политических идеологиях.

Термин партийная идеология имеет множество определений, но нам наиболее оптимальной представляется данное политтехнологами Е. Малкиным и Е. Сучковым.

«Партийная идеология – это некий присущий партии системообразующий фактор, соотносимый со стереотипами массового сознания, который побуждает социально активных граждан присоединиться к партии и участвовать в ее деятельности; в первую очередь оказывать партии помощь во время выборов» (Малкин, Сучков, 2006: 323).

В истории есть примеры, когда партийная идеология может стать государственной (чаще всего в тоталитарной политической системе) КПСС (СССР) или НСДАП (Германия).

Ключевым для строительства партийной идеологии является положительный образ партии в сознании электората. Идеология партий не придумывает, что ни будь новое, а опираясь на стереотип массового сознания электората выстраивает свою партийную идеологию и это является самым важным этапом партийного строительства станет партия фаворитом политической жизни страны или ее аутсайдером.

К 1990 г. в республиках СССР ярко выделилось два идеологических направления коммунистическое и антикоммунистическое, партии проводили свое партстроительство именно на этих принципах, либо пытались вообще отказаться от идеологии. На практике партийные идеологи начала 1990х. проводили идеологию неолиберализма, неоцентризма и неоконсерватизма, которые в постсоветских политических реалиях выглядели довольно искусственно и имели скромную поддержку электората, что практически разделило электорат на коммунистический и антикоммунистический.

Партийные идеологии постсоветских стран характеризуются тем, что в западноевропейских странах идеология политических партий имели гораздо больший период своего развития. Для партийных идеологий западных стран с 50-х характерна всеохватность целевой ориентации на электорат. Одним из признаков таких партий был обозначен отказ от четкой идеологической приверженности, прагматическая идейная платформа была направлена на все социальные слои общества.

Как заметил русско-немецкий философ Роман Редлих «Партия без хотя бы самой минимальной общности взглядов перестает быть партией. В ней неизбежен разрыв между деидеологизированными руководителями, видящими в ней лишь орудие для политической карьеры, избирателями, и рядовыми членами, ожидающими четкой идейной ориентации и верности целям, даже если они практически недостижимы. Этот разрыв можно наблюдать не только в социалистических и христианско-демократических, но и в либеральных и в консервативных партиях, и, расширяясь, он грозит не только уменьшением числа активных членов, но потерей избирателей, голосующих не только за симпатичного им политика или за несколько предвыборных обещаний, но и за определенную политическую программу, выражающую верность ясно выраженной идее (Редлих, 1991).

Как заметили: Г. Шеин и А. Протасова важным фактором в партстроительстве является положительный образ партии.

«Положительный образ партии – это то, что побуждает избирателя голосовать за нее во время выборов. Он, в отличие от идеологии, является синтезирующим в период выборов. Идеология более постоянна, она побуждает гражданина присоединиться к партии и участвовать в ее работе. Идеология, следовательно, дает гораздо более мощную мотивацию, чем это обычно делает положительный образ» (Малкин, Сучков, 2006: 324).

Американский исследователь Энтони Даунс утверждал, что роль партийной идеологии в партстроительстве не велика «Политики стремятся к властным постам не ради того. Чтобы проводить определенный курс; их

единственная цель – пожать плоды пребывания у власти. Идеология не имеет значения она лишь средство для победы на выборах» (Макаренко, 2015: 33).

Однако середина 2000-х во многом для партстроительства России охарактеризовалось существенной деидеологизацией. По мнению исследователей С. Будкова, В. Сенцова, А. Туртягина «За достаточно короткий период после падения советской политической системы, идеологическая борьба между политическими партиями заменилась спокойным существованием идеологических противоречий в рамках одной политической силы, что, на наш взгляд, объясняется наличием консолидированных элит» (Будков., Сенцов, Трунтягин, 2015: 1003).

Политические позиции раскрывают системообразующую идею через отношение партии к актуальным для страны проблемам. Следует отметить, что в политической позиции допустима определенная гибкость: в зависимости от ситуации партия может ее менять, причем иногда на прямо противоположную. Недопустима лишь одна вещь: позиция, разрушающая системообразующую идею. Весьма опасна и рыхлая, неоднозначная позиция: она ставит под удар момент силы. Партия предстает перед своими сторонниками неуверенной, боящейся сказать то, что она на самом деле думает. Программа – один из основных агитационных документов, который позволяет сторонникам партии отождествить себя с ней.

Таким образом, отрыв современной партии от идеологии не может быть таким же большим как в период становления партий. В конечном счете, политическая идеализация (возвышение роли партий над политическими реалиями) партий является неотъемлемой мерой политической борьбы, что подтверждается слабостью политических партий, которые пренебрегают партийной идеологией.

Литература

Будков С. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А. Политическая идеология и партийное доминирование: российский случай // Молодой ученый. 2015. – № 10. – С. 1002–1005.

Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии / Малкин Е. Сучков Е: М. изд-во. «Институт избирательных технологий», 2006г.– 529 с.

Макаренко Б. И. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б. И. Макаренко и др.; под рук. Б. И. Макаренко. – М.: изд-во «РОСПЭН», 2015г. –303с.

Редлих Р. Сборник «Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси». 1991 г. [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.posev.ru/files/articles/5.htm> (дата доступа: 01.04.2019).

В. И. Ильин

Модели социальной мобильности выпускников социологических факультетов (на примере СПбГУ)

Ильин

Владимир Иванович

Доктор социологических наук,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Аннотация. Факультеты социологии находятся в противоречивой ситуации: с одной стороны, их учебные программы предусматривают подготовку профессиональных социологов, с другой стороны, за незначительным исключением выпускники факультетов трудоустраиваются вне поля социологии. Это противоречие может быть разрешено двояким образом: либо количество студентов факультетов социологии приводится в соответствии с рыночным спросом на эту профессию, либо университетская программа изучения социологии адаптируется к реальным потребностям выпускников. Первый путь чреват маргинализацией социологии и превращением ее в экзотическую науку, доступную лишь очень узкому кругу. Более перспективным является второй путь.

Ключевые слова: Социология, факультеты социологии, выпускники, трудоустройство, рынок труда.

Современная российская социология стоит перед лицом очередного кризиса, связанного с неопределенностью ее места в обществе. С одной стороны, теоретически понятно, что обществу необходима наука об обществе. С другой стороны, конкретный вопрос «Где работают социологи?», часто задаваемый абитуриентами и студентами, ставит преподавателей в непростую ситуацию.

Факультеты социологии находятся в противоречивой ситуации. С одной стороны, их учебные программы предусматривают подготовку профессиональных социологов и насыщены информацией, которая нигде за пределами социологической науки не востребована. Факультеты готовят социологов. С другой стороны, за незначительным исключением выпускники факультетов трудоустраиваются вне поля социологии. Целью данного исследования является выявление основных моделей социальной мобильности выпускников факультета социологии СПбГУ. Тезис о том, что выпускники других факультетов находятся в аналогичной ситуации, может иметь статус обоснованной гипотезы.

Эмпирическую базу данного исследования составили глубинные биографические интервью с выпускниками факультета социологии СПбГУ. В их центре находится траектория на рынке труда, осмысливаемая через призму вопроса о роли в ней социологического образования. Выборка имеет

теоретический характер, т. е. сконструирована с целью выявления типов профессиональных траекторий обладателей дипломов социологов. Речь идет именно об обладателях дипломов, а не о социологах, т. к. последним является лишь тот, кто на рынке труда работает как социолог.

Как показывает наше исследование, профессиональные траектории обладателей дипломов социологического факультета СПбГУ можно разбить на два большие группы: траектории в поле социологии и вне его. При этом первая группа представляет собой путь, выбираемый лишь немногими. Социологическое образование формирует у выпускников интеллектуальный и культурный фундамент, позволяющий им следовать траекториями социального серфинга, переходя из одной профессиональной сферы в другую, но при этом редко заходя в поле социологии.

Траектории в поле социологии

Социология в первую очередь является наукой. В отличие от многих других наук она не породила заметного массового прикладного фундамента. Поле социологии включает в себя два уровня: научный и прикладной.

1. Рабочие места на научном уровне представлены должностями преподавателей социологии в университетах города и научных сотрудников Социологического института. Такие должности, как правило, требуют наличия ученой степени. Должность ассистента без степени настолько низко оплачиваема, что приемлема лишь как способ закрепиться в вузе до завершения диссертации. Она не выдерживает конкуренции с работой в иных сферах, где сразу же можно стать полноценным работником. В силу этого для выпускников факультета позиции в сфере науки практически закрыты. Путь к ним характеризуется парадоксальными особенностями.

Во-первых, он долгий (через аспирантуру и защиту диссертации) и трудный. При этом путь к степени кандидата постоянно усложняется. Большинство аспирантов факультета не доходят до получения искомой степени. Их материальное положение не позволяет получить образование без помощи родителей или совмещения с работой, что делает проблематичной перспективу проведения серьезного диссертационного исследования.

Во-вторых, в конце долгого и трудного пути предлагается цель сомнительной материальной привлекательности: зарплата преподавателя со степенью уступает оплате труда даже начинающих работников без высшего образования в коммерческом секторе или на государственной службе. В итоге желающих идти по этому пути немного. Это закономерно порождает тенденцию к негативному отбору: лучшие студенты редко идут в аспирантуру в силу высоких затрат на достижение малопривлекательных целей. Учеба в аспирантуре, которая в советское время рассматривалась как исключительно престижная траектория, в настоящее время превратилась в путь, привлекающий лишь немногих. Мотивация заметной части аспирантов имеет отдаленное отношение к науке (уход от призыва в армию, получение дополнительного времени для закрепления в Санкт-Петербурге и т. п.). Учеба в аспирантуре превратилась в роскошь, не поддающуюся

рационализации в экономических терминах. Чтобы быть полноценным аспирантом, надо иметь за спиной состоятельную семью, которая готова длительное время содержать будущего социолога. При этом потребность в преподавателях социологии снижается в результате манипуляций менеджмента с учебной нагрузкой и удаления социологии из списка дисциплин, выбираемых непрофильными факультетами. Таким образом, перспективы трудоустройства в сфере науки даже после защиты диссертации низкие. В результате на вопрос «Что мне даст защита диссертации?» преподаватели часто не в состоянии дать ответ, обладающий мотивационной силой. Это также является причиной отсева аспирантов.

2. Прикладная социология в нашей стране традиционно была представлена должностью заводского социолога. В поздний советский период это была массовая часть социологического сообщества. Для занятия такой должности достаточно иметь диплом специалиста. Однако сейчас заводской социолог превращается в вымирающую группу. Большинство предприятий, имевших их, отказались от проведения у себя социологических исследований. Таким образом, происходит возврат в эпоху, предшествующую возрождению социологии. Социология оказалась айсбергом, имеющим только вершину, что чревато катастрофическими для науки последствиями.

Траектории вне поля социологии

Это достаточно широкий спектр рабочих мест, где требуются работники, обладающие общей культурной компетенцией (умеют общаться, грамотно писать, добывать и анализировать информацию, обучаемы, умеют работать на компьютере и т. д.). На такие рабочие места набирают людей с высшим образованием, характер которого не конкретизируется. Из собственно социологического образования косвенно востребованы только отдельные навыки (например, умение проводить качественные интервью превращается в фундамент навыков делового общения).

Вот сферы, где чаще всего встречаются выпускники факультета социологии СПбГУ.

1. Изучение общественного мнения и рынка. Журналисты, политики и чиновники чаще всего именно эту сферу понимают под социологией, хотя в реальности ею занимается только узкий круг аналитиков. В основном это работа, связанная со сбором и статистическим упорядочиванием данных и имеющая прямое отношение в первую очередь к социальной статистике и маркетингу, а не к науке.

В Санкт-Петербурге такая ниша есть, однако в очень ограниченном масштабе. Проекты российского масштаба выполняются в основном московскими фирмами. В силу этого желающие работать в этой нише мигрируют в столицу. На этом рынке востребованы практические навыки организации и проведения опросов, статистической обработки данных. Однако назвать рейтинги доверия политикам или брендам социологией можно, лишь ставя это слово в кавычки.

2. Подбор кадров и работа с ними. Присутствие выпускников с дипломами факультета социологии в этой нише заметно. Однако эта работа не имеет прямого отношения к социологии. Здесь востребовано не социологическое образование, а общекультурные навыки работы с людьми, получаемые как побочный продукт социологического образования.

3. Реклама и пиар. Немало выпускников факультета социологии занимает такие должности. Здесь также востребованы общекультурные навыки, являющиеся скорее продуктами общего высшего образования и знания, почерпнутые из отдельных курсов.

4. Госслужба. В этой сфере востребованы общекультурные компетенции. Социологическое образование оказывается полезным, давая чиновникам кругозор, позволяющий более глубоко осмысливать информацию. Однако такая широта плохо вписывается в логику бюрократической организации и вряд ли способствует карьере.

5. Бизнес (преимущественно малый). Здесь востребованы только общекультурные компетенции и навыки, позволяющие понимать поведение людей, общаться, организовать бизнес-коммуникации. Среди выпускников факультета встречаются успешные средние и даже крупные предприниматели (например, создатель сети “Теремок”). Большинство же выпускников, ушедших в эту сферу, — это малые предприниматели и самозанятые. В силу преобладания на факультете девушек особенно популярны услуги в индустрии красоты. Опять собственно социологическое образование здесь не востребовано, но полезны общекультурные компетенции, позволяющие понимать потребительские тренды, налаживать коммуникации с клиентами.

6. Менеджеры по продажам, банковские и офисные работники. Потребности их деятельности далеки от программы социологического факультета. Востребованными оказываются общекультурные компетенции: умение общаться с людьми, осваивать компьютерные программы и т. д.

7. Администраторы и менеджеры в самых разных сферах, помимо бизнеса. Здесь также востребованы только общекультурные компетенции.

Такой дисбаланс в пространстве самореализации выпускников факультета социологии чреват огромной угрозой для судьбы социологии как профессии. Он дает основание “эффективным менеджерам” ставить вопрос о невостребованности социологов со всеми вытекающими отсюда выводами относительно масштабов социологического образования.

Где выход?

Он, видимо, в том, чтобы адаптировать социологическое образование не к крайне ограниченным потребностям науки, а к реальному спросу на рынке труда. При этом подготовка к работе в сфере именно социологии может быть сконцентрирована на специальных магистерских программах с жестким отбором кандидатов, уже имеющих бакалаврское образование

близкое этому профилю. На уровне же бакалаврских программ целесообразно изучение не собственно социологии, а фундаментальных социальных дисциплин и методов сбора и анализа социальных данных.

Необходима также разработка модели практического социолога, работающего по своей специальности за пределами науки (как это сделано психологами). Если социологи не сделают это сами, то это за них сделают “эффективные менеджеры”, главным принципом которых является сокращение расходов. Пока же поведение социологов напоминает логику поведения гордой аристократии перед лицом наступающего капитализма. «Вишневый сад» А. Чехова невольно всплывает в памяти как метафора, описывающая современное состояние социологии.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке РФФИ (грант №17-33-00063-ОГН «Механизмы воспроизводства и флексибилизации индивидуальной жизненной колеи российской молодежи в контексте «жесткой» и «текучей» современности»).

А. В. Пацула, Р. В. Ленков

Бразильская модель запрета гуманитарных наук (Bossa Nova вместо Вольтера)

**Пацула
Андрей Валерьевич**

Доктор социологических наук, кандидат философских наук,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия.

E-mail: pacula2002@bk.ru

**Ленков
Роман Викторович**

Кандидат экономических наук, доцент, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: r_lenkov@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ содержания и функций бразильской модели запрета гуманитарных наук, сформированной и осуществляемой правительством Ж. Болсонару. Аргументируется вывод о разрушительном и бесперспективном характере ее реализации для экономической, социальной, политической и духовной сфер жизни бразильского общества.

Ключевые слова: модель, гуманитарные науки, высшее образование, развитие, внешнее управление.

В июне 2019 г. президент Бразилии Ж. Болсонару, осуществивший *праволиберальный* разворот во внутренней и внешней политике страны, официально заявил о прекращении государственного финансирования гуманитарных наук и их преподавания в высших учебных заведениях (Князев, 2019). Первыми под запрет попали философия и социология, которые Болсонару назвал *бесполезными* и призвал бразильские университеты сосредоточиться на образовательных направлениях, дающих «*моментальную отдачу*» – в частности на *инженерии* и *ветеринарии* (Князев, 2019).

Ж. Болсонару, избранный президентом Бразилии в октябре 2018 г., известен крайне правыми, националистическими и консервативными заявлениями. Он является сторонником военной диктатуры и массовых репрессий, выступает за правовую легализацию и применение пыток в отношении политзаключенных, дискриминацию женщин, афроамериканцев, представителей ЛГБТ-сообщества, экологистов, коммунистов и социалистов. Идеалом для подражания Болсонару выбрал популистскую модель политической деятельности президента США Д. Трампа.

Охлаждение отношений с Россией, Китаем, Кубой, Венесуэлой и рядом других независимых государств, отказывающихся следовать в фарватере воинственного и гегемонистского курса Вашингтона, Болсонару

сделал приоритетом в национальной внешней политике, начав переговоры о вступлении Бразилии в НАТО. Во внутренней политике страны бразильский президент (при поддержке МВФ) инициировал радикальные неolibеральные реформы в налоговой, пенсионной, образовательной и правовой сферах, запланировал разрешение на вырубку и передачу под аграрные нужды амазонских лесов.

В настоящее время самый жесткий и сокрушительный удар Болсонару наносит по системе высшего образования Бразилии, реализуя секвестр финансирования государственных университетов на 600 млн евро. Это происходит в стране, где 8,7% населения (почти 18 млн человек) являются полностью безграмотными, то есть не умеют читать, писать и считать, не знают алфавит. Важно учитывать, что согласно бразильскому законодательству, если мужчина или женщина способны написать свое имя, то они уже не попадают в категорию полностью безграмотных. 27% граждан Бразилии старше 15 лет (55,6 млн человек) могут прочитать простой текст, но затрудняются понять его содержание, то есть являются функционально неграмотными (Образование в Бразилии, 2019).

У многих бразильских семей отсутствует мотивация к обеспечению образованием детей и подростков. Все большее число родителей хотят, чтобы дети как можно скорее начинали работать и приносить доход домохозяйству. Как закономерный результат – в Бразилии более трех миллионов детей и подростков работают, не достигнув трудоспособного возраста, разрешенного законом. Нередко, уже в возрасте 11–12 лет, в попытке как-то выжить, такие дети попадают в структуру организованных криминальных групп, стремительно увеличивая насильственную и имущественную преступность в стране.

В настоящее время, несмотря на предпринимаемые властями меры по предотвращению и снижению уголовных преступлений, из 50 самых криминализированных городов мира 17 городов расположены на территории Бразилии; в 2019 г. уровень преступности по сравнению с 2017 г. десятикратно вырос в центральных и северных провинциях страны (Muggah, 2019).

Обучение в государственных вузах Бразилии является бесплатным для всех без исключения, включая иностранцев. Успешные студенты получают стипендию от государства. Желающие учиться в вузе должны сдать вступительный денежный взнос, эквивалентный 85 долларам США, а также пройти вступительный экзамен, который в каждом вузе определяется его руководством самостоятельно. Перед сдачей указанного экзамена абитуриенты имеют право выбрать три факультета. Самый большой конкурс на протяжении последних десятилетий – на медицинские, юридические и строительные специальности.

Но в вузы поступить очень трудно, так как фильтр в виде вступительного экзамена отличается повышенной сложностью. Поэтому родители вынуждены годами оплачивать интенсивные коммерческие курсы для подготовки юношей и девушек к поступлению в вузы.

В Бразилии после четырех лет бакалавриата (*graduação*) следуют два года магистратуры (*mestrado*), следующие три года выделяются на написание и защиту кандидатской диссертации (*doutorado*), после которой сле-

дует неограниченное по времени пост-докторское (*pys-doutorado*) обучение. Хорошей мотивацией к академической карьере является заработная плата. Ее минимальная планка у вузовского преподавателя сегодня эквивалентна 200 тыс. руб. (Образование в Бразилии, 2019).

В связи с вышесказанным зададимся вопросом: почему первый и самый сокрушительный удар Ж. Болсонару наносит по философии и социологии?

- *Во-первых*, потому что эти науки, учат мыслить, думать, размышлять, анализировать, подвергать сомнению и критике сложившуюся реальность;

- *во-вторых*, они вызывают любовь к классическим гуманитарным книгам – фундаментальным источникам знаний о природе человека, общества и мышления; прививают вербальный иммунитет от невежества и интеллектуальной слепоты, глухоты и апатии, разобщенности и пассивности (Пацула, 2019);

- *в-третьих*, философия и социология будят творческие способности людей, воспитывают свободомыслие, формируют гражданский патриотизм, помогают не отождествлять Родину и «ваше превосходительство», а также учат конструктивному взаимодействию с большими и малыми группами людей из разных классов, социальных групп и слоев общества.

Болсонару и все те, кто стоят за ним осведомлены о том, что представители политической элиты, осуществляющие руководство и государственное управление в США, вот уже на протяжении более 240 лет рекрутируются преимущественно из семей, где молодым людям предоставлена благоприятная возможность получить высшее гуманитарное образование.

О том, что это не досужий вымысел, свидетельствуют собранные нами исторические факты. Так, из 45 президентов США – 11 не имели высшего образования (Дж. Вашингтон, Э. Джексон, М. Ван Бюрен, У. Г. Гаррисон, З. Тейлор, М. Филлмор, А. Линкольн, Э. Джонсон, Г. Кливленд, У. Мак-Кинли, Г. Трумэн); 3 – имели высшее военное и инженерное образование (У. Грант, Д. Эйзенхауэр, Дж. Картер); 1 – высшее естественнонаучное образование (Г. Гувер). Остальные, включая действующего президента Д. Трампа, получили высшее гуманитарное образование в сфере юриспруденции, истории, философии, политологии, социологии, экономики и бизнеса.

Заявление Ж. Болсонару о том, что бразильское правительство больше не будет выделять средства на изучение философии, социологии и других гуманитарных дисциплин в университетах – это путь, направленный на насильственное отстранение миллионов людей от активного участия в общественной и политической жизни страны. Это путь к тому, чтобы перевести Бразилию во внешнее управление, когда анализ, прогноз и планирование экономических, социальных, политических и культурных процессов в обществе (Леньков, 2014) будет передано мозговым центрам, фабрикам мысли и СМИ из США. По словам экспертов: «Они очень хорошо справляются с этой работой, а когда встречают сопротивление, становятся беспощадны» (Перкинс, 2005).

Таким образом, с нашей точки зрения, управлять народом при помощи bossa nova, а не Вольтера – дело внешне привлекательное и удобное, но по существу – разрушительное и бесперспективное, поскольку ведет к утрате политического суверенитета Бразилии, подрыву гуманитарных и социальных основ самобытной духовной культуры большой страны с населением, превышающим 216 млн человек (Население Бразилии, 2019), входящей с июня 2006 г. в группу БРИКС, являющейся восьмой экономикой мира по валовому внутреннему продукту по паритету покупательной способности.

Литература

Князев С. Кому мешают наука и образование? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.stoletie.ru/politika/komu_meshajut_nauka_i_obrazovaniye_829.htm (дата обращения: 08.07.2019).

Леньков Р. В. Социальное прогнозирование и проектирование: учеб. пособие, 2-е, испр. и доп. изд. М.: ИНФРА-М, 2014.

Население Бразилии // Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: Отдел народонаселения [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://countrysimeters.info/ru/Brazil> (дата обращения: 07.07.2019).

Образование в Бразилии [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://brasil.ru/articles/education> (дата обращения: 05.07.2019).

Пацула А. В., Зырянова О. В. Феноменология воспитания: классические направления и современный дискурс // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2019. № 13. С. 136–138.

Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы / Пер. с англ. М.: Издательский дом: ООО «Претекст», 2005.

Muggah R. Brazil's Murder Rate Finally Fell – and by a Lot. Bolsonaro will claim credit for the good news, but his policies may erase the country's hard-won gains [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://foreignpolicy.com/2019/04/22/brazils-murder-rate-finally-fell-and-by-a-lot/> (дата обращения: 08.07.2019).

А. Я. Сарна

Социология и идеология техники: три версии будущего

Сарна
Александр Янисович

Кандидат философских наук, Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь.

E-mail: alsar.05@mail.ru

Аннотация. В докладе предпринимается попытка выявления и сравнительного анализа ключевых идеологических концепций современности с позиции их значимости для развития социологии техники. В такой перспективе ретрофутуризм представляет собой взгляд из прошлого в будущее, ставшее актуальным настоящим, акселерационизм ориентирован на прорыв из настоящего в будущее, а техномистицизм пытается представить будущее как новую версию прошлого.

Ключевые слова: социология техники, идеология, моделирование будущего, ретрофутуризм, акселерационизм, техномистицизм.

В современной социологии техники концептуальной основой представлений о возможном развитии общества является критическое переосмысление роли научно-технической революции и прогресса в целом. Понятия НТР и НТП рассматриваются как идеологические конструкты, которые базируются на доминанте «технократического разума», т. е. дискурсивных практик, формирующих мировоззренческие приоритеты и ориентиры при выборе сценариев социального развития. Инженерно-техническая модель прогресса выступает в роли идеологической утопии, которая в современных условиях замещает архаический миф о «золотом веке» в прошлом, помещая его в отдаленное, но вполне достижимое (по мнению его адептов) будущее. Альтернативой такого понимания технологии как идеологии являются сценарии катастрофического развития событий в случае исключения гуманитарного фактора из рассматриваемой перспективы.

Однако, как нам представляется, многообразие возможных вариантов развития человечества не может сводиться только к двум полярным точкам зрения – позитивной и негативной. Чтобы выявить реальную сложность возможностей концептуализации и сравнительного анализа моделей будущего, необходимо сопоставить модальности восприятия таких категорий, как «сущее» и «должное», «возможное» и «невозможное», «идеальное» и «реальное» с тремя ключевыми модусами темпоральности, представленными в классической триаде «прошлое – настоящее – будущее». И тогда возникают три возможных варианта, три версии будущего в рамках современной идеологии техники – ретрофутуризм, представляющий взгляд из прошлого в будущее, ставшее актуальным

настоящим, акселерационизм, ориентированный на прорыв из настоящего в будущее, и техномистицизм, в котором будущее предстает как новая версия прошлого. Рассмотрим их более подробно.

Ретрофутуризм можно обозначить как совокупность представлений о будущем развитии человеческой цивилизации, выразившихся в возможности создания различных концепций, гипотез и научных исследований на основе знаний и достижений, которые считаются актуальными, достоверными и действенными для осмысления грядущего на момент их реализации, но воспринимаются как архаичные в ретроспективной оценке. Подобные попытки создания образов будущего предпринимались постоянно, начиная с религиозной эсхатологии (учения о «конце света») в восточных (индуизм, буддизм, джайнизм, иудаизм, ислам) и западных (христианство) традициях, домарксистской философии истории с ее концепциями прогресса, регресса и цикличного развития общества, а также социальных утопий от Платона и Лао Цзы до Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Марксистская идеология претендовала на научное обоснование своих социально-экономических идей, но также разделила участь утопических проектов, воплотившихся в виде «научного коммунизма» и «диалектического материализма».

С появлением во второй половине XIX в. ранней футурологии возникает жанр «размышлений о будущем», представленный работами Г. Уэллса, К. Циолковского, Ф. Джиббса, Э. Говарда, Дж. Голдейна, А. Лоу и др. В них образ будущего развития человечества складывается не на основе мировоззренческих спекуляций или абстрактных размышлений, предсказаний и пророчеств, но становится предметом научного исследования, которое направлено не на изучение прошлого или наблюдаемых в данный момент явлений и процессов, а их перспектив. Такой подход особенно характерен для В. А. Базарова-Руднева, Дж. Бернала, Н. Винера и Р. Юнгка, с именами которых связывают появление научной прогностики – проведения исследований для получения знаний о вероятном/возможном состоянии общества или его различных сфер в будущем (Бестужев-Лада, 2000).

С середины 1950-х гг. группа американских ученых из RAND Corporation и других исследовательских центров США выявляют основные тренды и перспективы ожидаемого состояния социума в Америке и во всем мире на основе технологии научного прогнозирования. Она включает в себя экстраполяцию в будущее тенденций, закономерности развития которых уже хорошо известны, прогнозные сценарии, позволяющие формулировать и сравнивать друг с другом вероятностные или желательные перспективы изменений, а также коллективный опрос экспертов в разных сферах с дальнейшим обобщением их мнений и оценок. Французские исследователи во главе с Б. де Жувенелем и Ж. Фурастье смогли показать неизбежное возникновение «эффекта Эдипа» как самореализации или нейтрализации прогноза по мере его осуществления, что делает бессмысленными попытки предсказаний и требует проблемно-целевого подхода для оценки возможных последствий намеченных решений и повышения их эффективности.

После появления получивших всемирную известность работ Ф. Полака, Дж. МакГейла, О. Флехтгейма, И. Галтунга, Г. Кана, Д. Белла, А. Тоффлера, Д. Медоуза, Дж. Найсбита и др. сформировались целые отрасли современной футурологии, которые берут за основу идею НТР в постиндустриальную

эпоху и работают с инструментами научного прогноза, что позволяет сделать шаг от глобального прогнозирования к выстраиванию сценариев альтернативного развития нашей цивилизации (Иноземцев, 1999). К сожалению, большинство таких сценариев не учитывает «эффект Эдипа» и в той или иной степени попадает в ловушку собственных представлений о будущем, сформированных на основе прошлого опыта. Тщетные попытки конкретизировать изображения грядущих перемен и предстоящих событий, нарисовать четкий образ будущего неизбежно приводят к созданию очередной утопии/антиутопии, поскольку «картина грядущего» постоянно складывается из элементов прошлого и настоящего, подкрашенных фантазией ее создателя (Гуревич, 1988). Так возникают яркие футуристические образы в винтажной рекламе и кино, научной фантастике и художественной литературе, которые постфактум свидетельствуют в большей степени о своем времени, чем о возможностях предсказания будущего – что с позиций свершившегося настоящего воспринимается лишь как ностальгические воспоминания о прошлом.

Другой идеологической концепций, выстраиваемой вокруг устремления к будущему, является акселерационизм – одна из наиболее влиятельных современных идеологий левого толка, оформившаяся вокруг высказанной К. Марксом в «Капитале» идеи о неизбежном революционном итоге развития капиталистической формации во главе с буржуазией в силу постоянного усовершенствования орудий производства, и как следствие – производственных и общественных отношений в целом. Продолжая этот тезис, британские философы А. Уильямс и Н. Шрничек в опубликованном летом 2013 г. «Манифесте акселерационистской политики» провозгласили необходимость ускоренного технологического и политико-экономического развития на основе научно-технического прогресса, что приведет, по их мнению, к коренной трансформации всего уклада капитализма и выходу за его пределы (Уильямс, Шрничек, 2018). А. Аванесян подчеркивает, что в основе любой акселерационистской мысли лежит требование противопоставить внутренним противоречиям капитализма их же обострение: интенсификация кризисных феноменов в современном неолиберализме по модели двойной негации могла бы привести к их снятию и даже социальному взрыву (Аванесян, 2018). В таком случае ориентированная на будущее политика ускорения, как утверждают авторы манифеста, делает возможными поистине прогрессивные мысль и действие, открывая новый взгляд на развитие социально-политических систем.

В свою очередь, возражения против них выразились также в двойном направлении: во-первых, там, где манифест предъявляет конкретные требования (формирование интеллектуальной инфраструктуры, радикальная реформа медиа и т. д.), он отходит от предпосылок акселерационизма и становится ближе к модели гегемонии А. Грамши; во-вторых, под вопросом остается реальная возможность поборо́ть капитализм его собственным оружием в виде нарастающей динамики и ускорения. Также выражаются сомнения в силе воздействия и содержании политики акселерационизма, поскольку считается, что власть капитала никоим образом не зависит от стабильности. При этом в качестве отправного факта авторами «Манифеста» констатируется необратимое наступление гегемонии нематериального труда.

Поэтому дальнейшие рассуждения можно свести к тому, полагает А. Негри, что двигателем революции и источником собственного освобождения может выступить только класс, занимающийся умственным трудом, т. е. креативный класс, и лишь он способен освободить технологии и производительные силы от «гнета капитала». Для этого требуется перераспределение информатизированного основного капитала и освоение субъектами труда самых передовых технологий, используемых капитализмом в контексте развития информационно-коммуникационных технологий.

А. Негри упрекает «Манифест» в излишне оптимистической оценке возможностей развития техносоциальных систем, однако видит значительный потенциал в дальнейшей разработке идеи социальной кооперации и создании организаций нового типа, избегающих модели диктатуры пролетариата или горизонтально-сетевой демократии. Такие меры означают создание интеллектуальной инфраструктуры, каналов коммуникации и классовых институтов, способных конструировать образы будущего, не впадая при этом в футуристические иллюзии (Negri, 2014).

Далее обратимся к техномистицизму, который выступает как одно из концептуальных направлений современной «цифровой идеологии», связанное с древнейшими мифопоэтическими и религиозно-философскими традициями на основе представлений о глубинном духовном единстве информационно-коммуникационных технологий и техники с человеком путем объединяющих их сверхъестественных сил. В рамках техномистицизма считается, что новейшие информационные технологии и новые медиа (особенно компьютеры, интернет-сети и виртуальная реальность) позволяют выявить скрытые в человеке сверхчувственные способности, стимулируя видения, озарения, инсайты и даже, в более радикальной версии, – ясновидение, экстрасенсорику, левитацию и пр., в обычном состоянии никак себя не проявляющие, но раскрывающиеся в полной мере лишь под воздействием интенсивного обмена информацией и энергетическими импульсами с различными техническими устройствами (Беккер, 2004).

Отдельными версиями техномистицизма выступают техношаманизм, кибергностицизм, цифровой оккультизм, модифицированные варианты «нью эйдж», трансперсональной психологии и т. п. Канонический корпус текстов техномистицизма, претендующих в глазах их адептов на статус едва ли не сакральных, сложился на основе работ У. Берроуза «Электронная революция», Э. Дэвиса «Техногнозис», К. Беккера «Словарь тактической реальности», Дж. Зерзана «Первобытный человек будущего», А. Уилсона «Прометей восставший» и др. Особую роль в становлении и развитии идей техномистицизма сыграли контркультурные движения хиппи и битников, концептуальные откровения психоделической революции 1960-х гг., киберпанка 1980-х гг. и научной фантастики в целом, которая в поисках новых возможностей обратилась к творческим ресурсам жанра фэнтези и подчерпнула из него множество сюжетов и образов, объединив идеи магии с новейшими технологиями, что нашло отражение в творчестве таких писателей-представителей «новой волны», как Р. Желязны, Ф. Дик, С. Дилэни, Ф. Саберхаген, Г. Гаррисон, в художественных кинофильмах «Трон», «Бегущий по лезвию бритвы», «Матрица», «Газонокосильщик», «Экзистенция», «Нирвана», «Клетка», «Начало» и др.

Идейно-концептуальные противоречия между архаическими религиозно-мифологическими представлениями и научным познанием, лежащим в основе технического прогресса, снимаются в техномистицизме за счет трансформации идей о метафизической сущности и природе человека в рамках синергетики, трансперсональной психологии и футурологии, осуществивших синтез научных, религиозных и философских взглядов. В таком ракурсе развитие технологий, начиная с телеграфа, телефона и телевидения, неизбежно ведет к техносинтезу человека и машины, пробуждая в нем способности к телепатии, телекинезу, телепортации в некоем отдаленном будущем, в «точке Омега» (Т. де Шарден), где творческий потенциал ноосферы под влиянием человеческого разума объединится с органическими силами природы, чтобы проявить себя в полной мере, открыв возможности перехода в новое эволюционное состояние – от человека к сверхчеловеку (Дэвис, 2008).

Таким образом, указанные версии «футуризма» в представленных идеологических концепциях строятся как возможные модификации традиционных представлений о будущем с точки зрения его взаимосвязей с прошлым и настоящим. Техника и технологическое развитие становятся отправной точкой для выявления особенностей будущего в ретрофутуризме, призывов к преодолению настоящего в акселерационизме, а также реанимации архаических воззрений в техномистицизме. Какое из данных направлений окажется наиболее востребовано в дальнейшем, предсказать трудно – особенно с учетом курьезности любых предсказаний. Поэтому ограничимся лишь указанием на необходимость комплексного понимания представленных идей в их взаимном дополнении друг друга.

Литература

Аванесян А. Назад из будущего: ориентации акселерации / Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 1–6.

Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. М.: Ультра. Культура, 2004.

Бестужев-Лада И. В. Обязательное предисловие // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. М.: Academia, 2000. С. 6–22.

Гуревич П. С. Закономерности и социальные перспективы научно-технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.

Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М.: Ультра. Культура, 2008.

Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 3–64.

Уильямс А, Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики / Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 7–20.

Negri A. Reflections on the Manifesto // #ACCELERATE: The Accelerationist Reader. Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 363–378.

И. А. Халий

Место и роль науки в современном российском обществе

Халий
Ирина Альбертовна

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: illaio@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются ограничители в деятельности ученых и вследствие них и отношения к ним исследователей определяющее место общественных наук в обществе. Анализу подвергаются три фактора влияния: государственная власть всех уровней и ветвей, средства массовой информации в различных формах и применяемых способах, научные и другие сообщества, членами которых являются ученые. Показано, что в любом случае практически все зависит от самих ученых, их выбор способа и метода действий оказывается определяющим во всех указанных взаимоотношениях, по крайней мере, пока речь не идет о возрождении ГУЛАГа. Однако главное предназначение науки (и это ее место в обществе) – быть составной частью культуры общества, влияющей на ее формирование, поддержание и развитие.

Ключевые слова: ограничители деятельности ученых, государственная власть, средства массовой информации, научные сообщества, политические позиции, культура.

Наука (речь о социологии и политологии) призвана анализировать происходящие в обществе процессы в поисках истины (насколько это возможно). А еще она является частью культуры, а точнее – одной из тех составляющих, которые формируют и развивают саму культуру.

Однако в современных условиях, когда во всем мире в целом и в отдельных странах крайне сильны центробежные процессы, разъединяющие отдельных людей, различные социальные группы и сообщества, страны.

Каковы же место и роль науки в этом мире? Представляется, роль ученого, отбросив свои «мирские» политические и социальные установки, пытаться давать объективный анализ.

Принято считать, что основная проблема – это влияние власть предержащих на позиции ученых, что последние часто опасаются критиковать первых. Думается, что сегодня проблема глубже.

Во-первых, федеральные власти, как, впрочем, и региональные, мало реагируют на научные публикации, если не сказать вообще не читают. Они создают собственные исследовательские центры, но и их критические выступления стараются не замечать. Спасибо, что не запрещают существовать остальным.

Во-вторых, внутри нас (ученых) самих нередко существует внутренний цензор, который заставляет взвешивать степень радикальности своих выводов. И это касается не только тех, кто был еще советским ученым, но и молодых.

Еще одна проблема – управление наукой со стороны государства в форме требований к отчетности. Это оказалось критичным именно для общественных наук. Требование отчитываться в основном статьями, ограничивает само развитие науки, поскольку главный для нее метод – это подготовка монографий, которые представляют глубинные результаты многолетних исследований, показывающие динамику и тенденции развития общества, что, собственно, и есть основная задача, если не сказать – миссия науки. Другим важным и разрушающим науку требованием является публикация статей в наиболее авторитетных периодических изданиях, рейтинг которых определяют западные учреждения. Наши власти, вступившие (вольно или невольно) в политическое противостояние с большинством стран Запада, требуют от ученых встроиться в их западное, научное сообщество, которое также подвержено всем тем ограничениям, о которых идет речь в докладе.

Вторым кругом влияющих на научное мировоззрение оказываются СМИ. Они, с одной стороны, каждый по-своему оценивают материалы в плане, можно ли их публиковать, соответствуют ли они политике издания, чем принуждают ученых на эту политику ориентироваться. С другой стороны, нередко ученые (особенно молодые) принимают доминирующий в СМИ взгляд на происходящее и «не верят глазам своим, а верят авторитетам» (как сказал на конференции один из молодых ученых). А часто не доверяют и выводам своих коллег, если они расходятся с этим доминирующим взглядом. Хуже того, довод «это всем известно» может прозвучать и во время защиты дипломных работ студентами, которые представляют результаты своих собственных исследований, т. е. как раз то, что видели своими глазами и слышали своими ушами в ходе полевых работ.

Особое место в этой связи среди СМИ занимают телевизионные ток-шоу. Многие ученые в них пытаются участвовать, отстаивая свои политические позиции, подтверждая их полученными в ходе исследований данными. Если же ученый не вступает в дискуссию, а приводит объективные данные, даже не комментируя их с политической позиции (что, с нашей точки зрения, и должен делать ученый), его просто перестают приглашать. И тогда приходится выбирать: становиться одним из лидеров общественного мнения и известной персоной (медийной личностью) или оставаться серьезным и стремящимся к объективности исследователем. К чести нашего научного сообщества, крикливым дискуссантом (а именно это требуется в ток-шоу) в большинстве своем выступают бывшие политтехнологи (а это не ученые). Хотя время от времени нас все же приглашают: несколько раз выступал М. К. Горшков, пару раз заметили М. Ф. Черныша. Меня саму приглашали несколько раз, один раз сходила и поняла, что не могу быть интересной для такой передачи: кричать не буду, перебивать себя не позволю.

Наконец, третьим ограничителем в деятельности ученых становится сообщество (или сообщества), членом которого (которых) они являются.

Сегодня наше общество в целом политически разделено на две неравные части, к сожалению, противостоящих друг другу: Назовем их условно «традиционалисты» и «модернисты» (их в основном неолибералами величают). И то, к какому кругу принадлежит ученый,

нередко заставляет его быть «политкорректным» по отношению к позициям своего сообщества, и не только в своих выводах, но даже и в выборе темы исследований. Вероятно, поэтому политических дискуссий в нашей среде не бывает, но очевидно и несогласие обеих сторон при представлении результатов исследований оппонировавшей стороны.

В этой ситуации хорошо только одно – это не отражается на наших человеческих взаимоотношениях друг с другом, но «неприятных» тем все же приходится избегать.

Все это свидетельствует о том, что от самих ученых зависит то место, какое наука занимает и будет занимать в обществе. Главное при этом – оставаться культуuroобразующим фактором.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

4

Методологический разговор 1. Теории и понятия

Руководители секции: Девятко И. Ф.

Ученый секретарь: Шеремет Е. П.

Т. З. Адамьянц

Аналитические схемы социологического поиска как сложные смысловые конструкты

**Адамьянц
Тамара Завеновна**

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: tamara-adamiants@yandex.ru

Аннотация. Тенденция к использованию в современной социологической практике усложненных аналитических схем требует, по мнению автора, оценки степени их соответствия научным представлениям о механизмах понимания в социальной сфере. На примере известных социологических концепций рассматриваются их латентные структурные и методические особенности.

Ключевые слова: понимание, концепции понимания, механизмы понимания, смысловой конструкт, понимающая социология, структурная герменевтика, психологические концепции понимания, феноменология, символический интеракционизм, социоментальные группы.

В современной социологической практике, как известно, наметилась тенденция к использованию усложненных исследовательских схем при определении стратегий научного поиска: не «прямые», а многоплановые методы и подходы, приводящие к искомому знанию. Такая тенденция, с одной стороны, – позитивное свидетельство исследовательского поиска, подкрепленное требованиями современной реальности, изобилующей неожиданными результатами прогнозируемых событий. С другой же стороны, зафиксированная тенденция требует, в свою очередь, внимания со стороны научной среды: использование для получения искомого знания новых вариантов сочетания методов и подходов можно рассматривать как заявки на оригинальные концепции понимания в социальной сфере.

Любую из существующих и узаконенных в научной среде концепций понимания в социальной сфере условно можно условно представить как сложный многоуровневый смысловой конструкт (смысловую структуру), состоящий из взаимодополняющих и соответствующих направлению поиска данных (уровней), в комплексе приводящих исследователя к искомому результату: выраженному вербально объяснению или прогнозу анализируемого социального процесса или явления.

Традиция подобного представления о механизмах понимания идет из глубокой древности: так, по утверждению Платона, постижение сложных явлений требует построения неких условных схем, состоящих из непротиво-

речивых элементов/рассуждений; при этом искомое знание дает не сама схема, а возникающее, благодаря умственному постижению, новое определение/идея (Платон 1994).

Классическим образцом концепции, связывающей процесс объяснительного анализа с созданием латентных многоуровневых конструкторов, служит «понимающая социология» М. Вебера. В поисках концептуального инструмента понимания автор концепции не извлекает из эмпирической действительности свойственные ей явления традиционным путем, то есть использует не только методы сбора и механистического обобщения данных, но ищет такой ракурс анализа, при котором разрозненные единичные явления начинают представлять «лишенный внутренних противоречий космос внутренних связей» (Вебер 1990). В результате, как известно, были выделены основные типы социальных действий, которых в реальности не существует, но которые можно использовать как инструмент для понимания тенденций развития социальных процессов, прослеживая и выявляя отклонения от идеальных конструкторов в реальности. Оказалось, например, возможным объяснять причины и особенности различий одного типа толпы от других, прогнозировать массовые процессы.

По сути дела, концепция Вебера позволила «перебросить мостик» в исследовательских возможностях при постижении сложных многофакторных социальных процессов и явлений: от механистического фиксирования, суммирования и обобщения – к умственно постигаемому новому знанию на основе созданных для этих целей многоуровневых смысловых конструкторов (научных концепций). При этом общие принципы их внутренней организации едины, поскольку отражают особенности ментальных процессов при научном поиске: это многоуровневая структура взаимодополняющих элементов, ориентированных на достижение понимания социально значимых процессов или явлений; различие лишь в «наборах» элементов, представляющих тот или иной смысловой конструктор (концепцию).

Заявление о работе со сложными смысловыми конструктами можно найти и у современных исследователей. Так, основной методологический принцип «сильной программы» культурсоциологии, по заявлению Дж. Александера, основан на выявлении (реконструкции) «внутренних контуров культурных структур» (Alexander 2001), совокупное действие которых узаконивает в обществе определенные нарративы, связанные с особенностями восприятия социокультурных явлений/процессов и, далее, приводящие к определенным последствиям для социальной жизни. Элементами структуры при этом оказываются не только фактические, но и, что особо ценно, эмоционально окрашенные детали, сопровождающие события, что вкупе с интерпретированием исследователя (сам Александер определил свой метод как «структурную герменевтику») дает знание об образно-смысловых особенностях анализируемых социокультурных явлений/процессов и, соответственно, объяснение их латентных, но принципиально значимых механизмов.

Как многоуровневые смысловые конструкты можно охарактеризовать и те широко известные социологические концепции, где многоуровневость поиска не декларируется; фактически любую «жизнеспособную», то есть

предоставляющую релевантные научные результаты концепцию, можно условно представить в виде сложной многоуровневой структуры. При этом используемые для ее «построения» наиболее значимые уровни исследовательских данных, а также и механизмы их получения (которые, в свою очередь, нередко требуют собственной методологии) служат своеобразной «визитной карточкой» концепции, ее отличительной особенностью; чаще это данные, полученные на основе оригинальных вариантов дифференциации (психологической, социально-психологической, социоментальной, семиотической и т. д.).

В числе концепций, предоставляющих значимые для социологических выводов уровни исследовательских данных, следует назвать *психологические концепции понимания*, начало которым положили работы В. Дильтея. Задача научного поиска, согласно Дильтею, должна быть направлена на *постижение субъективного интенционального начала* проявлений человеческой активности (Дильтей 1966). Для решения этой задачи потребовалась разработка отдельной методологии. Поскольку понимание социальных процессов и явлений, в трактовке Дильтея, связано с выявлением мотивов человеческой деятельности в их целостности, изначальности, научный анализ должен быть не объясняющим, а описательным – иначе искомая целостность теряется. Научным методом, позволяющим искомое постижение, оказывается *сопереживание* и *сочувствие*, благодаря погружению в *жизненный мир* других людей, то есть интроспекция. Различиями в сущностных психологических характеристиках людей, связанных с их мотивацией, Дильтей объяснял социальные процессы и явления, в том числе классовые и этносоциальные особенности.

Как оригинальные элементы многоуровневых смысловых конструкторов можно рассматривать и данные *феноменологических концепций* (Г. Гарфинкель, Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.), исследующих побудительные первопричины социальных процессов и имеющих для этой цели собственные исследовательские механизмы. По утверждениям феноменологов, социальная реальность постоянно воссоздается человеком, поскольку зависит от содержания его личностного сознания и личностного интерпретирования. Понять особенности конструирования мира в сознании человека можно только погружаясь в его *жизненный мир* и освобождаясь тем самым от *естественной установки* (Гуссерль 1994), то есть от предвзятостей традиционного видения, налагаемых историей, культурой, обычаями, нормами и сосредотачиваясь непосредственно на переживаниях сознания. В таком случае обнаруживаются некие *исходные феномены*, которые наличествуют в сознании всех людей и которые все люди разделяют; задача исследователя – найти и сформулировать *значения* этих феноменов. Это могут быть, например, свойственные людям психологические особенности, связанные со *здоровым смыслом*, на основе которого происходит взаимодействие (Гарфинкель 2007), или с *практической рациональностью*, обеспечивающей локальное производство социального порядка (постулат этнометодологии).

Оригинальными уровнями смысловых конструкторов оказываются фактически и данные, предоставляемые концепциями символического интеракционизма, современных лингвистических, герменевтических и многих

других концепций. При этом оценку степени релевантности любых теорий и исследовательских методов, направленных на понимание, прогнозирование или проектирование социальных процессов, следует соотносить с представлениями современного знания о ментальных особенностях и механизмах понимания, а также с ориентированностью этих теорий на развитие и упрочение социально-гуманитарных процессов.

Оригинальный вариант смыслового исследовательского конструкта, позволяющий понимание и диагностику социальных процессов, разработан в отечественной социологической науке. Такая возможность возникает благодаря, во-первых, такому значимому уровню качественных данных, как параметры условных социоментальных групп в исследуемом континууме (для выделения социоментальных групп российским ученым Т. М. Дридзе (Дридзе 2000) разработана оригинальная методология и соответствующие ей исследовательские процедуры). Во-вторых, значимым уровнем смыслового конструкта оказываются количественные данные о тенденциях в «картинах мира» представителей групп, ставших предметом исследовательского внимания. Дальнейший анализ, основанный на сопоставлении и учете данных качественного и количественного анализа, позволяет социальную диагностику и социально ориентированное проектирование: выявляются коммуникативные сбои и их причины, разрабатываются рекомендации, способствующие достижению диалога с аудиторией, анализируются особенности эмоционального и поведенческого реагирования разных групп аудитории, прежде всего социоментальных групп, по отношению к содержанию, автору, личности, социальному явлению, процессу (Адамьянц 2015).

Литература

Адамьянц Т. З. Интенционального анализа метод // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД. 2015. С. 101–103.

Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. СПб: Питер, 2007.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии / Пер. с нем. М.: ДИК, 1994.

Дильтей В. Описательная психология. Второе издание / пер. с нем. СПб.: Алатейя, 1966.

Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Книга 1. М.: ИС РАН 2000. С. 5–42.

Платон. Тимей / Платон. Собр. соч. в 4 т. М. 1994. Т. 3. С. 421–501.

Alexander J. C., Smith P. Strong Program in Cultural Sociology // The Handbook of Sociological Theory. New York, 2001.

Р. Г. Браславский

Смена моделей метатеоретизирования в социологии в контексте дисциплинарной реконфигурации социальных наук

**Браславский
Руслан Геннадьевич**

Кандидат социологических наук, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: r.braslavsky@socinst.ru

Аннотация. Прослеживается изменение концептуальных схем и словаря метатеоретического анализа в социальных науках в связи с возникновением и распространением мульти-, меж-, анти-, транс- и постдисциплинарных исследовательских стратегий. Выделяются два вида разобщенности в современной социальной теории: разобщенность, порождаемая дисциплинарной автономией, дифференциацией и специализацией современных наук, и разобщенность, вызванная антидисциплинарной постмодернистской деконструкцией, децентрацией и фрагментацией знания. Особое внимание уделяется «диалогическому» подходу к метатеоретизированию, соответствующему трансдисциплинарной и постдисциплинарной реконфигурации социогуманитарного знания. В качестве одного из перспективных направлений метатеоретического анализа отмечается его сближение и интеграция с объектными социологическими исследованиями в «школе новых исторических социологов».

Ключевые слова: метатеория, трансдисциплинарность, постмодернизм, социологическая теория, модернность, историческая социология, цивилизационный анализ.

Одной из современных тенденций развития социогуманитарных наук является появление и распространение исследовательских, образовательных, коммуникативных практик, нарушающих в той или иной степени и форме сложившиеся дисциплинарные границы. С возникновением и распространением мульти-, меж-, анти-, транс- и постдисциплинарных исследовательских стратегий изменяются концептуальные схемы и словарь метатеоретического анализа в социальных науках.

Стандартная модель развития современных наук, характерная для монодисциплинарных подходов к производству знания, может быть представлена как набор взаимосвязанных процессов, происходящих в трех контекстах: во внешнедисциплинарном контексте – автономизации (от внешнего социального окружения, прежде всего, политических и экономических институтов) и доминирования (по меньшей мере, в сфере интеллектуального производства по отношению к иным – ненаучным или вненаучным – формам знания); в междисциплинарном контексте – дифференциации и инте-

грации (или, скорее, взаимообмена, не нарушающего однако когнитивной идентичности дисциплин); во внутридисциплинарном контексте – консолидации (теоретико-методологических программ) и специализации (появление и увеличение числа все более узких исследовательских областей в рамках предметного поля науки). В качестве своего результирующего эффекта совокупность этих процессов должна была бы обеспечивать неуклонный рост эмпирически верифицированного и теоретически когерентного научного знания. Научные дисциплины в этой модели являются главными «машинами» производства научного знания. Однако подобное описание как процессов, так и когнитивных эффектов развития дисциплинарно организованных наук все более ставится под сомнение, утрачивая свою некогда доминирующую позицию. В социологии защитником кумулятивного характера развития «своей» дисциплины является Р. Коллинз (Коллинз 1994; Collins 1999), но в то же время занимающий явно оборонительную позицию, сетующий на «социально непризнанный» в самом социологическом сообществе кумулятивный характер развития социологического знания и, что более важно, вынужденный, в конечном счете, ограничить масштаб его накопления отдельными специализациями внутри социологической дисциплины.

Состояние современных социальных наук зачастую оценивается как кризисное, которое выражается в концептуально-теоретической множественности, фрагментированности, хаотичности. Ряд авторов характеризует данное положение термином «постмодернизм». Постмодернистская критика научных дисциплин, как характерного для общества модерна феномена «власти-знания» (М. Фуко), направлена прежде всего на делегитимацию автономии и доминирования наук во внешедисциплинарном, социетальном контексте. Антидисциплинарные метатеоретические стратегии характеризуются установкой «методологического анархизма» (П. Фейерабенд), отрицанием универсальных больших нарративов истории (Ж.-Ф. Лиотар), одним из которых являлась концепция кумулятивного роста научного знания, занимавшая центральное место в прогрессистском видении истории. Когнитивными эффектами постмодернистской метатеоретической деконструкции является локализация, релятивизация и фрагментация знания.

Однако постмодернистский диагноз современной социальной теории, с одной стороны, эмпирически избирателен, поскольку, отражая некоторые важные черты современной ситуации социальных наук, он игнорирует другие не менее значимые аспекты и тенденции; а с другой – предполагает излишне когерентную логико-аналитическую модель описания, т. е. устанавливает жесткую взаимосвязь между характеристиками множественности, разобщенности и хаотичности. Но: во-первых, фрагментация не является единственно возможным и неизбежным следствием или проявлением теоретико-концептуальной плюральности в социогуманитарных науках; во-вторых, разобщенность не всегда означает беспорядок; в-третьих, постмодернистская фрагментация – не единственный вызов дисциплинарному режиму модернистских социальных наук.

Постмодернистская антидисциплинарная фрагментация накладывается на сегментацию социальных наук, порождаемую и поддерживаемую дисциплинарной организацией научного знания в условиях модерна. При

сходстве организационных форм каждая научная дисциплина обладает собственной концептуальной идентичностью. В отличие от постмодернистской фрагментации дисциплинарная разобщенность социального знания имеет институционализированный, организованный, упорядоченный характер. Таким образом, можно выделить два образа разобщенности в современной социальной теории: 1) разобщенность, порождаемая дисциплинарной автономией, дифференциацией и специализацией современных наук («организованная разобщенность», «разобщенность разделений», «разобщенность порядка»); и 2) разобщенность, вызванная антидисциплинарной постмодернистской деконструкцией, децентрацией и фрагментацией знания («анархическая разобщенность», «разобщенность смещений», «разобщенность хаоса»).

Возможными ответами на теоретическую разобщенность социогуманитарных наук являются: кодификация (стандартизация), актуализация, интеграция (конвергенция), синтез (диалектическое снятие), трансформация (сдвиг), координация (взаимодополнительность), контекстуализация, трансляция (перевод), диалог. В метатеоретическом анализе можно выделить несколько моделей развития социальной теории: универалистскую (позитивистскую), унификационистскую, интегративную, диалектическую, критическую, трансформативную, плюралистическую, деконструктивистскую, диалогическую (герменевтическую). Данный перечень составлен с учетом представленных в литературе некоторых типологий подходов к метатеоретизированию (Levine 1995; Ritzer et al. 2002).

Трансдисциплинарной и постдисциплинарной реконфигурациям социогуманитарного знания в наибольшей степени отвечает «диалогический» подход к метатеоретизированию, получивший свое наиболее полное выражение в работах Дональда Левина – социолога из Чикагского университета (Levine 1995). Диалогический подход представляет собой альтернативу интеллектуальной унификации и фрагментации социальных наук. В противоположность стратегиям синтеза (в том числе междисциплинарного) диалогическая модель интеллектуальной истории социологии и социальных наук вообще предполагает сохранение, а не преодоление теоретических различий. Но в отличие от плюралистического подхода (одним из проявлений которого являются мультидисциплинарные исследования) она рассматривает теоретические традиции (в том числе разных социально-научных дисциплин) не в изоляции друг от друга, а в конституирующем их взаимодействии (Camic & Joas 2004: 9). Различные теории связываются между собой через общность «проблематики», под которой понимается «констелляция тем, проблем и перспектив, открытая для различных и часто противоречивых интерпретаций» (Арнасон 2017: 63). Общность проблематики не гарантирует теоретического консенсуса, ее разработка может привести к формированию относительно устойчивых и внутренне когерентных альтернативных структур («парадигм») социальной теории, но при этом в нее входят и периферийные, маргинализируемые, оспариваемые интеллектуальные компоненты, которые в определенных обстоятельствах могут выйти на передний план, актуализироваться, задав новые направления в развитии социальных наук, например, в виде тех или иных «поворотов». Для примера приведем случив-

шийся в середине 1970-х гг. и не утративший до сих пор своего импульса «цивилизационный поворот» в социологии. В начале XXI в. данный поворот привел к конституированию «социологической традиции» в полидисциплинарной исследовательской области цивилизационного анализа и позиционируется ныне как формирующаяся парадигма в социальных науках (Arnason 2001; Arnson 2007).

В диагнозах современной ситуации в социологической теории вместо или в дополнение к концепции «полипарадигмальности» как ее нормальном состоянии (Ритцер 2002; Ядов 2009) все настойчивее утверждается тезис о множественности разнонаправленных «поворотов» (см., напр.: Романовский 2007; Кравченко 2012; Титаренко 2018: 154–165)). С понятием «поворотов» некоторые исследователи связывают особый образец структурирования и изменения социальной теории в отличие от сосуществования, смены или конвергенции парадигм. «Повороты» представляют собой смещения аналитических ракурсов в исследованиях, приводящие к концептуальным реконфигурациям социальных наук. Теоретические повороты являются не столько способом междисциплинарной интеграции, сколько формой трансдисциплинарного пересечения («перевода»), ставящей под вопрос обоснованность самих дисциплинарных различий и задающей исследованиям новые концептуальные ориентиры (Бахман-Медик 2017: 7–30). В этом контексте «культурный поворот» в исторических и социальных науках рассматривается не как воспроизведение традиционного противопоставления идиографического (интерпретативного) и номотетического (объяснительного) способов изучения, лежащего в основе институционализации обеих дисциплинарных областей в обособлении друг от друга, а как вызов этой эпистемологической и методологической оппозиции, направленный на формирование диалогического трансдисциплинарного дискурса социоисторического анализа (Spohn 2001: 6830).

Диалогическая метатеоретическая модель составляет одну из методологических основ исследовательской программы «школы новых исторических социологов» (Wittrock 2009: 35). Представители этой школы в лице Й. Арнасона, Й. Хайлброна, Х. Йоаса, П. Вагнера, Б. Виттрока, сосредотачивая свой анализ на исторических взаимодействиях идеациональных и макроинституциональных трансформаций, решающие для эпохи модерности эпистемологические и культурные сдвиги связывают с подъемом и последующим развитием социоисторических наук. Тем самым, интеллектуальная история социальных наук инкорпорируется в историческую социологию модерности (Wagner 2003).

Подобная ориентация метатеоретического анализа на сближение и интеграцию с объектными социологическими исследованиями отличается от присущего ему исходного стремления к концептуальной стандартизации и теоретической кодификации социологического знания (Девятко 2017) и позволяет добавить четвертый тип метатеоретизирования к трем выделенным Дж. Ритцером. В своей известной типологии Ритцер наметил разделение трех видов метатеоретической деятельности в зависимости от преследуемых целей: метатеоретизирование как углубленный анализ существующей теории и способ достижения ее более глубокого понимания;

метатеоретизирование как вступительные шаги к разработке новой теории; метатеоретизирование как источник собственно широкой перспективы, охватывающей всю совокупность или некоторое количество отдельных теорий (Ритцер 2002: 563). Тогда четвертым типом метатеоретизирования будет метатеоретизирование как способ непосредственного анализа социоисторической реальности. Основания, реализация и перспективы данного вида метатеоретизирования требуют дальнейшего рассмотрения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00950.

Литература

Арнасон Й. Революции, трансформации, цивилизации: пролегомены к переориентации парадигмы // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2017. № 5. С. 37–69.

Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Девятко И. Ф. Метатеоретизирование или философия социальных наук? // *Социологические исследования*. 2017. № 12. С. 3–9.

Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // *THESIS*. 1994. № 4. С. 71–96.

Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // *Социологические исследования*. 2012. № 5. С. 19–29.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. М.: Питер, 2002.

Романовский Н. В. О современном этапе развития социологии // *Социологические исследования*. 2007. № 1. С. 22–31.

Титаренко Л. Г. Парадигмы и повороты в современной социологии. Минск: БГУ, 2018.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии / *Общ. ред. В. В. Козловского*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Arnason J. P. Civilizational Analysis, History of // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* / Ed. by N. J. Smelser, P. B. Baltes. London: Elsevier, 2001. P. 1909–1915.

Arnason J. P. Civilizational Analysis: A Paradigm in the Making // *World Civilizations / Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS)*, Developed under the Auspices of the UNESCO / Ed. by Holton R. Oxford, UK: EOLSS Publishers, 2007. URL: <http://www.eolss.net> (дата обращения: 15.04.2010).

Camic C., Joas H. The Dialogical Turn // *The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age* / Ed. by C. Camic, H. Joas. Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 1–19.

Collins R. Socially Unrecognized Cumulation // *The American Sociologist*. 1999. Vol. 30. No. 2. P. 41–61.

Levine D. Visions of the sociological tradition. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1995.

Ritzer G., Zhao S., Murphy J. Metatheorizing in Sociology: The Basic Parameters and the Potential Contributions of Postmodernism // *Handbook of Sociological Theory* / Ed. by *J. H. Turner*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2002. P. 113–131.

Spohn W. History and the Social Sciences // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 6829–6835.

Wagner P. As Intellectual History Meets Historical Sociology: Historical Sociology after the Linguistic Turn // *Handbook of Historical Sociology* / Ed. by *G. Delanty, E. F. Isin*. Sage Publications, 2003. P. 168–179.

Wittrock B. History and Sociology: Transmutation of Historical Reasoning in the Social Sciences // *Frontiers of Sociology* / Ed. by *P. Hedstrom, B. Wittrock*. Leiden, Boston: Brill, 2009. P. 77–111.

К. А. Гаврилов

Ответственность и риск: опыт соотнесения с использованием «психометрической парадигмы»

Гаврилов
Кирилл Андреевич

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: gavrilov@socio.msk.ru

Аннотация. В докладе предпринимается попытка интегрировать в методику «психометрической парадигмы», призванную выявить пространство восприятия риска, компонент ответственности. Предлагается модифицированная версия методики, в которую включен ряд вопросов о различных аспектах ответственности. Приводятся результаты пилотажа, позволяющие сформулировать гипотезу об ответственности как самостоятельном измерении пространства восприятия риска, которое, впрочем, тесно связано с измерением «страх», традиционно выявляемом в такого рода исследованиях.

Ключевые слова: риск, ответственность, восприятие риска, психометрическая парадигма.

Постановка исследовательской задачи

Одно из влиятельных подходов к изучению восприятия риска в западной социальной науке – «психометрическая парадигма», предложенная П. Словиком и его коллегами (С. Лихтенштейн, Б. Фишхофом и др.) еще в 1970–80-е гг. (Slovic 1987, 2000; Social Theories 2008: 11). Ключевой задачей было выявление факторов, влияющих на восприятие риска населением. Для обнаружения этих факторов изучалось воздействие различных характеристик самих рисков (см. таблицу 1).

Чаще всего для анализа эмпирических данных использовался факторный анализ. В результате его применения были выявлены два фактора восприятия риска:

- «неизвестность» / «незнание риска»;
- «страх перед риском» (Slovic 1987: 281).

Однако авторы психометрической парадигмы уделили недостаточное внимание собственно социальному аспекту восприятия риска, тому, что некоторые субъекты причастны к возникновению неблагоприятных событий или способны минимизировать их эффекты. Чтобы восполнить этот пробел, мы решили включить в методику социальный аспект, используя для этого

категорию ответственности. Это понятие, вероятно, близко к повседневному опыту респондентов. Как отмечает М. Дуглас, мы живем в политизированной вселенной, где любое неблагоприятное событие воспринимается и объясняется через призму вины и ответственности (Douglas 1992). Кроме того, оно содержит в себе идею контроля, так как указывает на «авторство» некоторого события (Giddens 1999: 8). Кроме того, оно более четко локализует круг субъектов, о которых может идти речь.

Таблица 1

Характеристики риска в «психометрической парадигме»

№	Название	Описание (задаваемый вопрос)
1	Добровольность риска	Добровольно или нет попадают люди в эти рискованные ситуации?
2	Неотложность воздействия	Насколько быстро наступает смерть в результате воздействия этого риска. Смерть наступит немедленно – или позже?
3	Информированность о риске	Насколько хорошо или плохо информированы о данном риске люди, которые ему подвергаются?
4	Знание о риске	Насколько хорошо или плохо этот риск известен науке?
5	Неизбежность смерти	Если Вы подвержены данному риску, то можете ли Вы или не можете посредством личных навыков или усердия избежать смерти от воздействия этого риска?
6	Новизна	Являются ли такие риски новыми, неизвестными ранее, или они стары, хорошо знакомы?
7	Хронический-катастрофический	Убивает ли такой риск людей постепенно (хронический риск) или сразу убивает большое число людей (катастрофический риск)?
8	Общеизвестный-страшный	Является ли риск таким, что люди научились жить с ним и думать о нем достаточно спокойно, или он в значительной степени страшен для них – на уровне инстинкта?
9	Смертельные последствия	Когда этот риск имеет место, насколько вероятно то, что его последствия будут смертельны?
10	Превентивный контроль	Можно или нельзя предотвратить все риски такого рода?
11	Неконтролируемость	Если несчастье произошло, то можно ли уменьшить (контролировать) ущерб?
13	Угроза будущим поколениям	Угрожает ли риск будущим поколениям?
14	Опосредованность	Подвергается опасности прямо или опосредованно?
15	Справедливость рисков и выгод	Распределяются ли выгоды справедливо среди тех, кто подвержен риску?
16	Глобальный катастрофизм	Угрожает ли опасность глобальной катастрофой?
18	Динамика уровня риска	Риск увеличивается или уменьшается?

Источник: (Slovic 2000: 86–86, 138), с изменениями.

Примечание: полужирным шрифтом выделены характеристики, задействованные в нашей модификации методики.

Ответственность – это многомерный конструкт, образованный множеством компонентов (Baker 2002; Pellizzoni 2004; Guttman & Ressler 2011). Мы ограничились следующими соображениями.

Во-первых, ответственность имеет место тогда, когда некоторое действие может быть атрибутировано субъекту. Так, в модели приписывания ответственности М. Алике, важнейшим фактором выступает «воздействие» актора на неблагоприятные последствия (Alicke 2000: 561).

Во-вторых, согласно результатам, полученным в рамках социальной психологии, на моральную оценку некоторого события влияет характер самого действия, является ли оно собственно действием (commission) или бездействием, упущением со стороны некоторого актора (omission) (Lickel et al. 2003: 196; Spranca et al. 1991). То есть можно говорить о наличии *актора как превентора* и *актора как инициатора*.

В-третьих, ключевой признак ответственности – это наличие обязательства, то есть представления о том, что «тот, кто причинил ущерб своим проступком, должен его возместить» (Рикер 2005: 41). Это позволяет нам говорить также о наличии *актора как компенсатора последствий*.

В-четвертых, часто проводится различие в понимании ответственности как обязательства (в силу причинного вклада) и как виновности (в силу определенных намерений) (Lucas 1993: 5), что похоже на различие между причинным вкладом и виной (см., напр., (Lagnado & Channon 2008)). Чтобы учесть это, мы ввели представление о *виновном субъекте* как самостоятельном компоненте ответственности.

В-пятых, мы разделили *вину самих пострадавших* и *вину других акторов*.

Помимо этих пяти компонентов мы также считаем необходимым зафиксировать обыденное понимание ответственности.

Исследовательские вопросы:

1. Можно ли считать ответственность одномерным измерением восприятия риска? На эмпирических индикаторы, соответствующие выделенным компонентам, могут оказаться скоррелированными.

2. Как связаны суждения об ответственности с характеристиками «психометрической парадигмы»? Возможны две гипотезы. У. Бек, обсуждая «коллективную безответственность», подчеркивает, что современные риски не позволяют идентифицировать конкретных лиц в качестве их авторов (Бек 2000: 38). М. Дуглас, напротив, считает, что любое неблагоприятное событие воспринимается через призму ответственности (Douglas 1992).

Описание методики

К суждениям «психометрической парадигмы» (в таблице 1 выделены полужирным шрифтом) были добавлены вопросы, касающиеся выделенных ранее компонентов ответственности (см. таблицу 2). Оценка всех суждений производилась по 7-бальной шкале.

Таблица 2

Операционализация компонентов ответственности

№	Компонент	Суждение
1	Наличие превентора	Существует или не существует человек или организация, кто должен заботиться о недопущении этого риска?
2	Наличие инициатора	Существует или не существует человек или организация, кто своими действиями способствует возникновению данного риска?
3	Вина пострадавших	Представьте себе пострадавших от данного риска. В какой степени они сами виноваты или не виноваты в том, что они пострадали?
4	Вина других лиц	Представьте себе пострадавших от данного риска. Существует ли кто-то (отдельный человек или организация), помимо самих пострадавших, кто виноват или не виноват в том, что они пострадали?
5	Наличие компенсатора	Представьте себе пострадавших от данного риска. Существует или не существует человек или организация, кто должен компенсировать потери?
6	Степень ответственности	1. Как вы считаете, кто (человек или организация) в первую очередь несет ответственность за риск такого рода? (открытый вопрос) 2. Подумайте о том, кого вы назвали в ответе на предыдущий вопрос. Несет он полную или частичную ответственность за риск такого рода?

Из перечня из 68 элементов, составленного по итогам предыдущих исследований (Мечитов & Ребрик 1990; Rodionova et al. 2009), с помощью датчика случайных чисел были отобраны следующие риски:

1. Асбестовая пыль.
2. Война.
3. Катание на роликах, роликовых досках.
4. Курение.
5. Микроволновые печи.
6. Окрашивание волос.
7. Опасность ядерной войны.
8. Пожары в зданиях.
9. Преступность.
10. Ручное огнестрельное оружие.
11. Терроризм.
12. Финансово-экономический кризис.

Каждый респондент оценивал указанные риски по 11 стандартным шкалам и отвечал на 7 вопросов об ответственности.

Данные

Респондентами стали 49 студентов НИУ ВШЭ (из них 37 девушек, средний возраст – 19,2 лет ($SD=3.7$)). Для сбора данных использовалась бумажная анкета, заполнявшаяся самостоятельно. Все респонденты были слушателями курса лекций автора, в качестве вознаграждения участники получали дополнительный балл к накопленной оценке за курс.

Предварительные результаты

В таблице 3 приведены средние оценки суждений, связанных с ответственностью.

Таблица 3

Средние оценки суждений, связанных с ответственностью

Риск	Суждение					
	Наличие превентора	Наличие инициатора	Вина пострадавших	Вина других лиц	Наличие компенсатора	Степень ответственности
Асбестовая пыль	3,2 (1,7)	3,2 (1,9)	3,2 (1,3)	2,9 (1,6)	3,4 (1,8)	3,4 (1,6)
Война	6,6 (0,9)	6,1 (1,1)	2,3 (1,3)	6,5 (0,8)	5,3 (1,6)	5,9 (1,3)
Катание на роликах, роликовых досках	2,2 (1,7)	2,7 (2,1)	5,7 (1,3)	2,5 (1,5)	2,4 (1,5)	5,9 (1,5)
Курение	4,8 (1,8)	5,3 (1,9)	6,2 (1,2)	4 (1,8)	2,1 (1,6)	6,1 (1,4)
Микро-волновые печи	3,6 (1,6)	3,7 (1,9)	4,9 (1,5)	3,7 (1,4)	3,5 (2)	4,9 (1,7)
Окрашивание волос	3,2 (2,1)	3,9 (2)	5,3 (1,8)	4,1 (1,7)	3,1 (2)	5,7 (1,4)
Опасность ядерной войны	6,6 (1,1)	6,4 (0,9)	1,5 (0,8)	6,4 (1,3)	5,6 (1,8)	6,3 (1,1)
Пожары в зданиях	6,4 (1,2)	4,2 (1,8)	3,6 (1,2)	4,9 (1,4)	5,3 (1,5)	4,6 (1,7)
Преступность	6,8 (0,6)	5,7 (1,7)	2,6 (1,1)	6,3 (1)	5,6 (1,3)	5,4 (1,5)
Ручное огнестрельное оружие	6,3 (1)	5,4 (1,6)	3,2 (1,5)	5,7 (1,4)	5,1 (1,3)	5,4 (1,4)
Терроризм	6,5 (1)	6,4 (1,5)	1,5 (1,1)	6,2 (1,6)	5,8 (1,4)	5,9 (1,3)
Финансово-экономический кризис	6,3 (1,3)	5,1 (1,7)	3,1 (1,3)	5,5 (1,5)	4,3 (1,7)	4,5 (1,7)

Примечание: в скобках приведено значение среднеквадратического отклонения

Полученные обобщенные данные свидетельствуют, что использованные суждения позволяют дифференцировать риски, прежде всего, добровольные и недобровольные риски (Starr 1969).

Нами была построена матрица корреляций суждений об ответственности и классических суждений (см. таблицу 4). Суждения об ответственности, за исключением степени «общей» ответственности, сильно связаны со всеми суждениями, отнесенными к фактору «страх» в «психометрической парадигме», а слабо – с суждениями, отражающими новизну риска. Это позволяет сделать вывод, что ответственность едва ли можно считать независимым измерением, так как оно тесно связано со страхом.

Если суждения об ответственности образуют отдельное, но независимое измерение восприятия риска, то можно ожидать, что корреляции между этими суждениями будут выше, чем между ними и «классическими» суждениям «психометрической парадигмы». В нашей работе суждения об ответственности скоррелированы друг с другом в среднем с $r=0,63$, а с суждениями «психометрической парадигмы» – с $r=0,56$, тогда как последние коррелируют сами с собой на уровне $r=0,51$.

Таблица 4

Связь между классическими суждениями «психометрической парадигмы» и суждениями об ответственности

Риск	Суждение					
	Наличие превентора	Наличие инициатора	Вина пострадавших	Вина других лиц	Наличие компенсатора	Степень ответственности
Добровольность риска	0,820**	0,618*	-0,932**	0,753**	0,902**	-0,152
Неотложенность воздействия	-0,666*	-0,633*	0,764**	-0,724**	-0,856**	-0,384
Информированность о риске	-0,217	-0,254	-0,326	-0,169	0,089	-0,641*
Знание о риске	-0,423	-0,304	-0,180	-0,283	-0,060	-0,275
Неизбежность смерти	0,599*	0,660*	-0,907**	0,634*	0,699*	0,003
Новизна	-0,517	-0,339	0,012	-0,387	-0,242	-0,243
Хронический-катастрофический	0,691*	0,640*	-0,793**	0,740**	0,875**	0,347
Общезвестный-страшный	0,763**	0,731**	-0,906**	0,789**	0,898**	0,213
Смертельные последствия	0,733**	0,771**	-0,726**	0,713**	0,734**	0,313
Превентивный контроль	0,715**	0,693*	-0,878**	0,711**	0,730**	0,044
Контролируемость	0,596*	0,715**	-0,788**	0,668*	0,736**	0,374

Примечание: ** – значимость на уровне 0,01, * – на уровне 0,05.

Заключение

Ключевой результат работы – обнаруженная связь между фактором «страх» психометрической парадигмы и суждениями об ответственности. Наибольший страх вызывают недобровольные риски, они же предполагают

наличие ответственного и виновного субъекта (третьего лица, не самих пострадавших), тогда как за наименее страшные риски, такие как катание на роликах и окрашивание волос, несет ответственность сам пострадавший.

Проведенное исследование позволяет вернуться к тезису М. Дуглас о всеобщем характере приписывания ответственности. Судя по всему, чем страшнее риск, чем меньше он находится в пределах контроля пострадавших, тем более четко проявляется фигура ответственного субъекта – того, кто вносит вклад в появление данного риска или заботится о его предотвращении. И это в некоторой степени противоречит тезису о «коллективной безответственности» в контексте современного риска, предложенного У. Бекон.

Литература

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Мечитов А. И., Ребрик С. Б. Восприятие риска // Психологический журнал. 1990. № 3. С. 87–95.

Рикер П. Справедливое / Пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М.: Гнозис; Логос, 2005.

Alicke M. D. Culpable control and the psychology of blame // Psychological Bulletin. 2000. Vol. 126. №4. P. 556–574.

Baker T. Risk, Insurance and the Social Construction of Responsibility // Embracing Risk / Ed. by T. Baker, J. Simon. Chicago: University of Chicago Press, 2002. P. 33–51.

Douglas M. Risk and blame. Essays in Cultural Theory. London and N.Y.: Routledge, 1992.

Giddens A. Risk and Responsibility // The Modern Law Review. 1999. Vol. 62. №1. P. 1–10.

Guttman N., Ressler W. On Being Responsible: Ethical Issues in Appeals to Personal Responsibility in Health Campaigns // Journal of Health Communication. 2011. Vol. 6. P. 117–136.

Lagnado D. A., Channon S. Judgements of cause and blame // Cognition. 2008. Vol. 108. P. 754–770.

Lickel B., Schmader T., Hamilton D. A Case of Collective Responsibility: Who Else Was to Blame for the Columbine High School Shootings? // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29. P. 194–204.

Lucas J. Responsibility. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Pellizzoni L. Responsibility and Environmental Governance // Environmental Politics. 2004. Vol. 13. №3. P. 541–565.

Rodionova N., Vinsonneau G., Riviure S., Mullet E. Societal Risk Perception in Present Day Russia // Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal, 2009. Vol. 15. No. 2. P. 388–400.

Slovic P. Perception of Risk // Science. 1987. Vol. 236. P. 280–285.

Slovic P. The Perception of Risk. London: Earthscan, 2000.

Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction / Ed. by *J. O. Zinn*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008.

Spranca M., Minsk E., Baron J. Omission and commission in judgment and choice // Journal of Experimental Social Psychology. 1991. Vol. 27. №1. P. 76–105.

Starr Ch. Social Benefit versus Technological Risk // Science. 1969. Vol. 165. №3899 (September). P. 1232–1238.

А. Б. Гофман

Был ли Дюркгейм рационалистом?

Гофман

Александр Бенционович

Доктор социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: a-gofman@yandex.ru

Аннотация. Дюркгейм с самого начала своей научной деятельности решительно объявил себя приверженцем рационализма и рассматривал себя как своего рода Декарта в социологии, призванного снабдить исследователя надежными познавательными инструментами, которые бы позволяли ему всегда и везде находить социологическую истину. Вместе с тем, он был противником упрощенного картезианского рационализма. Он всегда подчеркивал роль разного рода иррациональных факторов социальной жизни, таких как верования, чувства, суеверия, «коллективное возбуждение», обычаи и традиции. Был ли в таком случае Дюркгейм «истинным» рационалистом или рационалистом вообще? В чем специфика дюркгеймовского рационализма? В докладе содержится попытка ответить на эти вопросы.

Ключевые слова: Дюркгейм, рационализм, Вебер, религия и мораль, иррациональность.

На вопрос, поставленный в заголовке, сам Дюркгейм несомненно ответил бы положительно. Причем так ответил бы на него не только «ранний», но и не очень «ранний», и даже очень «поздний» Дюркгейм. Так же, как и Макс Вебер, он полагал, что в современных европейских обществах прогрессирующая детрадиционализация сопровождается процессами рационализации, интеллектуализации и, по веберовскому выражению, «расколдовывания мира», что в институциональном плане приобретало характер секуляризации, или лаицизации. Подобно Веберу, в качестве базовых элементов рационализации он рассматривал растущее значение науки и технологий. Так же, как и немецкий классик, он признавал кризисное состояние современных европейских обществ и, если не «провал» (как утверждали теоретики Франкфуртской школы или постмодернизма), то фундаментальную сложность и противоречивость так называемого «проекта модерна», сформулированного Просвещением. Наконец, оба они осознавали кризисный и сложный характер рационализма в своих исследованиях и размышлениях.

Тем не менее, степени и формы рационализма у Дюркгейма и Вебера были различными. Отчасти это проявилось в том, как они оценивали роль и возможности науки в современных обществах. В то время как Вебер утверждал, что наука не может «вмешиваться в вечную борьбу богов», для Дюркгейма она как раз и есть один из таких *богов* (или, точнее, *богинь*), призванных активно участвовать в этой борьбе. Наука, объясняющая и про-

ясняющая ценности, в том числе и священные ценности, в его понимании сама представляла собой такую ценность. Хотя оба классика были более или менее пессимистами в оценках современной эпохи, тем не менее, в отличие от Вебера, который в своих трудах уповал главным образом на «судьбу», Дюркгейм больше верил в науку и в ее способность внести вклад в преодоление или ослабление современного кризисного состояния.

Следует еще раз подчеркнуть: Дюркгейм безусловно считал себя рационалистом и всю жизнь стремился осуществлять изначально провозглашенную рационалистическую программу социологии как науки. «Действительно, наше главное намерение состоит в том, чтобы распространить на человеческое поведение научный рационализм, показав, что, рассматриваемое в своем прошлом, это поведение сводится к отношениям причины и следствия, которые не менее рациональным приемом могут быть затем превращены в правила деятельности для будущего. То, что называли нашим позитивизмом, есть лишь следствие этого рационализма», (Дюркгейм 2019: 53) – писал он. Он рассматривал себя как своего рода Декарта в социологии, призванного разработать определенные исследовательские правила и приемы, которые бы позволяли социологу, независимо от всякого рода вненаучных обстоятельств, всегда и везде находить истину относительно социальных явлений.

Будучи рационалистом, Дюркгейм, однако, никоим образом не принадлежал к тем наивным «взрослым детям», которых «можно встретить ... среди естествоиспытателей», «на кафедрах или в редакторских кабинетах», и о которых писал Вебер в своей знаменитой лекции «Наука как призвание и профессия» (см.: (Вебер 1990: 717–718)). В этой же лекции немецкий мыслитель сформулировал свой известный риторический вопрос: «Какой человек отважится «научно опровергнуть» этику Нагорной проповеди...» (Вебер 1990: 726).

Дюркгейм, несмотря на свою приверженность рационализму и веру в науку, вполне согласился бы с веберовским вопросом и подразумеваемым ответом. Дело в том, что он никогда не считал, что наука должна решать подобные задачи. Ее цель, по Дюркгейму, – *в том, чтобы не опровергать, а прояснять, объяснять* этику Нагорной проповеди, так же, впрочем, как и любую другую. В данном отношении его позиция полностью совпадала с веберовской.

Более того, Дюркгейм, можно сказать, дал ответ на поставленный Вебером вопрос еще до того, как он был задан. Я имею в виду, в частности, его выступление в дискуссии «Наука и религия», состоявшейся во Французском Философском обществе 19 ноября 1908 г. Там он высказал мысль (впрочем, он высказывал ее неоднократно) о том, что наука о религии, как и любая другая, не может отвергать реальность изучаемого ею объекта или способствовать его исчезновению. Вместе с тем, наука не может подтверждать те представления, которые имеются у верующего о своей конфессии, иначе в существовании этой науки не было бы никакого смысла. «Она не может, следовательно, объяснять сакральный характер Библии и Евангелий так же, как объясняет его самому себе верующий. Но она

сможет дать его объяснение; она покажет, что этот сакральный характер не является чисто воображаемым, что он коренится определенным образом в реальности, а именно в социальных условиях, в которых христианство было образовано и организовано» (Durkheim 1975: 145–146). В сущности, вся социология религии Вебера, как и социология религии Дюркгейма, как раз и состояла в объяснениях такого рода. Несмотря на то, что один из них провозглашал невозможность вмешательства науки в сферу сакральных ценностей, а другой придавал сакральный характер самой науке, их объединяла общая научная этика, этика честного, бескорыстного и непредвзятого исследования.

Дюркгейм подчеркивал, что даже самые диковинные и «иррациональные» культурные и поведенческие образцы могут и должны объясняться, проясняться наукой, но отнюдь не опровергаться ею. В «Элементарных формах религиозной жизни» он писал: «Даже самые варварские или диковинные обряды, самые странные мифы выражают какую-то человеческую потребность, какой-то аспект жизни, либо индивидуальной, либо социальной» (Durkheim 1912: 3). Он всегда признавал важное значение «иррациональных» факторов социальной жизни, таких как верования, чувства, страсти, желания и т. п.

Таким образом, рационализм Дюркгейма был отнюдь не простым, однозначным и безграничным. Он не разделял точку зрения «упрощенного» рационализма Декарта и его последователей, несмотря на свою безусловную включенность в картезианскую традицию. С точки зрения Дюркгейма, единой и универсальной рациональности не существует. Социологический релятивизм в интерпретации морали и религии у него был неразрывно связан с релятивистской, неуниверсалистской, плюралистической трактовкой рациональности. Его суждения на этот счет носят вполне определенный характер: «Каждая мораль имеет свою собственную рациональность» (Durkheim 1975: 373). «...Я не вижу, как можно обоснованно утверждать, что мораль такой-то страны или такого-то времени более рациональна, чем мораль другой страны и другого времени. Все моральные системы имеют свою собственную рациональность» (Durkheim 1976: 374). Дюркгейм никогда не верил в то, что разум правит социальным миром.

Так как же все-таки оценить позицию Дюркгейма в целом и применительно к морали в частности: был ли он в действительности рационалистом или нет? Пытаясь ответить на этот вопрос, Ганс Йоас утверждает, что Дюркгейм был не «убежденным рационалистом», «но, скорее, «обновленным» рационалистом, даже глубоко очарованным (*fascinated*) иррационализмом...» (Joas 2015: 232). На наш взгляд, подобный ответ носит слишком туманный и даже загадочный характер, чтобы его можно было признать удовлетворительным.

Действительно серьезная задача состоит в том, чтобы постараться выявить специфику рационализма Дюркгейма и уточнить, *в каком именно смысле он был рационалистом, а в каком – нет*. В целом, он всегда был противником иррационализма, интуитивизма, мистицизма и т. п.,

поэтому в отношении данных позиций он не испытывал ни «очарования», ни «разочарования». Его интерпретация рациональности сложна и многозначна, а потому сама нуждается в интерпретации.

Для того, чтобы понять сущность рационализма Дюркгейма, с нашей точки зрения, необходимо различать *два аспекта в его трактовке рациональности: эпистемологический и онтологический*. Первый аспект относится к интерпретации им путей познания, метода социальной науки. Этот метод, с его точки зрения, должен быть безусловно и однозначно *рациональным*, опирающимся на дискурсивное мышление и эмпирическое знание. Это познание противостоит самым разнообразным формам иррационализма, интуитивизма и мистицизма. Это единый метод науки, объединяющий социологию со всеми науками, включая естественные. Каким бы сложным, разнообразным и изменчивым ни было дюркгеймовское истолкование рационального метода, он всегда был для него синонимом метода научного. Имея в виду этот аспект рациональности, можно утверждать, что на протяжении всей своей жизни Дюркгейм был *эпистемологическим рационалистом*.

Что касается *онтологического смысла* понятия «рациональность» у Дюркгейма, то последняя в его истолковании не так однозначна и носит, по существу, двойственный характер. В первом онтологическом смысле он понимает рациональность как некую *логику вещей*, которая делает ее доступной логике познающего субъекта. Это свойство рациональности, присущее социальной реальности, как и любой другой. Благодаря этому свойству социальная реальность, включая моральную, интеллигибельна, умопостигаема, доступна для рационального познания, осмысления, объяснения. Вот как сам Дюркгейм представляет этот смысл слова «рациональность»: «Речь идет тогда о рациональности объективной, имманентно присущей реальности, рациональности, данной в самих вещах, которую ученый *открывает, выявляет, но не создает*. В этом смысле, сказать, что мораль рациональна, значит просто сказать, что в каждый момент времени мораль как таковая и в том виде, как она может быть наблюдаема, образует систему *постижимых данных*. Именно в этом же самом смысле физик и химик допускают, что изучаемый ими физико-химический мир рационален и постижим» (Durkheim 1975: 343). В данном случае понятие рационального порядка у Дюркгейма совпадает с понятием естественного порядка вещей. Признавая эту рациональность социально-морального мира в ее самых разнообразных проявлениях, Дюркгейм несомненно выступает как *онтологический рационалист*.

Но этот онтологический смысл понятия «рациональность» у Дюркгейма не единственный. Во *втором смысле* онтологическая рациональность в его интерпретации означает разного рода рациональные элементы человеческого и социального поведения, такие как интеллект, рефлексия, логика, ценности разума, разумные мотивы и т. п. В отличие от предыдущей разновидности, это, с его точки зрения, «не объективная, имманентная, данная рациональность; это идеальная рациональность, которая является нашим творением, которую мы в разных дозах вводим в наше поведение» (Durkheim 1975: 344). Характеризуя эту разновидность рациональ-

ности, применительно к морали и, шире, социальной реальности в целом, Дюркгейм говорил: «...Если судить с фактической точки зрения, то мы никоим образом не можем констатировать, что рефлексия когда-либо рассматривалась и даже сегодня рассматривается в качестве необходимого фактора морали. ... Конечно, философский ум делает, что может, чтобы ее осмыслить; но он всегда приходит к этому неполным и усеченным образом, и прекрасно это осознает. Во всяком случае, громадное большинство субъектов ограничивается пассивным принятием господствующей морали, такой как она есть, не задавая ей никаких вопросов и даже ее не понимая» (Durkheim 1975: 344).

Имея в виду этот второй смысл понятия рационального у Дюркгейма, можно утверждать, что в данном аспекте он *рационалистом не был*. Он утверждал, что «роль, которую в нашей моральной жизни играет логическая потребность ... достаточно ограничена», а «теория, основанная на противоположном постулате» представлялась ему «несколько рискованной» (Durkheim 1975: 379).

В отличие от просветителей, Дюркгейм не считал, что разум, рациональное начало в различных его проявлениях, лежат в основе социального существования. И дело не в том, что он оказался «рационалистом, очарованным иррационализмом», а в том, что всегда, с самого начала и до конца своей научной деятельности он признавал огромное значение разного рода иррациональных факторов индивидуального и социального поведения: коллективных верований, чувств, страстей, «коллективного сознания» (понимаемого как «совокупность верований и чувств»), «коллективных представлений», «коллективного возбуждения», сакрального, традиций, обычаев, ритуалов и т. д. Это относится и к его ранним классическим трудам, и к поздним, и к многочисленным рецензиям, и к выступлениям на различных научных форумах.

Правда, Дюркгейм, как и Вебер, полагал, что роль рационального начала в современных европейских обществах усиливается, и будет усиливаться и в дальнейшем. Но и в будущем, с его точки зрения, потребность в разного рода иррациональных факторах, а вместе с тем и их значение, сохранятся. Это относится и к религии, в том числе и к новым культам, которые могут возникать в будущем; и к квази-религиям; и к гражданской религии. Иррациональное начало сохранится также и собственно в морали, даже если она будет в значительной мере секуляризована и освобождена от традиционного религиозного влияния, от того, что Дюркгейм называл «теологической религиозностью». Не случайно он настороженно относился к идее «научной морали»: признавая важнейшее значение «науки о морали», он отрицал, что эта наука сама может стать общественной моралью.

Специфическое сочетание эпистемологического рационализма и отмеченного нами онтологического иррационализма дает основание сопоставить исследовательские подходы Дюркгейма и Фрейда и увидеть их близость. Так же как Фрейд стремился дать рациональное и даже ультрарациональное объяснение человеческого поведения, которое в основе своей, согласно его интерпретации, является иррациональным, Дюркгейм стремился рационально исследовать социальную и моральную реальность, которая, с его

точки зрения, в значительной мере управляется иррациональными социальными силами. В обеих теориях мы видим специфическое сочетание рационалистических и иррационалистических тенденций. В обоих случаях имело место стремление *рационально исследовать и объяснить во многом иррациональную по своей сути реальность*.

Литература

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Юрайт, 2019.

Durkheim Ё. Textes 2. Religion, morale, anomie. Paris: Les Ёditions de Minuit, 1975.

Durkheim Ё. Les formes Ёййmentaires de la vie religieuse. P.: Ёйlix Alcan, 1912.

Joas H. Durkheim's Intellectual Development. The problem of the emergence of new morality and new institutions as a leitmotive in Durkheim's oeuvre // Emile Durkheim: sociologist and moralist. Ed. by S. P. Turner. London; New York: Routledge, 2015.

И. Ф. Девятко

Природа повседневных нормативных и оценочных суждений: ресурсы теоретического описания и «трудные вопросы» социологической метатеории

**Девятко
Инна Феликсовна**

Доктор социологических наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: deviatko@gmail.com

Аннотация. В докладе анализируется соотношение между социологическими теориями нормативного измерения социальной жизни и новыми направлениями в социологическом метатеоретизировании, получившими развитие в последние десятилетия. Будет обоснована необходимость рассмотрения первых в контексте метатеоретических исследований, проясняющих фундаментальные «трудные вопросы» социологического объяснения, в частности, вопрос о соотношении философских теорий морали и метаэтики с социологическими объяснениями природы повседневных моральных суждений. На примере историко-социологического анализа восходящего к И. Канту противопоставления «антропологии морали» и метафизики морали демонстрируются эвристические возможности такого метатеоретического исследования. Также будет показано, как классическое различие «эмпирической антропологии морали» и «этики философов» воспроизводится в рамках популярных в социальных науках теорий «двух систем» моральных суждений.

Ключевые слова: метатеоретизирование в социологии, социология морали, нормативное измерение социального действия, социальные нормы.

С конца 1990-х и до настоящего времени метатеоретизирование в социальных науках, как и тесно связанная с проблематикой общей социологической теории дисциплинарная область философии социальных наук, в значительной мере переориентировались с преобладавших в 1970-е – начале 1990-х задач описания и анализа базовых предположений, ключевых понятий и объяснительных стратегий основных социологических парадигм (ориентирующих стратегий, теоретических логик, моделей объяснения) (см., напр., (Friedrichs 1970; Effrat 1972; Ritzer 1975; Alexander 1982; Methatheorizing 1992; Девятко 1996)), на работу в рамках постепенно сформировавшегося нового ключевого направления социологического метатеоретизирования, которое во все больше мере ориентировалось на экспликацию лежащих в основании различий между парадигмами взаимоисключающих ответов на *фундаментальные трудности социологического объяснения*, например, формальные и содержательные трудности, связанные

с использованием состояний сознания и, уже, субъективных оснований действия, т. е. убеждений, предпочтений или желаний субъекта, в качестве его причинных детерминант (см., например, (Девятко 2003; Серл 2004; Martin 2011)). Такого рода «трудные вопросы» – социальная причинность и порождающие механизмы, природа и объяснительный статус сознания, интенциональность и рациональность действия, значение и интерпретация, свобода воли и природа нормативного измерения социальной жизни, которые прежде «числились» за философией социальных наук, все больше превращались во «внутренние» вопросы социологической теории, что имело и положительные последствия (растущая рефлексивность и убывающая «философская наивность» социологов-теоретиков), и отчасти негативные последствия, вызывавшие, в свою очередь, эпизодическую критику (Turner J. 1985; Skocpol 1986).

Если понимать метатеоретические концепции как рефлексивные теории о теориях, где приставка «мета-» указывает на производный, референтный и/или абстрактный характер некоторого понятия или концептуальной структуры относительно другого понятия/структуры, совершенно очевидно, что вопрос о природе нормативного измерения социальной жизни, присутствующего, в частности, постоянно производимым нормативным и оценочным суждениям социальных акторов, тесно вплетенным в ткань повседневного социального взаимодействия, явно носит метатеоретический характер. В качестве примера, иллюстрирующего различие между социологическими теориями морали первого порядка и метатеориями, т. е. общими социологическими теориями нормативности социальной жизни (теориями второго порядка), можно привести два высказывания, прямо указывающих на обширную область социологической теории, которая, судя по всему, вполне «созрела» для более внятной постановки метатеоретических вопросов: 1) «Нормы академической этики в современных обществах подвергаются разрушающему воздействию логики рынка» (натуралистская социологическая теория первого порядка) и 2) «Моральные нормы – это принятые большинством «здесь и сейчас» привычки» (возможны и другие формулировки последней позиции, различающиеся лишь в деталях, напр., «Нормы морали (или права) существуют лишь в силу того, что социальные акторы убеждены в их существовании»). Первое из высказываний может быть легко помещено в рамки господствующих в социологии науки и образования теоретических взглядов на трансформацию профессиональной морали ученых в результате экспансии идеологии менеджериализма и практической логики рынка и относительно прямо подвергнуто эмпирической проверке, второе – адресует нас к набирающему новую силу метатеоретическому спору о природе нормативности и возможности или необходимости «натурализации» (или даже «де-сверхнатурализации») теоретических моделей социальных норм и такой прямой проверке подвергнуто быть не может, поскольку его «эмпирические объекты» – это социологические теории морали, права и социального контроля. Однако сам характер разворачивающейся в этой области метатеоретической дискуссии, появление принципиально новых позиций и аргументов (см., напр., (Lukes 2008; Turner S. 2014; Девятко 2017)), а также перспектива их влияния на соответствующие пред-

метные социологические теории свидетельствует, на мой взгляд, о том, что у метатеоритизирования в социологии морали (как и в социологии права) есть очевидные перспективы.

Природа повседневных оценочных и нормативных суждений, прежде всего, моральных суждений, в соотношении с «профессиональными» суждениями философов, моралистов и правоведов, осознавалась в качестве в равной мере «трудного вопроса» и для метафизического, и для социально-научного исследования. Важным этапом на пути к современным постановкам этого вопроса стали, в частности, взгляды, излагаемые И. Кантом в «Основах метафизики нравственности» (1785). И. Кант уделяет немалое внимание принципиальному различию между эмпирической антропологией морали, изучающей, как люди действуют и выносят суждения в повседневно наблюдаемых морально релевантных ситуациях, и чистой философией морали. В основе последней лежат внутренне присущие разуму высшие принципы, которые не обусловлены никакими ситуативными, эмпирически фиксируемыми обстоятельствами, открываемы априорно и, главное, позволяют определять, как люди должны поступать. Кант отнюдь не отрицает способности обыденного морального сознания руководствоваться не только данными опыта, но и априорными понятиями, полагая, что «...человеческий разум в сфере морального, даже при самом обыденном рассудке, легко может достигнуть высокой степени правильности и обстоятельности» (Кант 1965: 226), однако различие между метафизическим исследованием источника априорных принципов практического разума и эмпирическим исследованием нравов важно для его позиции, в частности, потому, что первые выступают в качестве нормативного эталона для оценки вторых. Это различие, с одной стороны, прочно отделяет любую имеющую эмпирическое содержание науку о нравах от чистой философии морали («этики философов», как позднее обозначил ее Э. Дюркгейм). С другой же стороны, оно открывает перспективу исследования сферы морально релевантного методами эмпирических наук о поведении. Однако за пределами явного рассмотрения здесь по-прежнему остается ряд фундаментальных (метатеоретических) вопросов: что именно определяет моральную релевантность или, иными словами, наличие или отсутствие нормативного измерения в повседневных ситуациях, поступках и суждениях, составляющих объект изучения таких эмпирических наук? Как социальные акторы, индивидуальные или коллективные, решают, какие именно действия из множества имеющих с трудом поддающиеся учету и в разной мере доступные предвидению приятные или вредоносные последствия для окружающих заслуживают порицания или похвалы, не говоря уже о далеко не символических правовых санкциях? Наконец, может ли социальная теория норм (норм морали, права, конвенций) быть сугубо натуралистской, использующей в качестве объяснительных переменных исключительно наблюдаемые социальные, экономические и тому подобные факты и процессы и не обращающейся к идее рациональной воли как источника морального суждения обычных людей (то есть непрофессиональных философов)? И может ли такая социологическая или социально-психологическая теория рассматривать само различие «морального» и «неморального/аморального» как не имеющее самостоятельного значения и объяснительной силы?

На основании развития аргументов, приводимых С. Люксом в работах, посвященных критике морального релятивизма в социальных науках (Lukes 2008), будет сделан вывод о том, что конструкционистская позиция в вопросе выделения сферы «морально-релевантного» в социальной жизни сталкивается с непреодолимыми трудностями. Также впервые будет показано, что различие «этики философов» и «антропологии морали» по сути воспроизводится/отображается/трансформируется в рамках разработки все более популярных в социальных науках теорий «двух систем» моральных суждений – интуитивной/быстрой и рефлексивной/медленной (напр., (Greene 2007)).

Литература

Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996.

Девятко И. Ф. Понятие «нормы» в социологической теории: от классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических интерпретаций к новым идеям / Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Весь мир, 2017.

Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.

Кант И. Основы метафизики нравственности // Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. С. 211–310.

Серл Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Alexander J. Theoretical Logic in Sociology (4 vols). London: Routledge, 1982.

Effrat A. Power to the Paradigms // Sociological Inquiry. 1972. Vol. P. 42: 3–33.

Friedrichs R. W. A Sociology of Sociology. New York: Free Press, 1970.

Greene J. D. The Secret Joke of Kant's Soul // W. Sinnott-Armstrong (ed.). Moral Psychology. Vol. 3: The Neuroscience of Morality: Emotion, disease, and development. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. P. 36–79.

Lukes S. Moral Relativism. London: Profile Books, 2008.

Martin J. L. The Explanation of Social Action. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Metatheorizing. Ed. by G. Ritzer. Newbury Park, 1992.

Ritzer G. Sociology: A Multiple Paradigm Science. Boston: Allyn & Bacon, 1975.

Skocpol T. The Dead End of Metatheory // Contemporary Sociology. 1986. Vol. 16: 10–12.

Turner J. The Defence of Positivism // Sociological Theory. 1985. Vol. 3: 24–30.

Turner S. Explaining the Normative. Oxford: Polity Press. 2010.

И. В. Катерный

Новая социальность в эпоху постгуманизма: на пути к социологии 2.0

**Катерный
Илья Владимирович**

Кандидат философских наук, МГИМО МИД России;

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: yarkus@mail.ru

Аннотация. Социология как наука о человеческом обществе сталкивается с необходимостью реконцептуализации собственных метатеоретических оснований в эпоху пролиферации метаморфной постгуманизированной реальности. Постгуманизм конституируется вокруг трех основных метаморфоз: (а) изменений биологической природы человека и его социальной идентичности за счет расширения практик морфологической свободы, (б) качественных сдвигов в природе человеческого общества и появления неосоциальных и неоморфных акторов и (в) трансформаций в природе самих социальных и биосоциальных процессов через их ускорение и сопутствующей рискогенности культурных лагов. Трансформируя сократические основания классической социологии и смещая человеческое общество из центра познания, постгуманизм одновременно провозглашает «пансоциальность» новой предметной областью неосоциологии, делая ее примордиальной наукой об окружающем мире.

Ключевые слова: постгуманизм, метаморфозы, социальность, юбикомп, диспозитив, досократики.

История социологии, несмотря на всю разность существующих в ней подходов, в полной мере была историей исследования общества как сферы «взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга» (Давыдов 1998). Другими словами, универсальной пресуппозицией социологического знания долгое время было представление о том, что социология – это всегда наука о *человеческом* обществе. Операционализируя концепты «человека» и «человеческого общества», унаследованные социологией от традиции европейского гуманизма, можно указать на три важные идеи, вокруг которых они исторически конституируются еще со времен Сократа: приоритет человеческого над природным (антропоцентризм), контроль над бытием с помощью человеческого разума (рационализм), а также признание отдельной человеческой личности и ее свобод как базовой моральной ценности (либерализм). Таким образом, социология как наука о «современности» (П. Бергер), тем не менее, всегда была порождением и культурной платформой классического (сократического) гуманизма, в рамках которого (протагоровское) «человек есть мера всех вещей» оказывается онтологическим и аксиологическим фундаментом познания мира.

В XXI веке радикальные социальные метаморфозы на стыке рефлексивной модернизации и технологической революции ведут к изменению базовых онтологических и аксиологических констант человеческого существования и конституированию новой социокультурной ситуации, концептуализируемой под названием «постгуманизм» (Д. Харауэй, К. Вольф, Р. Бraidотти и др.). Новая реальность конституируется вокруг трех основных метаморфоз: (а) изменений биологической природы человека и его социальной идентичности за счет расширения морфологической свободы менять свои аскриптивные статусы (от пола до расы), (б) качественных сдвигов в природе человеческого общества (появление новых социальных участников, не принадлежащих царствам человеческого, живого и материального) и (в) трансформаций в природе социальных и биосоциальных процессов (ускорение, недолговечность и рискогенность происходящих изменений).

Рождение и утверждение дискурса постгуманизма продиктовано тем, что гуманизация социального пространства в процессе модернизации сталкивается с собственными противоречиями, поскольку прометеевское стремление к свободе на основе повсеместного прогресса требует на определенном этапе преодоления самих гуманистических идеалов и границ человеческого как такового. Как известно, от К. Маркса до Дж. Ритцера в социологии обсуждается диалектика отчуждения человека от человеческого, но даже в самом дегуманизированном состоянии человек здесь остается в центре познаваемого мира. Постгуманизм, идущий на смену эпохе гуманитарной модернизации, делает следующий шаг и ставит вопрос уже не об отчуждении, а *децентрации* и *замещении* человека и человеческого в социальной онтологии и аксиологии. Определение социологии как науки о «действиях людей в эпоху современности» (Гидденс 2011: 128) уже недостаточно, ибо само содержание примордиальных социологических концептов *действия, человека и общества* подвергаются глубинной метаморфозе.

Развитие новой мультикультурной, мультимедийной и свертехнологической культуры в XXI в. ведет к последовательному распространению смешанных коммуникаций, в рамках которых нечеловеческие, неживые и даже нефизические объекты все чаще замещают людей как партнеров по взаимодействию и во все большей мере опосредуют социальные отношения, делая последние зависимыми от них. Таким образом, постгуманизм, обозначающий в работах современных авторов новый этап в эволюции общества (Hayles 1999; Badmington 2000; Wolfe 2010), характеризуется, прежде всего, появлением особого социального действующего, который Р. Бraidотти, в частности, называет «постчеловеческим номадическим субъектом» (Braidotti 2013: 49). В эту категорию теперь входят не только все люди, имеющие возможность и право трансформировать свою биологическую и социальную идентичность, но и природные «другие» (от эмбрионов и отдельных животных до климатических процессов и Земли в целом) и не-человеческие «другие» (роботы, дроны, аватары и т. п.) – все то, что не обязательно способно говорить (как человек), иметь личность и разум, но способно быть «эмпирическим», т. е. производить действия или быть задействованным. Человеческое общество, для изучения которого задумы-

валась социология, более не описывается сугубо «человеческими» категориями, т. к. примордиальная аскриптивная демаркация, служившая основой социально-нормативного порядка, – демаркация между «мужским» и «женским», «человеческим» и «субчеловеческим», «естественным и искусственным», «физическим и нефизическим», – элиминируется.

Эффективным для характеристики онтологии постгуманизма является понятие *диспозитива* М. Фуко, под которым он подразумевал «некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, институты, архитектурные планировки, регламентирующие законы, административные меры... сеть, которая может быть установлена между этими элементами» (Фуко 1996: 268) и с помощью которого он анализировал эволюцию социальных отношений как стратегических ситуаций, характеризующихся различными форматами распределения власти и знания. Диспозитив описывает наличную конфигурацию источников социальной силы со всеми своими дискурсивными и не-дискурсивными элементами. В этом отношении постгуманизм характеризуется как новый супер-диспозитив, приходящий на смену диспозитивам модерна и глобализации. Если последние конституировались вокруг идеи укрепления иерархического господства власти-знания (секулярного) человека над пространством и временем и населяющих их объектов и субъектов, то постгуманизм кардинально децентрирует человека в мир *флюксуса* (от лат. *fluxus* – поток, течение), где источники власти и знания максимально рассредоточены, а объекты и субъекты образуют симбиотические коллективности, в рамках которых они могут быть вложены друг в друга, проникать друг в друга, извлекаться друг из друга или создавать сложные ансамбли друг с другом.

Таким образом, постгуманизм актуализирует постановку вопроса о природе не только человеческого в человеческом, но и человеческого в социальном. Некоторые социологи обосновывают необходимость выделения особой «искусственной социальности» (Резаев & Трегубова 2018) или «объект-ориентированной социальности» (Кнорр-Цетина & Брюггер 2005) в отдельный кластер явлений. Однако, на наш взгляд, социология не может изучать разные социальности, ибо это мета-понятие определяет как название самой науки, так и единство ее предмета, выступая критерием научности. Но если раньше социальность мыслилась как высшая, но особая форма реальности, отличная от других (физической, биологической, психологической), то в среде флюксуса социальность становится тотальной. Фундаментом этой тотальности становится повсеместная цифровизация или т. н. *юбикомп*. Все общественное пространство уже обрело новую структуру – в виде симбиоза физической и кибернетической реальности. В каждой точке пространства и времени беспроводная инфраструктура цифровой коммуникации делает каждого человека квантовым элементом тотальной сети распределенного или «окружающего» интеллекта (*ambient intelligence*). Сбор и обработка информации о каждом человеке происходит непрерывно и скрытно, попадая в базы данных «туманных» вычислений удаленных разумных машин. Невидимый искусственный интеллект, существующий в десятках миллиардах устройств интернета вещей (без учета специально созданных для этого компьютеров и гаджетов), создает симбио-

тическую среду, избежать которой не представляется возможным. Как указывает, американский исследователь новых медиа У. Митчелл, «разделение битов и атомов осталось в прошлом» (Митчелл 2012: 10). Сетевой разум оказывается внедрен повсюду, а сам человек в общественном пространстве неотделим от все более изолированных электронных органов.

Социология с вершины лестницы наук О. Конта перемещается в ее основание, ибо постгуманизм превращает социологию в примордиальную науку, а *пансоциальность* делает единственной и исключительной реальностью. Переосмысление же базовой дилеммы социологии – отношения «структуры» и «участия» – в постгуманистской перспективе через категории «задействования», «ко-агентации», «социального симбиоза», «трансмобильности» (Katernyi 2018) требует и новых социологических подходов и, несомненно, междисциплинарных переходов в самой науке. Таким образом, социология 2.0 или *неосоциология*, фокусируясь на исследовании всесторонних зависимостей внутри пансоциальности, вовлекает в свой предмет такие новые уровни и ареалы социального как:

- цифровые практики, данные и коммуникации (от анализа «больших данных» до конструирования посттюринговых аватар-технологий);
- биосоциальные трансмобильности (от гендерных переходов до генной инженерии);
- киборг-антропология (человек как интерфейс «мозг-машина»);
- социальная робототехника (от исследования эффекта «зловещей долины» до проблемы этики искусственного интеллекта);
- экологический метаболизм (от урбанической экологии до климатических изменений);
- социальная нейрофизиология (интенциональность, ответственность, мораль как нейро-социальные процессы);
- футурология (будущее как множественная социальная реальность).

Дискурс постгуманизма в своем нынешнем виде описывает не конец эпохи гуманизма в этическом или моральном смысле, но, прежде всего, провозглашает новую онтологию человеческого существования. Социология как наука не перестает существовать от этого, но ее сократические основания как гуманитарной науки будут меняться. Проводя историческую связь, постгуманизм в культурном смысле возвращает нас к временам досократической философии. Досократики (ионической школы) ставили в центр познания космос, а не человека или его разум. Гилозоистические идеи об универсальной одушевленности сущего делали всякое противопоставление человека миру чуждым их представлению о всеобщей зависимости всех явлений: природа, общество и индивид подчинены действию одних и тех же законов и рассматриваются как изоморфные структуры, зеркально отражающие друг друга. Человек и вся сфера социального не выделяются из общекосмической жизни, бытие и небытие, материальное и идеальное не имеют четкого различия. Так же и постгуманизм: с концептуальной точки зрения он не отрицает человека и достижения гуманизма, но мак-

симально раздвигает границы коммуникативного и аксиологического общества. И в этом смысле «новый гилозоизм» строится уже не на примате природы, а на примате общества. Социальный космос становится всеобщим планом имманентности, в котором укоренены все наличные тела, события и процессы. Говоря словами М. Фуко, постгуманизм governментализирует социальность как источник власти-знания – через устранение антропоцентризма в праве и морали, через создание новых коллективных и индивидуальных форм разума (от Интернета до ИИ) и через изменение природы самого человека, максимизируя индивидуальную морфологическую свободу до пределов воображения. Конечно, смещая витрувианского человека с пьедестала эволюции, постгуманизм рискует заменить его либо новым монстром Франкенштейна, либо новым сверхчеловеком. Развитие искусственного интеллекта, биоинженерии, киборгизация и создание неорганической жизни предоставляют все инструменты для этого. Вызовы анти-гуманизма уже сейчас воплощаются в распространении т. н. «некро-политики», которая, в частности, выражается в бюджетировании новых разработок в области высокотехнологичных и все более автономных (от человека) средств уничтожения людей. Однако, эпоха постгуманизма не означает неизбежной и тотальной дегуманизации социальной жизни. Дегуманизирующие тенденции были свойственны модерну с самого его начала его зарождения, о чем нам поведали авторы хрестоматийной «Диалектики просвещения». Развитие постгуманизма может быть отталкивающим, бесполезным, беспорядочным, но может быть и возбуждающим или исполненным надежд, потому что пока живы институты современности чувства онтологической безопасности и экзистенциальной угрозы будут сосуществовать в своей постоянной социальной амбивалентности.

Литература

Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. М.: Праксис, 2011.

Давыдов Ю. Н. Определяя «общество»: от истории понятия к уточнению концептуальных границ // Социологический форум. 1998. Т. 1. № 1. (Электронный ресурс) URL: <http://www.sociology.ru/forum/98-1davidov-an.html> (дата обращения: 15.05.2010)

Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2. С. 29–49.

Митчелл У. Я++: Человек, город, сети / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2012

Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер.с фр. М.: Касталь, 1996.

Badmington N. Posthumanism. Basingstoke: Palgrave, 2000.

Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013.

Hayles N. K. How We Became Posthuman. Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: The University of Chicago Press, 1999.

Katernyi I. V. Trans-Mobilities in Post-Human Era: How is Social Order Still Possible? // RUDN Journal of Sociology. 2018. № 4. P. 638–650.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. Are Sociologists Ready for ‘Artificial Sociality’? Current Issues and Future Prospects for Studying Artificial Intelligence in the Social Sciences // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2018. № 5. P. 91–108.

Wolfe C. What is Posthumanism? Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.

Н. И. Лапин

Вызовы социокультурной трансформации России и потребность в конституционной социологии

**Лапин
Николай Иванович**

Член-корреспондент, доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: lapini31@mail.ru

Аннотация. На персонально-юбилейной конференции РОС, концентрирующей внимание на проблемах вызовов, трансформаций и будущего социологии, уместно вспомнить о совместном докладе Т. И. Заславской и В. А. Ядова, с которым Владимир Александрович выступил на юбилейном съезде РОС в 2008 г. Они тогда заключили: трансформация российского общества не закончилась, поскольку не достигнута основная стратегическая цель реформ – обеспечение социально-экономической конкурентоспособности России в соотношении с развитыми странами Запада, а результаты реформ и перераспределения общественного богатства оцениваются массовыми слоями общества как нелегитимные. Примерно за год до кончины Владимира Александровича в беседе с ним я спросил: сохраняет ли силу этот вывод применительно к состоянию российской трансформации спустя пять с лишним лет? Он ответил утвердительно. Сегодня, спустя почти треть века после начала шоковой терапии, результаты социологических, экономических, политологических и иных исследований подтверждают обоснованность приведенного вывода. При этом можно сделать существенные уточнения.

Ключевые слова: социальная трансформация, гибридный транзит, конституционная экономика, конституционная социология, социальное государство, цивилизм.

На персонально-юбилейной конференции РОС, концентрирующей внимание на проблемах вызовов, трансформаций и будущего социологии, уместно вспомнить о совместном докладе Т. И. Заславской и В. А. Ядова, с которым Владимир Александрович выступил на юбилейном съезде РОС в 2008 г. (Заславская & Ядов 2010). Они тогда заключили: трансформация российского общества не закончилась, поскольку не достигнута основная стратегическая цель реформ – обеспечение социально-экономической конкурентоспособности России в соотношении с развитыми странами Запада, а результаты реформ и перераспределения общественного богатства оцениваются массовыми слоями общества как нелегитимные.

Примерно за год до кончины Владимира Александровича в беседе с ним я спросил: сохраняет ли силу этот вывод применительно к состоянию российской трансформации спустя пять с лишним лет? Он ответил утвердительно. Сегодня, спустя почти треть века после начала шоковой терапии,

результаты социологических, экономических, политологических и иных исследований подтверждают обоснованность приведенного вывода. При этом можно сделать существенные уточнения.

В постсоциалистической России вместо трансформации к действительно новому обществу совершен гибридный транзит к обществу, ликвидированному 100 лет назад: сначала был создан «бандитский капитализм», который затем был модернизирован в корпоративно-олигархический, периферийный «капитализм для своих». Опираясь на крупный бизнес и приняв стратегию российского либерализма, Правительство РФ, поддерживаемое Президентом, сумело перевести российское общество из колеи центрально-планируемого, но в условиях глобализации неконкурентоспособного, в колею слабоуправляемой эволюции к менее конкурентоспособному, деиндустриализированному и извне информатизируемому потребительскому обществу с многократным неравенством доходов малообеспеченных, обеспеченных и богатых страт населения. Значительная часть населения адаптировалась к новым условиям, заняв позиции индивидуализированной социальной апатии и вновь заместив свои гуманистические ожидания надеждами на харизматического лидера. Остальные страты оказались социетальными маргиналами – не только униженные бедные, но и унижающие всех сверхбогатые. Возник социетально-рецессивный застой, который становится рискогенно опасным для судьбы России как самодостаточного общества и суверенного государства.

Это значит, что расширяется и обостряется **гражданско-конституционный конфликт** – конфликт интересов граждан с политикой государства, не обеспечивающего должное осуществление Конституции как основного договора граждан с государством. Конституция – **особая социоинституциональная реальность**: она выражает результат взаимного согласия граждан с государством, их **консенсуса**, содержание которого имеет высший нормативно-правовой статус, обязывающий государственных служащих и всех граждан данного общества, функционирование которого регулируется государством, к исполнению конституционных норм вплоть до насильственного принуждения.

В какой мере действительна эта реальность, чьи интересы и ценности она фактически воплощает, в том числе в условиях неразвитости гражданского общества или его отсутствия? Какие научные дисциплины берут на себя ответственность за изучение этой реальности?

По-видимому, прежде всего, это задачи конституционного права, а также политологии, которые, естественно, ограничивают свои задачи сферами своих компетенций. Но в конституциях современных государств формулируются также нормы экономической, демографической, социальной, культурной и иных сфер жизни человека, общества. Это создает потребность в целом семействе социогуманитарных дисциплин, изучающих конституционно регулируемые сферы жизнедеятельности людей, включая социальную философию и философию истории.

Экономисты в США, Англии и других западных странах уже в 60-е годы XX в. проявили инициативу и стали разрабатывать **конституционную экономику**. К настоящему времени это новое направление

экономической науки достаточно сложилось и обрело лауреатов нобелевской премии: Дж. Бьюкенен (США) и др. Российские экономисты также утверждают это направление¹.

Социологи за рубежом и в России пока не осознали свои задачи в осмыслении конституции каждой страны как особой социоинституциональной реальности. Я считаю, что в российской социологии есть потребность и возможность продвинуться в изучении этой реальности, проблемы которой становятся все более актуальными. Их актуальность особенно значима в связи с **вызовами социальных, точнее – социокультурных трансформаций**, в широком контексте проблем цивилизационного развития России.

Конституция Российской Федерации сформировалась в результате ожесточенной борьбы противостоявших социально-политических сил России в начале 90-х гг. XX в., которая в октябре 1993 г. приняла характер вооруженного противостояния, вплоть до кровопролития. Содержание Конституции РФ имеет преимущественно либерально-авторитарный характер, но включает существенные демократические компоненты, свидетельствующие о компромиссе, который получил всенародное одобрение в результате голосования 12 декабря 1993 г. Этот **компромисс стал основополагающим социоинституциональным фактом** дальнейшего существования и эволюции России – ее общества и государства, цивилизационного процесса. В наши дни, через четверть века, в условиях последнего конституционного срока президентства В. В. Путина, требуется не замалчивать, а акцентировать этот факт как значимый для демократизации и гуманизации ближайшего будущего России.

Одним из очевидных свидетельств конституционного компромисса, наиболее значимым для социологического знания, является, по моему убеждению, статья 7 Конституции, утверждающая РФ как **социальное государство**. В российской социологии есть несколько книг и немало статей по этой теме. Обсуждаются методологические, исторические, социально-экономические, идеологические и многие другие ее аспекты. При этом положения названной статьи рассматриваются, скорее, как обычные теоретические формулы, которые авторы исследований соотносят со своими формулами или формулами других исследователей, российских и зарубежных. Акцентируется очевидное несоответствие между, с одной стороны, содержанием таких терминов как «достойная жизнь» и «свободное развитие человека», используемых в первой части статьи 7, и с другой стороны – эмпирическими реалиями жизни общества и граждан в России. Конкретные направления социальной политики, названные во второй части данной статьи, справедливо оцениваются как недостаточные. Но не уточняется, какие возможны более адекватные показатели реализации гуманистических понятий данной статьи. Не замечается возможность интерпретации двух частей статьи 7 как разных функций социального государства на разных стадиях развития общества – индустриальной и постиндустриальной. Без внимания остается тот значимый факт, что социальное государство – это принцип, который представляет собой неотъемлемую часть всей системы

¹ См. (Баренбойм и др. 2010)

конституционных принципов российского государства, т. е. предоставляет возможность конструировать легитимные проекты гуманистического развития российского общества и добиваться их реализации на основе действующей конституции.

Конституция РФ предоставляет и другие возможности развития общества в гуманистическом направлении. Таким образом, становление конституционной социологии – важный ресурс повышения роли социологии в научном обосновании ответов на вызовы социокультурной трансформации России, в том числе в широком контексте ее цивилизационного развития.

Фундаментальной остается проблема **оснований, критериев**, по которым можно прогнозировать характер, тип будущего российского общества: сохраняются ли формационно-классовые или технико-технологические, сциентистские основания? Либо целесообразно вести поиски в русле цивилизационных или антропосоциокультурных оснований? Например, в русле концепции цивилизма, которую еще в конце 80-х гг. XX в. предложил академик В. С. Нерсисянц. Новую аргументацию в пользу этой концепции недавно привела доктор юридических наук В. В. Лапаева.

Изучение этих проблем – задача не только социологии, но и социальной философии и философии истории. Желательно сотрудничество исследователей, работающих в этих и смежных дисциплинах. Развитию такого сотрудничества способствует проблемно-поисковый семинар «Актуальные проблемы философии истории», который уже два года работает при ученом совете Института философии РАН с периодичностью раз в два месяца. Как руководитель этого семинара, я приглашаю всех желающих к активному участию в нем.

Литература

Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И., Мау В. А. Конституционная экономика. Отв. ред. Г. А. Гаджиев. М., Юстицинформ, 2010.

Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Материалы пленарного заседания Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 года. Под ред. Г. В. Осипова, М. К. Горшкова. 2010. С. 91–108.

А. Мерт

Проблема самосознания в «Элементарных формах» Дюркгейма

Мерт
Ахмет

Студент магистратуры, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: amert@hse.ru

Аннотация. Религия, для Дюркгейма, является не только одним из других социальных явлений, но и их первоначальной формой, из которой были ответвлены сложные социальные формы, и, тем самым, обладает силой охватить собой остальные. Религиозное сознание, следовательно, есть та форма сознания, которая является первоначальной и примитивнейшей формой сознания среди его всех дальнейших ответвлений и комплексных форм. Было бы справедливо сказать, что все развитие сложных форм есть сложение того элементарного зерна, представленного в религиозном сознании. Собственно говоря, дюркгеймовский анализ в «Элементарных формах» представляет собой своеобразную попытку построения само-рефлексивной теории, сложной системы мышления, которое делает свою самую элементарную форму своим предметом.

Ключевые слова: Дюркгейм, «Элементарные формы религиозной жизни», самосознание, религия, наука, само-рефлексивная социология.

Социология раннего Дюркгейма, главным предметом которой выступают «социальные факты», имеет более эпистемологический характер. В «Правилах социологического метода» Дюркгейм изучает вопрос научного метода в изучении социальных фактов, и о том, как надо их мыслить (Дюркгейм 1995). Данное соотношение мышления со своим внешним предметом не содержит в себе заботу о самом мышлении. Эти научные представления Дюркгейма базируются в размытом и традиционном представлении о науке. Не удовлетворившись этой неопределенностью, Дюркгейм в конце своей жизни вернулся к вопросу о самом мышлении, к которому относится, в том числе его социологическое мышление. Можно сказать, что его «Элементарные формы религиозной жизни» служил «предварительным фрагментарным вклад» в ответ на этот вопрос.

В «Элементарных формах» Дюркгейм рассматривает австралийскую тотемическую систему в качестве самой примитивной формы религии. Его главная стратегия в выборе элементарнейшей/самой примитивной формы религии в качестве объекта исследования заключается в том, что делающую всех религии религиями суть религии можно найти даже в самой примитивной форме, к тому же, в самом чистом и простом виде без теологи-

ческих и мифических компонентов (Дюркгейм 2018: 27–28). За этим интересом к религии стоит более острый и особый замысел. Религия является не только одним из других социальных явлений, но и их первоначальной формой, из которой были ответвлены сложные социальные формы, и, тем самым, обладает силой охватить собой остальные. Религиозное сознание, следовательно, есть та форма сознания, которая является первоначальной и примитивнейшей формой сознания среди его всех дальнейших ответвлений и комплексных форм. (Дюркгейм 2018: 39) Было бы справедливо сказать, что все развитие сложных форм есть сложение того элементарного зерна, представленного в религиозном сознании. Осознание этого сознание есть не что иное, как самосознание социологического мышления. Собственно говоря, дюркгеймовский анализ представляет собой своеобразную попытку построения само-рефлексивной теории, сложной системы мышления, которое делает свою самую элементарную форму своим предметом. Предметом науки, по Дюркгейму, является тот предмет, истинность которого принимается как предпосылка и доказывается в итогах (Дюркгейм 2018: 718–719). В этом смысле, социологическое мышление Дюркгейма, взятое в качестве предпосылки, путем анализа и доказательства первобытного мышления, обосновывает самого себя.

Литература

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. М.: Издательский дом Дело, 2018.

Дюркгейм Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

Г. Б. Орланов

«Смерть детерминизма» в социологии: есть ли альтернатива?

**Орланов
Георгий Борисович**

Доктор социологических наук, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия.

E-mail: orlanovgb@yandex.ru

Аннотация. Ряд известных социологов (М. Вевьерка, П. Бурдые, и др.), а также ученые-естествоиспытатели (например, И. Пригожин, И. Стенгерс) считают, что понятие детерминизма сегодня уже не является адекватной методологической основой исследований социальных и природных процессов. Поэтому его следует исключить из арсенала эффективных научных инструментов. Но достаточно ли аргументов для подобных радикальных выводов?

Деятельностный подход (на котором всегда настаивал В. Ядов) позволяет построить альтернативу подобным взглядам в социологии. Целесообразнее вести речь не о «смерти детерминизма», а о развитии содержания данного понятия. Тем самым сохраняется методологическая основа понимания социальных регулярностей (закономерностей) и построения процедур объяснения. В социологии такую альтернативную позицию правомерно назвать рефлексивным детерминизмом.

Ключевые слова: детерминизм, рефлексивный детерминизм, субъектно-объектная обусловленность социальных процессов и явлений, роль случая, система доверия.

Организаторы XVIII Всемирного социологического Конгресса (Швеция, Гетеборг 2010 г., «Социология в движении» – “Sociology on the move”) начинали обоснование главной темы этого форума с фразы “Determinism is dead in the social sciences” (Wieviorka 2010). Судя по всему, «смерть детерминизма» предлагалось рассматривать как одно из самых существенных «движений», демонстрирующих эволюцию категории – от классического признания фундаментальной ее роли как методологической основы исследования социальных процессов и построения научных объяснений до потери доверия к ней в современных условиях.

П. Бурдые идет в том же направлении. Он считает, что социум не может быть истолкован ни с помощью детерминизма структур, ни с помощью детерминизма субъективных действий. Отсюда реакция П. Бурдые на тех исследователей, которые придерживаются детерминизма: «Я посто-

янно использую социологию, чтобы попытаться очистить мою работу от социальных детерминистов... я ни на минуту не сомневаюсь, что полностью свободен от них» (Бурдье 1995: 17–18).

Радикально настроенные представители постмодернизма с их стремлением отказаться от всех прежних классических категорий настаивают на необходимости признания уникальности любого исторического события в духе тезиса «каждая единичность – это иной доступ к миру» (Нанси 2004: 55). Естественно, что при таком подходе невозможно прорисовать какие-либо линии детерминации в совокупностях уникальных единичных миров.

В этом контексте уместно вспомнить менее радикальные позиции двух классиков социологии. В частности, П. Сорокин настаивал на том, что более корректной позицией, чем традиционное представление о поступательном развитии истории (которое явно опирается на идею детерминизма), является концепция «бесцельных исторических флуктуаций» (Сорокин 1992: 310). Такая концепция, очевидно, ставит под сомнение ценность детерминизма как методологической основы понимания траектории социальной жизни. Но в отличие от одномерной позиции некоторых современных постмодернистов, П. Сорокин видел задачу социологии в том, чтобы увязать в единую картину признание «бесцельных исторических флуктуаций» и естественное требование науки выявлять определенные регулярности («закономерности») социальной жизни, что так или иначе не может не опираться на идею детерминизма.

Близка к этому и известная позиция М. Вебера, который стремился увязать в единую картину признание «судьбической констелляции» факторов (т. е., сочетания случайных совпадений), определяющих социальную динамику, и требование каузального подхода во всяком научном исследовании, что явно попадает в диапазон отношений детерминации.

Если бы «смерть детерминизма» констатировалась только некоторыми представителями социальных наук, то это можно было бы списать на неизбежную мультипарадигмальность подходов и особенности авторских построений. Однако подобная констатация характерна и для естественных наук, в рамках которых общее согласие научного сообщества по поводу трактовок многих важных понятий считается обязательным условием эффективного научного исследования, по меньшей мере, в периоды «нормального» (по Т. Куну) развития самой науки.

Лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, анализируя смену парадигм в естествознании, приходит, фактически, к таким же критическим выводам в отношении детерминизма. Он говорит о его соответствии только весьма ограниченному классу физических систем – устойчивым классическим и квантовым системам (Пригожин & Сингерс 2000: 10). Для понимания динамики более сложных и неустойчивых систем, в которых случайные факторы играют уже иную роль, классический детерминизм ничего не дает.

Представляется интересным отметить, что с надеждой на сближение естественных и гуманитарных наук И. Пригожин стремится обозначить контуры новой философии и методологии научного знания. В частности,

он считает, что на наших глазах формируется «промежуточная» картина мира между двумя противоположными – «детерминистическим миром и произвольным миром чистых событий». По его мнению, «реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью» (Пригожин & Сингерс 2000: 224). Есть некоторая «узкая тропинка», позволяющая избежать драматической альтернативы между слепыми законами и произвольными событиями. По этой тропинке наука и начинает двигаться.

Контур альтернативного подхода к интерпретации детерминизма в социологии, акцентирующего внимание на развитии содержания понятия, а не на исключении его из арсенала научной инструментов, можно обозначить следующим образом.

1. Следует признать верными аргументы сторонников тезиса о «смерти детерминизма» в той части, которая связана с указанием на «беспомощность» классического детерминизма при описании эволюции сложных систем под воздействием случайных факторов на «нелинейных участках» развития. В частности, в «точках бифуркации» природных и социальных процессов невозможно выделить факторы, которые однозначно, как того требует классический детерминизм, определили бы дальнейшее изменение системы.

2. Социологический и философский анализ показывает, что детерминизм как концепт имеет сложное строение. Необходимо различать, по меньшей мере, два уровня (аспекта) значений: а) признание общей обусловленности хода процессов и б) указание на характер связи конкретных событий. Без учета сложного строения самой категории невозможно найти выход из периодически возникающих «кризисов детерминизма».

В частности, если события связаны принципиально неоднозначно (случайным образом), это еще не означает отсутствия общих условий, в рамках которых проявляется тот или иной случайный фактор. Иным общим условиям может соответствовать и иной диапазон случайных факторов. Следует обратить внимание на то, что понятие детерминизма изначально характеризовало не только связь событий (в классическом варианте эта связь однозначна «как у Лапласа»), но и общие рамки обусловленности всей траектории движения систем. Т. е., фактически характер связи конкретных событий экстраполировался на картину мира в целом. В классическом детерминизме эти два уровня значений совпадают. Отсюда и соответствующая картина мира с верой в универсальную однозначную связь всех событий мироздания.

3. Анализ позиций тех исследований, которые стремятся вывести детерминизм за пределы современного эффективного научного аппарата, показывает следующее. Фактически они имеют в виду второй аспект значений этого понятия – указание на характер связи конкретных событий. Именно тут, как показало развитие науки, невозможно опираться на представление об однозначности связи. При этом первый уровень значений понятия детерминизма этими исследователями фактически признается, хотя и называется другими словами («определяет...», «приводит к...», «производит...» и т. п.).

4. Альтернативную трактовку детерминизма можно назвать *рефлексивным детерминизмом*. Суть такого подхода правомерно выразить тезисом о субъектно-объектной, в этом смысле двойственной, обусловленности социальных явлений и процессов. Э. Гидденс в своей теории структуризации говорит о «дуальности» структуры, соразмерное осмысление которой позволяет избежать ошибочного редукционизма – сведения общественной динамики либо к объективным (структурализм, функционализм и др.), либо к субъективным (герменевтика, феноменология и др.) факторам (Гидденс 2005: 71). И хотя сам Э. Гидденс, не использует термин «рефлексивный детерминизм», – вероятно, в силу распространенного недоверия к детерминизму в научной среде, – его понимание дуальности позволяет выстроить такую интерпретацию. Ключевая мысль здесь заключается в том, что момент продуцирования действия является одновременно и «моментом конструирования определенной социальной практики, как части отношений общества» (Гидденс 2005: 40). Социальные акторы в процессах коммуникации отслеживают все факторы, определяющие их собственную активность и изменение социальных контекстов, а также одновременно вносят (создают) новые факторы влияния на социальную динамику. В плане подобной «дуальности» следует учесть то, что в сложных социальных системах формируются «природо-социальные реалии» (Yanitsky 2010).

5. Человек встроен в прецедентный, статистический порядок мироздания, сам формирует прецедентную среду своего обитания – общество с соответствующими меняющимися институтами, определяющими историческую эволюцию обновляющихся от эпохи к эпохе форм и способов социального существования. В этом контексте понимания детерминации социальной жизни правомерно считать, что не существует никакой предзаданной траектории развития общества, никакого «генерального плана» истории, который какой-либо гений мог бы открыть и представить как обязательный проект будущего всей цивилизации. В любой момент согласованные и базирующиеся на доверии действия социальных акторов способны придать иное направление социальному развитию. Внешние («объективные») обстоятельства – лишь ограничения на этом пути, но не доминирующие причины, предопределяющие ход социальных процессов.

В этом плане представляется перспективной идея Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, согласно которой современное мировидение начинает задавать «новый образ детерминизма», иной его тип, напрямую связывающий детерминизм с управлением: «Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и возможностью выхода на желаемое будущее. Это детерминизм, который усиливает роль человека» (Князева & Курдюмов 2005).

В условиях роста взаимозависимости структурных элементов социума, увеличения сферы непредсказуемости и неопределенности, возрастания угроз и рисков человеческой деятельности понимание детерминизма во все большей степени начинает связываться с тем культуралистским разво-

ротом в социологических теориях, центральным звеном которого сегодня становится система доверия. Трактовка системы доверия далеко выходит за рамки личностных установок, за рамки психологии вообще, и начинает рассматриваться в качестве характеристики межличностных отношений, в качестве культурного ресурса, меняющего угол зрения на все современные вопросы. Это проявляется при анализе причин атрофии духовных ценностей, атомизации социальной жизни, деперсонализации и инструментализации отношений социальных акторов, в интерпретациях трансформаций по линиям «гражданское общество – государство», «космополитизм – национально-государственная ориентация», «вещественный капитал – социальный капитал», «материалистические ценности – постматериалистические ценности», «глобализация – локализация» и т. п.

Доверие правомерно рассматривать как первостепенно значимый на современном этапе элемент той модели детерминации социальной динамики, принятие которой позволяет выделить в многообразии (хаосе) социальных явлений и процессов наиболее важные «точки приложения» активности социальных акторов. Доверие начинает трактоваться как базовая характеристика, как «основа общества», предопределяющая жизнеспособность социума, его конкурентоспособность, успех систем управления, уровень благополучия и темпы развития общества. Тем самым доверие на уровне фундаментальных социальных отношений начинает трактоваться как решающий фактор, определяющий социальную динамику в целом (Фукуяма 1999; Штомпка 2012).

В целом можно считать достаточно обоснованным вывод о том, что детерминизм в современной социологической теории способен и далее играть свою методологическую роль в исследованиях социальной реальности, если это понятие трактовать в рефлексивном ключе. Во всяком случае, такой вывод представляется более аргументированным, чем тезис о «смерти детерминизма».

Литература

Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. С. 17–18.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации (2-е изд.). М.: Академический Проект, 2005.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры. (Электронный ресурс). Электронная библиотека Международного Центра Рерихов. Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/1247>.

Нанси Ж.-Л. Бытие, единичное, множественное. Минск: Логвинов, 2004.

Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 123–162.

Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с польск. М.: Логос, 2012.

Wieviorka M. Priorities. Sociology on the Move. XVII ISA World Congress of Sociology Sociology on the Move Gothenburg, Sweden 11 – 17 July 2010. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.isa-sociology.org/congress2010>.

Yanitsky O. N. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: Taus, 2010.

Н. В. Романовский

Текущий дискурс будущего социологии

**Романовский
Николай Валентинович**

Доктор исторических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: romanival@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемом докладе будут охарактеризованы основания научного, социологического подхода к современному дискурсу будущего социологии. Основная проблематика доклада выстроена вокруг тезиса о том, что в дискурсе среди факторов, могущих стать определяющими для будущего социологии, не следует акцентировать тему кризиса. Среди факторов, способных произвести прорыв к «иной» (термин Д. Калекин-Фишман) социологии, в настоящее время выделяются два. Первый – последствия для социальных наук информационной революции, меняющей техническую сторону сбора релевантной информации. Второй, более существенный: формирование «постколониальной» социологии, выступления в этом русле большой группы социологов, их теоретизирования, в перспективе способные существенно изменить общую карту нашей науки.

Ключевые слова: социологическая теория, будущее социологии, информационная революция, «постколониальная» социология.

В. А. Ядов был большим, образцовым социологом, интересовавшимся развитием, движением во времени и пространстве нашей отрасли научного знания. Этот факт зафиксирован и на страницах журнала «Социологические исследования» (2012, № 4: 3–7), который я представляю. Обращаясь к современным взглядам на будущее социологии, уточню временные рамки текущего дискурса этой проблемы – последние пять-семь десятилетий. Вклад в этот дискурс не первый десяток лет вносит и наш журнал. В этом отражена модель руководства научным производством в структуре АН СССР, теперь РАН: отказ от частой (3–5 лет – норма многих зарубежных периодических изданий) сменяемости руководства журналов. В этом деле Соцису повезло: 20 лет им руководил Ж. Тощенко, понимавший значение общих проблем социального знания, интереса к прошлому, настоящему, будущему нашей науки. Новый руководитель журнала мыслит в этом плане «правильно». В меру возможного журнал отражает грани происходящего в нашей науке, споры по поводу ее будущего, и пр., – то, что называется дискурсом. «Публикаторская политика» нашего журнала в плане понимания проблемы будущего социологии ведется на научных основаниях.

В анализе конкретики этого дискурса последних десятилетий я не стал бы акцентировать проблему кризиса. Кризис – явление для знания постоянное; к тому же это и признак развития. В дискурсе будущего я бы обратил внимание на диапазон прогнозов: от своего рода «ликвидации»

самостоятельной науки «социология» и ее трансформации в социальную науку (вариант – «историческая социальная наука», формула от М. Вебера) до ее успехов и процветания. Важна в этом плане набирающая силу междисциплинарность как предвестник сдвигов в отраслях (дисциплинах) знания и перекройки его привычной карты современного состояния. Реализация этого прогноза, хотя не обещает социологии комфортной жизни, не должна рассматриваться как катастрофа. Скорее каждому из нас придется мобилизовать усилия по выходу из грядущего кризиса социального знания. И остается вопрос: откуда ждать подвижек такого рода?

Фундамент здесь – история социологии и – шире – социальной науки, понимание факторов ее динамики. Исторический подход достоверно организует возможность прогнозировать тенденции, ориентироваться в происходящем в социологии меняющегося мира, в смыслах тенденций, усилий и достижений конкретных ученых. Отдельной гранью такого постижения выступает знание современной социологической теории, включая тенденции, находки и поиски ученых, тематику их исследований.

Переходя к параметрам современного дискурса будущего социологии, останавлиюсь на основаниях его анализа. Почти уже 10 лет назад (Социологические исследования. 2010, № 10: 123–133) мы опубликовали результаты исследования набора и силы факторов, детерминирующих на протяжении всей истории социологии ее успешное развитие. Сила каждого из выявленных на материале истории нашей науки 14-ти факторов (10 из них – эндо- и 4 экзогенные) измерялась по 10-тибальной шкале в экспертном опросе. Эти результаты, в частности, дают возможность отслеживать и анализировать содержание и динамику взглядов на будущее нашей науки.

Современный дискурс этой проблемы вращается, прежде всего, вокруг «окружающей среды» социологии как одной из социальных наук. Это могут быть исходящие от государственной власти импульсы (включая ресурсные), актуальные запросы властей и гражданского общества, потребности страны, достижения науки и техники и др. При этом: а) в разные периоды на первый план выходят разные детерминанты и их сочетания; б) факторы развития в решающей мере обнаруживают свой потенциал в усилиях ученых, внося тем самым в науку неповторимую неопределенность. Таковы, вкратце, научные основы предлагаемого ниже анализа темы секции № 4.

Останавлиюсь лишь на двух факторах происходящего реального движения социологии в будущее и соответствующего дискурса. Эти два фактора наиболее значимо, на мой взгляд, меняют социологию последних 10–15 лет. Происходящая *«революция цифры»* затрагивает и будет все интенсивнее трансформировать техники сбора социальной информации. Можно прогнозировать прорывные достижения в областях сбора, классификации и общего анализа социальной информации, собираемой с использованием возможностей цифровой, информационной техники и соответствующих технологий. Уже сейчас итоговые аттестационные работы бакалавров и магистров социологии по преимуществу строятся или на материалах, черпаемых из социальных сетей, или собираются через такие сети. Эта тенденция будет только набирать силу. Подчеркну при этом информацию, связанную со временем

(историческая социология, массовая цифровизация архивов и демократизация доступа к ним) и с пространством (наблюдение, включая наблюдение из космоса). Большие данные в обиходе социологов уже стимулируют мыслительные картины, родственные научной фантастике (новая функция «социологического воображения»). Ограничитель (для, казалось бы, безграничного прогресса социального анализа) тут сами базы данных, алгоритмы их создания и использования. Они, оказывается, сами выступают как продукты социальные, требующие особых усилий ученых.

Думаю, прорыв придет не отсюда. На взгляд автора этих строк, наиболее значимые подвижки в обозримый период связаны с «постколониальной» социологией, отражающей становление нового, «иного» мира, – не европоцентричного и не северо-атлантического. Он будет реализовываться, в частности, в виде мировых культурных подвижек с обновлением в крупных масштабах ценностей, смыслов социальной жизни, способов реализации фундаментальных общественных трансформаций (не традиционно революционных, но и не традиционно инертно эволюционных, а осознанно на(у-)правляемых), с новой оценкой «агентских» возможностей индивидов. Сказанное может ориентировать поиск новых контуров становящейся реальности.

Что делать в такой ситуации «простому» социологу? Думаю, надо изучать, осмысливать фундаментальные разделы социологического знания, их историю, теорию, смыслы и возможности.

О. В. Терещенко

Анализ жизненных путей в исследованиях динамики общества

**Терещенко
Ольга Викентовна**

Кандидат социологических наук, Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь.

E-mail: oteresch@tut.by

Аннотация. В данной работе представлено определение жизненного пути через последовательность (историю) событий (events histories), имеющих отношение к получению образования, рабочей карьере, социальному положению, началу и окончанию личных отношений, регистрации брака и развода, рождения детей, переезда на новое место жительства и др. Рассматриваются методы сбора данных, обработки и анализа данных. Приводятся два актуальных примера из исследования «Поколения и гендер» (Generations & Gender, GGS), осуществленного в Беларуси в 1917–1918 гг. Первый из них представляет сравнительный анализ времени наступления первой беременности после заключения брака в разновозрастных когортах. Второй позволяет проанализировать последовательность событий, связанных с процессом взросления.

Ключевые слова: событие, история событий, лонгитюдная методология, событийный анализ, анализ жизненных путей, траектория взросления.

Жизненный путь – понятие, широко понимаемое в социальных науках. В данной работе используется его определение как последовательности событий, которые могут иметь отношение к образованию, профессиональной карьере, изменению места жительства и социального статуса, созданию и распаду брачных и партнерских союзов, репродуктивного поведения и др.

Анализу жизненных путей предшествовал анализ социальной мобильности, восходящий к работам П. Сорокина. Измерение социальной мобильности не требует обязательного применения лонгитюдной методологии; достаточно сравнить статус респондента в момент опроса со статусом, которым он/она обладал(а) в определенном возрасте (внутрипоколенная мобильность), или со статусом родителя того же пола, что и респондент, в том же возрасте (межпоколенная мобильность).

Появление компьютеров существенно расширило возможности хранения и обработки опросных данных, и в середине 1960-х гг. лонгитюдный подход, ранее применявшийся, главным образом, в медицине (ведение и анализ медицинских карт) и психологии (дневники поведения детей, ведо-мые родителями или учителями), стал использоваться в социологии в виде повторных опросов одной и той же выборки.

Первоначально на каждом этапе лонгитюдного исследования (осуществлявшегося, например, раз в пять лет), фиксировались разнообразные статусы респондентов (образовательный, профессиональный, семейный и др.), что позволяло решать задачи внутритроколенной мобильности, а также подсчитывать частоту событий жизненных путей, произошедших в период между опросами. Однако в конце 1970-х гг. был предложен подход, получивший название анализа истории событий или событийного анализа (*event histories analysis*) и предназначенный для изучения последовательности и возраста наступления событий, имеющих демографическое значение, в жизни возрастных когорт (Tuma et al. 1979). К таким событиям могут относиться: завершение образования, получение первой и настоящей работы; возникновение отношений и начало совместного проживания; заключение и расторжение браков; рождение и усыновление детей; выход на пенсию и др. События жизненного пути фиксируются на основе ответов респондентов на соответствующие вопросы, вместе с датами, когда они произошли. Что позволяет вычислять возраст респондента в момент их наступления и длительность промежутков времени между двумя любыми событиями, например, между рождением ребенка и последующим заключением брака. Интересно, что всесоюзный лонгитюдный проект «Пути поколения» (руководитель – профессор Тартуского университета М. Титма), начатый в 1983 г. по лонгитюдной методологии с измерением статусов респондентов с интервалами в пять лет (Бабосов & Титма 1988), в 1992 г. был переведен на методологию «событийного анализа», для чего пришлось опросить респондентов ретроспективно (Титма 1997). В немалой степени этому способствовало включение в руководство проектом одного из авторов метода событийного анализа – профессора Стэнфордского университета Н. Тума (Tuma et al. 1979).

За последние 20 лет мощность обычных компьютеров возросла настолько, что обработка и анализ данных перестали зависеть от их объема. В настоящее время лонгитюдные исследования уже могут не ограничиваться репрезентативной выборкой одной возрастной когорты. Так, в исследовании «Поколения и гендер», проведенном в Беларуси в 2017–2018 гг. в рамках международной программы «Generations & Gender Program – GGP» и при финансовой поддержке Совета Министров РФ, были опрошены 9 994 респондентов по выборке, репрезентативно представляющей население в возрасте 18–79 лет, или, другими словами, возрастные когорты начиная с 1940–1949 гг. рождения и заканчивая когортой 1990–1999 гг. рождения.

В качестве примера новых возможностей, использованных в рамках данного исследования, на рисунке представлены различия когорт при рождении первого ребенка с течением времени после заключения брака. Оценка вероятности зачатия первого ребенка у женщин разных возрастных когорт получена с помощью модели пропорциональных рисков, позволяющей распространить уже совершившиеся события (вступление в брак, зачатие первенца) на тех представителей возрастных когорт, у которых они еще не произошли. Таким образом, для каждой конкретной возрастной когорты получена «средняя», наиболее характерная траектория роста

накопленной вероятности зачатия первенца. В нашем случае параметрами модели пропорциональных рисков являются: *событие* – зачатие первого ребенка; *время* – количество месяцев после вступления в 1-й брак до зачатия 1-го ребенка; *группа риска* – женщины, вступившие в первый брак до наступления первой беременности; *объясняющая переменная* – возрастная когорта.

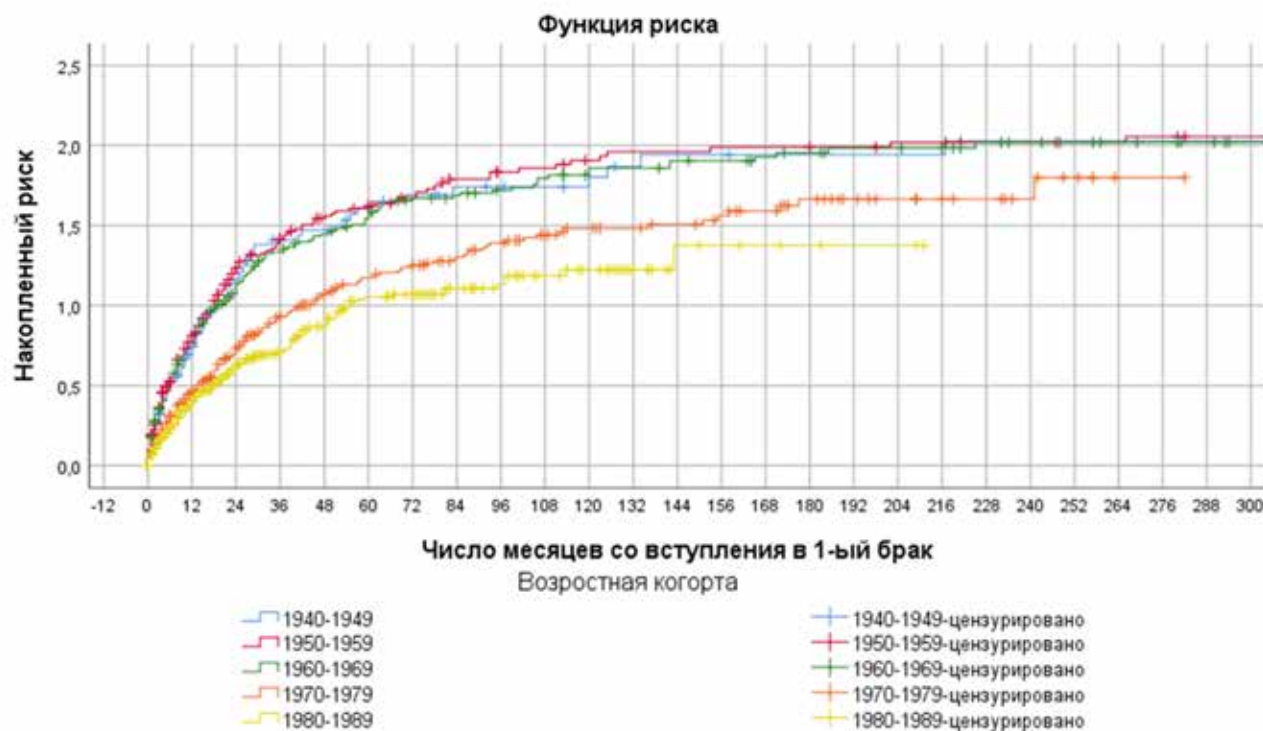

Рис. 1. Функция риска зачать первого ребенка для женщин, вступивших в первый брак до наступления беременности

Графики «функций риска» (см. рис. 1) демонстрируют, как с течением месяцев (ось Y), прошедших с момента вступления женщины в первый брак, увеличивается вероятность зачатия 1-го ребенка (ось X). Накопленный риск равен отрицательному логарифму вероятности выживаемости.

Вероятность зачать первого ребенка после вступления в первый брак у женщин увеличивается в зависимости от длительности пребывания в браке. При рассмотрении уже первых 2-х лет (24 месяцев) жизни после заключения брака отчетливо выделяются две группы когорт: 1940–1969 гг. р. («авангардная группа» – с более высокой вероятностью зачатия) и 1970–1989 гг. р. («арьергардная группа» – с более низкой вероятностью зачатия). Данное разделение показательно в контексте теории второго демографического перехода, так как представителей поколения 1970-х гг. условно можно считать «первопроходцами» демографической трансформации на постсоветском пространстве: начало их демографической активности приходится на период «сексуальной революции» 1990-х гг., «вспыхнувшей» вместе с распадом СССР, сопровождавшегося экономическим крахом.

В целом график функций риска зачать 1-го ребенка для женщин, вступивших в 1-й брак, демонстрирует тенденцию к формированию такой формы демографического поведения, как откладывание зачатия, кото-

рая отчетливо проявляется в первые 2 года брака у когорт «арьергардной группы» и свидетельствует о некотором обособлении брачного поведения от репродуктивного. (Лапето и др. 2018)

Еще одним примером новых возможностей, предоставляемых событийным анализом данных, заключается в получении для возрастных когорт, разделенных также по полу, последовательности и среднего возраста наступления важнейших этапов взросления индивида, к которым относят начало проживания отдельно от родителей (сепарацию); начало первой работы; завершение образования; начало совместного проживания с первым сексуальным партнером (фактический брак); первая регистрация брака; рождение первого ребенка. Для каждой возрастной когорты в Беларуси был подсчитан процент людей, в жизни которых каждое из данных событий (за исключением начала первой работы, данных о которой не было) произошло в возрасте до наступления 25 лет (см. таблицу 1). Доли респондентов, «преодолевших» события взросления к 25 годам, использованы для построения «траекторий взросления» – последовательностей событий, которые характерны для каждой когорты.

Таблица 1

Преодоление событий жизненного пути к 25 годам, %

Пол	Когорта	Образование	Сепарация	Партнерство	Брак	Ребенок
Мужской	1940–1949	52	65	53	53	35
	1950–1959	72	69	62	61	48
	1960–1969	82	68	63	60	48
	1970–1979	80	63	57	52	40
	1980–1989	81	60	49	39	27
Женский	1940–1949	62	70	68	65	58
	1950–1959	80	73	71	71	67
	1960–1969	86	75	76	74	70
	1970–1979	80	72	73	69	66
	1980–1989	81	69	68	58	51

Набольшие различия получены между «детьми войны» (когортой мужчин и женщин 1940–1949 гг. рождения), и женщинами 1960–1979 гг. рождения, чей период взросления совпал с перестройкой и развалом Советского Союза. «Дети войны», в среднем, начинали с сепарации; затем следовали вступление партнерство и заключение брака; далее завершение образования и рождение первого ребенка. Женщины 1960–1979 г. в первую очередь заканчивали образование; затем вступали в партнерские отношения; осуществляли сепарацию от родителей; заключали брак и рожали первого ребенка (Лапето и др. 2018).

Таким образом, событийный анализ в сочетании с развитием компьютерных технологий позволяет осуществлять более глубокий анализ межпоколенных и гендерных различий в контексте меняющихся условий жизни.

Литература

Выбор молодежью жизненного пути: Опыт межрегионального социологического исследования / Под ред. *Е. М. Бабосов, М. Х. Титма*. Минск: Наука и техника, 1988.

Лането А., Терещенко О., Шавердо Т. Переход в самостоятельную жизнь (возрастные модели жизненных путей) // Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Том II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / Под ред. *О. Терещенко, Т. Кучера*. Минск: Белсэнс, 2018.

Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве. Международный лонгитюдный проект «Пути поколения»: третий этап / Отв. ред. *М. Х. Титма*. М: Институт социологии РАН, 1997.

Tuma N. B., Hannan M. T., Groeneveld L. P. Dynamic Analysis of Event Histories // American journal of Sociology. 1979. Vol. 84. №. 4. P. 820–854.

Д. К. Тихазе, А. С. Курилова

Личные ценности и их формирование

**Тихазе
Дмитрий Карлович**

Магистр социологии, Москва, Россия.

E-mail: megaelvis@yandex.ru

**Курилова
Анастасия Сергеевна**

Магистр социологии, Москва, Россия.

E-mail: anastassia-01@yandex.ru

Аннотация. Проблематика общественных и личных ценностей после некоторого спада переживает возвращение научного интереса к ней. Продолжаются исследования по вопросам формирования, изменения ценностей и их влияния на поведение. Результаты исследований показывают, что: 1) ценности – самый абстрактный элемент индивидуальных социальных когний; 2) ценности формируются у людей к взрослому возрасту, и, несмотря на то, что ценности устойчивы в течение жизни человека, они могут изменяться после изменений в обществе на макроуровне; 3) ценности могут влиять на поведение человека.

Ключевые слова: социология, психология, личные ценности.

Согласно Э. Дюркгейму, общество и само является высшей ценностью, и производит набор ценностей, который члены общества усваивают и в соответствии с которым действуют. Это признание всеми членами общества общих ценностей объединяет людей и необходимо для социальной эффективности (Гофман 1995). Учитывая, что самая главная ценность, по мнению Э. Дюркгейма, это само общество, а значит, и социальное (коллективное, групповое) измерение жизни людей, то наиболее важная ценность для человека – принадлежность к группе и обществу в целом.

Если Э. Дюркгейм внес важный вклад в понимание общества как ценностно-нормативной системы, где поведение регулируется набором правил (норм), которые люди усваивают под влиянием общества (Гофман 1995), то М. Вебер показал, что люди часто выбирают цели и действия в соответствии с ценностями, которых они придерживаются. В представлении М. Вебера ценность – это осознанная вера (убежденность) человека в важность некоторой вещи (Вебер 2008). «Рациональность социального действия всегда так или иначе связана с выбором ценности, т. е. идеей блага, которая становится основанием его оправдания» (Катерный 2015: 153).

1) Ценности – самый абстрактный элемент социальных когний;
2) ценности формируются у людей к взрослому возрасту, и, хотя в целом ценности относительно устойчивы на протяжении жизни человека, они

могут трансформироваться, к примеру, под влиянием изменений ценностей в обществе; 3) ценности могут влиять на поведение человека во всех сферах, однако существует и продолжает разрабатываться предположение, что ситуационный контекст или более широкие культурно-общественные структуры могут трансформировать или нивелировать это влияние.

Понятие «ценность»

Ценность – это концепция желаемого в представлении человека или группы; это нечто, что люди почитают и считают приоритетом в своей жизни (Wuthnow 2008).

Ценности указывают на то, к чему люди должны стремиться, на цели действий. Нормы указывают на то, как люди должны достигать этих целей, и содержат рекомендации признанных и общепринятых способов достижения целей. Например, образование – это ценность, а хорошая школа – это норма (Штомпка 2005).

Ценность – это устойчивое убеждение в том, что определенный способ (манера) поведения или конечное состояние существования лично или социально (идеально) предпочтительно противоположному или обратному способу поведения или конечному состоянию существования (Rokeach 1979).

Как определил Ш. Шварц, ценности – это концепции, убеждения или общие мотивационные цели, которые превосходят конкретные ситуации, направляют поведение и служат критерием оценки людей и событий. Ценности располагаются иерархически по своей важности (Sortheix, Schwartz 2017).

Ценности часто считаются самыми абстрактными идеалами обществ и людей, высшими правилами, касающимися вещей наибольшего значения (Kahle & Chiagouris 1997).

Формирование ценностей

Ученые объясняют формирование личных ценностей во многом в рамках в двух подходов, не взаимоисключающих, а, скорее, зависящих от разных углов зрения двух наук: психологии и социологии.

Первый подход, более психологический, или биологический, основан на представлении, что поведение – это проявление и результат адаптации организма к окружающей среде. В случае человека это приспособление к социальной среде (к естественной среде человек приспосабливается через социальную) (Фингерт 1930).

Ценности здесь рассматриваются как абстрактная социальная когниция, общая схема, которая развивается у людей под влиянием их окружения и врожденных личных качеств (Kahle 1996). Это личное представление о необходимом для выживания способе поведения формируется на основании индивидуального опыта ситуационно-специфических ответов организма на вызовы окружающей среды (Kahle, Beatty 1987). Впоследствии люди

используют (часто неосознанно) эту схему для облегчения адаптации к социальной среде и разным жизненным ролям, а также выбора на протяжении жизни (Kahle 1996).

Таким образом, базовые ценности могут быть обоснованы самой человеческой природой и служить средством для защиты человеческой жизни. Высшей ценностью является жизнь человека (Zecha & Weingartner 1987).

Также, что касается наиболее общего происхождения ценностей в жизни людей, то влиятельный подход Ш. Шварца предполагает, что ценности как явление развились под влиянием трех универсальных требований человечества. Он рассматривает ценности как инструменты приспособления, сформированные под воздействием базовых черт личности, темперамента и уникального биологического наследия каждого человека, с одной стороны, а также возможностями и ограничениями социального и природного мира, с другой стороны.

Чтобы справляться с реальностью, индивиды должны отвечать на неотъемлемые для человеческого существования требования: биологические потребности организма; потребности координированного и спокойного социального взаимодействия для выживания группы, т. к. человек может выжить только в группе; и более общие требования социальных институтов для благополучного функционирования и выживания групп (Sagiv et al. 2017; Schwartz 2012; Schwartz 2017; Schwartz & Bilsky 1987).

Например, потребность¹ выживания группы трансформировалась в ценность мира. Потребность в том, чтобы человек сдерживал себя, не нарушил социальные ожидания и не создал этим угрозы для группы, преобразовалась в ряд ценностей, которые относятся к конформности (покорность, самодисциплина, вежливость, почитание родителей и старших). Они встроены в моральную систему каждого общества и глубоко усвоены его членами (Schwartz & Bilsky 1987). Ценности, связанные с дружелюбием (альтруизм, доброта, помощь, любовь, дружба), отражают необходимость поддерживать внутригрупповую кооперацию и солидарность для стабильности социальных отношений; а также могут происходить из потребности организма в аффилиации (Sagiv et al. 2017; Schwartz & Bilsky 1987).

Так как почти любой группе для существования требуется одновременно и стабильность, и изменчивость (чтобы справляться с новыми проблемами), существуют ценности, связанные с саморазвитием человека, стимулирующие инициативу для новых решений новых проблем (Sagiv et al. 2017). Такие ценности могут быть связаны также с врожденными чертами людей, и, если подобные более индивидуалистические, или самоориентиро-

¹ Отличие потребностей от ценностей: 1) в данном адаптационном подходе ценности рассматриваются как индивидуальные и социальные выражения потребностей. Потребности – биологическая концепция, а ценности – социальная (Kahle & Valette-Florence 2012). 2) В подходе, где совмещается психологическое и социальное измерение, ценности предлагают рассматривать как когнитивные представления основных личных потребностей после того, как они были трансформированы так, чтобы принимать во внимание институциональные цели и требования и средства их удовлетворения. При этом институциональные ценности все же главные детерминанты индивидуальных ценностей (Rokeach 1979). 3) Потребности – это социально, культурно и биологически детерминированные нужды индивида. К примеру, можно ценить биосферу, но иметь потребность в том, что может дать только она – воду и еду (Dietz et al. 2005).

ванные, потребности и ценности мало вознаграждаются, это может привести к снижению мотивации и интереса у индивида к группе и ее задачам. Так, стремление к достижениям может быть и врожденным, и необходимым для социального взаимодействия и развития группы и поэтому становится ценностью (Schwartz 2012).

С точки зрения данного подхода, люди на всей планете имеют общую природу, поэтому базовые ценности одинаковы для любого общества. Различаются же индивиды и общества по приоритетам, которые они приписывают тем или иным ценностям (Schwartz 2017). Ценности конкретного общества или страны также определяются историческим наследием, и, вопреки глобализации, страны могут сильно отличаться друг от друга (Inglehart 2017). Некоторые ценности становятся доминантными в обществе и придают ему отличительный характер.

Второй распространенный подход, в целом не противоречащий первому, а, скорее, подсвечивающий социологическое, или социально-культурное, измерение общества, осуществляется в линии с идеями Э. Дюркгейма.

Он состоит в том, что общество имеет организованный набор ценностей, управляющих поведением, общим для членов определенного общества или группы (Merton 1968), и внушает ключевые ценности своим членам (Hofstede & McCrae 2004; Merton 1968; Riesman 1950; Scheve 2015), и индивидуальные ценности в целом имеют такое же содержание, как общественные ценности (Rokeach 1979).

Также получает распространение предположение, что абстрактные общественные и групповые ценности в процессе социализации облекаются в более конкретные оценочные чувства, которые мотивируют индивидуальные действия для воспроизводства социального порядка. Эти ценностные чувства социальны, т. е. разделяются в группе. Они являются тем, что называют здравым смыслом у населения (Scheve 2015). Иначе говоря, эмоции, испытываемые людьми в практических ситуациях, связаны с приписыванием ценности объекту (Катерный 2015).

Хотя сегодня нет единой модели, которая проясняла и объединяла бы все факторы обретения ценностей человеком (Sagiv et al. 2017), в целом считается, что ценности формируются в предвзрослом возрасте под большим влиянием окружения, от самого непосредственного, т. е. семей, родителей или людей, их замещающих, до самого широкого, включая медиа и общество в целом (Merton 1968; Sagiv et al. 2017; Zecha, Weingartner 1987).

Дети усваивают ценности семьи в результате имитации и идентификации с родителями (Zecha & Weingartner 1987), при этом ребенок может приобретать настоящие ценности родителей, даже если они открыто наставляют об одном, а их реальные ценности заключаются в другом (Merton 1968). Чаще всего родители хотят, чтобы у их детей были такие же ценности, как у них, и часто это происходит. Чем ближе чувствуют себя дети к родителям, тем более похожи ценности этих двух поколений (Sagiv et al. 2017). Также важнейшим и эффективным передатчиком ценностей являются школа и место работы (Merton 1968). Развитие людей в схожих социо-экономических и культурных условиях способствует развитию

схожих личных ценностей (Merton 1968), а люди с одинаковыми ценностями, в свою очередь, часто склонны испытывать взаимное притяжение (Katz & Lazarsfeld 1955).

Несмотря на выявление этих закономерностей, процесс развития ценностей достаточно сложный и неоднозначный. Например, он может иметь результатом формирование контрценностей, что может приводить к конфликту с господствующими ценностями (Лапин 2010). Также, например, хотя обычно нет прямого и полного перехода ценностей из медиа-коммуникаций в ценности, согласно которым люди реально живут, при этом эти два набора ценностей не совсем не связаны и не очень далеки друг от друга (Merton 1968). Р. Мертон писал, что, хотя, с одной стороны, общество формирует привлекательные ценности, с другой стороны, оно может не обеспечивать все население возможностями их достижения. Это противоречие может быть источником отклонений от официальных норм в поведении людей (Ильин 2012).

Литература

Вебер М. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 89–127.

Гофман А. Социология Эмиля Дюркгейма // Э. Дюркгейм. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. С. 106–118.

Ильин В. И. Общество потребления: пространство возможностей, пространство желаний // Девиантность в обществе потребления / Под ред. Я. И. Гилинского, Т. В. Шипуновой. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 9–24.

Катерный И. В. Проблемы рационализации ценностно-когнитивных дилемм в условиях смешанных коммуникаций (на примере экологической практики) // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 146–216.

Лапин Н. И. Опыт и проблемы исследования ценностей на разных уровнях глобального социокультурного пространства // Глобализация и социальные институты: социологический подход / Под ред. И. Ф. Девятко, В. Н. Фоминой. М.: Наука, 2010. С. 8–38.

Фингерта Б. А. К вопросу о построении научной психологии // Основные течения современной психологии / Под ред. Б. А. Фингерта, М. Л. Ширвиндта. М., Л.: Госиздат, 1930. С. 5–83.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

Dietz T., Fitzgerald A., Shwom R. Environmental Values // Annual Review of Environment and Resources. 2005. №30. P. 335–372.

Hofstede G., McCrae R. R. Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // Cross-Cultural Research: The Journal of Comparative Social Science. 2004. Vol. 38. №1. P. 52–88.

Inglehart R. F. Evolutionary Modernization Theory: Why People's Motivations are Changing // *Changing Societies & Personalities*. 2017. Vol. 1. №2. P. 136–151.

Kahle L. R. Social Values and Consumer Behavior: Research from the List of Values // *The Psychology of Values: the Ontario Symposium* (vol. 8) / Ed. by *C. Seligman, J. M. Olson, M. P. Zanna*. Mahwah: L. Erlbaum Associates, 1996.

Kahle L. R., Beatty S. E. The Task Situation and Habit in the Attitude-behavior Relationship: a Social Adaptation View // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1987. №2. P. 219–232.

Kahle L. R., Chiagouris L. Values, Lifestyles, and Psychographics. Mahwah: L. Erlbaum Associates, 1997.

Kahle L. R., Valette-Florence P. Marketplace Lifestyles in an Age of Social Media: Theory and Methods. Routledge, 2014.

Katz E., Lazarsfeld P. F. Personal Influence: the Part Played by People in the Flow of Mass Communications. New York: The Free Press, 1955.

Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1968.

Riesman D. The Lonely Crowd. New Haven: Yale University Press, 1950.

Rokeach M. Understanding Human Values. New York: The Free Press, 1979.

Sagiv L., Roccas S., Cieciuch J., Schwartz S. H. Personal values in human life // *Nature Human Behavior*. 2017. №1. P. 630–639.

Scheve von C. Societal Origins of Values and Evaluative Feelings // *Handbook of value: Perspectives from Economics, Neuroscience, Philosophy, Psychology and Sociology* / Ed. by *T. Brosch, D. Sander*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Schwartz S. H. An overview of the Schwartz theory of basic values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2. №1.

Schwartz S. H. Individual Values Across Cultures. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/312655574_Individual_values_across_cultures (дата обращения 17.11.2019).

Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53. №3. P. 550–562.

Sortheix F. M., Schwartz S. H. Values that underlie and undermine well-being: variability across countries // *European Journal of Personality*. 2017. Vol. 31. №2. P. 187–201.

Wuthnow R. The Sociological Study of Values // *Sociological Forum*. 2008. Vol. 23. №2. P. 333–343.

Zecha G., Weingartner P. Conscience: an Interdisciplinary View. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1987.

А. В. Ходыкин

Систематизация трактовок взаимосвязи физического и социального пространств в социологических теориях

**Ходыкин
Александр Владимирович**

Аспирант, Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия.

E-mail: khodykin8@gmail.com

Аннотация. В работе проведен анализ социологических трактовок взаимосвязи физического и социального пространств. Исследован обширный корпус теоретических работ социологов: от социологии Георга Зиммеля до Акторно-сетевой теории. На основании анализа социологических источников предложена авторская классификация трактовок социального пространства в социологической теории, основанная на выявлении степени рассмотрения авторами влияния физического пространства на социальное пространство. Положения классификации продемонстрированы на примерах ключевых работ, связанных с социологическим пониманием пространства.

Ключевые слова: социология пространства, физическое пространство, социальное пространство, взаимосвязь, систематизация, теория, классификации.

Проблема пространства в социологии в различных его пониманиях ставилась еще в работах XIX века. Однако тогда она не получила должного внимания и не смогла войти в круг тем, которые принято считать «мейнстримом» нашей дисциплины. В российской социологии ренессанс исследований пространства связан с выходом крупной работы А. Ф. Филиппова «Социология пространства», который окончательно вернул тему пространства в дискурс современной отечественной социологии. Социологи сталкиваются с рядом сложностей при концептуализации пространства. Восприятие пространства и формирование представлений о нем происходит у человека на основании его собственного опыта жизни и взаимодействия с окружающим миром и на основании получаемой из различных коммуникационных каналов информации. В первом случае речь идет о собственном опыте человека, во втором – о привлеченном опыте (Звоновский 2009б). Трудности определения пространства в социологии связаны с тем, что ни собственный, ни привлеченный опыт не позволяют человеку выйти в метапозицию по отношению к пространственной характеристике социальных взаимодействий, поскольку эти взаимодействия нельзя помыслить в отрыве от пространства, в котором они происходят. Пространство становится чем-то самым собой разумеющимся по отноше-

нию к происходящим в нем социальным взаимодействиям. «Пространство лежит в основе социальных взаимодействий, встроенных в свою очередь в это пространство» (Звоновский 2009а: 8).

Однако, несмотря на все сложности, в современных социальных науках сложился комплекс различных трактовок пространства, отраженных в ряде классификаций его теоретического осмысления. Анри Лефевр классифицировал пространство на социальное (пространство взаимодействия людей), ментальное (пространство в представлениях человека и создаваемых им моделях) и физическое (евклидово пространство, пространство протяженных физических тел) (Lefebvre 1974). А. Ф. Филиппов понимал пространство в социологии в трех смыслах: «различаем понятие пространства в собственном смысле (пространство тел, имеющих форму и дистанцированных друг от друга, пространство мест, где тела могут быть размещены), в обобщенном смысле (как порядок сосуществования произвольно избираемого многообразия) и понятие пространства в метафорическом смысле (прежде всего, социальное пространство как порядок социальных позиций)» (Филиппов 2008: 50).

В. Б. Звоновский предлагает дихотомичную классификацию, предполагающую понимание пространства в социальных науках в двух основных смыслах (Звоновский, 2009а):

1. Как логический конструкт, созданный подобно математическому пространству, т. е. как абстракция реальных позиций и диспозиций социальных субъектов и связей между ними. В данном ключе наибольшую известность получило понимание пространства Пьером Бурдьё: «Социальное пространство – это абстрактное пространство, конструированное ансамблем подпространств, <...> которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала...» (Бурдьё 1993).

2. Как физическое пространство в его естественнонаучном понимании, т. е. как территория, ландшафт местности и т. д. В данном случае исследуется влияние физических свойств и особенностей пространства на жизнь людей и сообществ, связанных с этим пространством.

Мы видим, что современные социальные науки содержат обширный корпус посвященных теме пространства работ и большое количество классификаций пространства. Однако связи между физическим и социальным пространствами и комплекс моделей понимания авторами этих связей не находят должной систематизации в социологической литературе. В целях заполнения данного теоретического пробела на основании анализа имеющихся в социологии исследований пространства предложим классификацию трактовок социального пространства в социологической теории, основанную на выявлении степени рассмотрения авторами влияния физического пространства на социальное пространство. Выделим следующие трактовки социального пространства социологами:

Авторы не принимают во внимание физическое пространство для определения социального пространства: социальное пространство рассматривается как метафора статусных диспозиций индивидов в сообществах.

Понимание социального пространства как логического конструкта, обозначающего общество как систему отношений между индивидами и метафорически объясняющего отношения власти и подчинения, распределения ресурсов, наличия возможностей влияния на социальные процессы и т. д. проходит красной нитью через всю историю социологии. Социальная стратификация и социальная мобильность как перемещение актора в социальном пространстве стали предметом исследований Питирима Сорокина (Сорокин 1992). Метафора поля как социального пространства, в котором на основании наличия, взаимодействия и переходов различных видов капитала друг в друга формируется социальная стратификация, является центральной в социологии Пьера Бурдьё. Метафора сети как формы пространственной организации социальных взаимоотношений активно используется в современных социологических теориях, начиная от сетевого общества Мануэля Кастельса и заканчивая акторно-сетевой теорией. Пространственная метафора потоков активно используется представителями постмодернистской социологии и социальной философии для демонстрации эклектичности социальной структуры в эпоху постмодернизма (Иванов 2000). Таких пространственных метафор, отражающих социальную структуру, в истории социологии предложено очень много.

Авторы рассматривают физическое пространство как среду, содержащую социальные отношения и влияющую на них: социальное пространство исследуется как результат взаимовлияния статусных диспозиций членов сообщества и материальных объектов, ими создаваемых.

Георг Зиммель трактует пространство как характеристику соприсутствия людей или социальных групп в мире. Дистанция для Зиммеля является важным фактором формирования сообществ. Действительно, люди, пространственно близкие друг с другом, с большей вероятностью сформируют сообщество, чем пространственно отдаленные люди. Друзьями также, как правило, становятся люди, пересекающиеся в пространстве. Большое внимание Зиммель уделяет теме пространственных границ, которые являются материальными объектами, структурирующими социальное пространство. Он писал, что «граница – это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется» (цит. по Кравченко 2014: 303). Самой известной микросоциологической теорией, для которой особое значение имеет тема пространства, является драматургическая социология Ирвинга Гофмана. В одной из самых известных своих работ «Представление себя другим в повседневной жизни» Гофман характеризует повседневное взаимодействие как театральное действие, для которого ключевым компонентом является представление. Зонами представления являются: передний план, личный передний план и задний план. Передний план предназначен для показа публике и содержит все, что делается для показа другим людям: самопрезентация, внешний образ, умение произвести должное впечатление на другого. Частью переднего плана являются вещи: машина, одежда, фасад дома и т. п. Личный передний план содержит то, что не делается напоказ, но и не скрывается от других: манеры поведения, жесты, речи и т. д. Задний план скрыт от посторонних людей и доступен только самому индивиду. Некоторая часть заднего плана

становится доступной ближнему окружению индивида. Социальное взаимодействие на заднем плане характеризуется неформальностью, поведением в соответствии с привычками, даже тщательно скрываемыми от посторонних, артикулированием эмоций и т. д. Деление на планы характерно и для материальных объектов, связанных с взаимодействием людей: дом имеет парадный и черный выходы, дача содержит фасад и сарай, магазин имеет прилавок и кладовку (Гофман 2000). Драматургическая социология Гофмана предполагает, как анализ повседневного взаимодействия индивидов в группах при помощи пространственной метафоры зон представления, так и исследование материальных пространственных объектов, являющихся носителями информации относительно повседневного взаимодействия индивидов и его зон (прилавок и кладовка предполагают разное взаимодействие).

В качестве пространств, для которых характерен особый порядок повседневного взаимодействия людей, Гофман исследует тотальные стигматизирующие попавших туда людей институты, к которым социолог относит тюрьмы, психиатрические клиники и другие закрытые учреждения. Социолог пришел к выводу, что попадание в тотальный институт приводит к «гражданской смерти» человека вследствие того, что пространство и социальное взаимодействие в таком институте организованы таким образом, что человек принуждается к тотальному подчинению персоналу такого института (Goffman 1961; 1970).

Авторы исследуют физическое пространство как совокупность материальных объектов, созданных обществами на основании характерных для них социальных отношений: социальное пространство как отражение социальных отношений в комплексе созданных данным сообществом материальных объектов.

Проблема созданных человеком пространств как физических воплощений социальных отношений нашла отражение, главным образом, в городских исследованиях. Роберт Парк исследовал городское пространство как социальный организм, в котором все материальные предметы порождены социальными отношениями и имеют функцию их воспроизводства. Архитектура зданий, наличие центральных и периферийных районов, бедные и богатые кварталы – все, вплоть до тротуаров и бордюров призвано воспроизводить социальную структуру городского сообщества, осуществлять социальный контроль, создавать пространственное отдаление, отражающее социальную дистанцию и т. д. (Park 1925). Исследуя архитектуру городов, Георг Зиммель отмечает влияние архитекторов на городские сообщества через построенные объекты. С одной стороны, архитектор, построивший объект, построил его под влиянием общества, в котором он жил. С другой стороны, его объект, в свою очередь, сам влияет на жизнь общества, в том числе и последующих его поколений (Зиммель 2002).

Авторы рассматривают физическое пространство как активный субъект формирования социальных отношений: социальное пространство как активная сила, создающая социальные отношения.

Понимание физического пространства как нечто, сопротивляющегося взаимодействию людей в нем, оказывающего принудительное воздействие на них и формирование отношений между ними, прихо-

дит в социологию из социальной философии географического детерминизма, предполагавшего, что социальная структура, отношения между людьми и политические системы государств формируются под влиянием ландшафта местности, климата, свойств почвы и других пространственных особенностей.

Способность к действию физического пространства исследуется акторно-сетевой теорией (далее АСТ), с точки зрения которой физическое пространство является актантом, т. е. способно действовать. Физическое пространство – это теоретическая модель, имеющая материальное воплощение в совокупности сред, в которых акторы действуют. Специфика каждой среды (ее физические свойства, состав, пригодность для выживания биологических видов) оказывает на акторов и их действия определяющее влияние: махать руками в воздушной среде – это не то же самое, что махать руками под водой. В данном случае среда воздействует на способность актанта (человека) к действию сильнее, чем другие материальные (одежда) и нематериальные (физическая подготовка) актанты. При переносе деятельности в среду с иными свойствами действия изменяются: они остаются прежними по определению, но становятся иными по исполнению. Иными действия становятся под влиянием не только свойств среды, но и ее протяженности: поездка на 10 км сильно отличается от поездки на 1000 км. Таким образом, пространство опосредствует действия актантов. В работе «Об интеробъективности» Бруно Латур дает ставшее классическим для АСТ определение действия: «fairec'estfairefaire», которое переводится как действовать – значит опосредствовать действия другого (Латур 2006). Из этого следует, что пространство действует.

Проведенный нами анализ демонстрирует многообразие социологических трактовок пространства. Мы понимаем, что предложенная в данной работе классификация не способна отразить все нюансы понимания связей между физическим и социальным пространствами в социальных науках. Однако надеемся, что она внесет некоторую систематизацию в обширное поле социологических трактовок социального пространства.

Литература

- Бурдые П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1993.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Звоновский В. Б. Социология пространства повседневности: монография / В. Б. Звоновский. Самара: Самарский университет, 2009а.
- Звоновский В. Б. Собственный и привлеченный опыт освоения пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009б. Т. 12. № 4. С. 49–66.
- Зиммель Г. Флоренция // Логос. 2002. № 3. С. 1–10.
- Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

Кравченко С. А. Социология. Классические теории через призму социологического воображения. М.: Юрайт, 2014.

Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей / под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York: Doubleday Anchor, 1961.

Goffman E. The Characteristics of Total Institutions // A Sociological Reader in Complex Organizations / Ed. by A. Etzioni. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970.

Lefebvre H. La production de l'espace // L'Homme et la société. 1974. Vol. 31. № 1. P. 15–32.

Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. The City // Chicago. Chicago: The University of Chicago Press, 1925. P. 47–62.

И. А. Чудова

Рефлексивность практик учебного чтения как приобретенная методологическая установка: движение от Бурдье к Гидденсу

**Чудова
Ирина Александровна**

Кандидат социологических наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: dauza@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены нюансы трактовки содержания понятия «практики» в социологической теории с опорой на положения теории практик и работ П. Бурдье и Э. Гидденса на примере исследования студенческого учебного чтения. Описаны следующие аспекты концептуализации феномена в качестве практики: гибридизация в рутине повседневности, ситуационная спонтанность, обусловленность практики опытом, идентичностная значимость практики. Сделан акцент на таком свойстве практик, как рефлексивность, приведены некоторые обоснования того, что практика учебного чтения может быть охарактеризована как рефлексивная, в том числе за счет «провоцирующего» инструментария. Итоговый вывод указывает на гибкость понятия практики и уместность локальных решений о его наполненности в исследовании.

Ключевые слова: практики, рефлексивность, повседневность, идентичность, учебное чтение, профессиональное чтение.

Популярность понятия «практики» в социологическом дискурсе значительна, в связи с этим актуально прояснение содержания этого понятия и его методологических акцентов. Понятие практик с периода своего внедрения («поворота к практике», в отечественном контексте преимущественно с подачи В. Волкова, (Волков & Хархордин 2008)), подвергалось обсуждению со стороны ряда аналитиков (Turner 1994; Девятко 2003; Дьяков 2011 и т. д.), и можно отметить продолжающуюся дискуссию вокруг его смысловой наполненности – так, остается дебатлируемым вопрос о том, присуща ли практикам рефлексивность, следует ли понимать рефлексивность основным или факультативным элементом практики. В социологической теории противоположные позиции понимания рефлексивности практик освещены в работах П. Бурдье (отмечающего иллюзорность способности осмыслить практики со стороны агента; (Бурдье 2001)) и Э. Гидденса (отсылающего к рефлексивности как обязательному свойству практик современности; (Гидденс 2011)).

Обратимся к рассмотрению применения понятия в конкретном исследовании – чтобы попытаться очертить его потенциал (и его трактовки) с опорой на специфику изучаемого с его помощью феномена. В данном

случае уточнение содержания понятия по ходу исследования служит ориентиром для построения соответствующей выбранному к изучению феномену концептуализации – в направлении теоретических идей П. Бурдьё и/или Э. Гидденса.

Исследование, предоставившее эмпирический материал для уточнения методологического потенциала понятия, сосредоточено на чтении студентов в процессе обучения¹. Эмпирический материал представляет собой 53 интервью со студентами разных ступеней образования и направлений обучения. Материал собран в период 2018–2019 гг., информанты – студенты НГУ.

Итак, обозначив чтение практикой, что в плане теории и методологии мы обретаем и на какие неоднозначности обрекаем себя? Попробуем порассуждать на выбранном примере. На старте проекта концептуализация чтения в качестве практик(и) была выполнена в соответствии с представлениями так называемой теории практик, на базе известного социально-антропологического и (пост)структуралистского (М. Мосс, П. Бурдьё, М. Фуко) прочтения понятия практик, скомпанованных, в частности, в одноименной работе В. Волхова и О. Хархордина. Это прочтение очерчивает практики как рутинное повседневное занятие, сплетенное со множеством других занятий (гибридизация) и обусловленное прошлым опытом и позицией агента в социальной структуре². В такой версии понятие обретает концептуальный контур через указание на отсутствие рефлексивного начала «практическое действие принципиально отлично от действий рефлексивных, осмысленных, продиктованных разумом или долгом» (Вахштайн 2008: 67).

По ходу исследования изначальное понимание практик учебного чтения было скорректировано с учетом осмысления полученного материала. Возникло предположение, что практики учебного чтения, несмотря на рутинный характер, отличаются выраженной рефлексивностью³. Под рефлексивностью понимается, по мотивам теории Гидденса, способность к дискурсивному обоснованию стиля, приемов и принципов реализации практики агентом (Giddens 1991). Рефлексивность практики отсылает к сравнительной автономии и самостоятельности агента в ее реализации, что существенным образом противостоит теоретическим взглядам Бурдьё, полагавшего любую практику производной от структур, которым принадлежит агент (Bourdieu 2010).

Рассмотрим исходные представления об учебном чтении как практике, сформулированные в русле теории практик и далее укажем, какие коррективы были внесены с учетом обнаружившейся рефлексивности практик. Пункты рассуждения проиллюстрируем выдержками из проведенных интервью.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-011-00420 «Дифференциация практик учебного и профессионального чтения в научно-образовательной среде».

² Далее присущие теории практик акценты приведены перечнем.

³ В этом плане возможно сравнение с некоторыми другими видами чтения – досуговым, терапевтическим, семейным и т. д. (Мелентьева 2013).

1. Гибридизация в рутине повседневности

Учебное чтение понимается как поток поведения студента, вплетенный в повседневность и сопряженный с другими практиками, имеет место так называемая гибридизация практик. Практика учебного чтения сопряжена с составлением конспектов, написанием собственных текстов. Если чтение, что характерно для современного контекста, осуществляется с электронного устройства, вероятно переплетение и совмещение практики чтения с прочими практиками пользования компьютером, гаджетом.

Уточнение с учетом рефлексивности: если учесть, что учебное чтение становится рефлексивным – в процессе интервью исследователь «вырывает» практику из контекста, создает запрос на ее описание и получает в ответ развернутый тематически сложенный нарратив. Получается, информант способен отслеживать рутинные детали, пусть не во всей полноте, но производить мониторинг своего чтения и сопутствующих занятий и, дистанцировавшись от контекста, в режиме интервью описать его.

Р: Я пришел к выводу, что информация так лучше откладывается у меня в голове, когда я прочитал и сделал какие-то пометки, потом еще раз пробежал...

И: А конспектирование – это что?

Р: У меня есть тетрадка, я записываю туда какие-то отдельные интересные моменты.

И: Т. е. выписываете рукой – это вот оно?

Р: Да.

И: Этого не было раньше?

Р: Раньше я печатал, но у меня почему-то вечно терялся этот файл, поэтому я решил, что буду писать вручную, физически предмет легче найти, чем на ноутбуке.

(магистратура, юриспруденция)

И: А работа с текстом .. как происходит? Т. е. имеется в виду что-то с ним там (делаете) или просто прочитывается?

Р: Просто прочитываю.

И: Есть какие-то там пометки, и вот такого рода?

Р: А, пометки – нет. Пометки, собственно говоря, у меня есть только: я веду список того,

что я прочитал, как правило, я как раз-таки это делаю что-то вроде, если я замечая

интересную книгу вне зависимости от области, может это по эмоциям животных, может,

это что-то художественное, может, какие-то литературоведческие размышления, я,

соответственно, добавляю в этот список с указанием даты, когда я ее добавил. Потом

указываю дату, когда ее начал читать, и указываю дату, когда закончил. Последнюю

*указываю, чтобы опять-таки не затягивать с одними книгами, у меня в какой-то момент, в какое-то время были такие сложности, когда я мог начать разом множество книг, после чего в какой-то момент я понял, что я уже забываю, о чем было раньше, это было очень не эффективно.
(магистратура, математическая лингвистика)*

2. Ситуационная спонтанность

Учебное чтение как практика осуществлена тем или иным способом в связи с жизненной повседневной ситуацией, в которой оказывается ее участник (перемещение в транспорте, проживание в общежитии). Верно и обратное – для реализации чтения требуется определенный ситуационный антураж (присутствие в кафе, наличие или отсутствие подходящей компании и т. д.). Попадание (и возможность попадания) в те или иные ситуации воздействует на то, будет ли реализована практика чтения и как именно.

Уточнение с учетом рефлексивности: в случае учебного чтения, в отличие, скажем, от досугового чтения, воздействие ситуационного антуража снижается вследствие ощутимой институциональной необходимости, она оказывается той макрорамкой, на которую ориентирован практикующий агент. Чтение понимается как обязательная составляющая учебного процесса, однако то, что и как читать, зачастую вариативно – в том числе с учетом рефлексивного решения агента (наличие интереса к тематике дисциплины, оценка требований и ожиданий преподавателя и т. д.). Антураж практики менее значим, чтение по учебе может зачастую реализоваться в дискомфортных для агента условиях.

*Р: По учебе иногда приходится все читать не только заранее, там, в подготовке, а потому что читать, когда я.. здесь мы готовимся здесь (в учебной аудитории), допустим, перед семинаром, мне не очень нравится, тут не очень комфортно, потому что тут люди, тут отвлечение постоянно какое-то. И приходится.. дедлайны поджимают, и приходится как можно быстрее вот это все.. эту информацию, определенного какого-то удовольствия не получаешь от чтения, поэтому.
(бакалавриат, социология)*

3. Обусловленность практики опытом

Различие в реализации и также в отказе от реализации практик связано с позицией индивида в социальной структуре и габитусом (Бурдье 1998), и учебное чтение неодинаково производится в соответствии с уровнем культурного капитала, существующими в семье и, шире, в прошлом опыте студента традициями и привычками в отношении чтения.

Уточнение с учетом рефлексивности: на этапе интерпретации материалов привлекло внимание то, что институциональные условия ограничивают практику в реализации, делают ее зависимой от организации учебных курсов (подразумеваемого объема и способа чтения учебных текстов), конкретной стратегии преподавателя и имеющихся материалов по учебным курсам. Можно отметить, что наличествующие правила и ресурсы как институциональные условия проявляют себя заметнее, нежели структурная позиция агента. Вероятно, институциональная среда может вовлекать в практики, придает им ощутимо принудительный характер. В таком случае обретают объем детали реализации практики, понимаемые как студенческие тактики, так называемые уловки и хитрости, которые способен облечь в нарратив рефлексивный бриколер из теории де Серто (Де Серто 2013).

И: Угу. Интересно. А про работу с текстом еще вопрос. При подготовке читаются фрагменты, весь текст, насколько это все подробно? Конспектируется или там как-то?

Р: Если это подготовка к какому-либо семинару, то это обычно фрагменты, потому что книги достаточно большие, и читать их полностью за неделю, список из 10 книг, не получится чисто физически. Вот.

И: А как вот фрагменты? Самостоятельно?

Р: Поиск слов. Есть какие-то слова. Либо можно сразу в оглавлении найти тему, которая нужна. Вот.

(бакалавриат, история)

Р: Ну, то есть, я брал текст [первоисточник], я выделял просто, там, цветом каким-то, маркером нужные фрагменты, после этого я, возможно, возвращался опять перечитывать важные фрагменты и пытался выписать. У меня, ну, не получилось бы выписать все, допустим, для подготовки к семинарам себе в тетрадку, я пытался очень максимально это сократить и, там, несколько тезисов, там, пять шесть тезисов, вот которые основные, которые я могу посмотреть, вспомнить... или вспомнить, что у меня есть фрагменты, там быстро их найти на семинаре. То есть сначала выделял, потом перечитывал и формулировал какие-то свои тезисы.

(бакалавриат, социология)

4. Допущение про идентичностную значимость практики

Практики учебного чтения способны конструировать и воспроизводить идентичность в тех случаях, когда они расцениваются агентом как значимые (Волков & Хархордин 2008). В исследовании подразумевалась возможность идентичности в качестве «человека читающего» и/или в качестве читающего студента как будущего профессионала-ученого. В терминах концепции последнее можно описать как переход от учебного к профессиональному чтению (Мелентьева 2013).

Уточнение с учетом рефлексивности: признание рефлексивности практики открывает доступ к перспективе Э. Гидденса, где практики учебного чтения могут быть рассмотрены в качестве компонента стиля

жизни, понимаемого как «интегрированный комплекс практик, который индивид выбирает потому, что они придают материальную форму специфическому нарративу самоидентичности» (Фурс 2001: 62, цит. по (Giddens 1991: 81)). Собранный материал позволяет говорить о случаях, когда чтение по учебе имело идентичностную значимость, осознанную самим агентом:

И: Интересно. Такой вопрос финальный: можете назвать себя человеком читающим?

*Р: Да. Это бОльшая часть моей жизни и работы.
(бакалавриат, информационные технологии)*

И: То, что читается сейчас, как-то связано с будущей работой и профессией?

Р: Ну, безусловно.

И: Напрямую?

Р: Да. Да, напрямую. Ну, там касательно научной литературы, ну, непосредственно да. А все остальное, я думаю то, что, ну, это просто вклад, скорее, в какие-то другие области моей жизни, чем науку. Но надо сказать то, что я вот хочу сделать такую ремарку, что я поняла, на самом деле, чтение вот философии особенно и вообще художественной литературы очень обогащает какие-то, ну, винтики что ли, вот, поэтому на самом деле начинаешь и на какие-то научные проблемы смотреть по-другому.

(магистратура, биология)

Отметим также, что смещение концептуальной оптики в сторону теории Гидденса позволяет развить гипотезу о том, что при переходе к профессиональному чтению ожидаема большая включенность практики чтения в идентичность профессионала.

В целом, исследовательский опыт позволяет говорить о способности и готовности к рефлексии студентов весьма повседневного, но поддающегося мониторингу занятия, об их способности к самодетерминации в процессе, а также об уместности допущения о рефлексивности практик в исследованиях подобных тематик.

Вероятно, понятие практик изменчиво в зависимости от того, на что указывает, может иметь в себе отсыл к малой или большей рефлексивности. Критическая точка зрения на понятие практик может расценить это как ненаполненность, лишенность однозначно закрепленного содержания, однако нам представляется, что данную изменчивость возможно воспринять как особую гибкость понятия, следующего за нюансами повседневности. При таком раскладе понятие практик нуждается в тщательной концептуализации и проверке *in situ*, с учетом особенностей изучаемого. Решение о рефлексивности как свойстве (понятия) практик принципиально локально.

Литература

Бурдые П. Практический смысл. СПб: «Алетейя», 2001.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 40–58.

Вахштайн В. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65–95.

Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Гидденс Э. Последствия современности. М.: «Праксис», 2011.

Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Девятко И. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: «Аванти плюс», 2003.

Дьяков А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. № 1. С. 8–12.

Мелентьева Ю. Основные модификации чтения: особенности формирования и бытования. Библиотекосведение. 2013. № 5. С. 54–62.

Фурс В. «Критическая теория позднего модерна» Э. Гидденса // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 44–73.

Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. London, New York: Routledge, 2010.

Giddens A. Modernity and self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

Turner S. The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge and Presuppositions. Cambridge: Polity Press, 1994.

В. И. Шамшурин

О социологии религии (или В. А. Ядов о смыслах и сущностях бытия)

**Шамшурин
Виктор Иванович**

Доктор социологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
Московская государственная академия хореографии;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: Shamshuriny2@mail.ru

Аннотация. Разрабатывается конфессионально – проблемный подход в изучении религии, рассматривается соотношение религии и науки. При этом показано, что именно социально-политические науки способны проводить здесь внятные «смысловые» разграничения и водоразделы, одинаково полезные как для науки, так и для религии. Социология религии призвана изучать не только типы разумной рациональности человека и не только его эмоционально-психологические состояния, или «функции» религии (в том числе – и социальные); но и всю «силу жизни» человека, проявленной в том числе и в социально-экономической среде, в поиске человеком смысла жизни, в его действиях, опосредованных политикой, наукой и культурой и даже бытовыми ситуациями. Арианская, евномианская и Православно-Христианская версии в социологии религии. Соотношение крипто-гуманизма постмодерна и сотериологии Святоотеческой традиции. Концепция социологии религии Б. Н. Чичерина, В. А. Ядова и современного профессора кафедры политологии Ун-та Нотр-Дам (штат Индиана, США) Джоффри Лаймана, как науки об основных началах общежития. Социология религии – опирается на философию герменевтики и метафизику. Основной вопрос социологии религии: может ли светский социальный организм быть гносеологическим и онтологическим субъектом? Проблема внутреннего религиозного опыта паствы как репрезентативная база данных (выборка) в социологии религии.

Ключевые слова: социология религии, религия, наука, политология, социология, постмодерн, православие, эсхатология, сотериология, статусно-ролевые позиции.

Есть ли конструктивные возможности взаимодействия религиозного сознания – с научным сознанием, православия – с социально-политическим знанием? На серьезные трудности сопряжения религиозности с социальной сферой указывал Б. Н. Чичерин, который, как известно, еще при жизни был признан в мировом научном сообществе классиком вместе с Р. Штаммлером и Г. Еллинеком. Чичерин писал об опасностях, свойственных не только религиозной, но и научной сферам, когда вера подменяется досужими фантазиями и становится «безотчетной верой». «С помощью безотчетной веры, взятой неизвестно откуда, можно, конечно, сочинить все, что угодно» (Чичерин 2011: 19). Задача науки, как и религии – четкое обозначение пределов и возможностей аутентичной предметности исследовательской деятельности.

«Таково социологическое познание мира, которое должно быть плодом положительной науки, откидывающей всякие фантазии» (Чичерин 2011: 19). Вместе с тем, считает Б. Н. Чичерин, совершенно справедливо ссылаясь при этом на О. Конта, социология, как и другие науки (допустим, филология, право, политическая экономия, политика, история) касаются различных сторон духовного естества человека. «Единственное значение всех этих попыток, – продолжает свою мысль Б. Н. Чичерин, – заключается в том, что они указывают на потребность выяснить себе основы общежития» (Чичерин 2011: 20). Считаю, что на сходных позициях стоял и В. А. Ядов. Такое мнение о его убеждениях я вынес из личных бесед. Кроме того, он довольно ясно выразил эту позицию на одной из конференций в СПбГУ. Но вот здесь-то (и согласно Ядову, и согласно Чичерину) – главная сложность, так как без религии и метафизики исследования «не в состоянии привести ни к чему, кроме пустых разглагольствований. Как скоро отвергается метафизика, т. е. те рациональные начала, которые всегда служили и служат руководителями человека, как в теоретическом познании, так и в практической деятельности, так исчезает всякая возможность понимания общественных явлений. В той области метафизика не есть только способ понимания; она сама становится явлением, а потому требует изучения» (Чичерин 2011: 20). Отрицание метафизики в науке – это тоже метафизика, но плохая, так как основана на внеопытном (именно «религиозном» и «метафизическом») допущении невозможности метафизики. Следовательно, «социология, как отвлеченная наука, исследующая основные начала общежития, не может быть ничем иным, как философией общественной жизни, т. е. наукой, по существу своему опирающейся на метафизику» (Чичерин 2011: 21). Добавим, что «отвлеченность» социологии, как, впрочем, и любой другой светской науки, проявляется, прежде всего, в следующем: не только не решен, но и не поставлен вопрос: может ли светский «организм», любое мирское учреждение быть гносеологическим и онтологическим субъектом и тогда объектом исследования социологии религии? В Церкви единая молитва верующих и евхаристия, как считал А. С. Хомяков, позволяют говорить и о единомыслии, и о причащении к «телу Христову». В данном случае вместо Бога неминуемо придется обожествлять «человечество», что в силу смертности последнего очень спорно. В этом смысле достижение таких показателей научности, как императивность, общезначимость, аподиктичность, облигаторность, невозможно. «Эмпирики, отрицающие метафизику, подобны ученику, который разобрал машину, но не умеет ее опять собрать, и в оправдание себе утверждает, что машины в действительности вовсе нет, а есть только отдельные колеса и части» (Чичерин 2011: 28).

Заметим, что такие «эмпирики» могут использовать как светскую, так и религиозную риторику. От лица представителей атеистической социологии религии чаще всего звучат такие призывы: надо убрать из социально-политических знаний типы мировоззрений, стоящих на иррациональных основаниях. Напротив, псевдо религиозные фундаменталисты считают социально-политические дискурсы примером «недостойного обмирщения», «секуляризацией-профанацией» высокой эзотерики. Даже если не принимать в расчет то, что всякое рациональное опровержение иррациона-

лизма – уже верх иррационализма, зададимся следующими вопросами: как быть первым с тем, что очень часто политические и социальные мотивации людей во все времена находились не в ладах с силлогистикой? Как бы вторые объяснили, что важно «не судить, но спасти», а «мощь – в слабости», «Бог – смиренная любовь» и сотериология – не только для благополучных, праведных и здоровых, но для униженных, оскорбленных и грешных, то есть всех? Так или иначе, но самый «рациональный» тип мировоззрения основан тоже на вере, но псевдо религиозной, бессмысленной, слепой, именно «иррациональной», то есть основанной на очень спорном допущении того, что конечный, смертный человеческий разум способен проявлять бесконечное, бессмертное промыслительное могущество, допущении, что тело – это источник жизни. Религия как раз и обращает внимание не только на соматические, но и возможные управленческие ресурсы жизни и бытия. Более того, такое суждение, как, впрочем, и модное суждение в духе пост модерна о том, что нет не только метафизических суждений («универсальных»), но и вообще общезначимых суждений, т. к. есть не «правда», а «мульти-правды» («локальные нарративы»), самодостаточные, не сообщающиеся друг с другом и не сообщаемые друг другу «маркетинговые» истины, в том числе, и по поводу религии (например, в виде «рынка религий») в силу именно относительной природы истины и «текучести» общества. Как при этом избежать того, что в теоретической социально-политической науке называется «информационный тупик»? Как вообще тогда возможна какая бы то ни было наука, какой бы то ни было герменевтический континуум; а, следовательно, политика и право, и даже хоть в чем-то и хотя бы на мгновение устойчивые бытовые социальные отношения с соблюдением хоть каких-то обязательств? На этот вопрос такие авторы не отвечают. Есть и еще один вопрос к сторонникам воззрения, согласно которому «не существует непререкаемых суждений». А само это утверждение – «непререкаемое суждение»?

Можно в духе Т. Парсонса, Р. Мертона и Ю. Хабермаса сказать, что безусловными критериями научности, вопросами «смысла жизни», в том числе и в сфере социально-политических наук, являются универсализм, системность и целостность познавательного процесса. Но можно о том же самом сказать словами пророка Исайи и св. Василия Великого: «Посему как в доме основание держит на себе прочную постройку, так и в учениях есть некоторые предположения и первые начала, на которые, опираясь, излагающие учение в строгой последовательности и связи с первыми началами ведут дальнейшую ткань» (св. Василий Великий 2002: 187).

На проблему однозначно «приземлено ориентации» в чем бы то ни было (арриано-евномиянская ересь) Отцы Православия смотрели следующим образом: при таком подходе наслаждаются тем, чем надлежит лишь пользоваться; и только пользуются тем, чем надлежит наслаждаться.

Изучение религии вообще становится проблематичным, если исследователь заранее отказывается тому, что изучает в праве на самостоятельное, а, главное, самобытное, существование. Но тогда возникает вопрос: в чем мотивация подобного «самоуничиженного» дискурса, если наличие объекта исследования ставится под сомнения, а то и отрицается вовсе?

Религия менее всего может быть продуктивно рассмотрена как «симулякр», «отчужденная, искаженная форма сознания», «традиционно разыгрываемое чудо», «опиум для народа», «травматический термин», «надстройка», «неадекватность познания» и тому подобное. Заранее предполагаемая несамостоятельность существования религии в рамках каких-нибудь парадигм (исторических, социально-цивилизационных, экономоцентрических, культурных, глобально-универсальных или локальных, но всегда светских) приводит исследователя к неизбежному выводу, что религия – вторичная сфера дискурса. Если мы говорим о необходимости изучения религии в свете каких-нибудь парадигм, то изучаем мы, в конечном счете, эти самые парадигмы, а саму религию неизбежно теряем, по определению.

Если же говорить о методологических основаниях современных «новых» теорий религии, то к таковым относят теории Т. Лукмана, П. Бергера, Р. Старка, С. Байнбриджа, Н. Лумана, З. Баумана. В них присутствует в качестве исходной именно идея о конвергентности главных тезисов классических концепций религии. Как совершенно справедливо отмечает известный современный исследователь Е. А. Островская: «Эта идея соединена с интерпретацией религии как определенной картины мира и модели общества. Каждая из «новых» теорий по существу представляет собой определенного рода переработку и перекомпоновку идей, заложенных в концепциях религии Маркса и Энгельса, Вебера, Дюркгейма, Парсонса» (Островская 2006: 409). Здесь предполагается непрерывность и познаваемость чего бы то ни было «в свете истин человеческого разума», познающего все и вся, в том числе, и самого Бога лучше самого Бога. Эта установка в истории религии известна (гностицизм, евномианство), как, впрочем, существует (хотя, к сожалению, менее известна) ее критика со стороны св. Василия Великого и св. Григория Нисского.

Впрочем, можно дать и еще одно «модное» и «новое» определение религии через «капитал», как это делает М. Фуко, но это будет синонимическое предшествующим, определение, в целом не меняющее существа подхода. Последствием этой подмены понятий становится суждение: «Капитал – это и есть религия». М. Фуко устанавливает одно через другое, «небесное через земное».

Часто принято и со ссылкой на Дюркгейма говорить о так называемых «функциях» религии. Некоторые говорят преимущественно об одной («компенсаторной»), а некоторые – о 5-ти, 10-ти, 15-ти и даже 24-х функциях. Мы можем, в принципе, изучив западноевропейскую схоластику, исчислить «число ангелов на конце иглы» и в гораздо большем количестве. Но речь не об этом. В концепции Дюркгейма (что совершенно справедливо) не идет и не может вообще идти речь о каких бы то ни было «функциях религии», хотя бы потому, что Дюркгейм сначала типологизирует, а затем и классифицирует функции ритуалов, как поведенческих характеристик социального поведения людей в коллективах в присутствии сакральных объектов.

Само слово «функция» обозначает «служение, исполнение, совершение» чаще всего именно служебных, общественных обязанностей, которых может быть сколько угодно. Во многом оно совпадает по смыслу с древне-

греческим термином «литургия», которая и означала общественную обязанность. В Христианстве, как известно, этот термин приобрел значение богослужебной практики. Это именно богослужение, существующее в разных значениях и проявлениях у всех христианских вероисповеданий. В этом смысле у религии, как у христианского мирозерцания или у научной аксиоматики нет функций. Функции появляются при выяснении смысла идей христианского мирозерцания (или научной аксиоматики) с помощью конкретного действия-ритуала; или, в случае науки, – апробации и верификации в ходе эксперимента или уже технологического применения, в виде промышленной практики.

Говоря о социологии религии, следует назвать и вот еще какие парадигмально-дискурсивные установки. Это, во-первых: **«гносеологический»** подход (или «просветительский проект»), когда любая онтология укладывается в рамки такого понимания истины, которое, выражаясь языком Фомы Аквинского, познание Бога находит в рамках «света истинного разума и по его силе» – чаще всего административно-юридическими и социально-политическими средствами. Это, во-вторых: **«психологический»** подход (или **«экономический»** проект), когда эмоциональные критерии благополучия, говоря языком М. Лютера, адекватно удостоверяются впечатляющей по своей очевидности «силой веры» в промышленно-финансовой сфере. И это, в-третьих, **«нравственно-деятельностный»** (или **«икономический»** подход), когда истина о Боге, говоря словами аввы Дорофея, – «по силе жизни».

Все три подхода активно учитывают пристально разрабатываемые социологией поведенческие подходы, имея свои акценты и предпочтения.

В первых двух случаях основным является изучение состояний сознания – системных или спонтанных – в виде каких угодно «картин» и «моделей». Деятельность возможна как именно личная, хотя бы и в коллективе, и потому конкретно-индивидуальная, «жизнь по заветам» (пусть даже в сумме трендов) – это именно то, что особо интересует Православие. Социологически изучать православную традицию и ее проявления можно и должно. Само изучение становится предостережением от недолжного и исправлением-преображением (исцелением) в должное.

Литература

Булгаков С. Н. Свет Невечерний. М: Прогресс, 2001.

Булгаков С. Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1999.

Василий Великий. Толкование на книгу пророка Исайи. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002.

Вебер М. Протестантская этика как дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Т.1. М.: АСТ, 2004.

Иоанн Златоуст. К верующему отцу. Ш. // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Т.1. Кн. (1). М.: Православная книга, 1991.

Религиозный мир и духовная жизнь // Лодка. Факты. Цифры. Аналитика. 2015–2016. № 1.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: СЭЮ, 1991.

Лосский Н. О. Ценность и Бытие. М.: АСТ, 2000.

Николаев В. Г. Веблен Т. Б. // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. М.: Алетейя, 1998.

Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. СПб.: Сатис, 2007.

Островская Е. А. Социология религии: предмет, методология, основные темы (Глава 14) // Социологи. СПб: Издательство СПб, 2006.

Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010.

Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3–14.

Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.

Хомяков А. С. Опыт катехизического изложения учения о Церкви // Церковь одна. СПб.: Русская симфония, 2010.

Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Либроком, 2011.

Шайд Дж. Религия римлян. М.: Новое издательство, 2006.

Ю. С. Шкурко

Инспирированные биологическими науками социологические исследования социального неравенства

**Шкурко
Юлия Святославна**

Кандидат социологических наук, Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия.

E-mail: yulishkurko@gmail.com

Аннотация. В последние годы в социологии появились работы, в которых осуществляются попытки инкорпорирования биологических данных в социологические концепции. Подобные исследования начали получать институциональное оформление, что проявляется, в частности, в развитии нейросоциологии, эволюционной социологии, социальных исследований геномики. В перспективе этих направлений изучается роль эволюционно приобретенных поведенческих, когнитивных, аффективных адаптаций в поддержании иерархических социальных отношений, продуцировании социального неравенства, биосоциальные механизмы неравных социальных отношений, значение генетического фактора в межпоколенной передаче социального статуса и др. Несмотря на то, что накоплен большой массив биологических данных, ассоциированных с традиционными проблемами социологии социальной стратификации и социального неравенства, они не оказывают заметного влияния на социологические исследования. Более того, на современном этапе развития науки процедура их инкорпорирования в социологию не является очевидной.

Ключевые слова: биосоциология, эволюционная социология, нейросоциология, биологическое/социальное неравенство, иерархия социального доминирования.

Одной из фундаментальных установок, из которой исходят социологи, является представление о существовании различий между людьми по доступу к материальным и иным ресурсам. Они рассматриваются в качестве определяющих социальную позицию и вознаграждение, создающих предпосылки для социального неравенства. При этом доступность трактуется преимущественно в терминах общественных отношений и социокультурной среды, а вознаграждение – ранжирования социальных категорий.

Наряду с социологическими представлениями в корпусе научного знания сегодня присутствуют эмпирические данные, полученные в нейронауке и родственных дисциплинах, относительно биологических факторов, ассоциированных с социально-экономическими статусами, а также с восприятием социального неравенства, продуцированием и поддержанием иерархических социальных отношений. В частности, изучаются функциональные и структурные корреляты социально-экономических статусов (Yaple & Yu 2019;

Noble et al. 2012), биологическая предрасположенность к автоматической и неосознаваемой иерархической социальной категоризации, предпочтению иерархических социальных отношений (Sapolsky 2019; Kurzban 2011; Zitek & Tiedens 2012), ассоциации между преобладающими в популяции аллелями генов и восприятием социального неравенства (Chiao 2010; Chiao & Blizinsky 2010), влияние социально-экономических условий на структурные изменения мозга (Brito & Noble 2014), экспрессию генов (Plomin & von Stumm 2018; Figlio et al. 2017), физическое и ментальное здоровье, когнитивные способности (Farah 2017) и другие.

В последние годы в социологии предпринимаются попытки объединения этих линий исследования в рамках развития эволюционной социологии, нейросоциологии, социального исследования геномики. При этом социологи исходят из того, что инкорпорирование биологических переменных в социологию способствует получению добавочного знания, усиливает существующие социологические концепции (полнота, сложность), позволяет выявить конечные причины, лежащие в основании социальных явлений и процессов, повышает степень научной адекватности и общественной востребованности социологического знания.

Рассмотрим некоторые из направлений исследований.

1. *Идентификация эволюционно приобретенных адаптаций к иерархическим социальным отношениям.* В перспективе эволюционной социологии устойчивые поведенческие и другие черты, ассоциированные с продуцированием и сохранением социального неравенства, рассматриваются в качестве эволюционно приобретенных адаптаций (ставших частью структуры мозга), которые способствовали выживанию наших предков, но необязательно являются столь же полезными сегодня в новых изменившихся условиях (гипотеза несоответствия). Среди них – способность к навигации в системе социальных рангов, их распознаванию и соответствующему реагированию. В социологии в качестве таких адаптаций изучены ранговые эмоции (Ten Houten 2017), коммуникационные сигналы (Mazur 2005; 2015), гендерные стратегии поведения (Horscroft 2016).

2. *Анализ биосоциальных механизмов социальной стратификации и социального неравенства.* В биосоциологических исследованиях в качестве отправной точки принимается идея об универсальности базовых биологических механизмов поведения в царстве животных. Это позволяет как проводить межвидовые сравнения (Machalek 1992), применять методы, используемые в биологических науках (случай с использованием кладистического анализа Дж. Тернером и А. Марьянски (Turner & Maryanski 2013)), так и формулировать новые гипотезы (к примеру, о влиянии пренатальных гормонов на дальнейшую феминизацию или маскулинизацию поведения (Udry 2000)). В подобных исследованиях установлено, что у человека нейрогормональные механизмы системы сообщения о высоком или низком статусе, основные способы (за исключением языка) сигнализирования о своем месте в социальной группе идентичны с нечеловеческими приматами. В качестве одного из нейрогормональных механизмов рассматривается влияние тестостерона на социальное поведение, ориентированное на доминирование,

которое опосредовано различными социальными факторами (воспринимаемая значимость результата, итог соревновательного события и др.) (Mazur 2005; 2015).

3. Определение роли генетического фактора в межпоколенной социальной мобильности. Одним из перспективных направлений исследований является анализ показателя полигенного риска (Freese 2018), который позволяет оценить склонность людей к определенным болезням, алкоголизму, гомосексуализму, субъективному благополучию и т. п. В одном из недавно опубликованных номеров *American Sociological Review* нашли выход результаты исследования комплексной роли факторов окружающей среды и генетического фактора в межпоколенной передаче образовательного уровня на основе анализа этого показателя. Оставляя за рамками статьи конкретные эмпирические результаты, остановимся на причинах необходимости учитывать генетический фактор при изучении проблем социальной мобильности. Как замечает автор исследования (Liu 2018; см. также: Conley et al 2015), говорить, что только социально-экономические условия оказывают влияние на передачу образовательного уровня из поколения в поколение, не отделять влияние генов от влияния социального окружения – значит, давать предвзятую социологическую информацию. Принятие во внимание генетического фактора помогает формулировать новые гипотезы о специфических механизмах межпоколенной мобильности, связанных с влиянием генов не только через непосредственные каналы (наследуемые личностные черты, когнитивные способности, которые напрямую связаны с достижениями в области образования), но и опосредованные (социогенетические эффекты, основанные на взаимодействии с другими людьми, их генетическими особенностями).

4. Определение биологических предрасположенностей (поведенческих биограмм) к иерархическим социальным отношениям. Исследуется nepoтизм, территориальность, агрессивность, склонность к доминированию мужчин, тесная связь матери и ребенка и др. в качестве предрасположенностей, продуцирующих и поддерживающих неравные социальные отношения. Так, предполагается, что большая биологическая предзаданность поведения женщин по отношению к детям (вынашивание, вскармливание, уход), также как существующие гормональные различия между полами, делает их биологически «настроенными» на воспитание детей, вносит вклад в возможности занять властные позиции в публичной сфере (Huber 2007).

Анализ показывает, что достаточно легко можно установить соответствие между биологическими данными и ключевыми проблемами (материальное неравенство, жизненные шансы, субъективно значимые социальные категории, исторические вариации в социальном неравенстве, антагонистические конфликты, социальная эмансипация (см.: Wright 2005)), вокруг которых выстроены социологические подходы к социальной стратификации и социальному неравенству как классического периода развития (К. Маркс, М. Вебер и др.), так и современного (П. Бурдьё, Дж. Голдторп, Э. Райт, Д. Граски, Дж. Ленски и др.). Однако задача по аутентичному социологии инкорпорированию этих данных является по меньшей мере нетривиаль-

ной в силу различных причин, начиная от необходимости совмещать микро- и макро- уровни исследования, преодолеть разрыв между эпистемологиями естественнонаучных и социогуманитарных дисциплин, так и из-за присутствия в социологическом сообществе опасения, что сближение социологии и биологии будет поощрять расизм, сексизм и другие формы социальной дискриминации.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 18-411-730014 п_а.

Литература

Brito N. H., Noble K. G. Socioeconomic status and structural brain development // *Frontiers in Neuroscience*. 2014. Vol. 8. №276. P. 1–12.

Chiao J. Y. (2010). Neural basis of social status hierarchy across species // *Current Opinion in Neurobiology*. 2010. №20. P. 803–809.

Chiao J. Y., Blizinsky K. D. Culture — Gene Coevolution of Individualism — Collectivism and the Serotonin Transporter Gene // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2010. №277. P. 529–537.

Conley D., Benjamin W. D., David C., Christopher D., Cornelius A. R., Jason D. B. Is the Effect of Parental Education on Offspring Biased or Moderated by Genotype? // *Sociological Science*. 2015. №2: P. 82–105.

Farah M. J. The Neuroscience of Socioeconomic Status: Correlates, Causes, and Consequences // *Neuron* 96. 2017. 27 September. P. 56–71

Figlio D. N., Freese J., Karbownik K., Roth J. Socioeconomic status and genetic influences on cognitive development // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. Vol. 114. №51. P. 3441–13 446.

Freese J. The Arrival of Social Science Genomics // *Contemporary Sociology*. 2018. Vol 47. №5. P. 524–536.

Hopcroft R. Evolution and Gender: Why It Matters for Contemporary Life. New York: Routledge, 2016.

Huber J. On the Origins of Gender Inequality. Boulder: Paradigm Publishers, 2007.

Krendl A., Richeson J. A., Kelley W., Heatherton T. F. The negative consequences of threat: an fMRI investigation of the neural mechanisms underlying women's underperformance in math // *Psychological Science*. 2008. №19. P. 168–175.

Kurzban R., Tooby J., Cosmides L. Can race be erased? Coalitional computation and social categorization // *PNAS*. 2001. Vol. 98. №26. P. 15 387–15 392.

Liu H. Social and Genetic Pathways in Multi-Generational Transmission of Educational Attainment // *American Sociological Review*. 2018. Vol. 83. № 2. P. 1–27.

Machalek R. Why Are Large Societies Rare? // *Advances in Human Ecology*. 1992. № 1. P. 33–64.

Mazur A. Biosociology of Dominance and Deference // *Handbook on Evolution and Society: Toward an Evolutionary Social Science* / Ed. by *J. H. Turner, R. Machalek, A. Maryanski*. Boulder / London: Paradigm Publishers, 2015

Mazur A. Biosociology of Dominance and Deference. New York: Rowman & Littlefie, 2005.

Noble K. G., Houston S. M., Kan E., Sowell E. R. (2012). Neural correlates of socioeconomic status in the developing human brain // *Developmental Science*. 2012. Vol. 15. № 4. P. 516–527.

Nolan P., Lenski G. Human Societies: An Introduction to Macrosociology (11th ed.). Boulder, CO: Paradigm Press, 2009.

Plomin R., von Stumm S. (2018) The new genetics of intelligence // *Nature Reviews Genetics*. 2018. Vol. 19. № 3. P. 148–159.

Sapolsky R. This Is Your Brain on Nationalism: The Biology of Us and Them // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. № 2. P. 42–47.

Ten Houten W. From Primary Emotions to the Spectrum of Affect: an Evolutionary Neurosociology of the Emotions // *Neuroscience and Social Science: The Missing Link* / Ed. by *A. Ibбceз, L. Sedeco, A. Garcha*. New York: Springer, 2017.

Turner J. H., Maryanski A. The Evolution of the Neurological Basis of Human Sociality // *Handbook of Neurosociology* / Ed. by *D. D. Franks, J. H. Turner*. New York: Springer, 2013.

Udry R. J. Biological Limits of Gender Construction // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. № 3. P. 443–457.

Wright E. O. Conclusion // *Approaches to Class Analysis* / Ed. by *E. O. Wright*. Cambridge: University Press, 2005.

Yaple Z. A., Yu R. Functional and Structural Brain Correlates of Socioeconomic Status // *Cerebral Cortex*. 2019. May 2. pii: bhz080. doi:10.1093/cercor/bhz080

Zitek E. M., Tiedens L. Z. The Fluency of Social Hierarchy: The Ease with Which Hierarchical Relationships Are Seen, Remembered, Learned, and Liked // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102. № 1. P. 98–115.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

5

Методологический разговор 2. Методы сбора социологических данных: современное состояние и новые направления

Руководители секции: Косолапов М. С., Пузанова Ж. В.

Ученый секретарь: Кученкова А. В.

М. Ю. Александрова

Современные методы интеллектуальной работы с текстовыми данными: замена или дополнение традиционному инструментарию социолога?

Александрова
Марина Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.

E-mail: m.42aleksandrova@gmail.com

Аннотация. В настоящее время набирает популярность направление интеллектуального анализа текстовых данных или текст-майнинга. Для социологии развитие методологических подходов к анализу больших объемов неструктурированной текстовой информации (например, Online Big Data) представляет собой актуальное направление, которое может позволить увеличивать объемы анализируемых данных без значительного увеличения времени, необходимого для их обработки, стать источником для получения новых знаний и обнаружения неявных связей, которые могут быть недоступны при ручном анализе. В данной статье рассматриваются основные принципы современного интеллектуального анализа текстовых данных (токенизация, лемматизация, морфологический, синтаксический, семантический анализ и т. д.).

Ключевые слова: интеллектуальный анализ, текстовые данные, текст-майнинг.

В настоящее время набирает популярность направление интеллектуального анализа текстовых данных (текст-майнинг). Развивается методология текст-майнинга, увеличивается число сфер его применения (например, анализ тональности текста используется для прогнозирования изменений в стоимости акций, методы машинного обучения позволяют повышать качество машинного перевода текстов, способствуют повышению эффективности делопроизводства и т. д.).

Познавательный процесс в социологии тесно связан с коммуникацией, причем в значительной степени, выраженной в словесной, а не цифровой форме. Даже в массовых опросах можно заметить преобладание качественных шкал, в то время как количественные шкалы могут даже не выходить за пределы блока социально-демографических характеристик (например, вопрос о возрасте, величине дохода). Мы судим об учебной мотивации, доверии политическим институтам, отношении к мигрантам на основе слов респондента. Процесс передачи информации между респондентом и исследователем сопровождается ее преобразованием: исследователь

подбирает наиболее подходящий для объекта исследования язык, на котором задает вопросы, проводит операционализацию основных понятий и т. д. (Батыгин 1995).

При работе с текстовыми данными социологи сталкиваются с тем, что их аналитический труд практически незаменим. Такой «ручной» труд, с одной стороны, позволяет получать результаты, которые были бы недоступны в случае со статистической обработкой, но он сильно ограничивается нашими физическими возможностями в вопросах объемов информации, которые мы можем проанализировать. Существующие программные решения для работы с качественными данными (Atlas TI, NVivo) достаточно ограничены по функционалу и не всегда удобны в использовании, поэтому развитие методологических подходов к анализу больших объемов неструктурированной текстовой информации в социологии представляет собой актуальное направление.

Контент-анализ как метод работы с текстовой информацией активно используется исследователями различных социальных наук - политологи, психологи, социологи нередко прибегают к нему при анализе различных текстов. Контент-анализ становится необходимым, когда объем текстовых данных не позволяет провести исследователю успешную его обработку и анализ без введения каких-то более лаконичных категорий и суммарных оценок (Ядов 2001). Для оценки результатов контент-анализа также применяются статистические расчеты. Например, используются формулы для оценки сложности, интересности текста (Саганенко 1983), уровня представленности тем, определенных оборотов, объектов в тексте (Методологические и методические ... 1973). Для обработки данных контент-анализа достаточно давно начали разрабатываться компьютерные программы, позволяющие использовать контент-анализ для работы с большими объемами текстовых данных (Коновский и др. 1997).

Таким образом, попытки применить математический подход при работе с текстом не так новы, как может показаться на первый взгляд. Так, в 1963 г. исследователи в области статистики Ф. Мостеллер и Д. Уоллес решили вопрос, о котором спорили историки на протяжении 150 лет. Вопрос, который волновал исследователей на протяжении столь долгого времени, был связан с определением авторства серии статей сборника «Записки Федералиста» 1787 г., который сыграл важную роль в объединении множества отдельных колоний в государство США. Применив статистический подход к анализу «Записок Федералиста», исследователям удалось выявить закономерности в стилях текстов, чтобы определить авторство каждой из статей (Blatt 2017).

Использование современных методов работы с текстовыми данными в социологических исследованиях может позволить увеличивать объемы данных без значительного увеличения времени, необходимого для их обработки, стать источником для получения новых знаний и обнаружения неявных связей, которые могут быть недоступны при ручном анализе. Более того, использование компьютерных методов анализа текстовых данных в некоторых случаях может помочь снизить влияние исследователя, обусловленное его мировоззрением и профессиональным опытом.

Значимая часть существующих методов интеллектуального анализа текстовых данных, которые разрабатываются в настоящее время специалистами технологических направлений, основывается на работе со словами и словосочетаниями в предложениях. Существуют различные методы работы с текстом. Так, на первых этапах обработки естественного языка текст может разбиваться на предложения и отдельные слова (*токенизация* (Алексеев и др. 2016)) и таким образом приводится к более структурированному виду. Если разбиение текста на отдельные слова не представляет сложной задачи, то выделение осмысленных словосочетаний без привлечения дополнительных инструментов может давать результаты низкого качества, не очень осмысленные и недостаточно ценные для анализа (Martin, Jurafsky 2009). В процессе подготовки текстовых данных также используются *лемматизация* или *стемминг*. Первое предполагает приведение слов и словосочетаний, выделенных из текста, к своей нормальной форме для дальнейшего статистического анализа. Инструменты лемматизации, как правило, опираются на уже существующие правила или анализируют контекст, в котором употребляются слова для определения части речи, от которой зависит его нормальная форма (Kanis, Skorkovskiy 2010). Стемминг представляет собой процедуру выделения основы анализируемого слова путем усечения окончаний, суффиксов (Bullinaria, Levy 2012).

Для анализа документов используются различные методы, основывающиеся на анализе совместной встречаемости терминов и их классификации (Larsen, Aone 1999). Тем не менее, качество результатов, основанное на таких алгоритмах, подвержено сильному влиянию терминологии авторов анализируемых текстов. Поэтому в последнее время возрастает внимание к подходам, которые основываются на векторном представлении текстовой информации (слов, словосочетаний и отдельных документов) (Maas et al. 2011). В рамках данных подходов, как правило, строятся модели двух типов: предсказывающие слово на основе окружающего его смыслового контекста и предсказывающие контекст на основе анализируемого слова. Описанные модели строятся с использованием методов глубинного обучения (*deep learning*), в частности, нейронных сетей (Lilleberg, Zhu, Zhang 2015).

Использование методов интеллектуального анализа текстов является перспективным развивающимся направлением, и может быть использовано для анализа как традиционной информации, получаемой с помощью реактивных методов, так и нереактивной информации, получаемой в результате сбора данных в Интернете (технология Online Big Data). Тем не менее, нельзя недооценивать ограничения, решение которых тяжело доступно для широкого круга аналитиков, в том числе, и социологов: трудоемкость всего процесса анализа, а также интерпретации полученных результатов, высокая степень риска возникновения различных смещений и переобучения аналитических моделей.

Литература

Алексеев А. А., Катасев А. С., Кириллов А. Е., Кирпичников А. П. Классификация текстовых документов на основе технологии Text Mining // Вестник Казанского технологического университета. 2016. Т. 19. № 18. С. 116–119.

Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.

Коневский Е. А., Саганенко Г. И., Гайдукова Л. М., Клименко Е. Н. Диалоговая система классификации и анализа текстов // Социология: 4М. 1997. № 9. С. 198–216.

Методологические и методические проблемы контент-анализа: в 2 т. (Вып. 1, 2) / отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М.-Л.: ИСИ АН СССР, 1973.

Саганенко Г. И. Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1983.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007.

Blatt B. Nabokov's Favorite Word is Mauve: What the Numbers Reveal about the Classics, Bestsellers, and Our Own Writing. Simon and Schuster, 2017.

Bullinaria J. A., Levy J. P. Extracting semantic representations from word co-occurrence statistics: stop-lists, stemming, and SVD // Behavior research methods. 2012. Т. 44. № 3. P. 890–907.

Kanis J., Skorkovskij L. Comparison of different lemmatization approaches through the means of information retrieval performance // International Conference on Text, Speech and Dialogue. Springer, Berlin, Heidelberg, 2010. P. 93–100.

Larsen B., Aone C. Fast and effective text mining using linear-time document clustering // Proceedings of the fifth ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining. ACM, 1999. P. 16–22.

Lilleberg J., Zhu Y., Zhang Y. Support vector machines and word2vec for text classification with semantic features // Cognitive Informatics & Cognitive Computing (ICCI* CC), 2015 IEEE 14th International Conference on. IEEE, 2015. P. 136–140.

Maas A. L., Daly R. E., Pham P. T., Huang D., Potts Ch. Learning word vectors for sentiment analysis // Proceedings of the 49th annual meeting of the association for computational linguistics: Human language technologies. Vol. 1. Association for Computational Linguistics, 2011. P. 142–150.

Martin J. H., Jurafsky D. Speech and language processing: An introduction to natural language processing, computational linguistics, and speech recognition. Upper Saddle River: Pearson/Prentice Hall, 2009.

Л. А. Бархатова

Опыт применения смешанной методологии для изучения взаимодействий в профессиональном социологическом онлайн-сообществе

**Бархатова
Лариса Александровна**

Аспирант, преподаватель,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: labarkhatova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические возможности применения смешанной методологии для изучения взаимодействий в профессиональных онлайн-сообществах. На примере исследования крупнейшего российского социологического онлайн-сообщества описывается и анализируется опыт комбинирования трех методов: сетевого анализа, тематического моделирования и скрытого онлайн-наблюдения.

Ключевые слова: смешивание методов, нереактивные данные, профессиональные онлайн-сообщества.

Одним из следствий развития IT-технологий в современном обществе является трансформация существующего мира профессий. Активное распространение Интернета привнесло новые возможности для осуществления профессиональной коммуникации, выступающей источником для обмена знаниями, опытом и информацией между представителями профессии. В отличие от традиционных офлайн-каналов профессиональной коммуникации, Интернет позволяет организовать общение в реальном времени без единой территориальной привязки. Многие из таких практик давно приняли институционализированную форму, в результате чего появились специализированные онлайн-площадки (онлайн-сообщества), где представители той или иной профессии могут обсудить актуальные профессиональные вопросы.

Результаты эмпирических исследований показывают, что профессиональные онлайн-сообщества способствуют более активному обмену информацией внутри профессиональных групп (Tseng, Kuo 2014). Кроме того, ряд исследователей указывают на то, что участие в дискуссиях, инициируемых в профессиональных онлайн-сообществах, выступает источником для профессионального роста (см. например: (Hew 2009, King 2011)).

Распространение новых форм коммуникации актуализирует запрос на разработку методологии, адаптированной для анализа профессиональных онлайн-сообществ. Описанный в литературе исследовательский опыт показывает, что для изучения взаимодействий на онлайн-площадках (в том

числе профессионального характера) перспективными представляются стратегии, основанные на использовании нереактивных данных (*nonreactive data*) (Janetzko 2008). В отличие от традиционных опросных методов сбора социологической информации формирование таких данных происходит без вмешательства исследователя (Golder, Masy 2014: 133). Совершая определенные действия в Интернете, индивиды оставляют «цифровые следы» (*digital traces*), по которым исследователь восстанавливает картину интересующего феномена. С одной стороны, это дает возможность получить более надежные данные, не подверженные эффекту влияния исследователя на поведение респондентов. Однако, с другой стороны, такие данные требуют применения более сложных технологий анализа.

В рамках статьи будет представлен подход, сочетающий применение трех методов работы с нереактивными данными: сетевого анализа (*social network analysis*), тематического моделирования (*topic modeling*) и скрытого онлайн-наблюдения. Цель работы – показать возможности применения смешанной методологии для изучения виртуальной профессиональной коммуникации на примере кейса известного российского социологического онлайн-сообщества.

Теоретические предпосылки используемых методов

Прежде чем перейти к рассмотрению методологии и результатов исследования, коротко изложим базовые теоретические предпосылки методов, которые использовались при анализе.

Одним из основных методов в исследовании выступил *сетевой анализ*. Основанная на математической теории графов, данная методология предлагает набор инструментов для изучения связей между социальными субъектами (акторами), в роли которых могут выступать как индивиды, так и отдельные социальные целостности (Чураков 2001: 108). Основные концептуальные предпосылки сетевого анализа состоят в следующем:

- социальная сеть состоит из совокупности акторов и связей, которые образуют структуру сообщества/группы;
- визуально ее можно представить в виде графа, где акторы выступают узлами, а связи – ребрами;
- некоторые акторы могут быть связаны друг с другом сильнее, чем с остальными, в том числе допустимо отсутствие связей (связи могут носить как направленный, так и ненаправленный характер);
- положение акторов в сети определяется исходя из набора связей, которыми они обладают.

Фокус сетевого анализа обычно лежит в двух плоскостях. В подобных исследованиях, во-первых, принято анализировать структуру сети в целом (ее плотность, иерархичность и проч.). Во-вторых, исследователи, использующие сетевой анализ, часто рассматривают отдельные структурные позиции сети (центр, периферия и т. д.), в том числе на предмет их связи с индивидуальными характеристиками (атрибутами) акторов.

Другим методом, который применялся в работе, выступило *тематическое моделирование*. Будучи разновидностью компьютерных методов анализа текстов, тематическое моделирование позволяет сократить трудоемкость и повысить качество выполнения многих исследовательских задач, которые традиционно решались социологами с помощью контент-анализа (DiMaggio et al. 2013: 577). Преимуществом тематического моделирования является возможность автоматически выявлять тематическую структуру коммуникации, в том числе определять, к каким темам относится каждый из анализируемых текстов. На выходе метод, реализованный с применением алгоритма латентного размещения Дирихле (LDA), считает два распределения: слов по темам и текстов (документов) по темам. Поскольку LDA относится к классу вероятностных (генеративных) моделей, получаемые распределения носят вероятностный характер (см. например: (Blei 2012)). Каждое слово встречается в нескольких темах с разной вероятностью, а сам текст представляет собой смесь тем, к которым он принадлежит с разной вероятностью. Задача исследователя – выбрать оптимальное количество тем и провести их интерпретацию на основании списка наиболее часто встречающихся слов.

Наряду с количественным этапом, в исследовании проводился качественный этап, который был реализован в формате *онлайн-этнографии* (нетнография). По сравнению с традиционной этнографией, онлайн-этнография обладает некоторыми методологическими особенностями. Коммуникация в онлайн-среде осуществляется преимущественно в виде текстовых сообщений, анализ которых в онлайн-этнографии составляет основу для «насыщенного» описания (Hine 2000: 63–65). Особенности объекта исследования приводят к некоторым методическим модификациям традиционного для полевой этнографии инструментария. В онлайн-этнографии базовый инструмент этнографического исследования – включенное наблюдение трансформируется в онлайн-наблюдение. Ряд исследователей настаивает на том, что для комплексного анализа виртуальных культур применение одного онлайн-наблюдения может быть недостаточно, поэтому, по их мнению, метод необходимо дополнять результатами офлайн-интервью (Lohmeier 2014). Другие исследователи, напротив, фокусируются только на изучении онлайн-форм коммуникации, предпочитая работать с анализом текстовых данных (Lane 2016).

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическая часть заявленного исследования представляет собой описательное кейс-стади крупнейшего российского социологического онлайн-сообщества, представленного на площадке социальной сети Facebook. Как это свойственно стратегии кейс-стади, в работе предпринята попытка комплексного анализа изучаемого феномена, который в кейс-стади обычно достигается за счет использования разноплановых методов сбора информации (Yin 2014). Эта комплексность подхода осуществляется за счет применения смешивания методов (*mix method research*), предполагающего

комбинирование качественных и количественных методов. Для реализации стратегии был выбран дизайн «дополнительного покрытия» (Morgan 2014), в рамках которого качественный и количественный этапы проводятся параллельно друг другу с целью решения разных исследовательских задач.

Эмпирическую базу исследования составил контент изучаемого онлайн-сообщества за 2017–2018 гг., полученный с помощью двух технологий автоматического сбора данных с сайтов: подключения по API (Application Programming Interface) и парсинга (parsing) интернет-страницы изучаемого сообщества.

Количественный этап проводился в исследовании для решения двух задач: выявления структуры и тем взаимодействия в онлайн-сообществе. В рамках первой задачи применялся сетевой анализ. Для решения второй задачи было решено использовать метод тематического моделирования, который позволил автоматически выделить основные темы, поднимаемые в коммуникации сообщества.

Качественный этап исследования был реализован в формате онлайн-этнографии (нетнография), в рамках которой методом сбора данных выступило скрытое онлайн-наблюдение с низкой степенью включенности. Решение анализировать исключительно дискурсивные формы коммуникации было принято исходя из общей стратегии исследования. Поскольку она предполагает применение смешанной методологии, триангуляция выводов может быть обеспечена благодаря синергии качественных и количественных методов (Denzin 2012).

Основные результаты исследования

В рамках количественного этапа было выявлено, что структура изучаемого онлайн-сообщества является типичной для виртуальных площадок. Основное место в ней занимают пассивные участники (наблюдатели), тогда как небольшая доля активных участников создает основной контент. Применение сетевого анализа позволило сделать вывод об отсутствии взаимосвязи между формированием связей в онлайн-сообществе и индивидуальными характеристиками участников – регионом проживания и сферой профессиональной деятельности.

С помощью тематического моделирования, реализованного с использованием алгоритма латентного размещения Дирихле (LDA), были выявлены 16 тем, составляющих повестку обсуждений в изучаемом онлайн-сообществе. Содержательно их можно объединить в четыре тематических кластера: информационная рассылка; опросы общественного мнения; методические дискуссии; исследовательская этика. Одним из преимуществ использования тематического моделирования является возможность автоматически классифицировать документы (в данном случае посты) по выделенным темам. Соотнесение постов и тем, к которым они принадлежат, позволило количественно оценить популярность различных тематик в изучаемом онлайн-сообществе.

Проведение качественного этапа в данном исследовании потребовалось, чтобы выявить правила поведения и конфликты внутри онлайн-сообщества, а также более детально описать темы, выделенные с помощью тематического моделирования. Было установлено, что сообщество отличается демократическим укладом. В явном виде в нем декларируется только одно правило, запрещающее удалять материалы дискуссий. Реализация онлайн-этнографии позволила сделать вывод о воспроизводстве в сообществе профессиональной статусной иерархии, на основании которой выстраивается профессиональное общение между исследователями в онлайн-среде.

Заключение

Применение трех методов – сетевого анализа, тематического моделирования и скрытого онлайн-наблюдения – позволило комплексно изучить взаимодействия российских социологов в рассматриваемом онлайн-сообществе. Благодаря использованию смешанной методологии удалось обойти проблему обеспечения валидности измерения, неизбежно возникающую при работе с нереактивными данными (Hampton 2017).

Направленность каждого метода на решение своей исследовательской задачи позволила интегрировать их в рамках смешанного дизайна «дополнительного покрытия» (Morgan 2014). С помощью сетевого анализа была визуализирована сеть взаимодействий участников, оценена ее плотность, а также проверена гипотеза о наличии связи между структурой сообщества и индивидуальными характеристиками акторов. Благодаря применению тематического моделирования удалось выделить темы, значительно сократив при этом трудоемкость операций, связанных с кодированием данных. Метод показал свою эффективность при условии понимания профессиональной лексики и грамотной предварительной обработке массива. Применение онлайн-наблюдения позволило дополнить выводы описанием правил взаимодействия и конфликтов, выявить и объяснить которые невозможно с помощью компьютерных методов анализа.

Литература

- Чураков А. Н. Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 108–121.
- Blei D. M. Probabilistic Topic Models // Communications of the ACM. 2012. Vol. 55. No. 4. P. 77–84.
- Denzin N. Triangulation 2.0 // Journal of Mixed Methods Research. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 80–88.
- DiMaggio P., Nag M., Blei D. Exploiting Affinities between Topic Modeling and the Sociological Perspective on Culture: Application to Newspaper Coverage of U.S. Government Arts Funding // Poetics. 2013. Vol. 41. No. 6. P. 570–606.

Golder S.A., Macy M.W. Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research // *Annual Review of Sociology*. 2014. Vol. 40. No. 1. P. 129–152.

Hampton K.N. Studying the Digital: Directions and Challenges for Digital Methods // *Annual Review of Sociology*. 2017. Vol. 43. P. 167–188.

Hew K.F. Determinants of Success for Online Communities: an Analysis of Three Communities in Terms of Members' Perceived Professional Development // *Behaviour & Information Technology*. 2009. Vol. 28. No. 5. P. 433–445.

Hine C. *Virtual Ethnography*. London: Sage, 2000.

Janetzko D. Nonreactive Data Collection on the Internet // *The SAGE Handbook of Online Research Methods* / Ed. by Fielding N., Lee R. M., Blank G. 2008. P. 161–175.

King K.P. Professional Learning in Unlikely Spaces: Social Media and Virtual Communities as Professional Development // *Emerging Technologies in Learning*. 2011. Vol. 6. No. 4. P. 40–46.

Lane J. Review: Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Every day, by Hine C. // *Contemporary Sociology*. 2016. Vol. 45. P. 610–612.

Lohmeier C. The Researcher and the Never-Ending Field: Reconsidering Big Data and Digital Ethnography // *Big Data? Qualitative Approaches to Digital Research*. 2014. Vol. 13. P. 75–89.

Morgan D.L. *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: a Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2014.

Tseng F.C., Kuo F.Y. A Study of Social Participation and Knowledge Sharing in the Teachers' Online Professional Community of Practice // *Computers & Education*. 2014. Vol. 72. No. 1. P. 37–47.

Yin R. *Case Study Research: Design and Methods*. 5th ed. US: Sage, 2014.

П. К. Залесский

Комбинация онлайн и офлайн опросов в России: проблемы и поиск решений

**Залесский
Петр Карлович**

Кандидат социологических наук, Международный институт маркетинговых и социальных исследований ГФК-Русь; Департамент социологии, истории и философии, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

E-mail: peter.zalovsky@gfk.com

Аннотация. В статье анализируются результаты методических экспериментов по комбинированию онлайн-опросов взрослого населения России с одновременными опросами методом личных интервью по репрезентативной населенческой выборке. Учитывая разную достижимость половозрастных и социальных групп, комбинирование массивов данных, полученных разными методами контакта с респондентами в единую базу предоставляет возможность не только оценить различия между «живущими» в Интернете, остальными пользователями Сети и россиянами, не пользующимися Интернетом, но также получить более объективную картину социально-экономической и культурно-духовной жизни взрослого населения Российской Федерации.

Ключевые слова: социология, методология, онлайн-опросы, офлайн-опросы, комбинирование данных.

Индустрия маркетинговых исследований, активно использующая социологические методы для получения информации о рынках и потребителях, динамично развивается во всем мире, несмотря на переживаемый период нестабильности в мировой экономике и т. н. «турбулентного социума».

По оценке ESOMAR в 2018 г. объем мирового исследовательского рынка показал дальнейший рост до 47,3 млрд USD и российского рынка до 340 млн USD.

Россия входит в 20-ку крупнейших стран по инвестициям в маркетинговые и социальные исследования. По итогам 2018 г. наша страна немного уступила Канаде и занимает 16-ю строчку рейтинга. В настоящее время в России в среднем тратится 2,36 USD на одного человека в год (Global Market Research 2019).

Несомненно, в последние годы кардинально меняется картина использования тех или иных методов исследований. В 2012 г. В. А. Ядов писал: «Следует ожидать и значительное обогащение исследовательских технологий... Социология определенно вступила в качественно иную фазу развития» (Ядов 2012: 4). И действительно, в настоящее время общий тренд на внедрение онлайн-опросов и цифровых технологий в исследовательскую индустрию

очевиден. Так, например, за минувшие 10 лет доля затрат на проведение личных интервью (face-to-face) в мире изменилась, на первый взгляд, незначительно с 10 до 9%. Но за это же время доля онлайн-опросов выросла с 20 до 25% (Global Market Research 2019).

Онлайновые методы исследований вышли по инвестициям на первое место в мире с совокупной долей в 31%. При этом, иные цифровые способы получения данных (ритейл-аудит, электронные медиаизмерения, голосовые сообщения и прочее) занимают вторую треть рынка (33%).

При анализе динамики использования онлайн- и офлайн-методов исследований в России, можно заметить, что наиболее популярным остается метод личных (face-to-face) интервью. Правда за минувшее десятилетие постепенно в массе своей произошел переход от бумажных анкет к использованию ноутбуков и планшетов в процедуре опроса. Это качественное изменение было непростым, иногда болезненным, отразившимся на результатах мониторинговых замеров. Индустрия в целом успешно в 2013–2016 гг. преодолела переходный период, принимая дополнительные меры по подбору и обучению квалифицированных интервьюеров, способных управляться с запрограммированными на компьютерах анкетами.

В количественных методах исследований заметно выросли онлайн-опросы – с 5% до 19% в общих затратах на маркетинговые и социальные исследования. Таким образом, несмотря на особенности, местную специфику, Россия идет по проторенной дороге постепенного замещения личных контактов исследователя/интервьюера с респондентом на ставшие привычными и повседневными коммуникации с помощью гаджетов и цифровых онлайн-технологий.

С внедрением в исследовательскую индустрию современных технологических новинок стали проявляться новые вызовы. Быстрота, простота и относительная дешевизна онлайн-опросов, появление сервисов и платформ для конструирования анкет по шаблонам делают метод опроса доступным для массового и далеко не всегда квалифицированного применения. В определенном смысле, эйфория от возможностей новых технологий коммуникации, анализа данных и визуализации результатов наблюдается, на мой взгляд, не только в студенческой среде, не только в малом бизнесе и в стартапах, где ориентированы на малобюджетный или даже безбюджетный маркетинг, но и в достаточно крупных компаниях. В последнем случае в качестве основного аргумента выступает опыт интенсивного использования онлайн-опросов за рубежом, и в первую очередь, в США. Тем не менее, далеко не все подходы, успешные на других рынках, в иных социально-экономических, географических, социокультурных условиях, одинаково хорошо работают в России.

На проблему неполного охвата генеральной совокупности обращают внимание авторы отчета «Оценка качества опроса в сложных реалиях сегодняшнего дня» выполненного рабочей группой AAPOR: «В онлайн-исследованиях, ставших в настоящее время самым популярным методом сбора выборочных опросных данных во всем мире, имеются свои трудности. Наиболее очевидная трудность состоит в том, что люди, не подключенные к сети, не имеют шансов попасть в выборку» (Оценка качества опроса... 2017: 9).

При анализе проблемы территориально-географического охвата в онлайн и офлайн опросах населения России обращают на себя внимание несколько специфических для нашей страны составляющих.

Во-первых, распространение, а самое главное, частота и интенсивность использования Интернета в разных регионах России существенно отличается (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Проникновение и частота пользования Интернетом
в федеральных округах РФ (комбинированная выборка), %**

Федеральные округа РФ	Ежедневно не более 2 ч	Ежедневно 3–4 ч	Ежедневно 5–6 ч	Ежедневно 7 ч или более	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц или реже	Не пользуются Интернетом
Россия, 16+ лет	27	24	10	8	7	2	22
Москва	25	34	10	9	8	2	12

Источник. Всероссийское исследование, N=4263. Расчеты автора.

Поэтому экспресс-опросы в Интернете без учета продолжительности ежедневного пользования Сетью, дают серьезные смещения в выборке, а, следовательно, есть риски получения искаженной картины, основанной на систематически смещенных данных в сторону относительно небольшой на сегодняшний день (от 18 до 20%), но наиболее активной части взрослого населения, проводящей в онлайн более 5 часов в день (см. таблицу 2).

Таблица 2

Частота пользования Интернетом респондентами в онлайн-опросах (CAWI), %

Федеральные округа РФ	Ежедневно не более 2 ч	Ежедневно 3–4 ч	Ежедневно 5–6 ч	Ежедневно 7 ч или более	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц или реже	Не пользуются Интернетом
Россия, 16+ лет	20	34	22	23	1	0	0
Москва	24	34	17	21	1	2	0

Источник. Всероссийское исследование, N=1010. Расчеты автора.

Кроме того, наблюдаются существенные отличия в распределении респондентов онлайн и офлайн опросов по типу (размеру) населенного пункта (см. таблицу 3). Более половины (55%) ежедневных пользователей Интернета проживает в малых городах и в сельских районах страны, и только каждый пятый (20%) – житель городов-миллионников. Однако онлайн-опросы в основном охватывают мегаполисы от 500 тыс. жителей и более (56%) и не достигают в нужном объеме (по множеству причин) города менее 100 тыс. жителей и сел (28%).

Таблица 3

**Распределение респондентов, пользующихся ежедневно Интернетом
по типам (размеру) населенного пункта, %**

Тип (размер) населенного пункта, тыс. жителей	Личные интервью, N=2089	Онлайн-опросы, N=816
Города-миллионники	20	41
Города 500–999	7	15
Города 250–499	8	14
Города 100–249	10	12
Города менее 100	25	14
Сельские районы	30	4
Всего	100	100

Источник. Всероссийское исследование, 2018–2019 гг. Расчеты автора.

На этот счет, конечно, есть контраргументы, что интересующие целевые группы сосредоточены именно в этих городах. Но тогда будет справедливо не утверждать, что полученные на такой выборке результаты отражают мнения и предпочтения всех россиян. К сожалению, в публикациях СМИ и в презентациях это делается далеко не всегда.

Еще одной существенной проблемой, требующей внимания при организации и проведении онлайн-опросов и комбинировании данных, полученных разным методом, являются значимые различия в охвате половозрастных групп населения нашей страны.

Понятно, что молодежь более активна в использовании Интернета, нежели люди старших возрастов. Естественно, это обстоятельство должно отражаться в портрете российской онлайн-аудитории. Однако, данные полученные из онлайн- и офлайн опросов существенно отличаются по распределению основных возрастных групп (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Распределение респондентов, пользующихся ежедневно Интернетом
по возрастным группам (невзвешенные данные), %**

Возрастные группы, лет	Личные интервью, N=2089	Онлайн-опросы, N=816
16–19 (т. н. поколение Z)	13	2
20–29 (т. н. миллениалы или поколение Y)	26	38
30–39	24	21
40–49	20	19
50–64	13	18
65 или старше	4	2
Всего	100	100

Источник. Всероссийское исследование, 2018–2019 гг. Расчеты автора.

Как видим, репрезентативный опрос методом личного интервью по месту жительства респондента дает почти 10-кратное увеличение доли тинейджеров и более представительную подвыборку старшего поколения россиян.

Еще один парадокс заключается в том, что в существующих в России онлайн-панелях присутствует определенный дефицит респондентов до 20 лет. Причин этому множество. Более активны в участии в опросах россияне предпенсионного и пенсионного возраста. С одной стороны, респондентов данной группы заметно меньше в индустриальных панелях, но их социальная активность и стремление заработать на участии в опросе существенно выше. Похожая ситуация наблюдается с домохозяйками, женщинами в декретных отпусках, ищущих дополнительные заработки в Интернете. Эти смещения в выборке необходимо отслеживать и учитывать при анализе. Без этого цифры из опроса получить можно быстро, но отношения к реальности они будут иметь слабое.

Как правило, для обоснования репрезентативности онлайн-опросов оперируют данными общего охвата Интернетом российского населения и впечатляющим ростом проникновения онлайн в нашу повседневную жизнь в течение последнего десятилетия – уже 78% взрослого населения страны, а в Москве – 88%, по данным ГфК-Русь, да и большинства российских исследовательских центров, пользуются Интернетом.

Однако, ежедневное пользование Интернетом декларирует уже 69% россиян, опрашиваемых по репрезентативной выборке методом личных интервью. В онлайн-опросах 99% респондентов составляют ежедневную аудиторию Интернета. Образ жизни, интересы, предпочтения этих людей, информационное пространство, каналы коммуникации, в которых живут они, значительно отличаются друг от друга, даже при схожести возрастных и территориальных характеристик. Данный вид смещения результатов носит наиболее драматический характер. Например, знание, опыт пользования и предпочтения по отдельным категориям товаров и услуг в соответствующих демографических группах отличается в 2,5–3 раза (см. таблицу 5). Даже в основных привычках покупательского поведения можно наблюдать существенные различия активных пользователей Интернета, опрошенных различным способом. Тем более эти различия впечатляющи, когда анализируется не только онлайн-аудитория страны или города, но и остальные группы взрослого населения, не пользующиеся Интернетом.

Каковы же на основании опыта сопоставления онлайн-и офлайн-опросов будут рекомендации для получения надежных репрезентативных данных? На наш взгляд, наилучший результат дает пропорциональная комбинация онлайн и офлайн выборок при проведении опроса на одну и ту же тему. О подобном опыте еще в 2007 г. опубликовали статью в годовом сборнике ESOMAR коллеги-социологи из Великобритании (Cooke et al. 2007). Двенадцать лет назад в Западной Европе проникновение Интернета и частота пользования им была примерно такой же, как в настоящее время в России.

Простое общепринятое взвешивание данных онлайн-опросов по географии, типу населенных пунктов (город/село), а также по половозрастным группам, не полностью решает проблему устранения/снижения негативного эффекта систематических смещений в выборке. Наиболее оптимальное решение лежит в плоскости дополнительного контроля параметров частоты и интенсивности (количество часов в день), а также расчета и применения

обоснованных коэффициентов взвешивания для комбинированной выборки. Подобный подход целесообразен в условиях неравномерного проникновения цифровизации и новых технологий в различных регионах России, в разных социальных и демографических группах и слоях населения страны.

Таблица 5

**Покупательское поведение респондентов,
пользующихся ежедневно Интернетом (Россия, 16+), %**

Действия респондентов	Офлайн-опрос	Онлайн-опрос
Ищу в магазине товары по промоакциям / спецпредложениям	41	69
Изучаю рекламные листовки / буклеты магазинов, чтобы узнать, на какие товары действуют скидки	16	41
Спрашиваю рекомендации друзей / знакомых о выгодных предложениях	15	13
Использую купоны на скидку	24	42
Покупаю товары собственной торговой марки магазина	10	24
Покупаю товары в больших упаковках, которые более выгодны по цене	19	30
Пишу список покупок и стараюсь не отклоняться от него	28	44
Ищу магазины с более низкими ценами	52	60
Другие способы экономии	6	6
Ни на чем не экономлю	15	5

Источник. Всероссийское исследование, 2019 г. Расчеты автора.

Комбинирование онлайн и офлайн опроса в рамках единого исследования успешно реализуется Международным институтом маркетинговых и социальных исследований ГфК-Русь с 2016 г. Сопоставление и анализ различий результатов, полученных в ходе *mix mode survey* (в терминологии ГфК – *multimode survey*) позволяет получать научно обоснованные репрезентативные данные для важных и ответственных бизнес-решений.

Литература

Залесский П. К. Технологии и маркетинговые исследования: инновации или профанация? // Маркетинг услуг. 2013. № 4. С. 254–267.

Залесский П. К. Онлайн и офлайн опросы в России: в поисках репрезентативности. Опыт сопоставительного анализа результатов: [презентация доклада на XII Всероссийской научной конференции памяти Юрия Левады]. Москва, 24.04.2018. Электронный ресурс. URL: http://digest.researchweek.ru/special/Онлайн_и_офлайн_опросы_в_России_ЗАЛЕССКИЙ.pdf (дата обращения: 18.10.2019).

Залесский П. К. Онлайн и офлайн-опросы в России: исследовательский фастфуд или «высокая» кухня?: [презентация доклада на VIII Грушинской социологической конференции]. Москва, 18.04.2018. Электронный ресурс. URL: <https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/15/Zalesskiy.pdf> (дата обращения: 18.10.2019).

Оценка качества опроса в сложных реалиях сегодняшнего дня. Социальные медиа в исследовании общественного мнения: отчет рабочей группы AAPOR о новых технологиях в исследовании общественного мнения / Американская ассоциация общественного мнения; пер. с англ. В. Л. Силаевой, О. А. Оберемко. М.: АО «ВЦИОМ», 2017.

Петр Залесский об особенностях современного российского общества: Интервью в Профессорском клубе Финансового Университета. 01.03.2018. Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=97Xipw-B5QpM> (дата обращения: 18.10.2019).

Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 3–8.

Cooke M., Watkins N., Moy C. Market measurement: The next frontier for panel research. Panel Research 2007, ESOMAR World Research Conference, Orlando, 28–30 October 2007.

Global Market Research 2019. An ESOMAR Industry Report in cooperation with BDO Accountants & Advisors. Электронный ресурс. URL: <https://www.esomar.org/knowledge-center/reports-publications> (дата обращения: 18.10.2019).

В. В. Костюшев

Социология события: возможности событийного и ситуационного анализа, сопряженность методов в социологическом исследовании социального протеста

Костюшев

Владимир Владимирович

Кандидат философских наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vvkost@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается социологическая методология наблюдающего участия в общественном расследовании разгона шествия 1 мая 2019 г. в Санкт-Петербурге, представлены теоретические основания исследования и методы сбора и анализа состояний недовольства, несогласия и протестного действия.

Ключевые слова: методология, наблюдающее участие, событие, событийный анализ, ситуации, ситуационный анализ, общественное расследование, интервью, фокус-группа.

В социологии общественных движений и, в частности, в исследованиях социального и политического протеста в разных странах и культурах изучаются множество тем: от макрополитического контекста возникновения движений («структура политических возможностей») до биографических траекторий активистов, от психологических проблем относительной депривации участников до мобилизации ресурсов в организации протеста. Специальным предметом исследования нередко являются также отдельные «события» – конкретные, фиксированные во времени и пространстве, публичные социальные процессы (действия/взаимодействия людей и институтов), оказывающие значимое влияние на другие социальные процессы, на состояние общества в целом. Как правило, такие «события», получившие широкий общественный резонанс, изучается в монографических исследованиях проектах с использованием разных методов и техник сбора и анализа социологической информации.

Ярким примером монографического исследования события в социологии является ставшим классическим проект «Freedom Summer» Д. Макадама, в рамках которого знаменитое в истории США коллективное действие – акция протеста 1964 г., получившая название «Лето свободы» – тщательно описано и анализировалось автором в течение двух десятков лет многими методами, прежде всего изучались биографические

траектории участников акции протеста. Известны другие монографические исследования «событий» в социологии общественных движений – от историко-социологического анализа европейских и американских молодежных протестов 1968 г. до описания «Марша мира» в Санкт-Петербурге в 2014 г. Термин «событийный анализ» (event-analysis) используется для исследования динамических рядов «событий», в рамках которого цепочка некоторых конкретных «событий» (действий/взаимодействий движений и институтов). Специально рассматривается, например, серия протестных акций по конкретному поводу в хронологической последовательности за определенный период, краткий или продолжительный, измеряемый иногда столетиями (Ч. Тилли). В литературе представлено и понимание «события» как предмета теоретической социологии в рамках специальной теории социального события (А. Ф. Филиппов).

Событийный анализ (event-analysis) подробно представлен в научной литературе европейскими исследованиями в методологии protest data (база данных акций протеста – «Prodat» – организована в Германии с 1949 г. (Д. Рухт, К. Д. Опп и др.), в изучении динамических рядов протеста в американской исторической социологии (Ч. Тилли), подобный опыт представлен также в отечественных полевых исследованиях протеста (исследовательский проект «Репертуар социального протеста в Санкт-Петербурге», СИ РАН, 1989–1998, исследования Лаборатории публичной социологии в СПб, 2012–2016 гг.). Но в целом полевые исследователи редко обращаются к методологии событийного анализа ввиду трудоемкости работы по сбору и анализу социологической информации, в отечественной социологии данная методология остается недостаточно известной.

Ситуационный анализ также недостаточно известен и разработан в российской социологии. Формальная модель и в целом методология ситуационного анализа был предложена А. Кларк в 2003 г. Вместе с тем эмпирический анализ «ситуаций» – социальных, производственных, политических и др. – успешно проводился полевыми исследователями на конкретном материале, без использования термина «ситуационный анализ» (А. Н. Алексеев и др.). Под «ситуацией» в подобном анализе понимаются конкретно фиксируемые состояния внутри социального «события» – сочетания контекста, действий/взаимодействий участников. При этом в рамках каждой отдельной «ситуации» выделяются конкретные «эпизоды» – индивидуальные и коллективные действия участников ситуации. Таким образом, социологическое описание и анализ социального события включает в себя изучение ряда ситуаций данного события, в рамках которых рассматриваются конкретные эпизоды данных ситуаций и социального события в целом. Можно сказать, «портрет» социального события представляет собой неслучайную мозаику эпизодов, составляющих различные состояния – ситуации данного события.

Методология описания и анализа одного события – в рамках методологической триады «Событие – Ситуации – Эпизоды» – предполагает использование различных методов и техник сбора и анализа социологической информации: от наблюдения до наблюдающего участия, от описания «случая» до статистического анализа массивов информации – с общей задачей многомерного описания всего выделенного социального события в целом.

Предмет полевого исследования

В соответствие с данной методологической схемой рассматривается отдельное конкретное «событие», именуемое «разгоном шествия» 1 мая 2019 г. в Санкт-Петербурге, в рамках которого выделяются 20 «ситуаций» (от заявки на шествие до последующих судебных процессов) и более 300 «эпизодов» (в каждой ситуации от 5 до 70 эпизодов). Из 300 известных эпизодов события описываются и анализируются эпизоды, выделяемые в качестве типичных для данных конкретных ситуаций и события в целом, всего около 70. Событие, ситуации и эпизоды описываются и анализируются с помощью методов наблюдения, фокусированного интервью, фокус-группы, анализа документов, анализа интернет-данных, включенного и наблюдающего участия, визуальной социологии, дискурсивного анализа. Данное исследование продолжает авторские исследования потенциала, репертуара и дискурса социального протеста, проводимые прежде («Потенциал, репертуар и дискурс социального протеста», 1989–1998 гг.; «Марш мира», 2012 г.; «Общественное участие в чрезвычайной ситуации», Крымск, 2012–2013 гг. и др.) в рамках социологии общественных движений и социологии протеста, методологии событийного и ситуационного анализа.

Общественное расследование и социологическое исследование

Социологическое исследование было проведено в рамках общественного расследования разгона шествия 1 мая 2019 г. в СПб, инициированное в мае 2019 г. автором и поддержанное общественностью города – Уполномоченным по правам человека в Санкт-Петербурге и Правозащитным советом Санкт-Петербурга. Учитывался также опыт общественных расследований других событий, прежде всего доклад о событиях на Болотной площади в Москве (2013 г.), а также опыт общественных расследований в других странах и культурах.

Основными концептами социологического исследования и общественного расследования (важно различение «исследования» и «расследования», опыт Л. Болтански, О. Хархордина, В. Вахштайна, 2019) являются «поле политики», «акторы»/«агенты» поля политики (П. Бурдьё), «структура политических возможностей» (М. Залд, С. Тэрроу и др.), «событие», «ситуация», «протест», «репертуар коллективного действия», «мобилизация ресурсов» и др. Используются разные методы и техники сбора и анализа информации с учетом дополнительности и комплиментарности разных методов (опыт исследования под руководством В. А. Ядова «Саморегуляции и прогнозирования социального поведения личности», 1979), «полипарадигмальности» современной социологии (В. А. Ядов).

В исследовании использованы методы: (1) фокусированное интервью (онлайн и офлайн) и (2) фокус-группа с участниками и организаторами шествия 1 мая в СПб; (3) анализ документов, связанных с подготовкой и проведением шествия; (4) анализ фото/ видеодокументов шествия и судеб-

ных процессов; (5) дискурсивный анализ требований участников, представленный в плакатах, баннерах, лозунгах, а также откликов представителей институтов власти и общественности на проведение шествия; (6) хронометрический анализ движения колонн во взаимодействии с органами правопорядка; (7) наблюдение переговоров организаторов шествия с представителями властных институтов, а также последующих судебных процессов над организаторам и участниками шествия, включая процессы с отказом в рассмотрении дел в связи с отсутствием административного нарушения; (8) дискурсивный анализ интернет-материалов (мнения участников, организаторов, свидетелей); (9) экспертные опросы и др. техники.

Важен опыт фиксации влияния публичного расследования и социологического исследования – через презентации в социальных сетях и СМИ – на мнение общественности города, а также в области практик политических решений и правоприменения (в частности, при рассмотрении апелляций на судебные решения). В исследовательском проекте и общественном расследовании реализуется методология наблюдающего участия, разработанная в отечественной социологии А. Н. Алексеевым. Рассматривается гражданская функциональность публичной социологии, возможность влияния результатов академического исследования на изменения законодательства, практик политических решений и правоприменения, повышения эффективности взаимодействия общественности с властными институтами в российском поле политики.

Литература

Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб: ИС РАН, СПб филиал, 1997.

В защиту человеческого достоинства: Доклад по общественному расследованию разгона шествия 1 мая 2019 г. в Санкт-Петербурге / под ред. В. В. Костюшева. СПб: Норма, 2019.

Здравомыслова Е. А. Социология общественных движений – становление нового исследовательского направления // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998. С. 545–568.

Костюшев В. В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.

Костюшев В. В., Горьковенко В. В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (Prodatsp) // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию / Под ред. В. В. Костюшева. М.: ИС РАН, 1999. С. 144–177.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.

Семенов А. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т.17. № 2. С. 317–341.

Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28.

Clark A. E. Situational Analysis: Grounded Theory Mapping After the Postmodernism Turn // Symbolic Interaction. 2003. Vol. 26. № 4. P. 553–576.

McAdam D. Freedom Summer. Oxford: Oxford University Press. 1988.

А. В. Кученкова

Big Data как источник информации для изучения субъективного благополучия: возможности и ограничения

**Кученкова
Анна Владимировна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Аннотация. Наряду с многочисленными исследованиями субъективного благополучия посредством традиционных социологических методов (в первую очередь, опросов) предпринимаются попытки привлечь в качестве дополнительного источника информации Big Data. На основе обзора зарубежной литературы рассматриваются основные направления разработок в этой области. Раскрываются возможности и ограничения использования различных данных (текстов социальных медиа, информации профилей социальных сетей, статистики поисковых запросов, данных персональных электронных устройств) для измерения уровня субъективного благополучия и поиска его предикторов. Дается характеристика потенциала Big Data как источника информации для изучения субъективного благополучия, выделяются методологические трудности и ограничения в этой области, которые пока не удалось преодолеть.

Ключевые слова: Big Data, субъективное благополучие, социальные медиа, показатели субъективного благополучия.

Развитие современных информационных технологий предоставляет исследователям возможности для расширения информационной базы исследований за счет Big Data, которые находят применение для решения самых разнообразных задач, в том числе для изучения субъективного благополучия. Накопленный в этой области опыт требует систематизации и критического осмысления.

Субъективное благополучие представляет собой интегральную оценку человеком собственной жизни и наряду с объективными характеристиками условий жизнедеятельности является одним из главных показателей качества жизни населения и уровня развития страны. Как правило, субъективное благополучие изучается с помощью традиционных, реактивных методов (анкетных опросов или дневников наблюдений). В мировой и отечественной науке используются различные способы его измерения: *единственный индикатор* (вопрос об удовлетворенности жизнью, счастье, «лестница Кэнтрила»); *шкалы с множественными индикаторами* (напр., шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера); *многомерные модели* (трех- и четырехкомпонентные (Diener et al. 2013; Tinkler, Hicks 2012)). В составе субъективного благополучия выделяют *когнитивную* компоненту (удовлетворенность жизнью), *аффективную* (наличие

положительных и отсутствие отрицательных эмоций) и в последние годы еще одну – *«деятельностную»* (наличие цели и смысла в жизни, реализация собственного потенциала, компетентность в профессиональной деятельности и др.) (OECD Guidelines... 2013). Важным направлением исследований является поиск детерминант субъективного благополучия (Helliwell, Barrington-Leigh 2010).

Наряду с многочисленными исследованиями субъективного благополучия посредством традиционных методов продолжается поиск индикаторов, позволяющих *измерять* и *предсказывать* его уровень, не требуя от респондента формулировать и высказывать собственное мнение, в том числе за счет привлечения Big Data (Luhmann 2017). Использование последних в качестве источника информации основано на анализе цифровых следов (данных социальных сетей, статистики поисковых запросов), а также сведений, получаемых с помощью персональных электронных устройств (мобильные телефоны, смарт часы, фитнес трекеры).

Одно из основных направлений в области изучения субъективного благополучия с помощью Big Data – *анализ текстов социальных медиа*. Посты в Твиттере, статусы и посты в Фейсбуке (с открытым доступом) и др. сетей и блогосфер, выгруженные за определенный период времени, исследуются в первую очередь с точки зрения их эмоциональной окраски, тональности, а также содержания, затрагиваемых тем. Конструируются разнообразные индексы, отражающие *доминирование* в анализируемом массиве текста *слов*, характеризующих *положительное* или *отрицательное* эмоциональное состояние. Например, Facebook Gross National Happiness (Kramer 2010), «гедонометр» для Твиттера (Dodds et al. 2011). Аналогичные исследования проводились для русскоязычного сегмента сети Фейсбук (Panchenko 2014). Динамика значений подобных индексов рассматривается на предмет наличия сезонных трендов (всплесков и спадов значений в течение дня, недели, года для поиска самых «счастливых» и «несчастливых» часов, дней, месяцев), особенностей распределения значений по географическим регионам, а также сопоставляется с важными событиями в стране и обществе (национальными праздниками, трагедиями, получившими широкий резонанс). Подобные исследования позволяют изучать *эмоциональный фон*, формирующийся в социальных сетях, однако серьезно критикуются с точки зрения возможности измерения реального субъективного благополучия людей.

Неоднократные попытки проверить наличие корреляции между *эмоциональным фоном текстов, продуцируемых людьми в социальных сетях, и их самооценками собственного субъективного благополучия*, измеренными посредством традиционных методик (с помощью анкетных опросов) пока дают противоречивые результаты (Settanni, Marengo 2015; Chen et al. 2017; Liu 2015; Wang et al. 2014). Отсутствие или слабый уровень корреляции объясняется: 1). ошибочностью исходной предпосылки о том, что реальное благополучие человека проявляется в текстах его публикаций в социальных сетях; 2). несовершенством используемых алгоритмов анализа, которые не способны адекватно и корректно распознавать эмоциональный заряд анализируемых текстов (не всегда учитывают смайлики, ошибки в правописании слов или используют только предзаданный, «закрытый», фиксированный набор слов для поиска); 3). индексы эмоционального фона и тональности постов и статусов, как правило, сопоставляются с результатами опроса пользователей по

шкале удовлетворенности Э. Динера, однако, первое соответствует эмоциональной компоненте субъективного благополучия, а второе – когнитивной, которые независимы и не должны тесно коррелировать друг с другом.

Для предсказания уровня субъективного благополучия предпринимаются попытки использовать не только тексты публикаций в социальных сетях, но и *другую информацию профилей* пользователей. Например, по лайкам в Фейсбук оценивается удовлетворенность жизнью, однако точность этих оценок невысока: корреляция между предсказываемыми и реальными значениями по шкале удовлетворенности жизнью составляет 0,17 (в то время как для возраста – 0,75, а точность прогноза пола – 93%, курения – 73%, наличия партнера – 67%) (Kosinski et al. 2013). В другом исследовании изучалась взаимосвязь между общим эмоциональным настроением человека в течение дня и его активностью в Фейсбуке и Твиттере (частота, длина, тональность постов и комментариев) (Lee et al. 2016). Установлено, что по характеру этой взаимосвязи пользователи неоднородны (для одной группы корреляция достигала 0,6, для другой – (-0,75), для третьей – отсутствовала).

Еще одним источником данных для изучения субъективного благополучия является *статистика поисковых запросов*. Например, на основе данных Google Trends за 10 лет о частоте запросов ключевых слов, характеризующих различные аспекты жизнедеятельности человека (поиск работы, рынок труда, финансовая безопасность, семейное времяпрепровождение, гражданское участие, личная безопасность, здоровье, здоровый образ жизни, образование и др.) предсказывается динамика значений 10 индикаторов субъективного благополучия (по данным массовых опросов, репрезентирующих мнение населения страны) (Algan et al. 2016). Реальные и предсказанные значения коррелируют на достаточно высоком уровне (0,87), однако в данном случае субъективное благополучие рассматривается только на групповом уровне (страны в целом).

Кроме цифровых следов в сети Интернет для изучения субъективного благополучия привлекаются *данные персональных электронных устройств*. Для мобильных телефонов разрабатываются приложения, которые позволяют без активного участия человека собирать сведения о его геолокации и практиках использования мобильного устройства (количестве и продолжительности звонков, смс-сообщений и др.). Дополнительно в эти приложения встраивают анкеты с традиционными шкалами субъективного благополучия, чтобы производить его замер однократно или на ежедневной основе. Группа добровольцев устанавливает на смартфон специализированное приложение (на срок от месяца до года), собирающее дополнительные сведения о том, как они используют телефон в течение дня. Данные о такого рода активности используются для предсказания уровня удовлетворенности жизнью или счастья (Gao et al. 2004), дополнительно могут быть привлечены сведения о погодных условиях в дни наблюдений за участниками (средней температуре, давлении, скорости ветра и др.) (Bogomolov et al. 2013). Однако, по оценкам исследователей (Luhmann 2017), подобные проекты проводятся пока преимущественно на маленьких выборках (30–100 студентов) и требуют дополнительной проверки и репликации на больших массивах.

Использование Big Data для изучения субъективного благополучия открывает *возможности* для перехода к нереактивным способам сбора информации, разработке и внедрению систем мониторинга субъективного благополучия на индивидуальном, региональном и государственном уровне.

Вместе с тем современный опыт исследований в этой области свидетельствует о наличии существенных методологических *трудностей и ограничений*, которые пока не удалось преодолеть. Во-первых, продолжается дискуссия о том, отражают ли тексты социальных медиа эмоциональное состояние и субъективное благополучие пользователей или люди склонны скрывать свои реальные чувства и переживания, создавать в социальных сетях иллюзию благополучия (Wang et al. 2012).

Во-вторых, Big Data используются преимущественно для измерения *эмоциональной компоненты* субъективного благополучия, которая подвержена ситуативным влияниям и колебаниям и плохо предсказывает уровень удовлетворенности жизнью. Попытки предложить индикаторы для когнитивной компоненты субъективного благополучия встречаются существенно реже.

В-третьих, если в качестве источника информации используются данные социальных сетей, то в выборку попадают пользователи, которые открыли доступ к своему профилю и активно публикуют посты или меняют статус, но их мнения и установки могут отличаться от менее активных пользователей или тех, кто не зарегистрирован в соответствующей сети. В результате в центре внимания исследователей находится эмоциональный фон публикаций части пользователей социальных сетей, а не реальный уровень субъективного благополучия населения. Тем самым остается открытым вопрос о том, что репрезентируют отобранные для анализа данные.

В-четвертых, наиболее удачны попытки измерения субъективного благополучия с помощью Big Data связаны с его изучением на *групповом уровне* (для страны или сообщества пользователей социальных сетей), но на *индивидуальном* уровне предлагаемые индикаторы не имеют устойчивой корреляции с самооценками субъективного благополучия, полученными традиционными способами.

Проведенный обзор позволяет констатировать, что на современном этапе Big Data не дают возможности в полной мере заменить традиционные методы изучения субъективного благополучия, но могут служить важным дополнительным источником информации и остаются перспективным направлением, требующим продолжения изучения.

Литература

Algan Y., Beasley E., Guyot F., Higa K., Murtin F., Senik C. Big data measures of wellbeing: Evidence from a Google well-being index in the United States. OECD Statistics Working Papers. 2016 (03).

Bogomolov A., Lepri B., Pianesi F. Happiness recognition from mobile phone data // 2013 International Conference on Social Computing (SocialCom). 2013. P. 790–795.

Chen L., Gong T., Kosinski M., Stillwell D., Davidson R. L. Building a profile of subjective well-being for social media users // PLoS ONE. 2017. No. 12 (11): e0187278. Electronic resource. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0187278> (Accessed 18.10.2019).

Diener E., Inglehart R., Tay L. Theory and validity of Life Satisfaction Scales // Social Indicators Research. 2013. No. 112(3). P. 497–527.

Dodds P. S., Harris K. D., Kloumann I. M., Bliss C. A., Danforth C. M. Temporal Patterns of Happiness and Information in a Global Social Network: Hedonometrics and Twitter // PLoS ONE. 2011. No 6(12): e26752. Electronic resource. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0026752> (Accessed 18.10.2019).

Gao Y., Li H., Zhu T. Predicting Subjective Well-Being by Smartphone Usage Behaviors // Proceedings of the International Conference on Health Informatics (HEALTHINF-2014). SCITEPRESS (Science and Technology Publications, Lda.). 2014. P. 317–322. DOI: 10.5220/0004800203170322.

Helliwell J. F., Barrington-Leigh Ch.P. Measuring and understanding subjective well-being // The Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'Economie. 2010. Vol. 43, No. 3. P. 729–753.

Kosinski M., Stillwell D., Graepel Th. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // PNAS. 2013. Vol. 10. No. 15. P. 5802–5805. doi/10.1073/pnas.1218772110.

Kramer A. D. I. An unobtrusive behavioral model of gross national happiness // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2010. Atlanta, Georgia: ACM.

Lee J. A., Efstratiou Ch., Bai L. OSN Mood Tracking: Exploring the Use of Online Social Network Activity as an Indicator of Mood Changes // Workshop on Mental Health Sensing and Intervention in conjunction with UBIComp'16, 12–16 Sep 2016, Heidelberg, Germany. 2016. DOI <https://doi.org/10.1145/2968219.2968304>.

Liu P., Tov W., Kosinski M., Stillwell D. J., Qui L. Do Facebook status updates reflect subjective well-being? // Cyberpsychological Behavior Social Network – 2015. 2015. No. 18(7). P. 373–379.

Luhmann M. Using big data to study subjective well-being // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2017. No. 18. P. 28–33.

OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. OECD Publishing. 2013. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264191655-en> (Accessed 18.10.2019).

Panchenko A. Sentiment index of the Russian speaking Facebook // Proceedings of International Conference on Computational Linguistics. Dialogue 2014, Moscow, Russia. 2014. P. 506–517.

Settanni M., Marengo D. Sharing feelings online: studying emotional well-being via automated text analysis of Facebook posts // Frontiers in Psychology. 2015. No 6. P. 1045.

Tinkler L., Hicks St. Measuring Subjective Well-being / Office for National Statistics. 2011.

Wang N., Kosinski M., Stillwell D. J., Rust J. Can well-being be measured using Facebook status updates? Validation of Facebook's gross national happiness index // Social Indicator Research. 2012. No 115. Pp. 483–491.

М. А. Подлесная

Дневниковый метод в изучении религиозного поведения (на примере исследования православных сообществ)

**Подлесная
Мария Александровна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия.

E-mail: yamap@yandex.ru

Аннотация. На примере анализа данных эмпирического исследования, проведенного с помощью дневникового метода среди православных верующих (школьников православной гимназии и их родителей, участников паломнической экспедиции), рассматривается не только история данного метода в социологии, его использование на современном этапе, но и результаты, которые были получены с его помощью, в частности, смыслы, вкладываемые сообществом верующих в действия и отношения. Кроме того, дается оценка метода, его возможностей и ограничений, анализируются те ситуации, когда этот метод наиболее приемлем.

Ключевые слова: дневниковый метод, религиозное поведение, православное сообщество.

В связи с развитием технологий и ориентацией самой социологии на большие данные, хотелось бы обсудить возможности тех методов, которые, как казалось, были успешно забыты. А возможно, и подумать над тем, действительно ли забыты? Или просто оставлены без внимания в связи с иным запросом? Вместе с этим, конечно, возникает куда более серьезный вопрос о роли и значении микросоциологии в мире «больших данных» и глобализации в целом.

Дневниковый метод имеет давнюю историю в социологии, его первое использование связывают с Чикагской школой и широко известным исследованием У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке» (книга с одноименным названием вышла в 1918–1920 гг.). Еще одним заметным социологом, который провел значительную часть своих исследований на материалах дневниковых записей, был польский социолог Юзеф Халасинский. Его работы, посвященные сельской молодежи, носили лонгитюдный характер, в связи с чем дневники были особенно востребованы и интересны. В результате вышли три книги автора «Продвижение поколения» (1964), «Здесь мой дом» (1965), «В поисках пути» (1966).

Одной из особенностей метода является его связь с антропологией и его так называемые «этнографические корни», которые обнаруживаются в связи с дневниковыми записями самих исследователей, в частности,

с Б. Малиновским и его дневниками во время поездки на Тробрианские острова. В них он оставил не только массу наблюдений за жизнью и культурой туземцев, подробно изложенных в его работах «Аргонавты Западной части Тихого океана» и «Коралловые сады и их магия», но и собственные «заметки» о пребывании (экспедиции 1914–1915 гг. и 1917–1918 гг.) в чужой для него культуре. Последние были опубликованы женой Малиновского, спустя более чем 20 лет после смерти самого автора. Публикация полевого дневника Малиновского в 1967 г. произвела настоящий фурор среди антропологов, едва не приведя к кризису самой дисциплины, и разрушив образ «идеального антрополога», который «предстал перед публикой не в лучшем виде: резкий, раздражительный, относящийся к объекту так, как не подобает ученому относиться к исследуемым, – с расистскими и колонизаторскими настроениями. Сообщество увидело в нем человека, чье «чувство общности с людьми, с которыми он жил, было сокращено до предела» (цит. по (Максимова 2012: 130)). Таким образом, мы видим, что история дневникового метода изначально связана с необходимостью высказаться самому исследователю и лишь позже как метод, дающий право высказаться другому. Автоэтнография в связи с этим, как современный метод исповеди (Рогозин 2015) исследователя перед началом, во время и после исследования, является ничем иным, как продолжением дневникового метода. При этом отечественные социологи, относя данный метод к методам качественной социологии, в одном случае говорят о нем как о биографическом (Девятко 1998: 40), в другом, указывая на источник данных, как о методе личных документов (Чеснокова 2010: 227).

Несмотря на то, что дневниковый метод был одним из первых в эмпирической социологии Чикагской школы, в настоящее время, если верить обзорам мировой литературы, становится узкоспециализированным, нишевым. Одни из последних исследований с использованием дневникового метода посвящены изучению процесса взросления молодежи с нарушением зрения, где основным стал аудио дневник (Worth 2017), или повседневной жизни людей с деменцией (Bartlett 2012). Отсюда то, что заметна ориентация метода на маргинализированные группы и сообщества, которые находятся на грани нормы и болезни, патологии и сверх (особой) реальности (например, как в случае со слепыми людьми). Более ранним исследованиям с применением дневникового метода такая специализация не свойственна. Среди прочих это исследования, использовавшие дневник как средство проверки статистических оценок анкетного опроса (Kan, Pudney 2008), или как источник информации о сетевых связях (Fu 2007), или дневник как размышления о гражданстве (Markham, Couldry 2007), или как автобиографический дневник в результате массового наблюдения за поведением пользователей публичной библиотеки (Black 2002) и др. В отечественной социологии исследование с использованием дневникового метода датировано 2002 г. и связано с изучением социальных сетей (Гладарев 2002).

В нашем случае дневниковый метод был задействован в трех разновозрастных религиозных (православная конфессиональная принадлежность) сообществах – это школьники православной гимназии в г. Нижний Новгород, их родители (проведение «поля» в 2019 г.) и участники палом-

нической экспедиции «Реконструкция жизни святого Паисия Святогорца» (студенты МДА, СПбДА, других православных семинарий, учащиеся ПСТГУ, слушатели Высших богословских курсов при МДА), которая состоялась в Грецию и на Афон летом 2018 г.

Цель исследования заключалась в обнаружении социально-религиозного пространства, в описании его особенностей, возникающим благодаря действиям и взаимодействию верующих, тем смыслам, которые они вкладывают в свои итерации и социальные отношения. В этом смысле дневник представлял особую ценность, так как позволял увидеть то «невидимое», что скрыто в сознании индивида, что являлось, с одной стороны, актом на ситуацию (как в случае паломничества, что само по себе выходило за рамки повседневного привычного опыта), или как размышления на заданную тему (как в случае со школьниками, когда им предлагалось подумать над предложенной ситуацией, притчей, словами святого и предложить свой вариант действия, оценки и т. д.), или как совместная деятельность родителей и детей в результате работы над «Семейным дневником», где давались задания на обсуждение евангельского отрывка, страниц семейной истории и т. д.

В результате было собрано и проанализировано 309 ученических дневников (159 дневника для 4–8 классов и 150 дневников для 1–3 классов), 40 семейных дневников (80 экспертных мнений родителей, отцов и матерей) и 41 дневник участников паломнической экспедиции. При анализе дневников уделялось внимание структуре дневников, задачам каждого из них, их смысловому содержанию, а так же давалась оценка о возможностях и ограничениях этого метода, в частности, «к недостаткам можно отнести то, что регулярно повторяющаяся схема может привести к типичным ответам, к формальному подходу к заполнению дневника» (Подлесная, Сафронова 2019: 262).

Литература

Гладарев Б. С. Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2002. № 14. С. 53–69.

Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.

Максимова А. С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 128–139

Подлесная М. А., Сафронова М. А. Дневниковый метод в изучении семейных ценностей православных верующих (на примере социологопедагогического исследования в православной гимназии) // Семья в современном мире: XI социологические чтения памяти В. Б. Голофаства: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 28–31 марта 2019 г.) / Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН. СПб: «Реноме», 2019. С. 257–262.

Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273.

Чеснокова В. Ф. Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010.

Bartlett R. Modifying the Diary Interview Method to Research the Lives of People With Dementia // Qualitative Health Research. 2012. Vol. 22, No. 12. P. 171–172.

Black A. In the public eye: A mass observation of the public library // Journal of Librarianship and Information Science. 2002. Vol. 34, No. 3. P. 145–157.

Fu Y. Contact Diaries: Building Archives of Actual and Comprehensive Personal Networks // Field Methods. 2007. Vol. 19, No. 2. P. 194–217.

Kan M. Y., Pudney St. Measurement Error in Stylized and Diary Data on Time Use // Sociological Methodology. 2008. Vol. 38, No. 1. P. 101–132.

Markham T., Couldry N. Tracking the Reflexivity of the (Dis)Engaged Citizen: Some Methodological Reflections // Qualitative Inquiry. 2007. Vol. 13, No. 5. P. 675–695.

Worth N. Making Use of Audio Diaries in Research with Young People: Examining Narrative, Participation and Audience // Sociological Research Online. 2017. Vol. 14, No. 4. P. 1–11.

Ж. В. Пузанова, Т. И. Ларина

Техника обогащенного мнения: опыт эмпирического использования

**Пузанова
Жанна Васильевна**

Доктор социологических наук, Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.

E-mail: puzanova-zhv@rudn.ru

**Ларина
Татьяна Игоревна**

Кандидат социологических наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
Москва, Россия.

E-mail: larina-ti@rudn.ru

Аннотация. Представлен конкретный пример реализации исследования с использованием техники обогащенного общественного мнения, отдельные методические указания и советы по использованию.

Ключевые слова: техника обогащенного общественного мнения, ценности, проект «Living Values», направленная дискуссия.

Идея обогащенного мнения пришла Дж. Фишкину в августе 1988 г. Он писал: «Мы проводим тысячи исследований, опрашиваем людей, у которых нет никакого мнения по заявленным проблемам. Так почему бы не провести пару исследований среди людей, которым можно дать доступ к подробной информации и которые могут сформировать свое мнение? Я не вижу других способов получить полную и репрезентативную информацию от общества» (Fishkin 1988).

В российской науке идея этой техники была озвучена Б. Докторовым еще в 2004 г. (Докторов 2004). Крайне важны две ключевых характеристики этой техники – создание общественного мнения и его измерение (см. рис. 1), что отличает ее от классических опросов общественного мнения и фактически сталкивает нас с вечным вопросом «Может ли социолог быть реформатором?». В данном случае безусловно может, поскольку социолог предстает не отстраненным исследователем в веберийском стиле, а активным преобразователем социальной реальности.

Следует отметить, что техника, очевидно, хороша для использования в управленческой сфере, когда необходимо принимать конкретные практические решения, информанты являются частью организации и заинтересованы в получении информации по проблеме, ее обсуждении и выработке каких-то предложений.

Обзор истории развития опросов с применением данной техники не является целью данной статьи, поэтому остановимся на конкретном примере реализации.

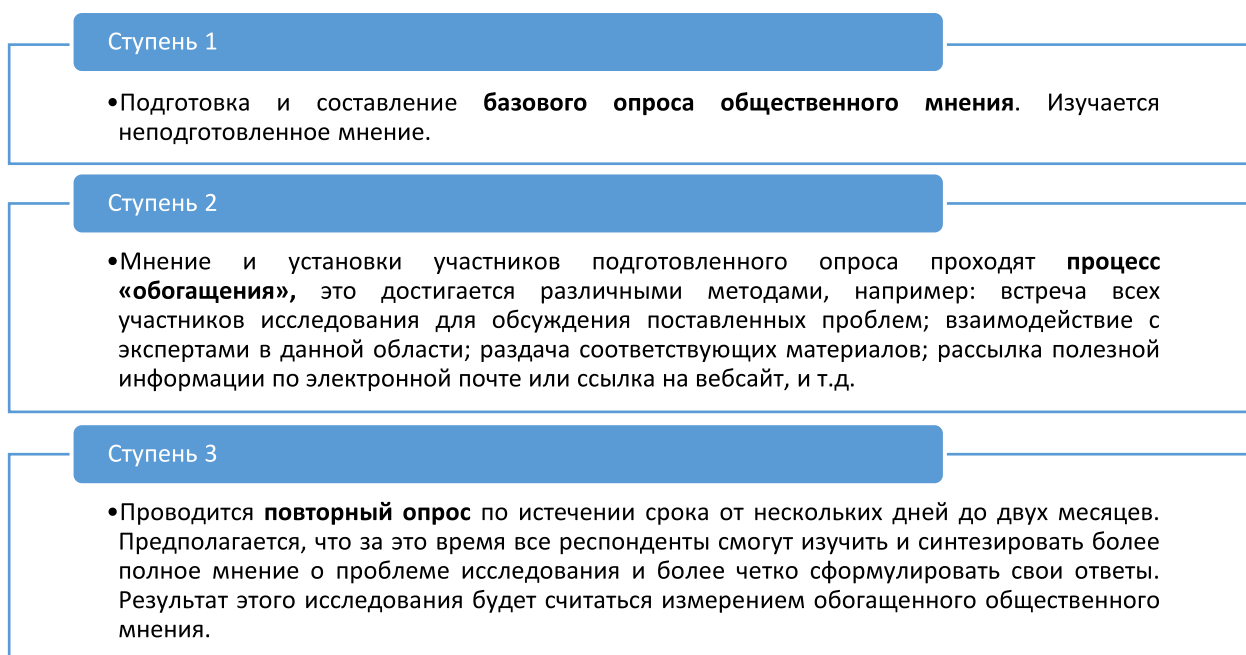

Рис 1. Этапы реализации техники обогащенного общественного мнения

В период конца 2017 – начала 2018 гг. в Российском университете дружбы народов (РУДН) под непосредственным руководством Ректора и специально созданного Координационного Совета проводилась подготовка и реализация в университете исследовательской программы «Жизненные ценности» («Living Values»). Это крупный международный проект, целью которого является репрезентация каждым вузом, принимающим в нем участие, ряда ценностей, которые являются основополагающими для их организации.

В ходе реализации проекта в РУДН была применена техника обогащения общественного мнения в сочетании с направленными дискуссиями и классическими опросами общественного мнения (см. рис. 2).

Рис 2. Этапы реализации исследования с применением техники обогащенного мнения для изучения ценностей в РУДН

В течение 2018 г. (май – октябрь) рабочей группой сотрудников Лаборатории социологических и фокус-групповых исследований РУДН было проведено исследование внутренней аудитории с целью выявления тех ценностей, которые уже существуют у различных категорий вуза как организации, а именно – преподавателей, студентов, научных сотрудников, административного и вспомогательного персонала. Для этого был проведен ряд направленных дискуссий с различными группами целевой аудитории (по 10–15 человек): 3 группы студенчества (представители совета молодых ученых, представители студенческих советов и представители землячеств), группа сотрудников административно-управленческого персонала и группа преподавателей и научных работников. В ходе дискуссий были использованы проективные методики, направленные на получение информации о том, какие ценности, по мнению целевой аудитории, были в Университете раньше, есть сейчас и будут через 10–20 лет, а также каким образом ценности генерируются и возможен ли процесс направленного создания, внедрения их. Естественно, мы получили достаточно разное видение ситуации со стороны студентов, сотрудников и преподавателей, поскольку каждая группа фокусировалась в ценностном контексте на своем. Задачей же проекта является презентация ключевых ценностей, которые одинаково понимаются и разделяются всеми заинтересованными категориями, консолидируют позиции участников университетской жизни. Здесь и пришла на помощь техника обогащенного мнения.

В начале декабря 2019 г. был реализован классический опрос на тему ценностей РУДН, в котором у респондентов узнавали:

- Знают ли они, что Университет участвует в большом международном проекте «Living Values».
- Что такое ценность в их понимании.
- Предлагался список ценностей, составленных на основе ответов, звучащих в ходе направленных дискуссий, и респондентов просили оценить, насколько каждая из них объединяет всех представителей университета.
- Предлагался список ценностей других вузов, участвующих в проекте, и респондентов просили выбрать до 5 ценностей, которые, по их мнению, подходят и РУДН.
- Какие каналы эффективнее всего способствуют распространению ценностей между всеми категориями представителей Университета.

Результаты данного опроса не только дали более-менее четкую картину о том, какие ценности озвучиваются чаще всего, но и результаты опроса стали стимульным материалом для следующего этапа исследования.

Весной 2019 г. было проведено 3 групповых дискуссии, в которых была использована техника обогащения общественного мнения. В каждой из них приняли участие по 40–50 представителей студенчества, сотрудников и преподавателей университета. Основным и практически единственным условием реализации дискуссии является фактор ее гомогенности, а также умение ведущего (модератора(-ов)) «держат» группу, поскольку, естественно, она не похожа на фокус-группы даже в силу своего размера.

Процедура и техника проведения дискуссий:

1. Представление модераторов/ведущих, разъяснение правил проведения дискуссии. Рекомендуется наличие двух модераторов и ассистентов, которые фиксируют важные моменты дискуссии на доске. Такое количество ведущих обосновывается в первую очередь размером группы, как уже отмечено, количество участников должно быть не менее 40–50, иначе обогащение будет затруднено. Помимо этого, два ведущих могут использовать различные стили модерирования. Данный этап занимает 5% от общего времени дискуссии.

2. Наличие стимульного материала, с помощью которого, собственно, и будет происходить обогащение. В нашем случае им являлась информация о проекте, история участие Университета в этом проекте (что было сделано на данный этап), результаты направленных дискуссий, результаты классического опроса общественного мнения, проведенного после направленных дискуссий. Данный этап занимает 20% от общего времени дискуссии.

3. Постановка проблемы и исследовательского вопроса для аудитории. В нашем случае – это создание конкретного ранжированного списка ценностей, который одинаково понимается и разделяется всеми представителями Университета. Этот этап занимает 65% от общего времени дискуссии. Данный этап методически не сильно отличается от методики проведения фокус-групп – стимулирование участников на ответы, избегание шума и неразберихи. Во время него на доске фиксируются важные моменты, по которым участники приходят к консолидированному мнению.

4. Завершение дискуссии, создание конечного результата и согласование. В нашем случае это список ценностей с интерпретацией. Данный этап занимает 5% от общего времени дискуссии.

По результатам этих дискуссий был создан интегрированный список ценностей университета для всех его представителей (см. рис. 3). Расхождений в списке у разных целевых групп практически не оказалось, разным был путь, которым они к нему приходили. Отсутствие расхождений объясняется качественным стимульным материалом, который обеспечивает обогащение, ведь по сути он уже содержит и существующие противоречия, которые группе предстоит решить, и весь спектр мнений; и мастерством работы модераторов, направляющих работу аудитории.

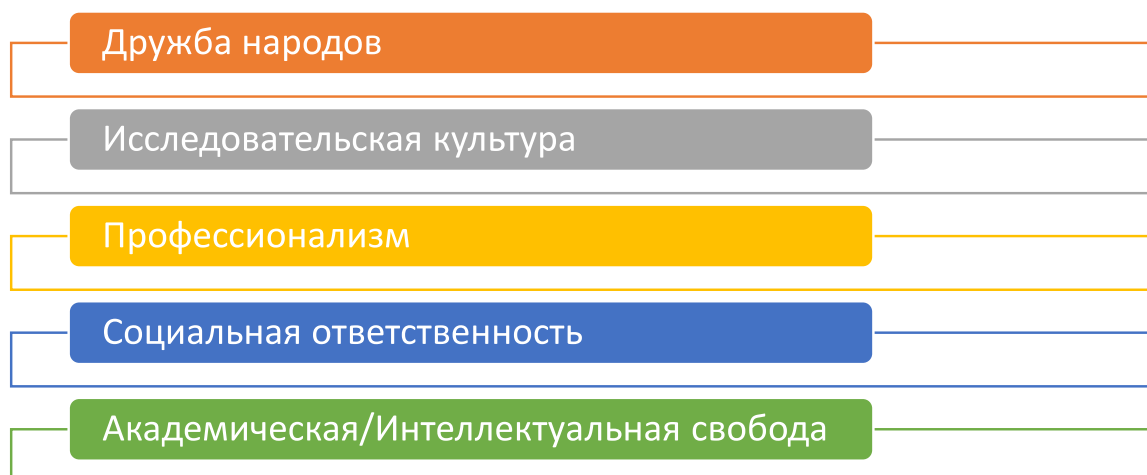

Рис. 3. Список ценностей РУДН

Завершающим этапом является проведение еще одного традиционного опроса общественного мнения, который носит диагностический характер и фиксирует, насколько выделенные ценности интериоризировались в сознании различных представителей РУДН. Он состоит из вопросов о:

- Информированности о проекте.
- Выбора ценностей из списка (даны 17 ценностей, среди которых выделенные на этапе дискуссий с техникой обогащенного общественного мнения); дополнении списка ценностей при необходимости.
- Ранжирования выбранных ценностей по степени важности.
- Каналах, через которые получили информацию о проекте.

Таким образом, проблема исследована практически «с нуля»: от отсутствия информации о существующих ценностях до формулирования четкого перечня ценностей, который одинаково разделяется и понимается каждым членом университетского сообщества, достигнутого с помощью классических зондажных опросов и дискуссий с обогащением общественного мнения. В качестве рекомендаций к использованию такого подхода можно сформулировать: диагностирование наличия проблемы, которую нужно решить практически (принять ряд стратегических решений, которые устроят все заинтересованные стороны), определение ее масштаба, и отсутствие на первом этапе четкости понимания проблемы, конкретного видения ее составляющих, либо крайне противоречивые позиции по изучаемому вопросу.

Литература

Докторов Б. З. Обогащенное общественное мнение: понятие, социальная практика, опыт изучения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 3(71). С. 57–70.

Benton E. Yale to Host Innovative Public Opinion Study. Deliberative Poll Increases political participation, Professors say // The Yale Herald. 2002. February, 22. URL: <http://www.yaleherald.com/article-p.php?Article=360> (Accessed 15.10.2019)

Fishkin J. The Case for a National Caucus // Atlantic Monthly. 1988. August. P. 16–18.

3. Х. Саралиева, С. А. Судьин

Трудности перевода: опыт компаративного исследования школьного насилия

Саралиева

Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

Доктор исторических наук,

Национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия.

E-mail: zara@fsn.unn.ru

Судьин

Сергей Александрович

Доктор социологических наук,

Национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия.

E-mail: sergeysudin@fsn.unn.ru

Аннотация. На основе опыта научного исследования «Обыденность насилия: анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе» анализируются процедурные и организационные сложности проведения сравнительных исследований. Делается вывод, что исследовательские трудности преодоления культурных различий стран-участников проекта, желание максимально сохранить оригинальную версию инструментария усугубляются противодействием нормативно-бюрократических предписаний.

Ключевые слова: социологические исследования современной российской школы, школьное насилие, кросскультурные исследования, сравнительный анализ.

Школа — один из важнейших институтов социализации человека, подключаемый к данному процессу на самых ранних стадиях становления личности, когда начинается активное формирование навыков межличностного общения, разрешения проблем и выстраивания взаимодействия. Школа является центральным элементом образовательного процесса, закладывающим основы и создающим условия развития личностных склонностей и интересов, профессиональных навыков, становится одним из ключевых факторов успешности индивида. Насилие является главным социально-психологическим фактором, препятствующим не только осуществлению школой образовательной функции, но и способствующим закреплению у учащихся негативных моделей поведения и разрешения конфликтов во взрослой жизни.

Необходимо отметить, что школа сама по себе является сильным стрессом; попадая в новую социальную среду с ее требованиями, оцениваемым характером деятельности, конкуренцией, учащийся оказывается в ситуации дезадаптации, способной активировать латентные пусковые механизмы пси-

хической патологии. На протяжении всех этапов школьной социализации индивид оказывается включенным в череду кризисных периодов, обусловленных как психофизиологическими изменениями пубертатного периода, так и присвоением новых социальных статусов и ролей, и каждый переживаемый кризис может стать причиной серьезных изменений. Это может усугубляться и переживанием внешних обстоятельств, таких как семейные проблемы, бедность или, наоборот, относительное благополучие, трудности в общении с друзьями, противоположным полом на фоне явно недостаточного социального опыта. Таким образом, школьный возраст и школьная среда являются факторами, провоцирующими насильственное поведение (Судьин 2013).

Данная ситуация характерна для всех стран вне зависимости от уровня их социально-экономического и культурного развития: варьируются лишь формы и частота проявлений тех или иных насильственных действий. Проведение исследований, претендующих на кросскультурную составляющую благодаря использованию зарубежного инструментария, неизменно заставляет исследователей принять два главных решения. Первое связано с желанием максимально сохранить оригинальный инструмент, что позволило бы провести сравнение по всем включенным в него переменным и снять вопросы о сопоставимости полученных данных. Второе решение связано с пониманием серьезности культурных, социально-экономических и иных различий, имеющих место в странах, участвующих в исследовании, и нерелевантности ряда важных переменных для одной или нескольких стран-партнеров.

Исследование «Обыденность насилия: анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе», было проведено в Нижнем Новгороде под руководством профессора З. Х. Саралиевой и явилось первой попыткой социологического изучения и интерпретации данного феномена. Исследование носило комплексный характер; помимо непосредственно учащихся (N=1450) были опрошены их родители (N=497), руководители школ (N=58) и школьные психологи с социальными педагогами (N=73). В качестве экспертов выступили уполномоченные по правам ребенка в Нижегородской и Кировской областях (Саралиева, Егорова, Судьин 2013; Сизова 2012).

Принимая во внимание необходимость включения получаемых данных в более широкий научный контекст, авторами было принято решение использовать готовый инструмент массового опроса школьников всех типичных форм общеобразовательных школ с 11–12-летнего возраста до 18 лет. Поскольку оригинал анкеты был разработан на немецком языке, то изначально был осуществлен ее перевод в соответствие с правилами техники перевода анкет с языка оригинала. Анкета имеет положительный опыт апробации в Германии во время проведения панельных исследований в школах в 1994, 1998 и 2004 гг. (Fuchs, Lamnek et al. 2009). Попытки адаптации к российским реалиям школьного бытия заставили включить в анкету шкалу, измеряющую уровень религиозности респондентов. Она образует независимую переменную, на основании которой можно связать степень готовности учеников к проявлению агрессивного / девиантного поведения или потенциал жертвы с уровнем религиозности. Как зависимые переменные сконструированы две идентичные шкалы, в которых репрезентируется насилие с точки зрения агрессора и жертвы. Все остальные модули и шкалы

образуют комплекс независимых переменных. Они были сформулированы авторами на базе исследований по проблемам насилия в школе и представляют собой результат операционализации теоретических идей.

Авторам исследования было очевидно, что широкий и сложный инструментарий не одинаково подходит для 11-летних и 18-летних школьников. Мы понимали, что ошибки в ответах отдельных возрастных групп школьников могут быть представлены в различной степени. С другой стороны, предыдущие исследования, сделанные по данной анкете, показывают, что такая, с точки зрения возраста, гетерогенная анкета может быть использована в качестве унифицированного социологического инструмента. Авторы понимали, что ориентируются на молодую и юную аудиторию, поэтому максимально упрощали возможные формулировки. Кроме того, от руководителей исследования потребовали провести экспертизу анкеты в Городском консультативно-диагностическом центре по охране психического здоровья детей и подростков г. Нижнего Новгорода.

Сложности сопоставления данных связаны с определенными различиями в организации системы среднего образования в России и Германии, где учеба начинается раньше, длится дольше, а типов школ больше. Другой аспект был связан со сложностями в сравнении определенных девиантных или насильственных проявлений. Например, немецких детей просили ответить на вопрос: «Как часто Вы или Ваши одноклассники приходите в школу с оружием?» (имелось в виду именно огнестрельное оружие, свободный доступ к которому в России законодательно запрещен). То же касалось кастетов, сюреканов и нунчаков, так же не распространенных в нашей культуре. Основной проблемой стала невозможность включить в анкету переменные, касающиеся зависимостей и употребления различных наркотических веществ по требованию областного министерства образования со ссылкой на положения Федерального закона №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г.

Особенности немецкого социально-культурного пространства и этнической структуры населения обусловили особенности дизайна исследовательского инструментария, который в итоге был в немалой степени направлен на анализ вклада национального разнообразия в проблематику школьного насилия. В силу этого анкета содержала несколько вопросов, связанных с этнической гетерогенностью класса, школы и района, в котором обучаются респонденты. Исследовалась численность учащихся не немецкого происхождения в классе и в школе, а также задавался вопрос о странах, из которых приехали эти ученики и их родители. Также изучалось этническое разнообразие дружеских компаний и национальная самоидентификация школьников. Необходимость изучения этих аспектов стала дополнительным раздражителем при решении вопроса о поддержке исследования региональной властью.

Необходимо отметить, организовать опрос в нижегородских школах, даже при поддержке руководства ННГУ им. Н. И. Лобачевского и Департамента образования г. Нижний Новгород было делом не простым. В целом, разрешение на проведение опроса, составление графика проведения опроса и прочие технические и организационные вопросы в большей сте-

пени зависели от руководства школ, в некоторых случаях от «доброй воли» директора. В результате, не удалось опросить несколько запланированных в выборке школ.

Организация опроса в школах города оказалась весьма разнообразной. Где-то хватило одного дня и даже одного урока, в другие школы приходилось ходить целую неделю. Одни разрешали провести опрос во время уроков, другие – только во внеурочное время. Кто-то сердечно принимал анкетеров, готовился к проведению опроса, другие воспринимали мероприятие как дополнительную и излишнюю нагрузку. В одни школы можно было легко попасть, для других требовалось пройти достаточно серьезную проверку. В качестве негативного момента можно отметить произвольную замену классов, участвующих в опросе, однако поскольку был предусмотрен достаточный резерв опрошенных школ и классов, нежелательные сдвиги в выборке удалось преодолеть.

В заключении отметим, что проведение анкетного опроса в школах, а также интервьюирование потребовали значительных сил и энергии от творческого коллектива. Опыт проведения массового опроса в школах показывает, что эта система чрезвычайно закрыта, иногда недоброжелательно к внешнему вмешательству, отсутствует культура регулярного участия в социологических исследованиях, востребованных в современных обществах в первую очередь для решения актуальных, злободневных социальных проблем. Участникам гранта пришлось пройти множество инстанций, уровней управления школьным образованием, выдержать натиск различного рода официальных и неофициальных (но тем не менее весьма авторитетных для разрешения в проведении опроса) экспертов. Иногда мы сталкивались с прямым противодействием в проведении анкетирования, неадекватными решениями, затягиванием сроков проведения исследования, многочисленными и зачастую немотивированными отказами в проведении интервью. Творческий коллектив проекта выражает надежду на принятие на высшем уровне управления образованием нужных решений о беспрепятственном допуске официальных социологов, научно-исследовательских организаций в систему образования с целью выявления и исследования серьезных социальных и иных школьных проблем.

Литература

Саралиева З. Х., Егорова Н. Ю., Судьин С. А. Насилие в школе: позиции школы и родителей // Актуальные проблемы родительства в России / отв. ред. Гурко Т. А. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 119–138.

Сизова И. Л. Социологическая теория о причинах насилия в школе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социология. Психология. Философия. 2012. № 6 (1). С. 374–380.

Судьин С. А. Психическое здоровье как фактор школьного насилия в России и США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. №4 (32). С. 100–104.

Fuchs M., Lamnek S., Luedtke J., Baur N. Gewalt an Schulen. 1994 – 1999 – 2004. 2. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.

А. В. Чиркова

Проблемы многомерного анализа данных о здоровьесберегающем поведении

**Чиркова
Анна Владиславовна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: chircovaanna@gmail.com

Аннотация. Актуализируются проблемы многомерного анализа данных о здоровьесберегающем поведении (ЗСП). Рассматриваются перспективы развития в этой области в рамках использования технологии Big Data. Особое внимание уделяется моделям изучения ЗСП в социологии. Обосновывается, что для цели реконструкции различных социальных групп, качественно однородных по характеру ЗСП, целесообразны модели, опирающиеся на анализ «больших» данных. В качестве основания выделения таких групп предлагается использовать согласованность установок с реальным поведением.

Ключевые слова: здоровьесберегающее поведение, показатели здоровьесберегающего поведения, многомерный анализ данных, Big Data, большие данные, типологический анализ, основание типологии.

1. *Понятийное поле* изучения здоровьесберегающего поведения включает различные концепты, дефиниции которых несколько различаются. В отечественной социологии используются понятия «самосохранительное поведение» (Антонов 2005: 320; Вангородская 2017: 24; Журавлева 2006: 24; Назарова 2007: 53; Шушунова 2009: 102), «здравоохранительное поведение» (Волкова 2005), а в зарубежной социологии – понятия «здорового» поведения (Cockerham 2014) и «здоровых» стилей жизни (Cockerham 2005: 55; Cockerham, 2014). Мы будем придерживаться собирательного определения. Под здоровьесберегающим поведением будет пониматься практическая реализация установки на сохранение биологического, психологического и социального здоровья в течение всего жизненного цикла, направленная на минимизацию рисков, связанных с вредом для здоровья, на ведение здорового образа жизни, на заботу о здоровье. Здоровьесберегающее (или «здоровое») поведение направлено на предотвращение проблем со здоровьем, таких как заболевания и травмы, на увеличение продолжительности жизни, на достижение внешней привлекательности, на контроль состояния здоровья людей с хроническими заболеваниями. Существует мнение, что в социологии внимание исследователей сосредоточено не на «здоровом» поведении, а на его агрегированной форме – «здоровых» стилях жизни, которые определяют как коллективные паттерны связанного со здоровьем поведения, основанные на выборе того или иного варианта поведения из различных доступных вариантов, обусловленных жизненными обстоятельствами.

2. В общем виде *модель изучения* здоровьесберегающего поведения, исходя из различных дефиниций, можно представить следующим образом. Первая составляющая модели – структурные компоненты ЗСП (здоровый образ жизни, контроль над здоровьем, минимизация рисков, связанных с вредом для здоровья). Вторая составляющая – установки (место здоровья в системе ценностей, установки на заботу о здоровье и т. д.). Третья составляющая – условия жизнедеятельности (состояние здоровья, условия работы/учебы, жизни в целом). Тем самым здоровьесберегающее поведение является сложным социальным феноменом. В зависимости от исследовательских задач изучают те или иные аспекты здоровьесберегающего поведения. Например, в исследовании «здорового» поведения молодежи определяли, сколько раз за последние семь дней опрошенные потребляли фастфуд и выкуривали или нет по меньшей мере одну сигарету в день за последние 30 дней (Porter 2014: 234–239). Исходили из достаточно простой модели «здорового» поведения, определяя его через отрицание: забота о сохранении здоровья предполагает *отказ* от курения и потребления фастфуда. Ряд авторов (Jones, Paracosta et al. 2011: 404–405) придерживается трехкомпонентной модели «здоровых» стилей жизни (отказ от курения, умеренное употребление алкогольных напитков, физические нагрузки). Авторы работы (Loef, Walach 2012: 163–169) предлагают изучать «здоровые» стили жизни с помощью небольшого набора переменных (отказ от курения, умеренное употребление алкоголя, здоровое питание, регулярные физические нагрузки и поддержание оптимального веса). При этом они, проанализировав данные 15 исследований, охвативших более 500 тыс. человек, показали, что наличие хотя бы четырех характеристик «здоровых» стилей жизни из перечисленных пяти, связано со снижением риска смерти на 66%. Соответственно, минимизировать риски, связанные с вредом для здоровья, представляется возможным именно при *сочетании* тех или иных характеристик «здоровых» стилей жизни.

Известны также попытки всестороннего изучения ЗСП с использованием множества переменных (Выборочное наблюдение... 2018). Состоянию здоровья, питанию, социальному самочувствию, семейному положению, занятиям физкультурой и спортом, вредным привычкам посвящены целые блоки вопросника. ЗСП измерялось с помощью переменных: отказ от курения и злоупотребления алкогольными напитками, здоровое питание, физические нагрузки, прохождение диспансеризации и обращение к врачам в случае болезни/недомогания. В исследовании (Самосохранительное поведение... 1989) использован примерно такой же набор переменных.

3. Весьма перспективной представляется *разработка концептуальной модели* изучения здоровьесберегающего поведения на основе анализа *больших данных* и в целях выделения среди населения *типологических групп*, качественно однородных по характеру ЗСП. Одним из возможных оснований выделения групп является согласованность установок на ЗСП с реальным поведением. Идея баланса/дисбаланса используется на разных предметных полях. Например, социальное самочувствие студентов определяют, опираясь на дисбаланс между актуальностью (важностью) условий вузовской среды и степенью удовлетворенности ими (Мягков 2015); субъективное

благополучие рабочих в сфере труда – на основе баланса/дисбаланса между оценками элементов производственной ситуации и притязаниями рабочих (Татарова, Бессокирная 2019).

Существуют и примеры определения дисбаланса между установками на «здоровое» поведение и соответствующими практиками. Так, авторы работы (Merrill et al. 2002: 497–498) сравнили ответы на вопрос о самом важном, что следует делать для сохранения здоровья, с практиками «здорового» поведения. Вполне ожидаемо, что физические упражнения и здоровое питание важны, но не всегда встречаются на практике. В отношении курения дисбаланс выражен в большей мере: доля некурящих существенно меньше доли тех, кто считает отказ от курения важным. В отношении поддержания оптимального веса и посещений врача дисбаланс проявился противоположным образом: меньшее число респондентов считает данные практики важными, однако они достаточно распространенные.

4. В ходе *реализации моделей* изучения здоровьесберегающего поведения сталкиваются с *проблемами многомерного анализа данных*. Методические сложности возникают уже на этапе одномерного анализа. Так, интерпретация результатов опроса, посвященного ЗСП, неочевидна. Допустим, установлено, что респондент старается больше двигаться. Но в случае наличия у него противопоказаний к большим физическим нагрузкам появляются сомнения в том, можно ли назвать его поведение здоровьесберегающим.

Одна из главных проблем связана с операционализацией понятий и ответами на вопросы: «Что считать здоровьесберегающим поведением на эмпирическом уровне? Какие показатели ЗСП ввести?». Наличие одних показателей ЗСП может компенсировать отсутствие других. Например, среди курящих выделили в особую группу тех, кто не злоупотребляет алкогольными напитками, следит за своим питанием, старается больше двигаться и т. д. Сравнение этой группы с теми, кто не курит, но и не ограничивает употребление алкогольных напитков, не следит за своим питанием, мало двигается и т. д. становится проблематичным. Неясно, какая из групп превосходит другую по здоровьесберегающему поведению.

Естественным образом возникает вопрос о том, возможно ли измерение введенных показателей баланса/дисбаланса между установками и поведением в рамках исследования Big Data. Например, нами было проведено исследование, посвященное здоровьесберегающему поведению студентов (Чиркова 2019: 43–44). В инструментарий были включены следующие блоки вопросов-индикаторов: 1) установки на заботу о здоровье; 2) забота о здоровье (на уровне вербального поведения); 3) личностные конструкты студентов, связанные с факторами, препятствующими заботе о здоровье; 4) социальные представления студентов о факторах, способствующих и препятствующих заботе о здоровье; 5) основные социально-демографические характеристики. Необходимые данные были получены с помощью метода онлайн-опроса. Но *хватило бы возможностей Big Data провести исследование с аналогичным набором переменных?* Данные двух исследований (онлайн-опрос и Big Data) дополняют друг друга или взаимозаменяют?

В исследованиях Big Data зачастую используются весьма примитивные модели, обладающие небольшой объяснительной силой (Lin 2015: 33–39). Например, в работе (Hesse et al. 2015: 23–24) упоминаются корреляции между величиной акцизных сборов на сигареты и распространенностью курения на различных территориях. Чтобы *расширить познавательные возможности данных о здоровьесберегающем поведении, используя технологию Big Data*, необходимы комплексные концептуальные модели изучения ЗСП.

В статье (O'Donnell, Falk 2015: 276–277) приводятся результаты изучения эффективности антитабачных сообщений. Испытуемым (800 тыс. курящих) были разосланы изображения разных видов: демонстрирующие социальные последствия курения и последствия, связанные со здоровьем, а также выгоды от отказа от курения (социальные и связанные со здоровьем). Далее фиксировалось, переходит ли испытуемый по предлагаемым ссылкам, чтобы получить более подробную информацию. Полученные данные дополнялись результатами наблюдения за курящими во время просмотра сообщений (50 человек). Приведенный пример относится лишь к поведению в Интернете, и *вопрос о возможностях реализации с помощью больших данных исследовательских задач, не связанных с Интернетом*, остается пока открытым.

Литература

Антонов А. И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005.

Вангородская С. А. Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 4. С. 20–29.

Волкова М. Б. Здоровоохранительное поведение населения в условиях российских социально-экономических трансформаций. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов: 2005.

Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения 2018 // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html (дата обращения: 07.07.2019).

Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006.

Мягков А. Ю. Диагностика и измерение социального самочувствия студентов: к обоснованию методики // Социология образования. 2015. № 7. С. 102–113.

Назарова И. Б. Здоровье занятого населения. М.: МАКС Пресс, 2007.

Самосохранительное поведение как фактор здоровья – 89 // Единый архив экономических и социологических данных [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/db/opview.shtml?ID_S=3753&T=m (дата обращения: 07.07.2019).

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Идентификация рабочих с предприятием в диагностике производственной ситуации // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 43–56.

Чиркова А. В. Здоровьесберегающее поведение студентов: познавательные возможности различных эмпирических индикаторов. Саарбрюккен: LAMBERT Academic Publishing, 2019.

Шушунова Т. Н. Самосохранительное поведение: методологические основания исследования // Вестник Белорусского национального технического университета. 2009. № 5. С. 101–106.

Cockerham W. C. Health behavior // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Health, Illness, Behavior, and Society / Ed. by W. C. Cockerham, R. Dingwall, and S. R. Quah. John Wiley & Sons, 2014.

Cockerham W. C. Health lifestyle theory and the convergence of agency and structure // Journal of Health and Social Behavior. 2005. Vol. 46. P. 51–67.

Hesse B. W., Moser R. P., Riley W. T. From Big Data to Knowledge in the Social Sciences // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2015. Vol. 659. P. 16–32.

Jones I. R., Papacosta O., Whincup P. H., Wannamethee S. G., Morris R. W. Class and lifestyle «lock-in» among middle-aged and older men: a multiple correspondence analysis of the British regional heart study // Sociology of Health and Illness. 2011. Vol. 33. P. 399–419.

Lin J. On Building Better Mousetraps and Understanding the Human Condition: Reflections on Big Data in the Social Sciences // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2015. Vol. 659. P. 33–47.

Loef M., Walach H. The combined effects of healthy lifestyle behaviors on all cause mortality: a systematic review and meta-analysis // Preventive Medicine. 2012. Vol. 55. P. 163–170.

Merrill R. M., Friedrichs M., Larsen L. D. Perceptions of healthy behaviors versus health practices // Health Promotion Practice. 2002. Vol. 3. P. 497–500.

O'Donnell M. B., Falk E. B. Big Data under the Microscope and Brains in Social Context: Integrating Methods from Computational Social Science and Neuroscience // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2015. Vol. 659. P. 274–289.

Porter L. C. Incarceration and post-release health behavior // Journal of Health and Social Behavior. 2014. Vol. 55. P. 234–249.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

6.1

**Новые формы
социально-
экономических
неравенств
и их отражение
в массовом сознании**

Руководители секции: Тихонова Н. Е.

Ученый секретарь: Слободенюк Е. Д.

Е. М. Авраимова

Социальная стратификация российских миллениалов

Авраимова
Елена Михайловна

Доктор экономических наук,

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, Россия.

E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

Аннотация. На данных исследования российской молодежи, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2019 г., рассмотрены особенности социальной самоидентификации российских миллениалов и описаны критерии идентичности различных молодежных групп. Полученные данные показывают, что статусная самооценка миллениалов существенно выше, чем у старших поколений, а в ее основе лежат и несколько иные критерии. Так, хотя уровень материального положения, как и у старших поколений, играет ведущую роль в их статусной самооценке, в основе их самоидентификации лежат также уровень образования и профессиональный статус, что может свидетельствовать о готовности современной молодежи признать ценности меритократического общества. Вместе с тем, численность молодежных групп, представители которых обнаруживают такую готовность, очень невелика. Оптимистические социальные ожидания миллениалов входят в противоречие с их текущим положением в сфере занятости. Условиями, обеспечивающими адекватность социальных притязаний, являются ресурсы родительской семьи и высокое качество образовательного ресурса, т. е. такие виды ресурсов, которые относятся к дефицитным.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная структура, жизненные шансы, страты, ресурсы развития, социальные ожидания, социальный статус.

Адекватное социальное позиционирование имеет большое значение не только для самоощущения миллениалов, но и для выстраивания социальных практик, соответствующих тому месту в обществе, которое, по их мнению, они занимают. Согласно полученным данным¹, распределение по стратификационным группам, выделенным по критерию субъективной социальной идентичности, отличает молодежь от старших возрастных групп в сторону повышенной социальной самооценки. Так, к слоям выше среднего и высшему отнесли себя 33,2% миллениалов (в среднем по сопоставимому общероссийскому опросу – около 9%), среднему – 59,9%, а ниже среднего и низкому лишь 7%.

Сопоставление соответствующих данных с распределением по субъективной оценке материального положения указывает на то, что оценка социального статуса существенно выше, чем материального. Из этого

¹ Информационной базой является исследование «Российская молодежь: экономическая активность, демографические стратегии и социальные практики», реализованное ИНСАП РАНХиГС в 2019 г. с объемом выборки 3,5 тыс. чел., репрезентативной по уровням образования и типам поселений.

следует предположение, что критерием социальной идентичности молодежи выступает не только размер дохода, как для старших возрастных групп, но и иные основания. С целью проверки этого предположения рассмотрена социальная самооценка миллениалов, имеющих различный уровень образования.

Из полученных данных следует, что уровень образования не оказывает существенного влияния на социальное позиционирование. Более того, доли высоко образованных и тех, кто вообще не получил профессионального образования, примерно равны среди представителей миллениалов, низко оценивающих свой социальный статус.

Установлена также значимость такого критерия, как материальный достаток: чем выше уровень материального положения респондентов, тем выше они оценивают свой социальный статус. Вместе с тем, 27,4% тех, кто оценил материальный статус как средний, считают свое социальное положение высоким или выше среднего, и, более того, 13,4% с материальным положением ниже среднего характеризуют собственное социальное положение значениями, превышающими среднее. Из этого следует, что для значительной части молодежи ни уровень образования, ни уровень материального положения не выступают значимыми критериями самоидентификации в социальном пространстве.

Респондентам был задан вопрос о том, на основании чего они выстраивают свою социальную идентичность. На втором месте после уровня материальной обеспеченности оказался такой фактор, как уважение окружающих (см. таблицу 1).

Таблица 1

Оценка главного фактора, определяющего уровень социального статуса, %

Факторы	Число респондентов
Материальная обеспеченность	41,0
Уважение окружающих	27,1
Занимаемая должность	15,1
Уровень образования, квалификации	12,0
Затруднились ответить	4,8

Таким образом, в молодых возрастах мнение социального окружения играет весьма существенную роль. Здесь же следует обратить внимание на то, что среди критериев идентичности уровень образования занимает последнее место. Этот вопрос рассматривается в исследованиях, посвященных развитию среднего класса в России, где отражена проблема так называемой «статусной несовместимости», когда критерии социальной идентичности не согласуются между собой. Правомерно было ожидать, что эта проблема будет преодолеваться в молодых возрастах, но, как мы видим, этого не произошло.

Интересно рассмотреть, какие критерии идентичности являются главными для различных стратификационных групп (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Выбор главного критерия идентичности
различными стратификационными группами, %по строке**

Самооценка социального статуса	Факторы				
	Доход	Образование	Должность	Уважение	Затрудняюсь ответить
Высокий	25,9	11,7	12,8	46,1	3,5
Выше среднего	34,9	17,1	14,3	29,1	4,6
Средний	44,3	11,2	15,1	24,8	4,6
Ниже среднего	56,8	5,8	20,6	11,5	5,3
В целом	41,0	12,0	15,1	27,1	4,8

Выяснилось, что критерий материального достатка играет самую значимую роль для тех, кто его не имеет. В то же время, для тех, кто оценивает свой статус достаточно высоко, образование выступает в качестве достаточно значимого фактора. Должность более существенна для тех, у кого достаточно низкая социальная самооценка, а уважение окружающих – для тех, у кого она достаточно высокая. Таким образом, доход и должность выступают как факторы оценки других, а образование и уважение окружающих – как факторы оценки себя.

Представление об устойчивости социального позиционирования миллениалов попробуем связать с их ожиданиями. Из полученных данных можно заключить, что они абсолютно позитивны: 90% молодых респондентов считают, что им «обязательно» или «скорее всего» удастся через 10–15 лет добиться всего, что для них важно и ценно, и при этом лишь 7% опрошенных в этом либо сомневаются, либо дают пессимистический прогноз.

Порадовавшись за молодежь, с такой уверенностью смотрящую в будущее, мы задались вопросом, насколько адекватны столь оптимистические оценки. Для ответа на этот вопрос была проведена достаточно сложная работа методологического характера, результаты которой позволяют оценить релевантность ожиданий, исходя из тех социально-экономических параметров, которые описывают положение миллениалов на сегодняшний день. Начнем со степени удовлетворенности молодых работников тем, как складывается их трудовая карьера. На сегодняшний день занимаемой должностью удовлетворены чуть больше половины занятых, а размером зарплаты – лишь 27%.

Агрегировав полученные данные, мы убедились, что к высоко или выше среднего оценивающим свое положение в трудовой сфере относятся чуть более трети респондентов, в то время как 40,6% (и это самая многочисленная группа) составляют группу со средним уровнем удовлетворенности. В то же время, около 20% совершенно не удовлетворены тем, как складывается их трудовая жизнь. Эти данные дают некоторые основания для сомнений в том, что сложившаяся трудовая позиция миллениалов позволит им осуществить в будущем все свои мечты.

Выяснилось, что такой признак, как ресурсы родительской семьи, играет значительную роль в том, как складывается трудовая карьера миллениалов: чем выше ресурсообеспеченность родительской семьи, тем выше

удовлетворенность молодых работников карьерой (см. таблицу 3). Это означает, что социальные и материальные капиталы родителей способствовали формированию более удачной карьеры молодых работников.

Таблица 3

Уровень удовлетворенности карьерой,
по группам ресурсообеспеченности родительской семьи, % от работающих, по строке

Ресурсообеспеченность родительской семьи	Удовлетворенность карьерой				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Низкая	10,5	13,9	44,2	19,9	11,5
Средняя	8,9	12,3	39,5	22,0	17,3
Высокая	6,0	10,6	31,9	26,8	24,7
В целом	9,2	12,8	40,6	21,6	15,8

Фактором, позитивно влияющим на развитие трудовой карьеры, выступает качество образовательного ресурса: чем он выше, тем вероятнее, что карьера молодого работника сложится благополучно (см. таблицу 4).

Таблица 4

Уровень удовлетворенности карьерой,
по группам качества образовательного ресурса, % от работающих, по строке

Качество образовательного ресурса	Удовлетворенность карьерой				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Низкое	9,3	14,1	42,3	17,9	16,4
Среднее	11,4	15,3	41,5	20,0	11,8
Выше среднего	8,3	10,7	38,0	26,0	17,0
Высокое	5,9	7,5	39,7	25,9	21,0
В целом	9,2	12,8	40,6	21,6	15,8

В целом можно заключить, что оптимистические ожидания части занятой молодежи относительно того, что им через 10–15 лет удастся добиться всего, чего они захотят, представляются завышенными. С большей уверенностью можно говорить, что ожидания сбудутся, прежде всего, у тех, кто располагает образовательным ресурсом высокого качества и ресурсами родителей.

В. А. Аникин

Прекаризация среднего класса в современной России: что представляют собой гетерогенные средние слои?

**Аникин
Василий Александрович**

Кандидат экономических наук, Ph. D. (Sociology), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: vanikin@hse.ru

Аннотация. Исследования последних лет позволяют с уверенностью назвать современное российское общество обществом массового среднего класса. Тем не менее, несмотря на ряд недавних успешных аналитических попыток, посвященных анализу социальной структуры, а также самому среднему классу, относящихся к последнему вопросов остается пока больше, чем ответов. И главный вопрос – что представляют собой массовые средние слои российского общества? Существуют ли они как единая группа? И если нет, то что определяет их разнообразие? Насколько прочны их позиции и какова вероятность прекаризации среднего класса в России? Ответам на эти и другие вопросы посвящено представленное исследование.

Ключевые слова: прекаризация, средний класс, нижний средний класс, неравенство, новая Россия.

Данная работа обобщает результаты исследования статистической модели классов на данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг. Средние слои выделены в рамках комплексного анализа социальной структуры современного российского общества через призму многомерного подхода, в основу которого положены немонетарные характеристики возможностей россиян в четырех главных жизненных сферах – экономические условия, производственные отношения, образовательные и медицинские возможности, а также возможности потребления. Использование данного подхода позволило заключить, что Россия представляет собой общество вертикально структурированных классов, при этом средний класс является самой массовой группой. Наиболее привилегированная часть *массового* российского общества образует группу, относительная численность которой не превышает 13% (так называемый верхний средний класс, или в другой традиции – ядро среднего класса). Еще 47% населения относится к периферии ядра среднего класса – разнообразным (нижним) стратам среднего класса. Остальные 40% населения страны являются де-привилегированными и попадают в нижние классы.

Фокус доклада сделан на 47% населения, которые и составляют объект исследования. Данная «середина» очень гетерогенна по своему составу. Эта гетерогенность отражает неоднородность средних слоев российского

общества. Несмотря на то, что россияне из этих слоев очень разные, применение байесовских методов статистической классификации позволяет разбить их на две довольно однородные по их возможностям в разных областях жизни группы – «средний» средний и «нижний» средний классы. «Нижний» средний класс характеризуется противоречивым положением. Источник этих противоречий укоренен в производственных отношениях. Численность «нижнего» среднего класса (НСК) с 2015 по 2018 увеличилась с 29% до 34%. Другая группа – это «средний» средний класс (ССК). Его численность, напротив, сократилась с 16% в 2015 до 13% в 2018 г. Что это за страты и о чем говорят эти цифры?

ССК менее однороден по своему составу, чем НСК. Так, в ССК увеличилась относительная доля работающих россиян (с четверти до почти половины) – в основном, за счет незначительного сокращения доли неработающих пенсионеров, и более существенного сокращения доли студентов и безработных в составе этого класса. Однако, несмотря на процессы внутренней трансформации в пользу наращивания работающей части населения, ССК остается якорным социальным классом для студентов. За счет этого, а также наличия неработающих пенсионеров в составе этого класса, и обеспечивается гетерогенность ССК – по сути он оттягивает на себя неработающую часть периферии ядра среднего класса. Однако стоит учитывать, что это – относительно благополучная часть неработающих россиян.

НСК является отражением социальной нормы работающего населения. В НСК фактически воспроизводятся общероссийские соотношения профессиональных групп – за исключением размера доли лиц, занятых физическим трудом (всего 26% против общероссийских 35%). Более, того, НСК является не только социальной нормой по обладаемым жизненным шансам и по структуре профессиональной занятости его членов, но также отражением еще и нормы сложившейся в российском обществе модели доходной стратификации. Какова же эта норма? По сути, россияне из НСК представляют собой средне- и малообеспеченную работающую периферию ядра среднего класса в силу того, что они занимают менее качественные рабочие места, чем представители верхнего среднего класса. *По сути – это эксплуатируемая часть среднего класса с высокими рисками прекарности.* Представители НСК, по их собственному признанию, испытывают серьезные проблемы в доступе к образованию (27% по сравнению с 22% в среднем по России). Они также страдают от того, что не имеют возможности отдохнуть и провести досуг (31% против 22%, соответственно). Более 39% НСК называют неравенства в доступе к хорошим рабочим местам (по сравнению с 34% в среднем по России) в числе наиболее болезненных для них. Все это сближает НСК с нижним классом.

Представители же ССК – трансфертные группы (студенты), служащие среднего уровня квалификации и рабочие – члены более благополучных в экономическом отношении домохозяйств, чем НСК. Как следствие, представители НСК гораздо острее, чем представители ССК страдают от неравенств доходов, относя их к самым болезненным для них лично (73% против 61%, соответственно). Та же зависимость наблюдается и по отношению к другим значимым немонетарным неравенствам – в сфере жилищных усло-

вий, возможностей для детей из разных слоев общества, неравенств в обладании собственностью, а также в доступе к культурным и художественным ценностям (театры, музеи, выставки). К примеру, 38% в НСК против 31% ССК отметили, что сильнее всего страдают от социальных неравенств в сфере жилищных условий. При этом ССК является единственной массовой социальной группой, для которой в наименьшей степени характерно испытывать на себе негативные действия неравенств в доступе к медицинской помощи (41% в сравнении с 51% по стране в целом). Более того, в ССК статистически значимо выше доля тех, кто отмечает, что не страдает ни от каких неравенств (15% против 9% в среднем по стране и 6% в НСК).

Таким образом, линия демаркации средних слоев проходит по доступу к хорошим рабочим местам и отношением к благополучной части экономически неактивного населения. Нижний средний класс – это наиболее эксплуатируемая часть срединных слоев, наиболее близкая к нижним классам и поэтому в наибольшей степени подверженная рискам прекарности. Проблема состоит в том, что нижний средний класс отражает социетальную норму, а также в том, что он значительно увеличился за последние три года, как уже было отмечено, – с 29 до 34%, в то время как более благополучный «средний» средний класс – напротив, заметно сократился – с 16 до 13%. Получается, что линия будущего разлома («поляризации») среднего класса оставляет внизу почти 2/3 средних слоев. Учитывая, что прекаризация среднего класса набирает обороты на фоне относительных успехов по сокращению нижних классов, которых достигло наше Правительство в последние годы, в свете последних социально-политических событий остро встает вопрос о необходимости перехода к проактивной инвестиционной политике, направленной на поддержку россиян из средних слоев среднего класса с целью обеспечения возможностей для их последующего вхождения в состав верхнего среднего класса. Создание такого пула возможностей видится одной из наиболее перспективных задач на ближайшие годы в рамках транзита России к социальному государству.

А. В. Каравай

Неравные возможности в выборе стратегий адаптации как фактор углубления социальных неравенств в российском обществе¹

**Каравай
Анастасия Вадимовна**

Кандидат социологических наук, Институт социальной политики и прогнозирования РАНХиГС;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: karavayav@yandex.ru

Аннотация. На данных Института социологии ФНИСЦ РАН последних десятилетий показано, что формирование основных адаптационных стратегий произошло еще в 1990-е гг., когда новые институциональные условия вынуждали индивидов искать новые способы поддержания материального благополучия. В то же время неустойчивая институциональная среда способствовала тогда закреплению у населения ситуативно-прагматических, а не целе-рациональных взглядов на адаптацию. В настоящее время специфика адаптационных стратегий определяется степенью активности их сторонников, обеспеченностью их различными ресурсами, местом проживания, возрастными и профессиональными характеристиками. Место в стратификационной иерархии влияет на выбор адаптационных стратегий и их эффективность в основном через возможность накапливать активы, необходимые для адаптации, и достаточность этих активов для снижения уровня рисков, характеризующих жизнь конкретного индивида. Неравномерное распределение жизненных шансов и рисков в современном российском обществе приводит к неравным возможностям в выборе успешных стратегий поддержания и наращивания материального благополучия, что влечет за собой дальнейший рост социальных неравенств.

Ключевые слова: адаптационные стратегии; социально-экономическое неравенство; жизненные шансы; жизненные возможности.

Успешность используемых индивидами адаптационных практик влияет не только на их личное благосостояние и положение в социальной иерархии, но во многом определяет также макроэкономическую и социально-политическую ситуацию в стране. Сложившиеся у индивидов и социальных групп поведенческие паттерны, связанные с их жизненными ценностями и использованием имеющихся у них ресурсов, значимы и для изменений «институциональной матрицы» общества. При этом возможности оптимального использования имеющегося набора ресурсов ограничиваются для инди-

¹ Исследование выполнено за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

видов как внешними факторами, связанными с особенностями сложившейся институциональной среды, так и тем, какие цели они ставят перед собой на определенном этапе своего жизненного пути. Именно из этих посылок мы исходили в своем исследовании, целью которого являлся анализ связи различных адаптационных практик населения с совокупностью их жизненных возможностей, отражающих особенности занимаемой ими в социальной иерархии структурной позиции, в непростых условиях современной России.

Формирование типичных поведенческих паттернов, направленных на социально-экономическую адаптацию, наиболее активно происходило в 1990-е гг., когда трансформация привычной институциональной среды вынуждала индивидов искать способы поддержания материального благополучия, а зачастую и выживания (Гордон 1994; Заславская 1995; Шабанова 2001; Адаптационные стратегии... 2003; Козырева 2011 и др.). В тот период благодаря переходу к рыночной экономике у населения появились возможности инвестировать свои средства и заниматься предпринимательством. Однако из-за отсутствия защиты интересов индивидов со стороны государства и преобладания неправовых и неформальных общественных институтов эти поведенческие стратегии не получили широкого распространения в российском обществе. Нестабильная институциональная среда обусловила закрепление у населения «ситуативно-прагматических» взглядов на выбор способов адаптации. Как следствие, россияне сравнительно чаще выбирали тогда трудовые стратегии, связанные с множественной занятостью, случайными заработками и трудом на личных подсобных участках. Наиболее же широко была распространена тогда стратегия вынужденного бездействия в силу недоступности каких-то реальных альтернатив людям приходилось сокращать потребление.

В первой декаде нового века, несмотря на рост доходов россиян и экономики страны в целом, значительных изменений в их адаптационном поведении не произошло, хотя на фоне общего роста благосостояния вынужденное бездействие стало все чаще заменяться добровольным. Среди способов активной адаптации при этом все также преобладали стратегии, связанные с наращиванием трудовой нагрузки, – множественная занятость, разовые приработки и выращивание продуктов для себя.

В 2010-х гг. и, особенно, после экономического спада 2014–2016 гг. среди сторонников активной адаптации существенно сократилось число тех, кто выбирает виды активности, связанные с рынком труда, и особенно отверженцев множественной и сверхурочной занятости в качестве способов поддержания и наращивания своего материального благополучия. Таким образом, сравнительно более эффективные для самого человека адаптационные стратегии вытесняются постепенно менее эффективными на фоне сокращения общего числа тех, кто предпринимает какие-либо действия по улучшению собственного материального положения. Судя по тому, что вектор этих изменений совпадает с нашими предположениями, сформулированными по итогам характеристики некоторых институциональных изменений, произошедших в период 2000–2010-х гг. на рынке труда и в доходной стратификации, можно утверждать, что в основе динамики адаптационных стратегий россиян лежит общее ухудшение ситуации на рынке труда, в том

числе и увеличение средней продолжительности рабочего дня при одновременном сокращении реальной средней почасовой заработной платы (Тихонова, Каравай 2017).

Проведенное исследование свидетельствует, что в настоящее время место индивидов в социальном пространстве влияет на выбор ими действий, направленных на поддержание/достижение определенного уровня благополучия. При этом весь набор наиболее распространенных адаптационных действий можно разделить на одиннадцать основных стратегий, различающихся по степени активности их сторонников, обеспеченности их активами, используемыми для адаптации, состоянию рынка труда в поселениях по месту проживания, профессиональным позициям и возрасту (Каравай 2019).

Столь широкий спектр различных стратегий свидетельствует, что для исследования социально-экономической адаптации в нашем обществе в большей степени применим теоретический подход, основанный на теории жизненного пути. Наш анализ показал, что россияне действуют рационально, так как пытаются максимизировать полезность имеющихся у них активов, а при отсутствии таковых наращивают трудовые нагрузки, причем даже в том случае, если не имеют постоянного места работы (разовые приработки, труд в личном приусадебном хозяйстве и т. п.). Однако при этом индивидам приходится ориентироваться на окружающий их социально-экономический контекст. Например, в городских условиях (особенно в мегаполисах) в силу специфики институциональных условий, и прежде всего широты рынка труда, выбор адаптационных действий шире, чем в сельской местности, и, как следствие, больше стратегий, которые препятствуют ухудшению положения их сторонников. Другими словами, специфика функционирования различных локальных и глобальных институтов (экономических, социальных и т. п.) в той или иной степени ограничивает для жителей сельской местности выбор действий, которые они могли бы использовать для повышения собственного благополучия.

С этой точки зрения, неравенство в жизненных шансах и рисках¹ влияет на выбор адаптационных стратегий в нескольких аспектах. Во-первых, место в стратификационной иерархии определяет возможности индивида накапливать активы, необходимые для адаптации, которые с определенного момента «работают сами», не требуя от него каких-то дополнительных усилий. Поэтому многие исследователи (Аврамова 2003; Козырева 2013 и др.) фиксируют отмеченное и нами снижение адаптационной активности благополучного населения. Во-вторых, высокий уровень деприваций приводит к тому, что выбираемые стратегии адаптации даже при лучшем раскладе позволяют их сторонникам лишь «удержаться на плаву», однако ни о каком наращивании активов и расширении жизненных возможностей для них речь не идет. Это хорошо видно на специфике места на поле позитивной и негативной привилегированности (см. рис. 1) сторонников двух

¹ Модель разрабатывалась рабочей группой в составе: Н. Е. Тихонова (рук.), С. В. Мареева, В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, Е. Д. Слободенюк и автор данной статьи. Подробнее о построении Индекса жизненных шансов и рисков, выборе индикаторов, формировании субшкал, определении порогов выделения страт и их особенностях можно прочесть в опубликованных статьях авторов, входящих в рабочую группу, в частности (Аникин 2018; Тихонова 2018 и др.)

стратегий: одной, ориентированной на использование любой возможности «подзаработать» (стратегия «Любые приработки»), и второй, основанной на продаже продуктов с подсобного хозяйства (стратегия «Выращивание продуктов для себя»). Обе они предполагают достаточно большие затраты сил и энергии, но не позволяют снизить масштаб рисков и депривации хотя бы до среднего. Понятнее становится при анализе стратегий адаптации через призму специфики структурных позиций человека с учетом целостности его жизненных шансов и рисков и то, что стратегия, связанная с увеличением долговой нагрузки, характерна для тех россиян, которые находятся в зоне наиболее высоких рисков и наиболее глубокой депривации при практически полном отсутствии каких-либо жизненных шансов, позволяющих улучшить или хотя бы сохранить уровень своего материального благосостояния.

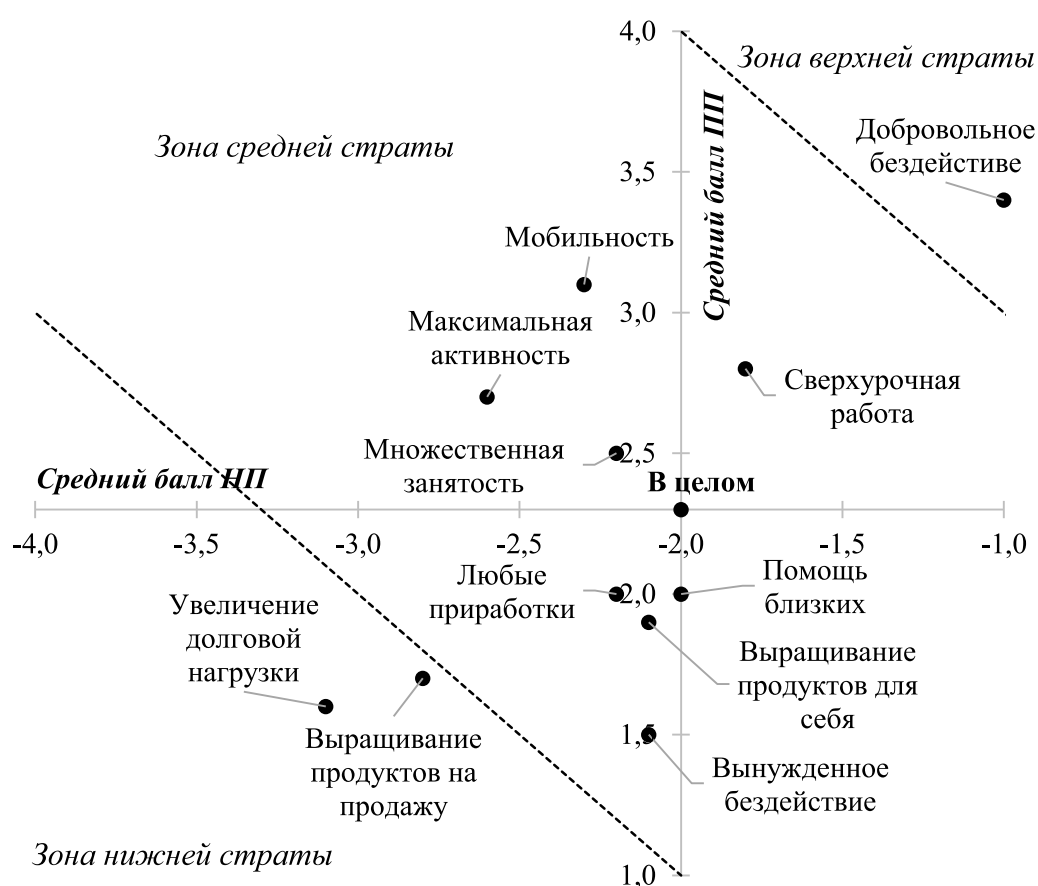

Рис. 1 Соотношение позитивной и негативной привилегированности для сторонников различных адаптационных стратегий, ИС ФНИСЦ РАН, 2018, баллы

В целом представители верхней страты зачастую могут себе позволить вообще не беспокоиться о поддержании материального положения либо выбирать комфортные по сравнению с другими стратегии адаптации (дополнительные доходы с активов или от увеличения нагрузок на основной работе). В нижней страте, наоборот, индивиды массово вынуждены либо бездействовать из-за структурных и институциональных ограничений их активности, либо выбирать низкоэффективные стратегии (наращивание долговой нагрузки, выращивание продуктов питания и т. п.). Представители средней страты по избираемым адаптационным стратегиям при этом ближе к нижней, а не верхней страте.

Качественные различия в характере и эффективности выбираемых представителями разных страт стратегий приводят к тому, что неравномерность распределения жизненных шансов и рисков в российском обществе только увеличивается. Отсутствие же действенных социальных и экономических институтов, которые могли бы сократить риски депривации для чувствительных к ним групп населения, способствует дальнейшему росту социальных неравенств и напряженности.

Таким образом, место в стратификационной иерархии имеет важное значение для формирования адаптационных практик населения. Высокая позиция в этой иерархии способствуют накоплению активов, необходимых для адаптации, и доступности более комфортных для индивидов форм дополнительной трудовой активности. В то же время высокая концентрация различных рисков и деприваций приводит к тому, что у индивидов не хватает объективных возможностей на поддержание собственного материального благополучия даже при готовности к активизации своих усилий. Противоречивые жизненные ситуации подталкивают человека к перемещению в другую институциональную среду, ассоциирующуюся для россиян с переездом на новое место жительства.

Литература

Адаптационные стратегии населения. / Под ред. Авраамовой Е. М. 2003. СПб.

Аникин В. А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 39–67.

Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. №. 8. С. 3–15.

Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. №. 3. С. 5–21.

Каравай А. В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019. №17(3). С. 128–145.

Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. №6. С. 24–35.

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 53–65.

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98.

Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. №3. С. 78–104.

Н. Д. Коленникова

Статусный подход к стратификации занятого населения современной России

Коленникова
Нина Дмитриевна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: kolennikova-nina@mail.ru

Аннотация. На данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2017 г. рассматривается соотношение разных статусных групп в социальной структуре современного российского общества, а также уровень статусной консистентности позиций работающих россиян в экономической, квалификационной и властной статусных иерархиях. Показано, что с этой точки зрения в структуре современного российского общества можно выделить четыре группы, две из которых, несмотря на их относительную гетерогенность, характеризуются низкими показателями интегрального социального статуса и высоким уровнем консистентности статусных позиций – они составляют большинство работающего населения, что позволяет говорить о доминировании в современной модели социальной структуры России нижних статусных позиций. Две другие группы отличаются более высоким уровнем интегрального статуса и, одновременно, более низким уровнем консистентности позиций, который не позволяет однозначно утверждать о стабильности положения членов этих групп в социальной структуре российского общества.

Ключевые слова: социальная структура, социальный статус, статусные иерархии, статусная консистентность.

В пространстве социальных связей и взаимодействий поступки людей, их отношения друг с другом обычно определяются положением, которое они занимают в обществе. Для обозначения этого положения в социологической науке существует понятие статусной позиции (статуса), являющееся центральным при анализе социальной стратификации, поскольку статус отражает особенности положения индивида в общественной иерархии. Однако в силу того, что не всякая теоретическая модель социальной структуры иерархически организована для содержательной интерпретации понятия статуса и рассмотрения ситуации статусной консистентности мы сосредоточимся на традиции его изучения как многомерной величины, характерной для веберианских и неовеберианских подходов. Отметим, что этот подход к статусной позиции стал закономерным следствием идей таких классиков социологии как М. Вебер и П. Сорокин о многомерности социального пространства, которое определяется, с одной стороны, множественностью связей индивида внутри групп, к которым он принадлежит, а с другой стороны – множественностью положений самого индивида относительно других членов общества (Сорокин 1992). В этом смысле целесообразно рас-

суждать не просто об одной абстрактной статусной позиции, а о нескольких, находящихся к тому же в разных статусных иерархиях и влияющих на интегральный социальный статус. При этом изучение статусных позиций россиян целесообразно не проводить при понимании статусных иерархий как вертикально структурированных с широким диапазоном позиций на них, что дает возможность четче подойти к определению интегрального социального статуса индивида в современном российском обществе и взглянуть на ситуацию с основаниями неравенства в нем с иного ракурса. В частности, с точки зрения концепции статусной консистентности, которая позволяет не ограничиваться простой фиксацией распределения населения России по тем или иным статусным позициям в рамках определенных статусных иерархий, но и осуществить комплексный анализ модели современной социальной структуры российского общества. Традиция изучения статусной консистентности имеет относительно давнюю историю, однако наиболее четко данный вопрос был поставлен в работах Г. Ленски, который сместил фокус анализа с популярных в то время размышлений о классовой структуре и основаниях выделения классов на процессы, которые эти структуры генерируют (Lenski 1954). В данном исследовании статусную консистентность мы рассматриваем как свойство существующей социальной структуры и придерживаемся преимущественно взглядов Л. Брума на данное явление, подразумевая, что статусная консистентность отражает степень достижения общим профилем страты равновесия. То есть страта считается консистентной, если ее профиль из значимого набора статусных характеристик размещен на сходных позициях в различных иерархиях (Broom, Jones 1977).

Основываясь на предыдущих исследованиях и следуя логике многомерного подхода к анализу интегрального статуса индивида, мы выделили наиболее значимые стратификационные измерения при изучении социальной структуры современного российского общества – экономическое, квалификационное и властное. Соответственно, было решено операционализировать понятие статуса именно в рамках трех соответствующих шкал. К тому же, учитывая, что статусные позиции в современной социальной структуре российского общества образуют вертикально структурированные совокупности (Тихонова 2018), для обозначения таких совокупностей мы использовали понятие статусной иерархии, а сами шкалы были иерархически организованы. Каждый из статусов в нашем исследовании представляет собой многомерную величину, включающую несколько индикаторов. Они отражают не просто экономическое положение или, к примеру, уровень квалификации, а то, насколько наличие или отсутствие этих индикаторов отражается на престижности положения индивида, на его признании окружающими.

Итак, с одной стороны, мы вычислили интегральный социальный статус индивида путем сложения рангов по трем статусам и оценили нормативные значения этого статуса для занятого населения в целом, а также для отдельных социальных групп.¹ С другой стороны, мы предприняли попытку оценить уровень взаимовлияния в парах статусов, а также вычислить сте-

¹ Более подробно с методикой конструирования шкал для экономического, квалификационного и властного статусов можно ознакомиться в предыдущих работах автора.

пень статусной консистентности по классической формуле Г. Ленски (Lenski 1954). Данный показатель позволил оценить распространенность совпадения или несовпадения рангов в трех иерархиях – экономической, властной и квалификационной среди разных статусных групп. Для конструирования шкалы интегрального социального статуса индивида мы просуммировали показатели трех шкал – экономической, квалификационной и властной и затем трансформировали ее до 3-х ступенчатой (с низкими, средними и высокими показателями интегрального статуса) в ходе укрупнения численности групп до значений, пригодных для анализа¹.

По итогам анализа, среди работающего населения страны можно говорить о существовании по крайней мере четырех групп, различающихся показателями их интегрального социального статуса, а также степенью консистентности экономического, квалификационного и властного статусов, в определенном смысле отражающих и специфику их классовых позиций (см. таблицу 1). Первую группу можно охарактеризовать как наиболее гомогенную и высококонсистентную с точки зрения рассмотренных нами характеристик и факторов, но находящуюся на нижних ступенях статусных иерархий. Вторая группа характеризуется еще более высоким уровнем статусной консистентности чем первая и занимает чуть более высокое положение в статусной иерархии. Комбинации статусных позиций в ней при этом одинаковы для большинства состава этой группы и предполагают низкие, но ненулевые значения квалификационного и экономического статусов, что соответствует позициям нижней середины иерархии социальных статусов. Именно этой группе соответствует и медиана распределения населения страны по шкале интегрального социального статуса. Однако, учитывая, что медиана даже для массовых слоев населения проходит по верхней границе данной группы, такая ситуация свидетельствует о смещенности вниз всей стратификационной модели российского общества.

Третья и четвертая группа формируются за счет представителей групп с более высоким уровнем социального престижа с точки зрения их доходов, образования и профессиональной принадлежности. Однако степень статусной консистентности в этих группах снижается. В этой связи стоит отметить, что при слабой консистентности статусов индивиды свободно перемещаются из класса в класс, из слоя в слой (Богомолова, Саблина 2000) и, по сути, в этом случае у каждого есть шанс повысить свой статус в зависимости от существующих каналов социальной мобильности и используемых форм «добора статусов». Однако такая тенденция проявляется в России пока слабо, также для нашей страны характерна концентрация статусной консистентности на нижних ступенях интегральной статусной иерархии, что говорит о невозможности по меньшей мере для половины населения страны занять более высокие статусные позиции.

¹ Эмпирической базой для анализа послужили данные 26-й волны ежегодного опроса Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, прошедшего в 2017 г. Численность подмассива работающего населения страны составила 5062 респондента.

Таблица 1

Модель иерархии социальных статусов в разрезе различных характеристик, 2017 г., %

Характеристика	Градация	Модель иерархии социальных статусов				Доля группы в массиве
		Нижние позиции	Позиции ниже средних	Средние позиции	Верхние позиции	
Ранги в трех статусных иерархиях	Не совпадают	58,5	100,0	89,5	71,4	75,0
	Совпадают	41,5	-	10,5	28,6	25,0
Экономический статус	Низкий	58,9	19,2	3,8	-	34,8
	Средний	41,1	63,2	62,7	22,0	49,8
	Высокий	0,0	17,5	33,4	78,0	15,4
Властный статус	Низкий	97,6	84,0	59,6	-	81,0
	Средний	2,4	15,1	26,5	33,2	12,2
	Высокий	-	0,9	13,9	66,8	6,8
Квалификационный статус	Низкий	85,0	29,4	8,4	-	51,3
	Средний	15,0	56,5	32,5	16,2	27,8
	Высокий	-	14,1	59,0	83,8	20,9
Доля группы в массиве		50,9	20,8	23,2	5,1	-
Индекс Ленски		2,1	2,6	1,7	0,8	-

Примечание. Фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых превышают долю группы в массиве более чем на величину статистической погрешности (2–3%).

В целом же порядок распределения степени статусной консистентности, показателей интегрального социального статуса и других исследуемых статусов, соотносится с результатами отечественных исследований, описывающих современную ситуацию в России как «негативную стабилизацию» с усиливающейся поляризацией населения (Тихонова 2019). То есть, уже сейчас существует многочисленная группа работников, большинство из которых имеют низкие показатели во всех статусных иерархиях и отличаются высокой степенью консистентности этих показателей. Такие работники составляют более половины занятого населения России (50,9%). Еще одна значительная часть занятых (20,8%), хотя и имеет средние или даже относительно высокие показатели отдельных статусов, все же, судя по представленным результатам, тяготеет скорее к низу середины статусной иерархии, нежели к верхнему ее полюсу. И только небольшая часть работающего населения (28,3%) находится на относительно престижных позициях в интегральной статусной иерархии и имеет шансы при возникновении свободных позиций наверху иерархии занять их.

Литература

Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. 1997. № 10–11, С. 58–65.

Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 107–118.

Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992. С. 295–425.

Тихонова Н. Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. № 1. 27–47.

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 63–65.

Broom L. & Jones F. L. Problematics in Stratum Consistency and Stratum Formation: an Australian Example // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82. No. 4. P. 808–825.

Lenski G. Status crystallization: A non-vertical dimension of social status // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. P. 405–413.

Л. В. Константинова

Образование – сфера новых неравенств¹

**Константинова
Лариса Владимировна**

Доктор социологических наук,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.
E-mail: kostkas@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема формирования новых видов неравенства в сфере образования под влиянием целенаправленной государственной деятельности по конструированию иерархий с целью повышения социально-экономической эффективности и создания конкурентной среды. Выявляются детерминанты этого процесса и отношения к нему российских граждан. Делаются выводы о необходимости регулирования неравенства в сфере образования в сторону его минимизации.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная дифференциация, новые виды неравенства, неравенство в образовании.

Вторая половина двадцатого века ознаменовалась торжеством социального государства, и, казалось бы, решением большинства социальных проблем, минимизацией основных форм социального неравенства. Однако крушение социалистической системы в конце XX в., острые экономические кризисы и социально-политические дестабилизации начала XXI в. в новом свете обнажили социальные проблемы и неравенства, актуализировав поиск новых социальных стратегий.

Процессы, происходящие сегодня в различных странах, свидетельствуют о проявлении ряда общих тенденций, которые способствуют увеличению социальной дифференциации и продуцируют рост традиционных и возникновение новых видов неравенства и сфер его проявления. К ним можно отнести кризис социального государства на фоне финансово-экономических дисбалансов и торговых войн; увеличение социальных различий в условиях постоянного роста разделения труда, диффузии и либерализации рынка труда, усложнения социально-профессиональной структуры, прекаризации труда; масштабирование миграционных потоков и социальных перемещений, детерминирующих увеличение форм и масштабов социальных исключений; усиливающуюся политическую плюрализацию, приводящую к размыванию и амбивалентности ценностно-идеологических оснований; и как следствие всего – индивидуализацию и атомизацию общественной жизни, фрагментацию социальной действительности. Процессы глобализации обнажили многие социальные противоречия внутри отдельных государств и привели к дезориентации и дезинтеграции мирового и станового развития, к росту неравенства внутри и между странами (Океанова 2016).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

В социологических дискуссиях вновь актуализировалась проблематика социального неравенства в аспекте выявления причин его разрастания и усугубления как следствия необузданной экспансии рынка (Буравой 2015), выявления его новых форм и детерминант в условиях разрастающейся глобализации.

В России дезинтеграционные процессы имеют свою специфику, так как во многом являются следствием распада сформировавшихся в советское время механизмов социального выравнивания и экономических основ ведения хозяйства. Они проявляются, в первую очередь, в существенном росте имущественного неравенства, размывании средних слоев общества, росте социальных исключений на фоне снижения уровня и качества жизни значительной части населения, высоком уровне межрегионального неравенства, разрушение ценностных парадигм на фоне правового нигилизма и плюрализации культурных образцов.

Особенностью российской ситуации является то, что рост социального неравенства не является только и исключительно объективной издержкой, воссоздаваемой «невидимой руки рынка». Во многом он становится следствием целенаправленной политики государства по иерархизированию социально-экономической сферы в целях повышения эффективности ее функционирования и расходования финансовых средств (Ильин 2000). Конструируя иерархии и конкурентные практики, государство унифицирует данные механизмы без учета особенной той или иной сферы. В результате сектора, производящие общественные блага, априори нацеленные на выравнивающие социальные возможности, трансформируются в сферы воспроизводства и продажи услуг, продуцируя новые формы неравенств и становясь зонами их аккумуляции.

Особо отчетливо такие процессы наблюдаются в сфере образования, где в рамках проводимой государством политики перманентного реформирования целенаправленно конструируется иерархическая система. Результатом становится продуцирование неравенства, что негативно влияет на основные качественные параметры образования и результативность базовых функций. Данные тенденции выражаются в появлении новых форм неравного доступа к качественному образованию представителей различных социальных групп населения и детерминируются следующим:

- коммерциализацией и менеджеризацией образования, что приводит к искажению его интегративных функций (Яковлева 2018);
- дистанцированностью в уровне, возможностях и качестве между государственным и негосударственным сектором образования (Неупокоева 2009);
- существенной дифференциацией ресурсного обеспечения разных уровней и учреждений образования (Южакова, Каракчиева 2015);
- усилением межрегионального неравенства в развитии образовательных систем и, следовательно, искажением единого образовательного пространства (Ендовицкий, Трещевский, Руднев 2019), различиями в доступе к образованию, особенно к высшему, в различных регионах;

- формированием иерархической системы высшего образования, усилением неравенства между вузами, дифференциацией их академической среды (Кармаева, Кармаев 2019);
- ростом конкуренции между образовательными организациями, препятствующей их конструктивному взаимодействию (Екимова, Балацкий 2018);
- неразвитостью системы непрерывного образования, малым и неравномерным охватом ею взрослого населения, отсутствием ее необходимых элементов в отдельных сферах и территориях (Наумов, Константинова 2019).

Указанные тенденции свидетельствуют о все более заметной дезинтегрирующей роли образования в обществе. Это выражается в том, что образование из сферы, нацеленной по своей природе на содействие снижению социального неравенства, на формирование социальных лифтов, механизмов выравнивания за счет обеспечения равного доступа различных слоев населения к интеллектуальным и культурным ресурсам, превращается в один из факторов, воспроизводящих социальное неравенство различных видов. На этот процесс негативное влияние оказывает рост социального расслоения в педагогической среде в связи с существенными разрывами в доходах между педагогами различных учреждений и регионов, а также между преподавателями и менеджерским звеном образовательных учреждений (Яковлева 2018). Для преподавателей вузов актуальным является расслоение академической среды, дифференциации возможностей для занятия научной деятельностью в университетах-лидерах и в большей части периферийных вузов, что в результате сказывается на формировании различий в их профессиональной культуре и карьерных возможностях (Кармаева, Кармаев 2019).

Данные тенденции находят отражение в общественном мнении россиян о ситуации в сфере образования. Так, по данным ВЦИОМ только 14% россиян считают, что российская система образования находится в настоящее время в хорошем состоянии, остальные оценивают ее состояние как удовлетворительное (48%) или как плохое (31%)¹. Причем 41% полагают, что с 2000 г. (время активного начала реформ в образовании) ситуация в образовании только ухудшилась². Наши граждане очень сильно ощущают неравенство в сфере образования. Для них данная сфера неравных возможностей является одной из наиболее чувствительных. По данным общероссийского мониторинга, проводимого ФНИСЦ РАН, неравенство в образовании занимает четвертое место в иерархии проблем, наиболее остро воспринимаемых населением как проявление социальной несправедливости, после неравенства в сфере доходов, в доступе к медицинской помощи

¹ Результаты всероссийский опроса населения, проведенного ВЦИОМ в август 2016 г.. Опрошено 1600 респондентов. Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1089&q_id=75735&date=21.08.2016 (дата обращения: 19.06.2019 г.).

² Результаты всероссийский опроса населения, проведенного ВЦИОМ в апрель 2016 г.. Опрошено 1600 респондентов. Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1074&q_id=74588&date=17.04.2016 (дата обращения: 19.06.2019 г.).

и неравенства в жилищных условиях¹. Особо остро эта проблема проявляется на уровне межрегионального неравенства. Так, по данным ВЦИОМ больше половины россиян (57%) считают, что возможностей получить хорошее образование больше в Москве, чем в других регионах². А 53% полагают, что сейчас высшее образование стало менее доступным, чем в советские годы³. И это несмотря на значительное увеличение числа вузов и введение ЕГЭ, которое по замыслу должно обеспечивать выравнивание шансов на получение высшего образования. По мнению россиян, ЕГЭ в полной и адекватной мере так и не заработало в качестве механизма выравнивания. Именно ЕГЭ является одной из главных проблем, вызывающих беспокойство у граждан в сфере школьного образования⁴. Лишь 26% родителей считают, что в связи с введением ЕГЭ для выпускников школ повысилась доступность образования в вузах, а 44% не имеют по этому поводу конкретной позиции, 40% опрошенных родителей затрудняются сказать, повысилась ли в связи с введением ЕГЭ объективность оценки знаний выпускников, и только четверть (25%) считает, что повысилась. При этом среди руководителей образования регионального уровня этот показатель составляет более 80%, что свидетельствует о наличии оторванности руководителей образования от его массовых потребителей (Грани российского... 2015).

В целом ухудшение ситуации в сфере образования вызывает сегодня у россиян наибольшую тревогу по сравнению со многими другими внешними и внутренними проблемами. 55% из числа опрошенных в ходе «восьмой» волны мониторинга ФНИСЦ РАН 2018 г., испытывают по этому поводу сильную тревогу и 34% некоторое беспокойство⁵.

Образование сегодня становится значимой сферой деятельности для граждан всех возрастов, а не только для детей и молодежи, где это основная сфера. Включенность в различные виды образования возрастает. С 2000 г. за 2 года увеличилась средняя продолжительность обучения для детей в возрасте от 6 лет с 13,9 лет до 15,8 лет. Что касается взрослого

¹ Результаты «восьмой» волны общероссийского мониторинга, проведенного Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН в апреле 2018 г. Опрошено 4000 респондентов / Информационно-аналитический доклад «Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены». С. 22. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Ros_obschestvo_posle_prezident_vyborov_2018.pdf (дата обращения: 21.06.2019 г.).

² Результаты ежедневного всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ-СПУТНИК, проведенного 10.09.2017 г. Опрошено 1600 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ. Режим доступа: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=48&q_id=2541&date=10.09.2017 (дата обращения: 20.06.2019 г.).

³ Результаты всероссийский опроса населения, проведенного ВЦИОМ в январе 2017 г. Опрошено 1600 респондентов. Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1065&q_id=73882&date=17.01.2016 (дата обращения: 20.06.2019 г.).

⁴ Результаты всероссийского опроса населения, проведенного ВЦИОМ в октябре 2016 г. Опрошено 1600 респондентов. Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1098&q_id=76267&date=30.10.2016 (дата обращения: 19.06.2019 г.).

⁵ Результаты «восьмой» волны общероссийского мониторинга, проведенного Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН в апреле 2018 г. Опрошено 4000 респондентов / Информационно-аналитический доклад «Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены». С. 48. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Ros_obschestvo_posle_prezident_vyborov_2018.pdf (дата обращения: 21.06.2019 г.).

населения, то если в 2006 г. во всех видах непрерывного образования (формальное, неформальное, самообразование) принимало участие 22,4%, граждан в возрасте от 25 до 64 лет, то в 2016 г. уже 29,5%. Однако по сравнению с большей частью европейских стран Россия существенно отстает по включенности взрослого населения в непрерывное образование формального и неформального вида (без учета самообразования). Для сравнения, в Швеции 64% взрослого населения участвует в непрерывном образовании, в Германии – 52%, в России только 17% (Индикаторы образования... 2018). По имеющимся оценкам в России наибольшее участие в формальном дополнительном образовании принимают люди более молодого возраста. Российские граждане в возрасте 55–64 лет в 3 раза меньше вовлечены в дополнительное образование, чем лица от 25 до 35 лет. Существенно ограничены в доступе к непрерывному образованию категории граждан в наибольшей степени в нем нуждающиеся – имеющие низкий уровень образования, неработающие или занимающие низкие должности. В целом в России сохраняется существенная дифференциация по уровню участия в непрерывном образовании между старшими и младшими возрастами, между наименее и наиболее образованными (Становление в России... 2017), между жителями городских и сельских территорий, высоко и низкодоходными группами населения (Непрерывное образование... 2014).

Таким образом, конструирование конкурентной среды и социальных иерархий в сфере образования, направленное на создание стимулирующих механизмов для его развития, создает для граждан ситуацию неравного доступа к его ресурсам, и превращает образование в сферу продуцирования новых социальных неравенств. В результате образование в большей степени выполняет дифференцирующую, чем интегрирующую функцию, что может приводить к неблагоприятным социальным последствиям.

Ряд исследований по проблемам взаимосвязи структурно-функциональных характеристик социально-экономического неравенства с основными показателями социально-экономического и демографического развития современного российского общества, показал, что нормальное неравенство всегда обнаруживает себя как позитивный фактор, а избыточное неравенство – как негативный, и динамика развития общества объясняется динамикой соотношений между этими факторами (Шевяков 2019). Современная социальная политика в России, нацеленная на мобилизацию потенциала социального неравенства как позитивного источника развития, не в полной мере ориентирована на сдерживание негативных издержек этого процесса, так как в ее основу заложена установка на создание конкурентной среды в социальной сфере, на воспроизведение и конструирование иерархий (Константинова 2017). Однако успешность реализации данной стратегии в практическом измерении пока остается под большим вопросом. Ключевыми факторами развития общества все же являются регулирующая оптимизация всех видов неравенства и их минимизация в социально-значимых сферах.

Литература

Буравой М. Социология и неравенство // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 5–14.

Грани российского образования. М.: Центр социологических исследований, 2015. С. 75, 199–208.

Екимова Н. А., Балацкий Е. В. Конкуренция социально-экономических университетов России // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 10. С. 897–907.

Ендовицкий Д. А., Трещевский Ю. И., Руднев Е. А. Статистический анализ пространственно-функциональной локализации образовательных подсистем регионов России // Высшее образование в России. 2019. № 3. С. 75–84.

Ильин В. И. Социальное неравенство: деятельностно-конструктивистский подход: дис. в виде науч. докл. д.соц.н. М, 2000.

Индикаторы образования: 2018: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2018.

Кармаева Н. Е., Кармаев Н. А. Молодые преподаватели в условиях дифференциации в российском высшем образовании: практики сотрудничества // Социологические исследования. 2019. № 3. С.63–72.

Константинова Л. В. Социальная политика как фактор конструирования неравенства: новая модель патернализма // Власть. 2017. № 2. С. 16–21.

Наумов С. Ю., Константинова Л. В. Формирование системы непрерывного предпринимательского образования: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2019. № 3. С. 137–146.

Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Под ред. Ю. В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014.

Неупокоева Л. Г. Некоторые реалии современного российского образования // Вестник ИМСИТ. 2009. № 1–2. С. 15.

Океанова З. К. Глобализация – проблемы и противоречия мирового развития // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4. С. 333–317.

Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны. Информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2017. (Мониторинг экономики и образования; № 5 (104).

Шевяков А. Мифы и реалии социальной политики // Общество и экономика. 2009. № 7. С. 99–116.

Южакова Т. А., Каракчиева И. В. Финансирование системы образования России (динамика расходов на образование: российский и международный опыт) // Наука, техника и образование. 2015. № 2 (8). С.87–93.

Яковлева Н. Г. Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга // Социологические исследования. 2018. № 3. С.149–153.

Ю. П. Лежнина

Запрос населения к государству как основа обновления общественного договора: специфика позиции среднего класса

**Лежнина
Юлия Павловна**

Кандидат социологических наук,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: lezhnina@list.ru

Аннотация. Россия сегодня находится в ситуации, когда отношения государства и общества требуют модернизации общей логики и формирования нового общественного договора. Социальная сфера традиционно становится тем пространством, на котором осуществляется балансирование их интересов. При этом для современных обществ, которые строят свои траектории развития на повышении качества человеческого капитала (и Россия здесь не исключение), большую роль играет адресация к среднему классу, который является ключевым актором социально-экономического развития.

Показано, что население в целом и средний класс в частности предъявляют высокий спрос на участие государства в жизни общества. Ужесточение социальных запросов связано с объективными рисками и неблагополучием, с которыми сталкивается население. При этом средний класс, обладая относительно более благополучным положением, задает вектор формирования запросов в логике «определения правил игры» и обеспечения их устойчивости. Общность этих запросов у всего населения позволяет говорить о возможности нахождения базы для общественного договора и конструктивного диалога государства и среднего класса как ключевого субъекта социальной жизни современного российского общества.

Ключевые слова: социальная политика, запрос населения к государству, средний класс.

Последние десятилетия российское государство обеспечивало минимальные социальные гарантии населению и ему были делегированы действия в интересах макрообщности даже в ущерб интересам отдельной личности. Однако социокультурная динамика последних десятилетий заключается в постепенном смещении ценностных установок россиян в сторону значимости интересов индивидов, их готовности брать на себя ответственность, рационализировать свои действия, планировать свою жизнь и т. д. Система социальной политики во многом не справляется со своими задачами. Такая ситуация требует обновления рамки взаимодействия общества и государства. В этих условиях понимание общественного запроса к государству дает возможность построить социальную политику, которая будет

не только эффективной, но и легитимной в глазах населения, а также определить конфигурацию возможного общественного договора, отвечающего современной социальной реальности в России.

Средний класс в диалоге общества и государства сегодня занимает ключевое место. Это именно та социальная группа, которая в силу своей ресурсной обеспеченности человеческим, социальным, культурным и экономическим капиталом способна выступать субъектом социальной и экономической политики и определять потенциально достижимые позиции страны на мировой арене. При этом средний класс, являясь достаточно массовым субъектом в современной России¹, для выстраивания собственных стратегий и распоряжения своими ресурсами ожидает наличия четких правил взаимодействия с ключевыми игроками в системе общественных отношений. Поэтому именно этот социальный слой сегодня является основным «переговорщиком» со стороны общества в выстраивании диалога с властью и ключевым «заказчиком» обновления конфигурации общественного договора.

Население во всем мире предъявляет спрос на участие государства в общественной жизни и социальную поддержку с его стороны. Особенно заметен он в Европе (Williams, Hill, Davies 1999), где реализуются принципы так называемого государства всеобщего благосостояния, хотя масштаб и приоритеты желаемой помощи отличаются от страны к стране. Представления граждан относительно идеальной системы обеспечения общественного благополучия изучаются в основном через отношение к общей ее логике. При этом уже наблюдается некоторый академический консенсус в понимании того, что влияет на восприятие социальной политики в условиях государств всеобщего благосостояния. С одной стороны, это **собственные интересы** и особенности положения населения (Blekesaune & Quadagno 2003; Knijn & van Oorschot 2008). С другой стороны, на него оказывают воздействие и **культурно-идеологические паттерны** (Blekesaune 2013; Edlund 2006; Jzger 2006 и др.), свойственные обществу в целом и конкретным его представителям.

Значимость индивидуальных интересов в вопросе восприятия социальной политики в целом и отдельных ее механизмов неоднократно подтверждалась эмпирическими исследованиями. «Культурно-идеологические» детерминанты отношения к социальной политике оцениваются обычно через взгляды индивидов на вопросы поддержки перераспределения, сокращения неравенств и выравнивания жизненных шансов населения, а также общекультурные особенности восприятия этих феноменов в той или иной стране, регионе и т. д.

Отношения россиян с государством зачастую воспринимаются через стереотипы, среди которых избыточный патернализм населения страны, его высокие ожидания от власти, запрос на тотальное равенство и т. д. Комплексно же запрос населения к социальной политике, несмотря на активное изучение его отношения к тем или иным государственным ини-

¹ Несмотря на многообразие подходов к определению и выделению среднего класса, а также его количественных оценок, нельзя не признать, что большинство исследователей социальной структуры склоняются к тому, что средний класс в современной России существует и составляет порядка трети населения (Средние классы... 2003; Средний класс... 2016).

циативам, описывают лишь редкие работы (Социальные неравенства... 2008; Авраимова 2008). Согласно им, население страны ориентировано на ключевую роль государства в реализации социальной политики, но мнения о том, каковы ее приоритеты и в какой форме (прямых трансфертов или посредством создания институтов) она должна осуществляться, дифференцированы. Более того, именно с этим отчасти связаны различия представлений об инструментах социальной политики у представителей различных социальных групп.

Данные общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН 2003–2018 г.¹, а также международных исследований (например, Всемирного исследования ценностей)² позволяют продемонстрировать, каков запрос россиян на участие государства в их жизни и есть ли альтернативные акторы, которые способны повлиять на этот запрос.

В первую очередь стоит отметить, что ожидания россиян от участия государства в решении социальных проблем действительно высоки, однако не выше, чем у населения значительной части европейских стран. Так, например в 2017 г. оценка необходимости роста ответственности государства за благосостояние людей³ в России была такой же, как и в Германии, Чехии, Польше, Нидерландах, Хорватии (5 баллов из 10), что было выше, чем в Австрии и Швейцарии (4 балла), но ниже, чем в Испании и Исландии (6 баллов), а также Грузии (8 баллов).

Этот патернализм обусловлен не столько иждивенческими настроениями, сколько объективными повседневными проблемами россиян (52% их считают, что без поддержки государства им и их семьям не выжить) и ограничениями в части самостоятельного решения этих проблем: лимитированным доступом к социальной инфраструктуре, плохо функционирующими институтами, нехваткой собственных финансовых ресурсов. При этом постоянное ухудшение состояния социальной сферы (россияне регулярно чаще говорят об ухудшении, чем улучшении, ситуации в таких сферах как среднее и высшее образование, жилищная ситуация, пенсионное обеспечение, возможность зарабатывать, здравоохранение) обуславливает необходимость оперативной реакции государства, и в первую очередь – федерального центра. Основными пунктами социальной повестки дня, по мнению населения, выступают реализация гуманитарных функций государства, с акцентом на сферу здравоохранения (оценка динамики в этой сфере за последние 5 лет самая негативная – практически половина населения (47%) говорит,

¹ Использованы данные общероссийских репрезентативных опросов ИС ФНИСЦ РАН, в том числе Мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекста» (8 волн за 2014–2018 гг.). Выборка Мониторинга составляла 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше по основным социально-демографическим показателям. Выборки остальных опросов составляли 1750 респондентов с аналогичными параметрами репрезентирования населения страны.

² Подробнее см. <http://www.worldvaluessurvey.org>. Здесь приведены данные 7 волн исследования, которая проводилась в 2017–2018 гг. в упоминаемых по тексту странах.

³ 10-балльная шкала строилась таким образом, что 1 балл соответствовал позиции «Люди сами должны нести больше ответственности за то, чтобы себя обеспечить», а 10 баллов – позиции «Государство должно нести больше ответственности за то, чтобы все люди были обеспечены».

что ситуация в ней ухудшилась), и гарантии институциональных условий, обеспечивающих возможности самостоятельного решения людьми наиболее значимых для них проблем: через занятость, получение образования, кредитование и т. д. Представления различных социальных групп о том, какая политика поможет им компенсировать возникающие социальные риски, дифференцированы с учетом этапа их жизненного цикла.

Культурно-идеологическая база представлений россиян об обязательствах государства четко определена. И хотя индивидуальные интересы и проблемы различных групп накладывают на предпочтения относительно приоритетных мероприятий социальной политики свой отпечаток, индивидуальные потребности населения не меняют нормативных представлений россиян о системообразующей ее логике. Это свидетельствует о наличии базы для формирования общественного договора с государством со стороны населения.

Средний класс в этих условиях является ключевым носителем запроса к государству в части его социальных обязательств перед населением: именно его представители имеют как задачи, которые коррелируют с приоритетами страны в целом (накопление человеческого капитала, развитие экономики), так и ресурсы и мотивации, которые способны действовать в том же направлении, что и усилия государства. Есть у него и понимание общего контекста положения в стране и стоящих перед ней проблем.

Несмотря на относительное благополучие своего положения средний класс страдает от общей социальной турбулентности: испытывает неуверенность и опасения, связанные с вероятной потерей средств к существованию, утратой здоровья, отсутствием перспектив для детей и т. д. Компенсацию имеющихся рисков средний класс осуществляет за счет своих собственных ресурсов (экономический, социальный капитал). Наиболее активно средний класс инвестирует в человеческий капитал детей (здоровье и образование), а в отношении себя аналогичные практики применяются им несколько реже, чаще в режиме мер для решения проблем и конкретных задач. Тем не менее социальная сфера в лице среднего класса имеет конструктивного актора социальной политики.

В тех областях социальной сферы, где «правила игра» непрозрачны или нестабильны (например, пенсионное обеспечение), участие среднего класса в решении даже актуальных для него проблем существенно ниже. Сотрудничество государства с ним в этих сферах должно начинаться с повышения транспарентности деятельности соответствующих институтов и стабильности их работы. Не способствует росту доверия и интереса к инициативам государства в привлечении среднего класса к решению социальных проблем также непостоянство экономической ситуации в России. Оно сильно сказывается на неуверенности среднего класса в своих позициях на рынке труда, понижает его активность в социальной сфере и снижает готовность к долгосрочным инвестициям, в том числе – в пенсионные фонды.

Таким образом, и средний класс России, несмотря на его активность в решении своих социальных проблем, как и остальное население, предъявляет сегодня высокий запрос на рост государственного участия в жизни общества. Такая ситуация обусловлена не столько тем, что

собственные ресурсы для обеспечения качественных социальных услуг даже у среднего класса достаточно ограничены, сколько несовершенством ряда базовых институтов решения социальных проблем, обычно используемых в рыночной экономике. При этом представления среднего класса о необходимой социальной политике и участии государства в жизни населения зачастую расходятся с артикулируемыми властями.

В целом можно утверждать, что консенсус между государством и средним классом в части их обязательств по решению социальных проблем пока отсутствует, хотя в принципе возможен. Отсутствие его обуславливается не столько фундаментальными причинами, включая ограниченность финансовых возможностей государства, сколько непониманием взаимных ожиданий. Государство ждет от среднего класса роста его ответственности в решении имеющихся у него социальных проблем, и средний класс в принципе к этому готов, хотя ресурсы его недостаточны для принятия на себя всей полноты этой ответственности. С другой стороны, средний класс ждет от государства прежде всего более четких, прозрачных и устойчивых «правил игры» в социальной сфере, которые позволили бы ему повысить эффективность своего финансового участия в ее обеспечении. Консенсусная позиция среднего класса как массового конструктивного «переговорщика», с одной стороны, и государства, с другой, может стать основой кристаллизации логики общественного договора для современной России.

Литература

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. М. Малевой. М.: Гендальф. 2003.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2016.

Williams T., Hill M., Davies R. Attitudes to the Welfare State and the Response to Reform (A Report of Qualitative and Quantitative Research on Attitudes to the Welfare State and to Proposals for Reform / Research report (Great Britain. Dept. of Social Security). 1999. 88. Corporate Document Services.

Blekesaune M., Quadagno J. Public Attitudes toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations // European Sociological Review. 2003. 19.

Knijn T., van Oorschot W. The need for and the societal legitimacy of social investments in children and their families // Journal of Family Issues. 2008. 29(11): 1520–1542.

Blekesaune M. Economic strain and public support for redistribution: A comparative analysis of 28 European countries // Journal of Social Policy. 2013. 42 (1):57–72.

Edlund J. Trust in the capability of the welfare state and general welfare state support: Sweden 1997–2002 // Acta Sociologica. 2006. 49(4): 395–417.

Jagger M. M. Welfare regimes and attitudes towards redistribution: the regime hypothesis revisited // *European Sociological Review*. 2006. 22(2): 157–170.

Авраамова Е. М. О пространстве возможностей реформирования социальной сферы // *Общественные науки и современность*. 2006. 3.

Горшков М. К., Тихонова Н. Е., ред. Социальные неравенства и социальная политика в современной России. Ин-т социологии Рос. акад. наук. М. : Наука. 2008.

Д. М. Логинов

Внутренняя дифференциация молодежных групп¹

**Логинов
Дмитрий Михайлович**

Кандидат экономических наук,
Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, Россия.
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Аннотация. На материалах общероссийского опроса, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2019 г., показано, что группы россиян в возрасте 18–35 лет характеризуются существенной дифференциацией по их образовательным, трудовым, финансовым, досуговым стратегиям, а также представлениям о жизненных шансах. Так, выделение из родительской семьи выступает существенным «стрессом», и накопление представителями молодого поколения индивидуальных ресурсов зачастую способно лишь сгладить сопутствующие этому потери, но не преодолеть их полностью. Профессиональное образование выступает ресурсом расширения жизненных шансов молодежи, но его качественные характеристики существенно дифференцируют возможности достижения приемлемых материальных и статусных позиций; при этом даже высококачественное образование не гарантирует успеха. Массовые оптимистические представления молодежи о собственных перспективах, как в ближайшие годы, так и на отдаленном горизонте, не подтверждаются динамикой демонстрируемых достижений.

Ключевые слова: молодежь, жизненные шансы, ресурсы развития, образование, рынок труда, материальное положение, социальный статус.

Достаточно многочисленные исследования российской молодежи, иллюстрируют наличие разнообразных критериев, значимо отличающих эту возрастную когорту от предшествующих поколений. К таким критериям относятся: массовая ориентация на получение высшего образования; включенность в системы онлайн коммуникаций, реализация новых форм занятости, связанных с трудовой мобильностью, проектной и удаленной работой; приверженность здоровому образу жизни и т. д.

Между тем, не менее важной задачей представляется выявление направлений и масштабов внутр поколенческой дифференциации молодежи. Специальное исследование, проведенное ИНСАП РАНХиГС весной 2019 г. по общероссийской репрезентативной выборке, позволяет выявить и описать эту дифференциацию на данных социологического массива, интегрирующего ответы 3500 респондентов в возрасте 18–35 лет.

Важными факторами, определяющими экономическое положение и социальное позиционирование молодежи, являются выделение из родительской и создание собственной семьи. С переходом к каждой следую-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-010-01124.

щей возрастной подгруппе молодежи плотность связей с родительской семьей сокращается, а субъективные оценки уровня материальной обеспеченности снижаются (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Проживание с родителями и оценка уровня материальной обеспеченности
по возрастным группам, %**

Возрастные группы, лет	Проживают совместно с родителями	Оценивают уровень материальной обеспеченности «выше среднего»
18–22	44,7	25,8
23–27	26,0	20,4
28–31	18,0	17,3
32–35	15,8	15,0
В целом	24,9	19,1

Отмеченная ситуация происходит на фоне достаточно высоких формальных индикаторов образовательного потенциала молодежи. Распространенность стратегии, предполагающей поступление детей в вузы, привела к тому, что группа имеющих высшее образование в составе респондентов 25 лет и старше составляет более 40% опрошенных. Значимыми факторами дифференциации здесь выступают уровень образования родителей и тип поселения – наличие высшего образования у хотя бы одного из родителей и окончание школы в городской местности существенно повышают шансы стать обладателем вузовского диплома. Уровень материальной обеспеченности родительской семьи является менее значимым фактором доступности данной образовательной ступени.

Массовость группы обладателей высшего образования предполагает ее неоднородность. Высококачественными полученные знания и умения признают около 45% молодых людей, получивших вузовский диплом, что на 7 п.п. превышает распространенность соответствующей оценки среди получивших среднее профессиональное образование. При этом «ликвидность» высшего образования, даже признаваемого высококачественным, в контексте материальных и статусных достижений, явным образом ограничена (см. таблицу 2).

Положение большинства представителей молодежной когорты на рынке труда можно охарактеризовать как «стабильно удовлетворительное». В лучшем положении находятся обладатели более высокого образовательного потенциала, жители крупных городов, сравнительно рано начавшие профессиональную карьеру, а также имеющие ликвидные социальные связи. Большинство респондентов характеризуются достаточно ранним выходом на рынок труда (42% – в возрасте 18 лет или младше), а также готовностью к частой смене работы, в том числе сопряженной со сменой компетенций, особенно если последнее не предполагает длительного и затратного переобучения (в составе группы работающих 25 лет и старше, лишь около 15% не меняли работу, а свыше 65% делали это неоднократно). Распределение молодежи по типам экономической активности показывает, что 60% имеют

единственную работу без приработков, около 7% характеризуются множественной занятостью, порядка 10% находятся в поиске работы, а 23% не работают и не ищут работу, что в подавляющем большинстве случаев определяется очным обучением или рождением ребенка.

Таблица 2

**Оценка материальных и статусных позиций
представителями образовательных групп, % по строке**

Образовательные группы	Оценка		
	Выше среднего	Средний	Ниже среднего
Уровень материального положения			
Начальное / среднее профессиональное не высокого качества	15,5	60,2	24,3
Начальное / среднее профессиональное высокого качества	23,0	60,2	16,8
Высшее не высокого качества	17,1	60,4	22,5
Высшее высокого качества	23,6	63,0	13,4
Уровень социального положения			
Начальное / среднее профессиональное не высокого качества	25,2	66,6	8,2
Начальное / среднее профессиональное высокого качества	42,5	54,9	2,6
Высшее не высокого качества	28,8	63,0	8,2
Высшее высокого качества	39,8	54,6	5,6

Как мы говорили выше, самооценка материальной обеспеченности «выше среднего» характеризует 19% опрошенных. Около 60% ожидают повышения материального статуса в ближайшие годы. Необходимо отметить, что более двух третей респондентов связывают это с личными усилиями (рост профессионализма и / или повышение трудовой нагрузки); максимальная доля подобных ответов фиксируется среди мужчин, горожан, имеющих сравнительно высокий образовательный потенциал.

Анализ финансового поведения молодежи позволяет заключить, что почти каждый четвертый из опрошенных не имеет ни кредитов, ни сбережений; 27% обладают сбережениями при отсутствии кредитов; 31% имеют исключительно кредиты; 16% характеризуются одновременным обладанием кредитами и сбережениями. Направления финансовой активности очевидным образом связаны с уровнем материальной обеспеченности. Также достаточно значим поселенческий фактор. Если распространенность наиболее активного и пассивного финансового поведения практически не зависит от возраста, то с его повышением существенно растет «зона риска» и сокращается «зона устойчивости» (см. таблицу 3).

Молодежь, в сравнении с другими возрастными группами, отличается достаточно высокой активностью и разнообразием проведения досуга. При этом типология досуговой активности внутри молодежной когорты показывает, что высокие значения соответствующего показателя характеризуют 25%, а низкие – 38%. Ограничивающими факторами в данном случае выступают территориально-поселенческий, финансовый и возрастной.

Таблица 3

Финансовое поведение, по возрастным группам, % по строке

Возрастные группы, лет	Типы финансового поведения			
	Нет сбережений, нет кредитов	Есть сбережения, нет кредитов	Нет сбережений, есть кредиты	Есть сбережения, есть кредиты
18–22	25,2	39,4	18,0	17,4
23–27	25,8	29,7	27,3	17,2
28–31	27,0	23,2	34,3	15,5
32–35	24,8	21,0	38,9	15,3
В целом	25,8	27,3	30,7	16,2

Представления молодежи о собственных перспективах на горизонте 10–15 лет декларативно-позитивны: 45% однозначно поддерживают предположение, что им удастся добиться желаемого, а 44% скорее согласны с этим. Однако полученные результаты позволяют предположить не столь благополучную картину. Выявилась достаточно небольшая группа молодежи, демонстрирующая позитивную динамику как развития индивидуальных ресурсов, так и достигаемых результатов. Реальные перспективы жизненного успеха для большинства остаются достаточно неопределенными.

С. В. Мареева

Восприятие социальных неравенств населением: вызовы и возможности для социальной политики¹

Мареева
Светлана Владимировна

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: smareeva@hse.ru

Аннотация. На материалах общероссийских репрезентативных социологических исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2012–2018 гг., представлен анализ представлений россиян о неравенствах, характеризующих современное российское общество. Показано, что проблема неравенств сегодня остро воспринимается населением, и за годы последнего кризиса она не только не отошла на второй план, но стала восприниматься даже острее. Продemonстрировано, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается. В сложившихся институциональных условиях существующие неравенства расцениваются населением как несправедливые. О высоком дисбалансе между ожиданиями и реальностью говорит и наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями социальной структуры российского общества в оценках россиян. Все это приводит к растущему запросу на «выравнивание», адресованному государству. Однако даже при наблюдающейся в последние годы негативной динамике, толерантность большинства россиян к легитимным неравенствам пока сохраняется, что может позволить реализовать стимулирующую роль неравенств. Отдельно рассмотрена специфика восприятия неравенств представителями групп, находящихся в разном положении в социальном пространстве жизненных шансов и рисков.

Ключевые слова: социальные неравенства, восприятие неравенства, социальная структура, справедливость, запрос на сокращение неравенства, жизненные шансы.

Неравенства представляют собой серьезную «болеую точку» для современного этапа мирового развития, что отражается в повышенном внимании к этой проблематике со стороны как научного сообщества (причем и экономистов, и социологов – о чем свидетельствует выход целого ряда посвященных этой проблеме крупных работ (Миланович 2017; Пикетти 2015; Стиглиц 2015), так и широкой общественности – целый ряд докладов международных организаций в последние годы был посвящен именно этой тематике (World Bank 2016; Haroon et al. 2016; EBRD 2017). Не является исключением и современное российское общество. Обсуждение

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20125).

степени остроты, факторов и последствий объективно существующих неравенств активно ведется и в российской научной среде, причем с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи (Аникин, Тихонова 2016; Овчарова et al. 2016). Однако сравнительно меньше внимания уделяется вопросу восприятия неравенств населением и представления населения о социальной структуре общества, хотя некоторые работы в этих областях представлены (Косова 2016; Мареева, Тихонова 2016). При этом негативные последствия оценки неравенств населением как излишне высоких, имеющих нелегитимные основания и в целом не соответствующих «идеальной» общественной модели, могут иметь далеко идущие социальные последствия – генерировать социальную напряженность, создавать основания для делегитимизации власти в глазах населения и формировать запрос на радикальный пересмотр общественного договора. С другой стороны, восприятие неравенств как справедливых и меритократических может выступать ресурсом для экономического развития, в частности – стимулируя инвестиции населения в человеческий капитал. В целом же, субъективное восприятие неравенств можно рассматривать и как часть более широкой дискуссии о необходимости учета субъективных представлений населения при оценке общественного благосостояния.

В данном исследовании на материалах общероссийских репрезентативных социологических исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2012–2018 гг. представлен анализ представлений россиян о неравенствах, характеризующих современное российское общество.

Данные свидетельствуют, что проблема неравенств сегодня очень болезненно воспринимается населением, и за годы последнего кризиса не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься острее – причем основные изменения коснулись оценок ситуации в собственной жизни, а не положения дел в обществе в целом, что может приводить к большей социальной напряженности. Так, об отсутствии острых неравенств в современной России в 2018 г. говорили только 1,5% населения, и лишь 9,3% отмечали, что они сами не страдали ни от каких неравенств. Рейтинг наиболее болезненных неравенств возглавило при этом именно неравенство по доходам – его отмечали как самое болезненное для общества в целом 83,8% населения, а как болезненное лично для себя – 69,4%. Однако остро воспринимаются и немонетарные неравенства – особенно связанные с базовыми аспектами качества жизни: медициной и жильем. За ними следовала группа неравенств, связанных с возможностями социальной мобильности – неравенства в доступе к хорошим рабочим местам, образованию, а также неравенство стартовых возможностей для детей из разных слоев общества.

Важно, что представители более благополучных и менее благополучных групп различаются в оценках своего собственного положения в координатах различных неравенств, но скорее сходятся при этом в оценке ситуации, сложившейся в обществе в целом. Это верно и для групп с разным уровнем доходов, и для трех страт, характеризующихся разными жиз-

ненными шансами и рисками в их немонетарном измерении¹. Это говорит о том, что такие оценки даются населением исходя из общего видения ситуации в обществе в целом, а не только на основании своего субъективного положения. Что же касается тех оценок, которые связаны с наиболее болезненными неравенствами в их собственной жизни, то различия между стратами по жизненным шансам и рискам в этом отношении оказываются заметно выше, чем при оценке ситуации в обществе в целом, и наиболее заметны они для самых распространенных неравенств.

Однако при анализе субъективных представлений о неравенствах важна не только оценка их остроты и глубины, но и их справедливости, легитимности их оснований. В этом отношении нынешняя ситуация в российском обществе также выглядит неблагоприятно. Так, половина россиян считают, что нынешняя система распределения частной собственности в России является несправедливой, и еще 41,6% отчасти согласны с этим, отчасти нет. Говоря о том, как оцениваются сегодня в России способности и квалификация, только 15,7% согласны с тем, что люди получают за них достойное вознаграждение, 40,0% отчасти согласны, отчасти нет, и 44,3% не согласны с этим утверждением; оценивая собственную ситуацию, россияне настроены еще более критично – 87,2% полностью или отчасти согласны с тем, что получают значительно меньше, чем заслуживают.

При этом россияне предъявляют запрос на сокращение неравенств государству. Так, три четверти населения считают, что именно федеральные власти должны нести ответственность за справедливое распределение материальных благ. Более того, эта задача государства представляется большинству населения более важной, чем задача борьбы с бедностью; при этом две трети населения теоретически поддерживают идею минимального базового дохода как инструмента борьбы с бедностью и неравенствами.

В отношении оценки реальной картины с неравенствами в российском обществе и запросов к государству на их сокращение дифференциация позиций россиян в зависимости от их принадлежности к той или иной страте по жизненным шансам носит различный характер. Так, россияне из страты, характеризующейся позитивной привилегированностью, более оптимистично оценивают ситуацию в России с точки зрения неравенства распределения частной собственности, хотя и среди них доля считающих ее несправедливой в разы превышает долю оценивающих ее как справедливую. Представители всех трех страт сходятся и в том, что эффективность труда, которая в целом представляется россиянам легитимным основанием неравенства, в современных российских условиях не отражается в соответствующей оплате труда. Неудивительно, что в таких условиях большинство

¹ Речь идет о стратах, выделенных в рамках модели социальной стратификации по жизненным шансам и рискам, построенной с помощью индикаторов, учитывающих ситуацию в четырех ключевых сферах – сфере экономической безопасности, образования и здоровья, потребления и досуга, а также производственной сфере. На основании интегрального индекса были выделены три основные страты по жизненным шансам – нижняя, с доминированием негативной привилегированности, составившая в 2018 г. 29,4% населения, средняя (51,0%) и верхняя, с доминированием позитивной привилегированности (19,6%). Модель разработана рабочей группой в составе: Н. Е. Тихонова (рук.), С. В. Мареева, В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк. Подробнее см. (Тихонова 2018; Anikin et al. 2018).

представителей каждой из выделенных страт находят привлекательной идею минимального базового дохода (хотя при обсуждении конкретных механизмов реализации этой идеи, особенно источников ее финансирования, в частности – налогообложения, можно ожидать гораздо более высокой дифференциации мнений).

Формированию запроса к государству на борьбу с неравенствами способствуют и доминирующие общественные представления о причинах бедности и богатства в современном российском обществе – большинство населения видит сегодня эти причины в основном не в личных качествах или усилиях самого человека, а в воздействии «внешних» факторов: вины государства в первом случае (62,9%) и везения или социального капитала – во втором (61,5%). Однако рост имеющихся жизненных шансов и снижение рисков приводит к большему распространению представлений о меритократических основах общественного устройства.

О высоком дисбалансе между реальностью и ожиданиями населения в отношении социальных неравенств говорит и наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями социальной структуры современного российского общества в оценках россиян, причем присутствующий во всех стратах по жизненным шансам и рискам. Этот дисбаланс оказывает влияние в том числе на оценки ситуации в стране и ее перспектив – среди остро ощущающих расхождение идеальной и реальной модели россиян ниже оказывается не только доверие к власти, но и оптимизм в отношении возможностей достижения в стране ряда целей, связанных с сокращением неравенства.

Можно констатировать, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается, поскольку за последние пять лет произошло снижение толерантности россиян как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись им скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов, и в целом в обществе наблюдается рост запроса на социальную однородность.

С другой стороны, даже при наблюдающейся в последние годы негативной динамике, толерантность большинства россиян к легитимным (в их представлениях) неравенствам, основанным на различиях в квалификации, усилиях и результатах, пока все же доминирует в российском обществе, как и выбор модели равенства возможностей в противовес равенству доходов. Это может позволить реализовать продуктивную, стимулирующую роль неравенств.

Запрос на сокращение неравенств предъявляется населением прежде всего государству, что сближает Россию с другими европейскими странами. Однако по оценке степени успешности того, как правительство справляется с этой проблемой, российское население демонстрирует негативные оценки. Это означает, что социальные неравенства представляют сегодня серьезный вызов для государства, поскольку без решения этой проблемы не могут быть эффективно реализованы поставленные цели «прорывного» развития страны. Решение же этой проблемы возможно только при включении в повестку дня задачи трансформации неравенств в меритократические,

легитимные и продуктивные. Однако в вопросе борьбы с неравенствами перед социально-экономической политикой государства встает целый ряд развилков, от выбора между которыми зависят и возможные цели, и необходимые для их достижения инструменты: выступает ли фокусом внимания неравенство в массовых слоях населения или значительный отрыв «верхушки» от остальных россиян (по которому Россия, по ряду оценок, находится среди мировых лидеров); должны ли быть направлены усилия преимущественно на сокращение неравенства возможностей, чтобы сохранить стимулирующую роль неравенств – или неравенство результатов тоже нуждается в корректировке, поскольку определяет неравенство возможностей для следующих поколений; где проходят границы продуктивного неравенства – или дело все-таки не в его границах, а в его основаниях; и, наконец, как нужно учитывать в повестке борьбы с неравенствами специфику их субъективного восприятия населением и ее дифференциацию, в том числе в группах с разным положением в пространстве жизненных шансов и рисков.

Литература

Аникин В. А., Тихонова Н. Е. (2016). Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. № 1. С 78–144.

Косова Л. Б. (2016). В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Т. 122. № 3–4. С. 43–52.

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. (2016). Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, Этнология. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Миланович Б. (2017). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. Изд-во Института Гайдара.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 31. № 3. С. 170–185.

Пикетти, Т. (2015). Капитал в XXI веке. Ад Маргинем.

Стиглиц, Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо.

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. (2017). Stratification by life chances: Evidence from Russia. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 80/SOC/2017. Moscow: National Research University Higher School of Economics.

С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк

Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики¹

**Мареева
Светлана Владимировна**

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: smareeva@hse.ru

**Слободенюк
Екатерина Дмитриевна**

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу направлений и масштабов индивидуальной мобильности россиян между доходными квинтилями на четырехлетнем интервале. В фокусе внимания также находятся составы полярных групп, оказывающихся в ситуациях «липкого пола» и «липкого потолка», т. е. устойчиво занимающих самые нижние и самые верхние позиции в иерархии доходов, и факторы, повышающие вероятность для россиян оказаться в этих группах. Проведено сопоставление с субъективной доходной мобильностью – изменением самооценки положения на шкале бедность-богатство. Эмпирической базой исследования выступают данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), волны 2014–2017 гг.

Ключевые слова: социальная мобильность, доходная мобильность, «липкий пол», «липкий потолок», субъективное благополучие, социальное неравенство.

Проблема социальной мобильности, несмотря на давнюю традицию изучения, не теряет своей актуальности и входит в число центральных тем для социальных наук и по сей день. Внимание ученых при этом привлекает как мобильность по доходам (примером чего может служить недавно опубликованный доклад ОЭСР (OECD 2018)), так и немонетарные ее проявления (Социальная мобильность... 2019). Изучение индивидуальной мобильности

¹ В исследовании использованы результаты проектов «Мобилизация и повышение качества человеческого капитала среднего класса и уязвимых групп населения» и «Рекомендации по обеспечению достижения цели устойчивого роста реальных доходов граждан», выполняемых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

по доходам вносит вклад в понимание паттернов социальной мобильности, особенностей устойчиво низкодоходных и высокодоходных групп, степени (не)стабильности материального положения населения, а также характера неравенства в обществе. Следуя логике исследования относительной (позиционной) доходной мобильности, используемой, в том числе, в докладе ОЭСР, но адаптировав ее с учетом реалий современного российского общества, мы обращаемся к анализу направлений и масштабов индивидуальной доходной мобильности на четырехлетнем интервале (2014–2017 гг.) между доходными квинтилями. При этом отдельное внимание мы уделяем составу групп, находящихся в наиболее неравном положении по устойчивому монетарному благосостоянию («липкому полу» и «липкому потолку»), и факторам, повышающим вероятность оказаться в этих группах. Принимая во внимание активно разворачивающийся дискурс о необходимости учета субъективных оценок (Стиглиц *et al.* 2016), мы используем аналогичную логику для анализа мобильности между квинтилями по субъективным оценкам положения на шкале «бедность-богатство» и сопоставления характера объективной и субъективной доходной мобильности.

В качестве эмпирической базы исследования нами были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), волны 2014–2017 гг.¹ Основным показателем для выделения квинтилей и дальнейшего анализа мобильности между ними выступал расчетный показатель ежемесячного среднедушевого дохода в домохозяйстве индивида. Определение доходных границ квинтильных групп осуществлялось на данных репрезентативных выборок. С применением выявленных значений на данных полных выборок массива была сформирована панельная выборка. Для учета российской специфики, заключающейся в высокой территориально-пространственной неоднородности страны, в т. ч. и в разрезе доходов, мы выделяли структуру общества по доходам с учетом типа поселения, т. е. границы квинтилей задавались отдельно для Москвы и Санкт-Петербурга, областных центров, прочих городов, ПГТ и сел с учетом характера доходного распределения в них.

Общая характеристика индивидуальной доходной мобильности в России может быть представлена матрицей переходов между доходными квинтильными группами (см. таблицу 1).

В целом соотношение нисходящей и восходящей мобильности по доходам, а также ее отсутствия на интервале 2014–2017 гг. выглядит следующим образом: 40,1% россиян сохранили принадлежность к своему квинтилю, 29,3% смогли совершить восходящую мобильность, а 30,6% – характеризовались нисходящей мобильностью. Сопоставление полученных оценок с данными по странам ОЭСР позволяет оценить масштабы мобильности в российском обществе как высокие, что в целом в большей степени

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

свойственно странам, проходящим периоды трансформации. При этом ситуация в российском обществе, как и в других странах, характеризуется наличием «липкого пола» и «липкого потолка» (большей устойчивости положения для самого нижнего и самого верхнего квинтилей по доходам). Так, из числа всех россиян, относившихся к первому и пятому квинтилям в 2014 г., 46,7% и 55,5% пребывали в них и в 2017 г. Однако по сравнению с усредненными аналогичными данными по странам ОЭСР (60% и 70%, соответственно), ситуация в России характеризуется более низкими масштабами устойчивого неравенства, т. е. долями не изменивших принадлежность к нижнему и верхнему квинтилю на четырехлетнем отрезке. Полученный результат позволяет также зафиксировать большую «липкость» «потолка», что означает, что россияне, характеризующиеся наивысшими доходами в российском обществе, в наименьшей степени включены в процессы доходной мобильности.

Таблица 1

Матрица переходов между доходными квинтилями в 2014–2017 гг., все население, %

Доходные квинтили в 2017 г.	Доходные квинтили в 2014 г.				
	Первый (наиболее низкие доходы)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (наиболее высокие доходы)
Первый (наиболее низкие доходы)	9,7	5,2	2,7	1,4	1,1
Второй	4,6	7,2	5,5	2,6	1,3
Третий	2,9	4,7	6,7	4,9	1,7
Четвертый	1,1	3,0	4,6	6,5	4,2
Пятый (наиболее высокие доходы)	0,9	1,3	2,2	4,0	10,0

Примечания.

1. Синим цветом выделена зона отсутствия доходной мобильности (совпадение принадлежности к квинтилям в 2014 и 2017 гг.); зеленым – восходящая мобильность (повышение квинтиля в 2017 г. по сравнению с 2014 г.); красным – нисходящая мобильность (понижение квинтиля в 2017 г. по сравнению с 2014 г.).

2. Данные приводятся для всех респондентов, вошедших в панельную часть данных РМЭЗ (в т. ч. детей и населения в нетрудоспособных возрастах).

Что касается мобильности в средних квинтилях, которые в литературе иногда рассматриваются в качестве экономического среднего класса (Barro 1999; Dallinger 2013; Easterly 2001), то в России, как и в других странах, ее масштабы наиболее высоки, поскольку большая часть доходов концентрируется именно в середине распределения, и даже небольшие изменения доходов в абсолютном выражении могут повлечь переходы из квинтиля в квинтиль. При этом Россия оказывается в группе стран, где середина доходного распределения характеризуется высокими шансами как на восходящую, так и на нисходящую мобильность (аналогичные паттерны мобильности характерны для таких стран, как Греция, Великобритания, Чили, Исландия).

Модифицированное определение мобильности по доходам, учитывающее не только принадлежность к доходным квинтилям в начальной и конечной точках наблюдения, но и происходящие между ними изменения,

показывает, что большинство россиян в период 2014–2017 гг. характеризовалось разнонаправленной мобильностью – почти половина населения за этот период испытали и повышение, и понижение доходного квинтиля¹. Это говорит о том, что относительное благополучие и неблагополучие по доходам в современном российском обществе достаточно неустойчивы.

Эту картину дополняют факторы, выступающие определяющими в сохранении устойчивых неравенств – невозможности для части населения «выбраться» из нижней части доходного распределения и формирующей «липкий пол», а для другой – отсутствия рисков «скатиться вниз» из верхней, и составляющей в итоге «липкий потолок». Анализ показывает, что устойчивое материальное неблагополучие формируется, по большей части, на рынке труда, а также под влиянием состава семьи. Представители «липкого пола» занимают на рынке труда менее оплачиваемые и надежные позиции, связанные чаще всего с физической трудовой активностью (рабочие профессии, торговля), а также имеют в составе семьи иждивенцев, которыми, в первую очередь, выступают дети, а во вторую – сами трудоспособные, вынужденные довольно регулярно менять место работы. Все это формирует повышенные риски финансового неблагополучия у детей (в особенности у родившихся в многодетных семьях и в сельской местности), в разы превышающие риски взрослого населения и среднестатистического россиянина. Устойчивое материальное благополучие, наоборот, характерно для лиц умственного квалифицированного труда, чьи позиции стабильны, позволяют иметь постоянный и высокий заработок и работать после выхода на пенсию. Эти россияне в значительно меньшей степени обременены необходимостью обеспечивать иных членов семьи в силу меньшей распространенности иждивения в трудоспособных возрастах и меньшего количества зависимых от них детей, отчасти за счет их взросления и обретения финансовой независимости. Потому при прочих равных шансы попасть в «липкий потолок» повышены для пожилых россиян и лиц ранних пенсионных возрастов.

Наконец, еще одно измерение общей картине дает значительное расхождение субъективной и объективной мобильности по доходам и устойчиво благополучных и неблагополучных в этих координатах групп². Субъективная оценка своего положения по шкале бедность-богатство оказывается еще более волатильной, чем принадлежность к доходным квинтилям (таблица 2 в сравнении с таблицей 1)³.

¹ Все возможные случаи представлены 4 категориями: «устойчивая восходящая мобильность» (в течение 4 лет индивид ни разу не понизил принадлежность к страте и хотя бы раз ее повысил), «устойчивая нисходящая мобильность» (по аналогии с восходящей), «разнонаправленная мобильность» (случаи, в которых повышение квинтиля в одном из годов наблюдения соседствовало со снижением квинтиля в другом) и «отсутствие мобильности». Масштабы явлений составляли 17,1%, 16,2%, 47,9%, 18,9%, соответственно.

² Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволили применить аналогичную методику оценки относительной мобильности между квинтилями к данным о субъективной оценке своего положения на шкале «бедность-богатство» (выбор из 9 «ступеней», где 1 – нищие, 9 – богатые).

³ Отметим, что субъективная оценка положения в обществе связана с доходами не напрямую и является предметом отдельных исследований (Gimpelson, Treisman 2018; Тихонова 2018, Косова 2016).

Таблица 2

**Принадлежность к квинтилям, выделенным по самооценке положения
на шкале доходов в 2014 и 2017 гг., все население, %**

Квинтили в 2017 г.	Квинтили в 2014 г.				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Первый	7,4	5,1	2,6	1,9	0,8
Второй	3,9	8,6	7,1	4,4	2,1
Третий	1,8	4,7	7,4	6,6	3,4
Четвертый	0,9	2,7	5,2	7,7	4,5
Пятый	0,4	0,8	1,8	4,0	4,2

Примечание. Выделение цветом аналогично таковому в таблице 1. Данные приводятся для всех респондентов панельной части данных РМЭЗ (в т. ч. населения в нетрудоспособных возрастах).

Устойчивое субъективное неблагополучие определяется преимущественно двумя факторами – занятием «плохих» рабочих мест и состоянием здоровья (в первую очередь, у пенсионеров, т. к. их и без того малый нетрудовой доход при наличии тяжелых хронических заболеваний требует существенного пересмотра структуры расходов). Устойчивое субъективное благополучие, наоборот, типично для молодой части населения, а также для трудоустроенных на качественных рабочих местах квалифицированных работников. Таким образом, если объективно измеряемый по доходам «пол» имеет очень молодое «лицо», у субъективного «пола» оно, наоборот, пожилое (аналогично и для «потолка», который в первом случае стягивает в себе пожилых, а во втором случае – молодежь). Различия в масштабах и составе устойчиво благополучных и неблагополучных групп по объективным показателям дохода и субъективным оценкам положения на шкале богатства и бедности еще раз подчеркивают, что при анализе благосостояния как комплексного феномена недостаточно рассматривать лишь его монетарное измерение.

Все эти особенности конфигурации мобильности и имобильности по доходам в объективном и субъективном измерениях ставят серьезные вызовы для государства – от необходимости снижения роли аскриптивных неравенств (в частности, связанных с социально-демографическими факторами – например, неблагополучия детей, рожденных в многодетных семьях и проживающих вне городов) до обеспечения институциональной среды, позволяющей стабилизировать доходы «среднего россиянина» (меры, повышающие социальную защищенность на рынке труда, компенсирующие временные, ситуационные провалы в доходах и пр.) или снизить те специфические неравенства, которые препятствуют повышению благосостояния в отдельных группах и подгруппах (например, дифференцирующие неравенства в уровне здоровья для пожилого населения).

Литература

Косова Л. Б. (2016). В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4. С. 43–52.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В. В. Семенова и др.]; отв. Ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Стиглиц, Д., Сен, А., Фитусси, Ж. П. (2016). Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара.

Тихонова Н. Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. № 6. С. 53–65.

Barro R. (1999). Inequality, growth and investment. NBER Working paper. No. 7038.

Dallinger U. (2013). The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // Journal of European Social Policy, Vol. 23. No 1. P. 83–101.

Easterly W. (2001). The middle class consensus and economic development // Journal of Economic Growth, Vol. 6. No 4. P. 317–335.

Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving Inequality // Economics and Politics. No 30. P. 27–54.

OECD (2018), A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9789264301085-en> (дата обращения: 18 октября 2019 г.).

Е. В. Реутов

Горизонт планирования личного будущего в российской провинции¹

**Реутов
Евгений Викторович**

Кандидат социологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

E-mail: reutovevg@mail.ru

Аннотация. На основе данных социологических исследований диагностируется «приближение» горизонта планирования личного будущего. Неопределенность в отношении будущего становится нормой в нестабильной социальной среде. Данная тенденция прослеживается как в глобальном и российском обществе, так и в исследуемых регионах. Наличие «длинных» (на срок свыше 5 лет) жизненных стратегий отмечается лишь у десятой части жителей Белгородской и Воронежской областей. Прослеживается слабое влияние возраста и уровня материального благосостояния на горизонт планирования своего будущего. При этом горизонт планирования лишь в очень небольшой степени влияет на социальную мобильность, общественную активность и социальные практики в целом.

Ключевые слова: личное будущее, горизонт планирования, жизненные стратегии, достижительские стратегии.

Предвидение, прогнозирование, проектирование своего будущего и будущего социальных систем, участником которых он является, представляет собой в той или иной степени неотъемлемый элемент рефлексии человека. Даже жизнь «сегодняшним днем» предполагает наличие надежд, упований, планов, вытекающих из комплекса рациональных и иррациональных ожиданий, основанных, в свою очередь, на осознании своего социального (профессионального, возрастного и пр.) и межличностного статуса, анализа (даже самого примитивного) особенностей личной и социальной ситуации, наконец, особенностях характера и темперамента индивида, результирующей которых является баланс оптимизма и пессимизма. Последний зачастую является достаточно устойчивым элементом отношения человека к действительности и сохраняется, даже несмотря на удары и подарки судьбы, поскольку заложен в период ранней социализации и, по всей видимости, имеет под собой также физиологическую основу.

Целью статьи является выявление и описание специфики планирования личного будущего жителями российской провинции и установление взаимосвязи характера планирования и доминирующих для индивида

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00474).

статусных позиций. Иными словами, это попытка выяснить, как и в какой мере планирование своего будущего может помочь (или помешать) человеку достичь жизненного успеха, маркированного набором объективных и субъективных показателей.

Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного в мае-июне 2018 г. в Белгородской и Воронежской областях (N=1200 респондентов) под руководством автора. Выборочная совокупность формировалась по методике квотной выборки с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Белгородской и Воронежской областей. Кроме результатов собственного социологического исследования, были использованы данные всероссийских опросов Левада-Центра, посвященных горизонту планирования будущего россиян.

Существование в состоянии неопределенности в настоящее время все в большей степени становится нормой, а не отклонением. В рискологических концепциях мировой социологии отражена неопределенность технологических, социальных, экономических и политических процессов, отсутствие какого-либо консенсуса по поводу целевых ориентиров и приоритетов развития у представителей политических, хозяйственных и интеллектуальных элит. Но вот вопрос о влиянии нарастания риска на социальное поведение остается открытым. Как писал У. Бек, «... пока еще совершенно неясно, как действует спланирующая сила страха. Насколько прочны общества страха? Какие мотивации, какую энергию действия они освобождают?.. Побуждает ли страх к иррационализму, экстремизму, фанатизму?» (Бек 2000: 60). Можно лишь сделать предположение об амбивалентности влияния риска и неопределенности на массовое сознание и поведение: для кого-то они – знак социального неблагополучия и источник стресса, для кого-то – естественная среда обитания и сумма возможностей. Как с грустным сарказмом написал З. Бауман: «Прочность – это проклятие, как и постоянство в целом, теперь считающееся опасным признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру, к удивительным возможностям, которые он в себе несет, и той скорости, с которой он превращает вчерашние активы в сегодняшние обязательства» (Бауман 2005: 291).

Однако, вне зависимости от позитивного или негативного характера коннотаций неопределенности и риска в массовом сознании, прослеживается еще одно следствие их влияния – приближение горизонта планирования, вымывание долгосрочных стратегий из жизненных миров человека. Результаты мониторинга Левада-Центра свидетельствуют, что за последние почти 30 лет измерений горизонт планирования своего будущего на перспективу 5–6 лет и более был свойствен максимум пятой части россиян (21% в 2016 г.). Минимальное же значение данной ориентации составляло 5% (в конце 1991 г. – на фоне крушения СССР). В настоящее время (октябрь 2018 г.) такой горизонт планирования признают за собой 15% респондентов. И наоборот, очень велика была и есть доля граждан с противоположными ориентациями, не задумывающихся о том, что с ними будет даже в ближайшие месяцы. Ее минимальное значение за весь период измерений составляло

37% – в 2016 г., который оказался самым благоприятным для долгосрочных жизненных стратегий, максимальное фиксировалось в декабре 1991 г. – 63%. В настоящее время доля респондентов, живущих исключительно сегодняшним днем, составляет 46% – почти половина выборочной совокупности (Горизонт планирования... 2018).

Данные этого же опроса показывают, что представления о личном будущем и о будущем страны у россиян, так или иначе, взаимосвязаны. В представлениях о будущем России также отчетливо просматривается неопределенность и непредсказуемость: лишь 9% опрошенных в состоянии представить себе ясно будущее России на срок свыше 10 лет, и еще 5% – на перспективу 5–10 лет. При этом относительное большинство участников опроса (39%) выбрали наименьший из предложенных срок представлений о будущем страны – менее года (Горизонт планирования... 2018). Вполне естественно, что в ситуации отсутствия ясности и определенности в отношении российского общества сложно формировать долгосрочные стратегии в отношении себя и своей семьи. Результаты упомянутого мониторинга ВЦИОМ достаточно отчетливо иллюстрируют взаимосвязь дестабилизации общественных ожиданий и макроэкономической и политической ситуации. Так, просматривавшемуся в ближайшей перспективе краху СССР в декабре 1991 г. сопутствовала, во-первых, аномально высокая доля респондентов, которые были не в состоянии спрогнозировать свое будущее даже на несколько ближайших месяцев (63%), и, во-вторых, настолько же выбивающаяся из общей тенденции доля тех, кто вообще оказался не в состоянии ответить на вопрос о сроке планирования своей жизни (18%). В течение 2000-х – начале 2010-х гг. доля россиян, не планирующих свое будущее, стабильно снижалась, пока эта тенденция не прервалась в 2013–2015 гг. в связи с затянувшейся в России стагнацией – последствием мирового экономического кризиса и развязавшимся в результате конфликта с Украиной противостоянием с Западом. После этого в течение приблизительно двух лет массовое сознание адаптировалось к новой реальности, и определенности в отношении личных жизненных планов стало немало, но больше. Однако к 2018 г. адаптационный потенциал в ситуации последовательного снижения уровня жизни россиян и отсутствия перспектив на урегулирование кризиса в отношениях с Западом оказался исчерпан, и уверенность вновь пошла на убыль.

Результаты нашего исследования, проведенного в Белгородской и Воронежской областях, несмотря на некоторые отличия в инструментарии, также указывают на то, что «длинные» жизненные стратегии являются исключением во всей совокупности ориентаций массового сознания. Если, в соответствии с данными Левада-Центра, из всех россиян свое будущее на перспективу 5 лет и более могли планировать 15%, то по результатам нашего опроса, планирование своего будущего от 6 лет и более декларировали 11,2%. То есть данные оказались вполне сопоставимы. Если детализировать ответы респондентов, то долгосрочный (более 10 лет) горизонт планирования оказался свойствен лишь незначительному меньшинству опрошенных – 6,3%, и еще 4,9% планируют свое будущее на срок от 6 до 10 лет. Преобладающими вариантами сроков планирования являются

1–2 года (именно на столько лет планируют свое будущее 24,9% респондентов), либо полное отсутствие планирования, жизнь «сегодняшним днем» (21,6%). На срок менее года планируют будущее 18,4% опрошенных, на 3–5 лет – 18,1%.

Для понимания того, какие факторы статусного порядка определяют горизонт планирования, данные были сгруппированы в соответствии с базовыми социально-демографическими характеристиками респондентов, и проведен корреляционный анализ, позволяющий установить силу связей между статусными позициями респондентов и характером их представлений о планировании будущего. Пол, возраст, поселенческий статус и уровень благосостояния выступали, соответственно, в качестве независимых переменных, а горизонт планирования – в качестве зависимой.

Затем была предпринята попытка проследить взаимосвязь между горизонтом планирования и ценностными диспозициями респондентов, характером их представлений о ключевых жизненных стратегиях. И здесь уже, наоборот, горизонт планирования являлся независимой переменной, а те или иные диспозиции – зависимыми переменными.

Группировка данных по полу респондентов сколько-нибудь существенных зависимостей не выявила, то же самое касается и поселенческого статуса. Но уже возраст оказался фактором, с которым горизонт планирования будущего получил связь, хотя и слабую. Долгосрочные стратегии (6 лет и более) в наибольшей мере свойственны респондентам 30–39 лет (15,8%), которые уже, в отличие от молодежи, полностью включены в трудовую деятельность и в большинстве своем имеют собственную семью, и в то же время, в отличие от старших возрастных групп, имеют в запасе гораздо больше времени для реализации значимых жизненных целей. Однако и установка на жизнь «сегодняшним днем» среди респондентов 30–39 лет оказалась распространенной не в меньшей, а в большей мере, чем у молодежи 18–29 лет (21,4% против 17,8%). Но в наибольшей степени жизнь «сегодняшним днем» оказалась свойственна пожилым людям (30,5%), что во многом объясняется этим специфическим жизненным периодом, связанным уже не столько с ожиданиями, сколько с подведением итогов. Однако какой-либо отчетливой линейной взаимосвязи между данными переменными обнаружено не было.

Была также установлена слабая связь горизонта планирования личного будущего и уровня материального благосостояния – прежде всего, за счет специфики установок наименее обеспеченной категории респондентов. Среди самых бедных оказалась наибольшая доля тех, кто не планирует свое будущее – 40,6%. А в совокупности с теми, кто планирует свое будущее на срок менее года, близким горизонтом планирования обладают 62,3%. Но и у второй по степени обеспеченности группы респондентов – тех, кому денег хватает на продукты и иногда – на покупку одежды, лишь половина (49,4%) указала срок планирования своего будущего от года и выше. У более обеспеченных категорий респондентов свое будущее на год и более планируют 60–70%.

Одной из гипотез исследования было наличие взаимосвязи между горизонтом планирования и достижительскими установками респондентов, их активностью в профессионально-деловой и общественной сфере. В резуль-

тате корреляционного анализа выяснилось, что существует слабая связь между горизонтом планирования и установкой на предпринимательскую активность. Однако эта связь – не линейного характера. Хотя предпринимательские установки в наибольшей степени оказались выражены в группе респондентов с самых отдаленным горизонтом планирования (более 10 лет), предшествующая категория респондентов со сроком планирования будущего 6–10 лет по выраженности предпринимательских установок оказалась практически аналогичной тем, кто вообще не планирует своего будущего.

Установка на профессиональную мобильность оказалась практически не зависящей от величины горизонта планирования. Желание сменить профессию, род занятий в наибольшей мере свойственна как респондентам с горизонтом планирования «менее года» (22,6%), так и тем, кто планирует свою жизнь на 3–5 лет (также 22,6%).

Общественная активность и выраженность гражданской позиции также оказались не зависящими от горизонта планирования. Уровень участия в различных формах местного самоуправления и территориального общественного самоуправления среди респондентов, «живущих сегодняшним днем», и тех, кто планирует свою жизнь на максимальный срок – более 10 лет, оказался практически идентичным (19,3% и 18,4%, соответственно).

Точно так же распределился и потенциал общественного участия. Желание принять участие в деятельности по общественному контролю решений власти изъявили 28,6% респондентов, «живущих сегодняшним днем», и 31,6% планирующих свое будущее на перспективу более 10 лет.

Таким образом, установка на длительные сроки планирования своего будущего оказалась незначимой в контексте общественной и профессионально-деловой активности граждан. Планирование своего будущего, как показали результаты исследования, не является для большинства представителей провинциальных социумов способом регулирования социальных рисков и неопределенности, связанных с трудовыми и гражданскими практиками. Отдаленность или приближенность горизонта планирования, наличие или отсутствие жизненных стратегий лишь в очень небольшой степени имеют социально-статусную детерминацию, являясь, во-первых, производными от специфики макросоциальной динамики, и, во-вторых, представляя собой специфические личностные характеристики, обусловленные социально-психологическим контекстом.

В ситуации нарастания в современном обществе, в том числе, российском, риска и неопределенности происходит индивидуальный селективный отбор адаптационных практик. Но было бы крайне опрометчиво считать, что в данном отборе доминирует рациональная мотивация, происхождение которой, к тому же, можно интерпретировать, исходя из статусных характеристик.

Действительно, для кого-то комфортнее минимизировать горизонт планирования или вообще жить «сегодняшним днем» (и таких большинство среди жителей российской провинции), кому-то кажется оптимальным формировать «длинные» жизненные стратегии (что является достаточно нечастым). Но, по большому счету, выбор стратегического или тактического мышления и модуса поведения является экзистенциальным, определяется

переплетением глубинных установок и реакций на внешнюю ситуацию и в не очень большой степени зависит от статусных позиций индивида. Лишь возраст и, отчасти, уровень материального благосостояния хотя бы слабо, но влияют на горизонт планирования своего будущего. В свою очередь, горизонт планирования, будучи, скорее, не социально, а социально-психологически детерминированным, в очень небольшой степени влияет на социальную мобильность, общественную активность и социальные практики в целом.

Литература

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. в англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

Горизонт планирования будущего. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/08/gorizont-planirovaniya-budushhego/> (дата обращения: 12.03.2019).

А. В. Струченков

Представление жителей Донецкой Народной Республики о бедности

**Струченков
Александр Викторович**

Кандидат исторических наук, доцент, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, Донецк.

E-mail: virtus12@yandex.ru

Аннотация. На материалах массового опроса, проведенного в апреле 2018 г. среди жителей Донецка, представления о бедности и о бедных людях, отраженные в массовом сознании рядовых граждан. Выявлено, что под воздействием идеологического отчуждения представления о собственном материальном положении, злободневности проблемы бедности, причинах бедности носят искаженный характер. В ходе исследования выявлены субъективные представления о черте бедности, о социально-профессиональном составе бедных, а также характер эмоциональной реакции на бедных и уровень доверия к ним.

Ключевые слова: бедность, черта бедности, материальная самоидентификация, социальное доверие, социально-экономическое неравенство.

Среди глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество на рубеже XX и XXI вв., едва ли самой острой является бедность. Несмотря на многочисленные технологические прорывы и бурный рост мировой экономики на протяжении последних десятилетий, количество нуждающихся во всех регионах мира лишь возрастает. В связи с этим еще в 2000 г. на Саммите Тысячелетия главы стран-членов ООН провозгласили борьбу с бедностью первоочередной глобальной целью. Курс на борьбу с бедностью получил свое отражение в программах «Цели развития тысячелетия» (2001–2015 гг.) и «Цели устойчивого развития» (2015–2030 гг.). Благодаря их реализации уже в 2015 г. доля жителей планеты, живущих в крайней нищете (доход менее 1,25 доллара США в день) сократилась вдвое – с 1751 млн до 836 млн человек¹.

Бедность является не просто социально-экономическим феноменом, а представляет собой социальную проблему. Последняя определяется как объективное противоречие, приводящее к нарушению пропорций социального функционирования и развития и на этой основе к дисбалансу интересов различных социальных групп. Под воздействием социальной проблемы изменяются существенные свойства социума и возникает угроза его нормальной жизнедеятельности.

¹ Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения: 30.10.2018).

Можно согласиться с мнением Л. Т. Волчковой, что проблема бедности возникает в результате нарушения объективно обусловленных пропорций социального воспроизводства:

- пропорций деятельности – соотношение социально неоднородных видов труда, соотношение занятого и незанятого в общественном производстве населения;
- пропорций состояния – дифференциация населения по уровню обеспеченности материальными, духовными и социальными благами, соотношение между элементами благосостояния и фазами его воспроизводства;
- пропорций отношений – отношения человек – природа – общество, человек – социальная группа – класс – общество (Волчкова, Минина 1999).

В апреле 2018 г. среди жителей Донецка было проведено социологическое исследование с целью выявить их восприятие и отношение к социальной проблеме бедности. Было опрошено 400 респондентов. Данная выборка репрезентативна по таким критериям, как пол, возраст, социально-профессиональный статус. Кроме того, при осуществлении двумерного анализа использовались независимые переменные «размер среднедушевого дохода» и «самооценка уровня материального благосостояния».

Анализ полученных данных позволяет сделать определенные выводы и обобщения. Боевые действия, которые ведутся в Донбассе в течение последних четырех лет, привели к увеличению как масштабов, так и глубины бедности жителей региона. Несмотря на увеличение средней заработной платы в ДНР в 2015–2017 гг. в 1,5 раза – с 6782 до 10130 рублей (Экономика Донецкой Народной Республики... 2018: 91–92), об ухудшении своего материального положения заявили 62% опрошенных. Исходя из полученных ответов, среднедушевой доход 80% жителей ДНР не превышает 10000 рублей (см. таблицу 1), т. е. ниже черты абсолютной бедности в 150 долларов США, определенной для стран Центральной и Восточной Европы.

Таблица 1

**Распределение респондентов по размеру доходов
и материальной самоидентификацией**

Размер среднедушевого дохода, руб.	%	Имущественная группа по самооценке	%
Менее 3000	16,8	Крайняя степень нуждаемости	4,0
3000–7000	38,3	Бедные	26,8
7000–10 000	24,6	Не бедные, но и не средний класс	37,8
Более 10 000	20,3	Средний достаток	27,3
		Зажиточные	3,0

Падение уровня жизни населения сопровождается усилением всех форм отчуждения: экономического, политического, социального идеологического. Последнее, как известно, состоит в формировании ложного сознания, которое искривляет объективную реальность, легитимирует существующий порядок вещей. В данном контексте идеологическое отчуждение проявля-

ется в следующих аспектах. Во-первых, зафиксирован высокий уровень статусной неконсистентности по признаку имущественной самоидентификации. Лишь треть опрошенных (30,8%) признала себя бедными или крайне нуждающимися. Остальные склонны идентифицировать себя как «не бедные, но и не средний класс» (37,8%), «люди среднего достатка» (27,3%), «зажиточные» (3%) (см. таблицу 1).

Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что многие респонденты стыдятся отождествлять себя с непрестижной и стигматизированной категорией бедных людей. Кроме того, жизнь в бедности заставила многих из них обходиться минимумом благ, благодаря чему они не ощущают материальных и духовных деприваций.

Во-вторых, идеологическое отчуждение проявляется в формировании конформного отношения к бедности. Только четверть жителей ДНР считает, что деление общества на богатых и бедных является патологией, которую следует ликвидировать (23,5%). Столько же (26,5%) полагает, что социально-экономическое неравенство – это нормальное и закономерное явление и поэтому не нужно ничего изменять. В то же время почти половина опрошенных (43,5%) хотя и признает ненормальной ситуацию социально-экономической поляризации, однако не верит в возможность что-то изменить.

В-третьих, несмотря на то, что в 75% случаев респонденты в качестве детерминант бедности указали факторы, обусловленные характеристиками социальной системы (плохое образование, невыплата зарплат и пенсий, несправедливое распределение благ в обществе, низкие зарплаты и пенсии, война, безработица), среди отдельных категорий населения сложились стереотипы о персональной ответственности индивида за свое материальное положение. В частности, каждый третий (35%) респондент со среднедушевым доходом более 10000 рублей считает, что причиной бедности выступают такие субъективные факторы, как болезнь или инвалидность, наличие большого количества иждивенцев, проблемы и несчастье в семье, невезение, вредные привычки, лень (см. таблицу 2).

Однако искажение массового сознания в восприятии ситуации бедности не является тотальным. Респонденты проявляют способность к критическому осмыслению отдельных сторон данной проблемы. В частности, абсолютное большинство из них (82%) полагает, что монетарным эквивалентом черты бедности должен быть среднедушевой доход не менее 8000 рублей. При этом в ходе исследования выявлена следующая тенденция: чем больше размер среднедушевого дохода респондента, тем чаще черта бедности определяется размером дохода, превышающим сумму 8000 рублей.

В массовом сознании постепенно формируется образ бедного человека. Как правило, бедными считают тех, кто не имеет других источников существования, кроме различных государственных социальных выплат – пенсионеров (70,8%), неработающих (53,3%), студентов (52,8%). Но особенность стран-периферии капиталистической мир-системы состоит в том, что наличие оплачиваемой занятости не гарантирует благосостояния семьи. В связи с этим неудивительно, что более трети респондентов отнесли к категории «бедные» рабочих (39,5%), а также работников бюджетной сферы – учи-

телей, врачей, служащих (34,8%). В то же время бедными не считаются собственники экономического (предприниматели), человеческого (высококвалифицированные технические специалисты), административного и политического (руководители министерств, ведомств, местных администраций) капиталов.

Таблица 2

Представление о причинах бедности, %

Причины бедности	Респонденты		
	Все	Со среднедушевым доходом менее 3000 руб.	Со среднедушевым доходом более 10 000 руб.
Болезнь, инвалидность	3,8	0	4,9
Большое количество иждивенцев	3,8	3,0	3,7
Проблемы и несчастье в семье	5,8	4,4	7,4
Невезение	9,8	14,9	11,1
Плохое образование	12,0	7,5	12,3
Невыплата зарплат, пенсий	13,8	20,9	6,2
Вредные привычки (алкоголизм, наркомания, игромания)	15,8	6,0	25,9
Несправедливое распределение благ в обществе	22,5	31,3	19,8
Лень, неспособность приспособиться к меняющимся условиям	30,3	16,4	43,2
Низкие зарплаты, пенсии	42,8	53,7	37,0
Война	54,5	58,2	45,7
Безработица	63,8	52,2	58,0

Лишь у некоторых респондентов бедные вызывают негативные эмоции: презрение (1,2%), подозрение и неприязнь (0,7%). Немного и тех, кто относится к бедным с уважением (2,7%) или с симпатией (0,3%). Более половины опрошенных (52,4%) относятся к ним не лучше и не хуже, чем ко всем другим людям, а каждый третий (35,7%) их жалеет. Примечательно, что в отличие от ряда предыдущих вопросов не выявлено существенное влияние уровня доходов респондентов и их материальной самоидентификации на отношение к бедным. Во всех случаях доля тех, у кого бедные вызывают нейтральные чувства или жалость, соответствует средним показателям (с незначительными колебаниями).

Несмотря на нейтральное и даже сочувственное отношение к бедным, уровень доверия к ним остается невысоким. Менее половины опрошенных (45,5%) в той или иной мере доверяет бедным людям, тогда как более трети (38%) выразили им недоверие. С одной стороны, такая ситуация обусловлена отличием в уровне доверия бедным среди имущих и неимущих групп респондентов. С другой стороны, она отображает состояние общей эрозии социального доверия в обществе.

Литература

Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения: 30.10.2018).

Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегии социологического исследования бедности / Л. Т. Волчкова, В. Н. Минина // Социс. 1999. №1. С. 49–56.

Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / Под науч. ред. *А. В. Половяна, Р. Н. Лепы*; ГУ «Институт экономических исследований». Донецк, 2018. Ч. 1. 124 с.

П. Е. Сушко

Информационные работники на российском рынке труда: новые вызовы или воспроизводство структурных проблем

Сушко
Павел Евгеньевич

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: sushkope@mail.ru

Аннотация. В статье на основе количественного онлайн-опроса работников сферы информационных технологий (N=858), проведенного в 2018 г., анализируются социально-профессиональные контуры ИТ-специалистов и их место в структуре занятости. Согласно проведенному анализу, можно говорить о том, что группа из работников в свою структуру включает преимущественно представителей 1, 2 и 3 класса профессий, выделенных в соответствии с отечественными и международными классификаторами. По этой градации каждая из групп внутри обладает своей спецификой с точки зрения мотиваций и стратегий входа в группу ИТ-работников, человеческого капитала и субъективного восприятия себя как специалиста. Отмечается, что по ряду своих характеристик (доходу, образованию, мотивационным стратегиям, особенностям стиля жизни и принадлежности к профессиональным группам) работники информационной сферы могут быть отнесены к ядру условного среднего класса.

Ключевые слова: ИТ-специалисты; рынок труда; занятость; квалификация; трудовые стратегии; человеческий капитал.

Принято считать, что группа работников информационных технологий представляет собой перспективную растущую группу, значимую прежде всего с точки зрения формирования технологически-развитого информационного общества. Сложилось такое мнение не случайно и связано оно в первую очередь с особенностями профессии «айтишника». Функциональная специфика этой группы преимущественно сводится к работе с компьютерами и программным обеспечением, что открывает возможности для выполнения тех или иных работ удаленно и без заключения трудового контракта.

Стоит отметить, что комплексных исследований профессиональной группы работников ИТ-сферы в российском обществе проводилось не так много в силу того, что это группа на российском рынке труда относится к новым и поэтому не является в полной мере изученной. Только начиная с 2000-х гг. стали появляться первые публикации, посвященные работникам информационного труда (Черныш 2002; Любимова, Шкаратан, Инясевский 2008; Земнухова 2013). При этом в этих публикациях внимание преимуще-

ственно было уделено роли ИТ-специалистов в развитии экономики страны, причем с точки зрения особого места «айтишников» в социально-профессиональной структуре.

Информационных работников относили к «ядру» среднего класса, преимущественно на основании двух базовых критериев – высокого уровня человеческого капитала и высокой мотивации к профессиональной деятельности. Исследователи фиксировали также и определенные закономерные связи между ростом социально-экономических показателей страны и численностью занятых в производстве информационных работников, в силу чего за последними закрепились функции носителей инновационно-креативного потенциала (Любимова, Шкаратан, Иняевский 2008). По сути, «айтишники» выступили проводниками информационных потоков и обеспечили их беспрепятственное прохождение ко всем слоям населения.

В результате в научном мире сложилось неоднозначное представление о положении и роли группы информационных работников в социальной структуре российского общества. Часть исследователей говорит о том, что представители этой группы подвержены прекаризации в силу особенностей характера труда (Тоценко 2018). Другие же приводят аргументы в пользу классического положения данной профессиональной группы вкупе с ее перспективностью на фоне процессов технологизации (Любимова, Шкаратан, Иняевский 2008).

При этом и в России, и в мире остро ощущается запрос на высококвалифицированных ИТ-специалистов. Доля информационных работников среди занятого населения России пока не превышает и 2% (в абсолютной численности – 1,9 млн чел.) (Рынок труда: информационные технологии 2018), что существенно ниже среднеевропейских и мировых показателей. В этих условиях наша страна нуждается в наращивании количества и качества информационных работников. А если учесть то, что более 40% ИТ-компаний согласно нашему исследованию специализируются в первую очередь на производстве продуктов для внешних клиентов и на адаптации уже существующих идей под нужды заказчика, а не на разработку новых технологий и развитие отдельных отраслей, возникает вопрос о достижимости искомого технологического прорыва в ближайшей перспективе. По этим причинам важно было изучить, некоторые структурные особенности группы информационных работников.

Основная гипотеза, которой мы придерживались, заключалась в том, что «айтишники» отличаются от других социальных и профессиональных групп по целому ряду параметров (многие из которых рассмотрены выше): по социальному происхождению, по образованию, по доходу, по конкурентноспособности и востребованности на рынке труда, а также по уровню человеческого капитала, во многом определяющего специфику группы. Такое предположение строилось исходя из идеи о прогрессивном характере сферы информационных технологий и ее обращенности в будущее, что, соответственно, предполагает у работников наличие специфических профессиональных характеристик.

Согласно существующим классификаторам профессий, специалисты ИТ-сферы относятся к профессиональным группам высшей квалификации и специалистам со средним уровнем квалификации (без учета руководите-

лей, они составляют отдельную группу). Таким образом, целевую аудиторию нашего исследования составили руководители, занятые в IT-сфере, специалисты высшего уровня квалификации (например, инженеры, программисты, тестировщики, технические писатели), а также группы специалистов среднего уровня (например, системные администраторы и другие специалисты технической поддержки).

Для проведения количественного исследования был выбран метод онлайн опроса как наиболее оптимальный в силу профессиональной (IT-специалисты, которые априори должны обладать как минимум уверенными навыками использования ПК и Интернета) и возрастной специфики (пропорции смещены в группу наиболее молодых возрастных групп) аудитории. Применение данного метода позволило в довольно сжатые сроки получить необходимый объем выборки с соблюдением всех обозначенных квот. Проверка итогового массива данных подтвердила, что данные в целом соотносятся с пропорциями ФСГС РФ, а значит, вполне могут считаться репрезентативными по ряду заданных параметров (а именно, полу, профессиональной группе и федеральному округу) (ФСГС РФ 2018).

Проведенное исследование подтвердило, что группа IT-специалистов в контексте современных инновационных процессов и стремления России к технологическому прорыву имеет особый социально-профессиональный статус. На фоне этого наблюдается высокий спрос на специалистов данной сферы и низкая конкуренция среди кандидатов, особенно на региональном рынке труда. При этом большинство IT-специалистов занято преимущественно в отрасли информационных технологий. С одной стороны, это кажется вполне логичным, так как специалисты работают на «своем месте». Но, с другой стороны, IT-специалисты на фоне современных тенденций массовой технологизации должны быть представлены в значимой мере во всех отраслях, особенно, если идет речь о предполагаемых технологических прорывах и скачках.

Положение IT-специалистов на рынке труда в сравнении с положением занятого населения в целом характеризуется относительной устойчивостью и стабильностью. Утверждения некоторых исследователей о слабой социальной защищенности «айтишников», подверженности их тем или иным социальным рискам пока не имеют под собой достаточных оснований. Так, нельзя однозначно утверждать, что работники IT-сферы являются прекаризованной группой. Скорее можно говорить об общих тенденциях прекаризации на рынке труда, которым подвержены примерно в равной степени все социально-профессиональные группы.

При этом, анализируя IT-специалистов по ряду объективных критериев (уровню образования, специфическим навыкам и компетенциям, уровню дохода, материальным ресурсам и т. д.), мы можем заметить, что значительная доля представителей IT-профессий обладают высокими показателями по каждому из указанных критериев в сравнении с занятым населением России в целом. Так, говоря об уровне человеческого капитала, необходимо отметить, что в современном российском обществе, с одной стороны, фиксируется наличие гетерогенности в группах руководителей и профессионалов по этому показателю, а с другой стороны, качество этого

капитала в целом довольно низкое (Тихонова 2017). В этом смысле человеческий капитал ИТ-работников находится на уровне выше среднего, что вполне соответствует инновационной роли группы и ее перспективности на фоне процессов технологизации и информатизации. Однако если рассматривать внутригрупповую специфику, то высокие показатели человеческого капитала характерны прежде всего для руководителей и профессионалов, нежели для полупрофессионалов, к квалификации которых предъявляется значительно меньше требований.

Схожие особенности проявляются и при рассмотрении «айтишников» с точки зрения их мотиваций и стратегий входа в группу ИТ-работников, а также субъективного восприятия себя как специалиста. Так, при трудоустройстве полупрофессионалы чаще ориентируются на наличие социальных связей (более половины работающих на этих позициях отмечали, что «работу им помогли найти друзья, знакомые или родственники»). Для руководителей и профессионалов в большей степени характерна ориентация на собственные возможности (поиск вакансий в интернете, отправка резюме с использованием различных интернет-ресурсов), что отчасти объясняется высокими требованиями к уровню их квалификации и общим дефицитом специалистов на рынке труда. В целом ключевым каналом для первичного входа в профессию для ИТ-специалистов является получение, как минимум, высшего образования (почти 90% из них имеют высшее образование, причем у более чем 55% оно является профильным).

Анализ группы ИТ-специалистов с точки зрения уровня их материального положения позволил выявить некоторые особенности. Во-первых, согласно полученным данным, доходы «айтишников» на порядок выше, чем у представителей других профессий (средняя заработная плата «айтишника» выше на 37% в сравнении с доходами занятого населения в целом). Во-вторых, для работников ИТ-сферы, как для представителей первых трех профессиональных групп (классификации ISCO-08 и ОКЗ), характерна стратегия накопления и сбережения доходов. Траты на повседневные нужды среди ИТ-специалистов составляют не более 60% от доходов, чего нельзя сказать об основной массе занятого населения, живущего по принципу «от зарплаты до зарплаты».

Таким образом, согласно проведенному анализу, можно говорить о том, что ИТ-специалисты в России по ряду характеристик (доходу, образованию, мотивационным стратегиям, особенностям стиля жизни и принадлежности к профессиональным группам) вполне могут составлять ядро условного среднего класса. Тенденции прекаризации в данном случае могут рассматриваться в рамках их распространения на всем рынке труда и могут задевать лишь часть группы ИТ-специалистов. Специфика же данной тенденции в разных профессиональных группах будет различаться, что, однако, уже составляет отдельный предмет исследования. Так или иначе, несмотря на то, что группа еще находится в процессе формирования, их профессиональная идентичность довольно устойчива и выражается в представлениях о профессиональных, психологических, социальных качествах типичного ИТ-работника. В то же время работники ИТ-сферы четко осознают внутреннюю иерархию данной профессиональной группы, что во многом определяет их дальнейшие карьерные траектории.

Литература

Земнухова Л. В. IT-работники на рынке труда // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 2. С. 77–90.

Любимова Т. С., Шкаратан О. И., Инясевский С. А. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Рынок труда: информационные технологии, 2018 [Электронный ресурс] / Литрес: [веб-сайт]. URL: https://www.litres.ru/raznoe/rynok-truda-informacionnye-tehnologii-38782131/?track=from_all_books_my (дата обращения: 01.08.2019).

Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 140–165.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Ж. Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.

Федеральная служба государственной статистики РФ. Занятое население по полу и группам занятий на основной работе, 2018 [Электронный ресурс] / ФСГС РФ: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm (дата обращения: 01.08.2019).

Черныш М. Ф. Новая социальная группа – «информационные» работники // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 61–68.

А. А. Тихонов

Влияние изменений в системе неравенств на особенности финансового поведения россиян в 2003–2008 гг.¹

**Тихонов
Аркадий Анатольевич**

Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия.

E-mail: ar.tikhonov@gmail.com

Аннотация. В фокусе внимания автора вопрос о том, как изменялось финансовое поведение населения страны в условиях углубления старых и формирования новых социальных неравенств. Продемонстрировано, что растущая роль престижного потребления негативно отражается не только на текущем финансовом положении россиян в силу необходимости обслуживать использованные в этих целях банковские кредиты, но и снижает распространенность инвестиций населения в свой человеческий капитал. Показаны также изменения в распространенности различных стратегий финансового поведения в массовых слоях населения за 2003–2018 гг. и динамика потребления различных типов товаров и услуг в ходе расширения спектра неравенств.

Ключевые слова: неравенства, финансовое поведение, сберегательное поведение, долговое поведение.

Как свидетельствуют данные ряда общероссийских репрезентативных исследований², углубление старых (доходных, жилищных и т. д.) и формирование новых (цифровых, досуговых и т. д.) неравенств привело к значительным сдвигам в приоритетах финансового поведения россиян за период 2003–2018 гг. Резко (с 51 до 34%) сократилась доля приверженцев пассивного финансового поведения и в 8 раз (с 4% до 32%) выросла доля пользующихся банковскими кредитами. В то же время, рост числа имеющих сбережения был относительно небольшим (7%), и, в итоге, сбережения имели в 2018 г. всего 31% россиян. Таким образом, основная часть прироста текущих доходов и кредитные средства весь рассматриваемый период направлялись населением на потребление.

¹ Исследование выполнено в рамках работы Финансового университета при Правительстве РФ по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

² Эмпирической базой анализа выступали пять общероссийских исследований, проводившихся по однотипной выборке. Первые два были проведены Институтом комплексных социальных исследований РАН, а три последующих – Институтом социологии ФНИСЦ РАН. В их числе исследования: «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., N= 2106); «Собственность в жизни россиян: домосмыслы и реальность» (апрель 2005 г., N=1750); «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (март 2008 г., N=1750); «Бедность и бедные в современной России» (март 2013 г., N=1600); 8 волна (апрель-май 2018 г., N=4000) Мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН.

Кредитование выступало для большинства населения при этом в роли «волшебной палочки», обеспечивающей выполнение невыполнимыми без этого пожеланий, среди которых важное место занимает желание быть «не хуже других» – 95% россиян включают это желание в свои основные жизненные цели. Соответственно, превращение потребления какого-то товара или услуги в социальную норму (т. е. наличие их у большинства) заведомо программирует человека на соответствующие расходы. Так формируется бесконечная спираль гонки за статусом за счет располагаемого имущества, снижающая реальный уровень потребления при кажущемся росте благополучия и придающая потреблению россиян все более иррациональный характер. Не случайно за последние 15 лет население стало не просто брать кредиты заметно чаще, но и все чаще брать их просто для покрытия дефицита текущих доходов при покупках желаемых товаров – от жилья до мелкой кухонной техники, а не в рамках реализации каких-то сложных финансовых стратегий.

При единстве этих общих тенденций для всей России, в формах кредитования в разных типах поселений прослеживаются довольно существенные различия, хотя наиболее популярной формой долговой нагрузки во всех типах поселений выступают банковские кредиты. Однако в остальном в Москве и Санкт-Петербурге наиболее популярны кредиты, полученные на работе (11%), а в «малой» России, и особенно в сельской местности, идет активная эксплуатация ресурса неформальных социальных сетей. Эта эксплуатация не проходит даром и возможность взять в долг у знакомых стала для россиян уже скорее исключением, чем правилом (так, считают, что могут занять деньги у знакомых менее 30% населения страны, причем в «малой России» этот показатель еще ниже – например, в селах он составляет 19%).

Быстрому росту числа россиян с кредитной нагрузкой способствовала также относительная «всеядность» банков, которые выдавали кредиты практически независимо от реальной способности людей их вернуть, в отличие от социальных сетей, кредитовавших своих членов обычно лишь при уверенности в возврате долга. Соответственно, если в долг у знакомых и родственников могли взять в 2018 г. в основном представители благополучных слоев населения (среди которых этот показатель достигал 59%), то банковские кредиты были шире всего распространены в низкодходных слоях, где их имели 36% при 24% в высокодходных слоях, хотя взять в долг у знакомых могли лишь 18% представителей низкодходных слоев.

Группы с разными стратегиями финансового поведения (ориентацией на формирование крупных или мелких сбережений; на «жизнь в долг»; на сложные финансовые стратегии, сочетающие наличие сбережений, в том числе крупных, и кредитно-долговую нагрузку; на пассивное финансовое поведение) заметно различаются пропорциями в их составе разных доходных слоев. Однако это не единственный влияющий на выбор стратегий фактор – огромную роль в выборе этих стратегий играют также стилевые различия, обусловленные как разного рода институциональными факторами макроуровня, так и структурными и ценностными факторами микроуровня. Ярче всего проявляются не связанные с уровнем дохода различия применительно к двум стратегиям – пассивного финансового поведения и принятия на себя кредитно-долговой нагрузки в условиях отсутствия всяких сбережений. В меньшей степени они прослеживаются для сберегательных

стратегий, главным для реализации которых является в современной России именно уровень доходов. Тем самым идущая еще от Д. Кейнса (Кейнс 2007) традиция увязывать сберегательную активность с уровнем доходов оказывается применимой в России лишь к ограниченной части населения. Для объяснения финансового поведения большинства населения при этом более актуальной оказывается концепция Т. Веблена (Veblen 1899).

О том, что в основе бурного развития банковского кредитования лежит не столько нехватка текущих доходов на повседневные нужды или выстраивание экономически эффективных финансовых стратегий, сколько стремление быть «не хуже других» говорит характер расходов населения, и особенно – группы, ориентированной на «жизнь в долг». Основной прирост потребления шел в 2003–2018 гг. за счет так называемого престижного потребления. Весь прирост денежных доходов за последние 15 лет, как и заемные средства, россияне пускали в основном на покупку автомобилей и престижных товаров длительного пользования. В итоге за эти годы произошла буквально взрывная автомобилизация страны, затронувшая и слои, имеющие доходы ниже прожиточного минимума, представители которых тоже уже в большинстве своем имеют автомобили. Только, в отличие от ситуации в других слоях, это обычно отечественные автомобили старше 7 лет. Для остального же населения нормой стало сейчас наличие иномарки (в том числе и российского производства). Кроме того, за это время в быт россиян уверенно вошли компьютеры, мобильные телефоны, айфоны, айпады, спутниковое телевидение, кондиционеры и т. д. Гораздо меньшими темпами шло приобретение бытовой техники, которая связана с удовлетворением базовых бытовых потребностей, хотя бы устаревшими моделями которой домохозяйства в основном оснащены и которая не относится к товарам престижного потребления. Ярким примером влияния формирования новых типов неравенств, в том числе цифровых и досуговых, на изменение структуры потребления россиян являются и высокие темпы покупок ими (в том числе и представителями низкодоходных слоев) даже в кризис 2014–2016 гг. и последовавшие затем годы рецессии разного рода цифровой техники, а также рост популярности зарубежного туризма за этот период во всех доходных группах.

Помимо автомобилей и разного рода цифровой техники прирост денежных средств, как и заемные средства, россияне довольно активно тратили на улучшение своих жилищных условий, причем улучшение жилищных условий с помощью рыночных механизмов (покупка или строительство жилья) использовали и представители низкодоходных слоев. В результате обеспеченность россиян метражом жилья за последние 15 лет выросла на 5 кв. м на человека, хотя примерно в половине случаев улучшение жилищных условий происходило за счет внерыночных факторов. В итоге к настоящему моменту обеспеченность россиян из массовых слоев населения жильем составляет в среднем почти 22 кв. м на человека, но нагрузка взятыми ипотечными кредитами в низкодоходных домохозяйствах приводит к превращению их бедности в нищету.

Важно также, что на фоне активизации престижного потребления, выполняющего в условиях расширяющегося спектра неравенств функцию статусной компенсации, в последние годы шло сокращение потребления платных социальных услуг, целью которых является поддержание и развитие человеческого капитала. Повышенными показателями инве-

стиций в человеческий капитал взрослых характеризуется только группа с крупными (т. е. позволяющими прожить на них не менее года) сбережениями. Однако и у них доля использовавших в последние три года какие-то образовательные или рекреационные услуги невелика и составляла в 2018 г. всего 23,6 и 24,6% соответственно. Наиболее неактивна в этом отношении (7,2 и 5,5% соответственно) группа с пассивной финансовой стратегией, т. е. отсутствием как долгов, так и сбережений. Группа с долгами, но без сбережений, характеризуется повышенными показателями расходов на социальные услуги для детей, так как это самая молодая группа и в ее составе больше всего представителей домохозяйств, имеющих в своем составе несовершеннолетних детей. Группа с мелкими сбережениями относительно чаще тратит деньги на платную медицину при низких показателях использования образовательных и рекреационных услуг, хотя ее возрастной состав не отличается качественно от средних показателей по массиву.

Задаваемый таким характером финансового поведения населения вектор экономического развития страны не способен обеспечить разворот российской экономики к наиболее современным ее формам. Стремление большинства представителей массовых слоев пустить все свои доходы на покупку очередной престижной вещи и даже влезть ради нее в долги не оставляют шансов на переход большинства россиян к инвестиционной активности (включая инвестиции в свой человеческий капитал и человеческий капитал своих детей), и в среднесрочной перспективе можно говорить о том, что приоритеты россиян в сфере их финансового поведения не способны поддержать никаких экономических прорывов. В то же время в долгосрочной перспективе все большая финансовая активность населения создает определенные предпосылки для повышения его финансовой грамотности и постепенного изменения сложившейся ситуации. Работают на этот результат и интерес россиян в их покупках прежде всего к сложной, высокотехнологичной технике, а также массовое погружение населения, в том числе и представителей низкодходных слоев, в цифровую среду.

Таким образом, динамика приоритетов россиян в их финансовом поведении свидетельствует о все растущей роли для них престижного потребления даже в ущерб удовлетворению базовых потребностей на фоне углубления неравенств и расширения их спектра. Это дополнительно ухудшает объективное положение россиян и способствует росту социальной напряженности. Кроме того, сложившейся вектор приоритетов россиян при выборе ими способов расходования финансовых средств имеет и серьезные макроэкономические последствия, связанные с инвестиционным потенциалом населения и его человеческим капиталом – последствия, которые будут еще долгое время оказывать существенное влияние на будущее страны.

Литература

Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.

Veblen, Thorstein. Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. New York: Macmillan. 1899.

Н. Е. Тихонова

Средний класс в современной России: особенности идентичностей и мировоззрения¹

Тихонова
Наталья Евгеньевна

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: netihon@rambler.ru

Аннотация. На материалах общероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН 2018 г. анализируются особенности идентичностей и мировоззрения трех основных страт российского общества, выделенных на основе специфики их жизненных шансов, деприваций и рисков в различных областях. Продемонстрировано, что эти страты заметно различаются между собой не только по своему благосостоянию, профессиональному составу и образовательному уровню, но и по своим установкам, нормативно-ценностным системам, идентичностям и отношению к происходящему сегодня в России. При этом средняя и нижняя страты близки между собой, а насчитывающая около 20% россиян верхняя страта выделяется на их фоне четко выраженными особенностями идентичностей, горизонтом планирования, распространенностью неконформистских установок и типом локус-контроля. Жизненные цели представителей верхней страты чаще, чем у представителей двух других страт, имеют достижительный характер. В то же время в верхней страте меньше распространены солидаристские установки и шире – стигматизация бедных.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная структура, жизненные шансы, модель стратификации, страты, социальное воспроизводство, идентичности, социальный статус.

В теоретико-методологическом плане подход, при котором стратифицирование массовых слоев общества проводится на основе их жизненных шансов, деприваций и рисков, является дальнейшим развитием неовеберовской традиции, поскольку проблема жизненных шансов (*Lebenschancen*) стала восприниматься в социологии как значимое основание для стратификации именно начиная с работ Макса Вебера, рассматривавшего эти шансы как основание для структурирования общества (*Weber (1924) 1978*). В качестве ключевых, наиболее значимых жизненных шансов Вебер выделял те из них, которые связаны с местом индивидов в системе производственных отношений, в уровне их образования и квалификации, в потреблении благ, в месте основанной на престиже/уважении статусной иерархии и в тесно связанной со всем этим «внутренней удовлетворенности».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20125).

Отталкиваясь от концепции М. Вебера и с учетом развития неовеберианской традиции анализа жизненных шансов индивидов для структурирования массовых слоев российского общества по их жизненным шансам и рискам нами¹ были избраны: 1) сфера экономической безопасности и благосостояния, 2) особенности занятости, 3) жизненные шансы и риски в сфере образования и медицинской помощи, а также 4) особенности положения человека в плане его текущего потребления и досуговых возможностей (см. таблицу 1). Удовлетворенность жизнью, как субъективный показатель, в расчеты Индекса жизненных шансов и рисков (ИЖШиР)², основанного на показателях шкал, отражающих ситуацию в разных сферах жизни, не вошла и рассматривалась нами как контрольный показатель³.

Если структурировать попадающие в общероссийские опросы массовые слои российского общества в соответствии с показателями Индекса жизненных шансов и рисков, в основе расчета которого лежат 24 представленных в таблице 1 показателя, то можно выделить в них три крупные страты⁴. Верхняя из этих страт насчитывает около 20% населения и характеризуется концентрацией жизненных шансов в самых разных областях – производственной, бытовой, досуговой и т. д. Ее представители в массе своей имеют высшее образование и являются выходцами из семей, где хотя бы один из родителей также имел высшее образование. С точки зрения их профессионального статуса эту страту представляют в основном профессионалы, руководители и предприниматели.

Нижняя страта в составе массовых слоев российского общества, включающая около 30% населения, характеризуется невозможностью поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни, и в этом отношении соответствует депривационному пониманию бедности в его немонетарной версии. В жизни ее представителей доминируют разного рода депривации и риски, а круг их жизненных возможностей очень ограничен.

¹ Речь идет о рабочей группе в составе: Н. Е. Тихонова (рук.), С. В. Мареева, В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк.

² Эмпирической базой анализа выступил массив данных 8 волны Мониторингового исследования Института социологии РАН (апрель-май 2018 г., N=4000), респондентами в котором выступали лица в возрасте от 18 лет и старше, репрезентировавшие взрослое население России по полу, возрасту и месту проживания.

³ Подробнее о теоретико-методологических основаниях расчета этого Индекса и методике его построения см. (Аникин 2019; Тихонова 2018; Anikin et al. 2018).

⁴ Определение «порогов» между этими стратами производилось на основе предварительного статистического и содержательного анализа. Статистическая проверка с использованием метода естественных границ Дженкса, основанного на естественном группировании данных, продемонстрировала преимущество «порогов» в минус один балл для границы между средней и нижней и в 2 балла для границы между средней и верхней стратами. Целесообразность таких границ подтвердил и содержательный анализ. Так, например, применительно к группе с показателем в -2 балла оказалось, в частности, что депривации и риски по шкале «Особенности потребления и досуга» встречаются в ней в большинстве случаев, в то время как в группе с показателем в -1 балл – лишь примерно в четверти случаев. Столь же ярко выраженные качественные различия характеризовали и показатели представителей этих групп по шкале «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала». Прослеживались различия между ними и по другим шкалам. Наличие выраженных различий характеризовало также группы с 2 и 3 баллами по ИЖШиР.

Таблица 1

**Субшкалы и показатели,
использованные для построения модели стратификации российского общества
по жизненным шансам и рискам**

Показатели шкалы жизненных шансов	Показатели шкалы деприваций и рисков
Субшкала «Экономические условия жизни».	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т. п.)
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости
Субшкала «Ситуация на работе»	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересной и т. п.)	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т. п.)
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (соцпакет и т. п.)	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более 3 месяцев подряд)
Субшкала «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала»	
Возможность использовать платное образование для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	Вероятность значимого ухудшения здоровья (недоступность необходимой медицинской помощи, работа на вредных производствах)
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей использования Интернета при его регулярном использовании)	Отсутствие доступа к ИТ-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)
Субшкала «Особенности потребления и досуга»	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве более 1,25 медианы по населению в целом)	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве менее 0,75 медианы по населению в целом)
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нем коммунальных удобств)	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м. на человека)
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя раз в год вне дома и т. п.)	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)

Включающая большую часть россиян средняя страта мало чем качественно отличается по своему составу и положению от нижней страты. Это говорит об их относительной близости, при которой позиционирование их представителей в стратификационной системе в каждый отдельный момент связано с разного рода индивидуальными жизненными обстоятельствами и может легко меняться под влиянием многих факторов (см. таблицу 2).

Таблица 2

Уровень образования, доходы и профессиональный статус в разных стратах, 2018 г.

Показатели	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Уровень образования, %			
Поствысшее или 2 и более высших образования	0,5	2,4	6,8
Высшее	14,6	30,2	52,9
Среднее специальное	55,4	53,2	33,5*
Не выше полного общего среднего	29,5	14,2	6,9*
Индивидуальные ежемесячные доходы, руб.			
Средние	18 689	23 631	34 732
Медианные	16 000	20 000	30 000
Модальные	15 000	20 000	30 000
Профессиональный статус (% от работающих)			
Традиционные позиции среднего класса (руководители, предприниматели, профессионалы)	14,3	35,3	69,9
Прочие группы нефизического труда	32,3	29,2	16,8
Рабочие	53,4	35,5	13,3*
Справочно**:			
Доля неработающих, в т. ч.:	33,7	28,6	15,5
Неработающие пенсионеры	23,8	18,3	4,7
Студенты	1,6	7,5	9,8
Безработные	7,6	2,0	1,0

Примечания. Выделены показатели, качественно отличающие страты (т. е. такие, по которым у одной из них соответствующий показатель составляет более 50%, а у других – ниже этого уровня).

*У половины работающих представителей верхней страты без высшего образования, а также входящих в нее рабочих их супруги имеют высшее образование. Кроме того, свыше 70% рабочих в этой страте – представители так называемой «рабочей аристократии», т. е. рабочих высшей квалификации.

**Не указаны из-за их малой численности находящиеся в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком.

Если же говорить о мировоззренческих особенностях этих страт, то данные свидетельствуют о том, что верхняя страта, и особенно ее ядро, состоящее из выходцев из высокостатусных семей и семей, где хотя бы один из родителей имел высшее образование, характеризуется спецификой своих установок, нормативно-ценностных систем и взглядов на происходящее в последние годы в России на фоне остальных россиян. Более того, она обладает всеми чертами, традиционно приписываемыми среднему классу, причем эти особенности сохраняются и при учете различий в возрастном, образовательном и профессиональном составе разных страт. В отличие от россиян из двух других страт, ее представители ориентированы на долгосрочное планирование, нонконформизм, личную активность и ответственность за достижение своих целей (см. таблицу 3). В средней же и нижней стратах доминируют установки на то, чтобы жить «здесь и сейчас», быть «как все», а также убежденность, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами.

Таблица 3

**Специфика горизонта планирования и некоторых мировоззренческих установок
представителей разных страт, 2018 г., %**

Установки	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Горизонт планирования			
Считают, что нет смысла планировать свою жизнь даже на год вперед, так как жизнь непредсказуема	60,9	46,7	25,5
Планируют свою жизнь на 1–2 года	27,9	39,0	48,4
Планируют свою жизнь на 3 и более лет, а потом корректируют планы	11,2	14,3	26,1
Тип локус-контроля			
Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи – все в его руках	34,9	52,6	76,3
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	65,1	47,4	23,7
Конформистские установки			
Выделяться среди других лучше, чем жить, как все	30,0	39,1	54,8
Жить, как все, лучше, чем выделяться среди других	70,0	60,9	45,2
Особенности взглядов			
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	37,2	48,3	53,4
Надо проявлять гуманность, и те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	62,8	51,7	46,6

Примечание. Выделены ячейки, где представлены наиболее типичные для соответствующей страты ответы.

В меньшей степени различаются те жизненные цели, которых хотели бы достичь представители разных страт, однако и в этом отношении представители верхней страты выделяются на общем фоне распространенностью среди них достижительных установок. Отличаются и их идентичности – как положительные (прежде всего большей распространенностью среди них профессиональной идентичности, а также хотя бы в некоторой степени испытываемой ими в отличие от других россиян идентичностью с европейцами), так и отрицательные – они в массе своей никогда не ощущают себя представителями низшего класса или бедными. Кроме того, российское общество гораздо чаще видится им по своему характеру меритократическим. Возможно поэтому в верхней страте заметно меньше распространены солидаристские установки, а бедные стигматизируются ими чаще, чем остальными россиянами. Что же касается общей ситуации в России, то представители верхней страты, в отличие от других россиян, воспринимают ее довольно оптимистично.

Таким образом, верхняя страта характеризуется не только относительным материальным благополучием, связанным с ее особым местом в системе экономических отношений, или удовлетворенностью своей жизнью и соци-

альным статусом, но и воспроизводящимися из поколения в поколение особенностями установок и нормативно-ценностных систем, отражающимися и в поведенческих стратегиях ее представителей. Так, характерная для мировоззрения ее членов значимость личной активности реализуется в их большей практической активности в разных областях жизни и т. д. Представители же средней и нижней страт заметно отличаются во всех этих отношениях от верхней страты, одновременно имея ряд общих черт. Их объединяют, в частности, общность взглядов, установок, ценностей и определенные поведенческие паттерны, хотя уровень их благополучия «в моменте» различен в зависимости от их текущих жизненных обстоятельств. Можно сказать, что представители средней и нижней страт с разной степенью успешности в тот или иной период своей жизни постоянно балансируют между типичными для среднего россиянина жизненными шансами и невозможностью поддерживать сложившийся в обществе усредненный жизненный стандарт.

Литература

Аникин В. А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018а. № 4. С. 39–67.

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 53–65.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. (2017). Stratification by life chances: Evidence from Russia. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 80/SOC/2017. Moscow: National Research University Higher School of Economics.

Weber M. Economy and society / G. Roth & C. Wittich Eds. Berkeley: University of California Press. [1924] 1978.

Г. Л. Тульчинский

Новые идентичности и социальные неравенства¹

**Тульчинский
Григорий Львович**

Доктор философских наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: gtul@mail.ru

Аннотация. Интенсивная трансформация современного образа жизни порождает новые формы социального неравенства не только в экономическом и политическом, но в антропологическом планах. Осмысление этой ситуации является серьезным вызовом для существующих концепций и подходов в социальных и гуманитарных дисциплинах.

Ключевые слова: геймерское сознание, новые неравенства, органопроекция, постчеловечность, трансгуманизм.

Люди равны только вне социума: в смерти, перед Богом, перед животными, перед законом, но не по закону. В социуме же любое равенство порождает неравенство (Большц 2014). Например, все могут стать богаче, но не все реально становятся богатыми. Да и гарантируемая законом справедливость – не столько ценность, сколько технология меры, контроля и гарантий от чрезмерных требований. Все то, чего можно достичь, тут же теряет свою привлекательность, порождая новые стремления, мечты, желания. А право и отчасти культура, как нормативные институты справедливости, выступают технологиями против неизбежного ressentiment. (Шек 2010).

Поэтому все социальные институты суть источники неравенств. Демократия порождает рейтинги, рынок – бренды. Один из главных источников неравенства – образование: как на входе (талант, способности, портфолио, результаты ЕГЭ), так и на выходе (те же талант, портфолио, степень участия в профессиональной сети).

Все эти неравенства выражаются и закрепляются в концептах человеческого и социального капиталов, которые все в большей степени операционализируются, измеряются и учитываются при принятии решений работодателями, органами власти, страховщиками и т. д.

Но в наше время все это надо умножить на революцию в информационных технологиях. Группы, которые формируются в Сети, создаются совсем на другой основе и по другому принципу, чем привыкли понимать

¹ Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 18-511-00018.

социологи. Возникает совершенно иное структурирование: мобильное, быстрое и очень интенсивное в коммуникации. Сам по себе Интернет нравственно и политически амбивалентен. Создавая исключительные возможности развития общества и социума, он же и создает для них проблемы. Интернет, с одной стороны, это возрастание взаимной информированности, самореализации, с другой – нарастающие самодостаточность и недоверие. Если под деградацией и деструкцией социума понимать утрату связей членов общества с окружающим миром, подверженность различного рода зависимостям (аддиктивность), упадок культуры, рост насилия, девиаций, то современные информационно-коммуникативные технологии некоторым из этих тенденций весьма способствуют.

Современный образ жизни у нас на глазах заложил основы новой антропологии. (Тульчинский 2020). Он нивелировал привычные сезонные и суточные временные циклы, распылил не только большую (родовую), но и традиционную семью, отделил любовь от деторождения, а само деторождение уже почти отделил от репродуктивных способностей человека. А главное — интенсифицировал динамику перемещений настолько, что способность к мгновенной ориентации и переключению кодов восприятия и поведения стала не столько основным фактором удачливости и успешности, сколько условием жизненной компетентности, если не добродетелью. Возможность «быть в движении», меняться стали в современном обществе признаками свободы. Более того, как уже отмечалось, наметился даже отход от психосоматической идентичности личности на основе таких критериев, как непрерывность памяти, документальное подтверждение и телесность, за пределы антропологии. Личность все в большей степени предстает точкой сборки свободы и ответственности. Главной идентичностью стал «человек без свойств», самость, еще не реализованная, не идентифицированная, не явленная.

Можно обозначить представляющиеся основными современными цивилизационными вызовами человеческой пластичности.

Мобильная связь и Интернет обеспечили постоянную, буквально — перманентную включенность человека в коммуникацию. Речь идет не просто о межличностной коммуникации, а о тотальной медиализации в цифровом формате абсолютно всех сфер жизни, включая бизнес, потребление, образование, политику... Эти технологии существенно раскрепощают человека. Но и они же дают возможности невиданного ранее контроля за личностью и поведением. Смартфон, нейросети вполне можно использовать для тотальной слежки за населением. В этом плане показателен опыт КНР, где с 2020 г., на основе собранных по Большим Данным личных профилей граждан, будет строиться социальный рейтинг, по которому будет определен доступ личности к различным услугам и благам. Ситуация, когда частная жизнь может исчезнуть в принципе, не столь уж фантастична. Современная жизнь все больше напоминает «Шоу Трумана», из которого у человека все меньше возможности выхода.

Постиндустриальное информационное общество массового потребления является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека!», «Все на благо чело-

века!», «Человек есть мера всех вещей!». И мы знаем этого человека – это каждый из нас. Это общество на основе рыночной экономики, технологии маркетинга, да еще и в формате тотальной цифровизации в состоянии не только удовлетворить, но и стимулировать любые потребности с помощью маркетинга, построенного на использовании тех же Больших данных. Геолокация, имущество, связи, слова и даже мотивы поведения стали прозрачны для маркетинга и манипулируемы на протяжении всего жизненного цикла.

Успехи протезирования, трансплантаций, постоянное использование новейших технологий, без которых мы чувствуем себя дискомфортно, ведут к киборгизации человека, превращение его в высокоорганизованную автономную техническую систему. Но логично допустить и обратное – превращение технической системы в постчеловека. Технология искусственного интеллекта, в сочетании с его самообучением, позволяет реализовывать такие масштабные проекты как «умный дом», «умное предприятие», «умный города». Машины занимаются анализом, пишут обзоры, статьи и репортажи, музыку. И качество этой продукции все выше и выше. По крайней мере, уже мало отличимо от среднего «человеческого» уровня. Фактически речь идет об очередном уровне «органопроекции» в духе Э. Каппа и П. А. Флоренского, как органопроекции мозга. Человек оказывается все более «распределенным», зависшим между белковой основой и кремниевой цифрой.

Проблемы даже не столько в объемах информации, сколько в скорости переработки, которая недоступна мозгу, и в которой нет ничего живого. Как показывают исследования нейрофизиологии мозга, при работе на компьютере, т. е. с интерфейсом на экране монитора или гаджета даже с использованием клавиатуры активируются только зрительные центры мозга, но не префронтальные зоны лобных долей мозга, ответственных за формирование речи, дискурсивности, способности к наррации. В результате нарушается связность речи, нарушается память. Упрощение и ускорение предъявления осмысляющей наррации достигло такой степени, что презентации смыслов не требуется оставлять следы такой презентации – как в технологии snapchat, когда информация исчезает вскоре после ее предъявления. Означающие (знаки, тексты) не нуждаются в означаемых, они не нарративны, а перформативны. От зрителя, слушателя, читателя требуется не анализ, рассуждения и обоснования понимания, а реакции – оценки и действия («лайкать, банить и покупать»). Сознание на глазах превращается в геймерское, в реакцию на ситуацию, задаваемую неким алгоритмом («новая животность»).

Автоматизация, роботизация, информационные технологии «зачищают» от человека рынок труда. Банки, экономические службы предприятий в массовом порядке сокращают бухгалтеров, операторов. Новые рабочие места даже в странах ОЭСР в 2018–2019 гг. создавались в секторах с малой производительностью труда, что привело к замедлению ее роста до 0,9% в год – вдвое против докризисных темпов. Технологии, позволяющие автоматизировать не только производство, но и сервис, открывают перспективу либо полного «высвобождения» от трудовой занятости (в духе

марксовской утопии), либо перекачку ее в тоффлеровскую «четвертичную» сферу: свободного творческого самовыражения, любительства, волонтерства, благотворительности, развлечений. Однако попытки введения гарантированного базового дохода (предпринятые в Финляндии, Канаде, Индии), пока, по крайней мере, дают неоднозначный результат. Современный бизнес использует как все большую прекариатизацию труда, так и практики *bleisure*. В обоих случаях мы имеем в результате рост эксплуатации. Само свободное время все в большей степени подвержено капитализации. В сочетании с тотальной круглосуточной включенностью превращает «свободное время» в новую форму многогранной и многовекторной эксплуатации, новой ренты. Мы стакиваемся с закономерным этапом трансформации капитализма – системы, ориентированной на самовозрастание капитала, этапом дальнейшего расчеловечивания: для цифровых платформ нет различия между вещью в системе IoT и человеком, жизнедеятельность которого сводится к активации опций.

Так или иначе, но уже налицо новое расслоение и неравенство человечества. Это расслоение не только по доступности благ и уровню потребления. К нему добавилось расслоение по уровню информационно-коммуникативной и компьютерной компетентности, по уровню владения этими технологиями, доступа к соответствующим ресурсам. На это наслаивается упоминавшаяся суверенизация этих данных и ресурсов в сочетании с их секьюритизацией. К этому следует добавить и расслоение на «геймеров» и разработчиков алгоритмов «реальности общества спектакля». При этом за разработчиками проглядывают их реальные хозяева: работодатели и владельцы техники и технологий. Все чаще звучат голоса о «революции сисадминов». Действительно, на политической арене появились новые силы: фигуры типа Д. Ассанжа, Э. Сноудена, группы хакеров – с самостоятельной политической мотивацией или используемые спецслужбами. Но где гарантия что это расслоение с помощью самообучающегося искусственного интеллекта не «зачистит» и разработчиков с сисадминами?

В случае цифровой экономикой, владельцы капитала — это, по сути, владельцы алгоритмов (вроде Uber'a). Такая структура экономики позволяет обойти все формальные права наемных работников: медицинское страхование, минимальную зарплату, пенсионное обеспечение, формальный письменный контракт, выходное пособие, социальный пакет и т. п. Оплот буржуазного общества модерна – средний класс – все более вымывается из социальной структуры современного социума.

Наконец, возможно ли сосуществование людей и андроидов, которые уже выступают с концертами, выполняют работу секретарей, телеведущих, спичрайтеров, уборщиков, оказывают услуги от продаж до консультационных и сексуальных. Обсуждаются законодательные инициативы о налогообложении труда роботов. В перспективе с неизбежностью потребуются признать множественность субъектов сознательной деятельности. В наиболее общем виде можно выделить два сценария сосуществования человека и постчеловека: суть первого состоит в превосходстве человека над постчеловеком, суть второго – в доминировании постчеловека над человеком. Этой теме и этому сценарию посвящен целый корпус научной и околону научной

фантастики. Причиной столкновения между человеком и постчеловеком может быть простая межвидовая ненависть. Аларм и хоррор, в который человечество себя сознательно загоняет с помощью «популяризации» достижений науки и техники в СМИ, страх перед самостоятельностью роботов, демонстрируемый в массовой культуре, является типичным для нашего времени. И если сохранять алармизм до конца, то в такой борьбе результат непредсказуем. Возможно, стоит учиться принимать Другого как равного себе уже сейчас. Но способны ли мы на это?

Подведем некоторый промежуточный итог. Великий проект гуманизма Просвещения реализован. И на выходе, в результате – новая животность и просто вытеснение человека. Расслоение и зависимость от новых хозяев. Проблематичность свободы воли, самосознания, ответственности. Тройной контроль: над интеллектом (посредством искусственного интеллекта), эмоциями (посредством маркетинга подталкивания на основе Big Data) и социализацией как таковой. Мы постепенно становимся не столько пользователями технологий, сколько их частью. Если раньше между мозгом и миром вещей был язык, то теперь, все чаще – цифры. Механизм погружения человечества в так называемую «цифровую оболочку» уже запущен, причем, этот процесс носит массовый характер. А это значит, что постчеловеческое будущее ближе, чем может казаться на первый взгляд. И это уже не алармистские антиутопии.

Нарастающий тренд новых социальных неравенств, деградация естественного интеллекта, вытеснения практик рассуждения геймерскими навыками, роста зависимости от электронных устройств дают тенденции «киберпанка» новые и новые импульсы, открывая перед человечеством перспективу в духе начала знаменитого рассказа Р. Брэдбери «Будет ласковый дождь». Да и кому нужен обладающий самосознанием субъект, осмысляющий мир «в первом лице», когда все проблемы разрешимы за него и без него «в третьем лице»?

Человеческая история насчитывает множество подобных «экспериментов», когда социум достигнув относительного благополучия и тотальной социализации, утрачивал некий иммунитет и уходил с исторической арены. Наиболее известным кейсом является древняя Римская империя. Не стоит ли такая угроза и перед современным человечеством? И угроза ли это? Приходящий «варвар», не ограниченный рамками цивилизации, оказывался «человеком поступка», способным «в первом лице» поместить закоснелый мир в новый контекст, открывая новые горизонты развития.

Литература

Большц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М.: ИД ВШЭ, 2014.

Тульчинский Г. Л. Философия поступка: Самоопределение и позиционирование личности в современном обществе. СПб: Алетейя, 2020.

Шек Г. Зависть: Теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2010.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

6.2

**Динамика социально-
политических
перемен в стране
и их отражение
в массовом сознании**

Руководители секции: Петухов В. В.

Ученый секретарь: Слободенюк Е. Д.

А. М. Алмакаева

Динамика доверия и готовности к объединению¹

**Алмакаева
Анна Михайловна**

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва Россия.

E-mail: aalmakaeva@hse.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются российские тренды доверия, восприятия сплоченности и готовности к объединению в период с 2002 по 2018 год. В ходе анализа выявлено, что все показатели имеют положительную динамику. Однако в России до сих пор доминирует сплоченность на ближней дистанции, выдающаяся и в восприятии, и в реальном поведении. Кроме того, несмотря на позитивные тенденции, Россия пока еще отстает по показателям доверия и солидарности от стран с высоким уровнем жизни и устоявшимся гражданским обществом.

Многие ученые рассматривают доверие как основу, скрепляющую социальные отношения. Как показывают исследования, в доверяющих странах чаще всего выше уровень жизни, лучше работают политические институты и проживают более счастливые люди (Инглхарт, Вельцель, 2011; Tokuda, Fujii, Inoguchi, 2010; Zak, Knack, 2001; Beugelsdijk, De Groot, Van Schaik, 2004). Однако согласно Р. Патнему (Putnam, 2001), не менее важным элементом, способствующим солидаризации общества и увеличению социального капитала, являются нормы и установки, способствующие кооперации. Следуя этой идее, в данном докладе, наряду с динамикой доверия, рассматриваются тренды сплоченности на ближней и дальней дистанции, а также тренды готовности к объединению в период с 2002 по 2018 гг.

Данные за 2018 г. были собраны в рамках проекта «Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе» (ЦИРКОН), данные за предыдущие периоды были получены из результатов опросов, проведенных «Фондом «Общественное мнение»» и Европейском исследованием ценностей.

Обобщенное (генерализованное) доверие, то есть доверие людям в целом, измерялось вопросом: *«Как вы считаете, большинству людей можно доверять, или в отношениях с людьми обычно следует быть осторожными?»*. Несмотря на критику, заключающуюся в том, что термин «большинство» культурно обусловлен и в ряде случаев измеряет специфическое, а не обобщенное доверие², его использование позволяет, во-первых, проследить россий-

¹ Тезисы подготовлены по материалам проекта «Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе» (ЦИРКОН, 2019).

² Подробнее об этом см. в (Delhey, Newton, Welzel 2011).

ские тренды и, во вторых, сравнить Россию с другими странами мира. Анализ российских материалов рисует довольно позитивную картину. В период с 2007 по 2018 год динамика доверия большинству была положительной: если в 2007 году только 18% опрошенных отметили, что большинству людей можно доверять, то в 2018 году таких было уже 31%. Тем не менее, несмотря на восходящий тренд, Россия все еще значительно отстает по уровню доверия от стран-лидеров. Например, по данным Европейского исследования ценностей в 2017 году в Швейцарии, Нидерландах и Исландии доверяющих было около 60%, что в два раза больше (EVS, 2018).

Если говорить о трендах близкой и дальней сплоченности¹, то они также имеют положительную динамику. Доля респондентов, считающих, что среди их окружения больше сплоченности и согласия увеличилась с 55% в 2008 до 65% в 2018, а сплоченность в стране с 15% до 30%. При этом уровень ближней сплоченности на 30–40% выше, чем дальней, и это соотношение остается стабильным на протяжении всего рассматриваемого периода. Кроме того изменения в ближней и дальней сплоченности синхронные. Как только растет первая, увеличивается и вторая. При этом доля опрошенных, выбравших сплоченность в стране, но не в ближнем окружении, составляет всего 1% (см. таблицу 1). Таким образом, сплоченность в ближнем круге является базисом для формирования сплоченности в дальнем круге, в данном случае – в стране.

Таблица 1

Распределение типов сплоченности, % от числа валидных ответов

		В стране			Итого
		Больше сплоченности	Больше разобщенности	Затрудняюсь ответить	
В ближнем окружении	Больше сплоченности	28	30	7	65
	Больше разобщенности	1	21	1	24
	Затрудняюсь ответить	1	6	4	11

Подтверждения этому факту можно найти и на кросс-культурных данных. К. Вельцель и Я. Делхай изучали распределение типов доверия по 76 странам, участвовавшим в 5-й и 6-й волне Всемирного исследования ценностей. Они обнаружили, что сочетание «недоверие знакомым-доверие незнакомым» встречается лишь в 1% случаев (Welzel, Delhey, 2015). Следовательно, распространение доверия и восприятие сплоченности происходит по концентрическим кругам: от ближнего окружения к дальнему.

Готовность к объединению описывалась с помощью вопроса: «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не гото-

¹ Измерялись вопросами «А если говорить о людях, которые окружают лично вас, среди них больше согласия, сплоченности или больше несогласия, разобщенности?» и «Как вы думаете, сегодня в нашей стране больше согласия, сплоченности, или больше несогласия, разобщенности?».

вые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. К кому бы вы отнесли себя – к первым или ко вторым?». В целом, можно говорить о нелинейной динамике. В 2008 году доля респондентов, готовых к совместным действиям составляла почти 60%. В 2002 и 2004 годах наблюдался небольшой спад, а 2018 год ознаменовался достаточно значимым подъемом. Если в 2010 доля респондентов, готовых к объединению, составляла 52%, то в 2018 она составила уже 74%. Обращает на себя внимание и тот факт, что готовность к объединению гораздо выше, чем уровень доверия и сплоченности в стране. Таким образом, недоверие, и восприятие разобщенности, по всей видимости, не являются факторами, способными разрушить желание принимать участие в совместных действиях. Вероятно, готовность к объединению укоренена не только в восприятие окружающей действительности, но в представления и должном, нормативном поведении индивида и моральных принципах, которыми необходимо руководствоваться. В то же время следует отметить, что разрыв между установочными и поведенческими показателями довольно большой. Так, в 2018 году по данным ЦИРКОНа, в субботниках участвовали 26% опрошенных, в собрании жильцов района или жителей дома, города и села – 19%. Фактически, более выраженными можно считать гражданскую активность на ближней дистанции. Гражданская активность на дальней дистанции встречается гораздо реже. Так, безвозмездную помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, указали 9%, ремонт общего дома – 5%, сбор подписей и обращения к властям – 4%, организацию мероприятий – 3%, работу волонтером – 2%, участие в деятельности общественных и политических организаций – 2%. Для сравнения, В Швейцарии, эти пропорции на порядок выше. Например, петиции подписывали 68% опрошенных, состояли в экологических организациях 12%, в благотворительных – 11%.

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, тренды доверия, восприятия сплоченности и готовности к объединению в России восходящие. Во-вторых, пока еще доминирует сплоченность на ближней дистанции. Это выражается и в установках людей и в реальном поведении. В-третьих, несмотря на позитивные тенденции Россия пока значительно отстает по показателям доверия и гражданской вовлеченности от стран с высоким уровнем жизни и устоявшимся гражданским обществом.

Литература

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития // М.: Новое издательство. 2011. Т. 464.

Beugelsdijk S., De Groot H. L., Van Schaik A. B. Trust and economic growth: a robustness analysis // Oxford Economic Papers. 2004. Т. 56. № 1. С. 118–134.

Delhey J., Newton K., Welzel C. How General Is Trust in «Most People»? Solving the Radius of Trust Problem // *American Sociological Review*. 2011. Т. 76. № 5. С. 786–807.

EVS (2018): European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017). GESIS Data Archive, Cologne. ZA7500 Data file Version 1.0.0, doi:10.4232/1.13090.

Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. : Simon and Schuster, 2001. 550 с.

Tokuda Y., Fujii S., Inoguchi T. Individual and Country-Level Effects of Social Trust on Happiness: The Asia Barometer Survey: SOCIAL TRUST AND HAPPINESS IN ASIANS // *Journal of Applied Social Psychology*. 2010. Т. 40. № 10. С. 2574–2593.

Welzel C., Delhey J. Generalizing Trust: The Benign Force of Emancipation // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015.

Zak P. J., Knack S. Trust and growth // *The economic journal*. 2001. Т. 111. № 470. С. 295–321.

В. Н. Аргунова, С. В. Бояринцева

Диагностика нравственного состояния общества: опыт количественного измерения

**Аргунова
Вера Николаевна**

Доктор социологических наук, Вятский государственный университет, Киров, Россия.

E-mail: v_argunova@mail.ru

**Бояринцева
Светлана Владимировна**

Независимый исследовательский центр, Самара, Россия.

E-mail: svetlano1@yandex.ru

Аннотация. Описывается авторская методика количественного измерения состояния нравственности в обществе. Нравственные нормы являются одним из слоев социальной атмосферы, которая оказывает влияние на качество жизни общества. Состояние нравственности определяется по формам социального поведения, которые наиболее показательно демонстрируют отступление от общечеловеческих нравственных норм и фиксируются статистическими данными. На основе статистических данных исчисляется индекс Нравственной Аномалии Общества (НАО). Динамика индекса за период с 1990 г. показывает его зависимость от общественно-политических событий в стране и социально-экономического положения населения. После двадцати лет реформ уровень НАО ниже, чем в их начале. Это говорит о том, что население страны адаптировалось к изменившейся социальной системе путем отказа от нравственных форм поведения. Социальная атмосфера современного российского общества является патологической.

Ключевые слова: социальная атмосфера, индекс нравственной аномалии общества, духовно-эмоциональные процессы, социально-стрессовые расстройства, социальная система.

Проблема падения нравственности в современном мире, в т. ч. России, широко обсуждается научной общественностью. Высказываются различные точки зрения с разной аргументацией. Учитывая специфику социологической науки, при обсуждении данного вопроса следует, по нашему мнению, опираться на социальные факты, которые могут быть верифицированы. Нами разработана методика диагностики состояния нравственности в обществе, использующая данные статистики. При ее разработке были использованы разработки С. Г. Смидовича (социальная патология) и И. А. Гундарова (закон духовно-нравственной детерминации).

Нравственные ценности являются частью социальной атмосферы общества, составляют самый устойчивый ее слой, глубоко укорененный в общественном сознании. Мы понимаем под термином «социальная атмосфера» общий ментально-эмоциональный фон, который формируется из

различных общественных настроений и мыслей, охватывающий все сферы жизни общества, оказывающий непосредственное влияние на качество жизни общества в целом и каждого его индивидуума в частности. Ее формирует каждый индивид своим настроением, отношением к жизни, а также социальные группы, институты, государство, как основной организатор экономической, социальной политики и всех общественно-значимых целей.

Состояние и качество социальной атмосферы в стране изменяется под влиянием глобальных социально-политических событий. В числе факторов, влияющих на состояние и качество социальной атмосферы, особую роль играют духовно-эмоциональные процессы.

Мы разделяем точку зрения, что нравственность – это сущностная характеристика человека, отличающая его от животных. Нравственные понятия являются «инстинктом самосохранения» человечества, обращение к ним помогает сохранению человеческого социума. К числу основных нравственных ценностей относятся: труд, коллективизм, нематериальные ценности, альтруизм, сопереживание, любовь, семья, дети, ценность человеческой жизни, духовное удовлетворение и др. Нравственность не сводится к морали. Мораль – это конкретно-историческое приближение к нравственности, принятое и закрепленное в текущих общественных практиках.

Делать выводы о состоянии нравственности в обществе следует, по нашему мнению, не на основании вербальных высказываний, а по социальному поведению. Нами выбраны такие формы поведения, которые не только наиболее показательно демонстрируют отступление от общечеловеческих нравственных норм, но и могут быть количественно измерены с помощью статистических данных. На их основе исчисляется индекс Нравственной Аномалии Общества (НАО), который на наш взгляд хорошо характеризует нравственный аспект социальной атмосферы того или иного общества.

Для расчета НАО нами взяты следующие показатели: 1) число убийств, на 100 000 населения; 2) общая преступность, на 1000 жителей; 3) число умерших от случайного отравления алкоголем, на 100 000 населения; 4) заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, на 100 000 населения; 5) смертность от психических расстройств и расстройств поведения, на 100 000 населения; 6) число самоубийств, на 100 000 населения; 7) число детей и подростков без попечения родителей, тыс. человек; 8) суммарный коэффициент рождаемости (число рождений на 1 женщину) 9) число разводов на 1000 браков (Аргунова, 2017: 54–55).

Данный выбор обусловлен рядом причин. Убийства и преступность являются показателями обесценивания человеческой жизни, неуважения к личности и имуществу другого человека. Смерть от алкоголя является, как правило, следствием алкоголизма, разрушающего психику, приводящего к неадекватному восприятию общественной и личной жизни. Распространение психических заболеваний несет в себе серьезную угрозу всей человеческой популяции. Люди, страдающие психическими расстройствами, не могут контролировать свое личное и социальное поведение. Психическая болезнь это не только проблема одного человека. Она влечет за собой деструктивные изменения в отношениях с другими членами общества, в т. ч. внутри семьи. Самоубийства – это также социальная проблема, обостряющаяся в период общественной ценностной аномии.

Ценностная аномия возникает и у человека, и у социальных общностей обычно в периоды социальных изменений, сопровождающихся утратой нравственных ориентиров. Когда нравственные ценности и нормы утрачивают регулирующую функцию, перестают быть доминантами в личной и общественной жизни, утрачивает свое значение и ценность собственной жизни. Самоубийства во всех этических и религиозных учениях признаются безнравственным поступком, грехом, проявлением неблагодарности Богу, Природе, родителям за данную человеку жизнь.

Семья по праву считается главной «ячейкой» общества. Именно она обеспечивает воспроизводство социума и количественное (рождение детей, заботу о старшем поколении) и качественное (первичная социализация детей, сохранение национальных традиций, поддержание физического, психологического, социального здоровья и пр.). По показателям рождаемости, безнадзорности детей, количеству разводов можно судить о значимости в обществе семьи и детей. Забота о членах семьи, воспитание потомства заложены в нравственном геноме человека, являются главным условием существования социума.

Годовые индексы НАО рассчитывались как сумма произведений, нормированных к шкале (0,1) значений статистических показателей за этот год на весовые коэффициенты, определяющие относительные вклады соответствующих показателей в суммарную величину индекса. При нормировке наихудшему качеству показателя присваивалось значение нуль, а наилучшему – единица.

Отправной точкой отсчета индекса НАО был взят 1990 г., когда отчетливо обозначился курс на рыночные преобразования, сопровождающийся коренным преобразованием всех сфер общественной жизни на основе ценностей материального успеха, индивидуальной конкуренции, коммерциализации, морального релятивизма. График динамики НАО представлен на рис. 1.

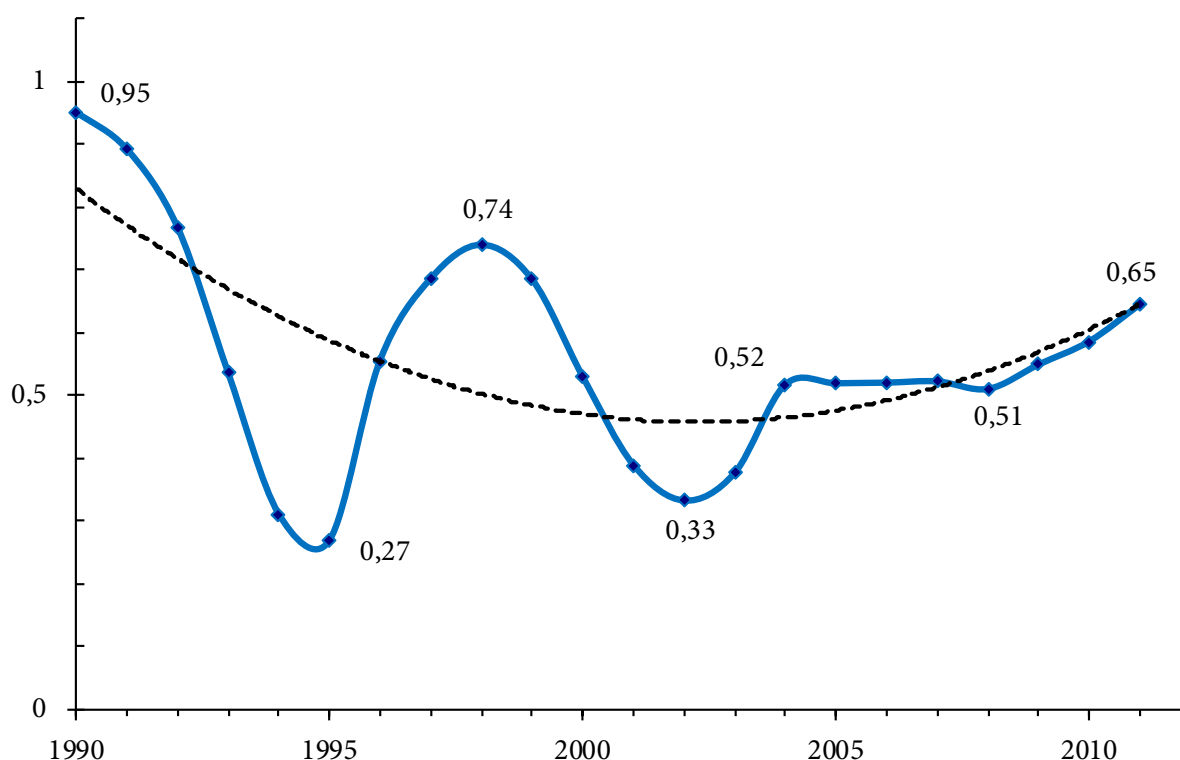

Рис.1. Динамика и тренд индекса нравственной аномии общества

После начала «шоковой терапии» в 1991 году индекс резко пошел вниз и в 1994–1995 гг. (пик гайдаровских реформ) достиг минимальных значений. В этот период социальная атмосфера в стране была самой неблагоприятной. После 1995 года люди начали приспосабливаться к изменившейся ситуации, вследствие чего их нравственное здоровье стало улучшаться, и индекс стал расти. Дефолт 1998 года вызвал рецидив негативных настроений и индекс, так и не достигнув уровня 1990 года, вновь начал падать. Спад продолжался до 2002 года, когда за счет интенсивного экспорта природных ресурсов экономическое положение в стране стабилизировалось. Индекс сменил направление движения, но ненадолго: в период с 2004 по 2008 годы он остановился на уровне около 0,5 к уровню 1990 г. После 2008 г. наметилась некоторая положительная тенденция.

Динамика индекса показывает его зависимость от общественно-политических событий стране и социально-экономического положения населения. Важно отметить, что по прошествии более 20 лет реформ, показатель индекса ниже, чем в их начале. Это является свидетельством того, что население страны адаптировалось к изменившейся социальной системе путем отказа от нравственных форм поведения. Есть основания говорить о патологии социальной атмосферы в российском обществе.

Литература

Аргунова В. Н., Бояринцева С. В. Методика количественного анализа социальной атмосферы // Вестник ННГУ, Серия социальные науки. 2017. № 2.

С. П. Барматова

«Множественная правда» как технология влияния на общественное сознание

**Барматова
Светлана Петровна**

Доктор социологических наук, профессор,
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Брянск, Россия.

E-mail: bsp@br.ranepa.ru

Аннотация. В попытке осмысления тех новаций, изменяющих базовые характеристики социального мира, которые стали результатом развития информационных технологий, а также в попытке осмысления реалий особого уровня гибридной войны – войны нелинейной, сформировано ряд тезисов, отражающих основные реалии диффузного состояния социального пространства общества, и состояния общественного сознания, формирующегося в этом обществе.

Ключевые слова: информационные технологии, гибридная война, нелинейность, диффузное состояние социального пространства.

Стремительность изменений, которые происходят с социальной структурой и с социальными взаимодействиями включенных в них социальных акторов на данный момент можно сравнить только с быстротой накопления в социальном пространстве битов информации. Но для современного времени характерна не только стремительность этих изменений, но и их нестандартность с точки зрения традиционных представлений о структуре социальной системы общества, процессах, и взаимодействиях функционирующих в рамках этой структуры социальных субъектов и их характеристик.

Так, например, нелинейность как особое состояние процессов раньше описывалась только «в привязке» к процессам (или явлениям) материального мира, где эта нелинейность объяснялась, например, такой характеристикой процессов как дискретность. В начале практически второго десятилетия XXI века, в ситуации, когда геополитическое пространство планеты характеризуется перманентно протекающей гибридной войны, в рамках особого уровня этой войны – войны нелинейной – нелинейность означает такое состояние, при котором каждый отдельный, не связанный внутренней причинно-следственной зависимостью с другими (на первый взгляд), информационный «эпизод» заканчивается определенным результатом (прежде всего – поведением-откликом индивида), который, в свою очередь, уже «встроен» в последовательную, логически обусловленную систему, логика которой, при этом, абсолютно непонятна индивиду, находящемуся «внутри» этой системы.

Именно этот феномен современного общества рефлексруется учеными в терминах «диффузного» подхода, основной задачей которого к работе с информацией является разрушение устойчивой, линейной логики, разрушение причинно-следственной природы социального мира, разрушение критической (рациональной) логики восприятия информации. Диффузное (или нелинейное) установление информационной повестки дня означает, что внезапно возникающие «потерянные» или спрятанные «изображения» и смыслы, которыми наполнено информационное пространство, разрушают («разрывают») существующие нарративы прошлых и сегодняшних событий. «Изображения» объединяются с нарративами и представлениями индивида, при этом «изображения» из одного «жанра» могут сознательно использоваться в рамках другого, искажая и изменяя представления и социальные установки индивида, восприятие индивидом социального события или явления. Таким образом, информация формируется по принципу пазлов, но при этом в основе такого информационного «пазла» лежит не обусловленная причинно-следственными закономерностями, логическая и законченная картина действительности, а сюрреалистический «набор» нераспознаваемых и не складывающихся в единую картинку событийных единиц, что позволяет формировать у потребителя информации ощущение «разорванности» социальной реальности.

Разорванный и несистемный мир описывает себя таким же несистемным образом, формируя пространство «множественных правд». Формирующиеся в этом пространстве (или – в следствие наличия данного пространства) информационные технологии позволяют усиливать или сдерживать когнитивную или эмоциональную реакцию индивида на действие вне зависимости от самого действия. Это означает, что получаемая индивидом информация начинает влиять на глубинные пласты сознания, минуя уровень рационального восприятия информации, в котором получаемая информация «подтверждается» социальным опытом индивида и не диссонирует с его субъективной картиной мира. Получаемая информация – это уже не «магическая пуля» Г. Д. Лассуэлла (Lasswell, 1927), а информационная матрица, которая, достигая определенного (заранее заданного) сегмента мозга, передает ему заданную команду и программирует соответствующее поведение индивида.

Прямым последствием «разорванности мира» становится формирование информационного пространства, основным содержанием которого становится «множественной правд», частично – в следствие развития социальных медиа (которые разрушают монополию на внимание индивида государства как макро-коммуникатора), частично – в следствие реализуемой теории управляемого хаоса. «Множественная правда» начинает приобретать признаки технологии, не просто формируя «дополнительную реальность, постепенно вытесняя из глобального информационного пространства символические универсумы традиционных для традиционного общества «системных» субъектов. При этом одним из главных результатов реализации технологии «множественных правд» становится разрушение межличностных связей, т. е. формирование такой социальной ситуации, при которой происходит «перенос» ответственности за разорванность и несистемность социального

мира на единичных социальных субъектах (практика локального «давления» на наиболее уязвимые или проблемные «точки» межличностного взаимодействия) – не сумев убедить друг друга в своей правоте социальные субъекты (индивиды) проецируют свои обиды на своих оппонентов, а не на «кукловодов» (заказчиков и разработчиков информации) извне. Применение технологии «множественных правд» позволяет создать множество локальных «точек давления» на индивида, что способствует созданию эффекта, при котором индивид теряет возможность оценить как достоверность информации, так и степень угрозы, которую эта информация (или ее применение для оценки окружающей социальной реальности) в себе содержит.

Формирующее в условиях «разорванности» и несистемности социального мира общественное сознание, в свою очередь, не способствует формированию единого смыслового универсума (континиума), объединяющего индивидов в социальную группу и – шире – в общность, что является дополнительным фактором социальной напряженности. Более того, отсутствие общепринятой (и поддерживаемой общностью) системы смыслов разрушает саму социальную систему, поскольку нивелирует как процесс социализации новых членов сообщества, так и процесс формирования легитимных для данной общности социальных норм и правил, гарантирующих стабильность функционирования социальной системы.

Таким образом, закономерным является вывод о том, что в практике управления социальными системами на данный момент эффективный механизм противостояния технологии «множественной правды» еще не достаточно разработан и апробирован, что связано, в первую очередь, с темпами распространения данной технологии, и недостаточной мобильностью системы противодействия подобным социальным вызовам со стороны государства. Именно поэтому ведущую роль в разработке противодействия технологии «множественной правды» должны сыграть социологи и социальные технологии, которые могут решить данную задачу комплексно, и в короткие сроки.

Литература

Lasswell H. D. Propaganda technique in the world war. L.-N. Y., 1927. – 268 p.

О. А. Башева

Новые формы волонтерства как ответ на природные и социальные вызовы¹

**Башева
Ольга Александровна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: OlgaAUsacheva@yandex.ru

Аннотация. В статье предложены некоторые размышления о спонтанном волонтерстве в чрезвычайных ситуациях – малоизученном в российском контексте феномене. Ставятся вопросы о природе спонтанного волонтерства, портрете индивидов, участвующих в этом виде деятельности, поиске дефиниции этого феномена.

Ключевые слова: спонтанное волонтерство, чрезвычайные ситуации.

Во-первых, необходимо отметить, что в российском поле исследований волонтерства тема действительно нова: еще нет эмпирических исследований этой группы волонтеров в РФ, представленных в литературе, как практически нет и теоретических работ, и обзоров западных исследований. Хотя известно, что подобные работы стали появляться на Западе еще в 1950-х гг. (Fritz and Mathewson, 1957) в рамках социологии катастроф. И все же в 2015 г. Джон Твиггс и Ирина Мозер (Twigg and Mosel, 2017) в своей обзорной статье о спонтанном волонтерстве отметили, что нашли через систему Google Scholar всего 120 работ о самоорганизации спонтанно возникающих групп чрезвычайного реагирования в условиях стихийных бедствий.

Во-вторых, в научном сообществе еще не сложилось общепринятого определения спонтанного волонтерства. Мы предполагаем, что в целом спонтанное добровольчество можно определить так же, как и устойчивое, организованное, то есть как «любую активность, при которой время свободно используется в интересах другого человека, группы или организации» (Wilson, 2000, с. 215). Но участие в волонтерской деятельности становится неожиданной даже для самих новоиспеченных спонтанных волонтеров. Ранее, как правило, у них не было подобного опыта, хотя они могли быть задействованы в других типах добровольной деятельности.

Как правило, волонтерство рассматривается через призму работы некоммерческих или государственных организаций как формализованное действие. Но в последние десятилетия мы все чаще наблюдаем активность неаффилированных волонтеров, действующих спонтанно в чрезвычайных

¹ Тезисы написаны при поддержке Российского научного фонда, проект «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», грант № 19-78-10052.

ситуациях, таких как природные бедствия и социальные кризисы. В этих условиях индивидуалистические формы волонтерства становятся все более значимыми, а связи с организациями ослабевают (Hustinx, 2005; Mucduff, 2005). Подобное явление называют транзитом от «традиционных» или «старых» к «современным» или «новым» формам волонтерства, которое становится все более рефлексивным, индивидуалистическим, сфокусированным на конкретных событиях и времени (Hustinx and Lammertyn, 2003).

Твигг и Мозел определяют спонтанно возникшие группы чрезвычайного реагирования (*emergent groups* в англоязычной литературе) как отдельных граждан, объединяющихся для того, чтобы совместно справляться со стихийными бедствиями, формируя новые и неформальные группы для этого; или же это разные локальные группы и организации (формальные или неформальные), которые обычно не вовлекаются в реагирование на чрезвычайные ситуации, но могут отреагировать на бедствие, расширив круг своих обычных задач: например, ресторан, раздающий еду жертвам стихийных бедствий, или джиперский клуб, у членов которого есть необходимое оборудование для тушения пожаров.

В-третьих, мы мало что знаем о характеристиках и формах этих групп в России. Западные исследователи пишут, что ключевой характеристикой эмерджентных групп в условиях бедствий являются новые формы коллективного действия, с точки зрения их структуры и действий: чаще всего группа не существовала до ситуации, поэтому взаимоотношения между индивидами являются новыми; люди в группе выполняют задачи, которые новы для них, и выполняют их способом, незапланированным и непредвиденным (Stallings and Quarantelli, 1985).

Группы спонтанных волонтеров могут принимать различные формы: от объединений местных жителей, собирающихся вместе спонтанно на месте стихийного бедствия, чтобы оказать любую возможную помощь, до сетей отдельных волонтеров, доставляющих гуманитарную помощь и до профессиональных *ad hoc* групп из различных официальных организаций, объединяющихся для координации реагирования на бедствие (Drabek and McEntire, 2003). Их волонтерство является спонтанным в отличие от официальных или организованных волонтеров, которые были рекрутированы, натренированы и получили инструкции от правительства или некоммерческих организаций, хотя в условиях кризиса два типа волонтеров часто работают вместе (Whittaker, et al. 2015). Такие группы обычно формируются из жителей пострадавших территорий, но спонтанные волонтеры, как и в целом помощь, будут поступать их из соседних районов и издалека в большом количестве.

В-четвертых, слабо изучены мотивации вовлечения в спонтанное реагирование. Есть наблюдения, что спонтанные группы появляются, если люди видят необходимость срочных действий, которые не были предприняты другими, особенно официальными организациями; скорее всего они возникают, когда люди считают, что существующие службы чрезвычайного реагирования не способны справиться со всеми проблемами и потребностями, возникающими в ходе стихийного бедствия, или их ресурсов недостаточно для адекватного реагирования на ситуацию, и тогда граждане вынуждены будут реагировать самостоятельно. Но это обычно происходит незамедлительно

после стихийного бедствия, еще до того, как экстренные службы мобилизуются; когда реагированию мешают проблемы межведомственной координации; когда задержка принятия решений ведет к еще большему ущербу и т. д. (Stallings and Quarantelli, 1985; Drabek and McEntire, 2003). К примеру, после пожара в Институте научной информации по общественным наукам РАН в 2015 г. в Москве именно волонтеры занимались спасением библиотечных фондов, тогда как сотрудники МЧС ликвидировали пожар и спасали здание от обрушения (Башева, 2018): «*<МЧС> интересовало знание, а не книги*» [Волонтер].

В-пятых, пока нет такого понятия, как «типичный» спонтанный волонтер в условиях катастрофы. Их портрет разнится в каждом конкретном событии, в зависимости от социального, экономического, культурного и политического контекста и требует дальнейшего изучения. Например, как показал опрос в рамках проекта по исследованию устойчивости российских мегаполисов (Москвы и Казани) осенью 2018 г., среди волонтеров, занимающихся поиском пропавших людей больше мужчин, а среди оказывающих помощь населению в период природных и техногенных катастроф в Казани значительно больше мужчин (68 против 32%), а в Москве примерно равное количество мужчин и женщин. Среди занимающихся поиском пропавших людей в Казани 50% в возрасте 30–49 лет, еще 31% – 18–29 лет, в Москве, наоборот, 49% среди 18–29-летних и 30% среди 30–49-летних. Чаще это люди, состоящие в браке. А вот среди тех, кто оказывал помощь населению в период катастроф, больше людей более зрелого возраста (в Казани 76% из них составляют люди в возрасте 30–59 лет, в Москве – 48% среди тех, кто старше 60 лет). А инициативный опрос волонтеров, участвующих в спасении фондов библиотеки ИНИОН РАН, проведенный автором данной статьи, показал, что чаще всего это были представители творческих и интеллектуальных профессий, работающих в гибком графике, часто каким-либо образом связанных либо семейной историей или своим профессиональным опытом, либо ценностями с ИНИОН. При этом, по половозрастным характеристикам это была совершенно неоднородная группа.

В-шестых, слабо изучены долговременные последствия участия в спонтанном реагировании на чрезвычайные ситуации для самих волонтеров. Участие в реагировании на катастрофу может принести в их жизнь эмоциональную и психологическую пользу, оказать трансформирующий эффект, стимулировать повышение самоуважения, взаимосвязанности, оказать влияние на индивидуальное восстановление после травмы, помочь волонтерам построить новые отношения в их сообществе (Lowe and Fothergill, 2003). И, наоборот, может привести к негативным последствиям: вызвать стрессовые реакции, такие как депрессия, тревожность, проблемы со сном.

Несмотря на множество вопросов, требующих дальнейшего изучения, уже очевидно, что спонтанное реагирование самоорганизующихся добровольных групп и индивидов является общей чертой современных катастроф. Их деятельность обычно включает поисково-спасательные работы, сбор, транспортировку и распределение гуманитарной помощи, сбор средств для пострадавшего населения, разнообразная помощь сотрудникам официальных служб спасения и т. д. И тем не менее пока редко бывает включена в фор-

мальный план действий в чрезвычайных ситуациях. Хотя в отдельных странах есть опыт подготовки гражданского населения к участию в первичной посткатастрофной реабилитации. Их участие в реагировании на бедствия предполагает множество вызовов для профессиональных спасателей: масштабы спонтанного волонтерства могут представлять значительные проблемы в области координации, интеграции, коммуникации, логистики и безопасности для самих профессионалов.

Литература

Башева О.А. Специфика городской катастрофы на примере пожара в ИНИОН РАН // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2018. № 2. С. 99–116.

Drabek T. E. & McEntire D. A. Emergent phenomena and the sociology of disaster: Lessons, trends and opportunities from the research literature. *Disaster Prevention and Management*, 2003, 12, 97-112.

Hustinx L., & Lammertyn F. Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003, 14, 167–187.

Hustinx L. Weakening organizational ties? A classification of styles of volunteering in the Flemish Red Cross. *Social Service Review*, 2005, 79, 624–652.

Fritz C. & Mathewson J. Convergence behavior in disasters. (National Research Council Disaster Study #9). Washington, DC: National Academy of Science. 1957.

Lowe, S. and Fothergill A. A need to help: emergent volunteer behaviour after September 11th, in *Beyond September 11th: an account of post-disaster response*, Natural Hazards Center, Boulder, 2003, 293–314.

Stallings R. and Quarantelli E. Emergent citizen groups and emergency management. *Public Administration Review*, 1985, Vol. 45, pp. 93–100.

Twigg J. and Mosel I. Emergent groups and spontaneous volunteers in urban disaster response. *Environment & Urbanization. International Institute for Environment and Development (IIED)*. 2017. Vol. 29(2): 443–458.

Macduff N. Societal changes and the rise of the episodic volunteer. In J. Brudney (Ed.), *Emerging areas of volunteering* (Vol. 1, pp. 49–61). Indianapolis, IN: Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Associations. 2005.

Wilson J. Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 2000, Vol. 26, pp. 215–240.

Whittaker, J., McLennan, B., & Handmer, J. A review of informal volunteerism in emergencies and disasters: Definition, opportunities and challenges. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 2005, 13, 358–368.

Т. А. Гужавина

Доверие как базовый нематериальный ресурс развития общества¹

**Гужавина
Татьяна Анатольевна**

Кандидат философских наук,
Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия.

E-mail: tanja_gta@mail.ru

Аннотация. Доверие представляет собой основу социальных отношений. Оно привлекает к себе внимание исследователей достаточно давно. Информация о доверии, его уровне является необходимой для принятия социально значимых решений. Ее источником становятся данные опросов общественного мнения. Анализ опросных данных с использованием построения интегрального индекса доверия позволил выделить группы респондентов, явно отличающихся по своей активности, ответственности, пониманию степени влияния. Полученные данные показывают достаточно глубокую дифференциацию респондентов. Доверие испытывает на себе воздействие множества факторов. На макроуровне представлены внутрисполитические факторы. На микроуровне это факторы, оказывающие влияние на социализацию индивида, формирующие его индивидуальный жизненный опыт. Оценка состояния доверия, анализ его влияния на характер социальных отношений имеют и когнитивное, и практическое значение.

Ключевые слова: доверие, ресурсы развития, общество, социальный капитал.

Развитие общества современная наука связывает с множеством факторов, среди которых все большее внимание привлекают нематериальные ресурсы. В современном научном и общественном дискурсе превалирует мнение о значительном влиянии доверия на экономическое развитие, рост благосостояния, функционирование структур гражданского общества. Доверие формируется в процессе взаимодействия субъектов, но оно же определяет как будет протекать это взаимодействие.

Доверие принято воспринимать как нечто самоочевидное, как естественное состояние, не требующее специального обоснования. Но на самом деле оно формируется под влиянием различных культурных норм, преобладающих в определенные исторические периоды времени. Доверие сложный по своей сущности феномен. Оно имеет внутреннюю структуру, выполняет определенные социальные функции, может быть ориентировано на самые различные объекты. Доверие лежит в основе иных видов отношений. Эта его особенность позволяет его следует рассматривать как метаотношение, обобщающее иные виды отношений (Антоненко, 2012).

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект №19-011-0724/19 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне»

Доверие интересует исследователей достаточно давно. В трудах Д. Локка и Т. Гоббса рамках теории общественного договора можно встретить упоминание о доверии. Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель уделили ему внимание в своих исследованиях. Так, например, Г. Зиммель считал его важнейшей объединяющей силой в обществе. Н. Луман определял его в качестве ведущего фактора общественного развития в условиях увеличения сложности и непрозрачности современного общества. А. Селигмен связывал доверие с ответственностью, долгом, уверенностью в завтрашнем дне. Э. Гидденс определяет социальное доверие как связь веры и уверенности. Ф. Фукуяма выделяет доверие как фактор экономического роста. Для К. Эрроу доверие – товар, имеющий экономическую и практическую ценность. У П. Штомпки доверие это некий «залог» (уверенность и опирающиеся на него действия), свидетельствующий о том, что неопределенные будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны» (Штомпка, 2012).

Значительное внимание доверию уделяют и отечественные ученые. Л. Гудков отмечает такую его черту как институциональная предопределенность (Гудков, 2012). Г. М. Заболотная отмечает, что доверие выступает как конструктивная по своей сути реакция на риск (Заболотная, 2003). П. М. Козырева связывает интерес к доверию с развитием стабилизационных и интегральных процессов в российском обществе (Козырева, 2011).

Значимость доверия возрастает в условиях современной коммуникационной среды. Это связано с тем, что число контактов индивида с окружающими, с одной стороны, растет, а с другой, они становятся все более краткосрочными, что не позволяет получить необходимой исчерпывающей информации о контрагентах. Доверие необходимо также в ситуациях, которые индивид не может полностью контролировать.

Доверие испытывает на себе воздействие множества факторов социокультурного характера. Данные факторы мы относим как к макро, так и микроуровню. На макроуровне представлены внутривнутриполитические факторы. сюда мы относим политический и экономический курс правительства, осознание гражданами проводимой ими политики и оценка ими своего социального самочувствия. Успешная политика порождает доверие, неуспешная снижает его уровень. Здесь, по мнению А. В. Кученковой, мы встречаемся с эндогенным и рациональным характером доверия (Кученкова, 2016). На микроуровне представлены факторы, оказывающие влияние на социализацию индивида, что в совокупности формирует индивидуальный жизненный опыт человека. Сюда мы относим демографические характеристики, такие как пол, возраст, уровень образования, а также место проживания, доход семьи. Так, например, среди тех, кто считает, что доверять можно всем или большинству 63% составляют женщины. Доверчивость выше в старшей возрастной группе. Около 50% тех, кто считает что «доверять можно всем или большинству без исключения» составляют люди в возрасте 55 лет и старше.

Чаще всего в исследованиях оценивается общее состояние доверия (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Кому можно доверять, на Ваш взгляд, в наше время?»¹, % от числа ответивших

Вариант ответа	2017г.
Никому нельзя доверять	20,4
Только самым близким друзьям и родственникам	58,9
Большинству знакомых людей можно доверять	15,2
Большинству людей или всем людям без исключения можно доверять	5,6

Примечание. Опрос «Региональный социальный капитал в условиях кризиса». Июнь. 2017 г.

Но, как совершенно справедливо отмечает Г. П. Кертман, подобное суждение скорее говорит о наличии предпосылок в ценностно-нормативной структуре на установку на доверие к окружающим, чем собственно о доверии (Кертман, 2006). Тем не менее, получаемые ответы позволяют судить о том, насколько склонны люди к оказанию доверия.

Безусловно, наблюдается ориентация на доверие своему ближнему кругу, что в полной мере подтверждается и установкой на обращение к нему случае возникновения сложной жизненной ситуации. При этом даже те, кто утверждает, что никому нельзя доверять, обращались за поддержкой к родственникам (44%), друзьям (22%), знакомым (16%), к коллегам по работе (9%). Тем самым мы получаем подтверждение присутствия отношений доверия. Что же касается доверяющих, то у них значительно больше возможностей получить помощь от окружающих. Так. По данным опроса, ее 67% получили от родственников, 51% от друзей, 32% от коллег по работе, 28% от соседей.

Оценка состояния доверия, анализ его влияния на характер социальных отношений имеют не только когнитивное значение, но и практическую ориентацию. Информация о наличии доверия, его уровне в социуме в целом, либо в социальной общности, в отношении институции или конкретной структуры, выполняющей социально значимую роль, являются необходимой в современных условиях информацией для принятия социально значимых решений.

Для дальнейшего анализа данных был использован интегральный индекс, который рассчитывался на основе двух совокупных индексов межличностного и институционального доверия. В свою очередь каждый из них состоит из двух индексов. Так индекс межличностного доверия включает в себя индекса доверия близкому окружению (средняя величина индексов доверия родственникам, близким друзьям, коллегам, знакомым) и индекса доверия дальнему окружению (средняя величина индексов доверия представителям профессиональных групп – врачам, учителям, продавцам, и т.д). Индекс институционального доверия рассчитывался как среднее индексов уровня доверия политическим институтам и индекса уровня дове-

¹ Эмпирической базой анализа стал массив данных, полученных в ходе исследования, проведенного рамках проекта «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» (грант РФФИ № 16-03-00188/16) в июне 2016 г. на территории Вологодской области. Выборка целенаправленная, квотная. Объем выборки составил 1500 человек.

рия социальным институтам. К первым мы отнесли институт Президента, Правительства, партии. Ко вторым – СМИ, суд, армия. Церковь, правоохранительные органы. Индексы рассчитывались по каждому респонденту.

Полученные данные позволили выделить 4 группы респондентов, различающихся по уровню доверия. В первую группу вошли те, кто продемонстрировал самый низкий уровень доверия. Сюда вошли респонденты, которые в основном выбирали позицию «не доверяю». Их доля составила 16%. Во вторую группу вошли те, кто в большинстве своем выбирали альтернативу «скорее не доверяю». Их доля составила 29%. Доля «скорее доверяющих» респондентов – 41%. Максимально возможный уровень доверия продемонстрировали 14% участников опроса. Дальнейший анализ состояния доверия возможен на основе характеристик, позволяющих оценить влияние факторов макро и микроуровня, выявить среди них более значимые.

Полученные на основе индекса доверия данные показывают достаточно глубокую дифференциацию респондентов. Более заметны крайние позиции. Ярким примером могут служить ответы респондентов на вопрос относительно доверия незнакомцам (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько Вы доверяете или не доверяете людям, находящимся вместе с Вами
в общественных местах? (магазин, автобус, почта и т. п.)»,
% в зависимости от уровня доверия

Вариант ответа	Типы доверия			
	1	2	3	4
Полностью и в основном доверяю	1	11	21	54
В основном не доверяю	32	41	27	17
Полностью не доверяю	61	24	11	2
Затрудняюсь ответить	6	25	41	28

Примечание. Опрос «Региональный социальный капитал в условиях кризиса». Июнь 2016 г.

Доверие оказывает влияние на все установки индивида. На его систему ценностей, на активность, включенность в ткань социальных отношений и деятельности. Существенными оказываются различия и в других характеристиках. Так, респонденты, отнесенные нами к различным группам по уровню доверия, имеют существенные отличия и в локусе ответственности. Для тех, кто имеет низкий уровень доверия, характерен внешний локус ответственности. Это значит, что они считают, что ситуация, в которой они находятся, в большей степени зависит от внешних факторов, чем от их активности. Иная позиция у доверяющих, у тех, кто занимает активную жизненную позицию. Различия заметны, например, при анализе мнений о возможности оказать влияние у себя на работе (см. таблицу 3).

Чем больше мы наблюдаем уровень ответственности, тем более различаются ответы респондентов. Так только 45% представителей четвертой группы считают, что они не могут повлиять на положение дел в стране, в первой группе таковых 80%. Различен у респондентов, относящихся к различным группам и потенциал активности. Чем выше уровень доверия, тем выше и склонность к объединению, взаимовыручке.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел у Вас на работе?» % в зависимости от уровня доверия

Вариант ответа	Типы доверия			
	1	2	3	4
В полной мере	16	10	12	22
В значительной мере	29	24	27	35
В незначительной мере	24	26	22	16
Никак не могу повлиять	20	24	19	10
Затрудняюсь ответить	11	16	19	17

Таким образом, исследование доверия, являющегося основой социальных отношений, дает возможность, во-первых, оценить его состояние. Во-вторых, выявить влияние на уровень доверия факторов, располагающихся как на макро, так и на микроуровне. В-третьих, показать роль и значение доверия в системе социальных отношений, его влияние на другие установки. В-четвертых, понимание роли этих факторов позволяет принимать решения оказывающие управляющие воздействие на социальную среду с целью создания условий для позитивной динамики состояния доверия в обществе.

Литература

Антоненко И. В. Интегративный потенциал доверия: метаотношения и функции // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 1. С.104–108.

Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // «НЛО». 2012. №117. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/g25.html>.

Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2003. № 1 (4). С. 75–78.

Кертман Г. П. Межличностное доверие в России // Социальная мысль. 2006. № 4. С. 7–24.

Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. Институт социологии РАН. 2011. 172 с.

Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социс. 2016. № 1. С. 26–36 .

Штомпка П. Доверие – основа общества / П. Штомпка: пер. с польс Н. В. Морозовой. М. Логос. 2012. 445 с.

В. Г. Зарубин

Эффект автономии в ситуации турбулентности: опыт социологического анализа

**Зарубин
Валерий Григорьевич**

Доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: vg_zarubin@mail.ru

Аннотация. Раскрываются основные тенденции современного развития общества в ситуации динамичных изменений. Сложность, многовариантность, неопределенность – таковы основные свойства современности. Ныне резко возросло количество коллективных и индивидуальных акторов, которые способны к саморефлексии и активному преобразованию социальных реалий. Саморефлексия способствует формированию разнообразия жизненных стратегий, что привело к многовекторности и нелинейности развития. Особенности, свойственные ситуации динамичных изменений, порождают явление социальной турбулентности. Определены очертания границ автономии в ситуации турбулентности. К ним относятся: эффект бабочки, сила слабых связей и эффект «черного лебедя». На теоретическом уровне эвристический потенциал определения границ автономии позволяет выявить различия между неопределенностью и устойчивостью, непредсказуемостью и прогнозируемостью. С одной стороны, автономии оказывается органической частью процесса созидания, с другой – составной частью механизма, удерживающего динамический процесс социального развития в определенных границах. С практической точки зрения определение границ способствует разработке измерителей автономии на уровне личностных компетенций, а также на уровне профессиональной и социальной мобильности.

Сложность, многовариантность, неопределенность – таковы основные свойства современности. Резко возросло количество коллективных и индивидуальных акторов, представляющих разнообразные локальные ценностные конструкты, которые в отличие от социальных субъектов недавнего прошлого, чьи действия обусловлены жесткими рамками социальной структуры, способны к саморефлексии и активному преобразованию социальных реалий. Саморефлексия способствует формированию разнообразия жизненных стратегий, что привело к многовекторности и нелинейности развития.

Особенности, свойственные ситуации динамичных изменений, порождают явление социальной турбулентности. Ныне преобладает устоявшаяся характеристика турбулентности как негативного явления. Например, О. Н. Яницкий обращает внимание на всепроникающий риск деградации и разрушения нестабильности мировой экономической и политической системы (Яницкий, 2011: 158), а С. А. Кравченко считает турбулентность

«нормальной аномией», которая является продуктом «стрелы времени» и проявляется в виде особых нелинейных явлений, инициирующих разрывы и травмы нынешнего бытия (Кравченко, 2018: 7). Вместе с тем, в современных условиях акцент смещается с контроля на автономию. В ситуации турбулентности актор обнаруживает способность к самоорганизации и творчеству.

Каковы очертания границ автономии в ситуации турбулентности?

Первая метка, обозначающая контур автономии, вызвана «эффектом бабочки». Данный эффект возникает в условиях возрастающей мобильности и хаотичности современного мира. Локальные события, несущественные на первый взгляд, вызывают значимые, лавинообразные и непредсказуемые последствия в будущем. В этой ситуации автономии свойственны следующие признаки:

- высокая чувствительность поведения системы к начальным условиям функционирования;
- крайняя непредсказуемость непрерывного, нелинейного и нерегулярного движения, возникающая в динамической системе;
- внешняя хаотичность процесса принятия решений, которые не случайны, хотя и непредсказуемы.

Другая метка, характеризующая контур границы автономии, образована «силой слабых связей». Социальные связи различаются по критерию частоты и длительности социальных контактов. Почему сильные связи уступают слабым связям в ситуации турбулентности? Если сильные связи, опирающиеся на традиции, привычки и правила, статичны, то слабые связи, не ограниченные тесными контактами, динамичны.

В ситуации слабых связей автономии свойственны следующие признаки:

- полезность, приводящая к фильтрации информации в ходе межличностного общения между акторами;
- иновационность, являющаяся причиной поступления дополнительной информации из расширенного круга источников;
- диссеминация, превращающая акторов не только в потребителей информации, но и в ее создателей.

Следующая метка определяется присутствием «черных лебедей» (Талеб, 2015: 115–126). Н. Талеб применил столь яркую метафору для обозначения события, ускользающего из поля зрения актора. Данное событие обладает рядом характеристик. Прежде всего, оно аномально, казалось бы, ничто в прошлом его не предвещало. Кроме того, оно таит в себе потенциал огромной силы. И наконец, наш опыт заставляет нас выдвигать объяснения случившемуся уже после того, как событие произошло, превращая его сначала в неожиданный сюрприз, а затем, при помощи объяснений, – в тривиальное и предсказуемое действо. Техногенные катастрофы, мировые экономические кризисы, изменения на рынке труда – вот неполный перечень таких событий.

Автономия, которая осуществляется с учетом возможности возникновения аномальных событий, обладающих огромной силой, свойственны следующие признаки:

- готовность к любым случайностям, без переоценки точности и конкретики, поскольку события в жизни общества, в бизнесе и в науке чаще всего случаются неожиданно;
- изживание склонности к преуменьшению рисков и чрезмерная вера экспертам, которые переоценивают свои способности в прогнозировании;
- избегание поиска причин произошедших событий, так как они являются частью внутренней системы мышления, в то время как действительных причин может быть множество, и они могут быть нам неизвестны.

Таким образом, на теоретическом уровне эвристический потенциал определения границ автономии позволяет выявить различия между неопределенностью и устойчивостью, непредсказуемостью и прогнозируемостью. С одной стороны, автономии оказывается органической частью процесса созидания, с другой – составной частью механизма, удерживающего динамический процесс социального развития в определенных границах. С практической точки зрения определение границ способствует разработке измерителей автономии на уровне личностных компетенций, а также на уровне профессиональной и социальной мобильности.

Литература

Кравченко С. А. Усложняющиеся метаморфозы – продукт «стрелы времени» и фактор социоприродных турбулентностей // Социологические исследования. 2018. №11. – с. 3–10.

Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, Азбука Антикус. 2015. – 736 с.

Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. – с. 155–164.

А. Н. Курюкин

Современное российское правосознание и запрос на перемены

Курюкин
Андрей Николаевич

Кандидат политических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: kuriukin@mail.ru

Аннотация. Запрос на перемены выступает неперенным условием прогрессивного развития любого общества и государства. В условиях его отсутствия или нивелирования они неизбежно впадут в стагнацию и регресс. Запрос на перемены генерируется из целого ряда источников. Наиболее часто это объективное ухудшение положения индивидов, групп или страт, порождающее процесс осмысления и, хотя бы, бытового анализа ситуации источника уверенности в необходимости перемен. Сама идея о переменах еще не побуждение к изменениям. Она должна быть соотнесена с компонентами сознания, где ведущее место занимает правосознание, как совокупность правовых представлений и ценностей. Рассмотрению вопроса соотношения запроса на перемены и современного российского правосознания и посвящена эта работа.

Запрос на перемены выступает неперенным условием прогрессивного развития любого общества и государства. В условиях его отсутствия или нивелирования, государство и общество неизбежно впадут в состояние стагнации, которая сменится объективным регрессом. Запрос на перемены генерируется из целого ряда источников. Наиболее часто это объективное ухудшение социально-экономического положения индивидов, групп или страт. Оно порождает процесс осмысления и, хотя бы, бытового анализа окружающей ситуации, итогом чего становится уверенность в необходимости перемен. Необходимо при этом учитывать, что сама идея о переменах еще не есть побуждение к социальному действию, направленному на изменения. Эта идея должна быть соотнесена с рядом компонентов сознания индивида, где ведущее место занимает правосознание, как совокупность правовых представлений и ценностей. Рассмотрению вопроса соотношения запроса на перемены и современного российского правосознания и посвящена эта работа.

Структура современного отечественного правосознания является сложносоставной. В ней можно выделить сразу несколько крупных комплексов представлений и ценностей, порождающих оценки, отношения, предпочтения, а зачастую и заблуждения. По сути, таких комплексов можно выделить три:

1. Традиционное правосознание.
2. Советское правосознание.
3. Постсоветское правосознание.

Рассмотрим их подробнее.

1. Традиционное правосознание

Рассматривая принципиальные характеристики традиционного правосознания, необходимо отметить, что у его ценностей, имелось, таким образом, три основных источника – религиозные убеждения, бытовая нравственность и объективные условия жизни. Отталкиваясь от этого, следует констатировать, что на передний план, в качестве образующих, можно выдвинуть социоцентрические ценности. В их рамках, фактически, происходило поглощение индивидуальности общиной (коллективом), когда интересы общества ставились превыше интересов личности, что не редко приводило к ее подавлению. В тоже время, такой подход приводил к формированию моноценности равенства-справедливости, которая выражалась известной максимой: «Что – людям, то и нам!» и порождала определенные социальные естественно-правовые требования.

Такая совокупность субъективных и объективных факторов порождала одну важнейшую ключевую черту традиционного правового менталитета – правовой нигилизм, являвшуюся определяющей для генезиса и трансформации правовых ценностей в любых условиях. Он, в сущности, не выливался в отрицание права как такового, он активно трактовался и воплощался в поведенческих стереотипах, как отрицание действительности права здесь и сейчас, как сомнение в его эффективности и неверие в результативность правоприменения. Отсюда вытекает то, что среди ценностей традиционного правосознания на передний план выходят способность и возможность индивида решать вопросы социально-бытовыми (устный договор), в том числе и незаконными (сила, взятка), средствами. Тогда как легально-правовой способ почитался длительным и с не установленным результатом.

Таким образом, можно констатировать, что традиционному правосознанию россиян характерна двойственность ценностей, где субъективно уживаются положительные представления о свободе, равенстве и справедливости, концентрируясь в теоретико-идеалистской области и правовой нигилизм в суждениях о праве, эгоизм и эгоцентризм в социально-правовом поведении и волюнтаризм в правоприменении. Такая ситуация породила и привела к фактической консервации субъективного восприятия права в традиционном сознании, интерпретируемого в парадигме двойных стандартов.

2. Советское правосознание

Давая ему более подробную характеристику, следует отметить, что дуалистичность корней советского правосознания, подчиненность права идеологическим догматам и политическим установкам партийных органов привела к дуалистичности всей советской официальной правовой системы, как в институциональном, так и в процессуальном плане. На практике правосознание советских граждан оставалось переходным, когда у многих оно уже перестало быть, во многом, традиционными, но так и не стало советскими и социалистическими. Так абсолютным идеологическим мифом стало утверждение о победе при социализме над такими пережитками темного прошлого как преступность, в особенности тяжкая (убийства, ТТП, грабежи бандитизм), проституция, наркомания. Даже официальная статистика СССР 60-х – 80-х гг. XX века показывает практически трехкратный рост зарегистрированных преступлений, с тенденцией удвоения прироста каждые 5 лет. Таким образом, позитивные декларации советского правосознания опровергались конкретными массовыми противоправными действиями, во многом вытекавшими из сохранившегося правового нигилизма.

3. Постсоветское правосознание

Рассматривая постсоветское правосознание, необходимо отметить, что к этапу его формирования в начале 90-х годов XX века, правосознание большинства российских граждан подошло в так называемом промежуточном переходном виде, в рамках которого весьма сложно и причудливо объединились пережитки традиционного правосознания, в первую очередь усилившийся правовой нигилизм, и декларации советского этапа. На новом этапе предстояло, по заявлениям идеологов строительства новой России, интегрировать в массовое сознание и правосознание, как его разновидность, ценности и идеалы свободы, демократии, новой рыночной экономики, капиталистического уклада производства, конкуренции и т. п.

Однако, декларации и практика правоприменения, особенно на низовых уровнях общественно-правовой системы, как и на предыдущем советском периоде, вступили в серьезную коллизию. Это привело к очередному ренессансу правового нигилизма и лавинообразной эскалации противоправных практик социально-экономического взаимодействия в обществе. Очередное рассогласование между политико-правовой теорией и практикой привело к установлению двойственности ценностном комплексе правосознания россиян, когда нормативные акты и правовая политика в целом содержали требования правомерного поведения и декларировали формирование социальных механизмов его поощрения, тогда как практика предоставляла широчайшие возможности для не надлежащего исполнения или полного не исполнения различными участниками правоотношений своих правовых обязанностей.

В тоже время, в качестве реакции на эти процессы, в правосознании больших масс населения стали выходить на передний план консервативные, патерналистские и этатистские ценности, в которых на передний план стали выходить представления о порядке, установленном в СССР, как наиболее исторически близком и известном, о необходимости усиления деятельности правоохранительных органов вплоть до необходимости репрессирования преступников, о необходимости возврата к традиционным консервативным ценностям, включая гендерные роли, этические нормативы поведения и модели воспитания. В таких условиях, давая качественную характеристику сложившемуся на этапе реформ ценностному комплексу правосознания следует отметить его эмоциональность в пику рационализму, категоричность в противовес аналитичности и шаблонный примитивизм («Решать надо по понятиям!», «Вор должен сидеть в тюрьме!» и т. п.).

Рассматривая вопрос соотношения правосознания с запросом на перемены, следует отметить, в условиях усложнения окружающей социально-политической ситуации, характеризующейся интенсификацией вызовов и угроз с которыми сталкивается российское общество, реакция на них, в рамках запроса на перемены, интерпретируемого в контексте правосознания россиян, может быть до определенной степени предсказуемой. Так, граждане с господствующим в правосознании традиционалистским компонентом, генеральным архетипом которого выступает «порядок», формируя такой запрос, постоянно держат в фокусе сознания некий идеальный образ порядка, в отношении которого решающим фактором выступает необходимость его поддержания, обеспечения устойчивости.

Примыкающим типом выступает так называемое советское правосознание, в центре которого находится архетип стабильности. В тоже время, необходимо отметить, что правовым измерением стабильности для человека с преобладающим советским правосознанием является категория законности. В идеале советского типа правосознания, стабильность обеспечивается единством закона, равенством всех перед ним и беспрекословным его соблюдением. Относительно последнего сегодня, с позиций советского правосознания, существует абсолютный диссонанс между политико-управленческим контентом и социально-политическими реалиями, связанными, зачастую, с беззаконием и произволом. В таких условиях, носитель советского правосознания для формирования и поддержания стабильности/законности готов подчиняться к отказу от перемен или только на косметические преобразования, не менее активно, чем традиционалист. Правда, здесь идет речь о сущностно другом типе социально-политических представлений. В вопросе ответа (реакции) на вызовы и успешное противодействие угрозам, формируя социально-политический запрос, носитель советского правосознания будет, в большинстве случаев, сторонником силовых методов обеспечения его реализации в обществе, со стороны государства, и даже готов на частичную тоталитаризацию, если это гарантирует адекватный ответ им.

Современное постсоветское правосознание амбивалентно. Это утверждение вытекает из того, что, с одной стороны, декларации свободы и демократии пронизывают всю современную отечественную социально-право-

вую систему, начиная с Конституции – Основного закона государства, но правовая практика повседневно дает основания усомниться в их реальной действенности. Также можно констатировать, что, постепенно, в правовом сознании современных российских граждан, да и в сознании вообще, ценности развития все более и более уступают лидирующие позиции ценностям выживания, при чем, выживания последующих поколений. Исходя из этого, запрос на перемены, интерпретированный постсоветским правосознанием, будет ситуационной, где мерилom становится оценка прогнозируемых результатов реализации перемен с позиций личного состояния индивида, его семьи и будущего состояния потомства.

Ю. В. Латов

Акторы и сила запроса на перемены в современной России (социально-политический контекст)¹

Латов
Юрий Валерьевич

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: latov@mail.ru

Аннотация. На материалах мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН последних лет рассматриваются социально-политические (связанные с идеологическими ориентациями) характеристики россиян, которые являются сторонниками перемен в стране. Анализ данных общероссийского опроса осенью 2018 г. позволил выделить те группы (18% выборки), в которых желают перемен существенно чаще (более чем в полтора раза), чем россияне в целом. Самый сильный вектор желания перемен оказался связан с либеральной идеологией, объединяющей вокруг себя также сторонников социалистической и (в меньшей степени) «державнической» идеологий. Выявление векторов (идеологических направлений) желания перемен дополнено измерением их скаляров (силы) по данным о реальном участии респондентов в массовых выступлениях последних лет. Такой подход позволяет выделить «ядро» акторов стремления к переменам – 6% населения, которые не только демонстрируют повышенное желание перемен, но и почти в 2 раза чаще других россиян участвуют в массовых акциях. В «ядре» либералы преобладают над русскими националистами, но слабее, чем в ранее выделенных «идеологических» группах с повышенным желанием перемен. Это показывает, что в «ядре» может наблюдаться взаимная нейтрализация сторонников разнонаправленных (либеральных и националистических) изменений.

Ключевые слова: запрос на перемены, акторы запроса на перемены, идеологические ориентации, массовые выступления.

Согласно данным общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, число полагающих, что «страна нуждается в существенных переменах, политических и экономических реформах», регулярно росло с осени 2014 г. и осенью 2017 г. превысило (впервые за 2010-е гг.) число россиян, ориентированных на статус-кво. Последние опросы (март 2018 г. и июнь 2019 г.), показали существенное превышение сторонников перемен (соответственно 56 и 57% респондентов) над сторонниками стабильности.

Рост желания перемен не всегда равнозначен нарастанию их неизбежности. С одной стороны, возможна ситуация, когда примерно равновеликие социальные группы желают диаметрально противоположных изменений, формируя феномен «лебедя, рака и щуки». С другой стороны, принци-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19-011-00277.

альное значение имеют не только вектора, но и силы (скаляры) запроса на перемены. Ведь даже если подавляющее большинство граждан желает одного и того же, но желает слабо, то желаемые перемены могут неопределенно долгое время не переходить в реальность.

К ответу на вопросы, кто и насколько сильно в современной России хочет перемен, можно подходить с двух общеметодологических позиций. Одна из них, социально-психологическая, выражена в классическом труде Т. Р. Гарра «Почему люди бунтуют?»: протестные настроения и насильственные действия связаны в первую очередь с массовой депривацией, из-за чего недовольные своим положением и ранее аполитичные люди идут за диссидентскими лидерами. Однако в современном мире более актуально второе объяснение стремления к переменам – социально-политическое, обусловленное сформировавшимся на Западе в 1960-е гг. научным дискурсом о политической социализации. В соответствии с этим подходом в развитых обществах политическая социализация происходит не ситуативно, под влиянием кризисных событий, а целенаправленно в молодости, в процессе образования. Субъективное недовольство своим личным положением при таком подходе лишь дополняет и корректирует недовольство, детерминированное идеологическим самоопределением и объективными социально-экономическими проблемами общества.

Для выяснения векторов (идеологических направлений) и скаляров (силы) сторонников перемен воспользуемся данными проведенного в октябре 2018 г. общероссийского опроса из мониторинговой (с полугодовым интервалом) серии общероссийских опросов по репрезентативной выборке 2014–2018 гг. Института социологии ФНИСЦ РАН в рамках проекта РНФ № 14-28-00218.

Идеи и лозунги для будущей России, между которыми респондентам предлагалось во время опросов сделать выбор (см. таблицу 1), соответствуют всем пяти идеологическим ориентациям, наиболее значимым в настоящее время в нашей стране: либеральной (рынок, западничество, демократия), националистической (власть русских), социалистической (справедливость), державнической (великая российская держава) и консервативной (национальные традиции). Лишь одна идеологема – сильная власть – не имеет однозначной артикулированности, поскольку она имманентно присуща всем нелиберальным идеологиям.

По таблице видно, что сильнее всего жаждут перемен либералы, слабее – русские националисты, еще слабее – социалисты и приверженцы державнической идеологии, а консерваторы замыкают этот ряд. Но это суждение лишь предварительно, поскольку в таблице 1 фигурируют пересекающиеся группы. Поэтому для определения идеологических ориентаций наиболее решительных сторонников перемен необходимо перейти от анализа сопряженности желания перемен с *отдельными идеологемами-лозунгами* к пониманию его сопряженности с *отдельными наборами идеологем-лозунгов*.

Поскольку в анкете респонденты могли из списка с 8-ю характеристиками желаемого будущего выбирать не более 3-х вариантов, база данных опроса позволяет выделить 93 потенциально возможных набора («пакета») идеологем. Выделим из них наборы, у сторонников которых желание перемен выражено существенно сильнее, чем по выборке в целом. В качестве

критерия очень сильного желания перемен примем, что в группе желать перемен должно не менее 60%, причем будем рассматривать лишь те наборы, у которых есть не менее 10 сторонников (т. е. 0,25% от всей выборки).

Таблица 1

Соотношение идеологических ориентаций, выраженных в представлениях о будущем России, и отношения к переменам, %

Обозначения	Представления (идеологемы) о желаемом будущем России	Доля желающих перемен среди сторонников данной идеологемы, осень 2018 г.	Доля сторонников данной идеологемы среди всех респондентов	
			Осень 2018 г.	Осень 2014 г.
Либеральные идеологемы				
Л1	Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	65	14	13
Л2	Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	62	14	11
Л3	Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	56	37	27
Националистическая идеологема				
Н	Россия, в первую очередь, для русских	53	12	10
Социалистическая идеологема				
С	Социальная справедливость	51	59	47
Державническая идеологема				
Д	Россия должна снова стать великой державой	51	32	32
Идеологема, общая для всех нелиберальных идеологий				
НЛ	Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	50	26	26
Консервативная идеологема				
К	Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	41	27	35

Обработка данных опроса позволила выделить 25 наборов идеологем, приверженцы которых относительно многочисленны и демонстрируют очень сильное превалирование желания перемен над стремлением к стабильности. В таблице 2 показаны характеристики 6-ти наиболее многочисленных (более 30 человек) таких наборов.

Как показал анализ, приблизительно треть всех, кто желает перемен, сосредоточена в выделенных 25-ти «идеологических» группах, составляющих вместе взятые 746 чел. (примерно 18% всех респондентов), в которых в среднем порядка 75% желают перемен. Это своего рода протестное ядро. В остальной же массе респондентов (72%) желают перемен приблизительно лишь 45%.

Таблица 2

Соотношение наборов идеологем и отношения к переменам, осень 2018 г.

Представления (идеологемы) о желаемом будущем России								Количество приверженцев данному набору идеологем в общей выборке (N = 4000)	Доля желающих перемен среди приверженцев данному набору идеологем, %
Л1	Л2	Л3	Н	С	Д	НЛ	К		
+		+		+				131	81
+	+	+						64	83
	+	+		+				63	75
	+			+		+		51	63
+				+	+			35	69
	+			+	+			31	65

Как и следовало ожидать, протестное ядро состоит в основном из тех, кто в той или иной степени разделяет либеральные идеологемы, хотя стремление к переменам чаще свойственно не «чистым» либералам, а тем, кто сочетает либеральные идеологемы с нелиберальными (чаще всего, с социалистической и с державнической). Гипотеза «лебедя, рака и щуки» на данном этапе анализа не подтвердилась: в современной России *существует главный вектор желания перемен, который связан с либеральной идеологией*, объединяющей вокруг себя также сторонников социалистической и (в меньшей степени) «державнической» идеологий. Те в протестном ядре, кто «тянут» в другую сторону, интегрируясь вокруг русского национализма, в 6 раз малочисленнее.

Чтобы выяснить, в какой степени желание перемен является для россиян осознанной жизненной позицией, необходимо теперь проследить связь стремления к переменам с определенными активными *действиями* либо, по крайней мере, с *готовностью к таким действиям*. Речь идет, прежде всего, о протестной активности.

В конце 2018 г. те, кто был готов «принимать личное участие в митингах и демонстрациях» в защиту демократии или в защиту социально-экономических прав, составляли треть выборки (33%). Логично было бы ожидать, что эта треть россиян в основном входят в ту половину россиян, которые хотят перемен (в силу недостаточной в настоящее время защищенности их демократических и социально-экономических прав). Но это не так: соотношение желающих перемен и стремящихся к стабильности среди тех, кто готов защищать свои права, оказывается почти таким же, как и среди россиян в целом (55% за перемены, 45% за стабильность). В таком случае действенную акторность в борьбе за желаемые перемены готовы проявить только 18% россиян (т. е. 55% от 33% всего населения).

Если теперь рассмотреть связь между приверженностью респондентов отдельным идеологемам и их отношением к протестным выступлениям (см. таблицу 3), то снова выделяются две идеологии, приверженцы которых демонстрируют повышенную протестную активность, – либеральная и националистическая. В обеих группах существенно (почти на 30%) чаще реально участвуют в митингах и демонстрациях, чем россияне в целом (не 7%, а 9%). С точки зрения готовности участвовать сторонники русского национализма даже существенно превосходят сторонников либерализма.

Таблица 3

**Соотношение идеологических ориентаций,
отношения к переменам и к протестным выступлениям, осень 2018 г., %**

Обозначения	Представления (идеологемы) о желаемом будущем России	Среди приверженцев данной идеологемы		
		Доля желающих перемен	Доля готовых участвовать в митингах и демон- страциях	Доля участвовавших в митингах и демон- страциях
Либеральные идеологемы				
Л1	Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	65	10 – 22 – 31	7
Л2	Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	62	10 – 18 – 28	9
Л3	Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	56	12 – 23 – 35	10
Националистическая идеологема				
Н	Россия, в первую очередь, для русских	53	18 – 22 – 40	9
Социалистическая идеологемы				
С	Социальная справедливость	51	12 – 22 – 34	6
Державническая идеологема				
Д1	Россия должна снова стать великой державой	51	12 – 21 – 33	7
Идеологема, общая для всех нелиберальных идеологий				
НЛ	Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	50	14 – 22 – 36	6
Консервативная идеологема				
К	Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	41	13 – 17 – 29	6
Россияне в целом		51	11 – 21 – 32	7

Примечание. В четвертом столбце приведены данные по готовым принять участие в «митингах и демонстрациях в защиту экономических и социальных прав граждан». В ячейках данного столбца в этой и в следующей таблицах приводятся три цифры: сначала доля ответивших «безусловно, да», потом доля ответивших «скорее, да», а затем их сумма (т. е. общая доля тех, кто безусловно или скорее готов участвовать в митингах и демонстрациях). Полу жирным выделены наиболее высокие значения показателей потенциального и реального участия.

Перейдем, как и ранее, от анализа перекрещивающихся групп приверженцев отдельных идей к анализу неперекрещивающихся групп приверженцев отдельных наборов («пакетов») идеологем. Поиск наборов идеологических предпочтений, чьи приверженцы наряду с аномально высокой долей желающих перемен также аномально часто проявляют протестную активность (готовность участвовать в митингах/демонстрациях и/или фактическое участие в них), позволяет выделить 7 групп респондентов (см. таблицу 4), которых можно поделить на два «лагеря».

Таблица 4

Группы с аномально высокой протестной активностью, осень 2018 г.

Представления (идеологемы) о желаемом будущем России								Количество приверженцев данного набора идеологем в общей выборке (N = 4000)	Среди приверженцев данного набора идеологем, %		
Л1	Л2	Л3	Н	С	Д1	НЛ	К		Доля желающих перемен	Доля готовых участвовать в митингах и демонстрациях	Доля участво- вавших в митингах и демонстрациях
Либеральные и пролиберальные группы											
+	+	+						64	83	11 – 36 – 47	11
+	+			+				27	63	11 – 15 – 26	19
	+	+		+				63	75	18 – 10 – 27	11
Националистическая и пронационалистические группы											
			+					21	62	5 – 33 – 38	10
			+		+			27	74	0 – 41 – 41	7
		+	+					17	83	12 – 6 – 18	18
		+	+				+	20	65	35 – 10 – 45	20
Россияне в целом									51	11 – 21 – 32	7

Как и следовало ожидать, сильнее всего здесь представлен либеральный «лагерь»: выделяется совокупность из 154-х респондентов (около 4% выборки) с доминированием либеральных идеологем, среди которых примерно 75% желают перемен и 12% имеют опыт личного участия в митингах и демонстрациях. Второй, националистический, «лагерь» представлен слабее: в совокупности из 85 человек (чуть более 2% выборки) желают перемен 73%, а 13% лично участвовали в митингах и демонстрациях.

Итак, поиск среди выделенных по их идеологическим предпочтениям групп россиян тех, кто является в современной России ведущими акторами стремления к переменам, привел к выделению двух совокупностей, в каждой из которых примерно в 1,5 раза чаще, чем среди россиян в целом, встречаются желающие перемен (абсолютное большинство в этих группах), и почти в 2 раза чаще – участвовавшие в митингах и демонстрациях (но участвующие остаются и в своих группах меньшинством – примерно 1/8). По идеологическим ориентациям эти две общности – либеральный «лагерь» и националистический «лагерь» – в значительной степени антагонистичны. Поэтому гипотеза «лебеди, щуки и рака» теперь получает определенное право на существование: представители либерального «лагеря» включены в реальные действия в среднем слабее, чем сторонники националистического «лагеря», поэтому разрыв между наиболее мобилизованными группами этих двух «лагерей» оказывается менее чем двукратным.

В целом же в современной России, как показало исследование, наблюдается сильный контраст между высоким желанием перемен (у чуть более половины россиян в целом), более низкой готовностью к участию в массовых выступлениях за перемены (32%) и еще гораздо более низким наличием такого опыта (7%). Это подтверждает мнения, что от роста желания перемен до их реального приближения у россиян будет, скорее всего, «дистанция огромного размера».

Н. В. Латова

Акторы запроса на перемены в современной России (социально-психологический контекст)¹

Латова

Наталья Валерьевна

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: nlatova@gmail.com

Аннотация. На материалах проведенного в 2018 г. общероссийского опроса сравниваются социально-психологические характеристики сторонников перемен и приверженцев стабильности. Исследование основано на концепции Т. Гарра, согласно которой протестные изменения обусловлены в первую очередь социально-психологическими факторами. Анализ показал, что сторонники перемен – это люди, которые сильнее приверженцев стабильности фрустрированы своим социальным статусом, у них несколько шире набор жизненных планов. Они не только сильнее сконцентрированы на комфортном микромире, но и чаще приверженцев стабильности хотели бы достичь неординарного успеха, хотя им относительно реже удавалось реализовывать желаемые жизненные модели. При этом сторонники перемен менее склонны оценивать произошедшие в стране изменения как позитивные, а будущие перспективы рисуются им мрачнее, чем приверженцам стабильности.

Ключевые слова: запрос на перемены, субъективная справедливость, жизненные планы, сторонники перемен, приверженцы стабильности, относительная депривация.

В последнее время в российском научном дискурсе актуализировалась проблема анализа «запроса на перемены». Речь идет об изучении формирования социальной общности людей, заинтересованных в качественных изменениях (переменах) и способных к активному социальному действию.

Среди научных направлений, изучающих феномен политического протеста, следует обратить внимание на социологические теории революции, внутри которых выделяется блок теорий, основанных на концепции относительной депривации. Один из классических подходов в рамках данной теории предложен почти полвека назад американским социологом Тедом Робертом Гарром в монографии «Почему люди бунтуют» (Gurr 1970; Гарр 2005). В центре его подхода находились социально-психологические факторы, активизирующие относительную депривацию и приводящие к политическому насилию. Т. Р. Гарр и в XXI в. сохраняет неизменным свой главный аналитический посыл: «именно люди – со всеми их разнообразными идентичностями, желаниями и убеждениями – должны быть центром анализа конфликта» (Гарр 2005: 31; Gurr 2012). При изучении «челове-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19-011-00277.

ческих качеств», которые существенно влияют на желание институциональных перемен, Гарр рассматривает не индивидуально-психологические (темперамент, нервную возбудимость и т. д.), а социально-психологические характеристики, обусловленные взаимодействием индивидов с социумом. Именно эта концепция важности социально-психологических характеристик индивидов при изучении их недовольства существующими в обществе «правилами игры» легла в основу дальнейшего анализа запроса на перемены в российском обществе.

На основе вопроса о желательности перемен в жизни страны¹ все респонденты разделены на две группы: ответившие «Да, страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны» отнесены к группе сторонников перемен, в то время как посчитавшие, что «Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены», составили группу приверженцев стабильности. В целом среди респондентов оказалось 2221 (56%) сторонников перемен, в то время как приверженцами стабильности были 1779 россиян (44%).

Эти две группы россиян по-разному воспринимают общественные процессы, происходящие в стране. Так, сторонники перемен оценивали ситуацию на всех уровнях (в России, в регионе и в муниципальном образовании) заметно, с разрывом в 15–18 п. п., хуже, чем приверженцы стабильности. Даже на самом близком им уровне – муниципальное образование – 49% сторонников перемен оценили ситуацию как нормальную, спокойную, в то время как среди приверженцев стабильности таковых оказалось 67%. В целом мироощущение сторонников перемен оказывается пессимистичнее: прошлые перемены реже видятся им в качестве хороших, а будущие перспективы менее позитивны. Если в группе приверженцев стабильности доля оценивающих произошедшие и будущие изменения как плохие довольно незначительна (менее четверти респондентов и в том, и в другом случае), то среди сторонников перемен эта доля достигает примерно 40% по каждой позиции. Таким образом, *россияне, выступающие за перемены, существенно чаще воспринимают окружающую их действительность если и не тотально негативно, то, по крайней мере, с большой долей пессимизма.*

Одна из важнейших проблем социально-психологической характеристики общественного сознания современных россиян – это восприятие социальной справедливости. Данную проблему изучают посредством как прямых вопросов о справедливости общественных явлений и процессов, так и через субъективное восприятие респондентами места в вертикальной иерархии. Остановимся более подробно на восприятии своей статусной позиции сторонниками перемен и приверженцами стабильности.

Для получения информации о субъективном восприятии своего места в вертикальной иерархии обратимся к двум оценкам. Первая касается того места в вертикальной иерархии, которое, по собственному мне-

¹ Эмпирической базой анализа выступил массив данных 8 волны Мониторингового исследования Института социологии РАН (апрель-май 2018 г., N=4000), респондентами в котором выступали лица в возрасте от 18 лет и старше, репрезентировавшие взрослое население России по полу, возрасту и месту проживания.

нию респондента, он занимает в настоящий момент, в то время как вторая показывает место в той же иерархии, положенное ему (как он считает) по справедливости.

Для измерения субъективного социального статуса использованы графические тесты – 10-ступенчатая шкала социальных статусов («лестница социальных статусов» или «социальная лестница»)¹. Чтобы выявить наличие у респондентов фрустрации, а также определить ее степень, вычислим разницу между оценкой статуса по справедливости и оценкой реального места в вертикальной иерархии. Исходя из масштаба шкалы, наличие фрустрации будет определяться отрицательным значением разницы двух оценок, ноль – свидетельство того, что респондент считает свой нынешний социальный статус справедливым, а положительная разница – фиксация респондентом факта незаслуженного успеха.

Средний балл восприятия статусной позиции у сторонников перемен – 1,79, а у приверженцев стабильности – 1,44. Сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента средних показателей социальной несправедливости выявил достоверные различия для $p < 0,001$. Таким образом, в обеих группах россиян в среднем преобладает состояние невысокой фрустрации, однако сторонники перемен ощущают несправедливость вертикальной иерархии несколько сильнее, чем приверженцы стабильности.

Для более полной картины различий в ощущении несправедливости вертикальной иерархии в двух изучаемых группах россиян сгруппируем разницу между оценкой статуса по справедливости и оценкой реального места в вертикальной иерархии по степени ее проявления (см. таблицу 1).

Таблица 1

Субъективное восприятие несправедливости социального статуса сторонниками перемен и приверженцами стабильности, %

Степень несправедливости	Сторонники перемен	Сторонники стабильности
Высокая (разница 7–9 баллов)	1	1
Средняя (разница 4–6 баллов)	15	8
Низкая (разница 1–3 балла)	56 (19 – 22 – 15)	56 (23 – 20 – 13)
Справедливость (отсутствие несправедливости)	25	32
Незаслуженный успех	3	3

Примечание. В скобках представлена доля россиян, указавших разницу в 1–2–3 балла между занимаемым статусом и местом, положенным им, как они думают, по справедливости.

Крайние позиции (высокая степень несправедливости и незаслуженный успех) выражены в обеих группах россиян одинаково и по совокупности не превышают 5%. Первоначально кажется, что нет различий и в ощущении низкой степени несправедливости (так воспринимают свой социальный статус большинство россиян – по 56% в каждой группе). Однако в группе сторонников перемен наблюдается некоторое смещение к ощущению более высокой несправедливости: разница в 2 и 3 балла (ступени) фиксируется у них

¹ От 1, обозначающей высокое положение на «социальной лестнице», до 10 для самого низкого положения в вертикальной иерархии.

чаще, чем среди приверженцев стабильности. Наконец, самое существенное различие наблюдается при сопоставлении ощущения у респондентов справедливости и средней степени несправедливости относительно их социального статуса. Так, сторонники перемен почти в 2 раза чаще полагают, что занимаемое ими место в вертикальной иерархии в средней степени является несправедливым (среди них разницу в 4–6 ступеней отметили 15% против 8% в группе приверженцев стабильности).

В целом анализ субъективного социального статуса показал, что *все россияне умеренно фрустрированы своим местом в обществе, но при этом глубина фрустрации больше у сторонников перемен, чем приверженцев стабильности. Различия при этом наблюдаются в основном за счет тех респондентов, для которых характерна средняя степень ощущения несправедливости их места в вертикальной иерархии.*

Другая важная социально-психологическая характеристика – намерение прожить жизнь определенным образом, реализовать конкретные задачи и добиться поставленных целей, т. е. жизненные планы. В анкете россиянам предлагался закрытый вопрос, как респонденты оценивают свои возможности добиться целей в различных сферах жизни. Меню ответов на данный вопрос строилось так, что давало информацию, входит ли та или иная позиция в жизненный план респондента, а если входит, то удалось ли ему уже добиться желаемого.

Отметим, что в целом жизненные планы сторонников перемен несколько более разнообразны, чем приверженцев стабильности (см. таблицу 2). Среди сторонников перемен по 13-ти позициям доля тех, кто их указал в своих жизненных планах, превысила аналогичный показатель у их оппонентов, хотя превышение в некоторых случаях незначительно (1–2 процентных пункта). Особо выделяются 5 позиций, по которым различия достигали не менее 5 процентных пунктов: это – престижная работа, богатство, карьера, влияние и собственный бизнес. Практически все это (кроме престижной работы) – сферы из «эшелона», ориентированные на достижение успеха в жизни. Таким образом, различие между сторонниками перемен и приверженцами стабильности «правил игры» в их жизненных планах заключается в том, что *ориентированные на изменения россияне несколько чаще, чем ориентированные на стабильность, хотят не просто «хорошо» прожить свою жизнь, но и добиться при этом заметного успеха, достичь высокого уровня, выделиться из «толпы».*

Особое внимание вызывает позиция «влиять на то, что происходит в обществе или в том месте, где Вы живете». Именно она связана с гражданским активизмом и может свидетельствовать не только о «запросе на перемены», но и о готовности участвовать в этих переменах. Интересно, что по данной позиции наблюдается самое существенное различие (6 процентных пунктов) между сторонниками перемен и приверженцами стабильности. В то время как у приверженцев стабильности позиция «влияние» оказывается на грани выпадения из второго «эшелона», более чем каждый второй сторонник перемен включал ее в свой жизненный план.

Таблица 2

**Жизненные планы и достижение желаемых целей
сторонниками перемен и приверженцами стабильности, %**

Желаемые цели	Жизненные планы		Уже добились	
	Сторонники перемен	Сторонники стабильности	Сторонники перемен	Сторонники стабильности
Планы «комфортного микромира»				
Создать счастливую семью	97	97	62	68
Воспитать хороших детей	97	98	53	57
Иметь надежных друзей	97	97	76	77
Честно прожить свою жизнь	97	97	65	72
Иметь свою отдельную квартиру / дом	97	99	62	67
Хорошо зарабатывать	95	93	13	17
Жить не хуже других	95	97	40	49
Иметь интересную работу	94	92	40	47
Заниматься любимым делом	93	90	37	42
Стать профессионалом в своем деле	93	92	41	48
Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие	88	86	21	25
Получить хорошее образование	85	81	47	50
Получить престижную работу	85	80	22	28
Планы на успех				
Побывать в разных странах мира	81	77	10	11
Стать богатым человеком	66	61	2	2
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	66	61	14	16
Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где Вы живете	51	45	7	8
Иметь собственный бизнес	49	44	4	4
Попасть в определенный круг людей	46	42	10	12
Планы на элитность				
Иметь доступ к власти	28	28	5	5
Стать знаменитым	25	25	2	3

Примечание. Выделены ячейки, показатели в которых отличаются не менее чем на 5 процентных пунктов.

Что же касается тех жизненных планов, которые россияне уже реализовали, то здесь различия гораздо сильнее. Во-первых, приверженцы стабильности «правил игры» хотя бы немного более успешны в реализации *всех* жизненных планов (нет ни одной позиции, по которой доля сторонников перемен превысила бы долю приверженцев стабильности в этом вопросе). Во-вторых, уже по 8-ми позициям доля реализовавших планы приверженцев стабильности оказалась на 5 процентных пунктов больше, чем доля реализо-

вавших эти планы сторонников перемен. Абсолютно все эти 8 позиций – из первого блока, т. е. из базовых для россиян сфер жизни. Наконец, в-третьих, по одной позиции – «жить не хуже других» – максимальное различие между двумя группами россиян достигает уже 9 процентных пунктов. Это значит, что сторонникам стабильности «правил игры» удастся на 23% чаще, чем сторонникам перемен, реализовывать эту интегральную цель, которая наиболее комплексно отражает социально-психологическое восприятие того, как складывается жизнь респондента.

Итак, анализ тех жизненных планов, которые уже реализованы, выявил у сторонников перемен существенные проблемы в достижимости желаемого на уровне их микромира, которые в совокупности создают ощущение того, что их жизнь складывается хуже, чем у других россиян.

Возвращаясь к концепции Т. Гарра, резюмируем, что есть определенные признаки, свидетельствующие о наличии относительной депривации в группе сторонников перемен. Тем не менее, отмеченные особенности пока еще определенно далеки от ситуации «кипящего котла». Конечно, когда существуют высокие и стабильные (или даже растущие) разрывы между ожиданиями и достижениями (то есть ожиданиями улучшения условий жизни, которые постоянно не выполняются), то это ведет, как минимум, к устойчивому росту недовольства (запроса на перемены). Однако существующие эмпирические данные показывают, что социально-психологические детерминанты «бунтарского» поведения хотя и действуют, но соответствующие различия между сторонниками перемен и приверженцами стабильности пока не слишком велики.

Литература

Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер. 2005.

Gurr T. R. Why Men Rebel. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970.

Gurr T. R. Some Observations on Resistance and Revolution in Contemporary Africa // Journal of Asian & African Studies. 2012. Vol. 47(3). P. 279–290.

М. Г. Мацкевич

Представления граждан России об историческом прошлом: отношение к историческим событиям и историческим деятелям (на материалах массового опроса)

**Мацкевич
Мария Георгиевна**

Кандидат социологических наук,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: mmatskevich@yandex.ru

Аннотация. Предлагаемые тезисы основаны на данных российского репрезентативного опроса (N=2400) в рамках проекта «Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе» (ЦИРКОН, 2018 г.). Рассмотрены некоторые тенденции в информированности и оценках деятелей и событий прошлого, а также динамика этих показателей за последнее десятилетие. Выявлены связи между рядом социально-демографических показателей (возраст, образование, тип населенного пункта) и установками в отношении прошлого. Предпринята попытка выявления аспектов отношения к историческому прошлому, которые могли бы служить базой для солидаризации. С помощью факторного анализа выделены два фактора, в совокупности объясняющие до 50% вариации: «отношение к советскому прошлому» и «отношение к революционному и раннему постреволюционному прошлому».

Проблематика исследований памяти (memory studies) – одна из самых актуальных в последние десятилетия как в России, так и в других странах. В то же время, в академических исследованиях в данной области доминирует качественная методология. Данные тезисы основаны на материалах проекта «Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе»¹. Проект осуществлялся исследовательской группой ЦИРКОН в ноябре-декабре 2018 г. при поддержке гранта Фонда «Экспертный институт социальных исследований». Один из разделов исследования был направлен на изучение отношения различных социальных групп к фигурам и событиям прошлого России XX в.

В рамках проекта был проведен опрос взрослого населения России методом личного интервью по месту жительства, N=2400. Выборка многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная, репрезентативная по полу, возрасту, образованию, типу и территориальному положению населенного пункта.

¹ Описание целей, задач, методологии и инструментария – <http://doverie.zircon.tilda.ws/>.

Память об общем прошлом и отношение к нему – одна из основ гражданской идентичности. Для ныне живущих поколений образы исторических событий и деятелей, транслируемые средствами политика памяти (в том числе учебниками, искусством, СМИ и др.) – символические конструкторы, которые воспринимаются в качестве объединяющих. Так, на вопрос, с чем в первую очередь россияне связывают свою страну и свой народ, респонденты чаще всего называют общую историю и общее прошлое. Такой ответ стоит на первом месте с 1990-х годов (Национальная идентичность..., 2019).

Однако, как указывают российские и зарубежные исследователи, память может быть как объединяющей – базой для солидарности, так и разъединяющей – несущей в себе конфликтный потенциал. Для формирования основ солидарности важно понимать, какие исторические фигуры из российского прошлого последнего столетия могут стать символами, объединяющими разные группы российского общества.

Хотя из исследований памяти известно, что формирование образа события или персоны чаще всего происходит на основе эмоций, значение имеет и когнитивная составляющая – уровень исторических знаний, дающий основания для вынесения суждения и формирования оценки. По данным опроса, респонденты, как правило, высоко оценивают уровень своей информированности. Самооценка человека в качестве «знающего историю» по-прежнему является нормативным высказыванием, особенно для старших поколений. Хотя бы «что-то слышали» о российских деятелях и основных исторических событиях последнего столетия от 86%-88% до практически 100%. Сравнение с данными исследования «Евразийского монитора» 2009 г. свидетельствует, что самооценка уровня информированности практически не изменилась за последние 10 лет (Восприятие населением..., 2009). Тенденции сохранились и даже стали более отчетливыми – например, сравнительно более низкая информированность о фигурах Дзержинского и академика Сахарова.

В то же время, ответ «что-то слышал» еще не означает, что респондент действительно обладает историческими знаниями – тем более, что в список деятелей и событий, предложенном участникам опроса, были включены только те, что присутствовали в школьном и вузовском курсе истории – причем как в советский период, так и в постсоветский. Исключительно высокая самооценка уровня исторических знаний может быть несколько скорректирована, если обратить внимание на тех, кто отказывается оценивать деятельность персон или значение событий. Можно предположить, что отказ от оценок чаще всего (хотя, по-видимому, не всегда) свидетельствуют об очень смутных представлениях об истории. Такое предположение подкрепляется как данными других исследований и опросов,¹ так и совпадением тенденций и зависимостей, характерных для обоих показателей: доли заявляющих о своей неинформированности (колеблется от 0 до 14%) и доли респондентов, отказывающихся выносить суждения о персонах и событиях (от 4% до 33%, соответственно).

¹ См., например (Февральская революция... 2007; История страны... 2017).

Уровни информированности как о персонах, так и о событиях, достаточно близки – как по абсолютным значениям, так и по характеру корреляций с другими показателями. Сильнее всего проявляется связь с возрастом, даже уровень образования и статус населенного пункта не имеют такого значения. В целом, чем моложе человек, тем ниже заявленный им уровень исторических знаний. Как отмечалось раньше (Восприятие населением..., 2009), более низкая самооценка может быть связана как с объективными факторами – более низким уровнем исторических знаний молодых людей, так и с тем, что молодые люди более откровенно говорят об этом – «знание истории» для них утратило характер обязательной нормы. Наиболее отчетливо выражена разница в уровне исторических знаний между молодыми людьми до 25 лет, с одной стороны, и людьми старше 45 лет – с другой. Иначе говоря, люди, закончившие школу в советский период (или успевшие проучиться до старших классов), не моложе 1975 г.р., демонстрируют сравнительно более высокий уровень знания основных исторических дат и имен. Менее сильно, но все же значимо влияют уровень образования и проживание в столичном городе: обладатели высшего образования и жители Москвы и Петербурга оценивают свои знания выше.

В зависимости от отношения к ним опрошенных, можно выделить три группы деятелей прошлого:

1. Те, кто оценивается позитивно подавляющим большинством (Гагарин, Жуков, в несколько меньшей степени – Горький).

2. Политические лидеры недавнего прошлого (М. Горбачев и Б. Ельцин), кого оценивают преимущественно негативно).

3. Положительные оценки преобладают, но не в такой степени, как в первой группе. При этом безразличное или нейтральное отношение часто оказывается не менее значимой позицией, чем позитив или негатив (например, Л. Брежнев, Ф. Дзержинский), и даже может преобладать (Н. Хрущев).

Высказывание безразличия более характерно для младших поколений, как и признание отсутствия знаний. Тем не менее, когда молодые люди все же демонстрируют свое отношение, их оценки мало отличаются от старших поколений. В то же время, преобладание и положительных, и отрицательных оценок у самых молодых участников опроса выражено слабее.

Аналогичным образом, оценки исторических событий XX-XXI вв., предложенных в опросе, по преимуществу лежат в одной и той же области: либо доминирования позитивных, либо такого же доминирования негативных оценок. Преобладает в целом позитивное отношение к большинству событий отечественной истории последнего столетия, отдаленных от сегодняшнего дня как минимум на три десятилетия, за исключением репрессий 1930-х гг. и перемен 1980-х-1990-х.

Среди наиболее значимых факторов, влияющих на отношение к событиям прошлого, – возраст, уровень образования и статус населенного пункта. Наиболее выразительны различия между самыми молодыми и самыми пожилыми участниками опроса, особенно в оценках перестройки и распада СССР, которые молодежь оценивает более спокойно, хотя среди них так же доминирует отрицательное отношение.

При проведении факторного анализа отчетливо выделяется фактор, который можно обозначить как «отношение к советскому прошлому» (объясняет более 30% вариации). В этот фактор входят оценки подавляющего большинства событий и деятелей российской истории XX в., за немногими исключениями. В сочетании с еще одним фактором, в который входит отношение к революционному и раннему постреволюционному прошлому, объясненная вариация достигает почти 50%.

Можно высказать предположение, что в настоящее время прошлое, тем более отдаленное, воспринимается как нечто целое, «наша история». Такому «целостному» отношению способствуют также и снижающийся уровень исторических знаний, особенно заметный у младших возрастных групп; и снижение эмоциональной нагруженности отношения к многим событиям прошлого, которое на сегодня выглядит скорее «холодным», чем «горячим», согласно терминологии одного из классиков *memory studies* Я. Ассманна.

Литература

Национальная идентичность и гордость // Пресс-выпуск Левада-центра, 17.01.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (дата обращения: 14.07.2019).

Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Аналитический отчет // Евразийский Монитор, 2009 г. Волна 11. URL: <http://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-18-28> (дата обращения: 14.07.2019).

Февральская революция: 90 лет без монархии (2007) // Фонд «Общественное мнение». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d070825> (дата обращения: 14.07.2019).

История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3466, 14.09.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396> (дата обращения: 14.07.2019).

М. В. Морев

Новый этап социальных трансформаций: угрозы и перспективы

**Морев
Михаил Владимирович**

Кандидат экономических наук,

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия.

E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. В материалах поднимается дискуссионный вопрос о специфике современной российской самодостаточности, причинах ее устойчивого развития и возможных негативных последствиях. На материалах зарубежных исследований, а также опросов, проведенных в 2018–2019 гг. на территории субъектов Северо-Западного Федерального округа, рассматриваются показатели межличностного доверия, социального капитала и отношения россиян к различным жизненным явлениям. Итоги анализа позволяют сделать вывод о сохранении высокого уровня социальной атомизации российского общества.

Ключевые слова: социальные процессы, самодостаточность, межличностное доверие, социальный капитал, социальное здоровье.

В современном российском обществе такие феномены, как доверие, справедливость, социальное участие и потребность в переменах имеют крайне тесную связь друг с другом и, во многом, они связаны с теми ощущениями, которые складываются в обществе по поводу изменений в динамике уровня и качества жизни, а точнее по поводу того, как над этим вопросом работают органы власти. Сколько бы сегодня мы не говорили о необходимости преодоления патерналистских установок и не отмечали бы устойчивую тенденцию роста числа «самодостаточных» россиян, «которые не нуждаются в государственной опеке или просто не верят в ее эффективность» (Петухов 2018), взаимоотношения общества и власти были и остаются системообразующим вопросом, волнующим большинство людей. Хотя бы потому, что государство в России исторически всегда играло «первую скрипку» в инициации и реализации реформ, а общество – на ментальном уровне абстрактно воспринимая власть (не деля ее на ветви, субъекты и т. д., обладающие каждый свои функционалом), по-прежнему уповают на управленческие решения лично Президента в преодолении конкретных проблем, которыми, по идее, должны заниматься органы регионального и муниципального управления. Популярность «прямой линии» с В. Путиным такое же доказательство выдвинутому тезису, как и широкий общественный резонанс, который вызывают коррупционные скандалы вокруг должностных лиц регионального уровня.

На наш взгляд, чтобы иметь корректное представление о российском обществе сегодня (о тех тенденциях, которые в нем протекают, о реакциях, возникающих в общественном сознании и транслирующихся в конкретные формы социального поведения), необходимо взглянуть в прошлое и рассматривать всю постсоветскую эпоху, как цепочку отдельных периодов, последовательно (в соответствии с концепцией Йозефа Шумпетера о творческом (созидательном) разрушении (*creating destruction*) (Шумпетер 1982), вытекающих один из другого.

Если за «точку отсчета» брать распад Советского Союза, который «разорвал поступательное развитие государства и общества» (Тощенко 2015), то с этого времени российское общество пережило:

4. Период «лихих 90-х» (1991–1999 гг.), пришедших на смену серости и в некотором смысле тоталитаризму советского режима.

5. Период «тучных 2000-х» (2000–2008 гг.), когда благоприятная внешняя конъюнктура позволила более-менее восстановить уровень жизни, нарастить слой среднего класса, а благодаря действиям лично Президента стала упорядочиваться политическая система и стабилизироваться ситуация на внешнеполитической арене. В само общественное сознание в этот момент глубоко и надолго входит такое понятие, как «стабильность».

6. Период восстановления геополитического статуса России, утраченного вместе с распадом СССР (логичная задача после снятия острых «симптомов» кризиса в ключевых сферах внутренней жизни в первой половине 2000-х годов). Точкой отсчета этого этапа, на наш взгляд, можно считать «мюнхенскую речь» В. Путина в 2007 г. К этому же периоду относятся события в Сирии, на Украине и ряд менее заметных конфликтов, в которых российской дипломатии приходилось отстаивать суверенитет России (естественно, вызывая соответствующую реакцию со стороны многих западных стран (прежде всего, США), которая выражалась то в экономических санкциях, то в антидопинговых скандалах вокруг российского спорта, то в различных фейковых обвинениях наподобие «дела Скрипаля», химических атак в Сирии и т. д.). Нельзя также не сказать о том, что на этот период пришелся мировой финансовый кризис, по сути, прервавший позитивные тенденции устойчивого экономического роста середины 2000-х годов.

Упомянутые этапы, по большому счету, хорошо известны. Их кратким перечислением мы лишь хотели подчеркнуть последовательность и логичность социальных трансформаций в России на протяжении всего постсоветского периода.

Очередным рубежным моментом для нашего общества стал 2014 г., когда возникли две тесно взаимосвязанные между собой тенденции – рост потребности в переменах и рост доли «самодостаточных» россиян (Российское общество... 2016; Петухов 2018). Причиной этих перемен, на наш взгляд, стали не столько события «крымской весны», сколько тот факт, что реальное ощущение того, что Россия вступает в новую «светлую и жизнеутверждающую эпоху» (Осипов 2014) столкнулось с новой, на этот раз «рукотворной» волной экономических неурядиц 2014–2015 гг. Именно

это антагонистическое противоречие сыграло роль «спускового крючка», приведя к ситуации, когда терпение общества лопнуло, и часть россиян стали все более акцентировано формулировать свои требования к власти, а другая часть (у которой, благодаря экономическому росту в середине 2000-х годов, появились соответствующие материальные возможности) просто решила действовать, не оглядываясь на государство. Российское общество, таким образом, все более отчетливо стало осознавать себя как активного актора преобразования социальной реальности и, справедливости ради, надо отметить большую заслугу действующей власти и лично Президента в том, что в этот момент общественное сознание и социальное поведение стали проявлять себя в конструктивном русле, а не в виде различных социальных потрясений.

Послание В. Путина Федеральному собранию, которое он произнес в преддверии президентских выборов 2018 г., с одной стороны целиком и полностью соответствовало динамике общественных настроений (что фактически предопределило его победу на выборах), с другой стороны – оно «законодательно», публично оформило новый характер общественного договора, суть которого состояла в последовательном и динамичном развитии, прежде всего, внутренней жизни в стране; в развитии уровня и качества жизни населения.

И хотя дальнейшие действия органов управления фактически на всех уровнях власти крайне сложно назвать соответствующими общему посылу и основным задачам, заложенным в Послании 2018 г., в «майском указе» и Национальных проектах (имеются ввиду пенсионная реформа, повышение НДС, ряд других менее резонансных реформ, а также многочисленные факты коррупции и хамства со стороны чиновников регионального и местного уровня), суть от этого не меняется: ценность стабильности по-прежнему все больше уступает место ценности развития, что стимулируется и осознанием необходимости в преодолении отставания от уровня жизни западных стран, и элементарной «усталостью» от нерешенных внутренних проблем в экономической, социальной и политической сферах.

Таким, на наш взгляд, выглядит российское общество сегодня: последовательно и логично развивающимся, обладающим богатым опытом преодоления кризисов (далеко не только экономических), научившимся пользоваться теми возможностями, которые у него есть (во многом, благодаря естественному процессу смены поколений); и эта внутренняя оторванность от государства активно поддерживается «сверху» под видом необходимости преодоления патерналистских установок в условиях конкретных и весьма амбициозных задач, которые необходимо реализовывать в период до 2024 г.

Главный вопрос, который бы мы хотели обсудить с участниками конференции: чем отличается современная российская «самодостаточность» от социального атомизма, которым наше общество характеризовалось на протяжении 2000-х и первой половины 2010-х гг. (Горшков 2012; Жуков 2008; О чем мечтают россияне... 2013; Чугуенко 2013) (кроме, разумеется, более высоких материальных возможностей и появившихся за это время новых технологий)?

Более того, не напоминает ли современный период (когда общество, почувствовавшее и научившееся пользоваться теми бесспорно возросшими за последние 25 лет благами жизни, начинает злоупотреблять ими, руко-

водствуясь исключительно индивидуальными интересами) некий аналог «лихих 90-х», когда уставший от «серой» советской жизни социум, можно сказать, с жадностью набросился на потребление всего «вкусного, терпкого, шипучего, яркого» (Воеводина 2015), а ценности личного успеха фактически за несколько лет изменили образ и правила жизни, строившиеся до этого на протяжении фактически 70 лет?

Результаты Европейского социального исследования¹ показывают, что за период с 2008 по 2016 гг. среди россиян не произошло никаких изменений в оценках показателей межличностного доверия: при распределении ответов на такие вопросы, как «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя осторожность не мешает?», «Большинство людей постарались бы Вас использовать, или же люди постараются вести себя с Вами честно?», «Люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе?» Россия была и остается на 14–15 месте среди 16 европейских государств.

Опрос, проведенный нами в 2019 г. на территории трех субъектов Северо-Западного федерального округа², показал, что более 80% населения во всех регионах доверяют в лучшем случае «только самым близким друзьям и родственникам» (см. таблицу 1). При этом около 80–90% респондентов отметили, что в случае возникновения проблемной жизненной ситуации они готовы обратиться за помощью к членам семьи, близким друзьям и родственникам. Однако к коллегам по работе, соседям по дому, землякам, прохожим на улице и другим категориям готовы обратиться за помощью не более 15% людей, что указывает на сохранение актуальности проблемы низкого уровня социального капитала.

Следует также отметить, что по итогам опроса, проведенного в Вологодской области в 2018 г.³, подавляющее большинство граждан (90%) говорили о том, что «считают недопустимым» «употребление наркотиков», «жестокое обра-

¹ Европейское социальное исследование (The European Social Survey) проводится с 2001 г. с периодичностью 1 раз в 2 года (Россия участвует с 2006 г.). Объем выборки – 1500–3000 чел. в возрасте 15 лет и старше. Опросы проводятся по случайной репрезентативной выборке методом личных интервью. С целью расширения возможностей сопоставления результатов Европейского социального исследования с данными опросов, проводимых на национальном и региональном уровне, нами анализировались данные четвертой волны опроса (2008 г.), а также последней (седьмой) волны (2016 г.). Для анализа были отобраны страны, которые участвовали в обеих волнах (всего 16 стран).

² Эмпирической базой для анализа выступил опрос, проведенный в рамках гранта РФФИ №18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества» в апреле – июне 2019 г. в трех регионах Северо-Западного федерального округа: Вологодская область (800 чел.), Псковская область и Республика Карелия (по 400 чел.). Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения регионов. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 5%.

³ Эмпирической базой для анализа выступил опрос, проведенный в рамках гранта РФФИ №18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества» в мае – июле 2018 года в Вологодской области (в городах Вологде и Череповце и восьми районах – Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки – 1500 чел. Ошибка выборки не превышает 3%.

ние с животными», «плохое воспитание детей, заброшенность», «лишение себя жизни». Однако от 20 до 25% (то есть почти каждый четвертый житель региона) называл «вполне допустимым» такие вещи, как «дача или получение взяток», «уклонение от уплаты налогов», «деловая необязательность», «аборт», «хамство, грубость».

Таблица 1

Оценка уровня межличностного доверия, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Среднее по опросу
В наше время никому нельзя доверять	19,0	20,3	14,6	18,0
Только самым близким друзьям и родственникам	64,7	66,5	70,5	67,2
Большинству знакомых людей можно доверять	14,0	11,4	13,6	13,0
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	1,8	1,3	1,8

Примечание. Формулировка вопроса: «Кому Вы можете доверять?».

Другими словами, одно дело, когда обманутый покупатель отстаивает свои права в магазине или когда общественность восстает против несогласованного с ним строительства храма в Екатеринбурге. Совсем другое дело, когда учащийся, зная свои права, хамит учителю, подает в суд на родителей, или когда человек бросает вверенное ему ответственное дело из-за того, что он имеет право, например, пойти в отпуск: закон на его стороне, он пользуется этим правом и уже совершенно не важно, что будет с этим ответственным делом, кто его дальше будет «вести» и т. д.

Подобные ситуации встречаются в нашей повседневной жизни сплошь и рядом. Разница между двумя приведенными ситуациями – в глубоко внутреннем морально-нравственном уровне общества, который нельзя отрегулировать никакими законами. В постсоветский период этот вопрос по разным причинам находился на периферии; морально-нравственный уровень людей фактически не воспитывался (да и не мог воспитываться, поскольку в Конституции РФ официально наложен запрет на какую бы то ни было идеологию). В 2000-х гг. надо было преодолевать последствия кризиса 90-х, в 2010-х гг. – внимание общества было приковано к развитию событий на международной политической арене... В сами 90-е ни обществу, ни государству тоже по большому счету не было до этого дела, и лишь социологическая наука (в частности, В. А. Ядов) в то время говорила о том, что российский социум с распадом СССР утратил вектор своего развития, и это может привести к очень нехорошим последствиям (Ядов 1999).

Сегодня, когда и государство, и общество ставят перед собой конкретные, инструментальные цели, которые можно измерить, достичь, проконтролировать выполнение, отчитаться и т. д. Когда от науки требуют, прежде всего, прорывных технологий, а не диагностики социальных отношений (о чем, в частности, свидетельствует значительное снижение внимания именно к гуманитарному академическому знанию), на наш взгляд, крайне важно, чтобы вопрос о том, как правильно не только с практической, но и с моральной точки зрения пользоваться новыми, все более широко открывающимися перед людьми возможностями, оставался в центре научных дискуссий, за которыми в перспективе возможны и конкретные управленческие решения (например, в сфере информационной политики).

Литература

Воеводина Т. Чего «совкам» в «совке» не хватало? / Литературная газета №33. 2015. <https://lgz.ru/article/-33-6521-26-08-2015/chego-sovkam-v-sovke-ne-khvatalo/>.

Горшков М. К., Тихонова Н. Е. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3–11.

Жуков В. И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз / Доклад на II съезде Союза социологов России. – М.: изд-во РГСУ. – 2008.

Осинов Г. В. Не упустить предоставившийся шанс! / Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М: ИСПИ РАН. 2014. С. 6–18.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред.: М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены / Социс, №11, 2018. С. 40–53.

Российское общество весной 2016 г.: тревоги и надежды / Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. – Москва. – 2016. – 32 с.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015. Ч. 1. 668 с.

Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. – 2013. – №1. – С. 15–23.

Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. 455 с.

Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 65–72.

А. В. Мытиль, О. Н. Дудченко

Солидарность в территориальном гражданском активизме: вопросы и перспективы

Мытиль

Анна Владимировна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: amytill@yandex.ru

Дудченко

Ольга Николаевна

Кандидат экономических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: doudchenko@gmail.com

Аннотация. Развитие городского активизма в последние годы находится в центре внимания общественности, является предметом научных исследований. Наш доклад посвящен анализу возникновения и становления локальной гражданской солидарности в ответ на проект реконструкции Московским правительством Кунцевского района. Эмпирической базой является исследование, инициированное авторами этой работы, которое включает в себя использование как ряда качественных методов (интервью, экспертный опрос, включенное наблюдение, фокус-группа), так и мониторинг соцсетей. Основные вопросы, которые рассматриваются в этом материале: этапы становления локальной гражданской солидарности, характеристика «новых» лидеров, влияние диалога с властями на формирование солидарности.

Ключевые слова: гражданский активизм, солидарность, реконструкция, диалог, обратная связь.

Вопросы территориального самоуправления в настоящее время являются в нашей стране актуальными одновременно и в практическом, и в исследовательском, и в теоретическом плане. В последнее время повсеместно отмечается тенденция к повышению локальной гражданской активности, связанной с апелляцией к властям по поводу различных аспектов качества жизни горожан. Как правило, протесты являются реакцией жителей либо на градостроительные программы, либо на бездействие властей в отношении застарелых локальных проблем.

Один из видов локальной гражданской активности – это солидарный протест жителей в отношении «точечной», «массовой», «уплотнительной» застройки территорий, которая, начиная с середины 2000-х гг. была наиболее характерна для столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга. Этой проблеме посвящена настоящая работа. Начиная с конца 2017 г. авторы доклада проводят мониторинг солидарных действий жителей Кунцевского района города Москвы в отношении планов Московского Правительства по реконструкции этого района.

Эмпирическая база настоящего доклада состоит из ряда социологических исследований, объединенных в проект «Мой дом». В первую очередь, это опрос жителей домов в Кунцевском районе, предназначенных на снос в связи с планом реконструкции района. Всего было опрошено 20 человек (метод – структурированное интервью) во второй половине 2017 г. Во-вторых, были проведены фокус-группы с «активистами» и «обывателями» Кунцевского района (2018 г.). Аналогичные фокус-группы были проведены в районе Очаково-Матвеевское. Это – «сосед» Кунцевского района, но, до 2019 г., без актуальности проблемы с реконструкцией, «точечной» застройкой. Всего было проведено четыре фокус-группы, участниками которых были 15 «активистов» и 14 «обывателей». В-третьих, в середине 2018 г. был проведен экспертный опрос, участниками которого стали акторы местного самоуправления: муниципальные депутаты, представители бизнеса и средств массовой информации (в том числе, электронной). Всего было опрошено 12 экспертов.

Постановка проблемы

Имея возможность наблюдать «зарождение» территориального активистского сообщества, мы хотели отследить этапы его формирования от разрозненных индивидуальных оценок жителей «за» и «против» перспектив сноса их домов до солидаризации, трансформации идей, которые приводят к перерастанию единичных акций в движение. И далее – выход на более широкий социальный масштаб.

Следующий важный момент. Конечно, нам были интересны социальные характеристики акторов территориального активизма, их мнения о стратегии развития движения и накопления ресурсов. Нередко гражданская активность проявляет несколько лидеров, имеющих различное представление о стратегии развития событий, мерах, которые необходимо предпринять для достижения искомой цели. Борьба лидеров – это еще одна проверка действенности консолидирующей идеи солидаризации.

История городских протестов против застройки

Начиная с середины нулевых годов в Москве и Санкт-Петербурге было много протестных акций, солидарных движений. Несмотря на различный итог городских протестов против застройки, можно выделить характерные моменты.

- Игнорирование мнения собственников жилья, жителей локальной территории при принятии решений о сносе жилья, расселении, о градостроительных планах.
- Отказ властей (районных, городских) от диалога с жителями. Замена переговорного процесса силовыми акциями с привлечением полиции, ОМОНа, частных охранных предприятий.

- Формирование информационного вакуума вокруг проблемы: отсутствие превентивного информирования населения о планах переустройства их локальной территории, замалчивание официальными средствами массовой информации (телевидение, радио, пресса) наличия протеста. Если это не удастся, то происходит искажение информации о причинах конфликта, требованиях протестующих, размахе протестного движения.

После обсуждения программы реновации казалось, что ситуация начала кардинально меняться: были приняты существенные поправки в законодательство о реновации в Москве, которые, в первую очередь, закрепляли необходимость учета мнений собственников жилья о сносе их домов.

Однако вскоре запущенная другая градостроительная программа – реконструкции отдельных районов города Москвы – уже не предполагала ни учета мнения собственников жилья, ни даже степени аварийности жилья.

Хронология солидарных событий проекта «Мой дом»

Лето, 2017 г. Жителям района Кунцево города Москвы (47–48 кварталов района Кунцево) становится известно, что их дома подлежат сносу по проекту реконструкции их района. Судя по рассказам опрошенных жителей, слухи о сносе домов распространялись давно. Тем не менее, первой наиболее распространенной реакцией на сообщение о планах реконструкции – даже среди части сторонников сноса дома, был *«шок»*, *«оторопь»*, *«паника»*. Не в последнюю очередь эта реакция была вызвана полным отсутствием информации о нормативах переселения по программе реконструкции¹.

Общественные слушания. Мнение респондентов, которые принимали участие в общественных слушаниях, по поводу этой процедуры было единодушным. Первое, что они отмечали, это то, что *«управой оно не афишировалось»*. Во-вторых, организация общественных слушаний была направлена на то, чтобы местные жители, имеющие вопросы к районным властям и застройщику, не могли задать вопросов, не могли присутствовать на слушаниях: *«пришли какие-то непонятные люди с других районов»*. Необходимо отметить, что декларативность общественных слушаний, которые превращаются *«в спецоперацию»* отмечали и эксперты.

Новые «вынужденные» лидеры. Жители начинают апеллировать к старшим по домам, как к привычным представителям интересов жильцов. Начинают появляться новые лидеры активистского движения – собственники жилья в возрасте 30–45 лет, которые состоялись в своей профессии, не имеют опыта общественной, добровольческой или политической деятельности. В отличие от «старых» активистов, имеющих опыт общественной работы (старшие по дому, участники общественных организаций, сохранившихся со времен Советского Союза) «новые» лидеры отмечают *«вынужденный»* характер своей включенности в общественную деятельность. Возникают противоречия между идеями стратегий гражданского протеста, предлагаемыми «старыми» и «новыми» лидерами.

¹ Необходимо отметить, что ни на один из этих вопросов ни застройщики, ни власти города Москвы, давшие разрешение на строительство и, соответственно, снос домов, не дали ответа до настоящего времени.

Осень, 2017 г. Новые лидеры гражданского протеста стремятся нарастить административный ресурс для развития локального гражданского движения, баллотируются в состав Советов муниципальных депутатов. Мнение жителей относительно этой инициативы разделяется. Одни считают, что это бесполезно, поскольку *«система их перемелет»*. Другие вообще не верят в то, что независимые кандидаты могут победить в муниципальных выборах. Третьи считают, что выборы ничего не решают: *«в наших реалиях помогают только деньги»*.

Осень-зима, 2018 г. Серьезным стимулом к солидаризации активистского сообщества становится начало оборудования застройщиком первой строительной площадки на территории 47–48 кварталов в ноябре 2018 г. В ответ протестующие жители кварталов организуют круглосуточное дежурство, обустривают палаточный лагерь, пытаются физически препятствовать ограждению площадки и заезду строительной техники.

Палаточный лагерь быстро превращается в место активного общения и разнообразной совместной деятельности участников протеста — от решения бытовых проблем лагеря до обсуждения перспектив и дальнейших действий.

На этой стадии происходит изменение конфигурации ядра протеста: к тем, кто уже до этого вошел в число активных противников новой застройки, присоединяются ранее не проявлявшие своей позиции жители ближайших к будущей стройке домов, для которых угрозы, связанные с запуском программы «реконструкции», оказываются наиболее актуальными. По мере развития событий к кунцевчанам присоединяются активисты других районов, сталкивающихся со схожими проблемами. При этом часть первоначальных инициаторов протеста не проявляет интереса к участию в уличном противостоянии и переходит в разряд наблюдателей.

Задержания. Активная фаза противостояния началу стройки продолжается в течение двух недель и заканчивается силовым разгоном протестующих силами полиции, ОМОНа и нанятого застройщиком частного охранного предприятия. Часть активистов подвергаются задержаниям и последующему судебному преследованию, им назначаются штрафы, которые выплачиваются из средств, собранных жителями кварталов и сочувствующими им наблюдателями.

Митинги. Осенью и зимой 2018 г. становятся регулярными уличные акции различной формы и масштаба: народные сходы, митинги, одиночные пикеты. Они носят не только локальный характер — территория района становится местом организации общемосковских митингов против *«строительного беспредела»*, значительное число кунцевских активистов принимает участие в митингах с соответствующей тематикой, которые проходят в других районах Москвы.

Широкое освещение протеста. Помимо расширения форм и масштабов протестных акций, активисты видят свою задачу в прорыве *«информационной блокады»* вокруг того, что происходит в Кунцево. Благодаря их усилиям события освещаются не только в местных печатных изданиях и электронных ресурсах, но и в федеральных и даже зарубежных средствах массовой информации.

Зима-весна 2019 г. Несмотря на то, что после разгона палаточного лагеря строительная площадка была огорожена, строительство так и не началось. По мнению активистов — прежде всего благодаря их решимости физически противостоять началу работ и активности в привлечении общественного интереса через СМИ. После «заморозки» стройки акцент в деятельности активистов был перенесен на поддержание реанимированных в ходе развития протеста соседских связей и общего интереса к объединению жителей кварталов. Силами соседского сообщества был организован ряд массовых культурных мероприятий: детский новогодний праздник; празднование масленицы; возведение снежной крепости (ее строители стали победителями в районном конкурсе «Уютный двор»).

Лето 2019. Одним из результатов событий 2018 г. стала расширяющаяся известность представителей Кунцево в активистском сообществе Москвы — не только как активных участников общегородских акций, но и как авторов одной из немногочисленных историй успеха (по крайней мере промежуточного), как своего рода экспертов по организации эффективного протеста, готовых оказать поддержку активистам других районов. Яркий примером такой их деятельности — поддержка протестующих против точечной застройки в рамках программы реновации в районе Очаково-Матвеевское. Здесь тоже были задержания и судебные разбирательства, и наиболее жесткие меры (в том числе административный арест) были применены именно к активистам из Кунцево.

Судебные процессы. Параллельно с уличными акциями на протяжении всего периода наблюдений продолжались судебные процессы по искам жителей 47–48 кварталов к Правительству Москвы с целью оспорить ряд постановлений, на основании которых реализуется программа «реконструкции». Первый иск был проигран после апелляций на уровне Верховного суда РФ. По второму иску уже в течение полугода происходят переносы заседаний, переводы разбирательства из одной инстанции в другую. По мнению активистов, речь идет о намеренном оттягивании содержательного рассмотрения иска представителями ответчика в надежде на то, что после начала активного строительства дело утратит свою актуальность.

Выводы

Результаты нашего проекта показали, что тенденции развития градостроительных проектов местных властей создают условия для возникновения и устойчивости солидаризации жителей. Можно выделить три типа реакции на известие о предстоящем расселении.

Первый тип заключается в принятии парадигмы патернализма: за властью признается право определять, что есть благо для населения, поскольку именно она — власть — несет ответственность за каждого человека. Для этих людей естественным является неучастие в локальных солидарных действиях. На основании проведенных интервью мы можем высказать предположение, что эти люди не испытывают солидарных чувств вообще ни с кем — даже с «начальством», с «властью», хотя полностью признают их право определять свою судьбу.

Второй тип – наиболее многочисленный – мы бы назвали «добровольными помощниками». Они против расселения, однако не готовы (в силу страха, неверия в успех, отсутствия времени) активно участвовать в сопротивлении. Их позиция — наблюдение, готовность принять участие в отдельных акциях, оказать посильную помощь активистам, но не на регулярной основе и, по возможности, без огласки.

Третий тип – новые лидеры, которые готовы консолидировать протест. Это «вынужденные» активисты, которых отличает не столько повышенная общественная активность, сколько привычка самостоятельно отвечать за себя и свою семью. Именно поэтому, когда градостроительная активность региональных властей вторгается в их частную жизнь, они исходят из того, что кроме них самих, никто их проблемы решать не будет — и всерьез включаются в сопротивление.

Диалог с властью, участие в решении муниципальных и общегородских вопросов — главный запрос со стороны локальных сообществ. Это общая черта городских протестов. Именно это наиболее востребовано и в нашем случае. Вывод, который активисты делают из своего опыта: солидаризация и гласность — это единственная возможность заставить власть прислушаться.

Литература

Абрамова Н. В. Московская реновация: анализ российских СМИ // Вестник Института социологии. № 4, Том 9, 2018. С. 156 – 169.

Газета «Живой город». № 5 (10) декабрь 2018. С. 1–2.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России / [Предисловие М. Шевченко] – М.: Три квадрата, 2010. – 688 с.

McAdam D., McCarthy D., Zald M. N. (eds.). Comparative Perspectives on Social Movements. Cambridge: Cambridge University Press, 1996 – 426 p.

А. А. Овсянников

Типология самоорганизации жителей коттеджных поселков¹

**Овсянников
Анатолий Александрович**

Доктор экономических наук, РАНХиГС,
Москва, Россия.

E-mail: aovsianikov.1950@mail.ru

Аннотация. На материалах исследования образа жизни владельцев усадеб в коттеджных поселках Москвы и Подмосковья впервые моделируется типология их социокультурной самоорганизации. Исследуется появление новых социальных замкнутых и закрытых социальных образований. Жители коттеджных поселков осваивают и выстраивают новые коммуникации в условиях сочетания высоких стандартов городской жизни и сельских поселений. Обитателями этих поселков являются представители и самых богатых слоев российского общества, и представители высшего слоя средних классов России (не только жители столицы, но и регионов России и стран ближнего зарубежья). Это люди, вложившие в свои дома и участки не менее 1 миллиона долларов США. Но вот социальные траектории жителей этих поселков и источники привлекаемых ими ресурсов неизвестны и вряд ли измеряемы в социологических исследованиях. Исследование позволило оценить социокультурные особенности поведенческих практик жителей коттеджных поселков и коллективистские практики, возникающие в этих поселениях для организации совместного проживания.

Ключевые слова: реформа жилищного строительства и обеспеченность собственными домами, коттеджные поселки, особенности приобретения домов и проживания в США и России, образы жизни.

Социальная справедливость общественной жизни – это вечная тема не только обыденности социальной жизни, но и теоретического социологического осмысления. Она выражает отношения трудовых усилий и вознаграждения за них, преступления и наказания, реальной роли человека в жизнеустройстве и его социального положения, заслуг и признания. Социальная справедливость – это и мера деликатного баланса между свободой и равенством. Как только в обществе создаются условия роста индивидуальной свободы, то начинает расти социальное неравенство, вызывая социальные недовольства. Как только начинаются действия по наращиванию социальных расходов в бюджете, то растут налоги на бизнес и на доходы богатых людей, активность бизнеса падает, но растет уровень социального равенства. Рынок, не ограниченный институтами перераспределения национального дохода, ведет к неограниченному росту экономического неравенства, формируя избыточное неравенство. В России инструментов эффективного перераспределения доходов или просто нет, или они очень слабы.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 17-06-00671).

Одним из социально значимых и важных проявлений социальной дифференциации и социального неравенства является появление в России, и прежде всего в Новой Москве и Подмосковье, нового массового явления, связанного с построением коттеджных поселков. Экономическое значение этого явления трудно переоценить: богатые и зажиточные люди инвестируют свои средства в строительство домов в закрытых и хорошо охраняемых поселениях. Однако это является и не скрываемой демонстрацией социального неравенства и сегрегации, не связанного с либеральной позицией, обусловленной тем, что богатство определяется личными качествами человека. Напротив, в России богатство определялось и определяется не столько личными достоинствами, а в большей степени социальными свойствами приближенности к государственным или к криминальным источникам ресурсов.

Масштабы коттеджного строительства в Новой Москве и Подмосковье впечатляют. Всего количество активно застраиваемых и продаваемых коттеджных поселков, в которых предлагаются отдельные дома или участки с подрядом¹, выросло за период с 2010 г. по 2017 г. со 140 до 266 поселков, то есть почти в 2 раза. Несмотря на столь внушительный рост, специалисты рынка заявляют, что говорить о перенасыщении загородного рынка индивидуального строительства домов просто нет оснований. Только в 2016 и в 2017 гг. на рынке появились дома и участки в новых 83 поселках. И они или уже куплены, или сегодня активно раскупаются. Среднее время активной распродажи коттеджей и земельных участков на рынке равно 2 годам. Риэлторы считают это очень хорошим знаком активности покупателей. Большинство аналитиков рынка загородной недвижимости считают, что можно даже говорить об общей тенденции к стабилизации цен на усадьбы в коттеджных поселках на уровне минимальных цен коттеджа в 1–1,5 млн долларов США.

Рынок домов в коттеджных поселках сильно эластичен по отношению к индивидуальным запросам потребителей. Он насыщен особыми индивидуальными социальными ценностями, вполне капитализируемыми в коммерческой цене. Это уже ценности не утилитарного характера, а ценности демонстрируемого социального статуса, идентификации и самоидентификации с представителями успешного элитарного социального слоя, престижа, индивидуализма и социального превосходства. Загородный дом становится вполне определенным бодрийеровским симулякром. Поэтому – то и стоит дорого. Такой сдвиг цен на дома и участки в коттеджных поселках Новой Москвы и Подмосковья приводит к тому, что целевая аудитория потенциальных потребителей становится глобалистской. По крайней мере, включает в себя все состоятельное население России и стран бывшего СССР, желающего «прикоснуться» к Москве и обеспечить себе дорогую, комфортную и спокойную старость, но и комфортную жизнь своим детям и внукам. За это они готовы заплатить и платят высокую цену.

Исследование образа жизни в коттеджном поселке позволило взглянуть на жизнь изнутри, оценить социальное поле нового жизненного уклада. В экономиках постиндустриального типа позиция потребителя является

¹ Это форма продажи земельного участка в строящемся коттеджном поселке с обязательным приобретением проекта жилого дома и заключением договора на его строительство.

главной и решающей. На рынке усадеб и домов в коттеджных поселках покупают не дома как утилитарные и технико – экономические ценности «марксовых» товаров. На этом рынке важнейшими ценностями являются приобретение социальных и личностно – ментальных благ. Для понимания этого поля мотиваций стоит посмотреть на мировоззренческие, ценностные и поведенческие позиции обитателей коттеджного поселка (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Мировоззренческие установки, ценности и поведения
жителей коттеджного поселка «Светлые ручьи»**

Индикаторы установок	%
Верят в Бога	67
Считают справедливым сложившийся в России порядок	46
Считают, что семейное благополучие зависит от самого человека	73
Считают, что семейное благополучие зависит от обстоятельств, независимых от человека	27
Поддерживают президента Путина	74
Считают, что Россия великая страна	46
Считают рабочих – мигрантов «необходимым злом»	78
Гордятся тем, что построили дом в коттеджном поселке и живут в нем	86
Считают, что их жизнь удалась	64
Считают свою семью самой большой ценностью	94
Гуманизм – это обязательная для человека ценность	32
Богатство – это условие для уважения человека	65
Необходимость добиваться социального признания заслуг	31
Товарищество – это необходимость для жизненного успеха	45
Стремление минимизировать контакты с внешним миром	17
Стремление не заводить в поселке новых знакомств	24
Придерживаться правил проживания в поселке	87
Коллективность принятия решений о жизни в поселке	22
Поддержание хороших отношений с соседями	96
Обязательность оплаты за потребленные ресурсы	76
Обязательность оплаты услуг управляющей компании	80
Соблюдение «закона о тишине»	92
Соблюдение правил выгула собак	67
Соблюдение правил езды по улицам поселка	87
Участие в корпоративных праздниках поселка	56
Живем в поселке постоянно	36
Дом в поселке – это для нас дача	64
Содержат штат прислуги	32
Регулярно пользуются услугами домработниц и других рабочих	58
Имеют сад	95
Имеют огород	46
Имеют теплицу	14
Содержат птиц и мелких животных (кроликов, овец, свиней и пр.)	2

Напрашиваются следующие выводы:

- Жители поселка активно демонстрируют свою религиозность. Однако в этом видно и лицемерие формальности религиозности. Религиозность просто заняла опустевшее место идеологического деспотизма.

- Жители поселка явно заявляют о своем либерализме, считая, что «...семейное благополучие зависит от самого человека» (73%). Но в тоже время они демонстрируют и вполне внятно обозначаемое обожание власти, преданности Президенту страны и гордостью за Отечество. Такое слияние не соединяемого российский социолог Тощенко Ж. Т. назвал «кентавризацией».

- Жители поселка в целом удовлетворены своей жизнью. Они семейные люди, любящие свои семьи. Они заявляют о своем гуманизме, но тут же заявляют и о любви к деньгам, полагая, что богатство «это условие для уважения человека» (65%). Они тщеславные люди, считающие, что необходимо добиваться социального признания их заслуг (31%).

Факторизация массива данных (пакет SPSS) позволила получить 4 статистически значимых фактора, позволивших объяснить 63% дисперсии системы мировоззренческих, ценностных и поведенческих установок жителей поселка (см. таблицу 2).

Первый фактор объясняет 29% информативности системы социальных поведений в поселке, имеет наивысшие факторные нагрузки с переменными, оценивающими потребности жителей поселка в одиночестве, минимизации контактов с миром столичной жизни и миром вообще, в нежелании заводить новые знакомства, но в то же время и в стремлении не выделяться в поселке и придерживаться правил жизни в поселке. Назовем этот фактор как *«стремление построения социальной кельи»*.

Вот фрагмент интервью, явно демонстрирующий значимость этого фактора самоопределения жителей поселка. Федор, 39 лет, топ – менеджер одной из крупных российских компаний на рынке сотовой связи: *«Когда в семье родились две девочки – погодки возникла необходимость в большой квартире. В Москве покупать квартиру не захотели... Понравилось место в коттеджном поселке по Киевке. Купили участок в 30 соток по 19 тысяч долларов за сотку. Еще пару миллионов долларов вложил в строительство дома и обустройство усадьбы. Сейчас доволен всем. Хорошие и нелюбопытные соседи... Здесь я нашел и покой, и семейное счастье, и гордость за то, что я смог сделать счастье и для жены, и для детей. Жена работает. За детьми следят две няни. В своем доме я просто отдыхаю. Приезжаю сюда и тихо бухаю. Никого не приглашаю сюда в гости. Это мое лежбище. Это стоит тех денег, что потрачено на дом...»*.

Второй фактор, объясняющий 17% информативности системы социальных поведений, имеет наибольшие корреляции с признаками эгоистического и социально не одобряемого поведения. Эти переменные оценивали дисциплину оплаты услуг по ресурсному обеспечению домовладения (дисциплина оплаты за электричество и газ), оплаты услуг управляющей компании, важности мнений соседей о них и соблюдения правил поведения в поселке (посещение поселковых собраний и праздников, выгула

собак, правил соблюдения тишины и езды по улицам поселка). У этого фактора самые низкие корреляции с этими переменными. Это говорит о факторе асоциальности и демонстративной нежелательности культуризации жизни в поселке. Назовем этот фактор как *«постмодернистский бунт: фактор нового анархизма или старого эгоизма»*.

Таблица 2

Факторы, определяющие жизненные позиции жителей поселка

Мировоззренческие установки, ценности и поведения жителей коттеджного поселка	Информативность факторов (в % от общей дисперсии) и факторные нагрузки*			
	Фактор 1 29%	Фактор 2 17%	Фактор 3 10%	Фактор 4 7%
Верят в Бога	0,76		0,65	0,80
Считают справедливым сложившийся в России порядок		0,74	0,60	
Считают, что семейное благополучие зависит от самого человека		0,62	0,73	
Считают, что семейное благополучие зависит от обстоятельств, независимых от человека	0,67			
Поддерживают президента Путина		0,45	0,44	
Считают рабочих-мигрантов «необходимым злом»	0,60		0,44	
Гордятся тем, что построили дом в коттеджном поселке и живут в нем			0,64	0,32
Считают, что их жизнь удалась			0,61	0,35
Считают свою семью самой большой ценностью	0,78			0,74
Гуманизм – это обязательная для человека ценность	0,68			0,31
Богатство – это условие для уважения человека			0,74	
Товарищество – это необходимость для жизненного успеха				0,58
Одиночество	0,40			
Стремление минимизировать контакты с внешним миром	0,58		0,40	
Стремление не заводить в поселке новых знакомств	0,46			-0,78
Придерживаться правил проживания в поселке	0,45		0,31	0,54
Участие в корпоративных праздниках поселка				0,62
Довольны жизнью в поселке	0,34			0,41

Примечания.

*В таблице не приводятся значения факторных нагрузок с величиной, меньше, чем 0,3. Для удобства восприятия данных перед запятыми не приведены нули.

Фактор 1 – Стремление построения социальной кельи.

Фактор 2 – Постмодернистский бунт: фактор нового анархизма или старого эгоизма.

Фактор 3 – Стремление к обретению помещичьей культуры дореволюционного барства.

Фактор 4 – Стремление к обретению социалистических корней.

Вот фрагмент интервью, демонстрирующий значимость этого фактора. Владимир, 56 лет, руководитель департамента одного из министерств экономического блока: *«Знаешь, я всегда боролся с несправедливостью. И в Советском Союзе, и сейчас. Вот я купил два участка по 15 соток. Дом и баня стоят на одном участке. Второй участок – просто газон. Вот с какой стати я буду платить за охрану, за очистку дорог, за инженерные коммуникации как за два участка! Не платил, и платить не буду.*

Решение собрания? Наплевать. Тут у нас не поселок, а какое – то коммунистическое собрание. Насмотрелся я на них. Я вложился в этот дом для того, что б жить здесь. Вот скоро меня на пенсию турнут. Буду здесь жить. И мне просто наплевать, что про меня думают соседи. Я к ним не хожу и не общаюсь...».

Третий фактор, объясняющий 10% информативности системы, связан, прежде всего, с переменными, оценивающими демонстративность поведения в поселке. Речь идет о больших участках земли, о больших и дорого обустроенных домах, о наличии прислуги, о формировании в поселке новых социальных изолятов, о полном равнодушии к жизни в поселке, но при этом о соблюдении финансовой дисциплины по оплате услуг, но с полным безразличием к соблюдению норм проживания в поселке. Назовем это фактор **«стремлением к обретению помещичьей культуры дореволюционного барства»**.

Вот фрагмент интервью, демонстрирующий значимость этого фактора. Акрам, 61 год, бывший работник администрации президента одной из среднеазиатских республик, владелец участка в 30 соток и трехэтажного коттеджа. На участке построен отдельно стоящий дом для прислуги: *«Этот дом, усадьба – это мое место для счастливой старости. Со мной моя жена и четверо наших детей. Два внука. Они учатся в русской школе. Дома мы говорим только по-русски. Я не хочу их возвращения на родину. Пусть живут в России. Может быть они здесь обретут свое счастье. Для такой семьи, как у меня, нужен большой дом. Да, со мной живут и три человека, которые смотрят за домом, за садом и помогают моей супруге. Они служат мне. Они следят за курятником и овечками, которые они возвращают для приготовления шашлыка...»*.

Четвертый фактор, объясняющий 7% информативности системы, связан, прежде всего, с переменными, оценивающими откровенную ориентацию на социализированность и коммуникативность жизни в поселке. Этот фактор имеет большие корреляции с переменными, оценивающими приверженность к коммуникативным способам принятия решений о жизни в поселке, дисциплины платежей и норм поведения в поселке, с организацией своих садов и огородов. Назовем это фактор **«стремлением к обретению социалистических корней»**.

Фрагмент интервью, явно демонстрирующий значимость этого фактора. Владимир, 70 лет, живет в доме площадью 300 квадратных метров с женой и семьей сына с двумя детьми. Бывший начальник нефтегазового управления Тюменской области: *«Строил дом с энтузиазмом. Всю ведь жизнь после окончания Томского политеха проработал в болотах Васюганья. Устал. Однако и здесь счастья не обрел. Скучно. Все замкнулись за заборами. Просто выпить не с кем. Хорошо хоть раз в год на Новый год собираемся на совместную пьяночку. Да я многих знаю в поселке. Но вот выпить рад с двумя – тремя соседями... Отрада и для меня, и для жены – это наша живность. У меня целая кроличья ферма. У меня курятник и в нем курей 20, а еще перепела. Две теплицы. Все это как – то украшает мою жизнь смыслом...»*.

Конечно, предложен всего лишь эскиз образа жизни нового социального явления современной России и новых форм социального активизма, связанного с проживанием в коттеджных поселках. Внешне эти поселки вызывают и восхищение, и зависть, и гнев от социальной несправедливости. Однако даже поверхностный взгляд на них и на жизнь в этих поселениях вызывает и сочувствия, и сожаления сложностью организации социальной жизни в них для людей с разными культурами, разным жизненным опытом и разными потребностями, реализуемыми в этих поселках.

Станет ли это явление коттеджизации массовым, или останется социальной экзотикой, покажет время.

Р. В. Петухов

Укрупнения муниципальных образований как социально-политический феномен

**Петухов
Роман Владимирович**

Кандидат юридических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Аннотация. Автор настоящей работы обращается к опыту создания больших по территории муниципальных образований, получившему распространение в России начиная с 2014 г. Основным механизмом создания таких укрупненных муниципалитетов является ликвидация местных органов власти в городских и сельских поселениях за счет включения соответствующих территорий в состав городского округа. В результате таких преобразований властные структуры физически концентрируются в административном центре городского округа, что создает обширную периферию, в пределах которой проживают люди, но нет или почти нет органов публичной власти. По мнению автора, такие изменения в формальной организации власти и размещении ее структур в физическом пространстве приводят к значимым для простых людей последствиям и меняют их повседневную жизнь.

Работа выполнена по результатам экспедиций в Нижегородскую область (октябрь 2018 г.) и Калининградскую область (апрель 2019 г.), организованных в рамках проекта НИУ-ВШЭ «Открываем Россию заново» и имевших целью изучение социально-экономических последствий укрупнения муниципальных образований.

Ключевые слова: местное самоуправление, преобразования муниципальных образований, социальное пространство, физическое пространство, доступность власти.

То, что с функционированием муниципальной власти в России имеются сложности сегодня понятно как специалистам, так и многим обычным людям. Среди основных проблем чаще всего называются нестабильность законодательства, некачественное разграничение полномочий между муниципальными и государственными органами власти, недофинансирование местных бюджетов (несоответствие расходных обязательств и доходных источников) и кадровый голод (Бабун 2015; Лексин 2016, Яговкина 2016 и др.). Экономический кризис 2014–2018 гг., усугубил ситуацию и поспособствовал перерастанию этих проблема в системный кризис. Реакцией общества на это стало разрушение институционального доверия к муниципальным властям, которое неизменно фиксируется опросами общественного мнения на протяжении пяти последних лет (Петухов 2017). Неспособность системы местного самоуправления справляться со своими функциями подтолкнула органы государственной власти некоторых субъектов Российской Федерации, как реальных принципалов муниципальных властей (Туровский 2015), к принятию мер по повышению эффективности их деятельности.

Одним из основных направлений поисков более эффективной организации муниципального управления стали эксперименты с укрупнением территорий муниципальных образований за счет объединения нескольких поселений (муниципальные образования т. н. «первого уровня» максимально приближенные к естественной системе расселений и включающие в своей состав один или несколько близкорасположенных населенных пункта) в один большой по площади и числу жителей муниципалитет. В качестве цели таких преобразований в публичном пространстве, называется прежде всего экономия бюджетных средств за счет сокращения числа муниципальных чиновников и депутатов¹. На уровне экспертного обсуждения – речь идет о повышении эффективности внутрирегионального управления за счет упрощения взаимодействия между уровнями власти. Этот эффект также достигается за счет сокращения числа муниципальных чиновников.

Большая часть научно-экспертного сообщества (в том числе и автор настоящей работы) скептически относится к перспективе распространения практики укрупнения муниципальных образований и не видит ее в качестве «лекарства» от кризиса местного самоуправления². Упрощение территориальной организации местного самоуправления и централизации муниципальной власти, являющиеся реальным содержанием процесса укрупнения муниципальных образований, не решает ни одной из перечисленных выше проблемы российского местного самоуправления. Реальными бенефициарами укрупнения являются государственные и муниципальные чиновники, работа которых облегчается за счет сокращения числа муниципальных образований.

Для внешних наблюдателей, к числу которых относится и автор настоящего доклада, бесспорным кажется тот факт, что физическое удаление органов местной власти от мест непосредственного проживания жителей укрупняемых муниципальных образований серьезно влияет на их обыденную жизнь, заставляя менять повседневные практики.

Наиболее очевидным в данном случае является изменение практик повседневного, рутинного взаимодействия с органами местного самоуправления. Упрощение системы организации местного самоуправления сегодня осуществляется в основном либо путем объединения нескольких сельских поселений в одно, либо путем преобразования муниципального района в городской округ, с одновременной ликвидацией городских и сельских поселений, входивших в район. В результате таких преобразований происходит концентрация властных функций и реализующих их органов власти в административном центре вновь созданного муниципального образования. Одновременно, образуются периферийные территории, на которых либо полностью не действуют органы власти, либо они действуют в усе-
ченном виде, т. к. на практике вместо органов местного самоуправления

¹ Наприм. см.: В Подмоскowie завершилась муниципальная реформа [Электронный документ]. URL: <https://rg.ru/2019/07/07/reg-cfo/v-podmoskove-zavershilas-municipalnaia-reforma.html> (дата обращения 18.10.2019).

² Наприм. см.: Местное самоуправление сгубили реформы. Эксперты КГИ и Европейского клуба обсудили, что делать с МСУ [Электронный документ]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3968213> (дата обращения 18.10.2019).

упраздненных поселений иногда создаются территориальные отделы администрации, соответственно, укрупненного сельского поселения или городского округа. Тем не менее, в результате таких преобразований всегда растёт число публичных услуг, которые жители периферийных территорий не могут решить без выезда из своего населенного пункта в административный центр, а следовательно возникает вопрос об изменении их доступности.

В литературе и законодательстве используются два критерия доступности муниципальной власти – это пешеходная доступность и транспортная доступность. Традиционно они измеряются либо в единицах времени, потраченных на дорогу до органов власти и обратно, или в единицах расстояния от определенного населенного пункта до административного центра соответствующего муниципального образования.

В качестве примера одного из последних исследований доступности органов местного самоуправления в России можно привести исследование «Территориальная доступность местного самоуправления в Российской Федерации» (Пузанов, Попов 2017), проведенное в 2017 г. Фондом «Институт экономики города». Авторы этого проекта посредством компьютерного моделирования оценивали долю населения России, проживающего в населенных пунктах с ограниченной территориальной доступностью местного самоуправления. Под доступностью местного самоуправления в этом исследовании понималось «обеспечение для всех граждан равных возможностей как регулярно получать предоставляемые органами местного самоуправления услуги, так и непосредственно участвовать в осуществлении местного самоуправления: посещать муниципальные выборы, собрания и конференции, публичные слушания, иные мероприятия, организуемые органами местного самоуправления и предполагающие вовлечение общественности (Указ. соч.: 24). В свою очередь, территориальная доступность рассматривается как один из компонентов доступности местного самоуправления и определяется, как «достаточная территориальная близость мест проживания граждан к местам предоставления услуг и возможность непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения» (там же). В качестве ее индикатора авторы исследования использовали расстояние от границы каждого населенного пункта, входящего в состав муниципального образования, до его административного центра. Проведенный ГИС-анализ и статистический анализ данных по 18 субъектам Российской Федерации, позволил прийти к выводу о достаточно значительной доли населения пилотных регионов, проживающих в зоне ограниченной транспортной доступности местного самоуправления (в среднем 2–4% от общей численности населения, но в отдельных регионах эта доля превышает 10%) (там же). Экстраполяция полученных данных на всю территорию России (за исключением городов федерального значения) позволила авторам прийти к выводу, что в целом по стране в условиях ограниченной транспортной доступности местного самоуправления проживает до 3% населения или порядка 4 млн чел.

Однако, в реальности доступность власти, а, следовательно, и изменение этой характеристики в случае укрупнения муниципального образования, довольно сложно измерить путем простого расчета расстояния от населенного пункта А, находящегося в границах определенного муници-

пального образования, до населенного пункта Б, в котором расположены местные органы власти соответствующего муниципалитета. Такое измерение оставляет вне поле зрения множество важнейших факторов, информацию о которых невозможно получить через простую географическую карту.

Как хорошо видно из этого примера, доступность местной власти для населения зависит не столько от расстояния, сколько от расписания движения автобусов, определяемого в этом регионе частными автоколоннами, а также от наличия у конкретного человека возможности оплатить проезд туда и обратно. Имеются и другие факторы, влияющие на доступность власти для населения, такие как расписание работы присутственных мест, установленные в органах местного самоуправления регламенты и нормативы работы с обращениями граждан и, в целом, документооборота, наличие или отсутствие в муниципальном образовании единого центра оказания государственных и муниципальных услуг, которые значительно ускоряет и упрощает для жителей процесс получения муниципальных услуг и т. п.

Каковы последствия физического отдаления муниципальных органов власти от места жительства населения укрупненных муниципальных образований? Если посмотреть на аргументы инициаторов таких преобразований, то негативных последствий почти нет. Большинство жителей сельских поселений опасаются, что в результате вхождения в состав городского округа, как наиболее распространенной формы укрупнения, они лишатся своих сельских льгот, но региональные власти быстро развеивают их опасения, справедливо ссылаясь на то, что льготы обусловлены сельским статусом соответствующего населенного пункта, которые не меняются в результате вхождения в состав округа. Как правило, после этого никаких вопросов о будущем со стороны населения не следует. Однако, в более широкой перспективе можно довольно легко усмотреть довольно большое количество проблем, с которыми столкнутся жители периферии укрупненного муниципального образования.

Помимо ухудшения доступности муниципальных органов власти, их также ждет сокращение потенциальных рабочих мест для квалифицированной специалистов. Напомним, что одной из целей укрупнения муниципальных образований является сокращения числа муниципальных чиновников и депутатов. Соответственно, вслед за вхождением городского или сельского поселения в состав городского округа или другого поселения, последует ликвидация поселковых органов местного самоуправления и увольнение их работников. Несмотря на то, что у нас принято сетовать на низкий уровень квалификации кадров сельских администраций, чаще все там работают люди, имеющие высшее или среднеспециальное образование. Обычно муниципальные служащие получают довольно высокую для сельской местности заработную плату. Поэтому их увольнение — это удар по местной элите, в положительном смысле этого слова. Смогут ли бывшие муниципальные служащие найти на территории бывшего сельского поселения себе работу, соответствующую их знаниям и навыкам? Скорее всего, нет. Следовательно, они будут стараться переехать в административный центр. И это касается не только уволенных муниципальных служащих. Вспоминая тезис Пьера Бурдьё о том, что *«социальное пространство стре-*

миться преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью удаления или депортации некоторых людей» (Бурдые 2007), можно ожидать, что ликвидация органов власти в поселениях, становящихся периферией большого по территории округа и централизации всех властных функций в ядре этого укрупненного муниципалитета, будет способствовать стягиванию туда людей, имеющих хоть какой-то экономический и социальный капитал. На периферии укрупненных муниципалитетов, которые, в свою очередь, также являются периферией крупных городских агломераций, останутся наименее социально дееспособные жители.

Другим, явно недооцениваемым следствием создания муниципальных образований с обширной периферийной территорией, является образование «невидимых» для публичной власти лакун, которые она не сможет эффективно контролировать из-за отсутствия информации о том, что в них происходит. Если вспомнить последние инициативы федерального Правительства по выведению из «тени» самозанятых граждан, то концентрация органов власти в центре обширных по своей теории муниципальных образований будет явно работать против этого начинания. Формирование периферии «периферии» создает условия для еще большего ухода людей и местного бизнеса в серую зону. По этим же причинам возникают трудности с обеспечением общественного порядка.

В завершении хотелось обозначить основной парадокс, связанный с процессом укрупнения муниципальных образований, и требующий дальнейших научных изысканий и дискуссий. Наибольшее удивление вызывает реакция жителей периферийных территорий укрупненных муниципальных образований, положение которых, при взгляде извне, существенно ухудшается в результате ликвидации местных органов власти, но которые практически не противятся этим процессам. Исключением из этой практики являются некоторые муниципалитеты Подмосковья, в которых в 2017–2018 гг. проходили более-менее массовые акции протеста. В тоже время, в случае создания Семеновского городского округа Нижегородской области решения об объединении сельских и городских поселений в единый муниципалитет было принято на голосовании, участие в котором приняли 59% избирателей, внесенных в списки голосования; из них за создание городского округа проголосовало 84% участников голосования, проживающих вне административного центра района, и 90% – жителей административного центра – города Семенов¹.

Для дальнейшего исследования указанной проблематики может быть предложено несколько гипотез разной степени достоверности. Основной из них является предположение о том, что интенсивность реакции общества (в данном контексте жителей преобразуемых муниципальных образований) на действия властей обусловлена субъективной ценностью объектов, на которые направлены действия властей. Соответственно, в одних случаях возможность проживания в небольшом по территории муниципальном

¹ Предварительные результаты голосования в Семеновском районе 21 ноября 2010 г. // Официальный сайт администрации Семеновского городского округа [электронный ресурс]. URL: http://www.semenov.nnov.ru/modules.php?name=linkhtml&qlinkhtml=semradio/2010/svod3_2010.html (дата обращения 01.06.2019).

образовании воспринимается местными жителями, как ценность достойного защиты и конфликта с властями, а в других случаях это не является столь же значимым. Кроме того, реакция жителей определенным образом может быть связана с уровнем их включенности в политическую жизнь, а также распространенностью протестных настроений в обществе в целом.

Литература

Бабун Р. В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. № 1. 2015. С. 13–20.

Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии: СПб.: Алтея, 2007. С. 50.

Лексин В. Н. Что происходит с местным самоуправлением в России? // Федерализм. № 1 (81). 2016. С. 65–76

Петухов Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05>.

Пузанов А. С., Попов Р. А. Оценка территориальной доступности местного самоуправления: экономико-географическое исследование // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 24–30

Туровский Р. Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. № 2. 2015. С. 35–51. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.03>.

Яговкина В. А. Местное самоуправление в условиях кризиса: бюджетный федерализм и разные стратегии выживания // Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Современные вызовы и перспективы развития. Под ред. Е. С. Шугриной. М.: Проспект, 2016. С. 49–58.

В. Л. Римский

Факторы справедливости и несправедливости в российском обществе и государстве

Римский
Владимир Львович

Московский психолого-социальный университет; Фонд ИНДЕМ, Москва, Россия.

E-mail: rim@indem.ru

Аннотация. На материалах социологических исследований справедливости, в которых автор участвует с 2013 г., анализируются принципы и критерии справедливости и несправедливости, которые индивиды применяют в своих социальных практиках. Для большинства российских граждан справедливость является значимой ценностью, но в окружающем их мире доминирует несправедливость. Установление и поддержание справедливости в социуме граждане считают проблемой, решение которой им неизвестно, и которое по этой причине им должно дать государство. Граждане уверены, что не существует универсальной справедливости, потому что справедливость для каждого своя. Они не пытаются договариваться о справедливости в конкретных ситуациях, потому что не умеют и не хотят этого делать. Граждане практически не участвуют в публичных обсуждениях справедливости, поэтому их принципы и критерии справедливости не учитываются в нормах законов и их применениях.

Ключевые слова: справедливость, несправедливость, критерии справедливости и несправедливости, режимы вовлеченности.

Справедливость является одним из понятий, используемых с древности для оценивания должного социального поведения, должного отношения к индивидам и к их социальным действиям. Справедливость почти всегда включает в себя требования соответствия социального положения и практических ролей индивидов и социальных групп в жизни общества, соответствия их прав и обязанностей, социальных действий и воздаяний за их совершение, труда и вознаграждения за него, преступлений и наказаний, заслуг индивидов и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость.

Такая общность функций и содержания справедливости в разных обществах и государствах не исключает, а предполагает существенные различия ее пониманий в разных обществах, государствах и социальных группах, определяемые их социокультурными различиями и особенностями ситуаций, в которых необходимо оценить, что справедливо, а что несправедливо (Римский 2013: 40). И для этих оценок индивидам необходимо не только понимать принципы, требования и функции справедливости, но и обладать умениями «распознавать природу ситуации и реализовывать соответствующий ей принцип справедливости» (Болтански, Тевено 2013: 231).

Наше социологическое исследование, проводящееся в 2019 г.¹, вслед за Болтански и Тевено, направлено на выявление и описание того, как индивиды в своих социальных практиках распознают природу ситуаций справедливости и несправедливости, какие принципы и критерии справедливости и несправедливости они пытаются применить и применяют в разных типах ситуаций. Это исследование имеет поисковый и прагматический характер, как его в отношении справедливости понимали Болтански и Тевено (Болтански, Тевено 2013: 29). Инструмент проводимого исследования является качественным и ориентированным на мотивацию и поддержку попыток интервьюированных граждан устанавливать какие-то общие интерпретации ситуаций справедливости или несправедливости, не навязывая им теоретических или иных квалификаций происходившего в этих ситуациях (Хархордин 2007: 34).

Социологические исследования справедливости, в которых автор принимает участие с 2013 г.², а также исследования других коллективов показывают, что с одной стороны, большинство российских граждан признает справедливость значимой ценностью, и декларирует ее в качестве критерия оценивания практически всех взаимодействий в обществе и государстве. С другой стороны, то же большинство граждан оценивает установление и поддержание справедливости в социуме как проблему, решение которой им неизвестно. И в силу невозможности решить эту проблему самостоятельно, граждане перекладывают ее на государство. Иначе говоря, российские граждане ожидают обеспечения справедливости от государства (Римский 2016а: 132–133), слабо понимая, как это можно сделать, и практически не участвуя в публичных обсуждениях справедливости, которые позволяли бы вырабатывать какие-то принципы и критерии справедливости в тех или иных типах ситуаций³.

Теоретические и эмпирические исследования, тем не менее, показывают, что существуют общие принципы вынесения индивидами оценок того, что справедливо, а что несправедливо. Одним из таких принципов Болтански и Тевено (Болтански, Тевено 2013) считали принцип общности человеческой природы. Этот принцип предполагает ориентацию индивидов в оценках справедливости и несправедливости на значимые для всех людей блага, использование при этом разных иных, конкретных принципов и подходов в обосновании своих оценок и позиций и «запрет на постоянное закрепление значимых качеств за конкретными лицами и объектами» (Ковенева 2008: 15).

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31443.

² Эти исследования проводились Фондом ИНДЕМ в 2013–2015 гг. и включали полуструктуризованные экспертные интервью, фокус-группы и массовый анкетный опрос граждан по репрезентативной российской выборке.

³ Например, в опросе ФОМ 2018 г. (О справедливости 2018) в ответах на вопрос «Что, на ваш взгляд, следует делать гражданам, чтобы российское общество стало более справедливым?» вообще не было ответов, которые можно было бы интерпретировать, как желание участвовать в обсуждениях справедливости и несправедливости. Чаще всего высказывались суждения о том, что нужно «отстаивать свои права, участвовать в митингах, акциях протеста» или «сменить власть», что «ничего нельзя сделать» и т. п.

В практике обоснования справедливости не менее важен и такой прагматический принцип, как «обязательное испытание реальностью суждений, содержащих оценки и приписывающих те или иные качества людям и объектам» (там же). В соответствии с этим принципом в разных ситуациях и для разных социальных явлений индивиды используют разные подходы и критерии для обоснования справедливости и несправедливости. И, несмотря на практическую невозможность установления и поддержания справедливости в социуме в целом, во всех ситуациях и конфликтах, такой подход нередко позволяет в конкретных ситуациях и конфликтах находить возможности обеспечения справедливости на основе публичных договоренностей.

В социологическом исследовании 2019 г. была сделана попытка описания того, удастся или не удастся индивидам при определении критериев справедливости и несправедливости в разных ситуациях учитывать и их особенности, и особенности и различия в социальных представлениях и поведении между собой и представителями других социальных групп – участников ситуаций. И были получены подтверждения того, что российские граждане в большинстве своем сомневаются в возможностях и своих способностях договориться с кем-то о справедливости на основе общих норм морали и нравственности, а также применения тех или иных норм законов. Дискуссии на фокус-группах исследования 2019 г. показали неумения и нежелания их участников обсуждать справедливые решения разных ситуаций, выслушивать, а тем более вникать в аргументы других и искать возможности согласования с ними своих позиций по справедливости, своих критериев того, что справедливо, а что несправедливо в тех или иных конкретных ситуациях. Это подтверждает описанные еще в исследовании Фонда ИНДЕМ 2013–2015 гг. неумение и нежелание граждан договариваться о справедливости за исключением самых простых ситуаций (Римский 2016б: 7725–7726).

По этим причинам российские граждане редко пытаются осуществить договоренности о справедливости в своих социальных практиках. Поэтому при высоком общественном запросе на справедливость российские граждане, с одной стороны, признают доминирование несправедливости в самых разных сферах жизни и деятельности, а с другой – ожидают недопущения несправедливости и обеспечения справедливости, в первую очередь, от органов государственной и муниципальной власти (О справедливости 2018).

Различия ситуаций, в которых для граждан важна справедливость, возможностей и применяемых ими способов осмысления справедливости и несправедливости в таких ситуациях определяются режимами вовлеченности граждан в мир, предложенными Лораном Тевено. Он описал режим близости, соответствующий максимально личностным формам вовлеченности в мир, режим планового или рационального действия индивидов и режим публичности, соответствующий действию в публичном пространстве (Ковенева 2008: 16).

По аналогии со схемой вовлеченности в протестную активность (Гладарев 2012) можно описать такую схему нарастания вовлеченности в обоснование справедливости. Пока индивидуальная проблема нарушения справедливости остается в режиме близости ее решают без особых

обоснований во взаимодействиях с близкими индивидами, родственниками, знакомыми, которым ничего особенно объяснять не нужно. Если же объяснять приходится, то это уже конфликт, для решения которого приходится переходить в режим плановой (рациональной) вовлеченности: сначала ищутся аргументы из правил поведения, здравого смысла, функциональности и рациональности социального поведения, прогнозов того, что произойдет при сохранении конфликта. Дискуссии на фокус-группах 2019 г. показали, что выход из режима близости в отношениях между супругами в семье, оценивается негативно, а уверенность в возможности разрешить семейный конфликт рациональными аргументами почти полностью отсутствует. И при высокой ценности справедливости в семейных отношениях участники фокус-групп описывали два основных сценария поведения супругов при ощущении одним из них или ими обоими несправедливости в своих взаимоотношениях. Один вариант – это терпеть такие отношения и не обсуждать их, а второй – прекратить отношения, развестись, что приходится делать после рациональных обсуждений позиций сторон. Даже с близкими людьми, с супругами, наши граждане договариваться о справедливости не умеют и не хотят, скорее будут терпеть несправедливость, чем решатся обсудить, как нужно жить вместе по справедливости.

Но в публичной сфере справедливость необходимо обсуждать, иначе невозможно найти, как ее обеспечить при различиях в позициях сторон. И если индивидом осознается, что его проблема справедливости является проблемой многих заинтересованных лиц и социальных групп, для него возможен переход в режим публичной критики и обоснования. Тогда индивидом подбираются аргументы на уровне ценностей, общего блага, общего порядка вещей и норм социального поведения. И такого рода аргументы необходимо отстаивать в публичных дискуссиях с другими, с представителями других групп интересов, с теми, у кого подобраны другие аргументы уровней ценностей и общего блага.

Однако, как мы упомянули выше, в современной России граждане крайне редко участвуют в публичных обсуждениях справедливости и несправедливости. В дискуссиях о справедливости в различных ситуациях на фокус-группах 2019 г. не приводились аргументы уровней ценностей и общего блага. Их участники либо, не вступая в дискуссию, просто высказывали свои позиции о справедливости в тех или иных ситуациях, либо приводили те или иные рациональные аргументы типа правил социального поведения или его функциональности. Участниками фокус-групп высказывались и пожелания как-то разрешать ситуации в межличностных взаимодействиях в режиме близости, просто интуитивно чувствуя, понимая без обсуждений, как поступать по справедливости.

Но в публичных обсуждениях справедливости вряд ли можно обойтись без аргументов уровней ценностей и общего блага, ведь нередко только на этих уровнях можно согласовывать существенно различающиеся позиции участников таких обсуждений. Одновременно сложность пониманий и разнообразие критериев справедливости таковы, что без постоянных публичных обсуждений оказывается невозможным подобрать нормы и правила, обеспечивающие справедливость. В результате ожидания гражданами справедли-

ности от государства остаются нереализованными, потому что органы власти предлагают решения общественных проблем без обсуждений их справедливости с гражданами. Поэтому российские граждане оценивают многие нормы законов как несправедливые, как неспособные обеспечить справедливость (Римский 2016а: 133–134).

Еще Аристотель утверждал, что нормы законов бывают справедливыми и несправедливыми (Аристотель 2016: 155–156), и с античных времен в этом отношении мало что изменилось. Без публичных обсуждений принципов и критериев справедливости с участием граждан и с разбором различных типов ситуаций ни нормы законов, ни их применение не будут обеспечивать справедливость чаще, чем несправедливость. В поддержке публичных обсуждений справедливости могла бы реализовываться одна из важнейших для граждан функция государства – обеспечение справедливости.

Литература

Аристотель. Политика / Аристотель; пер. с древнегреч. С. А. Жебелева: М.: АСТ, 2016.

Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.

Гладарев Б. С. Градозащитные движения Петербурга накануне зимней революции 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. №4 (110) июль-август. С. 29–43.

Ковенева О. В. Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5–21.

О справедливости. Что устроено справедливо, а что – несправедливо в современном российском обществе? // Фонд «Общественное мнение», 05 Сентября 2018 года. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14099> (дата обращения: 14.07.2019).

Римский В. Л. (2016а) Мечты о справедливости и представления о возможностях их реализации в современной России // Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 8–9 июня 2016 г. / Под общ. ред. А. Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М., 2016. – С. 128–136. URL: <http://mpgu.ru/wp-content/uploads/2016/11/Obrazyi-budushhego.-Sbornik-statey.-E%60lektronnoe-izdanie.pdf> (дата обращения: 14.07.2019).

Римский В. Л. (2016б) Понимания и практики справедливости в российском обществе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года)

[Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров—Электрон. дан.— М.: Российское общество социологов, 2016. — 10696 С. — (DVD ROM). – С. 7720–7729.

Римский В. Л. Справедливость // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 40–51.

Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32–41.

Tomáš Kostelecký

Spatial Dimension of Social Polarisation in Contemporary Czechia

**Tomáš
Kostelecký**

Professor, Director, Institute of Sociology Czech Academy of sciences, Czech Rep.

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

After 1989 spatial patterns of many social phenomena changed dramatically while spatial patterns of other social phenomena remained surprisingly stable. The presentation examines geographical, economic and cultural factors underlying spatial differentiation of Czech society. It concentrates on the question which factors contribute to stability of socio-spatial structures and which factors rather lead to the changes of spatial patterns. It discusses possible consequences of socio-spatial polarization for the future development of Czech society.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

7

Российское общество и власть – социологические проблемы реформирования властно-управленческих отношений

Руководители секции: Тихонов А. В.

Ученый секретарь: Гусейнова К. Э.

А. В. Алейников, А. И. Стребков, А. Н. Сунами

Конфликтный стиль русской версии «общества риска»¹

**Алейников
Андрей Викторович**

Доктор философских наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: lav-aleynikov@yandex.ru

**Стребков
Александр Иванович**

Доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

**Сунами
Артем Николаевич**

Кандидат политических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В докладе анализируется значение творческого наследия В. А. Ядова для анализа национального стиля трансформационных процессов. Представлены концептуальные подходы к интегративному рассмотрению русской версии «общества риска» и объяснительные модели конфликтных стилей общества, тестирования социальной системы на устойчивость ее функционирования и степени конфликтов, опасностей и угроз, который она может выдержать. Показано, что для русской модели «ограниченного доступа» характерен разрыв в понимании обязательств по отношению к риску и неопределенности и совместимости/столкновении риск-рефлексий о «побочных эффектах» у принимающих решения, а значит и берущих на себя ответственность за сделанный выбор и тех, на ком непосредственно может сказаться этот выбор. Доказывается, что власть рассматривается большинством населения и как генератор неопределенности, и как единственная сила, способная справиться с управлением рисками.

Ключевые слова: риск-рефлексии, общество риска, управление риском, конфликт, конфликтный стиль, стратегии управления конфликтами.

В классических исследованиях социальных трансформаций В. А. Ядова (Ядов, 2010; 2009) был предложен концепт «национального стиля трансформационных процессов», который определяют особенности социальных институтов, культуры, свойств русской ментальности, стиля практических действий граждан. В этом отношении значимым является интегративное рассмотрение русской версии «общества риска» как дискурсивного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115).

режима бинарности, при котором зачастую «штатные и типичные риски», производимые в рамках легитимных институциональных структур, воплощаются, используя терминологию Фуко, в определенных «стратегических ансамблях истеризации, педагогизации или психиатризации».

Анализ российского общества через концептуальную призму выявления совокупности свойств и признаков социума, которая позволяет в качестве объяснительных моделей тестировать социальную систему на устойчивость ее функционирования и развития, на степень конфликтов, опасностей и угроз, который она может выдержать, – это базовый уровень политического реализма.

Представляется, что В. А. Ядовым сформулирован аналитический инструментарий исследования национальных конфликтных стилей общества. В социуме либо сформированы устойчивые представления о приемлемом уровне конфликтов и рисков как продуктивных элементов социального взаимодействия, позволяющих отрефлексировать и оптимизировать конфликтную ситуацию угроз и опасностей, внести в нее необходимые коррективы, либо отрицается продуктивность конфликта и риска, а признается лишь борьба на уничтожение.

В первой модели механизмы разрешения конфликтов определяются институциональной системой «работы» с конфликтами и рисками, соизмеримыми с человеком и ориентированные на него.

Во второй модели «ограниченного доступа» коммуникативные конфликтные отношения завязываются на власть, все неразрешенные конфликты центрируются на вершину управленческой пирамиды, куда и канализируется конфликтная социальная энергия, некомпенсированная, неперекрытая и нецивилизованная (Алейников, Стребков, 2015).

Для этой модели характерен разрыв в понимании обязательств по отношению к риску и неопределенности и совместимости/столкновении риск-рефлексий о «побочных эффектах» у принимающих решения, а значит и берущих на себя ответственность за сделанный выбор и тех, на ком непосредственно может сказаться этот выбор.

Российские трансформации российского общества не привели к переходу от «токсичных» видов социальных конфликтов, не поддающихся институционализации и несущих угрозу существованию общества к «позитивным», не приводящим к разрушению социума конфликтов. «Комфортное состояние», обозначаемое как стабильность, достигается через деконструкцию и десубъективацию конфликта, когда рациональное зерно действительно несовместимых интересов камуфлируется искаженным восприятием угроз и опасностей.

Власть рассматривает конфликты как «плохие», как источник нарушения созданного ею же социального порядка, как девиации, несущие угрозу ее собственному существованию, отождествляемому с «хорошей» социальной стабильностью. Игнорирование «хороших» и «ценных» фундаментальных свойств конфликта – являться индикатором внутренней нестабильности социального порядка и механизмом социальных изменений исключает институциональное регулирование политического порядка, конструируя зазеркальный мир, где нет существенных конфликтов, царит гармония ценностей и интересов, достигнут консенсус.

Всеобщая стабильность, по О. Н. Яницкому (Яницкий, 2013) – это отрицание разнообразия, которое в действительности является ключевым условием поддержания стабильности общества посредством изменений, то есть его адаптации к новым условиям. «Стабильность» как ценность баланса между определенностью и неопределенностью при любом потенциально конфликтном социальном взаимодействии в российском обществе означает, что россияне не пассивны, а агрессивно неподвижны (Грин, 2011).

Однако, именно свободные, современные, открытые общества, допуская конфликты, одновременно создают защиту против токсичных конфликтов, угрожающих всеобщему согласию, сводя к минимуму расхождения, затрагивающие основополагающие ценности. Как показано в обзорах современных исследований по данной проблематике Торвальда Грана и Одбьерна Кнутсена (Теория и методы..., 2009), взаимозависимость противоборствующих групп и их пересечения внутри конфликтных обществ, которые служат инструментом для «скрепления социальных систем» посредством взаимной нейтрализации, предотвращают распад по основной линии раскола.

Табуирование же зиммелевской «неизбежности конфликта между текущей вперед, распространяющейся со все большей энергией жизни и застывшими в тождестве формами ее исторического выражения» (Зиммель, 2014) рельефно артикулируется в известном высказывании Р. Дарендорфа: «В обществе тоталитарного типа конфликт изгоняется из области регулирования общественных отношений и заменяется единообразием и полным согласием с существующей системой власти» (Дарендорф, 1993).

Неспособность к апроприации конструктивных элементов риск-рефлексий в стратегии управления конфликтами, когда управленческие решения принимаются в ситуациях неопределенности, разрушает состояние безопасности, а в «точках бифуркации» (потери решения) преобладают или уклонение от рискового решения («депроблематизация угроз»), или «волевые силовые» решения (проблематизация опасности ситуации). Одновременно, сложные формы регуляции рисков редуцируются до агрегирования партикулярных конфликтов, в которых действуют различные, зачастую закрытые и неформальные, а не универсалистские правила урегулирования.

По Э. Гидденсу, «риск – это динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее, а не оставлять его во власти религии, традиций или капризов природы» (Гидденс, 1994).

Экстраполируя экосоциологический подход О. Н. Яницкого на риск-анализ конфликтов можно предположить, что «осознание наиболее ресурсобеспеченной и поэтому более мобильной частью российского населения» возникающих перед страной рисков («больших вызовов») приводит к бегству от реалистических конфликтов и увеличению «рискогенности этой среды за счет концентрации в ней более «слабой», физически и социально истощенной и менее способной к риск-рефлексии части населения» (Яницкий, 1999).

В таких режимах, как показал Н. Луман (Луман, 2007), власть централизует разрешение конфликтов и управление риском, исключая возможность конфликта с собой. Называя такой эффект контроля конфликтов «домостроем», при котором позволить себе конфликты может только тот,

у кого есть собственность и/или власть, немецкий социолог подчеркивает, что эта модель отклоняет чрезмерные запросы и в случае опасностей и угроз ставит других в безвыходное положение, управляя коммуникацией вплоть до языка и морали. Иммунная система защищает здесь не обязательно конкретные структуры, но концентрацию потенциала изменений наверху.

Ульрих Бек высказывается еще радикальней, называя такое общество “обществом козлов отпущения”, в котором создается политический спрос на смещенные мысли и действия: «не опасности виноваты, а те, кто их вскрывает и сеет в обществе беспокойство». Описывая с помощью понятия «смещенные конфликты» процесс вытеснения конфликтов из сознания и их «загона в огороженную клетку», он схватывает суть внедряемых вместо предметного обсуждения проблем технологий формулирования ответов на ключевые вопросы – найти “громоотводы” опасностей, скрытых от непосредственного восприятия и воздействия, в лице «шпионов ГДР, коммунистов, евреев, арабов, женщин, мужчин, турок, обитателей ночлежек» (Бек, 2000: 92).

Власть рассматривается большинством населения и как генератор неопределенности, и как единственная сила, способная справиться с управлением рисками.

Следовательно, если власть является единственным ресурсом борьбы с угрозами, то усиление жестких силовых обертонів в управленческих практиках, распространение силовых стратегий с репрессивным окрасом (запрещение, предотвращение, уничтожение) оказываются общественным благом (Алейников, Пинкевич, 2015). Парадоксально, но, чтобы оставаться надеждой и опорой, власть, сохраняя свою стабильность, должна создавать и поддерживать контролируемые очаги нестабильности и неопределенности. Таким образом, риски, не вписывающиеся в прокрустово ложе идеала «бесконфликтного общества» выводятся за рамки публичного дискурса, что приводит к «пустому», «обыденному» дискурсу «упрощения жизни». Его следствием является нежелание институционализировать нормативно-ценностные регуляторы для работы с рискогенностью современного развития общества, неполнота анализа ситуации и получаемой информации, неразвернутость оснований выбора политических и экономических стратегий, неверные управленческие решения.

Литература

Алейников А. В., Стребков А. И. Конфликты и социальная стабильность в современной России // Вопросы философии. 2015. № 12.

Алейников А. В., Пинкевич А. Г. Конфликтная специфика гибридных политических режимов: российский случай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. 2015. Вып. 3.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS, 1994, вып. 5.

Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et contra. 2011, январь–апрель.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. 1993. № 4.

Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

Теория и методы в современной политической науке. Первая попытка теоретического синтеза. М.: РОССПЭН, 2009.

Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. 2010. № 3.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Яницкий О. Н. Экологическая социология как риск-рефлексия // Социологические исследования. 1999. №6

Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива М.: Новый хронограф, 2013.

В. С. Богданов

Проблемы исследования обратной связи как фактора институционализации управления в новых условиях цифровизации общества

**Богданов
Владимир Сергеевич**

Кандидат социологических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: valarf@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены новые проблемы современных практик управления в их гибридном состоянии на основе выделения различий в формах технической и социальной обратной связей. Это различие имеет прямое отношение к содержанию и характеру управления и определяется двумя концепциями: феноменов «умного регулирования» и «умного управления». Фактор обратной связи возникает в гибридных системах с управлением на стыке информационных технологий и социальных отношений, а также проявляется в стремительных трансформациях перехода системы управления на цифровое общение. В связи с этим ставится вопрос о необходимости социологического исследования новых феноменов в системах с управлением. Такая задача встала сегодня и перед Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН.

Ключевые слова: социология управления, социальная роль обратной связи, гибридные системы с управлением, цифровизация, цифровой контроль, умное управление, умное регулирование, социальное содержание работы органов власти и управления.

В книге «Социология Ядова: методологический разговор» запечатлено высказывание Владимира Александровича Ядова о его предпочтениях и императиве научных интересов, изысканий перед социальным заказом. Вместе с тем, мэтр отечественной социологии высказывает свое сожаление по этому поводу, ссылаясь на необходимость интеграции науки и ученых-исследователей в новые складывающиеся условия рыночной экономики, формирующей в свою очередь и рынок науки (Социология Ядова..., 2018: 36). Несмотря на это заявление, мы согласимся с редакторами-составителями названной книги в том, что В. А. Ядов как приверженец активистской парадигмы всегда главным референтом в своих исследованиях выдвигал деятельность активной личности, изучал возможность ее деятельности, способность изменять и творить в условиях организации общественной жизни. С учетом этого, одной из генеральных тем исследователя выступала проблема трансформации российских социальных институтов, претерпевших «ломку» в постсоветский период общественных и государственных преобразований, и получивших в связи с этой аномией (ненормальным состоянием)

название – «травматологические» социальные трансформации (Штомпка, 2001). На фоне деструктивных социальных изменений В. А. Ядов верно интерпретировал недоверие к институтам государственной власти как характерную черту современного массового сознания в России. Подтверждением тому являются результаты фактических замеров доверия к институту президента и общественно-политическим институтам в 1999–2001 гг.

В это время Б. Н. Ельцину как Президенту «совсем не доверяли» 71% граждан, а диапазон недоверия общественно-политическим институтам был зафиксирован на отметке 19%–49% (Социология Ядова..., 2018: 36). Эти цифры изменились к 2015–16 годам, и наше исследование в рамках гражданской экспертизы деятельности властно-управленческой вертикали показало другой уровень доверия к институту президента (в %) и общественно-политическим институтам (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали..., 2017). Так (далее показатели в %, опрос населения 12 регионов РФ: «высокий уровень доверия», «средний», «низкий»), 1) первое место по социальной поддержке системы управления оказалось у администрации предприятий и организаций: 41,0–32,1–26,9; 2) второе место у Президента РФ 32,0–34,4–34,6; 3) третье место у администрации регионов: 28,9–32,5–39,5; 4) четвертое место у Правительства РФ: 28,0–35,1–36,8; 5) пятое место у администрации городов, поселков: 26,1–35,8–38,1; 6) шестое место у отраслевых министерств: 21,6–34,9–43,5; 7) седьмое место — у Совета Федерации: 19,9–35,4–47,7; 8) восьмое, последнее место во властно-управленческой иерархии у Государственной думы: 18,6–35,1–49,8. В представленном примере наглядно видно, что разговоры о «травме» и расколе в российском обществе — не фигура речи, а социальная реальность. На этом основании профессор А. В. Тихонов делает четкое заключение о состоявшемся расколе сложившейся за это время властно-управленческой вертикали при президенте В. В. Путине, а сложившаяся ситуация меняет обычные представления о месте и роли в нашей стране геометрически правильно выстроенной иерархии. Такое положение дел объясняется в большей степени зависимостью характера и стиля управления в стране от такого фундаментального фактора как синкретизм власти, собственности и управления, и, по сути, является причиной институциональных деформаций системы управления (как следствия своекорыстия политического класса или недостаточного уровня компетентности). В. А. Ядов в своей книге 1972 года «Социологическое исследование: методология, программа, методы» (Ядов, 1972) сформулировал запрос социального субъекта на основе динамической системы потребностей и предшествующего опыта, когда последний формирует определенные и относительно устойчивые готовности (диспозиции) к восприятию и способу действий в различных конкретных ситуациях, а формирование новых потребностей, интересов и диспозиций стимулирует творческое, нестереотипное поведение и формы активности, «выход» за рамки жестких ролевых предписаний. По сути, формирование адекватной системы социальных запросов и диспозиций населения возможны только в условиях повышения роли социального субъекта в процессе разработки и принятии решений на принципах обратной связи. Но как правильно подмечает В. А. Ядов, в этом случае субъект должен обладать развитым самосознанием, и добавим, в обществе должно превалировать «управленческое сознание» наподобие «экологического сознания», которое

начало формироваться у населения под воздействием серьезных экологических вызовов. Для этого необходимо по-другому взглянуть на управленческие процессы, а не только с позиции выстраивания модели властных отношений «я начальник – ты дурак». Для этого уже сегодня необходимо внедрять в практику управления социолого-управленческие подходы и рационально-познавательные процедуры (исследования социальных проблем, ситуаций), а также актуализировать и на законодательном уровне закрепить научные программы исследований конкретных социально-значимых проблем, предваряющих возможные проектные решения, чтобы не исправлять в режиме МЧС непредвиденные социальные последствия катастрофического масштаба. В этой связи возникают новые вызовы в части совершенствования методологии исследования и разработки гибридных социотехнических процессов, в которых субъект управления может становиться соучастником построения новых отношений между органами власти и управления с обществом для выработки совместных ответов на новые сложные вызовы, связанными с нарастанием различного типа кризисов, а также с появлением новых явлений, феноменов, возникающих в процессе перехода к цифровому обществу. В частности, мы становимся свидетелями трансформации практик управления и регулирования (контроля) за счет сращивания информационных технологий и социальных отношений, которые порождают новые гибридные функции, структуры, и, конечно же, проблемы. Последние Ж. Т. Тощенко обозначает как кентавр-проблемы (Тощенко, 2011), для решения которых требуются новые подходы и социально-конструктивная стратегия их разрешения.

Гибридизация ИТ-технологий и социальных отношений привела и к появлению гибридных систем с управлением¹, состоящих из вещных и человеческих компонент, где совокупность технических средств и информационных технологий определяется как инфотехническая подсистема, а социальные отношения между органами власти и управления с населением составляют социальную организацию, и где, возникают новые формы «обратной связи», а именно на уровне:

- менеджеральном – взаимозависимость внутригрупповых взаимодействий и информационных технологий (автоматизация трудовых процессов, цифровой контроллинг текущих и конечных результатов);
- отраслевом / институциональном – позиционирование и взаимодействие субъектов власти и управления с населением при помощи информационных систем (ведомственных, финансовых, аналитических и пр.) и информационных ресурсов (сайтов, порталов);
- социетальном – стратегии взаимодействия электронных правительств и корпоративных экономик с населением отдельных государств при помощи информационно-аналитических платформ (государственные, транснациональные (ВМФ, ВБ)).

¹ Под гибридными системами с управлением мы понимаем определенные локальности, в которых выделяются орган управления, субъект, объект, обратные связи, средства, результаты в их совокупной внутренней и средовой обусловленности. Если функционирование «систем с управлением» в структурно-пространственном отношении локализовано современными инфотехнологическими практиками, то в результате можно говорить о *новых типах социальных систем с различными уровнями электронизации управления*.

В итоге мы можем констатировать, что сегодня требуется социально-ориентированный поворот от цифрового «умного регулирования» к «умному управлению», а именно, поворот от практики технократического регулирования к стратегии социально-ориентированного управления. В связи с этим на фоне складывающихся условий технократической модернизации назревает социальный и научный запрос на социально-контекстуальное проникновение в проблему сращивания социальных и инфо-технологических практик в процессе цифровизации управления на принципах обратной связи. Вместе с этим на передний план в практике управления выходят вопросы, связанные с проблемами индустриальной и информационной модернизации, о чем активно говорит и пишет ЦИСИ ИФ РАН (Атлас модернизации..., 2016), и выделяет в качестве базовых ее компонент следующие четыре модернизационные платформы: технико-технологическую, социоэкономическую, социокультурную и институционально-регулятивную. К ним сегодня нужно добавить и социально ориентированную цифровизацию системы управления.

Под институционально-регулятивными компонентами сегодня подразумевается совокупность регулирующих институтов, т. е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Они могут и должны появиться в регионах как в гибридных саморазвивающихся системах (компьютерная сеть — человек — интернет (В. С. Степин) (Степин, 2012)), но возможны только в ходе рациональной инфосоциальной модернизации, при которой требуется изучение спонтанных и преднамеренных инфосоциальных изменений, ведущих за собой разработку гибридных (инфосоциальных) институционально-регулятивных компонент.

Поэтому мы разводим и уточняем понятия информатизации, цифровизация и электронной модернизации управления регионами, придавая социокультурное детерминирующее значение третьему определению. Так, под информатизацией региона мы понимаем модернизацию инфотехнологических средств, а под цифровизацией — инфотехнологические преобразования и моделирование гибридных инфосоциальных систем. В электронную модернизацию управления регионом вкладываем два смысла. В широком — это рациональное воспроизводство комплекса инфосоциальных институционально-регулятивных компонент¹, обеспечивающих процесс электронной (инфосоциальной) модернизации управления в регионе и его общественных подсистем: экономической, социальной, культурной, государственно-политической, телекоммуникационной (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали..., 2017).

В узком смысле слова под электронной модернизацией управления понимается переход региональных систем управления от концепции «электронного правительства» (e-government) с центральными доминантами

¹ Под институционально-регулятивными компонентами подразумевается совокупность регулирующих институтов, т. е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Они могут и должны появиться в регионах как в гибридных саморазвивающихся системах (компьютерная сеть — человек — интернет (В. С. Степин)), но возможны только в ходе рациональной инфосоциальной модернизации, при которой требуется изучение спонтанных и преднамеренных инфосоциальных изменений, ведущих за собой разработку гибридных (инфосоциальных) институционально-регулятивных компонент.

открытости правительственной информации, предоставления публичных онлайн-услуг к концепции электронного управления (e-governance), где центральными концептами становятся сотрудничество, участие, координация, т. е. организация горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу (Богданов, 2016). Собственно, для построения социально ориентированного электронного управления в регионе должны разрабатываться и внедряться новые гибридные (инфосоциальные) механизмы регуляции в системах с управлением, которые призваны изменить поведенческие практики и все уровни общественных взаимодействий — от личностных до институциональных, от неформальных до формальных, от локальных до глобальных. Иными словами, цифровизации управления необходимо придать социально-ориентированный характер, что потребует в первую очередь активизировать социолого-управленческие подходы в части организации максимальной управляемости и предсказуемости вышеназванных процессов за счет организации постоянной обратной связи между властью и населением.

Литература

Богданов В. С. Электронное управление в обществе: социальные проблемы и познавательные аспекты / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Логос, 2016. 286 с.

Степин В. С. Научная рациональность в социокультурном контексте // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г. Л. Белкина, Ред. сост. М. И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 273–282.

Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16. См. также: Ядов В. А., Оберемко О. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России. Гл. 1, § 3.2.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Н. И. Лапин, Л. А. Беляева и др.]; Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. Москва: Весь Мир, 2016. 360 с. (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал»).

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. — Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 432.

Социология Ядова: методологический разговор. [Избранные труды В. А. Ядова] / ФНИСЦ РАН; Ред.-сост., авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018. 944 с.

К. В. Быков

Развитие системы управления историко-культурным наследием в региональном разрезе

Быков

Кирилл Владимирович

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: 1096232@mail.ru

Аннотация. В докладе актуализируется проблема развития системы управления историко-культурным наследием в региональном разрезе. Поднимается вопрос о необходимости перехода от структурного подхода планирования города к социально-ориентированному управлению, гарантирующему работу механизмов социального участия граждан в деятельности по сохранению и управлению историко-культурным наследием в интересах развития региона.

Значимым аспектом, характеризующим качество управления на региональном уровне, является состояние историко-культурного наследия. Историко-культурное наследие является социально-культурным ресурсом региона грамотное использование которого позволяет не только привлекать финансовые потоки за счет туристической деятельности, но и формировать новые коммуникативные смыслы и идентичности, территориально объединяя социальные общности и группы.

Не смотря на предпринимаемые меры по сохранению историко-культурного наследия в России в целом положение в отдельных регионах далеко от удовлетворительного. Изменения в архитектурной и градостроительной сферах деятельности, произошедшие в последнее десятилетие в Российской Федерации, существенным образом затрудняют получение необходимой информации о ситуации в исторических городах отдельных регионов для разработки мер методологического характера в сфере регулирования сохранения историко-культурного наследия (далее по тексту ИКН). Современный город до сих пор зачастую живет и трансформируется по законам и принципам структурного подхода к градостроительству. Планируя городскую среду, ответственные органы оперируют среднестатистическими, а порой предполагаемыми данными и показателями, что не может не наложить отпечаток на результаты их деятельности (Социология управления, 2015).

Управление историко-культурным наследием – это непрерывный процесс, который требует высокий уровень проработанности правовой базы, информационной базы (история объекта), коммуникативной базы, связанной с возможностью привлечения всех заинтересованных сторон. Пятнадцатилетний опыт изучения данного процесса Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН позволяет сказать, что

система управления, к сожалению, до сих пор не выверена и не настроена, как с точки зрения законодательства, так и в процессуальном аспекте на положительный результат. Нет четких границ ответственности заинтересованных сторон. Участие населения, как непосредственно заинтересованного субъекта в развитии города, региона, государства сознательно и планомерно ограничивается или даже блокируется.

Практически единственная возможность применять мировой опыт в восстановлении, эффективном управлении, а также успешном использовании объектов культурного наследия не только на благо самого памятника, но и для территориальной единицы, в которой этот объект расположен – это, прежде всего, как показывают исследования западных коллег, приватизация памятника бизнес-энтузиастами, финансово состоявшимися и не имеющими цели получить от данного объекта серьезной коммерческой выгоды (Hillier, Vaughan, 2006; Jeffres, Bracken, Jian, Casey, 2009). В регионах России такие сценария развития практически невозможны, связано это, в первую очередь, со сложнейшим и неповоротливым регламентом проведения любых работ по сохранению или реставрации объектов, а также огромной административной надстройкой в лице контролирующей деятельность профильных ведомств и организаций.

В итоге основная деятельность системы управления ИКН сводится к карательно-контролирующим мероприятиям, вместо создания максимально прозрачных и привлекательных условий для малого и среднего бизнеса. По оценкам ряда экспертов государство в состоянии финансировать реставрацию объектов ИКН не более чем на 15% от совокупного необходимого объема на основании зарубежного опыта. Между тем, Исследования Центра социологии управления ФНИСЦ РАН показывают, что памятники культуры объективно выступают конкурентным преимуществом в разрезе социокультурной модернизации регионов и, по логике вещей, регионам не имеющим сильной промышленности следовало бы сосредоточиться на создании системы защищающей интересы инвесторов и увязывающей их с интересами местных жителей. Сделать это возможно используя комплекс мер, с одной стороны, организуя постоянный мониторинг запросов населения на те или иные виды коммерческой/ социокультурной и иной деятельности в конкретной точке города/населенного пункта, предоставляя эти данные в открытых источниках, с другой стороны, реализуя технологию социального участия всех заинтересованных сторон в управлении сохранением ИКТ.

Способствовать сохранению историко-культурного наследия и использованию его в развитие региона будут, на наш взгляд, следующие меры:

- постоянный поиск и изучение информации о местных интересах, потребностях и запросах жителей сообщества с помощью механизма обратной связи (с помощью участия в работе законодательных органов власти по сохранению историко-культурного наследия, сотрудничества с общественными организациями, с помощью опросов общественного мнения);
- оперативное и полное информирование населения о принятых и проектируемых решениях в области сохранения, реконструкции и использования историко-культурного наследия (через открытость, гласность,

организацию встреч со специалистами в области культуры, туризма, архитекторами, градостроительными, распространение информации в школах, вузах, создание социальных образовательных программ по городской культурной среде, использование средств массовой информации, электронных каналов связи);

- непосредственное вовлечение местных жителей в деятельность органов местного самоуправления по сохранению, реконструкции и использованию историко-культурного наследия (через создание комитетов партнерства, фондов культурных инициатив, объединяющих представителей органов местного самоуправления, предпринимателей, общественные организации, добровольцев), организацию конкурсов по разработке проектов культурных событийных программ, сопровождающих сохранение и использование историко-культурного наследия.

Технология прогнозного социального проектирования (основы социокультурного проектирования)

Люди как живой организм постоянно поддерживают обмен со средой, поэтому любой противоестественный план сохранения историко-культурного наследия и использование его в развитии города должен предваряться глубокими экологическими и социально-диагностическими исследованиями. Проблема выживания и воспроизводства физически, психически и нравственно здорового человека в городской среде стоит по-прежнему очень остро.

Социальная диагностика, которая применяется в прогножном социокультурном проектировании обладает своей спецификой. Она носит комплексный междисциплинарный характер и базируется на приоритетах общественного развития, которые лежат в основе гражданского общества.

«Соответственно, в центре внимания специалистов по прогнозному социокультурному проектированию оказываются, с одной стороны, психологические состояния и жизненные стратегии людей, разрешающих проблемные ситуации с помощью собственных жизненных ресурсов, а с другой «встречные потоки сознания» и институционально подкрепляемые стратегии лиц, принимающих управленческие решения (профессионалов, должностных лиц, инвесторов, других социальных субъектов), являющихся держателями общественных (государственных, территориальных и т. п.) или частных ресурсов» (Дридзе, 1994: 138).

Проективная (или проектная) деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, она предполагает преобразование социокультурной реальности и строится на базе соответствующей технологии, которую возможно унифицировать, освоить и усовершенствовать.

Важнейшим структурным элементом технологии проектирования является исследовательская деятельность, поскольку проектировщик должен, во-первых, знать, видеть реальные проблемы функционирования той или иной объектной области; во-вторых, иметь представление о идеальном

состоянии целого и способах его поддержки. Доминирующим методологическим принципом здесь является системный сбор информации о проблемном поле проектирования и создание комплекса информационно-ресурсного обеспечения проекта.

Для этого необходимо последовательно осуществить следующие действия:

- точно определить области проектной деятельности (или приоритетные направления социально-культурного проектирования) и четко определить аудиторию проекта (социальную категорию или общность людей – носителей проблемы);
- квалифицированно разработать содержательную часть программы, т. е. сформулировать цели и задачи, определить виды социально-культурной деятельности, которые в рамках проекта рассматриваются в качестве средства решения проблем;
- определить социальные силы, заинтересованные в реализации проекта (силы поддержки, потенциальных и реальных партнеров, источники финансирования) (Дридзе 1994, Долженкова 2005).

Литература

Долженкова М. И. Социально-культурное проектирование. Тамбов: Першина, 2005. 189 с.

Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131–138.

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

Castells M. (1989) The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process. Blackwell.

Hillier B., Vaughan L. The city as one thing // Progress in Planning. 2007. 67 (3). P. 205–230.

Jeffres L. W., Bracken C. C., Jian G., Casey M. F. (2009) The Impact of Third Places on Community Quality of Life. Applied Research in Quality of Life, (4): 333–345

Л. А. Василенко

Применение гибких исследовательских подходов в социологии управления

Василенко

Людмила Александровна

Доктор социологических наук, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия.

E-mail: vasilenkola@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются различные подходы и методы применения гибких исследовательских практик в условиях цифрового общества и наличия широкого спектра социологических исследований, а также инновационные технологии онлайн исследований, встроенных в систему управления на постоянной основе как механизм обратной связи с учетом самоорганизационного потенциала населения, в том числе самозагружающиеся Web-опросники с автоматизированной обработкой, онлайн-срез общественного мнения путем голосования заинтересованных граждан (портал «Активный гражданин»), петиции, социо-логические флэш-мобы, коллективные вики-документы по тематике стратегического управления

Ключевые слова: гибкие методы социологического исследования, Grounded theory, социология управления, социальные изменения, цифровая социология, фрактальный кросс-дисциплинарный синтез методов и принципов исследования, социология цифрового общества.

Феномен социальной турбулентности как свойства времени социальных перемен и участвующего управления как процесса встраивания общественной включенности в звенья властно-управленческой вертикали предопределяют трансформацию вида и характера ответа институтов управления на эти вызовы. В результате изменения социального порядка в условиях высокой степени авторитарности управленческой системы страны и фрактального воспроизводства аналогичных управленческих отношений в организациях гражданского общества мы сталкиваемся с противоречивостью используемых механизмов. С одной стороны, становится реальностью поворот власти к сотрудничеству и кооперации, а с другой, эти же процессы воспринимаются зачастую как оппозиционные, как покушение на власть и распределение ресурсов управления. В условиях такой противоречивости становятся значимыми мировоззренческие установки социолога, ощущается дефицит теоретических оснований программ сбора и обработки социологических данных, что вызывает искушение в их интерпретации без оценки достаточности и полноты имеющихся социологических данных, корректности выводов.

Одним из вариантов выхода из данной ситуации выступает описание применения подхода Grounded theory в знаменитой работе В. Д. Ядова «Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понима-

ние социальной реальности» (Ядов, 2007), которая обратила наше внимание на работы Барни Г. Глейзера и Ансельма Л. Штрауса (Glaser, Strauss, 2009), объединивших две, казалось бы, несоединимые парадигмы а) систематического количественного анализа и б) глубину качественного исследования активного поведения личности в социуме в условиях высокой динамики возрастания сложности социальной системы.

Гибкий интегральный подход, используемый автором данной статьи, сочетает частичное определение базового теоретического основания с тактикой постепенного его достраивания (Grounded theory) на основе данных, получаемых в процессе проведения исследования, а также введение дополнительных этапов сбора недостающих данных для проведения более детального анализа отдельных противоречивых аспектов управленческой практики, но уже на базе четко определенного теоретического основания. Это позволяет выявлять новые способы интерпретации смыслов поведения участников непростого и часто противоречивого управленческого процесса с учетом высокой динамики социальных изменений. Приведем примеры применения гибких методов

1. *Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества* (Василенко, Миронова, Севастьянов, 2014). Исследованию подвергается воспроизводство несправедливости в процессах социальных взаимодействий власти и общества, граждан и институтов. Гибкость методов заключается в сочетании взаимодополняющих количественных и качественных методов сбора фактов о случаях социальной несправедливости с процессами постепенного интерактивного конструирования когнитивной модели поведения участников. Исследование построено на определении базовых сценариев, определяющих содержание понятия «несправедливость» через признаки и индикаторы с учетом типов организационных предпочтений: Традиционный для Homo Sapiens, Племенной для Homo Mobilis, Авторитарный для Homo Faber, Демократический для Homo Ludens, Гражданский для Homo Divinans. Идентичности определены нами как: Homo Sapiens – Человек разумный, Homo Mobilis – Человек подвижный, Homo Faber – Человек ремесленный, Homo Ludens – Человек играющий, Homo Divinans – Человек творящий. Типы социального поведения определены как Конформистский, Реформистский, Модернистский, Трансформистский.

Распределение в социуме типов социального поведения определяет социальную динамику. Отличительным признаком властных моделей и институтов в Традиционном и Гражданском сценариях является принцип субъект-субъектных отношений, для Авторитарного, Переходного и Демократического – принципах субъект-объектных отношений. В итоге систематизации создаются обобщенные модели властных отношений:

- **Интерактивный-Н (низкоинформациональный, по М. Кастельсу):** субъект-субъектный тип властных отношений в условиях Традиционного сценария, при идентичности Homo Sapiens и преобладающем типе Конформистского поведения в условиях высокого консенсуса базовых ценностей жизни и кооперации для устойчивого сосуществования.

- Проактивный-М (мобильный), субъект-объектный тип властных отношений в условиях Племенного сценария, при идентичности Номо Mobilis (человека подвижного), и преобладания Конформистского типа поведения в обществе (90%), и Трансформистского типа поведения лидеров (10%). Реализуется в условиях снижения консенсуса базовых ценностей при низкой информациональности общества (объект управления) и повышающейся информациональности субъекта управления.

- Проактивный-О (оседлый), субъект-объектный тип властных отношений при низком консенсусе базовых ценностей, низкой информациональности общества и высокой информациональности власти в условиях Авторитарного сценария при идентичности Номо Faber, при Конформистском социальном поведении элит (10%) и Реформистском социальном поведении общества (90%). Обусловлено желанием вернуться в более счастливое прошлое.

- Реактивный, субъект-объектный тип властных отношений в условиях инверсии от низкого к растущему консенсусу базовых ценностей при быстро повышающейся информациональности общества в Демократическом сценарии при сочетаниях Конформистского (60%), Реформистского (20%, политические консерваторы) и Модернистского (20%, политические демократы) поведения. Консенсус базовых ценностей растет вместе с успехами развития переговорной культуры;

- Интерактивный-В (высокоинформациональный), субъект-субъектный тип властных отношений, реализуемый в условиях высокого консенсуса базовых ценностей жизни и кооперации для устойчивого сосуществования при высокой информациональности общества и власти в Гражданском сценарии при сочетании типов поведения: Конформистском (60%), Модернистском (20%) и Трансформистском (20%).

2. *Исследование управленческих взаимодействий и взаимовлияний пользователей и процессов социализации молодежи в блогосфере* (Шамыкина, 2012). Первичный анализ выявления зон активности, привлекающих наибольшее число участников основан на статистической оценке социальной базы блогосреды (частота посещений блогов постоянными пользователями и гостями, уровень активности в комментариях, выбор тематики общения. На втором и третьем этапах определялись основания выделения из блогеров субъектов управленческих взаимодействий, влияющих на поведение пользователей и формирование их личностного портрета с использованием аналога биографического метода по материалам профиля пользователя и заполнения карточки включенного наблюдения, нарративные интервью лидеров-блогосреды, включая личные встречи или интервью с применением видеосвязи, скайпа. В результате исследования выявлено семь моделей управления поведением пользователей блогосферы: «креативное развитие», модель организации и стимулирования работы творческого сообщества; «обучение от противного», модель коррекции поведения участника в личном общении с подачей латентных управляющих сигналов негативного характера; «автоуправление», модель, при которой субъекту приписывается роль управляющего, его поведение служит образцом для копирования, а фак-

тическим субъектом управления служит обучающийся на примере блогер, рефлексирующий собственное поведение; «воспитание единомышленников», модель организации групп единомышленников и несогласных путем публикации вкусовых пред-почтений; «требование внимания», модель, при которой субъектом управления подается запрос на внимание окружающих, с последующим поощрением подчинившихся; «рекламирование», модель коммерческой рекламы идеи/ то-вара/ услуги, мотивированная материально, с описанием рекламируемого объекта, органично объединенным с искренним жизнеописанием; «мультипликация», модель публикации качественно охарактеризованного содержимого, вызывающая множественные равнодушные отклики, при которой субъект управления фактически не имеет других целей, помимо самой публикации, а последствия наступают в силу самоорганизации и использования модели «автоуправление». Показано существенное влияние субъект-субъектных форматов управления на ресоциализацию пользователей блогосферы, выраженное в моделях скрытого управления их поведением, мотивацией, ценностными системами, а также в ответных моделях конструктивного сопротивления управленческому воздействию (свойство резистентности).

3. *Инновационные модели диалога «власть–общество» в интернет-коммуникациях.* Используется теоретические подходы исследования взаимодействия власти и общества (Василенко, Вронская, 2009) и комплекс методов цифровой социологии (Василенко, Василенко, Казанцева, Тарасова, 2015): анализ 355 официальных сайтов исполнительных, законодательных и судебных органов власти; исследование 101 блога руководителей высшего уровня (федерального, субъектов Федерации); анализ социальных сетей (122 аккаунта); фокус-группа экспертов; полуструктурированное интервью 96 эксперта (руководителей органов власти и экспертов из числа граждан, участвующих в диалогах «власть – общество»); анализ 150 документов институтов посредничества; 38 кейс-стади. В исследовании разработаны технологии и управленческие механизмы, основанные на принципах взаимодействия саморегулируемых и стандартизованных систем, максимальной информационной открытости, демократии, использования общественно полезного позитивного потенциала гражданского общества, согласованного с деятельностью реформирующейся системы государственного управления. Следствием таких подходов выступает обоснование формирования и реализации инновационных компетенций государственных служащих в России (Василенко, 2014).

4. *Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества* (Василенко, Махмутов, 2017), которые могут выступить основой методики оценки институционального развития и принятия корректирующих мер. Здесь осуществлено три уровня операциональной разработки методологии. Теоретическим основанием выступили смыслы интеграции, социальной сплоченности и социокультурного сотрудничества – выделено десять аспектов-блоков показателей (образование и наука, искусство, спорт, туризм, миграция, семья и брак, религия, язык, информационное поле и СМИ, общественное мнение), встречающихся в социологических

измерениях гуманитарного сотрудничества. На третьем уровне из 170 показателей по каждому из 36 параметров десяти аспектов социокультурного сотрудничества отобрано 80, значимость и измеримость которых определялась экспертами десяти стран по пятибалльной шкале и обсуждалась на пяти заседаниях.

Второй вариант выхода из ситуации кризиса определения теоретического основания методов исследования – применение мультипарадигмального методологического базиса процесса познания и диалогических подходов, кроссдисциплинарный синтез знаний из различных социальных наук. При этом «диалог приобретает качественно новое звучание, он возможен как между субъектами, культурами, так и, в определенных границах – в виде встречного движения науки и теологии», а фрактальный кроссдисциплинарный синтез рассматривается не только как синтез методов, но и принципов (Василенко, 2018).

Третий вариант выхода из ситуации кризиса процесса социологического познания представлен автором на V Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Речь идет об инновационных технологиях онлайн исследований, встроенных в систему государственного управления, включающие самоорганизацию социологов и респондентов в интернет-коммуникациях.

Литература

Василенко Л. А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в сложном обществе // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 45–56.

Василенко Л. А. Социология в государственном управлении: применение интернет-исследований // Материалы V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». 19–21 октября 2016 года. Екатеринбург. [Электр. ресурс]. 2016. С. 8520–8530.

Василенко Л. А. Формирование и реализация инновационных компетенций чиновников в условиях глобализации // Государственная служба. 2014. № 2 (88). С. 42–45.

Василенко Л. А., Василенко В. И., Казанцева О. А., Тарасова Е. В. Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях. М 2015. 112 с.

Василенко Л. А., Вронская М. И. Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества. М., 2010.

Василенко Л. А., Махмудов Р. Р. Стратегические приоритеты управления процессами гуманитарного сотрудничества стран ЕАЭС // Государственная служба. 2017. № 6. С. 91–97.

Василенко Л. А., Миронов Н. И., Севастьянов А. М. Социальная динамика: российский контекст. Преодоление социальной несправедливости. М., 2014. Синергетика в гуманитарных науках. № 23.

Миронова Н. И. Гражданский социум в современном государственном управлении: социальная динамика. Челябинск: ООО «Полиграф-Мастер», 2007. С. 85–127.

Шамыкина В. М. Отношения управления в блогосфере – исследование резистентности // Государственная служба. 2012. № 1. С. 115–117.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. — Transaction Publishers, 2009.

Е. А. Васильева

Ценностная трансформация как аспект административной реформы (на примере Республики Саха (Якутия))

Васильева
Елена Александровна

Доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: Vasilieva_ea@bk.ru

Аннотация. Одной из целей административной реформы, которая проводилась в Российской Федерации, было изменение принципа организации взаимодействия государственной службы и граждан. Для ее достижения были сформулированы дополнительные требования к организации процесса государственного управления – открытости, транспарентности и участия граждан в принятии общественно важных решений. Однако в первую очередь такая трансформация требует сущностного изменения ценностей и неформальных норм, которыми руководствуются служащие при исполнении своих должностных обязанностей. Определение этих ценностей было целью исследования, проведенного методами контент-анализа и анкетного опроса в Республике Саха (Якутия) в 2013–2018 гг. Установлено, что, несмотря на успешную интериоризацию ряда принципов Нового государственного менеджмента, преобладающей в республике, остается модель традиционной бюрократии.

Ключевые слова: ценности, административная реформа, государственная служба, гражданское общество, транспарентность, государственное управление, бюрократия.

Административная реформа в Российской Федерации проводилась с целью совершенствования системы государственного управления на основе концепции New Public Management (NPM, Новый государственный менеджмент, далее – НГМ). Суть этой концепции заключается во внедрении в практику органов государственной власти части таких принципов, как продуктивность, маркетингизация, ориентация на клиентов, децентрализация, ориентация на цели, заданные политиками, и отчетность по результатам. Сущность реформы заключалась в трансформации основного принципа организации взаимодействия между гражданами и государством: патернализм, подразумевающий исключение граждан из процесса принятия ключевых решений, должен измениться на партнерство, предусматривающее полноценное и активное участие граждан, как непосредственно, так и в рамках институтов гражданского общества.

Соответственно, существенно меняются функции и значимость государственной службы как основного управляющего субъекта: если в условиях традиционной бюрократии основной задачей чиновника является администрирование, то есть формализованная распорядительная деятельность,

то сейчас все чаще на первый план выходит задача согласования целей и социальных ценностей. Ключевой проблемой государственного управления становится управляемость государственной службы, под которой подразумевается способность и готовность чиновников устанавливать и достигать определенных целей во взаимодействии с другими акторами – политиками и институтами гражданского общества.

Реализация ряда мероприятий реформы была осуществлена вполне успешно: к 2013 г. были приняты нормативные правовые акты, повышающие значимость открытости и транспарентности государственного управления, была создана система предоставления государственных услуг, сеть многофункциональных центров, а также внедрены некоторые технологии, обеспечивающие участие граждан в государственном управлении, в частности:

1. Размещение в широком доступе информации о деятельности чиновников, в том числе в сети Интернет.

2. Публичное обсуждение проектов государственных решений (практики оценки регулирующего воздействия, публичных слушаний и общественных обсуждений)

3. Широкое использование возможностей, предоставляемых новыми информационными технологиями, таких как социальные сети и специализированные платформы (например, платформа «Активный гражданин»).

Однако, практическая реализация новых принципов столкнулась с рядом препятствий, в частности, с формализацией внедряемых практик, выхолащиванием сути равноправного взаимодействия чиновников и граждан посредством ограничения доступа, например, через введение дополнительных критериев участия или затруднение регистрации, а также формированием закрытого круга «экспертов», выступающих от имени граждан, но фактически реализующих интересы государственной службы. Эти препятствия могут быть связаны как с сознательным противодействием чиновников, так и с институционально обусловленной неготовностью к принятию своей новой роли.

В 2014–2018 гг. Республике Саха (Якутия) проводилась серия социологических исследований, одной из целей которых было определение степени интериоризации республиканскими государственными служащими новых принципов государственного управления. В 2014 году в опросе приняли участие 276 государственных служащих, в 2017 г. – 274 служащих и в 2018 г. – 130 служащих. При этом следует учитывать, что в 2016 году в республике произошла масштабная реорганизация, в целом были упразднены 14 органов государственной власти, созданы 4 новых, а один орган преобразован с понижением статуса.

Определяя содержание своей работы, большинство служащих всегда указывали выполнение государственных функций (42% в 2014 г., 50% в 2017 г. и 47,9% в 2018 г.), что соответствует российскому законодательству. На второе место при этом в 2014 г., в начале трансформации служащие ставили в равных долях административную работу и выполнение

распоряжений руководства (по 17%), демонстрируя тем самым приверженность модели традиционной бюрократии. После масштабной реорганизации, проведенной в 2016 г., в условиях увеличившегося стресса и тревожности, доля тех служащих, кто рассматривал в качестве своей основной задачи администрирование, возросла на 2 п.п. до 19,8%, но в 2018 г., напротив, на второе место по значимости вышла задача удовлетворения общественных потребностей (20,1%), что соответствует принципам НГМ.

В качестве основных факторов, обеспечивающих привлекательность государственной службы как места работы, большинство служащих в течение всего периода наблюдений указывали стабильность и наличие социальных гарантий, таких как дополнительное пенсионное обеспечение или льготное жилищное обеспечение, что соответствует традиционной модели (31,8% в 2014 г., 26,7% в 2017 г. и 27,3% в 2018 г.). Однако вторым по популярности в начале реформирования был фактор карьерных перспектив (16,5%), что уже соответствует модели НГМ. После реорганизации вторым по популярности мотивом стала возможность участвовать в государственном управлении (19,8%), а в 2018 г. – статус государственного служащего (26,1%). При этом, отвечая на вопрос о статусе чиновников, большинство респондентов предпочли вариант «аппарат управления», характерный для традиционной бюрократии (46,7%).

Таким образом, можно констатировать, что в начале периода наблюдений трансформация проходила достаточно эффективно и принципы НГМ постепенно интериоризировались служащими, однако в последние годы произошла некоторая реставрация модели традиционной бюрократии. В частности, из принципов НГМ служащие Республики Саха (Якутия) признали необходимость учета общественных потребностей как ориентира для своей деятельности, а также высказали готовность принять управление по результатам как методику оценки эффективности государственного управления. Но в то же время, они не готовы признать понижение своего социального статуса и стремятся сохранить такие аспекты традиционной бюрократии как преимущественно административный характер работы и стабильность трудоустройства.

А. А. Вейхер

Субъектно-сетевой вариант деятельностно-активистского подхода: к методологии применения

**Вейхер
Андрей Алексеевич**

Кандидат экономических наук, Национальный Исследовательский Университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: aveykher@hse.ru

Аннотация. Доклад рассматривает состояние применения деятельностно-активистского подхода для комплексных исследований механизмов принятия и реализации решений на разных уровнях социума. Показано, что методологическое и методическое обеспечение исследований находится на интеграционном уровне и нуждается в дальнейшем развитии для перехода на уровень синтеза парадигм и дисциплин, занимающихся принятием решений. Предложены методы проведения исследований процессов развития социумов на основе субъектно-сетевого моделирования активной совместной деятельности агентов-сообществ и агентов-индивидов.

Ключевые слова: деятельностно-активистский подход, субъектность, социальные взаимодействия, стадийность, свобода воли.

В. А. Ядов разнообразно поддерживал становление в социологии деятельностно-активистского подхода (далее – ДАП), считая при этом трудности эмпирического применения одной из главных проблем его развития. Поэтому, высоко оценивая системную концепцию трансформации Т. И. Заславской как исходящую из деятельностного понимания социальных процессов, он особо подчеркнул ее инструментальность для проведения аналитической работы. Между тем, инициаторы возникновения ДАП, интегрирующего ранее противоположные подходы (от структур и от агентов, макро и микро), не доводили свои разработки до методического уровня. Так, Э. Гидденс прямо указал, что теория структуризации не должна рассматриваться как база эмпирических исследований, а позднее П. Штомпка, выбрав базовым концептом своей версии ДАП – Теории Социального Становления, – концепт События (Events), дополнил его только указанием на несколько понятий, позволяющих описать события (praxis, agency, history, becoming) по трем полярным осям, заключив, что с помощью этого аппарата можно описать в равной мере такие События как съедение завтрака и объявление войны.

Данный доклад представляет попытку обобщения методологических и методических решений, имеющих в русскоязычных публикациях, авторы которых указывали на ориентацию работ в русле ДАП, и собственного опыта работы в этом направлении. Цель его – уточнения методологии и ряда методических приемов изучения процессов управления, принятия

и выполнения решений с активным участием многих субъектов разного уровня. Фокусирование на определенной предметной области определяется как тематикой рассмотренных работ, так и его удобностью, на взгляд автора, для рассмотрения проблемы определения границ применения ДАП.

Теория, моделирующая онтологически выделяемые процессы, является эпистемологически полноценно сформированной, если она включает осознание границ ее приложения. Для ДАП задача самоограничения особенно сложна, так как практически любое эмпирическое исследование с использованием ДАП имеет объектами и предметами изучения онтологию, объединяющую объекты и предметы изучения традиционно разных дисциплин и разных уровней общественных систем. Поэтому предлагается разрабатывать описания границ применимости ДАП двух типов: 1) изнутри – как состава исходных концептов и их начальных операционализаций, общих для всего круга используемых дисциплин и описывающих многообразие реально зафиксированных и возможных ситуаций жизнедеятельности, и 2) извне – как рассмотрения тех же ситуаций различными дисциплинами и выявления в их общих или частных моделях значимых феноменов, не встраивающихся в конструкты, создаваемые работой первого типа. Работа второго типа обычно делается критиками теорий, а не авторами, но в проектах ДАП привлечение специалистов ряда дисциплин позволяет выявлять внешние ограничения одновременно с внутренним наполнением.

Методы, примененные в рассмотренных ДАП-исследованиях, соответствуют стадии развития самой теории, которая уже во многом осуществила интеграцию парадигм макро и микроуровня, позволяющую работать с mixed-methods. В настоящее время происходит переход на следующую ступень – синтеза, т. е. создания таких логических и терминологических элементов теории и методики, которые позволят операционально описывать органичные динамики общественных систем противоречия и формы их разрешения в ходе воспроизводства, накопление инноваций-девиаций с переходами количественных изменений в качественные и наоборот.

От концептов к признакам

На настоящем этапе развития эмпирических исследований ДАП наметилась триада исходных концептов для построения конструктов и признаков описания реалий общественной жизни: Субъекты, Взаимодействия и Обстоятельства¹. Нацеленность этого подхода на изучение механизмов изменений в социуме делает неременной при разворачивании всех трех концептов временную характеристику, которую по наиболее частым определениям значений используемых при операционализации признаков можно обобщить как концепт Стадиальность. В ряде исследований имеют место характеристики пространственного размещения изучаемых субъектов, объектов, предметов, обстоятельств, но в настоящее время они еще не утвердились как неременные для использования в большинстве исследований этого типа и могут рассматриваться как одна из подгрупп Обстоятельств.

¹ Примененное, как считается, впервые К. Марксом: «Люди сами делают свою историю... при обстоятельствах, которые не сами они выбрали» – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 119.

Логика соединения производных от этих концептов конструктов и понятий имеет своей основой логику акторно-сетевого подхода¹, распространяемую на многообразия научных дисциплин, включаемых в исследования ДАП. Их денотаты описываются как элементы сети и могут быть как материальными, так и нематериальными.

Автор полагает, что указанные четыре концепта образуют на данном этапе развития ДАП четыре неперенных, универсальных оси описания жизнедеятельности в обществе. На этих осях и между ними разворачивается сеть конструктов, индикаторов, показателей, признаков, их качественных и количественных шкал, позволяющих описать реальную сеть денотатов. Подробность детализации эмпирических денотатов будет, естественно, очень различной, в зависимости от проблем конкретных сообществ, непосредственно или через цепь гносеологических обобщений и абстрагирований, побудивших исследовать соответствующие совокупности жизненных ситуаций.

Избыточность информации, которая может быть привлечена из разных дисциплин для описания интересующих исследователя ситуаций, создает дополнительные трудности. Ограничения по возможностям ее сбора и обработки делает особо важным уже на стадии планирования исследования введение критериев приемлемого огрубления описания разных элементов ситуаций и минимально необходимой надежности ожидаемых результатов. Кроме того, для описания одних и тех же объектов, субъектов, отношений и описывающих их шкал, могут использоваться различные термины, которые присущи онтологии разных сфер жизнедеятельности (экономике, праву, психологии, политологии, менеджменту и другим, вплоть до этнологии). Представление результатов исследований также приходится делать в разной терминологии, чтобы ими могли адекватно пользоваться в различных сферах. Эта задача предполагает формирование тезаурусов для исследований в ДАП как словарей, включающих ряды, а, возможно, и сети взаимосвязей терминов, особенно синонимичных из разных сфер и дисциплин, их изучающих.

Операционализация концепта Субъекты

Сам по себе концепт Субъекты может быть операционализирован только как требование моделировать любой фрагмент общественного процесса с включением множества взаимодействующих субъектов. Во второй половине XX века философами было показано, что в модели человеческой деятельности не может быть менее трех субъектов и хотя бы один из них имеет предмет своего участия в общей деятельности оценивание отношений между двумя другими субъектами и воздействие на эти отношения. Соответственно, для указанной выше предметной области методология ДАП начинается с положения о выявлении в фиксируемых ситуациях минимум

¹ Примененная первоначально Б. Латуром для более узкой сферы акторно-сетевая теория ограничена для ДАП.

трех субъектов (или их типов), в т. ч. с наличием хотя бы у одного из них интереса к наличию, поддержанию или изменению взаимодействия пары других субъектов.

Понятие Субъекты в науках, изучающих разные сферы общества, почти всегда сопровождается словом, указывающим особенности содержания, направленности активности (субъекты познания, права, экономики, истории, власти и т. п.), без которого нельзя найти эмпирически фиксируемых ситуаций. Поэтому логично в науках о человеке и обществе, особенно, в психологии¹, появление и активное использование понятия Субъектность, позволяющего перейти от Субъекта как целостности к разнообразию его проявлений в деятельности как по направленностям, так и по интенсивности². Эпистемологически это понятие можно считать и концептом второго уровня (значительная интуитивность в понимании содержания), и конструктом первой ступени (в случае качественно очевидно выделяемой при наблюдении специфичной деятельности).

Содержание и подробность операционализации Субъектностей может сильно отличаться в зависимости от задачи их изучения. Кроме содержания (объектов воздействия и характеристик их преобразования), в нее, как минимум, входят характеристики потребностей и интересов субъекта, побуждающих соответствующую деятельность, наличие ресурсов личностных и внешних, круг и типы субъектов, взаимодействие с которыми составляет социальную сторону этой деятельности. (Строгостью отличия этих элементов от параметров операционализации трех других концептов в начале пренебрегаем. В большинстве реальных исследований пока не удастся собирать данные по значительной части параметров, подлежащих фиксации на основе знаний, накопленных дисциплинами, пул которых применяется для решения исследовательской задачи. Это делает целесообразным ограничение сферы релевантности результатов по второму типу (см. выше).

Последовательное применение принципа множественности Субъектностей у каждого Субъекта дает новые объяснительные возможности ДАП в моделировании деятельности индивидов, сообществ, систем управления в них.

Разные субъектности индивидов, личностей (actors) являются формой осуществления множества их общественных отношений и отношений к различным объектам и явлениям среды обитания. Уже утвердившееся признание сообществ, коллективов, институтов Субъектами-agents, дает основание рассматривать те роли, которые человек выполняет в силу принадлежности к ним, субъектностями особого рода. Их направленность определяется потребностями воспроизводства сообщества как целостности, а процесс реализации имеет модификации, определяемые субъектностями уровня actor. Такая многоуровневость формирования поведения согласуется

¹ В российской литературе наиболее основательно, на наш взгляд, это – Леонтьев Д. А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3.

² Особенности применения и восприятия адекватных английских терминов Agency, Subjectness, Subjectivity показывают, что неоднозначность понимания Субъектности в русских текстах – явление общенаучное, позволяющее использовать его и как концепт второго уровня, и как операционализированный конструкт.

с диспозиционной концепцией регуляции социального поведения личности В. А. Ядова, однако не предполагает полного доминирования субъектностей принадлежности к сообществам над индивидуальными субъектностями.

Различные субъектности, как разноуровневые, так и рядоположенные, могут противоречить друг другу по образующим их интересам, конкурировать за время и другие ресурсы, доступные Субъекту. Эта противоречивость позволяет по-другому расставить акценты в понимании феномена «свобода воли», психологическом объяснении возможностей Субъектов совершать «свободные, не детерминированные средой и наследственностью решения и выборы» (Леонтьев).

Сама необходимость нового (иного, отклоняющегося) поведения, существенно отличающегося от имеющихся практик, возникает на уровне Субъекта из конфликтов разных его субъектностей, стоящих за ними потребностей и интересов. Ими могут быть и нехватка ресурсов для полноценной реализации разных субъектностей, и потребность в особости, значимом отличии от других, ставшая (особенно в современном обществе) культурной нормой, и многое другое. Выходом из подобных конфликтов в любом случае будет нарушение практик имеющихся субъектностей и синтез из их компонентов новой субъектности, деятельность по которой будет новацией. Аналогично в материальном мире синтез объектов с новыми качествами осуществляется как ранее не существовавшая комбинация уже имеющихся компонентов этого мира. В этом смысле круг возможностей определен существующими компонентами и их совместимостью в новых комбинациях, которую можно уподобить жизнеспособности мутаций. Как и в мутагенезе, полная картина всех параметров и их связей, определяющих ожидаемый результат решения, недоступна Субъектам. В рациональной по предположению схеме обоснования соответствующего нового решения, неизбежно присутствуют ряд допущений о рассматриваемых причинно-следственных связях, которые не могут быть проверены на релевантность. Свобода Субъектов в принятии решений в нетривиальных ситуациях начинается с создания умственных допущений (воображения) возможности связей между компонентами, которые ранее полагались несовместимыми. Культурными предпосылками возникновения таких допущений являются: 1) принцип всеобщей связи, в разных формах присутствующий у разных цивилизаций с древних времен, 2) наличие особых типов личности Субъектов с повышенным вниманием к опыту и практикам отклонений от доминирующих типов явлений и действий (эволюционно идущим от дифференциации внутри популяций по степени и типу поисковой активности).

Свобода решений и выборов как проявление субъектностей не может рассматриваться в ДАП без фиксации результатов их осуществления. Продолжая аналогии с мутагенезом, можно предположить, что значительная, если не большая, часть вновь возникающих субъектностей не закрепляются в жизнедеятельности создающих их Субъектов, поскольку подавляются Субъектами, чьи интересы они задевают при попытках реализовать новационную субъектность. Заметим, что этим же ограничивается сфера действия «теоремы Томаса». Осознание опыта поражений, обусловленных неадекватностью представлений Субъекта о реальности, создает во многих видах деятельности соответствующие механизмы недоверия своим представлениям,

опасения рисков активности, выходящей за рамки устоявшихся правил действий. Оценка тенденций роли «свободных решений» на уровне сообществ имеет, поэтому, минимум две версии: 1) по восприятию самим субъектом и его окружением частоты и значимости¹ «свободных» (возможно – новационных) решений, которые принимаются им самостоятельно или в коллективной структуре, и 2) части, доли «свободных» решений, которые были реализованы с достижением ожидаемого результата.

Для рассматриваемой предметной области множественность и противоречивость части субъектностей становится базой для снятия альтернативности в изучении формальных – неформальных отношений, интересов институций – интересов малых групп и индивидов, конфликтующих интересов, критериев успешности эволюции совокупности и ее частей. По каждой из этих изначально биполярных осей возникает несколько качественно различных состояний, образующихся как варианты форм взаимодействия Субъектов, описываемых как акторы-узлы социальной сети.

Методически взаимодействие субъектностей чаще всего фиксируется при обсуждении с респондентами стадий принятых ими решений. Замечено, что негативные аспекты принимаемого решения для других своих ролей и статусов Субъекта ощущаются и признаются ими чаще, чем позитивные. При конкретизации же оценки в ответах на детализирующие вопросы «А какие у этого решения слабые, неудачные стороны?» и «А какие у этого решения есть сильные, удачные стороны?» ответы бывают более полными для позитивных аспектов.

Операционализация концепта Взаимодействия

Разнообразие вариантов понимания взаимодействия в разных общественных дисциплинах и философии велико. Даже если сузить круг вариантов теми дисциплинами, которые могут включаться в применении ДАП к сфере управления, то варианты операционализации будут терминологически и по подробности шкал весьма разнообразны. Кратко можно указать лишь несколько параметров описания взаимодействия, которые определяются необходимостью согласования с формами операционализации других концептов.

Прежде всего, любое действие Субъекта предполагает выявление других Субъектов, с которыми оно превращается во взаимодействия. Методология их рассмотрения в ДАП основывается на развитии веберианского понимания социальности действия.

Исследователь, обращаясь к конкретному сообществу, в которое входит сеть Субъектов, связанных отношениями управления, имеет предварительную информацию о составе этой сети и определенной части их взаимодействий друг на друга. Формы взаимодействия могут быть разными по механизмам передачи воздействий от простых (напр., субъект-субъектного общения в одном языке) до сложно опосредуемых изменениями материальных объектов в цепочке действий или бездействий² других Субъектов.

¹ Значимость тоже имеет несколько критериев оценивания.

² Отказ от действия может быть принципиальной, революционной новацией в цепи устойчиво происходивших циклов воспроизводства социальной системы.

Первыми задачами построения нужной модели по ДАП оказываются: 1) проверка полноты круга Субъектов, которые реально охвачены действиями по осуществлению основных функций (проявлению субъектностей), 2) проверка для уточненного круга Субъектов наличия связей между ними по иным субъектностям, не вытекающим из основных функций, 3) выявление продолжительности циклов взаимодействий «действие субъекта-1 – опосредующие его превращения в воздействие на субъектов-2...N – ответные действия субъектов-2...N – опосредующие их превращения в воздействие на субъекта-1 – восприятие ответных действий субъектом-1» и основных стадий этих циклов. Последнее важно для оценки возможных колебаний массовости и интенсивности взаимодействий Субъектов, поскольку обследование (наблюдение) редко длится долго и чаще фиксирует их на одной из стадий цикла.

Сформированная модель сети взаимодействий оказывается оценкой валидности результатов исследования, первым приближением определения круга общественных систем, жизнедеятельность которых оно объясняет, по критерию первого типа – изнутри (см. первую страницу тезисов).

Операционализация концепта Обстоятельства

Широта и разнородность круга параметров ситуаций, которые могут быть отнесены к Обстоятельствам, позволяет в первом приближении предложить только два направления их операционализации. Первое – разделение на ресурсные и институциональные. Второе – изменяемые и неизменяемые воздействиями того или иного субъекта, входящего в сформированную сеть, и изменяющиеся независимо от Субъектов, доступных выявлению исследованием.

Нацеленность на выявление Субъектностей, которые проявляются как изменения Обстоятельств жизнедеятельности широкого круга Субъектов, позволяет избавиться от широко распространенных безличных (в т. ч. в филологическом смысле) формулировок объяснения причин изменений, каковыми являются формулировки типа «современное общество требует», «необходимы изменения» и т. п.

Операционализация концепта Стадиальности

Стадиальность в ДАП при изучении процессов управления операционализуется, в основном, по двум из известных трех вариантов разворачивания событий во времени: 1) истинный цикл (замкнутая последовательно обусловленная цепь событий, где в каждом звене может возникнуть изменение, провоцирующее изменения последующих) и 2) разомкнутый (псевдо) цикл (последовательно обусловленная цепь событий, состояний, реализующаяся однократно, имеющая начало и конец).

Выбор варианта обуславливается целью исследования: первый вариант применяется при изучении динамики процессов управления, включающих последовательность решений, корректируемых по результатам

исполнения ранее принятых решений и изменения обстоятельств деятельности; второму варианту соответствует изучение влияния разных факторов на организацию управления на основе совокупности кейсов одного цикла управления – от ситуации появления потребности в принятии решения до получения результата и оценки его соответствия решению. Выбор для описания продолжительности периода и стадий деятельности при этом, естественно, определяется предметом деятельности и заранее известными циклами значимых обстоятельств. Необходимым для большей части исследований представляется учет стадий состояний и возможных изменений личностных Субъектностей Субъектов-actors (в первую очередь, руководителей разных уровней) и демографических, этнических, социальных структур Субъектов-agents (сообществ, коллективов, институтов).

Практическая невозможность охвата значительной части известных параметров описания совокупности Обстоятельств и Стадий жизнедеятельности Субъектов, о ретроспективе и современном состоянии которых собираются данные, предполагает составление перечня наиболее значимых, по мнению участников проектов из разных дисциплин, для темы исследования. Такой перечень становится оценкой валидности результатов исследования, уточнением круга общественных систем, жизнедеятельность которых оно может объяснять, по критерию второго типа – извне (см. первую страницу тезисов).

Проблемы применения ДАП с рассмотренными концептами

Повышение надежности распространения результатов исследований проблем управления на объекты, схожие с исследованными, требуется изучение проблемы допустимых, компенсируемых с позиции органов управления различий между обследованными кейсами и объектами, которые во многом, но не во всем, схожи с изученными. Иными словами, насколько управленцы, зная о различиях обследованных и своих объектов, а также о параметрах, которые исследованием не были учтены, могут оценить возможность действовать на основании полученных результатов с применением дополнительных решений, направленных на устранение проблем, возможных из-за неполного совпадения параметров ситуации.

Для развития теории ДАП первоочередным является построение моделей формирования и реализации эмерджентных интересов субъектов-сообществ (agents) через действия субъектов-индивидов (actors). Прикладные исследования этой области прямо входят в сферу социологии управления, политологии и тех областей обществоведения, которые изучают центростремительные или центробежные процессы в сообществах, группах, коллективах, изменения структур проявления интересов, форм их согласования в разных культурах.

Н. А. Вишнякова

Оценка населением деятельности органов исполнительной власти региона (на примере мониторинговых исследований в Республике Мордовия)

**Вишнякова
Наталья Анатольевна**

Отдел-социопарк «Регионология»,

ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск, Россия.

E-mail: vishnyakova33390@mail.ru

Аннотация. Научным центром социально-экономического мониторинга проводится большая работа по оценке деятельности властных структур различных уровней. На протяжении 7 лет проводится оценка деятельности органов исполнительной власти Республики Мордовия, деятельности Главы Республики. Репрезентативные и актуальные социологические данные позволяют властным структурам «держать руку на пульсе». Социологические замеры позволяют сформировать спектр значимых для региона проблем, которые требуют от власти первоочередных решений.

Ключевые слова: исполнительная власть, мониторинг, недостатки работы властных структур, общественное мнение, оценка власти, проблемы региона.

На сегодняшний день при относительной открытости власти и наличии каналов коммуникации между властью и обществом, мониторинговые исследования оценки населением деятельности органов власти являются вполне реальным отражением эффективности взаимодействия власти и народа. На протяжении всего времени своего существования «Научный центр социально-экономического мониторинга» Республики Мордовия проводит различные исследования, касающиеся оценки деятельности различных властных структур на всех уровнях: от государственного до местного (муниципального) уровней. Последние 7 лет центр ежегодно проводит изучение мнения населения относительно деятельности органов исполнительной власти Республики. В качестве метода сбора информации используется анкетный опрос населения 18 лет и старше, постоянно проживающего на территории Республики. Выборка квотная, в качестве основных признаков репрезентативности выступают место проживания (муниципальный район, городская/сельская местность), пол и возраст респондентов. Во всех исследованиях погрешность варьируется от 3 до 5%. Если в 2013 году исследование проводилось 1 раз в год, то к 2019 году динамичность общественного мнения и настроений спровоцировала необходимость более регулярного его изучения. Так в текущем 2019 году исследование по оценке деятель-

ности органов власти и иных политических структур проводится уже ежеквартально. Наряду с прочими вопросами, в большинстве исследований остаются вопросы по оценке деятельности Главы Республики, органов исполнительной власти в целом (правительства, министерств и ведомств РМ), а также вопрос, касающийся основных недостатков в работе органов исполнительной власти.

Пик одобрения и удовлетворенности деятельностью властных структур пришелся на 2 полугодие 2015 года, тогда более 70% (73,6%) были в той или иной мере удовлетворены работой органов исполнительной власти. Оценка работы исполнительной власти после относительно стабильного положения на протяжении 2016 – 1 полугодия 2018 гг. значительно упала во втором полугодии 2018 года и сохранила эту тенденция в 2019 году. И в первом квартале 2019 года, процент опрошенных, в той или иной мере неудовлетворенных работой исполнительной власти впервые за годы исследования превысил число положительно настроенных граждан.

На протяжении всего периода исследований ключевой проблемой и недостатком в работе органов исполнительной власти население считает низкий уровень доходов населения – низкий уровень заработной платы населения, пенсий, пособий, иных социальных выплат. В каждом исследовании число респондентов, отмечающих данную позицию, превышает 80%, а в 1 квартале 2019 г. цифра достигал максимального значения – 88,2% именно столько граждан отмечают низкий уровень выплат различного рода в качестве основной недоработки местных властей. При этом можно отметить, что вероятнее всего значительная доля опрошенных имеет ввиду именно уровень заработных плат, так как за последние годы второй по популярности проблемой является недостаток рабочих мест. За все годы исследования только однажды данная позиция уступила 2 место проблемам ЖКХ и откатилась на третью ступень. Все 7 лет более половины опрошенных жалуются на недостаток вакансий, в 2015 произошел рост числа недовольных данной проблемой до 64,8% и с тех пор показатель не опускался ниже данной отметки. Пик недовольства пришелся на 1 полугодие 2018 года – 75,3% считали, что исполнительные органы власти не в силах обеспечить население рабочими местами и неэффективно работают в данном направлении.

Кроме того, значительная доля опрошенных упрекает исполнительную власть в наличии проблем с получением медицинской помощи, ее недоступность или низкое качество. За последние два года эта позиция прочно набирает более половины ответов респондентов. Нерешенность проблем ЖКХ так же волнует практически половину населения на протяжении 7 лет. Эти данные позволяют определить круг стабильно-сложившихся и уже укоренившихся проблем в регионе. Колебание цифр по данным позициям скорее свидетельствует о точечных решениях по определенным вопросам, нежели о наличии комплексного подхода на пути решения ряда проблем.

Однако стоит отметить и позитивные оценки со стороны населения в работе органов исполнительной власти. Так сложно упрекнуть власть в высоком уровне преступности, неэффективности мер по предотвращению стихийных бедствий, аварий, эпидемий и ликвидации их

последствий – за все время исследований не более 5% граждан считали недостаточной или неэффективной работу по данным направлениям. Кроме того, достаточно высоко население оценила работу органов исполнительной власти по развитию социальной инфраструктуры, предоставлению качественных услуг образования и обеспечению транспортного сообщения между районами республики.

Научный центр проводит исследования, посвященные оценке деятельности органов исполнительной власти, как со стороны всего населения, так и отдельных социально-демографических групп.

Так в рамках темы «Исследование диаспор народов, проживающих в Республике Мордовия», были изучены настроения армянской, азербайджанской и узбекской диаспор относительно работы деятельностью представителей региональной власти. Большинство представителей национальных диаспор дали положительную оценку власти региона (80,8%; 89,0% и 66,6% соответственно).

В рамках республиканского плана мероприятий по реализации Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества был проведен замер отношения казачьих сообществ к региональным властным структурам, согласно которому 56,1% оценили их в позитивном ключе.

В динамике научный центр изучает и отношение к власти наиболее мобильной части населения – молодежи, чья удовлетворенность органами исполнительной власти к концу 2018 г. так же стала менее 50% (47,6%).

Помимо вышеуказанных вопросов центром рассматриваются и ряд других аспектов, касающихся мнения населения относительно работы органов власти. Центр обеспечивает соответствующие властные структуры оперативной социологической информацией, позволяющей при необходимости вносить коррективы в работу.

А. В. Гавриков

Постсоветские модели партийных систем Беларуси и Украины: общее и специфическое (на примерах социетальных расколов)

**Гавриков
Андрей Валерьевич**

Магистр социологических наук, аспирант,
Институт социологии НАН, Минск, Республика Беларусь.
E-mail: gavrikov.1990@inbox.ru

Аннотация. На сегодняшний день многие страны ближнего зарубежья имеют разные политические режимы, внешнеполитические стратегии, разные уровни экономического и культурного развития. Такое своеобразие данных обществ можно объяснить разным политическим опытом, историческими и культурными особенностями, геополитическим положением, политическим режимом, развития демократических институтов и гражданского общества.

На сегодняшний день многие страны ближнего зарубежья имеют разные политические режимы, внешнеполитические стратегии, разные уровни экономического и культурного развития. Такое своеобразие данных обществ можно объяснить разным политическим опытом, историческими и культурными особенностями, геополитическим положением, политическим режимом, развития демократических институтов и гражданского общества.

В рамках исследования партийных систем, стоит отметить, что в политической науке существует большое разнообразие подходов как к дефинициям понятия партийных систем и их типологиям, так и к исследованиям политических партий.

По нашему мнению, при проведении анализа партийных систем двух стран оптимальнее всего затрагивать динамику политического развития партий и регионально-политический аспект, который значительно повлиял на становление партийной системы двух стран, а так же на конфигурацию партийных систем оказали элементами институционального устройства, такие как избирательная система, форма правления и другие.

В социологии политических партий особое внимание уделяется внимание социетальным расколам, выделенным исследователями С. Липсетом и С. Рокканом. Первоначально концепция использовалось только для изучения расколов в обществе на политические группы Западной Европы, но после распада СССР и заимствование многих западноевропейских политических атрибутов в результате демократического транзита данная концепция постепенно начала использоваться и в отношении постсоветских стран (со своей спецификой). При изучении стран постсоветского пространства в кон-

тексте размежеваний очевидным становится заключение, что одни «западные» расколы наиболее сильно проявляют себя, другие либо выражены слабее, либо не обнаруживаются совсем.

Социетальные расколы (конфликты наивысшей стадии) которые партии могли направлять в легальное русло политической борьбы. Исследователями были выделены примеры таких конфликтов:

- «конфликт столицы и регионов;
- государства и церкви,
- города и села
- собственников и рабочих» (Lipset, 1967).

Данные конфликты разделяли общество на политические группы, что в свою очередь способствовало появлению политических партий разной идеологической ориентации, которые во многом агрегируют интересы политических групп. В последующем теория социетальных конфликтов была дополнена политологом К. Джандой. На примере компаративного анализа политических партий США и западной Европы он выделял критерии замера политических противоречий:

- экономический статус государства;
- религиозность населения;
- этническая однородность или неоднородность населения страны;
- уровень урбанизации и образования электората.

Особым образом проявил себя в Белоруссии раскол «город – село» (Джанда, 1997: 92).

Белорусское общество расколото регионально на восточную и западную Беларусь, а также на две части, имеющие различные политические ориентиры и цели. Первую часть образуют сторонники политической модернизации страны и демократизации политического режима, а также налаживания политических отношений с ЕС и США. К ним относится значительная часть жителей крупных городов, студенческой молодежи, интеллигенции, представители мелкого и среднего бизнеса. Вторую образуют социальные группы, поддерживающие социально-ориентированную политику Президента А. Г. Лукашенко: большинство сельских жителей, рабочих, пенсионеров, представители правящих элит, чиновники, представители крупного бизнеса, значительная часть представителей силовых структур (Политические системы..., 2012: 74).

Политически раскол выразился в институционализации политических партий 3 групп направленности по отношению к политическому режиму: 1) провластные партии (Коммунистическая партия Беларуси, Республиканская партия труда и справедливости, Белорусская аграрная партия, Белорусская патриотическая партия, Белорусская социально-спортивная партия, Республиканская партия). Перечисленные партии постоянно оказывают политическую поддержку действующей власти в период избирательных компаний парламентского и президентского уровня, депу-

таты, которые находятся в парламенте от этих партий, в большинстве случаев выступают за предложенные государственной властью законодательные инициативы; 2) конструктивно-оппозиционные (Социал-демократическая партия Народного Согласия, Либерально-демократическая партия Беларуси) – данные политические партии, выступая с критикой отдельных инициатив и действий правительства, как правило, вносят позитивные предложения, направленные на совершенствование и развитие белорусского общества; 3) умеренно-оппозиционные (Белорусская социал-демократическая партия «Грамада», Партия «Белорусская социал-демократическая Грамада», Белорусская партия «Зеленые»). Данные партии выступают с умеренной критикой власти, выступая за локальные реформы и преобразования; 4) крайне-оппозиционные (Партия БНФ, Консервативно-христианская партия БНФ, Белорусская партия левых «Справедливый мир», Объединенная гражданская партия). Эти партии выступают с критикой власти. Они сторонники кардинальных изменений и реформ, и по своей сути являются внесистемной политической оппозицией.

С середины 1990-х гг. в Республике Беларусь складывается режим во главе Президентом А. Г. Лукашенко и с 1994 г. страна является президентской республикой с сильной административной вертикалью. Значение политических партий, как выразителей общественных интересов белорусов, постоянно снижается и на сегодня партии имеют рейтинг (см. рис. 1).

В отличие от Беларуси Украина является парламентско-президентской республикой и за период ее независимости президентами страны были: Л. М. Кравчук, Л. Д. Кучма, В. А. Ющенко, В. Ф. Янукович, П. А. Порошенко (Политические системы..., 2012: 269).

Украинское общество расколото по многим основаниям – социально-экономическим, этническим, лингвистическим, конфессиональным и др. моментам. Наиболее заметным расколом является региональное разделение Украины: Западная Украина, Закарпатье, Северная Буковина, Восточная и Южная Украина, Центральный регион. В. Я. Гельман отмечает, что для постсоветского пространства характерны не столько социетальные конфликты, сколько внутриэлитные расколы (Пашковский, 2016: 12).

Украинская партийная система формировалась под влиянием мощного регионального фактора, где раскол «центр – периферия» трансформировался в раскол «северо-запад – юго-восток». Социально-политическое напряжение между регионами вызвано историческими, культурными и экономическими факторами. По идеологическим принципам партии Украины можно классифицировать от ультралевых до ультраправых. Особенностью партийной системы Украины не смотря на многочисленность партий и движений, является их способность к блокированию перед парламентскими и президентскими выборами. Исследователь украинских элит А. Зоткин выделяет три наиболее влиятельные региональные олигархии, которые стремятся определять политику Киева: днепропетровскую, донецкую, харьковскую. Политические элиты регионов, ведущие активную экономическую деятельность, стремятся экстраполировать свои влияния, что приводит к обострению обстановки в регионе. Взаимодействие регионов запада и юго-востока является особенно конфликтным после событий в Украине 2013–2014 гг. Региональный фактор

поставил под угрозу национальную государственность, до сих пор отношения регионов не урегулированы, что оказывает влияние как на внутреннюю политику Украины, так и на ее партийную систему (Пашковский, 2016: 15).

Рис. 1. Рейтинг политических партий Беларуси

Таким образом, политическая система Украины существенно отличается как от всех постсоветских стран. Этой специфической системе государственно-политического устройства соответствует и специфическая система политических партий. По состоянию под конец 2017 г. в Министерстве юстиции Украины зарегистрирована 352 политические партии. Несмотря на такое количество зарегистрированных партий: еще одной примечательной особенностью партийной системы Украины, является то, что доминирующее большинство зарегистрированных партий не имеют никакого влияния на политическую систему (находясь вне блока), оставаясь формальными участниками политических процессов.

Литература

Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория / Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М.: МОНФ, 1997. С. 84–143.

Пашковский Е. А. Механизмы формирования партийных систем в условиях трансформации общества (на примере Польши и Украины): Автореф. канд дис: 23.00.02. / Е. А. Пашковский. Санкт-Петербург, 2016. 24 с.

Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. Т.1: Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор *А. В Торкунов*; научн. редактор *А. Ю. Мельвиль*; отв. редактор *М. Г. Миронюк*. М.: Аспект Пресс, 2012. 616 с.

Lipset S. Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives / S. Lipset, S. Rokkan. – New York: Free Press, 1967. 554 p.

К. Э. Гусейнова

Оценка уровня инновационного (научно-технологического) развития регионов в контексте проблем пространственного взаимодействия

Гусейнова
Ксения Эльдаровна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: likseidar@mail.ru

Аннотация. В тексте представлены результаты исследования проблемы инновационного развития в регионах Российской Федерации. Дана оценка барьеров реализации инновационных проектов по материалам анализа работы на региональном уровне. Методологической особенностью качественного анализа собранного материала является применения концепции В. А. Ядова идентификации граждан в пространстве инновационного социального развития как «своих» и «несвоих» групп

Ключевые слова: социология управления, инновационное развитие региона, научно-технологическое развитие, экспертный опрос, «свои» и «несвои».

В современных условиях инновационная политика стала основой государственной практики управления. Об этом свидетельствуют многочисленные официальные документы (стратегии, концепции, указы Правительства Российской Федерации), призванные развивать и поддерживать нашу страну в мировом уровне экономических показателей.

На сегодняшний день существует множество определений понятия «инновационная политика». Основу любого инновационного процесса составляет новшество, разрабатываемое и внедряемое в разных сферах производства и общественной жизни. Согласно Н. И. Лапину, инновация – «это процесс создания, распространения и использования нового практического средства... это есть процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социокультурной и вещественной среде, в которой совершается жизненный цикл инновации» (Лапин, 2008). Ее предметное содержание, процесс создания, а также пути и способы ее использования – все это входит в широкий круг определения данного термина.

Основу современного инновационного развития регионов составляют, в частности, федеральные проекты, призванные решать наиболее острые общественные проблемы. Так, например, в 2016 году Президентом России была утверждена Стратегия научно-технологического развития РФ, в тексте которой представлено следующее определение: «научно-технологическое развитие Российской Федерации – трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способ-

ности страны эффективно отвечать на большие вызовы» (Указ Президента Российской Федерации..., 2016). К последним относятся проблемы, осуществление которых возможно лишь при условии качественной модернизации имеющихся управленческих и производственных механизмов, а вместе с ними и построения новых заинтересованных социальных и групповых отношений.

Суть научно-технологического развития заключается в сращивании интересов государства, науки и бизнеса. Этот факт подтверждается и тем, какое значение современная государственная политика придает инновационным проектам (см. Концепцию социально-экономического развития РФ 2030). Во-первых, суть таких проектов заключается в развитии т. н. «прорывных технологий», выступающих результатом работы различных отраслей науки и знания. Во-вторых, их реализация нацелена на повышение конкурентоспособности отечественной науки в области высоких технологий. «Особое внимание при этом уделяется прогрессивным отраслям науки, таким как информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), нанотехнологии, биомедицина и проч. Конвергенция указанных областей знания может привести к появлению новых прорывных технологий в междисциплинарной сфере» (Гусейнова, 2018). А в-третьих – опора на заинтересованных в их реализации групп, специалистов, персонала.

После этого становится очевидным, каким дальновидным был В. А. Ядов, когда еще в 2005 году он говорил о том, что «новым поколениям предстоит осуществить разворот в направлении принципиально иных технологий, которые включают радикальное обновление промышленного и сельскохозяйственного оборудования, с компьютерным управлением, сокращение производства стали, создание технополисов...» (Ядов, 2005).

Очевидно, что уровень инновационного развития регионов может зависеть от множества факторов, будь то исторические (социокультурные), экономические, природные особенности и проч. В любом случае индивиды и различные социальные группы, участвующие в создании и разработке инновационных проектов, находятся в некоем «социальном пространстве» заинтересованного взаимодействия. Механизмы их взаимодействия, уровни коммуникации, уровень модернизации – все это составляет «социальную проблему» реализации инновационной политики.

Методологические основания для изучения данных, отражающих оценку уровня инновационного развития в регионах, связаны с концепцией Владимира Александровича о процессах идентификации граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (Ядов, 2004). Так, например, участников социального пространства, связанных с инновационным развитием, также можно отнести к дихотомии «свои» и «несвои». Это может стать методологическим ключом для их качественной классификации и для оценки возникающих барьеров. Критерии идентификации также могут быть различными, например:

1. Регион: когда в качестве «своих» выступают представители родного региона, в то время как другие (например, Москва) получают статус «несвоих», в силу серьезных экономических и социокультурных различий.

2. Интересы: кто из заинтересованных сторон – народ, наука, бизнес, государство – может считаться «своим», а кто нет? Какова оценка роли каждого участника в пространстве инновационного взаимодействия?

3. Финансы и ресурсы: какими экономическими запасами обладают регионы и на чью финансовую поддержку они (не)могут рассчитывать?

4. Мораль и этика: в данном случае «своими» можно назвать людей, имеющих профессиональный творческий интерес в развитии инновационных проектов. «Несвоими» – людей, незаинтересованных, работающих исключительно «по приказу».

Приведенные критерии могут быть изменены и дополнены другими критериями. В данном случае мы рассмотрим пример того, как региональное экспертное сообщество оценивает уровень инновационного развития в своих регионах. Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН уже более 10 лет проводит совместные исследования с Президиумом РАН. Одно из последних исследований связано с изучением социально-организационных барьеров, препятствующих реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ. В 2019 году авторским коллективом был проведен экспертный опрос в 17 субъектах РФ. В качестве респондентов были приглашены люди, имеющие опыт управленческой практики, представители науки, бизнеса, общественных организаций, региональных органов власти и др.

Качественный анализ полученных материалов дает возможность описать некоторые дихотимические различия в концепции «свои» и «несвои». Так, например, к *социальному пространству «своих»* эксперты отнесли социальные группы, которые:

- обладают энтузиазмом и верой в научные достижения, заинтересованы в финальном результате;
- создают координационные советы по вопросам инновационного развития;
- обеспечивают взаимодействие всех заинтересованных стороны на равных условиях, поддерживают диалог с бизнесом и властью;
- обеспечивают финансирование научных организаций;
- создают совместные научно-исследовательские лаборатории, проводят круглые столы, создают технопарки, организуют научные мероприятия для постоянного обмена опытом, проводят совместные междисциплинарные исследования;
- создают единое информационное пространство для всех участников.

К *социальному пространству «несвоих»* эксперты отнесли социальные группы, которые:

- лоббируют собственные интересы;
- плохо, либо вовсе не взаимодействуют с другими участниками, в т. ч. с экспертами;

- не поддерживают развитие отраслевых технологий;
- не заинтересованы в конечном результате.

Другим основанием для подобной дихотомии может быть представлена консолидация региональных ученых с Институтом им. Курчатова. Данная организация является новатором в вопросах объединения научно-технологического и гуманитарного знаний. 5 из 17 регионов заявили о наличии тесных связей между региональными учеными и их коллегами из Курчатовского института. Также почти все регионы заявили о взаимодействии ученых Института с отдельными организациями в своих регионах. Представленные данные свидетельствуют о том, что представители регионального научного сообщества, заинтересованные или участвующие в инновационном развитии своего региона, определяют Курчатовский институт в качестве «своего». То есть допускают наличие схожих интересов, доступных форм коммуникационного взаимодействия и общих исследований.

С другими результатами исследования можно ознакомиться в статье, опубликованной в журнале МИР (Тихонов, Богданов..., 2019). Следует, однако, акцентировать внимание и на том, что низкая готовность регионов к реализации инновационных программ зависит от множества социально-организационных факторов, таких как недостаточность межрегиональных связей, плохая обратная связь между участниками научно-технологического процесса, плохое управление. В то же время качественная дихотомия, предложенная В. А. Ядовым дает сегодня возможность социологу-исследователю изучить вопрос более тщательно и расширить диапазон собираемых данных.

Литература

Гусейнова К. Э. Прорывные инновационные проекты как решение проблемы стратегического развития страны // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 78–86.

Лапин Н. И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2008. 328 с.

Министерство экономического развития Российской Федерации «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 20.12.2018).

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. — Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Социология Ядова: методологический разговор. [Избранные труды В. А. Ядова] / ФНИСЦ РАН; Ред.-сост., авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018. 944 с.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А., Гусейнова К. Э. Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры. Часть 2. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. 10(3). С. 340–368.

Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/> (дата обращения: 07.11.2018).

Ядов В. А. Вступительные замечания; Раздел первый: Laboratory life / Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.) // Мастер-класс профессора В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 2004. 326 с.

Ядов В. А. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Учебное пособие. Гриф Российской Академии образования. М.: МПСИ, 2005. 584 с.

Ю. А. Дроздова

Локальная идентичность горожан: история и трансформация (на материалах глубинных интервью)¹

**Дроздова
Юлия Алексеевна**

Кандидат социологических наук, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Волгоград, Россия.

E-mail: juliadrozdova@mail.ru

Аннотация. Исследование локальной идентичности представляет особую значимость в условиях социальных трансформаций и связанных с ними изменений отношения жителей к городу, ценности территориальной общности, характера ментальностей и поведенческих стратегий (В. А. Ядов) горожан. Сегодня улица Мира в Волгограде, на примере которой рассматривается история и трансформация локальной идентичности, как пространственно-временной континуум нуждается в «социальной реставрации». Постепенная утрата особенностей улицы, обветшалость, непродуманные строительные работы, с одной стороны, трансформации территориальной общности, локальной идентичности, с другой стороны, – представляют серьезные социальные риски для местного сообщества, участники которого ограничивают коммуникации между собой, перестают связывать свое настоящее и будущее с местом проживания, что затрудняет развитие городских территорий.

Ключевые слова: территориальная идентичность, локальное сообщество, горожане, пространственно-временной континуум, повседневные и праздничные социальные практики.

Территория влияет не только на возникновение идентичностей, длительное по времени и качественное (насыщенное событиями, участием в деятельности, связанной с территорией, социально активное) по своей сущности проживание социальной группы на определенной территории приводит к возникновению локальной (территориальной) общности. Территориальная (локальная) идентичность является результатом когнитивного, ценностного и эмоционального процесса осознания принадлежности к своему городу, улице, территориальному сообществу, т. е. населению, связанному историческим прошлым и существующими социальными, бытовыми, культурными практиками.

Территориальная идентичность может проявляться в трех формах. Во-первых, идентичность может привести к созданию практических возможностей, отвечающих интересам людей, и в этом контексте связана

¹ Подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

с качеством жизни, социальным статусом и возможностями самореализации в определенном пространстве и времени. Во-вторых, идентичность повышает уровень взаимозависимости: чем в большей мере люди воспринимают ее как постоянную характеристику жизни (общая значимая территория проживания, ресурсы, наличие общих друзей / противников), тем сильнее чувство локальной идентичности. В-третьих, чувство идентичности может опираться на общий исторический опыт, общее культурное, архитектурное наследие, события, язык. Территориальная (локальная) идентичность оказывается рациональной на более фундаментальном, стратегическом уровне, – уровне сохранения и воспроизведения общности как единого целого, что задает траектории трансформации в будущем.

Как правило, существует целый ряд факторов, на основании которых индивид может соотнести себя с определенной территорией. В первую очередь, это особые качества территории. Чувствовать свою принадлежность к более привлекательной для людей территории, с различных сторон, и проживать в локации, не вызывающей положительных ассоциаций, а только стремление дистанцироваться в социально-психологическом и физическом смысле, – два противоположных сценария трансформации локальной идентичности.

Улица Мира в Волгограде, первая восстановленная в разрушенном Сталинграде является примером территории, обладающей важными преимуществами в городском пространстве. Она является ценным историческим наследием и обладает особенностями, которые стали важнейшими факторами, повлиявшими на формирование территориальной идентичности жителей улицы Мира, исследование которых было осуществлено в рамках реализации гранта благотворительного фонда Владимира Потанина «Музей 4.0» (заявка № М4-180000758) и гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

Среди факторов, влияющих на историю формирования и трансформацию в современных условиях локальной идентичности мы выделяем, прежде всего, эстетическую привлекательность и индивидуальность архитектурного ансамбля, которые являлись особой ценностью в разрушенном Сталинграде и сейчас в силу противоречивого, архитектурно непривлекательного развития города остаются таковым: *«Представьте, город разрушенный, люди жили в землянках. А улица Мира – это целая улица. <...> Улица Мира – это показатель мечты, каким будет наш город. Улица Мира сейчас – это история города»* (информант № 9); *«Улица Мира была единым комплексом, она очень красивая. Очень зеленая, даже красивее, чем Советская. Улица Мира была полупустая, было очень мало машин. Была гармоничная и безопасная»* (информант № 18). Значительная часть информантов как особенность улицы отметили ее просторность: *«Это первая улица, восстановленная в Сталинграде, и это создало впечатление, у нас и похожих нет. Она достаточно широкая, просторная, дома, в основном не высокие, этажей 4–5 и это атмосфера уюта, вот архитектурный ансамбль он, конечно, очень своеобразный. <...> Формировался Сталинград именно с этой улицы. Атмосфера города формировалась с этой улицы»* (информант № 14).

Месторасположение улицы также оказывало влияние на формирование устойчивой локальной идентичности. В пределах городского пространства, как правило, наиболее привлекательными считаются улицы, располагающиеся в центре. И именно центральные места города чаще всего обладают большей исторической ценностью и нередко являются местом, откуда начинался город. Улица Мира – центральная улица как Сталинграда, так и Волгограда. Это было отмечено ее жителями: *«Наверное, у каждого, может быть, все-таки свой вид. Мысль о том, что ты живешь сам в центре города, тебе как-то льстит и душе твоей, что ты именно тут живешь, а не где-то там на окраине. Хотя, может быть, на окраине есть места более комфортные по условиям, но что-то не тянет туда»* (информант № 24).

Важную роль сыграло то, что улица Мира строилась на глазах людей, которые на нее заселялись. Нередко они сами участвовали в ее восстановлении. Соучастие в обустройстве территории обеспечивало рациональную значимость и эмоциональную привязанность жителей, участвующих в создании «нашей» улицы: *«Улица, она уже родная стала и по-другому, наверное, и быть не должно, раз я уже столько лет хожу-выхаживаю: и в школу, и в институт, и на работу – везде. Она моя родная улица и все. Это моя родная улица, и я с ней связываю, конечно, всю свою жизнь, и каждое место на этой улице для меня значимо, каждое место и каждый двор, и в каждом дворе есть то, о чем мне хочется вспомнить и о чем подумать»* (информант № 2).

Важным является социальное взаимодействие внутри локального сообщества, которое способствует созданию общих смыслов и символов внутри определенного пространства, влияет на социализацию индивидов, укрепляет локальную идентичность. Социальные связи, постоянные взаимодействия, удовлетворяющие потребности участников локального сообщества – еще один фактор, значительно влияющий на формирование территориальной идентичности.

Территориальная общность жителей улицы Мира в 50–80 е гг. XX века имела особенности, которые способствовали укреплению локальной идентичности: доброжелательные отношения между соседями (доверие, сплоченность): *«Ну, у нас вообще, кстати, на улице Мира, вот наш двор, таких дворов было много. Он был дружный, мы могли не закрывать двери, убегая, намазав хлеб маслом и посыпав сахаром, быстрее-быстрее, чтобы не опоздать играть в кулюкушки, и не закрывали дверь, и родители не закрывали. Спали во дворе на улице Мира, не поверите, когда жарко очень, раскладушки вытаскивали во двор и спали там»* (информант № 17). Характерны были общие повседневные и праздничные практики (субботники, организация детских игр, празднование Дня Победы, Нового года, взаимопомощь при радостных и печальных событиях и др.). В общении ценились порядочность, честность и простота. Несмотря на различный статус живущих на улице, отсутствовало высокомерие у жителей и сегрегации по какому-либо признаку, ощущение социального неравенства, что уже в 90 годы XX – начале XXI века приобретает другой вектор: *«Нет, нет, абсолютно не чувствовалось, что кто-то начальник, а кто-то дворник, чьи мы дети. То есть, мы все были равны»* (информант № 1).

Пространственно-временные особенности самой улицы, взаимоотношения, взаимодействия жителей, которые основывались на доверии, открытости, понимании, дружелюбии и доброте, в современных условиях трансформировались и переживают влияние глобализации, унификации, функциональной коммуникации. Деятельность субъектов управления (представители научного, творческого сообщества, органов власти, СМИ) направлена на сохранение и возрождение локальной идентичности горожан как единой территориальной, социально-экономической, социокультурной системы, которая является основой развития городских территорий.

Г. В. Еремичева, Г. А. Меньшикова, Н. А. Пруель

Социальная аналитика как современный тренд социологии государственного управления

**Еремичева
Галина Васильевна**

Кандидат философских наук,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: eremag@mail.ru

**Меньшикова
Галина Александровна**

Кандидат экономических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: Menshirjva.g.a@mail.ru

**Пруель
Никола Александрович**

Доктор социологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: pruijel@inbox.ru

Аннотация. Современное общество переживает этап перехода к осознанно конструируемой модели государственного устройства – Good Governance. Огромную роль в этом переходе должны сыграть социологи, поскольку именно они должны не только обосновать новые технологии и модели управления, но и обучить население компетентностям, необходимым для участия в нем. В данной публикации ставится вопрос о трудностях реализации принципов публичности и прозрачности при формировании коммуникативных информационных каналов между органами управления и населением. Ориентируясь на изучение мнения зарубежных коллег, авторы выявляют трудности их реализации на практике. Их вывод – ответственность социологов за обучение жителей гражданским компетентностям, равно как и за формирование собственных навыков экспертизы Performance-management информации.

Ключевые слова: Государственная информация; публичность; каналы и формы информационных потоков; гражданские компетенции.

XXI век не зря называют веком социологии. Именно эта наука должна обеспечить научное сопровождение перехода к новому – осознанно конструируемому обществу, управляемому по модели «Good governance». Социологи должны осмыслить направления новизны, суть инноваций в методах и технологиях взаимодействия государства и общества. В данном выступлении хотелось бы рассмотреть один из принципов нового устройства – публичность государственной информации и обозначить проблемы, которые стоят на пути его воплощения на практике.

Чем более очевидной становится необходимость публичности информации о процессах, происходящих в стране, и действиях, предпринимаемых системой государственного управления по их регулированию, тем сильнее осознается сложность данной задачи. Зарубежные ученые (а они создали особый дискурс в ее изучении) обосновывают ее рядом соображений; сложностью создания информационного массива, адекватно характеризующего систему государственного управления и процессы, в нем протекающие (Bernstein, 2017), невозможностью единого универсального подхода к оцениванию процессов в целом и по отдельным структурным звеньям (Coleman, 2016), затруднительностью проверки достоверности данных, представляемых в планах и отчетах (The limits..., 2000), отсутствием должного интереса у населения как реципиентов информации (Science on Stage), неразвитостью критерия объективности в оценках, присущих большинству СМИ, равно как и экспертам (Pascuale) и др.

Тем не менее существующая в течение по меньшей мере четверти века практика коммуникативных информационных потоков между властью и населением выявила определенные успехи, обозначила сложившиеся каналы этой системы. Их (каналы) можно классифицировать по признакам: обязательные и добровольные; для внешнего или внутреннего пользования; международные, национальные и региональные; формы распространения информации и др. Можно выявить их распространенные типы: статистические мониторинги (разнообразные как по содержанию, так и по уровням сбора информации); плановую и отчетную информацию по итогам деятельности; систему рейтингов как форму ранжирования субъектов управления по качеству их деятельности; режимные сравнения (как соответствие деятельности субъекта управления заданному формату: антикоррупционные, экологические, этические, открытости информации и другие), оценку общественного мнения по проблемам и др. Сюда нужно включить описание всего комплекса происходящих событий и явлений, а также их оценку экспертами разной направленности и взглядов.

Система информационного сопровождения процессов государственного управления нуждается в форматировании, которое предполагает не только полный перечень информации, предоставляемой органами власти и их руководителями, ранжирование потоков по степени их обязательности и соблюдению требований к структуре, но и ее кодирование. т. е. обеспечение пользователей данными об источниках и месте ее хранения. Эту работу проводят информационные службы при правительствах всех стран, включая РФ.

Формирование упорядоченного массива информации как формализация требования транспарентности применительно к государственному управлению требует активного участия ученых, представляющих разные науки, но думается, что роль социологов в этой работе особенно важна. Они должны не просто участвовать в формировании требований и форматов оформления информационных потоков, но, и это главное – подготовить востребованность общества в этой информации, равно как обучить людей навыкам по ее использованию.

Работа с информационным массивом – часть обязательных гражданских компетентностей, позволяющих населению объективно оценивать качество работы руководителей государства и чиновников, осознанно выби-

рать депутатов в органы законодательной власти. Параметром признания национальных успехов/неудач должны стать рейтинги государств по уровню экономического развития, уровню благосостояния, применительно к внедрению целей устойчивого развития, экологических и/или этических режимов, распространение стандартов открытости и антикоррупционной интеграции и многие другие.

Население, а его пассивность – не только российская, но и общемировая проблема, должно включиться в работу с информационными порталами, став экспертами (пусть в рамках своей профессионально деятельности) при обсуждении законов (в рамках мониторинга правоприменения, оценки регулирующего воздействия). Люди должны пользоваться сетевыми каналами для выявления нарушений в области качества обслуживания населения, экологических проблем своих территорий, например, незаконной вырубке леса и т. д. Для такого обмена мнениями созданы и действуют тематические платформы. Они есть и в России, но их роль как технологии общественного воздействия пока невелика.

Думается, что, начиная со школы, нужно проводя обучение компьютерным технологиям, параллельно формировать гражданские компетенции: навыки по поиску информации, включая разного рода архивы (Bernstein, 2017), создание пусть не программ, но необходимого контента как отражение горизонтальных коммуникационных связей (как это действует, например, при формировании отзывов в туризме, после просмотра спектаклей и культурных мероприятий, т. е. в рамках сетевого обмена информацией) (Coleman, 2016), умение работать в сетях (The limits..., 2000).

Понятно, что активность социологов должна проявляться и в сфере социальной экспертизы. Пока можно привести очень незначительное количество статей оценочного характера, где предметом обсуждения предлагается оценка качества работы правительства и органов власти. Думается, что за неразвитость в стране технологии Performance management (т. е. системы соответствия ежегодных отчетов и планов) отвечают, в том числе, и социологи.

Литература

Bernstein E. S. Making transparency transparent: the evolution of observation in management theory, Harvard business School, Academy of Management Annals, 2017. 11(1), P. 217–266.

Coleman J. Coding Freedom: the Ethics and Aesthetics of Hacking, Princeton, Princeton Univ. Press; Crain M, 2016.

Pascuale F. The black Box Society, The Secret Algorithms that Control Money and Information, Cambridge MA; Harvard Univ., 2015.

Science on Stage: Expert Advice in Public Drama, Stanford S. A., Stanford Univ. Press

The limits of Transparency: data brokers and commodification, New Media and Society; Hilgartner S., 2000.

Е. Н. Заборова

Управление агломерацией: позиции социальных акторов

**Заборова
Елена Николаевна**

Доктор социологических наук,

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Аннотация. Одним из современных общемировых трендов развертывании урбанизационных процессов в России является формирование агломераций. Однако наименее изученным можно считать вопрос об участии в агломерационных процессах различных социальных акторов. Между тем вопрос является актуальным. Почему не только власть, но и другие социальные субъекты должны принимать участие в управлении агломерацией? В какой степени социальные акторы должны привлекаться к управлению агломерацией? Какое количество граждан следует привлекать к управлению агломерацией? Отчего зависит эффективность участия социальных акторов в управлении? Эти и другие вопросы затрагиваются в статье. Изложенная информация базируется на проведенных социологических исследованиях, 6 фокус-группах и экспертных интервью.

Одним из современных общемировых трендов развертывании урбанизационных процессов в России является формирование агломераций. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, не города, но агломерации станут главными опорными точками в управленческо-организационной структуре нашего государства в ближайшее время. В Российской Федерации сформировалось около 40 крупных и крупнейших городских агломераций, в большинстве из которых численность населения с начала 2000-х годов устойчиво возрастает и в настоящее время превысила 73 млн человек. Однако одним из наименее изученных аспектов можно считать вопрос об участии в агломерационных процессах различных социальных акторов. Если на уровне государственного и муниципального управления вопрос о социальном партнерстве власти, бизнеса, населения и СМИ изучается достаточно активно, то в отношении агломерации таких публикаций практически нет. Между тем вопрос является актуальным.

Потенциально количество социальных акторов, привлекаемых к управлению, может быть достаточно большим. Но на сегодняшний день на практике и в научной литературе выделяется пять основных социальных акторов, так или иначе задействованных в управлении территорией. Это группы власти (управленцев), бизнеса, науки, средств массовой информации и население.

Почему не только власть, но и другие социальные субъекты должны принимать участие в управлении агломерацией? Ряд причин аналогичны с теми, которые обуславливают необходимость социального участия в управлении на уровне муниципалитетов, однако есть и свои особые причины.

Участие социальных акторов в управлении агломерацией решает ряд важнейших задач: способствует принятию таких решений, которые отражают мнение большинства, защищает граждан от навязанных сверху решений, делает их соучастниками процесса управления, они действуют осознанно, принимают на себя часть ответственности и, следовательно, более активно отстаивают и способствуют воплощению таких решений в жизнь. Неучет мнения населения может привести к негативному восприятию принятых решений, к социальному напряжению. В случае, если принятые решения будут напрямую затрагивать актуальные интересы жителей и противоречить им, недовольство может привести к социальным конфликтам. Неучастие социальных акторов в управлении приводит к отчуждению власти от населения, возникновению авторитаризма со всеми негативными чертами, присущими данному явлению.

Если участие в управлении на уровне муниципалитетов требует от населения осознания своих интересов и готовности их отстаивать, то управление агломерацией дополнительно требует учета не только своих, но и чужих интересов, что может означать, в частности, умение преодолевать конфликт интересов. Участие в управлении агломерацией – новый уровень социального участия. Такое участие – путь совершенствования человека, роста его информированности и активности («учись участвовать, участвуя»).

В какой степени граждане должны привлекаться к управлению агломерацией? Хотя в нашей стране преобладает вертикаль власти, все же идея демократического управления не умерла окончательно, и политический режим в основе которого лежит практика коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса или его важные стадии, остается в силе. Существует несколько теорий демократии – плюралистическая, партиципаторная (или демократия участия), плебисцитарная, консоциативная, представительная и др. На наш взгляд, применительно к управлению агломерацией наиболее применима модель партиципаторной демократии, согласно которой граждане могут участвовать не только в выборах своих представителей и референдумах, но и непосредственно в политическом процессе – подготовке, принятии и осуществлении решений, а также контроле за их выполнением.

Следует отметить, что современная практика местного самоуправления не предусматривает прямого участия населения во всех фазах управленческого процесса. Такое участие не предусмотрено и действующими законами. Сегодня наиболее популярна теория социального участия. В практическом плане это совместная деятельность отдельных граждан (социальных групп, общественных объединений, представляющих их интересы) с территориальными органами власти и управления по поводу формировании среды жизнедеятельности, в рамках которой они проживают. На наш взгляд, следует предусмотреть более сильное участие населения в управлении агломерацией и соответственно сформулировать такие положения в новом законе об агломерации.

Какое количество граждан следует привлекать к управлению агломерацией? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, требует не только и не столько количественных данных, сколько качественных оценок. Что хоро-

шего в том, что в принятии решения приняли участие все жители региона, но они были не информированы, плохо разбирались в проблеме, были не компетентными? Очевидно, что важно не количество, но качество участников. Американский политолог Б. Барбер отмечает, «Демократия – это не столько правление народа или правление масс, сколько правление образованных граждан».

В результате многочисленных исследований, проводимых как в нашей стране, так и за рубежом, выявлена корреляция между уровнем образования респондентов и оценкой взаимодействия с органами власти: чем выше уровень образования, тем оценка более позитивная. Согласно нашим исследованиям, на «очень плохо» и «плохо» оценивает взаимодействие 27,8% респондентов со средним общим и средним специальным образованием. Среди лиц с высшим образованием (полным и неполным) таких 23,4%. И, наоборот, на «хорошо» и «отлично» оценивает взаимодействие 17,9% лиц со средним образованием и 28,4% с – высшим. Причем влияние фактора образования оказывается выше, чем уровень доходов или профессия.

Кроме того, наблюдается некоторая зависимость активности граждан от уровня образования: люди с высшим образованием, как правило, более активны, они чаще остальных участвуют в социально-политической жизни региона.

Отвечая на выше заданный вопрос, отметим, что если мы примем во внимание тот факт, что сегодня даже в крупных городах только 37% работников для выполнения своих трудовых функций нуждаются в высшем образовании, а 31% заняты неквалифицированным трудом, то это уже может служить некоторым ориентиром для количественного ответа на заданный выше вопрос. Если также принять во внимание тот факт, что далеко не все из образованных граждан интересуются политикой, то цифра в 15–20% представляется нам вполне оправданной.

От чего зависит эффективность участия социальных акторов в управлении? Эффективность участия зависит и от степени организованности. В целом население функционирует в трех состояниях: как масса, как толпа и как общественность. Объединение людей в союзы позволяет им консолидировать свои силы, более точно выражать свои интересы. В целом члены группы становятся более информированными, компетентными, что позволяет им выступать как организованная сила, а властям – считаться с ними. При этом на сегодняшний день можно выделить две формы консолидации населения: классическую (пространственно-территориальную) и виртуальную.

Какова ситуация на сегодняшний день? Насколько жители удовлетворены результатами обращения в органы власти? Мы провели 4 фокус-группы с жителями г. Екатеринбурга и ряд интервью с экспертами из городов области (Ирбит и Среднеуральск). В ходе фокус-групп респондентам был задан вопрос о том, насколько они информированы о наличии стратегических планов развития агломерации в Свердловской области, что они понимают под термином «агломерация», считают ли они важным для себя участвовать в управленческих процессах на уровне агломерации и по какой причине.

В. В. Зотов

Публичное управление как конфигурирование релятивных социальных сетей¹

Зотов

Виталий Владимирович

Доктор социологических наук,

Курская академия государственной и муниципальной службы, Курск, Россия.

E-mail: Om_zotova@mail.ru

Аннотация. В условиях превалирования социальных медиа публичная власть концентрируется в пространстве публичных коммуникаций с нечеткой сетевой структурой, акторами которой являются определенные стейкхолдеры. В этом пространстве большую роль приобретает мягкое управление, реализуемое в форме определенного коммуникативного воздействия. Отсюда публичное управление трансформируется в сторону субъект-субъектного и социально сетевого управления. В этом случае публичное управление представляет собой процесс конфигурирования релятивной сети с целью организации публичного процесса коммуникации между субъектом управления и основными стейкхолдерами для решения общественно значимых проблем.

Ключевые слова: публичное управление, мягкое управление, социальные медиа, конфигурирование, релятивные социальные сети, стейкхолдеры.

В процессе развития информационно-коммуникационной системе современное общество становится сетевым обществом. Сетевая структура позволяет уменьшить число коммуникационных посредников за счет развития пространства публичных коммуникаций. Под публичными коммуникациями понимается совокупность медиа-каналов, объединяющей органы власти и ее стейкхолдеров для постановки и обсуждения общественно значимых проблем. Публичность данных систем связана с их транспарентностью (доступностью, открытостью и прозрачностью) и ориентацией на общий интерес (общее благо). Публичный статус данной системы коммуникации подчеркивает первостепенное значение взаимодействия власти и общества: от их содержания зависит информационное обеспечение деятельности органов власти, информирование населения о возможных формах участия в подготовке, принятии решений, формирование конструктивного диалога между властью и обществом, от чего, в свою очередь, зависит характер отношения общества к действующей власти, формирование ее имиджа, оценка эффективности деятельности со стороны населения.

В условиях превалирования социальных медиа публичная власть выходит за пределы традиционных институтов властно-государственного управления. Она концентрируется в пространстве публичных коммуникаций

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31463 «Капитализация социально-сетевого пространства публичных коммуникаций»

с нечеткой сетевой структурой, акторами которой являются определенные стейкхолдеры (заинтересованные стороны). В этом пространстве большую роль приобретает мягкое управление как разновидность социального управления, основанного на использовании косвенных, неформальных рычагов воздействия. Мягкое управление реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого предлагаемое субъектом власти поведение проходя процедуры обсуждения начинает восприниматься индивидом как свободный и добровольный выбор, как проявление собственной интенции.

Публичное управление становится *субъект-субъектным*, при котором оба участника взаимодействия изначально являются акторами с собственной системой целеполагания, возможностями проявления активности и воздействия друг на друга. Это позволяет учитывать интересы и потребности представителей сообществ, дает им возможность получить опыт решения общественно значимых дел, научиться взаимодействовать друг с другом, нести коллективную ответственность за происходящее в их жизни. При таком управлении идет процесс формирования социального капитала сообщества, задействование которого повышает объективность и эффективность решений и действий субъектов управления.

Для субъекта управления сообщество выступает в качестве субъект-субъектной системы, жизнедеятельность которой связана с коллективными действиями ее акторов. Субъект, осуществляющий регулирующее управление, находится внутри некоего социума, организованного по сетевому принципу, и рассматривает себя как участника, заинтересованного в поиске решений общественно значимых проблем, совместного с его представителями. Основная идея данного вида управления состоит в том, чтобы его субъекту удалось рассмотреть социум не как фон пассивных наблюдателей, а как стейкхолдеров решения актуальных вопросов.

В данном случае субъект управления выступает консолидирующим ядром, вокруг которого протекает самоорганизация сообщества по вопросам обсуждения и реализации управленческих решений. Логика поведения акторов публичного пространства коммуникаций ведет к дифференциации управленческого процесса, предполагающего не только контроль и руководство, но и возможность подвергать всех участников управленческой коммуникации регулирующему (стимулирующему, санкционирующему и мотивирующему) воздействию.

Все отношения, складывающиеся в социальных сетях, можно разделить на две группы: ресурсные и структурные отношения. Структурные отношения представляют собой совокупность связей и отношений, организующих индивидов в составе социальной сети, а ресурсные отношения строятся на взаимно обмениваемых ресурсах, что является основанием дифференциации акторов внутри пространства публичных коммуникаций. Основная задача субъекта управления заключается в модерации диалога (выстраивание структурных отношений) и организации партнерства (кооперирование ресурсов). В связи с этим, достаточно часто управление анализируется посредством категории «конфигурация» и производной от нее понятием «конфигурирование», которые нейтральны и могут относиться как к конфликтным, так и к гармоничным состояниям объекта управления. Таким образом, публичное управление становится *социально-сетевым*.

Субъект социально-сетевого управления должен обладать способностью к конфигурированию сети коммуникации и процессов информационного обмена, то есть к созданию границ и правил коммуникации, выбору способа, места, каналов, средств коммуникации, определению содержания и интенсивности передаваемого контента. Реализация социально-сетевого управления базируется на включении индивида в систему коммуникаций, способствующую организации диалога и партнерства с целью решения общественно значимых проблем. Поэтому объектом социально-сетевого управления служит система социального взаимодействия (в виде определенной коммуникационной сети), в которую вовлечены представители заинтересованных сторон.

Цель социально-сетевого управления – конфигурирование релятивной сети акторов социума для осуществления совместной просоциальной деятельности. В данном случае под релятивной сетью следует понимать сеть отношений, определяющуюся взаимодействием акторов сообщества в рамках конкретного вида совместной деятельности. Такая сеть имеет некоторые узловые точки – на одних акторах сходится больше связей, на других – меньше. Если таким ключевым актором будет государство, то именно оно будет задавать направление развития общества. Но поскольку коммуникатор находится внутри релятивной социальной сети и рассматривает себя как заинтересованного участника совместного поиска решений проблем, то он осуществляя коммуникативное воздействие способствует или препятствует развитию процессов самоорганизации. Таким образом, конфигурируя процесс коммуникации между основными заинтересованными сторонами можно дать импульс для развития сообщества или наоборот затормозить его развитие.

Таким образом, публичное управление следует рассматривать как процесс конфигурирования релятивной сети с целью организации публичного процесса коммуникации между государством (как субъектом управления) и основными стейкхолдерами для решения общественно значимых проблем. Оно представляет собой комплекс методов, направленных на систематический учет инноваций в пространстве публичных коммуникаций, предотвращение нежелательных и непредсказуемых эффектов общественных инициатив, формализацию процесса внесения изменений.

В. М. Капицын

Функционалистские подходы к властным регуляторам (в применении к системе международных отношений)

**Капицын
Владимир Михайлович**

Доктор политических наук,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: kapizin@yandex.ru

Аннотация. В докладе реактуализуются положения функционализма, в частности, теории власти и социальных систем Н. Лумана, касающиеся международных отношений и мирового общества. Показана оптимальность иерархий в международных отношениях (МО), что не противоречит доминирующей у Н. Лумана идее движения к мировому обществу. Отмечено, что Н. Луман, посвящая основные труды проблемам методологии общества и власти в национально-локальном срезе, тем не менее, обращался в ряде сюжетов к международным отношениям и мировому обществу. Тенденция движения к мировому обществу с определенной степенью децентрализации не устраняют функции иерархий в МО. Это подтверждается и реабилитацией роли национальных государств, и проявлением тенденции к деглобализации и усилению регионализации.

Ключевые слова: управление, международные отношения, мировая политика, международное право, низкоуровневая интеграция, баланс сил, национальные интересы.

Цель доклада – на базе реактуализации социологических теорий функционализма, в частности, теорий Н. Лумана, показать оптимальность иерархий в международных отношениях (МО), несмотря на доминирующую у Н. Лумана идею движения к мировому обществу. Н. Луман, посвящая основные труды проблемам методологии общества и власти в национальном срезе, тем не менее, обращался в ряде сюжетов к международным отношениям и мировому обществу, например, в гл. XII «Глобализация и регионализация» части 4 «Дифференциации» своего итогового труда «Общество обществ» (Луман, 2011).

Тенденция движения к мировому обществу с определенной степенью децентрализации, о чем пишут И. Валлерстайн и Н. Луман, не устраняют функции иерархий в МО. Это подтверждается и определенной реабилитацией национальных государств, и проявлением тенденции к некоторой степени деглобализации и усилению регионализации. Без иерархий на данном этапе невозможна оптимизация властных регуляторов в МО. Отсюда изменения внешнеполитической стратегии российской государственной вла-

сти. В нашем докладе ставятся задачи — выявить основные форматы властных регуляторов в МО, их иерархические взаимосвязи, приблизиться к пониманию нелинейности движения к мировому обществу и встраивания России в это движение.

С позиций синтеза функционального, системного, коммуникационного подходов, свойственного Н. Луману, рассмотрим оптимизацию власти и насилия, достигаемую с помощью иерархий, влияющих на развитие регуляторов международного права, мировой и государственной политики. Привлечение функционализма помогает ориентироваться в анархии МО и облегчает выход к объяснению рамок и горизонтов МО, в которых формируются регуляторы насилия (Гибридизация мировой..., 2017).

Наша гипотеза исходит из того, что иерархия властных регуляторов насилия в МО, хотя и испытывает влияние телеологии движения к мировому обществу, не может полностью координироваться с такой телеологией. Это движение обнаруживает важную роль национальных государств и их коалиций, сохранение их сильного влияния на регуляторы МО. Нарушение этой иерархии ведет к деградации регуляторов международного права и мировой политики. Позиция России в МО и встраивании ее в движение к мировому обществу зависит во многом от того, как формируются властные регуляторы и обеспечивается должная иерархия этих форматов (Капицын, 2016).

Труды функционалистов, особенно Н. Лумана и Билефельдской школы социологии, а также других исследователей творчества Лумана, дают возможность анализировать МО и позиции многих государств в плане влияния иерархий. Соединение функционального, системного и коммуникационного подходов, а также конструктивизма, в исследовании регуляторов насилия в МО исходит из понимания тенденций к формированию системы децентрализованного мирового общества с низким уровнем экономической и политической интеграции. Этому способствует также коммуникативный подход с дискурсом функциональной дифференциации, самоописания (саморегулирования) систем, селективных согласований, контингенций.

Но парадокс заключается в том, что движение к мировому обществу, предполагающее низкий уровень общей экономической и политической интеграции, может сохранять способность к самоописанию (саморегулированию) только при поддержании в МО иерархичной структуры, создаваемой, благодаря балансу (относительному равновесию) сил наиболее влиятельных держав мира. Причем российская государственная власть без встраивания в такие балансы сил (угроз) и иерархию обречена на деградацию, что негативно отразится и на общем движении к мировому обществу. Проблематизация исследования движения к мировому обществу с выстраиванием иерархичной структуры для самоописания (саморегулирования) стимулируется современным турбулентным состоянием мировой политики и деградацией международного права. Это — свидетельство того, что без иерархичной структуры системы МО формирующееся мировое сообщество не способно к самоописанию (саморегулированию). Иерархии МО обеспечивают соподчинение нормативных комплексов (форматов регулирования) при анархическом многообразии регуляторов и способствуют профилактике и устранению дисбалансов, разрушающих состояние самоописания (саморегулирования).

Искомые *иерархии* означают влияние властных регуляторов насилия, формируемых глобальными и региональными балансами сил великих держав. Во-первых, такие иерархии снижают избыточные эффекты многообразия регуляторов насилия, выполняют функцию редукции схем регулирования за счет системы отложенного (потенциального) насилия с соответствующими массовыми и элитарными ожиданиями.

Во-вторых, они связаны со снижением негативного воздействия окружающего мира на системы государств, например, с ограничением влияния теневых иерархий, связанных с «централизмом международных финансовых рынков», способствующих «переходу экономической безопасности от реальных активов и состоятельности должников к непосредственной игре на бирже» (Луман, 1999). Закрепление подобных факторов – свидетельство далеко зашедшей функциональной дифференциации, что проявляется в государствах как власть финансовой олигархии, а в МО как избыточное давление мировых финансовых элит на позиции ведущих государств и международных объединений. Это – важнейшая причина доминирования регулятора, который ведет к дифференциации народов и государств на основе метакода «инклюзия/эксклюзия», часть их стигматизируется мировой элитой как «исключаемые».

В-третьих, искомые в нашем докладе иерархии означают сердцевину нормативного формата, который мы часто называем «миропорядок» (в смысле «правила, данные победителями» – Ш. Ш. Шахалилов, или «порядок, диктуемый наиболее влиятельными государствами»). Такая иерархия как независимая переменная серьезно влияет на состояние таких универсальных регуляторов МО, как международное право и мировая политика (зависимых или опосредующих переменных).

В теоретико-методологическом обеспечении концепции важны положения Н. Лумана о коде власти и его компонентах: иерархическом принципе и принципе константности суммы. Это относимо и к национальной государственной власти, и власти в рамках доминирования в МО, например, в теории сдерживания (Луман, 2001). Возможны синтезы функционального анализа Н. Лумана с положениями К. Шмитта об ассоциации / диссоциации сил в политике и концепцией механизмов инклюзии / эксклюзии в МО, данной в работах неомарксистов (Вайбель, 2018). Актуально также обращение к теориям комплексных адаптивных сетей, клубов и сетевого взаимодействия (Киртон, 2013).

О значимости исследования *иерархии* международных властных регуляторов писали также другие социальные философы и социологи. Р. Арон рассуждал о поисках инстанций, способных монополизировать легитимное насилие в МО; в том числе, им отмечены трудности проведения различия между внутри- и межгосударственным насилием, а также процессуальное взаимовлияние гражданских войн и МО (Арон, 2000). Близко к Луману подходит социологический институционализм М. Финнемор и К. Сиккинк, когда они выделяют доминирующие механизмы (влияние наиболее значимых стран) при конструировании международных норм и прохождении их жизненных циклов (Finnemore, 1998). Данная проблематика выводит на исследование состояний могущества (величия) держав, корреляций иерар-

хии и анархии в МО, взаимодействия балансов сил держав с регуляторами международного права, мирополитическими и национально-государственными регуляторами.

Функциональный (функционально-сравнительный), системный, коммуникационный подходы, применяемые в теории власти и теории систем Н. Лумана, по-другому, чем неореализм, фундируют обоснование иерархии регуляторов насилия в МО и внешней политике государств. Согласно Луману, социальные системы не формируются без коммуникации и самореференции, а существуют благодаря селективным согласованиям и контингенциям, устанавливаемым субъектами коммуникации, в том числе, государствами и международными организациями. Так поддерживается целостность и функциональность систем (в том числе, государств и мирового сообщества) как единства. Это позволяет редуцировать комплексность мира и реагировать на отклонения в выборе правил регулирования насилия относительно окружающего мира и элементов системы (Луман, 2007).

Такие теории получают благоприятное поле для развертывания в дискурсе властных регуляторов насилия, затрагивающем анализ коллективного установления правил в МО, детерминирующих взаимное сдерживание силы акторов. Убедительность мотивации доминирующих государств как существенное условие состоятельности власти в мировом сообществе и в существующих в нем государствах, а также функционирования этой власти (Луман упоминает, в частности, теорию сдерживания в МО) (Луман, 2001). Иерархия форматов регулирования насилия способствует институционализации и легитимации поддержки селективного согласования и упорядочения контингенций на разных уровнях, является важным средством редуцирования комплексности.

Данный дискурс находит точки опоры в реактуализации рассуждений об иерархии регуляторов в МО у социологов разных времен и научных парадигм. Так, неотомист Ж. Маритен признавал, что «невозможно установить вечный мир сразу после открытия атомной бомбы», но отметил, что через 6 дней после атомной бомбардировки Хиросимы в Чикаго мыслители и общественные деятели задумались, как создать верховный орган, способный обуздать эту силу в руках политических элит США (Маритен, 2001). Другими словами, мыслители видели необходимость иерархии регуляторов для контроля за разработкой и применением нового оружия.

Н. Луман отмечал, что стороны коммуникации используют власть и насилие для селекции (отбора, выработки, отработки, приспособления) правил и средств реализации частных и общих интересов, направляющей формирование структур и институтов. Селективные согласования могут выступать как насилие, ослабляющее контингентность коммуникации или предпочитающее определенные контингенции как «меньшее зло». Такие селекции означают закрепление, как правил выработки совместных решений, так и способов принуждения к их выполнению (отложенного насилия), а также осуществления контингенций. Последние не могут совсем устраняться из коммуникации как выбор «альтернативы избежания» (дискреции, отклонения от невыгодного совместного регулирования). Сложности возникают, когда учащаются нежелательные (деструктивные)

контингенции в силу отсутствия взаимной детерминации сторон по причине их немотивированности (Назарчук, 2012). Н. Луман отмечает, что дифференциация на центр и периферию выступает развивающим условием возникновения многоступенчатых иерархий, но потом она может вступать в конфликт с этими иерархиями (Луман, 2007). В этом плане актуально замечание М. Финнемора и К. Сиккинга о несостоятельной униполярности (Finnemore, 2009), что актуализирует принцип константности суммы при распределении власти и доминирования селективных согласований в МО.

Искомая иерархия регуляторов миропорядка связана с системой отложенного насилия как результатом селекции, утвердившейся в структуре и сознании субъектов политики, в частности, отношениях наиболее влиятельных субъектов МО, устанавливающих мировой баланс сил (угроз). Отложенное насилие может активироваться в целях принятия решения по основному вопросу, в том числе, против какой-то стороны коммуникации, злоупотребляющей контингенциями, а также теневых согласований и контингенций. Необходимость такой иерархической регуляции вытекает также из утверждения Дж. Урри о повороте мобильности и теории офшоров (Урри, 2017). Не случайно, на саммитах G-20 некоторые лидеры, в частности, руководители Германии и Франции, высказывались о необходимости контроля над этими процессами.

Несомненно, что офшоры порождены функциональной дифференциацией экономики, благодаря такому средству (глобальному символическому посреднику) как деньги (резервные валюты), получающие и специфическую (финансовую) и глобальную коммуникативную взаимосвязь (Штихве, 1999). Офшоры – пространство, где создаются благоприятные условия для ухода от иерархий регуляторов насилия и селективных согласований. Т. е., если использовать терминологию Н. Лумана, это – пространство несистемных контингенций. Дж. Урри пишет о «роли уклонений, нарушения правил, безответственности и тайн «класса богатых», которые перестраивают мир в своих интересах» (Урри, 2017), т. е. создают свои системы селективного согласования с регуляторами насилия, противостоящими общему продвижению к социальной справедливости и мировому обществу. Ведется работа руководства КНР и России, а также некоторых других государств и объединений ШОС и БРИКС, по ограничению сфер расчета за доллар, который стал основной опорой униполярности.

Другой пример ухода от системных селекций – распространение «насилия номинации», которое формируют иерархии как господство контингенций (отклонений) с вменением вины без доказательств, но выдаваемых за результат селективных согласований. Т. е. мировые элиты присваивают право использовать иерархии, классифицируя государства и народы по степени приближения к центрам принятия решений.

Движение к мировому обществу тормозится выстраиванием иерархического влияния сверхдержавы и одного из блоков государств. Если какие-то субъекты МО стремятся добиваться упорядочения иерархий для предсказуемого регулирования селективных согласований и контингенций, то их могут номинировать как маргиналов. Для включения таких негативной номинации совершаются акты публичного (полуофициального,

«незаконно-легитимного» – У. Бек) символического внушения, выраженного, в том числе, в принятии государствами или организациями деклараций и даже нормативных документов, осуждающих политику другого государства (международной организации) и узаконивающих применение экономических, моральных санкций и гуманитарных интервенций.

Теоретические положения Н. Лумана согласуются с положением о «насилии номинации». Отношения в «насилии номинации» определяются, исходя из логики (метакода) «инклюзии/эксклюзии», когда доминирующие мировые акторы могут «назначать» (выбирать) внешнего «врага», «изгоя», «виновного». Последнее напоминает применение к исследованию МО положения К. Шмитта об ассоциациях/диссоциациях сил сторонников и противников (Вайбель, 2018). Так расцветает дипломатия двойных стандартов, характерная подменой иерархий, созданных балансом сил ответственных держав. Подобное тяготение к насилию номинации может пресекаться благодаря возвращению иерархии властных регуляторов, которые создавали бы ограничения на применение логики исключения и двойных стандартов.

Функционально-сравнительный подход Н. Лумана важен и для аргументации выводов об искомым иерархиях. Н. Луман показывает, что «рассуждения обладают тем большей познавательной истиной, чем разнообразнее предметные содержания, в которых они могут находить подтверждение». И «поэтому функционирование, вопреки гетерогенности, само является своего рода подтверждением» (Луман, 2007). Схема «анализ функционирования» как предметное ядро аргументации работает, когда мы рассматриваем в сравнении примеры регуляторов и их иерархии в МО через призму селективных согласований. В этом системный анализ И. Валлерстайна сочетается с подходами Н. Лумана, хотя и приходится, как отмечают исследователи из Билефельдской школы, объяснять противоречие теорий Валлерстайна и Лумана, связанное с эрозией мировых центров (Штихве, 1999).

В нашем случае в качестве изменений функционирования могут рассматриваться социальные последствия нарушения иерархий и роста дисбалансов сил в МО. Используя лумановские принципы иерархии и константности суммы (при распределении власти), отметим, что иерархия, выстроенная с помощью баланса сил на уровне миропорядка (паритета ядерных потенциалов) СССР и США создавала благоприятные отношения для развития такого регулятора как международное право. Появился ряд новых подотраслей (международное право разоружения, международное право прав человека, международное право разрешения конфликтов международного и немеждународного характера и др.). И более гибкие и эгоистичные регуляторы мировой и государственной политики подстраивались под иерархию миропорядка сверхдержав и нормы международного права.

А подрыв такого баланса сил (и угроз) привел к перерождению иерархии, которая стала выстраиваться в основном не на основе селективных согласований, а путем многочисленных контингенций, что вело и деградации регуляторов международного права и международной политики (недостатки униполярности (Finnemore, 2009)). В частности, дисбалансы сил после окончания «холодной войны» стимулировали ряд гуманитарных интервенций,

«цветных» революций, а за ними следовали, например, «взрывы» миграционных процессов (конец 1990 – начало 2000-х гг., 2015–2016 гг.). В 2015 г. заговорили о «миграционном насилии» Р. Эрдогана как своеобразной контингенции относительно ЕС. Налицо дальнейшая деградация социальной безопасности во всем мире (эпидемии болезней, проблемы питьевой воды, экология, рост насильственной преступности).

Разрушение иерархии властных регуляторов миропорядка «сверхдержавы – другие государства», а также соподчиненности триады форматов регуляторов насилия (миропорядок – международное право – мировая и национальная политика) привели к усилению «разнобоя» в толковании права на самоопределение и территориальную неприкосновенность государств. Накопился фактический материал об росте частоты проявления двойных стандартов в МО, в частности, относительно этнонациональных конфликтов и самоопределения в Чечне, Боснии и Герцеговине, Сербской Крайне, Косово, Каталонии, Шотландии, Крыму, Сирии, Ливии, на Донбассе и других районах мира.

Функционалистская парадигма Н. Лумана и Билефельдской школы помогает объяснять асимметричность движения к мировому обществу на данном этапе, свидетельствующую о необходимости восстанавливать баланс сил наиболее могущественных государств, что приведет к образованию иерархии в нормативном формате миропорядка, оптимизирующей развитие форматов международного права, мировой и государственной политики, а соответственно и состоятельность государств. Россия в своей внешнеполитической стратегии работает на выстраивание иерархии на основе баланса сил США – КНР – Россия (с возможным подключением Индии, ЕС, ШОС, БРИКС), способной гармонизировать другие властные легитимные регуляторы, что создает более благоприятные условия для мировой политики, а также внешней и внутренней политики государств. Близкую к подобной стратегии линию проводят также Китай и Индия, периодически к такой линии склоняются ФРГ, Италия, Франция, Финляндия, Турция, Бразилия, Мексика и др.

Литература

Арон Р. Мир и война между народами. М.: NOTA BENE, 2000. С. 206–211.

Вайбель П. Теории насилия: Бенъямин, Фрейд, Шмитт, Деррида, Адорно // ЛОГОС. Т. 28., 2018, № 1. С. 267–268.

Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Горячая линия – Телеком, 2017.

Капицын В. М. Форматы регулирования насилия в международных отношениях // Политическая наука. 2016. № S. С. 72–90.

Киртон Дж. Модель управления «Группой двадцати» // Вестник международных организаций. 2013. № 3.

Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 13;

Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. М.: Русаки, 1999.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

Луман Н. Общество общества. Дифференциации. Самоописания / Перевод с нем. под ред. О. Никифорова и А. Антоновского. М.: Логос. 2011.

Маритен Ж. С. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 193–194.

Назарчук А. В. Учение Н. Лумана о коммуникации. М.: Весь мир, 2012. Значения контингенции («Kontingenz») переводится и как «нечеткость», состояние мира, где нет ничего прочного (Филиппов А. Памяти Н. Лумана // Библиотечная система. URL: lib.uni-dubna.ru/search/soc_pam_lumana.html

Урри Дж. Офшоры. М.: Дело, 2017.

Штихве Р. К генезису мирового общества – инновации и механизмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 3.

Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't Cracked Up to Be // World Politics. 2009. Vol. 61. № 1. Pp. 58–85.

Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52 (4). P. 898.

А. Н. Курюкин

Власть, управление, правосознание: проблемы соотношения

Курюкин
Андрей Николаевич

Кандидат политических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: kuriukin@inbox.ru

Аннотация. Рассматривая соотношение власти, управления и правосознания, автор исходит из того, что сегодня в правосознании россиян могут быть выделены три основных слоя (компонента) – традиционный, советский и постсоветский. Важной составляющей практической реализации правосознания россиян выступает правовой нигилизм, переносимый и на взаимодействие с властью и государственным управлением. Также в работе дана характеристика истокам «подмены» института управления в России институтами власти и собственности и современным оценкам гражданами институтов государственной власти и управления в России.

Ключевые слова: власть, управление, государство, государственная власть, государственное управление, граждане, право, правосознание.

Сущность государственного управления заключается в организационно-координационном воздействии институтов и органов государственной власти на общество, реализуемом через управленческий посыл, содержащийся в официальных документах. Он воспринимается различными категориями граждан неодинаково, что проявляется в исполнении, частичном исполнении и полном неисполнении руководящих указаний. Основанием восприятия и формирования оценки государственных управленческих актов выступает мировоззрение в части правосознания, в котором у граждан России совмещены традиционный, советский и постсоветский компоненты.

Рассматривая вопрос соотношения правосознания с государственным управлением и властью, следует отметить, что правосознание россиян явление весьма сложное, многослойное и запутанное. В условиях усложнения окружающей социально-политической ситуации, характеризующейся интенсификацией вызовов и угроз, с которыми сталкивается российское общество, реакция на управленческое воздействие правосознания россиян, может быть до определенной степени предсказуемой.

Наиболее глубинным слоем правосознания выступает традиционное. Именно в нем находится совокупность общественно-правовых архетипов, генезис которых следует отнести к периоду господства естественного права, который в нашей стране затянулся до второй половины XIX века, когда был формально прекращен отменой крепостного права в 1861 году. В основе этого типа правосознания и составляющих его архетипов субъективные и объективные факторы. В качестве объективного фактора должны быть названы те социально-политические условия жизни и экономический уклад,

которые были свойственны традиционному обществу. Тогда как субъективными те ставшие традиционными социально-правовые практики взаимодействия, приобретшие, постепенно, парадигмальный характер примеров или образцов поведения, репродуцируемых из поколения в поколение.

Рассматривая принципиальные характеристики традиционного правосознания, необходимо отметить, что у него имелось, таким образом, три практических источника – религиозные убеждения, бытовая нравственность и объективные условия жизни. Отталкиваясь от этого, следует констатировать, что на передний план, в качестве образующих, можно выдвинуть социоцентрические ценности. В их рамках, фактически, происходило поглощение индивидуальности общиной (коллективом), когда интересы общества ставились превыше интересов личности, что не редко приводило к ее подавлению. В тоже время, такой подход приводил к формированию моноценности равенства-справедливости, которая выражалась известной максимой: «Что – людям, то и нам!» и порождала определенные социальные естественно-правовые требования. В тоже время, господство естественного права, которое прямо зависело от морально нравственного облика конкретных индивидов, которые могли придерживаться его норм, не придерживаться или поступать ситуационно, генерировало расслоение в общине по принципу способности или не способности решить тот или иной вопрос в свою пользу силой, хитростью или деньгами.

Здесь же следует усматривать и источник «подмены» института управления в России институтами власти и собственности. Господство естественного права, которое прямо зависело от морально нравственного облика конкретных индивидов, которые могли придерживаться его норм, не придерживаться или поступать ситуационно, генерировало расслоение в общине по принципу способности или не способности решить тот или иной вопрос в свою пользу силой, хитростью или деньгами. Последнее, особенно, проявлялось во взаимодействии с властью предержащими – начальством, решение которого в условиях расплывчатой гражданственности, повальной малограмотности выступало абсолютной волей, практически исключительно на основе подарков и отдариваний, а, проще говоря, взяток, которые воспринимались не просто как закономерный, а практически единственный способ взаимодействия с облеченными властью на уровне индивида, группы и общины в целом. Более того, со временем взяточничество настолько прочно вошло в среду ценностей традиционного правосознания, что стало интерпретироваться как необходимое условие решения любого вопроса. (Астырев, 1886).

Такая совокупность субъективных и объективных факторов порождала одну важнейшую ключевую черту традиционного правового менталитета – правовой нигилизм, являвшуюся определяющей для генезиса и трансформации правовых ценностей в любых условиях. Будучи экстраполируемым на взаимоотношения с государством и властью, он, в сущности, не выливался в отрицание права и легального типа взаимодействия с властью и государственным управленческим аппаратом, как такового, но активно интерпретировался и воплощался в таких поведенческих стереотипах, как отрицание действенности права и государственного управленческого посыла (властного веления) здесь и сейчас, если оно не подкреплено

действующими силовыми механизмами обеспечения их надлежащего исполнения, как сомнение в действенности государственного управления в принципе и неверие в его результативность и эффективность.

Таким образом, можно констатировать, что традиционному правосознанию россиян характерна двойственность ценностей, где субъективно уживаются положительные представления о свободе, равенстве и справедливости, концентрируясь в теоретико-идеалистской области и правовой нигилизм в суждениях о праве и власти, эгоизм и эгоцентризм в социально-правовом поведении и волюнтаризм в правоприменении. Такая ситуация породила и привела к фактической консервации субъективного восприятия права в традиционном сознании, интерпретируемого в парадигме двойных стандартов. Так, граждане с господствующим в правосознании традиционалистским компонентом, декларативно признавая абсолютную необходимость подчиняться велениям государства, на практике делают это далеко не всегда руководствуясь конформистскими соображениями – Все подчинятся и я – подчинюсь!, либо ситуационными – Буду подчиняться, пока этот подчинение не ущемляет мои личные интересы!

Примыкающим типом выступает так называемое советское правосознание, в центре которого находится категория законности. В идеале советского типа правосознания, стабильность сосуществования, функционирования и взаимодействия государства и общества обеспечивается единством закона, равенством всех перед ним и беспрекословным его соблюдением. Относительно последнего сегодня, с позиций советского правосознания, существует абсолютный диссонанс между управленческим контентом, изложенным в диспозитивной части законодательства, подзаконных актов и регулирующих документов и реалиями правоприменения связанными, зачастую с беззаконием производом. В таких условиях, носитель советского правосознания для формирования и поддержания стабильности/законности готов подчиняться управленческому воздействию существенно более-менее активно, чем традиционалист.

Правда, здесь идет речь о сущностно другом типе подчинения. Во главе угла, в его пределах, находится та же конформная позиция – Все будут подчиняться и я – буду!, но реализуемая с позиций принуждения. Поэтому, ради реализации легального управленческого посыла, легитимного веления власти готов отказаться от своих прав, и согласиться на предоставление расширенных, прежде всего силовых (карательных), вплоть до репрессивных, полномочий государственным органам для реализации государственного управления, в целях обеспечения законности и, как следствие, поддержания стабильности в обществе. В таких условиях, в вопросе ответа (реакции) на любое управленческое воздействие, носитель советского правосознания будет, в большинстве случаев, декларативно, сторонником силовых методов обеспечения его реализации в обществе, со стороны государства, и даже готов на тоталитаризацию, если это гарантирует адекватный ответ беззаконию и произволу.

На практике же, советское правосознание оставалось переходным, когда у многих оно уже перестало быть, во многом, традиционным, но так и не стало по-настоящему, до конца советским и социалистическим. Так абсолютным идеологическим мифом стало утверждение о победе при социализме над такими пережитками темного прошлого как преступность, в особенности тяжкая (убийства, ТТП, грабежи бандитизм), проституция, нар-

комания. Даже официальная статистика СССР 60-х – 80-х гг. XX века показывает практически трехкратный рост зарегистрированных преступлений, с тенденцией удвоения прироста каждые 5 лет. (Криминология, 2001: 170) Таким образом, комплекс советского правосознания может быть охарактеризован как двойственный, где позитивные декларации опровергались конкретными массовыми противоправными действиями, во многом вытекавшими из сохранившегося правового нигилизма.

Современное постсоветское правосознание амбивалентно. Это утверждение вытекает из того, что, с одной стороны, декларации свободы и демократии пронизывают всю современную отечественную социально-правовую систему, начиная с Конституции – Основного закона государства, но правовая практика повседневно дает основания усомниться в их реальной действительности. Также можно констатировать, что, постепенно, в правовом сознании современных российских граждан, да и в сознании вообще, ценности развития все более и более уступают лидирующие позиции ценностям выживания, при чем, выживания последующих поколений. Исходя из этого, реакция на управленческое воздействие, у носителей такого типа правосознания, будет ситуационной, где мерилom становится оценка прогнозируемых результатов реализации управленческого посыла с позиций личного состояния индивида, его семьи и будущего состояния потомства. Именно отсюда будет вытекать поведение в ракурсе исполнения, частичного исполнения или полного неисполнения управленческого посыла не только индивидами или группами, но и даже целыми странами или социальными слоями.

На современном этапе, следует констатировать, правосознание россиян несет в себе черты и компоненты всех предыдущих этапов общественно-политического развития страны, поэтому он весьма сложен и может генерировать любые типы поведения в стандартных политико-правовых ситуациях, вплоть, до парадоксальных. Следует отметить, при этом, что социоцентрическая парадигма в праве и правосознании, свойственная традиционному типу правосознания, так до сих пор и остается в большинстве случаев господствующей. В тоже время, в принятой в 1993 году Конституции России хоть и были закреплены естественные неотчуждаемые права – свободы человека, переориентации принципов социально-правового устройства на индивида так и не произошло. Сложившиеся, в тоже время, квазидемократические формы государственной власти и практики функционирования политической системы, приводят в наши дни, к развитию в массовых слоях таких негативных социальных реакций как конформизм, отчуждение и эскапизм (от англ. escape – побег, бегство), которые особенно остро проявляются в области правоприменения, продиктованные неверием в силу закона, возможности правовой защиты и самозащиты, и в пиковых проявлениях, вызывающие девиантное и откровенно противоправное поведение.

Давая в этих условиях срез социологических данных по взаимоотношениям граждан с системой власти и управлений, обратимся к результатам исследований ведущих социологических центров Российской Федерации¹.

¹ В кратком обзоре задействованы результаты мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проведенного при финансовой поддержке РНФ и исследований Левада-центра.

В таких условиях, давая оценку проявлений субъектности населения в процессах его взаимодействия с практикой работы органов власти и управления. Так, наибольшим доверием среди населения, по результатам исследований Института социологии ФНИСЦ РАН пользуются Президент России (69,3%) и Вооруженные Силы России (65,6%), тогда как Правительство РФ и региональные администрации, включая губернаторов находятся на третьей позиции в списке доверия населения, получив менее 40%. Еще хуже ситуация с доверием Государственной думе России, органам местного самоуправления, органам внутренних дел и судебной системе, все перечисленные органы получили 30 и менее % доверия населения. В тоже время, комплексные оценки взаимодействия государства и граждан, по данным Левада-центра, выглядят следующим образом:

- На протяжении последних 10 лет, в среднем около 30% граждан считают, что государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны.
- На протяжении идентичного периода, исключая период «Крымской эйфории» 2014–2015 годы, около 24% граждан считает, что государство необходимо заставить служить интересам граждан.
- Государство, по мнению 60% опрошенных россиян должно заботиться о всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни или, как минимум, по мнению 30% должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались.
- Около 45% опрошенных уверены, что российское государство выполняет сейчас свои обязанности перед гражданами России только частично или полностью не выполняет.

В тоже время, по результатам опроса Левада-центра, 62% российских граждан считают, что государство и граждане, которые отстаивают свои права либо, как минимум не замечают друг-друга (33%), либо противостоят друг-другу (23%). Еще более удручающую картину дают оценки граждан взаимодействия с чиновниками, которые, по мнению 73% опрошенных, будут либо бездействовать (51%), либо противодействовать (22%) гражданам, обращающимся к ним для отстаивания своих прав и законных интересов. (Общественное мнение-2018, с. 42–45).

Таким образом, можно отметить, что нигилизм граждан в отношении органов власти и государственного управления в России продолжает сохраняться, для чего весомую основу предоставляют сами государственные институты РФ. Поэтому оснований для преодоления такой ситуации пока выявить не удастся.

Литература

Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886.

Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А И. Долговой. М., 2001. 912 с.

Общественное мнение – 2018. М.: Левада-Центр, 2019. 168 с.

В. Г. Ледяев, А. Е. Чирикова

Субъекты власти в малом российском городе¹

**Ледяев
Валерий Георгиевич**

Доктор философских наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: valeri_ledyaev@mail.ru

**Чирикова
Алла Евгеньевна**

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: churikova_a@mail.ru

Аннотация. Какова конфигурация наиболее влиятельных акторов в малом городе и насколько она динамична? Этот и другие вопросы были в фокусе эмпирического исследования, проведенного в двух малых городах ивановского региона. Исследование показало, что наиболее влиятельными фигурами в локальном политическом пространстве потенциально являются руководители исполнительной власти. Однако ситуация во многом зависит от персонального фактора: в те периоды, когда на должности главы города оказывался слабый руководитель, усиливалось влияние губернатора и членов его команды – как компенсация недостаточной эффективности муниципальных структур. Возможности региональной власти влиять на ситуацию в малом городе практически не ограничены; однако властные практики сохраняют вариативность и динамику, которые во многом зависят от личностного ресурса руководителей региона и города и характера их взаимоотношений.

Какова конфигурация наиболее влиятельных акторов в малом городе и насколько она динамична? Этот и другие вопросы были в фокусе эмпирического исследования, проведенного в двух малых городах ивановского региона – в Шуе (59 тыс. жителей) и Кинешме (88 тыс. жителей). Исследование проводилось в два этапа – в 2013–2015 гг. и 2018–2019 гг. Основной материал был получен на основе 76 глубинных интервью с руководителями, политиками и чиновниками регионального и муниципального уровней, руководителями местных СМИ, промышленных предприятий и бизнесменами, лидерами местных партийных и общественных организаций, экспертами. Состав респондентов первого и второго этапов отчасти совпал.

Поскольку результаты первого этапа уже описаны ранее (Чирикова, Ледяев, 2017), в данном докладе основное внимание будут уделено второму этапу исследования

¹ Второй исследовательский этап проводился (проект № 19-01-13) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

По результатам *первого этапа* исследования мы получили следующую картину. Наиболее влиятельными акторами городской политики, как и ожидалось, были руководители городских администраций. Последующие места в локальной иерархии власти занимали крупный бизнес, городские легислатуры, руководство Единой России. Данная конфигурация власти представляется вполне типичной не только для российских городов, но и европейских городов, где обычно доминируют акторы публичного сектора (Ледяев, 2012).

Однако характер лидерства и потенциал власти руководителей исполнительной власти двух городов существенно различались. В Шуе глава администрации города фактически однозначно являлась наиболее влиятельным актором – в силу широкого набора формальных ресурсов, предоставляемых данной должностью и солидного набора персональных ресурсов (личные качества, мотивация, знания, особенно в области финансов, умение обеспечивать город внешними источниками финансирования, жесткий авторитарный стиль управления).

В Кинешме в период проведения исследования не было столь сильной фигуры лидера города, поскольку и руководители городской администрации, и руководство городской легислатуры постоянно обновлялись (4 руководителя администрации города за 2 года).

По своему потенциалу влияния крупный (по меркам малого города) бизнес в обоих городах был сопоставим с руководством города. Однако в обоих городах включенность бизнеса в локальную политику оказалась довольно ограниченной; поэтому влияние бизнеса на управленческие процессы в городах существенно слабее, чем могло бы быть, учитывая его ресурсы и возможности.

Остальные местные акторы и институты в обоих городах фактически не обладали ресурсами и возможностями, чтобы занять лидирующие позиции в локальной властной иерархии. В Шуе Городская Дума, по сути, находилась под контролем главы администрации. Депутатский корпус был фактически сформирован городской администрацией, несамостоятелен и зависим от нее.

Несколько иная ситуация имела место в Кинешме, где почти полтора года сохранялось противостояние легислатуры и исполнительной власти. В силу частой смены руководителей городской администрации ее позиции во взаимоотношениях с легислатурой существенно ослабли. Однако региональная власть свела на нет высокое влияние легислатуры, сменив ее председателя.

Партийные и гражданские структуры в обоих городах играли довольно скромную роль в местной политике. Маловлиятельны даже местные отделения правящей партии, которые опираются не на потенциал партийного контроля, а административный ресурс, которым располагают члены партии, находящиеся на муниципальных должностях.

Активную роль в локальном политическом пространстве играли субъекты регионального уровня. Анализ показал, что фактически региональная власть имеет широкий набор административных, финансовых и других

ресурсов для разрешения ситуаций в своих интересах. Более того, при необходимости, она может переформатировать все локальное политическое пространство.

По результатам *второго этапа* эмпирического исследования было обнаружено, что *паттерны власти и в Шуе, и в Кинешме в целом сохранились, но имели место и определенные изменения.*

Одной из причин изменений стала смена губернатора в регионе. Обладая существенными ресурсами влияния на локальную политику, губернатор во многом определяет ее характер и повестку, экономическое и финансовое благополучие города, внутриэлитные отношения и политическую стабильность.

Предыдущий губернатор, по мнению наших респондентов, не просто плохо управлял регионом, но и извлекал из своей работы выгоду для себя (*«губернатор и его приближенное лицо вытоптали все»*). Отношение к новому губернатору со стороны муниципальных элит пока в целом позитивное.

Наиболее очевидным изменением ситуации в Шуе в связи с приходом нового губернатора стало возвращение уволенной предыдущим губернатором бывшей главы города, политическую карьеру которой мы преждевременно посчитали законченной. Главной причиной ее возвращения стала неудовлетворительная деятельность ее сменщика (*«город, когда был этот глава, ничего хорошего не получил»*). Однако восстановить свой потенциал влияния в городе ей пока не удалось.

На первом этапе исследования наши респонденты не были склонны включать губернатора в число наиболее влиятельных локальных акторов (хотя назывались отдельные фигуры регионального масштаба). Теперь же именно его они часто называют в числе самых влиятельных субъектов городской политики. Сказалось существенное ослабление местной исполнительной власти в период правления предыдущего главы администрации города, которое пыталась компенсировать региональные власти.

Влияние остальных акторов – бизнеса, местной легислатуры, партийных и общественных организаций – фактически осталось на прежнем уровне. Как и ранее, в числе наиболее влиятельных респондентами назывался крупный бизнес, который в силу ослабления исполнительной власти несколько усилил свои позиции. Подтвердили респонденты и высокий потенциал влияния церкви (местный епископ), которая, судя по всему, усилила свой авторитет, поскольку на позицию церкви теперь ориентируется не только глава города, но и вновь избранный губернатор.

В Кинешме за последние годы кардинальных перемен в конфигурации влиятельных акторов не произошло. При этом, как и в Шуе, произошла смена руководства исполнительной власти. Глава администрации города, занимавший свой пост на момент проведения первого этапа исследования, был посажен в тюрьму за взятку. На его место был назначен варяг, который и сейчас занимает данную должность. Отношение к последнему со стороны местной элиты весьма неоднозначное, но в целом довольно скептическое. Большинство наших респондентов считает, что будучи «чужаком», он оказался не способным занять лидирующее место во властной иерархии,

В результате, его место во властной иерархии занял новый губернатор (*«Выше всех на этой пирамиде находится губернатор. Все ожидания связаны именно с ним. Он находится выше всего. Местная власть не обладает высоким рейтингом»*).

Другие наметившиеся тенденции – некоторое усиление влияния ряда директоров крупнейших предприятий, а также возрастание активности общественных организаций.

Таким образом, структура власти в двух малых городах России соответствует предположению о том, что наиболее влиятельными фигурами в локальном политическом пространстве потенциально являются руководители исполнительной власти. Однако ситуация во многом зависит от персонального фактора: в те периоды, когда на должности главы города оказывался слабый руководитель, существенно усиливалось влияние губернатора и членов его команды – как компенсация недостаточной эффективности муниципальных структур. При этом возможности региональной власти влиять на ситуацию в малом городе практически не ограничены. С этой точки зрения, выстроенная президентом В. Путиным «вертикаль власти», безусловно, действует, хотя ее эффекты, как свидетельствует случай Кинешмы, отнюдь не обязательно позитивные.

Тем не менее, властные практики сохраняют вариативность и динамику. Последняя во многом зависит от личностного ресурса руководителей региона и города и характера их взаимоотношений.

Р. В. Ленков, А. В. Пацула

Пять тезисов об образовании для будущего: социокультурный ответ

**Ленков
Роман Викторович**

Кандидат экономических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: r_lenkov@mail.ru

**Пацула
Андрей Валерьевич**

Доктор социологических наук, кандидат философских наук,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия.

E-mail: pacula2002@bk.ru

Аннотация. Целью исследования является профилирование и спецификация социокультурного ответа на пять тезисов об образовании для будущего, которые содержатся в опубликованном в ноябре 2017 г. юбилейном докладе Римского клуба. Авторами дан критический анализ менеджеризма, корпоративизма, прибыльности и самоокупаемости в сфере образования.

Ключевые слова: образование для будущего, социокультурный ответ, Римский клуб, глобальное управление.

В юбилейном докладе Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», подготовленном Э. Вайцзеккером и А. Вийкманом, особое место занимают анализ и прогноз развития такого ключевого института общества, как образование. Ведущие эксперты международного уровня при участии 34-х членов Римского клуба анализируют сложившуюся ситуацию, не ограничиваясь изучением актуальных экологических проблем. Футурологи Римского клуба специфицируют социальный, политический, культурный и моральный кризисы общества, а также кризис демократии, идеологии и рыночной системы. Новыми угрозами и вызовами современности, по их мнению, выступают: вырождение капитализма, наступление Антропоцена, избыточное потребление, тотальная урбанизация, диджитализация (цифровизация) и техноутопизм (Weizsaecker, 2017).

Важно подчеркнуть, что авторы доклада не просто выявляют истоки и изъяны рыночного мировоззрения, но и профилируют альтернативную концепцию «Нового Просвещения», определяя ключевой ее идеей «фундаментальную трансформацию мышления с отложенным результатом в виде целостного мировоззрения». При этом они акцентируют особое внимание на

том, что новое мышление должно быть: гуманистическим, но свободным от антропоцентризма; открытым развитию, но ценящим устойчивость и заботящимся о будущем.

Удивительно, но спустя более полувека своего существования Римский клуб редуцирует миссию образования до формирования у молодежи «грамотности в отношении будущего» («*futures literacy*»). Эта так называемая «грамотность» сведена всего к пяти пунктам (тезисам).

В обобщенном изложении рассматриваемые тезисы постулируют следующее:

1. Образование должно основываться на «связанности». Отношения были и будут сущностью обучения; использование информационных технологий значимо и эффективно, только когда они способствуют связи между людьми. Образование должно вызывать интерес, высвобождать энергию и активнее задействовать способности каждого обучающегося учиться для самого себя и помогать учиться другим.

2. Образование должно носить ценностный характер, корениться в универсальных ценностях и уважении к культурным различиям. На современном этапе развития цивилизации культурные ценности воплощаются в акценте на обеспечении благополучия всех живых существ и мира.

3. Образование должно фокусироваться на устойчивости. Большая часть знаний, касающаяся экологии, взаимосвязанности систем и устойчивого развития, появилась недавно и еще не стала частью общего культурного багажа, поэтому обучение новых поколений соответствующим дисциплинам и навыкам имеет принципиальное значение.

4. Необходимо культивировать интегральное мышление, а не ограничиваться мышлением системным. Обучение системному мышлению недостаточно, поскольку в нем сохраняется тенденция рассматривать реальность в механистических категориях, неспособных ухватить ее органическую целостность. Интегральное мышление в отличие от системного способно воспринимать, организовывать, согласовывать и воссоединять отдельные фрагменты реальности и достигать ее подлинного понимания.

5. Исходить из плюрализма содержания. Многие университеты и образовательные организации продвигают классические академические школы мысли вместо того, чтобы давать молодым умам весь спектр противоречивых и комплементарных перспектив. Сегодняшние обучающиеся нуждаются в инклюзивном образовании, в котором одни формы знания дополняли бы другие, а не исключали и отвергали их. Культурное разнообразие и культурные универсалии так же необходимы для эволюции, как генетическое разнообразие необходимо для разнообразия биологического».

На первый взгляд, можно согласиться с экспертным мнением, согласно которому к новым вызовам жизни, указанным в докладе Римского клуба, Россия или готова, или может подготовиться путем исправления текущего положения дел в этой сфере и создания гибкой, эффективной системы образования и профессиональной подготовки (Бардакова, 2018: 71). На это

есть веские подтверждения. К примеру, по данным Института статистики ЮНЕСКО, Россия в 2019 г. вошла в авангард стран, которые наиболее привлекательны для иностранных студентов. Более половины всей общемировой студенческой мобильности приходится на США (19%), Великобританию (8%), Австралию (7%), Францию, Германию и Россию (по 5%) К 2025 г. число иностранных студентов, которые учатся в российских вузах и учреждениях среднего профессионального образования на очном отделении, может вырасти до 710 тысяч человек. Объемы средств, полученных от экспорта российского образования, должно вырасти более чем в пять раз (Россия включается в конкуренцию, 2019).

Вместе с тем способно ли отечественное образование дать достойный социокультурный ответ указанным вызовам?

Буквальный перевод содержания рассматриваемых тезисов на язык практической социальной политики в сфере образования означает:

1. Каждый учится не для других и не для общества, а для себя.
2. Главная ценность современной цивилизации состоит в благополучии, образование является одним из его условий и составных частей.
3. Образование должно фокусироваться не на прогрессе, а на устойчивости.
4. Системность выступает орудием механистического мышления, инструментом общества постмодерна становится интегральность.
5. Университетские академические школы – обскурантистское наследие архаического прошлого, которое должно быть заменено на инклюзивный нарратив мультикультурализма.

На наш взгляд, практическое воплощение тезисов доклада Римского клуба в жизнь предопределяет производство сословности и невежества в мире как цель и средство глобального управления массами.

Одну из ярких иллюстраций указанного вывода можно найти в социологических данных. Например, в США граждан, умеющих читать настолько плохо, что неспособны прочитать газету и не могут заполнить бланки в госучреждениях – 26,5 млн; «функционально неграмотных» – 8,4 млн; тех, кто не может принимать участие в опросах населения из-за физиологических и когнитивных нарушений – 8,2 млн: в общей сложности – это более 43 млн неграмотных или свыше 13% населения страны. Это выявило исследование Международной программы оценки компетенции взрослых (PIAAC), проведенное под эгидой Министерства образования США (Максимова, 2019).

Во всех странах качественное профессиональное образование дорожает, становится все менее доступным для большинства людей. После крушения Советского Союза и идеологемы социальной справедливости, воплощенной в общенародном государстве, происходит формирование новой сословности, реставрация феодальной социокультурной модели, в рамках которой знания, умения и навыки жестко ранжируются, воспроизводятся и передаются по наследству как отличительные составляющие имущественного статуса в кастовой системе.

По экспертным данным в 2019–2020 гг. из российского федерального бюджета на образование планируется выделить 653 млрд и 668 млрд рублей соответственно, что равняется всего 0,6%–0,7% объема ВВП страны (Эксперт: для нового поколения, 2018).

Россия по уровню расходов государства и частного сектора на образование своих граждан в 2019 г. оказалась на последних строчках в составленном компанией Skyeng рейтинге из 36 стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В России ежегодные траты на каждого человека составляют \$240, что в 19 раз меньше, чем в Норвегии, возглавившей список. По этому показателю Россия находится рядом с ЮАР и Колумбией. Частное финансирование на каждого россиянина составляет \$47 на человека – это на \$10 меньше, чем в Греции. Самые высокие траты государства на образование собственных граждан – в Норвегии (\$4,6 тыс. на человека в год), Швейцарии (\$3,65 тыс.), Дании (\$3,3 тыс.). В составленном Skyeng рейтинге стран с наибольшей долей государственного финансирования образования первое место занимает Норвегия, где на бюджетные средства приходится 99% затрат на учебу, затем идет Финляндия (98%) и Люксембург (97%). Наибольшая доля частного финансирования образования в Чили (36%) и Австралии (34%). В России соотношение государственного и частного финансирования 84% и 16% соответственно (Аминов, 2019).

Мы считаем, что, Римский клуб в концептуальной форме озвучивает политическую программу известного Бильдербергского клуба (Bilderberg group), для которого реализация принципа равного образования для всех является прямой угрозой глобальной управляемой практике расширения географии третьего мира за счет включения в его орбиту все большего числа стран. Неспособность противостоять искусственно навязываемому диктату менеджеризма, корпоративизма, прибыльности и самоокупаемости в сфере образования – это непосредственная угроза престижу и качеству отечественного образования, прямой путь к массовому производству кастовости, некультурности и отсталости, которыми легко управлять и властвовать (Леньков, 2016: 67).

Литература

Аминов Х. Россиянам не хватает денег на знания. Представлен рейтинг частного и государственного финансирования образования. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4120141?from=main_2 (дата обращения: 11.10.2019).

Бардакова Е. А. Futures literacy и необходимость новых технологий в современном российском высшем образовании // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2018. № 1. С. 69–75.

Леньков Р. В. Теория социального управления в высшей школе: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016.

Максимова Е. Штаты безграмотных. Почему 43 млн американцев не умеют писать и читать? URL: <https://360tv.ru/news/tekst/shtaty-bezgramotnyh/> (дата обращения: 10.09.2019).

Россия включается в конкуренцию за иностранных студентов. URL: <https://www.5top100.ru/news/93717> (дата обращения: 01.10.2019).

Эксперт: для нового поколения россиян работа станет привилегией. URL: <https://newizv.ru/article/general/05-02-2018/ekspert-dlya-novogo-pokolenie-rossiyan-rabota-stanet-privilegiey> (дата обращения: 09.10.2019).

Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet [Text] / E. Weizsaecker, Springer, 2017.

И. А. Морайта

Административные реформы в Аргентине и России: сравнительный анализ

Морайта

Исабель Антониета

Morayta, Isabel Antonieta

University of Buenos Aires (UBA), Буэнос-Айрес, Аргентина.

E-mail: isabelamorayta@yahoo.com

Аннотация. В последних декадах XX века Аргентина и Россия начали процессы административных реформ с целью изменения роли государства в обществе, демократизации в принятии государственных решений, совершенствования структуры и функций органов государственного управления, роста эффективности и др. Хотя существуют общие черты, в каждой стране реформы приобретают особый характер в соответствии со своими историческими, культурными и политическими особенностями. В работе представлен анализ уровня осведомленности аргентинцев и россиян, полученный в ходе анкетного опроса, также выявлено их отношение к реформам.

Ключевые слова: административные реформы, государственное управление, государственная служба, Аргентина, Россия, сравнительный анализ, анкетный опрос.

В конце XX века Аргентина и Россия начинали процессы административных реформ с целью изменения роли государства в обществе, демократизации применения государственных решений, совершенствования структуры и функций органов государственного управления, роста эффективности их функционирования и др.¹².

¹ Между аргентинскими авторами, которые изучают административную реформу в Аргентине с разных точек зрения, указываются: Andara, A., La segunda generaciyn de Reforma del Estado y su efecto en la administraciyn pбblica local de Amйrica Latina, M., 2007; Blutman, G., Ensayos truncos de Reforma y Modernizaciyn del Estado. L., 2013; Blutman, G. La reforma y modernizaciyn del estado en Argentina, el papel de la cultura organizacional. Tesis doctoral, B. A., 2009; Bozzo, C., Lypez, B. y Zapata, A., Los procesos de Reforma del Estado. La Segunda Etapa y su Agenda, B. A., 1996; Bozzo, C., Lypez, B., Rubins, R. y Zapata, A., La Segunda Reforma del Estado: Balance, B. A., 1997; Lypez, A. y Zeller, N.; Orlansky, D., Polіtica y burocracia. La Reforma del Estado en Argentina, B. A., 2006; Oszlak, O., De menor a mejor: el desafіo de la “segunda” reforma del Estado, 1999; Oszlak, O. Estado y sociedad: іnuevas reglas de juego? C., 1997.

² О административных реформах в России можно отнести такие работы: Васильева Е. А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ, С. П., 2015; Меньшикова Г. А. Основы государственного и муниципального управления: Агенты и технологии принятия политических решений, М., 2017; Нисневич Ю. А. Административная реформа: цели и результаты, 2008, Охотский Е. В. Теория и механизмы современного государственного управления, М., 2013, Сморгунов, Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке, С. П., 2012; Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений, М., 2014.

Хотя существуют общие черты, в каждой стране реформы приобретают особый характер в соответствии со своими историческими, культурными и политическими особенностями.

Под административной реформой понимаются преобразования в органах исполнительной власти для создания системы управления, работающей в интересах населения и им контролируемой (Меньшикова, 2017). Административные реформы включают изменения в системе учреждений исполнительной власти, которые осуществляют государственную политику и состоят из следующих направлений: совершенствование управлением государственной службы (1), структурные преобразования в органах власти и управления (2), изменения в механизмах принятия решений и отношениях с гражданским обществом (Echebarria, 2000).

В этой работе анализируются некоторые аспекты административных реформ в этих странах, обращая особое внимание на осведомленность населения о реформах и их направлениях. Этот аспект реформ мало исследован: в Аргентине преобладают исследования экономических реформ, а не административных. В России, несмотря на более широкое теоретическое развитие темы, выделяются сравнительные анализы с западными странами.

Изучение аналогичных процессов в странах с другой институциональной традицией, оказывается интересным. Аргентина – хороший пример для понимания особенности реформ в Латинской Америке (континент, который характеризуется постоянными экономическими и социальными кризисами, а также политической и институциональной нестабильностью). Россия, напротив, в последние годы, будучи сильной политической и институциональной стабильностью.

Осведомленность населения Аргентины и России об административной реформе: сравнительный анализ

С целью анализа уровня осведомленности и оценки населением административных реформ было проведено анкетирование по интернету через социальные сети и между жителями Аргентины и России в феврале и марте 2019 года (см. таблицу 1).

Таблица 1

Характеристика респондентов на анкету в Аргентине и России

Аргентина	Россия
Ответили 122 человека.	Ответили 56 человек.
75% – женщины (92 человека) и 25% – мужчины (30 человек).	80,4% – женщины (45) и 19,6% – мужчины (11).
Молодые люди (23–29 лет) 7 человек, люди среднего возраста (30–49) – 88 человек, а люди старшего возраста (50–77) – 27.	Молодые люди (19–29 лет) 37 человек, люди среднего возраста (30–49 лет) 11 человек, представителей старшего возраста (50–71 год) 8.
Уровня образования 68% (83 человека) имеют высшее образование , 13,9% (17 человек) – ученую степень, 17,2% (21 человек) – среднее 0,9%, 1 человек – неполное среднее.	Уровня образования 50% (28 человек) имеют высшее образование , 26,6% (15 человек) – неполное высшее, 8,9% – ученую степень (5), 7,1% (4 человека) среднее полное, 5,4% (3) – среднее профессиональное и 1,6% (1) – неполное среднее.
92,6% респондентов (113 человек) живет в Буэнос-Айресе .	По сравнению с Аргентиной, на анкету ответили меньше людей, но из разных городов страны .

1. Выявление того, какие направления административной реформы население обеих стран знает и считает наиболее значимыми

С целью выяснения мнений респондентов их попросили выбрать выражение, которое наиболее полно соответствует их взглядам (см. таблицу 2).

Таблица 2

Мнения аргентинских респондентов о роли административных реформ

Выражение, характеризующее административную реформу, наиболее полно соответствующее взгляду респондента	Процент	Количество ответов
Реформы есть на бумаге, но в жизни они не видны и ничего не меняют	36,1	44
В Аргентине административных реформ нет	21,3	26
Административные реформы в Аргентине идут, но медленно	13,9	17
Административные реформы направлены на усиление государства	6,6	8
Административные реформы идут, государственное управление изменяется к лучшему	3,3	4
Административные реформы есть, но только в развитых странах	1,6	2
Другое выражение	17,2	21
Итого	100,0	122

Анализ показывает, что большинство респондентов считает, что реформа является простой формальностью, но не существуют в реальности. По ответам респондентов видно, что у них доминирует негативное отношение к ним.

Как среди аргентинских респондентов, большинство российских — считает, что реформы ничего не меняют в их повседневной жизни, это — простая формальности, и они не видны. Почти 40% все же дали положительную оценку, указав, что они идут, но медленно, как показывают данные в таблице 3.

Таблица 3

Мнения российских респондентов об их отношении к административной реформе

Выражение	Процент	Количество ответов
В России административных реформ нет	4,2	3
Они есть только за рубежом	4,2	3
Я плохо к ним отношусь, потому что они направлены на усиление роли государства	11,2	8
Реформы есть на бумаге, но в жизни они не видны и ничего не меняют	39,4	28
Административные реформы в России идут, но медленно	31,0	22
Возможно, хотелось бы большего, но административные реформы идут, государственное управление изменяется к лучшему	7,2	5
Ответить не могу (затрудняюсь)	2,8	2
Итого	100,0	71*

*Некоторые респондентов отвечали больше одного раза.

2. О каких направлениях административной реформы аргентинское население осведомлено и как к ним относится

Респондентам было предложено оценить направления административных реформ по пятибалльной шкале (см. таблицу 4).

Таблица 4

Оценка респондентов разных направлений административных реформ, по 5-балльной системе

Направления административных реформ	Балл	% Аргентина	% Россия
Открытое правительство	1	12,3	8,9
	2	25,4	14,3
	3	36,1	41,1
	4	21,3	25,0
	5	4,9	10,7
Возможность принимать участие в обсуждении законов и их проектов	1	58,2	44,6
	2	23,8	28,6
	3	11,5	17,6
	4	4,1	1,8
	5	2,5	7,1
Демократизации управления	1	65,5	44,6
	2	18,9	28,6
	3	4,9	17,6
	4	6,6	1,8
	5	4,1	7,1
Демократизация процедуры приема на государственную службу: открытость вакансий, конкурсная система приема	1	49,2	32,1
	2	26,2	26,8
	3	16,4	19,6
	4	4,1	14,3
	5	4,1	7,1

Респонденты из Аргентины в целом оценивают АР отрицательно. Особенно к «демократизации управления». Единственное направление, которое было отмечено не самыми плохими оценками – «открытое правительство».

В России общие оценки по направлениям реформ были немного выше. Такие направления как «возможность принимать участие в обсуждении законов» и «демократизация управления» оказались самыми низко оцененными.

3. Перспективы административной реформы

Что касается оценки перспектив реформ, большинство респондентов считает, что в Аргентине демократизация государственного управления не растет и даже уменьшается (см. рис. 1).

Рис. 1. Оценка перспектив реформ респондентами Аргентины

В России этот ответ также был указан, но в меньшей степени, поскольку большинство российских респондентов не смогло ответить на этот вопрос (см. рис. 2).

Рис. 2. Оценка перспектив реформ респондентами в России

4. Гражданское и политическое участие аргентинского населения

Одна из основных целей административных реформ – процесс демократизации управления через улучшение и углубление отношений государства с обществом. Хотя невозможно утверждать, что с участием граждан показатель эффективности реформ вырастет, оба явления связаны между собой.

А Аргентине 96,7% респондентов (118 человек) принимают участие в выборах (голосовать — это обязанность). Большинство из них, считает голосование формой решения проблем, т. е. своим участием они выражают доверие к соблюдению правил демократии и политике, которая призвана создать механизм решения социальных проблем и улучшение качества жизни.

Только 15,2% респондентов выделили это обстоятельство как причину своего участия в выборах (см. таблицу 5).

Таблица 5

Причины участия респондентов в выборах

Причина участия на выборах	Результаты
Потому, что я уверен/уверена, что голосование – форма решения проблем	67,7% (80)
Потому, что голосование – обязательство гражданина	15,2% (18)
Потому, что голосование – форма выражения недовольства ходом политических событий	7,6% (9)
Потому, что голосование – еще одна форма участия	6,5% (8)
Другое	5,7% (7)
Итого	100% (122)

В России участие в выборах не является обязательным. Согласно результатам (они показаны на диаграмме № 3) чем ближе государственное управление к людям, тем менее охотно они выбирают тех, кто будет ими управлять (см. рис. 3).

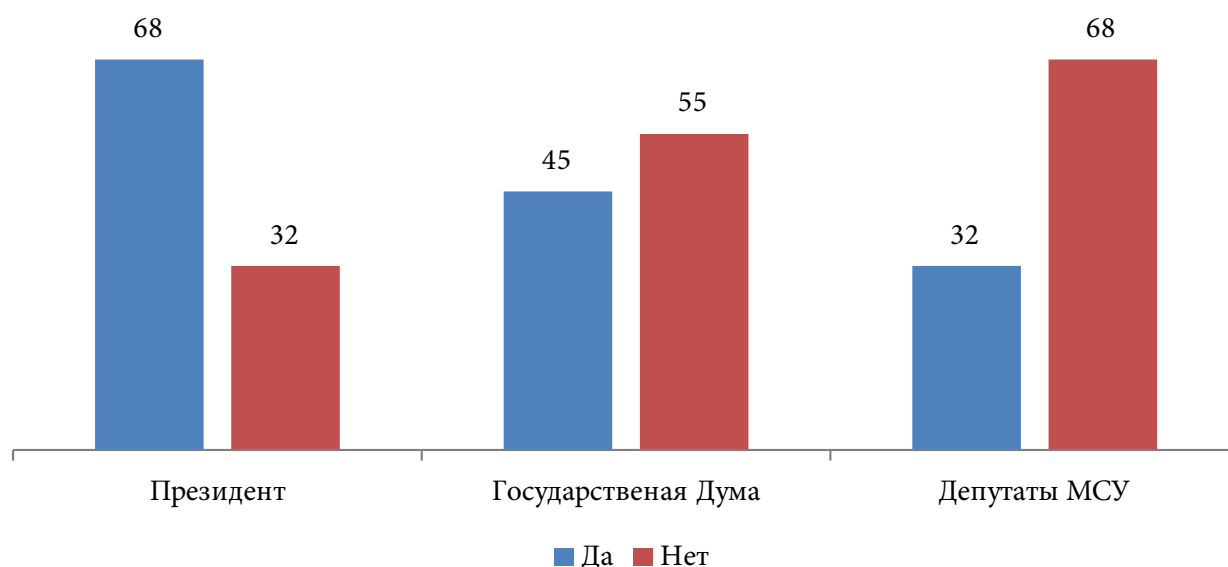

Рис. 3. Активность респондентов на выборах

В Аргентине респонденты больше участвуют в политических акциях (которые не являются официальными, т. е. организуют их профсоюзы, политические партии, организации гражданского общества), а в России – в общественных (респонденты указали на «Бессмертный полк», субботники по месту работы или жительства и также благотворительность).

Что касается участия в акциях протеста, респонденты из России на вопрос «участвовали ли вы на акциях протеста» в большинстве ответили, что «нет».

Высокая политическая активность аргентинцев неотъемлемая черта нашей демократии (см. таблицу 6).

Таблица 6

Результаты о политическом и гражданском участии

Параметр		Аргентина	Россия
Участие в политических (общественных) акциях	Да. В каких?	55,7% (68)	66% (37)
	Иногда	24,6% (30)	---
	Нет	19,7% (24)	34% (19)
Участие в акциях протеста	Да	55,7% (68)	7,1% (4)
	Иногда	31,1% (38)	12,5% (7)
	Нет	13,1% (16)	80,4% (45)

В Аргентине, по сравнению с участием в политических акциях, количество респондентов, принимающих участие в обсуждении законов, гораздо меньше. Среди российских респондентов никто не ответил «да» на вопрос «Участвуете ли вы в обсуждение законов (проектов законов) или публичных слушаниях?», но больше, чем 80% ответили – «нет».

5. Осведомленность о коррупции и борьбе с ней

Борьба с коррупцией является важнейшей целью административных реформ. Она включает такие меры, как создание механизмов контроля, принятие антикоррупционного законодательства, публикацию информации о людях (руководителях разного уровня) у власти (см. таблицу 7).

Что касается коррупции, большинство респондентов обеих стран считает, что уровень коррупции «высокий». В Аргентине большинство указало, что знает органы по борьбе с коррупцией, а в России, наоборот, большинство ответило на этот вопрос «нет». В обеих странах дают отрицательную оценку антикоррупционным мерам и деятельности правительства по борьбе с ней.

Административные реформы включают в себя меры, направленные на реализацию требования подотчетности государственной службы по поводу результатов своей деятельности за соответствующий период.

На вопрос «Как вы думаете, реализуется ли в вашей стране требование подотчетности руководителей?» большинство аргентинцев респондентов ответило «нет», а российских «скорее нет, чем да».

В обеих странах административные реформы в целом оцениваются отрицательно, хотя в России оценки немного лучше.

Таблица 7

Осведомленность о коррупции, %

		Аргентина	Россия
Уровень коррупции в стране	Высокий	77,9	62,5
	Средний	9,8	12,5
	Низкий, коррупция практически отсутствует	0,0	0,0
	В разных сферах по-разному	7,4	16,1
	Затрудняюсь ответить	4,9	8,9
Знание о органов по борьбе с коррупцией в стране	Да	79,5	41,1
	Нет	20,5	58,9
Меры по борьбе с коррупцией	Усиливаются	7,4	7,1
	Не усиливаются /Остаются на прежнем уровне	19,7	46,4
	Ослабевают	46,7	14,3
	Затрудняюсь ответить	26,2	32,1

Существует большое различие между респондентами в готовности к акциям политического и гражданского участия. Респонденты из Аргентины активно участвуют в политических акциях, включая акции протеста, среди российских респондентов доминирует социальное участие.

Однако по поводу оценки уровня коррупции в стране, как и эффективности антикоррупционных мер правительства, их восприятие весьма близко друг к другу.

Наше прикладное исследование показало, реформы остаются мало известными как Аргентине, так и в России. Населения (по крайней мере наши респонденты) в большинстве своем их не поддерживает, соответственно, их главная цель – взаимодействие власти и народа, не выполняются.

Литература

Васильева Е. А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ. дис. ... д-ра соц. наук 22.00.08 – Социология управления. Санкт-Петербург, 2015. 364 с.

Меньшикова Г. А. Основы государственного и муниципального управления: Агенты и технологии принятия политических решений / Г. А. Меньшикова, Н. А. Пруель. М: Изд-во Юрайт, 2017. 384 с.

Нисневич Ю. А. Административная реформа: цели и результаты / Вестник РУДН. 2008. № 4. С. 5–16.

Охотский Е. В. Теория и механизмы современного государственного управления. М: Изд-во Юрайт, 2013. 479 с.

Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. 360 с.

Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений. М: Аспект-Пресс, 2014. 494 с.

Andara Abraham Enrique. La segunda generaciyn de Reforma del Estado y su efecto en la administraciyn pбblica local de Amйrica Latina. Provincia, N° 17. Mйrida: Universidad de los Andes, 2007.

Blutman Gustavo. Ensayos truncos de Reforma y Modernizaciyn del Estado. Handbook de Administraciyn Pбblica Organizado por Cйsar Madurerira Marна Asencio Lisboa INA Editora, 2013.

Blutman Gustavo. La reforma y modernizaciyn del estado en Argentina, el papel de la cultura organizacional. Tesis doctoral. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, Facultad de Ciencias Econymicas, 2009.

Bozzo, Cristina, Lypez, Beatriz, Rubins, Roxana y Zapata, Andrea. La Segunda Reforma del Estado: Balance. En Cepas, Buenos Aires, 1997.

Echebarria Ariznabarreta, Koldo. Reivindicaciyn de la reforma administrativa: significado y modelos conceptuales. Ponencia presentada en el V Congreso CLAD, Santo Domingo, Repбblica Dominicana, 2000.

Lypez Andrea. y Zeller Norberto. La Administraciyn Pбblica Nacional en la Argentina (1983–2001): el impacto de las reformas sobre su estructura y el personal. Revista Argentina de Sociologна, Nе 4, Buenos Aires, 2006.

Orlansky Dora. Polнtica y burocracia. La Reforma del Estado en Argentina. Tesis doctoral. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, Facultad de Ciencias Econymicas, 2006.

Oszlak Oscar. De menor a mejor: el desafыo de la “segunda” reforma del Estado. En Revista Nueva Sociedad, N° 160, Venezuela, 1999.

Н. В. Проказина

Социологическая культура государственных гражданских служащих: диспозиционный подход к исследованию

**Проказина
Наталья Васильевна**

Доктор социологических наук,

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Орел, Россия.

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Аннотация. В статье предложен авторский подход к описанию социологической культуры государственных гражданских служащих на основе диспозиционной теории личности В. А. Ядова. Концептуальная модель социологической культуры разработана на основе трех уровней диспозиций. Обоснованы индикаторы диспозиций, характеризующих социологическую культуру государственных гражданских служащих. Представлены результаты авторского социологического исследования, в котором выделены особенности социологической культуры государственных гражданских служащих с позиции диспозиционной концепции.

Ключевые слова: диспозиционная концепция личности, государственные гражданские служащие, социологическая культура.

Процессы, происходящие в современном мире, оказывают существенное влияние на существование человека, социальных групп, регионов и стран. Без понимания глубины, причин и последствий происходящих социальных процессов и явлений принятие и реализация управленческих решений на любом уровне управления может грозить имитацией, а не эффективностью; формализацией, а не результативностью деятельности. Кроме того, объективная, актуальная и достоверная оценка ситуации, используемой как стартовой для принятия решений во многом предопределяет успешность достижения цели.

В этой связи следует подчеркнуть особую роль социологии, которую она играет в профессиональной деятельности государственных гражданских служащих. Однако следует признать, что осознание важности социологического контента в профессиональной деятельности находится на невысоком уровне. В связи с этим особую актуальность представляет рассмотрение социологической культуры управленцев в целом, и государственных гражданских служащих в частности.

Разработанная В. А. Ядовым диспозиционная концепция личности позволит выделить характерные особенности социологической культуры государственных гражданских служащих (Ядов, 2001: 306).

Опираясь на многочисленные исследования (М. Абельсона, В. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, И. Макгайра, Ч. Осгуда, М. Рокича, Д. Н. Узнадзе, и др.¹), систематизируя, обобщая их результаты В. А. Ядов предположил, что в основе иерархически организованной системы личностных диспозиций лежит совокупность ценностных ориентаций

Основным индикатором диспозиций высшего уровня является потребность государственных гражданских служащих в получении социологической информации и знания.

Результаты авторских исследований проведенные в 2010² и 2018³ году в регионе показывают, что значительная доля государственных служащих интересуется результатами опросов общественного мнения: об этом заявили 82,4% экспертов и 45,7% госслужащих Орловской области. В 2010 г. заинтересованность в результатах опросов общественного мнения демонстрировали 77% госслужащих (Проказина, 2012: 13). Можно отметить некоторое снижение заинтересованности госслужащих в результатах опросов общественного мнения.

Диспозиции среднего уровня представляют систему обобщенных социальных установок, поэтому их целесообразно анализировать с помощью нескольких индикаторов.

Первый – это оценка целесообразности проведения социологических исследований. Исследования показывают, что эксперты единодушны в оценке и убеждены в необходимости социологических исследований для деятельности органов государственной гражданской службы. Аналогичной позиции придерживается и две трети самих государственных гражданских служащих – 66,5%. Четвертая часть респондентов – 24,0% затруднились ответить на этот вопрос. Около десяти процентов опрошенных и считают, что соцопросы не нужны.

Второй – выделение приоритетных целей получения социологической информации. Эксперты охарактеризовали целесообразность использования социологической информации для принятия и реализации управленческих решений (74,3%); обеспечения «обратной связи» между органами властью и гражданами (57,1%). Треть опрошенных убеждена в том, что именно социологическая информация позволяет наиболее адекватно оценить ситуацию в целом (34,3%).

¹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979.; Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

² Исследование «Социологическая культура государственных гражданских служащих». Опрошено 333 государственных гражданских служащих Орел, Брянск, Липецк (метод исследования – анкетирование, май – июнь 2010).

³ Исследование «Уровень социологической культуры государственных гражданских служащих региона», проведенный в марте-апреле 2018 года (метод исследования – анкетирование, было опрошено 169 чиновников г. Орла); «Уровень социологической культуры государственных гражданских служащих», проведенный в июле 2018 года (метод исследования – экспертное интервью, было опрошено 35 информантов, представителей государственной и муниципальной службы из Белгородской, Брянской, Калужской, Курской, Рязанской, Смоленской и Тульской области).

Таким образом, полученные данные отражают представления государственных гражданских служащих о направлениях деятельности, которые должны реализовать социологи при взаимодействии с органами власти.

Готовность к получению социологической информации; и к использованию социологической информации в профессиональной деятельности характеризует диспозиции нижнего уровня, которые предопределяют реальное поведение служащих.

Основным источником получения социологического контента выступает Интернет, на который указали 97,1% экспертов и 83,3% госслужащих. Вторую позицию занимают средства массовой информации (48,6% экспертов и 42,9% госслужащих). Эксперты особое внимание уделяют и такому источнику как заказ специального социологического исследования (37,1%).

Наиболее предпочтительными формами получения социологической информации являются отчеты с комментариями и выводами – это направление заняло первую позицию и у экспертов (62,9%) и у госслужащих (36,5%). В форме аналитических материалов предпочитают получать социологическую информацию более половины экспертов (57,1%) и почти треть госслужащих (28,7%). Особое место опрошенные отводят визуально представленной информации: графикам, диаграммам и другим наглядным формам. Об этом заявило более трети экспертов (37,1%) и почти треть госслужащих (29,3%).

В. А. Ядов, разрабатывая концепцию диспозиционной регуляции поведения личности, в целом охарактеризовал своеобразный социальный механизм, обуславливающий готовность к конкретному поведению. Использование этого подхода для изучения социологической культуры позволяет не только диагностировать реальную ситуацию использования социологического контента в системе управления, но и наметить перспективы повышения социологической культуры государственных гражданских служащих.

Литература

Проказина Н. В. Социологическая культура государственных гражданских служащих: постановка проблемы, направления изучения и развития / Н. В. Проказина // Вестник Поволжского института управления. 2012. № 1 (30).

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2001.

А. Н. Расходчиков

Социологическое сопровождение программы реновации жилья: методы и результаты

**Расходчиков
Алексей Николаевич**

Кандидат социологических наук,
Фонд «Московский центр урбанистики «Город», Москва, Россия.
E-mail: silaslowa@mail.ru

Аннотация. Городские преобразования сегодня носят перманентный и постоянный характер – это органические изменения городской среды под социальные и экономические запросы сообществ. Речь не идет уже о сверхумных решениях, а скорее о механизмах сопровождения процесса управления, корректировки принятых решений и коммуникации всех заинтересованных сторон. В докладе рассматриваются градостроительные и социальные аспекты масштабной реновации городской среды в Москве. На примере конкретных исследований показывается как реализации управленческих решений сопровождаются вмешательством в жизненную среду горожан, вызывая различной интенсивности социальные конфликты. Для разрешения возникающих противоречий, автором предлагается методика социальной экспертизы, сочетающая анализ больших данных, социологические исследования и организацию коммуникационных площадок.

Города для людей – этот лозунг с легкой руки Яна Гейла стал ценностным ориентиром для многих современных урбанистов. Но как на практике сделать, если голос жителей очень слаб? Любой из стейкхолдеров городского развития легко заглушает его еле слышные крики. Федеральные и региональные власти, корпорации и крупный бизнес, девелоперы и банки – все они обладают гораздо большими возможностями и ресурсами влиять на городскую жизнь. Но возникает и более крупный вопрос: можно ли строить принимать градостроительные решения без их участия? Наверное нет. Подтверждение тому программа реновации, когда правительству Москвы пришлось проводить сплошной опрос жителей пятиэтажек и даже электронный референдум на портале «Активный гражданин».

Мы говорим города для людей! Но в градостроительстве чаще речь идет о планировке, архитектуре, экономике, технологиях, материалах и слишком мало о людях. Повсеместно при разработке градостроительных проектов проводятся, технико-экономические обоснования, делается геоподоснова, расчет транспортных и пассажиропотоков, стоимости и сроков окупаемости проектов. Но во всех этих документах нет ни слова о том, что думают люди обо всех этих грандиозных планах, как будто строительство предполагается вести на совершенно безлюдной территории. Если же речь идет о проектах в густонаселенном городе, объективной необходимостью становится социальная экспертиза проектов или, их социальная подоснова.

Не случайно, что градостроительные преобразования нередко вызывают сопротивление части местного населения. И это никому не нравится. Архитекторам, потому что какие-то не имеющие специального образования люди, вмешиваются в их, несомненно гениальные, проекты. Строителям просто потому, что им мешают спокойно работать. Органам власти, потому что локальные недовольства могут вывести общественную жизнь из управляемого равновесия. При этом возникают протесты и у жителей, в чью жизненную среду неожиданно-негаданно вторгаются строители со своей техникой и мусором. Но, это ведь естественная реакция людей на как бы несанкционированное вмешательство в их личную жизнь! Для москвичей территория их района не какая-то там абстрактная городская среда, а сама жизнь: прогулки с детьми, походы в магазины или кафе, место встреч с друзьями, планы и надежды. Новая магистраль или транспортно-пересадочный узел, вмешиваются в эту привычную жизнь, меняя ее в интересах как бы абстрактного городского развития.

Тем самым мы получаем системную проблему: противоречие между градостроительными решениями развития мегаполиса и социальными отношениями между органами власти и населением, связанные с несанкционированными вмешательствами в жизнь горожан, доставляющими им многочисленные беспокойства. Как его, это противоречие преодолеть? Общетеоретический ответ на этот вопрос есть: через согласование интересов. Но как его реализовать на практике? Для этого требуется разработка и внедрение в городское управление специальных социальных технологий, способных обеспечить участие жителей в принимаемых решениях и соблюдение их интересов. Такие технологии существуют, однако они пока не нашли у нас широкого применения в градостроительной практике и в практике городского управления. И причины здесь не только в нежелании органов власти учитывать мнение населения. В этом, в конечном итоге, они заинтересованы в силу хотя бы зависимости от результатов очередных выборов. Причина еще и в неспособности существующих подходов оперативно решать возникающие затруднения. Так, например, хорошо известные специалистам метод прогнозного социального проектирования (Т. М. Дридзе (Дридзе, 1998) или методика партисипативного проектирования (Закирова, 2016) при всей их глубине и комплексности, являются довольно долгой и затратной по времени и ресурсам процедурой. В современной ситуации, когда скорость городских преобразований стремительно увеличивается, а в крупных мегаполисах одновременно реализуются сотни проектов, у органов власти и у градостроителей просто нет времени на проведение всех предусмотренных этими методами процедур. Другой ряд социальных технологий, родившихся из практики (применение краудсорсинговых платформ, сплошные опросы жителей и голосования на специальных интернет-платформах (например, сервис «Активный гражданин») в лучшем случае решают узкие задачи (сбора мнений, выяснения отношения к проекту), не решая проблем по-существу.

Возникает вопрос: как в мегаполисе, где одновременно реализуются сотни градостроительных проектов, можно понять, где и как могут возникнуть проблемы с населением? Мы не можем проводить опросы и референ-

думы по каждой развязке. В современном мире интернета и гаджетов это делается намного проще. Любое недовольство сразу попадает в социальные сети. Если это не единичное мнение, а так считают многие жители, то мы получим распространение этих сообщений в социальных сетях. Эту активность можно наблюдать при помощи современных мониторинговых систем. Она не требует больших затрат, но позволяют “ловить конфликт” в самом начале, когда, как известно, его легче всего разрешить.

Как показывает наш многолетний опыт мониторинга по сотням строящихся объектов в Москве, существуют 3 основные точки, когда возникают всплески протестной активности в социальных сетях: 1 – решение на ГЗК, 2-я – публичные слушания, 3-я – выход строителей на площадку. Обратим внимание, что первую реакцию мы видим за пару лет до начала строительства и за несколько месяцев до публичных слушаний. То есть мы имеем массу времени на подготовку и снятие противоречий.

Так мы можем заранее выделить городские районы, где начинается возмущение жителей. Для того чтобы разобраться в ситуации, понять в чем причины недовольства, как много жителей его разделяют и, главное, понять пути решения проблемы – должны проводиться диагностические исследования в районах строительства. В этом случае мы экономим время и деньги, проводим исследования только там, где это действительно необходимо для снятия противоречий.

На основе полученных нами данных появляется возможность уже на стадии предпроектной подготовки вносить изменения в проекты. Там, где это невозможно в силу объективных причин, можно предложить жителям компенсационные решения. Не стандартные, в виде установки пластиковых окон или шумоизоляционных экранов, а вполне конкретные шаги, исходя из проблем и потребностей жителей конкретного района.

Далее. Для того чтобы донести до жителей района эту информацию, рассказать о новых преимуществах проекта – можно воспользоваться созданием специального сайта. Сегодня это доступно и не дорого, особенно в сравнении со стоимостью проекта. Эти сайты не просто информируют жителей, но и становятся эффективной коммуникативной площадкой. Здесь мы можем в оперативном режиме учитывать жалобы и предложения жителей, проводить обсуждение и согласование интересов на протяжении всего процесса строительства.

Опыт применения этой технологии на проектах ТПУ дает нам важный ключ для успешной реализации более сложных проектов, таких, например, как Программа реновации жилья. За прошедшие годы нами проведены исследования во многих районах Москвы и в каждом из них мы видим проблемы, накопленные в течении десятилетий. Чаще всего это, шум, загазованность воздуха, большое количество машин во дворах, проблемы благоустройства. Отсутствие или дефицит целого ряда необходимых объектов: бассейнов и спортивных залов, доступных кафе и кинотеатров, медицинских учреждений и центров дополнительного образования для детей, скверов детских и спортивных площадок, парковок и транспортных развязок. В каждом районе свой список таких проблем и запросов. И в каждом он в принципе решаемый. Учет этих особенностей городских районов

позволяет не только корректировать градостроительные преобразования с учетом потребностей населения, но и создает основу для системного улучшения условий жизнедеятельности. Говоря о создании комфортной городской среды, чаще всего имеют ввиду некий набор необходимых элементов: благоустройство, наличие зеленых зон, образовательных, медицинских и социальных учреждений, объектов торговли и рабочих мест, а также обеспечения транспортной доступности. Однако наши исследования в районах Москвы показывают, что этот перечень, во-первых, не является полным, а во-вторых, он служит лишь удовлетворению базовых потребностей горожан, то есть является необходимым, но не достаточным. Можем ли мы формировать такую среду, где будет не просто удобно жить и работать, но, и чтобы она способствовала реализации тех ценностей и культурных кодов, что накопили города за сотни лет исторического существования? Не это ли составляет основу развития человеческого капитала, о ценности которого так много у нас говорится в последнее время?

Мы верим, что это возможно. Для этого, по крайней мере, необходима дальнейшая разработка социальных технологий, адекватных проблемам реализации масштабных городских проектов. Примером может служить предложенная нами, на основе значительного числа социально-диагностических исследований в Москве, методика социальной экспертизы, которую можно рассматривать как обобщенную модель взаимодействия органов власти и горожан в управлении процессами городских преобразований во многих других ситуациях городского развития.

Литература

Дридзе Т. Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. 347 с

Закирова Ю. А., Хуснутдинова С. Р., Касимова А. Р. Методика партисипативного проектирования городской среды в современном российском градостроительстве / Известия КГАСУ 2016 № 1 (35), С. 81–86.

Е. В. Резанова

Бизнес-ассоциации во взаимодействии предпринимательского сообщества и власти

**Резанова
Екатерина Владимировна**

Кандидат социологических наук,

Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Беларусь.

E-mail: ekaterina-rezanova@yandex.ru

Аннотация. Сложившееся к настоящему времени взаимодействие предпринимательства и власти в Беларуси характеризуется отсутствием корпоративной активности предпринимателей, несовершенством законодательства в деятельности бизнес-ассоциаций, слабым влиянием представителей бизнес-ассоциаций на формирование институциональных условий развития бизнеса, отсутствием доверия предпринимателей бизнес-ассоциациям, что не способствует оптимальному регулируемому воздействию государства на развитие предпринимательства, не позволяет реализовать те потенциальные возможности и ресурсы деловой активности, которыми обладают наиболее энергичные деловые люди нашей страны.

Бизнес-ассоциация представляет собой форму коллективного действия представителей малого, среднего и крупного бизнеса с целью для достижения общих целей, а также обеспечения органов государственного управления необходимой информацией для успешного регулирующего воздействия на предпринимательскую деятельность. В связи с этим бизнес-ассоциация обладает двойным институциональным статусом. С одной стороны, она является одним из звеньев в механизме управления экономической системой. В данном контексте бизнес-ассоциация выполняет такие функции, как рыночная координация и предоставление юридических, образовательных и консультационных услуг своим членам. С другой стороны, ассоциация служит одной из форм организации интересов и выступают составной частью гражданского общества. Ключевыми функциями бизнес ассоциаций как части гражданского общества и политической системы являются представительство интересов, предоставление возможности высказать свое мнение относительно институциональных условий ведения бизнеса с целью их совершенствования.

Несмотря на существование в научной литературе различных точек зрения относительно необходимости предпринимателей объединяться в бизнес-ассоциации, все же исследования показывают положительное влияние таких объединений не только на эффективность предпринимательской деятельности, но и на развитие и модернизацию экономики в целом. В частно-

сти, исследования Р. Донера и Б. Шнайдера доказывают, что бизнес-ассоциации могут с одной стороны, выполнять роль «института, поддерживающего рынок», выступая источником информации о нарушениях прав собственности и барьерах для предпринимательства; а с другой – «института, дополняющего рынок», собирая и предоставляя органам государственного управления и экономическим агентам информацию о состоянии конкретных рынков, способствуя выходу местных компаний на новые рынки и внедрению новых технологий.

Исследования Р. Локка в Бразилии и Южной Италии указывают на то, что бизнес-ассоциации могут стать механизмом координации, обеспечивающим взаимопонимание между фирмами и правительством, создающим доверие и стимулирующим экономическое развитие. Опыт ряда развитых стран в последние годы также свидетельствует, что бизнес-ассоциации могут выступать в качестве агентов, создающих не только «частные» и «клубные», но и «общественные блага». Так, в Австралии с начала 2000 гг. широкое распространение получила практика разработки «отраслевых планов действий», которая осуществляется под эгидой профильных министерств с широким привлечением представителей отраслевых бизнес-ассоциаций.

В Беларуси действует более 50 республиканских, региональных и отраслевых бизнес-ассоциаций, главными задачами которых является консолидация мнений различных кругов бизнес-сообщества, организация диалога между бизнесом и властью, участие в экспертизе законодательства и нормативных актов, предоставление образовательных услуг, производство информационных ресурсов, обеспечение взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества представителей бизнес-сообщества.

Одной из ключевых проблем деятельности бизнес-ассоциаций является стабильно низкий показатель членства в данных организациях. По данным Исследовательского центра Института предпринимательства и менеджмента аудитория бизнес-ассоциаций на протяжении последних пяти лет не превышает 10–15 %. При этом в ассоциации более охотно вступают наиболее активные и успешные компании, преимущественно представители ЗАО и УП с численностью занятых свыше 50 человек, работающих на рынке более пяти лет.

Причинами столь низкой активности вступления в бизнес-ассоциации белорусских предпринимателей являются: недостаток информации о деятельности бизнес-объединений (об этом заявили 37,1% представителей бизнес-сообщества; недоверие предпринимателей бизнес-ассоциациям (по мнению 40% респондентов бизнес-союзы не оказывают помощи в решении проблем, связанных с предпринимательской деятельностью).

Несмотря на низкую корпоративную активность самих предпринимателей, благодаря деятельности бизнес-ассоциаций в Беларуси организована Межведомственная комиссия по малому предпринимательству для проведения единой государственной политики по поддержке и развитию малого предпринимательства; создан Национальный совет по трудовым и социальным вопросам в целях осуществления взаимодействия государства и бизнес-ассоциаций по реализации социально-экономической политики, защите

трудовых прав, экономических и социальных интересов граждан; работают общественно-консультативные советы при министерствах и ведомствах, для обсуждения проектов нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность.

Об эффективности функционирования бизнес-ассоциаций свидетельствуют данные социологического опроса действующих членов бизнес-ассоциаций. Их участниками, как правило, являются более эффективные и конкурентоспособные фирмы, которые относительно уверенно чувствуют себя на белорусском рынке. Более половины респондентов членов бизнес-объединений наиболее востребованными считают юридические услуги в рамках бизнес-ассоциаций. Также, членами бизнес-ассоциаций были отмечена актуальность следующих направлений деятельности: помощь по вопросам ведения хозяйственной деятельности (38,7%), представление интересов фирмы перед органами власти (35%), повышение квалификации персонала (35%), обмен опытом между членами союза (32,3%). Участники бизнес-объединений несколько лучше оценивают результаты деятельности органов государственного управления по таким направлениям, как придание контрольной деятельности предупредительного характера и ликвидация административных барьеров. Вместе с тем, 16,1% респондентов полагает, что многие бизнес-объединения ставят своей главной задачей оказание помощи предпринимателям и значительно меньше внимания уделяют комплексным вопросам улучшения бизнес-климата в стране.

Популяризация деятельности бизнес-ассоциаций будет способствовать повышению доверия к данным объединениям и обеспечит более тесное взаимодействие органов государственного управления и бизнес-сообщества.

Г. В. Рябцовский, О. В. Лактюшина

Правовая социология как метод исследования Институтов публичной власти

**Рябцовский
Георгий Владимирович**

Брянский филиал РАНХиГС, Брянск, Россия.

E-mail: grnp13@yandex.ru

**Лактюшина
Ольга Викторовна**

Кандидат экономических наук, Брянский филиал РАНХиГС, Брянск, Россия.

Аннотация. В докладе раскрывается роль правовой социологии в исследовании структур публичной власти на примере социологического анализа деятельности депутатов Государственной Думы Российской Федерации. В частности, показано что Государственная Дума теряет законодательную инициативу в непосредственной разработке законопроектов с самостоятельным предметом регулирования, отдавая право исполнительной власти наращивать динамику принятия новых законопроектов, либо поправок к существующим законам. Таким образом, правовая социология позволяет выявить направления деформации российской правовой системы и актуализировать системные проблемы деятельности институтов публичной власти.

Ключевые слова: Правовая социология, правовая инициатива, правовая диффузность, правовая мимикрия.

Институты публичной власти, выступая как важнейший правовой и универсальный регулятор, указывая на направления развития общественных отношений, имеет специфический набор мер санкционного воздействия для обеспечения принципов и достижения целей правового регулирования этих отношений.

Несмотря на то, что дефицит регулирует важные признаки сложившихся в обществе обычных, политических, экономических, социальных, культурных и нравственных отношений, он не имеет четко обоснованную систему критериев для выделения видов юридической ответственности¹ в силу того, что юридическая ответственность – это неотъемлемая часть

¹ Данный термин иногда пытаются отождествить с юридической ответственностью, что не совсем правильно методологически. Изначально термин возник из экономики. Впервые термин «социальная ответственность» открыл в своей работе американский экономист Г. Р. Боуэн в книге «Социальная ответственность бизнесмена» в 1953 году, в которой суть социальной ответственности бизнесмена виделась как принятие ответственных и желательных для общества решений (См. подробнее: Bowen H. Social responsibility of the businessman. N. Y., 1953. P. 6., Davis K. Can business afford to ignore social responsibilities? // California Management Review. 1960. Vol. 2 (3). P. 70–76.). В принципе, если рассматривать данный термин с этой позиции, то суть его не по-

института социальной ответственности, имеющая сложную нравственно-правовую, этическую, моральную, психологическую, профессиональную и другие виды родовых совокупностей обуславливая необходимость соблюдения каждым и всеми членами общества совокупности законов, правил, норм, требований и принципов.

Гарантом правовой ответственности выступает, прежде всего, государство, иногда, и само общество, особенно в условиях развитой демократии или в религиозных правовых системах, в различной степени принуждая индивидов или власть через общественные, законодательные, политические и репрессивные институты соблюдать юридическую обязанность по исполнению требований норм права или обычая¹.

Между тем, в современной теории дискурса термины, слова и словосочетания с диффузным значением имеют повышенную семантическую связь не с рефрентным объектом и предметом, а с окружающим контекстом (Andersen, 2007).

Такая повышенная чувствительность к контексту объясняется тем, что недостаток конкретики правовых норм, размытость и многозначность определений, отсутствие четкой правовой категоризации понятий и терминов характерна на ранних стадиях развития общественных и правовых отношений (Griniewicz, 2007), когда из фокуса когнитивной прагматики права, в конечном счете, определенности картины мира уводятся частные признаки этих отношений, заполняя не-определенности «правовых лакун» свободным и необдуманному достраиванием «нормативных пустот» (Ирисханова, 2009).

менялась и сегодня. Призыв бизнеса к благотворительности, спонсорству, меценатству и будет оставаться идеологическим призывом, а не ответственностью бизнеса за положение в обществе. С другой стороны, сколько видов социальных отношений существует, столько будет существовать социальной ответственности в этих отношениях, но они не имеют четкой демаркационной линии как в случае нравственных категорий. Как например, когда на Гайдаровском форуме 2019 года, глава госкорпорации «Роснано» заявил о глубокой инфантильности современного российского общества, которое за: «...25 не удосужилось сказать бизнесу спасибо за то, что бизнес сделал для развития страны за эти годы, несмотря на то, что традиция высокой социальной ответственности отечественного бизнеса была заложена была еще в 17 веке...». См. подробнее: Анатолий Чубайс заявил, что российский бизнес достоин благодарности от граждан страны // Радиостанция «Эхо Москвы», ежедн. интернет-изд. 09 декабря 2018 г.: Режим доступа: URL: <https://echo.msk.ru/news/2330163-echo.html> (дата обращения: 19.01.2019).

¹ В качестве примера можно привести исламское право (Турция, Сирия, Ливан и другие) или право шариата (Саудовская Аравия). Несмотря на разнообразие исламских религиозных правовых систем, включающие и шариат, где термин «законы шариата» несут, в большей степени, не юридическое, а общесоциальное предназначение. В Коране и суннах имеются, положения, которые регулируют порядок исполнения мусульманами религиозных обязанностей или ибадатов. Но в Коране и суннах практически нет норм, регулирующие взаимоотношения мусульман. Это связано с тем, что, как и в светском обществе, многие жизненные ситуации невозможно ввести в нормы права и они регулируются нормами общественной этики – суннат, мандуб, поэтому в исламском праве существует так называемое рациональное осмысление конкретной правовой ситуации, не выходя за рамки Корана или сунн. Таким образом, помимо вопросов религиозной догматики и этики, направленной на нравственное совершенствование мусульман, в исламском праве и шариате рассматривается поведение мусульман или социальная ответственность (прим. автора) как, прежде всего, нравственная и этическая категория, определяющие внутреннюю позитивную мотивацию правоверного соблюдать повеления относительно общественно-политической, культурной, экономической и социальной деятельности мусульман. См. подробнее: Взятка – одно из самых больших бедствий общества / Аяты, указывающие на недозволенность взятки // Электронное периодическое издание «Центр Религиозных Исследований»: Режим доступа: URL <http://www.islam.az/article/a-270.html> (дата обращения: 28.01.2018).

Такая избыточная нормотворческая активность законодателей различного уровня создает референтную правовую диффузность или способность языковых юридических конструкций и терминологий расширять объективную и субъективную стороны преступлений и правонарушений, размывая границы норм права и образуя концептуальные, диспозитивные и санкционные «пустоты». Творческое стремление законодателя устранить правовые неопределенности ведут к появлению новых «неопределенностей», новых правовых лексем, новых разновидностей терминов, понятий и наименований, приспособлявая их к общественному дискурсу.

Своеобразной правовой мимикрией можно объяснить возникновение другой проблемы – это реминисценция или стремление законодателя «внести свой вклад» в российскую правовую историю. Чем-то она похожа на американскую правовую систему – например, Поправка Джексона-Вэника или Закон Магнитского. Так появляются законы Яровой, Клишаса и других депутатов Государственной Думы.

Именно частое изменение существующих законов является основной причиной нестабильности российского правового поля. Как показывает зарубежная практика, в таких странах как Чехия, Словакия, Словения, Венгрия, Литва, и в других европейских странах динамика законотворческой активности проявлялась на первых этапах смены экономической формации, затем наступила стабильность в законотворческом процессе. В то время как законотворческая активность российской Государственной Думы стремительно растет из года в год, но анализируя деятельность депутатского корпуса по субъектам права законодательной инициативы можно сделать несколько выводов:

- самую высокую законодательную активность проявляет Государственная Дума и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, но процент реализации этих инициатив крайне низкий, в среднем не более – 12,0%;

- законодательные инициативы Правительства и Президента Российской Федерации хотя и уступают инициативам законодательной власти, но процент реализации этих инициатив самый высокий (Президент – 82,8%; Правительство – 73,7%);

- Верховный Суд Российской Федерации по качеству законодательных инициатив находится на третьем месте, примерно – 46,0%;

- очевидный дисбаланс активности и результативности представителей законодательной власти показывает о непосредственной трансляции через депутатский корпус интересов, прежде всего, исполнительной власти в лице Правительства;

- если в Президентских инициативах представляются интересы граждан России, так как непосредственно отдавали свои голоса за Президента, то в случае с Правительством такой прямой связи нет;

- наблюдается явное искажение трансляции наказов избирателей и воли народа депутатским корпусом в сторону поддержки законопроектов Правительства – 73,7%, а не собственных инициатив – 17,9%;

- крайне низкий процент реализации инициатив субъектов Российской Федерации – 6,6%, также свидетельствует о мощных рычагах влияния исполнительной власти на субъекты Российской Федерации, в частности, через бюджетную политику;

- не выполняют важную роль проводника интересов субъектов в Федеральном Собрании и Совет Федерации, фактически отстраненный от этой функции, всего – 2,8%;

- низкая инициативность судебной власти объясняется тем, что все инициативы судебной власти согласуются с Администрацией Президента и фактически идут в тренде с инициативами Президента.

Интересная статистика проявляется и среди субъектов права законодательной инициативы за 2018 год 7-го Созыва по данным сайта Государственной Думы Российской Федерации¹.

Так из 1167 законопроектов, внесенных в Государственную думу 7-го Созыва принято в 2018 году только 576 или 49,4%, из них один закон не подписан Президентом России. Несмотря на то, что воронка по сравнению с 6-м Созывом расширилась почти на 4,3%, тем не менее, это показатель только за первый год после выборов в Государственную Думу, фактически калькирующий 2011 год.

Таким образом, нельзя не заметить, что низкая «производительность» депутатского корпуса, обусловлена в основном внесением изменений в существующее законодательство в рамках законодательной инициативы исполнительной власти, а не с непосредственной разработкой законопроектов с самостоятельным предметом регулирования, а это лишний раз свидетельствует о неэффективности работы Государственной Думы и о низком качестве принимаемых законов.

Литература

Ирисханова О. К. О типах знания и семантической неопределенности (дело о деле). Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе // Сборник научных трудов. Под ред. Л. А. Манерко. Рязанский государственный педагогический университет. 2009. Вып. 6. С. 7–13.

Andersen O. Indeterminacy, context, economy and well-formedness in specialist communication. In: Antia, Bessey Edem (ed.): Indeterminacy in Terminology and LSP. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2007. P. 3–14.

Griniewicz S. Towards linguistic aspects of anthropogenesis. In: Antia, Bessey Edem (ed.): Indeterminacy in Terminology and LSP. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2007. P. 37–72.

¹ Статистика законодательного процесса за 2018 год // Режим доступа: URL <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=year&c=7&v=2018> (дата последнего обращения 16.06.2019)

И. А. Савельев

Полисубъектность как фактор институционализации современного управления

Савельев

Иван Александрович

Кандидат философских наук, Международный московский университет, Москва, Россия.

E-mail: ivansave-80@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен анализу полисубъектной среды как фактора институционализации современного управления. Субъект-полисубъектный характер управленческих отношений считается характеристикой т. н. постнеклассической рациональности. Особую роль при изучении полисубъектности играет социологический мониторинг. Планируется раскрыть основные теоретические подходы к пониманию феномена полисубъектности, а также представить эмпирические характеристики основных параметров полисубъектной среды современного российского общества. Более подробно указано в тезисах.

Ключевые слова: полисубъектность, институционализация управления, факторы институционализации управления, постнеклассическая рациональность, рефлексивность.

Диагностируя состояние современного российского общества, Н. И. Лапин отмечает его переходный характер: оно оказалось в новой области бифуркаций, когда возможны как обострение социально несправедливых результатов транзита, особенно в приграничных регионах с их клановостью и архаикой, так и становление новых качеств и механизмов (Лапин, 2018).

В этой связи, представляется, что особым фактором развития является наличие и состояние самих институциональных условий для воспроизводства управленческих механизмов. В ситуации падения уровня жизни значительной части населения в сочетании с другими негативными социально-экономическими тенденциями, такие механизмы должны позволить региональным субъектам управления обеспечивать всю систему жизнедеятельности в условиях модернизации.

Все это подчеркивает актуальность изучения институционализации управления в ситуации, определяющим фактором которой является собственно социальная среда, а механизмами – ценности, культура, установки и пр.

Для диагностики состояния управленческих механизмов необходим постоянный социологический мониторинг существующей системы управления на основе принципа обратной связи.

Данный мониторинг осуществляется Центром социологии и социальных технологий ФНИСЦ РАН под руководством А. В. Тихонова в течение нескольких лет.

В работе предпринята попытка социологического анализа полисубъектности как фактора институционализации управления с позиции постнеклассической рациональности.

Институционализация управления – это сложный и противоречивый процесс функционального выделения управления из системы других социальных регуляторов общества, власти и собственности (Тихонов А. В.), осуществляемое как эволюционно, так и революционно («управленческие революции»).

Данный процесс происходит в период нового понимания субъекта управления и субъектности с позиции постнеклассической рациональности. В нем учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностноцелевыми структурами. На наш взгляд, незаменимым инструментом здесь является социологический мониторинг, сочетающий качественную и количественную методологию.

Действительно, постнеклассическая рациональность (В. С. Степин) подразумевает анализ организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред и рефлексии управленческой деятельности в рамках субъект-полисубъектных отношений.

Речь идет о социокультурных «человекоразмерных системах», имеющих особые информационные структуры, отвечающие за взаимодействие со средой. В таких системах под управлением понимается не жесткое командование, но «управление через среду», управление «через механизмы сборки субъектов», формируется управленческая парадигма, определяемая В. Е. Лепским как: «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда».

Отметим, что полисубъектное взаимодействие – это форма непосредственного взаимодействия субъектов управления друг с другом, которая способна порождать их взаимную обусловленность и особый тип общности – полисубъект, понимаемый как целостное динамическое социально-психологическое образование.

Реальный социологический анализ полисубъектности связан с рядом трудностей, в первую очередь, с определением ее эмпирически фиксируемых проявлений.

Полисубъектность, как, собственно, и субъектность, естественно подразумевает наличие социальной активности, как способности субъекта выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности.

Однако эмпирические исследования фиксируют, например, различные формы протестной пассивности: абсентеизм, рестрикционизм, целенаправленный саботаж распоряжений непосредственных руководителей и т. п. Такая осознанная и целенаправленная пассивность представляет специфическую форму субъектности.

Э. Гидденс отмечал такую черту субъектности как рефлексивность («рефлексивный проект самости»), подразумевающую конструирование людьми своих идентичностей в ходе постоянной рефлексии по поводу своей биографии. Остается актуальным проверить данный параметр эмпирически.

Третьей важнейшей чертой субъектности (полисубъектности) отмечают конструктивность взаимодействия с окружающей средой на основе приобретения социальной идентичности в процессе интернализации. Однако остается открытым вопрос о деструктивной субъектности, ее причинах и последствиях, о степени осознания субъектами своей ответственности и т. д.

Полисубъектная среда подразумевает наличие и т. н. деформированных форм субъектности: отчужденная (маргинальная), вынужденная субъектность, манипулятивная субъектность, регламентируемая идеологическими границами политических партий, движений, религиозных конфессий и т. д.; субъектность «в себе» – когда под воздействием социально-психологической напряженности индивиды пытаются решить социальные проблемы посредством индивидуальной деятельности или в рамках субкультуры.

Остается открытым вопрос и о процессе реального группообразования: каково полисубъектное содержание интересов как реальных, так и номинальных групп?

Как отмечает А. П. Давыдов, сейчас рождается принцип типологически нового многообразия и типологически нового единства, что не могут не учитывать теоретики, разрабатывающие проблемы феномена управления в современном обществе: управление зависит не только от социальных факторов, но и от того, к какому типу относится социокультурная доминанта менталитета субъекта управления – мифоритуальному (со-борному), логоцентрическому (авторитарному) или к медиационному (личностному).

В такой ситуации структуры управления способны «перехватывать» субъектность у человека, вынуждая его действовать определенным образом, включая в диапазон его интенциональности степень адекватности реакции на изменения среды.

Все вышесказанное позволяет считать фактор полисубъектности важным направлением дальнейшего исследования институционализации управления. Причем технократизм, зачастую подменяющий управление зачастую не учитывает возможную сложность полисубъектной среды. Происходящая сейчас цифровизация инфо-коммуникативных процессов в управлении может создавать матричное пространство, подменяющее вариативность уже заложенным субъектом управления в технологии содержанием.

Литература

Лапин Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3–14.

В. А. Шилова

Методологический подход и методы анализа социально-коммуникативных механизмов интенциональности в работе органов власти и управления

**Шилова
Валентина Александровна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: vshilova@yandex.ru

Аннотация. В докладе делается акцент на необходимости и значимости исследований социально-коммуникативных механизмов интенциональности в работе органов власти и управления. Автор демонстрирует возможности семиосоциопсихологической исследовательской стратегии и разработанной в ее рамках **методики проблемноориентированного интенционального (мотивационно-целевого) анализа (М-ПИА)** в качестве методики оценки эффективности реализации национальных проектов в России.

Ключевые слова: социология управления, органы власти, коммуникация, интенциональность, методы анализа интенциональности.

Актуальность заявленной темы, прежде всего, связана с необходимостью модернизации управленческой системы для эффективной реализации прорывных проектов в регионах (национальных проектов). Проблема заключается в том, что управленческая интенциональность является одним из ключевых коммуникативных параметров, накладывающим отпечаток на стиль управления, формирование коммуникативных стратегий и технологий управления, но характер и степень его влияния до сих пор не были изучены по многим причинам. Ключевые из которых – отсутствие теоретико-методологической базы и методов исследования.

«Управленческая интенциональность формируется из равнодействующих мотивов и целей участников управления и является характеристикой коммуникативной среды. Изучение управленческих ситуаций через призму доминирующих в процессе управления И. позволяет определить эффективность последних в связи с их разной интенциональной окрашенностью» (Словарь по социологии управления, 2014).

В основу анализа содержания интенциональных аспектов управления национальными проектами в регионах нами положены отдельные элементы метода мотивационно-целевого анализа, позволяющие выделить проблемные ситуации, вокруг которых эта деятельность сосредоточена.

Исследовательская стратегия базируется на парадигмальных основах экоантропосоциологии и семиосоциопсихологии (парадигмах, разработанных отечественным ученым Т. М. Дридзе). Семиосоциопсихологическое изучение

процессов коммуникации основывается на четком методологическом и методическом аппарате. Последний представляет собой набор определенных исследовательских процедур, позволяющих изучать, мотивационно-целевую (интенциональную) направленность любого исходящего от коммуникатора текста и конкретные способы ее реализации (тема, проблемная ситуация, логико-композиционные и художественно-выразительные решения).

Данная стратегия позволяет анализировать особенности информационной среды региона в связи с принятием управленческих решений и реализацией национальных проектов.

Выявлять:

1. Особенности интенциональной окрашенности коммуникации органов власти со значимыми действующими акторами в регионе (бизнес-общество, СМИ, гражданское общество, элиты, граждане);

2. Особенности оценок, интенциональную окрашенность (журналистов и заинтересованных групп) в связи с действиями органов власти и управления:

- оценку действий федеральных органов власти
- оценку действий региональных органов власти
- оценку действия локальных органов власти и местного самоуправления.

3. Региональные особенности при освещении в СМИ реализации национальных проектов:

- фиксировать частоты упоминаний национальных проектов в региональной повестке;
- систематизировать положительные, нейтральные и отрицательные оценки деятельности органов власти и управления в связи с реализацией национальных проектов;
- определять преобладающую эмоциональную окрашенность и интенциональное содержание публикаций, связанных с реализацией национальных проектов.

В результате чего мы можем систематизировать положительные и негативные оценки деятельности органов власти и управления в региональном информационном пространстве; выявлять точки напряжения, вокруг которых формируется негативный контент.

Разработанная нами методика проблемноориентированного интенционального (мотивационно-целевого) анализа (М-ПИА) представляет сложный комплекс процедур отбора и кодирования проблемных ситуаций, содержащихся в информационно-аналитическом контенте, и позволяет выходить на новый уровень анализа текстовой и визуальной информации.

Методика (М-ПИА) была разработана для решения диагностических задач с целью проектирования благополучной социальной среды, принятия эффективных управленческих и градостроительных решений на поселенческом, городском, муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

Ключевой составляющей М-ПИА является проблемно-ориентированная матрица интенционального анализа данных (ПО-МЦА), состоящая из перечня необходимых показателей, которые варьируются в зависимости от поставленных задач: тема, основная проблема, ее виды и тип, с каких позиций рассматривается проблема, кто субъект (носитель), оценка работы местных органов власти и т. д., где каждый индикатор выступает в качестве открытого или полужакрытого вопроса.

Схема анализа выстраивается на основе выделения 6 уровней проблемной ситуации, без которых структура коммуникативного акта считается незавершенной. 1-й уровень: цель и мотивация текстовой коммуникации; 2-й уровень: тезисы и контртезисы; 3-й уровень: аргументы и контраргументы; 4-й уровень: иллюстрации; 5-й уровень: социокультурные фоны; 6-й уровень: фоны к фонам. Определение интенции, социокультурного фона информационного материала, а также его проблемной ситуации является ключевым преимуществом методики. В результате интерпретации данных можно определить группы, в интересах которых материал был написан; определить сходство и различие позиций активных объектов (авторов) с властной политикой местного руководства.

Методика проблемно-ориентированного интенционального (мотивационно-целевого) анализа (М-ПИА) позволяет решать ряд научно-исследовательских, прогнозных и проектных задач на разных уровнях:

- изучить проблемный контекст через призму проблемных ситуаций, отображенных в СМИ; социальных сетях; официальных письмах; порталах; законодательных актах и иных информационных материалах;
- сопоставить проблемы, которыми обеспокоены представители разных социальных групп;
- изучить форму подачи самих проблемных ситуаций в разных социокультурных разрезах;
- определить доминирующую интенциональную направленность сообщений коммуникативных акторов.

Область возможного применения – практика социальной диагностики и социального управления при подготовке и принятии социально-значимых управленческих решений.

Методика была эффективно применена Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН в области диагностики проблемных ситуаций городов и регионов с целью выработки рекомендаций для принятия эффективных управленческих решений.

Литература

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

8

**Трансформация
социальных идентичностей
и субъектности**

Руководители секции: Магун В. С., Семенова В. В.

Ученый секретарь: Окольская Л. А.

Д. А. Аникин

Великая Отечественная война в коллективной памяти религиозных сообществ

Аникин

Даниил Александрович

Кандидат философских наук, доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

E-mail: dandee@list.ru

Аннотация. В докладе рассматривается специфика использования религиозными сообществами в современной России образов и символов Великой Отечественной войны. В условиях дефицита консолидирующих ценностей религиозные сообщества не только включаются в устоявшиеся мемориальные практики, но и формируют собственные. Вместе с тем, существенными становятся риски трансформации собственно религиозных ценностей в контексте их приспособления к социальным практикам (например, участие мусульман в «Бессмертном полку»).

Ключевые слова: религия, религиозные сообщества, ценности, мемориальные практики, коллективная память, Великая Отечественная война, «Бессмертный полк».

Великая Отечественная война является тем символическим ресурсом, обращение к которому выступает фактором консолидации российского общества, но именно подобная значимая роль становится основанием для возникновения конкуренции между различными сообществами и социальными группами за присвоение или переосмысление тех или иных символов Победы.

В условиях исчезновения маяка коммунистического будущего дефицит символических конструкций российской идентичности стал заполняться за счет обращения к прошлому. В условиях переоценки многих исторических событий и раскрытия информации о негативных аспектах советского прошлого (массовые репрессии, голод и т. д.) особым спросом стало пользоваться то прошлое, которое обладало однозначно позитивными коннотациями.

Именно поэтому с середины 1990-х гг. возобновляется традиция парадов на Красной площади, а уже в 2000-х появляются новые символические практики актуализации данного пласта памяти – сначала «георгиевские ленты», а затем и шествия Бессмертного полка. В данном случае государство сознательно обращается и эксплуатирует тот символический ресурс, который не только способен обеспечить внутривнутриполитический консолидирующий эффект, но и становится действенной «мягкой силой» для реализации реваншистских амбиций на постсоветском пространстве.

Вместе с тем, изменившиеся социальные и политические условия приводят к тому, что государство лишается исключительного права на формулирование исторической повестки и приоритет в расставлении акцентов по поводу событий прошлого. В публичном пространстве заметную роль начинают играть и другие акторы, которые включаются в конкуренцию за присвоение символических ресурсов прошлого, причем среди этих акторов важную роль начинают играть религиозные сообщества.

Следует сразу оговориться, что память религиозного сообщества представляет собой более широкое и размытое понятие, нежели политика памяти конкретной религиозной институции, хотя отрицать определенную корреляцию между ними невозможно. Но плюралистичность и пластичность современного социального порядка позволяет обратить внимание на то факт, что любое политическое решение (а принимаемые руководством конкретной церкви постановления имеют именно такой характер по отношению к сонму верующих) не только является результатом определенных компромиссов между группировками внутри самого руководства, но и ориентируется на коллективные представления верующих. В условиях постсекулярного общества, характеризующего, помимо прочего, усилением обратных связей между религиозными общинами и их руководством, насущной потребностью становится нахождение консенсуса между следованием канонам и мобильно меняющимся представлениям паствы о границах допустимого / недопустимого, дозволенного / недозволенного.

При этом существует ряд особенностей, отличающих память религиозного сообщества от других форм коллективной памяти. Специфика памяти религиозного сообщества заключается в ее амбивалентности, стремлении соотнести имманентную топологию событий прошлого с трансцендентной реальностью, являющей себя в виде определенных символических значений. В повседневной жизни верующего человека это свойство коллективной памяти проявляет себя в виде соотнесения индивидуального существования с траекторией жизни небесного покровителя, что подкрепляется символическим подчеркиванием определенных моментов жизни, ключевых событий, совпадения внешних обстоятельств. Включение Великой Отечественной войны в коллективную память религиозного сообщества или, точнее говоря, ее ре-интерпретация в совершенно иных мировоззренческих и социальных координатах осуществляется посредством поиска трансцендентного смысла этого события.

Многочисленные протестантские и неопротестантские течения стремились вписать организуемые ими сообщества в контекст либерального, про-глобализационного дискурса, при этом выстраивая соответствующий исторический контекст цивилизационной принадлежности России к европейской цивилизации. Другое направление освоения политического поля было использовано Русской православной церковью, которая попыталась выстроить новую символическую конфигурацию за счет привлечения имеющихся в обществе символических ресурсов коллективной памяти, прежде всего, за счет устойчиво позитивных воспоминаний о Великой Отечественной войне. Индивидуальный религиозный опыт многих фронтовиков и вписывание Великой Отечественной войны в перечень предшеству-

ющих войн привело к постепенному становлению в рамках православных религиозных сообществ мифологизированных коллективных представлений о хрестоматийных событиях этой войны.

Эта трансформация проявилась в появлении специфических социальных практик, дополняющих и совмещаемых с уже устоявшимися формами актуализации воспоминаний о войне. В частности, с 2005 г. войска, задействованные 9 мая в параде Победы, участвуют в коллективном молебне, причем символическим обоснованием этого становится празднуемый 6 мая день Георгия Победоносца. В православной литературе и в выступлениях представителей РПЦ все отчетливее проявляется мысль о том, что именно в этот день завершились военные действия, что становится дополнительным обоснованием наличия религиозного смысла в Великой Отечественной войне.

Вместе с тем, присвоение религиозными сообществами образов и символов Великой Отечественной войны проявляется в различных формах, зачастую сопряженных с нарушением или спорным истолкованием сугубо религиозных норм. В 2017 г. в Таджикистане было запрещено шествие «Бессмертного полка» на том основании, что использование фотографий нарушает религиозный запрет на изображение человека. Вместе с тем, председатель Союза муфтиев России Равиль Гайнутдин подчеркнул, что российские мусульмане могут участвовать в «Бессмертном полку», поскольку эти изображения не превращаются в объект поклонения, а являются лишь напоминаниями о прошлом.

Таким образом, превращение религиозного сообщества в современной России в одного из акторов политики памяти приводит не только к переосмыслению устоявшихся трактовок прошлого и трансформации социальных практик, но и к ценностным изменениям в коллективном сознании и коллективной памяти самих религиозных сообществ.

Е. С. Бердышева

Интерпретации цен российскими потребителями в (пост)кризисной рыночной экономике: от веры в государство до экономической автономии, и обратно

**Бердышева
Елена Сергеевна**

Кандидат социологических наук,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: eberdysheva@hse.ru

Аннотация. На данных этнографического исследования, реализуемого в кризисные 2014–2017 гг. и посткризисные 2018–2019 гг. в теоретической рамке социологического когнитивизма и новой экономической социологии, реконструируются смысловые логики, посредством которых россияне сегодня интерпретируют рыночные цены. Путем сопоставления 63х нарративов россиян разного возраста, демонстрируется, что рассуждения о ценах неявно отсылают к не до конца решенному в России вопросу о том, каким образом ответственность за обеспечение достойной жизни распределяется между индивидом, бизнесом и государством.

Ключевые слова: экономическая культура, ценности, кризис, политика цен, осознанное потребление, бережливость.

Введение

В данной работе развивается идея о том, что ценовое поведение является репрезентацией и потенциальным фактором социальной идентичности потребителя, формирующейся на стыке различных политических, культурных, социальных и экономических обстоятельств. В разные исторические периоды эти обстоятельства складываются по-разному и выводят на первый план различные институциональной логики (Friedland, Alford, 1991; Thornton, Ocasio, Lounsbury, 2012), связывающие между собой социальную структуру и тематики, сквозь призму которых могут интерпретироваться денежные цены. Современная когнитивная социология указывает на то, что культурные представления о том или ином социальном феномене всегда фрагментарны, дифференцированы (в противовес идее о том, что культура является универсальной, внутренне интегрированной и при этом латентной переменной). Для анализа восприятия цен потребителями это означает, что со временем тезаурус, при помощи которого осмысляются цены, становится столь же разнообразным и противоречивым, сколь представления индивидов, групп и обществ о своем прошлом, настоящем и будущем.

Цель статьи состоит в том, чтобы с опорой на эмпирические данные более 100 глубинных интервью с российскими потребителями обосновать гипотезу о том, что в экономической истории России XX века можно выделить четыре политико-культурных режима денежных цен, каждому из которых соответствует своя доминирующая институциональная логика, связывающая ценовое поведение покупателя с его социальной идентичностью (для утверждения которой потребление в разные периоды играет разную роль). И в нарративах современных российских потребителей о стоимости продуктов питания в России сегодня различные институциональные логики интерпретации цен находятся в конкуренции друг с другом.

Методология исследования

Данное исследование выполнено на эмпирическом материале, собранном в России. Эмпирический кейс данной страны видится продуктивным для изучения динамики и конфликтов институциональных логик интерпретации цены. Во-первых, потому что, по признанию исследователей, в российской истории имеется опыт радикальной смены культурных установок, связанных с возникновением капитализма после советской плановой экономики, и с последующими вызовами развития рыночной экономики (DiMaggio 1997). Во-вторых, потому, что в 2014–2019 гг. Россия переживала глубокий экономический кризис и его последствия, в том числе высокую инфляцию и рост цен. В таких условиях потребители перестают реагировать на цены автоматически, задумываются об основах своего ценового поведения и заново определяют свою позицию. А, как известно, эмпирическое исследование, проведенное в период дерутинизации повседневного порядка, имеет более высокие шансы обнаружить его латентные основания (Garfinkel, 2007).

Институциональные логики восприятия цен россиянами

По итогам анализа нарративов интервью с российскими потребителями выявлено четыре различных логики интерпретации цен российскими потребителями.

Выдвигается предположение о том, что советская плановая экономика с ее живущим в условиях патернализма «советским простым человеком», социализированным в идеологии бесплатности и отрицании консюмеризма, породила институциональную логику моральной экономики денежных цен, отсылающий к социальным обязательствам государства как основе его легитимности. Здесь цены воспринимаются как социальный факт, конфигурация которого зависит от воли и добросовестности государства.

Последовавшая в ходе «перестройки» форсированная маркетизация способствовала формированию у россиян тяги к завышенным демонстративным ценам, ведь краеугольным камнем социальной идентичности «нового русского» стала способность заработать на престижное потребление. И хотя консюмеристский бум в России остался далеко позади, институциональ-

ная логика демонстративного ценового поведения, когда цены используются в качестве инструмента социального самоутверждения, зримо присутствует в нарративах современных россиян.

Созревание российской рыночной экономики породило режим справедливых рыночных цен. Оно окончательно легитимировало мотив получения прибыли как основу хозяйственной деятельности. Однако условием культурной легитимности рыночного обмена стал запрос на справедливость опосредующих его цен – прозрачных и взаимовыгодных – вылившийся в соответствующую институциональную логику интерпретации цены как критерия онтологической безопасности рыночного обмена.

Глубокий экономический кризис, с которым столкнулась российская рыночная экономика в 2014–2017 гг., с одной стороны, пошатнул баланс между имевшимися в репертуаре восприятия цен смысловыми регистрами, а с другой стороны, стал триггером для возникновения нового политико-культурного режима бережливых денежных цен и соответствующей ему институциональной логики ответственного ценового поведения. Российский потребитель сегодня знакомится с осознанным и устойчивым (sustainable) потреблением, активно учится декодировать и калькулировать наблюдаемые рыночные цены, тренируется тратить осмотрительно, «как в Европе».

Важно понимать, что говоря о логиках в хронологическом ключе, мы не имеем в виду, что каждая следующая логика полностью заменяет другую. Выстраивание новых логик не отменяет старых, порождая конкуренцию между ними. Именно эта конкуренция осложняет и без того сложный процесс перехода российского потребителя в стадию принятия информированных, взвешенных и рациональных ценовых решений на постоянной основе.

Конфликты логик интерпретации цены в восприятии россиян

Анализируя каждую из логик интерпретации цен по отдельности, мы, тем не менее, помним о том, что в реальной жизни они соприкасаются в когнитивном репертуаре россиян. И отдельный вопрос состоит в том, в каком отношении друг к другу они находятся. В целом предпринятое исследование позволяет увидеть, что, с одной стороны, даже на уровне отдельного индивида разные логики могут конкурировать, а подчас и делегитимировать друг друга. С другой стороны, в отдельных аспектах в восприятии респондентов они могут оказываться во взаимоутверждающей позиции, отражая некоторую эволюцию социокультурных взглядов на денежные цены.

Так логики справедливых рыночных цен и ответственного ценового поведения развивались и продолжают утверждаться со ссылками друг на друга. Адепты ответственного ценового поведения активно продвигают поиск лучшей цены как ценностно обусловленную стратегию, подчеркивают, что импульсом к подобному поведению для них является желание выработать более «взрослый», «осознанный», ответственный подход к потреблению, а не бюджетные ограничения. Они настроены продемонстрировать не просто свою рыночную компетентность, но возможность влиять на ситуацию.

И логика справедливости цен, и логика более ответственного отношения к ценам отражают тенденцию к профессионализации российских потребителей как агентов рынка. Выучиваемая внимательность к ценам – уже не удел стесненного в средствах человека, но характеристика активного потребителя, способного не только прогнозировать, но и контролировать свои расходы и рыночные выборы.

Вместе с тем, и логика справедливости цен, и логика ответственного ценового поведения развиваются в противостоянии логике престижных цен. В этом контексте понятие «понты» приобретает негативную окраску, интерпретируется в смысловой дихотомии «быть или казаться», маркируются как отрицательно нагруженный «выпендрей».

Идея о том, что ценность человека измеряется «стоимостью его упаковки» активно критикуется. Дорогостоящие покупки из последних финансовых сил воспринимаются как признак запаздывания по отношению к актуальной социально-экономической ситуации в стране. Отказ от престижного потребления скрывается не в плоскости возможностей денежного бюджета, а в том, что они зачастую противоречат насущным ценностям, регулирующим потребительское поведение, и потому носят ускользающий, ностальгический характер.

Даже там, где среда легитимирует рачительность в отношении к ценам, вытравить логику престижности из своего когнитивного репертуара россиянам оказывается непросто.

Логика ответственного ценового поведения также оказывается в эпицентре конфликта культурных трактовок «умный, кто умно тратит» против «умный, кто много зарабатывает». Претензии на высокие стандарты потребления сдвигаются в сторону стратегии невидимых чернил, когда «напоказ» противопоставляется «кто знает, тот поймет».

И, тем не менее, более ответственный и внимательный подход к ценовому поведению пока еще не до конца легитимен. Сторонниками логики престижных цен он воспринимается, как попытка закамouflировать социальную неуспешность.

В отдельных социальных ситуациях разговор о низкой цене сделанной покупки порождает бытовые теории о том, что «есть люди, которые говорят, что покупают все задешево, но на деле просто «прибедняются». В это же время среди сторонников более ответственного ценового поведения озвучивание знакомыми цен на очень дорогие покупки расценивается как желание «выделиться», «выпендриться», то есть «дистанцироваться».

Если говорить о моральной логике интерпретации цен, артикулирующая ответственность государства за социальный порядок на рынке, то она фактически оказывается референтом для осмысления сегодняшних цен в логике справедливости. Иногда стабильные и доступные контролируемые государством советские цены, живущие в воспоминаниях респондентов, невыгодно оттеняют рыночные. Однако порой столкновение моральной логики и логики справедливых рыночных цен стабилизирует последнюю, ставя под вопрос институциональную среду для бизнеса в России.

В это же время для логики ответственного ценового поведения моральная логика оказывается антитезой. «Взрослое» и «активное» отношение к ценам таит в себе попытку индивидов повысить свою индивидуальную устойчивость и независимость от непредсказуемости и некомпетентности (в интерпретации потребителей) государственных решений.

В целом, данные проведенных интервью позволяют предполагать, что ценовое поведение сопряжено с социальной идентичностью потребителя. Нарративы проинтервьюированных россиян указывают на то, что они «относят реакции на цены на свой счет» и манипулируют информацией о стоимости своих покупок при обсуждении их с различными людьми. Вопросы о ценах относятся к разряду сенситивных. Искреннее обсуждение цен возможно лишь с определенными «близкими» людьми (близкими родственниками, хорошими друзьями) и крайне нежелательно при общении с людьми «малоизвестными». В случае, когда последние спрашивают о стоимости покупки, это воспринимается как бестактность. И, как следует из интерпретаций, даваемых самими респондентами в рамках интервью, в первую очередь потому, что вопрос про цены отсылает к социальному положению человека. В ходе обсуждения цены социальная дистанция между людьми может стать неуместно очевидной, а усилия по конструированию социальной общности могут пойти прахом.

Обсуждение стоимости своих покупок с малознакомыми людьми потенциально угрожает как статусу покупателя, если вещь оказывается недостаточно дорогой, так и статусу вопрошающего. При общении со знакомыми это грозит чувством неловкости. Однако в случае, когда речь идет о близких отношениях, где горизонтальный характер социальных связей превалирует над социальными различиями, подобные риски оцениваются людьми как угрожающие человеческим отношениям. И потому, если покупка не по карману собеседнику, в близких отношениях действительная стоимость покупок не просто не оглашается, но преуменьшается, лишь бы не поставить чувства близкого человека под удар.

Заключение

Рассуждения Торстейна Веблена о «предписываемой дороговизности» товаров, демонстративно потребляемых знатью в противовес плебейской бережливости, выдающей окружающим отсутствие денежного успеха и неспособность свободно тратить, стали классикой экономической социологии (Веблен, 1984). Однако, как показано в данном качественном исследовании, престижное потребление по необоснованно завышенным ценам, похоже, перестает быть единственным путем утверждения более высокого социального статуса; на смену ему приходят способность к рациональной калькуляции своих расходов и рефлексивное отношение к стоимости товаров. Возможно, в информационном обществе не просто власть или богатство, но способность к калькуляции (когнитивная метрика) коммуницирует принадлежность к высоким социальным слоям. Проведенное исследование обосновывает право данной гипотезы на валидацию. И в это же время оно выводит на передний план острую потребность в развитии методологических техник, которые позволили бы с высокой долей надежности определять, когда рациональность ценового поведения диктуется убеждениями индивида, а когда – объективным уровнем его доходов.

Фредерик Верри в своем исследовании напрямую связывает идентичность потребителя с его ценовым поведением. Он показывает, как приняв неверное, по мнению окружающих, ценовое решение, можно заполучить

ярлык «глупца» (the foolish) или же «эконома» (the frugal), легкомысленного «транжиры» (the frivolous) или «фаната» (the faithful) (Wherry, 2008). Результаты нашего анализа социокультурной динамики установок в отношении денежных цен в России, согласуются с идеей о том, что наклеивание подобных ярлыков – это инструмент отстраивания социальных границ. И этот инструмент является эффективным в том числе потому, что на практике ценовое поведение едва ли является консистентным. Оно направляется конфликтующими институциональными логиками, которые определяются господствующими политическими, культурными и социальными установками в отношении потребления как аспекта социальной идентичности. Интерпретации цен множественны и контекстуальны. Цены по-разному оцениваются не только различными индивидами, но и одним и тем же индивидом в разных социальных и жизненных обстоятельствах. В современных экономиках, интегрированных посредством ценообразующих рынков, обучение «грамматике» цен – один из ключевых элементов социализации индивидов. При этом, как было показано в данной статье, правила этого языка постоянно реформируются. И, например, глубокие социальные и экономические кризисы способны менять когнитивные значения одних и тех же цен на прямо противоположные (низкие цены для бедных vs низкие цены для умных).

Литература

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Ушакин С. Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита // Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 187–214.

DiMaggio P. Culture and cognition // Annual Review of Sociology. 1997. No. 23. P. 263–287.

Friedland R. Divine institution: Max Weber's value spheres and institutional theory. URL:https://www.academia.edu/6713873/Divine_Institution_Max_Weber_s_Value_Spheres_and_Institutional_Theory. 2012.

Friedland R., Alford R. Bringing society back in symbols, practices and institutional contradictions // The New Institutionalism in Organizational Analysis / eds. W. W. Powell, P. J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 232–263.

Garfinkel H. Issledovaniya po etnometodologii [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg: Piter, 2007. (in Russian)

Thornton P. H., Ocasio W., Lounsbury M. The Institutional Logics Perspective. A New Approach to Culture, Structure and Process. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Wherry F. F. The social characterizations of price: the fool, the faithful, the frivolous, and the frugal // Sociological Theory. 2008. No. 26(4). P. 363–379.

М. В. Богданова

Профессор в трансформируемом университете: право на будущее

**Богданова
Марина Владимировна**

Доктор социологических наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.

E-mail: m.v.f.bogdanova@yandex.ru

Аннотация. Трансформации в российских университетах изменяют позицию, статус профессоров. Профессорство уже сегодня можно идентифицировать как «уходящую натуру». Шансы на развитие его акторной позиции может создать потенциал вводимых в базовые процессы университетов новых образовательных практик поддерживать автономию профессора. Обращение к ситуациям введения в образовательный процесс форматов проектного метода обучения, включенности профессоров (субъектов академической профессии) в эту деятельность дает возможность в формате поискового исследования попытаться понять, как переструктурирование университетов под новые цели деятельности сопрягается с культурным капиталом академической профессии, возможностями его приложения и увеличения. Эмпирическая база исследования – ситуации введения образовательных программ с проектным методом обучения в опорном университете.

Ключевые слова: высшее образование, университет, профессор, культурный капитал.

1. Внимание исследователей к феномену отечественного университета претерпевает существенные изменения. От алармистских характеристик его ситуации в целом – университет «в руинах», он «умер», находится «в кризисе», – характерных для последнего десятилетия XX – первого десятилетия XXI вв. его фокус перемещается к обсуждению ожидаемых эффектов трансформирования, новых целей, дорожных карт, показателей эффективности, «оцифровывания» деятельности университета.

Отечественная практика показывает, что перестройка системы отечественного высшего образования осуществляется преимущественно посредством усиления администрирования (Thompson, 1967). Трансформирование университетов через интеграцию взаимосвязей, установление определенных правил, формирование культуры и приверженности определенным ценностям, прежде всего, уважения и доверия (Адизес, 2014: 1) – вероятно, не рассматривается как эффективное. В-первых, трансформирование таким путем предусматривает поиск стимулов, которые должно употребить, чтобы люди начали работать. Такие стимулы не всегда существуют в готовых формах, и не всегда подходят стимулы, которые предлагает западная культура. Во-вторых, при отмене прежних порядков не всегда возможно отменить социальные инсти-

туты, укорененные в сознании как ценности (В. Г. Чеснокова), что порождает задачу согласования новых вводимых правил, норм с ценностями, нормами, атрибутивными базовым процессом в университетах.

Процессы трансформирования, действительно, «бросают вызов многим ключевым принципам и традициям, составляющим основу классического университета» (Соколов, 2017) и трудно не согласиться с тем, что изменение – пожалуй, единственный путь его развития.

Как отвечают отечественные университеты на такой вызов? Как влияют вводимые образовательные практики на «базовые процессы» в университетах: скорее обогащают их или разрушают?

Сегодня еще трудно представить университет без профессоров (субъектов академической профессии). Профессорство является своего рода символом университета. Поэтому особого внимания заслуживают вопросы статуса, позиции профессорства в трансформируемом университете.

2. Как изменяются позиция, статус профессоров, их профессиональные траектории в университетах, стремительнодвигающихся по предначертанным им «дорожным картам»?

В пределе – в связи с активно обсуждаемым введением тотального дистанционного обучения – профессорство в недалеком будущем вполне можно определять как «уходящую натуру». Да и в целом длительные структурные изменения института высшего образования порождают множественные фейки в деятельности субъектов академической профессии, например, распространение имитационных стратегий в сфере научной коммуникации (Альтбах, 2018), которые разрушают ее символ.

В условиях усиления административного регулирования профессиональной деятельности профессора его позиция в университете имеет большие шансы трансформироваться – от позиции автономного субъекта в позицию агента. Как показал Р. Сеннет, работа в условиях постоянных трансформаций становится преимущественно способом материальной компенсации за потраченное время, утрачивая атрибутивные свойства поддерживать «гордость» за профессию, «чувство самоуважения за проделанную работу» и т. д.

Однако профессорство, вероятно, имеет перспективы не только сохранить, но и развить акторную позицию в условиях трансформирования высшей школы. Так, продолжительность трансформационных процессов в университетах дает возможность наблюдать некоторые изменения в профессиональных траекториях, позиции и статусе профессорства (субъектов академической профессии) в социокультурном поле университета, например, в связи с вводимыми новыми образовательными практиками. И тем самым – попытаться понять, как переструктурирование университетов под новые цели деятельности (соответствующие, в том числе и развитию экономики знаний) сопрягается с имеющимся у субъектов академической профессии культурным капиталом, возможностями его приложения и увеличения.

Среди вводимых новых образовательных практик в университетах особое внимание уделяется практикам, направленным на развитие навыков проектной деятельности. В этой связи обращение к ситуациям введения в образовательный процесс университета форматов, направленных на формирование навыков проектной деятельности у студентов, включенности

субъектов академической профессии в эту работу, позволит зафиксировать (в формате поискового исследования) некоторые особенности изменения профессиональных траекторий, позиции профессорства, его статуса в трансформируемом университете.

Включение проектной деятельности в базовые процессы университетов осуществляются в различных форматах (Проектное обучение..., 2018): в форме проектно-учебных лабораторий (например, в НИУ ВШЭ); в качестве одной из обязательных дисциплин в учебных планах (например, Московский политех); как образовательной программы с проектным методом обучения (например, Тюменский индустриальный университет) и др. Декларируется в этой связи и необходимость изменения роли субъекта академической профессии в соответствии с новой образовательной практикой: от лектора – к куратору (проектная роль наставника), к тьютеру (педагогическая роль наставника).

3. Некоторые признаки изменения профессиональных траекторий, позиции и статуса профессора в социокультурном поле трансформируемого университета можно обнаружить в публикациях на сайтах университетов о введении новых форматов обучения; а также в рефлексии профессоров своей работы с новыми форматами образования. Так в случае Тюменского индустриального университета (ТИУ) – это работа профессоров в рамках образовательных программах с проектным методом обучения.

Иногда руководителя образовательной программы определяют как своего рода «демиургическую фигуру»: чтобы лучше конструировать образовательный процесс он должен знать и требования стейкхолдеров к выпускникам и хорошо знать университет изнутри.

Предпринятый контент-анализ новостных публикаций на сайте ТИУ, содержащих информацию о работе программ с проектным методом обучения, интервью с руководителями образовательных программ позволяют на этом этапе исследования сделать некоторые заметки на полях – маргиналии.

- Руководители образовательных программ с проектным методом обучения (они же авторы программ, выигравшие объявленный в университете соответствующий конкурс) – это, во-первых, профессора заведующие кафедрами в прошлом со сложившимися устойчивыми коммуникациями с производственными компаниями. Работа с новым форматом образования для них – это, скорее, этап горизонтальной мобильности, пространство применения в новых условиях имеющегося у них культурного капитала. Во-вторых – это профессора и доценты, имеющие опыт в сфере практической деятельности будущих выпускников программы, стаж научно-педагогической деятельности, которых составляет 10–15 лет. Для них работу с новыми форматами образования, скорее, можно определить как возможность вертикальной мобильности, наращивания ими своего культурного капитала.

- Одна из основных задач руководителя образовательной программы – подбор, приглашение преподавателей для работы на программе. При этом основную проблему составляет умение преподавателя работать со знанием – его производством и воспроизводством в формате проектного метода обучения. Этот вопрос требует специального изучения.

• Иногда введение образовательных программ рассматривается как возможность более точного (под потребности стейкхолдеров) конструирования «образовательной трубы» (Щербенок, 2019), что сопряжено с риском превращения университета в «профессиональную школу». Точка зрения руководителя образовательной программы иная: «магистратура – это, прежде всего, наука, а проектный метод обучения дает гораздо больше возможностей заниматься научными исследованиями, чем традиционное обучение. В таком виде магистерская программа более глубоко реализуется как университетское образование».

Форматы проектного обучения, образуя, пожалуй, наиболее распространенную вводимую в университетах новую образовательную практику, являются лишь одним из направлений модернизации образовательного процесса. Но исследование этого процесса позволит обнаружить существующие и образующиеся в социокультурном поле университета процессы взаимного обогащения культурного капитала профессоров университета и ресурсов его развития в современных условиях. Что, в свою очередь, позволит выявить факторы развития акторной позиции профессорства в трансформируемом университете.

Литература

Адизес И. К. Управляя изменениями. Как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни / Ицхак Калдерон Адизес; пер. с англ. В. Кузина. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. 1

Альтбах Ф. Дж. Анархия и эксплуатация в научной коммуникации // Международное высшее образование. 2018. № 92. С. 8–10.

Проектное обучение: практики внедрения в университетах / Под ред. О. В. Лешукова, Н. В. Исаева, Л. А. Евстратова. М: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2018.

Соколов М. Миф об университетской стратегии. Экономические ниши и организационные карьеры российских вузов // Вопросы образования. 2017. № 2 . С. 36–73.

Щербенок А. Университет как объект управления // [Электронный ресурс]. URL: <http://ftp-www.bsue.edu.ru/Skolkovo/> (дата обращения 15.05.2019)

Thompson J. D. Organizations in action: social science bases of administrative theory. New York: McGraw-Hill, 1967.

О. Е. Бредникова

«Mobilis in mobile»: к вопросу о специфике мобильного субъекта (на примере трудовых мигрантов из Средней Азии)

**Бредникова
Ольга Евгеньевна**

Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: bred8@yandex.ru

Аннотация. В современном социологическом дебате в рамках мобильной парадигмы (Урри, Бауман, Делез и Гваттари, Кастельс и др.) развивается категория «мобильный субъект», которая объединяет подвижных индивидов, перманентно перемещающихся в физическом и социальном пространствах, будь это турист, гастарбайтер или профессор, работающих по временным контрактам в разных частях мира. В фокусе предлагаемого выступления – мигранты из Средней Азии, прибывающие в Российскую Федерацию с целью заработка. Доклад посвящен обсуждению специфики мобильного субъекта, в частности, предполагается рассмотреть следующие темы: 1) Множественность жизненных сценариев мобильного субъекта 2) Транснациональная субъектность и способность мобильного субъекта жить в двух и более обществах одновременно 3) Особенность (сиюминутность) времени для мобильного субъекта 4) Автономизация и отказ от интеграции и пр.

Ключевые слова: трудовая миграция, мобильный субъект, жизненный сценарий, транснационализм, Средняя Азия.

«Mobilis in mobile» – мобильный субъект в подвижном мире – этот (отчасти переформулированный) девиз капитана Немо, по мнению автора предисловия к русскому изданию книги Джона Урри «Мобильности» Н. Харламова, характеризует современное состояние общества. В настоящее время массовые перемещения людей быстро и видимо изменяют социальную картину современных обществ. При этом исследователи фиксируют значительные изменения в самом феномене миграции. Так, если ранее речь шла в основном о постколониальном передвижении (по вектору «колонии-метрополии»), то ныне миграции разнонаправленны, и люди передвигаются во всех направлениях по всему миру. Трудовая миграция перестает быть доминирующим миграционным сценарием, и все большее распространение получают другие виды и типы миграции – например, образовательные, семейные, климатические и пр. Все эти изменения, безусловно, требуют академического осмысления. Вокруг проблемы миграции уже сложились большие дебаты и сформирован огромный корпус литературы, а данная сфера академического знания хорошо институционализирована.

Однако глобальная академическая оптика на это явление постоянно трансформируется, а концептуальные подходы к его интерпретации изменяются и множатся.

Прежде всего, необходимо сказать об отказе от седентаристского подхода к пониманию социальных реалий, в рамках которого оседлость рассматривалась как норма. Этот подход господствовал в академической литературе вплоть до 80-ых гг. прошлого столетия. Так называемый мобильный поворот, связываемый прежде всего с именем Джона Урри, изменил седентаристскую оптику. Согласно новой парадигме, всю современную жизнь организует и структурирует актуальное и потенциальное движение. В рамках этого подхода любое перемещение человека рассматривается не как поворотный пункт биографии, но как перманентное подвижное состояние индивида, которое конституирует его повседневность. С мобильным поворотом связывают также концепции «общества потоков» Кастельса, «детерриториализации» и «номады» Делеза и Гваттари, «текучей современности» Баумана и др. В рамках этого подхода любое перемещение человека рассматривается не как поворотный пункт биографии, но как перманентное подвижное состояние индивида, которое конституирует его повседневность и определяет идентичности.

В рамках данной оптики появилась и развивается категория «мобильный субъект», которая характеризует подвижных индивидов, перманентно перемещающихся в пространстве, будь это турист, гастарбайтер или профессор, работающих по временным контрактам в разных частях мира. В фокусе предлагаемого выступления – мигранты из Средней Азии, прибывающие в Российскую Федерацию с целью заработка. Доклад основан на материалах пятилетнего исследовательского проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», реализованного в 2014–2018 гг. Европейским университетом в Санкт-Петербурге под руководством проф. С. Абашина и при поддержке Российского научного фонда.

В докладе я хочу поразмышлять над спецификой мобильного субъекта. В частности, будут рассмотрены следующие тезисы:

1. Множество жизненных сценариев

Исследование позволило зафиксировать большую подвижность мобильного субъекта. Мигранты не только перемещаются в пространстве, но быстро и кардинально меняют свою жизнь, регулярно меняя работу, местожительства, партнеров, обновляют свои сети поддержки и прочее. Решение любых проблем, мобильный субъект, как правило, связывает с миграциями. При этом возможно говорить о множественном жизненном проектировании мобильного субъекта, когда человек, отвечая на изменение структурных условий или биографических контекстов, разрабатывает целый репертуар жизненных сценариев и делает определенные инвестиции во все эти сценарии, рассчитывая на то, что один из них сработает. Например, мигрант может одновременно вкладывать в строительство дома на родине,

рассчитывая со временем вернуться; одновременно с этим оформлять российское гражданство с тем, чтобы, возможно, остаться в РФ; в то же время собирать информацию о возможной миграции в Швецию.

2. Транснациональная субъектность

Наиболее популярной концептуальной рамкой миграционных исследований в настоящее время выступает концепция транснационализма. В отличие от других миграционных концепций, транснационализм рассматривает не локализованных индивидов, а “трансмигрантов”, ведущих “двойную жизнь”, которая позволяет развивать и поддерживать самые разнообразные трансграничные взаимоотношения (семейные, экономические, культурные, политические и пр.), благодаря которым конструируется “транснациональное социальное пространство”, объединяющее в себе особенности двух сообществ – отправляющего и принимающего. Трансмигранты оказываются в двойной системе координат, одновременно становясь “своими” и “чужими”, “законными” и “незаконными”, “семейными” и “несемейными”, “бедными” и “богатыми” и т. д., переходя из одного регистра в другой по необходимости, благодаря чему формируется особый “транснациональный габитус”, позволяющий мигрантам переключать рамки референций и вписываться в разные общества. В этой связи можно говорить о множественных идентичностях мобильного субъекта, которые востребуются в разных контекстах и ситуациях.

3. «Сиюминутное время»

Зигмунт Бауман, сравнивая современность с твердой модерностью, писал о сиюминутном времени, которая появляется лишь сейчас, в текущую современность. Специфика сиюминутности связана, помимо прочего, с концентрацией времени в настоящем. То же можно сказать и о мигрантском времени.

Как показало исследование, время для мигрантов сиюминутно, потому что в его рамках нет будущего. То есть будущее есть, но оно локализуется за пределами миграции, оно появляется там, где заканчивается миграция. Так, внутри проекта миграции фактически нет карьеры, ее не строят, отказываясь в пользу легкости сиюминутности, предпочитая скорую выгоду, пусть и в более мелких масштабах, нежели большая по размеру, однако возможная, вероятная, отдаленная. Исследования показали, что будущее мигранты конструируют как «спокойную» (без трудовой активности) старость. При этом здесь проявляется эффект детерриториализации. «Спокойная старость» не обязательно связана с возвращением, зачастую она не локализована.

Жизнь в миграции можно расценивать как отложенную жизнь на потом. Сейчас все силы и все время отдается на то, чтобы заработать, а «настоящая жизнь» начнется потом, по возвращении. Такое отношение как раз характеризует сиюминутную жизнь исключительно в настоящем, без прошлого и будущего, которые есть в другой жизни.

4. Автономизация и «отказ» от интеграции

В настоящее время исследователи обсуждают миграцию с точки зрения эмансипации, больших возможностей и трансформации субъектности, подчеркивая способность мобильного субъекта к действию и самостоятельному принятию решений (Slany et al., 2010; Anthyas, 2012). Если в прошлом ученые подчеркивали важность приобретения различных культурных и социальных компетенций для интеграции как становление в качестве «части» принимающего общества, ныне интеграция все чаще определяется в связи с опытом общей автономизации (Sotkasiira, 2019).

Отношение к миграции как временному, конечному проекту способствует тому, что мобильный субъект интегрируется в принимающее общество лишь в тех масштабах и сферах, насколько это актуально «здесь и сейчас». Интеграция оказывается фрагментарной. При этом интеграцию мобильного субъекта следует рассматривать как процесс (постоянное движение); как по меньшей мере трехсторонний процесс (интеграция в принимающее общество и сообщество мигрантов, реинтеграция в отправляющее); и как процесс «без конца» — без конкретного результата.

5. Разрывы и напряжения в субъектности мобильного субъекта

Согласно исследованию, субъектность мобильного субъекта подвергается «испытанию» феноменом транснационализма. В ситуации транснационализма он вынужден отвечать на требования и отправляющего, и принимающих обществ. Зачастую, эти общества предъявляют противоречивые требования. Так, при постоянном переключении рамок референций мобильный субъект вынужден вступать в конфликт с одной из сторон. Цитата из интервью с 30-летней мигранткой из Таджикистана: *«Я все думаю, кручу-верчу, смотрю с разных сторон — и я не знаю, как поступить правильно»* — точно отражает конфликт транснационализма, который не может предложить «единственно правильного» решения, все решения будут релевантны лишь для одного общества, в рамках лишь одной системы координат. Транснациональный конфликт может быть воплощен даже в теле мигранта. Информантка Н. из Узбекистана (40 лет) рассказывала, что работает в фитнес-клубе, где ей негласно предъявляют требования быть стройной, вести здоровый образ жизни и питаться правильно. В то же время жизнь с узбекским бойфрендом предъявляет иные требования, связанные с привычным (по словам информантки, обильным, не совсем правильным питанием), что влияет на появление избыточного веса. Таким образом, транснационализм зачастую вызывает напряжение и конфликты и требует от человека более определенных действий в рамках выбранной той или иной системы координат, которые невозможно совместить.

Литература

Slany K., Kontos M., Liapy M. (eds.) Women in new migrations: current debates in European societies. Cracow: Jagiellonian University Press, 2010. 330 pp.

Anthias F. Transnational mobilities, migration research and intersectionality. Towards a translocational frame // Nordic journal of migration research. 2012. Vol. 2(2). P. 102–110.

Sotkasiira T. Integration, Finnish Somalis and their right to everyday life // Armila P., Kananen M., Kontkanen Y. The contexts of diaspora citizenship: Somali communities in Finland and the United States. Springer International Publishing, 2019. P. 111–127.

И. С. Гаврилова

Медико-социальные потребности пациентов как основа социальных практик

Гаврилова
Ирина Сергеевна

Волгоградский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения РФ, Волгоград, Россия.

E-mail: gavrilova.irene@yandex.ru

Аннотация. Процесс институализации социальной работы позволил расширить ее основные функции и внедрить специализированные технологии и в систему здравоохранения посредством медико-социальной работы. Наиболее перспективными направлениями в рамках новой концепции медико-социальной работы, основанной на модульной системе, являются: медико-социальная работа в онкологии, психиатрии, при сопровождении пост-инсультных больных, в направлениях материнства и детства, профилактике туберкулеза, социофармакологических исследованиях и т. д. Лонгитюдные исследования социальных факторов риска развития неблагоприятных исходов обозначенных групп населения Волгоградского региона, влияющих на их качество и продолжительность жизни, возможность выстраивания индивидуальных жизненных проектов привели к апробации новой комплексной модели медико-социальной работы как варианта минимизации социальных рисков.

Ключевые слова: качество жизни, выстраивание индивидуальных жизненных проектов, медико-социальное сопровождение пациентов, региональная система здравоохранения, социальные риски.

Инициирование национальных проектов по развитию и росту человеческого капитала в конце 2005 г. было продиктовано социальными вызовами, и особый крен демонстрировали здоровье населения, качество и уровень жизни населения, ухудшающаяся ситуация в организационной структуре и структуре управления в здравоохранении, стремительная инвалидизация населения, снижение уровня демографии и т. д. Следует отметить особую роль социальной работы с населением в тот период: в крупных мегаполисах она проходила свои стадии институализации, но, что касается других менее позиционированных и экономически развитых регионов нашей страны, то вопрос о существовании ее оставался под большим вопросом и вызывал недоумение в отношении ее целесообразности со стороны управленческих кадров. По прошествии чуть более 10 лет, ситуация стала меняться, поскольку это обусловлено социальной политикой государства и регионов, но, принципиальных прорывов в активном использовании ресурсов социальной работы в здравоохранении - медико-социальной работы, не особо наблюдается. Она пока не носит устойчивого характера социальных практик.

Руководствуясь практическим опытом, демонстрацией специализированных технологий медико-социальной работы в системе здравоохранения, нами была разработана модульная система, а точнее, блочно-модульная система медико-социальной работы с пациентами различных нозологических групп, позволяющей минимизировать социальные риски и снизить порог социальной напряженности, особенно, в тех регионах, где разговор о социальном различии в здоровье приобретает выраженную актуальность.

Приоритетными направлениями для апробации модульной системы медико-социальной работы мы выбрали медико-социальное сопровождение онкологических пациентов, пациентов туберкулезного профиля, медико-социальное сопровождение материнства и детства и другие направления, не вошедшие в данную статью, но формирующие вариативный компонент нашей модели. Для полноты демонстрации современных потребностей отечественных пациентов, в данной статье также демонстрируются авторские исследования в области стратегии поведения пациентов на фармацевтическом рынке.

Рассмотрение потребностей пациентов через призму «рутинизации повседневных действий» (Гидденс, 2005) и через «опривычивание» (Бергер, Лукман, 1995) в вопросе институализации медико-социальной работы, определило методологическую основу нашего исследования, которая опирается на фундаментальные труды по изучению теории социальных практик западных ученых П. Бурдьё., Л. Витгенштейна, Г. Гарфинкеля, Э. Гидденса, И. Гофмана, Т. Парсонса и отечественных социологов, таких как Т. И. Заславская, Н. Н. Козлова и др. Дальнейшее социологическое конструирование, моделирование медико-социальной работы с пациентами с учетом их современных потребностей опиралось в основном на работы П. Бергера и Т. Лукмана по социальному конструированию, В. А. Ядова (особенно при рассмотрении вопроса интеграции структурно-функционального и феноменологического подхода) (Чижова, Токарева, 2016), А. В. Решетникова как одного из отечественных основоположников социологии медицины.

Предпосылками для разработки авторской модели медико-социального сопровождения пациентов стали социологические теории социального конструктивизма и, особенно, одного из его течений – социального конструктивизма Питера Бергера и Томаса Лукмана (Бергер, Лукман 1995), отечественные исследователи (Бояркина, 2004; Дудина, Юдина, 2017; Русинова, Сафронов, 2017; те же 2015):

- процесс оказания медицинской помощи значительно шире взаимоотношений пациента с врачом, и не ограничивается только методами этого взаимодействия, а включает в себя различные виды вмешательств (медицинские, психологические, информационные, экономические, правовые, и т. д.) с учетом достаточно широкого набора институциональных функций (адаптации и реадаптации, социализации и коррекции, защиты и распределения);

- среди перечисленных немедицинских видов вмешательства в системе оказания медицинской помощи большую роль играет *медико-социальная работа*, которая представляет собой комплексную систему мер немедицинского характера, направленную на улучшение здоровья и/или качества жизни пациентов, и осуществляемая специалистами медико-социальной работы.

Эпиграфом нижеследующего описания эмпирического исследования можно поставить «От потребности пациентов к социальной практике, от социальной практики к институализации». Все исследования носили лонгитюдный характер с целью дальнейшего конструирования инварианта модели медико-социальной работы с последующим добавлением вариативной части.

1. Медико-социальная работа с онкологическими больными необходима по ряду причин:

- во-первых, эти заболевания отличаются длительным, болезненным и дорогостоящим лечением (Бояркина, 2004);
- во-вторых, содержат высокий риск десоциализации и высокую психосоциальную напряженность, присущую как самому больному, так и его окружению.

Существующие Приказы Министерства здравоохранения РФ 379н и 380н о внесении изменений в Порядок оказания медицинской помощи населению по профилю «онкология» и «детская онкология» призваны ускорить процесс оказания помощи при обнаружении заболевания, тем самым снизив весь спектр рисков. При этом имеют место быть слабые места, которые, например, в Волгоградском регионе, пока не компенсируются. В частности, при активной работе с населением, нами были выявлены следующие риски: риски в до-стационарный период – психологические (дезадаптивное поведение, вызванное с принятием информационного потока, «борьбой» с диагнозом и т. п.), социально-экономические (финансовая нагрузка, особенно для жителей отдаленных районов, боязнь в срочном порядке оставить подсобное хозяйство на длительный период и т. д.), правовые (правовая дезориентированность), медико-гигиенические: медико-гигиеническая неграмотность населения отдаленных районов, использование в качестве информационных источников неаутентичных ресурсов. К рискам в пост-стационарный период мы отнесли: превращение оказания процесса оказания медицинской помощи в своеобразный конвейер. Пациенты столкнулись с тем, что, при такой постановке решения их вопроса главной целью стационаров становится проведение инвазивных процедур и/или химиотерапии, а далее, по идее, доводить и долечивать должен поликлинический блок структурной системы оказания медицинской помощи населению. Но, очевидным становится тот факт, что, пациенты, вне зависимости от местопроживания испытывают дискомфорт покидания стационара в виду дезориентации в решении дальнейших вопросов с лечением и реабилитацией.

2. Ситуация с пациентами противотуберкулезного диспансера приблизительно идентичная. В результате анализа данных (2010–2017 гг.), полученных при использовании разработанного авторского опросника на основе модифицированного SF36, удалось установить, что средний уровень удовлетворенности собственным качеством жизни составляет около 60 % (59,76%). При этом независимо от разделения респондентов по полу, возрасту и социальному положению, уровень удовлетворенности по всем четырем блокам является одинаково средним: физическое и эмоциональное состояние – 56,75%; социальная вовлеченность – 64,37%; условия жизни – 52,92%; компетентность в отношении своего заболевания – 65%.

3. С целью выявления медико-социальных детерминант в работе отделений/ кабинетов медико-социальной помощи детских поликлиник, нами было проведено исследование на тему: «Выявление основных медико-социальных потребностей пациентов детской поликлиники» (2013–2018 гг.). В статье приводятся обобщенные данные, полученные на базе нескольких крупных детских поликлиник Волгограда.

Анкета была разработана исходя из целей и задач работы отделения (кабинета) медико-социальной помощи для всех членов семьи ребенка, и, в ходе полевых работ стало очевидным преобладающее большинство «центрального игрока», основного заказчика услуг – мамы маленьких пациентов – 75%; 15% – бабушки и дедушки; 10% респондентов – отцы детей.

Степень медицинской активности членов семьи на фоне медико-гигиенической грамотности мы рассмотрели в компаративе с готовностью участвовать в профилактике заболеваний посредством оздоровительных процедур дома. Медико-гигиеническая агентивность членов семьи ребенка носит неплановый, эпизодический характер, притом, что теоретически, респонденты вполне грамотно охарактеризовали саму медицинскую активность и медико-гигиеническую грамотность как посещение медицинских учреждений, выполнение рекомендаций и предписаний врачей, заботу о здоровье детей и близких; профилактику или преодоление вредных привычек, т. е. целенаправленную деятельность по формированию здорового образа жизни семьи и каждого ее члена в отдельности.

Среди реабилитационных мероприятий, проводимых специалистами детских поликлиник, особое место занимает оздоровительная физкультура и лечебный массаж, осуществляемых за счет средств ОМС. «Грудничковое плавание» или плавание в раннем возрасте, которое не входит в базовую программу полиса ОМС, в большинстве случаев для родителей остаются неизвестным феноменом.

Одним из важных пунктов является потребность пациентов в проведении профилактических прививок и разъяснительной работы по поводу положительных и отрицательных сторон иммунизации, а также некоторых побочных эффектов и борьбы с ними. Ответы опрашиваемых получились следующими: с тем, что график прививок должен строиться, исходя из состояния ребенка, согласилось – 42,1% родственников детей. К числу респондентов, считающих, что график прививок нужно строго соблюдать отнеслись – 52,6%. Ни один из респондентов не отметил пункт о том, что все прививки являются вредными. И лишь 5,3% опрашиваемых сказали, что их детям стандартный курс прививок не показан.

Стоит отметить, что зачастую в детских поликлиниках обязанности специалиста по социальной работе как непосредственного сотрудника отделений (кабинетов) медико-социальной помощи перекадываются на средний медицинский персонал, а роль специалиста нивелируется. Поэтому, то самое пресловутое и хорошо забытое с постсоветский период санитарно-гигиеническое просвещение носит формальный характер. Существует насущная потребность в работе с родителями.

Следующий шаг предполагал определение необходимости внедрения таких дополнительных услуг в поликлинике как: социально-правовое консультирование (33,2%); социально-психологическая помощь (45,8%);

социально-гигиеническое просвещение (21%). При этом, по мнению 41,6% опрошиваемых социально-психологическая помощь должна включать в себя помощь в процессе адаптации ребенка к детскому саду, школе. За организацию тренингов на снижение агрессии у ребенка, как одного из видов социально-психологической помощи выступило 33% респондентов. Консультирование по вопросам социально-психологических проблем у детей выбрало 25% родственников.

Наиболее эффективной формой разъяснительной работы, которая должна проводиться в поликлинике, по мнению 45,8% респондентов, стали индивидуальные консультации, завершающиеся общим тренинговым циклом занятий.

Четвертым ключевым пунктом выявления потребностей пациентов для формирования обыденных социальных, точнее, медико-социальных «здравоохраненческих» практик (Борчанинова, 2011) – социофармакологические исследования. Описание комплексной модели медико-социального сопровождения пациентов, невозможно не затронуть вопрос об ориентации пациентов в большом пространстве под названием «человек и лекарство», и в рамках реализуемого пилотного проекта имплементации нашей модульной системы медико-социального сопровождения пациентов, нами было выявлено три группы потребителей лекарственных средств с соответствующими характеристиками: манипулятивная, диффузная и компетентная группы пациентов.

И, наконец, пятое, не последнее, но важное направление в рамках новой концепции медико-социальной работы, основанной на модульной системе, которое призвано давать возможность выстраивания индивидуальных жизненных проектов в ситуации институциональных основ здоровьесбережения. Поскольку исследование интернет-форумов, он-лайн опросов представляет особый интерес для социолога, а вопрос о валидности полученных данных остается открытым (Дудина, Юдина 2017), мы воспользовались данным инструментарием в организации исследований и провели мониторинг мнения участников интернет-форумов в отношении линии поведения при лечении заболеваний. Как мы уже отмечали в наших предыдущих публикациях (Чижова, Гаврилова 2016), в ходе мониторинга мнения посетителей форума «В здоровом теле – здоровый дух!» на сайте zdorov.mirtesen.ru, были выявлены 4 основные проблемные зоны в отношении больных гипертензией к приему лекарств.

1. Преобладающее настроение недоверия к медицине в целом и к врачам особенно. Высказывания «их медицина», «Гипертония – болезнь, созданная руками врачей» и другие подобного рода свидетельствуют не просто о недоверии конкретному врачу. Они указывают на насущную проблему компетентного взаимодействия врача и пациента.

2. Страх перед «таблетками», «химией», стремление заменить их «натуральными продуктами», поиск альтернативных, порой весьма экзотических, способов лечения гипертензии. Как реакция на недоверие отечественной медицине участники форума в большой степени доверяют медицине восточной. Наблюдается также высокая степень доверия гирудотерапии, фитотерапии, гомеопатии.

3. Финансовая. Активно обсуждается дороговизна лечения, причем отмечается также и дороговизна обращения к «натуральным продуктам». Нередко встречаются призывы к переходу практически на натуральное хозяйство.

4. Отсутствие комплаенса у пациентов. При обмене мнениями у участников форума часто встречаются высказывания, что они действовали вопреки советам врача и теперь здоровы.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что разработанная модель медико-социальной работы является динамично развивающейся структурой, и имеет как вариативный, так и инвариантный характер структурной композиции. «Выпадение» отдельных модулей или даже блоков в виду конкретных социальных практик, ни в коем случае не нарушают целостности и объема медико-социальной работы с определенными социальными группами пациентов. Как показывает практика, при активном функционировании специалиста по социальной работе внутри системы охраны здоровья населения, может и должна усложняться.

Практическая значимость данной модели характеризуется тем, что она опирается на уже имеющиеся ресурсы, не требуя дополнительных средств и вложений, кроме активной интеграции специалистов социальной работы в систему здравоохранения. Внедрение авторской модели концепции медико-социального сопровождения позволяет объективизировать клиентоцентрированную модель взаимодействия с пациентом, снизить уровень социальной и психологической напряженности как медицинского персонала, так и пациентов, а также их ближайшего окружения и, соответственно, повысить эффективность медицинской помощи в рамках парадигмы персонализированной медицины.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

Борчанинова Е. Л. Социальная практика потребления медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования (по материалам республики Коми): диссертация ... кандидата медицинских наук: 14.02.05 / Борчанинова Елена Леонидовна; [Место защиты: ГОУВПО «Волгоградский государственный медицинский университет»]. Волгоград, 2011. 181 с.

Бояркина С. И. Качество жизни и социальная реабилитация онкологических больных: автореф. дис. ... канд. соц. наук / С. И. Бояркина. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2004.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

Дудина В. И., Юдина Д. И. Извлекая мнения из сети интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 63–78.

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Социальная стратификация здоровья в России: тенденции в 1990-е и 2000-е гг. // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 28–46.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Здоровье в странах Европы: статусные неравенства и влияние социального капитала // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 34–60.

Чижова В. М., Гаврилова И. С. Отношение пациентов с артериальной гипертензией к приему лекарств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2–1 (44). С. 85–86.

Чижова В. М., Кардаш О. И. Содержание реабилитационного потенциала постинсультных пациентов как основы ресоциализации // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. Т. 53. № 1. С. 1–9.

Чижова В. М., Токарева Ю. М. Методы оценки качества медико-социальных услуг: монография / В. М. Чижова, Ю. М. Токарева. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2016. С. 79–82.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: «Добросвет», 2001. 596 с.

С. Г. Климова, И. А. Климов

Социально-экономические механизмы и организационные ресурсы советского шефства и современного корпоративного волонтерства

**Климова
Светлана Гавриловна**

Кандидат философских наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: sgklimova@mail.ru

**Климов
Иван Александрович**

Кандидат социологических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: iklimov@hse.ru

Аннотация. В докладе рассматривается тема смысловой и функциональной преемственности нынешних солидарных практик и советского опыта (как частного случая – корпоративного волонтерства и советского шефства). Цель работы – найти социологические параметры для сравнения этих двух практик. В частности, анализируются темы субъектов, ресурсов, социально-экономических механизмов обоих видов деятельности.

Ключевые слова: Солидарные практики, субъекты, трансформации, шефство, корпоративное волонтерство, механизмы социального взаимодействия, социальные ресурсы.

Тема доклада продолжает анализ проблемы преемственности практик советского шефства и корпоративного волонтерства, который начат статьей «Идеи эффективности и солидарности в моделях советского шефства и современных практиках корпоративного волонтерства», принятой к печати в Ежегодник Института социологии ФНИСЦ РАН в 2019 г.

Для сравнения советских практик шефства и современных практик корпоративного волонтерства нужно было сформировать и обосновать ряд универсальных критериев и найти в описаниях практик шефства и корпоративного волонтерства – свидетельства, подтверждающие существование в этих двух практиках сходства и (или) отличительных особенностей.

В статье для «Ежегодника» представлен анализ функций, приписываемых смыслам и мотивации участников этих двух видов общественной деятельности.

Доклад посвящен темам субъектов, ресурсов, социально-экономических механизмов обоих видов деятельности.

Эмпирическая база для изучения шефства – опубликованные мемуарные, идеологические, исторические тексты; материалы интервью с бывшими участниками шефской работы. Нужные для сравнения с шефством аспекты корпоративного волонтерства изучались на материалах исследования, выполненного под руководством И. А. Климова (Корпоративное волонтерство..., 2016).

Актуальность темы определяется тем, что мы (аналитики и практики волонтерства) все чаще сталкиваемся со свидетельствами того, что практики, признаваемые новыми, такими, каких никогда не было, оказываются содержательно пустыми, лишенными понимания того, как и ради чего надо действовать в конкретной ситуации. Не возникает смыслов, связанных с ценностями солидарности с соотечественниками, с жителями города, с людьми в трудной ситуации, сохранения локального социума, идеей общего блага. Аналогии или противопоставления нынешних и советских практик нужны, на наш взгляд, для того, чтобы на месте имитационных «социалистических» практик шефства не оказались имитационные «рыночные» практики волонтерства.

Трудность экскурса в исторические изыскания о советском шефстве в том, что они оставляют за скобками вопрос о субъектах и социально-экономических механизмах этих шефских практик. Наиболее частый прием газетных и журнальных публикаций; книг, описывающие идеологию и опыт советской шефской работы – подмена реального субъекта номинальным («коллектив Челябинского тракторного завода пригласил артистов театра»). Встроить эти размышления и факты в концептуальные рамки социологического анализа непросто.

Нужно реконструировать эти механизмы на основании прямых свидетельств участников событий и косвенных данных исторических источников и литературы.

Описание механизмов включает несколько аспектов. Первый аспект: *Кто был субъектом – инициатором шефских практик?* Здесь нужно развести инициативу – решение об оказании помощи и инициативу – потребность. Изначально идеи, которые формулировались как задачи для шефов, могли возникать у потенциальных получателей помощи. Но как эти потребности доводились до тех, кто мог ее оказать? Скорее всего, в качестве канала для оповещения о каких-то нуждах использовались механизмы партийной власти, поскольку именно Коммунистическая партия обладала универсальными сетями номенклатурного представительства, существующими поверх отраслевых и территориальных барьеров.

Соответственно, второй аспект темы: *Как функционировал этот механизм номенклатурного представительства?* Как создавались социальные альянсы доноров, реципиентов и посредников? Ни мемуарные источники, ни исторические исследования не описывают процессы создания этих альянсов.

Третий аспект темы механизмов советских шефских практик: *Как достигалось согласованное представление участников этих номенклатурных альянсов относительно легитимности шефской деятельности вообще и конкретных акций в частности?* Вероятно, легитимация могла проистекать:

Во-первых, из очевидных повседневных нужд, носящих более или менее регулярный характер. Во-вторых, из какой-то отраслевой задачи (освоить производство нового вида продукции, закончить стройку в срок, и т. д.). В-третьих, легитимация шефской деятельности могла проистекать из какой-то идеологической задачи, которая предполагалась бесспорной и важной для всех («ликвидировать безграмотность», «обеспечить участие работников в управлении», «крепить союз рабочих и крестьян»). Во всех этих случаях реальным основанием легитимации было общее согласие относительно важности для всей страны какой-то цели.

Когда в 90-е гг. исчезла «руководящая и направляющая» роль Коммунистической партии, исчезла видимая принудительность шефской деятельности. Одновременно со свободой от принуждения появилась дезориентация во взаимодействии «донор – реципиент»: к кому обращаться за помощью; кому и чем можно и нужно помогать?

Механизмы корпоративного волонтерства оказываются существенно иными. Нет единой схемы взаимодействия доноров и реципиентов. Нет легитимных площадок для диалога, нет системы номенклатурного представительства, воплощенного в комплексе: «должность-функция-деятельность-отчетность». Нет согласованных решений относительно того, кто что должен делать. Стейкхолдеры – потенциальные партнеры, представляющие общество и государство (муниципалитет, местные общины, СМИ, бизнес – партнеры, общественный некоммерческий сектор), – имя для обозначения всех партнеров и заинтересованных лиц. Это имя не содержит явных или не явных указаний на взаимные обязательства, поскольку нет системы согласования взаимных обязательств в частности, во взаимодействии потенциальных доноров и получателей помощи. Поэтому в «подшефных» интернатах появляются заборы, которые всякий раз красит приезжающая группа волонтеров.

Существенный вопрос, вытекающий из темы легитимации шефской и волонтерской деятельности – это: каковы различия между практиками шефства и корпоративного волонтерства в наборе организационных ресурсов и, соответственно, в коммуникационных особенностях взаимодействия. Организационные ресурсы шефства – это включенность в сети партийных, комсомольских, профсоюзных организаций. Они имели горизонтально-вертикальную структуру (отраслевую и региональную) и потому члены этой сети принадлежали к единому сообществу номенклатурных служащих, даже если работали в разных отраслях и городах. Они входили в партийно-хозяйственный актив¹. Номенклатурные служащие могли принимать решения в пределах своих полномочий (советская форма инвестуры), в том числе и относительно объема, характера, субъектов и объектов шефской помощи. При этом равными по статусу были партийные, советские, военные, хозяйственные начальники, отнесенные к одной и той же ступени номенклатурной иерархии. Это значит, что они могли обсуждать на равных (с некоторой долей условности, определяемой контекстными обстоятельствами) многие проблемы города (региона), в том числе содержание шефской работы, объемы необходимых ресурсов, потенциальных доноров и реципиентов.

¹ «Единая номенклатура должностей служащих» (ЕНДС) утвержден 09. 09. 1967 г. постановлением №443 Госкомтруда СССР .

Существенно иначе выглядит коммуникация в корпоративном волонтерстве. Волонтерские группы, если они принадлежат крупным корпорациям, находят своих «подшефных» через органы власти. Но зачастую они действуют либо вообще без посредников, либо с участием некомпетентных (корыстных) посредников.

Сравнительный анализ механизмов и субъектов советского шефства и современного корпоративного волонтерства позволяет сделать две группы выводов. Первая – о социокультурных и социально-институциональных механизмах социальных взаимодействий «по вертикали»: между более и менее ресурсными социальными группами и субъектами. Вторая – методологические выводы относительно тем, аспектов анализа современных форм солидарности, которые остаются за границами интереса современных исследователей не только волонтерства, но и других форм общественной жизни, заменивших те, что были в прошлом.

Перспективы развития темы о механизмах шефской и волонтерской деятельности и особенностях взаимодействия социальных субъектов в рамках ушедших и существующих практик – в поиске ответов на вопросы об особенностях личного и коллективного участия в волонтерской деятельности; о событийном и участвующем волонтерстве; об обоснованиях волонтерской деятельности; об этических основаниях волонтерства. Эта работа предполагает необходимость расширения исследовательской базы и постановки новых методологических и методических вопросов.

Литература

Корпоративное волонтерство в России: оценка состояния и рекомендации по развитию. Аналитический отчет по результатам исследовательского проекта. 2016 г. URL: <http://corpvolunteers.ru/upload/iblock/495/4952a70e372f741fec033c9cb54a2d54.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

С. Д. Лебедев

О религиозной идентичности в современном мире в свете диспозиционной концепции личности В. А. Ядова

**Лебедев
Сергей Дмитриевич**

Кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Аннотация. Идентичность в мире «модернити» становится более сложной, подвижной и рефлексивной. Она зачастую представляется парадоксальной, что обусловлено ее скрытой многоуровневостью. Она может неоднократно изменяться в течение жизни человека, в том числе в своих основаниях. Она в значительной мере произвольно и рационально конструируется своим субъектом. Современная религиозная идентичность в массовом масштабе является продуктом рефлексии, осуществляемой из светского жизненного мира. Светские контексты играют здесь двойственную роль. С одной стороны, религиозный выбор необходимо адаптируется к светским ценностям и категориям жизненного мира; с другой – религиозное измерение жизни востребуется и открывается по контрасту с ее мирским содержанием. Классифицировать современные религиозные идентичности позволяет диспозиционная модель В. А. Ядова.

Ключевые слова: религиозная идентичность, религиозность, диспозиционная концепция личности В. А. Ядова.

Идентичность различных социальных субъектов – один из ключевых концептов и предметов изучения в современных социогуманитарных науках. Российский социолог и политолог П. Л. Крупкин определяет ее как «психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самосоотнесение к какой-либо группе / общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения из нее, критерии различения «свой / чужой» для данной группы» (Крупкин, Лебедев, 2013: 36). Мы исходим из того, что идентичность являет собой, прежде всего, категорию самосознания социального субъекта, выражающую его осознанную принадлежность к некоторому социальному единству (группе, общности, сообществу, социуму). При этом соответствующее коллективное единство может быть как реально существующим, так и воображаемым. Идентичность выражается в присутствии ее носителям относительно целостном комплексе представлений, оценок и поведенческих императивов, носящем характер частично явного, частично неявного (но подлежащего выявлению социолого-психо-антропологическими методами) социального знания (Лебедев, Истомин, 2015: 14).

Идентичность является антропологической константой, сформировавшейся у истоков человеческого общества и культуры (символическое различение своих и чужаков по принципу «мы – они»). В архаических и традиционных сообществах формировались относительно простые и устойчивые модели идентичностей, которые проблематизировались только в кризисные моменты жизни сообщества. В мире Модернити идентичности становятся более сложными, подвижными и рефлексивными. Следует отметить ряд их характерных черт. Во-первых, они зачастую представляются парадоксальными, сочетающими в себе противоречащие друг другу и логически несовместимые самоидентификации (Тощенко, 2012). Такие парадоксы, на наш взгляд, обуславливаются скрытой многоуровневостью современных идентичностей, когда противоречие снимается или смягчается отношениями их соподчиненности. Во-вторых, в течение жизни человека его идентичность может неоднократно изменяться, в том числе в своих основаниях. Примерами тому являются многочисленные и ставшие рутинными смены профессиональной, национальной, политической, религиозной и даже гендерной принадлежности. В-третьих, современные идентичности в значительной мере произвольно и рационально (в т. ч. – целерационально) конструируются своими субъектами – носителями. Здесь, кроме приведенных выше примеров, яркими манифестациями выступают многообразные, в т. ч. игровые, субкультуры.

Феномен современной религиозной идентичности представляется существенно отличным от религиозной идентичности в традиционных обществах.

Во-первых, он, в массовом и преобладающем масштабе, лишен жесткой традиционалистской привязки к конкретному реальному сообществу (общине) и, как следствие, к предписанным социальным ролям и моделям образа жизни. Религиозность в современности транслируется и усваивается не столько прямым путем (в семье), сколько «окольным», через широкий контекст коммуникаций (Баранников, Матронева, 2004) и саморефлексию.

Во-вторых, и в связи с этим, он рефлексивен – идентичность в отношении религии формируется как индивидуальный или коллективный ответ человека на вызовы динамичной внешней (социальные изменения) и внутренней (ценностно-мировоззренческие поиски) ситуации. Э. Гидденс пишет в этой связи о современной личности в целом как «проекте»; ее религиозная идентичность также формируется как жизненный проект или последовательная серия таких проектов.

В-третьих, современная религиозность и в целом современное отношение к религии в массовом масштабе является в существенной мере продуктом рефлексии, осуществляемой из секуляризованного, светского жизненного мира. Человек, сформированный как личность смысловыми полями светской культуры, закономерно воспринимает и осмысливает религию в соответствующих ценностных и когнитивных контекстах, тогда как на формирование в его сознании собственно религиозных контекстов требуется время и внутренняя работа (Чеснокова, 2005).

Следует отметить, что светские паттерны восприятия и осмысления играют здесь двойственную роль. С одной стороны, религиозный выбор необходимо адаптируется к светским ценностям и категориям жизненного

мира; с другой – религиозное измерение жизни востребуется и открывается по контрасту с ее мирским содержанием. Несколько упрощая и схематизируя, можно разместить все многообразие типов современной религиозности на шкале между предельной адаптацией (по М. Веберу, «приспособлением к «миру») и предельным религиозным эскапизмом (по М. Веберу, «бегством от «мира»). Манифестацией первого полюса представляется «демонстративно-символическое» отношение к религии (Дубин, 2004: 41); манифестацией второго – радикальная ресоциализация с разрывом с прежним окружением, образом жизни и мысли (Бергер, Лукман, 1995).

Классифицировать современные религиозные идентичности позволяет диспозиционная модель личности В. А. Ядова. В соответствии с ней, саморегуляция социального сознания / поведения личности осуществляется на нескольких системно взаимосвязанных, но относительно автономных уровнях, которые могут быть схематично представлены следующим образом:

- ценностные ориентации – «генерализованный» уровень рефлексивного поведения;
- базовые социальные установки (общая направленность интересов) – интегрированные осознанные поведенческие паттерны;
- социальные фиксированные установки – типические поведенческие реакции;
- элементарные фиксированные установки – ситуационные поведенческие реакции (Ядов 2013: 31–40).

На наш взгляд, современная рефлексивная и диверсифицированная идентификация человека в отношении религии соотносится с выделенными автором уровнями сознания / поведения личности как индивидуального социального субъекта. «Идеальный религиозный тип», каким его зачастую берут за основу своих моделей социологи и который довольно редко встречается в эмпирической жизни, предполагает присутствие религиозных смысловых паттернов на всех четырех «этажах» личности. Его формирование возможно в соответствующей закрытой и безальтернативной среде социальных (прежде всего, микросоциальных) коммуникаций, в которую человек помещен с раннего детства и до зрелого возраста. Наиболее близкий реальный аналог такой среде представляет традиционный социум в период относительной стабильности.

Реальные религиозные типы, которые встречаются в обществе современности, гипотетически могут быть поделены в соответствии с преобладающим уровнем и характером внутренних религиозных «регуляторов». В данной связи условно можно говорить о «верующих» на уровне ценностей; «верующих» на уровне базовых социальных установок (интересов); «верующих» на уровне типических реакций и «верующих» на уровне элементарных реакций. Каждый из этих типов представляет собой односторонне выраженное явление, с учетом того, что уровни диспозиционной регуляции функционально специализированы и не могут полностью компенсировать нехватку друг друга. Так, например, рефлексивную интеграцию всех уровней регуляции религиозного поведения обеспечивает только достаточно развитый блок

соответствующих ценностных ориентаций; однако при недостаточном развитии нижележащих, более «витальных», уровней он или работает вхолостую, или стимулирует выборочное развитие определенных установок, наиболее близких и комплементарных человеку в его жизненной ситуации. Напротив, развитый блок элементарных фиксированных установок культового (например, креститься и молиться в соответствующих случаях) и внекультового (например, проявлять терпение и сочувствие к ближнему) религиозного поведения обеспечивает деятельностный фундамент (динамический стереотип) религиозной жизни; в то же время при слабом развитии высших, более рефлексивных, уровней он легко переориентируется на другую религиозную или секулярную мировоззренческую систему. Можно предварительно утверждать, что наиболее устойчивое религиозности личности предполагает достаточно гармоничное развитие всех основных уровней ее диспозиционного регулирования в духе той или иной религии или конфессии, тогда как «перекос» в ту или иную сторону соответствует неустойчивым, кризисным формам религиозности. Современные ее формы порождены именно кризисом ревитализации религии на фоне предшествовавшей глубокой секуляризации и потому они закономерно дисгармоничны и неустойчивы; придать им гармоничность и устойчивость может лишь последовательное развитие актуальной религиозной культуры и религиозных сообществ на новой, современной социокультурной основе.

Литература

Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

Баранников В. П., Матренина Л. Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 102–107.

Дубин Б. В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 35–44.

Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–48.

Истомин А. Г., Лебедев С. Д. Локальная идентичность жителей г. Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2015. Т. 1. Вып. № 2. С. 13–21.

Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2012. 543 с.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. Монография. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.

Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

В. С. Магун, М. Г. Руднев

Динамика базовых ценностей российского населения: 2006–2018

Магун

Владимир Самуилович

Кандидат психологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: maghome@yandex.ru

Руднев

Максим Геннадьевич

Кандидат социологических наук,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: maksim.rudnev@gmail.com

Аннотация. На протяжении 12 лет наблюдений зафиксированы изменения базовых ценностей российского населения. Значимо снизились средние значения ценностей, относящихся к категории Сохранение, и выросли значения ценностей, относящихся к категории Открытость изменениям. Эти сдвиги являются результатом действия нескольких причин: повышения качества жизни в России и снижения реальных опасностей и рисков, угрожающих населению, роста доступности новых потребительских практик, влияния глобальных культурных трендов, утверждающих ценности личного выбора и риска. Дополнительным фактором является постепенное вхождение в состав опрашиваемого населения (старше 15 лет) новых поколений россиян, социализировавшихся в условиях расширившейся, в сравнении с советским временем, личной свободы. Направление описанных сдвигов отличается от движения официальной идеологии в сторону «неоконсервативного консенсуса».

Ключевые слова: базовые ценности, индивидуалистически- и социально ориентированные ценности, социальные изменения.

Несмотря на распространенное мнение о том, что ценности, характерные для населения той или иной страны, очень устойчивы, появляются все новые наблюдения, указывающие на их изменения даже на относительно коротких временных промежутках. Эти факты первоначально были получены для показателей традиционных/секулярных ценностей и ценностей выживания/самовыражения, сформулированных в рамках теории Р. Инглхарта. Накапливаются данные и об изменении базовых ценностей, измеренных по методологии Ш. Шварца и дающих более детальную картину ценностной сферы человека.

Изменения российских базовых ценностей связаны с социальными изменениями российского общества, которые получили мощный толчок в ходе революционных процессов рубежа 1990-х гг. и в менее драматич-

ных формах продолжают на протяжении всех постсоветских десятилетий. Важнейшее направление социальных изменений – легитимизация частного, индивидуального интереса и многократное расширение допустимых форм индивидуальной активности. Эти сдвиги в общественном устройстве России и других постсоциалистических стран привели и к изменениям в массовом сознании, сравнивая набор различных проявлений массового сознания в 13 постсоциалистических странах в 1990 и 1999 гг. L. Halman и W. Arts отмечали, что «наблюдают отход от традиционных и коллективистских предпочтений к более индивидуалистическим».

Чтобы проследить изменения базовых ценностей российского населения, мы используем данные Европейского социального исследования, в котором Россия участвует, начиная с 2006 г. Российские опросы по репрезентативным общенациональным выборкам проводились в рамках этого международного проекта каждые два года Институтом сравнительных социальных исследований (www.ess-ru.ru, национальный координатор А. В. Андрееенкова). Ценности измерялись по методологии Ш. Шварца с помощью Портретного ценностного вопросника (PVQ 21). Вопросник состоит из 21 пункта, на их основе измеряются 10 базовых ценностей, которые объединяются в 4 ценностных категории: Безопасность, Конформность, Традиция (ценностная категория Сохранение), Самостоятельность, Риск-новизна, Гедонизм (категория Открытость изменениям), Достижение, Власть-Богатство (категория Самоутверждение), Благожелательность, Универсализм (категория Забота о людях и природе). Эти категории, в свою очередь, образуют 2 ценностных оси: «Сохранение – Открытость изменениям» и «Самоутверждение – Забота о людях и природе». Примечательно, что обе эти ценностные оси воплощают оппозицию индивидуалистических и социально ориентированных ценностей. «Самоутверждение – Забота» соответствует различию между эгоизмом и альтруизмом, а «Сохранение – Открытость» – различию между самостоятельной активностью и подчинением авторитету, традиции, общему мнению.

В 2006 г., когда начались систематические измерения, россияне, в сравнении с населением других европейских стран, характеризовались одними из самых высоких показателей преобладания ценностей Сохранения над ценностями Открытости изменениям и одним из наименьших преобладаний ценностей Заботы о людях и природе над ценностями Самоутверждения. За прошедшие 12 лет произошли статистически значимые *итоговые сдвиги (net changes)* средних показателей по трем ценностным категориям. Выросла средняя ценность Открытости изменениям, снизилась средняя ценность Сохранения и несколько снизилась средняя ценность Заботы о людях и природе. Средняя ценность Самоутверждения 2018 г. в сравнении с 2006 г. не изменилась. В докладе будут представлены результаты регрессионного анализа, позволяющие проверить, сохранятся ли направленность этих сдвигов при контроле социально-демографических характеристик респондентов.

На протяжении *всего периода наблюдений* ценность Открытости изменениям от раунда к раунду устойчиво менялась только в сторону повышения, ценность Сохранения – снижалась или не менялась, ценность

Заботы о людях и природе устойчиво снижалась и только на последнем отрезке – с 2016 к 2018 г. – несколько увеличилась (снижение происходило, в основном, за счет ценности Универсализма, акцентирующей заботу и равенство в отношении широкого круга людей, а рост на заключительном этапе – за счет ценности Благожелательности, выражающей заботу только о тех, кто входит в ближний круг индивида, о «своих»). Направление изменений ценности Самоутверждения наименее устойчиво, но на большинстве наблюдаемых временных отрезков она демонстрировала отсутствие изменений или снижение.

Абсолютная величина изменений российских ценностей по оси Сохранение-Открытость больше, нежели изменения по оси Самоутверждение-Забота. Итоговые изменения по Самоутверждению-Заботе просто отсутствуют, в то время как по оси Сохранения-Открытости имеет место явный и значимый сдвиг в сторону ценностей Открытости (т. е. преобладание Сохранения над Открытостью снижается). Эти различия в степени изменчивости проявляются и на уровне более дробных показателей: наиболее заметные итоговые изменения за 12 лет выражаются в снижении значимости ценности Безопасность (компонент Сохранения) и в росте значимости ценностей Риск-новизна и Гедонизм (компоненты Открытости изменениям).

Хотя описанные изменения средних показателей статистически значимы, их масштаб все же достаточно ограничен, и в итоге положение России на европейской ценностной карте относительно стран западной и северной Европы сохраняется: россияне, в среднем, по-прежнему отличаются большим преобладанием ценностей Сохранения над ценностями Открытости изменениям и меньшим преобладанием ценностей Заботы над ценностями Самоутверждения.

Итак, на протяжении 12 лет наблюдений в результате последовательных сдвигов значимо снизились средние значения ценностной категории Сохранение и выросли значения ценностной категории Открытость изменениям. Эти сдвиги являются результатом действия нескольких причин: повышения качества жизни в России и снижения реальных опасностей и рисков, угрожающих населению, роста доступности новых потребительских практик, влияния глобальных культурных трендов, утверждающих ценности личного выбора и риска. Дополнительным фактором является постепенное вхождение в состав опрашиваемого населения (старше 15 лет) новых поколений россиян, социализировавшихся в условиях расширившейся, в сравнении с советским временем, личной свободы. Направление описанных сдвигов не совпадает с движением официальной идеологии в сторону описанного А. Ю. Мельвилем «неоконсервативного консенсуса».

Л. А. Окольская

Родительские ценности жителей российских регионов¹ и их трансформация с 1990 по 2017 г.

**Окольская
Лидия Александровна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: okoli@yandex.ru

Аннотация. Данная работа посвящена изучению родительских ценностей россиян, анализу их динамики в 1990–2017 гг., сравнению родительских ценностей жителей 9 регионов России по материалам 2–7 волн Всемирного исследования ценностей и дополнительного опроса регионов в рамках 6 волны этого опроса. Планируется изучить связь ценностей с социально-демографическими характеристиками респондентов. Конфигурация желаемых качеств детей в 2017 г. сходна с данными 1990 г. Изменения происходят в основном не за счет освоения «новых» ценностей (независимость, воображение, самовыражение и бескорыстие), но за счет снижения популярности традиционных ценностей – трудолюбия, бережливости, послушания, терпимости и уважения к другим людям. В регионах иерархии ценностей сходны, но по каждому качеству имеются значимые различия.

Ключевые слова: ценности, нормы, воспитание, социализация, родители, дети, модернизация.

Согласно теории модернизации, разработанной Р. Инглхартom и его коллегами, люди, социализировавшиеся в более благополучных условиях, придают меньшее значение безопасности и жестким групповым нормам, выше ценят независимость и возможность самовыражения, проявляют большую терпимость к меньшинствам. Они также предпочитают воспитывать самостоятельных, а не послушных детей (Инглхарт, 2018). Модернизация общества предполагает сдвиги в родительских ценностях.

Целью данной работы является изучение родительских ценностей россиян – то есть, качеств, которые люди считают важным воспитать в детях. Мы оценим динамику воспитательных приоритетов людей, сравним родительские ценности в разных регионах России. Эмпирической базой служат несколько волн Всемирного исследования ценностей (*World values survey*). Как и в более ранних классических опросах (Lynd, Lynd, 1929; Duvall, 1946; Kohn, 1959; Lenski, 1963, Alwin, 1986, Alwin, 1989), производится путем предложения респонденту списка детских качеств, из которого он может выбрать пять наиболее для него важных. В этот список входят: хорошие манеры, независимость, трудолюбие, ответственность воображение,

¹ Автор благодарит Э. Д. Понарина за предоставленную возможность работать с данными Всемирного исследования ценностей по 9 регионам РФ.

терпимость и уважение к другим людям, бережливость (бережливое отношение к деньгам и вещам), решительность, настойчивость, религиозность, бескорыстие, неэгоистичность, послушание, самовыражение.

Для иллюстрации изменений в родительских ценностях взяты агрегированные данные 1990–2011 гг.¹ Для изучения специфики родительских ценностей в регионах используются данные 6 волны Всемирного исследования ценностей, собранные в 9 российских регионах по репрезентативным для каждого региона выборкам. В каждом регионе опрошено около 1000 человек².

Предварительные результаты

Общий анализ данных о родительских ценностях россиян показывает, что процесс модернизации нашего общества продолжается медленно: общая конфигурация желаемых качеств детей в 2017 г. сходна с тем, что было в 1990. Однако изменения происходят, причем в основном не за счет освоения и увлечения «новыми» ценностями, такими как независимость, воображение, самовыражение и бескорыстие, но скорее за счет снижения популярности ряда традиционных ценностей – трудолюбия, бережливости, послушания, терпимости и уважения к другим людям.

Регионы имеют схожие иерархии ценностей, но при этом по каждому качеству имеются значимые различия. От одних традиционных ценностей жители региона готовы отказаться, другие остаются региональной особенностью.

Предварительный анализ статистических связей ценностей и региональной принадлежности на основе статистик хи-квадрат показывает, что по каждому качеству существуют значимые различия между регионами³. Жителей Москвы характеризуют более высокие требования к достижениям ребенка (и стремление сохранить их плоды); более низкая, чем в среднем по регионам, популярность терпимости и уважения к другим людям; более высокий акцент на бескорыстии.

Санкт-Петербург – пожалуй, наиболее модернизированный регион, в котором значимо чаще выбирают ценности автономии и значимо реже – ценности сохранения. Ценности бескорыстия и терпимости, как и в Москве, противопоставлены друг другу. Ленинградская область ожидаемо похожа на северную столицу, но ее портрет более размыт.

¹ Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2014. World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile Version: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>. Madrid: JD Systems Institute.

² LCSR Russian Regional Survey. Moscow: Higher School of Economics, 2012. Обзор российских регионов ЛССИ. Москва, ВШЭ, 2012. Авторы: Понарин Э. Д., Немировская А. В., Алмакаева А. М., Зеликова Ю. А., Ильченко Н. А.

³ Поскольку выборка по каждому региону составляет около 1000 человек, то проблемы низкой наполненности ячеек не возникает; следовательно, эта мера связи является адекватной. Анализ уточненных нормированных остатков позволяет увидеть, насколько характерным является то или иное качество для каждого региона, встречается ли оно значимо чаще или реже среднего (Ростовцев, Ковалева 1994).

Тамбовская область сочетает акцент на ценности автономии с приверженностью ценностям сохранения и сниженной достижительской мотивацией. Алтайский край в сравнении с ней более консервативен: ценности автономии в нем выбираются значимо реже, чем в среднем в совокупности.

Наиболее консервативными регионами являются Кабардино-Балкария, Татарстан и Чувашия. Среди качеств, значимо чаще называемых в этих регионах, не встречаются автономистские качества; преобладают ценности сохранения. Религиозность значимо более важна для Кабардино-Балкарии и Татарстана; в Чувашии она попадает в число игнорируемых качеств. В Кабардино-Балкарии сравнительно слабо поощряется бережливость (вероятно, вытесняемая социальной нормой щедрости) и снижены признаки мотивации достижения. В Татарстане непопулярны как самовыражение, так и послушание.

Башкортостан – по идее, ценностно близкий регионам Поволжья – выделяется тем, что все акценты его выборки носят отрицательный характер, демонстрируя качества, которые жители республики не склонны воспитывать в детях. Среди них – и ценности сохранения (бережливость, религиозность), и ценности автономии (самовыражение), и просоциальные ценности (ответственность, терпимость и уважение к другим людям, бескорыстие, неэгоистичность). Возможно, эта особенность свидетельствует о ценностной неопределенности Башкортостана, остающегося светским регионом, но не решающегося на более активную модернизацию. Это также соответствует общероссийскому тренду на снижение воспитательного нажима на детей.

В дальнейшей работе мы планируем провести исследование связи родительских ценностей с социально-демографическими характеристиками респондентов и представить полученные результаты в докладе на конференции.

Литература

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкановой, научн. ред. Э. Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. 347 с.

Окольская Л. А. Желаемые качества детей, их структура и динамика в постсоветской России // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 479–515.

Ростовцев П. С., Ковалева Г. Д. Анализ социологических данных с применением статистического пакета. Методические указания. Новосибирск: НГУ, 1994. С. 44–47.

Lynd R. S., Lynd H. M. Middletown: A study in contemporary American culture. N.Y.: Harcourt, Brace & Co, 1929.

Duvall E. M. Conceptions of parenthood // American Journal of Sociology. 1946. Vol. 52, No. 3 (Nov.). P. 193–203.

Kohn M. L. Social Class and parental values // American Journal of Sociology. 1959. Vol. 64. No. 4. P. 337–351.

Lenski G. E. The religious factor. Doubleday, Incorporated, 1963. 448 p.

Alwin D. F. Religion and parental child-rearing orientations: evidence of a catholic-protestant convergence // American journal of sociology. 1986. Vol. 92. № 2 (Sep.). P. 412–440.

Alwin D. F. Changes in Qualities Valued in Children in the United States, 1964 to 1984 // Social Science Research. 1989. No. 18. P. 195–236.

М. Р. Осипова

Европеизация образа жизни молодых россиян в Испании

Осипова
Маргарита Романовна

Магистр по направлению «Международная социология»,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: osipowa.margarita2016@yandex.ru

Аннотация. Тезисы представляют результаты исследования европеизация образа жизни молодых россиян в Испании. На основании полученных данных построена модель Европеизации повседневности, включающую в себя Европейские образы и стили жизни россиян в Испании. Выделено 3 уровня Европеизации образа жизни: наднациональная Европеизация образа жизни, национальная испанская Европеизация (Испанский образ жизни как европейский) и региональная Европеизация (например, каталанский образ жизни как европейский). Европеизация стилей жизни обозначена в категориях: «чистая» Европеизация, космополитизм, испанизация и геттоизация, подразделяющаяся на 2 категории: русский стиль жизни как европейский, русский стиль жизни как самобытный.

Ключевые слова: миграция, стиль жизни, европеизация, идентичность.

В настоящий момент можно говорить о европейском образе жизни россиян, отражающемся в участии в Болонском процессе, ратификации ряда европейских договоров, обязательном изучении английского языка в школах и университетах, моде на европейские товары и бренды, туристических предпочтениях европейских стран, участии в европейских культурных и спортивных соревнованиях, географическом положении страны. Россияне, проживающие в странах Европейского Союза, пользуются его институциональными возможностями, представляя иной формат европейского образа жизни.

Поиск идентичности вызывал дискуссии о путях развития России на протяжении многих веков. Европейский образ жизни начал формироваться в России с XVIII в., благодаря реформам Петра I, когда в России стала распространяться мода на европейскую одежду, прически, этикет, изучение иностранных языков, изменились архитектурные стили, политические институты, искусство, наука. В XIX в. вопрос о развитии России по европейскому пути или возрождении национальной самобытности отразился в спорах славянофилов и западников. В 1990-е с распадом Советского Союза россияне вновь оказались перед выбором.

Согласно исследованию Левада-Центра, в 1999 г. 67% опрошенных россиян считали, что Россия должна стремиться к вступлению в Европейский Союз, в 2010 и 2011 гг., большинство также разделяло это мнение: 55 и 51% соответственно (Россияне..., 2015). Однако, в 2014 г. данный показатель

резко упал: только 15% опрошенных разделяли данное мнение, тогда как 64% отметили, что это совершенно ненужно России. Распространилось мнение о негативном воздействии «Запада» на российскую культуру: в 1992 г. так считало 37%, в 2000-х 66% опрошенных. В 1998 г. 71% россиян считали себя европейцами, тогда как в 2008 г. эта доля составила лишь 21%.

Таким образом, можно говорить о том, что спустя 20 лет после распада Советского Союза положительный тренд на европейскую идентичность сменился противоположным вектором развития вследствие экономических санкций, политической пропаганды в СМИ, ростом гражданско-патриотических инициатив, националистических настроений в обществе. Однако европейский образ жизни стал частью российского образа жизни, особенно в центральных и южных регионах страны. Можно говорить о том, что в настоящий момент продолжается процесс формирования европейской идентичности, в который Россия включена уже несколько сотен лет.

Одним из путей решения данной проблемы является изучение процесса конструирования идентичности российской молодежи, в частности, тех, кто уезжает в европейские страны для учебы в рамках программ академической мобильности или на заработки. Одной из наиболее привлекательных европейских стран для отдыха, сезонной, постоянной и образовательной миграции является Испания. Согласно официальному сайту Министерства миграции Испании, россияне занимают 10-е место по количеству мигрантов в Испании (44 017 чел. прибыло за 2018 г.) (Статистика министерства..., 2019). При этом, на национальную визу длительного пребывания подало 28 832 россиянина, что составляет 65,5% от всех прибывших. Больше прибыло россиян трудоспособного возраста (от 16 до 64 лет) – 75,64%.

Целью данной работы является изучение европеизации образа жизни молодых россиян в Испании. Объектом исследования выступают 2 группы молодых россиян, проживающих в Испании: студенты и иммигранты в возрасте до 34 лет.

Методологической базой исследования является поворот к повседневности П. Штомпки, в основе исследовательской оптики лежит категория европеизации, которая имеет макро- и микроуровни, наблюдаемые в образе жизни и стиле жизни (Sztompka, 2008). Процесс формирования образа жизни на микроуровне развивается через ежедневные практики людей и различные социальные ситуации.

Россияне, приезжающие в Испанию, попадают в общество, формирующиеся под воздействием европеизации наднационального уровня, институционализации ЕС. В то же время Испания является государством с одним из наиболее высоких показателей децентрализации, что способствует усилению локализации и продвижения собственной этнической культуры. Данные процессы могут как вытеснять, так и дополнять друг друга, поэтому изучение состояния данных процессов становится возможным с помощью анализа ежедневных практик людей.

Возрастающий динамизм социальных и культурных процессов, развития глобализации и локализации в одном социальном пространстве, показывают изменение в соотношении дифференциации и интеграции социальной реальности. Это приводит к использованию ситуационного анализа,

предполагающим, что поведение индивидов является результатом сконструированных ситуаций. В качестве стратегий исследования выбраны анализ нормативных документов, участвующее наблюдение, глубинное интервью.

Анализ 22 глубинных интервью и результатов участвующего наблюдения позволил определить уровни и стили европеизации российской молодежи в Испании. Интервью были проведены в разных городах Испании: Мадрид, Алкала-де-Энарес, Торрехон-де-Ардос, Гвадалахара, Валенсия, Севилья, Аликанте, Барселона – и представляют 4 провинции: Мадрид, Каталония, Валенсия, Андалусия. Согласно официальной статистике сайта Министерства Миграции Испании, именно данные провинции являются наиболее заселенными российскими мигрантами: Каталония (13 978), Валенсия (11 887), Андалусия (8 640), Мадрид (2 541) (Статистика министерства..., 2019). В выборку попали и крупные туристические города: Мадрид, Барселона, Севилья, Валенсия, Аликанте; и маленькие: Алкала-де-Энарес, Торрехон-де-Ардос, Гвадалахара. Информанты представлены 10 студентами, приехавшими по программам академической мобильности, среди них 8 девушек и 2 юноши, а также 12 работающими иммигрантами в возрасте до 34 лет, среди которых 8 девушек и 4 юноши.

На основании полученных данных построена модель европеизации повседневности, включающую в себя Европейские образы и стили жизни россиян в Испании. Выделено 3 уровня европеизации образа жизни: наднациональная европеизация образа жизни, национальная испанская европеизация (испанский образ жизни как европейский) и региональная европеизация (например, каталанский образ жизни как европейский). Европеизация стилей жизни обозначена в категориях: «чистая» европеизация, космополитизм, испанизация и геттоизация, подразделяющаяся на 2 категории: русский стиль жизни как европейский, русский стиль жизни как самобытный.

«Чистая» европеизация характеризуется следующими чертами: в течение проживания в Испании у индивида формируется позитивное отношение к ЕС, полное принятие ценностей и норм ЕС; предпочитает общение с представителями разных стран ЕС на английском как инструменте международного общения, путешествует в разные страны Европы, интересуется европейскими новостями; не принимает испанский образ жизни как европейский, отказывается учить и использовать испанский, воспринимает испанский образ жизни как тормоз европейского развития и личностной интеграции в европейское общество.

Космополитизм в данном случае описывает стиль интеграции индивида в европейское общество через ценности свободы передвижения, общение с приезжими европейцами, азиатами, африканцами и т. д. и местными на английском или испанском, ведет свободный образ жизни, открыт к культурному разнообразию, путешествует по всему миру. Принимает особенности испанского образа жизни как важный и интересный элемент мировой этнической мозаики.

Испанизация как стиль жизни россиянина характеризуется высоким уровнем интеграции в испанское общество, предпочтение коммуникации с местными жителями, избегание встреч с россиянами, интерес испанскими

культурой, обычаями, традициями, местными новостями, местной кухней. Участие в традиционных праздниках, просмотр фильмов на испанском, прослушивание испанской музыки.

Геттоизация – отсутствие желания интеграции в новую среду, общение только на русском языке с россиянами, поиск и приготовление русской кухни, прослушивание российской музыки, интерес новостями из России, постоянные мысли о доме, желание вернуться. Проявляется в двух типах: 1) европейская идентичность обусловлена российской национальностью, «русский – уже европейский»; 2) российская идентичность представляется как нечто уникальное, специфическое, в связи с чем присутствует желание сохранить ее отсутствием интеграции в европейское общество.

Литература

Россияне разлюбили Европу. Отчет Левада-Центра от 10.12.2015 г. (электронный ресурс). URL: <http://www.levada.ru/2015/12/10/rossiyane-ra-zlyubili-evropu-2/> (дата обращения: 18.04.2019).

Статистика министерства труда, миграции и социальной защиты Испании: официальный веб-сайт Ministerio de trabajo, migraciones y seguridad social. URL: <http://extranjeros.mitramiss.gob.es/es/InformacionInteres/InformacionProcedimientos/index.html> (дата обращения: 08.03.2019).

Sztompka P. The focus on everyday life: a new turn in sociology // *European Review*. 2008. No. 16 (1). P. 23–37.

Е. В. Полухина

Жилищная мобильность рабочих в постсоветской России¹

**Полухина
Елизавета Валерьевна**

Кандидат социологических наук,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.
E-mail: epolukhina@hse.ru

Аннотация. В работе анализируется жилищная мобильность рабочих – практика смены места жительства. Акцент делается на описании траекторий (последовательностей) и паттернов (образцов) жилищной мобильности. Интервью с рабочими собраны в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX в. к XXI — четыре генерации российской истории» в 2015 г. Анализируемые материалы включают 17 биографические интервью с рабочими в возрасте от 25 до 50 лет, проживающих в Москве, Екатеринбурге и Нижнем Тагиле.

Данные показывают гендерное различие в жилищных траекториях и паттернах. Для женщин-рабочих в силу приоритета семейного проекта над профессиональным почти единственным способом переезда из родительского дома является замужество. Распространена ситуация возвратной жилищной мобильности в родительский дом, когда партнерство заканчивается. Жилищные траектории мужчин более разнообразны. Они начинаются с переезда из родительского дома в армейскую казарму, далее характеризуются периодом нестабильности из-за частой смены рабочих и жилищных мест (общежитие, съем, проживание на работе). Дальнейший жизненный путь мужчины-рабочего обычно продолжается в партнерстве с женщиной, где он вынужден решать вопрос «своего жилья» с привлечением ограниченного капитала родителей / кредита, а также за счет съема или сожительства с родственниками. В силу нестабильных и скромных доходов ипотека редко доступна, а в случае получения она становится значимым семейным бременем.

Таким образом, на данных интервью с рабочими фиксируется довольно интенсивная мобильность как жилищная, так и профессиональная. Однако в силу ее специфического характера, ограниченных ресурсов рабочих, тип такой мобильности можно назвать горизонтальным. В такой ситуации движение индивида фактически происходит, но социальный статус остается прежним, без изменений в категориях «выше-ниже».

Ключевые слова: жилищная мобильность, рабочие, биографические интервью, социальный статус, жилищный статус, жилищная траектория, горизонтальная мобильность.

Жилищная сфера может рассматриваться как отдельное направление для социального измерения (Kolb, Skopek, Blossfeld, 2013). Для анализа жилищных практик представляется продуктивной теория Пьера Бурдьё

¹ Для анализа выбраны данные биографических интервью, собранных в 2015 г. в рамках проекта РНФ «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI — четыре генерации российской истории», веб-сайт: 2014–2015 гг. руководителем проекта был В. А. Ядов.

о капиталах и взаимосвязи социального и физического пространств (Бурдьё, 2013; Bourdieu, 1984). Согласно этой концепции, жилье можно представить одной из форм экономического капитала. Одновременно с этим жилье отражает статус и стиль жизни индивида. Опыт проживания в месте определенного типа формирует нормы и представления о социальной жизни индивида. Предрасположенности к определенным образцам поведения, восприятию ситуаций присущи индивидам одного жилищного опыта, схожей пространственной социализации, габитуса. Таким образом, жилье отражает социальный статус индивида и одновременно с этим структурирует его последующие траектории движения.

Социальное значение жилья, как и механизмы его получения, в исторической перспективе претерпели множество изменений. В советский период государство обеспечивало граждан жильем, оно было предоставлено, преимущественно, по месту работы. Качество предоставляемого жилья зависело от трудового стажа индивида, профессионального статуса, размера семьи. Жилые кварталы строились для определенных профессиональных групп, в которых было заинтересовано государство: рабочие, номенклатура, научные сотрудники, инженеры, военные и др. В итоге, профессиональный и жилищный статусы в советское время были консистентны и стабильны, а жилищные траектории как предполагаемые возможности переезда – предсказуемы. Приоритетной для советского периода была группа рабочих (Полухина, Ваньке, 2019). Для них строились жилые районы вокруг крупных заводов, предоставлялась возможность жить и работать в крупных промышленных городах.

Следствием изменения жилищной политики и коммерциализации жилищной сферы становится растущая социальная дифференциация (Караваева, Черкашина, 2015). *Жилищная мобильность* как смена индивидом места жительства – лейтмотив социальных изменений, сопряженный с ключевыми событиями в жизни индивида – поступление на учебу, смена работы, сожительство, вступление в брак, появление детей, выход на пенсию и другие. Последовательность изменений жилищных статусов представляется жилищной траекторией индивида. Таким образом, через изучение жилищного опыта, историй смены жилья можно понять какими смыслами наполняется это изменение, какие динамические процессы происходят в изучаемых группах и каковы возможности для движения в социальном пространстве (Полухина, 2017).

Цель данной работы – выявление траекторий и паттернов жилищной мобильности рабочих. Интервью собраны в рамках проекта в 2015 г. с рабочими – работниками, вовлеченными в физический рутинный труд, преимущественно без высшего образования. Выборку составили заводские, ремесленные и ремонтные рабочие, операторы и инспекторы технического оборудования, занятые в сфере обслуживания и транспортировки (Социальная мобильность в России 2017). Данные включают 17 биографические интервью с участниками в возрасте от 25 до 50 лет, проживающих в Москве, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле (см. приложение 1). Согласно гайду биографического интервью мы обсуждали с информантами их жизненный путь/ траекторию социальной мобильности – детство, родительскую

семью, изменения в статусе жилья, переезды и профессиональную биографию. Некоторые интервью проходили дома у информанта, где была возможность сделать фотографии в жилом интерьере. Анализ биографических интервью – тематический, выполнен с использованием программы NVIVO¹.

Стартовая позиция информантов: родители – сельские или городские рабочие

Детство многих попавших в выборку информантов пришлось на время Советского Союза с 1965 г. до конца 1980-х гг. Их описание детства происходит через образ слабо дифференцированного общества и жизни без излишеств. В интервью, в основном, информанты описывают себя как «обычных» людей того времени.

«Я не чувствовала каким-то себя ущемленным ребенком в детстве, потому как все жили примерно одинаково в Советском Союзе...Поэтому сложно сказать, относительно того, чего не хватало, всего вроде хватало» (женщина, формовщица на заводе, 45 лет, Екатеринбург).

Профессиональный статус родителей информантов гомогенен – это среднее или среднее специальное образование отцов и матерей, а также профессиональная принадлежность к группам, вовлеченных в физический труд – водители, машинисты и др. Таким образом, рабочие преимущественно воспроизводят статус родителей.

«Отчим шофером всю жизнь был, брат вот всю жизнь шофером был, я сейчас, то есть и я тоже, потом, сейчас вот пока в охране, вот безлошадно, так скажем... Мать тоже в охране работала у нас сутки через трое...» (мужчина, охранник, 47 лет, Екатеринбург).

«Большую часть времени она проработала машинистом крана. Так же, как и я... По профессии и я машинист крана... и старший брат – машинист крана, который все еще работает, он работает в конвертерном цехе машинистом крана» (мужчина, слесарь, 27 лет, Нижний Тагил).

Можно выделить две основные группы рабочих в зависимости от места жилищного старта: деревенские, чье детство прошло в деревне, и городские, чье детство, соответственно, прошло в городе. Для жителей деревень стартовый жилищный капитал предоставлялся в форме дома с земельным участком. Стоит отметить, что семьи информантов, рожденных в деревне, характеризуются расширенным составом жителей домохозяйства, где несколько поколений проживали в одном доме с большим количеством братьев и сестер.

«Ну, семь нас человек жило вместе с бабушкой тогда, всем хватало, хватало» (мужчина, 47 лет, Нижний Тагил).

Дома, которые описывали информанты – это просторные деревянные жилища с прилежащим участком земли. На участках велась активная сельскохозяйственная деятельность, в первую очередь, для потребностей семьи.

¹ Автор высказывает благодарность за помощь в анализе данных Нине Чукиной, студентке 4-го курса программы «Социология» НИУ ВШЭ.

«То есть, мы никогда в жизни не покупали ни картошку, ни морковку, ничего такого не покупали. Все выращивали самостоятельно... Огурцы, помидоры, свекла, капуста, морковь, картофель. То есть, абсолютно все» (мужчина, 27 лет, Нижний Тагил).

Городские рабочие во времена СССР являлись приоритетной группой в вопросе обеспечения жильем. Государство строило жилые районы вблизи заводов для рабочих и их семей с довольно комфортабельными квартирами и масштабной инфраструктурой. Для старшего поколения информантов – горожан, трудившихся в советские годы их молодости на заводах, жилье можно было получить в виде «квартиры от завода». В дальнейшем эти квартиры, приватизированные в ранние 90-е гг., становятся их базовым жилищным капиталом. Поэтому группа рабочих с городским происхождением и опытом работы в советском прошлом (старшее поколение в выборке) является более жилищно обеспеченной, чем те, чье становление происходило в деревенских условиях и новое время (молодое поколение) (Социальное пространство российских регионов, 2017: 115–140).

Мужская траектория: армия и индивидуальный переезд из родительского дома

Траектория индивидуального переезда предполагает покидание родительского дома и начало проживания на новой жилой территории. Эта траектория актуальная для мужчин, так как женщины переезжали преимущественно в ситуации замужества или партнерства.

Каждое интервью с мужчинами, попавшими в выборку, содержало в себе описание эпизода армейской службы. Именно во время нее информантами был усвоен первый опыт проживания в казарме, за пределами родительской семьи на протяжении длительного периода (одного или двух лет).

Приобретение или аренда жилья для мужчин рабочих лежит за пределами родительского контроля и поддержки, финансовые вложения родителей в жилье сыновей сведены к минимуму. Более того, самостоятельность в решении данного вопроса воспринимается информантами как важное достижение, признак мужественности.

«Я ж не буду, где я денег возьму, чтобы заплатить. А мне вот это ходить вот это к родителям, никто денег не давал ... Короче, нефиг менять свои принципы, свое вот это вот. Свое мужское, то что я мужчина, почему я должен у кого-то что-то просить?» (мужчина, сварщик-сантехник, 27 лет, Екатеринбург).

Для мужчин старшего поколения, родившихся в поселках и деревнях, и, чья семья продолжала/ продолжает жить вдали от города, актуальна стратегия переезда в крупный город. Он совершался без учета комфортабельности новых жилищных условий. Свое решение о переезде мужчины объясняли желанием избежать личностной и профессиональной стагнации, которые может повлечь сельская жизнь.

«В Читинской области делать было нечего, как и во всей России, в северных районах... Не, никто меня не звал. Просто я сам понимал, что там делать не-че-го. Ни для меня, ни для моих детей будущих перспектив там, то есть было ноль. Это я понимал еще со школьных времен, кстати... Какое-то время пожил, около года, снимал жилье в частном секторе, в домике у бабули, точнее комнату в домике» (мужчина, сборщик мебели, 48 лет, Екатеринбург).

После окончания армии в жизни многих рабочих наступал *период нестабильности*. Он связан с карьерными изменениями, нестабильной занятостью – частые подработки, отсутствие официального места работы, сезонная безработица, заказы в разных географических местах. Этот период характеризуется тяжелым ненормированным трудом, отсутствием привязанности к какому-то конкретному трудовому и географическому месту, готовностью к рискованным поступкам и низким уровнем потребностей. Нестабильность занятости сопровождалась, соответственно, частой сменой некомфортного жилья (съем, общежитие, проживание на рабочем месте). Этот период в карьере мужчины заканчивается, когда он вступает в длительные партнерские отношения с женщиной. Возлагаемая на него роль мужчины – добытчика / кормильца способствует стабилизации в жилищной и профессиональной карьере.

Переезд в составе новой семьи

Переезд в составе новой семьи предполагает смену жилищных условий вместе с партнером по браку. Этот шаг осуществляется либо путем образования нового домохозяйства, либо через присоединение к семье родителей / одному из родителей (многопоколенное сожительство).

Попавшие в выборку женщины – рабочие демонстрируют тенденцию к раннему вступлению в брак и переезду к мужчине сразу из родительской семьи. Женщины – рабочие не демонстрируют стремления к созданию собственной образовательной и карьерной «базы» (Социальная мобильность, 2017: 237–271). Для женщин почти единственным способом переезда из родительского дома является замужество, так как у них нет ресурсов и амбиций для индивидуального переезда. Распространена ситуация возвратной жилищной мобильности в родительский дом, когда завершается брак.

С появлением своей семьи жилищный вопрос перестает быть второстепенным. Решение жилищной проблемы становится преимущественно задачей мужчины, так ему вменена роль добытчика, решающего финансовые вопросы. Повышение уровня ответственности происходит к моменту рождения ребенка, актуализируя значимость социальных гарантий, предоставляемых работодателем и государством. Несмотря на новые ролевые обязанности отца и мужа у рабочего довольно ограничен репертуар возможностей решения жилищного вопроса. Обычно решение в среде рабочих происходит за счет съема, кредита или манипуляций с родительским жильем (размен квартиры/ сожительство). Однако ипотечное кредитование и прямые покупки рабочим часто оказываются недоступны по причине низких и нестабильных доходов (Walker, 2015).

Представления рабочих об идеальном жилье

Для рабочих актуальны низкие жилищные запросы (Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты 2019: 437). Они описывают идеальное жилье достаточно скромно, осознавая высокую стоимость «квартирного вопроса». Это проявляется через лаконичное описание самого дома-мечты: *«...ничего сверхъестественного, ничего роскошного. Обычный дом» (женщина, экипировщик, 25 лет, Нижний Тагил)*

Информанты, отвечая на уточняющие вопросы социолога, не прибегали к красочным описаниям «жилища мечты», а, напротив, отвечали обрывисто, кратко, даже слегка раздраженно *«Что значит какой? Дом, просторный дом, все» (мужчина, 48 лет, Екатеринбург)*.

В качестве идеального места жительства рабочие называли *частный дом*, в котором будет достаточно места для всех членов семьи и друзей. Люди старшего поколения четко артикулируют желание загородной жизни, стремление обрести уединение вне больших городов. Для молодежи важными становятся вопросы комфорта в жилье. Женщины называют важность обустроенной кухни, подчеркивая свою женскую роль хозяйки. А мужчины говорили о желании иметь приватную «мужскую» территорию в виде гаража или мастерской.

Заключение

Анализ качественных данных показал, что рабочие в основном довольно ограничены в жилищных возможностях. Они скромно участвуют в рынке недвижимости, поскольку ипотечное кредитование и прямые покупки им недоступны по причине низких и нестабильных доходов. Для многих актуально многопоколенное сожительство. Родительская помощь при покупке жилья почти отсутствует, так как их родители (рабочие и / или пенсионеры) имеют скромные доходы и не готовы к размену их жилья. Для группы молодых рабочих проживание в отдельной квартире проблематично, актуален съём, личное владение затруднительно.

Данные интервью демонстрируют гендерное различие в жилищных траекториях и паттернах. Причины жилищной мобильности для мужчин – это армия, удаленная работа, вступление в брак / появление детей. Кратко мужскую траекторию можно представить так: старт из родительского дома -> армия -> период нестабильности -> решение жилищного вопроса в составе новой семьи. Для женщин из рабочей среды партнерство с мужчиной / брак – это почти единственная возможность для переезда из родительского дома.

Таким образом, многие жизненные события рабочих (служба в армии, новая удаленная работа, сожительство, рождение ребенка) сопровождаются жилищной мобильностью. Но в силу нестабильности мест, вынужденности

совершаемых изменений, стесненных жилищных условий, эту мобильность можно назвать *горизонтальной*, так как социальный статус рабочего остается прежним, без изменений в пространстве «выше-ниже». В итоге, данные биографических интервью с рабочими иллюстрирует теорию П. Бурдьё о том, что композиция капиталов (культурного, человеческого, социального, семейного) определяют траекторию социальной мобильности, которая объективирована в жилищном статусе индивида (Бурдьё 2001).

Литература

Bourdieu P. Distinction. A Social critique of the judgment of taste. Transl. by R. Nice. Harvard University Press, 1984. P. 605.

Kolb K., Skopek N., Blossfeld H. P. The two dimensions of housing inequality in Europe. Are high home ownership rates an indicator of low housing values? // *Comparative Population Studies*. 2013. Vol. 38. № 4.

Walker Ch. Stability and precarity in the lives and narratives of working-class men in Putin's Russia // *Social Alternatives*. 2015. Vol. 34. № 4.

Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2013. С. 49–63.

Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г. 562 с.

Караваева Е. Ю., Черкашина Т. Ю. Жилищные отношения, политика и условия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 118–135.

Полухина Е. В. Жилищная мобильность: направления социологического анализа // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15. № 4. С. 589–601.

Полухина Е. В., Ваньке А. В. Идентичность заводского рабочего в постсоветском контексте: этнографическое кейс-стади района Уралмаш // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17. № 2. С. 237–252.

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / [А. В. Ваньке и др.] Отв. ред.: В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В. В. Семенова и др.]; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

Социальное пространство российских регионов: [монография] / [З. Т. Голенкова]; отв. ред. З. Т. Голенкова. Москва: ИС РАН, 2017. 256 с.

Приложение 1

Список информантов-рабочих (данные указаны на момент интервью, 2015 г.

Пол	Город проживания	Возраст, лет	Уровень образования	Занимаемая должность	Семейное положение	Место жительства
Муж	Екатеринбург	48	Среднее специальное	Сборщик мебели	Разведен, есть дочь	Однокомнатная квартира, живет с матерью
Муж	Екатеринбург	27	Среднее	Сварщик-сантехник	Сожительство, есть ребенок	Однокомнатная квартира
Муж	Екатеринбург	48	Среднее специальное	Мастер-сантехник	Сожительство, есть дети от разных жен	Двухкомнатная квартира, с женой и дочкой, получил на предприятии
Муж	Москва	32	Среднее	Монтажник окон	Не женат, детей нет	Свой дом
Муж	Нижний Тагил	27	Среднее специальное	Слесарь в доменном цехе	В разводе, детей нет	Купил однокомнатную квартиру в ипотеку
Муж	Нижний Тагил	29	Среднее специальное	Монтажник	Женат, двое детей, один от предыдущего брака супруги	Квартира досталась по наследству от деда
Муж	Нижний Тагил	46	Средне-специальное	Водитель в транспортном цехе	Женат, двое детей	Трехкомнатная квартира, съемное жилье в общежитии
Муж	Нижний Тагил	49	Среднее специальное	Кровельщик	Женат, двое детей	Двухкомнатная квартира от матери
Муж	Нижний Тагил	46	Среднее специальное	Бригадир электро-сварщиков	Женат, сын 22 года	Трехкомнатная квартира жены
Жен	Екатеринбург	45	Среднее	Формовщица на заводе	Не замужем, детей нет	Живет с родителями
Жен	Екатеринбург	47	Среднее техническое	Типография, оператор постпечати	Замужем, есть сын	Двухкомнатная квартира
Жен	Екатеринбург	28	Среднее специальное незаконченное	Портной-закройщик	Не замужем, двое детей	Двухкомнатная квартира
Жен	Екатеринбург	29	Среднее специальное	Продавец	Замужем, ребенку 2 года	Однокомнатная квартира
Жен	Нижний Тагил	25	Среднее специальное	Машинист крана на заводе	Не замужем, детей нет	Живет в общежитии для учащихся техникума
Жен	Нижний Тагил	45	Среднее специальное	Клепальщица на заводе	Разведена, 4 ребенка	Комната в общежитии
Жен	Нижний Тагил	46	Среднее специальное	Проводник	Сожительство, есть сын 25 лет	Трехкомнатная квартира свекрови
Жен	Нижний Тагил	25	Среднее	Экипировщик	Сожительство, детей нет	Живет с партнером в квартире его бабушки

Е. Ю. Рождественская

Образовательно-профессиональные траектории управленческой элиты

**Рождественская
Елена Юрьевна**

Доктор социологических наук,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

Аннотация. В докладе мы рассмотрим аспекты образовательных и профессиональных траекторий в карьерах руководителей крупных корпораций как представителей управленческой элиты. На концептуальном уровне здесь мы оперируем рядом понятий – жизненный путь, траектория карьеры, переходы, поворотные моменты. Анализируется эмпирический массив резюме генеральных директоров крупных корпораций на предмет закономерностей получаемого уровня квалификации для главы компании, времени, затрачиваемого на прохождение восходящей траектории представителя управленческой элиты, различий, связанных с поколенческими когортами, а также спецификой социально-профессиональной мобильности из предыдущих профессиональных групп.

Ключевые слова: управленческая элита, социальная мобильность, статусная идентичность, образовательно-профессиональные траектории.

Контекст перемен в регуляции карьеры

Изменения на западных рынках труда с восьмидесятых годов простимулировали трудовые биографии, существенно отличающиеся от стабильных карьер¹ середины прошлого века. Очевидно, эффекты политики дерегулирования, политики вовлечения женщин на рынок труда, обусловили формирование «модели взрослого работника» (Lewis, 2001; Annesley, 2007). Эта модель стала не только мужской, и не только связанной с последовательностью жизни в три этапа: образование, оплачиваемая работа и пенсия. Сегодня эти этапы имеют различную продолжительность для разных людей, могут частично или полностью перекрываться и могут происходить при нескольких переходах из одной ситуации в другую (Klammer, 2009). Следовательно, можно утверждать, что такая фрагментация и дестандартизация социально-профессиональных траекторий стимулирует индивидуальное участие или меру вовлеченности индивидов в построение собственных траекторий, путем выбора типа образования и наложения образовательных навыков, смены работы и ее стиля, конфронтации с влиянием институциональных и структурных факторов на отдельную траекторию.

¹ Карьера понимается автором как последовательность профессиональных ролей, статусов и видов деятельности в жизни человека.

Появление этих изменений в конструкте современного жизненного пути Эллиот связывает с четырьмя основными факторами: «положение во времени и месте, социальные связи с другими людьми, индивидуальный контроль и различия во времени наступления ключевых жизненных событий» (Elliott 2005: 73). Эти элементы в совокупности определяют то, что сегодня относят к перспективам жизненного цикла или пути. Категория жизненного пути имеет индивидуальную коннотацию, тесно связанную с аспектами деятельности и рефлексивности в развитии человека (Elliott, 2005: 73; Elder et al., 2004: 4–5).

Коллективный кейс резюме CEO

В основу коллективного кейса положен анализ структуры образовательно-профессионального пути глав госкорпораций, имеющих позицию генеральных директоров¹. Для рассмотрения были отобраны 58 глав ПАО из списка Московской биржи. Рассматриваемый материал резюме содержит информацию о пройденном образовательном пути и этапах карьеры. Для проверки гипотезы об темпоральных изменениях в паттернах профессиональных карьер были рассмотрены поколенческие различия в производстве профессиональных карьер. В выборке CEO были выделены старшая когорта (60 лет и выше), средняя (41–59 лет) и младшая когорта (24–40 лет).

Выборка CEO на платформе Московской биржи включает следующие типы:

- **Госчиновники**, которые поставили свои образовательные капиталы (юридические, экономические, управленческие) на службу государства. Они лояльны, их карьера набирает высоту в структурах госвласти, вплоть до позиций министра. Затем они конвертируют накопленные позиции в карьеру в бизнесе или госкорпорациях. После этого их социальная мобильность выглядит, хотя и горизонтальной, но с большим уровнем автономности.

- **Отраслевой специалист**, карьера которого вырастает в недрах корпорации по принципу «снизу вверх». Для него характерен высокий уровень организационного капитала, но мало унаследованного капитала. Это самый распространенный типаж, присутствующий в более чем половине выборки. Эти люди пробились к вершине в пределах одной отрасли, если не корпорации. Структура социального капитала многосоставна, стартует с технических компетенций, достраивается экономическими и управленческими компетенциями. К этому типу примыкает субтип отраслевого специалиста, который перемещается по горизонтали из корпорации в корпорацию, а затем растет горизонтально, наращивая управленческие компетенции.

- **Эксперты** обладают высоким уровнем образовательного капитала, стремительной карьерой, академическими степенями, опытом преподавания. Эти люди смогли извлечь выгоду из своих заслуг в научном поле. Кроме

¹ Источник – открытые данные Московской биржи, на которой развернута информация о тех публичных акционерных обществах, ценные бумаги которых торгуются на бирже. Веб-сайт: <https://www.moex.com/ru/listing/securities-list.aspx>.

того, здесь мы находим несколько моделей карьеры, которые конвертируют академические позиции в государственную бюрократию, и далее в карьеру в госкорпорациях в духе пантуфляжа¹.

- «**Силовики**», представители соответствующих ведомств, конвертирующие военное и / или технократическое образование с дальнейшей квалификацией и опытом работы в органах безопасности или армии в стране или за рубежом, а также с капиталом социальных связей в круге ключевых игроков политического поля.

- «**Наследник / преемник**», характеризуется высоким уровнем организационного и, главное, унаследованного капитала и относительно быстрой карьерой в рамках диверсифицированной корпорации. Часто это сыновья руководителей таких корпораций, с зарубежным образованием. Карьерный старт в системе управления и зарубежный опыт – обычно менее 5 лет – достаточны для приобретения космополитического капитала связей. Легитимируется вторым поколением представителей российской элиты.

Традиционный тип карьеры «снизу вверх» на одном предприятии/корпорации/отрасли с повышением статуса и с переходом с регионально-го на федеральный уровень характерен для большей половины (порядка 60%) выборки СЕО, это в большинстве своем так называемые технократы, а также банковский сектор. Остальные представляют сложносоставные типы карьеры, сменяющие отрасли, позиции в академии, исполнительной власти, и вновь в секторе экономики.

Сложносочиненные траектории полученного образования демонстрируют комбинацию выбора из трех специальностей – инженеры, экономисты и юристы, достраивающие первый уровень высшего образования управленческими компетенциями. Выбор же учебных заведений отражает либо набор престижных отечественных вузов, либо относительно престижные региональные вузы. Для трети выборки СЕО, которые получали второе образование, последующее учебное заведение было уже более престижным, не провинциальным. В младшей возрастной когорте выбор места учебы и типа учебного заведения уже кардинально отличались от более старших групп, они сразу стартовали с учебы за рубежом. Очевидно, что модель воспроизводства, близкая российскому сегменту бизнес-элиты, включает выбор престижного ВУЗа, что становится все более значимым для циркуляции элиты в межпоколенном разрезе, хотя вовсе не гарантирует мандата на вход в элитарный круг.

Литература

Annesley C. Lisbon and social Europe: Towards a European “adult worker model” welfare system // *Journal of European Social Policy*. 2007. 17(3). P. 195–205.

¹ Практика перехода высокопоставленных государственных чиновников к частной предпринимательской деятельности.

Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. (2004). The emergence and development of the life course theory // Handbook of the life course. Ed. By J. T. Mortimer & M. J. Shanahan. New York: Springer, 2004. P. 3–19.

Elliott J. Using narrative in social research. Qualitative and quantitative approaches. London: Sage, 2005.

Klammer U. (2009). The life course research perspective on individual working lives: Findings from the European Foundation research. NET.Doc, 50, 51–69, URL: <http://www.sofi-> <http://www.cereq.fr/index.php/publications/Sen-sitising-life-course-research-Exploring-Amartya-Sen-s-capability-concept-in-comparative-research-on-individual-working-lives> KLAMMER, 2009

Lewis J. (2001). The decline of the male breadwinner model: Implications for work and care // Social Politics. 2001. Vol. 8. P. 52–70.

Д. В. Руденкин, А. С. Зотова

Ценностное несовершенство общества в восприятии российской городской молодежи: опыт эмпирического анализа

**Руденкин
Дмитрий Васильевич**

Кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

**Зотова
Анна Сергеевна**

Аспирант, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: zotova_nauka@mail.ru

Аннотация. Центральный вопрос работы – ценности молодежи. Авторы отмечают, что современной российской молодежи становится характерно недовольство состоянием дел в стране, которое подталкивает многих из них к мыслям о миграции и протестному поведению. Гипотеза, которую выдвигают авторы, заключается в том, что рост таких негативных настроений молодежи имеет ценностную подоплеку. Обращаясь к данным собственного социологического исследования, авторы проверяют эту гипотезу и выделяют главные проявления ценностного несовершенства общества, которые ощущает молодежь: дефицит справедливости, закона и прав человека, излишняя роль силы и личного успеха и другие. Ключевой вывод авторов – в том, что ухудшение настроений российской молодежи действительно может иметь именно ценностную подоплеку.

Ключевые слова: молодежь, российская молодежь, ценности, ценностные контрасты, социологическое исследование.

О жизненных ценностях и современной российской молодежи написано уже немало научных трудов. Соответствующая проблематика регулярно находит отражение в трудах как отдельных исследователей в области социологии молодежи (Миклина, 2015, Николаюк, 2016, Петухов, 2012 и др.), так и всероссийских исследовательских центров, таких как Институт Социологии РАН (Российское общество..., 2015), Аналитический центр Юрия Левады (Гудков, Дубин, Зоркая, 2011) или ВЦИОМ (Россия удивляет..., 2016). Более того, характерным трендом последних нескольких лет стало формирование отчетливого интереса к теме со стороны аналитиков, которые работают вне академической науки и в первую очередь ориентируются на запросы бизнеса. Исследования жизненного мира молодежи, которые были выполнены по инициативе социальной сети «ВКонтакте» (Поколение...,

2019) и «Сбербанка» (Сбербанк открывает..., 2019), говорят о том, что подобная проблематика начинает вызывать все более очевидный интерес со стороны предпринимателей и управленцев. Однако в настоящий момент явно сложились условия для того, чтобы интерес исследователей к теме ценностей молодежи стал сильнее. Повышенный (в сравнении с обществом в целом) протестный потенциал российской молодежи говорит о том, что текущие реалии жизни российского общества по каким-то причинам вызывают у многих молодых россиян недовольство. А растущий процент российской молодежи, настроенной на отъезд из страны (который, по некоторым оценкам, сейчас достигает 40–45% (Эмиграционные настроения..., 2019)) и легкость, с которой многие ее представители вовлекались в различные протестные акции 2017–2019 гг., говорят о том, что это недовольство уже начинает конвертироваться в конкретные поведенческие установки и поступки. Вопрос о том, какова подоплека этого молодежного недовольства, возникает почти автоматически. Поэтому изучение жизненных ценностей российской молодежи приобретает сейчас особую актуальность.

Дело в том, что анализ ценностей во многом помогает прояснить природу наблюдаемого молодежного недовольства. Аналитическая привлекательность категории «ценность» – в том, что она помогает прояснить систему жизненных убеждений, которые подталкивают индивидов и их группы к различным настроениям и поведенческим установкам. Конечно, важно понимать, что, как и любой термин, категория «ценности» допускает множественные толкования. И мы согласны с той позицией, которую высказывает А. В. Кирьякова: в современной науке можно выделить довольно много разных определений ценностей, каждое из которых будет делать акцент на каких-то особых сторонах этого явления (Кирьяков,а 2010). Тем не менее, общее смысловое этого термина, по нашим наблюдениям, скорее устоялось. В целом мы разделяем точку зрения С. О. Елишева, согласно которой чаще всего под ценностями в рамках социально-гуманитарных исследований понимаются некие субъективные, оценочные представления человека о том, что является важным в жизни, а что – нет (Елишев, 2010). В каком-то смысле ценности можно считать своего рода «системой координат», которая является основой как убеждений человека, так и поведенческих установок, которые вырастают из этих убеждений. Было бы явным преувеличением считать, будто ценности являются единственным фактором, на основе которых возникают убеждения и поведенческие установки человека, но все же их роль в таких процессах очевидно велика. И устоявшаяся исследовательская практика показывает, что часто ценности анализируются учеными именно в таком ракурсе: работы таких авторов, как Н. В. Корж (Корж, 2011), Н. Г. Лапин (Лапин, 1996), О. О. Романова (Романова, 2013) и др. показывают, что подобный анализ ценностей ведется в отечественной науке регулярно. Иными словами, устоявшаяся исследовательская практика говорит о том, что обращение к анализу ценностей действительно помогает понять природу убеждений и поведенческих установок как отдельных индивидов, так и их групп. И обращаясь к такому анализу, мы вполне можем прояснить природу того молодежного недовольства, о котором шла речь выше.

Актуальные тренды развития российского общества говорят о том, что в ценностях молодежи за последнее время могли случиться определенные колебания. Российское общество в принципе не назовешь ценностно стабильным. Постоянные острые споры о границе допустимого в современном искусстве, болезненные дискуссии о наследии советских и имперских времен, частые дискуссии о границах приемлемого поведения в семейной и сексуальной жизни и множество других жестких полемик, в которые вовлекаются многочисленные слои населения, говорят если не о моральном кризисе российского социума, то, как минимум, об отсутствии в нем какого-то явного ценностного консенсуса. Тренды последних лет лишь усугубляют эту ситуацию: болезненное падение уровня жизни населения, обострение отношений России со многими некогда партнерскими странами мира и принятие в стране сразу нескольких дискуссионных законов актуализируют множество морально-этических дискуссий, которые способны оказывать на ценности молодежи самое непосредственное влияние. Интуитивно можно предположить, что ценности, которые формируются у молодежи под воздействием этих разнонаправленных трендов, становятся противоречивыми и тяготеющими к негативизму. Если эта гипотеза верна, то подоплека текущего всплеска негативных настроений в молодежной среде становится вполне объяснимой. Однако верность этой гипотезы, несомненно, нуждается в эмпирической проверке.

Такую эмпирическую проверку мы можем выполнить на базе собственного исследования. В 2018 г. мы провели на базе Уральского государственного педагогического университета анкетный опрос молодежи Екатеринбурга, целью которого являлась комплексная диагностика социальных настроений и социального самочувствия молодежи города. Всего в ходе этого исследования были опрошены 1503 представителя молодежи города в возрасте от 14 до 29 лет, которые отбирались на основе квотной выборки. В качестве квотных критериев выступали район проживания опрошенных, их пол, а также принадлежность к одной из трех возрастных подгрупп: 14–17 лет; 20–24 лет; 25–29 лет. Диагностика ценностей опрошенных, которая была важной частью анализа их социальных настроений и социального самочувствия, выполнялась на основе двух связанных вопросов анкеты. Первый вопрос: *«Какие принципы Вы хотели бы видеть в основе идеального общества?»*. Второй вопрос: *«Какие принципы, по Вашим ощущениям, сейчас возобладали в российском обществе?»*. У этих вопросов были одинаковые варианты ответа. Поэтому сравнивая ответы на эти вопросы, мы могли получить представление не только о том, какие ценности молодые люди считают важными для себя, но и о том, в какой мере наблюдаемые ими общественные реалии соответствуют их идеалу. Фактически, опираясь на данные этого исследования, мы получали возможность понять, насколько ценностно совершенным видится им российское общество и какие ценностные уязвимости этого общества имеют для молодежи наибольшее значение.

Результаты анализа ответов на эти вопросы оказались довольно наглядными и красноречиво говорят о специфике отношения молодежи к текущим реалиям российского социума (см. таблицу 1). В ходе этого анализа удалось сделать несколько примечательных выводов.

Таблица 1

Ценности идеального общества и российского общества в представлении опрошенных

Варианты ответа	Идеальное общество		Российское общество	
	Число ответивших	% от числа ответивших	Число ответивших	% от числа ответивших
Выгода	27	1,8	1116	74,3
Доверие	593	39,5	72	4,8
Закон	1073	71,4	351	23,4
Личный успех	111	7,4	971	64,6
Мораль	502	33,4	99	6,6
Права человека	939	62,5	225	15,0
Равенство	602	40,1	88	5,9
Свобода	438	29,1	239	15,9
Семья, дом	909	60,5	440	29,3
Сила	27	1,8	1044	69,5
Собственность	105	7,0	879	58,5
Справедливость	1133	75,4	52	3,5
Традиция	267	17,8	203	13,5
Труд	487	32,4	239	15,9
Итого	1503	100,0	1503	100,0

Первый вывод. Российский социум в восприятии молодежи представляет собой фактический ценностный антипод идеального общества. Видно, что среди перечня анализируемых ценностей нет таких, которые с равной или хотя бы сопоставимой частотой приписываются идеальному обществу и современной России. Ценности или называются большинством опрошенных как неотъемлемый атрибут идеального общества, но почти не упоминаются в контексте оценки России, или же, наоборот, в качестве характерных России упоминаются, а в качестве того, что хотелось бы видеть в идеале, – нет. Иначе говоря, можно сказать, что, в восприятии молодых людей какие-то ценности выражены в России или гипертрофировано сильно, или слишком недостаточно, если сравнивать с желаемым в идеале. В восприятии большинства представителей молодежи Россия строится далеко не на тех ценностях, которые им бы хотелось видеть в идеале.

Второй вывод. Ценностные патологии российского общества для опрошенных содержательно конкретны. Судя по полученным данным, многие молодые люди не только ощущают российское общество ценностно несовершенным, но и видят в нем конкретные ценностные изъяны. Один такой изъян – гипертрофированная роль ценности силы. Абсолютное большинство опрошенных считают ее явно лишней для идеального общества: в нем ее готовы видеть лишь 1,8% из них. В то же время, в российском обществе высокую значимость этой ценности ощущают уже 69,5%. Это говорит о том, что более половины опрошенных ощущают в России большую роль силы, которой, по их мнению, в идеале быть не должно. Аналогичная

ситуация видна и с другими ценностями: выгодой, личным успехом и собственностью. Все они многими опрошенными ощущаются как важные для России, но чуждые идеальному обществу. Фактически можно сказать, что Россия предстает для многих из них обществом избыточной важности силы, выгоды, собственности и личного успеха.

Третий вывод. У большинства опрошенных прослеживается тоска по ценностям, которые так или иначе связаны с честностью и нормами. Ключевая ценность, которая одновременно ощущается большинством опрошенных как часть идеального социума и не приписывается нынешней России, – ценность справедливости. В идеальном социуме ее хотели бы видеть три четверти опрошенных (75,4%), тогда как в современной России ее проявления ощущают только 3,5%. Точно так же дело обстоит и с созвучными ценностями прав человека, закона, свободы (тоска по которой, впрочем, не так распространена, как ощущение дефицита других перечисленных ценностей). То есть, можно сказать, что для большинства опрошенных молодых людей Россия предстает обществом дефицита справедливости, закона и прав человека.

Четвертый вывод. Ценностные изъяны российского общества, которые ощущают молодые люди, фактически универсальны. Проведенный анализ показал, что ни пол, ни возраст, ни район проживания, ни иные социально-демографические параметры опрошенных не имеют статистически существенного влияния на то, какие именно ценности они приписывают идеальному обществу и современной России. Расхождения в ответах разных сегментов опрошенных по этим показателям есть. Однако коэффициенты корреляции показывает статистическую слабость влияния упомянутых признаков на ответы опрошенных (в данном случае использовался коэффициент Крамера, значения которого в случае выявленных расхождений не превышали значения в 0,1). Поэтому мы склонны считать, что ощущаемые ценностные уязвимости российского общества для молодых людей относительно универсальны. Вне зависимости пола, района проживания, дохода и иных социально-демографических параметров, они видят примерно одни и те же ценностные контрасты общества.

Исходным импульсом, который вдохновил нас на проведение данного исследования, являлось стремление прояснить причины обострения молодежного недовольства, которое фиксировалось недавними исследованиями. В целом наш анализ показал, что ценности молодых людей если и не являются решающей причиной этого роста недовольства, то явно могут играть важную роль в его формировании. Современное российское общество ощущается молодыми людьми как ценностно несовершенное, в каком-то смысле «неправильное». Большинство из них ощущают дефицит таких ценностей, как справедливость, закон, права человека, свобода. И в то же время большинство из них чувствуют неоправданно высокую роль силы, собственности, выгоды. Величина контрастов между идеалом и наблюдаемой действительностью, как и универсальность настроений молодежи, видимо, говорят о том, что ощущение ценностного несовершенства российского общества не только имеет большое распространение среди молодежи, но

и получило конкретное оформление. И такое ощущение несовершенства общества, несомненно, может являться одной из важных причин негативизации настроений молодежи.

Впрочем, подчеркнем: нам хотелось бы в данном случае воздержаться от притязаний на окончательные и всеобъемлющие ответы. Мы по итогам своего анализа можем лишь отметить, что у многих представителей современной российской молодежи устоялось представление о ценностном несовершенстве общества, и предположить, что это ощущение существенно влияет на их отношение к окружающей действительности. Тем не менее, очевидно, что эволюция ценностей российской молодежи и их влияние на настроения молодых людей требуют дальнейшего и более детального изучения.

В статье использованы данные, собранные в ходе реализации проекта РНФ № 17-18-01278, «Молодежный вандализм как реакция на информационные вызовы современной городской среды».

Литература

Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований. 2011. 96 с.

Елишев С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–90.

Кирьякова А. В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Аксиология и инноватика образования». 2010. №1. [сайт]. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/?doc=3> (дата обращения: 15.07.2019).

Корж Н. В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2011. № 3(34). С. 327–332.

Лапин Н. Г. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.

Миклина Л. И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. № 1. С. 136–140.

Николаюк Е. А. Ценностная структура российской молодежи и ее самосохранительное поведение на современном этапе // Власть. 2016. № 11. С. 145–150.

Петухов В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки, политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.

Поколение «ВКонтакте» в цифрах и цитатах [Электронный ресурс] // Официальный сайт «ВКонтакте» [сайт] URL: https://vk.com/doc9637095_453312678?hash=c6dfaccfaa71d45a88&dl=84cf76842b6938502f (дата обращения: 15.07.2019).

Романова О. О. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «ценность» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. №4 (22). С. 55–63.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М. К., Петухов В. В. М.: Издательство «Весь мир». 2015. 366 с.

Россия удивляет-2015: настроения, суждения, ценности. М.: ЭКСМО. 2016. 208 с.

Сбербанк открывает доступ к самому крупному в своей истории качественному исследованию молодежи [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Сбербанк» [сайт] URL: https://www.sberbank.ru/ru/press_center/all/article?newsID=2889a5e5-df1d-4e9f-acf1-ad0456fbcd8f&blockID=1303&regionID=2&lang=ru (дата обращения: 15.07.2019).

Эмиграционные настроения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/04/emigratsionnye-nastroeniya-3/> (дата обращения: 15.07.2019).

Л. А. Сабурова

Здоровье как объект общественного и индивидуального проектирования в информационном обществе: перераспределение полей символической власти

Сабурова
Людмила Альбертовна

Кандидат философских наук, доцент, Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия.

E-mail: sabur@udm.ru

Аннотация. В докладе анализируются процессы переопределения концептов здоровья в условиях утраты монополии на экспертные позиции официального медицинского дискурса в условиях цифровых глобальных коммуникаций. Рассматриваются основные факторы этой трансформации – достижения медицинских технологий, выходящие за рамки традиционных представлений о границах медицинского вмешательства в человеческую жизнь; экспансия концепта «общественное здоровье», ориентированного на контроль за зоной благополучия, а не страдания, как традиционная медицина; выход на глобальный уровень альтернативных дискурсов в сфере здоровья – эзотерических, диетологических, психотерапевтических и др. Описываются наиболее радикальные конфликты глобального уровня в идеологии здоровья, обуславливающие индивидуальный выбор индивида в идеологически и практически усложняющемся поле конфликтующих дискурсов.

Ключевые слова: социология здоровья, социология медицины, нетрадиционная медицина постправда, дискурс.

В мире, где информационное пространство больше не является монопольным инструментом политической власти, современный человек оказывается, с одной стороны, в ситуации неограниченной свободы выбора любой информации, с другой – принципиально размываются границы между достоверной и недостоверной информацией, что позволяет многим экспертам обозначать нынешнюю эпоху как эпоху «постправды» (Чугров, 2017), а также говорить об «обществе недоверия» (Крастев, 2014).

Это состояние информационного поля, в котором поиск достоверных свидетельств и фактов требует от потребителя информации серьезных личных усилий и определенного уровня профессиональной подготовленности, затрагивает не только сферу политической и около-политической информации. Это касается любых сфер жизни людей, в том числе – сферы здоровья.

Тема здоровья в современном мире выходит далеко за пределы медицинского дискурса, становясь полем конкуренции различных субъектов символической власти. В качестве основных сдвигов, определяющих переосмысление концепта здоровья, можно обозначить следующие процессы:

1. Революционное развитие биотехнологий, порождающее новые гуманитарные вызовы и новый конфликт между технологическими и экзистенциальными определениями человеческой жизни. Столкновение естественнонаучной объективации и «инженеризации» человеческой жизни как набора предупреждаемых и излечиваемых болезней с традиционной гуманитарной парадигмой выводит эти вопросы в плоскость социально-политического дискурса, в котором начинают сталкиваться властно-символические интересы конфессиональных, профессиональных, гендерных, этнических групп. Медицинский подход к здоровью и биологической жизни может быть описан как количественный, нацеленный на увеличение продолжительности жизни любой ценой. Соответственно, дискурсы, связанные с «болезнью», «ремиссией», «факторами риска», определяют диапазон символической власти медицины, с одной стороны, довольно узко, а, с другой – абсолютно монопольно в пограничных зонах человеческого существования: в зонах рождения, болезней и смерти. Социально-политический подход ориентирован на качественные характеристики здоровья и жизни, переопределяя здоровье посредством дискурсов «благополучия», «состояния человеческого капитала», «активного долголетия» и т. д. Диапазон влияния этих дискурсов довольно широк и не может быть однозначно определен. К тому же эти дискурсы не могут быть монополизированы никаким конкретным актором, соответственно, они не могут выступать серьезными ресурсами в борьбе за символическую власть. Однако именно эти дискурсы, обладая высоким диффузным потенциалом, выступают зачастую инструментами политического влияния, используя маркеры «нормальности», «здоровья», «благополучия» для обозначения политически предпочитаемых явлений и процессов. В конечном счете, именно преодоление сугубо клинической интерпретации здоровья как отсутствия болезней на популяционном уровне порождает развитие концепции «общественного здоровья».

2. Развитие концепта «общественное здоровье», снижая значимость клинически определяемых аспектов здоровья в пользу социальных, экономических, экологических его составляющих, постепенно сдвигает фокус общественного внимания с факторов возникновения болезней к факторам их профилактики, эволюционируя в направлении способов поддержания «здоровья как такового», безотносительно к рискам возникновения конкретных заболеваний. Усиливающееся влияние глобальной политики в сфере общественного здоровья перераспределяет символическую власть от научной медицины к политическим и административным субъектам власти, порождая множество глобальных, региональных и локальных политических и общественных проектов типа «города за устойчивое развитие», «здоровые города», «здоровые предприятия», «здоровые школы» и т. д. **Контроль над болезнями как зоной страдания все больше вытесняется в публичной жизни контролем над здоровьем как зоной благополучия.** Однако, несмотря на

некоторый рост популярности новых дискурсов в этих зонах благополучия, таких, например, как «здоровое городское планирование», «комфортная (доступная, безопасная) среда», «доброжелательность к детям», «снижение неравенства в сфере здоровья», на глобальном уровне они пока не способны конкурировать с клиническими дискурсами в силу несравнимо более высоких реальных инвестиций фармацевтических и медицинских корпораций в дискурсы, артикулирующие возможности снижения страданий и полного или частичного выхода из этой зоны.

3. В зависимости от степени выраженности политического контроля над общественным здоровьем проявляется другая тенденция перераспределения власти в сфере здоровья, а именно – **усиление влияния так называемой «альтернативных» подходов к здоровью во всем многообразии соответствующих дискурсов:** эзотерических, диетологических, психотерапевтических, спортивных и т. д. Основным предметом конкуренции этих альтернативных дискурсов становится образ жизни людей как наиболее гибкий и легко управляемый **«фактор здоровья»**, по сравнению с факторами окружающей среды, системы здравоохранения и наследственностью. Эта тенденция поддерживается ресурсами информационного общества и маркетинговыми стратегиями соответствующих отраслей бизнеса. Усиление тенденций горизонтальной интеграции в обществе цифровых коммуникаций, преодолевающее национальные, корпоративные, административные границы контроля, позволяет любой новой идее при использовании эффективных инструментов продвижения, формировать новые тренды в питании, физической активности, организации сна и отдыха, взглядах на семейные и сексуальные отношения, одежде и т. д. Примечательно, что практически все эти **альтернативные дискурсы используют для своей легитимации чисто клинические термины и описания**, такие, как «продукт А является сильным антиоксидантом», «продукт Б снижает уровень холестерина», «упражнение С делает фасции эластичными», «мысли на тему Д создают новые нейронные связи» и т. д. Очевидно, что, поскольку на бытовом уровне пользователи такой информации в большинстве своем не являются специалистами, сам факт употребления подобных терминов делает носителя тех или иных советов и идей экспертами в глазах людей, позволяет им создавать вокруг идеи или некоей системы оздоровления новые горизонтальные сообщества, в которых из наиболее активных приверженцев вырастают новые «эксперты», создающие новые сообщества последователей. Образуется, таким образом, поле **квази-клинических дискурсов**, дублирующих медицинские интерпретации здоровья, но не имеющие к научной медицине ни малейшего отношения. В сетевых взаимодействиях эти процессы оказываются практически вне зоны контроля как официальной медицины, так и административной системы.

Таким образом, глобализация и вертикализация механизмов символической власти в сфере здоровья порождает обратный процесс – локализацию агентов влияния в горизонтально интегрированных сообществах, что усиливает конкуренцию дискурсов, порождая своего рода кризис доверия в сфере человеческого и общественного здоровья.

Все это создает сложнейшее поле выбора для индивидуального субъекта. Ослабление контроля политической власти в информационном поле, усиление конкуренции производителей товаров и услуг в поле квази-клинического дискурса, формирование новых групп и сообществ в этом поле создают ситуацию, **принуждающую индивидов к свободному выбору. Вопросы здоровья становятся вопросами творческими и локальными.** Однако локальное и творческое конструирование индивидуального и общественного здоровья в поле постоянно обостряющихся идеологических и смысловых конфликтов также оборачивается тем, что любой сконструированный образ де факто является результатом той или иной формы «символического насилия» (Бурдье, 2001).

Наиболее заметные оси борьбы за символическую власть в глобальном масштабе, иллюстрирующие сдвиги традиционных консенсусов в сфере здоровья и погружающие потребителя информации в эпицентры конфликтующих стратегий субъектов символической власти, на сегодня эмпирически фиксируются в отношении противопоставления **макро-идеологием**, выстраивающих собственные поля дискурсов:

Официальная медицина vs «здравый смысл». Этот конфликт во многом является реакцией на «экспансию клиники» и возникает не вчера (Фуко, 2010). В настоящее время к попыткам сопротивления через апелляцию к народной медицине или самолечению добавляются конфликты мировоззренческого уровня, затрагивающие именно пограничные сферы человеческой жизни – рождение и смерть. Примерами таких конфликтных точек могут выступать тема «естественных родов», противопоставляемых медикаментозной помощи и медицинским стандартам оценки состояния матери и ребенка; тема «отказа от иммунизации» и другие темы, превратившиеся благодаря интернету в глобальные дискуссии о правах и границах медицинского вмешательства.

«Западная» медицина vs «восточная». На идеологическом и бытовом уровне этот конфликт часто артикулируется как противоположность материалистически ориентированных подходов к здоровью и болезням и «духовных практик». Проникновение в современные западные культуры дискурсов «осознанности», «позитивной психологии», превращаясь в многомиллионный бизнес, переворачивает представления о связи телесных состояний с ментальными. Эти дискурсы транслируются через повсеместное увлечение йогой, дыхательными практиками, медитациями, которые, на первый взгляд, органично интегрируются в «западную» культуру именно как «телесные практики». Однако эти телесные практики влекут за собой интерес к восточным медицинским практикам и практикам питания. Однако уже практики питания – вегетарианского, веганского, на уровне идеологии подразумевают смыкание «восточных» дискурсов с наиболее радикальными анти-буржуазными и анти-потребительскими общественными движениями, прежде всего – «зеленой» направленности. И в этом своем качестве философствование по поводу материальных или духовных основ здоровья приобретает отчетливую политическую окраску и выводит «восточную повестку» в поле глобальных дискурсов в ситуации очевидного кризиса «однополярного» («вестернизированного») мироустройства.

В этой ситуации глобальных семантических сдвигов в отношении к здоровью индивидуальное конструирование здоровья отягощается разнообразием рекомендаций и возможностей, предоставляемых конкурирующими дискурсами. Спектр рекомендаций охватывает все возможные модели потребительского поведения – от тотального потребления только «здоровых» товаров и услуг, полного подчинения повседневной жизни идее здоровья, до «бунта» как демонстративного отказа от заботы о собственном здоровье. Внутри этого спектра модели могут центрироваться различными идеями, берущими начало в медицинских, социальных либо эзотерических дискурсах. В силу множественности субъектов «форматирования», обилия и нелинейности «правил» как оценки, так и достижения/сохранения здоровья, в силу того, что само понятие здоровья является постоянно определяемым, но так и не определенным, концепт «здоровье» приобретает **свойства гипертекста**. Определения здоровья как состояния (процесса, свойства и т. д.) порождаются в полях многочисленных дискурсов и социальных практик как относительно автономные и самоочевидные.

Экспертная функция в таком конструировании задается отсылкой к «норме», которая, в конечном счете, является социально-конвенциональным продуктом, проявляющим социальные, экономические или политические стратегии тех или иных классов и групп. В соответствии с социальными позициями групп выявляются разные стратегии в отношении здоровья и актуализируются разные типы дискурсов, в том числе конфликтующих. Собственно, описание и анализ этих дискурсов на эмпирическом уровне и позволит глубже осмысливать такие традиционные для социологии здоровья проблемы, как отношение людей к здоровью, здоровый и нездоровый образы жизни, социальные факторы риска в сфере здоровья и многие другие.

Литература

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. 562 с.

Крастев И. Управление недоверием. М.: Европа, 2014. 125 с.

Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. А. Ш. Тхостова. М.: Академический Проект, 2010. 252 с.

Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

И. Н. Трофимова

Ценность образования в контексте изменения жизненных приоритетов россиян

Трофимова
Ирина Николаевна

Доктор политических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: itnmv@mail.ru

Аннотация. В статье на основе результатов репрезентативного социологического опроса исследуется место образования в системе ценностей и жизненных приоритетов россиян. В качестве теоретико-методологической базы использован комплекс положений, акцентирующих внимание на индивидуальных предпочтениях обучающихся и практической целесообразности образования. Сделан вывод, что ценность образования во многом определяется степенью участия населения в различных практиках формального и неформального образования.

Ключевые слова: образование, ценности.

Трансформационные процессы в России на рубеже XX-XXI вв. привели к существенным изменениям во всех областях жизни российского общества, что привело к ре-интерпретации базовых ценностей и переосмыслению россиянами своих жизненных приоритетов, в том числе в сфере образования. Социальные ценности являются точкой пересечения интересов индивида и общества, основой механизма мотивации социального поведения людей. Для индивида ценность образования ассоциируется с более широкими возможностями удовлетворять свои потребности и интересы за счет более высокой квалификации, эрудиции, навыков (инструментальная ценность). Для общества ценность образования означает перспективы своего поступательного развития как целостной социальной системы за счет повышения образовательного уровня населения, совершенствования институтов образования, внедрения новых технологий в сферу общественного производства (образовательная и научно-техническая политика). Проблема заключается в том, что масштабные изменения всегда сосуществуют с устойчивыми и уникальными культурными традициями, что в свою очередь влияет на отношение к ценностям. Мы видим, что в последнее время особое значение стало приобретать качество образования, которое гарантирует не просто стабильное положение в обществе, но высокую конкурентоспособность за счет непрерывного образования.

В качестве эмпирической базы исследования используются результаты опроса населения, проведенного ФНИСЦ РАН в 2014–2018 гг. Объем выборочной совокупности исследования составил 4 000 респондентов, репрезентирующей взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания.

Спецификой переходных обществ является конфликт старых и новых институтов и практик, которые, по мере развития общества, начинают взаимно дополнять друг друга. В современной России сохраняются черты переходного общества, несмотря на почти 30-летний период трансформации. Одним из проявлений конфликта старых и новых институтов и практик является парадоксальное сочетание высокой базовой грамотности и сравнительно низкой функциональной грамотности взрослого населения, что отличает нашу страну от других стран с сопоставимым уровнем развития. Кроме того, для России существует глубокое различие в уровне базовой и функциональной грамотности, в зависимости не только от социального, экономического и профессионального статуса человека, но также от места его проживания, то есть от регионального, территориального и поселенческого фактора.

По итогам переписи 2010 г., 0,6% взрослого населения России не имели начального образования, то есть не умели читать и писать. Еще большее различие существует между отдельными регионами страны. Например, в Республике Ингушетия уровень неграмотности составляет 3,5%, а в Чеченской Республике 2,6%. В некоторых регионах существует значительная разница в уровне грамотности городского и сельского населения, например, в Ямало-Ненецком автономном округе 0,1% и 2,2% соответственно. Во многих регионах Европейской России доля сельского населения без начального образования и с начальным образованием в сумме достигает более 10%. На практике, около 5% трудоспособного населения вообще не имеет образования или имеет только начальное образование. В некоторых регионах уровень неграмотности и малограмотности составляет более 10% (Усть-Ордынский Бурятский АО, Агинский Бурятский АО, Коми-Пермяцкий АО).

Понимание ценности образования в обществе возможно только в контексте всего комплекса жизненных приоритетов населения. Среди жизненных приоритетов для россиян наиболее важными оказались финансовое благополучие, социальная справедливость и поддержание дружеских отношений. На первом месте идет финансовое благополучие: 93% респондентов указали, что это для них «очень важно» и «важно». В списке приоритетов образование занимает среднюю позицию. Всего 56% респондентов отметили его абсолютную важность и 20% – относительную важность. При этом почти четверть (24%) россиян отмечают, что образование для них не имеет значения. Приведенные цифры показывают, что сегодня образование не является терминальной или целевой жизненной ценностью, а выступает как инструментальная ценность, как способ достижения других важных социальных и индивидуальных целей.

Результаты исследования показали, что ценность образования во многом определяется социально-экономическим статусом и связанными с ним возможностями. Так, общеизвестно, что формальное образование более доступно в городах, чем сельской области. Однако жители областных центров оказались более активными участниками различных образовательных программ по сравнению с жителями мегаполисов. По-видимому, это связано с тем, что в больших городах можно найти работу, используя

уже имеющуюся квалификацию или специальность, а не тратить время и ресурсы на дополнительное образование. Также сельские жители обеспечили самую высокую долю лиц, которые компенсировали отсутствие формального образования путем самостоятельного обучения (11%). При этом мужчины проявили большую готовность к смене профессии, чем женщины. Вместе с тем 65% опрошенных женщин заявили, что за последнее десятилетие стало труднее участвовать в образовательных программах.

В целом, факторы и эффекты образования тесно взаимосвязаны. Слабое участие взрослого населения в образовательных программах связано, прежде всего, с низким социально-экономическим статусом, а также с неудовлетворенностью качеством самих программ. Данные обстоятельства закладывают предпосылки для переориентации образовательной среды в пользу индивидуальных, а не институциональных интересов. В социальной теории это находит отражение в разработке подходов к анализу самообразования и дополнительного образования. Самообразование рассматривается не просто как общая, профессиональная и рекреационная деятельность вне формальной системы образования, но и как более общее общественно-политическое явление.

А. Е. Чирикова

Муниципальная власть в России: субъекты, мотивация, лидерство¹

Чирикова
Алла Евгеньевна

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: chirikova_a@mail.ru

Аннотация. В докладе предполагается привести анализ данных эмпирического исследования муниципальной власти на примере пяти малых городов России. Исследование проводилось в два этапа: первый этап в 2013–2015 гг. Второй этап – 2018–2019 гг. Метод исследования – глубинные интервью с ключевыми фигурами исполнительной и представительной власти, бизнес-элитой, директором корпусом, руководителя местных СМИ и региональными экспертами. Всего проведено 136 интервью. На основании полученного массива данных, в докладе анализируется мотивационные особенности глав муниципальных образований. Показывается определяющая роль в мотивации глав собственно губернаторов и желание помочь своему городу жить и развиваться. Обсуждается феномен дефицита мотивации, анализируется такая негативная мотивация, как стремление к личной выгоде у глав-«варягов».

Ключевые слова: главы городов, лидерство, мотивация, оценки городских элит, эффективность городского развития.

Размышляя о муниципальной власти в России, современные исследователи, как правило, основные проблемы видят в несовершенстве институтов муниципальной власти, подчеркивая такие их характеристики как инерционность, несовершенство кадрового потенциала, несовершенство законодательства и др. (Петров, Титков, 2012, Туровский, 2014 и др.).

Проводя эмпирические исследования муниципальной власти на примере пяти малых российских городов в течение последних 5 лет, с использованием метода глубинного интервью, (всего проведено 76 интервью с лидерами власти и бизнеса, региональными экспертами в 2013–2015 и 60 интервью в 2018–2019 гг.) мы вполне определенно можем утверждать – дело не только в несовершенстве властных институтов, но и в мотивации субъектов муниципального уровня, их потенциале лидерства.

Если взглянуть на муниципальную власть глазами регионалов, которые делегируют муниципалам задачи, которые они должны исполнять, то в их восприятии муниципалы предстают не самыми лучшими профессионалами. На это указывают, как наши собственные исследования, (Чирикова, Ледаев, 2017), так и работы других российских ученых (Туровский, 2012).

¹ Исследование выполнено в 2019 г. при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31045опн совместно с доктором философских наук, ординарным профессором НИУ-ВШЭ, В. Г. Ледаевым.

В числе недостатков, которые выделяются представителями высшей региональной власти, как правило, называются:

- Излишняя самостоятельность и отсутствие пиетета перед государственной властью.
- Неэффективность решений, принимаемых органами местного самоуправления.
- Низкий уровень дисциплины в структурах местного самоуправления.

Со своей стороны, субъекты местного самоуправления, недовольны вмешательством в свои дела и хотели бы больше самостоятельности.

Насколько оправданы претензии муниципалов? Почему регионалы предпочитают жесткий контроль за муниципальным уровнем, вместо того, чтобы дать им возделенную свободу? Ответ достаточно прост: уровень доверия регионалов по отношению к муниципалам, как показывают наши эмпирические исследования, относительно низок.

Вот как сложившийся уровень отношений между губернаторской командой и главами городов комментирует один из вице-губернаторов, непосредственно отвечающий за работу с главами местной власти:

«Мне говорят: надо дать полную самостоятельность муниципалитетам ...Но оказывается, что муниципалитеты к этому абсолютно не готовы. Они жили при прежнем губернаторе в состоянии жесточайшего контроля. Контролировался каждый их чих. Они воспринимают новую модель управления не как возможность реализоваться, возможность нормально поработать, они считают это нашей слабостью. Приходится с большой регулярностью устраивать порки, выгонять наиболее отличившихся.... .. Уровень глав, к сожалению, очень разный»

И далее он продолжает:

«Есть либо кормленщики, которые думают о том, как бы пожить, а Вы потом думайте, как из этой ситуации выбраться, либо иждивенцы, которые думают, что они могут делать что угодно, потому что мы потом их должны вытаскивать...». (вице-губернатор, 2014).

Действительно ли профессиональные качества глав муниципальных образований столь не соответствуют требованиям эффективности? Так ли низка их мотивация к осуществлению эффективного управления городом? Обладают ли они необходимым лидерским потенциалом или остаются исполнителями всех указаний, поступающих по властной вертикали? Или предъявленные вице-губернатором оценки сознательно или бессознательно искажают реальный образ акторов муниципальной власти?

Эмпирический анализ мотивации глав муниципальных образований и председателей городских дум, проведенный в 2013–2015 гг. и в 2018–2019 гг., позволяет утверждать – дефицит мотивации у лидеров исполнительной и представительной муниципальной власти действительно существует. И обусловлен он не только личностной инертностью, но и структурными особенностями самой муниципальной власти. Приведем высказывания глав муниципальных образований в исследованных городах, которые

убедительно показывают, число проблем, решение которых зависит от выше-стоящего уровня столь велико, а уровень контроля настолько высок, что это приводит глав к единственно возможному выводу – «не стоит высовываться»:

Да, мы живем в удивительном пространстве, от этого никуда не деться, но наш подход – решать вопросы по мере поступления. И не высовываться. Есть вопросы, на которые мы не можем влиять, поэтому на них и не стоит отвлекаться. Зачем суетиться, рваться, если результата все равно не будет. Когда денег нет, то надежд что-то изменить не остается совсем. (Глава муниципального образования, 2014).

Когда по любому поводу приходит «черная палата», а потом прокурор, а потом уголовное дело, все это заставляет триста раз подумать, а надо ли что-то делать? Когда сидишь ничего не делаешь, зарплату получаешь и хорошо, а так что-то сделал, потом тебе будет хуже (Глава муниципального образования, 2015).

В ситуации, когда ограничительные коридоры столь выражены, а профессиональной само мотивации в силу разных причин не возникает, определяющую роль в мотивационной настройке начинает играть губернатор.

Почему именно губернаторское влияние столь велико в мотивационном измерении? Ответ прост. Соглашаясь стать главой города, претендент обязательно договаривается с губернатором, который формулирует для него текущие и перспективные цели, которые должны быть реализованы. Глава формирует свой образ губернатора, который вызывает у него уважение. Чем большим авторитетом пользуется губернатор, тем большее влияние на мотивацию главы он оказывает. Иногда отношение к губернатору кардинальным образом влияет на решение: идти или не идти во власть:

Я губернатора давно знаю, это сильный человек. Он человек из СССР. Он служит государству. Таких людей сейчас уже нет. Знаете, почему я пошел во власть? Потому что я поверил губернатору. Мне тогда хотелось доказать – я оправдаю его ожидания. ...Если я верю человеку, то я буду с ним. Я вижу его отношение к делу. Вот и все. (Глава муниципального образования, 2014).

Я очень уважаю губернатора, я вижу, как он себя ломает, я вижу как он бьется... я считаю, что он человек достаточно бескорыстный... И мне просто стыдно его подвести. Мне не хочется, чтобы из-за меня, из-за моей территории, которую он мне вверил, у него были какие-то головные боли. Для меня это главный мотиватор. (Глава города, 2019).

Губернатор мне очень понравился. Он принял такое неординарное решение, вернув меня во власть. Я понимаю, что это сильный человек, потому что слабый человек на такие решения просто не способен...Мне с ним очень интересно. Мы с ним на одной волне. Мы с ними мыслим одними категориями. Я очень хочу соответствовать его ожиданиям. (Глава города, 2018).

Является ли отношение к губернатору единственным мотиватором? Исследование показывает, вторым по значимости мотивом является также желание глав «помочь своему городу и его населению». Подобная мотивация возникает у глав, укорененных в этом городе, тогда как у «варягов» она отсутствует:

Я и раньше не позволяла себе делать что-то хуже других И сейчас я понимаю, я должна выложиться полностью, но сделать все для города. Это во мне не изменилось. Я люблю свой город, я здесь выросла, он мне дорог и я не дам ему скатиться вниз» (Глава города, 2018).

Я хотел и хочу исправить ситуацию в городе. Проработав год-два я понял: . мы оказывается можем изменить ситуацию, если сильно захотим. Оказывается, мы можем не только брехаться и стреляться, чем город был славен многие годы, но еще что-то другое делать. Ведь город какое-то время назад считался, чуть ли не преступной столицей. Мы начинаем привыкать к тому, что мы не умеем действовать. (Глава города, 2019).

Таким образом, позитивная мотивация у глав городов формируется не только из материальных стимулов.

Существует ли у глав негативная мотивация, направленная на извлечение личной выгоды?

Однозначного ответа на этот вопрос не было найдено. Однако оценки локальных элит, относительно ушедших глав, позволяют утверждать, что мотивация, направленная на извлечение личной выгоды, имеет место у глав, ушедших со своей должности. По крайней мере в этом случае она озвучивается элитами. Особенно она развита у глав-«варягов». Как правило, главы с такой мотивацией, либо оказываются в тюрьме, либо переизбираются, однако утверждать, что все они оказываются за пределами коридоров власти все же нельзя.

Чего сегодня, по мнению локальных элит, не хватает главам малых городов? Прежде всего – лидерских качеств. Оказывается, что лидерских качеств среди глав городов, за редким исключением, либо нет вообще, либо их чрезвычайно мало. Запрос на лидерство, как на способность выходить за границы существующих ограничений, умение продвигать свои идеи в сложных условиях, становится все отчетливее. Сегодня для руководителей города уже недостаточно пиара и самопиара, продуманных телевизионных программ или газетных статей, сегодня требуется реальная работа по консолидации финансов, умение влиять на настроения элиты и общественности, умение действовать, используя не только формальные ресурсы, но и неформальные связи и договоренности, построенные на взаимном доверии. В противном случае, растет недовольство элит и населения. «Больше инициативы на места» – это старый девиз власти, сегодня забытый, но от этого не ставший менее востребованным.

Кларенс Стоун, в своей работе 1995 года писал: «Когда есть трудности – неизбежно формируется запрос на лидерство. У лидеров – есть видение, план, способность вести людей, которые и находятся в центре политики. Именно за счет лидерства – происходят совместные действия людей, возникает креативный процесс, когда получается что-то, чего не было раньше. Лидерство может приостановить углубление кризиса» (Stone 1995).

Сегодня позиция, высказанная Кларенсом Стоуном 25 лет назад, оказывается как никогда созвучной времени, применительно ко всем уровням власти. Дефицит лидерства – следствие работающей властной вертикали, когда главы городов не просто не хотят, а не могут выйти за рамки предписанных схем действий, оказываясь не лидерами, а исполнителями «указаний сверху».

Л. С. Шилова

Трансформация профессиональных ценностей врачей вследствие реформирования здравоохранения

**Шилова
Людмила Сергеевна**

Кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: Liudmila-shilova@yandex.ru

Аннотация. Замена медицинских приоритетов в лечении экономическими, в частности, привязывание зарплаты к доходам учреждения, приводит к конфликту с традиционными профессиональными ценностями врачей. С тем, чтобы заработать дополнительные средства для учреждений, администрация толкает врачей к избыточной диагностике, процедурам и лечению. Администрация в соответствии с рыночной ментальностью – «клиент всегда прав», удовлетворяет все жалобы пациентов на работу врачей, не беря во внимание их некомпетентность. Наше юридическое сообщество оказалось не готово адекватно реагировать на этот процесс. Это вынудило врачей придерживаться тактики «защитной медицины», когда медицинские решения принимаются не с точки зрения целесообразности, а в связи с минимизацией рисков. Врачи считают, что позиционирование пациента как клиента, медицинскую помощь как услуги, а врача как продавца услуг – это вредная концепция, ведущая к деградации медицины.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, врачи, профессиональные ценности, пациенты.

Главный фон этих трансформаций – это коммерциализация медицины, которая привела к замене медицинских приоритетов в предоставлении медицинской помощи экономическими. При новом механизме финансирования медицинские учреждения должны сами зарабатывать на все нужды (от зарплат, премий, расходных материалов, до коммунальных платежей, ремонта и т. д.). Заработать трудно, потому что тарифы ФОМС за все виды помощи сильно занижены, не покрывают реальную стоимость оказываемых услуг. Руководство медицинских учреждений активно ищет способы заработать дополнительные средства, и вынуждает врачей, как они говорят, «выдавливать» из пациентов платные услуги, излишнюю диагностику и затягивать лечебный процесс.

Интервьюирование врачей показало, что с этой целью сформировался огромный репертуар практик воздействия на пациентов. Вот пример одной из них из интервью с врачом-лаборантом роддома. Главврач попросил повышать в анализах младенцев уровень глюкозы для назначения дополнительных анализов и дорогих лекарств, за что роддом получит дополнительные

деньги от ОМС. Завышать анализы рекомендуют у детей рожениц с низким образовательным уровнем, не москвичек, чтобы не столкнуться с грамотным поведением рожениц. Внимание родителей на повышенном уровне глюкозы врачи не акцентируют. Когда новорожденных начнут патронировать в детской консультации и сделают свои анализы, все встанет на свои места – это моральное оправдание о «ненанесении» вреда. Уловка остается незамеченной, но роддом зарабатывает немного дополнительных средств.

Таким образом, выписка зачастую ненужных направлений на анализы, диагностические и лечебные процедуры, затягивание лечения, предъявление дополнительных диагнозов – это следствие привязки зарплаты врачей к доходу медицинского учреждения. Это то, чего пациенты справедливо опасаются, и вследствие чего происходит снижение доверия пациентов врачам.

Практики зарабатывания денег медицинскими учреждениями на пациентах постоянно растут. Так, по данным опроса 4 тыс. медицинских работников из 85 регионов Общероссийским народным фронтом в 2018 почти 25% медиков ответили, что получали неформальные директивы руководства своей организации о приоритете коммерческих медицинских услуг при получении пациентом бесплатной помощи (Звездина, 2018).

Коммерциализация медицины – это не только постоянный рост тарифов на диагностику, лекарства, лечение, за этим следует появление новой ментальности в отношениях врачей и пациентов. С врачами даже проводились бизнес-тренинги, на которых им переобозначали традиционные роли в соответствии с рыночной терминологией. Так, пациент становится клиентом, медицинская помощь – медицинской услугой, а врач, соответственно продает медицинские услуги. Врачи в профессиональной прессе и в социальных сетях, сопротивляются такому подходу считая, врачевание – это не сфера услуг, это как вредная концепция, ведущая к деградации медицины. Коммерциализация в таком виде убивает само гуманистическое предназначение профессии. *«Во врачевании нет вообще экономики! Это искусство, везение и шестое чувство, основанные на опыте, заинтересованности и тяжелом ежедневном труде простого человека, который избрал для себя этот путь»* (цитата из интервью).

И довольно быстро некоторая часть пациентов начала воспринимать врачей именно в соответствии с рыночной ментальностью, как обслуживающий персонал. Этому способствует и видимое понижение социального статуса врача в обществе, как низкооплачиваемого и зависимого работника с ненормированной занятостью. В сложившихся условиях труда у врачей действительно повысилась вероятность допущения ошибок. А у пациентов возросла требовательность и придирчивость к работе врачей. Наконец, к такому восприятию врачей пациентами подталкивает сама администрация медицинских учреждений, которая охотно реагирует на любые жалобы пациентов, давая им ход без предварительного разбирательства, в соответствии с рыночной логикой «клиент всегда прав».

В 2018 г. по данным Следственного Комитета возбудили почти на 25% больше уголовных дел в связи с врачебными ошибками по жалобам пациентов, чем в 2017 г. (Регулировать деятельность..., 2019). Поток жалоб

на врачебных сетевых форумах даже получил определение – «потребительский терроризм пациентов». Врачи считают, что *«недовольство пациентов часто вызвано правилами и условиями предоставления медицинских услуг, но врач к ним ближе, поэтому к нему это недовольство и обращено»* (из интервью с врачом, специалистом поликлиники).

Пациентские жалобы имеют еще одну особенность. Начиная с 2006 г. сумма требований пациентов по возмещению морального вреда выросла с 200 тыс. руб. до 2 млн руб. Л. М. Рошаль прокомментировал эту тенденцию: *«Мы провели исследование, ... и оказывается, народ не хочет, чтобы врач сидел в тюрьме, а народ хочет получить деньги»* (Рошаль, 2019).

Рост жалоб пациентов, в свою очередь, вызвал со стороны врачей ответную реакцию, «защитную медицину». Врачи, опасаясь ответственности и жалоб, предпочитают в диагностике и лечении методы по типу минимизации рисков, а не по типу целесообразности, эффективности и достаточности. И в итоге ответственность может для врача и не наступает, но и эффект лечения – не тот, которого можно было бы ожидать. Общество получает уклоняющегося от принятия решений врача, который старается минимизировать риски.

Рост жалоб пациентов – общемировая тенденция. Но, в отличие от мировой практики, наше юридическое сообщество оказалось пока не готово адекватно реагировать на этот процесс. Основной инструмент оценки врачебной деятельности – клинические рекомендации и стандарты медицинской помощи представляет собой многоуровневые нормативно-правовые документы, создаваемые и утверждаемые разными субъектами и плохо согласуемые между собой. Если их сравнивать с международными протоколами, то они предоставляют очень узкий коридор возможностей для врача при выборе решения. По нашим протоколам и стандартам непонятно, как лечить людей с несколькими хроническими заболеваниями, как у них будут взаимодействовать разные лекарственные препараты? Вот тут-то и таятся огромные возможности для ошибок. Тут-то и требуется интуиция, опыт и искусство врача, который свободен от давления усредненных инструкций и протоколов.

В Минздраве понимают, что нормальный инструмент оценки качества медицинской помощи отсутствует. Стандарты и рекомендации постоянно перерабатывают и к концу 2019 г. обещают сформировать окончательный вариант. А в это время практика контроля развивается по своим законам, и проверяющим запутанность инструмента не мешает. При обнаружении отклонений от стандартов или клинических рекомендаций врача штрафуют на сумму от 10 до 20 тыс. руб., а медицинское учреждение от 50 до 70 тыс. руб., а жалобами от пациентов занимается Следственный комитет и прокуратура.

По мнению врачей, среди страховщиков, чиновников и юристов сформировалось устойчивое убеждение в «презумпции виновности врачей» и они заслуживают уголовного наказания. Это убеждение растиражировали СМИ (для которых подобные материалы поднимают рейтинги по законам желтой прессы) и оно стало разделяться обществом, в частности, пациентами. Врачи подчеркивают непонимание со стороны всех участников контроля

сущности медицинской помощи и ожидаемых ее результатов. Медицина – наука неточная, в ней требовать гарантий невозможно. Конечно, со стороны врачей возможны ошибки, и при нынешних условиях их работы они должны возражать. Они могут проявлять невнимательность, возможно грубость. И все эти проявления с их стороны, безусловно, заслуживают осуждения, но не уголовного же!

Следственный комитет предложил по врачебным составам преступления наказания для медработников более жесткие, чем если бы эти преступления были совершены лицами другой профессии. Так, за «Ненадлежащее оказание медицинской помощи» предусматривает за идентичные деяния представителей других профессий гораздо более жесткое наказание: вместо 1 года лишения свободы – до 2 лет, вместо 4 – до 7 лет тюрьмы. Это прямая дискриминация врачей по профессиональному признаку». Предвзятость правоохранительных органов для врачей очевидна: «А пожарные: не спас человека из огня – под суд? Полицейский преступника не поймал – под суд? и т. д. А занимаются только врачами – почему?»

Сегодня профессиональная деятельность врачей находится под тройным дамокловым мечом. Во-первых, расхождение интересов с собственной администрацией, требования которой к работе идут вразрез с их традиционными профессиональными ценностями и этическими нормами. Во-вторых, проверки страховщиков и перспектива предвзятых судебных разбирательств. В-третьих, низкие заработки врачей. Они испытывают неудовлетворенность трудом и профессиональное выгорание. При совокупности сложившихся условий труда перед врачами встает вопрос о целесообразности дальнейшего продолжения работы. Не все врачи согласны работать в таких условиях, поэтому дефицит врачей, особенно в поликлиниках, будет сохраняться.

Тема трансформации профессиональных ценностей врачебной профессии вследствие реформирования здравоохранения многопланова, мы затронули лишь некоторые ее аспекты.

Литература

«Регулировать деятельность врача уголовным кодексом – нонсенс» // Медицинская Россия (электронный ресурс). Онлайн издание о работе российских медиков и ситуации в здравоохранении). URL: <https://medrussia.org/28008-deyatelnost-vracha/> (дата обращения: 03.04 2019).

<https://medrussia.org/28557-zhalobi-na-vrachey/> (дата обращения: 19.04.2019).

Звездина П. Почти 25% российских врачей получали указания навязывать платные услуги // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2018/5c09419b9a7947781ad3fa28?fbclid=IwAR0X4FfALEL1bhbFRKX-cBgTxAM7vjMLTF06LqwnZlfhJZlZ0QpHSueXP4U> (дата обращения: 10.12.2018).

Рошаль Л. М. «Жалобы на врачей меркантильны». Пациент не хочет, чтобы врач сидел в тюрьме, он хочет получить деньги // Медицинская Россия. 18.04.2019.

Karine Clement

The Russian “Vatniki” and the French “Yellow Vests”: An Attempt to Understand the We-Lower Class People

Karine
Clement

Centre D'études Des Mondes Russe, Caucasiens Et Centre-européen CERCEC/EHESS, France.

E-mail: carine_clement@hotmail.com

Abstract. Beyond the obvious differences in the context and environment of their living, the “invisible people” in Russia and in France have much in common beyond their invisibility in the public sphere. As shown by the recent “Gilets Jaunes” movement in France and the social criticism from below noticed in recent fieldworks in Russia, it seems that the “invisible” or socially despised / ignored layers of the society are not ready anymore to quietly play the game of the consenting governed. In the paper, I argue that they are sketching a new type of politics which is directed against institutional politics and those at the top of the institutional politics, while asserting a new horizon of commonality in both meanings of sharing something common and belonging to the common people (populos).

Keywords: lower class, precarious, political movement, political activism, commonality, Russia, France.

I propose to study the process of populization, which means the process by which people from the lower classes imagine themselves as sharing the same social experience to which they recover sensitive connections and which they requalify and value through close interactions, free talks and common practices or actions.

The thesis relies on data from two field studies. One has been conducted in different Russian regions in 2016–2018, while studying ordinary nationalism, and provides information from 237 in-depth interviews with people of different socio-demographic profiles. The second is a work in process, since I am now doing field research on the Gilets jaunes, mostly through informal interviews and observations. And as astonishing as it can appear, the Gilets jaunes movement resonates very much, from my perspective, with what I have seen and heard in Russia among the lower-class people (what I label “vatniki” for the strength of the comparison).

I compare two very unstable, undefined and polemical (thus, potentially political) ensembles: the Gilets jaunes and the vatniki. The “gilets jaunes” is not a movement, not an organization, not even a network, it is an ensemble of people who wear the fluorescent yellow high-vis jackets that all motorists must by law carry in their cars. Thus, they claim their will to be visible and to be heard. Against those claims, their opponents accuse them to be old-fashioned “refractory gallic” or “beaufs” (the French “chavs”). The “vatniki” [“quilted jackets”] are named as such by their opponents (the anti-Putin enlightened

intelligentsia from Moscow) to denounce the little people from the regions who are subjugated to the regime. Lower-class people sometimes mention this derogatory term to reject this qualification and claim their dignity as human beings, workers, and citizens. With more or less accuracy, these labels cover the lower (culturally and economically) classes.

To summarize, I can put forwards the following elements of the process of populization, which I see quite similar in Russia and in France, among some specific parts of the society.

First, populization involves a kind of pragmatic, or sensitive, politics, which is a way to bring politics “back to earth”, embedded into the life experience of people as lived and experienced by the people themselves; and not represented, categorized or labelled by others. There is a strong appeal to a down-to-earth politics, to a politics attached to the material world of concrete human beings (not always ‘competitive’, ‘self-sufficient’ and so on). Both in the Russian and in the French materials, there are elements showing the assessment of the sensitive world against the virtual, technocratic, intellectualized and bureaucratic world. There is the enjoyment of the sensible world, of the sensibility: of the ability/possibility to show one’s suffering, but also to be affected by other’s suffering instead of turning back or feigning indifference (among the Yellow vests, there are many people working in the social care system); of the ability/possibility to feel sympathy, to express it, to celebrate solidarity and experience it; of the ability/possibility to be humans with all the defects and wrongs, to reconnect to our feelings, to communicate one’s emotions. Conversely, there is a strong rejection of pompous and beautiful words, abstract discourses, political correctness, official standards. There is a strong distrust in big politics (the left and the right, the trade unions, the institutions). To borrow Rancière’s terms (2000), there is a “share of the sensible”, the dividing line being between those who feel like me/us, who understand us sensitively, and those who don’t.

Second, there is social imagination and the assessment of a dignified “we” of all the despised, exploited, invisible, disadvantaged, from all over the country, beyond the segmentation of people by origin, sex, gender, race, age, territory (all typical identity claims cherished by liberal democracies), beyond ascribed class, beyond ideologies and beyond parties. In conversations, interviews or actions, people build in imagination the common people. They also claim to be all “the people”, “the majority”; and the majority counts for them, it is the power of numbers, as well as the majority who deserves as much recognition as the ones at the top.

Third, there are some orientations towards a reversal of the social order: “their” (high) politics is laughed at and brought back to “our” (bottom) level of concrete day-to-day living. At the top of all the claims is the claim of real equality and of the separation between the big business and the state. In that sense, it is amazing to observe that the French Yellow vests discover “oligarchy” (as a term and a denomination for the French system), whereas it is already common sense in Russia.

Fourth, there is a strong presence of the national frame (the romantic love for the motherland in Russia, the attachment to the motto of the republic and to the flag in France). The national topic is interpreted as a proof of the anti-democratic, reactionary, racist or even fascist character of the Yellow

vests and the vatniki. Paying attention to the understandings of the people themselves, we can show that the nation can hold different meanings, including progressive political meanings (i.e. the wealth of the nation that has to belong to all the people of the nation, and not only to the few), and mostly matters for the emotional energy, solidarity and imaginary that it can provide.

The last point is that the two categories, the *Gilets jaunes* (which is also the vest of the manual workers working outdoor) and the *vatniki* (the peasants' vest), have in common to be suspected of being reactionary, nationalist, right-wing, short-minded, cheated by populism. In both cases, their mobilizations and resistance have strong chance to be delegitimized as "not the right resistance", or "not the right movement" (that would correspond to the valuation of the enlightened intellectuals). This is what makes the study of such categories very challenging scholarly.

To shed light on the way populization (the making of the common people's commonality) can unfold, we will rely on the sociology of engagement (Thüvenot, 2001, 2014a; Luhtakallio, 2018), studying the different ways, in different contexts, people create commonality. To do this, we will focus on the engagement in familiarity, which is, especially for low-resource groups, the ground for opening to the others and to the world at large. However, we will argue that in the age of neoliberal capitalism, precarization and social destabilization, familiar relationship to one's environment is not a given, and develops through interactions and various contingent circumstances, that certainly differ in Russia and in France. However, we argue that the essential condition for engaging with and making sense of the world and one's life experience is the re-foundation of the mundane and the inhabitation of the surrounding and material environment. The discovery that "we" share the same world and sensible life experience, through interactions, disputes and "testing moments" (Thüvenot 2014b) or "tests" (Boltanski 2009: 156–166), may give rise to ordinary social criticism.

References

Boltanski L. De la critique: précis de sociologie de l'émancipation. Paris: Gallimard, 2009.

Luhtakallio E. Group formation, styles, and grammars of commonality in local activism // *The British journal of sociology*. 2018. Vol. 0 (0). P. 1–20.

Ranciure J. La partage du sensible: esthétique et politique. Paris: La fabrique, 2000.

Thüvenot L. Pragmatic regimes governing the engagement with the world // *The practice turn in contemporary theory*. Ed. by K. Knorr-Cetina, T. Schatzk & E. Savigny Eike. London, England: Routledge, 2001. P. 56–73.

Thüvenot L. (2014a). Voicing concern and difference: From public spaces to common-places // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. 2014. No. 1(1). P. 7–34.

Thüvenot L. (2014b). Enlarging conceptions of testing moments and critical theory: Economies of Worth, On Critique and Sociology of Engagements // *The legacy of Boltanski*. Ed. by S. Susen & B. S. Turner. London, England: Anthem Press, 2014. P. 245–261.

Krzysztof Kosela

The Polish-Russian Research on Collective Identifications: The Beginnings and the Present State

**Krzysztof
Kosela**

Professor, Institute of Sociology, University of Warsaw, Poland.

E-mail: k.kosela@uw.edu.pl

The tool for testing the collective identification of adult residents of Poland and Russia was created in 1998, during first discussions of the team of Polish and Russian sociologists. Social categories being in focus of contemporary social transformation in both societies were examined. Careful specification of them allows to compare identities of Poles and Russians.

In the Russian Federation two measurements were carried out on random samples (1998 and 2002); in Poland – six measurements (1998, 2002, 2006, 2010, 2014 and 2018).

Since the first study our knowledge about trends in transformation of identification and our knowledge about the tool itself has increased significantly. We observe how society is changing and what type measurements were used. The paper argues why the I-sort measurement procedure should be used and what it does not touch.

Krystyna Ewa Siellawa-Kolbowska

Polish Youth During Recent 25 Years: Changes in Identities

**Krystyna Ewa
Siellawa-Kolbowska**

Dr, Institute for development of democracy and human rights, Poland.

E-mail: ewa.kolbowska@gmail.com

The paper is an attempt to answer the question; how the behavior, feelings and thinking of Polish youth changed after over than 25 years of the Polish transformation. My main source of Polish data is a dynamic youth' study, implemented, in Poland, by CBOS every four years, since 1992 (the last measurement in December 2018). An additional source will be statistical data, collected by the Central Statistical Office (GUS). The results of my analyzes will concern: 1. the changes in range the life projects and aspirations of young people, 2. the changes in the «ultimate concerns» and moods of young people, 3. the changes of youth' attitudes towards democracy.

The paper starts with the assumptions of Margaret S. Archer's who proves that the human person is both child and father of society, meaning that on one hand existing social structures and socialization have an important influence on our development as human beings. On the other hand, she writes, that human persons are active, not passive agents who by means of their many human powers, such as reflexivity, have the capacity of social change, leaving their imprint on society. Margaret Archer' perspective is useful to see young people as a potential for future social change. Using of these perspective, I will show how the collective portrait of Polish youth changed over the past 25 years.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

9

**«Человек и его работа» –
трансформации в сфере труда
и фокус новых исследований.
Как трансформируются
взаимоотношения
между Человеком, Трудом
и Капиталом**

Руководители секции: Темницкий А. Л., Тощенко Ж. Т.

Ученый секретарь: Демиденко С. Ю.

Сессия 9.1

Методология и практика исследований традиционных проблем труда в свете новых вызовов

Модератор: Темницкий А. Л.

Г. Р. Баймурзина

Социальные резервы труда в контексте прорывных национальных проектов России

Баймурзина
Гузель Римовна

Кандидат экономических наук, Башкирский филиал ФНИСЦ РАН, г. Уфа, Россия.

E-mail: guzrim@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются эволюция социологии труда, особенности ее развития в России. Автор солидарен с подходом, рассматривающим эволюцию социологии труда как объективный процесс постепенного осознания и использования социальных резервов (возможностей) в целях развития экономики, общества и самого человека. Показано, что особенности развития социологии труда в России обусловлены, в основном советским и переходным периодами развития. Большое значение оказали и продолжают оказывать масштабные национальные проекты (в советский период – пятилетки), направленные на ускоренную индустриализацию, модернизацию, цифровизацию и т. д. Современное развитие социологии труда в России, по мнению автора, существенно сдерживается отставанием реализации на практике накопленных знаний. Вместе с тем, технологические новшества и демографическая ситуация требуют дальнейшего поиска социальных резервов труда.

Ключевые слова: социология труда, эволюция, социальные резервы труда, национальные проекты.

Тема человека и его работы остается актуальнейшим научным и жизненным вопросом на протяжении как минимум 100 лет. С этой точки зрения социология труда является тем источником знаний, которые призваны объяснить не только технологию производственных и трудовых процессов, но и роль человеческого фактора в социально-экономическом развитии общества, природу взаимосвязей между субъектами трудовых отношений, а также отношение самого человека к труду.

Именно открытие социальных факторов производительности труда на рубеже XIX–XX вв. и активное их внедрение в жизненную (производственную) практику ознаменовало возникновение и развитие социологии труда (Тощенко, Цветкова, 2012: 29). Постепенно осмысливались и проверялись на практике идеи эффективной организации трудовых процессов, обеспе-

чения благоприятных условий труда и быта, трудовой мотивации и экономического стимулирования, увеличения личной заинтересованности (в том числе через участие в управлении и совершенствовании труда, повышение осмысленности выполняемой работы), расширения возможностей для реализации различных социальных и духовных потребностей, развития самого человека (освоение универсальных знаний, профессий, технологий и т. д.). Большое внимание уделялось выявлению и анализу ценностных ориентаций работника. Важно заметить, что каждый этап развития и использования социальных резервов труда не опровергал предыдущий, а дополнял и расширял его, наглядно показывая богатство и неисчерпаемость социального потенциала, что позволяет проследить эволюционный путь представлений о социальных резервах (Тощенко, 2003: 560).

Концепция социальных резервов труда очень четко отражает логику эволюции социологии труда как в России, так и во всем мире, несмотря на расхождения в политических системах и социальной структуре общества. Это свидетельствует о ее фундаментальности. В то же время Тощенко Ж. Т. отмечает «еще один примечательный факт: социология труда развивалась (в отличие от многих других направлений) под непосредственным влиянием практики реальной жизни, которые во многом диктовали ее развитие» (Тощенко, Цветкова, 2012: 29).

И эта особенность социологии труда обуславливает уникальность и сложность пути ее развития на советском и постсоветском пространстве. Главная особенность развития социологии труда заключается в том, что ее рождение и расцвет пришлись на время решения высоких идеологических и практических (ускоренная индустриализация и рост производительности труда) задач, всецело связанных с проблемами организации труда и занятости населения, максимального использования всех возможных резервов. Это во многом обусловило самоотверженный труд и самих исследователей.

Ключевыми фигурами, сформировавшими теоретическую и практическую основы развития социологии труда в советской науке в 1920–1930 гг. стали А. К. Гастев (1882–1941), П. М. Керженцев (1881–1940) и С. Г. Струмилин (1877–1974). А. К. Гастев известен исследованиями конкретных вопросов организации и формирования культуры труда, развитием прикладной социологии труда и социальной инженерии, созданием Центрального института труда, который подготовил более 500 тыс. квалифицированных рабочих (Тощенко, Цветкова, 2012: 32). П. М. Керженцев работал по направлению научной организации труда, считается советским основателем школы тайм-менеджмента. Особый вклад в развитие социологии труда внес С. Г. Струмилин, он изучал жизнь работников предприятий, условия труда и психофизиологическое состояние работников. В эти годы в СССР активно создавались и функционировали институты и лаборатории по изучению труда, в том числе при фабриках и заводах. Результаты их исследований привели к значительному повышению производительности труда.

Поступательное развитие отечественной социологии труда, как и многих других научных направлений в СССР, было прервано сталинским режимом репрессий 1930–1950-х гг. В результате определенной изоляции,

а также сложившегося негативного отношения к ней со стороны руководства страны, социология в России длительное время развивалась лишь благодаря подлинному энтузиазму отдельных ученых.

Как отмечают, «летописцы» отечественной социологии, возрождение этой науки, и социологии труда в том числе, началось после участия советской научной делегации на III Международном социологическом конгрессе (1956, Амстердам). В 1958 г. создается Советская социологическая ассоциация, в структуре которой постепенно были сформированы проблемные секции, отделения и филиалы в регионах и крупных научных центрах страны. В то время признанными центрами были Ленинград (В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов), Свердловск (Л. Н. Коган), Уфа (Н. А. Аитов), Новосибирск (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, В. И. Бойко). Были серьезные социологические центры в Красноярске (Ж. Т. Тощенко), на Алтае (В. Н. Барулин, затем С. И. Григорьев), в Иркутске (Г. И. Мельников), Горьком (С. Ф. Фролов), Куйбышеве (Е. Ф. Молевич), Перми (З. И. Файнбург), Орле (И. Т. Левыкин), Саранске (А. И. Сухарев), Челябинске (В. Г. Мордкович), Донецке, Ростове, Ереване, Ташкенте и других городах (Тощенко, 2007). Эти центры сыграли большую роль в повышении производительности труда на многих стратегических предприятиях страны, социальном развитии городов, и, безусловно, в развитии социологии труда. Исследования на этих предприятиях интересны и уникальны, на наш взгляд, некоторой «чистотой» экспериментов над целым рядом резервов производительности труда (в частности, удовлетворенности трудом в зависимости от содержания в нем творческих элементов), при которых устранялись такие «помехи» капиталистического мира как социальное и экономическое неравенство, страх безработицы и неуверенность в завтрашнем дне, и даже существенные различия в ценностных ориентациях (Человек и его работа, 2003: 424).

Концепция социальных резервов труда тесно связана с концепцией человеческого фактора. Как отмечает Г. Е. Зборовский, будучи одним из основных методологических принципов и важной особенностью российской социологии, антропологизм предполагал большой интерес не только к человеческому фактору, но и к его гуманному использованию (История социологии..., 2014). Поиски новых социальных резервов труда и «испытания» на практике их результатов привели в 1970-х гг. к развитию социального планирования (И. В. Бестужев-Лада, М. Н. Руткевич, Н. И. Лапин, Н. А. Аитов, Ж. Т. Тощенко, В. Г. Подмарков и др.). Например, В. Г. Подмарков, в своей статье «Социальное планирование: достижения и нерешенные вопросы» (1976) писал: «Человек независимо от особой функциональной роли всегда проявляет себя многосторонне, как личность со многими потребностями. И до тех пор, пока в производстве участвуют люди, их участие определяется различными, в том числе непроизводственными интересами. В конечном счете многообразие интересов и потребностей работника должно быть учтено и использовано в целях развития самого производства» (Подмарков, 1976: 25).

С этой точки зрения, на наш взгляд, советская социология труда практически одновременно, но на более широком интеллектуальном фундаменте (с точки зрения повышения квалификации, мотивации к труду, укрепления здоровья, улучшения условий труда, быта и отдыха) подошла к идеям, которые сегодня

составляют основу концепций качества трудовой жизни, человеческого капитала и развития человеческого потенциала. Однако работы конца 1970-х-начала 1980-хх. стали констатировать растущее несоответствие концептуальных конструкций и эмпирических процессов, ограничения командно-административного стиля руководства в развитии социальных резервов повышения заинтересованности работников в труде и его конечных результатах. Вместе с тем, признавалось, что социальные резервы повышения производительности труда очень велики.

Распад СССР прервал это направление развития в социологии труда. В то же время 1990-е гг. стали годами ускоренного (снова рывкового) освоения западных социологических теорий в связи с появлением новых проблемных полей и тем исследований: переход и адаптация к рыночной экономике, законы и механизмы рынков труда, безработица, предпринимательство, приватизация, неформальная занятость и др. Либерализация и приватизация экономики привели к исчезновению социологических служб на предприятиях, потере государственной заинтересованности и контроля над занятостью населения. Радикальные изменения в экономике «поставили под сомнение не только возможность использования в новых условиях этого богатого научного наследия, но и необходимость проведения исследований в сфере социально-трудовых отношений» (Щербина, 2005). Несмотря на возросшую необходимость в поиске новых механизмов задействования социальных резервов труда в рыночных условиях, нарушение принципа согласования теоретических положений и практических действий существенно сдерживало (и продолжает сдерживать) как социально-экономическое развитие страны, так и научных исследований. Сокращение неконкурентоспособных нерентабельных государственных предприятий, необходимость ускоренного развития предпринимательства и поддержки новых «капиталистов» (что парадоксально: для поддержания занятости и создания новых рабочих мест) существенно ухудшили правовое и как следствие социально-экономическое положение работающего населения. Развитие социальных резервов труда в организациях и на предприятиях стало прерогативой самих работодателей, не всегда имеющих возможности или желание инвестировать в них.

В мае 2018 г., руководство страны объявило о новых двенадцати национальных проектах, направленных «на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека». Одним из 12 проектов является «производительность труда и поддержка занятости», согласно которому планируется обеспечить к 2024 году темпы роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год (Указ Президента, 2018). Особенностью национального проекта является работа с конкретными предприятиями (по заявкам), которая подразумевает оказание комплексной финансовой, организационной, информационной и методической поддержки; обучение управленческого аппарата, повышение квалификации и переобучение работников предприятия (развитие социальных резервов производительности труда – обучение работе в новых условиях, цифровизации и гло-

бализации). По данным правительства Пермского края, производительность труда у предприятий региона, которые участвуют в нацпроекте, за время его реализации выросла более чем втрое — от 8 до 23%, в ряде случаев до 30% (Нацпроект сомнений...). Заметим, что необходимость реализации прорывного национального проекта в целях повышения производительности труда потребовал внимания, прежде всего, к его социальным резервам.

Литература

История социологии: классический этап: учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т»; Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2-е изд. испр. и доп. – Сургут и [др.]: РИО СурГПУ, 2014.

Нацпроект сомнений. Почему регионы ПФО не спешат вкладываться в производительность труда. https://news.rambler.ru/other/42860288/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 18.10.2019).

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Подмарков В. Г. Социальное планирование: достижения и нерешенные вопросы. Социологические исследования. 1976 г. № 1. с. 20–30.

Социология Ядова: методологический разговор. [Избранные труды В. А. Ядова] / ФНИСЦ РАН; Ред.-сост., авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018.

Тощенко Ж. Т. Социология труда. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; главный редактор В. Н. Иванов.— М.: Мысль, 2003. С. 560.

Тощенко Ж. Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина». (Интервью члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко доктору философских наук Б. З. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 149–170.

Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Социология труда Учебник для вузов. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 29.

Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. 2 –е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 424.

Щербина В. В. Рецензия на книгу: Тощенко Ж. Т. Социология труда: опыт нового прочтения // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 145–147.

Ядов В. А. Господа, думайте о социальных следствиях проводимых реформ! Социологические исследования. 2002. № 5. С. 143–147.

Г. П. Бессокирная, Г. Г. Татарова

Человек и его работа: от «отношения к труду» к «субъективному благополучию в сфере труда»

**Бессокирная
Галина Петровна**

Кандидат экономических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: gala@isras.ru

**Татарова
Галина Галеевна**

Доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: tatarova-gg@rambler.ru

Аннотация. Кратко описаны подходы к оценке трудовых отношений в советский и постсоветский периоды: от измерения отношения к труду к измерению субъективного благополучия, связанного с работой. Предлагается процедура для измерения субъективного благополучия в сфере труда рабочих, которые являются наиболее массовой группы наемных работников в современной России. В качестве оснований для оценки трудовых отношений предлагается рассматривать характер идентификации с предприятием и согласованность между оценками нынешней работы и притязаниями рабочих в сфере труда. Процедура апробирована на данных четырех опросов рабочих на промышленных предприятиях в областных центрах Российской Федерации осуществленных в течение 2003–2014 гг. **Ключевые слова:** отношение к труду, субъективное благополучие в сфере труда, идентификация с предприятием, согласованность /рассогласованность между оценками нынешней работы и притязаниями рабочих в сфере труда, рабочие.

1. В социологии труда «отношение к труду» длительное время выступало в качестве базового понятия для оценки трудовых отношений. В эмпирических исследованиях, как правило, использовались субъективные и объективные показатели отношения к труду, а также методика изучения мотивации труда, предложенные авторами проекта «Человек и его работа». Первая публикация результатов исследования увидела свет в 1967 г. (Человек и его работа, 1967), а в 2003 г. было осуществлено второе издание, исправленное и дополненное (Здравомыслов, Ядов, 2003). По инициативе В. А. Ядова была также подготовлена и издана аннотированная библиография работ по мотивации труда в трансформирующейся России, опубликованных на русском языке в 1990–2003 гг. (Бессокирная, Темницкий, 2004). В современной России исследователи продолжают обращаться к методологии ставшей классикой работы. В Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) зафиксировано около 500 привязанных ссылок на обе книги. Количество ссылок на проект «Человек и его работа» росло год от года и составляло в 2005–2017 гг. от двух до пяти десятков ежегодно.

2. В трансформирующемся российском обществе для оценки трудовых отношений исследователи все чаще стали использовать понятия, позаимствованные из западной литературы. Это такие понятия, как «преданность организации», «идентификация с организацией», «приверженность организации», «вовлеченность в деятельность организации», «лояльность» и др. Аналитический обзор существующей западной литературы по данной проблематике представлен, например, в работе немецкого психолога Ван Дика (Дик, 2006). Самарские социологи с учетом зарубежного опыта предложили некий обобщенный показатель преданности и идентификации с организацией. В более позднем варианте их методики рекомендуется измерять приверженность к работе на предприятии и вовлеченность в решение важнейших задач предприятия, а затем определять интегральный показатель включенности работников в деятельность предприятия (Тукумцев, Бочаров, 2015). Нельзя не отметить, что некоторые из этих понятий использовались и в проекте «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и непланируемых (спонтанных) факторов социальных процессов», подготовленном в Институте конкретных социальных исследований АН СССР на рубеже 69–70-х гг., но первая публикация материалов данного проекта была осуществлена только в 2005 г. (Социальная организация..., 2005). В постсоветский период теоретико-методическим проблемам социологического измерения состояния и динамики трудовых отношений уделяется явно недостаточное внимание. Об этом свидетельствует, в частности, обзор тем докладов, представленных на Всероссийскую конференцию с международным участием «Социальные аспекты модернизации производства в России», которая состоялась 21–22 мая 2019 г. в Санкт-Петербурге, а также вопросы, предложенные для обсуждения на нынешней конференции.

3. Одной из наиболее актуальных задач социологического анализа трудовых отношений является выявление оценок трудовых отношений с двух сторон, т. е. и со стороны работодателей, и со стороны наемных работников. Состояние и динамику трудовых отношений со стороны наемных работников целесообразно оценивать посредством измерения их социального самочувствия / субъективного благополучия в сфере труда. Оба понятия близки по содержанию. Среди отечественных публикаций, в которых речь идет, как правило, о социальном самочувствии в сфере труда, отметим работы А. А. Русалиновой (Грачев, Русалинова, 2007; Русалинова, 2013) и самарских социологов (Бочаров, Васькина, 2017). Зарубежные авторы чаще пишут о «субъективном благополучии, связанном с работой» (*work-related subjective well-being*), «субъективном благополучии в организациях» (*subjective well-being in organizations*). Выделяют пять индикаторов для эмпирического фиксирования этого понятия (Bakker, Oerlemans, 2011): «положительные»: вовлеченность (*work engagement*), счастье на работе (*happiness at work*), удовлетворенность работой (*job satisfaction*), а также «негативные»: трудовоголизм (*workaholism*) и выгорание (*burnout*). Анализируются (Xanthopoulou, Bakker, Plies, 2012) краткосрочные изменения, вариации в благополучии работника (*employee well-being*). Обосновывается целесообразность использования тех или иных показателей для разных профессиональных групп

работников. Например, на данных опроса менеджеров в сфере телекоммуникаций (Schaufeli, Taris, Van Rhenen, 2008) проверяется и подтверждается, что трудоголизм (*workaholism*), выгорание (*burnout*) и вовлеченность (*work engagement*) представляют собой три отдельных, независимых конструкта, три разных вида благополучия работника (*employee well-being*). Мы трактуем «субъективное благополучие в сфере труда» (СБСТ) как собирательное понятие для фиксирования отношения к работе, отражающее как социальные представления о «благополучной» производственной ситуации, так и оценки разнообразных ее аспектов «здесь» и «сейчас». Особенности эмпирической интерпретации этого понятия детерминированы исследовательской ситуацией (в первую очередь, целью изучения и спецификой изучаемой социально-профессиональной группы). Подчеркнем, что речь пойдет об оценке трудовых отношений со стороны наемных работников.

4. Анализ данных четырех исследований, осуществленных в течение 2003–2014 гг. на промышленных предприятиях в областных центрах Российской Федерации, выявил ряд теоретико-методических проблем, связанных с социологическим измерением СБСТ. Среди них: основания выявления качественно однородных общностей для разных социально-профессиональных групп работников; структура составных элементов субъективного благополучия как многомерных образований и система переменных для их измерения; устойчивость измерений (факторных и кластерных структур); формирование совокупности элементов производственной ситуации (ЭПС) для разных социально-профессиональных групп работников; выявление «управляемых» факторов среди ЭПС. С целью определения качественно однородных общностей для разных социально-профессиональных групп работников естественно использовать типологический анализ. Вполне очевидна наша первоначальная попытка выявить типологические группы рабочих с привлечением традиционно используемых показателей отношения к труду (Татарова, Бессокирная, 2010; Татарова, Бессокирная, 2011). В дальнейшем мы осуществили поисковое исследование, в инструментарий которого, наряду с традиционными индикаторами отношения к труду, вошли и те, которые стали использоваться в постсоветский период. В качестве «кандидатов» на роль базовых типобразующих признаков рассматривались: удовлетворенность работой на предприятии, корпоративная солидарность, субъективная эффективность трудовой деятельности, приверженность работе на предприятии, вовлеченность в деятельность предприятия и преданность предприятию. Был сделан вывод о том, что в качестве основания типологии целесообразно использовать характер идентификации с предприятием (Татарова, Бессокирная, 2014).

5. Трехкомпонентная структура переменных (удовлетворенность работой на предприятии, корпоративная солидарность, результативность труда), используемых для типологического анализа рабочих по характеру их идентификации с предприятием, оказалась устойчивой во времени (2007–2014 гг.). При этом доля рабочих с высоким уровнем идентификации с предприятием не велика (Татарова, Бессокирная, 2018). Не исключено, что предложенная модель идентификации с предприятием может претерпеть изменения в сторону увеличения размерности (числа компонент и / или числа индикаторов). Например, в нее могут быть включены показатели субъектности рабочих (Бессокирная, Темницкий, 2013).

6. В процессе измерения СБСТ целесообразно выявлять также согласованность между оценками нынешней работы и притязаниями рабочих к отдельным элементам производственной ситуации (ЭПС) как баланс/дисбаланс «наличия» и «важности» ЭПС. Совместное использование данных о типологической структуре рабочих и о балансе/дисбалансе по ЭПС позволяет существенно повысить эффективность диагностики производственной ситуации (Татарова, Бессокирная, 2019).

7. На уровне конкретных предприятий в условиях модернизации производства актуализируются задачи поиска «управляемых» факторов и отслеживания их влияния на типологическую структуру, которая и является, по сути, объектом управления. О необходимости поиска факторов, важных с точки зрения управления, «управляемых» факторов, поддающихся непосредственному целенаправленному изменению, писала в 1976 г. Н. Ф. Наумова, один из авторов проекта, о котором говорилось выше. Для поиска «управляемых» факторов она использовала методику мотивации труда, разработанную ленинградскими социологами (Наумова, 1976). Мы предложили использовать с этой целью результаты анализа взаимосвязей между «кандидатами» в такие факторы и типологической структурой рабочих по характеру идентификации с предприятием (Татарова, Бессокирная, 2016).

8. Для социологического сопровождения процессов принятия управленческих решений на уровне конкретных промышленных предприятий с целью улучшения субъективного благополучия в сфере труда рабочих предлагаем использовать процедуру, состоящую из трех этапов. На *первом* – реконструируется пространство идентификации с предприятием, выявляются типологические группы рабочих в этом пространстве. На *втором* – выделяются релевантные изучаемой социально-профессиональной группе элементы производственной ситуации, вводится переменная «баланс/дисбаланс» и вычисляются показатели баланса/дисбаланса между оценками элементов производственной ситуации и притязаниями рабочих в сфере труда. На *третьем* – проводится сравнительный анализ типологических групп по показателям баланса/дисбаланса.

Литература

Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Мотивация труда в трансформирующейся России (аннотированная библиография, 1990–2003 гг.) / Под общ. ред. В. А. Ядова. Ин-т социологии РАН; Ин-т социологии ГУГН. М., 2004. 148 с.

Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Рабочие в реформирующейся России как объект управления и субъект труда // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 115–151.

Бочаров В. Ю., Васькина Ю. В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 201–216.

Грачев А. А., Русалинова А. А. Социальное самочувствие в организации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 30. Том 8. С. 7–11.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

Дик, ван Р. Преданность и идентификация в организации. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2006. 142 с.

Наумова Н. Ф. Адаптация молодежи к труду на нефтяном промысле // Социология и производство. Казань: Татарское кн. изд-во, 1976. С. 46–63.

Русалинова А. А. Социальное самочувствие человека как социально-психологический феномен. СПб.: Астерион, 2013. 245 с.

Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Сост. и ред. Н. И. Лапин. М.: Academia, 2005. 910 с.

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Типологический анализ рабочих по их отношению к труду // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2010. № 31. С. 64–91.

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Типологический анализ для реконструкции социальных типов работников (концептуальное и эмпирическое обоснование) // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 3–15.

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. О формировании базовых типобразующих признаков для выявления социальных типов работников как объектов управления // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 32–50.

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Об устойчивости измерений в процессе реконструкции социальных типов рабочих как объектов управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 2. С. 52–69. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5856>.

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Идентификация рабочих с предприятием в диагностике производственной ситуации // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 43–56.

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Идентификация с предприятием: классификация работников и выявление управляемых факторов трудовой деятельности // Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся». Вып. 2. М.: ИС РАН. 2016 [Электронный ресурс].

Тукумцев Б., Бочаров В. Новые требования к работнику промышленного производства в условиях современной модернизации (социологический анализ) // Телескоп. 2015. №3 (111). С. 44–49.

Человек и его работа /Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М.: Мысль, 1967. 392 с.

Bakker A. B., Oerlemans W. Subjective well-being in organizations. In: Cameron K. S. and Spreitzer G. M. (eds.) The Oxford Handbook of Positive Organizational Scholarship. New York: Oxford University Press. 2011. P. 178–189.

Xanthopoulou D., Bakker A. B., Ilies R. Everyday working life: Explaining within-person fluctuations in employee well-being // Human relations. 2012. 65(9). P. 1051–1069.

Schaufeli W. B., Taris T. W., Van Rhenen W. Workaholism, Burnout, and Work Engagement: Three of a Kind or Three Different Kinds of Employee Well-being? // Applied psychology: an international review. 2008. 57 (2). P. 173–203.

О. Б. Божков

Интерес к делу как определяющий мотив труда

**Божков
Олег Борисович**

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: olegbozh@gmail.com

Аннотация. Доклад построен на материалах социологических экспедиций по деревням и селам Северо-Запада РФ¹. Первый тур экспедиций проходил в 2005–2008 годах, второй – в 2018–2019 гг.² Основное изменение, которое мы отметили в ходе второго тура экспедиций по старым адресам, состоит в том, что сегодняшние успешные фермеры – люди, которым интересна их работа. В середине 2000-х годов наиболее успешными были сельские предприниматели, которые умели выстроить свои отношения с руководством районов и/или области. Нынешних предпринимателей отличает готовность и способность учиться и осваивать на хорошем уровне новые профессии, решать новые задачи. Они реально способствуют развитию сельских территорий.

Ключевые слова: глубокие интервью, фермеры, интерес к работе, независимость, сельские предприниматели, биография.

Отличительные черты коллектива, который в течение многих лет возглавлял Владимир Александрович Ядов, в методологическом плане – внимание к методам, обеспечивающим надежную и достоверную информацию; а в плане содержательном – интерес к мотивам трудовой деятельности.

Исследовательские проекты, о которых здесь пойдет речь, были посвящены совсем другой тематике: нас, прежде всего, интересовало становление нового для России слоя населения – сельских предпринимателей (фермеров), их взаимоотношений с другими сельчанами и с разными уровнями власти. Тем не менее с самого начала наших сельских экспедиций, мы вышли на проблемы мотивации труда.

Начало фермерского движения пришлось на конец 1980-х–начало 1990-х годов. Во многих местах фермерам (особенно пришлым) вредили, вплоть до поджогов хозяйственных построек, потравы скота и т. п. В зоне наших исследований такого, к счастью, не наблюдалось. Период

¹ Проекты были поддержаны грантами РГНФ № 04-03-00367 «Сельские руководители среднего и низового звеньев в условиях кардинальных социально-экономических и политических реформ» и № 07-03-00571 «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материалах Северо-Западного региона РФ)». Руководитель проектов – с.н.с. СИ РАН О. Б. Божков.

² Проект поддержан грантом РФФИ № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

2005–2008 годов характеризовался быстрой сменой «правил игры» в отношении сельского предпринимательства. Не очень понятное, переименование хозяйств: колхозы становились СПК, ООО, Товариществами на вере и т. п. Хотя для этого и находили некоторые оправдания и объяснения. Нам тогда показалось, что начался процесс становления нового социального слоя в социальной структуре российского общества – сельских предпринимателей.

Опыт типологии практик взаимодействия власти и сельских предпринимателей

В 2008–2009 годах, когда основной массив первичной информации по сельским проектам был уже собран и в первом приближении проанализирован, мы попытались построить типологию сельских предпринимателей по характеру отношения к ним местных структур власти (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Распространенность различных практик взаимодействия власти и бизнеса на селе, 2005–2008

Имя практики	Тверская		Новгородская	Вологодская			Ленинградская	Итого
	Максатихинский	Лесной	Пестовский	Устюженский	Кадуйский	Бабаевский	Бокситогорский	
Инвестор – крупное предприятие				1	2		1	4
Инвестор – индивид	1			1	1	1		4
Инвестор – предприниматель	5	1	1		2	3		12
Уникальный объект							1	1
Показательное предприятие			1	1			1	3
«Свой человек»			3	2				5
Молодой руководитель			3					3
Самодостаточный предприниматель	4	4	1	7		1		17
Колхоз – фермеру		2	2			1		5
Самотек	7	1	1	1		2		12
Активная помощь плюс контроль	2		2					4
Итого	19	8	14	13	5	8	3	70

Таблица 2

**Распространенность различных практик взаимодействия власти и бизнеса на селе,
2018–2019**

Имя практики	Тверская		Новго- родская	Вологодская			Ленин- градская	Итого
	Максати- хинский	Лесной	Пестов- ский	Устю- женский	Кадуй- ский	Баба- евский	Бокситогор- ский	
Инвестор – крупное предприятие							1	1
Инвестор – индивид							2	2
Инвестор – предприниматель							1	1
Уникальный объект								
Показательное предприятие								
«Свой человек»							3	3
Молодой руководитель			1		2	3	2	8
Самодостаточный предприниматель	5		4	9		2	4	24
Колхоз – фермеру						1	3	4
Самотек	5	5	12		5	3	3	33
Активная помощь плюс контроль								
Итого	10	5	17	9	7	9	19	76

Приведем описания некоторых типов, выделенных нами по материалам первого тура экспедиций (2005–2008). Именно эти типы нам представлялись тогда наиболее перспективными.

***«Инвестор – индивид».** В качестве такого инвестора, как правило, выступает самостоятельный предприниматель, независимый от руководства района. Его ориентация на сельское хозяйство это реализация определенной внутренней установки: от желания спасти умирающее предприятие до понимания личной выгоды инвестирования в сельскохозяйственное производство. Эта ситуация – везение для местной власти, но и большой недостаток, т. к. у нее нет почти никаких рычагов влияния на такого инвестора.*

***Инвестор-предприниматель.** Это успешный многопрофильный средний или мелкий предприниматель, чаще всего владелец пилорамы, магазина и т. п. объектов. Он существенно зависим от местной власти как на селе, так и в городе. Ему «предлагается» стать руководителем с/х предприятия, в которое он вынужден вливать инвестиции – доходы от своей многопрофильной деятельности, и не в состоянии отказаться от разорительной нагрузки, чтобы не испортить отношения с руководством района, и соответственно, не поставить под удар свое основное предприятие. Данный случай выгоден для местной власти, поскольку можно рапортовать, что для умирающего предприятия нашли инвестора.*

Правда, такой инвестор не всегда способен создать условия для развития «подвешенного» на него предприятия.

«Самодостаточный предприниматель. Самый неудобный для местной власти случай. Но это оптимальный вариант для сохранения и развития не только с/х производства, но и территории. Такой предприниматель, как правило, независим от районного руководства, ведет прибыльное производство даже в условиях отсутствия помощи и дотаций со стороны района/области. Собственно, именно такие хозяйства являются опорой экономики района, у них высокие производственные показатели, они самостоятельно решают все возникающие проблемы. Чаще всего подобное положение дел – наследие разумной производственной политики самих руководителей предприятий в сложные годы реформ, возможно хорошая производственная база прошлых лет, и самое главное – эффективное текущее руководство».

«Молодой руководитель. Возрастной состав руководящих кадров достаточно важный отчетный показатель успешности работы района, поэтому почти все руководители районов занимаются поиском «молодежи» для тех сельхозпредприятий, где предыдущий председатель (директор) собрался на пенсию или совершенно не справляется с ситуацией. Большинство из молодых не обладают ни достаточной квалификацией, ни опытом руководящей работы, и самостоятельно, без постоянной помощи и поддержки района не в состоянии грамотно управлять, тем более, что многие хозяйства к данному моменту уже давно находятся в кризисе. Там, где молодому руководителю поддержки нет, предприятие скатывается на уровень самотека, и будущее его незавидно – постоянное бегство от долгов, с перспективой банкротства. Но там, где район пестует выбранных им руководителей, стоит только удивляться размерам оказываемой помощи, которую не получают другие предприятия»¹.

В таблице 2 мы сохранили название этого типа, хотя содержание его нынче в корне изменилось. Теперь сюда отнесены действительно молодые предприниматели, но местная власть не оказывает им нынче практической помощи. Теперь эту функцию выполняют гранты для начинающих фермеров преимущественно из областного бюджета, реже – из районного.

Обратим внимание на самые существенные моменты. Во-первых, почти по всем районам – пусть не на много – сократилось общее число сельских предпринимателей. Исключение (по большому счету) – Бокситогорский район, здесь количество фермеров выросло более, чем в 6 раз. Во-вторых, в 2,2 раза увеличилось число сельских предпринимателей, пущенных местной властью на «самотек». Иными словами, местные власти здесь просто самоустраились: выживут – хорошо; не выживут – ну и бог с ними. В-третьих, почти в полтора раза возросло число самодостаточных предпринимателей, как правило, вполне успешных по многим параметрам.

В чем же залог их успеха? Прежде чем ответить на этот вопрос, вернемся к таблицам 1 и 2. В целом картина развития сельского предпринимательства в семи обследованных районах отнюдь не радует. Ведь 43% пущенных «на самотек» предпринимателей (вне зависимости от их формального статуса) фактически выживают или просто «доживают до пенсии». Есть

¹ Описания всех типов опубликованы в [1]

некоторая надежда, что 8 молодых фермеров, в конце концов, выживут, а может быть и станут успешными, если поймут, что необходимо ориентироваться на развитие, а не на выживание.

Самодостаточных фермеров отличает их трудовая мотивация и, прежде всего, интерес к тому делу, которым они заняты, которому посвящают свою жизнь. Если в 2005–2008 годах даже относительно успешные фермеры жаловались на отсутствие поддержки со стороны государства, то сегодня они говорят: «Не надо нам денег от государства, пусть не мешает, не меняет «правила игры» так часто. Конечно, деньги важны, мы их сами зарабатываем». И ведь зарабатывают. При этом именно они реально способствуют развитию сельских территорий: восстанавливают дороги, возвращают в оборот земли сельхоз назначения, благоустраивают жизнь на селе. Они не скрывают, что делают это для себя, для своей семьи. Дома успешных фермеров заметно выделяются на общем фоне. Прежде всего, условия их жизни практически не отличаются от городских: в их домах есть холодная и горячая вода, нормальная канализация, они не зависят от перепадов (а то и отключения) электроснабжения, обеспечены мобильной связью и интернетом.

Стоит привести небольшой фрагмент из публикации об Устюженских фермерах, создавших в 2009 году потребительский снабженческо-сбытовой кооператив:

«А помнится, в первые годы реформирования сельского хозяйства жителей стращали: колхоз развалится, как будете решать социальные проблемы? Оказалось, как сейчас не без улыбки вспоминают фермеры, что их можно решать, и достаточно успешно! Потому что фермер от своей земли никуда не сбежит. Ему здесь детей растить и учить, внуков, и он будет стараться это делать так, чтобы в родном селе были и вода, и газ, и работала школа. Можно привести множество примеров, когда фермеры восстанавливали хутора, заброшенные села, сельские храмы.

Так и кооператив «Устюженский картофель» своими силами и при некоторой финансовой поддержке правительства области в свое время отремонтировал крышу Никольской средней школы и возродил физкультурно-оздоровительный комплекс. Ведь никто так не заинтересован в развитии инфраструктуры своей деревни, как люди, живущие в ней» [2].

В докладе представлены три кейса – частного предпринимателя (Тверская область), фермера-рыбовода Ленинградской области и фермера, занимающегося рыборазведением и животноводством. Несмотря на проблемы, все-таки можно заключить, что ситуация вовсе не безнадежна, пока такие люди в земле российской есть.

Литература

Божков О. Б., Игнатова С. Н. Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. 2017. Том 2, №1. С. 115–130.

Максин Ю., Белина А. Никольский феномен // Межрегиональный информационно-аналитический журнал для профессионалов агробизнеса «Картофельная система». № 1, 2012. URL: <http://www.potatosystem.ru/nikolskiy-fenomen/>.

Т. В. Гаврилюк

Жизненный путь молодежи нового рабочего класса: образовательные, карьерные и семейные траектории¹

Гаврилюк
Татьяна Владимировна

Кандидат социологических наук, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.

E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Аннотация. В исследовании комбинируется анализ жизненного пути как структурно организованной целостности и феноменологическая перспектива в изучении жизненных стратегий молодежи нового рабочего класса современной России. Для обозначения самой многочисленной группы современного российского общества было предложено понятие «новый рабочий класс», обоснованы критерии его выделения в социальной структуре. На основании 31 глубинного биографического интервью и массового опроса 1534 молодых представителей исследуемой группы, проживающих на территории УрФО, были изучены способы воплощения классовых нормативных паттернов, их соответствие индивидуальным жизненным стратегиям, механизмы их конструирования и легитимации в обществе, характеризующемся крайне высоким уровнем социального неравенства и прекарности молодежного труда.

Ключевые слова: рабочий класс, рабочая молодежь, жизненный путь, жизненные стратегии.

Исследование посвящено выявлению доминирующих нормативных паттернов, структурирующих жизненный путь и формирующих идентичность молодежи рабочего класса на эмпирическом примере Уральского федерального округа России. Апробируя возможности пересечения двух теоретических полей – исследований нового рабочего класса («new working-class studies») и исследований жизненного пути («life course studies»), мы концентрируемся на применении классовых нормативных паттернов и их соотнесенности с индивидуальной жизненной стратегией молодых представителей нового рабочего класса. Также внимание уделяется дискурсивным средствам, которые индивиды используют для конструирования и легитимации собственных нормативных и ценностных установок в контексте структурных ограничений и возможностей российского общества.

Анализ современного исследовательского поля позволил нам определить базовые критерии для отделения нового рабочего класса от других классов и стратификационных групп: отношение к собственности, уча-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России»

стие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда. Под новым рабочим классом современной России мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся.

Исследование показало сохраняющуюся значимость и ценность традиционных структур жизненного пути, в то время как текущие социальные условия (уровень заработной платы, ипотечная ставка, доступность и качество высшего образования, взаимосвязь между образованием и требованиями рынка труда и т. д.) не позволяют более реализовывать данные стратегии в полной мере. Востребованные молодежью среднего класса нормативные паттерны, такие как отказ от институционального образования и фриланс, используются как средства оправдания существующих классовых барьеров, невозможности доступа к качественному образованию или фундаментального недоверия базовым социальным институтам. Ввиду данных обстоятельств, молодые рабочие выбирают жизненные стратегии адаптации и выживания, ограничивающие реализацию их профессионального и культурного потенциала, закрепляющие негативные социальные настроения. В долгосрочной перспективе данные тенденции могут рассматриваться как достаточные причины для обострения классового конфликта и роста протестных настроений в среде молодежи нового рабочего класса.

И. А. Грошева

Человек и труд в условиях цифровой трансформации

Грошева
Ирина Александровна

Кандидат социологических наук, МИГУП в Тюменской области, Тюмень, Россия.

E-mail: grosh@nextmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются противоречивые требования и риски цифровизации: изменение структуры занятости на рынке труда, реорганизация предприятий и сокращение работников, отсутствие мотивации к самообразованию у людей старшего возраста и др. Отмечается, что на региональном уровне наблюдается рост цифровизации пользовательской среды и сокращение промышленного производства. Автор приходит к выводу, что отсутствие четких критериев оценки развития человеческого потенциала и научно обоснованного плана внедрения цифровых технологий в производство может привести к негативным последствиям.

Ключевые слова: общество риска, цифровые технологии, рынок труда, безработица, цифровая экономика, мотивация, трудовые отношения, человеческий капитал, труд.

В последнее десятилетие XXI-го века в лексикон политиков, ученых, экономистов вошло понятие «цифровая экономика», означающее процесс, в ходе которого компьютерные технологии кардинально меняют социальную реальность. Субъекты государственного управления транслируют в общество позитивные ожидания в экономической сфере (рост производительности труда, количества рабочих мест в смежных отраслях, ускорение темпов развития малого и среднего бизнеса, снижение торговых издержек и др.) и социальной сфере общественной жизни (снижение уровня бедности и стоимости образования, повышение доступности и качества медицинского обслуживания и др.). Однако вместо общества позиционируемого благоденствия мы получаем общество риска.

Фундаментальные исследования А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, изложенные в научном труде «Человек и его работа в СССР и после», раскрыли наиболее существенные мотивы трудовой деятельности, в которых отразились основные социальные потребности: ориентация на содержание труда, заработную плату, возможности продвижения и саморазвития в профессиональной среде (Здравомыслов, Ядов, 2003: 205–206). В современных условиях перехода к новому технологическому укладу мотивы существенно деформированы.

На первом плане бизнес позиционирует востребованность работника и его способность к переобучению. Цифровой тренд диктует новые сценарии будущего, в результате становится не только сложнее планировать

профессиональную карьеру, но и работать длительное время по специальности. Фактически гарантия занятости не ассоциирована с конкретными маркерами, т. е. работодателем, местом работы, профессией. Только востребованность на рынке труда, приспособляемость работника к постоянно меняющимся условиям становятся приоритетными для получения хотя бы временного профессионального убежища (Одегов, Павлова, 2017: 20).

Ситуация трансформации трудовых отношений в цифровой парадигме требует учета следующих факторов: 1) количество возникающих новых рабочих мест не сможет перекрыть количество исчезающих старых; 2) соблюдение трудовых прав работников оказывается под угрозой. Достаточно привести пример с беспилотными автомобилями, где потребности в водителях не существует, поэтому профессия просто исчезнет. Не вызывает возражения утверждение о том, что цифровые технологии способствуют развитию нестандартных и гибких форм занятости, позволяют осуществлять взаимодействие работника и работодателя дистанционно. Однако замена бессрочных договоров на срочные трудовые контракты, договоры гражданско-правового характера, фрилансерство никак не способствует сохранению гарантий трудовой занятости, безопасных условий труда и заработной платы, уменьшению теневого сектора занятости.

Цифровизация могла бы способствовать позитивному изменению ситуации путем развития профессиональной мобильности. Очевидно, что работник в рамках концепции пожизненного профессионального самосовершенствования должен быть готов к смене места жительства. Однако трудно предположить, что профессиональная и семейная мобильности человека окажутся идентичными. По мнению У. Бека, требование мобильности на рынке труда равносильно действию яда, который «разъедает семью» (Бек, 2000). Общество подвергает риску семейный уклад, поскольку в соответствии с требованиями рынка труда супруги либо должны быть полностью мобильны, либо одна половина статична со всеми вытекающими негативными последствиями для семейного уклада. В этом плане цифровизация последовательно уничтожает жизненную основу общества – семью.

Имеются прочие негативные последствия цифровизации: разрушение региональных рынков труда, рост рисков безработицы, необоснованные увольнения людей предпенсионного возраста, феминизация старости и др. В «Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год», помимо предполагаемого роста безработицы, отмечается перспектива усиления социально-экономического неравенства. Среди специалистов по информационным технологиям свыше 40% находятся в возрасте до 30 лет и почти 80% – до 40 лет. В сложной ситуации окажутся люди старших возрастных групп, лица с ограниченными возможностями, жители регионов с недостаточной распространенностью интернета (Доклад..., 2018). По данным Минтруда во втором квартале 2019 г. выросло количество предпенсионеров, зарегистрированных в службах занятости (на 8,5%). В 2019 г. от этой категории граждан в Роструд поступило 440 жалоб на увольнение (В России предпенсионеры..., 2019), что вполне ожидаемо в связи с введением уголовной ответственности для руководителей компаний за необоснованное увольнение людей предпенсионного возраста. По мнению ряда ученых, изменение

характера занимаемых профессиональных позиций необратимо приведет к гендерному неравенству, так как на три потерянных мужских рабочих места появится одно новое, а на одно новое женское придется целых пять потерянных рабочих мест (Сизова, Хусяинов, 2017).

В условиях активного внедрения цифровых технологий региональные рынки труда испытывают негативное влияние экономического кризиса, вызванного санкциями. Реакция в регионах на внешние угрозы проявляется экстенсивным образом и выражается в реорганизации предприятий и сокращении работников. Ситуация косвенным образом отразилась на «карте страхов» россиян. Результаты исследования Левада-Центра, проведенного в августе 2018 года¹, свидетельствуют о том, что россияне больше всего опасаются роста цен, безработицы, бедности, расслоения на богатых и бедных, роста недоступности образования. Особенно заметно выросла обеспокоенность ростом безработицы (Тревожащие проблемы, 2018). Общий вывод специалистов: тревожность среди граждан России и, соответственно, индекс страхов растет, а индекс социального оптимизма неуклонно снижается. Ощущается нехватка кадров, необходимых для обеспечения перехода к цифровым технологиям, а также отсутствует методика оценки мотивации и эффективности вложения средств в подготовку и переобучение специалистов. Для перехода к цифровой экономике (точнее: к цифровому технологическому производству) должны быть выполнены следующие условия: разработка крупных инфраструктурных проектов; создание условий для бизнеса; рост экспорта IT-продуктов; решение проблемы кибербезопасности; создание условий для развития узких сегментов бизнеса; подготовка кадров для работы в новых условиях. На примере Тюменской области (без автономных округов) можно рассмотреть ситуацию, складывающуюся в относительно успешном субъекте вокруг реализации программы цифровой экономики и развития производственной сферы.

Тюменская область (без автономных округов) по итогам 2018 г. заняла пятое место в рейтинге цифровизации регионов. Значительную роль сыграли инвестиционная привлекательность и рост востребованности IT-продуктов (Тюменская область..., 2019). В Тюмени действует программа для повышения уровня компьютерной грамотности пожилого населения «Расширяя горизонты»; создана единая мобильная платформа, предлагающая жителям области удобный формат пользования мобильными приложениями, информационными системами для получения электронных услуг в таких социально-значимых сферах, как здравоохранение, образование, ЖКХ, транспорт («Запись-72», «ЖКХ-72» «Электронная школа» и др.). Разрабатываются технологии «Умный город», направленные на повышение безопасности и комфорта городской среды. Безусловно, усилия по освоению цифровых технологий, по разработке и внедрению комфортной среды проживания граждан, работу с молодежью в направлении освоения перспективных сегментов цифровизации (робототехника) можно оценить положительно.

¹ Опрос проведен 23–30 августа 2018 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 136 населенных пунктах, 52 субъектах РФ.

Однако существуют проблемы в промышленном развитии региона. Согласно опубликованным «Итогам социально-экономического развития города Тюмени за 1 полугодие 2019 года» снизились индексы промышленного производства (на 13,4%) и производства в сфере обработки (на 29,3%). В то же время численность официально зарегистрированных безработных увеличилась на 7,2% (Итоги..., 2019). В конце 2018 года в областной департамент труда и занятости населения о своих планах по сокращению сообщили руководители более 70 организаций (1570 человек), а с начала 2019 г. уже 92 компании заявили о предстоящих сокращениях (2471 человек, из них 699 в начале июля и 1772 по состоянию на октябрь) (Токмакова, 2019). Самые распространенные причины сокращений: реорганизация, оптимизация затрат на содержание, избавление от непрофильных активов и др. В течение трех лет (2017–2019 гг.) каждый месяц регион теряет 120 компаний. Среди причин половина бизнесменов назвали высокую налоговую нагрузку (49% по результатам исследования «Альфа-банка») (Минус 120 компаний..., 2019). В связи с планами Минэкономразвития в 2020 г., связанными с увеличением единого налога на доход предприятий малого бизнеса до 4,9%, ситуация только усугубится.

В результате мы получаем, с одной стороны, бурно развивающуюся цифровизацию пользовательской среды (информационные ресурсы, мобильные приложения и др.), что реально создает комфортные условия существования человека. С другой стороны, наблюдаем падение показателей производства, реорганизацию предприятий и сокращение работников, что негативно отражается на человеческом капитале. В связи с этим следует напомнить, что в 2000 году Роберт Солоу, лауреат Нобелевской премии по экономике пришел к выводу: компьютер не способствует росту производительности труда ни в одной отрасли, кроме производства самих компьютеров (Блеск и нищета..., 2018).

Влияние цифровизации не столь однозначно, как нам представляют субъекты управления. В отчете департамента информатизации Тюменской области указывается ряд положительных эффектов от внедрения цифровых технологий, касающихся подготовки кадров для цифровой экономики. Например, в 2018 году в рамках Школы программирования прошли переобучение 248 человек (Рудзевич, 2019). Однако обучить – не означает трудоустроить. Так же как пользование мобильными приложениями не означает работу в этой сфере. В отчете не отражается результат внедрения цифровых технологий на производстве, что не способствует формированию мотивации для переподготовки и обучения людей среднего и старшего возраста. Ничего не говорится о доступности научно-технического образования для обучающихся сельской местности. К этому следует добавить отсутствие четких требований и показателей развития человеческого капитала для высших учебных заведений.

В заключение в качестве рекомендаций для успешного вхождения в новый технологический уклад автор статьи предлагает предпринять следующие шаги.

1. Разработать научно обоснованный прогноз внедрения цифровых технологий в производственные процессы, а также соответствующих изменений на рынке труда и в сфере трудовых отношений.

2. Сформировать инновационное производство с учетом требований цифровизации с последовательной активизацией привлечения IT-компаний в регионы.

3. Обозначить четкие требования к развитию и уровню подготовки человеческого капитала для работы в условиях цифровой среды.

4. Разработать методику оценки эффективности вложения средств в переподготовку населения старших возрастных групп.

5. Рассмотреть вопросы подготовки и осуществления комплексных программ социально-экономической поддержки населения в условиях высвобождения, связанного с роботизацией.

Прежде всего, основное внимание необходимо уделить развитию перспективного прогнозирования и проектирования, которые помогут преодолеть диспропорции в социальной сфере региона, будут способствовать развитию информационной инфраструктуры при одновременной разработке должных мер по снижению напряженности на рынке труда.

Литература

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. 2000. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Блеск и нищета «цифровой экономики». URL: <https://regnum.ru/news/economy/2388789.html> (дата обращения: 28.03.2019).

В России предпенсионеры пожаловались на необоснованные увольнения. URL: <https://fedpress.ru/news/77/economy/2342250> (дата обращения: 17.10.2019).

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/19663.pdf> (дата обращения: 26.08.2019).

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

Итоги социально-экономического развития города Тюмени за 1 полугодие 2019 года. URL: <http://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/departaments/departament/napravleniya/socialno-ekonomiceskie-rezervy-gtumeni/itogirazvitiia/> (дата обращения: 10.10.2019).

Минус 120 компаний в месяц: почему в Тюмени исчезает бизнес? URL: https://72.ru/text/gorod/66047941?from=newscol_in (дата обращения: 10.04.2019).

Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Трансформация труда: 6-ой технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 19–25.

Рудзевич М. О результатах цифрового развития Тюменской области в 2018 году и задачах 2019 года. URL: <http://d-russia.ru/o-rezultatah-tsifrovogo-razvitiya-tyumenskoj-oblasti-v-2018-godu-i-zadachah-2019-goda.html> (дата обращения: 28.09.2019).

Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 376–396. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401> (дата обращения: 28.03.2019).

Токмакова М. Волна увольнений в тюменских компаниях. URL: <https://72.ru/text/job/66265621/> (дата обращения: 11.10.2019).

Тревожащие проблемы. URL: <http://www.levada.ru/2018/09/06/trevozhashhie-problemy/> (дата обращения: 23.02.19).

Тюменская область в числе лидеров по цифровизации. URL: <http://www.tumenpro.ru/2019/04/25/tyumenskaya-oblast-v-chisle-liderov-po-tsifrovizatsii/> (дата обращения: 25.04.2019).

Д. С. Попов, Н. Д. Воронина

Образование взрослых и человеческий капитал на рынке труда: Россия на фоне стран ОЭСР

**Попов
Дмитрий Сергеевич** –

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: dmtrppv@gmail.com

**Воронина
Наталья Дмитриевна**

Факультет социальных наук,
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: nvoronina@hse.ru

Аннотация. В конце XX века на фоне глубоких социальных трансформаций произошло значительное обесценивание человеческого капитала в России. В этом контексте увеличивается интерес к проблеме воспроизводства социального капитала и образования во взрослом возрасте. В докладе используются данные Международной программы оценки компетентности взрослых (Programme for the International Assessment of Adult Competences — PIAAC) для сравнительного анализа особенностей образования для взрослых и воспроизводства человеческого капитала в России и странах ОЭСР. Показано, что в странах ОЭСР прослеживается устойчивая связь между участием в образовании в течение жизни и повышением компетентности (грамотности), тогда как в нашей стране этой связи не обнаружено. Анализ факторов, связанных с участием в образовании в нашей стране и других развитых странах, позволяет сделать обоснованное предположение о разнице стратегий участия взрослых в образовании в контексте трудовых отношений. В странах ОЭСР мы видим связь участия в образовании с хорошим здоровьем, межличностным доверием, высокими доходами и занятостью, что позволяет обозначить функцию такого образования как «социализирующую» или «поддерживающую». В России участие в образовании не связано с повышением дохода, но связано с неудовлетворенностью трудом. Такую модель участия в формальном образовании в нашей стране можно обозначить как «кризисную». Участие в образовании происходит перед лицом трудностей и при необходимости перемещения на рынке труда или – шире – в социальном пространстве.

Ключевые слова: человеческий капитал, непрерывное образование, образование взрослых, страны ОЭСР, Россия.

В отечественной литературе было показано, что произошло значительное обесценивание человеческого капитала в России. Р. И. Капелюшников с опорой на статистические данные демонстрирует, что состояние специфици-

ческого человеческого капитала в нашей стране имеет серьезные отличия от того, что можно наблюдать в странах Запада (Капелюшников, 2005). В частности, средний непрерывный трудовой стаж на одном рабочем месте в нашей стране ниже на 40–70%, а пик заработков приходится на возраст между 35 и 40 годами, что ниже «западного» показателя на 10–15 лет. На основе этого можно сделать вывод о том, что старшие поколения испытывают серьезные трудности с восполнением утраченного человеческого капитала, и недостаток этого капитала будет сохраняться в течение длительного времени.

В этой связи важно уделить внимание образованию в течение жизни (long-life learning), которое связано с трансляцией знания и производством и (или) воспроизводством человеческого капитала. Эта область не регулируется государством, и не очевидно в каком виде это образование существует, насколько оно распространено, какие факторы ему способствуют или препятствуют и, наконец, дает ли оно что-то для россиян.

Комплексное исследование вовлеченности взрослых в образовательные процессы становится доступным благодаря данным Международной программы оценки компетентности взрослых (Programme for the International Assessment of Adult Competences — PIAAC). Впервые на большой общероссийской репрезентативной выборке был измерен уровень грамотности (компетентности), причем сразу в нескольких областях, в том числе в области грамотности чтения и математической грамотности. На основе этих данные проанализируем особенности образования для взрослых в России.

Исследования показывают, что в отличие от стран ОЭСР, где прослеживается четкая линейная связь между образовательными достижениями (т. е. наличием диплома) и измеренными показателями в области математической грамотности и грамотности чтения, в нашей стране такая линейная связь отсутствует (Попов, Стрельникова, 2017). В России возникает ситуация неконсистентности, то есть несоответствия между измеренными знаниями и наличием диплома. Ситуация проявляется на уровне высшего образования. В дополнение к этому, в верхнем дециле по доходам находятся россияне не с самой высокой измеренной компетентностью, что также отличает нашу страну от стран ОЭСР (Кузьмина, Попов, 2015). Ю. Кузьмина и Д. Попов показывают, что социальное самочувствие россиян с высокой измеренной грамотностью хуже в сравнении с аналогичной группой в странах ОЭСР. Поэтому наряду с экономическими показателями важно оценить связь участия в образовании с измеренной грамотностью. Если «прирост» дипломов не означает прирост знаний, это отражается на реальном воспроизводстве и трансляции знаний в обществе.

В докладе мы предпринимаем попытку понять, с какими социально-экономическими показателями связано участие в образовании во взрослом возрасте, а также в чем особенность России в сравнении с другими странами. Можно ожидать, что и утрата человеческого капитала, и масштабное несоответствие формальной подготовки содержанию трудовой деятельности получит свое отражение в области дополнительного образования, переподготовки. И вполне вероятны заметные отклонения и отличия российской ситуации с образованием взрослых от ситуации, наблюдаемой в западных странах.

Нами ставятся три задачи. Первая из них заключается в анализе вовлеченности в образование людей в возрасте от 25 до 65 лет, то есть тех, кто находится в пределах трудоспособного возраста, но вышел за временные рамки традиционной непрерывной образовательной схемы школа — ссуз — вуз. Здесь важно получить сравнительную эмпирическую оценку не только фактического участия, но и желания людей участвовать в образовании даже в ситуациях, когда такое участие по тем или иным причинам было невозможно или не реализовано. Проблема вовлеченности людей в образование и интереса к нему в широком контексте обладает значимостью при поиске параметров эффективной системы обучения в течение жизни. Ключевыми здесь становятся вопросы о том, в какой степени ситуация с образованием взрослых в нашей стране похожа или не похожа на ситуацию в других развитых странах? Можно ли найти объяснения различиям, если они будут обнаружены?

Вторая задача состоит заключается в поиске связи между участием взрослых в образовании и общими компетенциями, измеренными в рамках программы PIAAC. Поскольку любая оценка имеет относительный характер, ситуация в странах ОЭСР выступает здесь в качестве ориентира для сравнения и поиска точек, в которых отечественное образование взрослых имеет преимущества или, наоборот, недостатки. В случае выявления существенной разницы в этом сравнении, важным становится проверить гипотезу о том, что вовлеченность людей в образовательные процессы во взрослом возрасте в России и странах ОЭСР отличается существенно, по своему характеру.

Наконец, третьей задачей становится проверка этой гипотезы. Реализуется поиск факторов, связанных с участием взрослых в образовании. В первую очередь, интерес представляют факторы, имеющие разный характер (модальность) связи. Анализ этих факторов позволит сформировать своего рода портреты участников образования в течение жизни, характерные как для нашей страны, так и для стран ОЭСР. Если факторы, связанные с участием в образовании, окажутся неодинаковыми в России и странах ОЭСР, этот результат станет важным с точки зрения понимания как проблем образования, так и проблем рынка труда.

Для получения сравнительной эмпирической оценки участия и желания участвовать в образовании взрослых в России и странах ОЭСР нами были использованы методы описательной статистики: расчет значений долей и стандартных ошибок этих долей. В ходе анализа российские данные сопоставляются с усредненными данными по странам ОЭСР, с так называемой объединенной выборкой (*the pooled sample*). Методически этот прием предусмотрен дизайном PIAAC и используется другими исследователями (OECD 2013; Hanushek et al. 2015). Мы не ставим задачи выявления особенностей различных систем образования помимо российской, поэтому необходимость сравнения с отдельными странами в данном случае отсутствует. В то же время усредненный показатель по странам ОЭСР, несмотря на свою искусственность, является ориентиром, относительно которого возможно оценить ситуацию с образованием взрослых в нашей стране.

Как следует из результатов, *общая доля взрослых, получающих образование в нашей стране, более чем вдвое меньше аналогичной доли в странах ОЭСР* (20% (SE=1,51%) участников в России против 50% (SE=0,19%) участников в странах ОЭСР). Если разрыв между участниками формального образования не столь значителен – 6% (SE=0,56%) от общего числа взрослого населения в России и 10% (SE=0,1%) в странах ОЭСР, то в случае с неформальным образованием (то есть таким, по итогам которого не выдается формализованный диплом) мы имеем весьма чувствительную разницу (16% (SE=1,37%) участников в России и 46% (SE=0,19%) в странах ОЭСР). Похожая разница сохраняется и при рассмотрении отдельных образовательных групп.

Таблица 1

**Доли получающих формальное и неформальное образование
в России и в странах ОЭСР**

Группы		Россия, % населения 25 лет и старше		Среднее по ОЭСР, % населения 25 лет и старше		Значимость различий долей ОЭСР и РФ
		%	S.E.	%	S.E.	
Общая доля взрослого населения, получающего образование		19,38	1,51	49,49	0,19	***
Доля получающих формальное образование		6,08	0,56	9,75	0,11	***
Доля получающих неформальное образование		16,44	1,37	46,13	0,19	***
Среди обладателей университетского образования...	Получают формальное образование	9,42	1,17	16,05	0,25	***
	Получают неформальное образование	24,79	1,95	65,97	0,33	***
	Всего участвуют в образовании	28,89	2,52	70,35	0,32	***
Среди обладателей доуниверситетского образования...	Получают формальное образование	4,22	0,39	6,92	0,12	***
	Получают неформальное образование	11,80	1,49	36,45	0,23	***
	Всего участвуют в образовании	14,09	1,64	39,46	0,24	***

Примечание. $p < 0,001$ '***' $p < 0,01$ '**' $p < 0,05$ '*' $p < 0,1$ '.' $p < 1$ '.

Можно предположить, что низкие относительно стран ОЭСР доли взрослых россиян, получающих образование, объясняются не столько отсутствием стремления к этому образованию, сколько отсутствием возможности его получить. Эта гипотеза может быть проверена с использованием все того же массива данных. В рамках анкетирования PIAAC респондентов просили вспомнить, возникало ли у них желание принять участие в образовательных практиках любого рода в течение последнего года (помимо тех, в которых они участвуют или участвовали в обозначенный период). Этот вопрос был адресован всем респондентам, как получающим, так и не получающим образование.

Полученные данные свидетельствуют о том, что *число желающих получить формальное или неформальное образование среди взрослых жителей России заметно меньше, чем в странах ОЭСР*. Среди высокообразованных россиян лишь 14% (SE=1,12%) намеревались получить дополнительное образование, но по разным причинам не смогли пойти учиться. Аналогичный показатель в странах ОЭСР – 34% (SE=0,33%). В сегменте низкообразованных россиян лишь 5% (SE=0,7%) думали о получении образования, но не смогли в нем участвовать (против 19% (SE=0,2%) в странах ОЭСР). Обозначенная гипотеза о желании и невозможности получать образование в целом не находит подтверждения. Вместе с тем, можно предположить, что наличие (или, скорее, отсутствие) видимых и привлекательных образовательных предложений также может серьезно влиять на участие в образовании.

Таблица 2

**Желание получать образование среди взрослого населения
в России и странах ОЭСР**

Группы		Россия, % населения 24 лет и старше		ОЭСР, % населения 24 лет и старше		Значимость различий долей ОЭСР и РФ
		%	S.E.	%	S.E.	
Среди обладателей университетского образования...	Хотели, но не стали (в т. ч. не смогли)	13,99	1,22	33,60	0,33	***
	Не хотели	86,01	1,22	66,40	0,33	***
Среди обладателей доуниверситетского образования...	Хотели, но не стали (в т. ч. не смогли)	5,34	0,71	19,15	0,20	***
	Не хотели	94,66	0,71	80,85	0,20	***

Примечание. $p < 0,001$ '***' $p < 0,01$ '**' $p < 0,05$ '*' $p < 0,1$ '.' $p < 1$ ' '.

Наряду с масштабами участия взрослых в образовательных практиках, мы в обобщенном виде проводим оценку связи участия в взрослых образовании и уровня измеренной компетентности. Для этого мы сопоставляем измеренные навыки чтения (literacy) и математическую грамотность (numeracy) в зависимости от уровня образования в странах ОЭСР и России. В нашей стране не наблюдается значимых различий во владении грамотностью чтения между взрослыми участниками различных видов образования. И, что более важно, по уровню грамотности чтения в России респонденты, получающие и не получающие образование (неважно, формальное, неформальное или то и другое), не различаются между собой. *Иными словами, связь измеренной грамотности и участия взрослых в образовании (в различных его видах) в России не обнаружена*. В странах ОЭСР мы можем наблюдать иную картину. Прежде всего, участвующие в образовании взрослых как в случае с формальным, так в случае с неформальным образованием показывают более высокий уровень владения грамотностью чтения ($P < 0,001$), чем не-участники.

Другой значимой эмпирической находкой стало то, что *российские респонденты, не участвующие в образовании, как формальном, так и неформальном, обладают более высоким уровнем грамотности* ($P < 0,001$)

по сравнению с респондентами из стран ОЭСР, которые также не принимают участие в образовательных программах. Поскольку связи между участием в образовании и грамотностью (компетентностью) участников в нашей стране, в отличие от стран ОЭСР, выявлено не было, вполне закономерно сформулировать гипотезу о том, что вовлеченность людей в образовательные процессы во взрослом возрасте в России и странах ОЭСР отличается по своему характеру, качественно. Для проверки этой гипотезы был реализован третий шаг: анализ факторов, связанных с участием взрослых в образовании в России и странах ОЭСР. В первую очередь мы искали переменные и факторы, которые в России и ОЭСР имеют разный характер (модальность) связи. Полученные результаты: в России и в странах ОЭСР факторы, связанные с вовлечением взрослых в образование, заметно различаются. Если рассматривать общую картину, то следует отметить ряд особенностей. Как в России, так и в странах ОЭСР, увеличение возраста характеризуется меньшими шансами участия в образовании. Участие в образовании во взрослом возрасте коррелирует с попаданием в группу с наивысшими доходами, а принадлежность к любой другой доходной группе снижает вероятность такого участия. В странах ОЭСР эта тенденция прослеживается для групп занятости: представители более квалифицированных групп имеют большую вероятность участвовать в образовании, однако в России такой связи не наблюдается. Аналогичным образом более высокий уровень образования, межличностное доверие, оценка здоровья и большее количество книг в доме (стандартный показатель культурного капитала в международных исследованиях) характеризуются большими шансами участия в образовании только в странах ОЭСР, но не в России. В странах ОЭСР наличие детей связано со снижением вероятности участия в образовании, в России такой связи нет. Удовлетворенность трудом, доход, пол, квалификация, факт пользования компьютером, уровень образования отца и матери в странах ОЭСР и в России по-разному сочетаются с участием в разных видах образования.

Было получено, на наш взгляд, три важных эмпирических результата, которые нуждаются в понимании и интерпретации. Во-первых, было показано, что интенсивность участия взрослых россиян в образовательных программах, а также их желание принимать участие в таких программах серьезно уступает аналогичным показателям в странах ОЭСР. Причем эта тенденция сохраняется для «высокообразованных» (с университетским дипломом или степенью), так и для «низкообразованных» респондентов. Тем не менее, как в России, так и в странах ОЭСР участие «высокообразованных» в образовании в течение жизни значительно выше, чем аналогичное участие «низкообразованных». Наиболее существенное отличие участия российских респондентов от респондентов в странах ОЭСР наблюдается в сегменте неформального образования, в России люди участвуют в неформальном образовании значительно реже. Причем, это характерно для обеих рассмотренных образовательных групп. В вовлеченности в формальное образование хотя и присутствует разница между Россией и ОЭСР, но она измеряется единицами процентов.

Во-вторых, связь между участием в образовании наших соотечественников в возрасте 25–65 лет и измеренной математической грамотностью, а также грамотностью чтения отсутствует в отличие от стран ОЭСР. Группы участвующих и не участвующих в формальном и неформальном образовании взрослых в России не различаются по показателям измеренной грамотности. В этой ситуации вполне ожидаемо было то, что средний уровень грамотности участников образования в нашей стране ниже аналогичного уровня в странах ОЭСР. Неожиданным же оказался факт большей средней грамотности в России в группе тех, кто не участвует в образовании, по сравнению со средним показателем грамотности в той же группе в странах ОЭСР. Отдельно следует отметить, что в данном случае примененный метод анализа имеет ограничения. В частности, он не позволяет с уверенностью говорить именно об эффекте (или его отсутствии) образования, а не других факторов, оставшихся неучтенными. Кроме того, причинность (логику связи) в рамках данной статистической процедуры также определить невозможно. Для дальнейшего углубленного изучения этого вопроса потребуются исследования в экспериментальной (или квази-экспериментальной) логике.

Наконец, в-третьих, было показано, что факторы, связанные с участием взрослых в образовании, серьезно отличаются в России и странах ОЭСР. В нашей стране, в отличие от стран ОЭСР, с вероятностью участия в образовании во взрослом возрасте не связаны позиция на рынке труда (профессиональная группа), число лет, потраченных на обучение, а также состоянием здоровья, наличие семьи и ребенка, показатели квалификации и культурного капитала. Однако в нашей стране имеется связь между участием в формальном образовании и неудовлетворенностью работой, которой нет в странах ОЭСР. В этом контексте, имеет смысл говорить не просто об отличии факторов, но об отличии социальных ситуаций, в которых люди принимают решение о дополнительном образовании.

Литература

Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 4. С. 46–54.

Hanushek, E. A., Schwerdt, G., Wiederhold, S., Woessmann, L. (2015) Returns to skills around the world: Evidence from PIAAC. *European Economic Review*. 73(C): 103–130.

OECD (2013) OECD Skills Outlook 2013: First Results from the Survey of Adult Skills, OECD Publishing, Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264204256-en>.

OECD and Statistics Canada (2000) Literacy in the Information Age: Final Report of the International Literacy Study, OECD and Minister of Industry, Paris and Ottawa.

Stiglitz, J. E., Greenwald B. C. (2014) Creating a learning society: a new approach to growth, development, and social progress. Columbia University Press, New York.

О. А. Симонова

Эмоционализация труда в социологии и обществе: практики, этика и самоидентичность

Симонова

Ольга Александровна

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: osimonova@hse.ru

Аннотация. Процесс «эмоционализации труда» как тенденция современных обществ проявляется в особом внимании к эмоциональности человека и управлению эмоциями на рабочем месте. Последнее рассматривается как неотъемлемая часть труда, включается в оценку его эффективности. Отсюда возникают новые практики, происходят изменения в трудовой этике, профессиональной идентичности работника. Требования к управлению эмоциями на самом рабочем месте при взаимодействии с клиентами, коллегами и руководителями, практики совладания с выгоранием, эмоциональные тренинги становятся частью рутины трудовых отношений. Автор размышляет о причинах и последствиях процесса эмоционализации труда. Основным итогом рассуждений является предположение о амбивалентном характере эмоционализации труда: с одной стороны, это может приводить к гиперрегуляции эмоций, отчуждению и эксплуатации работников, а с другой – к новым формам кооперации и сопротивления.

Ключевые слова: управление эмоциями на рабочем месте, эмоциональный капитализм, эмоциональный труд, коммерциализация эмоций, институционализация работы с эмоциями, эмоциональные практики, выгорание, эмоциональное отчуждение.

Понятие управления эмоциями, выступающего как «зонтичный» термин для понятий эмоциональной работы, эмоционального труда, регуляции эмоций, эмоционального интеллекта и др., стало частью современных социальных исследований в сфере трудовых отношений. «Эмоциональный поворот» в социологии начался именно с исследований управления эмоциями на рабочем месте (Hochschild, 1983) и далее проявился в концептуализации так называемого «аффективного» или «эмоционального» капитализма, в основе которого лежит процесс коммерциализации эмоций (Karppi et al., 2016). Процесс рационального контроля над эмоциями как одна из ведущих ценностей современного общества воплощается в концепции «эмоционального труда» (Hochschild, 1983) – собственно управления эмоциями, то есть усилий по выражению соответствующих контексту и ситуации эмоций, согласно требованиям/правилам работодателя с целью достижения различного рода выгод для обеих сторон (соответствующей зарплаты и/или повышению прибыли работодателя), но основанного также и на

общих культурных представлениях, в том числе и о разных эмоциях, их качества, необходимости и уместности. «Культура эмоционального труда» становится одной из важнейших черт позднего капитализма и отражает процесс культивации управления чувствами с целью достижения прибыли, особенно в сфере обслуживания (Warton, 2009).

В социологии появилась обширная область исследований управления эмоциями на рабочем месте (или эмоционального труда/работы) в разных профессиях и родах занятий (Warton, 2009; Lively, Weed, 2014), в которых изучаются представления о контроле над эмоциями и правила управления эмоциями самих работников, эмоциями клиентов, сотрудников, коллег, подчиненных и др., возникающих при стремлении повысить эффективность труда, продаж, расширения бизнеса. Кроме этого, изменились и реальные требования на рынках труда, где если не напрямую ожидаются навыки управления эмоциями, то по меньшей мере эта «квалификация» подразумевается как часть хорошей работы и преимущество самого работника. Понятия управления эмоциями в разной терминологической одежде вошли и в дискурс (прежде всего, в качестве эмоционального интеллекта и регуляции эмоций) также и в науки об управлении.

Рационализация работы с эмоциями в трудовых отношениях и научные исследования управления эмоциями сегодня выступают как причиной, так и следствием реальных изменений в трудовых отношениях – это можно проследить как по объективным критериям: управление эмоциями (его правила и рекомендации) становится частью официальных трудовых кодексов, профессиональной этики, создаются обучающие руководства по управлению эмоциями, соответствующие представления прослеживаются в требованиях работодателей, так и по субъективным критериям – сами работники считают навыки управления эмоциями частью своей квалификации, либо квалификацией, которая необходима в работе и стремятся ее развивать (Simonova, 2017). В целом можно сделать вывод, что представление о необходимости квалифицированного и эффективного управления эмоциями на рабочем месте стало повседневной частью трудовых отношений. Отсюда возникают и другие представления и научные понятия: об эмоциональном (само)отчуждении (Burkitt, 2019), эмоциональном выгорании или истощении (Maslach et al., 2001), практиках самопомощи, эмоциональных диссонансах и др. (Burkitt, 2019) и в целом о подлинности или неподлинности чувств и персональной идентичности (Я) работника (Hochschild., 1983), который как бы «раздваивается», поскольку вынужден дистанцироваться от своих собственных представлений, чувств, индивидуальности.

Согласно позиции классика в области исследования управления эмоциями А. Р. Хохшильд, коммерциализация человеческих чувств и эмоций неизбежна в позднесовременных обществах и соответственно эмоциональный труд может порождать социальное отчуждение, в том числе и эмоциональное (само)отчуждение (Hochschild, 1983). В таких обстоятельствах каждый человек оказывается вовлечен в различные типы рационального управления эмоциями и ищет стратегии, чтобы справиться с эмоциональным выгоранием и отчуждением от своих «истинных» чувств и «аутентичного Я». Хохшильд показывает, что возникает и укореняется идея/ценность «подлинного Я» или «подлинных чувств», которые скрываются, подавляются

и пр. в процессе труда, прежде всего в сервисной индустрии (Hochschild, 1983). Эти идеи вместе с ценностью эмоционального труда/рационального контроля над собственными эмоциями приобретают сегодня широкое распространение и влияние, меняя эмоциональный режим трудовых практик.

Возникают проблемные вопросы, на которые исследователи сегодня ищут ответы. Эти вопросы можно содержательно разделить на две группы, одни касаются самой социальной реальности, в которой разворачивается эмоционализация труда, а другая группа касается направленности социологического исследования этого феномена. Вопросы первой группы многочисленны: действительно ли трудовые отношения требуют такого количества эмоционального труда? Насколько распространены институционализированы практики мониторинга выражения эмоций на рабочем месте, индивидуализированные и коллективные практики (само)управления эмоциями и повышения таких навыков, используются ли специальные тренинги и руководства в этой сфере? Не являются ли требования управления эмоциями на рабочем месте частью новой эксплуатации работников и стимулированием завышенных требований к их работе и квалификации? Действительно ли работники ощущают эмоциональное (само)отчуждение? Каковы стратегии преодоления эмоционального отчуждения, стресса, выгорания на работе и почему это часто возлагается на самого работника? Рассматривают ли сами работники эмоциональное выгорание как личную неспособность справиться с работой? Действительно ли мучительным становится потеря «аутентичных» чувств и «подлинного Я» на рабочем месте? Вопросы второй группы касаются того, как рассматривать сегодня управление эмоциями на рабочем месте: что следует поставить под вопрос в современных концептуализациях управления эмоциями (или эмоционального труда/работы) в социологии? Какие типологии управления эмоциями мы можем использовать и какие формы управления эмоциями являются наиболее распространенными?

На все эти вопросы невозможно ответить сразу, они требуют обширных исследований, а термины, используемые сегодня требуют дальнейшей концептуализации и эмпирической проверки. Однако, некоторые предположения и возможные объяснения можно предложить. В первую очередь следует подчеркнуть, что убеждение в эффективности и необходимости управления эмоциями входит в состав профессиональной культуры, этики разных профессий и родов занятий, управление эмоциями действительно профессионализируется, институционализируются различные эмоциональные практики – повышения навыков квалификации управления эмоциями, практики совладания с выгоранием, психотерапевтические программы, практики самопомощи и пр.

Далее стоит отметить, что по некоторым оценкам институционализируются практики гиперрегуляции эмоций на рабочем месте, то есть закрепляются чрезмерные, завышенные и не всегда обоснованные, подкрепленные формализованными правилами и оплатой труда требования к управлению эмоциями (Burkitt, 2019; McKenzie et al., 2019). Ценность эмоционального труда (или рационального контроля над собственными эмоциями) позволяет эксплуатировать управление эмоциями в целях достижения денежной прибыли и иногда становится бременем для работников, порождает чрезмерное управление эмоциями, чреватое различными непреднамеренными и наносящими ущерб личностными и социальными последствиями. Наряду

с понятием «эмоционального труда» понятие «эмоционального интеллекта» из психологии пришло в мир обыденных представлений, таким образом закрепляя и распространяя ценность рационального контроля над эмоциями во всех сферах жизни общества – теперь и эмоциональному труду, и эмоциональному интеллекту следует обучаться, и он связывается с ценностями жизненного успеха и счастья отдельного человека.

Помимо этого, само представление об эффективности управления эмоциями сводится часто к индивидуализированной форме регуляции эмоций и конкретным навыкам, которые работодатели стремятся измерять количественно (тестирования, измерения эмоционального интеллекта) (McKenzie et al., 2019). Сегодня довольно распространены тренинги по развитию эмоционального интеллекта, книги самопомощи, которые идеологически поддерживают индивидуализированные формы работы с эмоциями, направлены на повышение выносливости работников при управлении эмоциями (Burkitt, 2019). Оказывается, что работник вовлечен в не всегда признаваемые формы труда. Таким образом, то, что называется эмоциональным трудом часто переходит новую форму эксплуатации работников. Возможно, что действительно иногда работникам необходимо справляться с «трудными» эмоциями, но в индивидуализированной форме это сделать гораздо сложнее. То есть формализация и институционализация требований индивидуализированных форм управления эмоциями и личной ответственности за это угрожает солидарности работников и коллегиальным отношениям (McKenzie et al., 2019).

Далее управление эмоциями становится амбивалентным, поскольку, с одной стороны, считается частью эффективности труда, а с другой, может быть средством «смирения» с тем, что происходит в трудовом коллективе и в целом на рабочем месте, ведь основано на работе как раз с нежелательными эмоциями. Некоторые социологи пишут о реальной опасности психологизации и индивидуализации управления эмоциями, поскольку это уводит от кооперативного социального взаимодействия, совместного обсуждения проблем, творчества и спонтанности, сопротивления, в том числе чрезмерной коммерциализации эмоций (McKenzie et al., 2019). Управление эмоциями в социологическом смысле не должно сводиться к индивидуальной способности, а рассматриваться в контексте социальных отношений, их структуры и как коллективная практика, не только как эмоциональная практика отношений с клиентами, но и как практика отношений с коллегами и руководством.

Современные исследования демонстрируют (Bolton, 2005; Lively, 2014), что существуют различные виды управления эмоциями в публичном и приватном пространстве, и эмоциональный труд это только один из них, а работники все больше осознают различные типы неравенства и несправедливости, вовлекаются в разные формы протеста, ищут различные стратегии приспособления и модификации нежелательных последствий управления эмоциями. За последние сорок лет понятие эмоционального труда существенно обогатилось – были выявлены новые переменные, причины и аспекты, появились новые классификации. Эмоциональный труд рассматривается как необязательно принудительный и дисфункциональный. Специалисты пришли к пониманию, что не следует применять данные понятия абсолютно ко всем родам занятий, и что для каждого трудового контекста нужен детальный анализ факторов, влияющих на эмоциональный труд, включая клиентов,

руководство организаций, сотрудников, условия труда и, конечно, социально-культурный и даже событийный контекст взаимодействий работников (Lively, 2014). Некоторые исследователи предлагают отказаться от понятия «эмоциональный труд», считая его узким, а применять понятие «управление эмоциями», чтобы не ограничивать общую картину эмоциональности на рабочем месте и ее социальных последствий (Bolton, 2005).

Представления о подлинных эмоциях и подлинном Я выступают идеалами эпохи индивидуализма, которые могут служить как либерализации эмоционального труда, так и его закреплению, могут быть ресурсом самореализации и одновременно участвовать в эксплуатации личных способностей индивида, быть основанием для подчинения и для сопротивления. В самих эмоциях работников проявляется противоречивость эпохи позднего капитализма, поскольку, с одной стороны, в процессе эмоционального труда ослабляется сигнальная функция эмоций, которая уже не дает работнику осознать отчуждающее управление эмоциями, гиперрегуляция эмоций становится привычной, а с другой стороны, эмоциональность человека (выгорание, к примеру) дает возможность почувствовать и как следствие осознать эту ситуацию и искать выход из нее, поскольку результаты эмоционального труда по сути не принадлежат ему, а тем, кто устанавливает правила для управления эмоциями.

Литература

Bolton S. C. Emotion Management in the Workplace. London: Palgrave, 2005.

Burkitt I. Alienation and emotion: social relations and estrangement in contemporary capitalism. *Emotions and Society*. 2019. Vol. 1, № 1. P. 51–66.

Hochschild A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983

Karppi T., Kõhkonen L., Mannevu M., Pajala M., Sihvonen T. Affective capitalism: Investments and investigations. *Ephemera: Theory & politics in organization*. 2016. Vol. 16, № 4. P. 1–13.

Lively K. J., Weed E. A. Emotions management: Sociological insight into what, how, why, and to what end? *Emotion review*. 2014. Vol. 6, № 3. P. 202–207.

Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job Burnout. *Annual Review of Psychology*. 2001. 52. P. 397–422.

McKenzie, J., Olson, R. E., Patulny, R., Bellocchi, A., Mills, K. A. Emotion management and solidarity in the workplace: A call for a new research agenda. *The Sociological Review*. 2019. Vol. 67, № 3. P. 672–688.

Simonova O. A. Emotion Management and the Professional Culture of Administrative Social Workers in Russia: Common Standards Versus the Moral Mission of Social Care. *Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. № 1. P. 129–142.

Wharton A. S. The Sociology of Emotional Labor. *Annual Review of Sociology*. 2009. № 35. P. 147–165.

А. П. Соловей

Показатели удовлетворенности работой женщин-исследователей Национальной академии наук Беларуси

**Соловей
Алеся Петровна**

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: alesya-solovei@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена удовлетворенность женщин-исследователей своей работой в Национальной академии наук Беларуси в целом, а также в зависимости от профессиональных характеристик (наличие ученой степени, занимаемая должность, отделение наук) и демографических характеристик (возраст, семейное положение, наличие детей). Выделены показатели, по которым различаются группы женщин, удовлетворенных и не удовлетворенных своей работой. При помощи бинарной логистической регрессии сделан прогноз о влиянии различных факторов на удовлетворенность женщин-исследователей своей работой.

Ключевые слова: женщины-исследователи, научная деятельность, удовлетворенность работой.

Удовлетворенность работой является интегративным показателем, отражающим благополучие сотрудника в профессионально-трудовой деятельности. Уровень удовлетворенности женщин-исследователей своей работой в Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) является важным индикатором развития как профессиональной деятельности женщин, так и белорусского научного сообщества в целом. На основании данных, полученных в ходе социологического исследования «Социальное самочувствие женщин – научных работников НАН Беларуси», проведенного в 2017 г., рассмотрим удовлетворенность женщин-исследователей своей работой в целом, в зависимости от наличия ученой степени, занимаемой должности, отделения наук, возраста, семейного положения и наличия детей. Выборочная совокупность составила 450 женщин. Предельная ошибка выборки при уровне значимости 0,05 составила $\pm 4,2\%$, что позволяет экстраполировать данные выборочного исследования на генеральную совокупность – женщин – научных работников НАН Беларуси.

Большинство женщин (67,1%) удовлетворены своей работой в НАН Беларуси в целом как обобщающей характеристикой удовлетворенности своей профессиональной деятельностью (в т. ч. среди них 8,1% – полностью удовлетворены и 59,0% – скорее удовлетворены). При этом ту или иную степень неудовлетворенности своей работой высказали 25,6% – каждая

четвертая женщина, в т. ч. среди них 4,0% – не удовлетворены полностью, а 21,6% – скорее не удовлетворены. Только 7,3% опрошенных затруднились с оценкой.

Прослеживается тенденция в сторону снижения удовлетворенности в зависимости от вида ученой степени (доктор или кандидат наук), а также отсутствия ученой степени. Среди докторов наук удовлетворены своей работой 83,3%, среди кандидатов наук – 69,8%, среди женщины без ученой степени – 65,1%. Если из числа ответивших «скорее не удовлетворена» доктора наук составили 8,3%, то среди женщин кандидатов наук и без ученой степени этот показатель выше более чем в два раза – 19,8% и 22,7% соответственно. По оценке «полностью не удовлетворена» различия не значительны: 8,3% – доктора наук; 4,3% – кандидаты наук; 3,8% – без ученой степени.

Удовлетворены своей работой женщины, занимающие должность директора (в т. ч. 50,0% – полностью удовлетворены, 50,0% – скорее удовлетворены) и заместителя директора (в т. ч. 12,5% – полностью удовлетворены, 87,5% – скорее удовлетворены). В наибольшей степени удовлетворены женщины – руководители структурных подразделений (83,3%) и ведущие научные сотрудники (78,8%). Однако, среди тех, кто не удовлетворен своей работой – это женщины, работающие в должности главного научного сотрудника (40,0%) и ученого секретаря (33,3%). Практически каждая третья женщина – младший научный сотрудник и старший научный сотрудник не удовлетворена своей работой: 30,2% и 30,9% соответственно, каждая четвертая женщина – научный сотрудник (25,8%) также не удовлетворена своей работой.

В основном женщины выразили высокую степень удовлетворенности своей работой во всех отделениях наук: в отделении медицинских наук – 83,3%, физико-технических наук, физики, математики и информатики – 66,7%; биологических наук – 65,2%; химии и наук о Земле – 67,6%; аграрных наук – 64,5%; гуманитарных наук и искусств – 64,2%. Часть женщин выразила ту или иную степень неудовлетворенности своей работой. Практически каждая третья женщина, работающая в отделении химии и наук о Земле, не удовлетворена своей работой в НАН Беларуси – 29,7% (в т. ч. среди них, скорее не удовлетворены – 21,6%, полностью не удовлетворены – 8,1%). В других отделениях неудовлетворенность женщин своей работой распределилась следующим образом. В отделении физико-технических наук, физики, математики и информатики не удовлетворены 28,0%, в т. ч. среди них, скорее не удовлетворены – 25,4%, полностью не удовлетворены – 2,6%. В отделении биологических наук – 28,3%, в т. ч. среди них, скорее не удовлетворены – 25%, полностью не удовлетворены – 3,3%. В отделении гуманитарных наук и искусств – 26,9%, в т. ч. среди них, скорее не удовлетворены – 22,4%, полностью не удовлетворены – 4,5%. В отделении аграрных наук – 25,6%, в т. ч. среди них, скорее не удовлетворены – 18,9%, полностью не удовлетворены – 6,7%. Только 7,1% женщин, работающих в отделении медицинских наук, скорее не удовлетворены своей работой, при этом, полностью не удовлетворенных своей работой не выявлено.

Более половины женщин, состоящих в юридически оформленных отношениях, и незамужние женщины в той или иной степени удовлетворены своей работой: 65,9% и 66,7% соответственно. В то время как 24,6% замужних и 26,5% незамужних женщин не удовлетворены своей работой. При этом 69,2% женщин, у которых есть дети и 64,8% женщин, у которых нет детей, удовлетворены своей работой.

Удовлетворенность женщин своей работой в зависимости от возраста представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Удовлетворенность женщин-исследователей своей работой в НАН Беларуси
в зависимости от возраста, %, в целом по выборке**

Возраст, лет	Полностью удовлетворена	Скорее удовлетворена	Скорее не удовлетворена	Полностью не удовлетворена	Затрудняюсь ответить
До 29	7,2	52,2	28,3	6,5	5,8
30–34	8,6	55,7	20,0	4,3	11,4
35–39	2,5	67,5	20,0	2,5	7,5
40–44	9,1	57,6	18,2	6,1	9,1
45–49	4,5	63,6	22,7	4,5	4,5
50–54	17,2	55,2	17,2	3,4	6,9
55–59	-	60,9	21,7	4,3	13,0
60–69	14,3	69,0	14,3	-	2,4
Свыше 70	40,0	40,0	20,0	-	-

Следует отметить, что большинство женщин независимо от возраста, удовлетворены своей работой в НАН Беларуси. Удовлетворены своей работой больше всех женщины в возрасте 60–69 лет – 83,3%. Больше всего не удовлетворены своей работой молодые женщины-ученые в возрасте до 29 лет – 34,8%.

Группы удовлетворенных и не удовлетворенных своей работой женщин различаются по всем показателям удовлетворенности различными аспектами своей работы ($p < 0,001$). В таблице 2 представлены средние значения показателей удовлетворенности аспектами работы, по которым различаются группы женщин, удовлетворенных (первая группа) и не удовлетворенных (вторая группа) своей работой.

В группах удовлетворенных и не удовлетворенных своей работой, женщины удовлетворены занимаемой должностью, отношениями с руководителями, психологическим климатом в коллективе. Однако в первой группе удовлетворенность этими показателями выше, чем во второй. Не удовлетворены женщины, как в первой, так и во второй группе, мерами государственной поддержки ученого, размером заработной платы. При этом во второй группе неудовлетворенность намного выше. Женщины, которые не удовлетворены своей работой в НАН Беларуси (в целом по выборке их 25,6%), также не удовлетворены перспективами должностного роста, перспективами профессионального роста, социальным пакетом своего института, состоянием своего рабочего места, условиями своего труда в целом.

Таблица 2

Среднее значение показателей удовлетворенности различными аспектами работы среди удовлетворенных (1) и не удовлетворенных (2) своей работой женщин-исследователей

Группы женщин	Показатели									
	Занимаемая должность	Меры государственной поддержки ученого	Перспективы должностного роста	Перспективы профессионального роста	Размер заработной платы	Отношения с руководством	Социальный пакет института	Состояние своего рабочего места	Психологический климат в коллективе	Условия своего труда в целом
1	0,5931	-0,2619	0,3122	0,3889	-0,3852	0,6491	0,2648	0,5023	0,6304	0,5031
2	0,2041	-0,6214	-0,1842	-0,1044	-0,6952	0,3844	-0,1007	-0,0141	0,2532	-0,0259

Применив метод бинарной логистической регрессии, мы установили, какие факторы влияют сильнее всего на удовлетворенность женщин своей работой в НАН Беларуси. Процент правильных предсказаний по бинарной логистической модели равен 80,7%. С прогностической точки зрения, среди рассматриваемых нами факторов, совокупность следующих факторов сильнее всего влияет на удовлетворенность женщин своей работой: удовлетворенность занимаемой должностью, мерами государственной поддержки ученого, перспективами должностного роста, состоянием своего рабочего места, психологическим климатом в коллективе, условиями своего труда в целом.

Таким образом, данные исследования об удовлетворенности женщин-исследователей своей работой в НАН Беларуси позволяют сделать следующие основные выводы. Во-первых, ученая степень, должность, возраст, область науки являются дифференцирующими факторами удовлетворенности. Уровень удовлетворенности уменьшается со снижением должности и увеличивается с повышением возраста женщины. Во-вторых, исходя из сравнения групп женщин, удовлетворенных и не удовлетворенных своей работой, а также учитывая влияние, выделенных с помощью бинарной логистической регрессии, факторов, можно предположить на какие показатели труда женщин-исследователей стоит обратить внимание с целью повышения доли женщин, удовлетворенных своей работой. Для повышения общей удовлетворенности работой необходимо повысить, прежде всего, удовлетворенность занимаемой должностью, мерами государственной поддержки ученого, перспективами должностного роста, состоянием своего рабочего места, психологическим климатом в коллективе, условиями своего труда в целом. Следует отметить, что, несмотря на высокую неудовлетворенность размером заработной платы, данный показатель не влияет на общую удовлетворенность женщинами работой в академии.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение удовлетворенности женщин-исследователей своей работой является важным и необходимым практическим ресурсом для осуществления коррекции мер, направленных на дальнейшее повышение эффективности научно-исследовательской деятельности женщин, что наиболее полно позволит реализовать профессиональный потенциал женщин-ученых научных организаций Национальной академии наук Беларуси.

А. Л. Темницкий

Эволюция концептуальных моделей отношения к труду

**Темницкий
Александр Лазаревич**

Кандидат социологических наук, доцент,
Московский государственный университет (институт)
международных отношений МИД РФ (МГИМО);
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: taleksandr@list.ru

Аннотация. В докладе раскрывается актуальность обращения к исследованию отношения к труду работников в современном российском обществе. В центр внимания ставится проблема выделения принципов, выявления временных этапов, парадигм и концепций в эволюции моделей отношения к труду. Обосновывается, что в принципиальной схеме модели отношения к труду адекватной сфере труда современного общества ведущую роль играет работник. В условиях нестабильной занятости и роста угроз безработицы определяющим принципом в отношении к труду является вынужденная готовность работать на основе повышения гибкости и маневренности в трудовом поведении, максимизировать наличные ресурсы как психофизиологического, образовательного, так и отношенческого характера для выживания и достижения относительного благополучия домохозяйства.

Ключевые слова: отношение к труду, условия занятости, концептуальные модели, кризис труда, мотивация труда, наемные работники.

Отношение к труду как сложная социально – экономически, психологически и культурно обусловленная взаимосвязь человека и труда традиционно рассматривается как самостоятельная научная категория и актуальная проблема для социологических исследований. В отечественной социологии исследования по проблемам отношения работников к труду стали, начиная с известной работы ленинградских ученых «Человек и его работа», отправным пунктом и вместе с тем стержневой линией в развитии советской социологии труда.

По мере накопления данных и результатов исследований сложился достаточно четко определяемый набор предметной области исследований по проблемам отношения к труду. В нем, прежде всего, находят выражение ценностные ориентации человека в сфере труда, его трудовая мотивация, определенная оценка им своих возможностей и способностей, а также конкретных условий труда и производственного быта. Отношение людей к труду является также характеристикой их деятельности в процессе производства, их реального трудового поведения, проявляющегося в таких формах, как степень трудовой отдачи, выполнение заданий, качества труда, дисциплины, инициативности и т. д.

Отношение к труду изменяется как под влиянием ценностных диспозиций и мотивов новых поколений работников, так и в результате изменений в сфере труда, перехода к экономике знаний. Изменения происходят в формах занятости, появляются новые профессии. Все более распространяются гибкая, неполная, отдаленная, электронная, кочевническая, заемная формы занятости. Новые профессии все чаще связываются с обработкой и анализом информации: сфера IT-технологий, медиа и журналистика, консалтинг, маркетинг, работа в интернете.

Вместе с тем, обращение к проблеме отношения к труду во временной перспективе последних 50 лет приводит к выводу, что этот, традиционный для отечественной социологии труда предмет исследований, потерял свою привлекательность в период рыночных реформ. Об этом свидетельствует резкое снижение количества работ, посвященное проблемам труда в обществе, на предприятиях, в повседневной жизни целом и отношения к труду в частности. Означает ли это, что проблема отношения к труду как фактора, влияющего на формирование современных моделей трудового поведения и занятости, перестала быть актуальной для трансформирующегося российского общества? Может быть, переход к рыночным отношениям автоматически «снимает» данную проблему, т. к. страх безработицы, снятие ограничений в возможностях заработка, новые условия для мобильности рабочей силы создают все предпосылки для максимально интенсивного и добросовестного труда наемных работников?

Другое объяснение потери интереса исследователей к проблеме отношения к труду может быть связано с концепциями кризиса, конца, упадка труда, получивших отражение в целом ряде работ постмодернистского толка (Бауман, 2005, Бек, 2000, Сеннет, 2004). Указания в данных концепциях на то, что труд перестал быть организующим фактором жизни, на неопределенность его роли и статуса, незащищенность работника, обезличенность и бесцельность его трудовой деятельности, освобождению человека от трудовой занятости посредством внедрения новых технологий подводят к мысли о возможности жизни и общества без труда.

Мы придерживаемся позиции, что в любом обществе, какие бы определения оно не получало: традиционное, индустриальное, постиндустриальное, труд остается основой социальной жизни индивида, а господствующий тип отношения к нему – базовой характеристикой самого общества. Под влиянием происходящих изменений: будь то промышленный переворот, национализация или приватизация собственности, усиление принципов «машинизации» или, напротив, «гуманизации» в организации труда, введение всеобщей трудовой повинности или свободы труда и угрозы безработицы происходит не кризис труда, а меняются ценностные ориентации на труд и отношение к нему, и, соответственно, требуются новые парадигмы в его изучении.

Поставленные вопросы требует решения целого ряда задач, отражающих современные теоретико-методологические и практические аспекты в исследовании отношения к труду как социокультурного фено-

мена. К таковым, прежде всего, относится определение этапов эволюции и выявление возможных моделей и оснований для новых парадигм в изучении отношения к труду в XXI веке.

Не претендуя на полноту раскрытия, можно попытаться схематично выделить основные этапы в эволюции принципов и парадигм изучения отношения к труду (см. таблицу 1).

Таблица 1

Этапы эволюции концептуальных моделей отношения к труду

Принципы отношения к труду	Время и тип общества	Парадигма	Отражение в научных концепциях
Работать столько, сколько нужно для привычной жизни	XV–XVIII Традиционное общество	Работник – местная община, цеховая корпорация	Религиозная этика труда
Работать на основе научной организации труда	XIX нач. XX. Раннее индустриальное общество	Работник – рабочее место	Тейлоризм
Работать на основе хороших человеческих отношений, высокого морально–психологического климата в коллективе	30–40 гг. XX века Зрелое индустриальное общество	Работник – группа, коллектив	Концепция человеческих отношений, советского трудового коллектива
Работать на основе комплексной увязки труда отдельного индивида с работой предприятия в целом	50–60 гг. XX века. Развитое индустриальное общество	Работник в организации	Структурный функционализм
Работать на основе повышения самостоятельности, участия в управлении, сотрудничества, демократизации производства в целом	70–80 гг. XX века. Поздний этап индустриального общества	Работник соучастник общего дела, хозяин производства	Гуманизация труда, трудовая демократия
Работать на основе повышения гибкости и маневренности в трудовом поведении	90 гг. XX века – первые два десятилетия XXI в. Ранний этап постиндустриального общества	Работник – Работник (его ресурсный потенциал, человеческий капитал)	Неоинституционализм, концепции человеческого капитала, социокультурный подход

Предполагается, что переход от традиционного общества к постиндустриальному сопровождается ослаблением влияния коллективного сознания (в трактовке Э. Дюркгейма) и усилением роли индивидуальных качеств и притязаний работника: его психофизиологического, профессионального, социального и интеллектуального капитала. Нет необходимости в рамках поставленных задач подробно останавливаться на рассмотрении парадигм отношения к труду на этапах традиционного и индустриального обществ, которые получили подробное освящение в огромном количестве работ отечественных и западных исследователей. Важно подчеркнуть, что отмеченные М. Вебером признаки традиционного докапиталистического типа отношения к труду: меньшая привлекательность потенциально возможного

большого заработка по сравнению с облегчением работы (Вебер, 1990, с.81) не исчезают автоматически при переходе к капитализму. Приумножение капитала (дохода, полезности) как самоцель – этот важнейший признак капиталистического отношения к труду становится реальным, если ему способствуют такие факторы, как квалификация, образование, уверенность работника на рынке труда. Точно также, как и при социализме, если содержательный труд становился самоцелью, то, вероятно, что этому способствовали интересная работа и общественно-значимые мотивы. В целом, проблема отношения к труду для современной России имеет много сходного с ее постановкой у М. Вебера, т. к. капиталистическое отношение к труду находится еще только на стадии формирования и важно выявлять его реальные предпосылки, формирующиеся на основе взаимосвязи традиционного и инновационного.

Еще важнее обозначить принципы модели отношения к труду, которая может стать адекватной для современных условий. Предполагается, что ведущую роль в ней применительно к российским условиям занятости на предприятиях занимает действующий индивид – работник, остающийся один на один с администрацией, вынужденный в условиях нестабильности и роста угроз безработицы, максимизировать наличные ресурсы как психофизиологического, образовательного, так и отношенческого характера для выживания и достижения относительного благополучия домохозяйства (Темницкий, 2001). В отличие от предыдущих исторических этапов предлагаемая модель носит синтетический, многомерный характер. В условиях традиционного общества основу модели отношения к труду составляли либо религиозные принципы: заслужить спасение (протестантизм), либо главенствовали устоявшиеся обычаи: работать столько, сколько нужно, для нормальной жизни, либо трудоцентристская модель советского общества, основанная на идеологических принципах: работать столько, сколько нужно для будущего общества, лучшей жизни своих детей. Традиционно общество воспринималось как целое, подавляющее, втягивающее и встраивающее в себя индивидуальное. Предложенная В. Ядовым концептуальная модель отношения к труду, являлась адекватной тому времени. Работник в ней не мыслился вне организации, а его занятость имела прочная гарантии (Ядов, 1983). Но теперь, когда государство перестало четко, системно контролировать социальные действия, а нормы, составляющие ценностный консенсус общества отсутствуют, индивидам, ничего не остается, как самим вырабатывать стратегии своего жизненного поведения. Остающиеся властные ресурсы, формализованные правила и нормы могут использоваться в таком случае как ресурсы для решения индивидуальных задач.

В трансформирующемся обществе закономерно происходит усложнение проблемы отношения к труду. Если в советском обществе по существу в качестве дифференцирующих принимались только технико-функциональные факторы, а характер труда рассматривался как равнодействующий и выносился за скобки (Человек..., 2003, с. 27), то в нынешнем почти не осталось ничего равнозначного. Все принимает специфический характер в зависимости от множества стратифицирующих факторов: от отношений по поводу собственности до индивидуально личностных различий.

Сложившийся рынок не решил проблему в отношении к труду ни одной большой социальной группы наемных работников. Основные составляющие данной проблемы: отчужденность труда, незащищенность, персонафицированная зависимость в трудовых отношениях, неудовлетворенность трудом и др., характерны для абсолютного большинства наемных работников современной России. В этой связи актуальность обращения к проблеме отношения к труду лишь возрастает.

Литература

Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс Традиция, 2000.

Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послес. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс., 1990.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2003.

Сеннет Р. Коррозия характера. Перевод В. И. Супруна. Фонд социопрогностических исследований «Тренды». Новосибирск / Москва, 2004.

Темницкий А. Л. Рыночные стратегии трудового поведения наемных работников // Россия: трансформирующееся общество. Под. ред. В. А. Ядова. М.: Канон-ПРЕСС-Ц, 2001. С. 420–421.

Ядов В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 50–62.

Сессия 9.2

Прекарность труда:

новые лики эксплуатации и самоэксплуатации

Модератор: Тощенко Ж. Т.

Р. И. Анисимов

В ловушке неформальности¹

Анисимов

Роман Иванович

Кандидат социологических наук,

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: ranisimov@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрена трудовая мобильность неформально трудоустроенных наемных работников и сделаны выводы о том, что она выступает фильтром, препятствующем изменению статуса работника, делает его более атомистичным и отчужденным от трудового коллектива. Атомизация распространяется и на другие сферы жизни человека, делая человека более свободным от других людей. Но, эта негативная свобода, так как она не дает ресурсов для самореализации личности, а лишь закрепляет человека в его статусе, оставляя слабую надежду на его изменение.

Ключевые слова: флексибельность, неформальность, наемный работник, интенсивная трудовая мобильность, негативная свобода, атомизация.

Растущая турбулентность современной экономики затрудняет прогнозирование экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Горизонты планирования сжимаются и вследствие этого администрация предприятий и организаций начинает отказываться от стандартных трудовых отношений. Это позволяет снижать издержки неопределенности со стороны организаций и перекладывает на плечи работника системные проблемы капиталистической экономики. Он выступает «жертвой» изменившейся рыночной конъюнктуры, над ним постоянно висит «дамоклов меч» сокращения или уменьшения оклада, при том, что персональной вины за снижение спроса за работником нет, так «решил рынок». Рост неопределенности в трудовых отношениях получил наименование «флексибилизация (гибкость) трудовых отношений» и является одним из способов адаптации предприятий и организаций к перманентным изменениям рыночного спроса. Флексибилизация подразумевает под собой: ненормированный рабочий день, легкость приема/увольнения работника, интенсивную трудовую мобильность работника, его большую индивидуалистичность. Мы полагаем, что флек-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 18-18-00024.

сбильность являясь благом для одних групп, для других несет лишения и делает человека более уязвимым перед действием «слепых экономических сил». В наибольшей степени от флексибильности страдают неформальные наемные работники и для них позитивная свобода, рождающаяся от флексибильности трудовых отношений, оборачивается негативной свободой, загоняющего его в ловушку нестабильности. Обоснуем это утверждение на результатах всероссийского социологического исследования, организованного социологическим факультетом РГГУ в рамках реализации гранта № 18-18-00024.¹ Мы сравнили особенности флексибилизации трудовых отношений работников с бессрочными договорами (391 человек – 43,4% от всех опрошенных) и работников, трудящихся по устной договоренности (227 человек – 25,2% от всех опрошенных). Остальные работники трудятся по срочным договорам и составляют собой промежуточную группу, тяготеющую в зависимости от срока договора к работникам с бессрочными договорами (работники со срочными договорами более года) или к неформальным работникам (работники с договорами менее года).

По данным полученным в ходе опроса выяснялось, что у респондентов, работающих неформально интенсивность трудовой мобильности выше, чем у тех, кто трудится бессрочно (см. таблицу 1).

Таблица 1

Смена работы за последние три года, в зависимости от вида договора, занятости,
% от опрошенных в каждой группе

Меняли ли Вы место работы или профессию за последние 3 года или все оставалось по-прежнему?	Вид договора, занятости	
	Имеют бессрочный договор	Работают без трудового договора
Не меняли, профессия и место работы остались прежними	73,9	51,1
Сменили профессию, но не сменили место работы	1,3	0,9
Сменили место работы, но не сменили профессию	16,6	33,9
Сменили и место работы, и профессию	8,2	14,1

Практически половина работников, трудоустроенных неформально, меняли место работы, из них 53% меняли два и более раз (см. таблицу 2).

Стоит обратить внимание и на тот факт, что у 14,1% сменивших вместе со сменой работы изменилась и профессия. А всего у 37,4% работающих неформально образование и квалификация не соответствует выполняемой работе.

Сама же работа у 50,7% неформально трудоустроенных вызывает чувство неудовлетворения, что в полтора раза выше, чем у работающих по бессрочным договорам (см. таблицу 3).

¹ Были опрошены работники наиболее прекаризированных отраслей экономики РФ строительства, транспорта, торговли и сферы услуг. Выборка многоступенчатая районированная с квотным отбором респондентов на последней ступени. Время опроса май-июнь 2019 года, объем выборочной совокупности – 900 человек. Опрос проведен ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга».

Таблица 2

**Частота смены работы, в зависимости от вида договора, занятости,
% от сменивших работу за последние три года**

Как часто вы меняли место работы за последние 3 года?	Вид договора, занятости	
	Имеют бессрочный договор	Работают без трудового договора
Меняли 1 раз	67,6	46,8
Меняли 2–3 раза	21,6	36,9
Меняли более 3 раз	10,8	16,2

Таблица 3

**Характер удовлетворенности своей работой,
в зависимости от вида договора, занятости, % от опрошенных в каждой группе**

Насколько вы удовлетворены своей работой?	Вид договора, занятости	
	Имеют бессрочный договор	Работают без трудового договора
Полностью удовлетворены	15,6	6,6
Скорее удовлетворены, чем не удовлетворены	43,7	32,6
Скорее не удовлетворены, чем удовлетворены	26,1	31,3
Не удовлетворены	7,7	19,4
Затруднились ответить	6,9	10,1

И вследствие неудовлетворенности работой 31,3% респондентов, работающих неформально, хотят сменить место своей работы, что в два раза выше, чем у работающих по бессрочным договорам (15,9%).

Также стоит отметить, что 39% работающих неформально, ответили, что они не определились с планами по смене работы. Мы считаем, что эти люди потенциально готовы оставить нынешнее место работы, но просто нет подходящих предложений или они хуже, чем они имеют сейчас. Люди работают на этом месте, но без всякой привязанности к нему, они не связывают свою жизненную траекторию именно с этой организацией или работодателем. Работа в данной организации обусловлена ситуацией или самого человека, или рынка труда и строится по принципу «я работаю здесь пока не подвернется что-то получше».

На наш взгляд, эти данные говорят о негативной интенсивности трудовой мобильности среди работающих неформально наемных работников. В настоящее время, в общественное сознание активно продвигается идея о позитивной роли постоянной трудовой мобильности. Считается, что это благоприятно отражается на работнике, он накапливает человеческий и социальный капитал, самосовершенствуется и занимает активную позицию по отношению к себе, «не жалуется на обстоятельства, а что-то меняет» и т. д. На наш взгляд, эти идеи применимы к лицам, находящимся в привилегированном социальном положении, которые уже обладают культурным, образовательным, социальным и человеческим капиталом.

Повышенная трудовая мобильность работников без оформления договора загоняет их в «ловушку неформальности» из которой тяжело вырваться. Они постоянно находятся в начале карьеры. Приходя на предприятия, они выполняют простую, рутинную работу, не требующую квалификации. Эта работа их не устраивает, они увольняются, но на новом месте работы, им как новичкам без квалификации опять предлагают подобную работу. Круг замыкается. Из него тяжело вырваться. Более частая смена работы не приводит к росту человеческого капитала, так как выполняемая работа слишком механистична и не требует большого образования. По результатам нашего исследования в 2019 г. 78,9% неформально трудоустроенных работников имело среднее и средне-специальное образования, тогда как работающих по бессрочным договорам с средним и средне-специальным образованием было 64,7%, а с высшим – 32%. Это опровергает еще одну активно распространяемую в последнее время установку о «ненужности образования». Исходя из наших данных вероятность иметь бессрочный договор выше у респондентов с высшим образованием. Неформальные практики трудоустройства больше распространены среди людей с низким и средним уровнем образования и соответственно эти работники работают на несложных работах, которым можно быстро обучиться, поэтому у 37,4% неформально трудоустроенных образование не соответствует выполняемой работе (среди работающих по бессрочным договорам аналогичный ответ дали – 10,2%). Повышенная трудовая мобильность является негативным фактом для таких работников, чем позитивным, она не дает им приобрести необходимые навыки и выстроить карьеру. Она выступает фильтром, закрепляющий человека в его неформальном статусе.

Частая смена работы приводит к росту недоверия к работодателям. Полностью доверяют своему руководителю 16,3% трудоустроенных неформально респондентов (30,7% – респондентов, имеющих бессрочный трудовой договор), доверяют, но не во всем 40,5% (47,3% – респондентов, имеющих бессрочный трудовой договор), не доверяют – 27,3% (14,1% – респондентов, имеющих бессрочный трудовой договор). Более того, недоверие распространяется и на товарищей по работе. Своим коллегам доверяют полностью – 22,5% работающих неформально (39,9% – работающих по бессрочным договорам), доверяют не во всем – 53,3% (47,1% – работающих по бессрочным договорам), не доверяют – 17,6% (6,4% – работающих по бессрочным договорам). Более выраженная степень недоверия к трудовому коллективу, среди работающих неформально свидетельствует об их большей атомизации, эксклюзии и отчуждении от трудового коллектива. Они более индивидуальны, чем другие группы работников, но эта индивидуальность несет негативный оттенок. Они индивидуалисты поневоле. Не привязанность к работе освобождает их от ответственности за нее, а интенсивная трудовая мобильность усложняет создание устойчивых связей. Они свободны от, а не для. Вообще, индивидуальность как ценность в настоящее время имеет позитивный оттенок, но также как в случае с мобильностью, индивидуальность являясь благом для одних групп, для неформальных наемных работников приобретает черты проклятия. Его свобода – это его бремя, так как отсутствуют ресурсы для позитивного роста индивидуальности. Поэтому,

на наш взгляд, применительно к неформально трудоустроенному работнику корректней использовать понятие атомизация, тождественное негативной свободе, свободе от обязательств, привязанностей, стабильности.

Атомизация распространяется и на другие сферы человеческой жизни. Неформально трудоустроенные работники в большей степени, чем работающие по бессрочным договорам не состоят ни в одной общественной организации – 93,4% (83,1% – среди работающих по бессрочным договорам), 45,4% в 2018 г. не участвовали ни в одной из форм общественно-политической жизни (выборы, митинги и т. д.). Более того, 28,9% среди работающих не имеют семьи (не женатые, незамужние, разведенные и вдовцы/вдовы). Среди работающих по бессрочным договорам респондентов с таким же статусом оказалось 19,1%.

Таким образом, неформально трудоустроенный работник более мобилен, более индивидуалистичен, менее образован, и исходя из этих характеристик, может сложиться впечатление, что он более молод, чем работник с бессрочным договором. Молодежь не обладает необходимой квалификацией, она «ищет себя» часто меняя работу, еще не завела семьи, т. е. такое состояние «нормально» для молодых, оно соответствует этому этапу жизни. Но, наше исследование показало, что в наиболее прекаризированных отраслях экономики неформальная занятость распространена среди людей среднего возраста – 77,9% работников без договоров составили респонденты в возрасте 30–59 лет (37,4% в возрасте 30–39 лет, 26% в возрасте 40–49 лет, 7% в возрасте 50–59 лет). Неформальная занятость не является характеристикой молодости и получается, что работники-неформалы люди по возрасту не молодые, но по своим трудовым характеристикам соответствуют молодым, что, на наш взгляд понижает их конкурентоспособность на рынке труда. Мы полагаем, что эти люди испытывают на себе негативные последствия роста нестабильности трудовых отношений. И таким образом, неопределенность трудовых отношений для одних групп оборачивается увеличением материальных и духовных благ, а других загоняет в ловушку неформальности, лишая их надежды на изменение собственной жизни.

М. Б. Буланова

Прекарность труда в сфере образования

**Буланова
Марина Борисовна**

Доктор социологических наук,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: marina_bulanova@inbox.ru

Аннотация. В статье поднята проблема прекарности труда в сфере образования. В российском образовании наблюдаются: усиление неравенства школ и вузов в условиях и качестве предоставления образования; коммерциализация образования; постепенный уход государства из сферы образования; депрофессионализация специалистов на рынке труда. Показатели прекаризации сферы образования: ущемление трудовых прав учителей школ и преподавателей вузов; отсутствие адекватного государственного финансирования образования; плановое сокращение работников образования; недозанятость и сверхзанятость работающих в сфере образования; рост доли неоплачиваемого (принудительного) труда в образовании; незащищенность прав и негарантированность труда учителей и преподавателей вузов. В статье сделан вывод о том, что прекарный труд является индикатором деформации сферы образования.

Ключевые слова: прекариат, прекарный труд, образование, депрофессионализация, сверхзанятость, недозанятость.

Неопределенность стала постоянной константой современного мира, охватив все сферы жизнедеятельности общества, включая образование. Под влиянием этой неопределенности произошла деформация той сферы, которая находилась под опекой социального государства, а также была гарантом устойчивости и стабильности для людей, профессионально занятых образовательным трудом.

В настоящее время в российском образовании действуют несколько тенденций:

- *Усиление неравенства школ и вузов в условиях и качестве предоставления образования.* В стране сложилось элитное и массовое образование, отличающееся и по условиям его получения, и по качеству. Причем, следует учесть тот факт, что некачественное среднее и высшее образование уменьшают шансы личности на успешную профессиональную и общественную карьеру.

- *Продолжающаяся коммерциализация образования.* Внедрение рыночных отношений привело к тому, что все, связанное с жизнью и деятельностью человека, стало предметом купли-продажи. Все чаще в официальных документах термин образование подменяется словосочетанием «образовательные услуги». А если это услуги, то их можно заказывать (коммерческие вузы) и за них нужно платить (коммерческие места в государственных вузах). Так, по данным Росстата, больше половины россий-

ских студентов оплачивают свое обучение в вузах. Преподаватели высшей школы все чаще сталкиваются с необоснованными претензиями на высокие оценки именно со стороны т. н. «платных» студентов.

- *Постепенный уход государства из сферы образования.* Переход на самофинансирование образовательных учреждений, сокращение числа бюджетных мест в вузах, неравномерное (рейтинговое) государственное финансирование вузов и школ порождают ситуацию неопределенности в настоящем и непредсказуемости будущего в образовании.

- *Депрофессионализация специалистов на рынке труда.* Новые требования рынка, предъявляемые к выпускникам вузов, не всегда соответствуют полученной ими квалификации. Кроме того, в условиях закрытия предприятий и сокращения штатов учреждений, оказавшись в армии безработных и поставленные в ситуацию выживания специалисты находят различные способы применения своих сил и способностей, в том числе не соответствующие полученному образованию и трудовому опыту.

Все эти условия создают внешний фон нестабильности, неопределенности, который способствует формированию внутренних факторов прекарности труда в сфере образования.

Реальными проявлениями прекарности труда в сфере образования являются:

- *Ущемление трудовых прав учителей и преподавателей вузов.* В вузах большинство преподавателей официально имеют бессрочный трудовой договор (при условии успешного прохождения конкурса на должность). Реально: почти у всех – срочный контракт, у многих – на короткие сроки, от года до двух. Практикуются временные трудовые договора сроком на 10 месяцев, а также «добровольные» переводы совместителей и штатных сотрудников на почасовую оплату. В школах складывается, на первый взгляд, обратная ситуация: учитель не может оформиться на полставки, но может на полторы ставки. И в том, и в другом случае все за работника решает администрация, не давая ему право самому определять сроки и степень занятости по трудовому контракту. Под угрозой увольнения, преподаватели вузов вынуждены соглашаться на заведомо невыгодную оплату труда, а учителя – на заведомо невыгодные условия труда.

- *Отсутствие адекватного государственного финансирования заработной платы.* Основная проблема – базовый оклад, размер которого (вследствие неполной занятости) часто недостаточен для содержания семьи. Остальная часть зарплаты является премиальной (назначаемой по эффективному контракту), размер выплаты которой не фиксирован, а условия и величина доплаты постоянно меняются. В 2016 г. в ходе Всероссийского социологического исследования «Жизненный мир интеллигенции» (далее в тексте – ЖМИ-2016) были опрошены 1350 работников сфер образования, здравоохранения и культуры. Из группы 250 учителей и преподавателей вузов, 33,3% назвали неясность в оплате труда в числе проблем, которые их особенно беспокоят. Не вызывает восторга и появившаяся в последнее время практика «завязывания» эффективного контракта на размер ставки преподавателя. Например, если преподаватель оформлен на полставки, то и все баллы, которые он заработал по эффективному контракту делятся пополам.

- *Реальное сокращение заработной платы при формально обозначенном ее «росте».* При видимом росте номинальной оплаты за ставку, преподаватель часто остается с прежним или даже уменьшенным уровнем оплаты за счет фактически возросших объема и интенсивности учебной нагрузки. Размер заработной платы падает относительно реальных трудовых затрат в сфере образования. Вследствие этого многие преподаватели вузов и учителя школ вынуждены подрабатывать в других местах. Согласно данным ЖМИ-2016, каждый второй педагог (40,5%) занимается подработкой или совместительством.

- *Плановое систематическое сокращение числа преподавателей.* В «дорожной карте» развития образования и науки, принятой Правительством в декабре 2013 г. и скорректированной в апреле 2014 г., предусматривалось уменьшение количества преподавателей к концу 2018 г. на 40% по сравнению с 2012 г.

- *Одновременный рост как недозанятости, так и сверхзанятости работающих в сфере образования.*

- *Недозанятость* проявляется в сокращении списочного состава работников при одновременном росте занятых в этой сфере. Администрация сокращает ставки, переводя преподавателей на неполную занятость. По данным Росстата, в 2016 г. 1 млн 743 тыс. работников образования или каждый четвертый (25,7%) от общей численности занятых в образовании, имел неполную занятость.

Происходящая оптимизация штата сотрудников (приводящая к формальной недозанятости) приводит к фактической сверхзанятости учителей и преподавателей, что также является отклонением от установленной продолжительности рабочего времени и свидетельствует о другом аспекте *прекаризации – сверхзанятости*. Минобрнауки установило предельную норму учебной нагрузки в 900 часов (60% годового фонда рабочего времени), рекомендовав дифференцировать объем нагрузки по должностным группам. Администрация вузов все чаще считает 900 часов не максимально допустимой, а обязательной нагрузкой с «пошаговой» дифференциацией должностной лестницы в 50 часов. При таком раскладе разница между ставкой ассистента и профессора составляет те же 50 часов (900 и 850 соответственно).

Рост доли неоплачиваемого (принудительного) труда. Определение норм времени на выполнение разных видов работ отдано на откуп руководству вузов. В результате манипуляций с нормами большую часть нагрузки преподавателей составляет то, что называется «горловыми» часами. Проверка письменных работ студентов, научное руководство курсовыми, дипломами, учебно-исследовательскими проектами, а также другие виды не-горловой нагрузки, если и учитываются, то несоразмерными (по сравнению с реальными затратами) часами. В результате преподаватели вынуждены работать на износ, выполняя нагрузку за счет своего здоровья.

Реальное отсутствие социальных гарантий. В подавляющем большинстве случаев преподаватели вузов и учителя школ оформлены в соответствии с Трудовым кодексом и формально им гарантирован весь пакет

социальных прав: оплата больничного и отпуска, пенсионные отчисления и т. д. На практике бывает по-разному: например, выплата больничного может производиться из размеров базового оклада, а не зарплаты. В ряде вузов встречается практика выплаты штатным сотрудникам отпускных с «понижающим коэффициентом», а совместителям, которых увольняют в конце каждого учебного года, отпускные не выплачиваются совсем или по минимальному размеру.

Нарушение академических свобод преподавателей. В вузах активно практикуется проверка «дисциплины» преподавателей, включающая контрольные посещения лекций и семинаров сотрудниками учебно-методических подразделений, фиксацию времени взятия и сдачи ключа от аудитории, что полностью разрушает взаимное доверие между преподавателями, администрацией и студентами. В последнее время исследователи обратили внимание на феномен профессионального выгорания учителей и преподавателей. Так, по мнению Д. Л. Константиновского, выгорание вызывает постоянная стрессовая ситуация в трудовом коллективе, причинами которой являются не только увеличение интенсивности нагрузки (перегрузка), но и чрезмерный контроль со стороны администрации.

Рост тревожности и неуверенность в завтрашнем дне. Формальное сокращение ставок и фактическое увеличение объема работы порождает у работников сферы образования неуверенность в завтрашнем дне, которое выражается в опасении потерять работу и невозможности прогноза своей будущей занятости. Так, в социологическом исследовании ЖМИ-2016 на вопрос: «Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы (в вашей организации, учреждении)», 28,8% педагогов (почти треть опрошенных) выбрали вариант – «опасение потерять работу». Таким образом в статусе современных преподавателей и учителей четко закрепляется понимание обделенности и ограниченности в своих социальных возможностях (Ж. Т. Тощенко).

Таким образом, precarious труд становится неотъемлемой частью профессий в сфере образования. Для большей части преподавателей вузов и учителей средней школы перестали существовать такие маркеры социального государства, как защита от безработицы, соблюдение социальных обязательств, гарантии по поддержке в трудных жизненных обстоятельствах. Современный прекариат (в отличие от его трактовки Г. Стэндингом) пополняется представителями образовательной интеллигенции, занятой сложным умственным трудом, не поддающимся простой автоматизации. Наличие сверхэксплуатации, снижение качества работы, отсутствие стабильности в трудовой деятельности, неуверенность в завтрашнем дне – убедительные свидетельства прекаризации сферы образования и ее работников.

Литература

Анисимов Р. И. Парадоксы труда и особенности прекаризации работников образования // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. М.: РГГУ. 2019. С. 297–303.

Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Тощенко Ж. Т. Прекариат. От протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Шевченко И. О. Преподаватели высшей школы в контексте прекарного труда // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. М.: РГГУ. 2019. С. 291–297.

С. Ю. Демиденко

Временное как постоянное? О мотивации к труду нестабильно занятой молодежи

Демиденко
Светлана Юрьевна

Ответственный секретарь журнала «Социологические исследования»,
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.

E-mail: demidsu@yandex.ru

Аннотация. В докладе на основе анализа глубинных интервью с нестабильно занятой молодежью и данных онлайн-опроса акцентируется внимание на мотивации к работе и труду этой прекаризированной группы в условиях неолиберальной экономики. Показано, что в среде нестабильно занятой молодежи изменяется отношение к труду, а работа представляется как смена коротких трудовых проектов. Среди выделенных мотивов – достижения, выживания, выгоды, морального мотива – большее распространение получает мотив выживания, тогда как мотивы содержательного порядка, хотя и присутствуют, но подавляются экономическими мотивами. Несмотря на общий оптимистический настрой молодежи и стремление к самодостаточности, расширение форм прекаризированной занятости может порождать новые формы экономической и социальной эксклюзии.

Ключевые слова: мотивация к труду, нестабильно занятая молодежь, переход «от учебы к работе», прекаризация труда.

Более 50 лет назад вопрос о роли труда в жизни молодежи был сформулирован в исследовании под рук. В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова. Опираясь марксовской категорией “превращения при коммунизме труда в первую жизненную потребность человека”, они пытались понять *почему* люди работают и может ли быть труд *удовольствием* (Ядов, 2003: введение). Сегодня вопросы изучения труда вновь актуальны, хотя совсем недавно этот аспект был на периферии исследовательских интересов. Смена коммунистической идеологии на экспансию неолиберальной политики существенным образом трансформировала внешнюю среду *человека работающего*, начиная с условий труда и заканчивая отсутствием социальных гарантий и снижением функции охраны труда.

Исследование конца 1960-х, ставшее эталоном в советской социологии, объектом своего изучения выбрало молодых рабочих — своего рода авангард поколения, которое будет жить при коммунизме, по словам Н. С. Хрущева. Обращение к современной молодежи для оценки будущего — не новый дискурс в социальных науках. Рассмотрение молодежной когорты для оценки перспектив развития различных форм социальности, выявление ее отношения и мотивации к труду по-прежнему актуально, хотя ее доля

уменьшается в структуре населения России (2016 г. – 21,5%), а новая пенсионная реформа 2018 года усложнила положение не только предпенсионной когорте. Не секрет, что молодежь уязвима на рынке труда в силу незавершенности своего статуса, отсутствия опыта работы и необходимых компетенций. Но интересна для пристального исследования молодежная группа еще и тем, что несколько отличается от других поколений ценностями и практиками. У современной молодежи отсутствует опыт проживания в Советском Союзе, и молодые воспринимают как данность то, что происходит на рынке труда — его нестабильность. Можно предположить, что в группе молодежи кристаллизуются новые отношения к труду, к занятости. В отличие от работников средних и старших возрастов, они не сравнивают свой трудовой опыт с тем, что нарабатывался в период иной социально-экономической модели, ввиду его отсутствия.

Конечно, современная молодежь разная, сложно давать обобщающие характеристики, т. к. поколение неоднородно. С одной стороны, все большее количество молодых ориентировано на получение знаний и построение карьеры, с другой — растет число т. н. кидалтов, НЕЕТ-молодежи. К тому же феномен т. н. избыточного образования приводит к тому, что все большее число молодежи, после получения окончания учебных заведений занимает позиции, не соответствующие его уровню образования (это демонстрируют данные опроса Росстата выпускников вузов и СПО 2010–2015 гг.) (см.: Чередниченко 2019; Варшавская 2019). При этом современное поколение подвержено риску стать гораздо менее обеспеченным, нежели поколение их родителей и это свойство характеризует не только россиян, но молодежь стран Европы.

Все это происходит на фоне развития потребительской культуры и цифровизации экономики с ее возможностью удаленной работы, когда стираются границы между работой и *неработой*. Неудовлетворенные условиями жизни в формальном секторе молодые работники находят привлекательные стороны во фрилансе, самозанятости, связываемые с большей свободой и независимостью, самореализацией и даже карьерой (Темницкий 2015; Андреева, Лукьянова 2018). Но «свобода» такого выбора ограничена и часто соседствует с отсутствием альтернатив и вовлечением в прекарную занятость, выйти из которой становится сложно. Ряд исследователей склоняется к тому, что подобный выбор формирует определенный *прекарный габитус*, когда стиль жизни прекарных работников, горизонты планирования, представления о самих себе подчинены этому формату неустойчивости занятости (Ваньке, Тартаковская, 2019: 356).

В целом современный этап развития экономики характеризуется распространением неустойчивых форм занятости, и эта тенденция общемировая (Стэндинг 2014, Тощенко 2018 и др.). Работодатели не заинтересованы в предоставлении трудовых контрактов на постоянной основе, привлекая сотрудников по краткосрочным контрактам, либо вообще к работе без всяких оговоренных гарантий. Пространство работы за постоянную зарплату сужается. Поэтому хотя значительная часть молодежи мечтает о стабильной работе и зарплате, в реальности молодое поколение в большей степени обречено на прекарную занятость. Если раньше отсутствие постоянного места работы

считалось временным, то в последнее годы мы наблюдаем закрепление в этой нестабильной ситуации. Иначе говоря, временное перестает быть атипичным, становясь новым режимом занятости. Частая смена работ, короткие трудовые проекты, несколько мест работы, неоднократная смена профессии — все эти практики становятся нормой для молодого поколения.

Смыслы, которые придают информанты собственному труду, отражают их жизненный мир, а также выражаются в поведении и деятельности, «которые выступают формой превращения сознания в реальный феномен общественной жизни» (Тощенко 2016: 107). В настоящем докладе я сконцентрируюсь на группе нестабильно занятых молодых, с акцентом на их мотивацию к труду. В основе анализа — глубинные интервью с молодежью 18–35 лет (52 интервью), проведенные в 2018 г.¹ Критерии отбора — место проживания (столицы/провинциальные города/сельская местность), возраст, пол, образование. В результате 42 человека являются городскими жителями (12 чел. проживают в Москве, 30 — в других российских городах), 10 — жители сел. Помимо этого, использовалась стратегия насыщенности случаев. Проект также предполагал проведение онлайн-опроса молодежи (подробнее см: ИНАБ, 2018, №1).

МОТ сформулировал три критерия неустойчивости занятости: сроки контрактов, природа трудовых отношений, условия труда. Исходя из этого, к нестабильно занятой группе молодежи отнесены те, кто в своей трудовой биографии имеет частый опыт смены работы, регулярные периоды безработицы (более 3-х месяцев), работники по найму, но не оформленные официально (без трудового контракта, по устной договоренности), имеющие разовые подработки без постоянной занятости. Т. к. труд самозанятых не до конца отрегулирован, предлагаем рассматривать эту группу также в числе нестабильно занятых, хотя порою работа в т. н. неформальной «гаражной экономике» может быть более выгодной и стабильной, чем в формальной. Выделенные критерии могут быть отнесены к прекаризированной занятости. Эти люди включены в теневой рынок труда, который, по подсчетам Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС, составляет 33 млн человек — 45% от общего числа занятых (Диманс, Левичева, 20018: 170). Безусловно, эта условная группа неоднородна по составу, включает в себя как маргиналов, так и лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации (уход за больным, развод и пр.). Однако рассмотрение мотивов и отношения к труду этой разнородной группы, на наш взгляд, обладает эвристическим потенциалом для изучения новых форм труда, а также эксплуатации и самоэксплуатации.

Исходя из данных нашего онлайн-опроса молодежи 18–35 лет², на постоянной основе работает 59,6%. А 40,4% на постоянной основе не работает в момент опроса, из них 41,3% в возрасте 18–24 лет и по 29% в группах 25–29 и 30–35 лет. Гендерных различий не выявлено — в равной сте-

¹ Проект «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе», в рамках государственного задания №28.1328.2017/ПЧ Министерства образования и науки РФ.

² Было принято решение о более широких возрастных рамках группы молодежи не только в связи с более поздним этапом взросления, но и чтобы охватить разные трудовые практики и разнообразный трудовой опыт.

пени представлены мужчины и женщины. Но надо учитывать, что в эту группу входят и экономически неактивные, которые учатся. Однако это не такая большая доля и составляет только 17% от общего числа неработающих на постоянной основе. Самостоятельно занятые составляют 8,6% (39,4% – ИП, 15,3% – своя компания, фирма, 45,2% – другая форма самозанятости). Т. е. форма незарегистрированной самозанятости выявлена примерно у 4% от числа всех работающих на постоянной работе (больше среди них 30–35-летних, а также мужчин).

Отметим, что из общего числа работающих постоянно — 62% молодежи в течении последних 12 месяцев имели подработку или выполняли разовую работу. В равной степени значимо для всех возрастов и по полу. Из числа неработающих постоянно — также 64% периодически подрабатывали. В основном это была работа без контракта, в частном порядке, по устной договоренности.

При анализе мотивов необходимо учитывать экономическую ситуацию в стране, регионе, городе и пр., т. к. в периоды экономической нестабильности мотивы содержательного порядка подавляются экономическими мотивами. В момент опроса страна уже вышла из очередного кризиса, однако ситуация на рынке в целом характеризовалась нестабильностью и не может оцениваться как благополучная, особенно для молодежи (подробнее см. Демиденко 2018). И хотя шансы сохранить постоянную работу в течение года, по данным опроса, оцениваются работающей молодежью как довольно высокие и средние (только около 7% отметили низкие шансы), проблемы с поиском работы, удовлетворяющей требованиям, отмечали многие информанты. Особенно это касалось жителей малых города и сельской местности, женщин с детьми, молодежи с низким образовательным статусом.

Известно, что формированию устойчивых мотивов предшествует побуждение в удовлетворении потребности и определенная направленность совокупности внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъектов. Мотив — это осознаваемая причина, которая является основой выбора действий и поступков (подробнее см.: Леонтьев, 1975). В целом, можно выделить следующие мотивы: достижения, выживания, моральные мотивы, мотивы выгоды. Анализ интервью с нестабильно занятыми группами молодежи показывает, что в основном нестабильно занятой молодежью используются мотивы выживания, т. к. представители этой группы принадлежат чаще к слаборесурсным группам, и находиться в долгом поиске идеальной для них работы не могут в силу жизненных обстоятельств. Важно учитывать, что неустойчивая занятость носит как добровольческий характер, так и вынужденный. С одной стороны, человек может сознательно использовать прекаризованные формы занятости (путешественник, современный бродяга и пр.), с другой — поставлен в такие условия, что соглашается на любую работу (отсутствие квалификации и образования, отсутствие предложений на рынке труда), в-третьих, эта может быть некая форма эскапизма, ухода от социума и ведение затворнического образа жизни, когда молодой человек или девушка перебивается случайными заработками или находится на иждивении. В целом, выбор работы с прекарными характеристиками труда обусловлен не только возрастом, гендером и социальным капиталом,

но и сферой деятельности. Для сравнения: в группе безработных молодых моральные мотивы и мотивы выгоды в большей степени распространены, т. к. молодежь этой группы чаще принадлежит к высокоресурсным группам, в основном за счет родительской семьи или семьи мужа/жены. Мотивы достижения также свойственны молодежи с прекаризированной занятостью, хотя и в меньшей степени, чем среди постоянно занятых. Некоторые респонденты четко знают свою цель и стараются накопить необходимый капитал для ее реализации, но остается риск не преодолеть барьеры для вертикальной мобильности, т. к. в современной России все большее влияние оказывает наследование социального класса. Короткий горизонт планирования и спонтанные действия в отношении выбора профессии толкают молодых в группу прекаризованных работников. Таким образом, соглашаясь на временную работу, меняя профессию, используя низкостатусную работу молодежь может оказаться в т. н. воронке бедности.

Новые формы занятости носят амбивалентный характер. Наряду с позитивными они могут иметь и негативные последствия с точки зрения развития человеческого потенциала: отсутствие перспектив карьерного роста, низкий уровень социальных гарантий, заработной платы, психологическое состояние подавленности, чувство страха. Поэтому нестандартная форма занятости может как преодолевать, так и порождать новые формы экономической и социальной эксклюзии.

Литература

Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л. Рабочий класс в России: поиск новых векторов дифференциации // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 54–65. DOI: [10.31857/S013216250002158-6](https://doi.org/10.31857/S013216250002158-6).

Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Социальные траектории мобильности прекариев // Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / Отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 327–357.

Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 56–66.

Демиденко С. Ю. После учебы – в безработные? От анализа количественных данных к изучению мотивов незанятости // ИНАБ №1 – 2018. Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронное издание] / [М. К. Горшков и др.]; отв. редактор М. К. Горшков. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 105–117.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Темницкий А. Л. Слагаемые оптимизма российской молодежи // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО ВЦИОМ, 2017. С. 94–97.

Чередниченко Г. А. Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 67–77.

Диманс С. Л., Левическа В. Ф. Люди и нормы: институты vs неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. И доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

Леонтьев А. Л. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Тощенко Ж. Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

В. А. Никонов

Самозанятость граждан: перспективный переход от адаптации к рынку до полноценного малого бизнеса

**Никонов
Владимир Александрович**

МГРИ, Москва, Россия.

E-mail: nikon561@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие самозанятости, причины ее появления в России, а также функционирование данного сектора среди наемных сотрудников малого бизнеса. Автором проведен анализ наиболее частых нарушений трудовых прав сотрудников, дана обоснованная позиция в специфичности данной деятельности, сделан краткий обзор ее правовой базы, а также предложен ряд мер по оптимизации путей выхода самозанятых граждан из зоны теневой экономики на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: трудовая занятость, самозанятость, самозанятые граждане, легализация доходов, трансформация труда.

Вопросам трансформации российского общества в условиях нестабильного социально-экономического положения России в настоящее время уделяется пристальное внимание. Наиболее актуально выглядят сегодня аспекты, определяющие трудовую занятость в рамках ее адаптации к рынку труда и обусловленные стремительной урбанизацией. В этой связи целесообразно рассмотреть одну из форм трудоустройства граждан, позволяющую получать дополнительный или основной доход путем самореализации их мастерства, навыков, умения – самозанятость.

На протяжении длительного периода постсоветского развития проблема самозанятости населения была вытеснена за пределы внимания органов власти, поскольку в свете существующих на тот момент внешних и особенно внутривнутриполитических, а также социально-экономических проблем она представлялась как приемлемая альтернатива в борьбе с безработицей и низкими доходами населения. Однако сложная геополитическая ситуация вокруг России и архаичность ее экономической модели вызывают необходимость постоянно наращивать государственные расходы на различные нужды. Представляется, что политическая конъюнктура внутри страны позволила властям рассмотреть вероятность наполнения бюджета путем вывода из теневого сектора некоторую часть самозанятых граждан.

В соответствии с этим был разработан и впоследствии принят соответствующий закон № 422-ФЗ от 27.11.2018 г.¹ Попутно отметим, что в законе не содержится конкретного определения самозанятым гражданам, а лишь дается понятие профессионального дохода, для которого, в качестве эксперимента, вводится налог на профессиональную деятельность (НПД).

Исходя из положений действующего закона, самозанятыми являются граждане, получающие доход от самостоятельной трудовой деятельности и не связанные трудовым договором ни с работодателем, ни с работниками. Другими словами, самозанятые – это физические лица, ведущее самостоятельную трудовую деятельность по выполнению работ или оказанию услуг посредством применения своих навыков и умений в результате непосредственного договора с заказчиком.

Следует признать, что целесообразность принятия данного закона необходимо рассматривать, исходя из сложившейся социально-политической обстановки. Постараемся выделить некоторые аспекты, определяющие трансформацию трудовых отношений. Например, удельный вес самозанятых граждан в странах развитой экономики составляет 53–67%, в России данный показатель превышает 80% и соответствует «переходной экономике среднеразвитых стран» (Антонов, 2018: 41). Кроме того, большой удельный вес самозанятых в России объясняется множеством различных факторов: потерей промышленного потенциала регионов, падением дохода граждан, несостоятельностью коммерческих предприятий, скрытой безработицей, нарушением условий труда наемного персонала и др.

По данным аналитического центра НАФИ, доля самозанятых россиян, самостоятельно осуществляющих поиск заказчиков для выполнения работы, выросла с 10% в мае 2016 г. до 18% в октябре 2017 г. (Инициативный опрос..., 2017). По разным оценкам, число самозанятых граждан в России составляет 15–20 млн человек. Одним из наиболее существенных факторов, вызывающим подобные тенденции на рынке труда, является стремление граждан иметь доход, необходимый для нормального существования и соразмерный прилагаемым ими усилиям. Затяжной период болезненных экономических реформ вынуждает как работодателей, так и наемных работников искать наиболее оптимальные пути дальнейшего существования: снижение материальных затрат при одновременном повышении требований к рынку труда. Закономерным итогом подобной адаптации является переход наиболее активной и независимой части работников в разряд самозанятых.

Поскольку самозанятость предполагает проявление активности, определенного самовыражения, свободы выбора и предпринимательской инициативы, то вполне естественно возникают мнения, отождествляющие самозанятых граждан с представителями малого бизнеса. Однако, мы, со своей стороны, считаем подобную трактовку преждевременной по нескольким причинам. Во-первых, несмотря на самостоятельность, инициативность и риск,

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): федер. закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/search/index.html> (дата обращения: 11.11.2018).

присущих предпринимателю в поисках законных источников дохода, самозанятые формально ограничены по сумме доходов в год (не более 2,4 млн руб.) и лишены права привлечения наемных работников. Во-вторых, немаловажным считается вопрос социального обеспечения – отсутствие необходимости уплаты страховых взносов лишает самозанятых возможностей социального обеспечения (пенсионный стаж, страховая пенсия, пособие по нетрудоспособности, декретные выплаты и др.). В-третьих, самозанятые ограничены по сферам деятельности и налоговому режиму.

Тем не менее опыт, приобретенный в процессе самозанятости, с большой долей вероятности может быть применен при открытии своего дела. Среди основных видов оказываемых услуг наибольшее распространение у самозанятых граждан получили услуги репетиторства, консалтинга, фриланса, клининговые и ремонтные услуги, грузовые и таксомоторные перевозки. Однако, как уже было отмечено ранее, подобное занятие в основном носит вынужденный, адаптационный характер и является следствием сложных социально-экономических трансформаций. Помимо этого, в процессе трудовых отношений на фоне неблагоприятной картины профессиональной невостребованности и самореализации, неопределенности жизненных перспектив в условиях падения доходов и возрастающих психоэмоциональных нагрузок происходит увеличение числа граждан, постоянно пребывающих в состоянии временной или частичной занятости. Зачастую данные периоды занятости имеют все признаки неформальных трудовых отношений, характеризующиеся высокой степенью неопределенности труда и его незащищенностью.

Надо полагать, что неблагоприятная экономическая ситуация поставила многих перед выбором: уйти в самозанятость или предпочесть официальное трудоустройство. Как показали результаты мини-опросов, проводимых автором в 2013–2016 гг. на пяти малых предприятиях г. Москвы, наиболее предпочтительным вариантом для многих работников является совмещение официальной работы с самозанятостью (41%). В состав респондентов (61 человек) вошли работники малых предприятий сферы торговли (предельная численность работников предприятий – 100 человек) из числа специалистов различных отделов (сбыт, маркетинг, бухгалтерия, логистика, складское хозяйство). Следует отметить, что подобные совмещения трудового потенциала для жителя мегаполиса чреваты частыми психоэмоциональными перегрузками. Об этом заявило более половины респондентов, подрабатывающих, помимо основного места работы, в свободное время. Несомненно, что свой отпечаток здесь накладывают условия труда. Так, в исследовании Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) утверждается о высокой степени распространения нестандартных трудовых графиков, что вынуждает 64% работников трудиться «в вечернее время, по ночам и в выходные». Примечательно, что компенсировать сверхурочный труд удастся лишь трети сотрудникам (Шевчук, Красильникова, 2019: 226). Кроме того, респонденты (62%) отмечают участвовавшие случаи депремирования персонала по ряду спорных вопросов, что также негативно отражается на их материальном положении и моральном состоянии.

В этой связи нельзя не согласиться с мнениями ученых о том, что необходимо «внедрение гибких форм режима труда и отдыха, позволяющих учитывать интересы работающих, условия их труда и быта» (Тощенко, Цветкова, 2012: 279). Чрезвычайно важно формирование политики «инфраструктуры справедливости», обеспечивающей каждому члену общества, помимо прочего, «высокопрофессиональный труд, способствующий росту производительности труда, повышению социального статуса и преодолению отчуждения» (Пестова, 2014: 91).

Возвращаясь к вопросам самозанятости официально работающих граждан, следует отметить, что согласно результатам проведенных автором опросов, подавляющее большинство респондентов (82%), совмещающих самозанятость с основной работой, не были готовы отказаться от официальной работы в пользу предпринимательской перспективы. Более того, страх потери рабочего места, как основного источника дохода, испытывал практически каждый второй опрошенный сотрудник. Так, согласно данным, представленным в таблице 1, существенным демотивирующим фактором в легализации дополнительной трудовой занятости сотрудников является вероятность снижения личных доходов.

Таблица 1

**Основные демотивирующие факторы легализации
самостоятельной занятости работников**

Определяющие критерии	Результаты ответов
В случае совмещения с основным местом работы	Снижение личных доходов – 32%; Вероятность потери официальной работы – 44%; Незначительность заработка – 19%; Другое – 5%.
В случае основной и единственной формы дохода	Снижение личных доходов – 32%; Увеличение отчетности и ответственности – 37%; Отсутствие перспектив – 15%; Экономическая и законодательная нестабильность в стране – 11%; Другое – 5%.

Обращает внимание тот факт, что легализация доходов от самостоятельной деятельности как при ее совмещении с основным местом работы, так и в случае ее основной и единственной формы, по мнению респондентов, приведет к общему снижению их личных доходов. Для совместителей это связано не только вследствие воздействий фискальных и административных органов (налоги, фиксированные платежи по страховым взносам, штрафы и т. д.), но и ввиду большой вероятности потери статуса официального работника. Сложность успешного совмещения основной работы и предпринимательства, а также настороженное отношение к работнику-предпринимателю со стороны работодателя признаются респондентами как наиболее вероятностные причины таких ответов. Немаловажным является плотность рабочего графика и интенсивность рабочего процесса сотрудника, в результате чего легализация подработки, ввиду ее незначительности, представляется нецелесообразным. Кроме того, потеря статуса наемного работника со всеми преимуществами, регламентированными трудовым законодательством,

усиливает страх безработицы. В случае, если самозанятость будет выступать основной и единственной формой дохода для гражданина, то вторым наиболее пугающим демотиватором для респондентов оказался рост ответственности и отчетных обязательств. Помимо этого, респонденты выразили сомнения в целесообразности этой формы занятости ввиду нестабильности законодательных инициативы органов власти.

Применительно к настоящему времени справедливо высказываются опасения, что в рамках снижения издержек у владельцев предприятий возникнут желания чаще привлекать в качестве наемного персонала именно самозанятых граждан, экономя тем самым на уплате страховых взносов. Об этом, в частности, говорят участники Ассоциации частных агентств занятости (АЧАЗ), отмечающие увеличение количества запросов на привлечение работников в качестве самозанятых (Ассоциация частных агентств..., 2019). Если учесть тот факт, что доходы от предпринимательской деятельности граждан с 2000 г. по 2016 г. в России сократились с 15,4% до 7,8% (Пахомов, 2018: 4), а уровень реальных доходов населения с 2013 г. упал на 8,3% (Экономисты спрогнозировали..., 2019), то данные утверждения не выглядят обоснованными. Также по этой причине прогнозируются процессы трансформации предпринимателей в самозанятых.

Очевидным фактором, способным повлиять на выход из тени самозанятых граждан, должен стать оптимальный механизм распределения бюджетных и социальных ресурсов, полученных в результате налоговых выплат. Для этого, в первую очередь, необходимо понимание допустимого уровня дохода, от которого гражданин готов платить налог, не прибегая к различным ухищрениям. Однако, именно здесь и возникают сложности. По словам В. Е. Гимпельсона, в России отсутствует полноценная статистика зарплат. Представляемая Росстатом информация не учитывает зарплату 43 млн россиян, работающих на малых предприятиях (Половина россиян..., 2019).

Другим немаловажным моментом является возросший запрос на социальную справедливость – состояние, при котором «общество не испытывает социальной напряженности», и большинство его граждан «согласны с существующим порядком распределения прав и обязанностей» (Пирагов, Ефимов, 2008: 7). Специфика самозанятости заключается в непостоянстве величины дохода, высоких претензионных рисках, низких социальных гарантиях. Имея, как правило, вынужденный характер, самозанятость вырабатывает в гражданах устойчивое мнение о неполноценности государственных социальных мер поддержки. Отсюда возникает неприязнь к легализации доходов и игнорирование возможных последствий со стороны налоговых органов. Определяющим фактором становится вопрос доверия государственному управлению и справедливому распределению бюджетных ресурсов.

Таким образом, самозанятость может трансформироваться в малый бизнес только при условии эффективного государственного управления и поддержки. Наиболее заметными механизмами государственной поддержки на первых этапах будет предоставление самозанятым гражданам комплексных мер государственной поддержки в финансовых, имущественных, консультационных и образовательных вопросах. Следует уделить особое внимание дополнительным программам поддержки самозанятых,

позволяющих реализовать их предпринимательский и трудовой потенциал. Создание благоприятного правового поля для индивидуальной предпринимательской инициативы послужит импульсом к увеличению численности экономически активных граждан, их трансформации из теневой самозанятости в легальную сферу малого бизнеса.

В качестве примера целесообразно рассмотреть возможность привлечения самозанятых граждан к выполнению различных коммерческих и государственных заказов (интернет-платформы, ярмарки заказов, конкурсные задания и пр.). Эти и другие меры поддержки послужат стимулирующим импульсом для многих самозанятых граждан к выходу из теневого сектора, а также будут способствовать их активному вовлечению в экономическое развитие государства.

Литература

Антонов М. В. Оценка количественных и качественных характеристик занятых в малом предпринимательстве в целях совершенствования ее регулирования: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Антонов Михаил Валерьевич. – М., 2018. – 221 с.

Пахомов Ю. Н. Падение жизненного уровня россиян как угроза экономической безопасности и социальной стабильности // Огарев-Online. 2018. № 1 (106). С. 1–8.

Пестова Г. А. Проблема маргинализации городского населения современной России // Вопросы управления. 2014. № 4 (10). С. 88–92.

Пирогов Г. Г., Ефимов Б. А. Социальная справедливость: генезис идей // Социологические исследования. 2008. № 9(293). С. 3–11.

Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Социология труда. М: ЦСП и М, 2012. 464 с.

Шевчук А. В., Красильникова А. В. Влияние нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью (по данным европейского социального исследования в России) // Журнал исследований социальной политики. 2019. №17(2). С. 223–236.

Ассоциация частных агентств занятости предупреждает о росте рисков для недобросовестных работодателей [Электронный ресурс] // Новости АЧАЗ, июль 2019 г. URL: https://achaz.ru/press_center/424 (дата обращения: 15.08.2019).

Инициативный опрос граждан [Электронный ресурс] // Исследования НАФИ, октябрь 2017 г. URL: <https://nafi.ru/analytics> (дата обращения: 11.11.2018).

Половина россиян зарабатывают менее 35 тыс. в месяц [Электронный ресурс] // Аналитический обзор РБК, июль 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics> (дата обращения: 18.07.2019).

Экономисты спрогнозировали падение реальных доходов россиян в 2019 году [Электронный ресурс] // Аналитический обзор РБК, май 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics> (дата обращения: 29.05.2019).

Г. Б. Орланов, А. И. Орланова

Нестабильная занятость в контексте концепции достойного труда: динамика двух десятилетий

**Орланов
Георгий Борисович**

Доктор социологических наук, Академия труда и социальных отношений,
Москва, Россия.

E-mail: orlanovgb@yandex.ru

**Орланова
Анна Ивановна**

Кандидат философских наук, Академия труда и социальных отношений,
Москва, Россия.

E-mail: orlanovgb@yandex.ru

Аннотация. Анализируются проблемы нарастания нестабильной занятости в контексте тех задач, которые были сформулированы в Концепции достойного труда, принятой Международной организацией труда и получившей поддержку ООН. Несмотря на усилия международного сообщества, нестабильная занятость растет, трансформируя рынок труда и социальную структуру. Возникают новые тенденции, которые пока не привлекли углубленного внимания социологов. В частности, меняется баланс между лицами, вовлеченными в рабочую силу, и лицами, не входящими в ее состав. Также социологических оценок требуют не только общие меры, направленные на снижение прекаризации занятости (законодательные акты, укрепление коллективных переговоров и т. п.), но и такие «локальные» решения, как введение «безусловного базового дохода» и сокращение рабочей недели.

Ключевые слова: концепция достойного труда, социально-трудовые отношения, рынок труда, занятость, нестабильная занятость, прекариат, неучастие в рабочей силе, безусловный базовый доход.

Концепция достойного труда играет роль общей системы координат, которая позволяет определить соответствующее место и значимость тех или иных утверждений о занятости и дает возможность включить частные вопросы в общую картину развития социально-трудовых отношений. Концепция была сформулирована два десятилетия назад (1999) Международной организацией труда (МОТ) и принята в качестве ориентира практически всеми странами членами ООН.

В 2005 году главы государств и правительств 150 стран в своем заявлении в ООН сделали акцент на решении ключевых задач этой концепции. В 2006 г., также в ООН, министры большинства стран в своей Декларации

провозгласили центральной задачей национальных стратегий развития обеспечение полной и производительной занятости и достойной работы для всех (Доклад Экономического..., 2016). Что изменилось за прошедшее время?¹

Общие данные по занятости малоутешительны. В докладе МОТ «Перспективы занятости и социальной защиты в мире в 2018 году» констатируется, что нестабильная занятость в мире растет: «...если в недавнем прошлом можно было говорить о заметном прогрессе в сокращении нестабильной занятости, то начиная с 2012 года этот процесс практически затормозился. Это означает, что в 2017 году нестабильной была, по оценкам, занятость почти 1,4 млрд работников, а к 2019 году их число вырастет еще на 35 миллионов. В развивающихся странах в условиях нестабильной занятости трудятся трое из каждых четверых работников» (Уровень безработицы...).

Нестабильная занятость связана с прекаризацией социально-трудовых отношений в целом и формированием нового стремительно растущего социального слоя – прекариата, который стал предметом исследований российских и зарубежных авторов².

Помимо широко известных и обсуждаемых проблем появились новые тенденции, которые пока не привлекли пристального внимания социологов и обозначились только в некоторых странах, быстрыми темпамидвигающихся к новым технологическим укладам. В частности, статистика говорит о значительном росте числа людей трудоспособного возраста, которые не считают нужным включаться в трудовые отношения.

Например, США демонстрирует существенный рост неучастия в рабочей силе. В американской статистике это неучастие обозначается как “Not in the labor force” (NILF). Из материалов Бюро трудовой статистики министерства труда США следует, что рост NILF составляет почти 40 %, если брать за точку отсчета конец XX века. Это чуть ли не в три раза выше прироста населения страны за тот же период.

В 1998 г. 67,5 млн человек трудоспособного возраста входили в рубрику NILF (Standing G., 2014). В 2019 г. (данные за май) в аналогичной рубрике значится уже более 96 млн человек. Из них в графе “Do not want a job now”, что лучше перевести как «не считаю целесообразным работать сейчас», значится свыше 90 млн (Labor Force..., 2018). Безработные и ряд других категорий лиц, имеющих объективные причины неучастия, в эту графу не входят.

Попытки объяснить такой рост сводятся к указанию на две общие причины. Во-первых, внедрение новых технологий меняет рынок труда, резко снижая количество рабочих мест для тех традиционных специальностей, по которым люди были когда-то подготовлены. Во-вторых, силь-

¹ Концепция достойного труда исходит из того, что идеал полной занятости (full employment) не означает участия в трудовых процессах абсолютно всех, кто способен трудиться. Эксперты МОТ, социологи и экономисты под полной занятостью понимают такой реальный уровень занятости, при котором существует фрикционная и структурная безработица, но нет циклической безработицы, и при этом экономика использует все имеющиеся и пригодные ресурсы для производства товаров и услуг.

² В первую очередь следует назвать монографии ((Г. Стендинг, 2014), (Ж. Т. Тощенко, 2018)), а также индивидуальные и совместные исследования и публикации авторов ((Беспалова Ю. М., Кондаков В. А., 2016); (Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., 2013); (Логинова Л. В., 2016); (Международная конференция..., 2018); (Нестандартные формы, 2017); (О. Т. Альхименко, В. Г. Квачев, И. Б. Кодмков, 2017); (Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н., 2015); (McKay S. et al., 2015)).

ные социальные программы поддержки населения позволяют значительному количеству людей даже и не ставить задачу включения в трудовые процессы в течение длительного времени (см. например: (Abraham K. G., Kearney M. S., 2018); (Montes J., 2018)). Конечно, здесь следует вести речь о комплексе причин, связанных с изменениями в трудовых отношениях, предопределенных усилением глобализации, расширением сферы услуг, изменением организационных стратегий предприятий и т. п.

В других развитых странах (Австралия, страны Европы) такого значительного роста NILF не наблюдается. Возможно, что это только пока. Время покажет, является ли ситуация в США общемировым трендом в сфере занятости, или это только локальная тенденция, вызванная спецификой рынка труда и политикой в решении социальных вопросов в самих Соединенных Штатах Америки.

В Российской Федерации, по данным Росстата, складывается следующая картина соотношения рабочей силы и лиц, не входящих в состав рабочей силы. Так, с 2000 г. по 2016 г. количество лиц, не входящих в состав рабочей силы, снизилось примерно на 4,8 млн. Было свыше 38 млн 396 тыс. человек, стало 33 млн 590 тыс. при общей численности рабочей силы 76 млн 736 тыс. человек в 2016 г. Здесь мы видим не рост, а снижение того показателя, который аналогичен NILF в американской статистике. Но в 2017 г. произошло небольшое повышение – примерно на 0,6 млн человек (Уровень безработицы..., с. 11). Следует отметить, что в российской статистике, в отличие от американской, нет данных о том, сколько лиц «не считают целесообразным работать сейчас».

Казалось бы, российский тренд вполне благоприятен, если бы не сомнение по поводу ближайших перспектив. Может быть, дело просто в том, что Россию еще не накрыла волна новых технологий, которые с неизбежностью трансформируют рынок труда, а социальная политика не обеспечивает такого уровня поддержки, который дал бы возможность гражданам самим определяться с включением в трудовые процессы.

Как указанный баланс будет меняться в ближайшие годы? Это важный вопрос для понимания перспектив рынка труда, как в России, так и в мире.

Не только подобные масштабные вопросы пока не получают развернутых социологических оценок. Требуют социологического внимания и «локальные» проекты, которые в некоторой степени могут снижать прекаризацию занятости. Например, такие проекты, как апробированные в ряде стран модели безусловного базового дохода, или сокращение рабочей недели, что чисто арифметически должно увеличить и количество мест с полной занятостью.

Безусловный базовый доход. Как известно, в Швейцарии инициатива «За безусловный базовый доход» набрала на референдуме (2016) только около 23% голосов. Против высказалось почти 77%¹. В Финляндии в 2019 г. завершился 2-х летний пилотный проект, вводящий безусловный базовый доход для группы лиц².

¹ Предполагались ежемесячные выплаты 2 500 швейц. франков – «просто так». (Курс франк/евро на день референдума составлял 0,902.).

² Две тысячи человек, определенных по жребию, получали ежемесячно 560 евро. Предполагалось, что в условиях автоматизации производства подобный подход может стать стимулом креативности в плане поиска работы и будет способствовать согласию людей на временную контрактную работу, тем самым в итоге способствуя повышению мобильности и эффективности рабочей силы.

Официальные итоги еще не подведены, но эксперты говорят об отрицательных результатах эксперимента. Участники проекта не проявили готовности брать на себя любую работу и предъявляли все больше требований. Похоже, что отрицательный результат стал неожиданным для государственных структур, работодателей и профсоюзов.

В ряде стран, таких как Индия, Колумбия, Кения, Никарагуа, Перу и других, реализуются или были реализованы соответствующие пилотные проекты. Г. Стендинг подробно описал такой проект в Индии, где тем самым удалось снизить социальную напряженность в выделенном регионе (Standing, Guy et al., 2018). В одном из интервью он сказал о целесообразности введения безусловного базового дохода и в России с главной целью – снизить чрезмерное неравенство социальных слоев. Насколько известно, подобная идея в России пока серьезно не обсуждалась ни в теоретическом, ни в практическом плане. Разумеется, подобный проект потребовал бы серьезной предварительной, в том числе и социологической, проработки.

Сокращение рабочей недели. Уменьшение рабочих часов (например, до 32–35 часов в неделю) также можно считать одной из мер, способных несколько замедлить темпы прекаризации занятости, увеличивая тем самым количество работников с полной занятостью. Идеи о сокращении высказывались еще несколько лет назад в рамках профсоюзов, а в последнее время прозвучали и на высшем уровне государственной власти. Здесь также нужны предварительные социологические исследования с целью принятия оптимальных практических решений.

Вообще в плане управления хотя бы некоторыми параметрами, связанными с прекаризацией занятости, был бы полезен предварительный социологический и экономический анализ возможных последствий принятия различными государственными и муниципальными структурами значимых социальных решений. Например, повышение пенсионного возраста явно будет менять в ближайшие годы реальное количество мест с полной и неполной занятостью, создаст дополнительные сложности для устройства на работу молодежи, а также повлияет на динамику безработицы, вряд ли в сторону ее сокращения. К сожалению, в области данной проблематики не видно каких-либо развернутых социологических исследований.

Литература

Беспалова Ю. М., Кондаков В. А. Прекариат в современной России: опасность ресентимента. // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 2.(49). С. 6–11.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3. С. 5–15.

Доклад Экономического и Социального Совета ООН за 2006 г. URL: <http://undocs.org/ru/A/61/3> (дата обращения 06/06/2018).

Логина Л. В. Прекаризация в системе социально-трудовых отношений: проблемы перспективы институционализации. // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 3. С. 34–47.

Международная конференция «Неустойчивость занятости: международный и российский контексты изменения законодательства о труде и занятости». URL: <https://www.rea.ru/ru/events/Pages/konferenciya-neustoichivost.aspx> (дата обращения: 24.06.2018).

Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда – Женева: МБТ, 2017. 39 с.

Неустойчивость занятости. Международный и российский контексты будущего сферы труда: монография / О. Т. Альхименко, В. Г. Квачев, И. Б. Кодмков [и др.]. М., 2017. 560 с.

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат.сб./Росстат.– М., 2018. 142 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf (дата обращения: 12.06.2019).

Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.

Уровень безработицы и дефицита достойного труда в 2018 году останется высоким, считает МОТ. Официальный сайт Бюро МОТ в Москве. Новости. 22 января 2018 г. URL: http://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_616001/lang--ru/index.htm (дата обращения: 16.06.2018).

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. – 2015. – 12. – С. 99–110.

Abraham K. G., Kearney M. S. Explaining the Decline in the U.S./ Employment-to-Population Ratio: A Review of the Evidence. No. w24333. National Bureau of Economic Research. 2018/ URL: <https://www.econ.umd.edu/sites/www.econ.umd.edu/files/pubs/abraham-kearney-epop1-feb2018.pdf> (дата обращения 29.08.2018).

Labor Force Statistics from the Current Population Survey. URL: <https://www.bls.gov/web/empsit/cpsee38.htm> (дата обращения: 16.06.2018).

McKay S. et al. Study on Precarious Work and Social Rights. London: Working Lives Research Institute, London Metropolitan University, 2012. 306 p.

Montes J. @CBO's Projection of Labor Force Participation Rates: Working Paper 2018-04@ Working Papers 53616, Congressional Budget Office. URL: <https://www.cbo.gov/system/files?file=115th-congress-2017-018/workingpaper/53616-wp-laborforceparticipation.pdf> (дата обращения 28.08.2018).

Standing G. A Precariat Charter: From Denizens to Citizens. London. Bloomsbury Academic. 2014. – 440 p..

Standing, Guy et al. Basic Income: A Transformative Policy for India. Bloomsbury Academic. 2015. 248 p.

United States Department of Labor Bureau of Labor Statistic. URL: <https://www.bls.gov/opub/ted/1999/apr/wk3/art04.htm> (дата обращения: 16.06.2018).

А. В. Попов, Т. С. Соловьева

Трансформационные процессы в сфере труда, или еще раз о категориальной сущности понятий «прекаризация занятости» и «неустойчивая занятость»¹

**Попов
Андрей Васильевич**

Кандидат экономических наук, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия.

E-mail: ai.popov@yahoo.com

**Соловьева
Татьяна Сергеевна**

Научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия.

E-mail: solo_86@list.ru

Аннотация. Работа посвящена теоретическому осмыслению категорий «прекаризация занятости» и «неустойчивая занятость». Анализ литературы позволил выделить три подхода к трактованию сущности прекаризации занятости, акцентирующих внимание на эволюции нестандартных форм занятости, ее негативных последствиях и глубинных изменениях в сфере занятости. Представлено видение содержания категории «неустойчивая занятость» в рамках широкого и узкого подходов. В первом случае, данный феномен освещается с точки зрения различных негативных последствий для работника вне зависимости от формы его занятости, а во втором – с позиции атипичных форм занятости с низким уровнем социальной защищенности. В заключение представлен авторский взгляд на сущность рассматриваемых явлений в контексте трансформационных процессов в сфере социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: прекаризация занятости, трансформация занятости, прекариат, неустойчивая занятость, рынок труда, нестандартная занятость.

Прекаризация как одно из проявлений трансформации института социально-трудовых отношений в настоящее время наиболее обсуждаемая концепция. Во многом это обусловлено значимостью ее последствий, масштабы которых сопоставимы с негативными эффектами безработицы (From precarious work... 2012), что предопределило возникновение самостоятельного термина «неустойчивая занятость», который характеризует результат нарастающей нестабильности. Внимание научного сообщества к данной проблематике в последние десятилетия привело к усложнению и размытию понятийного аппарата. Наша цель – теоретическое осмысление понятий «прекаризация занятости» и «неустойчивая занятость».

¹ Исследование подготовлено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-3571.2019.6.

Несмотря на широкое распространение концепции, дефиниция прекаризации занятости в англоязычной научной литературе встречается редко. Более проработанной она видится в русскоязычной практике, что подтверждается разнообразием мнений о сущности данного явления, которые условно можно разделить на 3 группы. Представители первого подхода (А. М. Колот (Колот 2013: 96), Л. В. Логинова (Логинова 2016: 35), Е. В. Маслова (Маслова 2016: 206) и др.) уделяют особое внимание развитию прекаризованных форм занятости. Основной акцент во многом делается на отходе от стандартных трудовых отношений, под которыми обычно понимают стабильную работу по найму на условиях полного рабочего и бессрочного трудового договора с работодателем. В этой связи стандартная модель занятости как бы противопоставляется современным тенденциям на рынке труда, в результате чего можно сделать вывод о ее неподверженности процессам прекаризации. Подобная точка зрения, хотя и вносит ясность в понимание природы данного явления, не лишена недостатков. В частности, в отчетах Международной организации труда говорится о том, что неустойчивость может затрагивать абсолютно любые рабочие места вне зависимости от формы трудовых отношений (Non-standard employment... 2016: 18). Исходя из этого, границы изучаемого феномена заметно сужаются.

В рамках второго подхода (В. Н. Бобков, О. В. Вередюк (Бобков, Вередюк 2013: 50), З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова (Голенкова, Голиусова 2013: 7–8), Р. А. Долженко (Долженко 2016: 84) и др.) сущность прекаризации занятости понимается в контексте ее негативных последствий. К их числу относят: ущемление социально-трудовых прав, нестабильность и уязвимость занятости, ухудшение качества трудовой жизни и т. д. В большинстве случаев подобные риски и угрозы рассматриваются сквозь призму положения наемного работника (или самозанятого), что может быть обусловлено вынужденностью их возникновения. Неслучайно наблюдается дефицит исследований, посвященных негативным эффектам прекаризации занятости на организационном уровне. В этом отношении выделяется подход В. Н. Бобкова и О. В. Вередюк, в соответствии с которым данный процесс, хотя и обозначен как «состояние занятости», затрагивает вопросы функционирования общества в целом (Бобков, Вередюк 2013: 50), что позволяет максимально широко трактовать масштабы возможных последствий. В то же время природа самого явления не отражена в формулировках данной группы авторов, что приводит к некоторой вольности при обосновании причин и факторов прекаризации занятости.

Выделение третьего подхода связано с исследованиями Ж. Т. Тощенко, который характеризует прекаризацию как объективно-субъективный феномен, выражающийся в глубинных преобразованиях сферы занятости и затрагивающий большую часть населения (Тощенко 2018: 81). Это своего рода реакция современного общества на необходимость приспосабливаться к быстро меняющимся условиям внешней среды, что выражается в потере прежней устойчивости и укоренении представлений о жизни «одним днем». В результате происходит отход от привычного понимания прекаризации занятости как сугубо негативного процесса в сторону более глобальных категорий, отражающих очередной этап человеческого развития с при-

сущим ему достоинствами и недостатками. Отметим, что Ж. Т. Тощенко уделяет внимание и угрозам нарастания неопределенности, которые воплощаются в формировании прекариата как принципиально нового социокультурного образования.

Обозначим авторский взгляд на сущность рассматриваемого явления с учетом выявленных дискуссионных положений. С одной стороны, прекаризация занятости представляет сложный, многогранный процесс, который выступает следствием трансформационных сдвигов в сфере социально-трудовых отношений. В данном случае речь идет не только о распространении нестандартных форм занятости, а о целом комплексе глубинных преобразований. Сама по себе дестандартизация трудовых отношений служит мощным драйвером прекаризации, но не является единственным фактором, определяющим ее будущий облик. Это подтверждается тем, что отдельные признаки неустойчивости наблюдаются и в рамках стандартной модели занятости (Попов 2018). С другой стороны, если процесс трансформации занятости как результат поступательного развития человечества носит объективный, нейтральный характер, то ее прекаризация имеет сугубо негативные последствия, масштаб которых зависит от конкретных условий внешней среды. При этом, как и проблема безработицы, нарастающая нестабильность обладает множеством отрицательных эффектов, проявляется на различных уровнях организации общества и охватывает все сферы жизнедеятельности общества.

Таким образом, прекаризация занятости – *это процесс дестабилизации трудовых отношений, обусловленный их трансформацией, что проявляется в снижении устойчивости положения работников и общества в целом*. Предложенное определение наглядно отражает природу обозначенного феномена, а также характер и масштабы его последствий. Это позволяет сформировать общее представление о сущности прекаризации занятости с учетом всего разнообразия ее возможных негативных эффектов. Отсутствие излишней конкретики способствует обращению к широкому перечню проблемных вопросов, что в условиях динамизма и гибкости современного рынка труда приобретает особую актуальность.

Одним из значимых последствий процесса прекаризации трудовых отношений выступает неустойчивая занятость. В отличие от существующих форм занятости данная категория представляет скорее своеобразное состояние ее уязвимости и социальной незащищенности, которое работник вынужденно испытывает вследствие особенностей организации его трудовой деятельности. Подобная трактовка является дискуссионной и не может отражать всего спектра мнений. Причины кроются в отсутствии объективных критериев неустойчивости – каждый обосновывает их по-своему, а также в сложности кодификации изменений, происходящих в сфере социально-трудовых отношений. Не претендуя на исчерпывающую полноту охвата всех точек зрения на сущность данного явления, обратимся к некоторым из них.

В научной литературе сущность понятия «неустойчивая занятость» принято рассматривать в широком или узком смыслах. Приверженцы первого подхода (Н. В. Закалюжная (Закалюжная 2015: 120), А. Каллеберг

(Kalleberg 2009: 2), Я. Кэмпбелл, Р. Прайс (Campbell, Price 2016: 314), Р. А. Яковлев (Яковлев 2014: 9) и др.) интерпретируют данную дефиницию с позиции наступления для работника всевозможных негативных последствий независимо от формы его занятости. Из этого следует, что стандартная модель трудовых отношений, несмотря на наличие «гарантий стабильности», также подвержена рискам прекаризации и не обеспечивает абсолютную защищенность. В последние годы данная позиция становится все более популярной в академическом сообществе, а аналогичные выводы все чаще встречаются в отчетах Международной организации труда. Заметим, что столь широкое толкование неустойчивой занятости является одновременно преимуществом и недостатком. С одной стороны, отсутствие базовых критериев выделения данной категории способствует большей гибкости в случае необходимости обоснования тех или иных признаков, а с другой — изначально закладывает высокую сложность получения универсального знания о ее сущности в силу утверждения принципа теоретико-методологического плюрализма.

Основная идея второго подхода (П. В. Бизюков (Бизюков 2013: 108–109), В. Н. Бобков (Неустойчивая занятость... 2018: 6), С. Крэнфорд, Л. Воско, Н. Жукевич (Cranford, Vosko, Zukewich 2003: 455), Р. Оуэнс, Дж. Фадж (Fudge, Owens 2006: 3) и др.) заключается в трактовке неустойчивой занятости через призму ее нетипичных форм, характеризующихся, прежде всего, низким уровнем социальной защищенности. В этой связи важная роль отводится выявлению отклонений от общепринятого стандарта. В результате это позволяет сформировать целостное представление о сущностных основах данного понятия. Кроме того, отдельные ученые указывают на вынужденность обстоятельств, которые оказывают воздействие на устойчивость положения работника, что кажется нам очень ценным для своего рода разграничения терминов «неустойчивая занятость» и «нестандартная занятость», поскольку они выглядят весьма синонимично в рамках обозначенного подхода. Вместе с тем сам факт обращения только к нестандартным формам занятости сильно ограничивает область применения термина.

По нашему мнению, для наиболее точного описания сущности неустойчивой занятости следует сделать акцент на ее категориальных особенностях, о которых было сказано ранее. (1) Она может затрагивать любого человека вне зависимости от формы его трудовых отношений с работодателем. Мы считаем обоснованным, что процесс дестандартизации занятости играет ключевую роль в нарастании уязвимости и социальной незащищенности населения. Однако даже традиционные для современного общества рабочие места не только являются гетерогенными, предоставляя различные условия труда, но и претерпевают постоянные изменения. Следовательно, учет данных обстоятельств имеет принципиальное значение с точки зрения формирования целостного представления об устойчивости положения работников. (2) Неустойчивая занятость носит вынужденный, а не добровольный характер. В отношении наемных работников все решения принимаются работодателем в одностороннем порядке, а для самозанятых подобный выбор становится едва ли не единственным средством выживания. (3)

Неустойчивая занятость всегда приводит к уязвимости и низкой социальной защищенности. Эти последствия не ограничиваются, но выделяем именно их, поскольку они выступают достаточным условием для отнесения тех или иных трудовых отношений к неустойчивым.

Сформулируем авторское понимание неустойчивой занятости как *состояния, при котором работник вынужденно находится в ситуации уязвимости и социальной незащищенности, связанной с условиями организации его трудовой деятельности*. Мы исходили из универсальности предложенной трактовки, которая могла бы четко отразить сущность рассматриваемого явления, избегая излишней конкретики.

Литература

Бизюков П. В. Неустойчивая занятость как форма деградации трудовых отношений // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1. С. 100–109.

Бобков В. Н., Вередюк О. В. Неустойчивость занятости как современная проблема и исследовательская категория // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6. С. 43–51.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.

Долженко Р. А. Предпосылки и последствия изменения содержания и характера труда в условиях становления инновационной экономики // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. №3(35). С. 77–88.

Закалюжная Н. В. Заемный труд и неустойчивая занятость: российский и зарубежный опыт // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. С. 116–128.

Колот А. М. Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11. С. 93–101.

Логинова Л. В. Прекаризация социально-трудовых отношений: проблемы и перспективы институционализации // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. № 3. С. 34–47.

Маслова Е. В. Прекариат как проявление нестандартной занятости и его особенности (на примере Воронежской области) // Вестник Омского университета. Сер. «Экономика». 2016. № 3. С. 201–208.

Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / коллектив авторов; гл. науч. ред. В. Н. Бобков. Москва: КНОРУС, 2018.

Попов А. В. Распространение неустойчивой занятости как ограничитель экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 212. № 4. С. 270–293.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Яковлев Р. А. Неустойчивая занятость и регулирование минимальной заработной платы // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4(194). С. 8–17.

Campbell I., Price R. Precarious Work and Precarious Workers: Towards an Improved Conceptualisation // *The Economic and Labour Relations Review*. 2016. vol. 7(3). P. 314–332.

Cranford C. J., Vosko L. F., Zukewich N. The Gender of Precarious Employment in Canada // *Industrial Relations*. 2003. vol. 58. P. 454–482.

From precarious work to decent work. Outcome Document to the Workers' Symposium on Policies and Regulations to combat Precarious Employment. Geneva: ILO, 2012.

Kalleberg A. L. Precarious work, insecure workers: Employment relations in transition // *American Sociological Review*. 2009. vol. 74(1). P. 1–22.

Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. Geneva: ILO, 2016.

Precarious Work, Women, and the New Economy: The Challenge to Legal Norms / Fudge J., Owens R. (eds). Oxford: Hart Publishing, 2006.

Ж. Т. Тощенко

Превращенные формы эксплуатации труда в современной России: новые реалии

**Тощенко
Жан Терентьевич**

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук,
Российский государственный гуманитарный университет, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия.

E-mail: zhantosch@mail.ru

Аннотация. Дается анализ условий, показывающих объективную и субъективную сторону изменений условий труда и на этой основе изменение форм эксплуатации. Анализируются формы проявления эксплуатации. Подчеркивается особое место и роль самоэксплуатации. Рассматриваются также социальные последствия новых форм эксплуатации, которые проявляются в лишении – полностью или частично – социальных гарантий.

Ключевые слова: труд, эксплуатация и ее виды, занятость, социальные гарантии.

Второе пришествие капитализма в Россию ознаменовалось модификацией форм эксплуатации труда. Появились его превращенные формы, которые характеризуют следующие особенности. Первое. Есть объективные условия, которые связаны с массовым внедрением в производство гибких, информационных, цифровых технологий, которые требуют оперативной перенастройки профессиональных навыков работников. Но гибкие технологии превращаются в зыбкие методы работы с персоналом, которые влекут опасность потери рабочего места. Второе – реальностью стал факт роста численности работников, которые вовлечены в негарантированную, нестабильную занятость. – об этом, по данным соцопросов, говорят от 25 до 40 % работников практически всех социальных слоев и групп российского общества.

Эти новые обстоятельства породили такие формы эксплуатации, которые ранее не практиковались или существовали в ограниченном виде. Во-первых, массовым стало заключение трудовых договоров на ограниченный период времени, на заранее обусловленную временную, сезонную и краткосрочную (под заказ работу), что развязывает руки работодателям и дает возможность произвольного строительства трудовых отношений. Во-вторых, в условиях кризиса, стагнации и рецессии, что характерны для российской экономики, выросла масса людей, согласных на работу без трудовых договоров, на условиях лично данных работодателем обязательств,

которые имеют возможность произвольно меняться и по оплате труда и по должностным обязанностям и др. В-третьих, появился заемный труд, когда работника передают в аренду (как вещь), в результате чего он по своим жизненным и трудовым обязательствам связан не с тем местом, где он работает, а с тем, кто его нанял. В-четвертых, стремительно растет слой самозанятых, которые ответственны только перед самим собой со всеми вытекающими отсюда последствиям.

Для большинства работников резко уменьшается объем социальных гарантий – оплата больничных листов, оплата за время простоя, оплата отпусков, оплата времени ухода за ребенком, что, согласно опросам, касается каждого второго работника, в в строительстве, сфере услуг и на транспорте – каждого второго.

Литература

Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности /// Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52.

Гринберг Р. С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

И. О. Шевченко

Прекаризация работников: опыт расчета коэффициента прекарности

Шевченко

Ирина Олеговна

Кандидат исторических наук,

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: sheviren@yandex.ru

Аннотация. Предложен и рассчитан коэффициент прекарности работников. Выделены следующие признаки прекарного труда: оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год; несоответствие образования/квалификации работе; постоянная переработка (более 8 часов); подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная); зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся); смена работы за последние 3 года более 1 раза; невозможность влиять на важные решения в своей производственной организации. Описано применение признаков и коэффициента прекарности для определения положения различных групп работников на примере бюджетников, строителей и работников торговли. Выявлено, что у работников, занятых в сфере строительства, наибольший коэффициент прекарности – 1,5, в сфере торговли – 1,3, в бюджетной сфере – 0,6. Для строителей наиболее сильным прекарным признаком является отсутствие бессрочного трудового договора и неофициальная зарплата, для работников сферы торговли – несоответствие образования работе и зарплата в конверте. Работники бюджетной сферы вынуждены как перерабатывать в своей организации, так и подрабатывать на стороне, это самые сильные признаки их прекарности.

Ключевые слова: занятость рынок труда работники прекарность коэффициент прекарности трудовой договор заработная плата социальные гарантии.

На рынке труда в России, как в мире, происходят процессы флексибилизации, проявляющейся в развитии гибких форм занятости, снижении трудовых издержек и уменьшении социальных гарантий, смягчении трудового законодательства в пользу работодателей. Это повышает экономическую устойчивость организаций и выгодно работодателю, но не всегда отвечает интересам работника. Многие российские ученые, анализируя сферу труда и занятости, фиксируют формирование и разрастание нового социального слоя – прекариата (Голенкова, Голеусова, 2013; Голенкова, Голеусова, 2015; Тощенко, 2015; Тощенко, 2018; Шкаратан, 2015 и др.). Насколько прекаризованы работники различных сфер деятельности? Мы ставили задачу разработать коэффициент прекарности различных групп работников и рассмотреть его применение на примере различных групп работников.

При подготовке доклада использованы материалы исследования, проведенного в июне-июле 2018 г. коллективом РГГУ под рук. Ж. Т. Тощенко. Методом формализованного интервью был проведен опрос трудоспособного

населения России, $n=1200$, выборка репрезентативна по возрасту, полу, месту жительства, социально-профессиональным группам¹. Расчет эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов осуществлен интервьюерами с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу.

Существуют различные теоретико-методологические подходы к изучению и исследованию прекарности (Кученкова, 2019). Критерии прекарности работников также разнообразны. Мы выделили и использовали наиболее существенные индикаторы (признаки) прекарности, маркирующие работников на рынке труда.

Методика расчета коэффициента прекарности (КП). Было выбрано 7 индикаторов (признаков прекарности), на которые ориентировались в расчетах:

1. Оформление труда *без договора* или с договором *не более чем на 1 год*
2. Полное несоответствие образования работе
3. Переработка (более 8 часов) *постоянная*
4. Подработка в своей или сторонней организации (*регулярная* или *нерегулярная*)
5. Зарплата в конверте (*систематическая* или *иногда* случающаяся)
6. Смена работы за последние 3 года *более 1 раза*
7. *Невозможность* влиять на важные решения в своей производственной организации.

При одновременном наличии 3 и более признаков мы относим респондента к группе прекариев. Из всей выборки в 1200 человек прекариев было выделено 403 человека (33,6%). По количеству одновременно присутствующих признаков прекарии распределились следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Количество признаков прекарности и количество работников

Количество признаков прекарности	Количество респондентов	% от всех прекариев
3	231	57,3
4	104	25,8
5	48	11,9
6	17	4,2
7	3	0,7
Всего	403	100,0

¹ Полевой этап исследования проведен Центром социального прогнозирования и маркетинга под рук. Ф. Э. Шереги по инструментарию, подготовленному исследовательским коллективом РГГУ.

Каждый из 7 признаков имеет свой удельный вес в общей суммарной прекарности. Удельный вес признака – его доля в общей оценке прекарности, принятой за единицу. Для оценки этого веса сравнивалась доля носителей данного признака в группе прекариев с аналогичной долей во всей выборке. Так, *оформление трудовых отношений без договора или с договором менее чем на год в подвыборке прекариев встречается в 2,38 раза чаще*, чем в целом по выборке, а *подработка в сторонней организации* только в 1,57 раза чаще. В среднем все признаки у прекариев встречаются в 2 раза чаще, чем в общей выборке. Пропорционально относительной частоте встречаемости был рассчитан и удельный вес каждого признака таким образом, чтобы в сумме общий вес семи признаков равнялся 1. Соответственно, в целом по выборке $KП = 1$, в группе из 797 человек «анти-прекариев» $KП=0,5$. Иными словами, в среднем, у «антипрекариата» все признаки встречаются вдвое реже, чем в среднем по общей выборке (то есть для группы прекариев среднее значение коэффициента прекарности равно 2) (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Прекарии: относительная частота встречаемости
и удельный вес отдельных признаков¹**

Индикатор (признак прекарности)	Частота встречаемости признака*	Удельный вес признака в общей прекарности
Бездоговорное оформление	2,38	0,17
Смена работы >1раза	2,74	0,20
Постоянная переработка	1,89	0,14
Несоответствие образования работе	1,92	0,14
Зарплата в конверте	2,15	0,15
Подработка в сторонней организации	1,57	0,11
Не-влияние в организации	1,39	0,10
Сумма всех частот	14,0	1,00
в среднем	2,0	

*Частота встречаемости признака означает, во сколько раз у прекариев он встречается чаще, чем в среднем по всей выборке.

Руководствуясь этим принципом, возможно взять любую подвыборку и сравнить по средней частоте встречаемости 7 прекарных признаков, насколько чаще или реже они встречаются по сравнению с общей выборкой. Если значение $KП$ будет ниже 1, то это будет означать, что данная группа достаточно хорошо трудоустроена, и ей далеко до прекариата. Если $KП$ будет находиться в диапазоне от 1 до 2, то эта группа будет иметь тенденцию к прекарности, и чем выше $KП$, тем ближе выбранная группа

¹ Чем чаще признак встречается в выборке прекариев, тем он «сильнее». Чтобы оценить «силу» каждого из 7 признаков прекарности, необходимо рассчитать удельный вес каждого, который является производным от его частоты встречаемости. Частное от деления частоты встречаемости признака на сумму всех частот, которая равна 14 и есть удельный вес признака в общей прекарности.

к «настоящим» прекариям. «Антипрекарии» или «антипрекариат» — это те работники, у которых присутствуют от 0 до 2 признаков прекарности. «Прекарии» — те, у кого мы находим 3 и более признаков.

Прекарность разных социальных групп. Посмотрим, как можно применить индикаторы (признаки) и коэффициент прекарности для определения положения различных групп работников. Из нашего массива мы выделили наиболее показательные группы — бюджетники (в состав которых входят врачи, учителя, представители силовых ведомств), строители и работники торговли, на примере которых хорошо видна разница в их ситуации на рынке труда. Для сравнения в таблицах приведены значения по тем группам работников, которые мы определяем как «прекариат» и «антипрекариат».

Оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год. По этому пункту в выигрыше бюджетники — 70,9% из них имеют бессрочный договор. Хуже всех ситуация у строителей (см. таблицу 3), 29,3% из них работают без договора, 8,5% имеют временный договор на срок менее 1 года.

Таблица 3

Оформление трудовых отношений, % от опрошенных

Оформлена ли ваша работа договором?	Вся выборка	Анти-Прекариат	Прекарии	Строители	Бюджетники	Торговля
Имеют бессрочный договор	54,7	66,9	30,5	35,4	70,9	42,4
Имеют временный договор более 1 года	23,3	24,6	20,8	23,2	19,8	22,3
Имеют временный договор менее 1 года	4,9	1,6	11,4	8,5	3,0	9,4
Работают без трудового договора	14,5	4,3	34,7	29,3	5,6	21,9
Индивидуальные предприниматели	0,9	1,3	0,2			3,1
Самозанятые	1,7	1,4	2,2	3,7	0,7	,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частота встречаемости признака прекарности		0,3	2,38	1,95	0,44	1,61

Смена работы за последние 3 года более 1 раза. Российские работники не слишком склонны к смене работы в целом — большинство из них не меняло место работы за последние три года. Но если сравнивать тех, кто менял работу 2–3 раза, разница бросается в глаза. Среди строителей таких 14,6%, работников торговли — 8,5%, бюджетников — 1,5% (см. таблицу 4).

Переработка (более 8 часов) постоянная. По этому критерию представители различных групп работников сближаются (постоянно перерабатывают 25,9% в целом по выборке), хотя разница между «прекариями» и «антипрекариями» значительна (см. таблицу 5).

Таблица 4

Частота смены места работы, % от опрошенных

Как часто Вы меняли место работы за 3 последних года?	Вся выборка	Анти-Прекариат	Прекарии	Строители	Бюджетники	Торговля
Не меняли	72,4	82,4	52,6	62,2	80,2	59,8
Меняли 1 раз	20,4	16,7	27,8	22,6	17,2	30,8
Меняли 2–3 раза	5,8	0,4	16,4	14,6	1,1	8,5
Меняли более 3–х раз	1,4	0,5	3,2	0,6	1,5	0,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частота встречаемости признака прекарности		0,12	2,74	2,13	0,36	1,31

Таблица 5

Систематическая переработка, % от опрошенных

Приходится ли Вам работать более 8 часов в день	Вся выборка	Анти Прекариат	Прекарии	Строители	Бюджетники	Торговля
Да, постоянно	25,9	14,3	48,9	31,7	21,3	29,5
Да, иногда	39,9	43,7	32,5	47,6	35,4	35,7
Нет	34,2	42,0	18,6	20,7	43,3	34,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частота встречаемости признака прекарности		0,55	1,89	1,22	0,82	1,14

Полное несоответствие образования работе. Наибольший показатель несоответствия у работников сферы торговли 25,4% (см. таблицу 6), что вполне объяснимо – работа не требует высокой квалификации, продавцами часто берут людей без образования и с образованием не по профилю, несложным навыкам можно обучать по ходу труда.

Таблица 6

Соответствие выполняемой работы образованию, % от опрошенных

Как Вы считаете, Ваше образование/ квалификация соответствует выполняемой Вами работе?	Вся выборка	Анти Прекариат	Прекарии	Строители	Бюджетники	Торговля
Соответствует полностью	55,5	65,7	35,2	43,9	74,6	36,2
Частично соответствует	28,2	24,0	36,5	42,1	18,7	31,7
Не соответствует	12,7	6,8	24,3	11,0	5,6	25,4
Затруднились ответить	3,7	3,5	4,0	3,0	1,1	6,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частота встречаемости признака прекарности		0,53	1,92	0,87	0,44	2,01

Зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся). По этому признаку наибольший показатель прекаризованности у строителей – среди них 24,4% получали зарплату в конверте систематически, 29,3% – иногда. Представители сферы торговли ненамного «отстали» – среди них получали зарплату в конверте систематически 22,8%, иногда – 19,6% (см. таблицу 7).

Таблица 7

Официальность доходов, % от опрошенных

Получали ли Вы деньги в конверте за труд	Вся выборка	Анти Прекариат	Прекарии	Строители	Бюджетники	Торговля
Систематически, такая у нас оплата труда	10,9	3,5	25,6	24,4	3,0	22,8
Иногда	20,7	9,7	42,4	29,3	12,7	19,6
Никогда не получали	68,4	86,8	32,0	46,3	84,3	57,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частота встречаемости признака прекарности		0,42	2,15	1,70	0,50	1,34

Подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная). Меньше других приходится подрабатывать работникам торговли (см. таблицу 8), вероятно, это связано с загруженностью по основному месту работы. Больше всех регулярно подрабатывают бюджетники – 24,6%. Но по сумме подрабатывающих регулярно и нерегулярно выделяются строители, всего 31,7% среди них не подрабатывают. Можно объяснить это тем, что доход строителей зависит от объема выполненного и, вероятно, неравномерности деятельности – работы то много, то мало, то нет вовсе.

Таблица 8

Необходимость подработок в сторонней организации, % от опрошенных

Приходится ли Вам подрабатывать на стороне?	Вся выборка	Анти Прекариат	Прекарии	Строители	Бюджетники	Торговля
Приходится регулярно	16,8	11,3	27,5	20,1	24,6	8,5
Приходится, но не регулярно	32,8	24,0	50,1	48,2	28,0	31,3
Не приходится	50,5	64,7	22,3	31,7	47,4	60,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частота встречаемости признака прекарности		0,71	1,57	1,38	1,06	0,80

Невозможность влиять на важные решения в своей производственной организации. Поражает в принципе большое количество не влияющих на принятие решений: в сфере торговли таких 64,3%, среди строителей – 63,4%, среди бюджетников – 47,8%. Среди бюджетников больше всего тех, кто влияет на принятие решений частично – 39,6%. Мы объясняем это

профессиональными особенностями: врачи, полицейские и т. п. должны принимать решения в рамках своих профессиональных компетенций, это входит в их обязанности (см. таблицу 9).

Таблица 9

Влияние на принятие решений в своей организации, % от опрошенных

Можете ли Вы влиять на принятие решений в Вашей производственной организации	Вся выборка	Анти Прекариат	Прекарии	Строители	Бюджетники	Торговля
Могут в полной мере	6,9	8,9	3,0	2,4	9,0	5,4
Частично	30,0	38,0	14,1	26,2	39,6	25,4
Не влияют	57,8	46,3	80,6	63,4	47,8	64,3
Затруднились ответить	5,3	6,8	2,2	7,9	3,7	4,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частота встречаемости признака прекарности		0,80	1,39	1,10	0,83	1,11

Если суммировать и проанализировать все показатели, получится, что у работников, занятых в сфере строительства, наибольший коэффициент прекарности (1,5), так же выше среднего он в сфере торговли (1,3), а в бюджетной сфере – минимальный (0,6) (см. таблицу 10). Таким же образом возможно рассчитать КП для возрастных или любых других социальных групп. Для строителей наиболее сильным прекаризирующим признаком является отсутствие бессрочного трудового договора и неофициальная зарплата, для работников сферы торговли – несоответствие образования работе и зарплата в конверте. Работники бюджетной сферы вынуждены как перерабатывать в своей организации, так и подрабатывать на стороне, это самые сильные признаки их прекаризации.

Таблица 10

Коэффициент прекарности различных социальных групп

Выборка (подвыборка)	Общая выборка (1200 чел.)	Анти-Прекариат (797 чел.)	Прекарии (403 чел.)	Строители (164 чел.)	Торговля, бытослуживание, ЖКХ (224 чел.)	Бюджетники (268 чел.)
КП	1,0	0,5	2,0	1,5	1,3	0,6

По степени прекарности лидируют строители, а работники бюджетной сферы находятся на противоположном от них полюсе. Но следует иметь в виду, что формальное положение не всегда соответствует реальности. Красноречивым примером этого является ситуация в сфере высшего образования. Формально большинство преподавателей вузов имеют бессрочный трудовой договор (при условии прохождения конкурса). На практике же подписывается дополнительное трудовое соглашение сроком на 1–2 года, по истечении которого работник может быть уволен, что является сильным признаком прекарности работников.

Литература

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наемный работник в современной России / Под ред. З. Т. Голенковой. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 121–138.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.

Кученкова А. В. Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 1. С. 134–143.

Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М.: Наука, 2018.

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

Сессия 9.3

Рынок труда: изменения, противоречия и вызовы в условиях перехода от 5 к 6 технологическому укладу

Модератор: Гимпельсон Владимир Ефимович

С. А. Александрова

Цифровой номадизм как современная модель трудовой занятости сквозь призму ценностных ориентаций молодежи

Александрова
София Алексеевна

Посольство Гренады в Российской Федерации, Москва, Россия.

E-mail: asophia@yandex.ru

Аннотация. Сегодня общество претерпевает глубинные изменения, в том числе и в сфере рынка труда. В условиях роста мобильности и дестандартизации рынка труда изучение трудовых моделей и ценностных ориентаций молодых людей, определяющих выбор модели трудовой занятости, представляется актуальным. Множество факторов, таких как гипермобильность, глобализация, развитие цифровых технологий способствуют все более частому выбору в пользу цифрового номадизма среди молодежи. Актуальность изучения ценностных ориентаций молодых людей в контексте трудовой занятости определяется возможностью выявить основные тренды развития рынка труда в условиях возрастающей дигитализации, а также характер и степень адаптации современной молодежи к новым реалиям.

Ключевые слова: цифровой номадизм, гипермобильность, глобализация, дигитализация.

Человеческая цивилизация на современном этапе развивается на фоне комплексных многогранных явлений, среди которых глобализация, дигитализация, системные кризисы и сопутствующие им факторы. Экономические, социально-политические сдвиги, сопровождающие эти процессы, ломают границы жизненного мира индивида и ведут к переосмыслению им своих ценностных ориентаций и социальных практик, а также к трансформациям на рынке труда, усилению его подвижности и возникновению новых моделей занятости.

Особая роль в становлении новых форм труда и появлении новой категории трудящихся принадлежит Интернету и сетевым структурам (Кастельс) (Castells, 2009). Интернет-технологии и глобализация инфор-

мационного и мирового пространства породили новый тип мобильности, который в контексте философии постмодерна и с учетом проявлений структурного кризиса, в свою очередь, сформировал инновационную модель трудовой занятости – цифровой номадизм. Для осуществления своей трудовой деятельности представители цифрового номадизма («цифрового кочевничества») используют мобильные устройства с выходом в интернет, в связи с чем необходимость географической привязки к конкретному месту для них отпадает (Макимото, Мэннерс) (Makimoto, Manners, 1997).

Исследование этого нового для российского рынка труда явления в настоящий момент представляется наиболее эффективным с помощью идеальной модели цифрового номадизма. В процессе анализа, проведенного на основе вторичного анализа данных массива World Value Survey за 2010–2014 гг¹ (для анализа были отобраны молодые люди от 18 до 29 лет, граждане России и стран Европы) и серии фокусированных интервью с представителями цифрового номадизма, была разработана иерархия ценностей цифрового номада, в которую вошли: свобода/автономия, мобильность, космополитизм, снижение значимости карьеры и стабильного дохода, любовь к приключениям. Проведенное исследование позволяет утверждать, что такая форма занятости как цифровой номадизм, является восходящим трендом, одним из инструментов адаптации индивидов к реалиям эпохи мобильности и цифровизации. В то же время эта модель занятости пока остается уделом небольшого числа экономически активного населения, жизненные стратегии которого формируются не столько под влиянием общераспространенных в социуме ценностей, сколько с учетом индивидуальных социально-психологических особенностей «бродяги» (Бауман, 1995). В связи с выявленным в ходе исследования низким интересом молодых европейцев к цифровому номадизму, для получения более полной картины, были также рассмотрены и представители более старших возрастных групп. Значительную долю цифровых номадов в Европе составляют люди старше 38 лет, то есть представители поколения X, постепенно осознающие, что, возможно, единственным приемлемым для них способом приспособления к новой реальности является своего рода побег от действительности и обращение к новым формам занятости, в частности к цифровому номадизму. Современные молодые европейцы на данном этапе не вполне готовы принять цифровой номадизм, вероятно, из-за укрепившегося в их сознании убеждения в необходимости стабильной работы, связанного с высоким уровнем безработицы и неблагоприятной экономической ситуацией в Европе, пик которой пришелся на 2013 год. Мировой финансовый кризис 2008 года, пришедший на смену длительному устойчивому экономическому росту и стабильности, заставил молодежь переосмыслить базовые ценности. В России, наоборот, большинство потенциальных номадов относятся к возрастной группе от 18 до 29 лет, первичная социализация представителей которой пришлась на конец XX – начало XXI века – период, ознаменовавшийся экономической, политической и социальной нестабильностью. Следует обра-

¹ Данные WVS (Международного исследования ценностей) находятся в открытом доступе. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 05.04.2019).

тить внимание, что исторически российская ментальность формировалась на фоне гораздо больших потрясений, чем европейская, в результате чего россияне более устойчивы к кризисам, а также демонстрируют большую готовность к рискам, что также подтверждается результатами вторичного исследования. Кроме того, для российского поколения Y, в отличие от поколения X, гиг-экономика уже является неотъемлемым элементом современной жизни, предоставляющим широкие возможности занятости.

С учетом нарастающей мобильности и цифровизации число приверженцев цифрового нomaдизма будет расти во всем мире. Рост благосостояния и качества жизни, распространение постматериалистических ценностей, а также стремительное развитие цифровых технологий приводит к тому, что постепенно граждане развитых и отчасти развивающихся стран перестают относиться к работе как к самоцели, все чаще воспринимая ее как средство достижения целей. В связи с этим работа и карьера у современной молодежи отходят на второй план, приоритетными же становятся свобода во времени и пространстве, дающая возможность реализовывать свой творческий потенциал и следовать своим увлечениям. Возможность совмещать работу с путешествиями, интерес к которым с ростом мобильности неуклонно повышается, уход от рутины – все это делает цифровой нomaдизм привлекательным особенно для молодых людей, одними из главных ценностей которых являются свобода, автономность, мобильность, баланс между работой и досугом.

Литература

Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.

Castells M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009

Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley & Sons. 1997.

Pofeldt E. “Digital Nomadism Goes Mainstream”, URL: <https://www.forbes.com/sites/elainepofeldt/2018/08/30/digital-nomadism-goes-mainstream/> (дата обращения: 18.05.2019).

Ю. В. Васькина, М. А. Стрелина

Совмещение учебы и работы: социальные аспекты стремления студентов к финансовой независимости

Васькина

Юлия Владимировна

Кандидат социологических наук, Самарский национальный исследовательский университет, Самара, Россия; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: vaskina18.05@gmail.com

Стрелина

Мария Александровна

Самарский национальный исследовательский университет, Самара, Россия.
E-mail: mashastreлина9708@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования, посвященного выяснению положительных и отрицательных аспектов достижения студентами финансовой независимости. По результатам исследования выяснилось, что причины, по которым студенты решают начать работать, связаны, прежде всего, с необходимостью удовлетворять собственные потребности, получить опыт работы, реже – с желанием помогать родителям оплачивать обучение на коммерческой основе. Практически все опрошенные считают, что имеют преимущества перед неработающими студентами: способность грамотно распоряжаться временем, дисциплинированность, умение достигать консенсуса с преподавателями в случае разногласий из-за пропусков занятий и т. п. В качестве недостатков такого совмещения были отмечены конфликты с преподавателями, а также отсутствие возможности быть беззаботным.

Ключевые слова: финансовая независимость, социальные аспекты финансовой независимости, теории денег, студенты.

Цель процесса социализации – формирование самостоятельной личности, которая может обеспечить удовлетворение своих потребностей и не зависимое от других существование. Важнейшим показателем успешности процесса социализации является финансовая независимость, стремление к которой выражается в поиске самостоятельного источника дохода. В этой связи представляет интерес такая социальная группа, как студенты: группа, завершающая процесс активной социализации и закладывающая стартовые условия самостоятельной жизни в обществе.

Достижение финансовой независимости всегда дается нелегко, оказывая неоднозначное влияние на самые разные стороны жизни человека: учебу, отношения с родственниками и друзьями, проведение досуга, занятия хобби и т. д. Какие же социальные потери и приобретения характеризуют

процесс достижения студентами финансовой независимости? Для ответа на этот вопрос было проведено социологическое исследование, объектом которого стали работающие студенты самарских вузов очной формы обучения. Метод исследования – свободное интервью, для поиска информантов использовался целевой отбор, главными критериями отбора являлись наличие работы и обучение на дневном отделении вуза.

Теоретической базой работы явились социологические теории денег – Ф. Тенниса (Теннис 2002), К. Поланьи (Поланьи 2002), К. Маркса (Маркс 2010), Г. Зиммеля (Зиммель 2017), С. Московичи (Московичи 1998), В. Зелизер (Зелизер 2004). Классики социологии денег к одному из положительных следствий денег для индивидов относили их способность обеспечивать независимость от других индивидов. Человек, имеющий деньги, может удовлетворять свои потребности самостоятельно – в том объеме и в то время, как он посчитает нужным. Наличие денег формирует ряд положительных качеств личности – точность, методичность, дисциплинированность, способствует мобильности. Деньги открывают доступ в некоторые социальные группы. В то же время, деньги имеют и ряд отрицательных социальных последствий: они создают неравенство, отчуждают людей друг от друга и от их социокультурной сущности, порождают стремление к наживе любой ценой.

Учитывая эти аспекты, мы в своем исследовании поставили вопрос о том, к каким социальным последствиям приводит стремление современных студентов стать финансово независимыми, социально зрелыми личностями. Результаты исследования, прежде всего, показали, что место работы студентов и занимаемые им должности в большинстве случаев никак не связаны со специальностью, которую они получают в вузе. Мотивами для совмещения учебы и работы для опрошенных информантов являются: 1) получение опыта; 2) получение денежных средств; 3) помощь родителям в оплате обучения.

Наши информанты стремятся к финансовой независимости от родителей и других людей, если не сейчас, то в ближайшем будущем. Опрошенные студенты считают, что помощь со стороны их родителей вызывает в них, скорее, чувство благодарности и желание помогать, но ответная помощь не обязательно должна выражаться в денежном эквиваленте.

При анализе оценки информантами собственной финансовой независимости было выявлено, что большинство информантов не имеют возможности полностью содержать себя. Практически все живут в родительской квартире и заработанные деньги тратят на свои нужды, чтобы облегчить финансовое положение семьи. Таким образом, при оценке собственной финансовой независимости студенты разделились на 3 категории: 1) те, у кого отсутствует финансовая независимость; 2) те, кто частично финансово независим; 3) те, кто полностью финансово независим. Описываемые студентами образы финансово независимого человека практически у всех совпадают между собой, т. е. информанты представляют себе финансово независимого человека примерно одинаково. Так, были выявлены следующие компоненты образа финансово независимого человека: 1) он способен обеспечивать себя сам; 2) он способен обеспечить не только себя, но и других; 3) в его распоряжении находится достаточное количество средств для накоплений или совершения крупных покупок; 4) он способен обеспечить себе комфортную жизнь самостоятельно.

Особый акцент в исследовании делался на анализе преимуществ и недостатков приобретения студентами финансовой независимости. Говоря о влиянии работы на учебу, информанты разделились во мнении. Часть из них говорили о том, что это способствует развитию организованности, другие о том, что, в любом случае, работали бы они или нет, успеваемость не улучшилась. Было отмечено, что влияние есть, скорее, на посещаемость. Кто-то говорил о том, что с трудом совмещает эти занятия. Было выявлено, что большинство информантов испытывают определенные трудности, в частности, негативное отношение преподавателей к совмещению работы и учебы. Здесь же студенты говорили о том, что они отчасти понимают недовольство преподавателей.

Влияния совмещения работы и учебы на взаимоотношения с родственниками и друзьями, практически, не было выявлено у информантов, за редким исключением, где один информант отметил негативное влияние на взаимоотношения с родственниками.

У большинства опрошенных студентов нет хобби. Те, кто имеет хобби, назвали таковым занятия спортом. Также, те информанты, кто имеют хобби, сказали, что работа и учеба не мешают им, поскольку на любимое дело всегда смогут найти время.

Говоря о наличии или отсутствии преимуществ перед неработающими студентами, информанты чаще отмечали, что имеют преимущества: опыт работы, приобретение независимости от родителей и формирование личностных качеств: коммуникабельности, организованности, предприимчивости. Лишь один информант сожалел, что в процессе совмещения учебы и работы есть свой недостаток – отсутствие времени на прочие дела. Его отчасти расстраивает тот факт, что годы, которые можно еще проводить беззаботно, он потратил на такой сложный процесс, как совмещение учебы и работы.

Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что студенты, поставившие перед собой задачу получить финансовую независимость от родителей, решают ее с разной степенью успешности в материальном плане, однако успешно в социальном плане: они формируют личностные качества, социальную ответственность и приобретают необходимый человеческий и социальный капитал.

Литература

Теннис Ф. *Общность и общество*. М.: Владимир Даль, 2002.

Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* [Текст] / К. Поланьи. М.; СПб: Алетейя, 2002.

Зелизер В. *Создание множественных денег // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; Пер. М. С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 413–430.

Зиммель Г. *Избранное. Проблемы социологии*. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы*. М.: Академический проект, 2010.

Московичи С. *Машина, творящая богов*. М.: Когито-Центр, 1998.

В. Е. Гимпельсон

Динамика заработной платы: эффекты возраста и поколения

Гимпельсон

Владимир Ефимович –

Кандидат экономических наук,

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: vladim@hse.ru

Аннотация. В докладе обсуждается возрастная эволюция заработной платы российских работников. Экономическая теория и многочисленные эмпирические свидетельства говорят о том, что зарплата растет монотонно, но со снижающимся темпом в конце трудовой карьеры. Российские кросс-секционные данные эту зависимость не подтверждают, выявляя другой паттерн. Однако при разделении эффектов возраста/опыта и поколения зависимость оказывается «стандартной» и возрастающей, но эффект поколения нейтрализует выгоды, приобретаемые с опытом. Данный результат показывает: какие поколения выиграли, а какие проиграли в ходе экономической трансформации последних 30 лет.

Ключевые слова: заработная плата, человеческий капитал, профиль заработной платы, возраст, поколение, опыт, рынок труда.

Характер изменения заработной платы с возрастом или общим стажем крайне важен по многим причинам. Существуют многочисленные эмпирические свидетельства того, что в развитых странах зарплата растет монотонно, хотя и с затухающим темпом, на протяжении почти всей трудовой жизни. Такая форма профиля считается стилизованным фактом и получила свое объяснение в ряде влиятельных экономических теорий, среди которых особое место принадлежит теории человеческого капитала. Один из ее основателей Дж. Минцер писал: «Основные черты повозрастных профилей можно легко суммировать: за исключением самых начальных лет оплачиваемой трудовой деятельности, заработка выше при более высоких уровнях образования и растут с возрастом на протяжении почти всей трудовой жизни. Абсолютные и, что более существенно, относительные темпы роста годовых заработков снижаются с возрастом, становясь отрицательными, если они хоть как-то меняются, в течение последнего трудового десятилетия. В случае недельных заработков нет никакого видимого снижения» (Mincer, 1974). Эту закономерность выявляли затем многие исследователи, и практически никто не ставил ее под сомнение. Однако недавние исследования в менее развитых странах отмечают особенности в форме такого профиля (Lagakos et al 2018), проявляющиеся в том, что профиль оказывается весьма плоским. Исследования, проведенные в России, сеют сомнения в том, что заработная плата всегда растет монотонно.

С использованием разных российских источников массовых данных за 1995–2015 годы я рассматриваю различия в зарплате между возрастными группами (Гимпельсон 2019). Согласно им, повозрастной профиль выглядит «нестандартно». Это проявляется в том, что зарплата растет у 20-летних и 30-летних, после чего она начинает быстро снижаться. В своей недавней статье я обсуждаю это явление через анализ повозрастных изменений в различных компонентах человеческого капитала. Среди последних выделяются уровень формального образования, интенсивность обучения и переобучения после завершения формального образования, развитость когнитивных и некогнитивных навыков, степень использования полученных знаний и навыков в повседневной трудовой деятельности. Ни один из этих компонентов не показывает такого монотонного роста с возрастом, который мог бы сделать профиль заработка более «стандартным». На первый взгляд, эволюция всех этих компонентов говорит против гипотезы монотонного роста.

Однако эта история намного сложнее. Профиль заработной платы, построенный на кросс-секционных данных, может скрывать три разных эффекта, которые в этом случае смешаны. Три переменные – возраст (A), поколение или когорта (C) и период наблюдения (P) – мультиколлинеарны и связаны прямой линейной зависимостью ($P = A + C$). Соответственно наблюдаемые различия могут быть вызваны как возрастом/стажем индивидов, так и их принадлежностью к определенной когорте или времени наблюдения. В зависимости от истинной причины меняются выводы и следствия. Разделение же данных эффектов чисто техническими методами невозможно и требует дополнительных содержательных ограничений и предположений.

Для идентификации этих эффектов я использую метод, предложенный в работе (Nekman et al 1998) и реализованный в (Lagakos et al 2018). Его суть заключается в следующем. Согласно теории человеческого капитала, инвестиции в образование и навыки в предпенсионный период близки к нулю (в связи с коротким периодом отдачи на инвестиции), то есть эффект возраста/опыта равен нулю. Если мы отслеживаем заработки на синтетической панели лиц в предпенсионный период, то по построению панели эффект когорты также отсутствует. Значит, прирост зарплаты в предпенсионной когорте определяется исключительно эффектом периода (P). Далее таким образом мы можем восстановить эффекты возраста/опыта и когорты на рынке труда. Применяя этот метод и используя данные РМЭЗ-НИУ ВШЭ, мы получаем профили роста заработной платы в зависимости от общего стажа на рынке труда и от возрастной когорты.

Что мы получаем в итоге? Во-первых, максимальная заработная плата достигается через 15–19 лет общего опыта и затем быстро снижается. Максимум составляет примерно 120–125% от зарплаты в начальной группе по стажу. После снижения она стабилизируется на уровне примерно 115%. Во-вторых, положительный эффект когорты максимален для работников, родившихся после 1965–70 гг. В-третьих, молодые люди получают двойную «премию» – и за короткий стаж, и за принадлежность к молодым поколениям.

Родившиеся после 1965 года выходили на рынок труда, начиная с конца 80-х-начала 90-х годов, и в этом смысле являются постперестроечным поколением. Именно они и стали относительными бенефициарами экономических реформ. Что же касается тех, кто вышел на рынок раньше, то они проиграли – и как начавшие свою трудовую карьеру не в той системе, и как более «опытные», но не с тем опытом.

Литература

Гимпельсон В. Е. (2019). Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ, Т. 23, № 2. С. 185–237.

Heckman J., Lochner L., Taber C. (1998) Explaining Rising Wage Inequality: Explorations with a Dynamic General Equilibrium Model of Labor Earnings with Heterogeneous Agents. *Review of Economic Dynamics* 1, 1–58.

Lagakos D., Moll B., Porzio T., Qian N., Schoellman T. (2018). Life cycle wage growth across countries. *Journal of Political Economy*, Vol. 126, No. 2, pp. 797–849.

Mincer J. (1974). Schooling, experience, and earnings. N.Y.: NBER.

А. В. Ермилова, А. А. Судариков

Специфика активизации пенсионеров на рынке труда в восприятии лиц среднего возраста

Ермилова

Анна Вячеславовна

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: ermilova.75@bk.ru

Судариков

Алексей Александрович

Аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: sudarlex@rambler.ru

Аннотация. Выявляются особенности активизации пожилых людей в сфере занятости в восприятии лиц среднего возраста, а именно присутствие нисходящей трудовой мобильности после выхода на пенсию, специфика сохранности рабочего места, доминирующая форма занятости (постоянная/временная основа), причины интеграции в трудовые отношения.

Ключевые слова: пенсионеры, активизация, рынок труда, восприятие, представители среднего возраста.

Процессы экономического, социального, политического преобразования российской действительности не могут не воздействовать на межпоколенное взаимодействие, в результате чего происходит элиминация постфигуративного типа культурного обмена внутри такого социального института как семья, так и в целом в обществе. Однако реформирование пенсионной системы, осуществленное в 2018 г., может запустить иной вектор развития межпоколенной интеракции в российском обществе в связи с более длительным пребыванием лиц старшей возрастной категории на рынке труда. На восприятие поколений друг другом также оказывают воздействие тенденции, характерные для современного развития российского общества: снижение численности совместно проживающих родственников (дети/родители/пра-родители); смена социальных установок лиц третьего возраста. В частности, субъектность пожилых людей в последнее время распространяется на сферы социально-трудовых и общественно-политических отношений, сферы культуры, досуга и образования. Усиление активизации пенсионеров, очевидно, сопряжено с желанием наверстать упущенные возможности в советский период развития страны (З. Х. Саралиева и др., 2018: 164). Тем не менее, среди пожилых людей сохраняется значительная часть, являющаяся объек-

том помощи: пенсионеры, страдающие хроническими заболеваниями, лица с ограниченными возможностями здоровья, так называемые «социальные сироты», численность которых с каждым годом увеличивается («Не бросайте родных!», 2019). Проблема «социального сиротства» пожилых людей в большей степени может коснуться пожилых женщин в связи более длительной продолжительностью их жизни как в России, так и во всем мире.

Сегодня перед нами предстает пожилой человек, который может идентифицироваться с объектом и субъектом взаимодействия. Лица пенсионного возраста, участвующие в производстве товаров и услуг, являются субъектом вынужденной или добровольной активизации в сфере труда. Можно сказать, что «сегодня формируется образная модель постпенсионной жизни индивидуума, в которой обязательным элементом становится трудовая активизация» (А. В. Ермилова, А. А. Судариков, 2019). Возросший уровень субъектности пожилых людей (З. Х. Саралиева и др., 2018: 168), естественно, воздействует на процесс восприятия их в обществе. Нас, как исследователей, заинтересовал вопрос, направленный на выявление специфики восприятия пожилых людей в ходе их интеграции в социально-трудовые отношения представителями среднего возраста. Для ответа на этот вопрос в 2019 году проведено социологическое исследование описательного типа, в ходе которого методом анкетирования были опрошены жители г. Нижнего Новгорода в возрасте от 30 до 50 лет (n=400 чел.). Цель исследования – выявить особенности активизации пожилых людей в сфере занятости в восприятии лиц среднего возраста: присутствие нисходящей трудовой мобильности после выхода на пенсию, специфика сохранности рабочего места, доминирующая форма занятости (постоянная/временная основа), причины интеграции в трудовые отношения. Следует указать, что респонденты в большинстве своем предпочли говорить о том родственнике, с которым они имеют возможность контактировать в большей степени, а в нашем случае доминирующей группой являются пожилые женщины в связи с более ранней смертностью мужчин-пенсионеров (муж. – 36%; жен. – 64%).

Реализуя цель исследования, мы обратились к участникам исследования с просьбой оценить уровень жизни лиц пожилого возраста в России (см. таблицу 1).

Таблица 1

Уровень жизни пожилых людей, проживающих на территории РФ, % (N=400 чел.)

	За чертой бедности, еле сводят концы с концами	На среднем уровне	Выше среднего	Затрудняюсь ответить
Мужчины	74,3	17,8	1,0	6,3
Женщины	79,4	12,9	0,5	7,2

Подавляющее большинство респондентов идентифицируют пожилых людей с представителями низшего слоя в стратификационной структуре российского общества, что подталкивает их к интеграции в сферу труда. В определенной степени подтверждает данное предположение следующий факт – одной из доминирующих сфер активизации пожилого населения является сфера занятости в восприятии лиц среднего возраста, что во многом спровоцировало пенсионную реформу в РФ (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сферы социальной активности, в которые наиболее интегрированы пожилые люди, % (N=400 чел.)

	Трудов. сфера	Сфера образования	Полит. сфера	Сфера физической культуры	Сфера развлечений	Сфера сельск. хозяйства
Мужчины	47,6	9,4	23,0	7,3	22,0	88,0
Женщины	45,5	6,2	10,5	6,2	19,6	93,5

Подавляющее число респондентов выделили сельское хозяйство (имеется в виду сельский труд в подсобных хозяйствах) как сферу наибольшей включенности пожилых людей. Ведение собственного хозяйства, будь то огородный участок или разведение животных, может быть продиктовано рядом причин, в числе которых необходимость помогать близким, нужда в материальных средствах, желание трудиться и быть востребованными в семье и в обществе в целом. Однако, если в нашем случае мы имеем в виду занятость пожилых людей на садовых/дачных участках, то, как показывают статистические показатели, именно сельское хозяйство является наиболее востребованной сферой трудовой деятельности лиц третьего возраста, несмотря на возраст, уровень здоровья и тяжесть труда в данной сфере. Каждый второй пожилой человек старше 60 лет занят в сфере сельского хозяйства (60% от общей численности всех работающих пенсионеров). (Занятость пожилых людей, 2019)

В целом по выборке продолжают вести трудовую деятельность 48,4% пожилых родственников мужского пола и 38% – женского. При этом, пожилые женщины остаются включенными в сферу занятости населения преимущественно до 75 лет (до 60 лет – 61,10%; 60–65 лет – 58,30%; 66–70 лет – 34%; 71–75 лет – 9,4%; 76 лет и старше – 0,0%), тогда как пенсионеры мужского пола работают до последнего пока им позволяет состояние здоровья (60–65 лет – 58,8%; 66–70 лет – 50%; 71–75 лет – 22,2%; 76–80 лет – 30,8% старше 80 лет – 11,1%). Доминирующая причина интеграции в трудовую деятельность пожилых родственников в восприятии представителей среднего возраста в большей степени имеет вынужденный характер (см. таблицу 3).

Таблица 3

Причины интеграции в трудовую деятельность пожилых людей в восприятии представителей среднего возраста, % (N=400 чел.)

	Не работает	Желает оставаться в коллективе и быть востребованным	Владеет высокой квалификацией и чувствует ответственность	Вынужден работать в силу низкого уровня пенсии	Работает, т. к. необходимо помогать своим внукам/детям
Родственник мужского пола	51,6	9,7	2,4	33,1	3,2
Родственник женского пола	62,0	6,5	2,5	27,5	1,4

Неудовлетворенность уровнем пенсионных начислений и желание помочь своим родственникам подталкивают пожилых людей активизировать свои ресурсы, связанные с возможностью сохранить свои позиции на рынке труда. А многие ли пожилые люди имеют возможность продолжить работать на своем прежнем месте с сохранением профессионально-должностного статуса? Значительной части пенсионеров независимо от пола удалось остаться востребованными работниками, так около 60% лиц третьего возраста продолжают работать в той организации и в том статусе, в котором они находились до наступления пенсионного возраста. Стоит подчеркнуть, что сохранность рабочего места в большей степени характерна для пожилых людей, пенсионный стаж которых не превышает 10 лет. С увеличением пенсионного стажа происходит резкий скачок по траектории нисходящей мобильности относительно профессионального статуса на рынке труда.

Значительной части пожилых (40%) пришлось поменять место работы. Специфика смены трудовой деятельности связана с переходом на временную занятость, что наиболее актуально для пожилых женщин (жен. – 25%; муж. – 17% от общего числа интегрированных в трудовую деятельность) либо на менее квалифицированный труд. Практически одинаковое количество представителей среднего возраста отметили, что их пожилые родственники (муж. – 45%; жен. – 44%) в настоящий момент времени работают в несколько худших условиях труда относительно прежнего места трудовой деятельности. Причем, чем старше пожилой родственник, тем сильнее проявляется нисходящая трудовая мобильность, по мнению их родственников. Такое положение дел может сказываться на эмоциональном состоянии представителей третьего поколения, интегрированных в трудовую сферу. Только 27% пожилых мужчин и 24% пожилых женщин получают удовольствие от своей трудовой деятельности, которую они осуществляют преимущественно на прежнем рабочем месте с сохранением прежней должности. Все остальные, в лучшем случае равнодушно относятся к трудовой активизации либо испытывают негативные чувства, которые в большей степени проявляются у лиц мужского пола до 65 лет, а у женщин до 70 лет. Далее уровень негативизма по отношению к трудовой деятельности резко снижается, что может быть связано с желанием сохранить хоть какую-нибудь позицию на рынке труда, несмотря на свой преклонный возраст.

Итак, в восприятии представителей среднего возраста в большей степени преобладает образ пожилого человека как экономически активного субъекта взаимодействия, который, прежде всего, реализуется в двух направлениях – работа на садовых/дачных участках и в сфере занятости населения. Однако, тревожным фактом является то, что в восприятии трудоспособного населения пожилые люди вынуждены сохранять экономически активную позицию в современном обществе, чтобы самим сводить «концы с концами» либо иметь возможность помогать своим родственникам.

Литература

Ермилова А. В., Судариков А. А. Потенциал пожилых людей в восприятии молодого поколения: социологический аспект // Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции. Социальный потен-

циал пожилых людей: условия, опыт, проблемы эффективного применения : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 15 ноября 2018 г.) [электрон. ресурс] / МГУ им. Н. П. Огарева, Ист.-социол. инс-т; каф. соц. работы ; под общ. ред. проф. Л. И. Савинова. — Электрон. текстовые дан. — Саранск : Издатель Афанасьев В. С., 2019. — ISBN 978-5-907131-26-2. — Режим доступа: <http://13rusprint.ru/books/2019/SocialPotential/> — Загл. с экрана.. 2019. С. Элект.вар.

Занятость пожилых людей. PUBLIKA. [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.publika.md/v-strane-kazhdyy-vtoroy-pozhiloy-chelovek-starshe-60-let-zanyat-v-sfere-selskogo-khozyaystva_2166554.html (дата обращения: 09.07.2019).

«Не бросайте родных!». Как воронежские волонтеры дарят радость одиноким старикам. РИА. Воронеж. [Электронный ресурс]. — URL: <https://riavrn.ru/news/ne-brosayte-rodnykh-kak-voronezhskie-volontery-daryat-radost-odinokim-starikam/> (дата обращения: 09.07.2019).

Семейная экосистема человека: монография / З. Х. Саралиева, Г. Л. Воронин, С. А. Судьин, Д. А. Шпилев, А. В. Ермилова [и др.]. — Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. — 225 с.

Е. А. Заруцкая

Нестандартные формы занятости: возможности и угрозы для работников

**Заруцкая
Екатерина Александровна**

Кандидат экономических наук, Тверской государственный университет, Тверь, Россия.

E-mail: zarutskaya@mail.ru

Аннотация. Рассматривается нестандартная занятость как следствие факторов, обусловленных развитием постиндустриальной экономики. Раскрывается типология нестандартных форм занятости. Автор показывает преимущества и возможности для населения при вовлечении в нестандартную занятость. В тоже время, делается упор на риски и угрозы, которые несут в себе нестандартные формы занятости для наемных работников. Доказывается, что население, вовлеченное в подобные трудовые отношения, является более уязвимым и проигрывает по многим показателям тем, кто относится к стандартной занятости.

Ключевые слова: нестандартные формы занятости, стабильность занятости, добровольная и вынужденная нестандартная занятость.

Одной из тенденций современного российского рынка труда является распространение нестандартных форм занятости. Это происходит под влиянием таких факторов, как усиление глобализации, изменение отраслевой структуры экономики и ее сервисизация, а также разделение рабочего процесса на более мелкие операции в рамках глобального цифрового производства. Последний фактор способствовал развитию crowdworking, который в последнее время активно используется населением не только в Европе и США, но и в России. Также к факторам распространения нестандартных форм занятости (далее – НФЗ) относится появление моделей экономики по требованию («on-demand-economy»), предполагающей получение доступа к товарам и услугам в тот момент, когда это нужно потребителю и «Gig Economy», предполагающей управление компанией условным персоналом. К 2020 году, по данным PwC, рынок платформ для обслуживания «гиг-экономики» вырастет до 63 млрд долл. (Uber, AirBnB, BlaBlaCar, Instamart, Onelane и др.) (Чикунев А. 2016).

Нестандартные формы занятости достаточно разнообразны в своем проявлении. К ним относятся непостоянная занятость, которая может быть временной, сезонной или случайной (по характеру трудовых отношений). С точки зрения жесткости границ рабочего времени НФЗ – это всегда нефиксированный рабочий день (гибкий график, ненормированный рабочий день, работа по вызову), а по месту нахождения рабочего места – удаленная работа (надомничество, дистанционная или разъездная работа). С точки

зрения штатной принадлежности в данном случае речь всегда идет о привлеченных трудовых ресурсах – фрилансерство, заемный труд (лизинг персонала, аутстаффинг, аутсорсинг), краудсорсинг, смартстаффинг. Правовое положение трудящихся в рамках НФЗ – это гражданско-правовые отношения (срочный трудовой договор, договор подряда, договор оказания услуг). Но зачастую трудовые отношения не оформляются (Орлова, 2017). Так, доля неформально занятых среди работающих в нестандартных формах – 25,6%, или каждый четвертый (Нестандартные формы занятости, 2017).

Как следствие – многочисленный слой работников с нестандартной занятостью. Если в 2014 г. доля занятых нестандартными формами труда составил 52,84%, то в 2016 г. – 54,13%. При этом с ростом нестандартной занятости происходит сокращение численности стандартно занятых (Нестандартные формы занятости, 2017).

Распространение нестандартных форм занятости несет в себе не только дополнительные возможности для субъектов рынка труда, но и множество рисков и угроз, которым подвергаются наемные работники.

С одной стороны, нестандартные формы занятости обладают определенными преимуществами и дополнительными возможностями для наемных работников. Среди основных: профессиональная мобильность и возможность самим регулировать свою занятость, совмещение работ, возможностью выбора проектов и работодателей, увеличение совокупного трудового дохода, повышение удовлетворенности трудом и увеличения продолжительности свободного времени, нахождение баланса между личным и рабочим временем, трудоустройство членов общества, которые не могут работать в обычном режиме.

Но перечисленными преимуществами имеют возможность пользоваться далеко не все представители нестандартных форм занятости. В первую очередь они касаются фрилансеров, которые работают в сфере ИТ (22%), продажи (17%), бухгалтерские услуги (11%), специалисты по дизайну (8%), маркетологи (6%) (Чикунов, 2016). И зачастую, у таких работников заработная плата выше, чем у представителей стандартных форм занятости.

Важно отметить, что в данном случае речь идет о добровольной нестандартной занятости, когда человек не стоит перед выбором: либо соглашаться на конкретную работу, либо остаться без средств к существованию. Его мотивы в данном случае очевидны – быть свободным и независимым, предоставленным самому себе (Маслова, 2017). Нет обязательств перед одним конкретным работодателем в течение длительного периода времени. Но по данным исследования нестабильность занятости как свободный выбор отметили лишь 9% респондентов (Мусаев, 2017).

Более того, существует категория людей, которая сознательно отказывается от более высокого статуса и более высокого дохода в пользу их снижения. Это явление известно как дауншифтинг, которое характеризуется свободным выбором, балансом «работа-семья», отсутствием стремления к таким социально-значимым в современном обществе ценностям как карьера, высокий доход, престиж и пр. Если говорить языком Э. Фромма для них важно «быть, а не иметь».

Несмотря на преимущества, нестандартные формы занятости несут в себе множество опасностей и угроз для наемных работников. И прежде всего они затрагивают тех работников, которые вынуждены соглашаться на нестандартную занятость. И в данном случае речь уже идет о вынужденной нестабильной занятости, когда человеку приходится соглашаться на любую (или практически любую работу), даже если она не соответствует его уровню образования и квалификации. При этом перед ним стоит дилемма – либо выбрать подобную работу, либо остаться без средств к существованию.

Среди основных опасностей и угроз со стороны нестандартных форм занятости выделяют следующие. Во-первых, снижаются гарантии стабильности занятости и возможности перехода их одной формы занятости в другую. Временная занятость может выступать трамплином для выпускников учебных заведений, иммигрантов, работников, изначально находящихся в невыгодном положении с точки зрения образования или заработной платы, а также преодолевать барьеры трудоустройства, набирать опыт, профессиональные связи.

Вместе с тем исследования показывают, что для тех, кто начал трудовую деятельность с временной занятости, имеют высокую вероятность перехода к безработице с дальнейшим возвратом снова к временной занятости. Т. е. вероятность их перехода к бессрочной занятости значительно ниже, чем у тех, кто начал свою карьеру с заключения с бессрочного трудового договора (Орлова, 2017).

Во-вторых, у нестабильно занятых работников, как правило, не соблюдается принцип «равная оплата за равный труд» (в сравнении со стабильно занятыми). Разница в оплате составляет в среднем 30% (Орлова, 2017). В США стоимость часа работы штатного сотрудника компании и фрилансера различается на 25%, а иногда и больше (Чикун, 2016).

В-третьих, некоторые формы нестандартной занятости, особенно временный труд, связаны с продолжительным графиком работы и повышенной интенсивностью труда. Работники по срочному договору и временные заемные чаще соглашаются на неоплачиваемые сверхурочные часы, надеясь на продление договора. Также, из-за невысокого уровня дохода такие работники работают зачастую у нескольких работодателей (Орлова, 2017). Как следствие – дисбаланс между производственными и бытовыми обязанностями, временем рабочим и временем на отдых, а, следовательно, повышенная усталость, утомляемость, раздражительность, нехватка сна и пр.

В-четвертых, безопасность и гигиена труда, которые включают три основные категории рисков, связанные с нестандартными формами занятости: травматизм и несчастные случаи на производстве, психическое здоровье, плохие условия труда и опасные факторы производства, а также проблемы повышенной усталости. Основные причины этих рисков: некачественный инструктаж, недостаточная подготовка и контроль, неэффективные коммуникации (при многосторонних трудовых отношениях).

В-пятых, социальное обеспечение, которым зачастую не охвачены в должной мере работники с нестандартными формами занятости. Социальная защита отсутствует или сведена к минимуму (например, при нелегальной занятости гастарбайтеров).

В-шестых, профессиональное обучение и карьерный рост. Согласно результатам опроса, 75% российских работодателей считают, что удаленный работник имеет меньше шансов на продвижение по карьерной лестнице, нежели специалист, состоящий в штате. Только 2% работодателей говорят о повышенных шансах на карьерный рост и 16% – о возможностях, равных с офисными сотрудниками (Третий российский компаний пользуются услугами фрилансеров, 2016).

Таким образом, нестандартная занятость на современном рынке труда будет сохраняться и увеличиваться. Негативные стороны этого явления представляют угрозу для социально-экономического и психологического благополучия вовлеченного в подобные трудовые отношения населения России.

Литература

Маслова Е. В. К вопросу о методике выявления слоя прекариев на основе анализа стандартной и нестандартной форм занятости // Вестник Воронежского института высоких технологий – 2017. – № 2. – С. 175–182.

Мусаев Б. А. Нестандартная занятость как форма реализации условий нового экономического уклада. [Электронный ресурс] / Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». URL: <https://naukovedenie.ru> (Дата обращения: 12.07.2019).

Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда – Женева: МБТ, 2017.

Орлова Н. А. Нестандартные формы занятости как фактор изменения человеческого капитала: анализ неквалифицированной трудовой миграции в Россию // Мониторинг общественного мнения – 2017. – № 1 – С. 156–170.

Попов А. В. Что такое неустойчивая занятость и чем она опасна для экономики. Вольная экономика – 2018. – октябрь-декабрь. С. 76–83.

Работодатели считают, что качество работы удаленных сотрудников стало выше [Электронный ресурс] / SuperJob. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112180/rabotodатели-schitayut> (дата обращения: 12.07.2019).

Третий российский компаний пользуются услугами фрилансеров. [Электронный ресурс] / URL: <https://versia.ru/tret-rossijskix-kompanij-polzuetsya-uslugami-frilanserov> (дата обращения: 12.07.2019).

Чикунев А. Гиг-экономика: как роботы, фрилансеры и интернет меняют понятие «работы» [Электронный ресурс] / Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/335049-gig-ekonomika-kak-roboty-frilansery-i-internet-menyayut-ponyatie-raboty> (дата обращения: 12.07.2019).

М. Н. Муханова

Занятость сельского населения в неформальном секторе на рынке труда в изменяющемся агропромышленном комплексе

**Муханова
Мария Николаевна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: mukhanova_m@rambler.ru

Аннотация. Анализ моделей социального и трудового поведения селян, детерминирующих динамику изменения социально-структурных процессов на аграрном рынке труда, основан на данных нескольких крупномасштабных исследований Росстата (2011–2018), охватывающих все регионы России. Результаты индивидуальных интервью сельского населения и обследования их домохозяйств, а также Итоги сельскохозяйственной переписи 2016 г. показывают специфичность момента сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования и исчезают привычные контуры социальной структуры села. Снижение уровня занятости сельского населения в отрасли сельского хозяйства и рост в других сопутствующих отраслях АПК обусловили структурную отраслевую мобильность (перемещение), что трансформировала социальную структуру села и формирование неформального сектора, со своей внутренней структурой.

Ключевые слова: село, рынок труда АПК, технологии, формальный, неформальный секторы, отраслевая занятость, социально-структурные процессы.

2018 год для российского агропромышленного комплекса стал переломным. После введенного в 2014 г. продовольственного эмбарго и девальвации рубля, была поставлена сложная задача – переориентация с импортозамещения на развитие экспорта продовольствия АПК, к 2024 увеличить до 45 млрд долл. против 20,7 млрд в 2017 г. Еще недавно РФ была по большинству продуктов питания импортером. Таким образом, российский агросектор превращается в прибыльный бизнес, чему помогла системная господдержка. За последние 10 лет было выделено из госбюджета 1.9 трлн руб.

В 2018 г. Россия стала мировым лидером, направив на экспорт 40 млн т. пшеницы. Это в два раза больше, чем годом ранее. Тем не менее, рекорд урожая зерна обнажил много проблем в отрасли: низкий уровень внедрения новых технологий, рост цен на продовольствие вместе с инфляцией, а также падение доходов населения.

Современное сельское хозяйство – крупнейший потребитель инноваций в мировой экономике. Глобальные цифровые сети и умные фермы, новейшие достижения генетики и селекции, молекулярной биологии и биотехнологии – все это массово приходит в агропром, становится технологической базой сельскохозяйственного производства. В этих условиях должны

работать специалисты принципиально другого уровня и качества подготовки. Именно востребованность становится основным критерием рабочей силы на рынке труда.

Другая важная проблема, по мнению экспертов, является низкая инвестиционная активность – основной сдерживающий фактор развития сельской отрасли. АПК имеет высокую зависимость от зарубежной техники и технологий. И только в конце 2017 г. было принято решение Минсельхозом об активном внедрении цифровых технологий в сельском хозяйстве.

С появлением цифровой экономики и технологии, новых средств связи происходит интеллектуализация труда, активизируется создание высокопроизводительных рабочих мест, меняющее его содержание и требований к рабочей силе на рынке труда АПК, приведет к тому, что численность samozанятых будет увеличиваться. Это усиливает внимание к проблемам трудоустроенности АПК, актуализирует проблему неформальной занятости. Важно проследить, каковы модели адаптации селян на рынке труда, оценить масштабы, состав, специфику неформального сектора в АПК, перспективы развития занятости в сельском хозяйстве и состояние человеческого капитала как трудового ресурса села.

Образование сектора неформальной занятости сельского населения и samozанятых – часть процесса институционализации рыночной экономики в аграрном секторе в 1990-е гг., который сопровождался изменениями на рынке труда, ростом безработицы, бедности, появлением разных форм samozанятости сельского населения. В рамках методологии Международной организации труда (МОТ) неформальный сектор и неформальная занятость как категории – не синонимы. Каждая из них несет свою смысловую и содержательную нагрузку. Формирование данных явлений, трактовка и операционализация как социально-экономического процесса на рынке труда, сопряжены с немалыми методологическими трудностями. Это обусловлено тем, по мнению ведущего эксперта российского рынка труда Гимпельсона В. Е., что «неформальность на рынке труда – чрезвычайно сложное и неоднозначное явление, а ее многоликость коренится в особенностях институциональной среды современных обществ» (Гимпельсон, 2014: 14).

Под неформальной занятостью условимся понимать неформальные отношения между работодателем и работником, где последний нанимается на основе устной договоренности, без гражданско-правового договора, не имея никакой институциональной защиты своих прав.

Согласно положениям 15-й Международной конференции статистики труда (1993) и классификации Росстата, неформальный сектор рассматривается шире – как совокупность производственных единиц, занятых производством товаров и услуг, где работники обеспечены рабочими местами и доходами. Как правило, эти производства слабо технологически оснащены, имеют низкую рентабельность и более половины работников в них нанимаются на основе устной договоренности. Наниматели в неформальном секторе получают возможность управлять численностью и составом работников, исходя из конъюнктуры рынка, оптимизируя при этом свои затраты и под-

держивая нужный уровень производительности труда. Особенно это важно для малого бизнеса. Но в то же время трудовые отношения с работодателем в неформальном секторе могут быть расторгнуты в любое время, то есть это своего рода неполноценная, ущемленная правовая и социальная гарантия занятости. Грань между неформально занятым и занятым в неформальном секторе не четкая, размытая. Специфика рынка труда на селе такова, что работа как в формальном, так и в неформальном секторах мало отличается по надежности и по оплате труда.

Условимся понимать занятых в неформальном секторе на российском селе как одно из проявлений неравенства и рассматривать их как страту депривированных и бедных слоев в социальной структуре, «где в качестве элементов выступают социальные институты, социальные группы и общности разных типов» (Шкаратан, 2012: 53).

В России занятые в неформальном секторе определяются статистикой как «лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. Критерием определения единиц неформального сектора принято отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица». Занятые в неформальном секторе структурируются по следующим признакам: 1) работающие на предприятии индивидуального предпринимателя, семейном предприятии; 2) работающие в фермерском хозяйстве (ФХ) главы, которых зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица; 3) предприниматели без образования юридического лица (ПБОЮЛ); 4) работающие по найму у физических лиц индивидуальных предпринимателей; 5) работающие на индивидуальной основе; 6) работающие в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции (Занятость, 2014: 90).

Новизна и значимость исследования заключается в том, что проведен комплексный анализ рынка труда, место и роль неформального сектора в социально-структурных процессах российского села на массивах крупномасштабных исследований Росстата, охватывающих все регионы РФ. Показывается специфичность момента сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования и исчезают привычные контуры социальной структуры села. Это определяет основные гипотезы исследования и основу методологического анализа эмпирических данных, демонстрирующих реальность социально-структурных процессов российского села.

Анализ занятости сельского населения на рынке труда АПК основан на панельных данных Росстата 2012–2018 гг. «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», проведенное Росстатом в 85 регионах страны во всех административно-федеральных округах¹. В 2018 г. сельская выборочная совокупность составила 33547 респондентов от 16 лет, из них занятых в экономике 16417 работников,

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в марте 2019 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

проживающих в 18225 сельских домохозяйствах. Для анализа применялись индикаторы, характеризующие социальные группы домохозяйств и сельский рынок труда: статус занятости, доходы. Это обследование проводилось по заказу Правительства РФ, что говорит о надежности контроля и репрезентативности результатов.

Результаты исследования показали, что аграрное производство перестает быть главным источником занятости сельского населения, что и обусловило рост занятости селян в несельскохозяйственных отраслях в формальном и неформальном секторах. Треть работников неформального и почти половина формального секторов работают не в том населенном пункте, где они живут. Половина рабочих мест, предлагаемых в отрасли сельского хозяйства и АПК в целом, оплачивается ниже прожиточного минимума или на его уровне. При этом что большинство хозяйств испытывает дефицит рабочих кадров, уровень безработных самый высокий, особенно среди мужчин молодого и среднего возраста. Разрушена преемственность поколений: старые кадры уходят, а новые квалифицированные, компетентные не идут на сельский рынок труда. Занятость в неформальном секторе для большинства селян связана с немалыми рисками, что делает во многом нестабильным аграрный рынок труда как фундаментальный институт рыночной экономики. Тем не менее, он канализирует издержки социального развития российского села в виде поглощения трудовых ресурсов. Таким образом, неформальная занятость на рынке труда АПК остается важной структурой и в какой-то мере оказывает влияние на процесс интеграции селян в трудовую деятельность, которые бы иначе, возможно, не работали, а также удержание их на рынке труда – это с одной стороны. С другой – для значительной доли рабочей силы в неформальном секторе по-прежнему остаются нормой такие факторы, как непредсказуемость и непостоянство рабочего места, заработков, а также исключение из сферы охвата социального обеспечения.

Литература

Гимпельсон В. Е. Введение // В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: моногр. Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2014.

Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат. сборник. М.: Росстат, 2015.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: ИД ВШЭ, 2012

 И. В. Соболева

Объективные и субъективные индикаторы заработной платы

Соболева
Ирина Викторовна

Доктор экономических наук, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: irasobol@gmail.com

Аннотация. В статье на основе межрегиональных сопоставлений исследуется взаимосвязь объективных индикаторов заработной платы и субъективных индикаторов удовлетворенности работников.

Ключевые слова: заработная плата, удовлетворенность работников, бедность по лишениям, трудовая мотивация.

В современной России заработная плата выступает главной составляющей совокупных доходов населения. Согласно данным Росстата, в составе денежных доходов на протяжении постсоветского периода на долю оплаты труда стабильно приходилось около 40%, а с учетом скрытой заработной платы – примерно 65%. При этом в условиях расширяющейся коммерциализации социальной сферы воспроизводственная нагрузка на заработную плату неуклонно возрастает.

В докладе на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата анализируется взаимосвязь объективных индикаторов величины и дифференциации заработной платы с учетом ее реального наполнения и субъективных индикаторов удовлетворенности работников заработной платой и материальным положением семьи в целом. Установлено, что относительно высокие показатели субъективной удовлетворенности работников заработной платой сосуществуют с не менее высокими показателями бедности по лишениям. По данным последних раундов Комплексного наблюдения, более половине опрошенных домохозяйств их финансовое состояние не позволяет справиться с непредвиденными расходами по ремонту жилья или заменить пришедшие в негодность предметы мебели, четыре из пяти домохозяйств с затруднениями могут «свести концы с концами» при покупке самого необходимого. В то же время межстрановое сопоставление субъективных показателей удовлетворенности заработной платой, доступных из национальных обследований, показывает, что россияне демонстрируют по крайней мере не менее высокий ее уровень, чем жители ряда более богатых и благополучных стран, как по доле удовлетворенных и неудовлетворенных работников, так и по относительным показателям отрыва желаемой заработной платы от фактической.

Российская статистика заработной платы на сегодняшний день несовершенна. Ее основу составляет апрельское обследование по вопросам заработной платы, проводимое раз в два года в секторе крупных и средних предприятий, на который приходится менее половины совокупной занятости. Тем не менее данные о ключевых показателях заработной платы (средней, медианной, модальной, квинтильного распределения), как и результаты Комплексного наблюдения, доступны в региональном разрезе, что позволяет сопоставить объективные показатели номинальной заработной платы, а также ее внутрирегиональной дифференциации и оценок реального наполнения с показателями субъективной удовлетворенности (доли вполне удовлетворенных и абсолютно неудовлетворенных работников).

Проведенные межрегиональные сопоставления не выявили связи удовлетворенности работников с показателями номинальной заработной платы и уровнем ее дифференциации внутри региона. В то же время между показателями заработной платы с учетом ее реального содержания (выраженной через региональный прожиточный минимум) и долей работников, вполне удовлетворенных заработком, фиксируется слабая, но значимая взаимосвязь (коэффициент корреляции составил 0,237 для средней и 0,25 для медианной зарплаты). Исследование показало, что субъективные параметры удовлетворенности заработной платой значительно теснее взаимосвязаны с субъективными оценками уровня материального благосостояния семьи в целом. В этом случае значимая взаимосвязь фиксируется как с долей вполне удовлетворенных, так и с долей абсолютно неудовлетворенных работников региона. Коэффициент корреляции доли относительно благополучных в финансовом отношении домохозяйств с долей вполне удовлетворенных заработной платой работников составил 0,476, а с долей абсолютно неудовлетворенных — 0,308. В свою очередь, доля домохозяйств, испытывающих материальные затруднения демонстрирует довольно тесную отрицательную корреляцию с долей вполне удовлетворенных работников (-0,463) и положительную корреляцию с долей абсолютно неудовлетворенных (0,379).

Представляется, что в какой-то мере слабая взаимосвязь объективных и субъективных индикаторов заработной платы может быть объяснена несовершенством механизма сбора статистических данных, плохо улавливающим заработки работников малых предприятий и теневые выплаты, доля которых в российской экономике весьма высока. В то же время полученные результаты вполне согласуются с данными исследований, проведенных в других странах. Согласно результатам мета-анализа литературы, проведенного коллективом американских исследователей (Judge et al. 2010), средний коэффициент корреляции, рассчитанный на основе интеграции результатов 48 обнаруженных ими исследований взаимосвязи величины зарплаты и удовлетворенности работников уровнем оплаты их труда, составил 0,23, что очень близко к нашей оценке тесноты взаимосвязи удовлетворенности работников и заработной платы с учетом ее реального наполнения. Многие авторы указывают, что удовлетворенность зарплатой слабо коррелирует с ее реальным уровнем уже потому, что более высоким заработкам, как правило, соответствуют и более высокие притязания работников (Frey & Stutzer 2002).

Полученный результат не дает аргументов в пользу теории справедливости, согласно которой сокращение зарплатного неравенства внутри страны компенсирует эффект плохого качества рабочего места и повышает удовлетворенность работой (Pichler & Wallace 2010), но позволяет предположить важность внутренних, не связанных с конкретной ситуацией особенностей, влияющих на удовлетворенность. В то же время недостаточность медианной заработной платы для воспроизводства работника и его семьи на минимальном социально приемлемом уровне способствует искажению структуры трудовой мотивации.

По данным Европейского исследования ценностей, лишь у жителей России заработная плата занимает доминирующие позиции в системе трудовых ценностей, вытесняя на периферию такие позиции как «интересная работа» и «удовлетворение от результатов труда» (Магун, Монусова 2014). Это может оказывать негативное влияние на стратегию выстраивания трудовой карьеры. На сегодняшний день заработная плата является лидирующим фактором, определяющим выбор рабочего места. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, более половины граждан, ищущих работу, согласны только на работу с хорошей заработной платой, а соответствие работы полученной специальности имеет значение лишь для каждого пятого. Такая система предпочтений способствует недоиспользованию и постепенной утрате базового запаса человеческого капитала, накопленного в системе профессионального образования, а в перспективе ведет к снижению качества занятости и удовлетворенности работой.

Литература

Магун В. С., Монусова Г. А. Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Книга 3. 2014. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Frey B. S., Stutzer A. What can economists learn from happiness research? // Journal of Economic Literature. 2002. # 40. P. 402–435.

Judge T. A., Piccolo R. F., Podsakoff N. P., Shaw J. C., Rich B. L. The relationship between pay and job satisfaction: A meta-analysis of the literature // Journal of Vocational Behavior. 2010. # 77. P. 157–167.

Pichler F., C. Wallace C. What are the reasons for differences in job satisfaction across Europe? Individual, compositional, and institutional explanations // European Sociological Review. 2009. # 5 (25). P. 535–549.

С. А. Юшкова

Стратегии пенсионного поведения граждан предпенсионного возраста: опыт эмпирического исследования

**Юшкова
Светлана Александровна**

Кандидат экономических наук, Dr. Habilitatus, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

E-mail: ysa67@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ эмпирического исследования, основной целью которого было выявление стратегий пенсионного поведения граждан предпенсионного возраста. Предмет исследования – пенсионные стратегии граждан в условиях реформирования пенсионной системы. В результате проведен анализ вторичных данных, а также представлены результаты авторского социологического исследования, направленного на выявление и описание пенсионных стратегий граждан в условиях реформирования пенсионной системы РФ.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсионная система, пенсионные стратегии, пенсионное обеспечение, пенсионное страхование.

Основной и одной из важнейших задач деятельности государства является создание надежной пенсионной системы. Качественное решение данной задачи значительно влияет на различные стороны общественной жизни.

Старение – это естественный процесс, который сопровождает каждый живой организм и человек – не исключение. Стараясь, человек теряет трудоспособность, а значит и возможность себя самостоятельно прокормить. Будучи социальным, государство, на благо которого человек трудился, обязано обеспечить социальную защиту стареющему гражданину. Система социальной защиты, существующая испокон веков, включает в себя различные формы социальной защиты: личная материальная самозащита, общественная благотворительность, общественная солидарность, государственное обеспечение и помощь, а также корпоративные программы социальной защиты.

Пенсионное обеспечение – это часть системы социального обеспечения (наряду с медицинским и собственно социальным обеспечением) и важнейший компонент социальной политики государства. Пенсионное обеспечение – способ защиты населения от социальных рисков, связанных с наступлением старости, инвалидностью и потерей кормильца.

Отметим, что пенсионная система, как часть системы социальной защиты выполняет различные функции в обществе и является определенным фактором, влияющим на экономическое развитие общества. Выделим лишь самые основные факторы, влияющие на функционирование и раз-

витие общества. Во-первых, пенсионная система аккумулирует финансовые средства; во-вторых, выплачивает их; в-третьих, она перераспределяет средства и доходы. Само перераспределение, как взаимодействие между различными социальными субъектами, является важной социальной проблемой, суть которой состоит в эффективности финансирования пенсионной системы. Решение этой проблемы вызывает, причем незамедлительно, социально-экономические последствия. Так, лица, получающие выплаты по линии пенсионного обеспечения, тратят их на удовлетворение своих потребностей, т. е. оплачивают товары и услуги, создавая тем самым спрос на эти товары на рынке. По-видимому, они могут составлять и составляют особый сегмент рынка, хотя бы потому, что определенный размер выплат определяет границы потребительского, платежеспособного спроса тех, кто такие выплаты получает.

Таким образом, пенсионная система, может влиять на формирование потребительского платежеспособного спроса, вызывать в экономике следствия, которые влияют на образование конъюнктурных циклов, на состояние занятости и на ход инфляционных процессов. В общем, пенсионная система, является важным социально-экономическим институтом. Проявляется это, прежде всего, в перераспределении доходов, в формировании платежеспособного спроса, в увеличении или уменьшении налогового бремени. В свою очередь эти особенности влияют на процессы занятости и безработицы, определяют такое экономическое положение как бедность, которое является не только показателем неравенства в распределении доходов, но и важным индикатором социального и экономического положения людей в конкретном обществе.

Отметим, что уровень жизни человека после его выхода на пенсию — это некий результат его жизненных стратегий, и работать на этот результат — это задача не только самого гражданина, но и пенсионной системы и государства в целом. Постсоветский человек, привыкший к государственной поддержке, не владеющий необходимыми навыками для выбора НПФ, оценки рисков, прочтения инвестиционных деклараций УК, выбора инвестиционного портфеля, в условиях множественных реформ пенсионной системы, и др., оказывается в ситуации недоверия и настороженности, при которых может и вовсе отказаться от каких-либо действий в рамках своей пенсионной стратегии. То, какие на сегодняшний день сформированы пенсионные стратегии у россиян, есть отражение существующей действительности, результат дисфункций социальных институтов.

Все эти тонкости стратегий поведения россиян в условиях реформирования пенсионной системы важно учесть, т. к. необходим диалог между властью и гражданами. Пенсионные стратегии — это то, к чему не привлекается достаточно внимания, однако, это то, что представляет собой часть жизненной стратегии человека и влияет на его качество жизни.

Немаловажную роль в выборе стратегии пенсионного поведения конкретного человека играет финансовая грамотность, которая определяет его сознательную деятельность в выборе финансовых инструментов. Грамотное использование инструментов финансового рынка способствует росту благосостояния человека. В конечном результате рост благосостояния насе-

ния – это рост благосостояния всей страны. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утвержденной Правительством РФ в 2008 г., среди основных направлений формирования инвестиционного ресурса прописано повышение экономической грамотности населения.¹

Реформы в сфере пенсионного обеспечения всегда вызывают резонансный отзыв граждан, при котором необходим диалог между властью и гражданами. Зная и понимая причинно-следственные связи поведения тех или иных групп граждан, их ожидания, относительно своего будущего и др., можно выстраивать с ними качественно новую систему коммуникаций: начиная от маркетинговых стратегий по привлечению клиентов в НПФ и заканчивая внесением законодательных инициатив по реформированию пенсионной системы.

В исследованиях Фонда общественного мнения (далее – ФОМ) 2012 г. выделены следующие типы пенсионных стратегий: «пенсионная» (государственная пенсия) – 69% от опрошенных; «традиционная» (включающая планы по продолжению работы, помощь родственникам, доходы от подсобного хозяйства) – 51% от опрошенных; «инвестиционная» (расчет граждан на личные сбережения, негосударственную пенсию, доходы от бизнеса) – 35% от опрошенных; «имущественная» (расчет граждан на доходы от ценных бумаг, сдачи имущества в аренду или продажи имущества) – 11% от опрошенных и «жилищная» (рассчитывающая на доход от обмена жилья на меньшее и от обратной ипотеки) – 2% от опрошенных.² То же исследование ФОМ выделяет 4 социальных группы в зависимости от их пенсионных стратегий.

1. «Равнодушные иждивенцы» – это типологическая группа людей, которые ориентируются в основном на государственную пенсию – 37%.

2. «Необеспеченные граждане с базовыми потребностями» – так же ориентируются на госпенсию – 24%.

3. «Амбициозные и активные» – группа людей, объединенная желанием удовлетворять на пенсии не только базовые, но и другие потребности по типу «европейских» пенсионеров и готова вкладывать для этого силы и средства – 20%.

4. «Неамбициозные сберегатели» – люди, осуществляющие сбережения, однако, не имеющие больших запросов к жизни на пенсии – 18%. К такой группе в основном относится молодежь, т. к. пока они далеки от пенсионного возраста.³

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: [распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р]. [Электронный ресурс] СПС, гл. IV, п. 3 // «КонсультантПлюс»: Законодательство: Версия Проф. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2019).

² Пенсионная солидарность в ущерб частному [Электронный ресурс] / Коммерсантъ. – 2012. – 19 декабря (№240). – М.: Коммерсантъ, 2012. – Режим доступа: <https://kommersant.ru/doc/2093625>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 23.12.2018).

³ Там же.

Результаты исследования, проведенного ФОМ в сентябре 2015 г. «Пенсионные стратегии россиян», используя методы фокус-групп, телефонного опроса, глубинных интервью с лицами 1967 г.р. и моложе, показали, что в представлениях людей государственная пенсия будет составлять меньшую часть их доходов, а преобладающей стратегий пенсионного поведения – трудовая стратегия, т. е. продолжение трудовой деятельности.¹

Целью собственного социологического исследования, проведенного авторами в 2018 году, являлся анализ стратегий пенсионного поведения граждан в условиях реформирования пенсионной системы. Исследование проводилось методом глубинного интервью, объект исследования – граждане РФ, жители мегаполиса предпенсионного возраста, вошедшие в систему формирования пенсионных накоплений в 2002 г. (старше 40 и моложе 50 лет).

Под пенсионной стратегией мы в своем исследовании понимали совокупность силы двух факторов: самостоятельности действий в рамках пенсионной системы и уровня доверия к государству, как к гаранту пенсий.

В рамках исследования была разработана матрица действий граждан 1967 г.р. и моложе, показывающая возможные жизненные решения индивида, определяющие его пенсионную стратегию. Матрица действий была заложена в основу проведенных интервью. В интервью пенсия рассматривалась и как компенсация утраченного заработка, а также как временной период жизни, после достижения пенсионного возраста.

Схема построена методом логического квадрата и является частью авторской методики. При ее построении учитывалось сочетание двух факторов: степень доверия государству, как гаранту достойной пенсии и самостоятельность предпринимаемых действий, направленных на обеспечение себе дохода на пенсии. Результатом исследования явилось построение матрицы пенсионных стратегий, их описание и выработка предложений по налаживанию эффективных коммуникаций с представителями каждой пенсионной стратегии.

В исследовании мы выделили 4 типа пенсионных стратегий людей предпенсионного возраста (женщины старше 40 и младше 55 лет, мужчины старше 40 и младше 60 лет).

Пенсионный нигилизм. Предполагает низкий уровень доверия государству, как гаранту достойной пенсии и низкий уровень самостоятельных действий, проявляемых с целью обеспечения будущей пенсии. Такие представители общества характеризуются отсутствием в принципе какой-либо стратегии, они могут иметь «серые» либо «черные» зарплатные схемы на рабочих местах и это их никак не волнует, они не знают как именно формируется пенсия, как можно повлиять на ее размер и в то же время не имеют четкой позиции по поводу проводимых пенсионных реформ.

Пенсионный патернализм. Предполагает высокий уровень доверия государству, как гаранту достойной пенсии, однако, низкий уровень самостоятельных действий, проявляемых с целью обеспечения будущей пенсии.

¹ ФОМ на круглом столе о пенсионной системе [Электронный ресурс] / Фонд Общественное Мнение. М., 2015. Режим доступа: <http://fom.ru/Ekonomika/12326>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.01.2019).

Эта группа людей характеризуется работой в государственных структурах (где высокая осведомленность о пенсионных механизмах, высокая лояльность государству как гаранту пенсий и существуют пенсионные льготы) и высоким уровнем патриотизма. Такие люди обычно готовы участвовать в государственных программах софинансирования пенсий и не прибегают к использованию негосударственных пенсионных фондов (далее – НПФ).

Самостоятельная пенсионная активность. Предполагает низкий уровень доверия государству, как гаранту достойной пенсии и высокий уровень самостоятельных действий, проявляемых с целью обеспечения будущей пенсии. В такой группе стратегий оказываются высоко доходные слои населения, которые претендуют на сохранение после выхода на пенсию более высокого уровня жизни, чем того, что им может предложить пенсия. Среди представителей именно этой стратегии проявляются те, кто используют инвестиционные и имущественные стратегии, то есть планируют делать деньги из денег.

Пенсионное партнерство – идеальная модель. Предполагает высокий уровень доверия государству, как гаранту достойной пенсии и высокий уровень самостоятельных действий, проявляемых с целью обеспечения будущей пенсии. Стратегия предполагает совмещение механизмов самостоятельной пенсионной активности и пенсионного патернализма, которые в синергии дают высокую эффективность.

По результатам исследования даны расширенные рекомендации по коммуникациям с представителями данных стратегий. Исследование также, показало, что доверие к пенсионной системе и к государству, как страхователю (в роли ПФР), а также к НПФ у людей низкое; помимо этого, важной проблемой оказалась не высокая пенсионная грамотность и низкий уровень информированности о пенсионных изменениях.

Литература

О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: [распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р]. [Электронный ресурс] СПС, гл. IV, п. 3 // «КонсультантПлюс»: Законодательство: Версия Проф. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2019).

Кто должен обеспечить спокойную жизнь на пенсии [Электронный ресурс] / Аналитический центр НАФИ. М., 2016. Режим доступа: <http://nafi.ru/analytics/kto-dolzhen-obespechit-spokoynuyu-zhizn-na-pensii/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 6.01.2019).

Пенсионная солидарность в ущерб частному [Электронный ресурс] / Коммерсантъ. – 2012. – 19 декабря (№240). – М.: Коммерсантъ, 2012. – Режим доступа: <https://kommersant.ru/doc/2093625>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 23.12.2018).

ФОМ на круглом столе о пенсионной системе [Электронный ресурс] / Фонд Общественное Мнение. М., 2015. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/12326>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.01.2019).

Сессия 9.4

Работник в организации: традиционные практики и новые требования

Модератор: Климова Светлана Гавриловна

Н. В. Авдошина

Соответствие системы подготовки кадров новым требованиям к работнику в условиях четвертой промышленной революции

**Авдошина
Наталья Владимировна**

Кандидат социологических наук,
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева;
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Самара, Россия.
E-mail: natalsun@yandex.ru

Аннотация. Анализируются причины серьезного несоответствия системы подготовки кадров для промышленного производства новым требованиям к работникам на примере аэрокосмического кластера Самарской области. Для комплексного описания сложившейся ситуации используются как данные региональной статистики, так и результаты социологического исследования, проведенного НИИ социальных технологий Самарского университета. Объектом исследования стали шесть предприятий аэрокосмического кластера, четыре образовательные организации среднего профессионального образования и две образовательные организации высшего профессионального образования, а также 19 общеобразовательных учреждений г. Самары, в которых изучалась система профориентации.

Ключевые слова: подготовка кадров, новые требования к работнику, четвертая промышленная революция.

Четвертая промышленная революция предъявляет новые требования к работникам всех сфер трудовой деятельности, что требует серьезной модернизации системы подготовки кадров. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении отечественного промышленного производства, поскольку проблема дефицита необходимых кадров на российских предприятиях остается в топе главных социально-экономических проблем на протяжении последних двух десятилетий.

В самых общих чертах новые требования к работнику – это готовность и способность к постоянному обучению, повышению квалификации, а в случае необходимости – и смене профессии. Исследователи отмечают, что акцент смещается с «человека знающего» на «человека, подготовленного к жизни», что бросает определенный вызов всем уровням системы профессионального образования, где и осуществляется подготовка работников «нового поколения».

С 2015 г. решению этих проблем в России стало уделяться самое пристальное внимание на государственном уровне, когда по итогам Послания Президента Федеральному собранию было принято Распоряжение Правительства РФ от 3 марта 2015 г. N 349-р «Об утверждении комплекса мер и целевых индикаторов и показателей комплекса мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования, на 2015–2020 гг.»

6 марта 2018 г. в Екатеринбурге состоялось совещание по развитию системы профобразования, где отмечалось, что за последние 17 лет бюджетные вложения в совершенствование системы среднего профобразования увеличились в реальном выражении почти в 2 раза, в номинальном – в 9 раз. Это способствовало существенной модернизации материально-технической базы учебных заведений и совершенствованию учебного процесса. В ряде колледжей была введена объективная, независимая, прозрачная оценка компетенций выпускников в форме демонстрационного экзамена по международным стандартам WorldSkills (когда моделируется реальный производственный процесс, и, например, фрезеровщик должен не только выточить, но и спроектировать деталь точностью 10 микрон). Однако лишь 14% выпускников этих колледжей и техникумов смогли сдать такой экзамен. Этот показатель позволяет говорить о пока еще низкой отдаче от проводимых мероприятий. В чем же причина этого?

Рассмотрим ситуацию с подготовкой кадров для промышленного производства на примере конкретного индустриального региона, который называют «космической столицей России», – Самарской области. Здесь, по данным Самарстата, за 10 лет число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих и служащих и специалистов среднего звена, сократилось в 1,5 раза (с 102 единиц в 2007 г. до 65 единиц в 2017 г.), а количество обучающихся по программам квалифицированных рабочих – в 3 раза (с 23,6 тысяч в 2007 г. до 7,8 тысяч в 2017 г.). В 2017 г. доля обучающихся в профессиональных образовательных организациях, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, составила 4,8% от общего количества обучающихся во всех профессиональных образовательных организаций Самарской области, в то время как в государственных и муниципальных профессиональных образовательных организациях, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, обучались 34,2%, а в высших учебных заведениях – 61,0%.

При этом в Самарской области для представителей рабочих профессий предназначается около 70% всех заявленных вакансий, что в 3,5 раза превосходит число соискателей. В отдельных отраслях промышленности потребность в высококвалифицированных рабочих составляет до 88% от общего объема вакансий.

Состояние подготовки кадров было проанализировано в ходе социологического исследования, объектом которого стали шесть предприятий аэрокосмического кластера, четыре образовательные организации среднего профессионального образования и две образовательные организации высшего профессионального образования, а также 19 общеобразовательных учреждений г. Самары, в которых изучалась система профориентации.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Школы, ориентируя учеников на поступление в вуз, игнорируют при этом другие ступени профессионального образования и не дают необходимого представления о мире технических профессий, в том числе, в силу недостаточной информированности об этом самих учителей. Вузы, проводящие профессиональную ориентацию школьников, акцентируют их внимание, главным образом, на преимуществах этого вуза, не связывая обучение в нем и получение специальности с дальнейшим местом работы на промышленных предприятиях. Экскурсии на промышленные предприятия не являются серьезным элементом профориентационной работы, не происходит знакомство школьников с современными высокотехнологичными производствами, а экскурсии, проводимые на устаревшие производства, становятся для учеников сильным демотиватором при дальнейшем выборе профессии.

2. Учреждения среднего и высшего профессионального образования не обладают достаточной материально-технической базой, позволяющей проводить практические занятия на современном уровне. Производственная практика нередко не способствует получению студентами предполагаемых навыков вследствие незаинтересованности предприятий в занятиях с практикантами и нежелания предоставить им возможность попробовать освоить дорогостоящее высокотехнологичное оборудование.

3. Промышленные предприятия не способны предложить молодым специалистам достойный уровень заработной платы и адресно выстроенные для каждого перспективы профессионального и должностного роста. Это заставляет молодежь рассматривать такие предприятия как временное рабочее место, позволяющее получить определенный профессиональный опыт, который позволит им претендовать в дальнейшем на более престижные места работы в других отраслях.

Как известно, четвертая промышленная революция предполагает массовое внедрение киберфизических систем в производство и цифровизацию промышленности. При этом решающее значение будет иметь формирование нового «рабочего класса 4.0», обладающего умением и личными качествами, необходимыми для работы на интеллектуальной фабрике. Однако система профподготовки для промышленных предприятий даже высокотехнологичного аэрокосмического кластера подступает к решению этой проблемы крайне медленно, ориентируясь не на завтрашний день, а пытаясь «догнать сегодняшний».

Совершенно очевидно, что без глубокой перезагрузки этой системы во всех звеньях цепи «школа – профессиональное учебное заведение – завод» российское промышленное производство обречено на хроническое положение «вечно догоняющих».

Ю. В. Андреева

Между «менеджером станка» и «изобретателем-рационализатором»: ценности творчества и рационализаторства у молодых рабочих и специалистов промышленных предприятий

Андреева
Юлия Витальевна

Кандидат психологических наук, Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия.

E-mail: yulia.andre@gmail.com

Аннотация. Статья основывается на данных анкетного опроса и глубинных интервью с молодыми рабочими и специалистами промышленных предприятий Ульяновской области, а также на материалах экспертных интервью с менеджментом и специалистами HR-служб данных предприятий. Поднимается проблема того, как в связи со снижением значимости технических компетенций работников, и повышением значения творческой рационализаторской деятельности, на ульяновских промышленных предприятиях переопределяются контексты профессионального творчества у молодых специалистов и рабочих.

Ключевые слова: молодые рабочие и специалисты промышленных предприятий, рационализаторство и творчество, технические компетенции, новаторские практики.

На современных промышленных производствах специалисты и рабочие наделяются новыми функциями, которые, в целом, изменяют представление о том, какие компетенции должны быть включены сегодня в показатели профессионализма промышленных кадров. На смену традиционному, «техническому», прочтению профессионализма, о котором писали отечественные ученые, исследовавшие работников советских промышленных предприятий еще начиная с середины XX века, приходит его «менеджерское» понимание. Оно ставит во главу угла, не технические компетенции работников, а, прежде всего, их личностные и деловые качества. И этот подход, в свою очередь, оптимально укладывается в гуманистическую идею, которая воспроизводится сегодня на промышленных предприятиях, ориентированных на оптимизацию производства: «человек не ресурс, а цель». В русле этой идеи утверждается, что движущая сила позитивных перемен на предприятиях – это сотрудники, которым интересно улучшать производственный процесс за счет принятия самостоятельных творческих решений и внесения рационализаторских предложений, направленных на повышение производственной эффективности: *«Человек не должен быть успокоен. Это не говорит о том, что он должен биться за карьерный*

рост, имеется в виду, что человек готов что-то улучшить, готов что-то изменять. Есть (у нас) такое понятие кайдзен, когда человек предлагает какие-то улучшения, изменения, когда его не удовлетворяет то, что там что-то не так делается и каждый раз он перешагивает через какую-то проблему. Чтобы он не перешагивал, а чтобы предложил какое-то улучшение и сам его реализовал – вот такие люди нужны!» (Эксперт, руководитель HR-службы на одном из промышленных предприятий ПЗ «Заволжье»). Рационализаторство и творческий подход к решению производственных задач декларируется сегодня на промышленных предприятиях как важный элемент трудового поведения работников.

Дискурс ценностей творчества, рационализаторства и изобретательства в промышленной среде, активно поддерживается и на региональном административном уровне. 2019 год объявлен в Ульяновской области годом изобретательства и рационализаторства, а сам Ульяновск получил статус «Столицы изобретательства России», став победителем конкурса Всероссийской организации изобретательства и рационализаторства. Национальная информационная система «Бюро рационализации и изобретательства» (<https://briz-voir.ru/front/>), назвала область одним из 15-ти субъектов РФ, ставших лидером по доле инновационной продукции в выпускаемом внутреннем продукте среди других российских регионов. Региональные власти сообщают о текущей работе по созданию инфраструктуры для развития регионального рынка интеллектуальной собственности: об открытии Центра интеллектуальной собственности, который объединит Единый межвузовский центр трансфера технологий, Центр поддержки технологий и инноваций и Многофункциональный центр изобретательской деятельности; о запуске инновационных ваучеров – инструмента финансовой поддержки технологических компании; о специальных мероприятиях, которые планируются провести в регионе – конкурс «Премия Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов» в номинациях «Лучшее изобретение» и «Лучшее рационализаторское предложение», а также конкурс научно-технического и инновационного творчества детей и молодежи «Лидеры Столицы изобретательства»; в региональной прессе публикуется информация о проведении семинаров для работников предприятий по ТРИЗ-технологиям и т. д. В создании и поддержке движения рационализаторства и изобретательства региональные власти также видят важный ресурс для развития региональной инновационной экономики.

В статье поднимается проблема творчества и рационализаторства как ценностей, необходимых для инновационной деятельности промышленных предприятий. На примере двух групп молодых ульяновских рабочих и специалистов рассматриваются те социальные и культурные факторы, которые определяют – в каком формате сегодня молодежью промышленных предприятий реализуются «новаторские практики», связанные с творчеством, рационализаторством и изобретательством на производствах. Статья основывается на данных анкетного опроса (N=1500) молодых рабочих и специалистов промышленных предприятий Ульяновской области. Его результаты дополняются материалами экспертных интервью с менеджментом и специалистами HR-служб предприятий, а также данными глубинных интервью

с самими молодыми рабочими и специалистами промышленных предприятий Ульяновской области. Сочетание количественного и качественного подходов позволяет не только рассмотреть отдельные проявления творческой и рационализаторской деятельности молодежи, занятой в ульяновской промышленности, но и более подробно изучить опыт молодых рабочих и специалистов по реализации конкретных практик, интерпретируемых ими, как новаторские, творческие, рационализаторские и изобретательские, раскрыть те значения и смыслы, которые сама молодежь в них вкладывает.

Результаты опроса показывают, что молодежь промышленных предприятий Ульяновской области почти в половине случаев оценивают свою текущую работу как творческую. Интересно, что среди специалистов, которые при обсчете не входили в круг технической интеллигенции, т. е. не занимались профессионально творческим трудом, а позиционировали себя, как сотрудники средней квалификации, – тех, кто воспринимает свою работу, как творческую, оказалось ненамного больше, чем среди рядовых рабочих. Доли молодых рабочих и специалистов оказались примерно равны. Можно предположить, что характер реализуемых и теми и другими производственных задач размывает границы категорий работников промышленных предприятий, с точки зрения их возможностей для творческой самореализации и внесения рационализаторских предложений. И традиционное представление о том, что творчество свойственно в большей степени не рядовым работникам, а лишь квалифицированным, может быть сегодня поставлено под сомнение, ведь, по выражению одного из рабочих, принявших участие в интервью: *«Постоянно и каждую смену что-то новое. Вот в течение пяти лет, наверное, не было ни одной смены, ни одного дня, чтобы я чего-то нового не узнал. Ну, может быть, – один, когда было капец как скучно, но это редко происходит» (муж., 29 лет, рабочий, ПЗ «Заволжье»)*.

Более того, половина молодых работников ульяновских промышленных предприятий, указали, что у них есть конкретные предложения и идеи по улучшению своей работы. Из них 35% отметили, что их идеи уже нашли применение на предприятии или вынесены на рассмотрение. В целом, каждый четвертый работник, принявший участие в опросе, когда-либо получал вознаграждение за новаторство и/или творческий подход к работе. Понятно, что количественные данные оставляют не слишком много интерпретационных возможностей для прояснения субъективных смыслов данных ответов. Не случайно в интервью с молодыми рабочими одного из предприятий выяснилось, что из всех внесенных там новаторских предложений, лишь одно оказалось технического свойства, т. е. касалось не организационных или управленческих решений, а именно технологии (энергосберегающая технология). Остальные внесенные творческие решения и предложения по рационализаторству производственного процесса были связаны, главным образом, с социальной сферой и новыми возможностями по реализации культурных программ на производствах.

Таким образом, при повышении значения творческой рационализаторской деятельности, на фоне снижения значимости технических компетенций работников, на ульяновских промышленных предприятиях переопреде-

ляются контексты профессионального творчества у молодых специалистов и рабочих. И, несмотря на то, что на предприятиях активно внедряются принципы философии кайдзен, создаются кайдзен-команды, функционируют программы повышения производственной эффективности и т. д., а со стороны региональной власти предпринимаются определенные шаги по популяризации движения рационализаторства и изобретательства – вопрос о характере этого «нового формата» рационализаторства и изобретательства – остается открытым.

При подготовке статьи были использованы материалы коллективного проекта «Особенности стратегий занятости молодежи в регионах с развивающимися инновационными кластерами (на примере Ульяновской области)» (РФФИ, № 18-411-730012).

Н. В. Гончарова

Молодые рабочие и специалисты: предпринимательские компетенции инновационной экономики

Гончарова
Наталья Владимировна

Кандидат социологических наук, Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия.

E-mail: nata_gonch@mail.ru

Аннотация. Основное внимание в докладе сделано на различных аспектах предпринимательских компетенций молодежи в контексте инновационного развития региона. Требования к освоению предпринимательских компетенций выдвигает сегодня не только мелкий и средний бизнес, но и крупные предприятия. В ответ на эти запросы учебные заведения активно внедряют образовательные модули по предпринимательству, разрабатывают программы проектной деятельности. При этом остается открытым вопрос, насколько сами молодые ориентированы на развитие предпринимательских компетенций и их дальнейшую капитализацию, насколько они применяют эти навыки в своей профессиональной деятельности на разных предприятиях

Ключевые слова: трудовое поведение молодежи, инновационные предприятия, предпринимательские компетенции.

В настоящее время в приоритетах развития экономики стоит задача формирования и развития кадровых ресурсов для инновационного сектора, поддержки молодежного предпринимательства, стимулирования инновационной активности молодежи. В официальных документах, в заявлениях представителей органов власти говорится о необходимости привлечения новых людей в бизнес и формирования «нового предпринимательского класса». При этом акцент делается на соответствующих предпринимательских компетенциях работников, в первую очередь, молодежи, как наиболее перспективной с точки зрения стратегического развития социальной группы.

Феномен предпринимательства традиционно находится в фокусе внимания исследователей. В качестве его характерных признаков выделяют владение, распоряжение собственностью с целью организации самостоятельного дела или участия в других предприятиях и получения прибыли. В то же время существуют и другие признаки предпринимательской деятельности, в частности ее активный, инновационный характер, который некоторыми авторами рассматривается как основной критерий предпринимательства на современном этапе развития экономики. Говоря об исторических этапах и типах предпринимательства, исследователи подчеркивают, что в условиях постиндустриального общества резко возрастает именно инновационная компонента предпринимательской деятельности, а само предпринимательство рассматривается как ключевой элемент экономического роста за счет высокой инновационной активности.

Основное внимание в докладе уделено различным аспектам предпринимательских компетенций молодежи в контексте инновационного развития региона. Выступление основывается на результатах проекта «Особенности стратегий занятости молодежи в регионах с развивающимися инновационными кластерами (на примере Ульяновской области)», (грант РФФИ, №18-411-730012). В рамках исследования опрашивались работники региональных инновационных кластеров, учащиеся вузов и ссузов, по направлениям подготовки кадров для данных предприятий, проводились интервью и фокус-группы с молодыми предпринимателями и экспертами. При этом анализ предпринимательских компетенций проводился как в аспекте ценностных ориентаций, так и на поведенческом уровне.

В структуре предпринимательских компетенций специалисты сегодня выделяют предприимчивость, способность и готовность к разумному риску, открытость и инициативность, работу сверх нормы, нацеленность на результат, умение выдвигать бизнес-идеи и реализовывать собственные проекты, готовность работать в высоко конкурентной среде. Все эти составляющие рассматриваются как необходимые навыки для инновационной деятельности. Требования к освоению предпринимательских компетенций выдвигает сегодня не только мелкий и средний бизнес, но и крупные предприятия. Современные стандарты высшего и среднего профессионального образования начинают уделять особое внимание формированию предпринимательских компетенций, причем не только в профильных специальностях, но и тех, которые напрямую не связаны с предпринимательской деятельностью. В ответ на эти запросы учебные заведения активно внедряют образовательные модули по предпринимательству, разрабатывают программы проектной деятельности.

При этом остается открытым вопрос, насколько сами молодые ориентированы на развитие предпринимательских компетенций и их дальнейшую капитализацию, насколько они применяют эти навыки в своей профессиональной деятельности. Фактически речь идет об оценке предпринимательского потенциала молодежи для инновационных секторов экономики, планах молодежи в отношении инновационной предпринимательской деятельности, их понимании инновационного предпринимательства, а также основных мотивах карьерных планов, реальных и потенциальных факторах, которые могли бы повысить привлекательность предпринимательской деятельности.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о дисбалансе потребности экономического развития региона с планами и мотиваций молодежи, что ставит под сомнение ускоренное развитие инновационного предпринимательства. Так по данным наших исследований с 2012 по 2018 гг. увеличилась доля студентов, ориентированных на работу в государственных организациях. Причем это касается и выпускников инженерно-технических специальностей, на развитие предпринимательских компетенций которых сегодня делается столько значительный акцент. Доля желающих открыто свое дело традиционно держится в размере 9–10% студентов выпускных курсов высших учебных заведений. А будущие предприниматели в меньшей степени выбирают сферы, связан-

ные с производством нового материального продукта. Причем, речь идет не только об открытии собственного бизнеса, но и о трудоустройстве на рабочие места в инновационных предпринимательских структурах, в том числе и на инновационных промышленных предприятиях региона.

Если говорить о мотивах, которые движут молодыми людьми в рамках выбора предпринимательской деятельности, это скорее выбор образа жизни, стремление к независимости и определенному доходу, что характерно скорее не для инновационного, а традиционного предпринимательства. Одним из основных мотивов является обретение независимости и нежелание подчиняться кому-либо. Не случайно, что для тех выпускников и молодых специалистов, которые хотели бы и даже готовы начать свой предпринимательский проект, характерна ориентация на свободный график работы, дистанционные формы занятости, фриланс, а не на работу на промышленных предприятиях, пусть даже инновационного профиля.

Рост значимости личных усилий и человеческого капитала приобретает сегодня все большую актуальность для молодежи. Именно через призму этих категорий молодые смотрят и на свои образовательные и трудовые стратегии. Важным становится наращивание навыков, компетенций, которые могут потом применяться в любых сферах. В этой связи и предпринимательские компетенции или их отдельные элементы могут представлять интерес для молодых не только и не столько для реализации основной трудовой занятости, но и других жизненных проектов.

Если говорить об инновационном предпринимательстве в аспекте поведенческой стратегии, то для нее характерен стиль поведения, в основе которого лежит стремление к новаторству, реализации определенной идеи, проекта. И в этом вопросе выпускники по профильным специальностям инновационного развития региона демонстрируют достаточно высокую готовность (но: при условиях поддержки со стороны государства). Об этом говорят более половины опрошенных. Однако их нынешние представления об инновационном секторе региона, возможностях выстраивания индивидуальных трудовых траекториях крайне низкие и зачастую ограничены взаимодействием профильной кафедры, в рамках взаимодействия вуз-предприятие, а существующий уровень информированности не позволяет в полной мере реализовать предпринимательские компетенции. При этом исследование показало, что интерес к инновационной предпринимательской деятельности усиливается по мере включения в эту сферу. Однако, как показало исследование, интерес к инновационному предпринимательству не связан для молодежи с родным регионом.

В качестве мер укрепления желания заниматься инновационными проектами руководство вузов и предприятий видит в реализации стартапов еще в процессе обучения (например, в формате ВКР). Эта идея в целом положительно поддерживается самими студентами. Однако каждый третий – относится к ней отрицательно. Примечательно, что наиболее пессимистично данную идею оцениваются именно будущие потенциальные работки инновационного сектора производства – студенты инженерно-физических, математических, экономических специальностей. Еще более пессимистично настроены сами преподаватели.

При этом если результаты зарубежных исследований показывают, что часть наемных работников инновационного сектора, впоследствии переходит в категорию самостоятельных предпринимателей, то результаты нашего проекта демонстрируют, что для работников инновационных предприятий региона характерна скорее низкая мобильность, а трудовые стратегии и карьерные планы связаны с желанием закрепиться на одном из таких производств.

Несмотря на декларацию развития предпринимательских компетенций своих работников, стимулирование их в реализации собственных инициативных проектов на благо предприятия, на практике в инновационном секторе более востребована исполнительная дисциплина в решении стандартных задач и лояльность руководству. При этом опрошенные молодые работники предприятий инновационного кластера демонстрируют низкую склонность к рисковым формам поведения, конкурентным стратегиям, а их текущая работа носит скорее формат стандартных задач, не требующих новаторских, инициативных решений.

Выявленные в исследовании проблемы, низкая заинтересованность молодежи в инновационном предпринимательстве существенно ограничивает потенциал инновационной экономики региона.

Л. Н. Захарова, И. С. Леонова, Т. В. Мартьянова

Феномен подверженности менеджеров стереотипу возрастной предвзятости как фактор сдерживания развития эффективного управления

**Захарова
Людмила Николаевна**

Доктор психологических наук, профессор,
Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия.
E-mail: zlnnnov@mail.ru

**Леонова
Ирина Сергеевна**

Кандидат социологических наук, докторант,
Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия.
E-mail: leonova@list.ru

**Мартьянова
Татьяна Валентиновна**

Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия.
E-mail: tvmartianova@rambler.ru

Аннотация. Дан анализ сдерживания экономического развития старением персонала, возможностей и ограничений, связанных с проведением пенсионной реформы. Представлены результаты исследования соответствия характеристик персонала предприятий с разной включенностью в инновационные процессы и с разными типами организационной культуры возрастным стереотипам. Показано, что персонал инновационных компаний, независимо от гендерной принадлежности и хронологического возраста, по своим характеристикам не соответствует, а персонал предприятий с дореформенным менеджментом и, как следствие, проблемами развития, соответствует стереотипам старости. Это позволяет определить стереотипы старости как стереотипы возрастной предвзятости. Повышение эффективности управления в условиях проведения пенсионной реформы будет зависеть от преодоления стереотипов возрастной предвзятости и отказа от дореформенных моделей административного управления.

Ключевые слова: пенсионная реформа, персонал, хронологический возраст, социально-психологический возраст, возрастные стереотипы, организационная культура, ценности, трудовая мотивация, усталость, управление.

В соответствии с долгосрочным прогнозом Министерства экономического развития на период до 2036 года ситуация на рынке труда будет определяться развитием экономики России в условиях перехода на иннова-

ционный путь развития, внедрения инноваций, роста производительности труда, внедрения новых технологий и форматов взаимодействия (Прогноз... 2018:18). Вместе с тем, эксперты Организации экономического сотрудничества и (ОЭСД) прогнозируют весьма умеренный рост экономики России на уровне 1,5–2% в ближайшие два года. В качестве причин названы низкая производительность труда и сокращение рабочей силы (Developments...2017). Если низкая производительность труда определяется инновационной отсталостью многих российских предприятий, то сокращение рабочей силы связано со старением населения. Предполагается, что проводимая пенсионная реформа в определенной мере смягчит проблему старения персонала.

Однако, в настоящее время более 80% российских работодателей признают, что в кадровой практике присутствует возрастная дискриминация. Трудности сохранения рабочего места и получения нового россияне начинают испытывать с 40–45 лет, женщины острее, чем мужчины (Клепикова 2017).

В основе проблем трудоустройства людей старшего возраста лежат не только нормы закона, но и возрастные стереотипы работодателей, которые сильны не только в России, но и в развитых странах, но в России они начинают действовать в отношении людей более молодого возраста. Вот далеко неполный перечень возрастных стереотипов: сопротивление организационным изменениям; невосприимчивость нового; снижение мотивации труда и низкий уровень вовлеченности в трудовой процесс; усталость, часто хроническая усталость; консерватизм, потеря способности к обучению; потеря автономии; нежелание брать на себя личную ответственность; подверженность стрессу; болезни (Posthuma 2009). И это при том, что исследования не подтверждают тотального снижения психических функций и изменения установок у большинства пожилых людей (Hessel 2018). Более того, исследования показывают относительность хронологического возраста в оценке человеческого потенциала. Все больше приоритет отдается психологическому и социально-психологическому возрастам, как многофакторным и интерактивным феноменам, более полно отражающим характеристики человека, в том числе и в отношении прогнозирования его участия в трудовой деятельности (Hessel 2018; Захарова 2018).

Можно ли достичь серьезных целей экономического развития, просто получив дополнительный человеческий ресурс в виде работников старших возрастов? Только в том случае, если работодатель убедится в высокой ценности таких работников и, в результате, не будет разделять возрастные стереотипы.

В Нижегородском государственном университете, начиная с 1999 г. ведутся исследования психологической жизнеспособности персонала. Их методологическую основу составляют теория социального действия Т. Парсонса, диспозиционная теория В. А. Ядова, теория организационной культуры Э. Шейна, концепция и типология организационных культур К. Камерона и Р. Куинна. Полученные к настоящему моменту данные позволяют сделать некоторые выводы относительно причин стойкости возрастных стереотипов, связанных с ними феноменов, ареалов их проявления и возможностей преодоления. Данные получены при исследовании персонала

производственных предприятий и медицинских организаций с разной включенностью в инновационные процессы. Как известно, в современной России сосуществуют предприятия с многолетними проблемами модернизации и перехода в инновационный формат развития (далее – ординарные предприятия – ОП), и предприятия, менеджмент которых смог преодолеть проблемы дореформенной экономики, а персонал успешно работает в инновационных условиях (далее – инновационные предприятия – ИП). Эти предприятия и организации различаются, как правило, типами организационной культуры (ОК). Для ОП характерна ОК иерархически-кланового типа, соответствующая дореформенной административно-командной парадигме управления, базирующаяся на ценностях порядка и отношений. Для ИП характерна иерархически-рыночная модель с выраженным инновационным компонентом. В ее основе лежат ценности порядка, успеха в конкурентной среде и инноваций. Эти различия позволяют рассмотреть социально-психологическое старение работников как социальное действие на всех уровнях его детерминации: национальной культуры, организационной культуры, личности и организменном, психофизиологическом, уровне, выявив специфику диспозициональной регуляции поведения мужского и женского разновозрастного персонала.

Данные социологических исследований ценностных приоритетов россиян и результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют о следующем:

Персонал предприятий состоит и пополняется новым персоналом с ценностями, противоречащими идеям развития, изменений и рисков, связанных и изменениями (Жизненные..., 2017; Федотова 2017).

На ОП персонал, независимо от пола и возраста, разделяет кланово-иерархические ценности. Кланово-иерархический тип ОК желателен для всех. Возрастная специфика состоит в том, что молодые мужчины и женщины видят этот тип культуры с выраженным рыночным компонентом, а респонденты старшего возраста желают сокращения рыночного компонента до доли, сопоставимой с адхократическим, инновационным, компонентом, присутствие которого в оценках всех групп минимальна. Тем не менее, хотя эта доля невелика, практически все группы респондентов, относящихся к персоналу ординарных предприятий, отмечают необходимость ее усиления.

На ИП наблюдаются другие ценностные приоритеты: инновационность и рыночный характер организационных условий. И здесь есть некоторые нюансы: и мужчины и женщины более молодой возрастной группы тяготеют к наращиванию инновационного компонента ОК, а старшие мужчины и женщины дорожат сохранением баланса рыночного и инновационных компонентов. Они более осторожны и сдержаны в отношении идущих изменений, но, в целом, одобряют их и не проявляют желания перейти к более консервативным организационным условиям. И это главное: мужчины и женщины, независимо от возраста, оказываются вполне способными взять «инновационный барьер».

Для сотрудников ОП в значительно большей мере, чем для сотрудников инновационных предприятий, характерна приверженность семейным социальным ролям и частной жизни. На ИП включенность персонала в трудовую деятельность существенно выше. Исключение составляют старшие женщины: они незначительно сокращают свой показатель: с 1.5 до 1.4 балла, существенно отставая от более молодых сотрудников и мужчин своей возрастной группы ($p \leq 0.05$). Но этот показатель существенно выше показателей персонала ординарных предприятий.

Таким образом, как и в отношении ценностей, можно видеть, что при некоторой возрастной и гендерной специфике группы персонала близки внутри одной ОК и существенно отличаются от персонала предприятий с другим типом ОК. Причем, персонал ИП, независимо от пола и возраста, не подпадает под характеристики возрастных стереотипов. И, наоборот, персонал ОП, независимо от пола и возраста, соответствует характеристикам стереотипа старости. Чувство усталости сотрудников предприятий на рабочем месте существенно различается в зависимости не столько от хронологического возраста, сколько от организационных условий, в которых осуществляется трудовая деятельность.

Статистически значимые различия обнаруживаются при сравнении чувства усталости внутри одной возрастной категории, но в разных ОК. Можно видеть, иерархически-клановая культура оказывает психологически давящее влияние особенно на молодых сотрудников, а рыночно-иерархическая ОК, скорее, способствует актуализации их потенциала. С течением времени сотрудники адаптируются к иерархически-клановой ОК, и старшие женщины легче, чем остальные воспринимают ее условия, хотя старшие женщины в ОК рыночно-иерархического типа все же чувствуют меньше усталости, чем их сверстницы, работающие в иерархически-клановой модели ОК.

Ключевой характеристикой психологического возраста является возрастное самоощущение. Данные показывают, что в рыночно-иерархической культуре персонал всех возрастов чувствуют себя моложе своего хронологического возраста. Несколько более противоречивые данные получены в отношении возрастной самооценки женского персонала ординарного предприятия. Женщины старшего возраста оценивают свой возраст как более молодой в среднем на 6 лет. Чтобы правильно интерпретировать этот результат, целесообразно воспользоваться данными о низком уровне личностной вовлеченности женщин в трудовой процесс на предприятиях с кланово-иерархической ОК. Поэтому в этой самооценке проявляется возрастное самочувствие не на рабочем месте, а естественная социально-психологическая позиция женщин старшего возраста.

Заслуживают внимания данные о восприятии возраста сотрудников менеджерами. Именно их оценки имеют отношение к принятию важных решений применительно к продолжению работы сотрудниками старшего возраста.

Оценки менеджеров ОП во многом соответствуют самооценкам персонала. Вместе с тем оценки менеджеров ОП более эмоциональны, а менеджеров ИП – более адекватны.

Большая эмоциональность оценок менеджеров ординарного предприятия понятна. В условиях сопротивления организационным изменениям те сотрудники, которые поддерживают усилия менеджмента, проявляют заинтересованность и активность, кажутся им более молодыми. Их меньшинство — до 27 %. Это — мужчины среднего возраста. Сопротивляющиеся изменениям, пассивные люди, желающие скорее дожить до пенсии, представляются им более старшего возраста — почти 70%.

На ИП менеджеры эмоционально более нейтральны, сдержанны и адекватны в оценках. Ключевой характеристикой является производительность и качество труда, поддержка постоянно идущих организационных изменений, а не хронологический возраст работника.

Таким образом, в ОК рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным компонентом сотрудники старших возрастов, как и более молодые, чувствуют себя моложе и не подпадают под характеристики возрастных стереотипов, в то время как в иерархически-клановой модели ОК сотрудники чувствуют себя более усталыми и старыми.

Особого внимания заслуживают результаты, свидетельствующие о том, что менеджеры ОП видят на своем собственном опыте, что их сотрудники, не зависимо от пола и возраста, не готовы к тем организационным изменениям, которые необходимо осуществить. Персонал в массе своей обладает социально-психологическим возрастом, по своим характеристикам соответствующим стереотипам старости. Однако, оценивая свой персонал как более психологически старый, менеджеры продолжают в своей кадровой политике следовать стереотипу, относящемуся к хронологическому возрасту персонала. У многих из них на глазах хронологически молодой персонал превращается в персонал среднего и даже старшего хронологического возраста, сохраняя свои характеристики или, если и становится хуже, с точки зрения оценки человеческого капитала, то непосредственно под руководством этих же менеджеров. Набор более молодого персонала не решает никаких задач организационного развития.

Поэтому, наблюдая примеры становления и развития ИП, во-первых, можно оценить стереотипы старости применительно к трудовой деятельности как стереотипы возрастной предвзятости. Во-вторых, можно видеть, что характеристики персонала, соответствующие стереотипам возрастной предвзятости, во-многом, сохраняются, благодаря попыткам менеджмента решить новые задачи старыми административными методами, возводящими во главу угла иерархичность в управлении, реализуемую в непоследовательном сочетании автократического и патерналистского управленческого взаимодействия. На ИП, далеко не всегда осознанно, менеджеры выстраивают ОК на инновационных ценностях и поддерживающем типе поведения (Захарова 2012).

Таким образом, проведение пенсионной реформы создаст только одну характеристику человеческого ресурса – количественную. Даст ли реформа эффект качества зависит от развития управления, сдерживаемого на сегодняшний день стереотипами возрастной предвзятости и управленческими стереотипами дореформенного времени.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00910.

Литература

Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? 7 июня 2017г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (Дата обращения 07.06.2019).

Захарова Л. Н., Леонова И. С. Ценностный конфликт как ресурс развития предприятия // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 11–12. С.147–157.

Захарова Л. Н., Леонова И. С., Мартыанова Т. В. Гендерные проявления социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа // Проблемы теории и практики управления. 2018. №7. С.107–117.

Клепикова Е. А., Колосницина М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. №1. С.69–88.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. 2018. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d/prognoz2036.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d> (дата обращения 17.05.2019).

Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2017. №1. С. 78–86.

Developments in individual OECD and selected non-member economies. Russian Federation – Economic forecast summary (November 2017). P. 216–219. URL: <http://www.oecd.org/eco/outlook/economic-forecast-summary-russia-oecd-economic-outlook.pdf> (дата обращения 17.06.2019).

Hessel P., Kinge J. M., Skirbekk V., Staudinger U. M. Trends and determinants of the Flynn effect in cognitive functioning among older individuals in 10 European countries // Journal of Epidemiology & Community Health. 2018. V.72. №5. P. 1–7.

Posthuma R. A. Age stereotypes in the workplace: common stereotypes, moderators, and future research directions // Journal of Management. 2009. V. 35. № 1. P. 158–188.

С. Г. Климова, Е. Г. Галицкая, Е. Б. Галицкий

Организационная лояльность в повседневном поведении наемных работников

**Климова
Светлана Гавриловна**

Кандидат философских наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: sgklimova@mail.ru

**Галицкая
Елена Геннадьевна**

Фонд «Общественное мнение», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: galitskaya@fom.ru, egalitskaya@hse.ru

**Галицкий
Ефим Борисович**

Кандидат экономисеских наук, Фонд «Общественное мнение»,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: galitskiy@fom.ru, egalitskiy@hse.ru

Аннотация. В докладе анализируются изменения повседневного трудового поведения россиян за последние десять лет на основе двух опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» в 2009 и в 2018 гг. Факторный анализ данных показал, что перемены в трудовом поведении свидетельствуют о некоторых новых тенденциях. Высокоресурсные работники мобилизуют свои социальные ресурсы (в частности, профессионализм, деловые связи) вне встроенности в организацию; пытаются иметь все большую степень автономии; не стремятся делиться своими ресурсами опыта и квалификации с работодателями. Последние, напротив, вынуждают эту категорию работников ко все более интенсивному труду (особенно в условиях ограниченных возможностей альтернативного трудоустройства).

Ключевые слова: трудовое поведение, интенсификация труда, организационная лояльность, инновативное поведение, коллективизм.

Основной вопрос исследования: как изменилось повседневное поведение наемных работников за последние десять лет (2009–2018). Эмпирическая база исследования – два репрезентативных опроса, проведенные Фондом «Общественное мнение» в 2009 и в 2018 гг. с нашим участием¹.

Зафиксированы изменения в стратегиях трудового поведения, произошедшие за последние десять лет. Респонденты могли выбрать из 19 вариантов любое число ответов на вопрос: *«Посмотрите, пожалуйста, на карточку и скажите, что из перечисленного вам доводилось делать за последние год-два?»*.

¹ Первый опрос: 4–5 сентября 2009 г.; 2000 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,3%. Второй: 25–26 августа 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%.

Сравнение результатов факторного анализа показало не только существенное изменение частоты признаков, описывающих трудовое поведение, но и изменение их структуры в 2018 г. по сравнению с опросом 2009 г.

Десять лет назад было выявлено четыре фактора, в совокупности объяснивших 52% дисперсии. 1. Инновативное поведение – 25,5%. 2. Коллективизм-корпоративная лояльность – 10,5%. 3. Цена труда – 8,5. 4. Количество труда – 7,5% (Климова, Галицкая, Галицкий, 2010). В 2018 г. два ключевых фактора, описывающих поведенческие установки: «коллективизм» и «инновативность» рассыпались, создав новый комплекс синдромов, который вызывает сомнения в его возможностях быть социально-психологическим механизмом организационной лояльности вкупе с установками на инновативное поведение.

Первый фактор, имеющий наибольшую нагрузку (20,8% дисперсии), выявил *синдром лояльности*, который оказался очень устойчивым (сохранился и на четырех, и на трех факторах). В него вошли признаки:

1. Выполнять нужную для организации работу без вознаграждения (0,735);
2. Работать сверхурочно, в выходные дни (0,618);
3. Помогать в работе новым сотрудникам, коллегам (0,609);
4. Вносить рацпредложения, быть инициатором нововведений у себя на работе (0,465).

Мы назвали содержимое первого фактора «синдромом лояльности» в соответствии со словарем русского языка С. И. Ожегова: «лояльный – держащийся формально в пределах законности, в пределах благожелательно-нейтрального отношения к кому- чему-нибудь» (Ожегов, 1989: 333).

В первом факторе, как мы видим, наибольшие положительные значения у двух признаков, означающих сверхнормативную работу без оплаты (полностью или частично). Здесь же – еще два признака, свидетельствующие о том, что эти люди используют собственные ресурсы квалификации для помощи организации. На четвертом месте – признак, свидетельствующий о наличии практики рационализаторства. Значит, лояльность существует вместе с новаторством. Однако, дополнительные признаки, которые могли бы свидетельствовать, что рационализаторская деятельность сочетается с самообразованием, повышением своей квалификации ушли в другой фактор.

Разные формы повышения самообразования отделились от сверхнормативной активности на своей работе. Они сформировали отдельный синдром, который мы назвали «Укрепление собственной ресурсной базы» (16,9%) именно потому что из него ушли признаки работы на организацию.

1. Получать дополнительное образование, повышать квалификацию (0,689);
2. Приобретать книги, газеты, журналы по профессии, специальности (0,681);
3. Участвовать в отраслевых, профессиональных конференциях, выставках (0,563);

4. Искать нужную информацию с помощью интернета (0,508).

Этот фактор означает установки на личностную и профессиональную автономию сравнительно более ресурсных работников. Недаром те, кто выбирает этот набор ответов, чаще других говорят, что им было бы легко найти другую работу в случае нужды.

Во второй фактор вошел еще один признак: «Проводить досуг с товарищами по работе» (0,406), который в прошлом исследовании входил в синдром «коллективизм». Сейчас общение с коллегами стало элементом собственной ресурсной базы, а не ресурсом организации. Некоторым подтверждением этой гипотезы служит то обстоятельство, что «Помощь новым сотрудникам» (как работа на организацию) имеет в этом факторе отрицательные значения, пусть и слабые. Здесь «досуг с товарищами по работе» существует вне отношений в конкретной организации (как это было десять лет назад).

Третий фактор (13,9%) выглядит как синдром ориентаций на повышение цены труда.

1. Добиваться повышения зарплаты для себя (0,782);
2. Осваивать новую профессию, специальность (0,633);
3. Добиваться повышения зарплаты для товарищей по работе (0,530);
4. Подрабатывать, иметь дополнительный заработок (0,367).

«Повышение зарплаты для себя» существует в одном синдроме с запросом на повышение зарплаты для товарищей по работе (так же, как и в прошлом исследовании). Это говорит, с одной стороны, об установке на отказ от конкуренции (весьма устойчивой установке, несмотря на разнообразные попытки ее разрушить), а с другой стороны, эти два признака рядом – свидетельство оценки ситуации как общей, значимой для всех, а не только для респондента. Признак «Подрабатывать, иметь дополнительный заработок» имеет более слабую нагрузку. Но, тем не менее, в случае трех факторов он объединился с признаками, формирующими синдром запроса на повышение цены труда.

Выводы

То обстоятельство, что социальные ресурсы работника (в частности, профессионализм) существуют сейчас вне встроенности в организацию (лояльности организации), является на наш взгляд, весьма существенным изменением в трудовом поведении россиян. Работу найти трудно, особенно в средних городах (от 250 тыс. до 1 млн.), и потому нужно, с одной стороны, демонстрировать лояльность, а с другой – отслеживать ситуацию на рынке труда, наращивать собственные ресурсы профессионализма и социальных связей.

Наше предположение о том, что изменения поведения работников связано с ситуацией на рынке труда, находит подтверждение в выводах специалистов, анализирующих динамику занятости. В частности, В. Гимпельсон

отмечает, что «болезнь» нашего рынка труда – не столько в высокой безработице, сколько в низком качестве рабочих мест. Это: снижение реальной заработной платы, деформализация трудовых отношений, низкий спрос на труд, неопределенность будущего. Эти процессы, по его мнению, касаются всех, а не только сравнительно менее производительных работников (Гимпельсон). Выводы В. Гимпельсона подтверждаются нашими данными, свидетельствующими о более высоких трудовых нагрузках сравнительно более квалифицированных работников.

Литература

Гимпельсон В. Е. О странностях российского рынка труда. <http://serge.raikevich.com/articles/slon-ru/8429-vladimir-gimpelson-o-strannostiah-rossiiskogo-rynka-tryda> Дата обращения: 10.07.2019.

Климова С. Г., Галицкая Е. Г., Галицкий Е. Б. Инновативное поведение на работе – опыт построения социологического индекса // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 328–351.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 924 с.

Н. Ю. Кремнева

Партнерство как инновационная ценность: восприятие и реализация молодыми работниками промышленных предприятий

Кремнева
Наталья Юрьевна

Кандидат социологических наук,
Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия.
E-mail: kremneva_n@inbox.ru

Аннотация. Цель доклада – на результатах анкетного опроса молодых рабочих и специалистов иностранных предприятий промышленной зоны «Заволжье» г.Ульяновска показать особенности восприятия и реализации партнерства в системе социально-трудовых отношений. Обсуждается ценность партнерства в трудовом поведении молодежи с точки зрения поддержания и развития инновационной культуры предприятия. В фокусе внимания внутрифирменное партнерство как практика взаимодействия индивидуальных акторов в процессе трудовых взаимоотношений. Данные исследования показывают, что партнерство как ценность инновационной культуры иностранных предприятий определяет вовлеченность, включенность и приверженность молодых работников компании, тем самым обеспечивая задачи инновационного развития.

Ключевые слова: молодые работники, трудовые ценности, внутрифирменное партнерство, инновационная культура.

С 2009г. в Ульяновской области формируется особая экономическая зона, направленная на переформатирование экономики региона, в том числе через привлечение иностранных инвесторов. Наиболее крупной на данный момент инновационной площадкой является промышленная зона «Заволжье», на территории которой уже открыли свои производства более 10 иностранных компаний, в том числе «Эфес», «DMG Mori», «Шеффлер», «Бриджстоун», «Хемпель» и другие. Эти предприятия декларируют принципиально иную, отличную от традиционной российской, бизнес культуру, которую принято называть инновационной. Под инновационной культурой понимается система принятых в компании норм и ценностей, обеспечивающая высокий уровень восприятия, инициации и реализации инноваций. Ценность партнерства чаще рассматривается в контексте инновационной культуры как условие социального договора и баланса интересов бизнеса и работников.

Доклад базируется на результатах исследования «Особенности стратегий занятости молодежи в регионах с развивающимися инновационными кластерами (на примере Ульяновской области)» (грант РФФИ, 2018–2019гг).

Одной из задач исследования было выявление готовности молодежи региона от 18 до 35 лет к инновационным формам занятости, в том числе в разрезе инновационных ценностей.

В докладе к анализу привлечены данные анкетного опроса работников предприятий промышленной зоны «Заволжье». Было опрошено 738 человек на 11 предприятиях иностранной собственности. Среди опрошенных руководители подразделений (8%), специалисты и служащие (58%), квалифицированные и неквалифицированные рабочие (34%).

Анализ миссий и корпоративных стандартов иностранных предприятий, входящих в промышленную зону «Заволжье», показывает, что ценность партнерства декларируется как обязательное условие эффективного развития всех обследованных предприятий. Партнерство интерпретируется в контексте командной работы, целостности предприятия, совместных усилий, вовлеченности сотрудников в решение задач предприятия, равных возможностей, взаимоуважения, инициативности.

Исследовательские вопросы: как декларируемая ценность партнерства воспринимается молодыми работниками, как восприятие ценности партнерства влияет на вовлеченность, включенность и приверженность работников предприятию. Прикладной вопрос может звучать следующим образом: способно ли развитие партнерских отношений с работниками не только повышать лояльность компании, но и обеспечивать развитие инноваций?

Теоретической базой анализа выступили методики изучения партнерства отечественных и зарубежных авторов (Тукумцев, 2010, Авдошина, 2010, Майтленд, 2003, Дик, 2006).

В качестве индикаторов восприятия партнерства выступили ответы на вопросы о приоритетных аспектах деятельности руководства предприятия и характере вертикальных отношений. 76% работников обследованных иностранных предприятий «видят» усилия менеджмента компаний в формировании и поддержании ценности партнерства. То есть руководители предприятий реализуют в своей повседневной практике декларируемое партнерство. Это выражается в поощрении работников за инициативу, формировании атмосферы доверия и поддержки в коллективе, учете мнений рядовых работников в принятии решений, доступности руководителей для рядовых работников, готовности руководителей делиться опытом, умении мотивировать персонал.

Обнаружены статистически значимые различия в восприятии партнерских отношений в группах работников. Более чувствительными к проявлениям партнерства оказались работницы-женщины, возрастная группа 30–35 лет, работники с высшим образованием, специалисты и служащие. Эти категории работников можно рассматривать в качестве «ядра партнерства» на предприятиях.

Стаж работы на предприятии, семейное положение и размер заработной платы не оказывают существенного влияния на восприятие партнерства.

Результаты исследования демонстрируют, что положительное восприятие партнерства определяет вовлеченность, включенность и приверженность молодых работников предприятию. Вовлеченность работников показывает степень идентификации с задачами предприятия. Индикаторами вовлечен-

ности в данном исследовании выступали показатели информированности о текущем состоянии и развитии компании, интерес к корпоративным средствам информации и мероприятиям развития.

Работники, фиксирующие партнерство в трудовых отношениях, активно интересуются жизнью предприятия. Они составляют основную аудиторию корпоративных средств информации, среди них в 2 раза больше тех, кто регулярно читает корпоративные газеты, сайты, информационные доски, и в 4 раза меньше тех, кто никогда их не читает. Оценка интереса к различным аспектам жизнедеятельности предприятия также показала более высокий уровень вовлеченности среди работников, воспринимающих ценность партнерства. В этой группе в 4 раза меньше тех, кто вообще не интересуется жизнью предприятия. Что касается внимания к конкретным задачам развития, то в группе воспринимающих партнерство в 2 раза больше тех, кого волнует вопрос использования оборудования на предприятии, мнения потребителей о выпускаемой продукции, влияние экономической ситуации в отрасли на деятельность предприятия, передовые идеи развития отрасли в целом. Среди них почти в 3 раза больше интересующихся кадровой политикой компании.

Восприятие партнерства оказывает влияние на оценку полезности корпоративных мероприятий развития. Работники оценивали широкий перечень конкурсов рациональных предложений и профессионального мастерства, тренингов, программ повышения квалификации и образования, внутрифирменной ротации. Результаты опроса показали, что только 13% работников, воспринимающих ценность партнерства, остаются пассивными к предлагаемым предприятиями возможностям профессионального и личностного развития. В то время как почти половина (48%) работников, не фиксирующих партнерства в трудовых отношениях, не видят личного интереса в предложениях компаний. По всем направлениям корпоративного развития уровень интереса среди работников, ориентированных на партнерство, в 2–3 раза выше.

Включенность работников в деятельность предприятия показывает степень их ориентированности на развитие внутрифирменного партнерства через личное участие в решении корпоративных задач. Индикаторами включенности в исследовании выступали: наличие идей и предложений по улучшению работы, участие в обсуждении и решении рабочих вопросов, участие в корпоративных мероприятиях развития. По всем показателям включенности обнаружена зависимость от восприятия ценности партнерства.

В качестве индикатора приверженности предприятию выступил вопрос о намерении сменить место работы. Восприятие ценности партнерства оказывает стабилизирующее влияние на персонал. Работники, отмечающие проявления партнерства со стороны руководства, более привержены предприятию, среди них в 3 раза меньше желающих сменить место работы в ближайшие два-три года.

Таким образом, управленческая стратегия иностранных предприятий, направленная на реализацию ценности партнерства, действительно способствует формированию более высокого уровня корпоративной иден-

тичности работников, их личной включенности в достижение целей развития и приверженности предприятию. Тем самым восприятие молодыми работниками внутрифирменного партнерства обеспечивает решение задач инновационной культуры предприятий.

Литература

Авдошина Н. В. Включенность в организацию персонала промышленных предприятий: динамика и последствия // Современный менеджмент: проблемы, гипотезы, исследования. Сб. науч. тр. Вып. 2. М.: Изд. ГУ–ВШЭ, 2010. С. 429–436.

Дик, ван Р. Преданность и идентификация в организации. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2006.

Майтленд Р. Преданность работников в Европе: характеристики, причины и последствия // Персонал Микс. 2003. № 6. С. 116–117.

Темницкий А. Л. Условия формирования партнерски ориентированных работников на российских промышленных предприятиях // Официальный сайт ИС РАН. – 2010. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=1816> (дата обращения 19.06.2019)

А. А. Поплавская, Н. Э. Соболева

Гендерные различия в реализации достижительных мотивов в сфере труда в разных странах мира

**Поплавская
Анита Андреевна**

Аспирант,

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: aamoiseeva@hse.ru

**Соболева
Наталья Эдуардовна**

Кандидат социологических наук,

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: natsobol@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является выявление межстрановых и гендерных различий в распространенности и реализации трех достижительных мотивов в сфере труда — высокого заработка, карьерного роста и интересной работы. Эмпирической базой служит волна Международной программы социальных исследований (ISSP) за 2015 г. В выборку вошли респонденты, работающие по найму. Согласно результатам, мотивы высокого заработка и карьерного роста важнее для мужчин, тогда как мотив интересной работы — для женщин. При этом интересная работа предпочтительнее для женщин практически во всех странах, а более высокая ценность мотивов дохода и карьеры для мужчин наблюдается только в части стран. Культура индивидуализма, более высокие показатели экономического развития и гендерное равенство не ведут к схожести достижительных мотивов мужчин и женщин и выравниванию их возможностей на рынке труда.

Ключевые слова: достижительная мотивация, достижительные мотивы, трудовые ценности, гендерные различия, рынок труда, сравнительные исследования.

Поведение на рынке труда во многом зависит от достижительной мотивации и возможностей ее реализации на рабочем месте. Так, уровень и характер вовлеченности в трудовую деятельность зависит от того, насколько человек желает проявлять способности на рабочем месте и достигать результатов в профессиональной сфере. На микроуровне подобные установки могут способствовать реализации способностей и талантов, улучшению качества работы и повышению личного благосостояния, на макроуровне — приводить к расширению состава совокупной рабочей силы, увеличивать количество ответственных и заинтересованных в труде работников, повышать качество и производительность труда, и, как следствие, способствовать экономическому росту. Было показано, что среди мужчин достижительные мотивы в сфере труда проявляются сильнее, нежели среди женщин

(Green, DeBacker, 2004). Отмечается более выраженная ориентация мужчин на финансовый успех и возможность карьерного продвижения, а женщин — на социальную полезность труда и возможность его сочетания с семейными обязанностями (Gunderson, 2006, Монусова, 2008).

Также исследования показывают, что мужчины зарабатывают больше и достигают более высокого карьерного положения, в то время как женщинам тяжелее достичь значительного финансового и карьерного успеха, они часто сталкиваются с проблемой «стеклянного потолка», что мешает их успехам в профессиональной сфере (Blau, Kahn, 2007; Rozada, Yeyati, 2018). В то же время, во многих странах социологи фиксируют феномен гендерного парадокса, заключающийся в том, что несмотря на объективно менее привлекательные характеристики работы, женщины в большей степени удовлетворены своей работой и чаще находят ее интересной (Clark, 1997).

Целью исследования является выявление различий в ценности и реализации достижительных мотивов у мужчин и женщин в разных странах мира. Достижительные мотивы мы определили как важность высокого дохода, карьерного роста и интересного труда. Под реализацией достижительных мотивов подразумевалось воплощение вышеперечисленных характеристик в жизнь.

Эмпирической основой исследования является волна Международной программы социальных исследований (International Social Survey Program – ISSP) за 2015 год. Исследование включает следующие страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Чили, Китай, Тайвань, Хорватия, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Грузия, Германия, Венгрия, Исландия, Индия, Израиль, Япония, Латвия, Литва, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Филиппины, Польша, Россия, Словакия, Словения, Южная Африка, Испания, Суринам, Швеция, Швейцария, Великобритания, США, Венесуэла. Для настоящего исследования отобраны респонденты, работающие по найму и ответившие на вопросы про ценности. Всего выборка по наемным работникам составила 22789 человека.

Основным методом исследования является многоуровневая логистическая регрессия. На индивидуальном уровне в модели добавлены следующие переменные: пол, возраст, возраст в квадрате, наличие высшего образования, проживание с партнером, наличие детей до 6 лет, наличие детей от 7 до 17 лет. На страновом уровне в анализ включены следующие характеристики стран: ВВП на душу населения, отражающий экономическое развитие страны, индекс гендерного разрыва (global gender gap), а также уровень индивидуализма культуры (данные “Hofstede Insights”).

Согласно результатам, мотивы высокого заработка и карьерного роста оказались более важными для мужчин, тогда как мотив интересной работы имеет большее значение для женщин, то есть мужчинам важнее внешние достижительные мотивы, а женщинам внутренние. Отметим, что если интересная работа практически во всех странах важнее для женщин, то более высокая важность мотивов дохода и карьеры для мужчин наблюдается только в части стран.

Степень реализации ценностей высокого дохода и карьерных возможностей у мужчин выше. Между тем, по реализации ценности интересной работы устойчивых закономерностей в гендерных различиях обнаружено

не было. Мы объясняем данный результат тем, что несмотря на тенденции к уравниванию в правах работающих мужчин и женщин, эти последние все же встречаются с большими трудностями в построении карьеры, что получило отражение в концепциях «стеклянного потолка» и «липкого пола», и обычно зарабатывают меньше, чем мужчины. Меньшую степень реализации ценности высокого дохода для женщин также можно объяснить тем, что они чаще выбирают рабочие места, позволяющие лучше сочетать рабочие и семейные обязанности (Clark 1997; Gunderson 2006), которые могут быть менее высокооплачиваемыми.

Что касается ситуации в разных странах, значимые гендерные различия в распространенности достижительного мотива высокого заработка выявлены в странах с высокими показателями ВВП, гендерного равенства и в культурах индивидуализма. Женщины в таких странах склонны придавать важность доходу в меньшей степени, чем мужчины. По ценности карьерных возможностей эффект сохраняется только по показателю ВВП на душу населения: в более благополучных странах женщины по сравнению с мужчинами придают меньшую важность карьере. В странах с меньшим уровнем ВВП на душу населения, с культурой коллективизма и с меньшим уровнем гендерного равенства, различия в ценности достижительных мотивов для мужчин и женщин практически отсутствуют. В отношении ценности интересной работы значимых интеракционных эффектов выявлено не было.

Получается, что мотивы высокого заработка и карьерного роста связаны друг с другом, а мотив интересной работы обособлен от них. Таким образом, в странах с более высоким уровнем экономического развития, гендерного равенства и культуры индивидуализма гендерные различия в структуре мотивации выражены даже сильнее, чем в менее развитых странах с более традиционными ценностями. Прежде всего, это касается относительно более выраженной ориентации мужчин на внешние ценности. Объясняется это тем, что в менее благополучных странах доход от занятости, часто связанный с карьерным положением, является основным мотивом трудовой деятельности, необходимым условием выживания. И в этих условиях достижительные мотивы дохода и карьеры могут быть важными в равной степени для мужчин и для женщин, а интересная работа уже будет дополнительным «бонусом», но не самоцелью.

Кроме того, в странах с более высоким ВВП на душу населения и уровнем гендерного равенства гендерный разрыв в реализации достижительных мотивов также не ниже, а выше, чем в более бедных и менее эгалитарных странах. В странах с более высоким ВВП мужчины лучше реализуют на практике мотивы высокого дохода и карьерного роста, в странах с более высоким гендерным равенством — только мотив высокого дохода.

Данный результат свидетельствует о том, что более высокие показатели ВВП на душу населения и гендерного равенства, распространение идей индивидуализма в стране на практике не ведут к равенству возможностей мужчин и женщин на рынке труда (а именно, к одинаковой заработной плате и равным карьерным позициям). Также, как и принятие идей индивидуализма и гендерного равенства на уровне страны далеко не всегда означает, что большинство женщин этой страны относят данные нормы

к себе и имеют схожие с мужчинами мотивы труда. Значимые гендерные различия в социальных ролях и в трудовых установках могут оставаться и быть популярными среди населения страны вне зависимости от ее макро-экономических характеристик и позиций в межстрановых рейтингах. И что более важно, данная ситуация может не вызывать конфликта, так как при разной распространенности внешних достижительных мотивов труда среди мужчин и женщин, их реализация будет различной.

Литература

Монусова Г. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления. Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 74–83.

Blau F. D., Kahn L. M. The Gender Pay Gap. The Economists' Voice. 2007. 4 (4). P. 1–6.

Clark A. E. Job Satisfaction and Gender: Why are Women So Happy at Work? Labour Economics. 1997. 4. P. 341–372.

Greene B. A., De Backer T. K. Gender and Orientations Toward the Future: Links to Motivation. Educational Psychology Review. 2004. 16(2). P. 91–120.

Gunderson M. Male-Female Wage Differentials: How Can That Be? Canadian Journal of Economics // Revue Canadienne D'économie. 2006. 39(1). P. 1–21.

Rozada M. G., Yeyati E. L. Do Women Ask for Lower Salaries? The Supply Side of the Gender Pay Gap. Buenos Aires, Argentina: Universidad Torcuato Di Tella. 2018.

Л. Г. Титаренко

Модернизационные ценности и ожидания студентов в условиях цифровизации

**Титаренко
Лариса Григорьевна**

Доктор социологических наук, Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь.

E-mail: larisa166@mail.ru

Аннотация. Цифровизация экономики в рамках 4-й индустриальной революции предъявляет к молодым специалистам запросы, на которые должна ориентироваться система высшего образования. Качественная подготовка специалистов в условиях глобальной конкуренции требует развития у студентов модернизационного потенциала и получения дополнительных знаний, способствующих модернизации экономики. В статье показано, какие ожидания в выборе будущей работы являются приоритетными у белорусского студенчества, и насколько они соответствуют развитию их модернизационного потенциала.

Ключевые слова: цифровизация экономики, модернизационный потенциал студентов, креативность, ценности, ожидания.

4-я промышленная революция предъявляет к специалистам требования, которые должна учитывать и система высшего образования, занимающаяся подготовкой кадров. В условиях перехода к модели образования «университет 3.0» как необходимой для глобальной конкурентоспособности вузов и сближения обучения с практикой, на первое место при вузовской подготовке выходят не знания, а IT-компетенции и личностные качества, которые будут востребованы в любой сфере труда. Россия и другие постсоветские страны вынуждены перестраивать и сферу высшего образования, вводя модель университета с тремя миссиями вместо двух, и сферу экономики, фокусируя ее на инновационных отраслях, которые востребованы сегодня и еще более будут востребованы завтра. Оба эти трансформационных «поворота» – в сферах образования и экономики – с трудом пробивают себе путь в постсоветских реалиях, которые медленно перестраиваются, сохраняют инерционность и зачастую отторгают технологические и социальные инновации. Подтверждением данного факта является низкий уровень инновационности выпускаемой продукции и невысокие международные рейтинги вузов на постсоветском пространстве. Бесспорно, по своим потенциальным возможностям Россия способна обогнать другие постсоветские страны и выйти на высокий глобальный уровень. Однако по рейтингу глобального индекса конкурентоспособности за 2018 г. Россия занимала 38-е место в мире. Беларусь вообще не включена в этот рейтинг. Образовательная модель «университета 3.0», запущенная как пилотный проект в ряде университетов, пока не привела к явным изменениям в функционировании вузов и в качестве выпускников.

Подготовка молодых специалистов неразрывно связана с развитием у них инновационного потенциала, который будет востребован в цифровой экономике. Вузы должны стимулировать у студентов личностные качества, способствующие развитию инновационного потенциала. В литературе самым востребованным качеством современного специалиста называется креативность, которая понимается как умение вовремя и оригинальным способом решать актуальные проблемы (Mumaw 2018). Зарубежные фирмы давно проводят большую практическую работу и учат персонал тому, как стать креативным, создавать креативные проекты, креативный бизнес и т. п. Креативность связана с формированием и развитием таких качеств специалиста, как инновационность, открытость мышления, критичность: все они способствуют тому, что работник является открытым к новым знаниям и может под их воздействием изменить свою позицию. Проблема в том, насколько креативность развивается у студентов.

Целью проведенного нами исследования «Модернизационные ценности студенческой молодежи как ресурс инновационного развития Республики Беларусь» (2016–2019 гг.) было выявление адекватности ценностей студенчества задачам, выдвинутым государством на долгосрочную перспективу. В Беларуси, вслед за Россией, одной из таких целей объявлена структурная модернизация экономики. Соответственно, система высшего образования рассматривается как инструмент подготовки кадров для всесторонней модернизации страны, для построения общества знаний (информационного общества). В исследовании выяснялось, какие субъекты действия готовы активно участвовать в модернизации страны, реализовывая инновационные подходы к решению новых задач в разных сферах деятельности. Открытость общества к инновациям и готовность к их внедрению определяет сегодня социальный потенциал работников, занятых в общественном производстве. Этот потенциал, рассматриваемый в рамках государства, является модернизационным, а на личностном уровне – человеческим. Без развития модернизационного потенциала специалистов невозможно продвижение экономики Беларуси на более высокий уровень, переход к производству нового знания, как и формирование благоприятного инновационного климата. Человеческий потенциал, накапливаемый субъектами социального действия, является важным рычагом и необходимым условием проведения успешной модернизации общества (Инглхарт 2018). Те социальные слои, которые наращивают человеческий капитал, потенциально конвертируемый в действия, способствующие модернизации страны, и станут авангардом модернизации.

Наша гипотеза состояла в том, что студенчество в перспективе является движущей силой модернизационного развития Беларуси, поэтому оно активно наращивает знания и компетенции в вузе для активного их использования при выходе на рынок труда в развитии экономики знаний, нового технологического уклада. Студенчество является будущим актором модернизации, развивающим свой потенциал в ходе учебы. В рамках исследования использовался опросный метод (выборка более 1000 студентов), фокус-группы, экспертные интервью с представителями системы образования и реальной экономики. В разработке методики использовались работы Р. Инглхарта, Ш. Шварца, Н. Лапина, что позволило осуществлять сравнения полученных данных по ряду критериев.

В литературе нет общего определения модернизационных ценностей, входящих в модернизационный потенциал, однако констатируется их непосредственная связь с процессами модернизации общества (Инглхарт 2018). Эти ценности, будучи интериоризированы молодыми людьми, должны позитивно влиять на качественное обновление экономики и помогать молодым специалистам активно входить в рынок труд, развивать креативность. Нами были выделены такие ценности, как открытость инновациям, стремление к саморазвитию и самореализации, сочетающиеся с заботой о человеке (обществе) и бережным отношением к окружающей среде. Наличие и степень развития ценностей определялось по самооценке студентов, скорректированной мнением экспертов.

Полученные эмпирические данные свидетельствуют, что понимание студентами модернизационных ценностей существенно отличается от их трактовки в научной литературе. Модернизационные ценности связываются студентами в основном с учебным процессом (получением дополнительного образования, углубленным изучением будущей профессии, развитием ИТ-компетенций). Немногие студенты понимают, что их учеба – лишь подготовительная ступень к профессиональной деятельности, в которой будут реализованы полученные знания, навыки и компетенции. Студенты не всегда осознают, что современная экономика может потребовать от них не только узкопрофессиональных знаний, но и широкой подготовки, которая развивает творчество, гибкость мыслительной деятельности, кругозор. Мы выявили, что модернизационные ценности важны для студентов только в той степени, в какой они могут способствовать удовлетворению их собственных индивидуальных интересов и потребностей (в образовании, в карьере, в науке). От будущей работы студенты ожидают возможностей быстрого достижения своих интересов и целей. Студенты, прежде всего, ориентированы на персональный успех, на семью и досуг, достижение материального достатка и комфорта в жизни. В значительной мере они являются индивидуалистами. В исследовании они продемонстрировали невысокое понимание социальной значимости модернизационных ценностей, что соответствует характеристикам потребительского, а не инновационного общества.

Сравнение полученных данных по студенчеству и другим группам населения Беларуси позволяет констатировать, что ценностное сознание студенчества радикально не отличается от уровня развития ценностного сознания белорусского населения, также ориентированного на потребительство и мало заинтересованного в креативности и инновационности. Доминирующий уровень развития сознания белорусов недостаточен для эффективного развития модернизации в труде и повседневной культуре. Сами респонденты редко называли студенческую молодежь потенциальной движущей силой модернизации общества (такую позицию признала лишь пятая часть опрошенных). Большинство видело модернизационные силы только в государственных чиновниках и предпринимателях. Видимо, студенты не задумываются о своем будущем с точки зрения их места в социальной структуре общества и роли в общественном производстве.

В ходе исследования мы выявили мотивы при выборе профессии, удовлетворенность своим выбором будущей специальности, а также ориентации на будущее трудоустройство по получаемой специальности. Эти кри-

терии были проанализированы с точки зрения того, насколько студенческие установки соответствуют модернизационной модели поведения. Эта модель предполагает, что студенты ориентируются на интересную и творческую профессиональную деятельность, в которой они могут проявить самостоятельность и инициативность, открытость новизне и готовность к риску, а также могут развить свои способности. При изучении названных студентами мотивов поступления в вуз оказалось, что более половины респондентов указали образовательные (хотя и не равнозначные) мотивы: личностный рост, диплом как залог будущей успешной жизни и т. п. С одной стороны, этот результат можно интерпретировать как индикатор того, что студенчество хотело бы получать в процессе образования необходимые знания, навыки и компетенции, полезные в будущем. Доминирующим мотивом выбора профессии было названо желание молодых людей стать высококвалифицированными специалистами в избранной области. Не случайно 76% респондентов занимались разными формами самообразования, из них половина – дистанционными методами. Однако в этом варианте ответа не уточнялось, должна ли быть специальность высоко востребованной в обществе. В любом случае главенство профессионального мотива среди образовательных мотивов студенчества можно оценить позитивно. Лишь профессионалы своего дела смогут в будущем проявлять инновационность, вносить вклад в модернизационное развитие страны.

В процессе анализа данных у студентов, демонстрирующих модернизационную модель поведения, была выявлена повышенная (по сравнению с остальными) доля тех, кто считает высшее образование хорошей платформой для построения карьеры. Особенно высок процент таких выборов среди студентов, желающих открыть в будущем свой собственный бизнес на основе получаемой профессии (стать предпринимателем). Отметим, что и в других вопросах студенты, желающие заняться бизнесом, продемонстрировали наиболее высокий уровень ориентации на инновационную деятельность. Например, такие ценности, как инициативность, готовность к трудностям, открытость новизне, ответственность в наибольшей степени проявляются именно по отношению к этой группе. В нашем исследовании это были, прежде всего, студенты технического профиля обучения.

Наиболее значимым критерием выбора места будущего трудоустройства студенты назвали интересную работу (более 90% ответов). Поскольку ответ на данный вопрос предполагал несколько вариантов, еще три критерия, получившие наибольшее количество выборов, – возможность профессионального роста, хорошие условия труда, высокая заработная плата, – были оценены практически одинаково высоко. Вместе взятые, эти четыре критерия имеют высокую важность для определенной группы студенчества. Однако эта группа включала не более чем 20% респондентов. В рамках данного исследования эту группу можно считать модернизационным авангардом, чьи ценности и ожидания соответствуют развитию модернизационного потенциала общества. Однако в целом и студенчество, и вся белорусская молодежь выше всего ценят материальные аспекты труда (настоящего и будущего) – зарплата, стабильность, хороший коллектив, а не его инновационный творческий характер или даже собственное карьерное продвижение. Видимо, инновационный потенциал студенчества и молодежи пока развит недостаточно, чтобы все члены

этой социальной группы смогла стать значимым субъектом модернизации общества в будущем. Если применить критерии эволюционного развития Инглхарта, это означает, что само общество еще остается на ступени индустриального развития, т. е. что модернизация еще не достигла такого уровня, чтобы говорить об информационном обществе и о массовом переходе экономики на цифровой уровень. Пока условия для такого перехода на страновом уровне не созданы.

Выпускники вузов станут актуальным массовым ресурсом модернизации Беларуси, только когда белорусское общество сможет предоставить им соответствующие социальные и экономические условия труда. Сами выпускники не готовы к улучшению таких условий, скорее, они будут искать другое место приложения сил и способностей, чтобы реализовать свои интересы в имеющихся институциональных рамках. Однако такой подход не способствует решению проблемы модернизации общества. Отсутствие адекватных социально-экономических условий способно усилить существующую латентную ориентацию части студенчества на зарубежное трудоустройство и не ориентирует молодежь на раскрытие своих способностей и умений в родном отечестве. Индивидуализм молодежи может стать потенциальной возможностью ее более активного включения в инновационное развитие экономики, если это будет соответствовать личным потребностям молодых людей.

Для Беларуси сегодня необходимость успешного проведения нового витка модернизации экономики обусловлена и глобальной конкуренцией, и внутренними потребностями сохранения собственного социально-экономического потенциала, обеспечения социально-экономической стабильности страны. Существовая в европейском пространстве рядом с экономически более успешными восточными и западными странами-соседями, Беларусь неизбежно должна продвигаться вперед, чтобы не превратиться в придаток одной из них. Модернизация рассматривается как необходимое условие инновационности развития и поэтому становится важнейшей государственной задачей. Исходя из сегодняшних тенденций развития ценностного сознания студенчества, можно предполагать, что в будущем, заняв руководящие позиции в обществе, молодежь может проявлять больше инновационности и индивидуализма, чем поколение, занимающее ключевые посты сегодня и социализированное в советское время. Этому будет способствовать развитие у студенчества соответствующих личностных качеств и реформирование общества.

Литература

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Mumaw S. Creative Boot Camp. URL: [//www.goodreads.com/book/show/15858135-creative-boot-camp](http://www.goodreads.com/book/show/15858135-creative-boot-camp) (дата обращения 18.11.2018)

Сессия 9.5

Профессиональные династии, карьеры и стратегии в условиях новых вызовов

Модератор: Попова Ирина Петровна

Е. С. Воробьева

Профессия тату-мастера: особенности институционализации и легитимизации в России

**Воробьева
Екатерина Сергеевна**

Кандидат социологических наук, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия.

E-mail: e-vorobieva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям институционализации профессии «тату-мастер» в СССР с середины 80-х гг. XX в. по 10-е гг. XXI в. РФ. В Западной Европе и США институционализация профессии «тату-мастер» приходится на 80-е гг. XX. В СССР этого периода профессия «тату-мастер» является полностью нелегальной, а в ельцинские и путинские времена институционализация профессии «тату-мастер» носит полуполюгальный характер. Согласно анализу 14 интервью с московскими тату-мастерами (медиана 36 лет), проведенных автором статьи, и 12 интервью, проведенных П. Румянцевой в 2019 гг., по единому гайду, рынок тату-услуг, несмотря на свою маргинальность, в РФ развивается стабильно и демонстрирует ежегодное увеличение спроса. Однако сложно предположить, что тату-индустрия со временем приобретет в РФ институционализированную и легитимизированную форму, учитывая сращенность нынешней российской политики с РПЦ и ее идеологией (в том числе, с идеологией телесности с ее запретом на телесное преобразование).

Ключевые слова: тату-мастер, тату-культура, социология профессий и занятий, легитимизация профессиональной деятельности.

Символической датой появления профессии «тату-мастер» в современном ее виде можно считать 1891 г., когда американский татуировщик Самуэль О'Райли изобрел электрическую машину для татуирования, усовершенствовав «электрическое перо» Томаса Эдисона, запатентованное в 1876 г. До изобретения О'Райли татуировщики практиковали ручной метод нанесения татуировок, который был крайне медленным и не позволял добиться высокого мастерства исполнения. Фактически, изобретение О'Райли сыграло аналогичную роль для развития индустрии татуирования, что и изобретение в 40-х гг. 15 в. печатного станка Иоганном Гуттенбергом – для развития книгопечатания.

К 20-м гг. XX в. в крупных городах североамериканского континента (Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Лос-Анджелес, Торонто) открывается значительное количество тату-салонов, основными клиентами которых становятся солдаты, криминалитет, рабочий класс и социальные маргиналы. Тату-салоны располагаются в наименее респектабельных частях городов – в районах, характеризующихся нищетой и преступностью (Atkinson M. 2003). К 70-м гг. XX в. вследствие изменения *идеологии* тату-культуры, которое ряд американских исследователей (M. Atkinson, M. Mifflin, C. Wroblewski и др.) связывают с сексуальной революцией и изменением дискурса телесности, потребителями татуировок все чаще становятся представители средних и высших социальных страт, звезды спорта, кино и шоу-бизнеса. Тату-салоны переезжают из социально неблагополучных городских кварталов в фешенебельные районы, и татуирование становится социально ангажированной культурной практикой.

В наши дни татуирование в западных обществах – явление достаточно распространенное, и некоторые количественные исследования, проводимые в США начиная с конца 80-х гг. XX в., демонстрируют положительную динамику процесса. Если в 1989 г. татуировки имели 4–6% взрослого населения США (Sanders C. 1990), то в 2001 г. число татуированных колебалось в диапазоне 15–20% (Atkinson M., Young K. 2001), в 2006 г. их численность составляла уже 24% (Laumann A. and Derick A. 2006), в 2015 – 25%¹.

Согласно крупнейшему американскому маркетинговому агентству IBIS WORLD, с 2014 по 2019 гг. рост рынка тату-индустрии увеличился на 6,1% (Amerika's Booming 2019). Согласно данным Департамента статистики США, в США зарегистрированы 21000 тату-салонов. При этом IBIS WORLD отмечает, что число зарегистрированных тату-салонов не в полной мере отражает истинное количество тату-студий, которых, по их данным, более 38000, а число работающих тату-мастеров превышает 45000 (Amerika's Booming 2019).

Если в ряде стран Западной Европы и США, начиная с 70-е гг. XX в., тату-бизнес с переменным успехом постепенно начинал легализовываться и приобретать институционализированный характер, то в СССР середины 80-х гг. татуирование в «большом» обществе было полностью нелегальным и идеологически тесно соприкасалось с возникшими в этот период субкультурами нью-вейверов, панков, металлистов, рокеров, брейк-дансеров и байкеров. Тату-мастера того времени, с одной стороны, разделяли общую идеологию протеста против «серости и беспросветности» тогдашнего СССР, с другой – стремились противопоставить свои работы тюремной тату-культуре с ее особой символикой (Бастер М. 2009). По словам Сергея Минашкина, одного из родоначальников тату-индустрии в России, «1984 год – это такой перелом. Людям было, я думаю, неважно, что делать. «Сделай черта!» Я: «Какого черта?». И думаю: «О, голова с рогами». Нарисовал по-быстрому. «О! То, что надо». Это все были домашние дела. Ты должен был знать, к кому прийти, должен был быть кем-то отрекомендован» (Татуировка в России 2019).

¹ По данным журнала «To Ink or Not to Ink: the Meaning of Tattoos Among College Students» за 2015 г., татуировку имеет каждый пятый американец.

В ельцинскую эпоху татуирование вышло из идеологического подполья, и зарождающаяся тату-индустрия предприняла попытки институционализировать и легитимизировать свою профессиональную деятельность¹.

По нашим подсчетам с 1995 по 2010 гг. только в Москве открылись не менее 200 тату-салонов, и еще большее количество частных тату-мастеров принимают клиентов у себя на дому. С 2000-х гг. в крупных городах России ежегодно проводятся международные тату-конвенции, цели и характер организации которых позволяют провести аналогию между ними и профессиональными мероприятиями, имеющими место в кино- и театральной индустрии, моде и современном искусстве: событие анонсируется в специализированной прессе или интернете, на суд экспертного жюри представляются выполненные работы, призовой фонд распределяется по нескольким номинациям, публикуются итоги, издаются каталоги и альбомы.

При этом профессия тату-мастера в современном российском обществе – будучи рядоположенной другим видам профессий, связанных с телесными модификациями (художник body art, тренер по бодибилдингу, пластический хирург и пр.), – в отличие от них носят маргинальный характер, который выражается в юридической «неполноценности» тату-профессии. Профстандарты² профессии «тату-мастер» (или «татуировщик»), которая – в отличие от стран Западной Европы и США – в России официально называется «специалист по предоставлению бытовых косметических услуг», распространяясь также на визажистов, косметологов, массажистов лица и пр., были введены Минтруда России только в 2015 г. Обучение этой профессии не производится ни в одном учебном заведении. И художественным, и техническим мастерством, и медицинскими навыками начинающие татуировщики вынуждены овладевать либо самостоятельно, по книгам европейских и американских авторов, либо через интернет, либо под руководством опытного тату-мастера, воспроизводя, таким образом, традицию средневековых художественных цехов.

В последние годы некоторые тату-салоны начали предоставлять услуги по обучению татуированию на платной основе. Например, санкт-петербургский тату салон «TAURUS» предлагает 4 вида курсов обучения – от «Экспресс-курса» до «Продвинутого». Курсы включают в себя 1 теоретическое занятие, от 5 до 17 практических занятий татуирования

¹ На данный момент официальная статистика по количеству тату-салонов и тату-мастеров в РФ отсутствует, и о распространенности явления можно судить по косвенным данным. Согласно опросу, проведенному газетой «АиФ», 8% читателей которой составляет возрастная группа 16–24 года., 27% – 25–44 лет и 40% – 45–64 года. (данные предоставлены редакцией «АиФ»), татуировки есть у 6% читателей (URL:<http://www.aif.ru/health/life/939932> (Дата обращения 20.09.2016)). О распространенности, которую постепенно приобрело татуирование в современном российском обществе в течение последних 25-ти лет, можно судить и по количеству тематических публикаций в современных медиа. Данные, полученные в результате запроса по слову «татуировка» на официальном сайте газеты «АиФ», показывают, что с 1991 по 1995 гг. число статей о татуировании равнялось 15, а с 2016 по май 2019 – 165» (URL:<http://www.aif.ru/> (Дата обращения 20.05.2019)). Аналогичную динамику демонстрирует ИД «Коммерсант»: 52 публикации с 1991 по 1995 гг. и 332 – с 2016 по 18 ноября 2019 г. (URL:<http://www.kommersant.ru> (Дата обращения 18.10.2019))

² Приказ Минтруда России от 22.12.2014 N 1069н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по предоставлению бытовых косметических услуг» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2015 N 35776).

разных стилей на живых моделях, стажировку в студии в течение 2 месяцев, в «Расширенном» и «Продвинутом» курсах – занятия с профессиональным художником (скетчинг, эскизы, живопись) и трудоустройство в студию по результатам окончания курса. При этом сертификат, выдаваемый по окончании курса, не является официальным юридическим документом. Ни одна государственная структура не курирует соответствие тату-мастеров профстандарту. В то время, как, например, в Италии для того, чтобы практиковать татуирование, с 1998 г. начинающим тату-мастерам необходимо посещать учебные курсы продолжительностью 90 часов, на которых преподают основы гигиены, дерматологии и профессиональной техники. Контроль за обучением осуществляет Итальянская ассоциация татуировщиков (Atir), которая подчиняется Министерству здравоохранения Италии (Как стать татуировщиком 2019). Во Франции, где также не существует вузовской подготовки тату-мастеров, новички обязаны пройти 21 час обучения гигиеническим стандартам в организациях, аккредитованных Министерством здравоохранения Франции (Tatoueur 2019).

Отсутствие легитимизации профессии «тату-мастер» влечет за собой отсутствие легитимизации российской тату-индустрии в целом. Выше упоминавшийся Алексей Минашкин («Китаец») так комментирует складывавшуюся в начале 90-х гг. XX в. ситуацию формирующейся институционализации тату-бизнеса:

«Первый салон был у нас «Три кита» на Абельмановской заставе. Мы так и не добились в общем-то того, чтобы нам дали лицензию. Хотелось-то это сделать, как за рубежом, официально, легитимно, официальную студию...Мы там сдавали эти иголки, их там пилили, кололи кроликам глаза, безумное количество краски, вот это все. И так это все тянули-тянули и потом просто вообще откровенно сказали в кулуарах, что «были бы вы вторые, вопросов нет»...Я думаю, что и сейчас до сих пор это область деятельности – она как бы такая... Она есть, а ее нет...» (Татуировка в России... 2019).

Тем не менее, несмотря на нелегитимность российской тату-индустрии, число татуировщиков и тату-салонов с каждым годом увеличивается. *«Дикое количество этих людей, которые делают татуировки, и все равно рынок не насыщен, недостаток есть...»*, – комментирует «Китаец» (Татуировка в России... 2019).

Согласно анализу 14 полуструктурированных интервью с московскими тату-мастерами, проведенных автором статьи в 2010–2012 гг. (медиана 36 лет), и 12 полуструктурированных интервью с московскими тату-мастерами, проведенных П. Румянцевой¹ в 2019 г. (медиана 25,5 лет) по единому гайду, рынок тату-индустрии в РФ развивается стабильно, однако тату-мастера обоих поколений скептически оценивают легитимизацию своей профессии. *«Насколько я знаю, официально профессии «тату-мастер» нет. Большинство студий – это творческие объединения. Порой с очень мощной текучкой кадров. Как это все оформить формально, нетрудно догадаться: никак»*, – комментирует ситуацию тату-мастер Алексей, 29 лет. *«У нас нет*

¹ П. Румянцева, студентка факультета Liberal Arts РАНХиГС при Президенте РФ.

профессии «татуировщик». Поэтому лицензию получить нельзя. Можно получить лицензию на помещение, которое проходит по СЭС», утверждает тату-мастер Лев, 21 г.

Между тем, в ряде европейских стран деятельность тату-салонов четко регламентируется законами. Например, чтобы открыть тату-салон во Франции, необходимо найти соответствующее санитарным нормам помещение, получить разрешения от санитарных служб (Asl), получить код плательщика НДС, зарегистрироваться в реестре предприятий С.С.І.А.А; (Торгово-промышленная, сельскохозяйственная и ремесленная палата), в INAIL (Национальный институт страхования от несчастных случаев), в INPS (Национальный институт социального обеспечения) и сообщить о начале деятельности в муниципалитет по месту расположения салона (Nigre F. 2019). В Италии необходимо зарегистрироваться в Реестре торговых компаний (RCS) и в Региональном агентстве здравоохранения (ARS) по месту нахождения тату-салона (Ouvrir un salon... 2019), опубликовать сообщение об открытии салона в «Журнале юридических объявлений» (JAL), получить коды SIREN, SIRET и APE в INSEE (Национальный институт статистики и экономических исследований) (Как стать... 2019).

Россия отстает от стран Западной Европы и США в рецепции западных культурных инноваций примерно на 30 лет, и многие из этих инноваций безболезненно встроились в современную российскую экономику и культуру. Гипотетически, можно было бы предположить, что и тату-индустрия со временем приобретет в РФ институционализированную и легитимизированную форму. Однако, учитывая сращенность нынешней российской политики с РПЦ и ее идеологией (в том числе, с идеологией телесности), вряд ли можно рассчитывать на благоприятные правовые условия существования тату-культуры в РФ в ближайшие годы.

Литература

Бастер М. Хулиганы-80. – М.:АНОК «Т.С.І.», 2009.

Вы могли бы сделать себе татуировку? Интернет-опрос. URL:<http://www.aif.ru/health/life/939932> (дата обращения 20.09.2016).

Как стать татуировщиком и открыть тату-салон в Италии. URL:<https://liveitaly.ru/info/kak-stat-tatuirovshchikom-i-otkryt-tatu-salon-v-italii> (дата обращения 17.10.2019).

Татуировка в России. URL:<https://radiomayak.ru/videos/video/id/943517/> (дата обращения 10.07.2019).

Amerika's Booming Tattoo Economy: A \$1.5 Billion Industry. URL:<http://tattooschool.com/americas-booming-tattoo-economy-1-5-billion-industry> (Дата обращения 10.06.2019).

Atkinson M. Tattooed: the sociogenesis of a body art. London: University of Toronto Press Incorporated, 2003. P. 36.

Atkinson M., Young K. Flesh Journeys: Neo Primitives and the Rediscovery of Radical Body Modification // Deviant Behavior, 2001. P. 22.

Laumann A., Derick A. Tattoos and Body Piercings in the United States: A National Data Set // Journal of the American Academy of Dermatology, 2006. 55 (3). P. 413–421.

Nugre F. Ouvrir un salon de tatouage: quelles йtapes? [URL:https://www.legalstart.fr/fiches-pratiques/beaute-soins/comment-ouvrir-un-salon-de-tatouage/](https://www.legalstart.fr/fiches-pratiques/beaute-soins/comment-ouvrir-un-salon-de-tatouage/) (Дата обращения 18.10.2019).

Ouvrir un salon de tatouage: le guide pratique. [URL:https://agence-juridique.com/articles/ouvrir-un-salon-de-tatouage-le-guide-pratique](https://agence-juridique.com/articles/ouvrir-un-salon-de-tatouage-le-guide-pratique) (дата обращения 18.10.2019).

Sanders C. Customizing the Body: The Art and Culture of Tattooing. Philadelphia: Temple University Press, 1989.

Tatoueur. [URL:https://www.portail-autoentrepreneur.fr/academie/fiches-metiers/art-et-culture/tatoueur#chapitre-4](https://www.portail-autoentrepreneur.fr/academie/fiches-metiers/art-et-culture/tatoueur#chapitre-4) (дата обращения: 18.10.2019).

Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова

Профессиональные династии в общественном сознании россиян

Клименко

Людмила Владиславовна

Доктор социологических наук, доцент, Высшая школа бизнеса
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: lucl@yandex.ru

Посухова

Оксана Юрьевна

Кандидат социологических наук, Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: belloks@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия профессиональных династий различными подгруппами населения российского общества. Результаты опросов показывают, что среди россиян не является популярной установка на профессиональную преемственность в семье, хотя само явление профессиональных династий оценивается в целом позитивно. Чаще всего разделяют установку на продолжение семейных традиций в профессиональной сфере представители более высокооплачиваемых профессиональных групп (юристы, программисты, представители сфер добычи и обработки сырья, телекоммуникации и связи, строительства и недвижимости). На материалах исследований работников образования и медицины подтверждается зависимость, что со снижением статусных позиций и падением доходности профессии уменьшаются ориентации к продолжению профессиональной преемственности в семье.

Ключевые слова: профессиональные династии, профессиональная преемственность, общественное сознание, население России, работники образования и медицины.

Постановка проблемы

Профессиональная династия представляет собой локализованную в производственной и социально-экономической структуре социальную группу, характеризующуюся кровнородственными отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере. Формирование профессиональных династий очень часто объясняется передачей человеческого капитала. Для потомков профессионалов издержки приобретения необходимых навыков и знаний могут оказаться ниже, чем для остальных желающих освоить эту профессию. Высокие уровни преемственности зачастую фиксируются среди самозанятых (Dunn & Holtz-Eakin, 2000; Shrensen, 2007), предпринимателей, представителей

лицензируемых профессий (Pelizzari et al. 2011), что можно объяснить трансфером не только необходимых компетенций, но и формированием клиентской базы, бизнес-связей.

Профессиональные династии в современных условиях обладают двойственным потенциалом. С одной стороны, их можно рассматривать как социальную монополию, ограничивающую доступ к престижным профессиональным статусам. С другой стороны, именно с них начинается первичная профессиональная социализация, определяющая профессиональные траектории и конструктивную профессиональную идентичность (Инженерные династии, 2017). Профессиональные династии постепенно превращаются в устойчивые группы профессионально-стратификационной структуры, закрепляющие социальное расслоение. Кроме того, профессиональные династии становятся неотъемлемым элементом конкретных профессиональных организаций, влияют на эффективность их работы и дальнейшее развитие.

Двойственная природа династийности в профессиональной сфере определяет разницу в оценках данного явления в общественном сознании. Особенную значимость данная проблема приобретает в контексте разного уровня престижности профессий, факторов трудовой мотивации, формирования и воспроизводства этоса профессий. В условиях прекариатизации российского общества все более актуальной становится проблема размывания профессиональной идентичности и преемственности. Все большее количество людей лишается уверенности в ценности своего труда, страдают от неопределенности и правовой незащищенности в сфере их трудовой деятельности (Klimenko & Posukhova, 2018).

В этих условиях профессиональная династийность может минимизировать негативные последствия прекариатизации в силу ранней профессиональной социализации членов династии, семейной капитализации профессиональных знаний. Но в то же время такой индикатор прекариатизации как отсутствие карьерных перспектив (Посухова & Клименко, 2018) и восходящей социальной мобильности определяет деструктивный потенциал профессиональных династий в виде монополизации статуса как эффективной практики самосохранения.

В этой связи, задачей настоящей статьи выступает анализ восприятия профессиональных династий различными подгруппами населения российского общества.

Методы исследования

Исследование опирается на анализ результатов прикладных социологических исследований:

1. Исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (опрос среди 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России) в 2008–2010 гг. и компании HeadHunter (онлайн-опрос среди 3300 работающих россиян) в 2010 г.

2. Исследование коллектива ученых Южного федерального университета, проведенное при поддержке фонда РНФ (проект «Профессиональная идентичность жителей мегаполиса в условиях прекариатизации российского общества»). Опрос среди 2310 учителей государственных общеобразовательных школ (из них 948 – в Москве, 618 – в Ростове-на-Дону, 744 – в Казани) и 1270 врачей государственных медицинских учреждений (из них 468 – в Москве, 400 – в Ростове-на-Дону и 402 – в Казани) в 2017–2018 гг.

Отношение населения к профессиональным династиям

Результаты всероссийских опросов показывают, что жители нашей страны в целом положительно относятся к существованию профессиональных династий. Больше половины опрошенных согласились с тем, что трудовые династии нужны (варианты ответов «да» и «скорее да» собрали 55% опрошенных в 2008 г. и 54% – в 2010 г.) (База результатов..., 2010). (см. рис. 1).

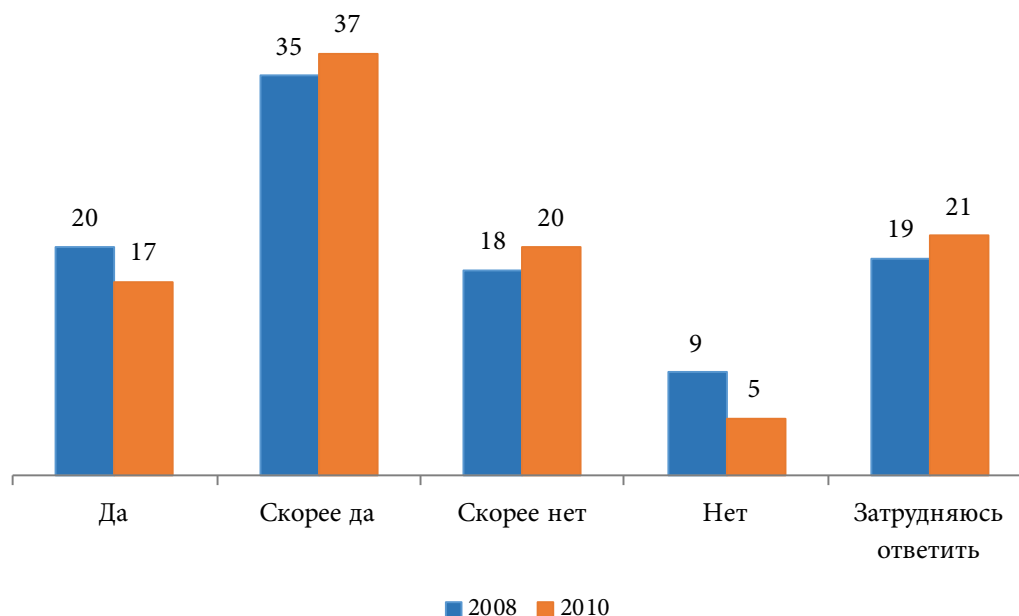

Рис. 1. Ответы населения РФ на вопрос:

«В целом, как, по-вашему, нужны ли трудовые династии», опрос ВЦИОМ, %

Причем не больше 3% опрошенных россиян указали, что при выборе своей профессии руководствовались соображениями династичности и следовали семейной традиции. Чаще всего определяющую роль играли собственные увлечения и интересы (33% в 2008 г. и 32% в 2010 г.), стечение обстоятельств (29 и 37%), не было выбора (12 и 15%), уровень оплаты труда в профессии (11 и 8%), востребованность специальности на рынке труда (11 и 7% соответственно).

Больше половины населения России не хотели бы, чтобы их дети выбрали ту же профессию, что и у них (56% в 2008 г. и 59% – в 2010 г.). В тоже время около пятой доли россиян разделяют установку на продолжение профессиональной династии в семье (20% и 23% соответственно). Кроме того, родители опрошенных в большинстве случаев

также не хотели, чтобы их дети формировали профессиональную преемственность в семье. 48% отметили варианты «совершенно точно нет» и «скорее нет». Зато третья доля респондентов (32%) указали на обратное. Можно также зафиксировать, что чем выше уровень образования, тем больше выражено желание родителей о профессиональной преемственности их детей.

Чаще всего разделяют установку на продолжение семейных традиций в профессиональной сфере юристы (49%), программисты (45%), представители сфер добычи и обработки сырья (42%), телекоммуникации и связи (39%), строительства и недвижимости (39%). Меньше всего подобные представления характерны для ресторанного и гостиничного бизнеса (20%), сферы продаж и работы с клиентами (19%), а также административно-хозяйственной деятельности (14%) (Россияне не хотят..., 2010)

Как видим, в наиболее доходных сферах профессиональной деятельности чаще встречаются ориентации на трудовую династичность. Данные показатели соответствуют результатам исследований итальянского ученого S. Mocetti. Он зафиксировал корреляцию между уровнем дохода и продолжением профессиональных династий. В работах этого автора показано, что со снижением статусных позиций и падением доходности профессии снижается тенденция к продолжению профессиональной династии.

Оценка работниками образования и медицины профессиональной преемственности в семье

Рассмотрим теперь результаты исследований 2017–2018 гг. среди учителей и врачей государственных учреждений крупных городов России. По данным Росстата на начало 2018 г. в Москве проживало 12,5 млн чел., в Казане – 1,2 млн чел., в Ростове-на-Дону – 1,1 млн чел.

Как показали материалы опросов, школьные педагоги чаще всего не рекомендовали бы своим детям выбирать профессию учителя. Больше всего это характерно для ростовских (74%) и казанских (64%) учителей. Среди столичных педагогов данный показатель составляет 51%. Причем выявляется зависимость между оценкой степени престижности места работы и желанием профессиональной преемственности в семье. В московской подгруппе наиболее высок процент указаний на то, что учительская профессия ценится в обществе (58%) и около половины столичных педагогов рекомендовали бы своим детям выбрать эту профессию. В Казани данное соотношение между оценкой престижа профессии и желанием семейной преемственности составляет 43% и 36%, в Ростове-на-Дону – 26% и 26%. (см. таблицу 1).

Данное обстоятельство объясняется значительной разницей оплаты труда школьных учителей в столице и региональных крупных городах России. По официальным данным средняя зарплата в столице РФ составляет в 2 раза выше, чем в регионах. А также оплата труда учителей в Казани примерно на 25% выше, чем в Ростове-на-Дону (Volchik et al, 2018). В тоже время не выявляется обусловленность установок на трудовую преемственность в семье карьерными перспективами в профессии (см. таблицу 1).

Таблица 1

Ответы учителей на вопрос:
«Насколько вы согласны со следующими утверждениями?», опрос ЮФУ, 2017–2018 гг., %¹

	Москва		Казань		Ростов-на-Дону	
	Не согласен	Согласен	Не согласен	Согласен	Не согласен	Согласен
Я рекомендовал бы своим детям выбрать профессию учителя	51	49	64	36	75	26
Я думаю, что профессия учителя ценится в обществе	42	58	57	43	74	26
Я доволен карьерными перспективами на своей работе	36	65	42	59	39	61

В сфере здравоохранения оценка статусности врачебного дела заметно выше, чем в учительской среде. Здесь также прослеживается зависимость между оценкой врачами престижа своей работы и желанием видеть детей продолжателями профессиональной династии. Наиболее высокие показатели по обеим позициям в столичной подгруппе докторов, самые низкие – в ростовской. В медицинской сфере также значительна межрегиональная дифференциация доходов, когда самые высокие зарплаты из рассматриваемых городов фиксируются в Москве, а наиболее низкие в ростовском регионе. А также в целом по официальным данным доход школьных педагогов в среднем на 30% меньше, чем у врачей (Volchik et al, 2018). Кроме того, в профессиональной среде врачей проявляется зависимость между установками на профессиональную династичность и удовлетворенностью карьерными перспективами респондентов (см. таблицу 2).

Таблица 2

Ответы врачей на вопрос: «Насколько вы согласны со следующими утверждениями?», опрос ЮФУ, 2017–2018 гг., %

	Москва		Казань		Ростов-на-Дону	
	Не согласен	Согласен	Не согласен	Согласен	Не согласен	Согласен
Я рекомендовал бы своим детям выбрать профессию врача	33	67	44	56	60	40
Я думаю, что профессия врача ценится в обществе	24	76	31	68	51	50
Я доволен карьерными перспективами на своей работе	29	71	34	66	47	53

Заключение

Таким образом, проведенные исследования показывают, что среди россиян не является популярной установка на профессиональную преемственность в семье, хотя само явление профессиональных династий оце-

¹ Здесь и далее дается сумма вариантов ответов «полностью не согласен» и «скорее не согласен», а также «полностью согласен» и «скорее согласен»

нивается в целом позитивно. На этом фоне проявляется подгруппа населения в размере от четверти до третьей доли опрошенных, которые указывают на свое желание или желание своих родителей наследовать профессиональный статус. Чаще всего разделяют установку на продолжение семейных традиций в профессиональной сфере представители более высокооплачиваемых профессиональных групп (юристы, программисты, представители сфер добычи и обработки сырья, телекоммуникации и связи, строительства и недвижимости). На материалах исследований работников образования и медицины подтверждается зависимость, что со снижением статусных позиций и падением доходности профессии уменьшаются ориентации к продолжению профессиональной преемственности в семье.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект №19-18-00320.

Литература

База результатов опросов россиян «Архивариус» ВЦИОМ// URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения 20.06.2019).

Инженерные династии России / научн. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС, 2017.

Посухова О. Ю., Клименко Л. В. Карьерные ориентации социетально значимых профессиональных групп российских мегаполисов в условиях прекариатизации // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018.

Россияне не хотят, чтобы дети продолжали их профессию// Пресс-выпуск ВЦИОМ №1654 о 17.12.2010. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1779> (дата обращения 20.06.2019).

Dunn T., Holtz-Eakin D. Financial capital, human capital, and the transition to self-employment: Evidence from intergenerational links //Journal of labor economics. 2000. Vol. 18. № 2. P. 282–305.

Klimenko L., Posukhova O. Societal determination of professional identity in Russian society // Opcion. 2018. Vol. 34 (Special Issue 16). P. 104–114.

Pellizzari M. et al. Family ties in licensed professions in Italy //A report for the Fondazione Rodolfo Debenedetti, Milan, 2011.

Surense J. B. Closure and exposure: Mechanisms in the intergenerational transmission of self-employment //The sociology of entrepreneurship. Emerald Group Publishing Limited, 2007. P. 83–124.

Volchik V., Klimenko L., Posukhova O. Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities // Entrepreneurship and Sustainability. 2018. Issues 6(1). P. 411–428.

Е. М. Колесникова

Инженеры как профессиональная группа: династии и перспективы профессиональной биографии молодых специалистов

Колесникова
Елена Михайловна

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: kolesnikova@mail.ru

Аннотация. Соотнесение технологических инноваций с базовыми социальными ценностями требует не только привлечения в профессию наиболее заинтересованной и успешной в образовании молодежи, должной подготовки в вузе, но и высокого социально-экономического статуса профессии инженера, что особенно важно в условиях неопределенности и противоречий современного мира. Инженерные династии, оставаясь важной частью профессионального сообщества, являются средством поддержания высоких внутрипрофессиональных стандартов этики.

Ключевые слова: социология профессий, межпоколенная мобильность, социальная мобильность, инженеры, профессиональные династии.

Сектор «Социологии профессий и профессиональных групп» Института социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук занимается анализом изменений российского общества с точки зрения различных профессиональных групп, их статуса, процессов их формирования, ресурсов и стратегий социальной адаптации к внешней ситуации. Одним из значимых проектов сектора является рассмотрение проблематики инженерной профессии и инженерных династий как ресурса для развития группы в современной России. Формирование профессиональных групп, основанных на сочетании сложных научных знаний и практики, требует больших затрат со стороны государства, системы образования и самого профессионального сообщества. Кадровым ресурсом столь статистически большой и значимой для экономики профессиональной группы как инженеры являются юноши и девушки, выбирающее образование по техническим специальностям, и среди них много представителей инженерных династий. Профессиональные династии часто выступают в роли неформальных институтов воспроизводства группы, благотворно влияют на рынок рабочей силы регионов в длительной перспективе, а наличие династий в профессиональной группе способствует снижению рисков депрофессионализации и деградации культуры инженерного сообщества, даже в усло-

виях серьезных сложностей, снижения статусных показателей группы. Исследование (2015 год) включало интервью с представителями профессиональных инженерных династий, а также преподавателями крупнейших инженерных ВУЗов Самарского региона (СГАУ и СамГТУ) и опрос 290 студентов профильных вузов (МАИ, МАМИ, МАТИ, МПУ, СамГТУ).

Сегодняшний инженер — это не только специалист высокой квалификации, но и профессионал, учитывающий в своей деятельности интересы внешних институтов (государства, общества, частных инвесторов). Сочетание таких компетенций делает необходимым, с одной стороны, привлечение в инженерную профессию лучших студентов, которые станут квалифицированным кадровым ресурсом, позволяющим рассчитывать на качественное развитие страны в будущем, на решение современных задач, стоящих перед российской экономикой, промышленностью и производством. С другой, становится насущным вопрос обязательного соотнесения ими инженерных решений, предлагаемых технологий с морально-этическими аспектами труда в своей будущей и сегодняшней деятельности, сохранения независимости и самостоятельности, готовности нести ответственность за выбранные и предложенные решения, за их социальные, экологические и прочие последствия. Так, среди опрошенных студентов большинство оценили свою успеваемость как высокую и именно среди студентов с высокой самооценкой успеваемости больше доля тех, кто планирует работать по профессии инженера после завершения обучения и тех, кто видят свое будущее в профессии инженера как успешное, что свидетельствует об уверенности в силе знаний и опыта, возможности построить на их основе успешное профессиональное будущее. При этом, независимость мнения, являющаяся важной составляющей инженера как профессионала, выше ценится именно студентами-представителями династий, в частности такой ее аспект как «возможность самостоятельно принимать решение на своем рабочем месте». Для поддержания данного аспекта профессиональной культуры среди всего профессионального сообщества в ведущих инженерных ВУЗах мира уделяется большое внимание вопросам этики профессии и методам оценки технологий, в программу обучения включены специализированные курсы, а инженерные династии остаются серьезной силой, способствующей сохранению высоких требований к себе как профессионалу и гражданину.

Высокий статус профессии, достойное социальное положение инженера в обществе и защита от попыток ограничить их права являются необходимыми условиями для возможности повсеместной практики соблюдения этических норм среди профессионалов. Хотелось бы отметить, что престиж современных технических профессий интеллектуального труда в мире высок, что позволяет рассчитывать на должное признание профессии, экономическое вознаграждение, уровень жизни, а также на возможность отстаивать независимое профессиональное мнение в непосредственной практике и в сотрудничестве с обществом, частными инвесторами. Страны, занимающие ведущие позиции по вложению в НИОКР, отдают предпочтение негосударственному финансированию НИОКР и развитию высокотехнологичного и наукоемкого производства в сфере малого и среднего предпринимательства, а истории успехов инженеров-предпринимателей в мире впечатляют

технологическими прорывами и последующим развитием изобретений и стартапов в крупные корпорации. Молодое поколение инженеров России, студентов как будущих и уже практикующих специалистов активно интересуется инженерным творчеством, созданием новых наукоемких продуктов, а профессиональная биография связывается со стремлением к самозанятости, что характерно для высокоразвитых экономик, в то же время они пока откладывают инициативную экономическую деятельность на более поздние этапы профессиональной биографии, осознавая сложности и риски современного предпринимательства в высокотехнологичном производстве. Студенты, не располагающие таким ресурсом как принадлежность к инженерной династии, предпочитают стабильность государственных предприятий высоким доходам и карьерному росту негосударственных, что характерно для экономик с низким показателем мобильности и сильным государственным регулированием. Если в советский период гарантированные государством занятость, доход и базовые социальные гарантии обеспечивали статус профессии инженера, то сейчас показатели экономического вознаграждения и сама занятость как таковая становятся предметом каждодневного обсуждения между работником и работодателем, статус работника зависит скорее от него самого и тех ресурсов, которые он может аккумулировать, чем от предпочтения профессии инженера любой другой. Немаловажно и то, что общие изменения на рынке труда в постсоветский период, связанные с появлением безработицы, неформальной занятости, расхождением в заработках и доходах стимулируют значимость для работников стабильности, гарантий, а высокий доход в негосударственном секторе напрямую связан не только с эффективностью его непосредственной работы, но и с успехами предприятия в целом, культурой менеджмента, со многими характеристиками, на которые сам работник может повлиять далеко не всегда.

Таким образом, соотнесение технологических инноваций с базовыми социальными ценностями требует не только привлечения в профессию наиболее заинтересованной и успешной в образовании молодежи, должной подготовки в вузе, но и высокого социально-экономического статуса профессии инженера, что особенно важно в условиях неопределенности и противоречий современного мира. Инженерные династии, оставаясь важной частью профессионального сообщества, являются средством поддержания высоких внутрипрофессиональных стандартов этики.

Е. Л. Лукьянова

Молодые рабочие и специалисты: от технической компетентности до профессионализма

Лукьянова
Евгения Львовна

НИЦ «Регион»; Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия.

E-mail: lukyanova.jenya@gmail.com

Аннотация. Предметом анализа выступает профессиональная самореализация молодежи, занятой на промышленных предприятиях Ульяновской области. При этом особое внимание уделяется роли технической компетентности в ее достижении, показываются контексты понимания профессионального мастерства как молодыми рабочими, так и специалистами. Затрагиваются вопросы формирования современных заводских идентичностей, выделяются новые аспекты отношения молодежи к профессиональному развитию и перспективам построения заводских карьер.

Ключевые слова: молодые рабочие, молодые специалисты, техническая компетентность, профессионализм, профессиональная самореализация.

Тенденцией последних лет является отход от рассмотрения вопросов технической (или технологической) компетентности кадрового состава предприятий. Раньше функциональные знания и умения считались ведущими в определении квалификации. Теперь их относят к низовому или базовому уровню, тем самым подчеркивая их вторичность по отношению к другим элементам трудового поведения. Ученые больше внимания уделяют изучению корпоративных ценностей, также много говорят об инновационном потенциале работников как части их индивидуального человеческого капитала. В эмпирических исследованиях год за годом констатируется сильный перевес важности заработной платы над мотивами профессионального совершенствования. Порой только в ее увеличении и прочих материальных стимулах социологи видят самый надежный способ популяризации профессий среди молодежи, в особенности рабочих специальностей. Если развитие личных способностей и рассматривается, то лишь с точки зрения перспектив социальной мобильности, а также обоснованности вложений в образование и самоподготовку.

Доклад возвращает к проблеме технической компетентности как одной из главных составляющих профессионализма. В нем на примере двух групп – рабочих и специалистов – показываются те социальные и культурные факторы, которые влияют на особенности понимания профессионального мастерства самой молодежью. В центре анализа будут работники промышленных предприятий Ульяновской области. Среди них проводился анкетный опрос общий объемом выборки более 1000 участников, результаты

которого дополнялись материалами фокус-групп, глубинных и экспертных интервью¹. Сочетание качественных и количественных методов сбора дало возможность не только оценить значимость отдельных компетенций, но и выявить то, как каждая из них интерпретируется в зависимости от сложившихся на предприятии условий. Глубинные интервью помогли проследить ценности профессионального самовыражения на протяжении всей трудовой биографии респондентов.

Проблема изучения технической компетентности актуальна еще и потому, что во многих отраслях на сегодня утрачена единая система оценки квалификации персонала. Категории и разряды больше не служат значимыми ориентирами уровня мастерства для кадровых служб даже крупных предприятий. На некоторых из них вводится собственная внутренняя градация профессиональных достижений сотрудников. При этом если для специалистов модели оценки как общей, так и технической компетентности являются достаточно разработанными, то в отношении рабочих специальностей такая задача только ставится. Автоматизация производственной базы, переход на новые виды сырья и комплектующих заставляют иначе взглянуть на трудоемкость операций, выполняемых рабочими. Сегодня последние должны владеть не только инструментальными навыками, от них также требуется умение использовать программные средства первичного складского учета, разбираться во внутренних и внешних корпоративных Интернет-ресурсах, брать на себя функции лабораторного контроля качества и т. д.

Сделанный опрос подтвердил вывод о том, что профессиональная реализация, хотя и тесно связана с отдельными компонентами технической компетентности, но не сводится полностью к ней. Эксперты заостряли недостаточную готовность молодежи к работе в промышленной сфере, несоответствии стандартов ее профессиональной подготовки производственным реалиям. В свою очередь до половины молодежи с предприятий Ульяновской области была уверена, что имеющиеся у нее профессиональные знания и умения используются не в полной мере. Особенно остро это ощущают те, кто занят по рабочим специальностям. Даже на самых передовых заводах (в смысле применяемого оборудования и технологий) только треть рабочих говорили о полной востребованности всей накопленной ими профессиональной базы.

Стоящие за обнаруженной неудовлетворенностью причины гораздо шире, чем недостаточно хорошо организованная система управления кадрами на предприятиях или отсутствие там программ повышения квалификации сотрудников. Профессионализм принято представлять результатом последовательного углубления специальных знаний, укрепления профессиональной идентичности и становления профессиональной зрелости. Приходящая на заводы молодежь называет себя практиками, независимо от уровня образования и занимаемой должности. Фактически на долгие годы —

¹ Доклад подготовлен на основе коллективного проекта «Особенности стратегий занятости молодежи в регионах с развивающимися инновационными кластерами (на примере Ульяновской области)» (РФФИ, № 18-411-730012). В нем также используются данные проекта «Повседневная культура рабочей молодежи в стратегиях жизни и занятости» (грант РФФИ, №17-03-00716, 2017–2018 гг.).

исследование охватило участников от 18 до 35 лет – эта характеристика остается ключевой в самоопределениях как специалистов, так и рабочих. А вот ассоциации с конкретными заводскими профессиями получились менее устойчивыми. С одной стороны, развитию прочных профессиональных идентичностей препятствуют частые перемещения молодежи с одной позиции на другую, в том числе для лучшего знакомства с процессом производства.

С другой стороны – у большинства участников предыдущий трудовой путь вовсе не отличался стабильностью профессиональных ориентаций. Как следует из глубинных интервью, молодежь не пугает перспектива смены рода деятельности. Некоторым из них приходилось переквалифицироваться из системных администраторов в наладчики станков, из юристов в упаковщицы, из бухгалтеров в переводчики и т. п. По словам экспертов, современная тенденция такова, что даже «водителю погрузчика может быть предложено 106 разных карьерных линий, у специалистов вариантов найти себе применение еще больше». Собираемый «портфель профессий», несомненно, повышает шансы трудоустройства, но приводит к мысли о необходимости переосмыслить подходы к выделению критериев профессионализма. Несомненно, темы самореализации и утверждения себя на рабочем месте не теряют важности и в рамках «портфеля профессий», но вот в форме каких метакомпетенций это будет выражаться, нуждается в серьезном изучении.

О. А. Нор-Аревян

Роль профессиональной династии в мотивации выбора профессии

Нор-Аревян

Оксана Аведиковна

Кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: noroks@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается профессиональная династия как мотивационная основа выбора профессии подрастающего поколения. По итогам всероссийских опросов выявлено положительное отношение к династичности в профессии, что позволило определить роль профессиональных семейных династий как культурного образца профессиональной социализации. Выявлен двойственный характер влияния семейных трудовых традиций на выбор профессиональной траектории молодого поколения, так как стремление к воспроизводству в профессии для своих детей не является абсолютным.

Ключевые слова: профессиональная династия, профессия, династичность, мотивация, профессиональный выбор, семейные трудовые традиции.

В своей жизни человек неоднократно оказывается перед выбором, решая задачи различного уровня сложности: от самых банальных повседневных (что надеть, что посмотреть, куда сходить и т. д.) до более серьезных задач (куда пойти учиться, какую профессию выбрать), от решения которых будет зависеть дальнейшая жизнь. Ключевыми этапами жизни человека становится, безусловно, выбор профессии. Неоднократно и с самого детства нам задают вопрос «А кем ты хочешь стать?», «Кем ты мечтаешь стать, когда вырастешь?» и т. п. Многие стремятся ориентироваться на профессию детской мечты и именно так выстраивают свою профессиональную карьеру. По данным ФОМ, 23% респондентов работали ранее или работают сейчас по профессии своей детской мечты. Почти каждый шестой (15%) из опрошенных хотел бы стать медиком, а стал рабочим (17%), многие видели себя среди учителей или воспитателей, а работают в этой сфере лишь 4%. Интересно, что из 15% опрошенных, желающих стать медиком, стали врачом только 1% и 3% медсестрой, то есть получили медицинское образование, но не высшее, однако на один шаг приблизились к своей мечте (Куда приводят...).

Каждый человек, делая свой профессиональный выбор, ориентируется на множественность факторов, как то личностные интересы, рекомендации семьи и семейные традиции (династичность в профессии), престижность профессии, востребованность профессии на рынке труда. Преимущественно, бывшие школьники делают этот выбор субъективно, опираясь на ситуативное влияние внешних и внутренних факторов (реальные возможности посту-

пления в вуз, наличие требуемого количества баллов, близость учебного заведения к месту жительства, потенциальные возможности трудоустройства по получаемой специальности).

Истории семей в аспекте проблематики «формирования социальных траекторий», базирующейся на идее трансляции, исследуют французские социологи Д. Берто и И. Берто-Вьям. Эти трансляции и есть то, что будет «усвоено» каждым ребенком, от чего будет зависеть в очень значительной степени не только индивидуальность, но и, например, школьные успехи, его вступление в активную жизнь (т. е. отправная точка его профессиональной траектории) и даже социальная интегрированность (Берто, Берто-Вьям 2003: 246).

Исследованием проблем профессиональных династий занимались современные исследователи Н. В. Волкова и В. А. Чикер (Волкова, Чикер 2016), А. В. Левочкина (Левочкина 2013), Н. П. Максимова (Максимова 2014), В. А. Мансуров, Е. Ю. Иванова, И. П. Попова, А. В. Семенова (Мансуров 2018), О. В. Ромах (Ромах 2012), О. Ю. Посухова (Посухова 2013), М. А. Старикова (Старикова 2013) и др.

В современных прикладных исследованиях по проблемам профессиональной социализации молодежи, традиционно присутствует раздел о мотивации выбора профессии и традиционно исследователи задают респондентам вопрос о том, кто или что повлияло на выбор будущей профессии.

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ (проведен 14–15 июня 2008 г., опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России) *показал*, что династийность как мотивационная установка выбора профессии, достаточно слаба: только 3% респондентов при выборе следовали семейным традициям.

Вместе с тем россияне однозначно видят положительную сторону династийности, выражающуюся в возможности передачи профессионального опыта (26%). Далее следуют такие плюсы, как преданность профессии, более высокий уровень профессионализма и сохранение традиций профессии (по 5%), 3% указывают быстрое освоение профессии.

С другой стороны, большинство россиян (78%) не могут назвать отрицательных сторон в существовании трудовых династий, а 6% считают, что их нет. К минусам относят и отсутствие у детей выбора профессии и собственной траектории профессионального развития. Более половины россиян полагают, что трудовые династии нужны (35% ответили «скорее да» и 25% – «да»). Чаще всего подобное мнение выражают жители крупных городов (61%), пожилые россияне (60%) и респонденты с начальным или неполным средним образованием (60%). 27% наших соотечественников, напротив, полагают, что «отсутствие необходимости в существовании профессиональных династий» видит каждый четвертый россиянин (18% ответили «скорее нет» и 9% дали ответ «нет» на вопрос «На Ваш взгляд, существует ли необходимость в профессиональных династиях?») (Горожанкина).

Семья выступает носителем духовного облика целого поколения, передаваемого от отца к сыну, от матери к дочери и транслятором семейных традиций и ценностей, в том числе традиции профессиональной преемственности.

Семья и родительство, по-прежнему, оказывают определяющее влияние на выбор профессии, вуза и специальности молодого человека. Проводимое ранее исследование (апрель-октябрь 2011 г., опрошено 4029 студентов и 953 эксперта вузов Ростовской области) показало, что выбор специальности по рекомендации родителей сделали более 30% респондентов. Анализируя участие родителей в выборе специальности и вуза, коллектив исследователей (при участии автора) приходит к выводу о влиянии семейных традиций на формирование профессиональных интересов абитуриентов, поскольку именно родители закрепляют своих детей в тех социальных группах, представителями которых являются сами, и семья удерживает позиции культурного образца профессиональной социализации молодого поколения (Социализация и воспитание...).

Социализационное влияние профессиональных династий усиливается в условиях кризиса системы профессиональной социализации. Первоначальные представления о выборе профессии формирует экономическая функция семьи, связанная с профессиональной деятельностью родителей. Особенно легко и естественно проходит вхождение в профессию, если она приносит социально-экономические блага для членов семьи. Но, такие факторы, как снижение кадровой потребности в результате перестройки российской экономики, резкое падение престижности профессии в целом и размывание ее ценности внутри династийной семьи, замедляют воспроизводство в профессии и могут приводить к кризису профессиональной преемственности.

Интересно, что по результатам опроса «ВЦИОМ-Спутник» от апреля 2017 г. старшее поколение высказалось отрицательно относительно перспективы своих детей/внуков продолжить профессиональный путь своих родителей. Так, на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети/внуки работали по той же профессии, что и Вы или нет?», большая половина респондентов высказались в целом отрицательно (совершенно точно нет-40% и скорее нет-28%) и только четверть всех опрошенных ответили согласием: скорее да-21% и безусловно-4% (Ежедневный всероссийский...).

Подводя краткие итоги, отметим, что семья оказывает влияние на формирование профессиональной траектории ребенка, но влияние это имеет двойственный характер: на фоне высокой значимости семейных трудовых традиций, родители отрицательно высказываются о возможности воспроизводства в профессии для своих детей, так как не желают, чтобы их дети столкнулись с теми же трудностями профессии, с которыми приходилось столкнуться им самим. Однако, если ребенок сам будет проявлять интерес к профессии, то готовы предоставить всевозможную поддержку.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320.

Литература

Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений / Социология: Хрестоматия / Сост. Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая. – М.: Гардарики, 2003. – С. 246.

Волкова Н. В., Чикер В. А. Особенности карьерной мотивации в контексте теории поколений: результаты эмпирического исследования // Вестник СПбГУ. Сер. 8 Менеджмент. 2016. Вып. 4. С. 79–101.

Горожанкин В. Профессия по наследству: хорошо или плохо? URL: <https://iamik.ru/news/tekhnologii/65033/> (дата обращения 10.07.2019).

Ежедневный всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник». URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=23&q_id=1148&date=02.04.2017 (дата обращения 12.07.2019).

Куда приводят мечты. Проект «Доминанты», опрос «ФОМ-нимбус», 30 мая 2011, 6 июня 2011. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10046> (дата обращения 12.07.2019).

Левочкина А. В. Сущность и специфика понятия профессиональные династии // Аналитика культурологи. 2013. Т.26

Максимова Н. П. Династия – основа профессиональной карьеры // Образование. Карьера. Общество. 2014. № 3 (42). С. 69–71.

Мансуров В. А., Иванова Е., Попова И. П., Семенова А. В. Профессиональные династии как социальный механизм воспроизводства профессиональных групп: на примере инженерных династий России // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 53–58.

Посухова О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 2. С. 100–104.

Ромах О. В., Левочкина А. В. Династия как фактор развития культуры // Аналитика культурологи. 2012. Т.23.

Социализация и воспитание студенческой молодежи вузов Ростовской области (сравнительный анализ исследований 2006, 2011 и 2013 годов): научно-методическая монография / под общ. ред. В. И. Филоненко; научный редактор И. А. Гуськов. – М.: Вузовская книга, 2014. – 516 с.

Старикова М. А. Взаимосвязь карьерной направленности и особенностей родительской семьи (на примере профессиональных династий и семей, не являющихся династиями) // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2013. № 3 (97). С. 174–180.

Ю. С. Панфилова

Династийность как фактор выбора образовательных и профессиональных стратегий

Панфилова
Юлия Сергеевна

Кандидат социологических наук,

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: panfilovajulia@mail.ru

Аннотация. Профессиональные династии, являясь неформальным институтом воспроизводства профессиональной группы, выступают значимым фактором выбора образовательных и профессиональных стратегий. Между тем, однозначных оценок династийности как фактора поведения в профессиональной сфере на сегодняшний день нет, более того, по некоторым аспектам мнения ученых поляризовано. Это актуализирует обращение к более широкому исследованию потенциала профессиональных династий, его конструктивному и деструктивному проявлениям в семьях с разным социально-профессиональным статусом. Тезисы подготовлены при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в современном российском обществе».

Ключевые слова: профессиональная династия; образовательная стратегия, профессиональная стратегия; трансмиссия социального статуса.

Профессиональные династии справедливо рассматриваются в науке как значимые агенты профессиональной социализации и трансляции опыта. Зеленков С. К. считает, что «трудовой династией являются представители одной профессии не менее чем во втором поколении, занятые в настоящее время или работавшие до выхода на пенсию в одной сфере деятельности» (Зеленков, 2007). Зиброва Е. А. определяет династийность в профессии как в первую очередь психологический феномен, включающий в себя закономерности формирования профессиональной идентичности, усвоение профессиональных и корпоративных паттернов поведения (Зиброва, 2012). Валиахметов Р. М. и Туракаев М. С. считают их «наиболее представительным и активным социальным агентом, непосредственно наследующим все основные характеристики и свойства группы» (Валиахметов, Туракаев, 2019). Колесникова Е. М. также обращает внимание на наследование профессиональных практик в династиях: «профессиональные династии – это особая форма социальной организации трудовых ресурсов, которую отличает интериоризация ценностей и норм профессионального поведения, опыта и знания своих родных» (Колесникова, 2018).

Представленные определения акцентируют внимание на межпоколенной трансляции профессиональных ценностей, норм и моделей поведения в династиях как основы профессиональной социализации младших

членов семьи. Между тем, влияние династийности на модели поведения в профессиональной сфере на сегодняшний день не оценивается учеными однозначно. Является ли выбор профессии среди представителей династий осознанным? Как принадлежность к династии влияет на образовательные и профессиональные стратегии? Различаются ли профессиональные установки «династийных» и «нединастийных» студентов?

Поиск ответов на поставленные вопросы предполагает, как правило, сравнение с «нединастийными» работниками или студентами. Общий вывод, к которому приходят исследователи – вхождение в профессию у представителей династий начинается с детства. В то же время в вопросе о том, как именно действует фактор принадлежности к профессиональной династии, мнения ученых расходятся.

Так, научно-исследовательский коллектив под руководством В. А. Мансурова в ходе опроса династийных и нединастийных учащихся инженерных классов пришли к ряду интересных выводов. Среди представителей профессиональных династий в два раза выше число тех, для кого мнение семьи стало решающим при выборе направленности образования. Более того, «династийные» обучающиеся чаще других отмечали, что хотят видеть своих детей в инженерной профессии (Инженерные династии в России, 2017). Для представителей инженерных династий в целом характерен баланс между высокой заработной платой и возможностью выполнять сложную интересную работу. Исследователи также пришли к выводу, что, несмотря на осознанный выбор профессиональной сферы, соблюдению лояльности способствовало «приватное наблюдение за образом жизни». В то же время, желание работать по профессии и успехи в обучении у представителей династий и учащихся, в семьях которых нет инженеров, в целом различаются незначительно. Таким образом, можно сделать вывод, что, если непосредственно профессиональный выбор и определяется принадлежностью к династии, то на дальнейшие образовательные и профессиональные траектории он не оказывает решающего влияния.

К. А. Калашникова, М. А. Анипкин и Е. Г. Попова, основываясь на результатах анкетирования студентов ВолГУ, приходят к выводу, что выбор в пользу профессии медицинского работника респондентами из семей-профессиональных династий является результатом осознанного выбора. Выбирая профессию, эти ребята руководствуются четкими представлениями об особенностях медицинской профессии, рисках. Автор также отмечает, что студенты-представители профессиональных династий лучше учатся, более мотивированы на расширение компетенций. Основное влияние семьи автор видит в первую очередь в трансляции профессиональных ценностей. Кроме того, авторы отмечают, что для династийных студентов менее важна материальная составляющая, но более ценна стабильность (наличие социальных гарантий, работа в комфортных условиях, стремление сохранить привычный образ жизни). Как результат – среди представителей профессиональных династий несколько ниже ориентация на карьерный рост (Калашникова, Анипкин, Попова, 2011).

К противоположным выводам пришла Е. М. Колесникова. Говоря о профессиональных установках династийных и нединастийных студентов, автор отмечает, что концентрация социальных ресурсов внутри про-

фессиональных династий способствует тому, что династийные студенты меньше ориентированы на стабильность в сфере занятости и патернализм. Основываясь на результатах опроса студентов инженерных вузов Москвы и Самары, автор приходит к выводу, что династийные студенты в начале карьеры и через 20 лет в равной степени предпочитают частный сектор государственному, в то время как подавляющее большинство нединастийных обучающихся видят карьеру только на государственных предприятиях («где ниже доход, но выше стабильность»). Династийных студентов нетрудовые отношения, характерные для частного сегмента занятости, не смущают, в то время как отсутствие дополнительных ресурсов родительской семьи в условиях общих изменений рынка труда (неформальная занятость, безработица и т. д.) повышают для нединастийных студентов значимость социальных гарантий и стабильного заработка на государственных предприятиях (Колесникова, 2017).

М. В. Шаманин, основываясь на данных замеров, проведенных по нескольким методикам, склоняется к следующему выводу: выбор профессии детьми из династий нельзя назвать полностью самостоятельным. «Родители в династийных семьях стремятся контролировать поведение ребенка, их характеризует высокая директивность в сочетании с позитивным интересом к жизни ребенка, однако данный интерес основан на своем видении профессионального развития младших членов династийных семей. Так родители активно участвуют в формировании жизненных целей и профессиональных планов своих детей». Как результат – представители династий совершают профессиональный выбор по инерции, менее мотивированы на развитие (Шаманин, 2018). С ним согласна В. И. Плещенко, которая пришла к выводу, что представители профессиональных династий недостаточно мобильны на рынке труда, слабо ориентированы на расширение компетенций (Плещенко, 2017). Р. М. Валиахметов и М. С. Туракаев отмечают, что, несмотря на высокий позитивный потенциал профессиональных династий, нельзя не говорить об их негативной роли в жизни общества. «Например, дети могут занимать позиции на рынке труда, пользуясь семейными и родственными связями, при этом не обладая достаточным и релевантным культурным и человеческим капиталами» (Валиахметов, Туракаев, 2019).

Таким образом, на сегодняшний день в научном сообществе отсутствуют однозначные выводы о влиянии фактора династийности на образовательные и профессиональные стратегии в условиях российского рынка труда и тенденций развития социальной структуры общества. Это актуализирует обращение к более широкому исследованию их потенциала, его конструктивному и деструктивному проявлениям в семьях с разным социально-профессиональным статусом.

Литература

Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Профессиональная династия как ресурс человеческого капитала и образовательной стратегии населения // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2 (100). С. 20–29.

Зеленков С. К. Профессиональная ориентация и трудовая занятость молодежи // Народное образование. 2007. № 6. С. 232–233.

Зиброва Е. А. Профессиональные установки трудовых династий как фактор успешности профессиональной деятельности специалиста железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... к.псих.н. – Хабаровск, 2012.

Инженерные династии России: монография / научн. ред. *В. А. Мансуров* – М.: РОС, 2017.

Калашникова К. А., Анипкин М. А., Попова Е. Г. Социологический анализ роли медицинских династий в условиях модернизации современного института здравоохранения // Научный вестник ВАГС. Политология и социология. 2011. № 5. С. 36–43.

Колесникова Е. М. Инженерные династии и перспективы профессиональной биографии студентов инженерных вузов // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 55–72.

Колесникова Е. М. Инженерные династии как ресурс социальной мобильности // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. *З. Х. Саралиевой*: В 2 т. Т 2. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 132–137.

Плещенко В. И. Феномен трудовой династии на производственном предприятии: история и современность // Бюллетень «Черная металлургия». 2017. № 11. С. 86–89.

Шаманин Н. В. Детско-родительские отношения как детерминанты профессионального самоопределения в династийных семьях // Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности: сб. науч. тр., посвященный 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Гуманитар. ин-т ; Ин-т психологии Рос. акад. наук. – Владимир – М.: Изд-во ВлГУ, 2018. С. 214–220.

И. П. Попова

Трансформации моделей профессиональных карьер в сфере науки и технологий

**Попова
Ирина Петровна**

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: popova-book@mail.ru

Аннотация. Доклад рассматривает изменения в моделях профессиональных карьер в сфере науки и технологий в современных условиях, связанные как с глобальными факторами, так и с ситуацией кризиса и реформирования науки в России, возникновением новых моделей воспроизводства профессиональной группы научных работников. Анализируются концептуальные основания, а также эмпирические данные биографических интервью (2018–2019) с российскими учеными, работающими в России и за рубежом, представителями разных поколений, которые помогают выявить тенденции этих изменений. Обсуждаются представления об условиях для новых моделей научной карьеры, включающих возможности международной мобильности, формирования способствующих ей структур.

Ключевые слова: профессиональная карьера, наука и технологии, исследования карьеры.

Постановка проблемы связана с анализом возможностей создания моделей эффективного воспроизводства в науке в современных условиях на основе методологических и эмпирических исследований профессиональной карьеры в сфере науки и технологий. Каковы тенденции в изменениях профессиональных карьер ученых в современных условиях? Как возможно регулирование этих тенденций? В докладе выделяются два фокуса внимания в ответе на эти вопросы: концептуальные модели профессиональной карьеры в сфере науки и технологий и эмпирический анализ карьер российских ученых, складывающихся за рубежом, их сравнение в разных поколениях (на данных биографических интервью с учеными, проведенных в 2018–2019 гг.).

Кратко обозначим основные подходы исследования. Они исходят из представлений о воспроизводстве профессиональных групп через механизм и модели карьерных стратегий, рассматриваемых в многоуровневом контексте их формирования, включающем структуры, институты и способы взаимосвязи между ними (взаимодействия, коммуникации). Методологическим основанием анализа являются междисциплинарные исследования карьеры, прежде всего ее структурных условий и характеристик (см. об этом напр.: (Arthur, 2008; Baruch et al., 2015; Cuzzocrea, Dawn, 2011; Толочек, 2017) и др.); в его рамках профессиональную карьеру в сфере науки и техноло-

гий мы рассматриваем как последовательность деятельности в этой сфере, разделенную на периоды, соотношение (характер преемственности) этих периодов; зависимость от ресурсов и структур внешней среды (Попова, 2017). Эмпирический анализ опирается на данные биографических интервью с российскими учеными, работающими в России и за рубежом, проведенными в 2018–2019 гг. (общая выборка 40 интервью).

В основе изменений моделей профессиональных карьер лежат факторы различных уровней. С точки зрения влияния факторов глобального уровня, профессиональные карьеры рассматриваются в рамках концепций «мобильного поворота». Существенные аспекты развития карьерной мобильности, связанные с устройством научной деятельности и самой науки, приобретают глобальный характер. На материалах проведенных интервью с российскими учеными анализируются представления об этом устройстве, в том числе о глобальных уровнях экспертизы, профессионального контроля и преемственности, которые лежат в основе институциональных регуляторов карьер. Роль последних представляется противоречивой с точки зрения глобальной конкуренции и неравенств, тем более в невыгодном положении российской науки в мире после системного провала 1990-х годов. Она усиливает их, но в то же время создает новые возможности.

Основной характеристикой новых моделей профессиональных карьер с точки зрения внутренних факторов влияния является изменение условий их формирования в связи с ситуацией кризиса и реформирования науки в России, усилением неравенств в ней, возникновением новых моделей воспроизводства профессиональной группы научных работников. Начало 1990-х годов стало поворотным пунктом, резко изменившим условия организации науки и научных работников. Прежде всего, это кризис фундаментальной науки – нерыночного сектора экономики, развитие которого зависело от государственной поддержки. Дискутировалась новая модель организации науки, в которой решающую роль играл рынок, и соответственно модель прагматически ориентированной профессиональной карьеры, опирающейся на адаптационные возможности самого ученого. Но регуляторов, которые обеспечивали бы развитие таких образцов карьеры, не было создано. Падение финансирования и оплаты труда в науке, ощущение тупиковой ситуации в ее развитии породило масштабные изменения в карьерных траекториях и массовый исход из науки. Инерция развития профессиональных карьер в науке способствовала сохранению основных характеристик профессиональной группы, в то же время «кризисные» способы поддержания статуса ученого (подработки, вторичная занятость) оказывались разрушительными для него. Способом поддержания научной карьеры стала профессиональная мобильность за рубеж (см. об этом: Ерохина, 2008; Дежина, 2016; Ушкалов, Малаха, 2011) и др.).

Анализ интервью с российскими учеными, которые имеют опыт такой мобильности, показывает, что основным мотивом такой работы становится желание достигать в своей профессии наилучших результатов, их применения на практике, в экономике, что возможно в том числе в развитой профессиональной среде. В то же время логика развития карьеры в другой среде приводит к тому, что создаются «карьерные якоря», и возвращение часто становится маловероятными или невозможным.

Данные исследования дают основания для общих характеристик поколенческих различий, связанных с различными этапами формирования моделей научных профессиональных карьер за рубежом. Первый из них связан с ситуацией 1990-х годов и включает новые карьерные траектории в основном 50-летних в нашей выборке. Эти траектории формировались под влиянием обстоятельств и оценивались как вынужденные, часто перерастали в безвозвратную эмиграцию. На следующем этапе (2000–2010 гг.) карьеры карьерные траектории, включающие опыт эмиграции, выстраиваются с более гибким учетом различных обстоятельств, чаще включаются как определенные этапы профессиональной биографии. Наибольшую гибкость в построении своих карьер в рамках международной научной мобильности проявляют ученые более молодых поколений (30–40-летние), ресурсом которой является возможность планировать заранее различные направления карьерных траекторий и их периодов.

Неустойчивость и неразвитость профессиональной среды, ее институтов, негативно влияют на перспективу профессиональных карьер в науке. Формирование благоприятной профессиональной среды остается главной задачей управления их развитием. В качестве одного из выводов исследования обсуждаются представления о необходимости и возможностях создания условий для новых моделей научной карьеры, включающих возможности международной мобильности, формирования способствующих ей структур, включающих условия контрактов, специальные программы обмена и сотрудничества в России.

Литература

Ерохина К. С. Социальная мобильность ученых и проблемы ее государственного регулирования // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 85–93.

Дежина И. Г. Русскоязычная научная диаспора: опыт и перспективы сотрудничества с Россией // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 1. С. 134–149.

Попова И. П. Профессиональная карьера в сфере науки и технологий – к проблеме устойчивости // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 124–134.

Толочек В. А. Профессиональная карьера как социально-психологический феномен. М.: Институт психологии РАН, 2017.

Ушкалов И. Г., Малаха И. А. «Утечка умов» — масштабы, причины, последствия. М., 2011.

Arthur M. B. (2008) Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry // Human relations. Vol. 61. 155. 2. Pp. 163–186.

Baruch Y., Szűcs N., Gunz H. Career studies in search of theory: the rise and rise of concepts // Career Development International. 2015. Vol. 20. No. 1. P. 3–20.

Cuzzocrea V., Dawn L. (2011) Sociological Conceptualisations of ‘Career’: A Review and Reorientation // Sociology Compass. Vol. 5. Iss. 12. P. 1029–1043.

Г. И. Чикарова

Профессиональные династии как предмет теоретической рефлексии в контексте развития отечественной социологии труда

**Чикарова
Галина Игоревна**

Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: galia201292@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена результатам критического анализа отечественной социологической литературы разных исторических этапов развития социологии труда, в которой рассматриваются различные аспекты профессиональных династий. Речь идет в первую очередь о советском опыте изучения данной предметной области, сложностях в изучении профессиональных династий в годы трансформаций российского общества и новых тенденциях изменения рынка труда и всей социально-трудовой сферы, актуализирующих исследовательский интерес к изучению профессиональных династий с точки зрения их конструктивного и деструктивного влияния на формирование модели трудового поведения индивидов и выстраивание ими траекторий их профессионального саморазвития.

Ключевые слова: профессиональные династии, труд, социология труда, теоретическая рефлексия, исследовательские подходы.

Конструирование труда как объекта отечественного социологического исследования произошло в 20-е годы прошлого столетия, во многом благодаря созданию прикладной социологии труда усилиями таких социально-экономических мыслителей как А. К. Гастева, П. М. Керженцева и С. Г. Струмилина (Тощенко, Цветкова, 2012). Появившиеся в те годы исследования в области социальных проблем труда были нацелены на изучение таких исследовательских вопросов как социальная диагностика трудового коллектива, проблемы управления и контроля. Также большое внимание первых исследователей, работающих в данной отрасли социологии, было приковано к изучению заводов, фабрик, предприятий как особых систем социальных отношений (Витке, 1925). Сложившийся в советской науке исследовательский подход к изучению сферы труда не только через систему физиологических и экономических показателей, но и в большей степени благодаря использованию социологических индикаторов, позволяющих рассматривать организацию труда как социальный процесс, позволил профессиональным династиям стать одним из главных предметов прикладных научно-практических исследований, выполненных в рамках социологии труда.

Советские исследователи, занимающиеся изучением профессиональных династий, рассматривали такие важные вопросы как социально-классовая преемственность (Павлов, 1984), передача социалистических трудовых традиций младшему поколению (Шумейко, 1984), влияние явления рабочих династий на формирование активной жизненной позиции молодых рабочих (Сосунова, 1984), а также рассмотрение самих трудовых династий как носителей традиций рабочего класса (Гарфутдинов, 1978).

Отдельное внимание было также сосредоточено на рабочей семье и ее функциях социально-профессиональной ориентации молодежи (Михура, 1984). Исследовательский интерес был сконцентрирован на изучении трудовых династий как фактора формирования профессиональных интересов и намерений учащихся, также активно рассматривался и институт наставничества (Громов, 1977).

Накопленный исследовательский опыт по данному вопросу позволяет подтвердить тезис о существовании в советском обществе потомственного пролетариата, характеризующегося отношением к труду как высшей ценности, определенным стилем жизни, коммунистическими взглядами, верностью патриотическим и партийным идеалам.

Отбросив идеологический компонент результатов исследования, важно подчеркнуть, что эмпирические и теоретические данные, накопленные в годы советского этапа развития социологии труда, демонстрируют сильное влияние профессиональных династий на формирование ценностных установок индивида и его трудовое поведение в профессиональной среде. При этом помимо позитивного влияния профессиональных династий на развитие социально-трудовой сферы нельзя не обозначить выявленные учебными также и негативные проявления использования соответствующего ресурса профессиональных династий, проявляющегося в узурпации высококвалифицированных рабочих позиций и сокращению возможностей индивидов, не аккумулированных в профессиональные династии, к восходящей мобильности.

Трансформационные изменения, характерные для российского общества в 90-е годы прошлого столетия, привели к изменению всей социально-трудовой структуры общества, изменили механизмы воспроизводства социально-профессиональных групп, и как следствие сократили количество научно-исследовательских работ по изучению данной предметной области.

В настоящее время можно говорить о возобновлении исследовательского интереса к изучению профессиональных династий. Большой вклад в изучение формирования и функционирования инженерных профессиональных династий в контексте исторических изменений российского общества внесли результаты, полученные научно-исследовательским коллективом проекта РГНФ №15-03-00666 «Инженерные династии в России» (Инженерные династии России, 2017). Также в научной литературе эпизодически появляются социологические работы, изучающие отдельные аспекты профессиональных династий, представляющих различные профессиональные группы. В центре внимания социологов также оказываются такие вопросы как рассмотрение трудовых династий с точки зрения истории и современности (Ткач, 2008). Но все же, не смотря на име-

ющиеся работы, на данный момент нельзя говорить о наличии в отечественной социологической мысли системного научно-практического знания по данному вопросу. Так как для большинства этих исследований характерна некоторая дисциплинарная фрагментарность.

При этом вызов, который бросают социальным наукам, сложность современной сферы труда и снижение эффективности экономических механизмов стимулирования трудовой активности, предполагает поиск новых исследовательских ракурсов и методологических конструкторов изучения нематериальных факторов, влияющих на модель трудового поведения индивидов, одним из которых по праву является профессиональная династия.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320.

Литература

Витке Н. А. Организация управления и индустриальное развитие. М., 1925.

Гарфутдинов Х. Роль традиций советского рабочего класса в воспитании молодого поколения // Вестник Московского университета. 1978. Т. 1. С. 45–52.

Громов И. А. Наставничество в производственных коллективах [Текст]: (формы и методы работы) / И. А. Громов, Н. Р. Ерошина ; О-во «Знание» РСФСР. Ленингр. организация. – Л. : О-во «Знание» РСФСР. Ленингр. организация, 1977.

Инженерные династии России: монография / науч. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС, 2017. *Михура Т. П.* Семья как фактор социально-профессиональной ориентации сельской молодежи: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.02. – Алма-Ата, 1984. – 187 с.

Павлов Б. С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых. Монография. / отв. ред. Л. Н. Коган. Москва.: «Издательство «Наука», 1984.

Сосунова И. А. Роль социалистических традиций в формировании активной жизненной позиции молодежи (опыт социологического исследования) : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.09. – Москва, 1984.

Ткач О. А. Рабочая династия: воспроизводство и трансформация советского института в контексте современной промышленной корпорации // Российский научный журнал. 2007. № 1 (1). С. 152–158.

Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Социология труда. Учебник для вузов. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012, – 464 с.

Шумейко А. А. Формирование общественно значимых мотивов выбора рабочих профессий у старшеклассников : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01. Москва, 1984. – 262 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУДУЩЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЯДОВА)

Секция

10

**ГАУГН-сессия:
Преподаватели,
выпускники
и студенты
социологического
факультета
об образовании
и профессии**

Руководители секции: Епихина Ю. Б., Черныш М. Ф.

Ученый секретарь: Чиркова А. В.

М. М. Дмитриева

Типология студентов-социологов Московского государственного лингвистического университета

Дмитриева
Мария Михайловна

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.

E-mail: mariadmitrieva.mslu@gmail.com

Аннотация. В работе содержатся результаты исследования основных жизненных ценностей студентов – социологов Московского государственного лингвистического университета. База исследования – ежегодное онлайн-анкетирование студентов университета, проводимое Социологической лабораторией МГЛУ. Было опрошено 1765 студентов. Объем выборки составил 33,9% от общего числа обучающихся в университете. Студенты – социологи, основной объект исследования, представлены внушительней – 137 человек (82% – от общего числа обучающихся социологов в МГЛУ). Выборка репрезентативна с относительной ошибкой 1,9% (при $\gamma=0,95$). В работе анализируются результаты, полученные по Ценностному Опроснику Ш. Шварца. На основе результатов кластерного анализа построена типология студентов – социологов. Проведено сравнение характеристик базовых ценностей социологов и остальных студентов МГЛУ, российской молодежи и молодежи 23 зарубежных стран.

Ключевые слова: молодежь, студенты МГЛУ, типология, потребности, профиль личности.

Введение

Выбор будущей профессии молодыми людьми обуславливается многими факторами. Наряду с желанием следовать призванию, возможны также престижность, семейные установки, религиозные традиции, локальная доступность, соответствие результатов ЕГЭ порогу бюджетных мест и др. Тем не менее, представляется возможным, обрабатывая данные большого массива студентов, выявить взаимосвязь будущей профессии и шкалы основных жизненных ценностей студентов.

В данной работе представлены результаты ежегодного онлайн-анкетирования студентов Московского государственного лингвистического университета. Анализируется блок вопросов о их жизненных ценностях – Ценностный Опросник Ш. Шварца – (Schwartz 1992), выявляются различия между социологами и остальными студентами, обучающихся по 23 различным направлениям подготовки в МГЛУ. Пользуясь данными восьмой волны EES (European Social Survey)¹, также к сравнению добавляются данные ценностных ориентаций молодежи 23 зарубежных стран. На основе выявленных с помощью кластерного анализа групп, была построена типология студентов-социологов. Обнаруженные различия получили объяснения.

¹ ESS Data [сайт]: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/>.

Проведение исследования

Сбор данных проходил среди студентов МГЛУ в виде онлайн-анкетирования, состоящего из двух частей. Первая часть представляла собой вариант Ценностного Опросника Ш. Шварца. Вторая часть содержала вопросы по оценке респондентами различных жизненных ценностей.

Ценности по Ш. Шварцу – «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества. В основе опросника Ш. Шварца лежит теория, согласно которой все ценности делятся на социальные и индивидуальные (Rokeach 1973).

При проведении опроса студенты оценивали различные высказывания по 5-балльной, где 1 – «Совсем не похоже на меня», 5 – «Очень похоже на меня». Далее проводилась расшифровка высказываний «профиля личности» по Ш. Шварцу. В результате жизненные ценности каждого респондента описывались оценками по 10 направлениям: Безопасность, Власть, Гедонизм, Доброта, Достижения, Конформность, Самостоятельность, Стимуляция, Традиции, Универсализм.

Во второй части исследования респондентам предлагалось оценить важность для таких ценностей как: Досуг, Друзья, Политика, Работа, Религия, Семья. Использовалась 5-балльная шкала оценок, где 1 – «Совсем неважно», 5 «Очень важно».

Всего в опросе приняло участие 1765 студентов, обучающихся по 23 различным направлениям подготовки в МГЛУ. Объем полученной выборки составил 33,9% от общего числа обучающихся в университете. Выборка является репрезентативной с относительной ошибкой 1,9% (при доверительной вероятности $\gamma=0,95$). Студенты-социологи, как основной объект исследования, представлены более внушительно – 137 человек (82% – от общего числа обучающихся социологов в МГЛУ).

Для выявления отличий в шкалах жизненных ценностей был проведен кластерный анализ отдельно по первой (модель Ш. Шварца) и второй части онлайн-анкетирования.

Данные, полученные с помощью модели Ш. Шварца образовали четыре кластера: «Бюргеры» (20%), «Серые мыши» (24%), «Эгоцентристы» (26%) и «Альтруисты» (30%).

Бюргеры – для них очень важно помогать и заботиться об окружающих людях; им важно жить в безопасном окружении; любят баловать себя и хотят быть богатыми; не любят рисковать.

Серые мыши – им важно жить в безопасном окружении; твердо верят, что люди должны беречь природу; стараются не совершать поступков, которые другие люди могли осудить; неохотно себя балуют.

Эгоцентристы – они ищут приключений, им хочет жить полной событиями жизнью; ценят традиции; для них важно всегда вести себя правильно; считают, что абсолютно не важно помогать окружающим людям.

Альтруисты – ценят традиции; для них очень важно помогать и заботиться об окружающих людях; хотят жить полной событиями жизнью; считают, что абсолютно не важно быть богатым.

В таблице 1 представлена зависимость распределения долей кластеров от курса обучения. Следует отметить некоторые интересные факты. Например, доля «Серых мышей» уменьшается с 31% на 1–2 курсах до 23%

на 3–4 курсах бакалавриата. А в магистратуру «Серых мышей» просто не берут. Значительно растет число альтруистов на 3–4 курсе бакалавриата. Но альтруизм никак не влияет на поступление в магистратуру – доля 3–4 курсов бакалавриата примерно равна соответствующей для магистратуры. Различия статистически значимы при 95% доверительной вероятности.

Таблица 1

Распределение студентов-социологов по выявленным кластерам в зависимости от курса обучения (Типология №1), %

Кластеры	Курс обучения			Всего
	1,2 курс бакалавриата	3,4 курс бакалавриата	1,2 курс магистратуры	
Бюргеры	24	12	29	20
Серые мыши	31	23	-	24
Эгоцентристы	28	23	29	26
Альтруисты	17	42	41	31
Всего	100	100	100	100

Данные второй части опроса также подверглись кластерному анализу. Были сформированы 4 кластера, с условными названиями «Нормальные ребята» (38%), «Офисный планктон» (33%), «Карьеристы» (23%) и «Ортодоксы» (6%). «Нормальные ребята» имеют приоритетами семью, работу и в меру религии; «Офисный планктон» – слабо выраженный интерес к работе; «Карьеристы» – это политика и работа; «Ортодоксы» – лидеры в религии и политике.

Несмотря на обучение в передовом прогрессивном московском университете, количество «Ортодоксов» на старших курсах бакалавриата увеличивается. Однако путь в магистратуру им закрыт. Отсеивается также офисный планктон от 38% доли на 3–4 курсах бакалавриата в магистратуре остается только 18%. Можно уверенно прогнозировать, что «Карьеристы» и «Нормальные ребята» при поступлении в магистратуру сложностей испытывать не будут. Различия статистически значимы при 95% доверительной вероятности (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение студентов-социологов по выявленным кластерам в зависимости от курса обучения (Типология №2), %

Кластеры	Курс обучения			Всего
	1,2 курс бакалавриата	3,4 курс бакалавриата	1,2 курс магистратуры	
Ортодоксы	2	13	-	6
Карьеристы	28	15	29	23
Офисный планктон	33	38	18	33
Нормальные ребята	38	33	53	38
Всего	100	100	100	100

В завершение анализа данных опроса была построена таблица сопряженности выявленных ранее типологий.

Таблица 3

Сопряженность выявленных кластеров Типологии №1 и Типологии №2, %

Типология №2	Типология №1				Всего
	Бургеры	Серые мыши	Эгоцентристы	Альтруисты	
Ортодоксы	4	5	3	14	6
Карьеристы	7	27	36	17	23
Офисный планктон	50	27	39	1	33
Нормальные ребята	39	41	21	52	38
Всего	100	100	100	100	100

Интересно отметить некоторые, весьма логичные, пересечения. «Бургеры», например, наполовину состоят из «Офисного планктона». «Эгоцентристы» формируются, в основном, «Карьеристами» и тем же «Планктоном». А «Нормальные ребята», как правило, являются также «Альтруистами». Различия статистически значимы при 95% доверительной вероятности.

Резюмируя, можно отметить, что, анализируя данные и первой и второй части онлайн-анкетирования, удалось получить интересные результаты. Были построены две типологии, которые, находясь в разных «фазовых» пространствах, тем не менее продемонстрировали сходные паттерны.

Социологи МГЛУ, молодежь России и Европы

Имеются предположения, что шкалы жизненных ценностей могут быть разными у групп людей разных профессий. Мы не будем определять причины различий, «место красит человека или человек место». Для начала будет достаточно просто зафиксировать сам факт.

Для сравнения различий в шкале жизненных ценностей мы имеем данные по 10 направлениям Ценностного Опросника Ш. Шварца, полученные в ходе проведения опроса студентов МГЛУ. Также имеются данные восьмой волны EES (European Social Survey), ценностных ориентаций молодежи 23 зарубежных стран.

Наибольшее отличие студентов-социологов от студентов других направлений подготовки МГЛУ наблюдается в категории «Гедонизм» (*наслаждение или чувственное удовольствие наслаждение жизнью*). Также социологи превосходят других студентов в «Достижениях» (*личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами*), «Самостоятельности» и «Безопасности» (*безопасность для других людей и себя, гармония, стабильность общества и взаимоотношений*).

В то же время, социологи значительно уступают в «Универсализме» (*понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы*) и «Стимуляции» (*потребность в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности*).

Молодежь России значительно опережает социологов МГЛУ в категориях «Традиции», «Конформность» (*сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям*) и «Власть» (*достижение социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами*). Также у российской молодежи значительно меньше «Доброты», «Достижений» и «Самостоятельности».

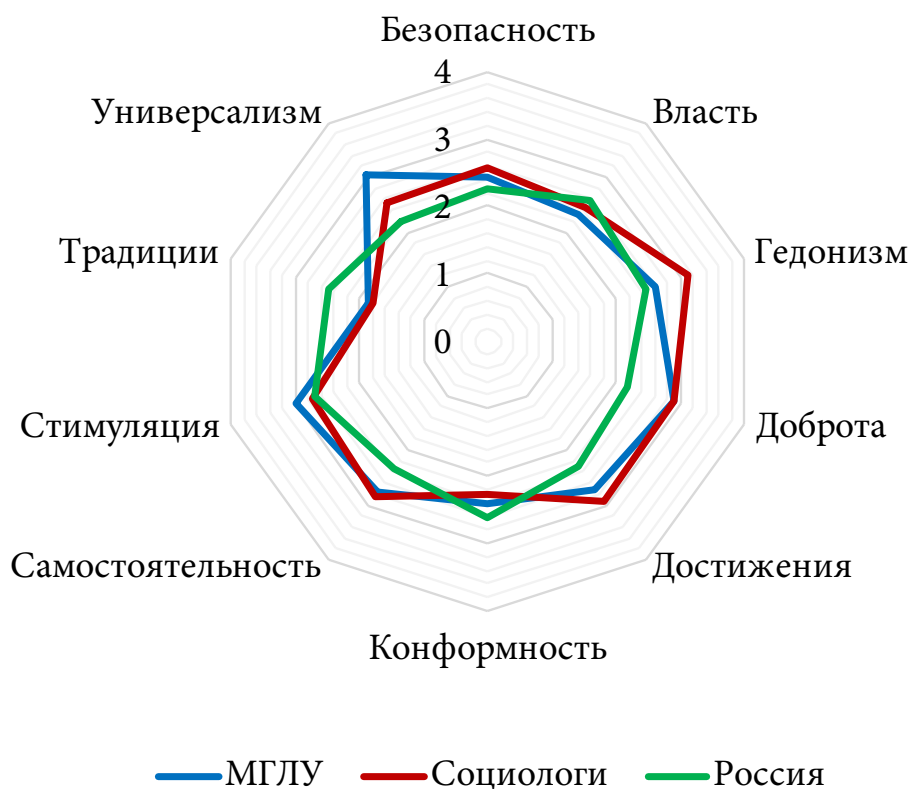

Рис. 1. Сравнительный анализ профилей личности студентов-социологов, студентов МГЛУ, молодежи России

Корреляционный анализ не выявил значительных особенностей в восприятии мира молодежью различных стран в сравнении с социологами МГЛУ.

Для интегрального сравнения шкал жизненных ценностей молодежи различных стран с социологами МГЛУ использовался Q-критерий Розенбаума. Данные по каждой категории ранжировались. Далее для каждой страны считалась удаленность от места в списке социологов МГЛУ. После этого показатели по каждой категории складывались.

Таким образом, страны с наименьшим суммарным показателем занимали соседние с социологами МГЛУ места в списках по категориям. Соответственно, страны с большими суммарными показателями больше всех отличаются от социологов МГЛУ (см. таблицу 4).

Как и предполагалось, наиболее похожие шкалы жизненных ценностей оказались у студентов МГЛУ и российской молодежи. Следующие 4 места – это страны бывшего СССР и социалистического лагеря. Испанская молодежь менее всех похожа на социологов МГЛУ.

Таблица 4

**Распределение общего профиля личности (по Ш. Шварцу)
молодежи европейских стран от студентов-социологов МГЛУ**

№	Страна	Удаленность, среднее место от студентов-социологов МГЛУ
	Социологи МГЛУ	0
0	Студенты МГЛУ	3
1	Россия	8
2	Литва	8
3	Эстония	9
4	Чехия	9
5	Польша	9
6	Норвегия	10
7	Франция	10
8	Бельгия	10
9	Великобритания	11
10	Ирландия	11
11	Италия	11
12	Нидерланды	11
13	Исландия	12
14	Финляндия	12
15	Австрия	12
16	Швейцария	12
17	Германия	12
18	Венгрия	13
19	Израиль	13
20	Португалия	14
21	Швеция	14
22	Словения	14
23	Испания	15

Заключение

В результате проведенного исследования создана типология студентов-социологов МГЛУ. Была прослежена динамика типов студентов в зависимости от курса обучения. Выявлены отличия в шкале основных жизненных ценностей от остальных студентов МГЛУ. Используя дополнительные данные по разным зарубежным странам, проведен сравнительный анализ мироощущения социологов и молодежи России и европейских стран.

На основе проделанной работы можно сделать вывод, что студенты-социологи Московского государственного лингвистического университета являются активной, позитивной, передовой группой молодежи России и Европы,двигающейся в сторону прогресса и общечеловеческих ценностей. В своей профессиональной деятельности и в быту, они способны повышать общий культурный уровень жителей России и увлекать их в путь к цивилизованному обществу.

Литература

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.

Rokeach M. The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / Ed by M. Zanna. N.Y.: Academic Press, 1992. P. 1–65.

Т. Л. Маркова

Трансформация модели взаимодействия преподавателя и студента в условиях современного дистанционного образования

Маркова
Татьяна Леонидовна

Кандидат социологических наук,

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: tmark@mail.ru

Аннотация. Проблема социального взаимодействия преподавателя и студента в системе высшей школы всегда находилась в фокусе внимания исследователей. Современный информационно-коммуникационные технологии позволяют значительно расширить спектр используемых форм взаимодействия. В данных условиях актуализируется проблема значимости взаимодействия ключевых социальных акторов в системе дистанционного обучения. Анализ работ современных иностранных авторов показывает, что несмотря на высокую ценность взаимодействия преподаватель-студент, в дистанционном образовании студенты в большей степени ориентированы на взаимодействие друг с другом (студент-студент) и самостоятельное изучение материала (студент-контент). В то же время, выбор типов взаимодействия зависит не только от формы обучения (очная, дистанционная, смешанная), но и от других факторов.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, модель социального взаимодействия, виртуальная образовательная среда, дистанционное обучение, ИКТ.

Проблема социального взаимодействия преподавателя и студента в системе высшей школы всегда находилась в фокусе внимания исследователей. Значимость социального взаимодействия заключается в том, что оно является одной из самых распространенных форм отношений между субъектом и объектом деятельности и выступает как проявление социальных связей и отношений между людьми (группами людей).

Чем обусловлен интерес исследователей к проблеме социального взаимодействия? Основная причина заключается в том, что многочисленные исследования убедительно демонстрируют непосредственное влияние эффективного взаимодействия на удовлетворенность преподавателей и студентов результатами обучения, мотивацию студентов, стремление получать глубокие знания, настойчивость в достижении образовательных целей. И, напротив, неэффективное взаимодействие становится одной из основных причин, почему студенты отчисляются из университета, так и не завершив обучение в вузе.

В эпоху информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) ценность социального взаимодействия в системе высшей школы приобретает особую актуальность. В научной литературе можно обнаружить различ-

ные подходы к оценке влияния ИКТ на эффективность социального взаимодействия. С одной стороны, считается, что виртуальная образовательная среда, в отличие от традиционной, предлагает широкое разнообразие форм взаимодействия в рамках учебного процесса. При этом ИКТ предоставляют неограниченные возможности для взаимодействия преподавателя со студентами и студентов между собой, что делает их привлекательным инструментом образовательного процесса в современной высшей школе. С другой стороны, отмечается, что ИКТ сами по себе не могут гарантировать качество результатов обучения и удовлетворенность студентов образовательным процессом. Важно грамотно интегрировать различные форматы взаимодействия, включая ИКТ-опосредованное взаимодействие, в образовательный процесс.

С этой точки зрения особый интерес представляют научные труды северо-американских авторов, исследующих проблематику трансформации модели социального взаимодействия в высшей школе (М. Мур, Т. Андерсон, Р. Гаррисон и др.). Этот интерес обусловлен тем, что в северо-американской системе высшей школы накоплен богатый опыт использования ИКТ в рамках открытого, дистанционного и смешанного обучения. Канадский исследователь М. Мур (1989) утверждал, что физическая удаленность преподавателя и студента в системе дистанционного обучения, например, может привести к нарушению коммуникации и взаимопонимания между преподавателем и студентом (Moore 1989). Поэтому эффективность преподавания и обучения в современном вузе зависит от качества взаимодействия и использования новых технологий для расширения форматов взаимодействия. По мнению М. Мур, для эффективного онлайн образования необходимо интегрировать в образовательный процесс три типа взаимодействия: студент – контент, студент-студент и студент-преподаватель. При этом, высоко оценивая интерактивный потенциал ИКТ для организации дистанционного взаимодействия в режиме студент-контент и студент-студент, М. Мур был убежден, что именно эффективное взаимодействие в формате преподаватель – студент является характерной особенностью онлайн образования (в отличие от практики самообразования). Теория М. Мур о трех типах взаимодействия стала отправной точкой для дальнейшего исследования проблематики взаимодействия в системе ИКТ-опосредованного обучения.

В 2003 г. американский исследователь Т. Андерсон сформулировал теорему эквивалентности взаимодействия (Interaction equivalency theorem) для оценки влияния каждого из трех типов взаимодействия на итоговые образовательные достижения студентов и их отношение к обучению в вузе (Anderson 2003). Основополагающий тезис данной теоремы заключается в том, что для обеспечения качества дистанционного обучения достаточно гарантировать, чтобы один из типов взаимодействия был на высоком уровне, причем другие два формата могут поддерживаться на минимальном уровне или полностью отсутствовать. Другими словами, качество обучения может быть обеспечено даже если отсутствует взаимодействие в режиме преподаватель-студент. Данный тезис, на наш взгляд, имеет противоречивый характер, т. к., с одной стороны, показывает интеракционный потенциал ИКТ для выстраивания взаимодействия в режиме студент-контент и студент-

студент, с другой стороны, нивелирует значимость взаимодействия преподавателя со студентами, которое всегда считалось гарантом эффективности обучения и главной ценностью высшего образования. Тем не менее, идеи Т. Андерсон находят подтверждение в работах других авторов (Byers 2010), которые отмечают, что эффективность обучения напрямую связана с использованием взаимодействия в режиме студент – контент в сочетании с режимом студент-студент или студент – преподаватель. При этом, использование сочетания режимов взаимодействия преподаватель-студент и студент-студент меньше всего влияет на удовлетворенность студентов процессом обучения и их отношение к дистанционному обучению в целом. В одном из недавних исследований, студентов попросили проранжировать значимость различных типов взаимодействия в рамках дистанционного образовательного процесса и они поставили на первое место взаимодействие в режиме студент-контент, за которым следует взаимодействие в режиме студент-студент и студент-преподаватель (Miyazoe, Anderson 2010).

Можно выделить основные причины, почему определенные типы взаимодействия приобретают большую значимость в условиях дистанционного обучения. Во-первых, такая ситуация вполне объяснима с точки зрения соотношения доли преподавателя к студентам, которая в некоторых зарубежных вузах, ориентированных на дистанционное обучение, достигает 1:100. В этих условиях трудно организовать эффективное взаимодействие преподавателя со студентами. Это могут себе позволить только престижные вузы (Guri-Rosenblit 2006) как, например, Стэнфордский университет, где соотношение преподавателя к студентам составляет 1:8,2. Во-вторых, с экономической точки зрения, взаимодействие преподавателя со студентом требует временных и финансовых затрат, что противоречит политики вузов, направленной на максимальную оптимизацию издержек. Увеличение доли взаимодействия в режиме преподаватель-студент также ведет к росту стоимости обучения.

Литература

Anderson T. Modes of interaction in distance education: Recent developments and research questions // Handbook of distance education. 2003. С. 129–144.

Byers A. S. Examining Learner-Content Interaction Importance and Efficacy in Online, Self-Directed Electronic Professional Development in Science for Elementary Educators in Grades Three to Six : дис. – Virginia Tech, 2010.

Guri-Rosenblit S. Eight paradoxes in the implementation process of e-learning in higher education // Distances et savoirs. 2006. Т. 4. №2. С. 155–179.

Miyazoe T., Anderson T. The Interaction Equivalency Theorem // Journal of Interactive Online Learning. 2010. Т. 9. №2.

Moore M. Three types of interaction; The American Journal of Distance Education. 1989. Т. 3. №2. С. 1–7.

Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова

Проблемная образовательная общность в условиях трансформации высшей школы¹

**Зборовский
Гарольд Ефимович**

Доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

**Амбарова
Полина Анатольевна**

Доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: borges75@mail.ru

Аннотация. Рассматривается одна из актуальных проблем отечественного высшего образования – рост образовательной общности неуспешных студентов вузов. Проблемные студенты характеризуются низким уровнем образовательной мотивации и отсутствием готовности к обучению в вузе с точки зрения знаний и навыков. Образовательная неуспешность проблемных студентов конвертируется в последующем в их неуспешность в профессиональной и трудовой деятельности. Несмотря на остроту проблемы, в вузах отсутствуют системные подходы и практики работы с неуспевающими и демотивированными студентами. В ответ на имитационные образовательные стратегии проблемных образовательных общностей преподаватели и управленцы вырабатывают не менее изоощренные имитационные стратегии, позволяющие демонстрировать учебную и академическую «эффективность» образовательных организаций.

Ключевые слова: высшее образование, образовательная мотивация, готовность к обучению, неуспешное студенчество, дисфункциональность образования, трансформация высшего образования.

Одна из основных проблем отечественного высшего образования – наличие в нем значительной части неуспешного студенчества. Под неуспешными (проблемными) студентами мы понимаем тех из них, которые характеризуются низким уровнем мотивации на реальную образовательную деятельность и отсутствием готовности к ней с точки зрения наличия знаний и навыков работы.

Актуализация этой проблемы определяется тем, что, вопреки ожиданиям повышения качества человеческого капитала образовательной общности студенчества в результате реформирования отечественной системы выс-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07-16.

шего образования, мы наблюдаем усиление тревожных тенденций в этой сфере. Во-первых, происходит заметное увеличение доли неуспевающих или слабо успевающих студентов. По данным исследований, она составляет более 30%. Растет число вузов, имеющих статус неэффективных именно по критерию успеваемости обучающихся. Во-вторых, у представителей студенческой образовательной общности отчетливо проявляются деформации образовательной мотивации. Они приводят к снижению образовательной активности студентов и уровня их учебных достижений, к появлению имитационных образовательных стратегий и образовательных симулякров. В-третьих, резко снижаются возможности успешной реализации человеческого капитала выпускников высших учебных заведений в сфере труда вследствие размытости у них профессиональных ориентаций, отсутствия четкого видения способов профессионального самоопределения, выраженного стремления к социальной достижительности. По данным исследований, проведенных в НИУ ВШЭ, снижение успешности образовательных общностей в два раза соответствует на 10-летнем горизонте росту ВВП страны на 2%, на 20-летнем – на 5–6%, а на 30-летнем – свыше 10%.

Опасным симптомом дисфункциональности отечественного высшего образования является тот факт, что оно почти не реагирует конструктивным образом на проявление и усиление указанных выше негативных тенденций. Отсутствуют системные подходы и практики работы с неуспевающими и демотивированными студентами. В ответ на имитационные образовательные стратегии проблемных образовательных общностей преподаватели и управленцы вырабатывают не менее изощренные имитационные стратегии, позволяющие демонстрировать учебную и академическую «эффективность» образовательных организаций. Институциональные разрывы между высшим образованием и рынком труда по-прежнему остаются глубокими и с трудом поддаются преодолению. Данная критическая ситуация характерна для всей системы российского высшего образования, но особенно остро и неприглядно она проявляется в образовательном пространстве российской провинции.

Наши многолетние исследования показали, что среди студенчества можно выделить, используя два критерия (сформированность образовательной мотивации и готовность к обучению в вузе), четыре типологические группы. К первому типу студентов, которые хотят и могут учиться, относится не более 15%. Вторая типологическая группа – те, кто хочет, но не может учиться – включает около 40% студентов. Третья группа студентов, которые могут, но не хотят учиться, охватывает 30%. Самая проблемная, четвертая типологическая группа – те, кто не хочет и не может учиться, – насчитывает 15% студентов. Отметим, что третья и четвертая группы составляют в совокупности почти половину вузовского студенчества. А из четырех образовательных групп студентов только первая полностью соответствует сформулированным двум критериям, остальные три оказываются в большей или меньшей степени проблемными.

Их неуспешность имеет свои корни и в дошкольном и школьном образовании, и в семье. Однако анализ трансфера этой неуспешности образовательных общностей учащихся от школы к колледжу и вузу является предметом специального исследования. Здесь же мы рассматриваем только высшее образование как сферу ее проявления.

У многих молодых людей, приходящих учиться в вуз со слабой образовательной мотивацией, невыраженной профессиональной ориентацией и низким уровнем готовности к освоению знаний, навыков и компетенций, эта неуспешность продолжает усугубляться, конвертируясь в последующем в неуспешность работника. Идеология (менталитет) троечника становится зачастую менталитетом взрослого человека на долгое время, если не на всю жизнь.

В этой связи для нас очевидно, что проблема неуспешных образовательных общностей должна стать основной в системе образования – как общего, так и профессионального (среднего и высшего). С ними нужно работать в первую очередь, создавая для этого специальные социальные (в том числе психологические, педагогические, профессиональные) технологии.

Вместо этого мы видим, что в обществе центральной проблемой становится повышенный интерес к продвинутым и успешным молодым людям и образовательным общностям. На них расходуются значительные ресурсы, которые осваиваются в России, а реализуются за рубежом, куда многие получившие качественное образование и хорошую профессиональную подготовку в стране стремятся уехать.

Мы полагаем, что трансформация российской высшей школы, осуществляемая в ХХI в., должна включать в себя, в качестве одного из направлений, преодоление состояния неуспешности основных образовательных общностей в вузе, прежде всего, студенчества. Предпосылки к этому есть. Это, во-первых, среда, которая в определенных обстоятельствах может позитивно влиять на студентов (но такую среду нужно специально формировать). Во-вторых, это научно-педагогическое сообщество, взаимодействующее со студенчеством как на общностном, так и личностном уровнях. В-третьих, это «взросление» самих студентов, способных меняться, повышать степень осознанности принимаемых решений, овладевать более высоким уровнем человеческого капитала, чем имеющийся у них.

По нашему мнению, трансформация высшего образования – это, прежде всего, трансформация образовательных общностей, особенно проблемных. Это превращение их из неуспешных, немотивированных, не ориентированных на профессиональное самоопределение, активную деятельность (образовательную, научно-исследовательскую, производственно-трудовую) в аналогичные характеристики со знаком «плюс». Это формирование и развитие их человеческого капитала.

А. В. Чиркова

О профессиональном самоопределении студентов-социологов

**Чиркова
Анна Владиславовна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН;

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.

E-mail: chircovaanna@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы профессионального самоопределения абитуриентов и студентов социологических факультетов. Особое внимание уделяется навыкам работы со статистическими методами исследования, а также представлениям абитуриентов о социологии и их мотивам поступления на социологические факультеты. Подчеркивается необходимость школьных дисциплин по профессиональному самоопределению.

Ключевые слова: статистические методы исследования, абитуриенты, студенты-социологи, профессиональное самоопределение.

Любой социолог так или иначе сталкивается со *статистическими методами исследования*. Те, кто занимается исследованием данных, должны свободно владеть языком статистики. Но и тем, кто не занимается непосредственно расчетами, не использует различные программы статистического анализа данных, а – например – работает в рамках качественной методологии, необходимо иметь представление о применении статистических методов в социологии. Иначе возникнут сложности при чтении профессиональной литературы и исследовательских отчетов, с которыми имеет дело любой социолог вне зависимости от его методологических ориентаций.

У нас были преподаватели, которые позиционировали себя как социологи, но прямо говорили, что с математикой у них плохо. И при этом были прекрасными специалистами. Так что я видела: можно заниматься социологией, совсем не разбираясь в математике. Конечно, с определенными ограничениями. Но мне, как студентке Социологического факультета, всегда хотелось, чтобы как можно больше моих одноклассников любили математику, чтобы их не пугали такие дисциплины в расписании, как вышмат, теория вероятностей, математическая статистика, прикладная статистика и т. д. В любом случае, если студент-социолог имеет некоторые знания (а лучше – хорошие знания) в области математики, ему это только в плюс. Если же таких знаний нет, могут возникнуть проблемы, начиная от сложностей в работе по специальности и вплоть до отчисления из вуза.

Хотелось бы также сказать пару слов об *абитуриентах* социологических факультетов. Абитуриенты, *во-первых*, часто не готовы сделать один из самых важных выборов в жизни – профессиональный. Это к вопросу

о воспитании в семье и школе. В школах стоит уделять внимание дисциплинам по *профессиональному самоопределению*, причем не только в старших классах, а чуть ли не с первого класса. Тогда, возможно, будет меньше тех, кто не доволен своим профессиональным выбором. Можно найти множество иллюстраций, например:

«Мне 30 лет, замужем, работаю. Но я до сих пор думаю, кем хочу стать по-настоящему, чтобы на работу как на праздник идти, и пусть она не будет приносить большие деньги. Смотрю вокруг и понимаю, что таких, как я, миллионы». #Подслушано_наблюдения@overhear

«Вряд ли есть человек, который ненавидит свою работу больше, чем я. Каждое утро встаю на полчаса раньше, умываюсь, завтракаю... Сажусь и плачу. Просто реву оттого, как мне противно идти туда. Затем снова умываюсь, крашусь, смотрю в интернете вакансии и иду на работу. Родственники уже привыкли». #Подслушано_работа@overhear

И позитивные примеры:

«Недавно на просторах сети я наткнулась на пост с вопросом: “Если бы вы могли выбрать любую работу, если бы могли заняться чем угодно, что бы вы выбрали?”. Поразмыв, я поняла, что всей душой люблю свою профессию. Даже при всем богатстве выбора – я продолжила бы развиваться во многих направлениях, но все-таки занималась бы тем же, чем занимаюсь сейчас. И, оказывается, это делает меня очень счастливой!». #Подслушано_работа@overhear

«Наконец нашла работу мечты в 27 лет. Может, это только первые два месяца так кажется, но никогда не была так счастлива. Потрясающий коллектив, интересная работа, идти от дома пять минут, платят хорошо. Атмосфера в офисе – не описать словами. У меня получается блестяще, еще на обучении блистала. Работа сложная, такой еще не было, но я справляюсь. Иногда устаю, но даже это приятно. Впервые в жизни я жду с нетерпением конца выходных. И сразу все в жизни заиграло новыми красками. Это так важно, я счастлива». #Подслушано_счастье@overhear

Вторая проблема, связанная с абитуриентами – они не знают (многие из них), что такое социология. Это не только мое мнение. Я помню свой первый день в ГАУГН, когда для моих одноклассников, студентов-социологов, было нормой спросить: «Что такое социология?». Далеким от социологии людям мало известно о социологии. Человек, пристающий к прохожим с анкетами, сотрудник, сидящий на телефоне, социальный работник, ... – с кем только не путают профессионального социолога. Я же до 9 класса вообще не рассматривала социологию. Не потому, что социология – это хорошо или плохо. Для меня этот вариант просто не существовал. И только когда я наткнулась на статью о социологии и поняла, что это очень хорошо подходит к моим склонностям, интересам и т. д., тогда я сделала выбор.

Сейчас будет немного неприятная часть. Кто-то поступает на социологические факультеты не потому, что так планировал, а потому, что на другие баллов не хватило. И хорошо, когда такие студенты увлекаются

социологией в процессе обучения и становятся хорошими специалистами – я знаю такие примеры, среди наших преподавателей были такие случаи. Но, естественно, не ко всем студентам это относится. Хорошо также, если студентам удастся найти свое профессиональное место в близких к социологии областях или вообще в любых областях – я верю в то, что социолог может найти применение своим знаниям и навыкам в разных сферах. Но все-таки нужно стремиться к тому, чтобы абитуриенты хотели поступать и поступали на социологические факультеты не случайно.

Научное издание

Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова)

Международная научная конференция
Москва, 28–30 ноября 2019 г.

Сборник материалов

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-89697-316-4

9 785896 973164

Подписано к печати 15.11.2019

Издатель:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Тел.: +7 (499) 125-00-79
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: fnisc@fnisc.ru